
UNIVERSITY OF TORONTO
3 1761 00300209 4

Век

ДОСТОЕВСКИЙ

Vol I tогл...

СТАТЬИ И МАТЕРИАЛЫ

под редакцией А. С. ДОЛИНИНА

II

ИЗДАТЕЛЬСТВО „МЫСЛЬ“
ЛЕНИНГРАД — 1925

Ф. М. ДОСТОЕВСКИЙ

СТАТЬИ И МАТЕРИАЛЫ

ПОД РЕДАКЦИЕЙ
А. С. ДОЛИНИНА

СБОРНИК ВТОРОЙ

ИЗДАТЕЛЬСТВО „МЫСЛЬ“
ЛЕНИНГРАД — 1924 — МОСКВА

Ленинградский Гублит № 170. Тираж 2.000.

Типография Издательства „Мысль“. Ленинград, Фонтанка 96-1.

ОТ РЕДАКТОРА.

В предисловии к первому сборнику о Достоевском мы позволили себе высказать вслух нашу мечту о некоем периодическом издании: „Достоевский и его современники“, которое строилось бы приблизительно по тому же плану, каким мы руководствовались при его составлении.

В известной степени эта мечта наша настоящим, вторым сборником осуществлена: в те бурные эпохи, когда месяцы считаются за годы, для некоторых начинаний годы должны считаться за месяцы; но план его по целому ряду причин—о них говорить здесь не место—отличается довольно резко от плана предшествующего сборника. Отпала почти целиком первая часть, трактовавшая религиозно-философские воззрения Достоевского, и вместе с нею значительно уменьшился и весь отдел исследовательский, уступив свое место главным образом материалам биографического характера и рукописным текстам.

В плоскости чисто историко-литературной ставится вопрос В. М. Энгельгардтом о литературном типе романов Достоевского, и впервые дается ему точное определение, как типу идеологическому. Это шире и вернее, чем определение Вячеслава Иванова: „Роман—трагедия“;—основная система целей у Достоевского безусловно идеологическая. Опубликованные за последнее время наброски к „Бесам“ и „Подростку“, а также письма Достоевского к Ап. Майкову, вполне подтверждают это положение.

Но это не единственная, т. ск., доминанта у Достоевского, второй, б. м. равносильной, является у него установление образов в плоскости преимущественно психологической. Как бы ни были сложны и разнообразны его сюжетные концепции, в них четко обнажается этот второй его стержень,—его упорное постоянство по отношению к определенной, как бы раз навсегда данной, группе образов-видений; еще более упорное—в смысле психической структуры главных, по крайней мере, действующих лиц. С. А. Аскольдов, во второй статье первого отдела, пытается воспроизвести эту цельную, органически-растущую, на протяжении его творчества, систему образов-лиц, циклизуя их вокруг Ставрогина, как лица центрального.

На эти же доминанты, в особенности на первую, ориентируется и В. Л. Комарович в своей работе по композиции романа: „Подросток“. Это работа в известной степени показательная. Концентрическое развитие сюжетов, устремляющихся в своей завершенности к основной об'единяющей идее, их (эти сюжеты) двигающей и обусловливающей—таков, оче-

видно, основной принцип композиции большинства романов у Достоевского, во всяком случае романов второго периода. Замысел „Жития великого грешника", являющийся, как это видно из писем к Ап. Майкову, впервые в том же плане, идеологическом, тянется, через все три последних и крупнейших концепции Достоевского, сильнее всего отражаясь именно в „Подростке".

В аспекте художественных принципов Достоевского рассматривается и публицистическая его деятельность в незаконченной работе покойного В. А. Сидорова о „Дневнике писателя". Насколько нам известно, это первый и пока единственный подход к общественно-политическим писаниям Достоевского, как писаниям чисто художественным, в которых борются между собою идеи не отвлеченные, а идеи-образы,—величественные герои, являющиеся не столько носителями этих идей и даже не воплощением их, а действующими лицами великой общеевропейской исторической драмы. Так приближаются друг к другу оба аспекта творчества Достоевского, как бы синтезируясь в едином типе идеологического романа.

На статье В. А. Сидорова кончается исследовательская часть сборника, второй отдел которого посвящен целиком вопросам биографическим. Пятилетие по возвращении из ссылки—от 1861 до 1866 года—один из самых смутных периодов в жизни Достоевского, у средины же этого периода как раз и начинает обнаруживаться „перерождение его убеждений",—в прелюдии к главным его романам: „Записках из Подполья". У таких сугубо личных писателей, как Достоевский, особенно крутым переменам в области идеологии и художественного творчества почти неминуемо должны соответствовать какие-то очень глубокие потрясения в сфере суб'ективных переживаний. Первая работа в этом втором отделе—биографическом—и пытается, на основании новых неопубликованных материалов, обрисовать как можно конкретнее внутреннюю жизнь Достоевского в это пятилетие, устанавливая связь пережитой им тогда глубоко-личной драмы с основными темами дальнейшего его творчества.

Сюда, в порядке хронологическом, непосредственно примыкают „Воспоминания" Анны Григорьевны, об'емлющие период конца 1866 и начала 1867 года. Как все, что осталось нам от нее в наследие, и эти воспоминания рисуют больше *быт* Достоевского, факты на поверхности его жизни, чем *бывание*, становление его духа. Их ценность в тех нескольких новых штрихах, которые помогают созданию образа его житейского, в оболочке повседневности.

Здесь же, во втором отделе, помещена небольшая работа С. В. Любимова: „К вопросу о генеалогии Достоевского". Работа между прочим вносит некоторые поправки в его же статью, опубликованную в 1-м сб. „Литерат. Мысли"; в роде Достоевских снова намечается разветвление польское.

Третий отдел—переписка Достоевского. За исключением нескольких небольших писем его, здесь главным образом приводятся письма к нему близких лиц: доктора Яковского, Ап. Майкова, пасынка Исаева и др. Среди этих писем особенно ценны письма Майкова. Переписка с ним

была главной, если не единственной, идейной связью Достоевского с Россией в годы его пребывания за границей, и темы и мысли, которые Майков высказывает в своих письмах, не в малой степени действовали на творческую мысль Достоевского. Среди писем Яновского имеется целый ряд писем к Анне Григориевне уже после смерти Достоевского. Для первого Петерб. периода Достоевского, до каторги, они чрезвычайно ценны.

В последнем, четвертом отделе дан вариант „Кроткой" и черновик Пушкинской речи, хранящийся в Публичной Библиотеке. Это две законченные редакции, которые однако резко отличаются от текстов печатных. Среди материалов „Кроткой" приводятся также и первоначальные наброски преимущественно сюжетного характера. Приводятся еще к обоим текстам и поправки стилистические, и многочисленные добавления, приближающие их к тексту окончательному. Подготовившие эти рукописные тексты к печати предпочли воздержаться на этот раз от тех выводов обобщающего характера по отношению к творческой манере Достоевского, которые, б. м., и следовало бы сделать на основании публикуемых материалов. Ожидается в ближайшем будущем обнародование вариантов к крупным произведениям Достоевского, и пока приходится быть особенно сдержанным в выводах.

В семинарии по Достоевскому, нами руководимом [1]), проделана большая работа по истории печатного текста Достоевского. Мы приводим пока здесь, в четвертом отделе, страницы из „Бесов" первого журнального издания, пропущенные Достоевским в последующем прижизненом издании романа. Они находятся в ближайшей органической связи с „Исповедью Ставрогина" и убедительно доказывают органичность ее в концепции романа.

Имеется в настоящем сборнике еще три приложения: цензурная история первых журналов Достоевского, воспоминания об А. Гр. Достоевской и библиография за последние двадцать лет,—с того самого момента, на котором остановился библиографический указатель А. Г. Достоевской,—до 1923 года. Специалисты оценят по заслугам эту многотрудную кропотливую работу Н. А. Соколова, одного из сотрудников Института Книговедения, бывшей книжной палаты, учрежденной покойным учителем нашим, С. А. Венгеровым.

Долгом считаем выразить и здесь, во втором сборнике, глубочайшую благодарность всем тем, кто и на этот раз предоставил в наше распоряжение материалы по биографии и творчеству Достоевского: Д. И. Абрамовичу, В. И. Срезневскому, в особенности — Пушкинскому Дому в лице Б. Л. Модзалевского, которому мы снова обязаны большинством материалов, вошедших в отделы второй, третий и четвертый.

А. С. Долинин.

---

[1]) В Институте Внешкольного Образования над „Бесами" работали: А. П. Быкова, Р. В. Ильиных, А. А. Кокорева и А. Н. Новожилова.

ОТДЕЛ ПЕРВЫЙ

С. АСКОЛЬДОВ

ПСИХОЛОГИЯ ХАРАКТЕРОВ У ДОСТОЕВСКОГО

Психология характеров у Достоевского.

I.

В статье, помещенной в сборнике „Достоевский“, 1922 г., мы уже имели случай высказать ту мысль, что Достоевский был по преимуществу изобразителем „личностей“, а не „характеров“. На таком различии можно, конечно, настаивать только в том случае, если этим терминам, употребляемым обыкновенно слишком неопределенно, дать более четкий психологический смысл. Этот смысл мы и положим в основу дальнейшего изложения, отдав дань привычному словоупотреблению только в заглавии статьи.

Характер и личность мы отличаем по степени выраженности и стойкости индивидуального начала. То, что составляет содержание характера, это нечто по преимуществу воспринятое и усвоенное извне, однако с самостоятельным избранием и комбинированием воспринимаемого. В образовании характеров более творчества воли, чем жизненных оценок. Характер это некоторая сумма общих мест из ходячих жизненных убеждений, привычных чувств и способов поведения. Стойкость характера имеет в своей основе выработанность.

Личность есть целостность сознания, проникнутая наибольшим единством и самостоятельностью. Конечно, общие места и ей присущи. Но индивидуальное, свое, в ней проявляется резче и настойчивее. Эта настойчивость далеко не всегда есть проявление силы воли, вообще духовной работы. Скорее это просто проявление природных неистребимых своеобразий. Однако эти своеобразия наиболее внутренние, духовные. Это своеобразие целого, а не тех или иных отдельных черт. Именно поэтому и самая обычная черта в личности проявляется по особому. Так, например, чувственный и во всяком случае довольно низменный эротизм—черта далеко не редкая. Однако нужно быть Свидригайловым, чтобы выпустить свою жертву тогда, когда она в его полной власти. Личное не столько вырабатывается, сколько даруется, иногда как благодатное, иногда как злое предназначение.

Таковы излюбленные художественные образы Достоевского. Однако в пределах его творчества они не стоят изолированно друг от друга. Напротив, они составляют одну родственную семью, ясно свидетельствующую о том, что они имеют одного духовного отца. Мышкин и Свидригайлов, Версилов и Ф. П. Карамазов,—что похожего в них на первый взгляд? И однако они во многом духовно-родные друг другу именно так, как бывает в семьях, где братья и сестры по преимуществу наследуют то те, то другие свойства отца или матери. Одно и то-же часто маски-

руется в них лишь различием положений и разного рода привходящих обстоятельств. Один из них относится несколько презрительно к людям, смотря на них сверху вниз, другие, как например Ф. П. Карамазов, развивают своеобразное презрение „снизу вверх“. В одном случае искренность, доходящая до чрезмерной душевной обнаженности, имеет постоянный спокойный характер (Мышкин), в другом она перемежается застенчивостью (А. Карамазов), в третьем имеет судорожный прерывистый характер (Подросток).

„Семейственность“ всех этих образов имеет двойственный характер и выражается, во 1-х, в общности отдельных черт, в общности переживаний и, так сказать, способа переживаний, и, во 2-х, в некотором единстве их духовного пути. Все они как-бы решают одну и ту-же сложную жизненную задачу и выражают как-бы отдельные стадии этого решения. В этом смысле основные образы романов Достоевского образуют довольно правильное р я д о п о л о ж е н и е, в котором один пошел в каком-то отношении дальше другого. Нет сомнения, например, что Ив. Карамазов—это продолжение и углубление пути Раскольникова. Но за Карамазовым идет в том же направлении и заходит еще дальше Ставрогин, образуя в своем лице как-бы кульминационный пункт, некий перевал единой духовной эволюции. После этого перевала начинается спуск, основные станции которого обозначаются отчасти теми-же, но главным образом другими лицами. Уже в стадии спуска застаем мы и Раскольникова, и Ив. Карамазова, но в гораздо большей мере эту сторону духовной эволюции изображают Мышкин, Зосима и Алеша Карамазов. В этом смысле герои Достоевского несомненно друг друга дополняют и уясняют,—и уясняют нам не только друг друга, но и своего родоначальника, самого Достоевского.

С этой точки зрения исследовать это духовное родство, обнаружить основной единый путь следования, как-бы распределенный между отдельными лицами, представляется нам задачей весьма существенной и во всяком случае способствующей пониманию Достоевского в целом.

Мы обратимся сначала к о т д е л ь н ы м чертам образов Достоевского, устанавливающим их духовное родство.

Здесь, прежде всего, надо отметить нечто быть может наиболее примитивное, т. е. область общечеловеческих страстей, их чрезмерную эмоциональную чувствительность. Можно сказать, что почти все они способны к самому резкому в этой области, т. е. к состоянию аффекта. Существенно при этом то, что эта аффективность в моральном отношении имеет несомненную полярность. Некоторые из них фактические преступники, другие, во всяком случае, возможные. Исключение из этого не составляет даже и Зосима, по крайней мере в своем прошлом.

Однако к примитивному в этой области присоединяется и нечто в высокой степени утонченное и далеко не являющееся достоянием всех. К эмоциям необходимо относить сравнительно редкую их группу, имеющую обоснование не только личного характера, а именно в сверхличном. Таковы например эмоции эстетического порядка. Но не только плененность эстетически прекрасным может создавать эмоцию личной незаинтересованности,

но и плененность той или иной мыслью. Можно говорить об интеллектуальных эмоциях.

Эта способность к сверхличным эмоциям черта чрезвычайно характерная для героев Достоевского. В этом смысле все они очень своеобразные эротики, аффектированные не только женщинами, разгулом, но и почти всегда той или иной идеей, пристрастиями к тем или иным положениям, именно жизненным положениям, и не только своим, но именно чужим. Особенностью почти всех сюжетов Достоевского является то, что драматическую возбужденность его героев, их необычные поступки вы никогда не можете сполна об'яснить из каких либо мотивов личного характера, корыстного или бескорыстного свойства. Относительно действующих лиц его романов очень часто возникает вопрос: из-за чего он собственно хлопочет, мучается, напрягается, иногда даже просто пребывает в составе той или иной человеческой коллизии? Конечно, такого вопроса не приходится задавать относительно Дмитрия и отца Карамазовых; но уже далеко не одни личные цели впутывают в „Карамазовскую" историю Ивана, Алешу.

Тут несомненно действует какой-то бескорыстный и сверхличный интерес к создавшимся положениям. Еще более сверхлична прагматика жизненных отношений в сюжете Подростка.

„Виновен или не виновен Версилов—вот что для меня было важно, вот для чего я приехал", говорит про себя подросток. Чрезвычайно характерно, что и отца-то он называет по фамилии.

Это какая-то страсть к восприятию и оценкам различных жизненных положений. Нечто вроде „незаинтересованности" в эстетических, вообще художественных восприятиях. Эта область сверхличных эмоций очень существенна в жизни героев Достоевского, поскольку ими именно определяются многие их поступки и вообще вся духовная эволюция.

Так, Алеша Карамазов духовно возрастает не на перипетиях своей личной жизни (которой у него тоже почти нет), а именно на сочувственных восприятиях и оценках жизни окружающих.

То же происходит с „подростком" и еще в большей мере с Раскольниковым. Но относительно героев Достоевского приходится сказать больше. Они не только заняты созерцанием жизненных положений окружающих лиц. Они и свои собственные положения и поступки постоянно как-бы рассматривают со стороны. Правда, эта оценка себя „со стороны" бывает и заинтересованной; она совпадает с их самолюбием, которое у них часто бывает болезненным, как напр. у „подростка". Но к самолюбию примешивается еще и нечто другое, какая-то своеобразная об'ективность. Им не только важно „казаться" тем или иным для других, но и „казаться" для себя. Они часто ставят себя в те или иные положения не потому, что это отвечает их личным целям, и не только, чтобы произвести эффект на других, а побуждаемые какой-то странной страстью просто совершить то или иное деяние, стать в определенное положение, чтобы быть своим собственным зрителем. Это особенно следует сказать про Ставрогина.

В своей „Исповеди", которую теперь приходится рассматривать, как

составную часть романа „Бесы", он прямо говорит: „Всякое чрезвычайно позорное, без меры унизительное, подлое, а главное смешное положение, в каковых мне случалось бывать в моей жизни, всегда возбуждало во мне рядом с безмерным гневом неимоверное наслаждение. Точно так же и в минуты преступлений и в минуты опасности жизни". („Исповедь" в московской редакц. 17).

Нечто подобное можно найти в психологии Раскольникова, которого влечет к преступлению не одно только практическое разрешение тезиса: „все позволено", но и какая-то приманка самого положения быть преступником. Конечно, не всегда это относится к смешным и преступным положениям. Действующие лица у Достоевского очень любят принимать положение высшего „благородства". Очень часто принимает их, хотя и неумело, „подросток".

В сущности такое положение „благородства" возникает всякий раз, когда дело идет о деньгах. Его герои очень любят бросать крупные суммы денег на пол или в камин, выражая к ним свое благородное презрение. А как часто это происходит у Достоевского, это „благородство" с деньгами, почти в каждом романе.

Эта „игра в положения" может быть именно только игрой, тем, что называется позерством. Но глубокой ошибкой было-бы трактовать действующих лиц у Достоевского „позерами". Во-первых, позеры принимают обыкновенно позы в достаточной мере обычные; во-вторых, они при этом ничем не рискуют, и в 3-х, их позы обыкновенно только для других, а не для себя. Героев Достоевского приходится называть не позерами, а как-бы актерами своей собственной жизни, которую они разыгрывают с таким же драматическим пафосом, как драматический артист, играющий пьесы Шекспира, — с тем же неизбежным раздвоением непосредственного переживания и самонаблюдения, которое присуще и психологии артиста.

Эта особенность Достоевского мотивировать развитие действия не столько психологией личного интереса, сколько интересом „положений", как таковых, весьма существенна не только в том смысле, что делает его сюжеты весьма своеобразными и непохожими на других, но и в том впечатлении, которое его произведения оказывают на читателя. Именно благодаря этой особенности произведения Достоевского воспринимаются по преимуществу в оценочных категориях. Оценка положений, как таковых, везде преобладающая в романах, заражает и читателя.

С этой-же особенностью коренным образом связан основной принцип всего психологизма Достоевского, а именно принцип двойственной значимости переживаний, то, что в самой последней стадии своего развития превращается в явление двойника.

О двойственном значении душевных переживаний не знает только тот, кто сохранил способность проявляться совершенно непосредственно, без всякой самооглядки. Но именно рефлексия над самим собой неизбежно создает из всякого переживания две различные перспективы: одна выражает то, что значит переживание вместе с его проявлением для себя самого, и вторая — что они значат для другого. Только в редких случаях

эти две перспективы по существу совпадают. Чаще же всего это лицезрение себя в другом и через другого создает своего рода кривое зеркало. Но мало того, что в этом кривом зеркале видишь себя по иному. Это иное восприятие себя в другом является очень действенным в том смысле, что оно по существу искажает и изменяет, иногда уродует, переживание в себе самом. Иногда это изменение сравнительно неважно. Но часто оно принимает характер какого-то кошмара, паразитно вторгающегося в самые недра человеческой души, уродующего ее до неузнаваемости. У Достоевского можно проследить положительно все ступени и оттенки этого раздвоения переживаний.

Ближе всех к полной непосредственности стоит, пожалуй, князь Мышкин. Но не в том смысле, чтобы этой перспективы себя с точки зрения другого у него совсем не было, а в том что он ее преодолевает. Здесь не только нет обратного воздействия „кривого зеркала" на криво отражающийся оригинал, но получается обратный эффект: об'ективная значимость действий и положений Мышкина до известной степени изменяет окружающие его кривые зеркала. Мышкин в конце концов заражает своим „идиотизмом" и других, приводит их к некоторой искренней наивности хоть на некоторые моменты, как например в одной из последних сцен,—когда им была разбита дорогая ваза. Полную противоположность в этом отношении представляет то лицо, от имени которого написаны „Записки из подполья".

Здесь „кривое зеркало"—отражение себя во взгляде и мнении других—совершенно уродует самую душу человека, делает его совершенно не тем, чем он мог-бы и должен был быть, если бы постоянно не смотрелся в это кривое зеркало.

Но не один автор „подполья" так искривляется в этих рассматриваниях своих положений извне, а очень многие впадают в различные соблазны главным образом из-за этого. Грушенька после наглой проделки с „ручкой" Катерины Ивановны прямо сознается: „я это для тебя, Алешенька, эту сцену проделала". Именно последний случай ясно показывает, что это кривое зеркало вдвойне фальшиво, что оно иногда не выражает ни внутреннюю оценку делающего „сцену", ни другого смотрящего, а как-бы какого-то „третьего". Этот третий, обыкновенно незримый, в исключительных случаях становится видимым для героев Достоевского.

Обычным пунктом душевных раздвоений в романах Достоевского является „искренность" т.-е. то, что по самой своей сущности как-бы исключает всякую заботу о том „как посмотрят". Но именно в тех случаях, когда искренность касается самых глубоких интимных переживаний, обыкновенно скрываемых, она неизбежно вызывает разительный эффект со стороны зрителей, с которым необходимо и нужно считаться, часто же неизбежно считаться, хотя-бы и не хотел. Именно искренность, которая в идеале должна была-бы быть нормой человеческих отношений, должна была-бы их упрощать, фактически их часто усложняет, как явление „ненормальное" в смысле необычности. И искренность не всем дается и должна быть сопряжена с мудростью. Такою она является например в лице Зосимы. Полное открытие себя перед всеми и во всех случаях

создает „идиотские“ положения Мышкина. Громадная разница этих двух случаев, конечно, не только в том, что один полубольной, а другой обладает полным душевным здоровьем, но и в их жизненных позициях—одного в миру и другого в монастыре, в положении „старца“. Алеша Карамазов создает между ними как-бы средину. После своего искреннего, но неудачного посредничества между Иваном и Екатериной Ивановной Алеша говорит сам себе: „хоть я сделал все это и искренно, но вперед надо быть умнее“. Но тут дело не в одном уме, но также и в силе и уверенности. Особенно этого-то последнего Алеше и недостает по сравнению с Мышкиным. Поэтому-то и он в своей искренности часто „двоится“ т.-е. смотрит на себя со стороны, и стыдится. Эта стыдящаяся, т.-е. уже не непосредственная, искренность проявляется в об'яснениях Алеши с Лизой Хохлаковой и Колей Красоткиным. Но эти раздвоения Алеши не ведут ни к каким нравственным падениям и самоискажениям.

Но уже в раздвоениях „подростка“ заключается соблазн быть не тем, что он есть. Значение переживания и действия „для себя“ и „в глазах других“ становятся неодинаковыми. Внешняя перспектива, к тому же обыкновенно ложно построенная, начинает вторгаться внутрь и искажать внутреннюю жизнь. В „подростке“ именно Достоевский изобразил эту постоянную погоню за ложным призраком собственного духовного благородства и достоинства. Но он не ложен в том смысле, что „подросток“ ими в действительности обладает. Но это собственное достоинство он постоянно портит ложными перспективами, и при том перспективами, постоянно меняющимися, создающими непрестанные душевные судороги. Именно этим и об'ясняется, почему духовный образ „подростка“, почти на всем протяжении романа, духовно неэстетичен. Достоевский почти везде обнаруживает антиэстетическое впечатление „подростка“ на окружающих, которым он кажется духовно противным. Вся эта противность проистекает от этих постоянных душевных раздвоений, от этой душевной трусости и заботливости в отношении „перспективы извне“. Однако, при иных внутренних условиях, та же раздвоенность и „игра в положения“ создает впечатление прямо противоположное, а именно дает maximum душевной эстетичности. Это приходится сказать как раз про Ставрогина. Но здесь уже раздвоенность иного рода. Она создается не только рассматриванием себя в различных внешних перспективах, не болезненным самолюбием, как у автора „Подполья“ и у „подростка“, а настоящими внутренними раздвоениями, дающими основание Достоевскому говорить о „двойниках“. К этому виду раздвоений подходит психология Раскольникова, Ивана Карамазова, Версилова и Ставрогина.

В душевных переживаниях этих действующих лиц мы ясно видим, что по временам в их душевную жизнь вторгается нечто, в той или иной мере чуждое их природе, существенно изменяющее строй их мыслей, чувств и настроений. Это чуждое другое имеет все степени обособления от их собственного „я“. Иногда это чуждое почти неразличимо от собственного „я“, наиболее с ним ассимилировано. Таков именно случай Раскольникова. Замысел убить старушонку, конечно, есть собственный замысел Раскольникова. Как мы узнаем из развития сюжета, тема „все позволено“

была даже развита Раскольниковым литературно в статье. И однако по вопросу о **практическом** исполнении этой темы мы видим явное раздвоение. После предварительного обследования Раскольниковым конкретных условий возможного совершения преступления, т. е. после пробного посещения старухи, Раскольников, выходя от нее, восклицает: „О, боже, как все это отвратительно"... „И неужели такой ужас мог придти мне в голову". Да, его теория—его, как простая возможность и при том еще очень проблематическая. Но она принадлежит ему. Но именно практическое осуществление этой теории совсем уже не его. Это что-то внедряющееся в него внешнее, с чем он борется почти до последнего часа свершения. И это внедряющееся в него даже не решение—он, в сущности, не решается до последнего момента—а прямо уже импульс к действию. Он просто сознает свои действия, как какую-то постороннюю силу. Последний день—описывает его состояние Достоевский—„так нечаянно наступивший и все разом порешивший, подействовал на него почти совсем механически, как будто его кто-то взял за руку и потянул за собой, неотразимо слепо, с неестественною силой, без возражений. Точно он попал клочком одежды в колесо машины, и его начало в нее втягивать". Уже после совершения преступления Раскольников говорит, что его „чорт тащил". Итак, раздвоение здесь очевидное. Но полного обособления чуждого начала все же здесь нет. Преступное второе „я" Раскольникова все же моментами сливается с его собственным подлинным „я", обусловливает его озлобленность, мрачность. И, однако, самое преступление он совершает почти автоматически, словно и не он.

Раздвоение Ивана Карамазова протекает сначала почти в полной сходственности с Раскольниковым. Намеки Смердякова его бесят и возмущают, в то время, как „теория" тоже вполне его. Но самое совершение преступления протекает в совершенно иной форме. Она заключается больше в бездействии, в попустительстве. Активность его заключается только в том, что он едет не прямо в Москву, а в Чермашню, и, сообщая это Смердякову, дает ему как бы молчаливое разрешение. Здесь поэтому и трудно обнаружиться какому-либо автоматизму. Вообще, до совершения преступления, вторжение чуждого и связанное с ним раздвоение еще очень мало заметно. Но зато после его совершения оно делается гораздо явственнее, сильнее и мучительнее, чем у Раскольникова. Об'яснение этому, на наш взгляд, лежит вовсе не в натуре самого Ивана Карамазова. Он, в общем, рисуется автором человеком гораздо более уравновешенным, чем Раскольников. Но на Ивана Карамазова ложится гораздо большая тяжесть, чем на Раскольникова. И эта тяжесть не только в том, что отцеубийство есть преступление более тяжелое, чем простое убийство, что вся конкретность этого происшествия в семье Карамазовых ужаснее и отвратительнее убийства процентщицы. Главная тяжесть, с которой не мог справиться Иван Карамазов, состоит в сомнении в том, виновен ли он, или невиновен, а потом—надо ли ему на суде открыть роль Смердякова и свое участие. В этих именно сомнениях он и доходит до кошмарного раздвоения своей личности. Но когда раздвоение началось, начинается новое мучение—реален ли призрак

чорта, или это галлюцинация, об'ективирующая его собственные мысли. Последний вопрос так и остается под сомнением, как для Ивана, так, в сущности, и для автора романа, так как последующая „белая горячка", в которую он поверг на следующий день своего героя, вопроса этого окончательно все же не решает.

Как в раздвоениях Раскольникова, так и Ивана Карамазова, очень существенной особенностью является то, что раздвоение не касается только какой-нибудь области мысли, чувств или действий. Нет, оно проникает все существо человека. Когда Раскольниковым овладевает идея „все позволено", он и вообще становится иным: озлобленным, равнодушным к своей семье. Когда навязчивое в этой сфере отступает, то и все другие переживания становятся мягче и проясняются. Это особенно резко показано автором на Иване Карамазове. Когда он бежал на третье свидание со Смердяковым, еще не разбитый его окончательным признанием, еще не имеющий ни внешних, ни внутренних оснований для покаяния на суде, он встретил пьяного „мужиченку", беспричинно на него озлобился, сбил его с ног и оставил замерзать на метели с ясным сознанием, что тот замерзнет. Но от Смердякова он вышел уже другим, с твердым решением завтра идти в суд и признаться. Двойник в самом тяжком пункте сомнения был уже побежден, и победа в этом пункте уже тотчас перестраивает всю его психологию. Он опять натыкается на поверженного, замерзающего „мужиченку", начинает о нем хлопотать и пристраивает его куда следует. Таким образом, здесь приходится уже говорить о раздвоении характера или даже личности, т. е. уже о чем-то прямо примыкающем к психопатологии. Мы делаем это последнее указание вовсе не в том смысле, что необходимым раз'яснением к романам Достоевского могут служить курсы по психопатологии. Скорее обратное: Достоевский может во многих отношениях служить ключем к пониманию душевных болезней, а именно того, что душевная болезнь развивается, как постепенное выхождение из нормы, и при том именно из нравственных норм,— что душевно-больной, во многих случаях, является нравственно ответственным в том, что он дошел до душевной болезни.

В изображении Ивана Карамазова мы имеем, быть может, наиболее патологический случай душевного раздвоения, если вообще апеллировать к врачебной инстанции. В плане мистических об'яснений здесь можно видеть самый резкий случай мистических конкретизаций. Кошмар с чортом описывается автором с явной неотличимостью от бодрственного состояния. Но все же это не самый резкий случай раздвоения вообще. Автоматизма у Ивана Карамазова нет, и, что самое главное, нет тех перерывов сознания, которые с полным правом позволяют человеку сказать про себя, что это „не я" сделал, когда те или иные поступки совершались все же его телом. Правда, Алеша говорит брату, как некое извещение свыше, что это не он убил. Но собственная совесть Ивана все же говорит ему, что если убил не Дмитрий, а Смердяков, „то, конечно, убийца и я". Иначе говоря, двойственность не доходила до сознания полной одержимости. В переходах от одной личности к другой нет такого же резкого

перерыва, как от состояния сна к бодрствованию. Между тем, на высших ступенях того же процесса это несомненно бывает.

Эти высшие ступени Достоевский обнаруживает уже на Версилове и Ставрогине. Двойственность Версилова развивается очень своеобразно. Она имеет свой источник не в мыслях, как у Раскольникова и Ивана Карамазова, а в чувстве, и даже только в одном—к Ахмаковой, которую он называет своим фатумом. С наибольшей силой, однако, она проявляется, когда Версилов стоит на пороге своего освобождения от фатума. Тут именно обнаруживается, что человек может твердо решиться на одно и в то же самое время, уже помимо своей воли и почти безответственно, действовать в совершенно противоположном направлении. В замечательной сцене с разбиванием иконы Достоевский уже рисует нам Версилова, при всем его внешнем спокойствии, человеком невменяемым. Эта невменяемость яснее обнаруживается из того описания, какое дает сам Версилов своему состоянию. „Знаете, мне кажется, что я весь точно раздваиваюсь“,—говорит Версилов... „Точно подле вас стоит ваш двойник; вы сами умны и разумны, а тот непременно хочет сделать подле вас какую-нибудь бессмыслицу и иногда превеселую вещь“. Почти вслед за этими словами он берет образ и его разбивает, как бы в припадке автоматизма. Автоматизм и вообще раздвоение у Версилова обнаруживается гораздо резче, несмотря на то, что он душевно гораздо здоровее и Раскольникова, и Ивана Карамазова в периоды их раздвоения. И это, несомненно, потому, что точкой приложения действия его второго „я“ является, при этом, нечто уже практически безинтересное, символическое в одном случае—букет цветов, который он хотел растоптать,—и мистическое в другом—икона. Никакие естественные эмоции к импульсивным действиям Версилова в тот момент присоединиться не могли. Из тех слов, которые он тут же произносит, мы видим благоговейное отношение к этим предметам. Он необычайно нежно относится к жене и почтительно отзывается о старике, завещавшем ему образ, говорит, что он „хотел бы сказать Соне что-нибудь хорошее“, и все это свое отношение сопровождает оскорбительным действием, словно одна личность в нем чувствует, а другая только делает—и делает прямо противоположное чувствам.

Наибольшую многозначительность и исключительное значение получает раздвоение у Ставрогина, в котором, как в фокусе, концентрируются все особенности ранее разобранных случаев, и, кроме того, присоединяется еще одна новая.

В жизни Ставрогина, по изображению Достоевского, надо различать две эпохи. Одна, которую мы узнаем как бы по воспоминаниям, и которая, главным образом, изображена в исповеди „великого грешника“,—это жизнь в Петербурге и за-границей. Другая уже прямо изображается в романе на месте действия. Эти две эпохи относятся друг к другу, как развитие к завершению. В них образ Ставрогина довольно существенно различен. К этой разнице его образа в целом мы еще вернемся, а пока скажем только об эволюции раздвоения. В первую эпоху резкого раздвоения еще не видно. Собственная психология Ставрогина еще органически сливается с тем вторгающимся в него, что может быть названо

навязчивыми идеями. В этот период он еще, быть может, обуреваем страстями и вообще вполне оправдывает название великого грешника. Идеи к совершению смешного, подлого, низкого, хотя и навязываются ему с чрезвычайною силою, однако мы видим из обрисовки всей его психологии, что он сам же эти идеи в себе воспитал и взлелеял. В его странных действиях мы, в конце концов, должны признать лишь крайнее и своеобразное выражение подлинно ему принадлежащих чувств величайшего презрения к людям, к их „нравственности", его злобности и диких звериных страстей. И два самых гнусных его преступления — кража денег у бедного чиновника и насилие над девочкой — сполна из этого об'ясняются, хотя они и совершаются в порядке овладения им навязчивой идеи. В этой навязчивости, конечно, уже есть раздвоение. Однако, это второе лицо, как бы намечаемое в нем, есть еще не двойник, а вполне он сам, но только самое худшее в нем, собранное и концентрированное в одну точку. Однако, эта точка начинает уже действовать как бы в некоторой оторванности. Но оба эти начала в его душе имеют, в конце концов, один и тот же психологический и моральный смысл. Они отличаются только по степеням. Существенно иное мы видим, когда Ставрогин предстает уже перед нами на месте романического действия.

Здесь положения, в которые он себя ставит, получают уже и двойственный смысл, т. е. обозначают и две разнокачественные личности, именно те две личности, которые намечаются в ясновидении хромоножки — „князя" и „Гришки Отрепьева".

Уже в его сравнительно невинных проделках, в фактическом „проведении за нос" Гаганова, в укушении уха старичка-губернатора, видно далеко не одно издевательство над человеком; да это издевательство даже нельзя с уверенностью в данном случае установить. Это просто какая-то странная идея осуществить необычайное положение, словно упражнение в своих силах нарушить самые ненарушимые нормы приличия. По существу тот же характер имеет поцелуй на балу Липутиной. Правда, автор дает намек, что Ставрогин это проделывает и не без эротического интереса, одного только интереса, а, конечно, не страсти, разрушающей все нормы присущей ему благовоспитанности. Но уже гораздо существеннее раздваивается значимость других своеобразных положений, а именно молчаливого вынесения пощечины от Шатова и положения законного мужа хромоножки. Одно из внутренних значений этих событий почти вполне об'ясняет сам Ставрогин в последнем письме к Даше, в котором он говорит про себя, что „он пробовал везде свою силу"... „На пробах для себя и для показу, как и прежде во всю мою жизнь она оказывалась беспредельной. На ваших глазах я снес пощечину от вашего брата; я признался в браке публично". В этой цитате слова: „для себя и для показу" чрезвычайно многозначительны. В этих словах ключ к пониманию почти всего поведения Ставрогина. Ставрогин, действительно, ничего не делает только для показу, но всегда и „для себя", и, быть может, в наибольшей мере „для себя". „Для показу" это, быть может, в нем присоединяется лишь по старой привычке и вообще более относится к прежнему периоду. Для показу он, несомненно, много делал в Петербурге, но

здесь, на месте действия романа, он уже стоит гораздо выше всякой рисовки перед другими. Но не может же он и совсем не замечать, что он вырисовывается во всех своих действиях необычайно красиво. Но главная двойственность переживания его великолепных поз заключается все же в том, что они означают „для себя". Здесь они означают, как он это и сам об'ясняет, его силу. Совершенно выйти из рамок всех условностей и норм, конечно, не под силу заурядному человеку. Но если бы Ставрогин в том же письме к Даше стал утверждать, что, кроме пробы и обнаружения силы, его позы ничего более не означают, то мы в праве были бы ему не поверить. Его позы здесь, на месте действия романа (не в Петербурге), вместе с тем и очень красивы,—они красивы не только внешней, но и внутренней красотой. Но следует сказать больше: их красивость относится к такой области, где эстетически красивое уже совпадает с этически красивым,—некоторые проявления благородства, несомненно, имеют эту обоюдную ценность, в них именно осуществляется тот идеал „каллокагатии", который был основным у Сократа и древних греков. Относительно пощечины это дело ясно. Брак с хромоножкой имеет в этом отношении изменчивое значение. Когда он был заключен, там в Петербурге, это была, быть может, злая насмешка и над нею, и над людьми. Но уже во время развития романа, этот брак перестал быть таким; он, несомненно, уже является тяжким игом. Но уже кроме самого факта брака, возникает новое положение: готовность его публично об'явить и, наконец, самое об'явление. В этот период этот брак получает уже для Ставрогина вполне серьезное значение. Но для смеха он решается его об'явить, а именно, чтобы понести его бремя, ибо только с момента его открытия он становится полным бременем. Но уже в состав этого бремени входит такой момент, который, независимо от истории осуществления этого брака, получает высокое этическое значение, а именно любовно-уважительное отношение Ставрогина к своей законной супруге. Ставрогин может убить Лебядкину, но он не может третировать ее, как ничтожество, если он принимает брак в серьез, а он, ведь, хочет его принять. И вот эта новая неожиданная сторона отношения Ставрогина к хромоножке достаточно явственно обнаруживается в день первого появления его в гостиной матери, где он в числе многочисленных гостей находит и хромоножку.

— Вам нельзя здесь быть,—проговорил ей Николай Всеволодович ласковым, мелодическим голосом, и в глазах его засветилась необыкновенная нежность.

Он стоял перед ней в самой почтительной позе и в каждом движении его сказывалось самое искреннее уважение. Бедняжка стремительным полушопотом, задыхаясь, прошептала ему:

— А мне можно... сейчас... стать перед вами на колени?

— Нет, этого никак нельзя,- великолепно улыбнулся он ей, так что и она вдруг радостно усмехнулась.

В изображении всей этой сцены Достоевский не напрасно употребил одно, на первый взгляд, как будто неуместное словечко: „великолепно". Как можно „великолепно улыбнуться"? Да, поистине, так можно выра-

зиться только про Ставрогина. Его душевность, в подлинном смысле слова, может выражать „великолепие“. В эти несколько минут Ставрогин выразил в своей душе все то, что могло бы быть, если бы серьезная сторона его брака могла быть поднята на ту высоту, которая как бы предназначалась его поведением. В такие именно моменты,—а, вероятно, они были и раньше,—хромоножка прозревала в нем „князя“, ту духовную потенцию, которая составляла как бы половину Ставрогина. Но раздвоение Ставрогина не только в том, что у него имеются эти две половины. Это есть и в Раскольникове, и в Иване Карамазове. Своеобразие Ставрогина заключается в том, что одни и те же положения у него имеют двойственный смысл, и при том смысл величайшего значения, смысл величайшего добра и величайшего зла. Тот подвиг воли, который он совершает на высших точках своего под'ема, одновременно тяготеет к двум противоположным целям. Поэтому и переживание его тоже двоится и колеблется от одной крайности в другую, оставаясь по внешнему своему выражению все тем же проявлением духовной силы. Но у Ставрогина всегда одно течение побеждает: эстетическое остается, этическое же всегда срывается.

Чтобы оценить все своеобразие Ставрогина в его раздвоениях, необходимо остановиться на этой его эстетичности. Раздвоенность, вообще говоря, менее всего эстетический принцип. Красота гармонична, а принцип гармонии—единство. Но это видимое противоречие устранится, если мы поймем, как происходит раздвоение Ставрогина. И у Раскольникова, и у Ивана Карамазова раздвоение совершается в постоянном внутреннем борении. И именно поэтому их духовные образы не производят эстетического впечатления. В них слишком много душевной болезни. Борений в Ставрогине, если они и есть, мы не замечаем. Мы вообще не замечаем, как в него входит то одно, то другое из враждующих начал. Мы всегда в нем видим вполне владеющее собою лицо. Двойственные значения этого лица, правда, сменяются, и иногда одно быстро следует за другим. Но эти смены происходят как-то сразу, без внутренней борьбы. Происходит как бы смена духовных декораций, причем каждая декорация вполне гармонична и выражает единство личности. Иногда его лицо, правда, двоится, однако, не враждующими, а одинаково спокойными, гармонически связными в своих отдельных единствах, выражениями. Достоевский рисует нам Ставрогина так, что не только читатель не понимает, как и почему происходят эти смены и раздвоения, но что и для самого Ставрогина эти смены являются как бы неожиданностями. Необходимо отметить, что в этой загадочности смен, в отсутствии антиэстетических картин духовных борений, Ставрогину родствен Версилов. Вообще, Раскольников и Иван Карамазов, с одной стороны, и Версилов со Ставрогиным, с другой, представляют в этом отношении две существенно различные пары.

В романе „Бесы“ имеются только две сцены, несколько портящие эту эстетическую цельность образа Ставрогина. Одна в квартире хромоножки, где Ставрогин положительно побеждается ее ясновидением, другая в последнем свидании с Лизой, где опять-таки эта девушка побеждает его своей прямотой и цельностью.

Но наиболее антиэстетичен Ставрогин в тех 3-х главах, которые не вошли в текст романа „Бесы“ и обнародованы лишь недавно. При всей важности этих глав, долженствовавших представлять как-бы центр всего романа, их нельзя не признать в другом отношении, а именно в смысле эстетического единства образа Ставрогина, находящимися со всем романом в несомненном диссонансе. Быть может именно этот диссонанс, наряду с другими соображениями уже более практического свойства, и был причиной того, что и при переиздании романа Достоевский их не включил в основной текст [1]).

Раздвоение значимости душевных переживаний, являясь основной психологической особенностью почти всех героев Достоевского, приводит нас к Ставрогину, как к духовному образу, занимающему исключительное положение среди других. Именно в Ставрогине эта особенность получает полную завершенность в том смысле, что в нем как-бы раскрываются две личности, отдельные проявления которых обнаруживают полную гармоничность. Лебядкина, конечно с своеобразным преломлением, охарактеризовала и назвала их в сцене посещения ее Ставрогиным. Но она верно почувствовала их полную противоположность. Отличие Ставрогина от других и в то же время его относительная завершенность заключается в том, что это противоположное просвечивает иногда в одних и тех же положениях. Получается такое впечатление, как это бывает иногда при рассматривании одного и того-же портрета, когда одно и то же лицо вам кажется то злым, то добрым, то веселым, то печальным. Словом, одна и та же форма является пригодной для выражения внутренних противоположностей. Об'яснение этому мы постараемся дать далее. Но для этого нам необходимо предварительно заняться внутренним родством главных героев Достоевского.

II.

Духовные образы, созданные Достоевским, по крайней мере в его основных произведениях, едва-ли правильно рассматривать вполне изолированно. В них гораздо более внутреннего родства, чем у героев романов Тургенева, Толстого. Они как-бы образуют одну духовную семью. Правда, при всей их семейственности, между ними приходится установить и очень существенные отличия. Далее, ни в одном образе не собрано все то, что, так сказать, разбросано и выражено в отдельных представителях. Эту собранность всего в одном лице, и то с некоторыми ослаблениями отдельных особенностей, можно только подозревать в их духовном отце — самом Достоевском. В них он как-бы воплощал различные стороны, иногда только таящиеся потенции самого себя. В этой своеобразной генеалогии можно наметить как-бы две линии. На одной сосредоточены по

---

[1]) Что для этого невключения имелись вполне достаточные практические основания, это вполне убедительно установлено в статье А. С. Долинина „Исповедь Ставрогина“ (Литературная Мысль, кн. 1). Нисколько не оспаривая достаточность этих практических мотивов, мы только считаем возможным предположить, что и указанный нами диссонанс мог играть свою роль в решении Достоевского.

преимуществу мрачные тоны и те или иные формы душевного нездоровья. На другой—настроения более радостные и примиренные. На одной созревают преступления, на другой они искупаются. Конечно, о строгом и точном расположении образов Достоевского по этим двум линиям не может быть и речи. Некоторые из его героев находятся как-бы на обеих линиях, вернее, их жизнь рисуется нам в стадии перехода с одного направления на другое, например это можно установить на Раскольникове и Версилове. Но в общих чертах, такая правильность их генеалогического рядоположения все же существует. Для установки такого рядоположения, мы возьмем следующие образы: отца-Карамазова, Раскольникова, Ивана Карамазова, Версилова, Ставрогина, с одной стороны, и Мышкина, Зосиму и Алешу Карамазова—с другой.

Родоначальничество всей этой генеалогии, родоначальничество не в смысле собранности всего в одном лице, а в смысле исходного пункта отправления, несомненно принадлежит Ф. П. Карамазову. Он по отношению ко всем последующим находится в категории „отцов“, а все остальные—„детей“. Это так выходит в сущности и хронологически в смысле возраста, за исключением, конечно, Зосимы.

Ф. П. Карамазов по общему типу своей духовной природы представитель русского помещичьего дворянства середины прошлого столетия. Но в нем все типичные черты до чрезвычайности изменены его резко выраженной личной индивидуальностью, корень которой в его неистовой эротичности. Конечно, и эта эротика тоже есть типичность. Но уже совершенно нетипична та виртуозность, до которой он здесь доходит. Но самое существенное в Ф. П. Карамазове то, что все те низости, которые он себе позволяет, не есть простое проявление природного низкого уровня его духовности. Нельзя сказать, чтобы Ф. П. Карамазов был по природе только грубое животное. Низость его есть результат его невероятного нравственного и умственного разврата. Но развращенность не есть просто пребывание на низком уровне. Разврат есть результат падения и разложения, есть переход от более высокого к низкому. В этом падении нечто из более высокого может уцелеть и давать о себе знать тем или иным способом; оно даже может служить средством восстановления и духовного исцеления. И в Ф. П. Карамазове мы несомненно видим эти проблески каких-то высших возможностей. И здесь на первом плане следует поставить его далеко не заурядный острый ум. Даже его особенная нежность к Алеше свидетельствует, что еще не все им потеряно. Рефлексия и интеллектуализм разврата составляет, быть может, его самую характерную черту. Он человек, желающий по своему осмысливать, понимать и обосновывать свои мерзости. Если-бы он не был так увлечен своими любовными похождениями, он мог бы создать какую-нибудь „философию гнусности“. И вот, в этом смысле, он не только физический, но и духовный отец и Смердякова, и Ивана Карамазова. „Философия преступления“ Ивана Карамазова есть только облагороженная смердяковщина.

Иван Карамазов представляет, конечно, уже громадную эволюцию того, что заложено в его отце, и при том эволюцию двойственную, со-

вершенно нарушившую ту духовную цельность, которую мы видим в его отце. Вся эмоциональная и аффективная сторона отца как-бы перешла к Дмитрию, ум и склонность к рефлексии оказались унаследованными именно Иваном. Однако, в этой области Иван Карамазов далеко шагнул вперед. С одной стороны, она у него превращается в особую философию бунта против мира, с другой—служит для оправдания собственной злобной и эгоистической тактики невмешательства, выражаемой в пожелании, чтобы „два гада поели друг друга“. Уже в этой его философии есть двойственность. В „бунт“ входят и неоправданные слезы невинного ребенка; в разрешение и оправдание преступления—какой-то душевный холод и даже злость, которые так характерны для Ивана. Двоится он и в своих религиозных чувствах и взглядах. Кризис, наступающий у него после совершения преступления, лишь неясно намечает нам, что его дальнейшая духовная эволюция идет в сторону выздоровления, что он становится ближе Алеше. Об этом свидетельствует уже его сознание на суде.

Раскольников по своей душевной природе наиболее близок Ивану Карамазову, хоть он и совершенно иной наследственности. Но по своей эмоциональной и интеллектуальной природе он гораздо проще Карамазова. Кроме того, его философия преступления совсем не имеет личных эмоциональных основ, как у Карамазова. Это, действительно, чистая теория, и при том теория, которая по существу не вяжется с его натурой. Поэтому-то он и выполняет свою теорию, как уже указано было выше, в каком-то странном автоматизме, в постоянном раздвоении со своими чувствами. Кризис для него, также, как и для Карамазова, заключается в сознании перед всеми, что он преступник, при чем его путь выздоровления и восстановления душевного единства, гораздо более четко, чем у Карамазова, намечается еще до сознания в своем преступлении.

Карамазов и Раскольников лишь с некоторыми вариациями оба разрешают одну и ту-же жизненную задачу обоснования заново этических норм. Самая обстановка такой задачи предполагает потерю каких-то необходимых устоев. Но эта потеря для них есть какое-то прошлое, и даже не личное прошлое. Они просто, приходя в зрелый возраст, уже застают себя без необходимых духовных опор. В этом смысле они продукт наследственности, среды, вообще уже чего-то внеличного. Сами в себе они никаких эмоциональных бурь не носят; они—уцелевшие после кораблекрушения, но не имеющие компаса и не знающие, куда направиться и пристать. Они исследователи в новом построении жизни, но исследователи, делающие на первых порах ложный шаг. Этот ложный шаг более дело их ума, чем чувства и воли. И этим именно шагом они испытуют свое чувство и волю, как-бы познают самих себя, по завету древнего Сократа. В этом смысле они по отношению к Федору Павловичу и Дмитрию Карамазовым, по отношению к Свидригайлову и им подобным „неистовым“, более здоровые и, во всяком случае, стоят на последующей стадии духовного развития. Их относительное духовное здоровье именно и заключается в успокоенности страстей и в напряженной, а главное и щ у щ е й, а не только разрушающей работе ума.

Версилова мы ставим по отношению к Раскольникову и Карамазову впереди. Но не в том смысле, что он более исцеленный и нашедший единство по сравнению с ними. В этом отношении Достоевский обрывает перед нами его жизненную историю почти на том же пункте поворота к кризису. Версилов стоит дальше их, главным образом, в смысле усложнения и углубления проблемы искания пути, в смысле более тонких жизненных ориентировок.

Версилов, в противоположность Раскольникову и Карамазовым, натура более эмоциональная. В умственном отношении он им не уступает, только его рефлексия более жизненная, конкретная и многосторонняя: никаких особых теорий он не строит, но постоянное и весьма тонкое размышление над жизнью его не покидает, он не особенно занят отвлеченными этическими и религиозными вопросами. Здесь он повидимому благополучно прошел и преодолел все теоретические соблазны и подкопы сомневающегося ума. Его более интересует осмысливание истории и ее духовной культуры. Внутренняя борьба Версилова,— а в ней-то и заключена его жизненная задача—заключается в противоположении его, в общем уравновешенного, чрезвычайно зрелого и утонченного, душевного склада не просто страстям и каким-нибудь душевным бурям, а тому, что он называет своим фатумом. Он фатально прикован к Ахмаковой, которую он одновременно и любит, и ненавидит и в общем весьма не высоко ставит. Вообще у Версилова не одно, а несколько жизненных влечений, как и следовало ожидать у такого гармоничного человека. Новым по отношению к Карамазову и Раскольникову является его эстетизм,- эстетизм не теоретический какой-нибудь, а именно жизненно практический. Он любит духовно красивое и сам не может действовать иначе, как красиво. Но этот эстетизм имеет и этическую окраску; он образует с этическим началом то своеобразное единство, которое называется духовным благородством. Можно сказать, это основная струна его личности. Кроме того, Версилов глубоко и тонко любящий человек, человек, который при иных условиях мог-бы быть прекрасным семьянином. Но этому мешают ему два других влечения. Во-первых, у него есть своя общественно-историческая идея—идея будущего человека. Идея эта у него своеобразно связана с славянофильством, причем и это славянофильство у него как-то своеобразно прикреплено к русскому дворянству. Он убежден, что одна только Россия „живет не для себя, а для мысли" и, в конце концов, решает он, живет „для одной лишь Европы". Эта мысль о предназначении России и каком-то по существу новом будущем, рисуемом в каком-то неясном апокалиптическом духе, возникает у него на почве какого-то философского деизма. „Я деист, философский деист, как вся наша тысяча"—говорит он „подростку", не замечая однако, что его деизм какой-то весьма своеобразный и во всяком случае не похожий вполне на деизм тысячи. Если бы Версилов жил только этим, то его жизнь развертывалась-бы вероятно сравнительно спокойно и быть может имела-бы очень значительные результаты. Но резкий диссонанс вносит в эту картину душевного спокойствия и, главное, полного владения своей душой то, что он называет своим фатумом. И так как этот фатум вле-

чет его по совершенно иным путям и отметает всю сложность душевной жизни Версилова, то резкое раздвоение здесь неизбежно. И именно у Версилова это раздвоение приобретает характер какой-то одержимости.

Версилов является человеком гораздо более зрелым, чем Карамазов и Раскольников, и однако он действует гораздо более стихийно и порывисто, чем они. Версилова Достоевский опять-таки бросает на переломе. Но если для Карамазова и Раскольникова за этим переломом еще почти целая жизнь, то для Версилова только остаток, и какой-то искалеченный остаток жизни.

Последний герой Достоевского этого типа, герой, находящийся именно на пункте перелома, как-бы в вершине угла, обозначающего два направления жизни, это Ставрогин. Мы приписываем Ставрогину такое исключительное, в известном смысле центральное положение в серии литературных портретов Достоевского не потому, чтобы он был духовно самым зрелым, а равно и не потому, чтобы он персонально стоял ближе к новому пути выздоровления. Напротив, в этом последнем отношении он менее всех предыдущих разрешил свою жизненную задачу. Скорее, надо сказать, он единственный, потерпевший в момент кризиса решительное поражение. Ставрогин является последним в намеченном нами рядоположении потому, что те силы, которые обусловливают раздвоение и в нем, и в других, ему духовно близких, обнаруживаются в нем с наибольшою резкостью. Далее, жизненная проблема самоопределения именно у него получает наиболее сверхличный и даже сверхэмпирический смысл. Здесь нам приходится вспомнить то, что было сказано нами раньше о двух периодах жизни Ставрогина: петербургском и заграничном, с одной стороны, и периоде развертывания романа, с другой. Личные страсти, если они и были, относятся несомненно к первому периоду.

Но можно именно сомневаться, были-ли у него личные сильные страсти. В своем последнем письме к Даше Ставрогин пишет: „я пробовал везде мою силу"; и далее: „я пробовал большой разврат и истощил в нем силы: но я не люблю и не хотел разврата". Это уже не Карамазовская кровь, а что-то гораздо более рафинированное. Однако по видимости Ставрогин мог казаться погрязающим в разврате и обуреваемым всякими вожделениями и страстями. Но это именно—„мог казаться". Что это только так, видно из письма его к Даше, где он говорит, что он „пробовал" разврат. Дмитрий и старик Карамазов не „пробовали", хотя они и не доходили до насилия над девочкой. Об'яснением этих „проб" является та странная страсть Ставрогина просто к исключительным **положениям** „зла", о которой он пишет в своей исповеди, не вошедшей в роман „Бесы". Но это именно что-то сверхличное. В этом сверхличном значении тех „положений", которые принимает Ставрогин, он наиболее отличается от остальных представителей ряда „преступников". К тому же это и не теории ума, как у Раскольникова и Ивана Карамазова. Если не ум и не страсти—то что-же? Приходится сказать, что только одна избирающая **воля**,—воля, определяемая какими-то сверхличными целями, т. е. воля, по существу могущая наиболее служить каким-то высшим инстанциям. Ставрогин—это кантовский интел-

гибельный характер в наивысшей мере. Поэтому-то все в нем является наиболее роковым и окончательным. Если в Ставрогине совершается самоопределение, то оно уже совершается навсегда и бесповоротно. И это именно потому, что, хотя решение делает личность, но делает его в области сверхличного. О том, между какими решениями колеблется его воля, говорят нам не столько его мысли и чувства — в них нет возможности установить что-либо определенное, — сколько те положения, в которые он себя ставит, и в которые другие его ставят. О почти полном отсутствии его личных чувств мы уже говорили. Что касается хода его мыслей, то они обрисовываются лишь в его прошлом, по тем косвенным данным, которые даются в романе. Они, как и у Версилова, имеют общественный характер и направляются как-бы по двум руслам. Одно из этих русл подхвачено Шатовым, другое Верховенским. И они столь же противоположны, сколь противоположны Шатов и Верховенский. Для обоих он является героем, ради которого они готовы пожертвовать всем личным. И именно по этим двум взглядам на Ставрогина со стороны тех, к которым он стоял ближе всех, мы и можем судить, какие две возможности открывались для Ставрогина. Но ни одну из этих возможностей он не избрал. К Верховенскому он относится с гадливостью и презрением. Мы должны это отнести и к замыслам Верховенского. „А, это вы трещите“, — говорит он Верховенскому, который выводит его из задумчивости после разрыва с Лизой. Эта фраза так же великолепна, как великолепна была улыбка Ставрогина, когда он отвечал на просьбу Лебядкиной стать перед ним на колени. Верховенский и все, что с ним связано, это для Ставрогина, здесь, на месте романа, уже только „трескотня“, которую он не всегда удостаивает замечать.

Но Шатов? Тут, конечно, не презрение. Тут просто воля Ставрогина: его избирающая и решающая воля говорит: „не могу“. Окончательный отказ идти на этот путь происходит у Тихона уже, но описанию добавочных и не вошедших в текст романа глав. Ставрогин изменяет надеждам и того, и другого. Чему-же он остается верен? Он остается верен только силе и красоте. В письме к Даше он пишет, что везде пробовал свою силу, и что „она оказывалась беспредельной“. Да, она оказывалась беспредельной, чтобы становиться в такие позиции, которых не вынес-бы никто, кто живет личною жизнью. Ставрогин наиболее яркий выразитель ницшеанства, какой когда-либо был дан в литературе, и при том задолго до появления самого Ницше. Ничего о нем не слышавший, он является самым верным и самым тонким последователем Ницше. И именно потому, что он сверхличен. И в этой своей сверхличности обретает силу быть наиболее могущественной и художественно-прекрасной личностью, быть артистом своей собственной жизни. И эту своеобразную роль властелина событий, в которых он нисколько не заинтересован, он твердо ведет до конца, срываясь только на короткое мгновение в разговоре с Тихоном и Лизой. Что Ставрогин в этой роли прекрасен, это говорит своеобразно влюбленный в него Верховенский: „Ставрогин, вы красавец“. Надо понимать весь контекст этого разговора,

чтобы видеть, что это восклицание относится, конечно, не к одной физической красоте Ставрогина.

И, вот, здесь-то и лежит разгадка наиболее рокового характера двойственности Ставрогина, и именно того, что он не может пойти ни по одному из двух открывающихся ему в эмпирической жизни путей. Красота, по метким об'яснениям самого Достоевского, есть наиболее роковая область, область спора двух начал, место скрещения их сил. Она может, нисколько не изменяясь в своей форме, служить и тому и другому началу, меняясь только по наполняющему эту форму содержанию. Однако тот, кто хотел-бы остаться верным только одному из этих начал, тот в эмпирических условиях обречен на отказ от следования эстетическому принципу. Добро и зло при последовательном им служении далеко не всегда эстетичны. Поэтому-то Ставрогин на протяжении романа только двоится во внутренней значимости занимаемых им положений. И самая проницательная из всех окружающих его лиц—Хромоножка—никак не может понять, с кем же из двух она имеет дело. Из этой неразрешимости своего положения, Ставрогин и находит единственный выход в самоубийстве. Об'яснение ему, в сущности, уже находится в письме к Даше, хотя тогда он еще не решился покончить с собой. Именно из этого об'яснения мы видим, что Ставрогину, в сущности, нечем жить. „Я все так же, как и всегда прежде,—пишет он,—могу пожелать сделать доброе дело и ощущаю от этого удовольствие; рядом желаю и злого, и тоже чувствую удовольствие. Но и то и другое чувство, по прежнему, всегда слишком мелко, а очень никогда не бывает. Мои желания слишком не сильны; руководить не могут“. Здесь Ставрогин необычайно метко об'ясняет свою невозможность жить. Может-ли непомерно сильный человек жить, когда его желания всегда не сильны. Его сила вовсе не есть сила его желаний, а „просто“ сила — „чистая воля“. Такая воля может служить чему-то высшему, чему-то еще сильнейшему, но не себе. Однако, для этого нужно решиться избрать, отвергнуть свой исключительный критерий красоты. Но этого Ставрогин не может; в этом его фатум, такой же фатум, как для Версилова Ахмакова.

Исключительный эстетизм Ставрогина может, правда, показаться весьма сомнительным и даже прямо не верным. Во-первых, он сам об нем нигде не говорит. Более того, он говорит в исповеди о какой-то странной страсти к смешным и унизительным положениям. Однако, здесь нельзя прямо доверяться одним только словам и терминологии Ставрогина, а необходимо их истолковывать. Что значат те смешные и унизительные положения, которые любит Ставрогин? Прежде всего, необходимо отметить, что они для него в романе уже в прошлом. Ставрогин не сразу сумел найти путь красоты и силы.

Сначала он только упражнялся и делал неверные шаги. „Упражнялся“ в жизни,—как странно это звучит. Странно, только не для Ставрогина и не для героев Достоевского. Ведь пишет же он Даше, что он „пробовал“ свою силу. Не то же ли это упражнение. Но именно потому, что он упражнялся в смешных и унизительных положениях (поступил, как мелкий вор), они не были для него смешны и унизительны

по существу. Ведь он, как и Раскольников, украл деньги не для обогащения. И не только для чувственного наслаждения произвел насилие над девочкой. И поскольку это есть его величайший грех, то это, во всяком случае, величайшая пропасть, куда он ринулся, а не просто какая-то низина. Но все же, все это в прошлом. В романе Ставрогин уже никому не кажется смешным. И только тут он становится „великолепен", выражаясь не случайным эпитетом Достоевского. И не только великолепна его улыбка, обращенная к Лебядкиной, и слова, обращенные к Верховенскому: „а, это вы трещите", и реплика на предложение „студентки" (в главе „у наших") об'яснить, „откуда могло взяться само семейство?" — „я полагаю, что ответ на такой вопрос нескромен". Великолепна и самая пощечина от Шатова, то, как ее Ставрогин снес — т. е. сняв руки с плеч Шатова и заложив их за спину. Что Ставрогин ничего не говорит о своем великолепии, и что он, вообще, сознательно не ставит эстетического идеала, сознательно не красуется—это, в конце концов, еще великолепнее. Все было бы гораздо менее красиво, если бы он думал о красивости. В этом смысле позы Ставрогина так же натурально и инстинктивно красивы, как позы льва или тигра.

Но высшие достижения Ставрогина в силе и красоте так и остались не отданными ни тому, ни другому началу. Он, как своенравный артист, разбил свое жизненное произведение — красоту, чтобы она никому не досталась; он не отдал ее в жертву своим слабым личным желаниям, но и не посвятил ее ни Ормузду, ни Ариману, прервал ее на точке пересечения двух расходящихся линий. И в этом-то смысле он последний в том жизненном ряду, который мы построили из жизненных этапов его предшественников. Он человек высших достижений в двойственности и в тех перевалах жизненного пути, которые у других людей всегда происходит где-то пониже, с меньшими перспективами вперед и назад.

III.

Но что же открывается на том пути для тех, кто эти перевалы уже прошел, хотя, быть может, и не на таких головокружительных высотах, на которых побывал Ставрогин? Для этого нам надо обратиться к другому рядоположению героев Достоевского, рядоположению более скупому и по числу лиц, и, пожалуй, по четкости и определенности их жизненного опыта. Здесь нам придется только несколько остановиться на Мышкине, Зосиме и Алеше Карамазове.

Общей особенностью всех трех является уже почти полное отсутствие душевной раздвоенности. Исключением являются только самые невинные ее формы в виде конфузливости Алеши и Мышкина своей собственной искренности. В остальном они люди, нашедшие свое подлинное душевное единство.

Из них Мышкин все же наиболее, так сказать, неустроенный. Именно с него приходится начинать, так как его природа дает картину

наиболее роковых и не сглаженных еще последствий каких-то душевных катастроф.

Он человек полубольной. Главным стержнем его духовного единства являются исключительная искренность, правдивость и мягкость.

Это как будто самые обыкновенные вещи. Мало-ли людей, обладающих этими качествами? И однако, поскольку Мышкин—человек совершенно необыкновенный, очень быстро привлекающий внимание своей полной непохожестью на других людей, оказывается, что свойства эти, по крайней мере, если они действительно обнаруживаются в полной мере, чрезвычайно редки, и не только в их совместном сочетании, но даже взятые порознь. Может показаться, что Мышкин выделяется не этим, а своей болезненностью, тем, что именно приходится иногда его назвать идиотом. Но с этим трудно согласиться. Кроме эпилепсии, никаких болезненных проявлений у Мышкина на протяжении всего романа мы не видели, и если он чем ненормален, то именно этими своими свойствами, той абсолютностью, в какой они у него проявляются.

Впрочем, особенностью Мышкина, отличающей его от других, тоже вполне правдивых и кротких людей, является его детская наивность и чрезмерная экспансивность. Он чрезвычайно общителен и никогда не молчит. В умственном отношении Мышкин даже выше других, но интересы его не имеют никакой сосредоточенности. Вообще весь душевный строй Мышкина производит впечатление какой-то лишь недавно обретенной почвы. В нем не видно никакого духовного наследия исканий. Есть уже обретенность, но обретенность чего-то очень простого личного, хотя быть может самого драгоценного. Он словно тотчас после кораблекрушения и еще осматривается. Однако жизнь не дает ему осматриваться, так как ввергает его в водоворот страсти и интриг, которые он тотчас принимает близко к сердцу, как свои собственные. Жизнь чувств у него очень интенсивна. Однако все чувства как-то слишком слиты с его чисто христианской любовью, благожелательством и состраданием. Отчасти из за этого ему даже трудно определить, какую-же из женщин, к которым он особенно привязался, он любит настоящей любовью мужчины. Да и есть-ли у него такая любовь? Христианином его очень трудно назвать. О христианстве он почти не говорит. Только в последнем разговоре перед гостями Епанчиных он распространяется по поводу католичества. Поэтому Мышкина трудно отнести к какой-нибудь определенной идеологии, он все же более всего определяется чувством и совестью. Положительно, на том пути, на который он стал, он делает еще какие-то первые шаги. Но и в этих первых шагах он чрезвычайно многозначителен, многозначителен в какой-то а б с о л ю т н о с т и некоторых своих свойств.

Хотя он и первый в том новом рядоположении, о котором мы теперь говорим, но его приходится поставить в параллель именно Ставрогину, последнему в ряде преступников. Его роднит с ним именно эта а б с о л ю т н о с т ь его душевных свойств, какой-то переход человеческого в сверхэмпирическое. Он, как и Ставрогин, стоит как-бы у точки пересечения двух линий, но только уже по другую сторону, за перевалом. Мышкину необходимо время и спокойствие, чтобы обрести более конкрет-

ное и в то же время многостороннее содержание, развить свои интересы и волю. Но этого ему не дают люди и обстоятельства. Это должны сделать другие.

В качестве следующего за Мышкиным мы помещаем Зосиму. Зосима уже вполне конкретен и определенен. Вообще он духовно богаче Мышкина и поэтому он для нас последующий. Но и он все же один из семьи героев Достоевского, и у него есть прошлое, роднящее его с представителями первой линии. Если-бы этого прошлого не было, то Зосима был-бы обыкновенный аскет, монах, и отцу Ферапонту не было-бы оснований его ненавидеть. И все своеобразие его старчества заключается в этой прикосновенности к греху. Но из этого же своеобразия вытекает и новая программа пути, исполнение которой он уже завещает своему преемнику Алеше.

Алеша Карамазов последний представитель намеченной Достоевским второй линии. Его приходится назвать последним, во-первых, потому, что он все же наиболее освобожден от прошлого. Этим он отличается главным образом от Мышкина. От Зосимы же его отличает именно то, что сам Зосима ставит его в иные условия жизни, завещает ему оставаться в миру. Уже в силу этого он должен быть совершенно иным, чем Зосима, хотя и принявшим от него все его духовное наследие. История Алеши обрывается перед нами на его юношеском возрасте. И в этом возрасте мы можем отметить лишь те новые задатки и способности, которые в будущем должны, по замыслу автора, создать в Алеше совершенно особенный вид общественного служения. В области этих задатков Алеша представляет сочетание того, что имеют и Мышкин, и Зосима, т. е. необычайное чистосердечие одного и, кроме того, унаследованный опыт и понимание другого, и при том в положении человека, находящегося в миру. В силу этого и действенность Алеши совсем другая. Мышкин все же жил личною жизнью. Алеша ее еще почти не имеет,—он живет жизнью других. Мышкин не только другими не мог руководить, но и самого совершенно запутывался в своих личных отношениях. Алешу, несмотря на его юношеский возраст, мы видим в сущности в роли руководителя, прямо скажем, духовного воспитателя других, и при том не только мальчиков, с которыми он сталкивался, но и взрослых, и прежде всего своих старших братьев. Здесь он прямо как-бы берет на себя роль Зосимы. Однако и от Зосимы имеется весьма существенное отличие. Зосима мог руководить только тем, кто к нему приходил, кто уже стоял на определенной религиозной почве. Алеша действует на всех, с кем он сталкивается в миру. В этом отношении поприще действия у него гораздо шире и разнообразнее, и самые способы влияния гораздо более свободные.

Незавершенность у Достоевского его последнего героя едва-ли можно рассматривать, как случайность. Представить Алешу взрослым—это было-бы задачей, пожалуй, уже выходящей из рамок только художественного творчества, слишком большие и новые задания были ему завещаны. Для Достоевского это значило бы перерасти самого себя. Во всех своих героях он, в сущности, представил в своеобразных перспективах, внешних

в больших неувеличениях свои собственные черты и мысли. „Дневник писателя“ все-же вариация и рационализация того, что было им представлено в художественной форме. Границы же собственных потенций Достоевского, в сфере положительных програм, были по существу и границами его времени.

С. Аскольдов.

В. КОМАРОВИЧ.

Роман Достоевского „Подросток“, как художественное единство.

Роман Достоевского „Подросток“, как художественное единство.

Исследование генезиса романа „Подросток“ [1]) обнаружило две главные сюжетные группы, сталкивавшияся в творческом потоке и иерархически разместившиеся в законченном романе. Это — жизнеописание „подростка“ („великого грешника“ I-ой части „Жития“) [2]) и „любовь-ненависть“ Версилова и Ахмаковой.

Другие сюжетные группы законченного романа (любовь Лизы и князя Сергея; трагикомические приключения старичка-князя и Анны Андреевны) генетически не освещены тем рукописным материалом, который был в нашем распоряжении, [3]) но,—надо думать,—это самые поздние наслоения, своим возникновением обязанные первенствующей роли Версилова... Приемы согласования обособленных сюжетных групп в художественном единстве романа могут быть наглядно показаны только вслед за раскрытием символов романа. Как увидим, архитектонический принцип романа „Подросток“ подчинен его главному символу...

I.

Главный интерес романа „Подросток“ сосредоточен в страсти Версилова к Ахмаковой. Однако, действие романа обнимает собою только последние фазы и катастрофическое завершение этой „любви-ненависти“, „la haine dans l'amour“. Фазы эти строго связаны между собой прагматически,—всегда строго обусловлены чем-нибудь внешним; за каждым показанным в романе моментом страсти скрыта и чувствуется некая причина его, и это всегда внешнее событие, как бы из жизни, из „действительности“. Ахмакова появляется у старика-отца [4])... возвратившись

---

[1]) См. „Генезис романа Достоевского „Подросток“ („Литературная Мысль“, кн. 3).

[2]) См. „Ненаписанная поэма Достоевского“ в сб. „Достоевский“,

[3]) „Рукописные варианты романа „Подросток“ („Начала“, кн. 2

[4]) Этим начинается действие романа.

из Москвы, где разыскивала компрометирующее ее письмо; Версилов исповедается „подростку“... потому что умер Макар Иванович, потому что Ахмакова прислала ему письмо и т. д. Эта обусловленность всех изображенных событий страсти событиями жизни, сухими „фактами“, сопровождается другим однородным приемом: события романа уложены в четкие и чрезвычайно сжатые временные пределы. Перед читателем как бы запротоколированные события нескольких дней. Художник ни на минуту не позволяет забыть, например, что вся первая часть — это только три дня сентября месяца „прошлого года“, начиная с 19-го числа; вторая часть романа — это 15-ое, 16-ое, 17-ое ноября того же года и т. д. И эти дни прослежены с утра до ночи, так что, следя за развивающимся действием романа, мы как бы слышим биение времени, следим за часовой стрелкой. Так же резко очерчены пространственные пределы действия: все происходит в Петербурге, в определенных местах города: Версилов живет в Семеновском полку, Татьяна Павловна — около Политехнического Института, „подросток“ — на Вознесенском проспекте („близ Вознесенского моста, в огромном доме, на дворе“), Зверев и Дергачев — на Петербургской стороне, Васин — на Фонтанке („у Семеновского моста“), Ламберт — в Косом переулке, около Летнего Сада. Всем этим Достоевский создает необыкновенно яркую иллюзию реальной эмпирической действительности. Роман его — словно клочек из нашего повседневного опыта: над ним царит логика жизни, события,— причины и следствия, цепляются друг за друга, текут во времени (дни сменяются днями), заполняют собою определенное пространство (дома и улицы Петербурга).

Но так изображены только последние моменты развивающейся страсти, только они внесены в этот тщательно воссозданный мир причин и следствий, пространства и времени. Начала этой истории,— зарождения страсти, первых фаз развития ее, мы тут не находим. Но, следя за романом,— все время ждем это начало, эту все об'ясняющую первопричину его — „любовь-ненависть“,— только результаты, только отзвуки которой и изображены так четко в романе... Художник несколько раз принимается рассказывать это начало истории Версилова, но всякий раз нарочно оставляет его не раз'ясненным, скрытым. Где-то неопределенно далеко, „за границей“ (вместо точно обозначенных улиц, кварталов Петербурга — для изображенных в романе заключительных моментов страсти), когда-то, неопределенно тоже, „два года назад“ (вместо этого подчеркнутого: „19-ое сентября прошлого года“, „15-ое ноября“ и т. д.) произошло несколько необ'яснимых, необычайных событий: попытка Версилова жениться на сумасшедшей девушке (Лидия Ахмаковой), ребенок у этой сумасшедшей от неизвестного отца, таинственная смерть, публичная пощечина Версилову и, наконец, разрыв его с Ахмаковой (героиней). Эмпирическая четкость изображенных следствий, отзвуков страсти, и эта неопределенная, вневременная удаленность, необ'яснимость страсти-первопричины — такой контраст переносит начало страсти куда-то за пределы романа, за пределы чувственной данности, которые для этого «

намечены так четко в романе. Благодаря этому приему [1]), художник заставляет угадывать т. е. трансцендентную обусловленность изображенного. Недаром страсть Версилова несколько раз названа „старой“, „вечной“ историей... Всем этим художник и принуждает читателя символически переживать изображенное.

Страсть Версилова к Ахмаковой, основа законченного романа, скрывает в себе тайну Платоновского Эроса.

Ахмакову называет „подросток“ воплощением „живой жизни“; о „живой жизни“,—своей вере-страсти,—говорит сам Версилов; „живая жизнь“ (Ахмакова) вожделенная цель „любви-ненависти“ героя... „Великая мысль,—говорит Версилов,—это чаще всего чувство... это всегда было то, из чего истекала „живая жизнь... то-есть не умственная и не сочиненная, а напротив нескучная и веселая... Это должно быть нечто ужасно простое, самое обыденное, в глаза бросающееся, ежедневное и ежеминутное, и до того простое, что мы никак не можем поверить, чтобы оно было так просто, и естественно проходим мимо вот уже многие тысячи лет, не замечая и не узнавая...“ „Многие тысячи лет!“... Достоевский явно приобщает своего героя каким-то вечным человеческим влечениям, вечно роковым страстям.

„Живая жизнь“ — это излюбленная формула Достоевского (она была найдена им еще в период „Записок из подполья“); в ней стремился Достоевский сжато выразить свою руководящую мысль, „идею-чувство“ всей своей жизни: текучая и дробная жизнь личности становится „живой“, только приобщаясь органически-целостному бытию вселенной; к такому устроению „живой жизни“ ведут человека мгновения исступленного восторга, когда он повергается и целует землю; этот восторг описан Достоевским как внезапный и непроизвольный, и потому Достоевский говорит иногда о „благодати живой жизни“; из благодатного восторга черпается этическое сознание трансцендентного единства эмпирически разобщенных особей,—убеждение, что „каждый за всех виноват“ [2]).

В художественной идеологии Достоевского „живой жизни“ противостоит „мечтательство“,—тоже излюбленная формула Достоевского с устойчивым содержанием. „Мечтательство“—это состояние обособленного

[1]) Его применяет Достоевский и в других романах: в „Идиоте“, в „Бесах“.

[2]) Такое истолкование „живой жизни“ Достоевского („живой“ в смысле истинно сущей, независимо от суб'ективных форм логического познания) оправдывается не только сопоставлением тех мест различных произведений Д-го, где этот термин встречается, но, кроме того, и явной традицией, исходящей от старших славянофилов: Ив. Киреевский, Хомяков в своих сочинениях охотно пользуются словом „живой“ в смысле Кантовского „Ding an sich“; напр. у Хомякова: „и те и другие (речь идет о папистах и протестантах) всецело погружены в ту логическую антиномию, на которую распадается всякое живое явление (просим припомнить Канта), пока оно рассматривается исключительно с логической его стороны, и которая разрешается только в полноте реальности“. (См. соч. А. С. Хомякова изд. 1907 г. т. II стр. 72—73).

уединения, когда личность идеалистически соотносится миру внеличному, превращая его в свое собственное призрачное порождение. „Живая жизнь“ и „мечтательство“ в художественных воплощениях Достоевского (Тихон, странник Макар, Зосима и Свидригайлов, Ставрогин, Иван Карамазов) кажутся обособленными и взаимно непроницаемыми мирами: глухое чувство судьбы сопровождает первое же появление Свидригайлова в ходе романа; „коренником крепок“ Тихон задуманного „Жития“ т. е. „живая жизнь“ дана ему, а не приобретена его личной волей, —как и „мечтательное“ наваждение Раскольникова... И однако, всем своим творчеством Достоевский искал точек соприкосновения этих двух обособленных миров. Им руководила мечта об очищении „мечтательства“ „благодатью“ живой жизни“. И нигде это не проявилось полнее, чем в трагической „любви-ненависти“ Версилова.

Версилов — „мечтатель“, как „подпольный“ герой, Раскольников, Ив. Карамазов; „книжный человек“ и потому „безногий“ т. е. разумом „мечтательством“ отъединен от земли, не стоит на ней, „хромает“; это блуждающий ум, не прикрепленный к внеличным, реальным ценностям (Символ: „всю жизнь странствовал, скитался“).

Но „мечтательство“ это направлено против самого себя, в этом своеобразие Версилова среди других „мечтателей“ Достоевского: оно не ведет его к „своеволию“ (Раскольникова); грезит он уже не о горделивом человеко-боге (Кириллова и Ив. Карамазова): „золотой век“ Версилова в „любви и простодушной радости“, в первобытно-невинном неведении своей личности, своей „самости“, в гармонической слитности человека с обожествленным миром... Две „картинки“ из „исповеди“, — „золотой век“ и „человечество без бога“, — противопоставленные друг другу, дают почувствовать преодолевающее себя самого „мечтательство“, это стремление ума выйти за свои пределы, „от умственной, сочиненной жизни к жизни живой“. [1]

Но „живая жизнь“, не привитая к „корням“ личности, но искомая только как идеал „мечтательного“ ума, — достижима ли, возможна ли? Версилов уже про себя знает, что нет или почти нет: ее непосредственная данность („ежедневное, будничное, простое“) ускользает („не замечаем и проходим мимо“): и остается только искать ее. В этом скрытая завязка, та первопричина роковой „любви-ненависти“, которая отнесена художником за пределы времени и пространства романа...

Об Ахмаковой говорит Версилову „подросток“: „Эта женщина, слушайте, Андрей Петрович, слушайте: эта женщина есть то, что вы говорили про „живую жизнь“... Вы говорили, что эта живая жизнь есть нечто до того прямое и простое, до того прямо на вас смотрящее, что

[1]) Важность для понимания Версилова указанных мест „исповеди“ и их противопоставлении засвидетельствована самим художником; в рукописи, закончив „исповедь“ Версилова, Достоевский записал как бы „для себя“: „мой мечтатель дорогой. О золотом веке и Атенам — это мне всего дороже — вот этого-то мне (курсив Достоевского) и недоставало (sic)“ См. „Начала“, N. 2.

именно из-за этой прямоты и ясности и невозможно поверить, чтобы это было именно то самое, чего мы всю жизнь с таким трудом ищем... Ну вот с таким взглядом вы встретили и женщину-идеал и в совершенстве, в идеале признали — „все пороки."

Перед художником стояла задача: показать в чувственной оболочке образа „живую" реальность и т. о. выразить тождество чувственного с сверхчувственным, — „живую жизнь". Достоевский разрешил эту художественную задачу тем, что показал не образ, но лишь переживание его близости, его присутствия, его реальности другими действующими лицами.

Ахмакова не действует в романе, почти не говорит, художник почти не дает ея портрета, внешнего облика. [1]) Ахмакова лишь является несколько раз перед читателем, и именно является: на мгновение, через посредство других персонажей романа, в их смятении, восторге и исступленности, она заставляет читателя почувствовать свое присутствие здесь, — то у старичка князя, у Татьяны Павловны, то у Версилова; и только. Но это все, цель этим достигается: мы чувствуем, что она существует: по контрасту с движением, смятением всех других, — в ней чувствуем неподвижность, покой, не бывание, а бытие, это источник „света, радости и счастья", „совершенство" и „святость", [2]) но святость не от'единенная от жизни, земная; Ахмакова — „земная царица". — „У вас ум веселый", говорит „Подросток"; „веселый" т. е. необособленный. Ум — не рассудок (Раскольникова, Ив. Карамазова) но тот „второй ум", которым наделил Достоевский князя Мышкина. „Красоты вы необычайной, а гордости никакой", — гордости „мечтательного" ума... Такова Ахмакова, символ „живой жизни", не умопостигаемого только совершенства-идеи, но идеи видимой, не „идеал", но „идеал-женщина".

К этому совершенству, — оно изначально присуще Ахмаковой, сокрыто в „корне" личности, „досталось ей даром", по словам „подростка", — к нему направлено смятенное влечение Версилова: в этом существо его страсти.

Весь роман — стремительный поток событий, неуклонно направленный к одной цели, — к сближению, встрече Версилова и Ахмаковой. Я роковой исход этой центральной сцены всего романа, единственной встречи их (часть III, глава 10), — он предугадывается заранее. Достоевский не изобразил эту страсть психологически (теперь понятно — почему), но в плане психического он дал лишь отзвуки, отголоски ее. В Версилове это — смятение, потрясенность, за ними угадывается все нарастающее напряжение воли — страсти, жажды его исцелиться „благодатью живой

---

[1]) В одном из черновых набросков рукописи записано „Ее костюм" (Курсив Достоевского); была, значит мысль показать, изобразить героиню; но цель эта так и не была осуществлена. См. „Начала" № 2

[2]) „Вы святая" — эта фраза „подростка" Ахмаковой полна, очевидно, для Достоевского смысла: он несколько раз и в разных местах рукописи записывает ее.

жизни". Но в Ахмаковой—это „всегда ужас [1])—всякий раз, как п[о]ток событий приближает к ней Версилова, и чем больше приближае[т] тем сильней нарастает это чувство, как сила сопротивления, отта[л]кивания и противоборства исканиям, жажде Версилова. В этой рок[о]вой неслиянности их, в этом бессилии Версиловско[й] страсти—смысл романа, его пафос.

„Я встретила вас такого-же как и прежде", говорит Ахмакова Ве[р]силову, „как бы увлеченная особенною и решительною мыслью и [за]каким-то странным внезапным чувством".

— „А вы надеялись увидать другого?"— отвечает он ей: „д[ру]гого",—чем только „величайший ум" (это она так его называет тут-ж[е]). Но другим он не стал еще, он все еще только „мечтатель", и бла[го]датное осенение только ожидается, ищется.

Ахмакова отталкивает Версилова только потому, что он сам [не] в силах приблизиться, подойти. Версилов способен искать „живую жи[знь]" только отвлеченно, только „мечтательно",— в идеалистической раз'един[ен]ности своего „я" и того реального, что сокрыто за идеей. Но [его] искание бесплодно, и тщетна его страсть к Ахмаковой. „Я вообра[жаю] вас, когда я один, всегда, говорит Версилов, я только делаю, что с ва[ми] разговариваю. Я ухожу в трущобы и берлоги—и как контраст, [вы] сейчас являетесь передо мною. Но вы всегда смеетесь надо мн[ой], как и теперь"... Он любит ее только воображая,, воссоздавая свой же идеал: одиночество „мечтателя", роковое идеалистиче[ское] одиночество непреодолимо („... я один, всегда"), и „живая жиз[нь]" превратившись в фантасмогорию, неуловимо ускользает из рук, исче[зает] („но вы всегда смеетесь надо мною"...) Непосредственная, „живая" [цель]ность мира не раскрывается „мечтательной" личности, „мечтатель" [про]ходит мимо „повседневного, простого", —не узнает, искажает.

„Я самая обыкновенная женщина, говорит Ахмакова.

„Нет... вы только развратная.. женщина, отвечает Верс[илов] неисцеленный „мечтатель", он „в совершенстве", „в женщине идеал[е]" „признал все пороки". Когда мечтательный идеал теряет свою при[зрач]ность и становится земной женщиной, „царицей", „мечтатель" не у[знает] его, отрекается: и стремясь обнять живое, почувствовать, что оно жи[вое], с роковой неизбежностью обнимает пустоту: „живая жизнь", бытие, [пред]стает перед ним как вместилище „всех пороков", как небытие... И[дея] разума и скрытое за ней реальное бытие,— двоится. Эта антиномия [идеа]листического духа выражена Достоевским в символах,— как двоение [Вер]силова между Ахмаковой и „мамой" (матерью „Подростка").

„Любит он (Версилов) маму более т. е. гуманною и общечелов[еческою] любовью, чем просто любовью... и чуть только встретил женщину, [ко]торую возлюбил этою простою любовью (Ахмакова), то тотчас же и [за]хотел этой любви вернее всего с непривычки". „Простая" любов[ь] [не]доступна потому, что „привык" любить отвлеченно..

[1] В рукописи, в сцене разговора „Подростка" с Ахмак[овой] (часть III, глава 6, Достоевский записал „Пота-бене: в ней бо[ль] ужаса". См. „Начала" № 2.

Художник назвал эту вторую женщину подле Версилова **Софией**, и как **умопостигаемое** лишь совершенство, как **идею** неземной мудрости, так любит ее Версилов („гуманною, общечеловеческою любовью")... Этот образ скупо, но выразительно намечен в романе — „я вас, мама, помню ясно только в одном мгновении, говорит „Подросток": когда меня в деревне раз причащали, и вы приподняли меня принять дары и поцеловать чашу, это летом было, и голубь пролетел насквозь через купол, из окна в окно..." А в другом месте романа „мама" благословляет „подростка" „восклонившись и вся сияя". М. б. реминисценции церковной живописи подсказали Д-му эти очертания идеально-далекого образа „матери". „Мама — ангел небесный" — говорит „подросток"... „Фатум" Версилова в том, что для него неизменно двоится искомое совершенство: „единственная царица", которую он ищет, предстает не „единственной", но раздвоенной, как „ангел небесный" и „царица земная". („Мама — ангел небесный, а она (Ахмакова) — царица земная", говорит „подросток"). Тождество **идеи** совершенства, и совершенства, **вмещенного жизнью**, — „живая жизнь" ускользает в раздвоенности „мечтательного" ума. Об этом и говорят символы Достоевского. Для Версилова „единственная царица" всегда двойственна, двулика. Он не признает Ахмакову за то, что она есть („живая жизнь") только потому, что не узнает в ней свою идею „живой жизни", свою „Соню". Но они тождественны... два лика, соединенных в одном образе, — „наследство Макара Ивановича", — Версилов не приемлет, не может, не в силах принять, и в „мечтательном" „беспорядке" раз'единяет, — раскалывает образ надвое. „Благообразие", „благодать живой жизни", чужда „беспорядку" „мечтательного" ума, — вот трагическая развязка романа.

Но неужели „мечтательство", как роковая предопределенность, неодолима? Достоевский показывает лишь далекий свет преображения. Пусть **здесь** Версилов расколол образ. Но два лика его, целостно соединенными, заповедал и передал умирая Версилову Макар Иванович, — хранитель тайны „живой жизни". И подобно классической Елене, „Фауста", сливающейся в каком-то завершающем плане с Маргаритой — тождественными и слитыми воедино должны быть поняты и два образа совершенства Версилова (Ахмакова и „мама"). Значит и для Версилова „живая жизнь" **где-то** станет возможной и достигнутой. Этим светом новой надежды проникнуты прощальные слова Ахмаковой: „Мы одного с вами безумия люди!" „Безумие" Версилова роднит и приближает его к „живой жизни". Версилов спасется тем же, чем и Фауст; это „неустанное стремление", воля; и именно воля, как „безумие", воля не порабощенная до конца разумом, но борющаяся с ним. Потому так и подчеркивает Достоевский неразумные, нелепые формы, в которых проявляется страсть Версилова: оскорбительное, „нелепое" письмо к Ахмаковой, „безобразное" нападение и т. д. Воля, вырываясь из оков разума, но не достигая еще последней свободы, предстает как „безумие". И в этом „безумии" — залог спасения... Среди „мечтателей" Достоевского Версилов ближе всех к „живой жизни". Его „мечтательство" отрицает себя, храня идею „живой жизни" (в противоположность другим мечтателям Достоевского); к пол-

ноге „живой жизни“ влечет и „безумная“ воля Версилова, не оставляет его холодным (как „мудрого“ Ставрогина), но делает горячим, огненным; в этом горении как бы все распадается на свои первозданные элементы и возможным станет новый сплав, рождение нового человека.

Так в символах романа „Подросток“ „живая жизнь“ предстала в аспекте трагического распада, — „раздвоения“, „двоения“, „двойника“. История Версилова и Ахмаковой для того только и выступила в романе как доминанта, чтобы ранее найденные символы „живой жизни“ (в задуманной поэме о „великом грешнике“) сделать трагическими.

Трагическая коллизия „мечтательства“ и „живой жизни“ выражена художником так, как только и могла быть выражена: несколькими актами, движениями, жестами; только ими непосредственно заявляет сущность волеустремления героя. В описательном, образном материале романа, который всегда имеет лишь посредствующее, приуготовляющее значение („Исповедь“ Версилова, рассказы „Подростка“ и пр.) художник резко выделил несколько моментов, как главных, сосредоточив всю значительность каждого из них в одном каком-либо жесте.

Первый припадок безумия Версилова — его „двоения“ между „Со-мой“ и Ахмаковой, связанный с определенным событием романа (оскорбительное письмо к Ахмаковой) и в этой связи подробно изображенный (волнением „подростка“, Татьяны Павловны), — непосредственное выражение находит себе только в смехе Версилова (часть II, гл. ...): „Он смотрел пристально, но улыбка его раздвигалась все более и более и решительно переходила в смех...

— Вы смеетесь, вы смеетесь! Вам смешно!

Он... смеясь, смеясь уже настоящим смехом вышел“... Смех, как бы ни определять его философский смысл, всегда таит в себе хотя бы смутное сознание некоторого неожиданного несоответствия, несовпадения, сознание противоречия. Об этом ведь, с разных только точек зрения, говорят и все философы, разрешавшие проблему смеха. Кантово „напряженное ожидание, разрешающееся в ничто“; „внезапное несовпадение понятия с реальным об'ектом“ у Шопенгауэра; наконец, согласно Анри Бергсону, автоматичность в живом явлении (там, где ожидается активность) — все эти определения смеха одинаково отмечают противоречивый характер переживания, скрывающегося за смехом.

В смехе может быть выражено и трагическое противоречие; угадал Достоевский, выразив жестом смеха „двоение“ Версилова. Ускользающая от „мечтательного“ ума „живая“ реальность совершенства, усилие воли найти тождество идеи совершенства и его „живой“ данности, когда ожидаемое, желаемое тождество вдруг распадается, расплывается... Достоевский находит всему этому выражение в „раздвигающейся“ растягивающейся улыбке, смехе своего героя...

Если сцена смеха об'единяет начальные фазы общего действия романа, то следующие очередные фазы также группируются вокруг одной сцены и приобретают последний смысл и значение то...

через нее. Это сцена с образом, „наследством“ Макара Ивановича (часть III, глава 10). Здесь также все сосредоточено в одном жесте (расщепление образа Версиловым) и в сопутствующем ему монологе героя; монолог прерывается репликами „мамы“, Татьяны Павловны, чем достигается сценичность момента. Не имея сцены, но принужденный все время искать чисто сценических, непосредственных эффектов, Достоевский преодолевает опосредованность словесного изображения тем, что выделяет и подчеркивает с сильнейшей резкостью один момент действия один жест, заставляя этим как бы наглядно воспринимать его, видеть, как подлинный акт, но не рассказ о нем только...

Наивысшего напряжения действие романа достигает в сцене единственной встречи Версилова и Ахмаковой (тоже часть III, гл. 10). Это диалог; чередование двух голосов,—оно выражает до конца трагическое противоречие,—совершенно лишено той условной согласованности, сглаженности, плавности в ритме, которая прикрывает обычно трагическую сущность диалога, когда им пользуется описательное, эпическое искусство. У Достоевского диалог вполне раскрывает свою дисгармоническую сущность. Реплики,—обрывающиеся, как-бы отталкивающие друг друга,— чередуются с сосредоточенно-лаконическими периодами: „я воображаю вас, когда я один, всегда. Я только и делаю, что с вами разговариваю и т. д“. Но вдруг:

— „Любила

— А теперь?

— Теперь не люблю!

— И смеетесь“.

И все завершается срывом как-бы,—в выкрике Версилова: „я вас истреблю“!

Приуготованная этим диалогом развязка романа сосредоточена в одном моменте, катастрофическом разрешении,—опять только в жесте, словесная передача которого своей лапидарностью опять заставляет как бы видеть, непосредственно чувствовать самый жест, словно дан он сам, но не рассказ только о нем. Это - сцена безобразного „нападения“ Версилова, в союзе с Ламбертом, на Ахмакову (часть III, гл. 12). Ахмакова на гнусное предложение Ламберта — „встала с места, вся покраснела и — плюнула ему в лицо“. Ламберт—схватил ее за плечо и показывает револьвер; в ту-же минуту, из двери в коридор выбегает Версилов... Художник нанизывает жест на жест, избегая какой-либо интерпретации, избегая и неподвижных образов, описаний, всю силу катастрофического разрешения сосредоточивая только в чистом жесте.

„Версилов выхватил револьвер у Ламберта и изо всей силы ударил его револьвером по голове. Ламберт зашатался и упал... Кровь хлынула на ковер... Он бросился к ней... Он схватил ее, с неимоверною силою поднял ее к себе на руки, как перышко, и бессмысленно стал носить ее по комнате, как ребенка... Он все смотрел на нее, на ее лицо... Я раздвинул портьеру и стал умолять его положить ее на кровать. Он подошел и положил, а сам стал над нею, пристально с минуту смотрел

ей в лицо и вдруг, нагнувшись, поцеловал ее два раза в ее бледные губы... Вдруг он замахнулся на нее револьвером". Только такой сухой передачей нагроможденных друг на друга жестов („схватил", „поднял" „бессмысленно стал носить", „поцеловал два раза", „замахнулся") художник достиг адэкватного выражения метущейся воли и рокового бессилия; только в жесте „поцеловал два раза" — „вдруг замахнулся" нашел Достоевский ту силу конкретного символа, которой не доставало вероятно словесному рассказу.

*

Трагическое ядро законченного романа „Подросток" подчиняет себе другие самостоятельные эпизоды — старичка князя Сокольского (его влюбленность в Анну Андреевну Версилову, желание жениться, привязанность к дочери, Ахмаковой, не разрешающей этого брака) и эпизод князя Сережи и Лизы.

Их назначение в романе оттенять трагическую природу страсти главного героя. В них мы находим искаженные отражения некоторых внешних признаков страсти Версилова; благодаря этому с большей отчетливостью выступает внутренний признак „двоения" Версилова, — трагический характер его.

Версилов смехом выражает свою сущность, „двоение". Ахмакова говорит ему: „мне всегда казалось в вас что-то смешное". Это „смешное" знает в себе и Версилов: „Вы испугались моего беспорядка, верши идей, глупостей?" спрашивает он.

Художник не раз подчеркивает этот мелькающий оттенок смешного в своем герое: в „исповеди" Версилова „мелькало иногда что-то как будто смешное": Версилов — пророк, но пророк — „бабий", смешное.

Чтобы не ослабить трагический пафос страсти героя, смешением трагического со смешным, а наоборот, стремясь смешным оттенить и усилить трагическую силу „двоения", Достоевский отделяет от главного героя внешнюю, комическую сторону его „двоения" и показывает ее в самостоятельном рассказе о страсти старичка-князя.

Достоевский вообще скуп на портретные изображения своих героев; но уже в тех немногих штрихах, которыми зарисованы портреты Версилова и старичка-Сокольского, он заставляет угадывать в одном карикатуру другого. Портрет Версилова собственно не дан в романе: вот единственный намек на него, которым художник сопровождает первое появление героя перед читателем: „когда он снял в дверях шляпу целый пук его густейших, но с сильной проседью волос так и прянул на его голове". Достоевский как-бы с целью останавливает внимание на этой подробности: „я любил смотреть на его волосы" — прибавляет рассказчик... И вот давая сжатый очерк внешности старичка-князя, почти ограничивается повторением этого-же Версиловского признака: „густые седые вьющиеся волосы"...

Но в старичке-князе есть и еще одно разительное сходство с Версиловым. „Лицо его было на вид чрезвычайно серьезное, но имело какое-то неприятное, почти неприличное свойство вдруг переменяться из не-

обыкновенно серьезного на слишком уж игривое, так что в первый раз видевший никак бы не ожидал этого". — „Я говорил об этом Версилову, который с любопытством меня выслушал", — опять прибавляет рассказчик.

Смешной тени героя присвоена его улыбка,—неожиданно, в самые „серьезные" моменты раздвигающаяся в беззвучный смех. Здесь этот символ трагического „двоения" отражен, как карикатура: „раздвигающаяся" улыбка там, здесь—„игривая"; свойство это у старичка — „неприличное"... Версиловское смятение, безумие здесь — старческое слабоумие: „потрясения с ним могли случаться поминутно, бог знает с чего... он как бы терял здравость рассудка и переставал управлять собой... Он оборвал, раскис... нижняя губа его, очень полная, совсем отвисла".

Подобными признаками Версиловское смятение переносится в сферу комического... „Пророчества" Версилова здесь именно „глупость". Старичок „заседал в советах, говорил длинные речи, опровергал, шумел и, очевидно, с удовольствием. Говорить речи ему очень понравилось, и, вообще, он ужасно полюбил вставлять в свой разговор особенно глубокомысленные вещи или бонмо"... „Великий ум", истинное глубокомыслие Версилова здесь—старческая болтовня, „бонмо". И в таких же карикатурных чертах отражена трагическая страсть Версилова, его „двоение" между Ахмаковой и „мамой". Страсть Версилова к Ахмаковой в этом плане комического, — старческая мания жениться, предложение Версилова Ахмаковой в карикатуре. „Всякая вещь, cher enfant, может быть и величественна, и смешна",—говорит старичек „подростку". Тоска Версилова по „живой жизни" узнается, как „смешная", во влюбленности старичка-князя в Анну Андреевну. „Я бы всех простил, друг мой. Мне хочется всех простить, и я давно уже ни на кого не сержусь. Искусство, la poésie dans la vie, вспоможение несчастным и она, библейская красота. Жизнь есть тоже художественное произведение самого творца, в окончательной и безукоризненной форме пушкинского стихотворения"...

В этом старческом эстетизме таится мечта Версилова о „живой жизни", проистекающей из „великой идеи".

„La poésie dans la vie"— это переведенная на французский язык, окарикатуренная мечта Версилова.

И, так же, как у Версилова, она воплощена в образ женщины: „La poésie dans la vie и она, библейская красота. Quelle charmante personne, a? Les chants de Salomon... non... C'est David, qui mettait une jeune belle dans son lit pour se chauffer dans sa vieillesse".

Это—„земная царица", но признание ее святости —французское bon-mot. „У Поль-де-Кока вышла бы из этого какая-нибудь scène de bassinoire и мы бы все смеялись". Так шаржирует Достоевский трагедию „живой жизни" Версилова...

Анна Андреевна, по отношению к старичку-князю, — „земная царица" Версилова, Ахмакова. Не даром Анна Андреевна темная, „по-

лосы черные, пышные, глаза темные", так же, как темной с черными глазами,—в противоположность светлой, голубоглазой „маме",—предстает „подростку" Ахмакова.

Старичек-князь тоже, подобно Версилову, двоится в своем влечени Кроме Анны Андреевны он любит еще дочь свою—Ахмакову, и бо ее; она мешает ему женится, не позволяет, чтобы не потерять насле ства; это окарикатуренные отношения Версилова к „маме", из-за которой он не может жениться.

Так же связаны с историей Версилова приключения старичка князя: похищение его Анной Андреевной, бегство от Ахмаковой в Ц ское Село (бегство Версилова от „мамы" за границу). В такой кари катуре, как бы оправдывается теория смешного у А. Бергсона: приклю чения князя смешны именно тем, что механически, как автомат на пружине, воспроизводят и сопутствуют событиям „вечной истории" Версилова... „Двоение" Версилова символически сосредоточено в расколотом образе странника Макара; вот каррикатурное отражение этого символа старичек-князь видит сон, — „входит старик с бородой и с образом расколотым на-двое, и вдруг говорит: „Так расколется жизнь тво"

Вот и еще такая же паралле ь.

Версилов, после смерти Макара Ивановича, перед „исповедью" сыну, останавливается у портрета „мамы"; в нем „отразилось что страдальческое... гуманное, высшее". Он снял портрет, обеими руками приблизил к себе, поцеловал его...

Да, друг мой, я ее очень любил, но кроме зла ей ничего сделал...

Старичек-князь тоже в решительную минуту своего „двоения" требует, чтобы „подросток" подал ему „портрет Кати". — „Я отыск фотографический, в овальной рамке, портрет Катерины Николаевны он взял его в руку (Версилов „обеими руками приблизил к себе"), поднес его к свету, и слезы вдруг потекли по его желтым, худым щ в Версилове „что-то страдальческое").

— C'est un ange, c'est un ange du ciel! — восклицает Всю жизнь я был перед ней виноват" (Версилов: „кроме зла ей ничего не сделал")...

Если „земная царица" для старичка-Сокольского—Анна Андреевна, то место „мамы", „ангела небесного" здесь,— в каррикатуре,— занимает Ахмакова!

О ней об Ахмаковой, говорит старичек, своей французской фразой явно переводя присвоенное „маме" наименование: c'est un ange c'est un ange du ciel" („ангел небесный"). Ведь Ахмакова только казалась черной, у нее только ресницы темные, а глаза светлые, как у „мамы".

Такими отражениями трагического в смешном достигается романтический эффект иронии. Ведь, если только в каррикатурном отражении становится возможно искомое Версиловым тождество, если только сливается воедино „ангел небесный" и „царица земная", „мама" и

Ахмакова,—тем безнадежнее страсть Версилова, тем сильнее ее трагический пафос [1]).

Приключениями старичка-князя трагическая основа романа отражается, как смешная. Любовь князя Сережи и Лизы иначе отражает двойственную страсть Версилова. Князь Сережа любит Лизу так же, как Версилов „маму“: постоянно уходит от нее („скитается“), но и всегда возвращается, потому что не может без нее долго жить; но зная, что должен жениться на ней, — все-таки делает предложение Анне Андреевне, как и Версилов Ахмаковой. Достоевский все время подчеркивает эту аналогию,—сохраняет в побочном сюжете внешние признаки главного.

Но „двоение“ князя Сережи сохраняет только оболочку страсти Версилова; содержание за этой оболочкой иное. Его „двоение“ лишено трагического пафоса и потому неминуемо соскальзывает в подлость, позор, бесчестие (исключен из полка, замешан в деле Стебелькова с фальшивыми акциями, доносит на Васина). В князе Сергее совсем уж нет страстного безумия, огненной стихии Версилова, которая в Версилове сохраняется от исконной связи с землей.

Князь Сережа „безнадежно слаб“.

Как Фауст, чтобы быть понятным, нуждается в Вагнере подле себя,—так роковая сила Версиловского стремления отчетливей выступает на фоне „бессилия“ князя Сергея.

Именно для этого,—чтобы усилить такое отношение,—и сближает Достоевский (во всем остальном) этих двух героев своих, отражает Версилова в князе Сереже.

Он так же, как Версилов, дорожит своим дворянством; однако, для него оно не источник „живучести“, а, наоборот, источник мертвенной обособленности; слова Версилова о дворянстве и „живой жизни“ он не понимает вовсе, сердится.

Князь Сережа двойственность свою,—как Версилов, как старичок Сокольский,—выражает смехом; этот жест сохраняют все три героя, и тем самым два из них об'единяются вокруг первого, главного...

— „Как!—вскричал он смотря на меня почти вытаращенными глазами в упор и скосив все лицо в какую-то длинную, бессмысленно-вопросительную улыбку“... „Двоение“ князя

[1]) Отражение трагического в смешном—довольно характерный для Достоевского художественный прием. Сам он определяет, например, именно так соотношение Ставрогина и Петра Верховенского в замысле „Бесов“: „Это лицо (Верховенский) на половину выходит у меня лицом комическим... Другое лицо (Николай Ставрогин)... Это лицо—трагическое“ (Письмо к Каткову 8/20 октября 1870 г., „Былое“ № 14, стр. 49). Этот художественный прием у Достоевского может быть возведен к определенной литературной традиции: не говоря уже о немецких романтиках (Гофман, напр.) его широко применял в своем творчестве В. Гюго,—даже обосновал теоретически, как норму романтического театра („le drame... c'est une tragédie sous une comédie, la comédie fondue dans la tragédie“. См. „Cromwell“). Увлечение Достоевского этим французским романтиком не подлежит сомнению. Не менее близок был Достоевскому и Гофман.

Сергея иное, чем у Версилова: он ищет себе точку опоры только в домах рассудка и, не находя ее тут, неизменно опускается до „подлости". Поэтому и смех князя Сергея отмечен новыми (по сравнению с Версиловым) признаками: в нем что-то „оскаливающееся", он „скалит зубы" [1]).

Страстной воли Версилова к „живой жизни" нет у князя Сергея. Тайна Эроса ему не открыта. И потому его колебания между добром и злом безжизненны и бесплодны. Ему присвоен традиционный у Достоевского символ духовной мертвенности:

— „Мне все пауки снятся!— говорит он, стоя уже на краю сумасшествия...

Сходство князя Сережи с Версиловым тем более разительным делает основное несходство их. Рядом с безволием одного еще более видимой и ощутимой становится страстная воля другого (Версилова). Но ведь в этой воле Версилова — весь трагический пафос его „исповеди", всего романа: если бы страстно не влекся Версилов к „живой жизни", недостижимость ее,— неслиянность Версилова и Ахмаковой,— не была бы трагедией. Поэтому, выделяя и подчеркивая волю Версилова, эпизод князя Сережи и Лизы усиливает трагический пафос основного ядра романа.

В таком же символическом подчинении „главному" предстает в законченном романе и генетическая первооснова его—рассказ о „подростке", осколок жизнеописания „великого грешника". К этому подчинению вели все последовательные отклонения художника от первоначального замысла. В законченном романе „колебания" „подростка", сопутствуя „двоению" Версилова, в существе своем тождественны ему. Это тоже воля, направленная к утверждению „живой жизни", противоборствующая от'единяющему „мечтательному" разуму. „Двоение" „подростка" принимает только разные обличия и, сопровождая „двоение" Версилова, т. е. разнообразя и множит главный символ романа. Так, в 1-й части, где трагическая сущность „любви-ненависти" лишь намечена, ей сопутствуют „колебания" „подростка" между „идеей" (ротшильдства) и необ'яснимой для него самого жалостью к девочке-подкидышу; во 2-й части „двоение" Версилова раскрывается в его безумном поступке (письмо к Ахмаковой; это у „двоению" сопутствуют новые символы, которыми облекается теперь тождественное „двоение" „подростка": это рулетка (она соответствует „идее") и влюбленность в Ахмакову (антитеза рулетке, „идее"); наконец, в 3-й части, где „двоение" Версилова вступает в свои полные фазы, ему соответствует раздвоенность „подростка", между „благообразием" странника Макара и научным развратом Ламберта.

Благодаря таким соответствиям трагическое противоречие „мечта-

[1]) Этот штрих имел большое значение для Достоевского. Прежде чем появиться в законченном романе, он несколько раз повторен был в рукописи. См. „Начала", кн. 2.

тельства“ и „живой жизни“ распространяется на все многообразие романа, как бы изобличается мировая сущность его...

Рассказ о „подростке“, возникнув непосредственно из житийного замысла, подчинился трагической основе законченного романа. Однако, в нем сохранились следы тех широких заданий, которые руководили первоначальным „житийным“ замыслом Достоевского; если в пределах романа „колебания“ подростка отмечены тем же роковым характером, что и „двоение“ Версилова, то за пределами романа, где-то в будущем, художник указывает возможность синтеза раз'единенных и борющихся начал „мечтательства“ и „живой жизни“.

В эпилоге романа глухо упомянуто о новом (после катастрофы) и более прочном сближении „подростка“ с героиней. Но „это—уже другая история, замечает Достоевский, совсем **новая** история, и даже, может быть, вся она еще в будущем“. Так „старой истории“ трагического „двоения“ (которая „длится вот уже многие тысячи лет“) явно противополагается, „новая история“ „подростка“, которая, однако, „вся еще в будущем“. То, что недостижимо для Версилова, может быть окажется достижимым для его сына. И такие указания художника в желанное будущее окончательно скрепляются предсмертным заветом „подростку“ странника Макара... Рассказ о „подростке“ („великом грешнике“ первой части „жития“), превратившись в законченном романе лишь в отголосок трагической страсти главного героя (Версилова), все же сохранил в себе намеки на ту мысль о теодицее, которой руководился Достоевский, еще только задумывая произведение свое.

II.

Связанные друг с другом как символы, четыре сюжетные группы романа „подросток“ в ходе романа очень слабо связаны между собой прагматически. Если в художественном об'екте прагматическую связь предметного называть **сюжетом** (а только это и условимся подразумевать далее в понятии „сюжет“), тогда необходимо признать, что в романе „Подросток“ все об'единяющего собою сюжета нет, но есть пять сюжетов (пятый—эпизод девушки-самоубийцы и ее матери),—обособленных, взаимно непроницаемых. Однако, прагматическая закономерность осуществлена в пределах каждого из пяти дроблений романа.

Отдельные события истории Версилова (оскорбительное письмо Ахмаковой, расщепление образа и пр.) закономерно вытекают из изображенных характеров Версилова, Ахмаковой, „мамы“; похищение старичка-князя также закономерно подготовлено характером это трагикомического героя и Анны Андреевны и т. д. Тут жизненая логика событий и характеров доведена до степени необходимости. И однако подобной прагматической закономерности не находим почти вовсе, лишь только выходим за пределы каждого из этих дроблений, лишь только останавливаем внимание на точках соприкосновения их друг с другом. События „любви-ненависти“ Версилова к Ахмаковой ни в какой степени не обусловлены перипетиями рассказа о князе Сереже и Лизе; этот по-

следний в своем закономерном развитии тоже ничем почти не обязан рассказу о приключениях старичка-Сокольского и т. д. (Поэтому, каждое из этих дроблений и может быть названо **самостоятельным сюжетом**). И видно, как художник старается только замаскировать эту прагматическую раз'единенность эпизодов. Только для этого вводятся некоторые подробности, явно придуманные, неоправданные дальнейшей последовательностью романа. Например, Версилов и князь Сережа связаны в своем прошлом любовью к одной и той же женщине (Лидии Ахмаковой). Версилов подбивает князя Сережу напасть на Ахмакову; князь Сережа сватается к Ахмаковой. Очевидно, этими подробностями — совершенно не нужными; как символы, и ничего не дополняющими ни в сюжете Версилова, ни в сюжете князя Сергея, — Достоевский старался, — хотя бы видимо, — скрепить, связать эти два самостоятельные сюжета. Такой же нарочито придуманной подробностью представляется отдаленое родство князя Сережи и старичка-князя (Сокольского), особенное участие старичка к судьбе родственника. Все это внесено в роман только потому, что помогает художнику развивать несколько сюжетов одновременно, через самостоятельные перипетии их как бы перипетии одного сюжета [1]. Итак, пять указанных дроблений романа, **как сюжеты**, не об'единены [illegible] обособлены друг от друга. Это утверждение может показаться парадоксальным.

В романе, — это видишь прежде всего, — осуществлено некоторое подобие сюжетной координации между рассказом о „подростке" и всеми остальными...

История „подростка" — „история первых шагов на жизненном поприще" первых колебаний между добром и злом. („Я жалкий подросток и сам не знаю поминутно, что зло, что добро"). И потому не случайно, а в согласии с самой сутью этой „истории колебаний" герой ее причастен к событиям всех остальных рассказов. История „подростка" тем самым связывает все прочие между собой, словно фазы своего развития, расширенные только до известной степени самостоятельности. К тому же весь роман написан, как автобиография, носит название „Подросток" [2]. Отсюда и можно легко усмотреть объединение всех дробных элементов романа в одном сюжете повествования о „подростке". Но если эта связь и существует, то не она создает художественное единство романа [illegible] отношению к рассказу о „подростке" слишком самостоятельны [illegible]

[1]) Искусственный характер подробностей, скрепляющих между собой обособленные сюжеты романа, особенно заметен в одной из них: во 2 гл. I ч. у старика Сокольского появляется Анна Андреевна с компаньонкой. Рассказчик выражает эту спутницу героини, заставляет читателя запомнить ее имя: Олимпиада, тут же предуведомляет о ее будущей роли в романе („заметьте для будущего", „если я описываю в точности подробности, то единственно для того, что понадобится в будущем", все это ведет в будущее и там понадобится. В своем месте все отзовется" и т. д.). И несмотря на все это, компаньонка Анны Андреевны в дальнейшем ходе романа не выступает ни разу.

[2]) Первое журнальное издание 1875 г. имело еще и подзаголовок „Записки юноши".

четыре, чтобы признать их фазами его развития. История князя Сережи и Лизы, —правда, это одновременно и история „позора“, мнимой подлости „подростка“.

(Он берет деньги у князя, а князь дает их, воображая, что выплачивает за падение Лизы ее брату).

Тоже и история Версилова и Ахмаковой: это история неизвестного разыскиваемого отца, история первой любви, — история „подростка“. Но и в первом и во втором рассказе об'единяющие функции рассказа о „подростке“ очень часто не только ослабевают, но исчезают совсем, низводятся только до степени оповещения рассказчиком виденного, до степени чисто внешней связи. Сцена с разбитым образом или свидание Версилова с Ахмаковой,—такие моменты романа, хотя и переданные, как виденное, „подслушанное“ „подростком“, но их самодовлеющий интерес и значение настолько преобладают, что причастность их к жизни „подростка“, к его „колебаниям“ совершенно теряется. Такие моменты романа резко выступают из внешних рамок автобиографии, оставляя ее позади, как фон, как чисто внешнюю связь. Так, эти внешние признаки (автобиографический характер романа, его заглавие) свидетельствуют самое большее опять только о намерении, попытке художника об'единить все разрозненные сюжеты романа в одном из них, в сюжете „подростка“. И намерение это, конечно, стояло в связи с обобщающим характером того первоначального художественного задания (житие великого грешника“), из которого возник рассказ о „подростке“ законченного романа. Но после сложной своей эволюции [1]) рассказ о „великом грешнике“ („подростке“) не мог уже дать из себя прочную ткань обобщающего сюжета...

В романе Достоевского такого сюжета нет...

Но вместо сюжета находим некоторую его фикцию: фабулу; вместо всесторонних прагматических связей (характеров, лиц, поступков—событий)—одностороннюю связь внешних событий только, происшествий. Целям такого внешнего об'единения служит авантюра с письмом. Как бы восполняя обнаружившееся бессилие рассказа о „подростке“, (предназначенного ведь первоначально об'единять своим сюжетом художественное целое) Достоевский привносит в него эту фабулу. „Подросток“—обладатель таинственного письма, которое всем необходимо, каждому из действующих лиц романа помогло бы в его намерениях и стремлениях; его все ищут, все домогаются: Версилов, как надежное оружие в любовной борьбе; Ламберт, как средство к наживе, Анна Андреевна—чтобы поссорить старичка-князя с дочерью; Ахмакова—чтобы избежать ссоры с отцом. Таким искусственным приемом разрозненные рассказы романа прикрепляются к одному из них,—рассказу о „подростке“,—и через него, хотя бы видимо, соединяются друг с другом... Но фабула эта не выполняет даже тех скромных задач внешнего об'единения событий романа,

---

[1]) См. „Генезис романа „Подросток“ („Литературная Мысль“ кн. 3).

которые явно заданы ей художником [1]); внешне об'единяя историю Версилова, приключения старичка-князя и жизнеописание „подростка“, — фабула совершенно не захватывает собой рассказа о князе Сереже и Лизе; для него, как мы видели, художнику пришлось подыскивать иные совпадения с другими дроблениями романа.— в эпизоде Лидии Ахмаковой, например. В законченном романе „Подросток“ об'единяющие функции единого сюжета не развились дальше фабулярной занимательности. Но связь фабулы очевидно только прикрывает своим грубым прагматизмом какие-то иные связи, которые необходимо допустить, чтобы об'яснить впечатление структурной цельности романа Достоевского... Художественное единство романа Достоевского достигается, конечно, не фабулой только. Очевидно, самый принцип этого единства должен быть усмотрен вообще в какой-то совсем иной плоскости, чем сюжетный прагматизм...

Мир творчества Достоевского только видимо мир образов из действительности, русской действительности 70-х годов. Художник словно обманывает и себя, и нас, заставляя героев своих жить и чувствовать в Петербурге, спорить о Бисмарке или французском депутате Манжо, заходить в трактир на канаве, где играет разбитый орган, стучат биллиардные шары, и пахнет старыми салфетками; или в петербургской меблированной комнате средней руки слушать, как говорят за стеной, и потом хлопает дверь в корридоре.— Выхватывая эти клочки действительности, доводя „эмпиризм“ их до крайней степени, Достоевский ни на минуту не позволяет нам забыться радостным узнаванием этой действительности (как Флобер или Л. Толстой), но пугает, потому что именно выхватывает, вырывает все это из закономерной цепи реального; перенося эти клочки к с е б е, Достоевский не переносит сюда закономерных связей нашего опыта: роман Достоевского замыкается в органическое единство не сюжетом.

* *

Иное начало художественного единства находим в различных видах искусства; в противоположении предметно-прагматическому началу оно может быть названо д и н а м и ч е с к и м; условно, одно противостоит другому; одно как бы борется с другим, и оба поочередно осиливают друг друга то в том, то в другом виде искусства. Динамическое начало сильнее проявляется в тех видах искусства, где предметное ослаблено, и где преобладают элементы эстетической формы (в лирике, танце, му-

[1]) Неорганический характер фабулы романа Достоевского подтверждается, может-быть, и происхождением ее. Можно, кажется, указать с некоторой долей вероятности литературный источник этой интриги с письмом. „История Жиль Бляза де Сантильяне“ Лесажа 1754, [illegible] которой заинтересовал Достоевского в период зарождения замысла „Жития“ (Жиль Бляз упоминается в записях плана „Жития“), представляет редкий образчик переразвитой, т. е., фабулы. Между прочим, как некоторый традиционный аксессуар интриги, здесь несколько раз встречаются компрометирующие письма подметные, фальшивые, украденные...

зыке), хотя было бы ошибочно динамическое начало понимать как функции эстетической формы [1]).

Динамическое начало в искусстве это та же целесообразность, активность, которая является умопостигаемым законом нашей внутренней жизни, нашего „я",—активного и свободного [2]). В переживании моего свободного волеиз'явления непосредственно усматривается ряд восхождения к цели (телеологический ряд явлений), где каждое явление, как проявление моей активности, будет ярко окрашено все повышающимся напряжением, а чувство разрешения или разряда, чувство осуществленной свободы, - будет сопровождать момент завершающий. Эту свою целесообразную активность мы и познаем и узнаем, переживая искусство. Чистая эстетическая форма всегда отмечена динамическим характером. Ритм и рифмы в поэзии — восходящие к цели (телеологические) ряды чувственных впечатлений, утративших, в этой координации, свой чувственный характер [3]). Напряжение и разрешение, задание и ответ на него—так чередуются ударенные и не ударенные слоги в стопе ямба, хорея; два согласно звучащих слова превращаются в рифму тоже как задание цели и достижение ее, как напряжение (первое слово рифмы) и разрешение (второе ее слово). Это проверяется тем чувством напряженного ожидания, которое сопровождает переход от одного стиха к другому, соответствующему по рифме; чем больше ритмических единиц раз'единяет эти 2 стиха, чем длительнее чувство ожидания, тем сильнее напряжение и завершающее разрешение (как например, в „Поэзии" Тютчева, где срифмованы первый стих с последним, тогда как вся пьеса насчитывает 8 стихов). В музыке, искусстве чистейшей формы, телеологическая структура особенно видна. Последовательность тонов мелодии есть именно последовательность ожидаемого разрешения к только что возбужденной напряженности. И ожидание тут, если оно сейчас же оправдывается далее развивающейся мелодией, если оно сейчас же подтверждается, как верное угадывание, — лучший суб'ективный показатель понимания данной музыкальной пьесы...

Часто, выхваченный из музыкальной пьесы аккорд, прозвучав отдельно, вызывает неприятное впечатление диссонанса; в гармонической последовательности пьесы он нужен—это сразу чувствуешь, ожидаешь его как цель, как необходимое звено в цепи напряжений и разрешений. Значит, только телеологическая структура музыкального целого узаконяет, оправдывает звучание отдельных тонов, отдельных аккордов...

Но динамическое начало присуще не только тем видам искусства, где предметное содержание отсутствует или ослаблено (музыка, лирика). Изобразительные искусства тоже знают эту игру напряжений и разрешений, потому что и тут элементы формы играют роль в художественном синтезе. Кроме того, динамическим характером может быть отмечена не только форма, но и предметное содержание,—и оно может быть разме-

[1]) См. Христиансен, „Философия искусства".
[2]) Ibid.
[3]) Ibid: тоже и дальше.

щено (в скульптурной ли группе, в картине или эпическом сюжете) по линии напряженного восхождения к цели, отступая тем самым от присущей ему прагматической закономерности [1]). Это то, что мы называем обычно драматизацией изображения, и что требуется, как главное условие эстетической оценки, от всякого сценического рассказа (сюжета драмы).

Однако, в изобразительных искусствах никогда почти динамическое начало не в силах всецело подчинить себе художественный об'ект, до конца только собою определить характер его единства: в изобразительных искусствах предметное содержание обычно подчиняет себе форму, а если драматизируется само, если допускает динамический элемент внутри себя, то неизбежно овеществляет его, оставляет его скрытым и в подчинении,—тем вещественным связям и отношениям, которые присущи ему,—этому предметному содержанию,—как таковому. Только музыка (иногда лирика) знает полное господство беспредметной активности. Поэтому только это искусство обладает чародейной силой реально приобщать нас тому миру свободы, который, вне музыкального обаяния, лишь смутно угадывается нами.

Казалось бы, такое обаяние не в средствах изобразительного искусства.—Достоевский своими романами, однако, достигает его: с этим согласится каждый искренний ценитель Достоевского; об'ективно это подтверждается принципом художественного единства его романов.

* * *

Пять дроблений романа „Подросток", слабо и внешним образом об'единенные прагматически, входят, однако, в органическое соотношение друг с другом благодаря однородной своей динамической структуре; называть их условимся теперь,—как элементы органического единства,—мотивами [2])...

„Не утерпев, я сел записывать эту историю моих первых шагов на жизненном поприще... мою автобиографию". Так начинается роман. И первая глава непосредственно вводит нас в эту историю „подростка", рассказывает его происхождение. („Я—кончивший курс гимназиста... фамилия моя Долгорукий, а юридический отец мой Макар Иванович Долгорукий, бывший дворовый господ Версиловых" и т. д.)... Бессвязность и беспорядочность записок—только кажущаяся: с первых же страниц художник, овладев нашим вниманием, направляет его в одну сферу

[1]) В картинах Сурикова, например.—Лица в толпе, окружающей боярыню Морозову, строго сгруппированы,—как напряженное выражение ужаса (в той части толпы, где боярыня Морозова уже видна) и безудержный смех (там, где лицо Морозовой еще не видно). См. Волошин „Суриков". Этими переходами смеха в ужас и ужаса в смех динамически об'единяется художественное целое.

[2]) В целях сокращения обозначаем: рассказ о „подростке"—мотив I; история Версилова и Ахмаковой—мотив II; любовь князя Сережи и Лизы—мотив III; приключения старичка-князя и Анны Андреевны—мотив IV; рассказ об оскорбленной девушке (Оле) и ее матери—мотив V.

„Я начинаю, то-есть, я хотел бы начать мои записки с девятнадцатого сентября прошлого года, то-есть ровно с того дня, когда я в первый раз встретился...“ Начатый-было рассказ о себе самом вдруг прерывается таким точным обозначением начала какого-то настоящего рассказа: этот рассказ начинается встречей с кем-то. „Но об'яснять, кого встретил, так заранее“ автор отказывается. Это служит, конечно, возбуждению внимания...

Рассказ возвращается к „подростку“. „Таким образом, я законнорожденный, хотя и в высшей степени, незаконный сын... Дело произошло таким образом: двадцать два года назад помещик Версилов (это-то и есть мой отец)...“ И на этом имени, чуть ли не впервые упоминаемом, рассказчик (Достоевский) как бы ставит особо сильное ударение. „Но собственно об этом после, этим человеком и без того будет наполнена вся тетрадь моя“. Но мы ведь уже ждем начала какого-то главного, „настоящего“ рассказа: мы знаем,—он начнется каким-то событием, какой-то встречей 19 сентября. И рассказчик поминутно напоминает об этом: „Месяц назад, то-есть за месяц до 19 сентября“, „наконец, чтобы перейти к назначенному числу окончательно“ и т. д. С кем произойдет встреча—мы не знаем пока; но вот так тщательно подчеркнуто имя Версилова; оно невольно поэтому прикрепляется нами к ожидаемому неизвестному событию... Так, первая глава романа, сразу же вводя нас в историю „подростка“, развивая его мотив, вместе с тем исподволь и как бы отдельными короткими толчками направляет внимание в другую сторону; на фоне мотива I-го мало по малу намечается мотив II (Версилов и Ахмакова; именно с ней и встретится „подросток“ 19 сентября).

Художник продолжает и дальше, и во второй главе это постепенное развитие главного мотива, но уже на фоне нового, побочного, тут вступающего. „Подросток“ поступил на службу: он ежедневно проводит несколько часов у старичка-князя Сокольского, давнего друга Версилова, занимая его разговором. Попутно узнаем этого старичка: между прочим „замечали за ним, что после припадка в нем развилась какая-то особенная наклонность поскорее жениться... Об этом будто-бы знали в свете и, кому следует, интересовались“. Это—завязка дальнейших трагикомических приключений (мотив IV). Появление в этой же главе Анны Андреевны не будет уже неожиданностью теперь. „Мысль, что его все еще подозревают помешанным, видимо его мучила. И если бы он узнал, что кто-нибудь распространяет или утверждает о нем этот слух, то, кажется, этот незлобивейший человек стал бы ему вечным врагом“. Это еще больше предрешает интригу Анны Андреевны. Поэтому рассказчик (Достоевский) и подчеркивает: „вот это-то обстоятельство я и прошу заметить“. Словом, в намеченные I-ой главой нити романа вплетается новая—IV-ый мотив. Но установленные уже соотношения мотивов не изменяются: вторая глава начинается словами: „В это девятнадцатое число...“; из связи с предыдущим эти слова прямо предупреждают, что мы подходим к „главному“. И ожидание этого „главного“ непрестанно поддерживается—нарастает; рассказ о старичке вдруг прерывается, например, такой ремаркой: „как изобразить мне тогдашнюю грусть мою,

засевшую в сердце, и главное—мое тогдашнее волнение, доходившее д такого смутного и горячего состояния, что я даже не спал по ночам с нетерпения моего от загадок". Это возбуждение передается читател Ожидание нарастает. И оно невольно соединяется с именем Версилов неизвестного еще пока, но непрестанно упоминаемого (князь-старичек—бывший друг Версилова, князья Сокольские —те, с которыми „Версилов вел тяжбу", Татьяна Павловна — „Версилову она служила ка „раба и т. д. и т. д.). Этим только укрепляются прежние смутн догадки о какой-то причастности Версилова к ожидаемому событию. Но возобновляется прерванная последовательность рассказа. В этот де „подросток" намерен получить жалованье у князя и советуется с дел производителем. Но вдруг опять внимание отвлекается от возобновлен ного-было рассказа и направляется в другую сторону: „у меня забило сердце... я снова почувствовал тоже волнение: в это утро должна бы прибыть сюда та особа, женщина, от прибытия которой я ждал раз'яс ния всего что меня мучило! Это именно была дочь князя... Ахмаков которая была в жестокой вражде с Версиловым. Наконец, я написа это имя" Наконец-то узнаем мы теперь, с кем должен был встретит 19 сентября „подросток". Ожидаемое лицо—„она", Ахмакова. Эт встреча произойдет 19 сентября, и потому с описания этого дня начнет „главное" романа: это „главное"—связано с ней; за это говорит з последней тирады. „Та особа, женщина, Ахмакова"—фраза эта слов постепенно подводит к „этому имени" (от неопределенно-общего: „особа" словно собирает в какую то словесную формулу уже приоткрытое нача мотива. „Та женщина", „это имя" указательные местоимения пост влены здесь как будто только для того, чтобы удвоить ударение на наименованиях. Теперь несомненно: Ахмакова это персонаж lei motiv'a.

Но еще в 1-й главе угадывали мы сближенность с Ахмаковой, тогда еще и не названной вовсе, Версилова. Это сближение достигало тогда лишь тем, что упоминание Версилова сопровождалось таким ж по силе, ударением, как и упоминание об ожидаемой встрече с кем неизвестным,—эффект чисто динамический. Теперь он получает и прагм тическое обоснование: „Ахмакова, которая была в жестокой враж с Версиловым". Первая глава фиксировала внимание на неизвестно еще, по крайней мере, непоказанном, Версилове; вторая гла так же незаметно выдвигает на первое место Ахмакову, и уже осязател дает почувствовать сближенность ее с Версиловым.

Leit-motiv только еще намечен, не больше,—потому хотя бы, ч художник не показал нам еще его персонажей. Появление героини наро как бы замедляется. Ожидание ее не прекращается ни на минуту (бла дяря ремаркам), а такая задержка делает его более напряженным. „По росток" ведет длинный разговор с „старичком". Они говорят о быт бога: потом о женщинах; „подросток" („великий грешник") „гадливо" относится к женщинам, он знает ужас разврата; у него был прияте Lambert. . Но опять и опять на фоне развивающегося мотива I по в ступает leit motiv (II): „я помню это утро до мелочи", вдруг нап

минает важность момента рассказчик. Или вдруг поворотом разговора мы возвращаемся к напряженному ожиданию главных событий.

Старичек-князь неожиданно заговаривает о Версилове, плохо о нем отзывается, „подросток" защищает отца: „это ложь и клевета одного врага... это ваша дочь". Князь вспыхнул... „Тут вдруг вошел лакей и возвестил визит".

Всем предыдущим мы подготовлены к тому, чтобы это была Ахмакова. „Подросток" также ждет ее и сразу же потрясен („я опустился на мой стул"); но ожидание обмануто, и тем самым еще сильнее напряжено: появляется не Ахмакова, а Анна Андреевна с компаньонкой [1]). Уже раньше, в начале этой главы, мы узнали, что старый князь мечтает жениться. Теперь, при появлении Анны Андреевны, узнаем, что „князь очень интересовался судьбой" этой девушки, это „положительно было известно". Мотив IV настолько уже подготовлен динамически,—настолько видна уже цель его,— что можно показать персонажи. Портрет, пластическое изображение, выступает не сразу, а лишь в определенной фазе динамического развития мотива. Впрочем, старичка-князя мы уже знаем.

Но вот его фаворитка, воспитанница, и в будущем невеста: „высокая, немного даже худощавая; продолговатое и замечательно бледное лицо, но волосы черные, пышные и т. д.".

Старичек представляет девицам „подростка" и называет его Аркадием Андреевичем. „Я вдруг преглупо вскипел и вскочил с места: прилив выделанной гордости, совершенно бессмысленной; все от самолюбия". „Извините, князь, я—не Аркадий Андреевич, а Аркадий Макарович,—резко отрезал я"..

На мгновение мотив I вступает в свои права, заявляется характер „подростка" („великого грешника"). Он „вспылил", „вскочил с места", все забыл, остолбенел; и кругом всеобщее смятение.

Эта напряженность имеет свою цель, и цель эта—уже вне пределов мотива I-го.

— Как, разве сегодня?—вскричал вдруг князь, срываясь с места.

— Так вы не знали? —удивилась Версилова (Анна Андреевна). Мы к ней и ехали, мы думали она уже с утренним поездом и давно дома.

— Сейчас только с'ехались у крыльца: она прямо с дороги и сказала нам прийти к вам, и сама сейчас придет... Да вот и она! „Отворилась боковая дверь и—та женщина появилась!"

Долго, исподволь, с первых страниц романа, подготовлялся этот момент,—возбуждалось ожидание, то ослабляясь, то пробуждаясь с новой силой. Длительная задержка (все начало 2 главы) заставляла дробиться внимание. Но вот задержка вдруг обрывается, и короткими толчками, по длительности своей обратно-пропорциональными задержке (сцена возбуждения „подростка", вопрос-восклицание князя, стремительный ответ

---

[1]) Совершенно аналогичный прием в „Бесах": напряженное ожидание Ставрогина (в главе „Мудрый змий") обмануто появлением Петра Степановича.

Анны Андреевны), мы подходим к ожидавшемуся моменту, доминирующий эффект которого—полный; эффект чисто динамический; как разряд, разрешение предшествующей напряженности. Образа, изображения почти нет даже и теперь, когда столь ожидавшаяся героиня наконец появилась.

Достоевский нарочито скрывает образ; для этого применяет тот прием, который так эффектно использован в романе „Идиот“: образу героини предпосылается впечатление от ее портрета одного из участников действия, здесь „подростка“ [1]).

„Я уже знал лицо ее по удивительному портрету, висевшему в кабинете князя; я изучал этот портрет весь этот месяц“. Это и позволяет художнику скрыть еще пока от нас внешний облик героини: ведь рассказчик уже знает его по портрету. Поэтому: „я только помню... какую-то, действительно, прекрасную женщину, которую князь целовал и крестил рукой“. Это все, что приоткрыто пока художником. Портрет героини [2]) будет постепенно слагаться из отдельных штрихов в общем потоке мотива.

Выделив так четко начальный момент одного из мотивов, Достоевский предохраняет нас этим от потери центра внимания в дальнейшем ходе романа: он смело может теперь развивать другие (побочные) мотивы, уделяя этому десятки страниц,—мы не забудем уже, что „главное“ романа не в них...

Первое появление Версилова (в 6 главе) так же заранее ожидается нами, как и появление Ахмаковой (во 2 главе)...

„Подросток“ возвратился домой: он в столовой разговаривает с „мамой“ и Татьяной Павловной.

Кстати, известно вам,—спрашивает он,—что сегодня в суде решалось дело Андрея Петровича с Сокольским?

— Ах, известно!—воскликнула она („мама“), от страху сложив перед собой ладошками руки.

— Сегодня?—так и вздрогнула Татьяна Павловна.—Решилось-то чем, чем решилось-то? Да кто тебе сказал?—кидалась Татьяна Павловна. Да говори же!

— Да вот и сам он!—

Этой, возвещающей его появление, фразе предшествует то же возбуждение всех присутствующих, как и во второй главе, где появление героини возвещается также почти дословно („Да вот и она!“).

Сходство ситуации служит сближению Версилова и Ахмаковой; к этой же цели ведет и постоянное употребление рассказчиком местоимений он, она, вместо имени героя и героини. Ни разу еще не сопоставленные в одной сцене (вообще в романе они встретятся только один раз перед самой катастрофой), Версилов и Ахмакова порознь выделены с одинаковой силой, одинаковыми приемами; благодаря этому, они неразрывно соединяются в нашем воображении, как персонажи leitmotiv'a.

[1]) Об этом приеме в романе „Идиот“ см. Гроссман „Проблема реализма у Достоевского“, „В. Е.“ 1917 г., кн. 2, стр. 56—57.

[2]) Он вообще скуден. См. выше.

Момент появления Версилова выделен и подчеркнут и тем еще, что обрывает собою отдел главы и непосредственно открывает собою новый (2-ой в главе 6). „Он вошел...“—так начинается этот отдел. Известный уже нам внутренний облик Версилова (из оповещеьий Васина и Крафта) теперь принимает внешние контуры. „Когда он снял в дверях шляпу—целый пук его густейших, но с сильной проседью волос так и прянул на его голове“. Но... это все; это тоже не портрет, а два-три портретных штриха, тоже появляющиеся не раньше того, как достаточно прояснился целестремительный характер рассказа (мотива). Длинный разговор „подростка“ с Версиловым,—о „маме“, Макаре Ивановиче и пр. (глава 7), вдруг, неожиданным поворотом соскальзывает на тему трагических взаимоотношений Версилова и Ахмаковой... В раздражении, занальчиво „подросток“ бросает отцу упрек,—подозрение, будто Версилов домогается у него компрометирующего письма.

„Он (Версилов) очень побледнел...

— Это ты не сам собою догадался; тут влияние женщины, и сколько уже ненависти в словах твоих, грубой догадке твоей!

— Женщины? А я эту женщину, как раз видел сегодня!

Слово „женщина“ в связи с предыдущим вызывает четкие ассоциации. „Та особа, женщина“,—во 2 гл. этими словами рассказчик заставлял ждать героиню. А ее появление возвестил этими же словами: „Та женщина появилась“. Теперь в двух фразах диалога слово это повторено трижды,—„влияние женщины“, „женщина“, „эту женщину“,—причем ударение с каждым разом все повышается: „Влияние женщины“,—здесь оттеняемое слово звучит еще слабо, теряясь в предложении, как дополнение ударяемого „влияние“; „женщины?“—это уже вопросительное восклицание,—ударение повышене резким скачком; а в следующем повторении еще более усилено, удвоено местоимением: „эту женщину“. Только там, во 2 гл., в самый момент появления Ахмаковой, как бы прямо указывая на нее, рассказчик все-таки употребил неопределенно-указательное „та“, как бы указывая вдаль куда-то; но теперь, когда ее перед нами и рассказчиком нет вовсе и она только вскользь и так неопределенно упоминается, — все-таки употреблено местоимение эта; „эта женщина“ указывается приближенней, сближенней: Версилов во 2 главе был еще неопределенно далеко, поэтому: „та женщина“; теперь Версилов перед нами—женщина „эта“... Такое для нас безотчетное сближение двух персонажей, замыкание их в главную сюжетную группу окончательно достигается все тем же приемом в гл. 8,—когда „подросток“ ненамеренно подслушивает разговор Ахмаковой с Татьяной Павловной. Но, как и прежде, доминирующий эффект и этой сцены leit-motiv'а достигается вступлением мотивов побочных...

„Подросток“ с утра отправляется к товарищу своему, Звереву, он идет мстить за отца, им же вчера оскорбленного; просит Зверева быть секундантом в задуманной им дуэли с князем Сокольским, когда-то оскорбившим Версилова; потом он у Васина и догадывается, что пришел

„единственно с целью отомстить ему“ за вчерашнее перед ним унижение (у Дергачева): Васин оказался вчера несравненно умнее его (начало главы 8).

Все это—самостоятельные перипетии мотива I-го („подростка“ „великого грешника“) [1]).

Но прерванная таким образом последовательность главного мотива быстро и с необыкновенной силой возобновляется... „Подросток“ уже около часа сидит у Васина, дожидаясь его. Тишина в этой чужой комнате, несвязно и скучно цепляющиеся друг за друга мысли, — все это вдруг прерывается: где-то очень близко, за стеной различается шопот два женские голоса; сперва монотонные, так что сливаются с тишиной, потом вдруг крик, даже визг... „Подросток“, выскочив в коридор видит, как из соседней комнаты вырвалась женщина и побежала по лестнице вниз; а вслед ей другая, пожилая женщина только простонала: Оля, Оля, куда? Ох!.. И снова все затихло... Четверть часа спустя раздается в коридоре, у самой двери Васина, громкий и развязный мужской голос. Кто-то схватил за ручку двери и приотворил ее. Появляется кто-то, неизвестный... Потом обнаружится, что это Стебельков, отчим Васина, шантажист (ему отведена незначительная роль в истории князя Сергея—Лизы). Но все это выяснится потом, а сейчас только появляется новое, неизвестное лицо в той комнате, где сидит „подросток“. Завязывается отрывистый разговор.

Такова последовательность рассказа: тишина, шопот за стеной вдруг крики шум в коридоре, женские голоса; наконец, неожиданная и странная фигура неизвестного. Этот „импрессионизм“ рассказа словно нарочно отрывает нас от всех, раньше намеченных нитей романа. Но, вместе с тем, разрозненные впечатления эти заставляют ждать какого-то разрешения, так как все они отмечены характером крайней напряженности; тишина, крики и шум, опять тишина,—странный незнакомец; в этих перебоях как бы предощущения какого-то разрешения.

Напряженное ожидание это менее всего, однако, направлено к leit-motiv'у романа: тем эффектнее, тем сильнее разрешение именно в этом направлении.

Длинная, несвязная болтовня неизвестного господина затихает на мгновение... И, затем, совершенно неожиданно:

— „В е р с и л о в-то, а? Ведь тяпнул таки, тяпнул! Присудили вчера, а?“... Такое возвращение к Версилову необычайно поражает. Но художнику и этого недостаточно: „И вот в этот миг вдруг хлопнула дверь у соседок и кто-то быстро вошел в их комнату.

В е р с и л о в живет в Семеновском полку, в Можайской улице, дом Литвиновой № 17. Сама была в адресном!—громко прокричал раздраженный женский голос; каждое слово было нам слышно“.

---

[1]) Ср. записи „Жития“: „Пощечина есть величайшая обида кровью“, „встречается Умнов и доказывает ему, что больше его знает... он говорит, что Умнов дурак... и затем увивается за Умновым“ и т. д.

Прагматическая связь романа, утерянная с самого начала этих отрывочных сцен, отнюдь не восстанавливается и теперь: мы по-прежнему не знаем Стебелькова, не знаем кому принадлежит голос за стеной, и тем не менее, напряженность близка к разрешению, чувствуется завершенный художественный эффект; неопределенная напряженность предшествующих отрывочных и несвязных впечатлений скрытой целью своей имело это неожиданное возвращение к „главному"... Впрочем, художник спешит восстановить и прагматическую связность, хотя и видно, что в ней дело. Художник вводит новый самостоятельный сюжет (V-ый). девушка Оля — одна из „оскорбленных" и „униженных"; от оскорбленности своей она уже не доверяет и великодушному поступку: присланные ей Версиловым деньги считает замаскированным оскорблением и т. д. (гл. 9, 10); это—случайный эпизод в романе; дальнейшие попытки прикрепить его к другим — совершенно искусственны[1]). Точно так же очень мало „нужен" будет в дальнейшем ходе романа и Стебельков; а его сопоставление здесь с Олей прагматически совершенно не оправдано и в дальнейшем. Но, тем не менее, и каждый из этих персонажей, и необоснованное, казалось бы, сопоставление их в рассмотренных сценах неизбежны в романе Достоевского, — неизбежны и нужны в динамическом сплетении мотивов.

Их назначение — служить преддверием нового ответственного момента leit-motiv'a. Действительно: от Стебелькова и Оли „подросток" опять неожиданно, — опять вопреки художественной логике, — заходит к Татьяне Павловне и ненамеренно подслушивает разговор с Ахмаковой.

„Каково же было мое изумление, когда я по голосу узнал... именно ту женщину!" Снова усиленное ударение все на том же слове („женщина"); и ударение заметно идет crescendo. Во 2-й главе оно достигло предельной точки в сочетании „та женщина"; в главе 7, когда появился Версилов, ударение повысилось („эта женщина"); теперь ударение утроено, — „именно та женщина".

Таким ритмом повышающихся ударений и достигается безотчетное (при обычном чтении романа) повышение активности одних и тех же художественных впечатлений; образные же очертания их, скрытая за ними идея—все это движется и достигает нашего сознания лишь после того, как мы ощутили в себе эту безотчетную возбужденность и лишь соразмерно ей. В самом деле, усиленному ударению теперь соответствует и несколько новых штрихов портрета:

„Ошибиться я не мог: я слышал этот звучный, сильный металлический голос вчера, правда, всего три минуты, но он остался в моей душе. Да, это была вчерашняя женщина"!.

И вот, только теперь выступает прагматическая мотивация динамически подготовленного сюжета: диалог Ахмаковой и Татьяны Павловны возвещает завязку leit-motiv'a.

---

[1]) Например, Дарья Онисимовна, после смерти дочери неожиданно становится наперстницей Анны Андреевны, „подростка" и пр.

— „Милая вы моя, Катерина Николаевна, глубоко вы меня огорчаете,— умоляла Татьяна Павловна. Успокойтесь вы раз навсегда, не к вашему это даже характеру. Везде, где вы, там и радость, и вдруг теперь... Поверьте вы мне, честью клянусь вам, нет этого документа в руках у него (у Версилова)... Да и не способен он на такие преступства... Сами вы оба сочинили себе эту вражду“...

— „Документ есть, а он способен на все“...

Однородными приемами развиты и другие сюжеты романа, например сюжет Лизы и князя Сергея.

В самом начале романа совершенно вскользь и вне всякой [illegible] друг с другом упомянуты Лиза (в 1-ой главе) и князь Сережа (во 2-й главе).

В 3 гл. Васин говорит „подростку“, выходя с ним от Дергачева: „Я знал вашу сестру Лизавету Макаровну, прошлого года, в Луге“. Эти слова в устах Васина имеют большое значение в дальнейшем: Васин, Луга, прошлый год, эти признаки — тот внешний материал, которым далее будет пользоваться художник, чтобы, безотчетно для нас, князь Сережа и Лиза воспринимались-бы как участники одного действия, персонажи одного мотива. В 6 главе (первое появление Версилова) [illegible] ком показана Лиза: „сестра была блондинка, светлая блондинка, [illegible] всем не в мать и не в отца волосами; но глаза, овал лица были [illegible] как у матери... и т. д.“. Мы уже знаем, портрет, хотя бы беглый [illegible] бросок его, свидетельствует о близкой завязке... „—Лиза, я сегодня [illegible] дел Васина, говорит ей „подросток“. Ты знакома?

— Да, в Луге прошлого года“.

Повторены, укреплены в памяти те же признаки: Васин, „Луга“, „прошлый год“... и вот 9 глава (непосредственно предваряя первое появление не показанного еще князя Сергея) сообщает о нем вкратце [illegible] подробности. Васин рассказывает о нем „подростку“. Князь Сергей [illegible] кольский, а не Версилов,— соблазнитель сумасшедшей Лидии Ахмаковой; однако, он не подлец: тут много другого кроме прямой подлости; [illegible] лон честных наклонностей и пр.

„Вам известно, говорит между прочим Васин, что он (князь [illegible]) прошлого года месяца 2 или 3 прожил в Луге?“

Я [illegible] знаю, что вы тогда жили в Луге.

— Да, некоторое время и я. Князь тоже был знаком с Лизаветой Макаровной“.

Так намеченный мотив вступает в свою очередную фазу: [illegible] героя.

„Подросток“ у старичка-князя (гл. 10): разговор (о Версилове) вдруг прерывается:

— „А вот и князь Сережа!“ — возвещает старичек.

„Вошел молодой и красивый офицер...

Он был сухощав, прекрасного роста, темнорус, со свежим лицом“.

Портретный очерк соответствует приближающейся завязке.

Старичек знакомит „подростка“.

„Ах, я так давно слышал... быстро проговорил он (князь Сережа). Я имел чрезвычайное удовольствие познакомиться прошлого года в Луге с сестрицей вашей Лизаветой Макаровной".

Теперь уже говорит сам князь Сережа о „Луге", „прошлом годе" и, наконец, о Лизавете Макаровне.

С самого начала угадывалась скрытая цель у этих признаков; теперь эта цель прояснилась и почти достигнута; это сближение двух персонажей романа. То, что у Тургенева, например, было-бы пластически изображено,—любовь героя и героини,—у Достоевского задается и достигается как цель в переходах мотива... В следующей сцене новое сочетание тех-же признаков уже окончательно достигает своей цели.

— Я очень хорошо знаю г. Васина,—заметил князь.

— Ах да, вы должны были видать его в „Луге"...

Князь неожиданно уходит. Оставшись один, „подросток" машинально отворил одну из дверей... и вдруг—„в длинной и узкой комнате увидел сидевшую на диване—сестру мою, Лизу".

Васин, Луга, „прошлый год",—признаки эти, переходя прихотливо через всю 1-ую часть романа, то прикрепляясь к Лизе, то к князю Сереже и заметно учащаясь, сгущаясь как бы в последних главах, приводят, наконец, к этой сцене, к этой встрече „подростка" с Лизой в доме князя Сережи. Это и есть завязка мотива III-го...

Итак, каждый из пяти обособленных сюжетов романа отмечен целестремительной активностью.

Прием автобиографических записок помогает художнику этого достигнуть: все изображенное в романе представлено как состояния воли рассказчика. Сюжеты раскрываются как бы из целевых заданий этой воли, — причем предметное содержание этих заданий от читателя скрыто.

Неясные целевые задания отлагаются в некие словесные формулы („та женщина", „эта женщина", „Васин"—„Луга"—„прошлый год"); через них ассоциируются друг с другом прагматически несоединенные еще изобразительные элементы (Ахмакова и Версилов, Лиза и князь Сергей), и т. о. замыкаются предметные группы, сюжеты. Так складываясь, сюжеты движутся в рассказе тоже как моменты целестремительной активности, конечная цель которой лишь постепенно проясняется в этом процессе.

Но при такой качественной однородности, 5 мотивов романа Достоевского различаются количественно, степенью напряженности. Благодаря этому они и входят в соединение друг с другом, преодолевая свою прагматическую раз'единенность.

Выше отмечено было преобладание одного мотива (II-го) над всеми другими,—выделение истории Версилова и Ахмаковой, как leitmotiv'а (или доминанты) среди других, побочных мотивов.

Легко заметить, что это преобладание динамического характера.

В романе Тургенева Лаврецкий выделяется, как главное лицо среди других персонажей (Лем, Паншин, Михалевич) потому, что с первых страниц художник тщательно строит образ его, — показывает,

каким он был прежде, каким он является сейчас: Лаврецкий, по преимуществу перед другими персонажами, заполняет собой пространство романа: мы неизменно встречаемся с ним (его мыслями, чувством) всюду, куда бы ни привел нас художник, — в гостиной калитинского дома, в саду, в деревенской усадьбе.

Совершенно иначе выделен Версилов в романе Достоевского. Очевидно, количество посвященных ему страниц не играет тут никакой роли. В 1-ой части Версилов показан только три раза, и кроме густых волос с проседью под широкополой шляпой мы ничего не видели: что же касается Ахмаковой, то она во всем романе показана только шесть раз, в коротких сценах-диалогах. И все-таки с первых страниц повествования Версилов и Ахмакова преобладают над остальными персонажами романа.

Преобладание это коренится в большей напряженности leit-motiv'а по сравнению с побочными. Наше ожидание Ахмаковой или Версилова напряженнее, чем ожидание Анны Андреевны или князя Сокольского. Это достигается тем, что телеологические моменты leit-motiv'а, — где каждый предшествующий ведет нас или зовет к следующему,—расположены на большем расстоянии друг от друга, чем соответствующие моменты побочных мотивов; при переходах от одного момента leit-motiv'а к другому ожидание длительнее, напряженнее, чем в соответствующих переходах мотива побочного. Так, в 1-ой части романа моменты leit-motiv'а определяющие собой завязку, расположены на таком расстоянии: 2 глава (появление Ахмаковой), 6 глава (появление Версилова), 8 глава (разговор у Татьяны Павловны); соответствующие же фазы мотива IV-го все расположены на протяжении одной главы (2-ой), мотив III завязан в трех смежных главах (8, 9, 10).

Итак, уже первые моменты доминирующего мотива, при однородности с другими мотивами последовательности своей, отличаются, выделяются большей степенью своего напряжения. И дальше, на протяжении всего романа, мотив Версилова и Ахмаковой выделен, как сильнейший телеологический ряд, где и нарастающее напряжение сильнее, потому что длительнее; сильнее будет и разрешение.

Но вслед за доминантой и другие динамические ряды (побочные мотивы романа) различаются своей длительностью, а, следовательно, и степенью напряженности. Leit-motiv вступает с первых страниц романа, а его катастрофа завершает и весь роман: мотив IV (старичка-князя и Анны Андреевны) вступает сейчас же вслед за доминантой (во 2 главе), и его катастрофа (скандал, которым заканчиваются похождения старичка) совершается немного раньше, чем катастрофа доминанты, в той же последней главе романа. Мотив III вступает, как мы видели, позже других (в последних главах 1-ой части) и соответственно этому раньше достигает своего катастрофического предела (сумасшествие князя Сережи, глава 4 части 3-ей).

При таких различиях в степени напряженности мотивов необходимо должны различаться по силе и отдельные соответствующие моменты их. Катастрофа сильнейшего мотива будет сильнее, чем катастрофа любого из

побочных. Катастрофа IV-го мотива сильнее катастрофы III-го и т. д. Вот, благодаря таким количественным различиям возможным становится своеобразное согласование всех мотивов в некое единство.

* * *

Во второй и третьей части фазами leit-motiv'a уже признаны нами (см. выше) такие моменты романа: смех Версилова (глава 8 части 2-ой): расщепление Версиловым образа, „наследства" Макара Ивановича (гл. 10 части 3-ей); свидание Версилова и Ахмаковой, единственная встреча их (глава 10 части 3-ей), катастрофа (гл. 12 части 3-ьей). Фазы эти, как моменты одного замкнутого ряда, мотива и сюжета одновременно, строго обусловлены прагматически.

Об'яснение Версилова с секундантом обусловлено оскорбительным письмом его к Ахмаковой; расщепление образа вытекает из факта смерти Макара Ивановича, которая „развязывает" Версилова, делает его свободным в выборе между „мамой" и Ахмаковой; свидание Версилова и Ахмаковой вызвано ответным письмом героини. Наконец, катастрофа (нападение Версилова на Ахмакову) прагматически обоснована сложным ходом интриги Ламберта с письмом. Однако прагматическая закономерность, как известно, отсутствует там, где эти моменты leit-motiv'a соприкасаются с моментами побочных мотивов. В этих-то соприкосновениях— композиционный секрет Достоевского.

Первые главы 2-ой части углубляют и раскрывают дальше ту завязку трагического действия, которая implicite дана была еще в 1-ой части,—в обнаружившейся там исконной и вместе „сочиненной" вражде Версилова и Ахмаковой.

Теперь узнаем тоску Версилова „по живой жизни" (глава 2 части 2-ой), а в Ахмаковой узнаем воплощение ее, этой „живой жизни".—„не умственной, не сочиненной, веселой" (гл. 5 части 2-ой)... Этим действие доминанты непосредственно вводится в указанные последние фазы свои. Но до завершительной катастрофы еще далеко. А между тем побочные мотивы уже спешат к своим разрешениям, чтобы своими (малыми) катастрофами либо предварять и тем самым усиливать последние эти фазы доминаты, либо частично разрешать эти фазы, предвосхищая полное их разрешение в большой катастрофе.

И вот уже первый из перечисленных выше актов „любви-ненависти" постепенно приготовляется последовательным напряжением побочных мотивов. Как-будто для этого только еще раз выступает в романе мотив V-ый так же, как в I части (в комнате у Васина); к „подростку" неожиданно приходит Дарья Онисимовна, мать самоубийцы Оли; „и вот, ни слова не говоря, нагнулась, потупилась и вдруг бросив обе руки вперед, обхватила меня за талию, а лицом наклонилась к моим коленам...—Батюшка, голубчик, не знаю, что делать с собой. Как су-

мерки, так я и не выношу“. Это характерное состояние „надрыва“ здесь только и уместно, как предварение другого, сильнейшего; а оба вместе — они разрешатся в чем-то другом, главном и ожидаемом [1]).

От Дарья Онисимовны „подросток“ попадает на рулетку, и эта первая сцена игры как бы пронизана вся предощущением будущей катастрофы („в этот вечер случилась лишь прелюдия и т. п.“). И наконец, после рулетки у князя Сережи „подросток“ с ним об'ясняется.

— „Посмеете ли вы сказать, свирепо и раздельно как по складам проговорил он, что брав мои деньги весь месяц, вы не знали, что ваша сестра от меня беременна?“

— „Что? Как! вскричал я, и вдруг мои ноги ослабели. Ум замешался во мне“. С ним обморок....

Если это „надрыв“ за „надрывом“ (Дарьи Онисимовны),—а только так согласуются эти два прагматически разнородные момента двух мотивов,—то между ними, об'единяя их, стоит эта фраза князя Сережи: „Версилов подбивал меня напасть на Ахмакову и осрамить ее“... Фраза эта ничего не об'ясняет и ничего из происходящего не соединяет своим смыслом; она лишь напоминает о „главном“ в романе, о трагической „любви-ненависти“, и тем самым указывает как бы руководящую линию нарастающему напряжению, нарастающему вне прагматической связи с этим „главным“. Минутная задержка в следующей главе (7-ой) делает тем сильнее, тем стремительнее уже непосредственный подход к ожидаемому кульминационному моменту напряжения (в главе 8-ой):

„Ровно в 10 часов утра отворилась наотмашь моя дверь и влетела Татьяна Павловна. Я вскочил перед ней в испуге. Лицо ее было свирепо, жесты беспорядочны...

— Так ты вот как! встала она передо мной.

— Татьяна Павловна, что случилось? Что случилось?

— Узнаешь... грозно вскричала она и выбежала“.

Эта сцена и непосредственно следующие за ней явно выдают характер согласования мотивов. Известие, с которым прибежала Татьяна Павловна, оскорбительное письмо Версилова к Ахмаковой.

Правдоподобие, логичность событий явно страдает и нарушена в том порядке осведомления, который избрал здесь художник: после нескольких следующих за этой сцен „подросток“ от той же Татьяны Павловны и узнает эту роковую новость, это письмо Версилова. Но при первом появлении Татьяны Павловны самое известие, как бы нарочно, хоть и вопреки правдоподобию, сокрыто. Художник жертвует прагматической стройностью рассказа для стройности телеологической... Татьяна Павловна исчезает, а вызванное ее появлением возбужденье передается в другие мотивы, заметно в них нарастает, чтобы, пройдя через такие побочные повышения, достигнуть крайней своей точки в „главном“.

---

[1]) „Надрывы“ один за другим — этим подзаголовком в „Братьях Карамазовых“ Достоевский, бессознательно вероятно, выразил свой закон художественного единства.

„Подросток“ (совершенно вопреки правдоподобию) после исчезновения Татьяны Павловны отправляется к Стебелькову. Стебельков удивляет его „невыразимо“, он тоже возбужден, говорит „самые непонятные вещи“: „Дело спешное, очень спешное“!.. От Стебелькова—к Васину.

— „А, и вы—тоже! Загадочно проговорил он, завидев меня. У меня на-днях был князь Сергей Петрович, вдруг сообщил он... я имел еще один визит, перед вами,... у меня был сейчас Андрей Петрович и... вы ничего не знаете?“

Стебельков, Васин—это персонажи побочных мотивов. В данном случае они вводят нас в самостоятельный поток мотива III; Стебельков готовит гибель князя Сережи, Васин передает о нем же, о его начинающемся помешательстве. Но побочный мотив своим самостоятельным напряжением вплетается в перипетии главного мотива.

„Что-то произошло, что-то непременно случилось“—эта мысль „подростка“ неуклонно ведет побочные напряжения к какому-то моменту leit-motiv'a, как высшей точке этих напряжений.

Однако, узор еще не полон. Художник вводит и мотив IV; „подросток“ бежит, наконец, и к старичку-князю. И здесь такая же напряженность, как при появлении Татьяны Павловны, как у Стебелькова и Васина. Мотив IV тоже вступает в последние свои фазы перед катастрофой. Анна Андреевна уже „сделала предложение“ старику; напряженность тут тоже самодовлеющая. И тем не менее это напряжение побочного мотива, прежде чем разрешиться по своей линии, предварительно сочетается с такими же напряжениями других побочных мотивов и в этом сочетании подготовляет собою ожидаемый момент leit-motiv'a.

Старичек отвечает на вопросы „подростка“ как-бы несколько брезгливо и ужасно „как-то рассеянно“, он тоже „сильно потрясен“. Несвязная болтовня старичка (это как-бы задержка напряжению) резко прерывается. „Подросток“ вдруг узнает, что Катерина Николаевна отказала ему от дому.

— „За что? Когда?.. В эту минуту вдруг показалась в дверях Катерина Николаевна“.

„Подросток“ устремляется за ней; затем напряженная сцена у под'езда с Бьерингом.

— „Катерина Николаевна! Катерина Николаевна! восклицал я бессмысленно (как дурак!... О я все припоминаю, я был без шляпы!) Кто-то схватил меня за локоть... оттолкнул... я отлетел шага на три“.

Это одна из самостоятельных катастроф мотива „подростка„ (их несколько).

Прагматически—в этой сцене скандала замыкается круг бессмысленных обходов „подростка“ и мы возвращаемся опять к Татьяне Павловне; телеологически—напряжение, переходя от мотива к мотиву (III-ий, IV-ый, I-ый) подходит к кульминационной своей точке. На этой точке и сосредоточен ожидаемый момент leit-motiv'a.

„Подросток“, „ничего не разбирая и наталкиваясь на народ“, добегает до квартиры Татьяны Павловны, читает письмо Версилова к Ахмаковой—„ужасную, безобразную, нелепую разбойническую записку“;

а следующая сцена—перед нами Версилов, его об'яснение с секундантом и—как полное завершение—его смех. „Он смотрел пристально, но улыбка его раздвигалась все более и более и т. д.“

Благодаря указанным выше количественным различиям мотивов и является возможность слабый сравнительно момент сильнейшего мотива (II-го) предрешать, динамически подготавливать сильнейшим, катастрофическим моментом побочного мотива (I-го), который, в свою очередь, тоже только динамически подготовлен самостоятельными фазами других мотивов (IV-го, III-го).

Но телеологический ряд еще не закончен. И вот другая катастрофа побочного мотива явно разрешает собой весь этот ряд восходящего напряжения, на высшей точке которого поместился момент leit-motiv'a. Смех Версилова явно разрешается катастрофой на рулетке. Это тоже катастрофа мотива I-го („подростка“). Мотив этот, генетически связанный с ранним замыслом, вообще не укладывается в ту схему, согласно которой развиваются другие мотивы. Мотив „колебаний“ как-бы распадается на несколько тем,—направлений этого „колебания“. Это—„идея“ „подростка“ (главная тема), дружба (с князем Сережей), влечение к отцу, первая любовь и др.

Соотвественно этому, несколько катастрофических моментов замыкают собой разные ответвления мотива I-го; и если катастрофа любви (сцена у под'езда с Бьерингом) окончательно подготовила собой сцену смеха Версилова, то другая, сильнейшая катастрофа того-же побочного мотива (главной темы его), явно разрешает собой эту сцену доминанты.

— „Слышали вы, что Версилов маньяк? Маньяк! Маньяк!“—восклицает „подросток“ и устремляется на рулетку, где его ждет скандал, позор, изгнание и т. д.

Этой фразой (о Версилове) только видимо достигается прагматическая связь между смехом Версилова и катастрофой „подростка“ на рулетке. (Связь эта такова: „подросток“ любит отца и с отчаяния, разочаровавшись в нем, бросается к рулетке). Но ведь на самом деле рулетка „подростка“ прагматически обусловлена собственным развитием данного мотива (I-го): рулетка—это та же „идея“, одна из попыток осуществления „идеи“; отчаяние „подростка“—потому что его оттолкнула Катерина Николаевна, и т. д. Но опять совершенно самостоятельная катастрофа побочного мотива динамически соединяется с предшествующим моментом доминанты, собой разрешает этот момент и лишь иллюзорно скрепляется с ним прагматически, как следствие с причиной (фразой „подростка“ о том, что Версилов „маньяк“...) Т. о. сцена смеха,—этот первый момент Версиловского „двоевья“—стоит на самой верхней точке восходящей линии, по которой в таком прихотливом узоре расположились,—по степени своего напряжения,—различные моменты четырех побочных мотивов,—как-бы наугад выхваченные из обособленных прагматических рядов...

Этим кончается вторая часть романа; третья часть обнимает собою такие же поперечные скрещения остальных фаз leit-motiv'a с малыми катастрофами других побочных мотивов (III-го, IV-го) и завершает,

наконец, весь роман в „окончательной“ катастрофе [1]). Первые главы развивают новую тему мотива „подростка“: „благообразие“ осуществленное, серафическая ясность Макара-странника. Здесь новое лицо вводится вне всякой, казалось-бы (т. е. вне прагматической), связи с предыдущим. Однако, телеологическая связь очевидна. Тема „благообразия“ вступает в общий динамический поток, как длительная задержка. Чем длинее она, чем дальше уводит нас от ожидаемых катастроф, тем решительнее, тем сильнее мы будем потрясены возвращением к катастрофическим событиям. На протяжении 3-х глав тема Макара Ивановича растет в направлении обратном общему потоку романа: напряжение все более ослабевает, диалог сменяется вводным эпическим, житийным разсказом:

„А было у нас в городе Афимьевском, скажу теперь, вот какое чудо“...

Тем сильнее зато, тем внушительнее звучит уже первая фраза главы 4: „Теперь приступаю к окончательной катастрофе“...

Но до этой „окончательной“ катастрофы действие leit-motiv'a должно еще стремительно пройти свои последние фазы (сцена с образом, сцена свидания), а побочные мотивы могут теперь, своими завершениями, либо частично разрешить эти фазы leit-motiv'a, либо в них усилить свое собственное разрешение. И катастрофы побочных мотивов, как мы уже знаем, расположатся вокруг главной по степени своей относительной силы. Действительно: вступает мотив III, слабейший: „началось с того, что... Лиза воротилась к вечеру вся в тревоге (2 отдел 4 гл). Князь Сережа,— этот злосчастный, слабосильный рыцарь чести,—совершил свою последнюю подлость (уже сидя в тюрьме из-за нелепой ревности сделал донос на Васина).

„Я прямо пришел в тюрьму князя“ (3 отдел, 4 гл.). И следующий затем диалог суммирует всю историю несчастного князя Сережи,— его искание нравственной опоры в сословно-дворянских традициях и бессилие его; но все это уже в аспекте сумасшествия: „Мне все пауки снятся!“ говорит он, и затем „длинная, бессмысленно-вопросительная улыбка“... Но вдруг отворилась дверь, входит Лиза, уже навсегда—сиделка слабосильного, „безногого“. Это—разрешение слабого побочного мотива.

5 глава—„подросток“ у Анны Андреевны; она до конца открывает ему свои карты, открыто просит его помощи (документом) в задуманном ею плане похищения старичка князя, затем—минутное отклонение к мотиву „подростка“; он с Ламбертом в ресторане,—тоже катастрофический момент, как самая высокая амплитуда его „колебаний“—от „благообразия“ Макара Ивановича к пауковой сущности Ламберта (гл. 5—6). И все это вместе, все эти переходы, дают достаточную силу напряжения, что разрешиться в ожидаемом моменте leit-motiv'a: Макар Иванович умер...

---

[1]) Такое словоупотребление в устах самого Достоевского подтверждает правильность нашего анализа; сам Достоевский как-бы противополагает окончательную катастрофу leit-motiv'a неокончательным, малым катастрофам мотивов побочных.

— „Аркадий! крикнул мне Версилов, мигом беги к Татьяне Павловне...

Его глаза сверкали—это я ясно помню... В лице его поражало какое-то необыкновенное возбуждение, почти восторг"...

Мы только потом узнаем причину этого возбуждения (так всегда у Достоевского): смерть Макара Ивановича, освобождающая волю Версилова, совпала с письмом Катерины Николаевны... У Татьяны Павловны „подросток встречает ее", „эту женщину", и она в первый еще раз предстает в полном сиянии своей „земной святости", как идеал, как совершенство „живой жизни".

И так близко еще ни разу в романе не были сопоставлены он и она, Версилов и Ахмакова.

Весь роман как-бы издали и постепенно сближает их, теперь, в этом мгновенном переходе от лица Версилова („восторг", сверкание) к ней, сияющей, — как бы предвосхищается та единственная встреча их, которая еще впереди. В этом моменте leit-motiv'a, уже насыщеном ожиданием катастрофы, и разрешается все предшествующее напряжение переплетающихся побочных мотивов... Следующие 7 и 8 главы,—исповедь Версилова, - телеологически соединяются с предшествующим и последующим, как новая задержка. Исповедь эта вносит кажущееся успокоение. Версилов „воскрес", „решился" уже навсегда соединиться с „мамой", только с „мамой". Роковая „любовь-ненависть" исчезла бесследно и навсегда.

Глава 9 начинается поэтому: „Проснулся я на утро свежее и душевнее". Но тут же, сейчас же, начинается обычное уже повышение напряжения, которое должно предварять катастрофический момент. Как в первой части перед завязкой leit-motiv'a—отрывочные и напряженные сцены в комнате Васина, как во 2 части перед письмом Версилова и сценой смеха — возбужденное появление Татьяны Павловны, Стебелькова, Васина, старичка-князя, так и теперь, перед очередным, уже катастрофическим моментом leit-motiv'a такое же одновременное напряженное сопоставление нескольких второстепенных персонажей разных побочных мотивов. Появляется Дарья Онисимовна, чтобы сообщить, что Анна Андреевна „ждет меня сей же час", а то „поздно будет". Петр Ипполитович (хозяин „подростка") догоняет его на лестнице, смотрит „вонзающимся взглядом и с видимым беспокойством".

У „мамы" „особая, давящая тоска", и не потому, что умер Макар Иванович. Наконец, Лиза прямо оповещает, что близка развязка „вечной истории". Но опять нарастающее ожидание, напряжение,—несмотря на указанное направление его к „главному", - проходит, все повышаясь, через побочные мотивы. Как во 2-ой части, перед сценой смеха, „подросток" должен забежать к возбужденному старичку-князю, так и теперь, уже не сценой, а „как бы в entre-filet" передаются планы Анны Андреевны (начало 10-й гл.), и только после этого—утро в день похорон Макара Ивановича, ожидание собравшимися Версилова, появление его, - -безумного, двоящегося, затем сосредоточенная сцена,—диалог Версилова поочередно со всеми присутствующими,—и наконец, завершение

всего предшествующего возбуждения,—расколотый „ровно на два куска" образ, „наследство Макара Ивановича"... Катастрофа уже настолько видна, настолько предугадывается, предшествующее возбуждение настолько сильно, что leit-motiv стремительно переходит от этого своего момента к следующему. „Подросток" в квартире Версилова, из-за портьеры подслушивает их разговор—видит эту единственную встречу Версилова и Ахмаковой... К этой сцене (2 отдел главы 10-ой), как к своему высшему напряжению, стремилось, прихотливыми излучинами побочных мотивов, все действие романа, этот поток напряжений, частично разрешавшихся, чтобы стать еще и еще сильнее. Предельная же точка напряжения и дана в этом диалоге; тут предел напряжения той антиномии („мечтательство" и „живая жизнь"), которая от самой завязки развертывалась все шире и шире. Т. о. верховная цель, руководившая совокупными стремлениями всех мотивов—раскрытие главного символа. Он и раскрывается динамически....

Напряжение, достигнув своего кульминационного момента (в этой сцене свидания),—настолько сильно, что разрешается в двух катастрофах: за более слабой катастрофой (сильнейшего побочного мотива,—IV-го) почти непосредственно следует все завершающая катастрофа leit-motiv'a.

11-ая глава прямо подводит к этим последовательным разрядам: „Наступили последние сутки моих записок—и я на конце конца!" И сейчас же: „Вдруг, едва только я вступил в наш корридор, как тотчас же понял, что стряслась новая беда...": старый князь „похищен" из Царского Села и перевезен сюда Анной Андреевной...

Короткими толчками (болтовня испуганного князя, мольбы Анны Андреевны помочь ей „документом") мотив IV-й доводится до своего разрешения,—в сцене скандала с Бьерингом, который является „спасти" князя, отнять его у „интриганки".—„Мерзавец! Завопил я на него.— Анна Андреевна,—я ваш защитник... Сцена вышла ужасная и низкая... я подскочил и ударил его...".

И непосредственно затем, через непрекращающееся смятение всех сопутствующих персонажей („Версилов ее зарежет!... Тут двойник!—Ах этот „двойник"! ломала руки Татьяна Павловна" и т. д.)—все завершающая катастрофа, нападение безумного Версилова на Ахмакову, эти жесты любви и ненависти, так сжато переданные.

Телеологическое соподчинение прагматически раз'единенных элементов (сюжетов) является т. о. началом художественнаго единства романа Достоевского. И в этом смысле он может быть уподоблен художественному целому в полифонической музыке: 5 голосов фуги, последовательно вступающих и развивающихся в контрапунктическом созвучии, напоминают „голосоведение" романа Достоевского. [1]) Такое уподобление,— если оно верно,—ведет к более обобщенному определению самого начала

[1]) Есть прямые свидетельства самого Достоевского тому, что свои сюжеты он сам сознательно подчинял музыкальным заданиям: „В первой главе, повидимому, болтовня"; о „Записках из подполья" писал Достоевский брату: „Но вдруг эта болтовня в последних 2-х главах разрешается неожиданной катастрофой... Ты понимаешь, что такое переход в музыке. Точно так и тут". (Письма стр. 153).

единства. Как в музыке, так и в романе Достоевского осуществляется тот же закон единства, что и в нас самих, в человеческом „я“,—закон целесообразной активности. В романе же „Подросток“ этот принцип его единства совершенно адэкватен тому, что в нем символически изображено: „любовь-ненависть“ Версилова к Ахмаковой—символ трагических порывов индивидуальной воли к сверхличному: соответственно этому весь роман и построен по типу индивидуального волевого акта.

Как всякая внутренняя или внешняя перемена, вызванная моей волей (цель и завершение волевого акта), предвосхищается,—в виде представления,—моим стремлением, так же в романе Достоевского верховная цель его (встреча и разрыв Версилова и Ахмаковой) с самого начала предвосхищается, задается в напряженных оповещениях, в акценте, выделяющем среди первых еще впечатлений романа „главное“; как всякое волевое представление (стремление) отличается от обычных представлений своеобразным характером активности,—так же и образы романа Достоевского не зарисованы неподвижными (как у Тургенева, например), но даны в нарастающей стремительности мотива; наконец, как всякая верховная цель моего „я“ подчиняет себе мои побочные волевые акты (побочные стремления и перемены)—так же точно верховная цель романа Достоевского (раскрытие основного символа) подчиняет и руководит собой побочные мотивы романа... Форма волевого акта—структурное начало романа Достоевскаго. Тем самым структура романа адэкватна его главному символу. Отсюда об'ясняется неуловимость и, вместе, действенность символов Достоевского. Они не требуют внешнего отгадывания, как например образные иносказания Ибсена или Метерлинка; они стихийно подчиняют себе, с чисто музыкальной непосредственностью и силой.

В. Комарович.

1919—20 гг.

Б. М. ЭНГЕЛЬГАРДТ.

ИДЕОЛОГИЧЕСКИЙ РОМАН ДОСТОЕВСКОГО.

Идеологический роман Достоевского [1].

Памяти Всеволода Викторовича Фацсена.

I.

Разбираясь в русской критической литературе о произведениях Достоевского, легко заметить, что, за немногими исключениями, она не подымается над духовным уровнем его любимых героев. Не она господствует над предстоящим материалом, но материал целиком владеет ею. Она все еще учится у Ивана Карамазова и Раскольникова, Ставрогина и Великого Инквизитора, запутываясь в тех противоречиях, в которых запутывались они, останавливаясь в недоумении перед неразрешенными ими проблемами и почтительно склоняясь перед их сложными и мучительными переживаниями.

В ней нет силы не только для преодоления исключительно богатого идейного содержания романов Достоевского, но и для точки зрения, имманентной его личному отношению к своим героям; беспомощная перед страстной диалектикой жестокого таланта, она неизбежно вовлекается в опасную игру порождаемых им идей, переживаний и образов. Ее мысль движется в том же религиозно-философском плане, как и действие романов, и вполне естественно, что у нее не хватает внутренней свободы для об'ективной оценки слов и поступков представителей „случайного племени“, выведенного в произведениях прозорливца-художника. В этом смысле она похожа на того юношу 30-х годов прошлого столетия, который терзался и болел муками Алеко и Кавказского Пленника в то время, как для самого Пушкина это был уже „ein Ueberwundener Standpunkt“ [2]).

---

[1]) Предлагаемая статья является вступлением к книге автора о формах художественного творчества Достоевского, подготовленной в настоящее время к печати.

[2]) Ср. Из воспоминаний о Достоевском В. В. Т-вой, Ветринский. 15.

Еще более любопытно отношение к Достоевскому западно-европейских критиков. Для них Достроевский прежде всего русский писатель, раскрывающий перед европейским читателем „хаотическую русскую душу". Эту-то душу они и хотят об'ективно изучать по его романам, совершенно не подозревая в своей наивной самоуверенности, что проходящие перед ними „les gentilhomes-seminaristes russes" есть в то же время „les citoyens du monde civilisé", что они только договаривают до конца „последнее слово" западной мысли, и что именно ее, бурно разросшуюся на благоприятной почве порвавшего с родной культурой традицией, свободного от всех предрассудков органического быта — русского интеллигентского сознания и изображает Достоевский.

Ибо Достоевский совершенно сознательно противопоставляет своего положительного героя (Алешу, Зосиму), как русский национальный тип (замечательно, что на Западе именно эти герои остаются до сих пор непонятными вместе с Пушкиным) своим отрицательным героям, представителям оторванной от Запада, отравленной ядом западной цивилизации интеллигенции,—тем героям, которые по преимуществу и поразили воображение западного читателя. Со свойственной русскому духу проницательностью он предугадал грядущую трагедию западной мысли и с необычайной силой и яркостью изобразил ее в своих пророческих творениях. Но на Западе только теперь, кажется, начинают понимать, что та боль и мука, которые нашли такое потрясающее выражение в романах Достоевского — их собственная боль и мука, что „достоевщина" их личное кровное дело.

Но если отчетливое понимание этого факта лишь в последнее время начинает проникать в душу западного человека, то бессознательно это было почувствовано им уже давно, и здесь следует искать об'яснения к огромному влиянию Достоевского на западно-европейскую литературу.

В самом деле, только благодаря тому, что в его произведениях нашли свое выражение терзания и скорби сознания, пораженного больною мыслью, характерной для современной Европы вообще, он и мог могущественно влиять на само идейное содержание Западно-Европейских литератур, а через них и на всю духовную культуру Запада и превратиться мало по малу в „властителя дум" целой Европы. Русские типы Пушкина, их слова и поступки, переживания, мысли и понятия долго еще останутся непонятными для западного читателя и чуждыми западным художникам. Не то герои Достоевского: они очень быстро были признаны „своими" на Западе и разбрелись по всей Европе, заселив наиболее выдающиеся произведения Европейской литературы, где они являются соответственно национальным различиям под разными масками и в разных одеждах, но всегда с одним и тем же характерным мироощущением, с одним и тем же циклом идей и вопросов. Кнут Гамсун, Роденбах, Пшибышевский, Д' Аннунцио, Келлерман и т. д., и т. д. — не меньше чем А. Белый или А. Блок, Сологуб и Л. Андреев отражают в своих произведениях характеры и схемы романов Достоевского, нередко провозглашая его своим учителем.

Это не значит, конечно, что тот особый „надрыв мысли и чувства", которым характеризуется целый ряд замечательных произведений европейской литературы последних десятилетий, обязан своим возникновением исключительно влиянию русского писателя. Само собой понятно, что причин его должно искать в общих условиях европейского духовного развития в XIX веке, что он — предчувствие грядущего краха миросозерцания, лишенного своей главной основы. В этом смысле Достоевский явился лишь проникновенным выразителем того, что смутно предчувствовалось всеми. С прозорливостью по истине пророческой он ухватил и запечатлел в своих и доныне во многом загадочных произведениях все искания и муки своей эпохи, ее тоску и боль, самые острые противоречия ее духа. В мощных концепциях его романов с исключительной полнотой и яркостью совершилось самосознание современной европейской культуры. Поэтому-то Достоевский и стал тем, что он есть: властителем дум современности, ее вождем и пророком и в то же время мучительной загадкой, которую ради собственного спасения во что бы то не стало должен разрешить современный человек...

История литературы знает несколько аналогичных примеров. Достаточно вспомнить Руссо с его Новой Элоизой, Эмилем и Исповедью, или хотя бы Байрона. И его герои прошли по всем странам Европы, и он также терзал и мучил читателя и импонировал критике, долгое время беспомощной против тирании его поэзии. Вот что писал о нем сам Достоевский в 1877 г.: „Новый исход еще не обозначался, новый клапан не отворялся, и все задыхалось под страшно понизившимся и сузившимся над человечеством прежним его горизонтом. Старые кумиры лежали разбитые. И вот, в эту то минуту и явился великий и могучий гений, страстный поэт. В его словах зазвучала тогдашняя тоска человечества и мрачное разочарование его в своем назначении и в обманувших его идеалах. Это была новая и неслыханная еще тогда муза печали, проклятия и отчаяния. Дух байронизма вдруг пронесся как бы по всему человечеству, и все оно откликнулось ему. Это именно был как бы отворенный клапан; по крайней мере, среди всеобщих и глухих стонов, даже большею частью бессознательных, это именно был тот могучий крик, в котором соединились и согласились все крики и стоны человечества" [1]).

Таким могучим криком, в котором согласились и соединились все крики и стоны человечества, было — но в гораздо больших размерах — и творчество Достоевского. В его произведениях изнемогает и бьется плененная душа современного человека, задыхающагося под страшно понизившимся пустым небом скептического сознания. И здесь тайна мучительного обаяния его творений, которые терзают и жгут современную душу, неотступно бередя тяжкие раны ее совести, мешая ей хоть на миг успокоиться среди внешних и мнимых решений основных проблем духовного бытия.

---

[1]) Дневник писателя за 1877 г. (декабрь); цит., как и везде дальше, по 14-ти-томному юбилейному изд. 1906 г.; т. XII, стр. 690—94.

Но если история может назвать поэтов, роль которых была аналогична роли Достоевского, то она знает еще другое. Так, например, она может рассказать нам, как—правда, очень медленно и с огромными усилиями—европейское культурное сознание преодолевало байронизм, пока, наконец, он не сделался простым воспоминанием прошлого. Ведь современный читатель уже не отзывается на могучий крик английского поэта. Его бунт и проклятия, его гнев и скорбь, печали и страсти кажутся нам наивными, быть может, несколько аффектированными, и нередко вызывают лишь снисходительную улыбку.

А в связи с этим невольно рождается вопрос: неужели и Достоевскому суждена такая же участь. Неужели и он „устареет“, и читатель грядущего времени будет так же равнодушен, так же холоден к философскому пафосу его произведений, как мы к байронической игре страстей и безудержному бунтарству? Мы называем Достоевскаго жестоким талантом, суровым и беспощадным вопрошателем современной души, которую он пытает и жжет огнем своей диалектики. Но разве Байрон не был жесток и безжалостен, не имел страсти к мучительству? Вспомним только отзывы о нем Гете. Да и сам Гете, этот всепримиряющий созидатель вечных ценностей, — разве он не заслужил однажды обвинения в жестокости и мучительстве за своего Вертера, скорбный путь которого оказался великим искушением для иных слабых душ XVIII в.? Да. Тот самый Вертер, которого мы ценим теперь по преимуществу эстетически, приводил иной раз к самоубийству не хуже эвклидовских выкладок Ивана Карамазова. И кто знает—не займут ли когда нибудь произведения Достоевского того места в сознании „поколении будущих столетии“, какое в нашем занимают Новая Элоиза и Вертер, Чайльд-Гарольд или Дон-Жуан? И не покажется-ли тогда роман Достоевского растянутым и скучным — мы знаем, что эстетически он нередко не завершен, многословен и сбивчив, — а мнение о жестокости его таланта некоторой устарелой наивностью?

Постановка такого вопроса в отношении Достоевского имеет весьма серьезное основание. Ведь в его произведениях — за весьма немногими исключениями—почти нельзя найти образов вечного, неумирающего значения, знаменующих гармоничное примирение противоречивых стремлении свободно раскрывающего себя человеческого сознания. Обычно он рисует человеческую душу в моменты глубочайшего смятения и внутренней борьбы, в акте не столько становления, сколько распада и самоуничтожения, на путях гибели и смерти, изнемогающую среди чудовищных контроверз мысли, в надрыве чувства и болезненом распаде воли.

Но и этот распад, это разложение духа изображает он не sub specie aeternitatis, в вневременном плане извечных конфликтов свободного я и необходимости эмпирически данного мира, но в приурочивании к исторически определенному моменту духовного развития общества, с включением злобы дня не только в образный ряд, но и в „идейное содержание“ романа, не останавливаясь перед привнесением в этот последний черт памфлета, ядовитого шаржа и даже пасквиля. Он вечно стремится уловить в своем произведении злободневное явление, выявить его внутрен-

ную сущность, запечатлеть его в дышащих страстью, чуждых всякого эстетически сознательного спокойствия строках. Правда, он так далеко проникает в самую суть вопросов дня, так пророчески предвидит все следствия, отсюда вытекающие, как никто из торопившихся за веком его современников,—почему только теперь и раскрывается в полной мере все его значение, — но все же он „служит минуте", служит с пламенным увлечением, нисколько не скрывая, но гордясь этим [1]).

И если этот пафос проповедника и едкая ирония полемиста в значительной мере содействовали его неслыханному успеху в наше время, то в них же скрыты серьезные опасности для длительной действенности его художественных образов. Поэтическое произведение, открывающее широкие возможности восприятия его в обще философском и даже просто моральном плане, может расчитывать на большую популярность и более активное влияние, нежели такое, где все направлено к эстетическому воздействию на читателя, но зато в отношении ко всестирающему времени его эстетическая ценность покоится на несравненно более шатких основаниях.

Во всяком случае, оставляя в стороне бесплодные, в конце концов, гадания о судьбе творений Достоевского в грядущем, одно можно сказать с несомненностью: его роль „властителя дум современной Европы" [2]) определяется в значительной мере идейным содержанием его романов: теми религиозно-философскими концепциями и психологическими проблемами чувства и воли, которые нашли в них свое отражение. Современный европеец раскрылся, наконец, как „герой Достоевского" (Ницше в значительной мере уже был им), и те мучительные вопросы и зловещие переживания, которые сплетаются в чудовищный клубок в произведениях русского гения, стали в порядок дня европейской культуры, настоятельно требуя своего разрешения и преодоления.

Ибо само собой понятно, что остановиться в плане миропереживания и созерцания произведений Достоевского европейское культурное сознание не может: план этот — план духовного разложения, самоотрицания и самоуничтожения личности. Это невозможно уже и потому, что сам то Достоевский прошел сквозь эти бездны отрицания, сомнения и надрыва [3]), сквозь эту страшную пустыню абсолютного одиночества и от'единения [4]), преодолел и поставил на должное место своего героя и в своих положительных типах успел наметить то направление, в каком вообще следует искать выхода из мрачного подполья. Но только наметить. Если в миропереживании и созерцании, отразившемся в поэзии Гете или Пушкина, современный человек может усматривать некоторый положи-

---

[1]) Ср. Воспом. Н. Н. Страхова, Биография, стр. 172 174, 216.

[2]) Выражение немецкого критика Гессе.

[3]) См. Биографию, стр. 368—369, 375.

[4]) Люди на земле одни — вот беда. „Есть ли в поле жив человек, кричит русский богатырь. Кричу и я, не богатырь, и никто не откликается". Кроткая, XI, стр. 375.

тельный идеал, к которому он должен стремиться, то в поэтическом и публицистическом творчестве Достоевского, взятом в целом, ему дан лишь некий путь, уже пройденный художником и неизбежно предстоящий ему, читателю.

Но если современный критик и не может до конца разгадать загадку, оставленную Достоевским, то все же в своем анализе его творений он должен твердо помнить, что для самого Достоевского все это было преодоленным моментом духовного становления, и, следовательно, и сам он обязан стремиться к тому же. И отчетливое сознание этого факта уже само по себе может повести если не к положительному решению вопроса и не к полному творческому преодолению духовной стихии романов Достоевского, то, по крайней мере, к уяснению всей громадности предстоящей истолкованию проблемы и к правильной ее постановке.

II.

Характерно, что сам Достоевский упорно называет себя реалистом. „Меня зовут психологом, отмечает он в своей записной книжке под многознаменательной рубрикой „Я“: „неправда, я лишь реалист в высшем смысле, т. е. изображаю все глубины души человеческой“ [1]. И это определение он не раз повторяет в письмах к друзьям. Что же такое разумел он под словами „реалист“ и „реальный“? Ответить на этот вопрос не трудно: понятие „реализм“, „реальный“ постоянно противополагается им понятию „фантастичность“, „фантастический“. Так, в чрезвычайно интересном, несмотря на свою краткость, предисловии к рассказу „Кроткая“ он пишет: „Я озаглавил его (рассказ) „*фантастическим*“, тогда как считаю его в высшей степени *реальным*. Но *фантастическое* тут есть действительно, а именно в *самой форме* рассказа“. „Рассказ“, поясняет он далее, „строго говоря, не рассказ и не записки. Это как бы художественная обработка стенографической записи тех размышлений и воспоминаний, которые проходят в сознании мужа, когда он остается один в ближайшие дни после самоубийства жены. Вот это предположение о стенографе Достоевский и называет „фантастическим“ элементом, указывая в свое оправдание на распространенность подобного приема в искусстве. „В. Гюго“, замечает он, „допустил еще большую *неправдоподобность*, предположив возможность записок приговоренного к смерти до самой последней минуты жизни“. „Но не допусти он этой *фантазии*, не существовало бы и самого произведения, самого *реальнейшего* и самого *правдоподобнейшего* произведения из всех, им написанных“ [2]. Аналогичное же противопоставление реали-

---

[1]) Биография, 373.

[2]) XI, 340—41. Курсив наш. Очень любопытно, между прочим, что в сознании Достоевского пресловутые ныне „приемы“ квалифицировались, как фантастические и реальные, т. е. на них распространялись принципы, принадлежащие как будто „материалу“.

ного и фантастического встречается нередко и в письмах Достоевского. „Порассказать толково то, что мы, русские, пережили в последние 10 лет в нашем духовном развитии, — да разве не закричат реалисты, что это фантазия? А между тем это исконный настоящий реализм!“, восклицает он в письме к Майкову [1]). „Неужели фантастичный мой „Идиот“ не есть действительность, да еще самая обыденная“, спрашивает он Н. Н. Страхова [2]).

Эти цитаты, — а их можно было бы продолжить, — дают ясное представление о том, что понимал Достоевский под словом „реализм“. В противоположность слову „фантастичность“ оно указывает на стремление художника правдиво изображать в своих произведениях не фантастические выдумки, но действительность, факты, имеющие место в жизни народа и общества.

Быть реалистом значит отражать в художественном слове реальные события, злободневные явления общественного развития. Сопоставляя это определение с тем, что говорил Н. Н. Страхов о страстном внимании Достоевского, как художника, к „минуте“, мы видим, что мнение Страхова находит подтверждение в отзывах самого писателя, и — обратно — эти отзывы подкрепляются сторонними наблюдателями.

Итак, художник - реалист схватывает и воплощает в образах своих произведений подлинные факты жизни. И среди этих фактов особым его вниманием должны пользоваться психологические типы, человеческие характеры, отражающие на себе как постоянные особенности общего духовного склада данного народа или его отдельной общественной группы, так и резкие черты определенного исторического момента общественного развития. По крайней мере, только такой вывод можно сделать, опираясь на практические оценки Достоевским других писателей. В самом деле, что он прежде всего выдвинул в поэзии Пушкина? Не вдохновенную ясность поэтического переживания бытия, не исключительную яркость и гармоничность душевного движения, даже не глубоко христианский пафос его воззрения на мир и человека и т. д. и т. д. Нет, по мнению Достоевского, величие Пушкина основывается на том, что он подметил и творчески воплотил, утверждая тем самосознание общества, во-первых, тип русского „скитальца“; во-вторых, положительный русский тип великой моральной красоты; и в третьих, как никто другой обладал чисто русской национальной способностью „полнейшего перевоплощения в гении чужих наций“, являясь как бы наглядным доказательством общечеловечности русского народа и возможности для него провозгласить некогда свое особое общечеловечески - значимое новое слово [3]). Строго говоря, эта замечательная, как credo, речь едва ли может быть признана характеристикой Пушкинской поэзии в ее вечном значении и цен-

---

[1]) Письмо 11/23 декабря 1868 г. Биография. 228. Курсив наш. Сравни отзыв о „Цыганах“, XII, 425.

[2]) Письмо 22 февр./6 марта 1869 г. Биография, 267.

[3]) Ср. Об'яснительное слово к Речи о Пушкине, XII, 413—417.

ности; в ней гораздо больше самого Достоевского, нежели Пушкина, и она, конечно, была событием не потому, что „показывала истинное значение Пушкина“, но потому, что блестяще формулировала ряд наболевших вопросов общественной мысли того времени.

Как бы то там ни было, но в этой долго обдумывавшейся, до конца проработанный речи главной заслугой Пушкина было выставлено создание ряда художественных „типов“, не фантастичных, но глубоко правдивых и реальных. С этим же критерием Достоевский подходит и к другим писателям, как современным, так и творившим в иные времена. В этом плане оценивает он Гоголя, Тургенева, Толстого и—что важнее всего—самого себя.

Упорно называя себя реалистом, он настойчиво подчеркивает, что его герои не простая художественная выдумка, не поэтические фантомы, но подлинная действительность. Так он отстаивает своего „Идиота“ (см. выше), радуется, когда реальная жизнь оправдывает в этом смысле замысел „Преступления и наказания“, и прочее и прочее.

Не будем входить в принципиальную оценку этой точки зрения, как методологической предпосылки литературной критики. Нет никакого сомнения, что в свете современной эстетики она окажется совершенно неудовлетворительной, но в данном случае это не играет никакой роли. Нам важно здесь другое.

Если писатель в поэтическом отражении действительно существующих характеров усматривает одну из основных задач поэтического творчества вообще, а романиста в особенности; если он не устает называть себя реалистом, изображающим в своих романах и повестях „исконную, подлинную“ действительность, типические характеры, подмеченные, открытые им в реальной жизни; если, далее, его друзья свидетельствуют о его страстном увлечении, как поэта, событиями и интересами текущего момента, а его постоянные отходы из сфер художественного творчества в чистую публицистику подтверждают эти показания, тогда критик не может не верить заявлениям поэта и обязан поставить вопрос, какую же действительность он изображает, что он видит, или, точнее говоря, прозревает в злободневных явлениях жизни, и как преображает все это в своих творениях.

Ответить на такой вопрос относительно Достоевского довольно трудно. Его странные романы с сложно построенными интригами, его причудливые герои, совершающие нелепые, внешне невероятные деяния на фоне какой-то фантастической жизни в какой-то фантастической обстановке—все это трудно связывается с нашим обычным пониманием „реального“, быта, действительного характера и т. д. Достоевский—реалист, Достоевский и действительность,—такие сопоставления с трудом укладываются в нашем сознании. Достоевский и сам понимал всю сложность этой проблемы и постоянно оговаривался. Да, он реалист, но „реалист в высшем смысле этого слова“. „Совершенно другие я понятия имею о действительности и реализме, чем наши реалисты и критики“, пишет он А. Н. Майкову. „Мой идеализм реальнее ихнего реализма...

Это-то и есть реализм, только глубже, а у них мелко плавает. Ихним реализмом сотой доли действительно случившихся фактов не об'яснишь. А мы нашим идеализмом пророчили даже факты. Случалось“ [1]).

„У меня свой особенный взгляд на действительность в искусстве“ замечает он в письме к Н. Н. Страхову, „и то, что большинство называет почти фантастическим и исключительным, то для меня иногда составляет самую сущность действительного. Обыденность явлений и казенный взгляд на них, по моему, не есть еще реализм, а даже напротив. В каждом номере газет вы встречаете отчет о самых действительных фактах и о самых мудреных. Для писателей наших они фантастичны; да они и не занимаются ими; а между тем они действительность, потому что они факты. Кто же будет их замечать, их раз'яснять и описывать? Они поминутны и ежедневны, а не исключительны“ [2]).

Таким образом, причисляя себя к реалистам, он на мгновение как бы сближает себя с реалистической школой, но только затем, чтобы тотчас снова разойтись с нею, резко противопоставить свое понимание действительности и реализма традиционно-школьному. И он не менее напряженно, чем другие, следит за событиями дня, и он предан минуте и видит свою задачу в художественном отражении действительности. Но эта действительность у него совсем особая. Строго говоря, то, что представители традиционной точки зрения называют действительностью, только ее внешняя оболочка: их реализм мелко плавает. А он стремится добраться до самой сущности действительности, стремится, проникнув „в глубины души человеческой“, найти и описать „человека в человеке“, выявить сердцевинное ядро жизни, ее вечные и реальнейшие основы и двигатели. Ведь, „вся действительность еще не исчерпывается насущным, ибо огромною своею частью заключается в нем в виде еще подспудного, невысказанного слова“ [3]). И при этом оказывается, что его идеализм и есть „подлинный реализм“, т. е. идеальное оказывается реальным, фантастическое обыденного воззрения—„исконною“ действительностью, а обыденно-действительное случайным и почти призрачным.

Иными словами, служа минуте и всецело отдаваясь действительности, Достоевский воспринимает эту последнюю в совершенно особом плане, который—и он сам отлично это сознавал—поверхностный взгляд легко может счесть за чистую фантазию.

Каков же этот план, каковы его организующие принципы? Прежде, чем ответить на этот вопрос, необходимо решить другой: что именно по преимуществу воспринимается Достоевским из действительности. Ведь уже a priori ясно, что, как бы ни был он предан интересам общественной жизни в самом широком смысле слова, он — как художник — не мог охватить ее всю целиком: были, конечно, группы фактов, на которых он останавливался с особым вниманием, которые особенно привлекали

---

[1]) Биография и т. д. Отд. писем, 202.

[2]) Там же, 267.

[3]) О Шекспире, I Записн. книжка, стр. 2, 130 Цит. по кн. Л. Гроссмана, Библиотека Достоевского. Одесса 1919 г., стр. 89—90.

его творческий интерес и играли преобладающую роль в материале его творчества. В пользу такого предположения говорят не только резкие особенности его общего мировоззрения и художественной индивидуальности, для которых далеко не все было понятно и доступно в жизни, но и своеобразная эмоциональная однотонность его героев. Все они производят впечатление близкой родственности между собой, объединенные принадлежностью к одному и тому же классу социально-психологических явлений. Очевидно, что из необозримого количества жизненных фактов Достоевский выбирал или — лучше сказать — подбирал отдельные, которым он придавал совсем особое значение, как объектам размышления и творчества. Он не только по своему понимал **сущность** действительности, но еще вылавливал из этой действительности какие-то своеобразные, специфически окрашенные явления, ставя своей задачей их философское и художественное использование. И вопрос о том, каковы именно эти факты, и почему они обладали такой исключительной ценностью в глазах Достоевского, должен быть разрешен прежде всех остальных.

Одной из основных предпосылок всего мировоззрения Достоевского было убеждение в глубокой оторванности нашей интеллигенции, т. е. образованной и правящей или стремящейся править части населения России, от русского народа, — от органически развивающейся, насыщенной исторической традицией духовной жизни народной стихии. Мысль эта развивалась и славянофилами, которые пришли к ней однако иным путем: путем разочарования в Западе, превознесения всего славянского и полемического противопоставления себя „западникам". Для Достоевского же основой этого убеждения было не славянофильское разочарование в западной культуре и не полемические настроения: для него это была истина, добытая в тяжком опыте, дорого оплаченная муками полнейшей отъединенности на каторге и в последующие годы пребывания в сибирском захолустьи простым рядовым [1]). В этой краткой формуле, столь банальной в настоящее время, вся история его жизни и беззаветное юношеское увлечение последним словом западной мысли и страшная кара за него в сознании сурового осуждения народом — тогдашним народом, — его, отщепенца и позднейший мучительный, болезненно-напряженный поиск новой веры, которая привела бы его к решению „проклятых вопросов" индивидуальной жизни по народной правде и народному разуму, к слиянию с народом, с „почвой", „землей".

И в плане этих страстных исканий он и пытается созерцать и осмысливать бурную и тревожную жизнь русского общества в 60-х и 70-х годах прошлого столетия. Для него главный источник всех уродливых ненормальностей, ее внутренней нескладности и нелепицы — в оторванности интеллигенции от народа. В этом „самая больная язва составившегося у нас после великой Петровской реформы общества". И величайшая заслуга Пушкина, его громадного ума и гения, как раз

---

[1]) Письмо к брату М. М Достоевскому от 22,II 1854 г. из Омска. Ветринский, 202—203

заключается в том, что „его искусному диагнозу мы обязаны обозначением и распознанием болезни нашей; он же дал и великую надежду, что болезнь эта не смертельна, и что русское общество может быть излечено, может вновь обновиться и воскреснуть, если присоединится к правде народной“.

Пушкин первый „отметил и выпукло поставил перед нами отрицательный тип наш, человека беспокоющегося и непримиряющегося, в родную почву и в родные силы не верующего, Россию и себя самого (т. е. свое же общество, свой же собственный интеллигентный слой) отрицающего, делать с другими не желающего и искренно страдающего“. „Алеко и Онегин породили потом множество себе подобных в нашей литературе. За ними выступили Печорины, Чичиковы, Рудины и Лаврецкие, Болконские“ [1]) и целое племя несчастных скитальцев в родной земле,—„изгнанников на родине“, ее презирающих и ненавидящих, разбросанных и обособленных, об'единенных лишь своим „чужестранством и чужеязычием [2]).

Первоначално это „случайное племя“ не играло существенной роли в определении основных черт русского общественного сознания: Его представители „почти всегда кончали тем, что с успехом примыкали впоследствии к нашему высшему культурному слою и сливались с ним в одно целое“ [3]). Но постепенно болезнь прогрессировала, а вместе с тем чрезвычайно увеличивалось число этих домашних чужестранцев, с одной стороны, и неукоснительно совершалось разложение самого высшего культурного слоя, с другой. Так что в той обществиниой действительности, которую имел перед глазами вернувшийся из Сибири Достоевский, он мог уже отчетливо различить две определенные общественные группы: вымирающий высший класс и оторванную от народа интеллигенцию. И эти две группы активных носителей общественной идеологии противопоставлялись для него до такой степени резко, что и сама „действительность“, как предмет художественно-словесного творчества, раскалывалась на две различные сферы [4]). Писатель мог выступать или как историк „средне-высшего нашего дворянского круга“,

---

[1]) Речь о Пушкине, XII, 413, 414, 423. Курсив наш.

[2]) Из писем 20-х годов П. А. Вяземского: Русский патриотизм может заключаться в одной ненависти к России, такой, как она нам представляется... Любовь к России, заключающаяся в желании жить в России, есть химера, недостойная возвышенного человека... Мы все изгнанники и на родине... Мы все прожили и живем кое-как, клочками, урывками: нет общего центра. Посмотреть в других землях, в другие времена все были лучи одного светлого круга... и т. д. Остаф. Архив. III, 705. 717.

[3]) Заключение „Подростка“, IX, 527.

[4]) В дальнейшем изложении мы позволяем себе отождествлять взгляды, высказанные Николаем Семеновичем в Подростке (см. т. IX, 525—30 и Л. Гроссман, стр. 13—85), с взглядами самого Достоевского, т. к. через год после напечатания Подростка он развивает их уже от своего имени в Дн. Пис. за 1877 г., январь, т. XII, 35—36, почти в тех же выражениях.

или же как истолкователь тревожной и нескладной жизни „случайного племени“, постепенно вытесняющего „благообразный“ класс с общественной арены. Большинство русских беллетристов избрало первый путь. И это совершенно понятно.

„Еще Пушкин наметил сюжеты будущих романов своих в „Преданиях русского семейства“, и, поверьте, что тут, действительно, все, что у нас было доселе красивого. По крайней мере, тут все, что было у нас хотя сколько-нибудь завершенного. Лишь в одном типе русского родового дворянства „возможен хоть вид красивого порядка и красивого впечатления, столь необходимого в романе для изящного воздействия на читателя“. И эта-то эстетическая завершенность основных форм жизни „средне-высшего круга“ и делала ее особенно привлекательной для „романиста, имеющего талант“, в качестве об'екта его творчества. Здесь он находил, наконец, хоть какой-нибудь“ да порядок, уже не предписанный, а наконец, выжитый“ — и „так сказать, отдых глазу: хоть что-нибудь, наконец, построенное, а не вечную ломку, не летающие повсюду щепки, не мусор и сор, из которых вот уже двести лет ничего не выходит“. [1]) Но если этот слой русского общества своею культурной стильностью и представлял большие преимущества для художественного изображения, то в нем скрывались и такие черты, которые делали увлечение им со стороны художника довольно опасным.

Дело в том, что этот высший класс уже вымирал. „Уже не сор прирастает к высшему слою людей, замечает тот же резонер из ром. „Подросток“ [2]) а напротив, от красивого типа отрываются с веселой торопливостью куски и комки и сбиваются в одну кучу с беспорядствующими и завидующими“. В 70-ые годы прошлого века завершенные формы быта уже отходят в прошлое, и художник, рисующей классические образцы, „красивого типа“ и „стильной жизни“, оказывается не истолкователем современности, а „историком“. Его творчество уже нисколько „не служит минуте“, и он неизбежно должен уйти от злободневной действительности.

„По крайней мере, ясно, — говорит сам Достоевский, — что жизнь средне-высшего нашего дворянского круга, столь ярко описанная нашими беллетристами, есть уже слишком ничтожный и обособленный уголок русской жизни. Кто же будет историком остальных уголков, кажется, страшно многочисленных? И если в этом хаосе, в котором давно уже, но теперь особенно, пребывает общественная жизнь, и нельзя отыскать еще нормального закона и руководящей нити даже, может- быть, и Шекспировских размеров художнику, то, по крайней мере, кто же осветит хотя бы часть этого хаоса, — хотя бы и не мечтая о руководящей нити? Главное, как будто всем еще вовсе не до того, что это как бы еще рано для самых великих наших художников. У нас есть, бесспорно, жизнь разлагающаяся и семейство, стало быть, разлагающееся. Но есть, необходимо

[1]) Подросток. IX, 527.
[2]) Там же.

и жизнь вновь складывающаяся, на новых уже началах. Кто их подметит и кто их укажет? Кто хоть чуть-чуть может определить и выразить законы и этого разложения и нового созидания? [1])

Мы знаем, кого, по преимуществу, называл Достоевский историками средне-высшего круга, но мы можем, не колеблясь, ответить и на последние его вопросы. Художником, осветившим значительную часть этого хаоса, во многом определившим и выразившим законы процесса нашего разложения и незримого, но несомненного возрождения, был он сам—сознательно сделавшийся историком „случайного племени", жизнь и грядущие судьбы которого он изобразил с таким пророческим проникновением. И, конечно, глубоко личным чувством исполнены слова, которые он вложил в уста тому же подставному лицу в финале „Подростка":

„Признаюсь, не желал бы я быть романистом героя из „случайного семейства". „Работа неблагодарная и без красивых форм. Да и типы эти, во всяком случае,—дело текущее, а потому и не могут быть художественно-законченными. Возможны важные ошибки, возможны преувеличения, недосмотры. Во всяком случае предстояло бы слишком много угадывать. Но что делать, однако же, писателю, не желающему писать в одном лишь историческом роде и одержимому тоской по текущему. Угадывать и... ошибаться. [2])

В этой замечательной по исключительной сознательности самооценке дана полная характеристика художественного творчества Достоевского. Здесь отмечена его страстная „тоска по текущему;" здесь указан центральный об'ект его художественных интересов и существенные особенности главных образов его романов—нередкая преувеличенность и эстетическая незавершенность, вытекающая из их об'ективной невыявленности; и здесь же, наконец, подчеркнута необходимость дара проникновенного угадывания для изображения „подспудной действительности."

III.

Достоевский—историк „случайного племени." Теперь становится понятно, какой круг фактов общественной жизни представляет для него наибольший интерес. В своих романах он изображает духовную жизнь интеллигенции в аспекте оторванности ее от народа и почвы. Именно момент отпада, обособления от народно культурной традиции особенно привлекает его внимание. С этой точки зрения он уже с самого начала отвлекается от конкретной действительности. „Обыденное"—черты быта, устойчивого обряда, всегда имеющиеся на лицо в жизни любой общественной группы, представляются ему лишенными существенного значения. Напротив, это обыденное, быть может, и есть „призрачное," ибо оно

---

[1]) Дневник 1877 г., XII, 38.
[2]) IX, 529.

только прикрывает сложные процессы „обособления" и „от'единения," составляющие пока что внутреннее зерно духовного развития русского общества. Для характеристики интеллигенции быт, обыденность жизненного обряда—величина почти мнимая; и Достоевский с лихорадочным вниманием следит, как „с веселой торопливостью отрываются от красивого типа куски и комки и сбиваются в одну кучу с беспорядствующими и завистливыми", как постепенно рвутся нити культурных традиций, как просвещенное сознание освобождается от всех „предрассуждений" исторически сложившегося быта и, ниспровергая один за другим все авторитеты, остается, наконец, наедине с самим с собой, провозглашая себя единственным законодателем, чтобы в следующий момент разрушить себя же за неимением других об'ектов ниспровержения.

Но весь этот хаос шевелится там, внутри; во внешнем общественная жизнь проявляется, конечно, более порядливо: жизнь всегда хотя бы в известной мере ритмична; без повторяющегося, без остойчивого она вообще не может оформиться в реальность. Да к тому же русская жизнь была зашнурована крепкими шнурками государственно-административной опеки, так что о том, что происходит в „подспудной действительности", можно было судить лишь по отдельным фактам. Эти факты и собирает Достоевский, стараясь по ним составить представление о тех большею частью разрушительных процессах, которые протекают под покровом обыденности в недрах интеллигентного общества. Угадывая, иногда преувеличивая, не редко ошибаясь, он воссоздает по этим отрывочным данным с помощью гениальной диалектики яркие картины жизни оторванной от культурной традиции личности, изображая ее обособленной в сознательном отвлечении от конкретного бытового плана.

И совершенно естественно, что при таком исходном задании художественное изображение характера—живой индивидуальности будет конструироваться по совершенно особым нормам. Основная доминанта образной характеристики в этом случае будет иной, нежели при изображении „благообразного" типа на фоне бытовой обстановки: эмоциональная и волевая устремленность сознания определится иным центральным моментом.

Какова же эта доминанта, этот определяющий всю конструкцию изображаемого характера момент? И опять у самого Достоевского мы находим вполне ясный ответ и на этот вопрос.

Вот что он пишет о Льве Толстом: „он почти историограф нашего дворянства или, лучше сказать, нашего культурного слоя, завершающего собою „воспитательный период нашей истории." В этом „историографе нашего дворянства" мне нравится всего больше вот это самое благообразие, которое мы с тобою ищем в героях, изображенных им, он психолог дворянской души. В основах этого высшего слоя русских людей уже лежит что-то незыблемое и неоспоримое. Тут всякий индивидуум может иметь свои слабости и быть очень смешным, но он крепок целым, нажитым в два столетия, а корнями и раньше того, в, несмотря на реализм, на действительность, на смешное и комическое, тут возможно и трогательное и патетическое. Как бы там ни было, хорошо

все это или дурно само по себе, но тут уже выжитая и определившаяся форма, тут накопились правила, тут своего рода честь и долг.“ [1])

Таким образом, „красивый тип“ крепок „выжитой и определившейся формой“, в в этом „незыблемом и неоспоримом“ должно искать доминанты его художественного изображения; вот почему, конструируя такой характер, поэт не может обойтись без подчеркивания бытового фона или же „биографии“: прием художественной изоляции здесь почти невозможен.

Но совершенно иначе обстоит дело при изображении „героя из случайного семейства“. Само собой понятно, что в этом случае предание и быть не могут дать конструктивного центра. Его нужно искать где-то в других сферах. И любопытно, что и по этому вопросу мы находим у Достоевского совершенно ясные и определенные указания.

Размышляя над встретившимся ему в газете описанием самоубийства 12-13 летнего мальчика, оставленного в наказание после урока в училище, он сопоставляет этот случай с известным эпизодом из „Детства „Отрочества“ и пишет: „есть тут, в этом случае одна особенная черта уже совершенно нашего времени. Мальчик графа Толстого мог мечтать, с болезненными слезами расслабленного умиления в душе, о том, как они войдут и найдут его мертвым и начнут любить его, жалеть и себя винить. Он даже мог мечтать и о самоубийстве, но лишь мечтать; строгий строй исторически сложившегося дворянского семейства отозвался бы и в двенадцатилетнем ребенке и не довел бы его мечту до дела, а тут—помечтал, да и сделал“. [2])

„Помечтал, да и сделал.“ Здесь выдвигается в качестве определяющего момента совершенно новый фактор. В сознании, оторванном от культурной почвы, мысль, мечта, идея получают исключительно выдающееся влияние. И замечательно, что именно в таком сознании возникает чрезвычайное множество соблазнительных идей. Оно и понятно: „обособляясь и уединяясь, всякий хочет выдумать что-нибудь свое собственное, новое и неслыханное. Всякий откладывает все, что прежде было общего в мыслях и чувствах, и начинает с своих собственных мыслей и чувств, всякому хочется начать с начала. Разрывают прежние связи без сожаления, и каждый действует сам по себе и тем только и утешается.“ [3])

И эти выдуманные „идеи“, эти мечты, „фантазии“ и „фантазийки“ приобретают ужасающую власть над личностью. В процессе обособления все „незыблемое и бесспорное,“ все „крепкие, выжитые формы“ постепенно размягчаются и расплываются, и в этой расхлябанной аморфной среде острая и твердая мысль легко завоевывает безграничное господство.

[1]) Из монолога Версилова в беседе с сыном. В окончательный текст вошло. Опубликовано по рукописи Л. Гросманом, op. cit. стр. 83 84. Курсив мой. Ковычки и пунктуация подлинника

[2]) Дневник писателя за 1877 г, январь, XII, 35. Курсив подлинника.

[3]) Дневник писателя за 1876 г., февраль, XI, 92.

Она уже не встречает отпора со стороны освященных преданием „правил“, „долга и чести“, перед критикой которых останавливалась раньше в смущении. Теперь ее имманентному развитию и—главное—ее превращению из простой мысли в „идею“, т. е. норму, определяющую волевое побуждение, не поставлено никаких пределов. Представитель случайного племени оказывается в конце концов сполна подчиненным своей идее. „Идея вдруг падает у нас на человека, как огромный камень, и придавливает его на половину,—и вот он под ним корчится, а освободиться не умеет. Иной соглашается жить и придавленным, а другой не согласен и убивает себя...“ [1])

Здесь дана новая доминанта для художественной реконструкции характера: основным моментом, которым определяются и по которому ориентируются индивидуальные особенности личности, является центральная идея, поразившая ее ум и воображение. И достаточно беглого пересмотра главнейших героев Достоевского, начиная с Раскольникова (и даже раньше), чтобы убедиться в справедливости этого утверждения. Тот несчастный герой из случайного семейства, которого он изображает, всегда—„человек идеи“. „Идея обхватывает его и владеет им, но имеет то свойство, что владычествует в нем не столько в голове его, сколько воплощаясь в него, переходя в натуру, всегда с страданием и беспокойством и, уже раз поселившись в натуре, требует и немедленного применения к делу“. [2]) Это характеристика Ставрогина, но она в равной степени приложима и к Раскольникову с его двойником—Свидригайловым, и к Подростку, Кирилову, Верховенскому и к Дмитрию Карамазову, „додумавшемуся до восторга“, и к его братьям,—праведнику Алеше и отступнику Ивану, и ко всем остальным, даже второстепенным героям. Конечно, среди них наблюдается бесконечное число градаций самого типа, и по преимуществу в зависимости от значения и величия идеи. Здесь есть и подлинные трагические герои, вроде Ивана Карамазова, и крошечные „люди от бумажки“, „лакеи мысли“, [3]) вышедшей на улицу. Но у всех мысль — хорошая или дурная—непременно „воплощается, переходит в натуру“.

Да так и должно быть, если признать прогноз Достоевского правильным. Ведь причину страшной болезни, придавшей интеллигенции черты „случайного племени“—ее „обособленность“, оторванность от народа следует искать в чрезмерном увлечении Западом. Стремясь к максимальному усвоению западно-европейского просвещения, русский человек уже тем самым отрывался от своей родной культуры. Но в то же время

[1]) Дн. пис. за 1876 г., май, XI, 183. С этим отзывом из дневника любопытно сравнить характеристику Шатова: „это было одно из тех идеальных русских существ, которые вдруг поразит какая-нибудь сильная идея и тут же разом точно придавит их собою, иногда даже навеки. Справиться с нею они никогда не в силах, и уверуют страстно, и вот вся жизнь их проходит потом как бы в последних корчах под свалившимся на них и наполовину раздавившим их камнем. Бесы. VIII, 28.

[2]) Матерьялы к Роману „Бесы“. VIII. 559.

[3]) Бесы. VIII, 123.

ничего „бесспорного и незыблемого“, из выработанного на Западе, никаких крепких „выжитых форм“, ни освященных преданием правил и норм воспринять, впитать в себя, он не был в состоянии. Все это—традиция и обряд исторически сложившегося культурного бытия – никогда не перенимается: оно создается, выживается в непрерывном культурном творчестве, где процесс индивидуального формирования личности в значительной мере повторяет и отражает процесс становления данной национальной культуры вообще. Усваивается в процессе заимствования по преимуществу система просвещения, идеологический аспект культурного миропереживания.

Главное ядро перенимаемого образуют груды идей и отвлеченных принципов. До конца международен только один силлогизм, застывающая в дискурсивной ограненности мысль. Ее-то легче всего и схватывает воспринимающее сознание.

Приблизительно так рисуется Достоевскому духовный генезис его главного героя. С одной стороны отрывающееся от родной почвы, а потому расшатанное в своих устоях, беспомощное против мысли сознание,— с другой стороны, сама эта мысль,—уверенная в себе, сильная не только железной последовательностью своего логического развития, но и авторитетом западного происхождения—мысль, переходящая в мечту, в своеобразную „идею-силу“. И это расхлябанное сознание представляет весьма благоприятную среду для буйного разрастания этой мысли: здесь она культивируется совершенно беспрепятственно и беспощадно разрушает традиционные правила и нормы, бесцеремонно занимая их место, беря на себя их функции и становясь полновластной хозяйкой личности.

Конечно, такое переобременение себя властью, а вместе и обязанностями, не проходит для мысли безнаказанно. Вынужденная нередко выполнять чужую работу повседневного обихода сознания, идея легко может разменяться, измельчать, оказаться приниженной; отданная за отсутствием выжитых форм и традиционных правил во власть мелким нуждам эмпирии, она зачастую уродуется и усекается по тесным размерам Прокрустова ложа действительности. Всякого рода Рахметовщина: глубокомысленные размышления над апельсином и тому подобная принципиальность в выеденном яйце, до которой еще недавно была большой охотницей русская интеллигенция, представляет яркий пример такого истязания идеи, ее уродования и принижения. Но все же эти темные стороны власти не мешают идее пышно расцветать в пустом, расхлябанном сознании, переживая такие превращения и вступая в такие комбинации с другими идеями, о которых она и думать не смела, двигаясь в шорах твердой культурной традиции. В этом смысле, проживая в уме личности, лишенной наследства, идея приносит воистину неожиданные плоды и рождает целые диалектические системы, невиданные среди мыслителей „благообразного типа“.

IV.

Господство идеи-силы над сознанием — эта черта казалась Достоевскому особенно характерной для духовной жизни представителя „случайного племени“. Именно в ней он искал конструктивного центра, доминанты, при изображении оторванного от почвы интеллигента, главного действующего лица, как современной ему общественности, так и его романов. И эта исходная точка зрения ставила его перед совершенно особыми задачами в деле художественного истолкования занимавших его явлений текущей действительности.

Чтобы реконструировать в художественном образе характер, определяемый в своих основных особенностях развитием идеи, надо, прежде всего, установить, как влияет та или иная идея на формирование человеческого сознания; чтобы дать картину жизни целой общественной группы, отдельные представители которой подчинены власти идеи, надо выяснить, как развивается и какие формы приобретает эта идея в своем социальном бытии.

Проблема жизни идеи получает первенствующее значение для художника, поставившего себе такие задачи, и он незаметно привыкает все свои наблюдения над жизнью отдельных лиц и всего общества вести именно в этом плане. Нечувствительно для себя самого он становится „певцом“ идеи, „историографом“ ее земного бытия в индивидуальном и социальном сознании. Он следит за тем, как постепенно разрастается она, попавши в благоприятную среду оторванного от культурной традиции сознания, какие причудливые формы она подчас получает, как скрещивается с другими идеями, как влияет на жизнь чувства, эмоции и волевых влечений. Он наблюдает, как деформирует и калечит она сознание, как нередко совершенно опустошает его, как, развиваясь по имманентным законам своего становления, не сдерживаемая никакими непререкаемыми, устойчивыми правилами, она развертывается до конца, до самых последних крайних выводов, превращает их в практические нормы и тут же запутывается среди собственных внутренних противоречий и тех трагических коллизий воли и чувства, которые она сама вызвала. Он не теряет ее из вида и тогда, когда обессиленная, разлагающаяся, она приходит к самоотрицанию, к утонченной иронии над собой и, наконец, гибнет в изуродованном, испепеленном ею сознании, увлекая и его навстречу смерти.

Для такого поэта идея не есть какая-то отвлеченная логическая схема. Она почти что живое существо, которое обитает в человеческом сознании, — существо по большей части властолюбивое и жестокое в неумолимой последовательности своего самоутверждения, в безудержном стремлении к подчинению себе всей иррациональной жизни духа. Прирученная и обузданная долгой культурой, которая противополагает ей пра-

ционально созидаемые ценности, она легко дичает в сознании, освобожденном от традиций,— и тогда становится крайне опасной и свирепой разрушительницей духовной жизни.

Так именно и понимал идею Достоевский. Она рисовалась его воображению каким то чудесным „духом, одаренным умом и волей“, вселяющимся в человеке и по своему перекраивающему весь его духовный облик. Достоевский постоянно говорит о том, как „сильные“ идеи обрушиваются на людей и придавливают, уродуют их, словно огромные камни, как бродят идеи в обществе выходят на улицу, кочуют из души в душу. „Идеи летают в воздухе, говорит он, но непременно по законам; идеи живут и распостаняются по законам, слишком трудно для нас уловимым; идеи заразительны, и знаете ли вы, что в общем настроении жизни иная идея, иная забота или тоска, доступная лишь высокообразованному и развитому уму, может вдруг передаться почти малограмотному существу, грубому и ни о чем никогда не заботившемуся, и вдруг заразить его душу своим влиянием“. И наблюдать эту своеобразную жизнь идей в „нашем фантастическом обществе“, следить за их распространяем, угадывать их будущую судьбу, — составляло одну из главных его задач. Ведь именно это незримое становление идей в общественном сознании, их разрушительное влияние на сохранившиеся еще культурные традиции их победоносное шествие в опустошенных душах интеллигентов и является той „подспудной действительностью“, которую Достоевский противополагал, как подлинную реальность, обыденному и повседневному. За этим обыденным, сохранившимся по закону исторической инерции, он прозревал бурное движение бесчисленных идей, занесенных с Запада и обретших в расшатанном интеллигентском сознании благодатную почву для своего полнейшего развития и торжества. Здесь, по его мнению, надо было искать решения всех странных загадок русской общественной жизни и указаний на будущее. И он жадно внимал всем доносившимся оттуда, из темных глубин бытия звукам неясных речей, зорко следил за каждым всплывавшим на поверхность жизни причудливым фактом („случаем“), стремясь по ним постичь совершающееся по ту сторону обыденного.

Теперь становится понятным его противопоставление своего „идеализма“ — „ихнему реализму“. Их реализм, базирующийся на повседневном, мелко плавает; а он, со своим идеализмом, проникает в самую суть совершающегося, выявляет внутренние пружины общественных движений. Явный образ общественности во многом случаен; за ним прозревается иной — тайный ее лик, определяемый неустанной разрушительной работой становящихся идей. Эти идеи медленно подтачивают здание традиционной культуры: оно еще стоит, но уже откалываются от красивого целого и с торопливой веселостью летят вниз отдельные безобразные куски, уже трещины покрывают стены, странные шумы и шорохи нарушают благопристойную тишину огромных покоев, повсюду, сквозь искусную декоровку проступают зловещие знаки, жить становится тревожно и жутко. А несоответственные идеи ползут и ползут, взбираются на чер-

даки, заползают в подвалы, проникают и в парадные гостиные. Петровский посев на неподготовленном русском сознании дает обильные плоды.

Изобразить этот ход идей в фантастическом русском обществе, показать, какие характеры они формировали на разных ступенях своего становления, и какие тенденции и формы общественных движений ими предопределялись — было основной задачей Достоевского, и для этого ему нужна была, как журнальная, философско-публицистическая деятельность, так и художественное творчество. Там, в статьях, обдумывая газетные вести и журнальные толки, он уяснял себе подлинно-реальный смысл повседневных явлений, здесь - в романе — выявленная подлинная действительность — находила свое художественное отражение в циклах причудливых образов и поэтических построений.

Достоевский изображал жизнь идеи в индивидуальном и социальном сознании, ибо ее он считал определяющим фактором интеллигентного общества. Но это не надо понимать так, будто он писал идейные романы, повести с направлением и был тенденциозным художником, более философом нежели поэтом. Он писал не романы с идеей, не философские романы во вкусе XVIII века, но романы об идее. Подобно тому, как центральным об'ектом для других романистов могло служить приключение, анекдот, психологический тип, бытовая или историческая картина, для него таким об'ектом была „идея". Он культивировал и вознес на необычайную высоту совершенно особый род романа, который, в противоположность авантюрному, сентиментальному, психологическому и историческому, может быть назван идеологическим.[1]) В этом смысле его творчество несмотря на присущий ему полемизм, не уступало в об'ективности творчеству других великих художников слова; он сам был таким художником и ставил и решал в своих романах, прежде и более всего, чисто художественные проблемы. Только материал у него был очень своеобразный: его героиней была идея.

Более того. Нет никакого сомнения, что общие формы религиозно-философского мышления Достоевского в значительной степени обусловливались запросами художественного творчества. Его мысль очень редко направлена к отвлеченному доказательству какого-нибудь тезиса. Он не доказывает идеи в своих религиозно-философских построениях, но в большинстве случаев только показывает, демонстрирует ее во всех ее последствиях. В этом отношении очень характерна его постановка „главного вопроса, которым он мучился сознательно и бессознательно всю свою жизнь — существования божия". Поскольку можно судить по наличному материалу, богословские попытки доказательства бытия божия мало его занимали. Его путь был иной: он брал человеческое сознание с идеей бога и показывал, какие типы

---

[1]) История этой особой формы романа, начатки которого на русской почве можно видеть в произведении Герцена и Чернышевского, имеет огромное значение для понимания современных судеб этого жанра в произведениях Сологуба, Белого, Гамсуна, и др.

сознания, какие характеры формирует вера на разных ступенях своего самоутверждения; он противопоставлял такому сознанию сознание скептика и следил за всеми его превращениями, вплоть до полного самоотрицания.

Идея позитивистического общества,—как бы говорил он,—смотрите же, вот какие изменения порождает она в сознании, как его деформирует и перерабатывает. Идея этического детерминизма—полюбуйтесь на ее результаты: вот что происходит с душой, в которой она поселилась. И все это — не мои выдумки, не фантазии мои — ведь я художник — реалист, но сама действительность, подлинная, исконная, а не та внешняя и призрачная, которую под видом обыденного изображают мелко плавающие представители традиционной реалистической школы. И так везде и всегда: он мало заботился о логическом обосновании и оправдании идеи: он только показывал, как она в своем диалектическом развитии влияет на формирование различных типов сознания и к чему приводит как практическая норма.

Этот подход к анализу идеи характерен именно для художника. Он мучается не отвлеченной, теоретической проблемой, но возникающим перед ним видением идеи, как живой силы в живом сознании. И этот реальный лик идеи способен не менее сильно поражать чувство созерцающего, чем любая формула. Он то привлекает к себе художника, то отталкивает его от себя, пробуждает в нем то ненависть и отвращение, то умиление и восторг.

Таким художником и был Достоевский. Движимый тоской по текущей действительности, его взор отвращался от прошлого; в предстоящей же ему общественности он мог созерцать только жизнь случайного племени, подспудную основу которой составляло непрерывное, самодовлеющее становление занесенных с Запада идей. Эту-то жизнь идей, как подлинную реальность, и созерцал, то пугаясь и ненавидя, то умиляясь, гениальный писатель.

В итоге, система его романов образует своеобразную художественную „феноменологию духа“ русской интеллигенции. Его величественная эпопея захватывает основные типы интеллигентского сознания и рисует грандиозную картину их постепенной внутренне-закономерной эволюции, а чтобы дать такое изображение развития идеи в определяемом ими сознании, нужно было не только обладать способностью наблюдения и психологического анализа, но и даром мощной диалектики.

Конечно, эта феноменология интеллигентского духа дана в романах Достоевского без строгой последовательности частей, нередко в отрывках и намеках, но все же его вечно убегающая вперед мысль, его бурное торопливое творчество успели охватить и поэтически отразить целый цикл идей, образующих единое и стройное целое. Но именно потому, что Достоевский всегда изображает идею в акте ее становления, внутренняя связь и закономерная последовательность отдельных частей этого целого могут быть раскрыты только диалектически, что невозможно иначе, как в плане максимально отвлеченного мышления поставленных проблем. Чтобы понять строгое единство творческого „пути“ Достоевского, чтобы

осознать весь цикл его романов, как систему восходящей мысли, необходимо при анализе идейного содержания его произведений рассматривать все частные вопросы в их наиболее общей форме. Только тогда становится ясным, через какие круги ада он прошел, следуя становящейся идее, и где видел исход из подполья. Этим определяется весь дальнейший ход предлежащего исследования. Прежде всего мы должны диалектически вскрыть и связать основные идеи его романов, а затем уже дать более подробный анализ логической конструкции каждой из них, как центральной художественной темы.

V.

Уже внешний анализ произведений Достоевского приводит к выводу, что три понятия играют в них особо заметную роль. Два из этих понятий начинают часто встречаться в его прозе, как публицистической, так и художественной, с самаго возвращения его из Сибири, а третье появляется несколько позднее и постепенно оттесняет на задний план два первые. Понятия эти: среда, почва, земля.

Все они имеют чисто философское значение: они служат к определению внешнего мира, той стихии „не я", которая переживается сознанием, как некая данность, чуждая ему и утверждающаяся по своим собственным имманентным законам. Но относясь к одному и тому же об'екту: внешнему миру, они определяют его в трех разных аспектах или — если угодно — трех разных сферах бытия.

Первое понятие: среда определяет внешний мир и — прежде всего — социальную стихию, как механически связанный ряд строго необходимых причин и следствий, где каждое последующее событие целиком предопределено предшествующим, и где каждое проявление жизни, каждая индивидуальная форма, каждый акт жизненной воли — не что иное, как естественный продукт об'ективно данных условий. Это царство железной необходимости, где нет свободы, и где, поэтому, все подлежит лишь об'яснению, но не оценке.

Второе понятие: почва рассматривает социальную стихию, как систему творчески развивающегося народного духа. Это — вся совокупность органически создаваемой народной культуры со всеми противоречивыми стремлениями, которые в ней имеют место, с присущим ей хаотическим смешением добра и зла, с ее неожиданными отклонениями в сторону и жуткими провалами, с ее косноязычной мудростью и диким изуверством. Эта загадочная, вечно подвижная стихия характеризуется прежде всего могучей волей к жизни, волей первоначально темной, бессознательной и потому нередко страшной и безобразной („темной силой Карамазовской"), но, в конце концов, духовно просветлевающей и обретающей правду. Рассматриваемая в разрезе в каждый отдельный момент своего самоутверждения, она дает картину беспорядочного брожения сплетающихся между собою, но нередко враждебных друг другу творческих сил, стра-

стей и влечений, — картину непрерывной борьбы различных жизненных начал: рассматриваемая в историческом плане, она является мощным источником созидания об'ективных ценностей. Это—царство становящегося духа, где еще нет обретения полной свободы, но есть глубокая тоска по ней, как по бескорыстному преклонению перед высшим, и где поэтому вопрос о ценности уже поставлен.

И, наконец, третье понятие: земля — одно из самых глубоких, какие мы только находим у Достоевского. Это — та земля, которая от детей не рознится [1]), та земля, которую целовал, плача, рыдая и обливая своими слезами, и исступленно клялся любить Алеша Карамазов [2]), все—вся природа, и люди, и звери, и птицы,—тот прекрасный сад, который взрастил господь, взяв семена из миров иных и посеяв на сей земле [3]).

Это высшая реальность и одновременно тот мир, где протекает земная жизнь духа, достигшего состояния истинной свободы... Это третье царство,—царство любви, а потому и полной свободы, царство земной радости и веселья.

Именно в этих трех планах и мыслился Достоевским внешний мир.

И характерно, что отношение главных героев Достоевского к внешнему миру определяется в самом ходе действия романа не бытовой традицией, не принадлежностью к той или иной социальной группе—что так явственно проступает у Толстого или Тургенева—но переживанием этого мира в одном из вышеуказанных планов. Сословие, быт, социальное положение для них случайны и внутренне не необходимы. Принципом чисто художественной ориентировки героя в окружающем является та или иная форма его идеологического отношения к миру. Подобно тому, как доминантой художественного изображения героя служит комплекс идей-сил, над ним господствующих, точно так же доминантой при изображении окружающей действительности является та точка зрения, с которой взирает на этот мир герой. Каждому герою мир дан в особом аспекте, соответственно которому и конструируется его изображение. У Достоевского нельзя найти так называемого об'ективного описания внешнего мира; в его романе, строго говоря, нет ни быта, ни городской или деревенской жизни, ни природы, но есть то среда, то почва, то земля, в зависимости от того, в каком плане созерцается все это главными действующими лицами. Благодаря этому возникает та многопланность действительности в художественном произведении, которая у преемников Достоевского зачастую приводит к своеобразному распаду бытия, так что действие романа протекает одновременно или последовательно в совершенно различных онтологических сферах [4]). И это совершенно понятно в романе идеологического типа. Там, где изображение

---

[1]) Дн. писат. за 1876, июль — август (Земля и дети), т. XI стр. 265.

[2]) Бр. Кар., XIV, 39.

[3]) XIII, 339 (Из поуч. Зосимы).

[4]) Ср., например Мелкий Бес Сологуба и Петербург А. Белого.

героя определяется идеологическим моментом, по этому же принципу должна конструироваться и окружающая его действительность. Одна и та же идея создает и личность и обступающий ее мир, и если по отношению к созданию характера перед художником ставится задача установить, какие особенности отличают сознание, пораженное данною идеею, то по отношению к изображению мира „не я“ ему предстоит разрешить вопрос, каким будет лик „не я“, переживаемого в данном философском плане.

Но если внешний мир изображается в художественном произведении прежде всего согласно формам его переживания, то трем основным формам его изображения должны соответствовать три основных типа идеологии, три основных формы самосознания личности. Среде, на этой почве естественно противопоставляются три различные состояния сознания.

Там, где мир „не я“ целиком переживается, как механический ряд причин и следствий, где нет ничего, кроме закона железной необходимости последования,—там личность не может найти вне себя никакой абсолютной ценности, служению которой она должна бескорыстно отдаваться. В итоге возникает тип до конца скептического сознания, „эвклидовского ума“, пытающегося развить систему миросозерцания, опираясь на трансцендентно обоснованные нормы...

Совершенно иной тип сознания предполагает переживание внешнего мира, как почвы. Чтобы так раскрылся для личности обступающий ее мир социальной стихии, необходимо, чтобы и сама личность, сознательно или бессознательно, была причастницей универсального процесса исторического становления народного духа. А это возможно лишь в том случае, если в определении „назначения личности“ вопрос об удовлетворении себялюбивых влечений чувственного „я“ отойдет на задний план. Между тем, пока личность не достигнет истинных форм самосознания и самоотрицания, единственным орудием против притязаний упрямого себялюбия является сила становящейся страсти. Ибо страсть тем и характеризуется, что, зарождаясь в еще непросветленном сознании, она уже есть начинающееся освобождение личности из оков чувственного „я“. Страсть никогда не заботится об удовлетворении себялюбия,—напротив, развертываясь до конца, она неизбежно приносит чувственное я в жертву тому, на что она направлена, повергает его к подножию своего кумира. Поэтому развитие страсти всегда содержит в себе два момента: отказ от чувственного *я* и утверждение своего об'екта, как абсолютной ценности, властно призывающей личность к бескорыстному подвигу. В этом смысле подлинная, могучая и свободная страсть есть безусловно этический процесс.

Таким образом перед мировоззрением, ориентирующемся на проблеме страсти, неизбежно возникают два вопроса, без разрешения которых оно не может достигнуть никакого об'единения отдельных принципов и тенденций. Вопросы эти—первый: о путях освобождения личности из плена себялюбивой чувственности—и второй: об утверждении ценностей об'ективного порядка. В силу этого строго причинное истолкование

мира оказывается здесь уже недостаточным: стремясь к осознанию страсти, личность должна искать становящихся ценностей за пределами себя самой и именно под этим углом зрения склонна рассматривать непосредственно окружающую ее действительность. Именно ей, смущенной и растерянной, беспомощной перед уносящей ее в неизвестное вольной страсти, и раскрывается мир, как стихия еще темной загадочной творческой воли, направленной к утверждению ценностей, как конечной цели своих безудержных порывов и безысходных исканий. Послушная таинственным зовам могучих влечений, она сходит с мертвой точки чувственного самоопределения, и тогда перед ней возникает новый лик мира, освобожденного от цепей причинной обусловленности—царство мятущегося, раздираемого противоречиями, еще непросветленного, но неизменно стремящегося вперед духа.

И вместе с тем в этом пораженном страстью сознании неизбежно возникает глубокая тяга к слиянию с темной народной стихией. Личность смутно чувствует, что—предоставленной исключительно собственным силам—ей никогда не удается поставить подлинно неколебимые ценности перед владеющим ею влечением, ибо такая задача исполнима только для неисчерпаемой творческой мощи народного духа. Стремясь к творческому оформлению взмывающей в ней волны страсти, личность естественно ищет себе опоры в творческих достижениях, в культурном опыте родной истории. И в этих попытках приобщиться к органической жизни своего народа, постичь сокровенную сущность его сознания, она научается постепенно прозревать в окружающем свою исконную родимую почву...

Здесь-то и нужно искать раз'яснения тому факту, что проблема „вольности" постоянно приводила Достоевского в его художественных построениях к вопросу об идеологическом оформлении страсти: о мировоззрении, опирающемся на переживания действительности в плане мощных сверхличного типа влечений. Именно этим об'ясняется тот своеобразный сдвиг в понимании слова „почва", который мы наблюдаем, переходя от публицистических произведений Достоевского к его романам: в теоретических рассуждениях его определение этого понятия почти не отличалось от общепринятого в литературных кружках, но как только он подходил к художественному изображению почвенной идеологии в живом сознании, проблема чрезвычайно усложнялась, и основное понятие незаметно эволюционировало, приобретая новые признаки и новый динамический характер.

И, наконец, понятию „земля" соответствует сознание, обретшее на путях долгих испытаний дар подлинной свободы, то есть живого познания и созерцания. Такое сознание управляется уже не „эвклидовским умом" и суб'ективными чувственными влечениями и не сверхличной страстью, но неколебимыми нормами иного порядка. И здесь—как в своем высшем синтезе—находит свой предел диалектическое становление духа...

VI.

Таким образом мы находим у Достоевского как бы три ответа на наиболее общий вопрос всякого мировоззрения — вопрос об психическом соотношении „я“ и „не я“, личности и внешнего мира: первый, где поток бытия признается абсолютно причинным, а личность в каждом своем деянии причинно-обусловленной средой; второй, где воля личности подчинена сверхличной телеологически самоопределяющейся страсти, а среда представляется стихией творчески утверждающего ценности духа и — третий, где личность признает себя свободно предающейся познаваемому абсолюту, а мир — системой ценностей, через него и в нем утвержденной.

Рассматриваемая в отдельности, каждая из этих формул развертывается в стройное мировоззрение, определяющее собой целый план жизни, — рассматриваемое в отношении друг к другу, они представляют отдельные звенья единого ряда диалектического развития духа, отмечая последовательные этапы духовного восхождения личности.

В этом смысле они образуют единый путь, которым среди великих мучений и опасностей проходит ищущий в своем стремлении к безусловному утверждению бытия. И не трудно вскрыть субъективную значимость этого пути для самого Достоевского.

Ведь путь этот залег от отрицательного мироперживания к самоопределению личности на основе полного приятия объективной основы жизни. Идеология гедонистического релятивизма, с такой болезненной враждебностью воспринимавшаяся Достоевским после разочарования в фурьеризме, преодолевалась здесь целиком. С другой стороны, и та мучительная отчужденность, обособленность от своего народа, которая с такой силой дала о себе знать на каторге, что заставила его говорить о приговоре Николаевского суда, как справедливой каре (!) за измену этому народу, сменялась здесь все большей и большей близостью к народной стихии. А в то же время на этом пути личность ни на минуту не отрывалась от мира, — а, напротив, побеждая отвлеченность „Эвклидовского“ мировоззрения, медленно подходила к полному оправданию всего мирского. И опять-таки это чрезвычайно характерно для Достоевского. При том первенствующем значении, которое имела для него социальная проблема, — отказ от мира, идея затворничества не могла здесь играть роль окончательного решения. Ведь в своих построениях он всегда имел в виду человека, который должен остаться в миру, если не со всеми, то с большинством, так что вера должна была не толкать его вон из мирской жизни, а наоборот, все крепче и крепче привязывать к земле, ее делу, радости и заботе. Полное приятие мира и жизни по его мнению было невозможно вне объективно-идеалистических форм переживания бытия, и к такому-то приятию мира он и искал путей. А для этого он должен был, во-первых, исчерпывающе показать, что

скептическое сознание неизбежно приходит к неразрешимым противоречиям и—в конце концов—к самым мучительным формам неприятия мира, что—во-вторых—развитие страсти, как таковой необходимо катастрофично,—и в третьих—наметить те идеальные типы сознания, в которых и нашло бы свое полное воплощение истинное приятие земного бытия.

Так возникают три основных плана, где протекает все действо его романов. Эти планы диалектически связаны друг с другом, и—хотя в фактической истории творчества они самым причудливым образом переплетаются между собой, но все же для критики представляется возможным и даже должным в известной мере распутать этот сложный клубок тематических ходов и классифицировать их, как последовательные моменты духовного становления личности, начав с анализа идеологического содержания первого плана.

Сознавая окружающий мир, как причинно обусловленную среду, личность не находит вне себя никаких ценностей, при посредстве которых она могла бы обосновать нормы своего поведения, без чего не может, конечно, обойтись даже „эвклидовский ум". Этих ценностей она должна искать внутри себя самой, в тесном кругу своих собственных влечений и переживаний. А так как все ценности этого рода обязательно переживаются соотнесенными к самой личности, то—в конце концов—она сама и то, что она называет своим благом, оказывается единственным основанием для всей системы практической этики.

Но, провозглашая свое эмпирическое благо высшей ценностью и высшим критерием всего совершающегося, личность может себя самое определять двояко. Наиболее естественным и наиболее логичным является, конечно, тот случай, где личность отождествляется с конкретным чувственным „я", которое и служит мерой всех вещей. Если здесь при построении мировоззрения внимание постоянно обращено на проблему удовлетворения чувственных влечений „я", тогда в итоге возникают различные системы эгоизма, разумного и неразумного, умеренного и неумеренного,—но всегда чрезвычайно банального. Гораздо интереснее более актуальные типы этого индивидуализма, где центральное место занимают не вопросы о наслаждении, но проблема безграничного и упорного индивидуального и социального утверждения собственного „я" в непрерывном ряде деяний; при таком подходе полное удовлетворение потребностей и влечений уже не кажется существенным; оно неизменно отодвигается на задний план, уступая место лозунгу: „все позволено".

Обывательское мышление почти всегда переводит эту формулу поверхностным: „поступай, как вздумается, как угодно или даже: как тебе нравится". Но такой перевод слишком волен и внешен. В сознании, где эта норма не на службе у стремления к наслаждению, но ценится сама по себе, как выражение абсолютного господства „я" над всем бытием, она звучит не разрешением, но повелением. Она вовсе не говорит человеку: поступай как тебе нравится, но поступай так, чтобы каждое деяние было бы новым шагом к полному самоутверждению твоего „я", выполняй все, что дает ему право воистину сознавать себя мерой всех вещей. И при таких условиях эта формула вовсе не удобное сред-

ство оправдания своих темных делишек, но призыв к суровому и тяжкому подвигу.

В сущности только в этой постановке проблема нигилистической этики приобретает серьезный характер. Банальные эгоистические построения не нуждаются в подробном теоретическом рассмотрении: нигилистический пессимизм их явный и неизбежный финал.

Но здесь проблема глубока и значительна, и именно так и ставит ее Достоевский.

Так возникает первая тема первого плана, плана скептического сознания:

Т е м а р у с с к о г о с в е р х ч е л о в е к а.

Ее развивает Достоевский в „Преступлении и Наказании", и диалектическое развитие этой темы служит тем стержнем, вокруг которого сжимается вся сюжетная схема. Раскольников не бунтовщик и не богоборец: ему не с кем бороться и не против кого бунтовать. По настоящему он — один в мире, т. е. хочет быть таким ради утверждения своего „я" и становится им на одну минуту, на один безумный и страшный миг. И Достоевский логически показывает, чем это кончится, исчерпывая здесь и в нигилистическом мышлении Кириллова всю без остатка проблему отрицательного индивидуализма.

Но в своем исходном самоопределении личность может не отождествлять себя с эмпирически данным собственным „я", но, утверждая себя как ценность, как бы обобщать себя, вынести себя за пределы суб'ективного круга и об'ективироваться во внешнем мире. Она может сказать, что подлинную-то ценность составляет не „я", но личность вообще, „человек и гражданин", „другой", „ближний" и пр. и пр. Более того, именно эту абстрактную личность — что свидетельствует об ее хороших задатках — она склонна в большинстве случаев сделать мерой всех вещей и заботе о ее благе подчинить все поведение конкретного „я". Как логически обосновывается это подчинение — сказать затруднительно. Подлинная дедукция здесь невозможна: процесс умозаключения совершается, как общее правило, по ядовитой формуле Владимира Соловьева: „человек происходит от обезьяны, следовательно надо любить своего ближнего". Но как бы то ни было, а этот отрицательный „индивидуализм" наизнанку не только существует, но и является типичным для большинства наших „героических" интеллигентских идеологий, начиная со времени Белинского и даже ранее.

Это тема э м п и р и ч е с к о г о а л ь т р у и з м а, так как практическое сознание личности ориентируется здесь около понятия „человека вообще", „другого", как высшего критерия индивидуального поведения. И ее также ставит Достоевский в своих романах, как вторую тему первого плана:

Т е м у Р у с с к о г о Ф а у с т а.

В гениальной „Легенде" и ее окружении нашла свое полное и исчерпывающее выражение великая трагедия этики сострадания, заменившего любовь в сердце, пораженном скептицизмом. В высоком за-

фосе вдохновенной диалектики раскрывается здесь тот скорбный путь, которым проходит эвклидовский ум через признание полной эмпирической свободы другого, через ужасы и костры инквизиции, к неприятию мира и к ненависти к ближнему. Фатальная необходимость такого конца для отрицательного сострадания выявлена здесь с ослепительной ясностью.

Итак, на обоих путях, единственно доступных евклидовскому уму, личность неизбежно приходит к неразрешимым противоречиям и гибели. Но этим еще не исчерпываются все возможные темы первого плана. Рядом с ними естественно возникает еще третья тема, в которой находит свое выражение темное предчувствие неизбежности гибели и трагического бессилия эвклидовского ума. Это—тема плача и смеха над самим собой и своей расходящейся с жизнью идеологией:

Тема Русского Мефистофеля — нигилистической иронии.

Ощущая недостижимость поставленных себе общих целей, фатальное несовпадение между сущими и должным, личность постепенно вступает в круг двойственного переживания мира: она и верит, и злобно смеется над своей верой, и стремится вперед и заранее предсказывает свою неудачу. Так возникает двойник—бес иронии, символ злобной насмешки. И бесы эти бывают разных калибров. Ведь и в идеалистическом сознании могут быть периоды сомнений и разочарований, рождающие ироническую насмешку. Но здесь человеческий дух вызывающе смеется над воистину высокими и прекрасными ценностями, над стремлениями и переживаниями высшего порядка, и имея таких благодарных противников, остается возвышен и смел и силен. Таков двойник европейского идеализма, высокий пафос Гетевского Мефистофеля. Но над чем смеяться нигилизму? Его мир пуст, кругом несвободные, жалкие твари, его цели в конечном итоге ничтожны и мелки. И ирония на лице такого героя расплывается в отвратительную лакейскую усмешку. Ибо нигилистическое сознание вхоже в конце концов только в переднюю бытия. Дальше вход для него закрыт, и оно смеется над миром и жизнью, как лакей, знающий своего барина только в уборной и по кухонным сплетням. Так встают из-за героев Раскольникова и Ивана Карамазова их двойники: Свидригайлов и Смердяков, и несутся из темного подполья смрадные сплетни о мире, о жизни, о закопченной вечности, с пауками в углах, и раздается низкое глумление над великими таинствами любви, познания и смерти. Это даже не свист, а какой-то ядовитый шип эвклидововой иронии, обволакивающей липкой грязью светлый лик совершающегося. И замечательно, что эта форма иронии так же характерна для русского интеллигентского сознания, как и эмпирический альтруизм. Именно этого приживальщика чорта видел томившийся последней тоскою Гоголь, в эту закопченную вечность заглянул перед смертью Салтыков, и из этого подполья выскочила серая Недотыкомка, измельчавший потомок ничтожных предков.

Так замыкается круг отрицательного переживания жизни. Эти три темы составляют центральные идеологические схемы первого плана и

развиваются Достоевским с разных точек зрения и в разных уклонах, повсюду вскрывая срыв мысли и провалы безысходного отрицания.

А вместе с тем здесь начинается переход диалектически развивающегося духа во второй план миропереживания. Но вступая в него, Достоевский не забывает и о своеобразной проверке своих идеологических построений путем постановки вопроса о роли сверхличных влечений вообще.

В этом втором плане все свойства и качества души возникают в процессе неустанного и напряженного устремления воли к абсолюту. Человеческое сознание раскрывается, как гармоническое единство благих помыслов и чувствований, связанных друг с другом любовным переживанием всего сущего в нем и через него. В этом смысле душа, обладающая всей полнотой совершенства, не есть некая предсуществующая творческому сознанию данность, но возникает в итоге свободного самоутверждения духа. Подобно тому, как страшный жар электрической печи преобразует черный уголь в алмаз, так свободная мощь самоотрекающегося в любви духа преобразует эмпирически данную человеческую душу, с той разницей, что алмаз продолжает существовать и после прекращения жара, а совершенное сознание нуждается в непрерывном преодолении чувственности. Оно создается и поддерживается высочайшим напряжением свободной воли, эмпирическим обнаружением которой она—и только одна она является.

Но,—как бы говорит Достоевский: попытаемся представить себе душу, обладающую всеми совершенствами, но отличающуюся тем, что весь строй высоких переживаний дан ей непосредственно при рождении. Откуда взять такое чудо? Достоевский понимает, что в жизни ее не найти, и разыскивает ее в лечебнице. А затем он бросает такую душу в самую гущу жизни и присматривается, что из этого выйдет. Так возникает четвертая тема.

Тема Идиота, своеобразной anima naturaliter christiana.

Со страниц романа перед читателями встает образ необычайной прелести, задуманный и сделанный с исключительным мастерством. На первый взгляд он обладает всей полнотой совершенства: огромным умом, полной искренностью и прямотой, голубиной кротостью, доверчивостью, проникновенностью, незлобивостью и т. д. без конца. И его обаянию подчиняются все окружающие: они—против своей воли—влекутся к нему, склоняются перед ним. Но в то же время: горе полюбившим его и возложившим на него надежду. Он бессилен и беспомощен. Совершенная добродетель, не обретенная, но данная, парализует волевое устремление личности. Точнее говоря, как прирожденная, а не добытая усилием воли, она может об'явиться только в душе, лишенной страстей и влечений. А потому она и не способна обнаружиться в творческом деянии, предполагающем непреложное решение и выбор. Здесь трагедия Мышкина: он не Рыцарь Бедный, человек безумного воления и страстей, а что-то совсем другое. В конце концов, он—идиот, неспособный к выбору: он будет одновременно помогать и жертве и разбойнику, будет оди-

временно принимать два решения и даже мыслить два суждения. Взрослый ребенок, он чужд не только взрослой скверны, но и сложных переживаний зрелости вообще, и как прекрасен ни был бы такой человек, он—в сущности—остается вне круга жизни,— одиноким, непонятым и не понимающим.

Таким образом, первая попытка „изображения вполне прекрасного человека“ завершилась неудачею. „Вполне прекрасный человек“ оказался существом гораздо более сложным, нежели можно было предполагать, ибо он не некая первоначальная данность, но творится в борьбе свободной воли с чувственным ликом души. Он возникает на почве мощной жажды жизни, из хаоса бурных страстей и влечений, преобразуемых устремившейся к высшему волей, и проблема его изображения приводит к проблеме страсти и порыва—центральной теме второго плана.

Подобно тому как „эвклидовский“ ум не способен ответить на все вопросы, естественно возникающие перед личностью, в процессе познания, точно так же „чувственное я“ со своим планом переживания действительности не в состоянии утолить и оформить пробуждающиеся в нем многоразличные стремления.

Страшный мир скептической мысли так же тесен для сердца, как тесен он для познающего духа. Вырастая на почве темной тяги к жизни, человеческие влечения и страсти не могут обрести завершенных гармонических форм в пределах чувственного „я“ и узкого круга его созерцаний. Более того, переживания этого типа являются нередко врагом такого „я“ и в акте своего оформления разбивают и преобразуют его, поставляя своим об'ектом ценности высшего ряда.

И на путях этого освобождения себя и личности от оков эмпирического мироотношения, перед страстью, лишенной твердой опоры, встают две опасности. С одной стороны, предоставленная самой себе, она может оказаться бессильной перед упорным сопротивлением чувственного „я“, стремящегося подчинить ее своим целям; с другой стороны, даже одержав победу над голой чувственностью, она может остановиться на полпути перед непреодолимыми для нее трудностями при „поставлении кумиров“, т. е. в утверждении их абсолютной значимости. Ведь ей нужно преобразовать личность и позитивный лик мира, и легко может случиться, что одна из этих задач или они обе—будут ей не под силу. И соответственно этому трагедия страсти в непросветленном сознании выражается в двоякой форме: либо страсть эта остается в плену у ничтожного чувственного „я“, либо, освободившись из его уз, она изнемогает и раздирается мучительными противоречиями перед кумирами, ценность которых не утверждена безусловно. Так возникают две главных темы второго плана, первая из которых—**тема страсти в плену у чувственного „я“:**

Тема самозванства и маски,—

нашедшая свое наиболее яркое выражение в изображении судьбы Николая Ставрогина,—в таинственной мистерии Бесов, противополагающейся „бесовскому действу“ переднего плана романа. Ибо вся трагедия этой загадочной личности и заключается в том, что она находится как бы в плену у себя самой. В ней „сила беспредельная“ и страсти необычайного диапазона; но вся

эта волевая и эмоциональная мощь разбивается, как о неприступную стену, о чувственное „я“, неподвижную каменеющую маску, сбросить которую она не в силах. Могучий дух пребывает во власти чувственности: отсюда мелочность и ничтожность его желаний, т. е. эмпирического обнаружения его силы в тесных сферах являющегося: просачиваясь наружу по узким каналам чувственных влечений, Ставрогинская воля и страсть принимают извращенные, отвратительные и в то же время — ничтожные и „смешные“ формы, создавая ту атмосферу удушливой скуки и кошмара, в которой живет этот двуликий герой. Себялюбивая чувственность словно красный паучок[1]) впилась в его сердце, и оно не может освободиться от этого гада. Видимый всеми Николай Ставрогин — герой гостиных, притонов и кабаков, только Самозванец в том смысле, что заложенной в нем беспредельной силе духа должен соответствовать „князь и ясный сокол“, а не та жалкая и пошлая маска, которая забрала над нею власть. Это отлично понимает ясновидящая Марья Тимофеевна, и смутно чувствует Петр Верховенский, для которого Ставрогин-Самозванец символ его собственного грязного дела: подмены объективных ценностей, утверждаемых волей народной стихии, ценностями утилитарного ряда. Но едва ли сам Ставрогин ясно сознавал свою беду: он лишь нестерпимо тяготился самим собою, не отдавая себе отчета, откуда эта страшная тягость и отвращение и серая безотрадная скука жизни. И только один исход видел он для себя: физическое уничтожение своего чувственного „я“, убийство Самозванца.

Так кончает страсть, не сумевшая освободиться из плена чувственного „я“. Но даже там, где беспредельная воля и одерживает победу над эгоизмом чувственности, ей предстоит еще много тяжких скитаний среди жутких тайн и загадок непросветленного бытия. И история этого скитальчества страсти среди сомнительных кумиров и колеблемых идеалов составляет вторую тему второго плана, —

тему „г о р я ч е г о   с е р д ц а   н а   р а с п у т ь я х“, романическую повесть о великой любви Дмитрия Карамазова.

Здесь кончается удушливый сумрак подполья. Новой мерой стал мериться мир. Беспредельная сила страсти разбила, растоптала, истерла в порошок чувственное „я“ человека, и во мгновение ока исчезли куда-то и завистливая гордыня, и ненависть к ближнему, и лакейская ирония. Дмитрий Карамазов „додумался“ до восторга, и стремление к радости заменило жажду наслаждения, а скорбь об униженном человеческом — страх перед страданием: вместо нелепо-надменных проклятий явилось смирение, вместо сострадания — любовь к людям и природе, а жалкий двойник-приживальщик уступил свое место самому искусителю.

Дмитрий Карамазов забыл о себе, о мелком и дрянном себялюбии; каждый час и каждый миг предает он себя самого во имя любви своей, и песнь страсти, взмывающей над пожарищем испепеленного чувственного „я“, звучит уже гимном и славословием. Ибо только в гимне находит свое полное выражение то великое утверждение, ве-

---

[1]) Главный символ его переживаний — см. „Исповедь Ставрогина“.

ликая воля к жизни, которая составляет внутренюю сущность свободно, по своему собственному закону становящейся страсти. Ее пафос— пафос дифирамба, пафос ликующей хвалы и восторженного преклонения.

Устремленная к единому ограниченному об'екту, страсть не может найти в нем одном себе удовлетворения. Она неизбежно выходит за его пределы и, провозглашая его бесусловную ценность, провозглашает хвалу всему миру, и всему живущему, и всему бытию. Любовь к Грушеньке требует от Мити великого „да" всему существующему,—песни радости, восхваления природы и гимна:

„Слава вышнему на свете
Слава вышнему во мне!..."

И здесь начинается его трагедия. Мир, предстоящий ему, тот, которому слагает гимны его страсть, еще мутен и темен. „Страшно много тайн! Слишком много загадок угнетает на земле человека. Я иду и не знаю; в вонь ли я попал и позор или в свет и радость. Вот ведь где беда, ибо все на свете загадка!"—Все невнятно и хаотично в мире, не озаренном светом истины, и все, даже самый предмет страсти—в сумерках непросветленного сознания рождает подозрения и недоверчивость. И снова мутится страсть в человеке. Освобожденная из уз чувственного эгоизма, она беспомощно бродит среди тайн и загадок совершающегося, беспрестанно сбиваясь с дороги, ошибаясь и путаясь в полярностях целей. Но даже срываясь в темные бездны отпадшего и невоскресшего бытия, она все же тянется к свету, и прежним гимном звучит ее песня в жутких падениях на Содомских путях.

Пораженному любовью нужен преображенный мир, нужно полное утверждение об'екта преклонения. Тайна будит подозрение, и дух погибает в бурях ревности. Вот почему разговоры Мити постоянно обращаются к метафизическим темам: страсть побуждает его к установлению новых форм созерцания совершающегося. Закон органического единства сущего не знает исключений, и нарушение его влечет суровое возмездие.

Так подготовляется последняя тема диалектической концепции Достоевского,—

тема русского праведника.

В этом образе должен был отразиться весь огромный внутренний опыт Достоевского и его долгие и острые раздумья над темными судьбами человеческого духа. Ему, так ярко изобразившему историю эвклидовского сознания, его постепенное разложение и неизбежную гибель, было ясно, что отрицание первоосновы сущего необходимо приводит личность к неприятию мира и себя самой. И теперь ему предстояло показать, где в конце концов человек находит незыблемую опору для великого „да" в жизни, для безусловного и совершенного приятия бытия. Принять мир означало для Достоевского не иное что, как возлюбить его в его вечной основе, и образ радостного мирянина отождествлялся для чего с образом деятельного праведника. Вот почему обычный тип аскета, отрекшегося от мира и умерщвляющего свою плоть, не привлекал его вни-

мания. Для него речь шла не об умерщвлении темной силы Карамазовской, могучей коренной воли к жизни, но о таинственном преображении ее в духе высшей истины. Стать совершенным должен был тот самый слишком широкий человек, об унижении которого так скорбел Митя Карамазов, и стать им, не отрекаясь от жизни, не на путях самоистязания, но на путях преображения всего себя, через достижение чистоты и духовности своих желаний и полной внутренней свободы. За серой мглой современности Достоевский прозревал сияющий таинственной радостью, исполненный мира и благоволения образ человека, сумевшего взойти на последние ступени совершенства, не утратив ничего из богатой сокровищницы человеческих переживаний и стремлений, всемерно и целиком принявшего сей мир и любовно откликающегося на каждый зов земной жизни. И рядом с этим образом радостного мирянина необходимо вставал перед Достоевским и новый образ мира. Ибо мир, являющийся глазам человека, радостно и любовно приемлющего его, уже не тот, который предстоит отрицающему. Человеческому духу, сполна познавшему истину, открывается возможность иного, истинного познания бытия, и тот мир, в котором он живет, нисколько не похож на мертвую землю под пустым небом.

Поэтически воплотить эти чудесные видения или хотя бы очертить новый и наконец действительно положительный характер и наметить основные формы нового созерцания бытия Достоевский попытался в своем последнем романе; задача, которую он здесь себе ставил, была необычайно трудна; ведь ему нельзя было уже опираться ни на какие случаи и факты современной действительности. Этих образов он должен был искать не в окружающей жизни, но глубоко внутри себя. Правда, в поисках прототипа он обратился к фактам, запечатленным в соответств. литературе, и много почерпнул оттуда, но в конце концов в акте творчества ему пришлось опереться почти исключительно на свой собственный внутренний опыт. Эти светлые образы — порождение неутолимой тоски его беспокойного духа по великой Осанне. Они возникли и развивались вдали от всякой злобы дня в таинственных обращениях буйного сердца к тишине и миру великого повествования. И выявить их в отчетливых художественных формах было делом исключительно сложным и трудным. Это дело удалось Достоевскому только отчасти: многое осталось вовсе под спудом, многое только наметилось в рассуждениях, кое-где не хватило красок, яркого конкретного материала. Но и то, что он сделал, было уже огромным достижением. Несмотря на всю дикость, нелепость и жестокость житейского действа, развертывающегося в романе — печать какой-то озаренности, какого-то примирения покоится на нем. Эти мятущиеся люди: мелкие бесы и прелюбодеи мысли и чувства, уязвленные жизнью женщины, и дети, так рано захваченные житейской сумятохой: все они даны в свете какой-то необычайно мудрой любви к жизни. И созерцая явленные в романе образы „беспримерного совершенства“, вы знаете, откуда этот свет и эта любовь. После долгих и тяжких скитаний великий художник приблизился здесь к концу своего пути, к великому утверждению...

Таковы основные темы грандиозной „эпопеи“ Достоевского, к со-

став которой входят все главнейшие из его романов и повестей, начиная с „Записок из Подполья" и „Преступления и Наказания". Расматриваемые диалектически темы эти образуют отдельные звенья сложного философского построения, выражающего историю постепенного становления человеческого духа. Но само собой понятно, что в романах они даны не в той строгой последовательности, в какой расположены здесь. Напротив, там они развиваются беспорядочно, часто опережая друг друга и сплетаясь между собой в бесконечных вариациях и в совершенно различных формах. Но для наших целей это обстоятельство не имеет значения. Нам важно было прежде всего отметить последовательный динамизм воззрений Достоевского на сущность духовной жизни. Человеческий дух является для него бытием абсолютно свободным, не имеющим априорного определения, то есть не обусловленным в своем творчестве никакими изначальными предпосылками. Он сам непрерывно и свободно созидает себя, стремясь в конце концов к полному своему самоутверждению и полной внутренней свободе. И с этой точки зрения ни одно состояние сознания, описанное в романах Достоевского, не может быть признано за изображение некой постоянной духовной природы личности. Все это лишь отдельные моменты ее становления, отдельные этапы ее восхождения к совершенной сущности или обратно—ее падения, разложения и гибели.

Не душевная аналитика, но духовная проблематика, опирающаяся на диалектический метод, дана в философских концепциях Достоевского. В силу этого все статические приемы изучения разбиваются, как о неприступную скалу, о грандиозную систему его философской мысли. И нигде беспомощность русских критиков перед его построениями не обнаруживается с такой ясностью, как в их неуклонном стремлении рассматривать диалектические схемы Достоевского, как устойчивые постоянные величины, как нечто изначальное или окончательное. То, что для Достоевского является последовательными моментами развития духа, предстоит им как застывшая антитеза и как природная антиномичность человеческой души. Остановив мощный бег диалектической системы, они оказываются вполне бессильными перед ее противоречивыми утверждениями, которые разрешаются в непрерывности восхождения мысли и враждебно противостоят друг другу, будучи поняты статически. И под влиянием этого дурного Достоевского в русской критике возникает совершенно особый стиль мышления, который может быть назван антитетическим. Мысль все время движется в антитезах, которые она вовсе не стремится преодолеть, возвысившись над ними, но хочет связать в некое статическое единство. Само собой понятно, что на практике из этого ничего не выходит: в лучшем случае она действительно распинается, в худшем играет словами и всегда беспомощно топчется на одном месте. Никакое подлинное духовное развитие здесь невозможно: оно заменяется рядом духовных срывов, которые воспринимаются, как принципиальная слабость и неустойчивость, как цепь измен и предательств по отношению к своему собственному прошлому. И это совершенно понятно: так мстит мысль человеческому сознанию, остановившему ее диалектический взлет.

Ленинград 28/III—22. Б. Энгельгардт.

В. А. СИДОРОВ.

О «ДНЕВНИКЕ ПИСАТЕЛЯ»

О «Дневнике писателя».

Ниже печатаемая небольшая статья покойного Владимира Александровича Сидорова представляет собою не совсем законченный отрывок большого его исследования об общественных воззрениях Достоевского 70-х годов, предназначавшегося для нашего первого сборника о Достоевском.

Покойного В. А. Сидорова знали лишь немногие: в какофоническом шуме назойливо крикливой борьбы разных течений в области современной истории литературы — его голоса, застенчиво-тихого, не было слышно. Жил он в свою короткую жизнь весь в литературе с ее проблемами. Но исключительная научная добросовестность и связанное с нею чувство величайшей ответственности делали его чересчур щепетильным, когда речь заходила о печатании его научных работ. Нам, его сверстникам, вместе с ним участвовавшим в Пушкинском семинарии первого выпуска у покойного С. А. Венгерова, хорошо памятно его первое и уже не студенческое, а вполне зрелое, выдержанно методологическое, в полном смысле слова научное исследование о «Лицейских стихотворениях Пушкина»; тихое по стилю, внешне так мало эффектное, нас, молодежь, поразившее своей строгой осторожностью. Еще в большей мере отличалась этими качествами его вторая крупная работа: о «Кавказском пленнике» по автографу Публичной библиотеки— исследование о стиле Пушкина переходной поры. Эти работы его не были в свое время напечатаны, по его собственной вине.

В тишине и в тайне любил он работать; мыслил он своеобразно и глубоко, в сложнейших фактах умел улавливать их сущное; про него можно было бы сказать приблизительно так, как сказал однажды Тургенев про рано умершего брата Толстого: были у него все данные, чтобы стать крупным ученым; не было только одного: писательского самолюбия и тщеславия.

Владимир Александрович долго колебался прежде, чем дать свое согласие: писать о Достоевском для нашего первого сборника. Достоевским он занимался в течение многих лет, и знал его, как один из немногих. Нам известны несколько незаконченных его работ о Достоевском. Размышления его шли в разных направлениях, но два можно выделить особо: 1) о приемах Достоевского, как публициста и 2) об его религиозно-философских воззрениях. Последняя тема была для Владимира Александровича темой глубоко личной.

Около восьми месяцев работал он упорно над этим последним вопросом. Была еще раз просмотрена и тщательно изучена вся лите-

ратура предмета; собран и проверен огромный материал, занимающий сотни страниц; уже намечались окончательные выводы; выделилась одна центральная мысль, которая должна была об'единить в единое целое весь этот материал. Есть куски органически цельные, как бы самостоятельные главы; еще месяц-другой—и работа была бы готова, оригинальная по своему подходу, такая же тихая без поз, внутренне бесконечно честная; в наше время она была бы, быть может, единственная по какой-то особой сосредоточенности целомудренно чистой мысли.

Он заболел внезапно. На заседании кружка по Достоевскому, им организованного при цензурном архиве, где он работал последний год своей жизни, было зачитано его письмо, написанное за день до заседания, о том, что он чувствует себя не совсем здоровым, но надеется завтра встать и придти. В то время, когда читали это письмо, Владимир Александрович лежал уже на столе мертвым.

В более или менее цельных и законченных фрагментах работы Владимира Александровича намечается — кажется нам — одна центральная мысль: это своеобразное построение Достоевским образа «народа русского». Не идея народа, не общее понятие, а именно образ — очень сложный, конкретно представимый и переживаемый; образ, действительно, быть может, восходящий к некоему смутному однажды воспринятому ощущению от касания грубой мужицкой шершавой руки: еще в раннем детстве в минуту пережитого страха. Если нельзя представить себе миросозерцание Достоевского без некоего носителя незыблемых нравственных ценностей, вернее аттрибутов совершенства, то этот носитель именно народ, народ русский, и не собирательное имя народ, а единый беспредельный по своим размерам, мифологически представимый мужик Марей. И видятся ясно круги, к этому центральному образу-идее ведущие,—идее, которая об'емлет все творчество Достоевского, проясняя основу его мирочувствия.

Более или менее закончен у Владимира Александровича фрагмент, где анализируются религиозные взгляды Достоевского, и здесь выводы его особенно ценны по своей новизне и оригинальности, но их больше всего Владимир Александрович и боялся, боялся той страшной ответственности, которую он должен был взвалить на себя, за эти выводы. Они тревожили его безмерно. Еще и еще раз возвращался он к ним, проверял свои мысли и на художественных творениях Достоевского — и все не решался их обнародовать.

Эти колебания его являются для нас как бы завещанием его предсмертной воли: эту часть его работы, самую главную и самую ценную, не предавать тиснению.

Другим тоже более или менее цельным отрывком является одна из методологических частей его работы; та часть, где Владимир Александрович говорит о том, как нужно изучать воззрения Достоевского.

в частности, как следует подходить к «Дневнику Писателя» с точки зрения приемов его мышления.

Этот отрывок мы и печатаем.

I.

Творчество Достоевского привлекало к себе внимание с самых разнообразных точек зрения и людей разнообразных специальностей. (Много писали и пишут: и философы, и критики, и историки литературы, и публицисты и пр.).

Из всего разнообразия работ о нем можно вывести одно вполне установленное всеми признаваемое положение: Достоевский до конца дней своих не выявил вполне точно даже основ своего мировоззрения. (Один из наиболее чутких и близких Достоевскому критиков, В. Иванов в заключение своей работы так и говорит: . . .).

Так ли это или нет, но один вывод отсюда можно безусловно сделать: или мы еще не знаем Достоевского, не сделали и части подготовительной работы, или и на самом деле Достоевский всю жизнь до конца жил в противоречиях и колебаниях. И в том, и в другом случае, перед изучающими творчество Достоевского стоит вопрос о более детальной разработке тех источников, на основании которых можно пытаться строить мировоззрение Достоевского.

До сих пор все исследователи творчества Д. брали результаты его во всем об'еме, на одинаковых правах пользуясь и художественными его произведениями, и его публицистикой, и его перепиской: делаются самые разнообразные вырезки и они комбинируются так, как того требуют цели автора. Никакого различия хронологического не соблюдается. Не принимаются в расчет методы художника и публициста. Даже мысли, вложенные Д. в уста того или иного действующего лица, бесповоротно принимаются за мысли, принадлежащие самому Достоевскому.

Невольно являются предположения: мировоззрение Д. представляются такими запутанными и противоречивыми, именно благодаря методологической путанице, какая все время царила в исследовании о Достоевском.

Перед нами стоит задача несколько осветить некоторые стороны общественно-политических взглядов Достоевского по его публицистическим статья — по Дн. Пис.

Следовательно, в первую очередь мы должны выяснить характер публицистики Достоевского, методы его аргументации, о новные исходные пункты, способы его мышления, как они отразились в Дневнике.

Дневник Писателя — по целям, заданиям своим — произведение прозаическое, публицистическое. Но автор его художник. Является вопрос, в каком взаимодействии между собою находятся художник и публицист в Дневнике Писателя? Какие методы мышления преобла-

дают? Какова же роль образного мышления в публицистике Достоевского? Вопрос чрезвычайной важности. Если окажется, что в Дневн. Дост. Достоевский орудует больше логикой образов, чем логикой понятий и суждений, то к Дневнику придется подходить не со стороны его логической доказательности, а со стороны его убедительности, внушаемости непосредственной.

Привычка к образному мышлению может сказываться в обращении с некоторым материалом, фактами и явлениями общественной жизни и др., именно в их персонификации. Говоря о каком-нибудь историческом событии, народе и т. п., Достоевский может видеть особый образ, почти лицо, личность, наделенную волей и осуществляющую ее в какой-нибудь идее и стремлении.

С другой стороны, отдельное живое лицо может стать олицетворением целого общественного течения и навлечь тем самым на себя нападки или восхваления. Автор, Достоевский, может возненавидеть самый образ, символ, который воплощает, олицетворяет ненавистное ему общественное течение или наоборот.

Если на самом деле удастся установить, что Дн. Пис. создавался не публицистом, а художником, то-есть, что образное мышление сказывалось не только в иллюстрировании некоторых положений отдельными художественными картинками, хотя бы и являющимися доказательством того или иного положения, но все же отдельно стоящими, — а в незаметном проникновении способов образного мышления туда, где должно быть и есть, по намерениям автора, только логическое мышление — то такое смешение методов мышления естественно должно привести к полной неразберихе. Спутанность методов приведет только к спутанности и неопределенности полной и тех понятий, которыми орудует Достоевский.

Тогда цельного и строго логического выражения мировоззрения Достоевского и не может быть, так как логика понятий и суждений, с одной стороны, и своеобразная логика образов, — с другой, по самому существу своему противоположны и не могут в своей контаминации ни к чему привести, кроме противоречия и отрывочности.

Если окажется, что у Достоевского на первом месте образ, в который он все время вглядывается, дополняет, вносит поправки, но в общем оставляет тем же, то встает вопрос не о разработке мировоззрения Достоевского по Дн. Писателя, а об изучении его образов. Дневник Писателя тогда станет источником для психологии его творчества, а не для определения его общественно-политических взглядов. Во всяком случае последнее должно потребовать предварительного обследования Дн. Пис., как художественного произведения. Не отдельные мысли там или здесь высказанные, а весь образ, содержание всего образа, должен дать материал для суждения по данному вопросу.

Основные главные идеи Достоевского в Дневнике Писателя сводятся к изображению настоящих и будущих, близких и далеких судеб человечества. Вопрос об общественном идеале, осуществлении его и способах этого осуществления — основной вопрос Дневника. Русский на-

род. Россия осуществляют этот общественный идеал. Народы Европы, вернее две главных идеи ее (католичество и протестантство) изжили себя. На сцене мировой истории действующим лицом в скором времени останется одна Россия. Так и должно быть и не только потому, что другие силы падут, исчезнут, но потому, что Россия является единственной носительницей всемирной истины: только она одна в своей исторической жизни осуществляла идею бескорыстного служения человечеству (во внешней поли́тике) и стремление разрешать все противоречия внутренней жизни — не захватом и насилием, а согласием и любовью.

В Европе происходит борьба этих трех идей, или верней двух: католичества и протестантства, ибо истина русская—идея грядущая, пока еще не осуществившаяся, а только сохранившаяся. Как изображаются эти две идеи?

Чрезвычайно показательно сравнить статью Достоевского «Три идеи» (Дн. 1877 — 1) с лекцией нашего философа «Три силы», относящейся к тому же 1877 г. и касающейся того же вопроса. Я не сравниваю стройную логическую архитектонику лекции философа с незаконченной статьей Достоевского. Достоевский не определяет, в чем состоит правда и сущность третьей идеи. Я останавливаюсь только на стиле, на способе характеристики «силы» у философа и «идеи» Достоевского. Философ, останавливаясь на первой силе — мусульманстве — дает характеристику его религии, философии, его музыки, поэзии, науки; то же самое и при характеристике Зап. Европы. Он вглядывается в историческо-культурные формы жизни мусульманства и Западной Европы и освещает их по своему — его суб'ективность сказывается в освещении вопросов; метод его — анализ, разложение основного понятия на части. Мысль развивается логически правильно. Никакого живого образа не возникает перед читателем, он следит только за развитием мысли автора.

Говоря о третьей силе, о славянстве, философ характеризует его отрицательно: оно не должно иметь никакой специальной отграниченной задачи и пр., но и здесь дается определение этой третьей силы в ее отличии от двух первых.

Типичное прозаическое рассуждение, логически цельно построенное. Об'ективно — спокойно говорит философ и о близком обнаружении исторического призвания России.

Достоевский строит свою концепцию судеб человечества не во всемирном масштабе, а в европейском — мусульманство у него не фигурирует. Католичество, протестантство и высшая истина—его три идеи. Не тоном историка, спокойно, об'ективно ставящего прогнозы будущему, как он их понимает, а повышенным тоном пророка вещает Достоевский.

«В Европе неспокойно... Но временное ли, минутное ли это беспокойство? Совсем нет: видно подошли сроки уже чему-то вековечному, тысячелетнему, тому, что приготовлялось в мире с самого начала его цивилизации. Три идеи встают перед миром и, кажется,

формулируются уже окончательно. С одной стороны, с краю Европы— идея католическая, осужденная, ждущая в великих муках и недоумениях: быть ей или нет, жить ей еще или пришел ей конец» (1877—5). «С другой стороны, восстает старый протестантизм... протестующий против Рима... еще со времен Арминия. Это германец, верящий слепо, что в нем лишь обновление человечества... Во всю историю свою он только и грезил, и жаждал»... Далее с германцем соединяются такие выражения: «германец уверен в своем торжестве, всецело верит он этому гордо и неуклонно» (6); «ему смешно даже предположить»; «славянскую идею не только ни во что не ценил, но и не признавал ее даже вовсе до самой последней минуты. Но с недавних пор он начинает коситься весьма подозрительно» (6 — 7). «Теперь положение Германии несколько хлопотливое». «Германия... бросится на западного врага окончательно, на страшный кошмар ее мучающий» (7). И т. д. Материал подобран.

Австрия «теперь, благодаря ухаживанию за ней дипломатии... и впрямь, пожалуй, может вздумать о себе, что она... могущество» и пр. (173). Исход борьбы этих идей, их носителей, определит окончательное устроение судеб человечества. Достоевский предсказывает великую роль третьей идеи — истины, носителем которой является русский народ. Чрезвычайно любопытно, что католичество и протестантство имеют каждое свою определенную физиономию, которая все время сознается и представляется при чтении соответствующих мест Дн. Писателя, а истина, русский народ является чем-то расплывчатым, не определенным: Достоевский много говорит о русском народе, его особенностях, но конкретно у него не создается никакого определенного образа — его истины.

Католичество было воплощено им в (значительном) настоящем уже художественном и могучем образе — в Великом Инквизиторе. Истина русская не нашла такого полного и совершенного образа. Точно Достоевский лучше понимал и чувствовал то, что в его глазах является отрицательным, началом зла, а не положительный идеал: последний и не получил определенного образа; определенности этой нет и в Дневнике Писателя. Зло ему более знакомо и близко, чем добро?

Итак, Достоевский собирательные понятия олицетворяет; говоря о них видит перед собою определенные образы.

Выдержки, приведенные выше, можно продолжать без конца: многие десятки страниц Дневника 1877 г. посвящены внешней политике, и на всем протяжении их Германия, Франция и др. рисуются Достоевским как бы реально существующими личностями, а не как сложное политическое целое. Достоевский видит в них особые существа со своими характерами; особенностями и стремлениями. Разбирая их взаимоотношение, их значение в будущем, Достоевский исходит из тех основных черт характера и того назначения их, какие он им усвоил и основывает все свои предсказания на психологическом анализе личностей, какими для него представлялись европейские государства. Таким образом, вместо реально существующих сложных государственных

организмов, Достоевский подставлял созданные им образы, которые наделялись им обычной человеческой психологией. В этом сказывался способ мышления — образный, поэтический. Далее: все свои предсказания о будущих судьбах Европейских государств Достоевский выводит не из реального соотношения экономических, политических, социальных и пр., а из анализа психологии созданных им образов. Не следует думать, что здесь разрабатывается психология масс. Достоевский и здесь аналитик души человеческой, ибо такой личной человеческой психологией наделены им те образы, которыми он олицетворяет различные государства. Слово олицетворяет здесь является неподходящим: это не олицетворение, а перевоплощение, очеловечение отвлеченных понятий: государство, идея, партия.

Образы эти и живут для Достоевского своей самостоятельной, своеобразной жизнью, полной большого драматизма, иногда трагичности. Именно какой-то мрачной трагичностью веет от образа католичества с его черной армией, которая готова ринуться на своих врагов; «но его положение безысходно, хотя оно не хочет умереть и будет стараться воплотить во всем мире свою идею».

Идеями обладает каждая национальность. У Достоевского в этом пункте есть противоречие: иногда он считает, что каждый народ обладает особой идеей, создает ее и стремится воплотить в жизнь; иногда же он говорит, что идеи эти извне, и они создают национальности. Вопрос этот Достоевским не разрабатывается, ему как бы неважно происхождение этих идей, а их жизнь и взаимоотношения их в истории всего человечества.

Мир, действительность упрощается, сводится на личности психологии человечества. Здесь можно еще упомянуть: славянство, русская интеллигенция; Турция — больной человек, и там можно совсем не стесняться, не замечать, для Достоевского Турция не образ, а пустое место.

То же самое и при характеристике исторического значения некоторых лиц, он наделяет их какой-то психологией гигантов; из человека получается какая-то мифологическая личность, является в ореоле особого величия и могущества, напр., папа.

Яркий пример символизирования общественных явлений одним историческим лицом представляет отношение Достоевского к Белинскому.

Вся европейская жизнь рисуется Достоевским не со стороны ее экономической, социальной, политической, Достоевского в его прогнозах и пр., занимают не эти стороны. Не их он видит и изучает. Для него все противоречия и условия, обстановка европейской жизни, вся она представляется ристалищем каких-то реально существующих сил, наделенных особой волей, своими идеями, разумом. Вся она наполнена борьбой этих персонажей; везде живой драматизм. Драматизм этот ощущается Достоевским во всем, во всех государствах, нациях. Франция, Англия, Германия, Австрия и др. не есть сложные политические организмы, жизнь которых складывается под воздействием самых разно-

образных условий (климатических, экономических, психологических и т. д.), которые далеко не всегда могут быть учтены и исправлены сознательной волей кого бы то ни было; нет, все они определенные индивидуумы, наделенные волей и разумом и обладающие своим характером, имеющие свои идеи, иногда явно выставленные, иногда же хитро ими скрываемые до времени.

Взаимодействие этих национальных живых индивидуумов осложняется еще иными личностями - идеями, как национализм, социализм, Интернационал, которые живут такою же полноправною и личной жизнью, как государства. Каждая личность имеет свою идею, ею живет и стремится проводить ее в жизнь. Это какие-то мифические существа — продукт поэтического, образного мышления Достоевского, а, быть может, даже мифологического мышления.

Лето 1921 года.

Вл. Сидоров.

А. С. ДОЛИНИН.

ТУРГЕНЕВ В «БЕСАХ»

Тургенев в «Бесах».

Посвящается памяти
Юрия Никольского.

В единый и тесный узел сплетаются между собою центральные моменты в истории вражды Достоевского с Тургеневым, и чисто биографические элементы кажутся трудно отделимыми от элементов историко-литературных. В прекрасной книге Юр. Никольского [1]) эти главные моменты выяснены особенно тщательно. С ведома или без ведома Достоевского, его письмо к Майкову, в котором он пишет, что Тургенев ругал Россию, отрекся от нее, не веря в ее будущее [2]), было превращено в «донесение потомству», переслано издателю Русского Архива Бартеневу, с тем, чтобы оно было напечатано уже после смерти обоих — не ранее 1890 года. Этот факт связан с выходом в свет Тургеневского «Дыма», с последовавшим вскоре свиданием их в Бадене, где они окончательно поссорились и разошлись навсегда. После этого, через четыре года, появилась в «Бесах» первая карикатура на Тургенева, как человека; через некоторое время были осмеяны, в «Бесах» же, его общественно-политические воззрения и, наконец — его писательская манера в рассказе Кармазинова: Merci. И после ссоры в Бадене и после третьей карикатуры (как Тургенев реагировал на первые две карикатуры в момент их появления и узнавал ли он себя в них до появления третьей пародии — нам неизвестно) Тургенев делал вид, что не обижается или мало обижается; ведь Достоевский — сумасшедший, иными словами, морально недостаточно ответственный. Однако, обиды ему не простил: ни тогда, ни даже после Пушкинского праздника, на котором произошло будто бы примирение, и сказалась обида особенно жестоко в письме к исконному врагу Достоевского, Салтыкову, где Достоевский назван Маркиз де Садом, — в письме, написанном почти через два года после смерти Достоевского [3]).

Обидчиком во всех перипетиях этой вражды воспринимается обыкновенно Достоевский: неуравновешенный, злой и невоздержанный; оби-

---

[1]) См. прекрасную работу Юр. Никольского: «Тур. и Дост.»; на нее мы и ориентируемся: в концепцию, данную в ней, по необходимости, по самым заданиям работы — статически, мы пытаемся внести элемент динамизма, к чему обязывают нас печатаемые в этом сборнике Письма Д. к Т.; Юр. Ник. они не были известны.

[2]) См. Страхов: «Материалы к биографии . . .», стр. 168—78; Ветринский. Ф. М. Достоевский, стр. 236—244. Пропущенные места восстановлены Е. Б. Покровской — см. ниже отдел «Писем».

[3]) См. Первое собр. писем Тург., стр. 496—7.

женным — Тургенев, женственно-мягкий, всегда корректный, добрый и уступчивый; его вкрадчиво-задушевный голос (на низких и средних тонах), милые, грациозно-аристократические манеры, очарование мерного, незлобивого стиля и в тех письмах, в которых он говорит о своей вражде с Достоевским, действовали очевидно и на далекие поколения, и большинство писавших о них невольно принимали сторону Тургенева[1]). Житенски, б. м., так оно и было: по всей вероятности Достоевский в самом деле играл роль активную. Но пусть их судят биографы. Для историка литературы важно здесь выделить только два момента: момент столкновения из-за «Дыма», при чем об'яснять его следует в плоскости исключительно историко-литературной, и момент второй — пародирования: как самый материал — произведения, которые были пародированы,—так и цели, и в зависимости от них и приемы пародирования. Мы здесь сосредоточим свое внимание преимущественно на моменте втором, первого же касаться будем лишь мимоходом. Ниже печатаемые письма Достоевского к Тургеневу, в связи с которыми мы и подымаем вновь этот вопрос, дают материал лишь для второго момента, его освещая новым светом.

Остановимся прежде всего на первой, известной нам, реакции самого Тургенева, которая последовала сейчас же после появления третьей пародии на него: Кармазиновского рассказа Merci.

В ответном письме к Милютиной[2]) (от 3/XII 72 г.: Merci было помещено в ноябрьской книге Р. Вест.; Милютина очевидно выражала ему свое сочувствие) Тургенев выдвигает против Достоевского следующие два пункта обвинения: 1) Достоевский «позволил себе нечто худшее, чем пародию, он представил меня под именем К. (армазинова) тайно сочувствующим Нечаевской партии»;—разумеется разговор Кармазинова с Петром Степановичем Верховенским в VI главе 2-ой части «Бесов»; и 2) «он выбрал для пародии единственную повесть (курсив наш), помещенную мною в некогда издаваемом им журнале; повесть, за которую он осыпал меня благодарственными и похвальными письмами». Первый пункт обвинения нас здесь не интересует, хотя по поводу него можно бы сказать, что суб'ективно Тургенев, пожалуй, прав: история отречения его от Герцена, письмо к Аксакову и пожертвование в пользу раненых, во время польского восстания, ярко показывает, до чего он был пуглив, и сколь многим он способен был жертвовать под влиянием страха[3]).

Что же касается второго пункта обвинения, то здесь Тургенев прав, как-будто и об'ективно, но только ровно на одну четверть, а может быть даже и меньше. Уже Юр. Никольский доказал весьма убедительно, что пародирована не одна эта «единственная повесть, помещенная в некогда издаваемом им журнале», т.-е. «Призраки», но, по крайней мере, еще три его произведения: «Довольно», «Казнь Тропмана» и

---

[1]) См. кн. Юр. Никольского, стр. 45.

[2]) Соб. писем Т., стр. 208.

[3]) См собр. соч. Герцена под ред. Лемке, т. 16, стр. 207—8 — отречение от Герцена, а также т. 17, стр. 125—127.

«По поводу «Отцов и Детей». Но и этого мало: ниже мы увидим, что именно «Призраки» пародированы гораздо слабее других, к ним Достоевский относится с особенной осторожностью, беря из них один только момент; относится он так м. б. именно потому, что они были напечатаны у него—в 1-й кн. Эпохи. Только тем, что и Юрий Никольский тоже оказался под влиянием 2-го пункта Тургеневск. обвинения, несмотря на то, что он действительно стал на сторону Достоевского,— только этим можем мы об'яснить, почему и он «Призракам» придает такое большое значение, ставит их в один ряд с другими пародированными произведениями Тургенева.

За эту повесть (за «Призраки») Достоевский «осыпал меня благодарственными и похвальными письмами». Это почти так. В первых четырех из печатаемых ниже писем Достоевского к Тургеневу основная тема: «Призраки»; Достоевский настойчиво добивается их для своего журнала («Время», потом «Эпоха»), а в письме четвертом он в самом деле дает им оценку весьма сочувственную, как со стороны формы, так и со стороны содержания. Дается им эта оценка на фоне очень широком: «Призраки» противопоставляются всей тогдашней современной литературе. «Напишите им—говорит Достоевский—самое поэтическое произведение, они его отложат и возьмут то, где описано, что кого-нибудь секут». И «Призраки» тем и ценны, что идут против течения; поскольку узаконяют «фантастическое в искусстве» — это «выходка смелая».

У нас нет никакого основания для того, чтобы об'яснить эту сочувственную оценку одной «биографией»: так будто бы говорит редактор, нуждающийся в сотрудничестве писателя, очень популярного. В то время — не подлежит сомнению — в отношении к современной литературе они безусловно были единомышленниками: Достоевский, при всей своей чуткой настороженности к вопросам текущего дня, с эпохой своей уже давно находящийся не в ладу, и Тургенев, — с ней разошедшийся после «Отцов и Детей», которых по настоящему-то и поняли только двое или трое, в том числе — и глубже всех — Достоевский [1]).

Любопытно однако, что дальше этих общих слов: «смелая выходка», «фантастическое в искусстве», Достоевский в оценке «Призраков» со стороны формы не идет, а один недостаток считает нужным сейчас же отметить: «Повесть недостаточно фантастична». Всю же силу своего анализа он отдает преимущественно с о д е р ж а н и ю повести, как он выражается, р е а л ь н о м у в них, той основной идее, которую он воспринял, по крайней мере, при первом чтении. Несколько раз подчеркивается Достоевским это «р е а л ь н о е». И видит он его в «т о с к е» р а з в и т о г о и с о з н а ю щ е г о с у щ е с т в а, ж и в у щ е г о в н а ш е в р е м я (курсив Д.) — «уловленная тоска», выраженная здесь «брюжением по всей действительности б е з в с я к о г о о б л е г ч е н и я» (курсив Д.).

---

[1]) См. собр. пис. Тург. стр. 102—108.

В полетах своих герой «Призраков» обозревает все страны и народы: Париж, Петербург, Италию, Германию, Россию: прошлую (Стенька Разин) и современную (бедную, провинциальную), и отовсюду отталкивается либо с отвращением (Париж и Петербург), либо в великом душевном смятении. Вот это и есть символизация исторического прошлого и настоящего европейского человечества: в «развитом и сознающем существе» оно способно возбудить только тоску; в повести она передана особенно сильно при помощи таких контрастных картин, «как утес и проч»: последние являются намеками «на стихийную еще не разрешенную мысль (ту самую мысль, которая есть во всей природе): неизвестно, разрешит ли когда людские вопросы, но теперь от нее только сердце тоскует и пугается еще более, хоть и оторваться от нее не может».

Достоевский конкретизирует тоску, разлитую в «Призраках», условиями времени и пространства, она сближается у него с тем чувством, которое он сам испытал, когда в первый раз очутился на Западе (ср. его «Зимние заметки о летних впечатлениях»), и которым он потом неоднократно наделяет своих «всечеловеков»: кн. Мышкина, Версилова, Ивана Карамазова. «В Европе неспокойно, в Европе предсмертная тоска» — твердит он много раз в «Дневнике писателя». И если его особенно восхищают, хоть и пугают такие «картины, как утес и проч.» (ближе всего сюда подходит картина на Волге, «скифский» стихийный разгул Стеньки Разина), в которых ему видятся намеки на стихийную еще не разрешенную мысль», то не сближается ли в его восприятии эта неразрешенная мысль, «которая есть во всей природе», с мыслью русской, с тем новым словом, которое призван сказать миру народ, только что выступающий на арену истории, народ еще не тронутый европейской цивилизацией, народ — почва? Призван — но скажет ли? И в объявлении к журналу «Время» [1]), где впервые была формулирована идея «Почвы», и в Пушкинской Речи, где он подтвердил ее вновь в том же широком понимании, как в первый раз вера в то, что слово это будет сказано и оно «разрешит людские вопросы», как бы намеренно ослабляется часто повторяемым словом: «может быть». От Тургенева во всяком случае должен был он скрыть подобное толкование картин: «утес и проч.».

Чувство отвращения испытывает летающий над Парижем: к его продажности, к его мелким мещанским идеалам, и с тем же чувством отвращения отталкивается он от больного «не русского» Петербурга. Это в духе не только почвенника, каким еще был тогда Достоевский, но и чистого славянофила. Мы не знаем, согласился ли бы Тургенев, хоть на первых порах, с такого рода пониманием «реального» в «Призраках». Нам известен его ответ Анненкову, который нашел в них одно автобиографическое: Тургенев восхищен его «собачьим нюхом», а себя сравнивает с тетеревом (см. Анненков Лит. Восп., стр. 564). Не подлежит сомнению, что по существу Достоевский понял «Призраки» слишком по

[1]) См. Страхов — Материалы к биографии, стр. 277 193.

своему; разлитая в них тоска безусловно другого характера и меньше всего она символизирует тоску «развитого существа, живущего в наше время». Об'ективно прав, конечно, Анненков: она личного свойства, ее причины в той же плоскости, что в смежной по времени элегии «Довольно» — в «тщете всего земного», в расслабленном скепсисе от «старческого бессилия», в той самой «мировой тоске», которую потом Достоевский так зло пародирует в Кармазиновском Merci. Ошибка ясна стала Достоевскому очень скоро: при втором чтении, когда «Призраки» были уже напечатаны. «По-моему в них много дряни,—пишет он брату по прочтении 1-й кн. «Эпохи», — что-то гаденькое, больное, старческое, неверующее от бессилия» (см. ниже примеч. к 4-му письму Д.). Очевидно, никак не уместить было в свое толкование: Понтийские болота, туманный Шварцвальд и стогна старого Рима.

И вот отметим сейчас же еще раз: эту высокую оценку свою, которую он дал «Призракам» только при первом чтении, и, может быть, особенно то, что они печатались в «некогда издаваемом им журнале», Достоевский помнит до конца; во всяком случае те главы повести, которые дали ему тогда известное право так понимать «реальное» в ней, он оставляет в своей пародии неприкосновенными. Можно понять и в известном смысле простить Тургеневу то, что он позволил себе сочинить про Достоевского (в письме к Милютиной) двойную неправду: как уже было сказано, пародирована во всяком случае не одна эта «единственная повесть, напечатанная...» и т. д., но по крайней мере еще три произведения: «Казнь Тропмана», «Довольно» и «По поводу «Отцов и Детей»» [1]). А затем, повторяем, именно «Призраки»-то и пародированы мягче, добродушнее, гораздо слабее других; пародирован только один момент, из тех, которые никак не укладывались в то «реальное», которое Достоевский увидел в них.

II.

1864-й год, если судить по печатаемым ниже письмам, год наиболее близких отношений между Т. и Д. Последнее письмо Д. относится уже ко второй половине 65 года (3/VIII). Это то самое письмо, в котором Достоевский просит у Тургенева денег: по мнению биографов, ориентирующихся на тургеневские источники, эти-то деньги и сыграли главную роль в их баденской ссоре. Мы оставляем здесь без внимания и этот момент, биографически-психологический, и ведем дальше наш анализ в той же плоскости историко-литературной, — пока еще преимущественно в плане идеологическом.

Приблизительно через два с половиной года после «Призраков» произошла их встреча и ссора в Бадене в связи с «Дымом», который вышел в 3-й кн. «Рус. Вестника» за 1867 год. В дневнике Анны Гри-

[1]) В статье «История Призраков» (см. «Тургенев и его время», стр. 164, под. ред. Н. Л. Бродского) проф. Пиксанов говорит о пародировании еще «Пожара на море». Очевидно, тут смешение события пожара с рассказом на эту тему, написанным через 12 лет после I-ой части «Бесов»: в 1883 г. Непростительная небрежность—со стороны библиографа в особенности.

горьевны эта встреча записана от 10/VII и рассказаны некоторые подробности, которых нет в письме Достоевского к Майкову (от 16/VIII—67 г.). Очень любопытно, что в этой же записи от 10/VII имеются такие слова: «Я была очень, очень рада, что выигрыш поможет нам хоть сколько-нибудь продержаться, что не придется ходить к Тургеневу и просить у него дать нам денег до присылки от Каткова». Значит, возможность такая не исключалась, отношения были, повидимому, по крайней мере, внешне довольно дружеские. Анна Григорьевна передает, — конечно, со слов Достоевского, — что и после разговора «расстались они дружески и Тургенев обещал дать книгу — очевидно «Дым». (Дневник, стр. 194 и 198—199). А разговаривали они так, что Достоевский говорил «больше с юмором, чем еще больше сердил Тургенева», а тот был «ужасно как озлоблен, ужасно желчен и поминутно начинал разговор о своем новом романе. Федя же ни разу о нем не заговорил». Если то, что передает Анна Григорьевна, верно, то тем более должны мы исключить в этом столкновении личный момент. Почему же Достоевский так ополчился на «Дым» (в письме к Майкову, которое написано очевидно в гораздо более страстных тонах, чем непосредственная передача свидания)? Почему он почувствовал себя так глубоко оскорбленным? Не казалась резко определенной позиция Тургенева в вопросах общественно-политических: до появления «Дыма». Беспристрастие отличало до сих пор отношения его к западничеству и славянофильству, сотрудничал он в «Русском Вестнике», а не «Современнике», а длительная жизнь за границей могла дать ему широту понимания того тяжелого кризиса, который переживала тогда Европа. И вот это-то — в начале так и представилось Достоевскому, — и нашло свое отражение в «Призраках». «Дым» должен был возмутить Достоевского в плоскости высшего порядка; мысли, которые Тургенев там развивает, должны были быть восприняты им, как злая карикатура на самую основу его миросозерцания. Нужно помнить, что Достоевский — не философ, логически стройно развертывающий свою холодно-отвлеченную систему идей. Отношение его к идее особенное; идея для него первопричина, сила актуальная, единственная сила, формирующая явления окружающей жизни. Оттого такой страстью насыщены его собственные идеи и так страстно относится он к идеям чужим.

В статье «По поводу «Отцов к Детей» Тургенев обращается к «молодым собратьям» по перу с такой речью: «Нужна свобода, нужна образованность, нужно знание! — «А! Понимаем! видим, куда вы гнете!» — воскликнут здесь, пожалуй, многие: — Потугинские идеи — ци-ви-ли-зация, prenez mon ours!» — Подобные восклицания не удивят меня; но и не заставят отступиться ни от одной ноты». Можно доказать доподлинно, на основании хотя бы его переписки с Герценом и другими, что Потугинские идеи действительно являются идеями самого Тургенева. Весь пафос веры в русский народ, в его всечеловеческую миссию сводится Потугиным к желанию «почесать зубки насчет гнилого Запада», а мастером по этой части является князь Коко: вот

он «бежит рысцой; он, вероятно, спустил в четверть часа за зеленым столом трудовой, вымученный оброк полутораста семейств, нервы его раздражены». Так оценивается вся идеология Достоевского в эту пору. князь Коко должен символизировать собою источник ее: в моральном и материальном разложении дворянства. По Достоевскому нет идеи вне ее носителя, вне оформленной ею материи или образа, как нет материи, не оформленной идеей. Они слиты воедино, как органическое целое. Себя Достоевский считает самым ярким, творчески активным выразителем идеи Востока, и князь Коко — злейшая на него пародия.

Получается, что именно это время, начало 1867 года — время наиболее резкого расхождения идеологического у Достоевского с Тургеневым. От 1867 года по 1873 год до первого «Дневника писателя» включительно — период самый фанатический в славянофильстве Достоевского. Позднее его общественно-политические воззрения начинают терять свою исключительную резкость и снова приближаются к широте «почвы». Эти же годы — полоса мрачная, замкнуто-сосредоточенная, отличающаяся особенно сгущенной ненавистью ко всему западному. Потугин проповедует: «Русь в целые десять веков ничего своего не выработала . . . Ни в науке, ни в искусстве — ни в чем, и не то, что у Мейербера, а у последнего немецкого флейтщика, скромно высвистывающего свою партию в последнем немецком оркестре, в двадцать раз больше идей, чем у всех наших самородков» . . . А дальше уже вывод относительно всего прошлого русского народа, его истории политической, религиозной, художественной, философской: вся культура русская обесценивается при свете самого поверхностного эмпирического благополучия. «Еслиб такой вышел приказ, — говорит Тургенев устами Потугина, — что вместе с исчезновением какого-либо народа с лица земли немедленно должно было исчезнуть все то . ., что тот народ выдумал, — наша матушка, Русь православная, провалиться бы могла в тар-тарары» (т. III, изд. Глазунова, 913 г., стр. 99).

Тургенев уверяет Бартенева, что во время баденского свидания он больше молчал, он считал неуместным «выражать перед Достоевским свои душевные убеждения» уже потому, что «вследствие болезненных припадков и других причин» Достоевский «не вполне обладает собственными умственными способностями». Он «обращался с ним, как с больным», не имел времени и никакой охоты возражать ему», когда тот сидел и ругал и немцев, и его самого, и его последнюю книгу, т. е. «Дым» (цитирую по книге Никольского, стр. 44). Анна Григорьевна, как мы знаем, передает со слов Достоевского (сейчас же после свидания их) другую версию. Безразлично, кто прав: в плоскости идеологической речи Потугинские могли быть восприняты Достоевским только как брань против России, как издевательство над самыми «задушевными его убеждениями».

По Достоевскому, идея, живя своей реальной — в высшем смысле этого слова — жизнью, проходит или пытается проходить все этапы развития органического существа. Петр Верховенский — следующая стадия в развитии идей Потугина. «Наша матушка Русь православ-

ная провалиться бы могла в тар-татары». Петр Верховенский должен пробовать реализовать эту идею, а Кармазинов, внутренне, до конца последовательный, духовный отец этой идеи, обязательно должен ему сочувствовать. Как Раскольников есть дальнейшее логическое развитие Базарова, так Кармазинов — Потугина. Базарова в свое время Достоевский понял, как тип трагический, в трагической плоскости дал и Раскольников. Потугин мог быть воспринят Достоевским только как пародия; он ответил на него тоже пародией — Кармазиновым. В концепции «Отцов и Детей», так, как она дана в «Бесах», в той духовно-генеалогической связи, которая устанавливается между поколением людей 40-х г.г. и поколением 60-х—эпигонами нигилизма, Петр Верховенский духовный сын не Степана Трофимовича, а именно Кармазинова. Так об'ясняется второй аспект пародии-памфлета на Тургенева в плоскости общественно-политических его воззрений (глава VI второй части «Бесов»: «Петр Степанович в хлопотах»); узаконяется в плане композиционном (и тем самым оно снимается в плане биографическом) первое обвинение, которое выдвинул Тургенев против Достоевского в письме к Малютиной: «он представил меня тайно сочувствующим нечаевской партии».

В смысле генетическом этот момент: встреча Кармазинова с Петром Верховенским, следовало бы считать, быть может, центральным, вернее — определяющим, по отношению к роли Кармазинова в концепции «Бесов». Здесь самый яркий разрез их идейных расхождений, ставших особенно ясными в связи с «Дымом». «Неверующее от бессилия» проявилось уже в «Призраках»; в «Дыме» оно сказалось едким памфлетом на русскую культуру, на веру в то великое слово, которое должен сказать миру русский народ. В элегии «Довольно» Тургенев сам вскрыл источники своего неверия. Общественно-идеологический аспект у Достоевского есть только один из трех, в которых он обычно ставит образы своих героев; — аспект, пожалуй, для целого ряда лиц самый существенный, вернее самый показательный, но никогда не единственный. Это аспект с р е д н и й. Источники Тургеневского неверия даны пародийно в плане психологическом: характеристика личности (это самый низший аспект—в главе «Чужие грехи» в 1-й части Бесов»), и в плане высшем, эстетико-метафизическом: завершение пародии в Кармазиновском M e r c i. И здесь очень характерны и самые произведения пародируемые и способ их пародирования. Характеристике личности предшествует «Казнь Тропмана», которую, как мы сейчас увидим, Достоевский воспринял исключительно суб'ективно. Кармазиновское M e r c i построено преимущественно на «Довольно»

III.

Только что вышла 6-я июньская книга «Вест. Европы» за 1870 г. с «Казнью Тропмана»; она едва успела попасть в Дрезден: 11-го июня, очевидно под первым же впечатлением, пишет Достоевский письмо свое к Страхову, почти целиком посвященное Тургеневу. (Страхов, «Биография», отдел писем, стр. 294—6). И воспринимается ясно, как он

взволнован, как глубоко возмущен этим его произведением: еще одна обида (после «Дыма») нанесена ему, на этот раз уже сугубо личная: самому трагическому переживанию в его жизни, тем пяти страшным минутам, которые он пережил, стоя на эшафоте, готовый к казни. Сдержанно передает Достоевский «главное впечатление статьи в результате» — «ужасная забота до последней щепетильности о себе, о своей целости, о своем спокойствии, и это в виду отрубленной головы». В эти месяцы писались, по всей вероятности, и первые главы «Бесов»; это чувство глубочайшего возмущения и должно было дать импульс к расширению пределов пародии, до включения в нее и личности Т., определить и степень эмоциональной ее насыщенности. Может быть, даже и так: «Казнь Тропмана» и всколыхнула былые страсти в связи с «Дымом», вновь воскресила в его памяти ту ссору, заставила заново пережить, быть может, начинавшее уже затихать чувство негодования против речей Потугина?

Она (повесть) «написана с страшной претензией на самую наивную поэзию и при этом на психологию», — так определяет Достоевский ее форму и основную тему (Собр. сочин., т. 12, стр. 115, изд. Просвещения). Не подлежит сомнению, что под словами: «самая наивная поэзия» он разумеет эту нарочитую эпичность рассказа, деланную его простоту с намеренным понижением эмоционального тона: пусть де факты и спокойное описание сами за себя говорят. Но не форма его интересует, а главным образом тематика; форма вся в целом, в частности, Jch — Erzählung'а, — лишь постольку, поскольку она еще более подчеркивает то, что его так возмущает в Т.: это абсолютное отсутствие перевоплощаемости, приводящее к тому, что события воспринимаются в аспекте только личном, в отражении авторских переживаний, которые выдвигаются на первый план, затмевая трагическое начало. «Единственная цель ее (статьи) выставить себя самого: интересуйтесь мною, смотрите, каков я был в эти минуты», — так формулирует Достоевский основную задачу «Казни» (там же в «Бесах»).

Достоевский — отметили мы выше — предпосылает эту злую характеристику «Казни» пародированию личности Тургенева, и в этой плоскости, поскольку «Казнь» свидетельствует об эгоистической узости и малости характера самого автора, ее и следует воспринимать. Тем, быть может, отчасти и об'ясняется, почему фабула подставлена здесь другая: пожар на море, на корабле близ Любека, пережитый Тург. в годы юности; не так давно опять возобновились анекдоты про его трусость, и Тург. они особенно злили (см. работу Юр. Никольского, стр. 68—69). В виду бушующей морской стихии и трагической гибели матерей и детей торчит назойливо авторское «я»: «зачем вам эта стихия? Что вы смотрите на эту утопленницу с мертвым ребенком в мертвых руках? Смотрите лучше на меня, как я не вынес этого зрелища и от него отвернулся. Вот я стал спиной; вот я в ужасе не в силах оглянуться назад; я жмурю глаза. Не правда ли, как это интересно» (см. т. 12 собр. соч. Д., стр. 115, изд. Просв.).

По существу Дост. здесь прав. «Казнь Тропмана» так и построена: суб'ективный элемент не затушеван, несмотря на эпический ее тон; он проявляется отнюдь не в эмоциональной окрашенности произведения, а вторгается в самый сюжет, нарушая ход его развития. в самые трагические минуты он сильнее всего и проявляется, тем самым не только ослабляет напряженность трагического, но, для Достоевского, делается циничным.

Автор является на казнь в качестве праздного зрителя; ложный стыд мешает ему отказаться от присутствия на этом зрелище; это подчеркивается несколько раз в течение всей ночи, пока не появляется на сцену казнимый.

Но вот начинается уже приготовление к казни. Автор входит вместе с целой компанией таких же праздных зрителей в камеру Тропмана. Казнимый должен сейчас узнать уж окончательно про неотвратимость своей участи. По Достоевскому это самая ужасная минута. Об этом говорит кн. Мышкин очень распространенно дважды. Тургенев рассказывает о ней уж очень просто, при этом себя, конечно, не забывает: «я стал немного позади других и, помнится, невольно щурился».

Тропмана выводят из камеры, он почти бежит по темным ступенькам. компания зрителей за ним; его вводят в комнату, где будет происходить процедура переодевания. Сообщается немедленно место, где Тропман стал: «Тропман стоял боком в двух шагах от меня».

Тропман держит себя спокойно, с достоинством, не плачет, не дрожит, не умоляет о пощаде. «Кстати, — добавляет автор, — если бы Тропман стал вопить и плакать, нервы мои, наверное бы, не выдержали, и я убежал бы». Но, к счастью русской литературы, Тропман не плакал, и Тургенев остался: само-то зрелище оттого, что «не было слез», нервы выдержали.

Перед тем, как вести Тропмана к месту «последнего успокоения», к гильотине, ему завязывают руки и запутывают ноги. — «Признаюсь откровенно, холодный пот меня прошиб», — считает нужным добавить автор. Слово: откровенно, очевидно, рассчитано на то, что его могут за это заподозрить в слабости воли· мужчине в таких случаях потеть, должно быть, не полагается.

Тропману стригут волосы, космы темнорусых волос скользят по плечам, валятся на пол. Автор и здесь не забыт: «од— из них (косм) докатилась до моего сапог«».

Начинается шествие к гильотине. Автор тоже, конечно, пошел, но не так, как все: «я хотя и шел вместе с другими, однако немного держался в стороне».

Вот раскрылись обе половины ворот; ...«глянуло чудовище гильотины». — «Мне вдруг стало холодно, — говорит автор, — холодно до тошноты; ноги у меня под-

косились». И дальше автор не пошел: «у меня не хватило духа; с замиранием сердца остановился я у ворот».

Наступает самая ужасная минута. Вот уже Тропман на гильотине; он отделяется от кучки людей; идет по ступеням, останавливается, оборачивается назад, что-то говорит, появляется наверху, на него бросаются два человека, он валится головой вперед, подошвы его брыкнули. — Все это нарастание моментов передается от первого лица в таком сложном синтактическом периоде: «я видел как»...; «я видел как»...; «я слышал как»...; и опять: ...«я видел как»... И заканчивается: «но тут я обернулся..., а земля тихо поплыла под ногами»; не выдержали нервы; с автором, повидимому, случился обморок, ибо дальше рассказывается о том, как «кто-то схватил меня под руку»; промолвил улыбаясь: «Вы очень бледны... не хотите ли воды?» Но я поблагодарил и пошел обратно в тюремный двор». А там ревело море; тысячи глаз жадно впились в последнее мгновение, когда откатилась голова от плеч и гулко стукнула...

Потом, после казни компания снова собралась вместе, в доме коменданта, пошли рассказы о том, как «голова казненного в первый раз не попала в отверстие» и «палачи принуждены были втащить ее туда за волосы»... Были и другие рассказы, но «я (автор) слушал все эти разговоры (в том числе и первые рассказы), как сквозь сон: я чувствовал себя очень усталым (собр. соч. Т., т. 10, стр. 155—82).

Этой авторской физической усталостью (никак не мог ее превозмочь), из-за которой, «как сквозь сон», был воспринят и этот момент последний, когда «голова не попала в отверстие»..., кончается в сущности рассказ Тургенева о казни человека.

«Быть может, — не одно любопытство читателя будет удовлетворено: быть может, он извлечет некоторую пользу из моего рассказа»,— так мотивирует Тургенев в самом начале решение свое передать читателю «все что он видел в эту ночь». Скромность размеров этой пользы раскрывается в конце рассказа: он должен доставить «хоть несколько аргументов защитникам отмены смертной казни, или, по крайней мере, — отмены ее публичности». Трезвый, благоразумный Тургенев знал конечно, что в цивилизованной Европе все сразу не делается и пока можно довольствоваться малым: «отмены ее публичности». Вот, приблизительно — как нам кажется — те эмоции, которые возбуждала в Достоевском эта повесть; так, по всей вероятности, он воспринимал каждый образ в ней. Сопоставим еще раз с «Идиотом», печатавшимся в 1868 г., всего двумя годами раньше до «Казни Тропмана»; там Достоевский, устами кн. Мышкина, тоже рассказывал о смертной казни: Легро. Кн. Мышкин не отворачивался, не щурился, а «смотрел как прикованный, глаз оторвать не мог». Смотрел потому, что «человек, на поверхности земной, не имеет права отвертываться и игнорировать то, что происходит на земле, и есть высшие нравственные причины на

то» (из письма Достоевского к Страхову). Как-то совершенно исчезают подробности события перед глубиной трагических переживаний казнимого; все переносится исключительно в плоскость психологическую, внимание сосредоточено только на двух моментах, неосязаемых: «Крест и голова, вот картина» — все остальное как бы на третьем плане, в тумане, для аксессуара» (т. 10 п. собр. соч. Дост., стр. 100). Это диаметрально противоположно тому, как написана «Казнь Тропмана».

Нервы Тургенева не выдержали бы, если бы Тропман заплакал и стал бы молить о пощаде. А эпилептик Мышкин видел, как «преступник, человек умный, бесстрашный, сильный, в летах . . . на эшафот всходил, — плакал, белый, как бумага». Был пережит Мышкиным акт полного перевоплощения, и выделены только эти два момента: длительный, когда «везут по городу до эшафота» и на эшафоте. Тургенев остановился у ворот и вслед за Тропманом не пошел. Кн. Мышкин точно знает, о чем казнимый думал дорогой: «еще долго, еще жить три улицы остается; вот эту проеду, потом еще та останется, потом еще та, где булочник, направо . . . еще когда-то доедем до булочника!» А кругом «народ, крик, шум, десять тысяч лиц, десять тысяч глаз». — Это все аксессуары, и нужны они опять же, как реактив для психологии казнимого: «все это надо перенести, а главное мысль: «вот их десять тысяч, а их никого не казнят, а меня-то казнят!»

В самую последнюю минуту, когда Тропман уже повалился головой вперед и подошвы его брыкнули . . ., Тургенев обернулся, а «земля тихо поплыла под ногами», нервы не выдержали, он, очевидно, упал в обморок. Кн. Мышкин утверждает, что голова казнимого «ужасно живет и работает, должно быть сильно, сильно, как машина в ходу». Так и «стучат разные мысли, все неоконченные и, может быть, смешные, посторонние такие мысли», но одна «такая точка есть, которой никак нельзя забыть и в о б м о р о к упасть нельзя, и все около нее, около этой точки ходит и вертится». И вот он доподлинно переживает, как «голова уже на плахе лежит, и ждет, и . . . з н а е т, и вдруг услышит над собой, как железо склизнуло! . . . Тут может быть одна десятая доля мгновения, но непременно услышишь! . . . А голова, когда и отлетит, то еще с секунду может быть знает, что она отлетела . . . А что, если пять секунд! . . .

«Меня эта напыщенная и щепетильная статья возмутила, — писал Достоевский Страхову о «Казни Тропмана». Возмутила его не только как человека, но и как писателя. О казни Легро, переданной кн. Мышкиным, Достоевский в этом письме не упоминает. Но ясно, что Тургеневская манера была ему не только чужда, но и противна, именно из-за этой «ужасной заботы о себе, о своей целости, о своем спокойствии», так резко сказавшейся в самой форме рассказа. Ответ на него в «Бесах», в сущности, нельзя даже и назвать пародией: это скорее критический набросок, проникнутый едва сдержанным негодованием, напряженный, бьющий, главным образом, по содержанию, форму же задевающий лишь постольку, поскольку и она характеризует личность автора, основы его мировосприятия.

IV.

Проходит почти два года, если считаться с временем напечатания, пока появляется последняя, третья пародия, в плане уже художественном: Кармазиновский рассказ Merci (1-я глава 3-й части «Бесов» напечатана в ноябрьской книге «Р. Вестника» за 1872 год; глава «Чужие грехи», где пародия на «Казнь Тропмана» — в февр. книжке «Р. Вестн.» за 1871 г.). Вторая пародия, напомним еще раз, дана была в плоскости общественно-политической, в плоскости Потугинских идей; на этот же раз пародируется преимущественно писательская манера Тургенова вместе с его скептической философией, при чем ставка на комизм делается в области тех его приемов, которые проявились ярче всего в его лирических произведениях. Кармазинов дан на фоне драматическом, чтение прерывается диалогом между действующим «героем», «гениальным» «толстеньким писателем», и многочисленной толпой, в особенности — задними рядами публики. Летописцу «Бесов» этот фон дает возможность, с одной стороны, не приводить рассказа целиком, а ограничиваться одними только существенными чертами, теми, которые остались в его памяти, произвели наибольшее впечатление не только на него, но и на всю аудиторию. А затем, в виду того, что Кармазинов сам читает свое произведение, является, так сказать, лицом действующим — приходится снова давать его портрет, характеризовать его личность вместе с его манерой чтения, с его интонацией, подчеркивая полную его оторванность от массы, его изначальную эгоистическую узость. Так повторяются здесь мотивы первой пародии, данной в плане психологическом, низший аспект подводится к аспекту высшему, творчески-философскому, в нем находя свою первопричину.

Вышел Кармазинов «с осанкою пятерых камергеров»—это первое внешнее впечатление от его фигуры. «Строгие старички из'явили одобрение и любопытство, а дамы так даже некоторый восторг»; задние же ряды сразу встретили его молчанием. Когда «господин Кармазинов заговорил, то оказалось, что голос у него «был слишком крикливый», несколько даже женственный и при том с настоящим благородным дворянским присюсюкиванием». — Последнее с самого начала настраивает читателя на особое специфическое восприятие эмоциональной окраски речи, заранее вызывая к ней отрицательное отношение: в новой сфере восприятий, в плоскости социальной. В этом же направлении должно действовать и предисловие к рассказу, которое «Господин Кармазинов» читает «жеманясь с топируя»; авторские ремарки особенно подчеркивают полное соответствие смысла этого предисловия с «осанкою пятерых камергеров»: «Господин Кармазинов об'являет, что он «сначала ни за что не соглашался читать» (очень надо было об'являть!)». Господин Кармазинов говорит, что «этакую святыню никак нельзя нести в публику» (Ну так зачем же понес?) и т. д. и т. д. И в последний раз: «этот господин вдобавок читал еще

как-то свысока пригорюнясь, точно из милости, так что выходило даже с обидой для нашей публики».

Дальше Достоевский переходит к самому рассказу и здесь определенно указывается на элегию Тургеневскую «Довольно», как на центральный пункт пародии, указывается самой темой пародируемой: «Это был какой-то отчет о каких-то впечатлениях о каких-то воспоминаниях», и: «много говорилось о любви, о любви гения к какой-то особе. При чем вторая половина рассказа была еще хуже, еще туманнее, «так что вторую половину прослушали лишь из учтивости». «Довольно» так и распределяется на две почти равные части, вторая часть — совсем лишена фабулы, представляя собою одни только размышления пессимистического характера. Элегия «Довольно» сделана в стиле сентим.-романтическом; задача пародии — разрушение этого стиля, придавая ему комическое освещение. Вульгарное слово «особа» и коммерческо-бухгалтерский «отчет» в сочетании с романтической неопределенностью: «о каких-то впечатлениях, о каких-то воспоминаниях», и создают первый комический эффект, который сейчас же усиливается полным из'ятием темы из сферы таинственного и внедрением ее в сферу пошлой обыденности — «К небольшой толстенькой фигурке гениального писателя . . . как-то не шло бы рассказывать о своем первом поцелуе». Этот основной пародийный прием используется Достоевским и при пародировании меланхолически-нежного в своей лирической зыбкости, живописно-цветового фона элегии, с ее нарочито-расплывчатыми очертаниями пейзажных набросков разных стран и времен, с ее своеобразным синтаксическим строением фразы, расчитанным на те же эффекты лирико-сентиментального характера (см. прекрасно подобранные примеры у Юр. Никольского).

В элегии: «Довольно» [1]) проявляется особенно ярко старая Тургеневская страсть к красочно-цветовым эффектам, его исключительная изысканность в подборе отдельных обстановочных деталей — черты его стиля, столь тесно связанные с традициями старого романтического канона, с той самой, в сущности, «марлиновщиной», которую Тургенев же высмеивает в рассказе: «Стук-стук-стук». Здесь снова привлекается, для усиления комического эффекта, личность пародируемого: «поцелуи происходили как-то не так, как у всего человечества» и иллюстрируется сама эта изысканность, в своей подчеркнутой нарочитости, доведенной до степени карикатурности. «Тут (где «происходили эти поцелуи» «толстенького» гения с «какой-то особой» «тридцать семь лет назад») непременно кругом растет дрок», а на небе непременно какой-то фиолетовый оттенок, которого, конечно, никто никогда не примечал из смертных». И «дерево, под которым уселась интересная пара, непременно какого-нибудь

[1]) Факты, приводимые мною здесь и дальше при анализе пародии на «Довольно», указаны также и Юр. Никольским, но у него они только сопоставлены или даны в другом освещении, в зависимости от тех задач, которые стояли перед ним.

оранжевого цвета» или а г а т о в о е. И музыка здесь таинственная: «какая-то русалка з а п и щ а л а в кустах», или очень, очень интересная, экстравагантная: «сам Глюк заиграл в т р о с т н и к е на скрипке» (Дост., т. 13, стр. 188).

Два раза в «Довольно» элегический тон пробует опираться на обломки каких-то картин далекого прошлого, которые автор хочет передать в форме эпической с ослабленным повествовательным элементом. Это своеобразный двучленный параллелизм с распространенным первым членом, нарочито окрашенным эмоционально-весьма слабо, чтобы тем сильнее был воспринят эмоциональный удар на втором кратком члене. Здесь имеется некий сюжет или, вернее, зачатки какого-то сюжета. Такова глава четвертая: «Помнится, однажды, поздней ночью, в Москве, я подошел к решетчатому окну старенькой церкви»... и глава седьмая, наиболее распространенная: «Это было в конце марта, перед благовещением», где дальше рассказывается о переправе через одну из главных рек России. Эти две главы Достоевский пародирует особенно подробно и ярко. Приемы те же. Он снимает с них лирико-сентиментальный покров, сюжетный элемент усиливает в плоскости весьма обыденных событий, подчеркивая его служебную роль и давая ему определенное место и время: тем самым нарушается окраска его романтическая и обессмысливается его значение. Так, старенькая церковь, где-то в Москве, заменяется истасканной романтической п е щ е р о й, и место ей указывается точно: под Сухаревой башней: в пещеру «спускается гений, спускается, т р и г о д а спускается», а там герой-схимник. И вдруг гений слышит вздох. «Вы думаете, это схимник вздохнул? Очень ему надо вашего схимника!» «Нет-с, просто-напросто этот вздох напомнил ему ее первый вздох т р и д ц а т ь с е м ь л е т н а з а д»... (там же, стр. 189). А переправа происходит не весной, а «зимою в оттепель», одна из главных рек России именуется В о л г о й. «Две с половиной страницы переправы», но великий гений все-таки попадает в прорубь. Гений тонет, — вы думаете, утонул? И не думал. — Это все для того, чтобы перед ним мелькнула крошечная льдинка с горошинку и чтобы отразившееся в ней небо Германии напомнило ему слезинку, скатившуюся из ее глаз (стр. 189). Так комическая окраска второго члена параллели еще более усиливает комическое построение первого сюжетного члена, лишенного, согласно основному замыслу «Довольно», самостоятельности своего существования.

«Довольно», как уже было сказано, делится на две почти равные части. Первая является как бы только фоном, вернее предварительной иллюстрацией к пессимистической философии второй части. В последний раз автор отдается сладким своим воспоминаниям. Они не приносят ему утешения, еще больше усиливают его грусть, ярче оттеняют безысходность его положения: стареющего, во всем разочарованного человека. «Суета сует и всяческая суета»: вместе с любовью отрицаются и другие «вечные ценности»: слава, искусство, истина и т. п. Все тлен и прах, раньше или позже, — время, неумолимый закон смерти,

коснется и их. Попутно приводятся цитаты из произведений самых знаменитых писателей, делаются ссылки на поэтов, музыкантов, живописцев, философов; тут и Паскаль, Гофман, Шекспир: его Макбет, Гамлет, Король Лир, Ричард III; Венера Милосская, симфонии Бетховена, картины Рюисдаля, поэмы Гете, Юпитер Фидиаса, драгоценнейшие строки Софокла, картина Апеллеса, и опять Гете: слова Мефистофеля и Фауста. Все они привлекаются на данное мгновение в доказательство того, что они тоже так думали: что все тлен и прах, и нет под луною ничего вечного [1]) Достоевский издевается над этой манерой, в которой он видит всю ту же эгоистическую узость: «Великий европейский философ, великий ученый, изобретатель, труженик, мученик» — все они «для нашего русского великого гения решительно в роде поваров у него на кухне». И снова припоминаются Потугинские идеи: «ничего нет приятнее ему, как объявить банкротство России во всех отношениях». — Словом всюду и во всем проявляется эта неустанная забота о себе, о своей личности, противопоставление своего раздутого «я» всему окружающему, всему прошлому и настоящему человечества, в лучших его проявлениях. И весь его скептицизм, свидетельствующий о такой нищенской скудости духа, есть не более как следствие старческого безверия, от которого отделываться можно одной презрительной гримасой: «тут казенный припадок Байроновской тоски, гримаса из Гейне, что-нибудь из Печерина — и пошла, и пошла, засвистала машина».

В диалоге с «голосом» из задних рядов публики Кармазинов говорит: «Впрочем . . . впрочем, вы совершенно правы. . Никто более меня не уважает реальную правду» . . . И лицо его так и выражало: «Я ведь не такой, как вы думаете, я ведь за вас . . .». Здесь утрируется смысл и тон последних абзацев из: «По поводу «Отцов и Детей»», где Тургенев, путем сопоставления разных фактов, в частности — приведением отзыва о Базарове Каткова, как бы невольно внушает молодому поколению, что Базаров — это апофеоз «Современнику». Некоторые мысли из этой же статьи: «По поводу Отцов и Детей», как вполне убедительно доказывает Юр. Никольский, пародированы во вступлении и в послесловии к M e r c i, где Кармазинов прощается навсегда с читателем [2]). В последней главе «Довольно» отказ от литературной деятельности мотивируется еще той же пессимистической философией, которой проникнута вся элегия. «Чем заставить их (художников) стряхнуть свою немую лень, свое унылое недоумение . . . — если только мысль о тщете всего человеческого, всякой деятельности, ставящей себе более высокую задачу, чем добывание насущного хлеба, закралась им в голову». Для них «лавры и терния стали равно незначительны». И «зачем пойдут они опять на этот толкучий рынок призраков, на это торжище, где и продавец, и покупатель равно обманывают друг-друга, где все так шумно, громко — и все так бедно и дрянно . . . Нет . . . Нет . . . Довольно . . . довольно . . . довольно»

[1]) См. Юр. Никольский, стр. 75.
[2]) Там же, стр. 71—2.

V.

Кармазиновский рассказ Merci, сказали мы выше, является третьей завершительной пародией на Тургенева. В первый раз была пародирована его личность в плоскости психологической — это аспект низший, в котором у Достоевского обычно развертывается роль героя в сюжете. Здесь центром была «Казнь Тропмана». Второй аспект — средний — общественно-политические воззрения Тургенева, его «Потугинские идеи»; они даны в концепции «Отцов и Детей», в виде сочувствия «творца идеи» к попыткам ее реализации у поколения «детей». В рассказе же Merci первые два аспекта даны лишь попутно, они повторены как бы для того, чтобы найти им их первопричину, данную в аспекте высшем: творчески-идеологическом. На элегии «Довольно» построена преимущественно пародия в этом третьем завершающем аспекте: взята ее тема, ее философия, ее приемы.

Ставим мы еще раз вопрос: о роли «Призраков»; пародированы ли они в каком бы то ни было аспекте? Как целое — безусловно нет. Основная концепция их осталась совершенно не тронутой, как оказались тем более неприкосновенными те главы, — а их большинство,—в которых Достоевский уловил, при первом чтении, реальную «тоску развитого и сознающего существа, живущего в наше время» и «намеки (в картинах как утес и проч.) на стихийную, еще не разрешенную мысль, ту самую, которая есть во всей природе». Мы знаем, что уже при втором чтении, когда «Призраки» появились в 1-ой кн. «Эпохи», Достоевский отказался от своего толкования, понял, что в их основе совсем другая тоска, — тот самый «казенный» скептицизм, что в «Довольно», — «старческое неверие от бессилия». Но именно «Призраки», эту «единственную повесть, напечатанную в некогда издаваемом им журнале», Достоевский и пощадил.

Только одной главы из 25 глав «Призраков» слегка коснулась его пародия: главы XIII, где рассказывается о полете над Италией вблизи Рима, о том ужасе, который сжал сердце летающего после того, как он трижды воскликнул: Divus Gajus Julius Caesar, и «зашевелились тени, мириады теней с копьями и шлемами», и голова императора стала медленно выдвигаться из-за равнины. В Merci этот эпизод упоминается дважды; один раз более отдаленно: «вдруг они видят Помпея или Кассия накануне сражения»; другой раз — ближе, с воспроизведением двух деталей: «из тумана в лавровом венке над кровлями Рима появился Анк Марций». Оба эти упоминания воспринимаются комически на фоне совсем другой темы, под воздействием комических эффектов из того же пародированного: «Довольно». Во всяком случае их роль среди других пародируемых элементов ничтожна — это роль случайного аксессуара, почему-то вспомнившегося Достоевскому и лишь кстати им использованного. На «Призраки» — мы утверждаем — Достоевский ни в малой степени не ориентировался. Лишь обаянием слов Тургенева, воздействовавшим и на такого тонкого и углубленного

исследователя, как Юр. Никольский, во всех других случаях определенно ставший на сторону Достоевского—можем мы об'яснить то место в его книге, где он говорит про «Призраки»: «как раз это произведение выбрал Достоевский для своей пародии» (стр. 18). Юр. Никольский приводит в подтверждение этого положения своего, кроме Помпея или Кассия и Анк-Марция, еще следующие параллели: к пародируемым в Merci цветовым эффектам. В «Призраках»: «весь воздух внезапно наполнился каким-то почти неестественным багрянцем: листы и травы, словно покрытые свежим лаком, не шевелились»... И еще: «Какой-то дымчато-голубой, серебристо-мягкий, не то свет, не то туман — обликал меня со всех сторон». Но в Merci этих красок нет, пародируются же вообще цветовые эффекты, которых у Тургенева в изобилии— не в одних «Призраках». Тоже и следующая параллель: в «Призраках» жалобно прозвенела струна, а в Merci — «звуки эоловой арфы». Элегическая музыка с жалобными струнами у Тургенева часто встречается: эоловая арфа — символ шаблонный, обычно сентиментально-романтический. Или в Merci: «опять заклубился туман, явился Гофман», в «Призраках»: «Эллис соткана из полупрозрачного молочного тумана». Но опять же: туман есть не только в «Призраках»; весь рассказ «Стук-стук» сделан на фоне «густого», «полупрозрачного», «волокнистого» тумана. Другое упоминание в Merci о тумане: «между тем заклубился туман, так заклубился, так заклубился, что более похож был на миллион подушек, чем на туман»; этот окарикатуренный туман по всей вероятности имеет в виду именно «Стук-стук».

«Казнь Тропмана» и «Довольно» — вот два центральных произведения, которые взяты были Достоевским для пародии: первая для пародирования, главным образом, личности Тургенева, второе — его художественной манеры. Уже на третьем месте стоит «По поводу Отцов и Детей», «Призраки» же — на самом последнем; мы бы сказали: рядом с «Стук-стук». К этим выводам мы стремились отнюдь не для того, чтобы снять с Достоевского обвинение в вероломстве — это дело биографа, моралиста и т. п. Раз навсегда нужно установить, в плоскости историко-литературной, градацию тех материалов, которыми пользовался Достоевский, создавая свой памфлет на Тургенева, дабы знать твердо, от чего он преимущественно отталкивался, что для него было органически и до конца неприемлемо.

А. С. Долинин.

ЛЕОНИД ГРОССМАН.

СТИЛИСТИКА СТАВРОГИНА

Стилистика Ставрогина.

К изучению новой главы «Бесов».

I.

«Исповедь Ставрогина», возбудившая целый ряд вопросов биографического, текстуального и психологического характера, представляет крупнейший интерес с чисто художественной стороны. Это одно из самых тонких стилистических достижений Достоевского по трудности поставленного задания и уверенности в его разрешении. Романисту-новатору удалось здесь достигнуть максимального разложения повествовательного шаблона, сохранив в процессе беспрерывной деформации своего материала всю его композиционную целостность и художественную органичность.

Система речевых средств, приемы построения этой центральной главы «Бесов» чрезвычайно своеобразны. Форма официального протокола, намеренно неправильный, грубо-разговорный язык, почти канцелярская небрежность записей с явными ошибками и неточностями,—все это должно здесь создать впечатление сырого клочка действительности, вырванного из самой житейской гущи и брошенного на страницы романа во всей своей уродливой неотделанности и отталкивающей неприглядности.

Достоевский стремится всячески подчеркнуть безыскусственность Ставрогинской исповеди. Он хочет внушить читателю, что перед ним необработанный человеческий документ, передающий во всем обнажении и резкости пережитого свои страшные признания. Здесь все угловато, неприкрашено и буднично-жутко, как во всякой уголовной действительности. Автору важно выделить этот упрощенный характер своей записи, заранее освободить ее от всякого налета литературности. Это, по его замыслу, оффициальное показание, судебный или психо-патологический отчет, криминальная заметка, холодная, точная, пристальная, и при этом нестройная, полная погрешности против орфографии, синтаксиса, стиля и традиционного расположения частей.

«Вношу в мою летопись этот документ буквально», — предваряет автор самый текст «Исповеди». — Я позволил себе исправить орфографические ошибки, довольно многочисленные и даже несколько меня удивившие... в слоге же изменений не сделал никаких, несмотря на неправильности. Во всяком случае явно, что автор прежде всего не литератор». В подготовительных записях самому Ставрогину принадлежит это знаменательное заявление: «Я не литератор». И далее: «Я устранил

всякие рассуждения от моего лица», подчеркивает Ставрогин строго протокольный характер своей рукописи.

Так, целым рядом оговорок, а затем и обдуманной повествовательной системой самой «Исповеди» Достоевский стремится лишить ее всякой литературности, превратив ее в голое признание. Это не отшлифованная мемуарная страница, это просто говорящий голос грешника.

II.

Тончайшим композиционным приемом Достоевский очерчивает внелитературный характер этого странного психографического препарата. На отточенном острие стилистических контрастов он обнажает жуткое убожество речевых примитивов Ставрогина. Бесформенным глыбам его фразеологии здесь противопоставлено тонкое чутье художественного стиля в лице его исповедника. Жадному к чувственным эмоциям грешнику противостоит тонкий созерцатель — эстет, церковный иерарх, прошедший испытанную веками дисциплину литературного вкуса.

Достоевский всячески подчеркивает неугасимый артистический инстинкт дряхлеющего архиерея. Замечательно, что этот аскет, уже близкий к могиле, окружен атмосферой художественных восприятий и умеет сохранит ее даже в чужих кельях захолустного монастыря, куда он удалился «на спокой». Эстетизм Тихона оттеняется прежде всего его обстановкой: мебель превосходной отделки, дорогой бухарский ковер, гравюры светского содержания из времен мифологических и, наконец, резной шкаф для книг, где «рядом с сочинениями великих святителей и подвижников христианства находились сочинения театральные и романы, а может быть и гораздо хуже». Характерно внимание Тихона даже к историко-военным сочинениям, но лишь поскольку они являют «интереснейшее описание», «талантливое изложение в чисто литературном отношении», т.-е. представляют ценности стилистико-композиционного порядка.

Ибо старый епископ прошел за свою долгую жизнь трудную и богатую школу словесного искусства. Вековые традиции литургической поэтики и святоотеческих творений приучили его к изысканным и пышным облачениям византийского стиля даже во всевозможных покаяниях и душевных сокрушениях. Блистательное красноречие и узорно-выразительный слог поэтов-богословов, искусившихся в многосторонней разработке эротической темы со всеми ее разжигающими соблазнами и темными провалами, сразу же обнаруживают пред этим зорким читателем Исаака Сирина или Василия Великого всю страшную словесную нищету Николая Ставрогина. Вместо великолепного смирения этих православных поэтов какая горделивая скудость и высокомерное бесплодие! Не служит ли это искалеченное слово самым полным выражением души опустошенной и бескрылой? Не стилистика ли Ставрогина—самое страшное показание против него? Так повидимому думает старый исповедник.

Листки «Исповеди» с ее потрясающими разоблачениями вызывают в ее первом читателе прежде всего литературную критику.

«Тихон снял очки...

— А нельзя ли в документе сем сделать иные исправления?

— Зачем? я писал искренно — ответил Ставрогин.

— Немного бы в слоге»...

Но Ставрогин торопится лишний раз отмежеваться от всякой литературности, словесной озабоченности риторических требований. «Заметьте, что этою неловкою фразой, или ловкою — думайте, как хотите — я вовсе не напрашиваюсь»... и проч. Он с пренебрежением относится к этой писательской кухне и не понимает глубокого подхода духовного оратора к его рукописи; мастер устной и вероятно письменной речи, начетчик во всех видах церковной и светской литературы, привык прозревать в слове органическое создание личного духа, его прямое выражение и прозрачнейшую кристаллизацию.

Вот почему изломанная стилистика Ставрогина поражает его духовника не менее содеянного им преступления. В возникающей беседе проблема художественной формы и литературного стиля настойчиво сопровождает основную тему о грехе и покаянии. Моралист и духовный пастырь нисколько не угашают в Тихоне ценителя словесных ценностей. Он вводит в свою проповедь вместе с этической проблемой и неожиданную эстетическую тему. Это превращает местами разговор грешника со святителем в диспут двух риторов враждебных школ.

Словно забывая о главной проблеме, они непрерывно спорят о художественном слоге, о литературной форме «Исповеди», о различных речевых формулах, наконец, даже об изяществе или недостаточной красивости самого преступления.

Вслушаемся в странные реплики этой беседы «на духу» под взглядом икон и языческих божеств, среди чувственного комфорта монашеской кельи.

— «Даже в форме самого великого покаяния сего заключается нечто смешное», тонко критикует прочитанную рукопись монастырский словесник. Но в случае покаяния — «даже сия форма победит (указал он на листки)».

Ставрогин поражен этой эстетической доминантой в поучениях монаха:

— «Итак, вы в одной форме, в слоге, может быть, находите смешное?»

Тихон раз'ясняет, но не покидает своей эстетической позиции:

— «И в сущности». Убьет некрасивость — прошептал Тихон, опуская глаза.

— Некрасивость! Какая некрасивость?

— Преступления. Есть преступления поистине некрасивые... даже слишком уже неизящные»... И отвлекаясь от всякой морали, Тихон, в духе Константина Леонтьева, говорит о картинности ужасных, кровопролитных преступлений, о их эффектной «внушительности»... Уж не прочел ли он, при своих безбрежных читательских интересах, знаменитого английского трактата «Убийство, как одно из изящных искусств».

Недаром еще в первой беседе Ставрогин изумляется: «Прелестные, странные слова для архиерея...» Впрочем, он гораздо более склонен осуждать чуждую ему стилистическую манеру: — «Эти монашеские формулы даже совсем не изящны... Скажите поциничнее», обрывает он Тихона.

И свой собственный мемуарный фрагмент он выдерживает — за исключением финальной части — в каком то предумышленном тоне полной словесной оголенности и неприкрашенности. Одинаково отвергнуты стилистические манеры всех учителей его молодости: изящная и вдохновенная речь Степана Трофимовича, расцвеченная остроумными цитатами и французскими афоризмами, так же забыта им, как и кафедральное красноречие геттингенских профессоров с редкостными учеными терминами и живыми логическими синтезами. Припомнилась скорее обнаженная детальность устного гептамерона Прохора Малова или тех бессапожных чиновников, с которыми водился одно время принц Гарри. Быть может мелькнуло воспоминание и об автоматической речевой импульсивности члена того же нелепого кружка — полубезумного инженера Кириллова.

Все это могло содействовать стремительному выявлению той беспримерной словесной системы, в которой нашли свое резкое отражение механически пересекающиеся плоскости этого мертвенного сознания.

III.

Вслушаемся в эти неумелые, неудачно-слаженные фразы, тормозящие рассказ на всем его протяжении:

«В одной принимал одну любившую меня даму»; «одну из сих двух квартир»; но прежде того было вот что»; «рассмешило ее как дитю»; «отошла и встала к окну ко мне спиной»; «сами они помещались рядом в другой—теснее и до того, что дверь разделявшая всегда стояла отворенной, чего я и хотел». Или еще: «Я так был низок, что у меня дрогнуло сердце от радости, что выдержал характер и дождался, что она вышла первая»... «Я почувствовал ужасный соблазн на новое преступление, именно совершить двоеженство, потому что я уже женат, но я бежал по совету другой девушки, которой я открылся почти во всем и даже в том, что совсем не люблю ту, которую так желал и что никого никогда не могу любить».

Такой беспомощный синтаксис на каждом шагу развинчивает фразу и как бы бросает ее на произвол устной интонации, единственно способной сгладить эти беспрерывные ухабы записанных предложений.

Таково задание художника: передать весь характер прерывающейся устной речи, возникающей в извращенном интеллекте преступника. И конечно, это стремление деформировать обычный литературный рассказ, эти приемы намеренного косноязычия, являют труднейший опыт для романиста. Разложение традиционной литературной гладкости, разрушение всех налаженных способов стройной словесной передачи, внешний разрыв с общепринятой печатной традицией — все это представ-

ляет собой сложнейший стилистический эксперимент, замечательно удавшийся Достоевскому.

Расслоение традиционно-правильной речи, разрушение синтаксиса, ломка «художественной прозы» создает совершенно новый эффект обнажения преступного сознания.

В тексте романа этому соответствует предсмертное письмо Ставрогина, переданное также «слово в слово, без исправления малейшей ошибки в слоге русского барича, не совсем доучившегося русской грамоте»...

Эпистолярный стиль Ставрогина так же уродливо бессилен, как и его конфессиональная манера. Правда, здесь есть попытки на некоторый своеобразный лиризм; но при изолированности таких признаний на общем фоне протокольного самоанализа они производят леденящее впечатление. Любовное письмо Ставрогина выдержано в характерном для него глухом и бездушном тоне следственного показания. Он словно отвечает на допросе или откликается на полицейскую анкету: «Я еду через два дня... У меня еще есть двенадцать тысяч рублей... Подтверждаю, что совестью я виноват в смерти жены. Я с вами не видался после того, а потому подверждаю» и т. п.

Письмо к Даше в стилистическом отношении — прямое продолжение «Исповеди». В финале романа перед гибелью героя звучит отголосок самой трагической темы его жизненного пути. Этим словно компенсируется выпадение центральной главы из общей романической композиции. Важный для автора прием изображения героя его собственным литературным стилем, таким образом, не упущен Достоевским. Последнее письмо Ставрогина, при отсутствии в нем потрясающей темы «Исповеди», внушает такое же жуткое впечатление своей расползающейся, словно разложившейся и гнилостной фразой. Здесь синтаксис и общая манера свидетельствуют о нравственном крушении, о катастрофических сдвигах, о внутренней гибели, о наступившем уже небытии. Духовный тлен — вот формула Ставрогинской стилистики в листках подпольной заграничной типографии и в письме, отосланном с глухой российской станции.

IV.

Но вся эта «внелитературность» «Исповеди», конечно, сплошная видимость. Стилистическая ломка имеет здесь свою закономерность и сочетается с замечательной верностью художественной форме автобиографического признания. Разрушая безукоризненнейшую гладкость установленного повествовательного вида, Достоевский сохраняет неприкосновенным канон литературной исповеди. Рассказ Ставрогина в этом смысле глубоко литературен, ибо он безукоризненно воспроизводит все признаки конфессионального жанра, как он установился в европейском романе середины столетия. Внешне неотделанный и явно симулирующий небрежную запись, рассказ Ставрогина с внутренней стороны строго подчинен художественному уставу «Исповеди», как определенного литературного жанра.

Вглядимся прежде всего в сложную систему эстетических эффектов этой намеренно расстроенной и искусственно искаженной речи.

Сплошная ткань рассказа здесь, как мы видели, повсеместно надорвана странными ошибочными оборотами. Неправильности слога прокламируются автором, как поставленное задание и тщательно выдерживаются на протяжении всей исповеди. Прием проведен с замечательным тактом и чутьем меры: он еле заметен при чтении, а между тем как то невидимо ощущается и, наконец, обнаруживается во всем своем об'еме лишь при пристальном изучении.

Но нестройная, грубовато-сколоченная вывихнутая фраза служит превосходным обрамлением к метким, проникновенным и остро-удачным формулам. На фоне этого уродливого синтаксиса и тусклых выражений ярко вспыхивают отчетливые, рельефные и резко очерченные образы: «Она была белобрысая и весноватая, лицо обыкновенное, но очень много детского, и тихого, чрезвычайно тихого»... Какая портретная выразительность в одной короткой и нестройной фразе! Эти нарушения литературного канона сообщают подчас исключительную экспрессию описанию: «баба остервенилась, потому что в первый раз прибила несправедливо»... Или: «Я убежден, что мог бы прожить целую жизнь, как монах, несмотря на звериное сладострастие, которым одарен и которое всегда вызывал»... При этом поразительная живописность и почти патологическая зоркость к острым деталям, даже в безразлично-построенных фразах, вроде описания крошечного красненького паучка на листке герани. Сюда же следует отнести превосходную звуковую картину: «Окна были отперты. В доме все жили мастеровые и целый день из всех этажей слышался стук молотков или песни»...

Стилистика исповеди органически связана с ее тематикой; всюду, где доминируют темы позорного преступления, речь исповедующегося, несмотря на его стремление сохранить протокольный тон, вся изломана необычными, сбитыми и осекающимися фразами. Эта манера нарушается только моментом «катарсиса» — видением Дрезденской картины Клода Лорена «Асис и Галатея», преображенной в мечту о золотом веке. Этот отрывок, перенесенный впоследствии в признания Версилова, отличается исключительной стройностью словесного построения, ритмической плавностью почти стихотворного лада, воздушностью и легким летом гармонически слагающихся фраз. Обилие сочетаний л а, л о, а л, о л, создают волнообразную и мелодическую плавную звуковую картину: «Это уголок греческого архипелага: голубые ласковые волны, острова и скалы, цветущее прибрежье, волшебная панорама, вдали заходящее, зовущее солнце — словами этого не передашь. Тут запомнило свою колыбель европейское человечество»... Проза фрагмента слагается в свободный размер:

Тут жили прекрасные люди.
Они вставали и засыпали
Счастливые и невинные;
Рощи наполнялись их веселыми песнями.
Великий избыток непочатых сил
Уходил в любовь и в простодушную радость.

Солнце обливало лучами
Эти острова и море,
Радуясь на своих прекрасных детей...
Чудный сон, высокое заблуждение.

Уголовное показание здесь вырастает в античный дифирамб и деревянный язык протокола о грязном преступлении очищается до высокого строя храмового гимна.

Вся эта сложная и разнообразная композиция обрамлена сырыми клочьями канцелярского стиля. Исповедь начинается и заканчивается традиционными формами официальных показаний. Словно углы документа с казенными штемпелями врываются своими судебно-полицейскими формами в зачин и концовку этой криминальной новеллы.

«От Ставрогина. Я Николай Ставрогин, отставной офицер, в 186... г. жил в Петербурге»... и проч. И в заключении — ссылка на петербургскую полицию и «местную власть», затем вопрос о «юридическом преследовании» и, наконец — заявление: «Я же никуда не уеду и некоторое время (с год или два) всегда буду находиться в Скворешниках, имении моей матери. Если же потребуют, явлюсь всюду. Николай Ставрогин».

Все по форме: имя, звание, дата и место действия, указание свидетелей» («мещане могут быть и теперь в Петербурге, дом, конечно, припомнят»...), постоянный адрес, обязательство о невыезде, подпись. Все отдает следовательской камерой. Только и ждешь, что «места печати» и узорной неразборчивости официальных грифов.

Таковы эти обнаженные клочья канцелярского документа в житии Великого грешника.

V.

При всем своеобразии приемов Достоевского, композиция Ставрогинского показания выдержана в традиционном стиле классической исповеди.

Этот литературный вид был особенно в ходу в эпоху творческой работы Достоевского. В 1839 году Фредерик Сулье, которым интересовался молодой автор «Двойника», выпустил роман под заглавием: «Общая Исповедь» («Confession generale»). Тогда же появился известный роман Альфреда де-Мюссе: «Исповедь сына века» («Confession d'un enfant du siècle»). Незадолго перед тем была переведена на русский язык монография Томаса де-Квинси: «Исповедь англичанина, принимавшего опиум, («The Confession of an opiumeatcer»)—книга, которую Достоевский читал в Инженерном училище. Один из поздних романов Жорж Занд, к которой Достоевский сохранил до конца чувство благоговейного поклонения, озаглавлен: «Исповедь девушки« («Confession d'une jeune fille»).

В конце сороковых годов вышла книга Прудона: «Исповедь революционера». Наконец, две классических работы этого типа: «Исповедь блаженного Августина» и знаменитая «Исповедь» Жан Жака Руссо,

могли служить Достоевскому наиболее выразительными образцами для центральной главы «Бесов».

В эпоху литературных выступлений Достоевского в его кругу интересовались «Исповедью» Руссо. Белинский отмечает в своих письмах (сент. 1846 г.): «Теперь читаю Confessions» — немного книг в жизни действовали на меня так сильно, как эта». И в одном из следующих писем по поводу самого Руссо: «Сильное омерзение к этому господину. Он так похож на Достоевского»...

Это раннее сопоставление автора «Бедных людей» с творцом знаменитой «Исповеди» не лишено большой литературно-психологической зоркости.

К этому мало изученному литературному жанру Достоевский всегда питал решительную склонность. Стиль исповеди, действительно, замечательно подходил к природе его замыслов. Эпистолярная форма его первого романа являет в сущности видоизменение этого литературного рода. Обилие разработок темы в первом лице, несомненное пристрастие Достоевского к типу Jch Erzählung'a — от «Белых Ночей», «Неточки Незвановой» и «Елки и Свадьбы» до «Игрока», «Бесов» и «Подростка» — все это намечает влечение к той же форме. Прорывами они сказываются и на других произведениях, напр., на «Идиоте» (Исповедь Ипполита) или «Братьях Карамазовых», где имеется характерное название трех глав: «Исповедь горячего сердца». В начале 60 годов Достоевский об'явил в своем журнале о предстоящем опубликовании своего нового романа «Исповедь». Это заглавие почему-то не удержалось и произведение было названо: «Записки из подполья». Но замысел, стиль и жанр традиционной литературной «конфессии» явственно сказывается здесь, как сказался впоследствии в «Кроткой» и в «Сне смешного человека».

В чем основные признаки этого жанра? В центре композиции стоит рассказ о тайном преступлении — это главный узел всей повествовательной системы. История греха, тяжелых душевных блужданий и тайных пороков — вот основная тема, намечающая развитие всей экспозиции. Сюжет, как таковой, может отсутствовать, цепь эпизодов нанизывается на некоторую моральную, философскую или психологическую тему исправления, нравственного возрождения, усыпления или же очищения совести и искупления греха страданием. Таков тип литературного вида, сказавшийся в знаменитой книге блаженного Августина, в автобиографии Жан-Жака Руссо, в «Исповеди англичанина, принимавшего опиум».

Достоевский безусловно выдерживает этот канон: в центре — изложение страшного преступления: в заключении, вместо обычного возрождения и спасения грешника — видение рая, возвышенная греза о Золотом Веке. Inferno злых страстей хоть на мгновение озаряется отблеском недостижимого рая. У блаженного Августина развернута обширная картина грехопадений, внезапно прорезанная обращением на путь истинный. В «Исповеди англичанина», столь увлекавшей Достоевского в его молодые годы, тема мучительных блужданий и тягостное

сознание себя преступником, под действием наркоза, сменяется ослепительными просветлениями опиомана. Наконец, у Руссо обширная летопись грехов, ошибок и тяжких моральных заблуждений приводит к гордому сознанию своего превосходства над всеми людьми.

Признания Ставрогина ближе всего к «Confessions» Руссо. Там чувствуется такая же сексуальная насыщенность рассказа, такая же извращенность эротической темы. Нужно подчеркнуть, что преступление над малолетней Ставрогин совершает в своей холостой квартире, где он собирается свести для потехи любящую его даму с ее горничной, — по первоначальному варианту — «при своих приятелях и при муже».

Сцена наказания Матреши розгами, будящая в Ставрогине «сладострастие зверя», определенно свидетельствут о его садических инстинктах. Все это, несмотря на усиление трагических ощущений, выдержано в духе обстоятельных рассказов Жан Жака о его половых аномалиях и страстном темпераменте при холодном уме.

Так же показателен рассказ Ставрогина о другом его преступлении — о похищении денег у бедного чиновника. Руссо истязает себя и читателя рассказами о различных своих кражах, нигде не понижая при этом горделивого тона своих заявлений: «Je ne me souviens pas d'avoir pris de ma vie un liard à personne hors une seule fois il n'y a pas quinze ans que je volai sept livres dix sous» и пр. — «Это была единственная кража в моей жизни» — аналогично предупреждает Ставрогин обстоятельный рассказ о похищении тридцати двух рублей из виц-мундира.

Когда Руссо рассказывает о своем подлом поступке с несчастной Марианой — он сознается, что тяжесть, давившая с тех пор его совесть, заставила его взяться за писание своей исповеди. Он не скрывает при этом, что в ощущении стыда и позора он находил примесь чувственного наслаждения. Он приступает к своему рассказу с высокомерием и с особым чувством своего превосходства над всякими «порядочными людьми», совершающими в тайне темные дела. Он кидает надменный вызов всем тем недостойным и лицемерным, которым придется читать повесть о его грехах и падениях. И, тем не менее, самый рассказ имеет в себе не мало черт грубой обнаженности и отталкивающего цинизма.

Все это, казалось бы, глубоко личное и неповторяемое, воспроизведено с различными вариациями в главе «У Тихона», Ставрогин несомненно повторяет психологический опыт Руссо, как Достоевский воспроизводит стиль его гениального покаяния. Примечательно, что в первоначальной редакции Ставрогин ссылался на эту классическую книгу: в гранках сохранилась зачеркнутая запись: «Предаваясь до 16 лет с необыкновенной неумеренностью пороку, в котором исповедовался Ж. Ж. Руссо, я прекратил в ту минуту, когда положил, на 17-м году».

Так, шедевр исповедального жанра, хорошо знакомый Ставрогину, отразился на построении его автобиографического фрагмента. Выпущенная глава «Бесов», отмеченная некоторыми характерными приемами зна-

менитых «Confessions», носит на себе явные следы этого своеобразного литературного жанра.

VI.

Такова необычайная и тонкая композиционная система Ставрогинской «Исповеди». Острый самоанализ преступного сознания и беспощадная запись всех его мельчайших разветвлений — требовали и в самом тоне рассказа какого то нового принципа расслоения слова и распластования цельной и гладкой речи. Почти на всем протяжении рассказа чувствуется принцип разложения стройного повествовательного стиля. Убийственно-аналитическая тема исповеди страшного грешника требовала такого же расчлененного и как бы беспрерывно распадающегося воплощения. Синтетически законченная плавная и уравновешенная речь литературного описания меньше всего соответствовала бы этому хаотически-жуткому и встревоженно-зыбкому миру преступного духа. Вся чудовищная уродливость и неистощимый ужас Ставрогинских воспоминаний требовали этого расстройства традиционного слова. Кошмарность темы настойчиво искала каких то новых приемов искаженной и разяжающей фразы.

«Исповедь Ставрогина» — замечательный стилистический эксперимент, в котором гладкая, художественная проза русского романа впервые судорожно пошатнулась, исказилась и сдвинулась в сторону каких то неведомых будущих достижений. Только на фоне европейского искусства нашей современности можно найти критерий для оценки всех пророческих приемов этой дезорганизованной ставрогинской стилистики.

Леонид Гроссман.

ОТДЕЛ ВТОРОЙ

А. С. ДОЛИНИН.

ДОСТОЕВСКИЙ И СУСЛОВА

К биографии Достоевского.

(По неизданным материалам).

I.

Задача настоящего очерка — вписать несколько фактов, доселе неизвестных, в личную книгу бытия Достоевского: в те, еще очень слабо очерченные ее страницы, где надлежит быть рассказанным одному из самых значительных периодов его жизни, — о целом пятилетии, начиная с момента выхода в свет журнала «Время» [1]) до первых месяцев 1866 г., когда, как бы для большей яркости контраста между философской и художественной их сущностью, самой историей суждено было, чтобы одновременно с «Войной и Миром» Толстого, этой величаво-спокойной, намеренно отодвинутой в даль прошлого, светлой и радостно приемлющей жизнь эпопеей, в одном и том же журнале, в тех же первых книгах «Русского Вестника», начал печататься и мучительно тревожный, весь в современности, роман Достоевского: «Преступление и Наказание» [2]), частью современников воспринятый прежде всего как суровое осуждение передовой нигилистически мыслящей молодежи [3]).

В области творческой и в области лично биографической есть в этом пятилетии момент переломный и падает он, — как увидим ниже, сюда сдвигаются все факты, — на два осенних месяца 1863 года: октябрь и ноябрь.

Два с половиной года прошло в ясности, казалось, уж достаточно упрочившегося благополучия — материального, душевного и духовного; и вдруг, как бы без особенной внешней и внутренней причины, душа Достоевского и дух его снова об'яты тревогой, и зачинаются и быстро завершают, в величайшем напряжении, первую стадию свою, те жестокие замыслы его новых художественных концепций, которыми и

---

[1]) Первая книга журнала «Время» — январь 1861 г.; в первой же книге стали печататься его «Униженные и Оскорбленные».

[2]) В «Русском Вестнике» за 1866 г. продолжал печататься роман Толстого «Война и Мир», а с января и дальше — «Преступление и Наказание».

[3]) См., например, статьи во влиятельнейшем «Современнике» — февраль и март 1866 г. «Журналистика», где критик, между прочим, пишет: «бывали ли когда-нибудь случаи. чтобы студент убивал кого-нибудь для грабежа? Если бы такой случай и был когда-нибудь, что может он доказывать относительно настроения вообще студенческих корпораций... Из каких источников могу я удостовериться, что студенты убийство из-за грабежа почитают поправлением и направлением природы. Ведь если ничего подобного, что мне представляется, нет в действительности, то мой роман на подобную тему будет самым тупым и позорным измышлением, сочинением самым жалким... См. также «Отеч. Записки» за 1867 г. февраль, март и апрель в статьях «Наша словесность».

открывается вторая полоса его творчества; разумеем «Записки из подполья» и «Игрок».

Старая, обще-принятая схема биографическая, делящая его жизнь и творчество на два периода: до и после каторги, должна быть взята под подозрение уже по одному тому, что она черезчур общая; и вредность ее достаточно ясна, поскольку соблазненная ею мысль и не пытается даже конкретизировать те причины и поводы, благодаря которым происходили эти глубокие перемены в сфере психической и в области духа Достоевского. Как об'яснить тот факт, что именно к периоду докаторжному должны мы отнести все произведения Достоевского за первую часть этого пятилетия до осенних месяцев 1863 года; что задуманы они были в Сибири, там же большей частью осуществлены, и нет в них почти никаких следов, в смысле душевном и духовном, лично пережитой трагедии?

Как реализация «светлых» идеалов сороковых годов, самого яркого их выразителя, Белинского, — воспринимается Достоевским, там, в отдалении, то, что он улавливает по журналам и письмам в течениях общественной мысли годов 50-х. И мечталось ему тогда, что и он, как Тургенев, тоже должен пребывать в этой современности, творить ее сообща и в унисон с другими [1]). Не впереди века и даже не с веком наравне шел Достоевский в это время, а как бы догонял его; — так было, по крайней мере, в области общественных вопросов. Но и как художник, он тоже кажется как бы застывшим на одном месте, поскольку он все еще в русле старых своих попыток синтезировать прежние литературные стили: Гоголевски-натуралистический, осложненный элементами сентиментализма с примесью стиля романтического — в «Униженных и Оскорбленных» и даже в «Мертвом Доме» (у Достоевского во всяком случае стиль всегда является вторичным, находится в причинной зависимости от концепций образов героев). И даже сами сюжетные схемы, в которых эти образы развертываются, остаются почти неизмененными (ср. «Униженные и Оскорбленные», «Неточку Незванову» и «Белые ночи», или рассказ «Ларьки» в «Неточке Незвановой» и «Фому Опискина»). Некрасов был по-своему совершенно прав, когда отказался принять в «Современник» «Степанчиково», говоря, что «Достоевский весь уже кончился» [2]).

Выдающийся успех журнала «Время», с первого же года его существования, тем и об'ясняется, что пресса и передовые читатели воспринимали его, как орган, сплачивающий те же ряды, на долю которых выпала честь осуществления идей шестидесятых годов. И почвенниче-

---

[1]) См., например, письмо его к брату от 31 мая 1858 г. из Семипалатинска «о новом романе, который отложил писать до возвращения в Россию»; в нем, — пишет Д. — должен быть выведен характер новый — этот характер вероятно теперь в России в большом ходу, в действительной жизни, особенно теперь, судя по движениям и идеям, которыми все полны (Страхов. Биография... стр. 113, — не подлежит сомнению, что речь идет об «Униженных и Оскорбленных», а не о «Преступлении и Наказании», как думает Ор. Миллер.

[2]) См. Воспоминания Ковалевского — «Встречи на жизненном пути», «Рус. Старина», 1910 г., I, стр. 30—31.

ство его, несмотря на заметный уклон — к началу, по крайней мере, 1863 г.—в сторону православия (см. хотя бы «Зимние заметки о летних впечатлениях») все же ощущается лишь как самостоятельная струя в потоке общего [1]). Оттого ведь и печатались во «Времени» не только Полонский и Островский, один из деятельных сотрудников «Современника», но и сами редакторы его: Щедрин и Некрасов [2]). Правда, уже к концу первого года существования журнала стали появляться в «Современнике» [3]) довольно резкие выпады против «почвы» и, главным образом, против ее неопределенности, но, по существу, отношения от этого у широкого круга читателей в общем мало изменились. В этом смысле положение «Времени» в известной степени было, приблизительно, такое же, как положение Герцена: с ним спорили, порою очень резко; такие, как Чернышевский, старались от него отмежеваться; борьба могла быть тем более упорной, что это был ведь не противник, а друг, и друг опасный [4]).

Повторяем, биографический метод — или вернее — метод психологический, поскольку перед нами эта упрощенная схема: д о и п о с л е к а т о р г и, принуждает к игнорированию жизни и творчества Достоевского за весь период (от 1861 до 1863 г.), проецировать линии непосредственно уже к «Запискам из подполья» и к «Эпохе», пришедшей на смену журналу «Время». Да, «Подполье», в плане идеологическом, действительно является жестокой пародией Достоевского на свои же собственные общественные идеалы, которые вдохновляли его и в годы 40-е, и в годы 60-е, — в начале этих годов, поддерживали дух его и на каторге сознанием исполненного дблга [5]);—воспринимается и эмоционально, как нарочито заостренное издевательство над «сладкими гуманными слезами Шиллера и других великих граждан человечества». В этом смысле идеология «Подполья» сводится в сущности к тому, что князь Валковский из «Униженных и Оскорбленных» вдруг наделяется особенным нравственным пафосом, и дается ему полное право, даже в обязанность вменяется, унижать и оскорблять. А в соответствии с этим, в плане художественном, в смысле намеренного нарушения прежних композиционных приемов, — взять хотя бы то, что сюжетная канва разрывается на мелкие куски, так что в сущности никакого сюжета как бы и нет, а есть только отдельные отрывочные эпизоды, назначение которых чисто иллюстративное по отношению к положе-

---

[1]) См. Страхов «Материалы к биографии», стр. 200, а также стр. 222.

[2]) См. «Время» за 1861 г. Октябрь. Некрасова «Крестьянские дети», за 1862 г. — апрель — сцены Щедрина.

[3]) См. статьи М. Антоновича, «Современник» за 1861 г., декабрь: «О почве, не в агрономическом смысле, а в духе «Времени», а также апрель 1862 г.: «О духе Времени» . . .

[4]) См., наприм., статьи Чернышевского: «Антропологический принцип философии», «Соврем.» 1860, №№ 4 и 5, а также «Соврем.» 1861 г., № 5 «О причинах падения Рима» и № 8 — начало изложения 4-й книги политической экономии Милля. Резкая полемика с Герценом как раз и ведется в плоскости идеологии почвы: о мещанстве Европы и о роли России в будущей мировой истории.

[5]) См. Дневник Писателя — одна из современных фальшей 1873 г. «Гражданин», № 50. Собр. соч. изд. Просв., т. 19, стр. 308.

ниям идеолого-психологического порядка, — это тоже явление, свидетельствующие о коренном перевороте: для художника, пишущего уже два десятка лет, казалось бы, навсегда установившего для себя определенный художественный канон.

Органически цельным воспринимается весь второй период творчества Достоевского. По аналогии с классической драмой можно бы сказать, что это единая великая трагедия в пяти актах, соответственно числу его романов: от «Преступления и Наказания» до «Братьев Карамазовых», пролог же к этой трагедии происходит в «Подполье», основные мотивы которого и будут дальше развертываться: развертываться шире, сюжетно и композиционно — гораздо убедительнее, но вряд ли глубже [1]).

«Подполье» печаталось в первой книге «Эпохи», как «Униженные и Оскорбленные» в первой книге «Времени». Так трижды подчеркивается в фактах конкретных, вместе сплетенных, контрастность между этими двумя частями пятилетия: «Униженные и Оскорбленные» и «Записки из подполья» в плане эстетико-идеологическом: князь Валковский и подпольный человек, как центральные герои этих двух произведений, и журнал «Время» и журнал «Эпоха» — в их целом, как общественно-политические органы (расхождение «Эпохи» с передовой современностью воспринималось уже вполне ясно и остро). И, как «Время» был журнал, настроенный сентиментально, миролюбиво-добродушный и в то же время и, быть может, по этому самому уверенный в своей позиции, так «Эпоха», наоборот, кажется взволнованно неустойчивой, злобной и мрачной.

Нам думается, что период этот должен быть выделен особо: данное пятилетие имеет свой прилив и отлив в своих собственных пределах, и за колебаниями обычного, житейского порядка тоже нужно искать тот остов, который они собою застилают,—иную категорию фактов, где личность, напрягаясь до самой высокой степени, проявляет сущное свое наиболее полно.

Не углубляя своей темы, без ньюансов, как бы намеренно обходя все то, что может вскрыть интимную жизнь Достоевского—так пишет свои воспоминания Страхов, в ту пору один из самых близких друзей его. Мы отчасти знаем, почему это так случилось, знаем, как Страхова впоследствии мучила совесть за то, что он сознательно исказил лик «сатанинский», «беса» превратив в «ангела» [2]). И, после этого

[1]) Эта мысль глубоко и тонко развита в книге Льва Шестова: «Философия трагедии».

[2]) См. письмо Страхова к Л. Н. Толстому от 28/XI—83 г. (Толстовский музей, сбор. I, стр. 307—9), где, между прочим, пишет: «он (Достоевский) был зол, завистлив, развратен и он всю жизнь провел в таких волнениях, которые делали его жалким и делали бы смешным, если бы он не был при этом так зол и так умен... Лица, наиболее на него похожие, — это герой Записок из подполья, Свидригайлов в Прест. и Наказ. и Ставрогин в Бесах... Это был истинно несчастный и дурной человек, который воображал себя счастливцем, героем и нежно любил одного себя... Я мог бы записать и рассказать и эту сторону в Д... Но пусть эта правда погибнет, будем щеголять одною лицевою стороною жизни, как мы это делаем везде и во всем.

на некоторое время, естественно, было взято под подозрение все, что Страхов сообщает о Достоевском. Но Страхов отнюдь не говорил заведомую неправду, вина его в том, что, в узости своей, позволил себе рассказать только половину той правды, которую знал. Нельзя, конечно, полностью конструировать по его материалам личность Достоевского, но достоверным остается тот общий фон, на котором протекала тогда его душевная жизнь, господствующее его настроение в это пятилетие. И здесь мы определенно имеем линию, быстро восходящую, у средины этого периода ее кульминационный пункт, и резкое катастрофическое ее падение, после которого она уж долго не поднимается.

Из десятилетнего небытия воскресший, опять как бы в положении дебютанта, «Дядюшкиным Сном» и «Селом Степанчиковым» отнюдь не поднявший своего имени до прежней высоты, среди далеко обогнавших его сверстников: Гончарова, Тургенева, Толстого и даже Писемского — после того, как он, теснимый крайней нуждою, решился пожертвовать даже «Мертвым Домом», этим самым выигрышным произведением своим, на которое он тогда так много рассчитывал, и поместил первые главы его почти на задворках литературы, в еженедельном журнальчике с музыкальными приложениями: «Русском Мире» Стелловского [1],—Достоевский вдруг снова одерживает победу на всех путях своих, становится фактическим редактором толстого ежемесячника, на второй год своего существования уже имеющего 4.302 подписчика, почти столько же, сколько «Современник», и по праву мечтающего о соперничестве с ним. «Униженные и Оскорбленные», самим Добролюбовым признанные наиболее значительным явлением литературного сезона, уже близко придвигают его к тому месту, которое было занято им когда-то «Бедными Людьми», а «Мертвый дом» окончательно упрочивает за ним это место в ряду лучших писателей того времени. «Мое имя стоит миллионы», — так Достоевский сам оценивал свое значение в тогдашней литературе, в одном разговоре с Страховым. Достоевский часто шутит и шутки его легкие и остроумно-веселые, «каламбурного характера во французском вкусе», так свидетельствует тот же Страхов [2]). И работает он радостно и бодро, «тон большой самоуверенности» в его письмах и разговорах; и к людям какое-то особенное умягченно-сердечное расположение, что ярче всего сказывалось в характере его редакторских устремлений: он обычно сглаживает все острые места, охотнее всего подчеркивая пункты своего сближения с инакомыслящими [3]).

---

[1]) Первые главы «Первые впечатления» напечатаны в № 1, № 3 и № 7 «Русского Мира», от 3, 11 и 25 января 1861 г.; что это не были только отрывки, а предполагалось печатать там все произведение, видно из помещенного нами письма Д. в сборнике «Достоевский» под нашей ред., стр. 363—64.

[2]) См. Страхов «Биография . . .», стр. 221.

[3]) См. там же, стр. 265—вставка в статью Страхова: «Нечто о полемике»— «Вольтер целую жизнь свистел и не без толку и не без последствий (А ведь как сердились на него и именно за свист)» — в похвалу «Современнику», в частности, самому бойкому отделу «Свисток»; см. также стр. 231—234 «Студенческая история» — и отношение к ней редакции «Времени»; то же стр. 225 — об его манере шутить и характере его шуток.

Таково господствующее настроение Достоевского в первую половину исследуемого нами пятилетия. И письмо, которое Страхов приводит, как бы в подтверждение своей характеристики, действительно иллюстрирует большинство этих черт, вместе их комбинируя (письмо из-за границы от 26 июня 1862 г. перед поездкой в Лондон к Герцену)[1]. Достоевский так и начинает это письмо, как большой общественный деятель, стоявший в центре тогдашней общественной мысли, проводить которую призван его журнал. «Не сделано и не сказано — пишет он Страхову, — слишком много, общественное мнение только формируется», и он чувствует всю ответственность лежащей на нем обязанности — «сделать и сказать». Это отражение тех горячих споров, которые должны были часто происходить между ними, Достоевским и Страховым, поскольку Страхов, воспитанный на немецкой философии и тяготеющий к вопросам отвлеченного характера, вначале чуждался того «французского духа», т. е. общественного, каким был проникнут журнал «Время». Впрочем эта тема в письме вскоре обрывается, уступая место впечатлениям, полученным Достоевским от Европы: Парижа, берегов Рейна; особенно подействовали на него виды Рейна («Николай Николаевич. Это действительно чудо . . . что-то будет дальше, как спущусь с Альпов на равнины Италии»). И дальше — настойчивый зов к Страхову — непременно приехать за границу, — занимающий большую половину письма, с точным описанием маршрута, возможных дней и мест встречи; — зов, кончающийся такой легкой шуткой: «ах, кабы нам вместе. Увидим Неаполь, пройдемся по Риму, чего доброго, приласкаем молодую венецианку в гондоле. (А, Николай Николаевич?). Но . . . ничего, ничего, молчание, как говорит в этом же самом случае Поприщин». Страхов тем и завершает этот период, вспоминая особенно светло эти несколько недель, им проведенных вместе с Достоевским во Флоренции, где «прогулки по городу были веселы», а «всего приятнее были вечерние разговоры за стаканом красного местного вина».

У мемуарной литературы, как у всякого литературного вида, есть, конечно, свои традиции. Как ни бледно дарование Страхова, как мемуариста, и как он ни стремился к тому, чтобы казаться об'ективным, некоторые общие приемы, характеризующие этот вид, воспринимаются довольно отчетливо, тем более, что цель-то у него была, — если можно так выразиться, — все же агиографическая: не только рассказать о жизни Достоевского, но в чем-то и убедить читателя, внушить ему определенные эмоции. Мы уже знаем, сколь многим он пожертвовал ради «иконописности» фигуры Достоевского, быть может, сознательно устранял он также и те факты, которые не гармонировали с общим светлым фоном длительной душевной ясности Достоевского в эту пору.

Резко контрастно рисует Страхов второй период этого пятилетия — период «Эпохи», полный самых мрачных настроений, в соответствии с исключительно тяжелыми событиями в жизни Достоевского. Начинается этот период осенью 1863 года, по Страхову в ноябре ме-

[1]) См. «Материалы» Страхова, стр. 240—242.

сяце, с момента возвращения Достоевского из-за границы после второго его путешествия; тогда первая жена его, Мария Дмитриевна, медленно умирает в Москве от чахотки, а он почти все время проводит около ее постели, не работает, сам тоже болен: и «припадки участились». И, чем дальше, тем все хуже, и хуже. Дела «Эпохи» с самого начала пошли скверно: подписчиков набралось мало, книжки, в отсутствие Достоевского, составлялись весьма неряшливо, крайне запаздывали [1]). Мария Дмитриевна умерла в апреле, а в Петербурге ждала его вторая потеря, еще более тяжкая — смерть любимого брата, и, вместе с нею, глубокое мучительное одиночество среди непосильных забот о многочисленной семье брата, оставшейся без всяких средств к жизни; и в связи с журналом, положение которого ухудшалось с каждой новой книгой, пока он не прекратил свое существование: закрылся—не посторонней силой, цензурой, а сам собою. И, как первый период заканчивается у Страхова письмом жизнерадостным Достоевского к нему, так и второй период, период «Эпохи», Страхов тоже дает характеризовать самому Достоевскому: в письме к Врангелю от 31 марта 1865 года. «И вот я остался вдруг один,—пишет ему Достоевский,—и стало мне просто страшно. Вся жизнь переломилась на-двое. В одной половине, которую я перешел, было все, для чего я жил, а в другой, неизвестной еще половине, все чуждое, все новое и ни одного сердца, которое бы могло мне заменить тех обоих (жену и брата). Буквально мне не для чего осталось жить... Стало все вокруг меня холодно и пустынно» [2]).

Так устанавливается по Страхову, приобретая видимость убедительности, связь между сферой эмоциональной Достоевского, поскольку она могла определиться в ту пору откликами его на события личной жизни, деятельным участием в жизни общественной, успехами, им достигнутыми — и двумя периодами этого пятилетия в области художественного творчества.

Так ли это? Не в целях борьбы с психологическим (биографическим) методом будем мы сейчас указывать на иллюзорность этого соответствия, по крайней мере во второй его части. Пафос борьбы с точкой зрения «зеркальности» — будет ли художественное произведение рассматриваться как зеркало, обращенное во вне, в мир окружающий, или внутрь, в душу писателя — мы считаем худым провинциализмом, тем более, что мало-мальски вдумчивый историк литературы знает отчетливо ту грань, которую следует провести между биографическим м е т о д о м и биографическим м а т е р и а л о м: последний так же законен и нужен, как и материал историко-сравнительный в области сюжетов или идеологии. Наша цель здесь — скорее даже обратное— именно указать на тот пробел, который сознательно или бессознательно сделан Страховым: на то, что произошло с Достоевским в те осенние месяцы — сентябрь и октябрь, когда совершается катастрофический перелом в его душевной и духовной жизни, получивший свое оформление в его художественном творчестве.

---

1) Страхов, стр. 271—72.

2) Страхов, стр. 277—83.

Для нас лично пережитое, личный сюжет, своя личная сфера эмоциональности, идеи: философские, религиозные, общественные имеют такое же право на внимание со стороны исследователя, как и материал художественный, заимствованный из беспредельно широкой области отечественной или мировой литературы. Преодоленной кажется нам в своей наивной элементарности школа заимствования: по крайней мере, в плоскости изучения индивидуального творчества сходство мотивов или сюжетов само по себе не имеет никакой ценности, пока не будет точного и ясного определения места и роли данного заимствованного элемента в композиционном целом, не будет указан характер и способы его оформления [1]).

Точно также и здесь с материалом биографическим: не то, например, важно, что одна из Раевских или одна из Осиповых послужила моделью для Татьяны Лариной, а важно — как была использована эта модель; что было взято из нее и почему именно это, а не то; какие эстетико-телеологические принципы руководили, положим, Толстым при выборе или отборе некоторых черт Татьяны Берс и Софии Андреевны, когда создавался образ Наташи: в связи с общей композицией «Войны и Мира». И здесь требуется вся полнота и вся тщательность знания модели, всесторонняя конкретизация каждого события из жизни художника, поскольку оно могло стать элементом, преобразованным в его творческом акте.

И вот в нашем случае, у Страхова, отсутствует именно эта детализация — это прежде всего, а затем, как уже было указано, иллюзорным является и самое соответствие между сферой эмоциональной Достоевского, поскольку она определялась этими горестными событиями в его жизни, — и новыми его художественными концепциями. Вспомним, что смерть любимого брата и единственного верного друга его, «опоры жизни», случилась 10 июня 1864 г. Смерть же первой жены, о последних днях которой Достоевский писал тоном поразительно холодным, чаще постольку, поскольку ее болезнь и длительная агония приковывали его к одному месту и мешали работать, — если даже и допустить, что тон этот отчасти определялся отношением к его первой жене брата, который не любил ее, или самым характером переписки: деловой, в связи с начинающейся «Эпохой», — но и эта смерть тоже произошла уже в 1864 году 16 апреля. Между тем, «Записки из подполья» — этот «цинический» манифест о полном разрыве с прошлым, действительно говорящий о некоем «втором рождении», о совершенно иной эмоциональной окраске сферы психической, — должны быть отодвинуты от этих двух потерь назад как можно дальше, замысел их первоначальный, во всяком случае, восходит к последним месяцам предыдущего, 1863 года.

Вот что мы читаем в письме Достоевского к брату от 9-го февраля 1864 г.: «не скрою от тебя, что и писание мое худо шло. Повесть вдруг мне начала не нравиться . . . Никогда не прощу себе, что раньше

---

[1]) См. нашу работу: «Тургенев и Чехов», сборн. «Творческий путь Тургенева», под. ред. Н. Бродского.

не успел кончить. Вся-то повесть дрянь, да и та не поспела: это значит записался. И вышло не то. Мнителен я ужасно стал» [1]). Здесь ясно, что речь идет о повести для первой книжки «Эпохи», т. е. о «Записках из подполья», и ясно, что замысел и точный план, черновые наброски, если не первая редакция целиком, были уже готовы в январе месяце. Правда, мы знаем еще об одном художественном замысле, определенно восходящем к сентябрю прошлого года, об «Игроке». Но не подлежит сомнению, что последний замысел, как более сложный в сюжетном отношении, заранее предполагавший сложную, многообразную художественную концепцию с участием в ней нескольких главных героев, должен был уступить место замыслу художественно более простому, позволявшему писать от себя, не тратя особенного труда на самый процесс об'ективации. Тем более, что у нас нет никаких следов колебаний между двумя художественными концепциями за это время; и дальше, и в других письмах, под повестью, ни разу не названной, Достоевский разумеет именно «Записки из подполья». Так, в письме от 2-го апреля, после того, как первая часть «Записок» была уже напечатана [2]), он снова пишет о них брату: «С повестью горе. Повесть растягивается. Иногда мечтается мне, что будет дрянь, но, однакож, я пишу с жаром; не знаю, что выйдет». Через неделю, в письме от 9-го апреля оценка получается более устойчивая, тон становится уверенным: «я не знаю, что будет, — может быть дрянь, но я-то лично сильно на нее надеюсь. Будет вещь сильная и откровенная; будет правда. Хоть и дурно будет, пожалуй, но эффект произведет. Я знаю. А, может быть, — прибавляет он дальше, — и очень хорошо будет». То же самое и в письме от 13-го апреля: «повесть растягивается; очень может быть, что выйдет эффектно, работаю я из всех сил, но медленно подвигаюсь» [3]). Мы видим здесь обычное отношение Достоевского, в процессе осуществления, к каждому новому замыслу своему, на который он смотрит как на самый главный, единственно важный, поскольку все предшествующее творчество являет как бы ступени, уже преодоленные. Но эта поглощенность данным творческим моментом, придавание новой обнаруживающейся грани исключительного значения, достигает здесь особой остроты. Так тревожился Достоевский разве только перед «Бесами», когда тоже заранее представлял себе — как будет читатель ошеломлен необычностью его концепции и в смысле идеологическом и в художественном отношении [4]). И в таких случаях особенно сложна его работа, характер которой в сущности никогда почти не соответствовал легенде, им самим о себе созданной: что, подгоняемый нуждой, он будто бы своих произведений не отделывал, писал последующие главы, когда первые уже набирались. За последнее время достаточно накопилось материала, чтобы утверждать как раз обрат-

---

[1]) Страхов — стр. 141.

[2]) См. I кн. «Эпохи», вышла в начале апреля 1864 г.

[3]) Страхов, 151—153.

[4]) См. Письма к Майкову. Страхов, 231; также сборник «Достоевский», под ред. Долинина, стр. 438.

ное [1]). И чем дальше мы будем отодвигать момент генетический и первоначальные стадии осуществления художественного замысла от момента последнего завершения, тем ближе мы будем к истине.

Поэтому самому, быть может, есть даже основание думать, что именно это произведение: «Записки из подполья», разумеет он в своем письме к брату по возвращении из-за границы, от 19-го ноября 1863 г., когда пишет ему, что хлопоты не дают ни капли времени писать [2]). Во всяком случае, только один художественный замысел, — сказали мы выше,—мог бы еще спорить здесь с «Подпольем»—это «Игрок», который действительно был задуман в сентябре. Но, если бы даже это так и было, то тем характернее и показательнее для нас первоначальный план «Игрока», тот остов, который Достоевский передал Страхову, очевидно, немедленно же по его возникновении. «Мертвый дом» предносится перед Достоевским, в частности самая страшная картина оттуда — «каторжная баня», когда он рассказывает Страхову о том впечатлении, которое надеется произвести на читателя «Игроком» [3]). Так предуказывается самим Достоевским тот эмоциональный фон, на котором предстали перед ним впервые образы «Игрока» в их первичном сцеплении, в первой зачаточной стадии только что прояснившейся концепции целого.

Мы отодвигаем замыслы обоих произведений: «Игрока» и «Записок из подполья» к осенним месяцам 1863 г., ко времени пребывания Достоевского еще за границей. Та эмоциональная сфера, которая их питала, не определялась и в малой степени этими личными переживаниями в связи со смертью жены или брата и последовавшими за тем другими печальными событиями в его жизни.

Но может быть перемена в его душевном состоянии началась с момента прекращения «Времени»? Не воспринял ли это Достоевский как удар по недавно сколоченному благополучию, и стала очевидной его непрочность? Мы ставим этот вопрос пока в плоскости исключительно биографической, заранее предвидя почти полную невозможность проецирования подобного рода переживаний в сфере художественного творчества, за отсутствием данных для более детального их воспроизведения. Но, повторяем — принципиально исследователь и не только с точки зрения психологии творчества, но и историк литературы должен учесть всю психическую обстановку данного творческого акта. Мы не можем заранее указать, какие именно элементы и из какой сферы вошли в качестве материала отдельных мотивов в анализируемую художественную концепцию. Здесь для нас важно хотя бы и самое общее решение вопроса.

Что мы можем и что должны мы отнести на долю этого факта — прекращения журнала—в изменившемся душевном состоянии Достоев-

---

[1]) См., напр., Свиток № 1 План «Бесов»; варианты «Кроткой» в настоящем сборнике, многочисленные варианты «Бесов», «Пр. и наказ.», «Идиот», и т. д., хранятся в Центрархиве и Историческом Музее в Москве.

[2]) Страхов, стр. 266—267.

[3]) Там же, стр. 261.

ского? Страхов категорически утверждает, что «из членов редакции по этому случаю никто не унывал и все готовы были смотреть на это происшествие только как на один из крупных случаев обыкновенных литературных превратностей». «Патриотическая» совесть была достаточно чиста как у Страхова, автора «Рокового вопроса», так и у других членов редакции — журнала, хоть и не славянофильского, но уже, во всяком случае, не западнического; и были все основания смотреть на эту историю, как на простое недоразумение, которое должно же в конце концов рассеяться. А пока, — говорит дальше Страхов — история имела даже и свою выгодную сторону, так как «гром, который поднялся в литературных кружках и в обществе», должен был способствовать еще более «распространению нашей известности в публике» [1]).

Конец мая и весь июнь было время не столько тревожное, сколько хлопотливое. Цензура растерялась и не разрешила Достоевскому напечатать в газете ответ «Московским Ведомостям» в раз'яснение истинного смысла инкриминируемой статьи. Лишь в первых числах июля вышла майская книжка «Русского Вестника» с заметкой: «по поводу статьи «Роковой вопрос», в которой «решительно утверждалась и доказывалась невинность Страхова, и тем самым и журнала «Время». Так улеглась буря; будущее не беспокоило — журнал вновь разрешат, редакция и ближайшие сотрудники «рассчитывали, что и вперед успеют еще десять раз поднять его и добиться еще лучших результатов» (Страхов, материалы, стр. 252). Из письма Страхова от 18/IX 63 г. видно, что особенно тревожиться не приходится за будущее журнала, там происшествие продолжает занимать Страхова все еще с «моральной» стороны, а ведь он, главный виновник, пишет тому, кто больше других должен был тревожиться за судьбу журнала. И, действительно, из письма Достоевского к брату от 13 ноября мы узнаем, что разрешение на возобновление журнала уже обещано (очевидно цензурой), не решен еще только вопрос о названии: старое ли: «Время» или «Правда». Цензурный комитет в частных, но полуофициальных разговорах с М. М. Достоевским, очевидно, настаивал на новом названии [2]) И Достоевскому кажется, что «Правда» даже лучше, и эффект может произвести еще больший, чем возобновленное «Время». Возобновление журнала казалось, повидимому, столь возможным и близким, что Достоевский считает нужным распространяться о таких деталях, как «обертка, которая «должна напомнить «Время», или об'явление на 1-й странице, где должно быть напечатано: «Время требует правду и вызывает на свет «Правду». Сам он думает написать передовую статью и еще статью критическую на «романы Чернышевского и Писемского — обоим по носу, значит, правда». На эту работу он думает потратить всего две недели [3]).

Повторяем, очевидно с журналом обстояло вполне благополучно по крайней мере в первые шесть месяцев после его закрытия. Все про-

---

[1]) Страхов, стр. 255.

[2]) См. ниже: «К цензур. ист. журналов Дост.», а также «Письма Дост. к Тургеневу».

[3]) Страхов, стр. 266.

шествие воспринималось, после первых дней волнения, достаточно спокойно, ближайшее будущее не внушало никаких особенных тревог.

А, между тем, какая-то тревога в душе Достоевского была, выросла она внезапно большая и, не подлежит сомнению, в связи с какими-то очень тяжелыми переживаниями личного характера. 18 сентября 1863 г. Достоевский тоже пишет Страхову письмо, одно из тех, которые обычно называют деловыми. За исключением двух, мельком затронутых тем — о римских впечатлениях (письмо из Рима) и о славянофилах — каждая в несколько строк в виде приписки на 1-й и на 2-й странице, все письмо в четверть печатного листа посвящено исключительно просьбе о деньгах и настойчивым указаниям, как их раздобыть. Но нечто гораздо более серьезное, чем материальная нужда, воспринимается за этой просьбой, «излагаемой с волнением и настойчивостью, с повторениями, подробными пояснениями и вариациями».

Точно Достоевский весь поглощен какими-то особенными, внезапно пришедшими переживаниями, очень тяжелыми, и, в связи с ними, и стала так остро ощутимой эта материальная нужда. Четыре раза повторяется его просьба исключительно настойчиво и каждый раз как бы невольно вырываются намеки на какие-то таинственные обстоятельства: «Вы, буквально, спасете меня от многого до невероятности неприятного» . . . «Я пропал . . . у меня есть и другие обстоятельства . . . Я буквально пропал» . . . «Вы не знаете всех моих обстоятельств; а мне слишком долго их теперь описывать» . . . И, в последний раз: «вверяю вам себя и почти судьбу мою. Так это для меня важно. Может быть, я вам потом расскажу. Но теперь умоляю вас»... Так нагнетательно нарастают его вопли, ведущие нас к какому-то запутанному узлу неведомых нам обстоятельств и переживаний. Здесь-то и дается впервые план «Игрока», как уже было указано нами, на фоне, подчеркнуто мрачном, ассоциативно напоминающем сцену каторжной бани из «Мертвого Дома». И, характерно — запомним это — передается Страхову не сюжет, а образы героев, преимущественно же — обстановка; фабула как бы намеренно умалчивается. Он готов продать «Игрока», хоть в газеты, хоть в «Якорь», хоть — во всякий другой журнал — в «Библиотеку для чтения», в «Современник». Готов претерпеть всякие унижения, лишь бы выйти как-нибудь из этого мучительного состояния, в котором сейчас находится (Страхов, материалы, стр. 259—263).

Страхов об'ясняет это письмо тем, что Достоевский «проигрался». Страхов помнит, что «взял он с собою достаточно денег для поездки», л. если-б не «рулетка», то он мог бы спокойно докончить свое путешествие. Но при таком об'яснении не совсем понятно, почему Достоевский остается в Италии еще целых две недели и не в одном месте, в ожидании денег из России, а путешествует из Рима в Неаполь, из Неаполя в Турин во второй раз и т. д. Но больше всего—повторяем—убеждает самый тон его письма, необычно тревожный, и те таинственные намеки на какие-то обстоятельства, о которых он сейчас не может говорить.

Мы подходим к основной теме нашего очерка. Не имеем ли мы здесь отражение той сложной и, повидимому, весьма мучительно-переживавшейся им тогда личной драмы, которая выпала на его долю именно в это время, в осень 1863 года? Август и сентябрь как раз—месяцы ее апогея [1]).

II.

В не так давно опубликованной биографии Достоевского [2]), составленной его дочерью, в главе седьмой, рассказан один эпизод из его жизни, имеющий непосредственное отношение к нашей теме. Не будь у нас тех документальных данных, на основании которых мы в дальнейшем будем строить наш очерк, этот рассказ Достоевской казался бы нам плодом не совсем уравновешенной фантазии, перестраивающей явления окружающего мира в цепь занимательно-эффектных приключений. Трудно, в сущности, указать еще на одну такого рода работу в мемуарной литературе, которая внушала бы к себе так мало доверия, как эта книга, написанная дочерью, яко бы благоговеющей перед памятью своего великого отца. Достаточно указать хотя бы на то, что в большей части своей книга представляет собою компиляцию плохую, небрежную, из материалов Страхова и кое-каких наиболее популярных воспоминаний; факты в ней перепутаны, хронология местами явно ложная, ради посторонних — публицистических ли, узко-семейных целей — намеренно искажается облик самого Достоевского, в еще большей степени — образы спутников его жизни, в особенности первого периода, до встречи с ее матерью Анной Григорьевной; с особенной осторожностью, заранее скептически настроенный, относишься и к тем главам, в которых она рассказывает о доселе неизвестном, на основании ли быть может семейных традиций или данных из семейного архива. Здесь, повторяем, очевидно, во многом виновато именно то, что она романистка, и строит она биографию отца своего преимущественно сюжетно и, повидимому, согласно привычному для нее штампу. Она располагает события по схеме, созданной ее нездоровым воображением; где фактов недостаточно, она дополняет их вымыслами; свой стиль, свои приемы, которыми она пользуется в своих художественных произведениях, применяет и здесь; повествование течет гладко и поверхностно, соответственно интриге, развивающейся с той же легкостью, как и в ее великосветских повестях, где главной целью является занимательность.

Эти черты особенно ярко проявляются в интересующей нас седьмой главе, сюжетно и психологически тесно связанной с предшествую-

---

[1]) Мы оговариваемся заранее: вопрос этот ставим, воздерживаясь от категорического утверждения правильности нашей гипотезы по двум причинам: вопервых — и это элементарно — пока биография изучена еще очень плохо, не может быть никакой уверенности, что именно данный узел переживаний в этот период является центральным, а во-вторых: роль Достоевского в этой драме, за отсутствием достаточного материала, от него исходящего, в нашем очерке может быть обрисована преимущественно посредственно: в передаче чужого, да еще человека, в большой мере лично заинтересованного.

[2]) См. «Достоевский в изображениях его дочери», под ред. и с пред. А. Г. Горнфельда.

щей главой, — шестой, в которой рассказывается о первой жене Достоевского, Марии Дмитриевне Исаевой.

Мы знаем, что брак этот был несчастный; Достоевский сам говорит об этом в письме к Врангелю, через год после ее смерти: «Мы положительно были несчастны вместе» [1]; здесь есть какая-то тяжелая тайна, и ее тщательно оберегает от любопытства посторонних и Страхов, который, быть может, кое-что знал о ней. Почему-то говорит о Марьи Дмитриевне и о семейной жизни Достоевского в Сибири очень сдержанно и Врангель; почему-то в памяти Страхова осталось одно только мимолетное впечатление об ее наружности [2]) и все, что рассказывает он о Достоевском за все эти годы до смерти ее, протекает как бы вне семейной обстановки и быта; точно они все эти годы действительно жили большей частью врозь. Брат Михаил ее не любит; она тоже всегда считала его своим врагом. И как-то по особенному холодно — что уже было отмечено—говорит об ее предсмертных страданиях и сам Достоевский. Но когда дочь рисует ее в этой шестой главе, как женщину — «демоническую», в высшей степени мстительную, злую и порочную, рассказывая о том, как она накануне венчания проводит ночь со своим возлюбленным, ничтожным, но красивым домашним учителем и всюду тащит его за собой — из Кузнецка в Семипалатинск, оттуда в Тверь, пока болезнь не изуродовала ее физически, все время вместе с ним обманывая Достоевского, — то весь этот рассказ дочери воспринимаешь прежде всего, как осквернение памяти отца же, потому что сам Достоевский особенно настойчиво подчеркивает честность и чистоту Марии Дмитриевны, как бы силится тень ее оставить потомству незапятнанной. Это отсутствие такта самого элементарного производит впечатление гнетущее. На исследователе часто лежит тяжелая обязанность говорить правду до конца. Но, если-б она писала исследование об'ективное об отце!—Слова и тон были бы тогда другие. Здесь же напрашивается слово «хамство» в подлинном его значении, восходящем к известному библейскому сюжету: из под внешнего слоя культуры (чистые ногти и галстуки—ее идеал европейца) обнажается оно, это хамство, проявляясь как в нелепой ее тенденции, упорно проводимой по всей книге, представлять непременно Достоевского, как человека не русского, на том основании, что ногти у него чистые и галстук завязывает как Литвин, и порядок любит,—так и в этой бешеной ненависти к первой жене.

Но можно ли отвергнуть эту 6-ю главу целиком? Считать ее действительно бредом расстроенной фантазии? Отдаленно вспоминается ситуация трех главных действующих лиц в сюжетном сплетении «Униженных и Оскорбленных» — Ивана Петровича, Наташи и Алеши. Биографические элементы в этом романе простираются, быть может, не только на известный эпизод с «Бедными Людьми», рассказанный потом самим Достоевским в «Дневнике Писателя» [3]) и на критика Б. (Бе-

[1]) Страхов, стр. 278.

[2]) Страхов, стр. 171.

[3]) Дневн. писат. за 1877 г. — янв. — «Старые воспоминан.», изд. Просв., т. 21, стр. 20—32.

линского), но и дальше, захватывая некоторые моменты и из Семипалатинской его жизни.

Внешний облик Наташи безусловно сходен чертами своими с обликом Марии Дмитриевны, каким его рисует Врангель в своих «воспоминаниях» [1]) и как мельком набросал его Страхов [2]). Отношение Достоевского к учителю В., бывшему жениху Марии Дмитриевны, его заботы о ней, любимой, но любящей другого, настойчивые письма к Врангелю с просьбой ускорить свои хлопоты о назначении ей пенсии и об отыскании для него, для этого учителя, какой-нибудь службы, и тогда они, — Исаева и этот учитель, без страха за будущее, скорее повенчаются [3]), — все эти мотивы в иной, конечно, плоскости и в иной ситуации, — вернее основа их; отказ от своего счастья ради нее, любимой, это стремление стушеваться перед своим соперником, лишь бы она была счастлива,—являются ведь психологической основой и «Униженных и Оскорбленных».

Отношения Марии Дмитриевны к учителю В., быть может, были гораздо более интимны, чем это рисуется по глухим намекам Достоевского в письме к Врангелю. Но была ли здесь измена с ее стороны? Переработан ли личный сюжет в полную свою противоположность в концепции романа, и муки ревности и чувство неисправимой обиды были властно заглушены художнической волей, чтобы получился почти апофеоз любви самоотверженной, идеально-небесной? Или знал Достоевский и простил с самого начала это ее искреннее увлечение, не было измены, а было только заблуждение, которое вскоре рассеялось. А, может быть, и третье: путь художественный и путь жизненный, взаимно переплетаясь, сближались моментами и вновь расходились; в душе была неустанная борьба — хотелось простить, казалось иногда, что простил; а страсти не унимались и вставали злые чувства к ней — это в плоскости душевной. В романе же воплощена только одна сторона его борений, победа «добра над злом», «духа над плотью». Правдоподобно скорее всего третье. Из рассказа дочери становится тогда достоверным самый факт близости Марии Дмитриевны с этим учителем В. и неутихающая боль Достоевского, неустанно ревновавшего ее к ее прошлому.

Мы останавливаемся на этой шестой главе биографии, написанной дочерью Достоевского, потому, что вполне правдоподобной кажется нам та психологическая связь, которую она проводит между первым несчастливым браком и «любовной историей», рассказанной ею в главе седь-

---

[1]) См. Воспомин. Врангеля (стр. 38): «блондинка, очень худощавая, натура страстная и экзальтированная, зловещий румянец играл на ее бледном лице»; «Униж. и Оскорбл.»: «впалые бледные щеки, губы, запекшиеся как в лихорадке и глаза сверкающие... горячечным огнем и какой-то страстной решимостью». Собр. соч., изд. Просв., т. 7, стр. 49) — так нарисован в первый раз облик Наташи.

[2]) То же. Страхов, стр. 171: «бледная, нежные черты лица; черты неправильны и мелки; расположение к болезни, которая свела ее в могилу».

[3]) См. Воспомин. Врангеля, стр. 134—5: «на коленях готов за него (за учителя) просить. Теперь он мне дороже брата родного, не грешно просить, он того стоит,.. Ради Бога, сделайте хотя что-нибудь—подумайте и будете мне братом родным»; см. там же, стр. 155—56.

мой. Психологическая связь существует между этими двумя эпизодами не в том смысле, как она, дочь, понимает ее: спасаясь от первого обмана, Достоевский поддался обману, не менее грубому, со стороны женщины, в сущности такой же хитрой и скверной, — а связь в том отношении, что не одолеть ему было это мучительное прошлое первой жены, не унять муки ревности, и жаждала душа целомудренной чистоты и свежести существа молодого, еще нетронутого жизнью [1]).

Краски, которыми дочь рисует героиню этой «любовной истории», не менее черны, чем те, которыми рассказана история первого брака. Здесь ненависть, быть может, как к предмету ревности матери своей [2]), сочетается с ее примитивными политическими взглядами, сложившимися в среде великосветского общества, окружавшего ее в годы молодости. «Полина» — так называет она героиню 7-й главы — является в ее рассказе «вечной студенткой», которая в своем увлечении модной тогда «свободной любовью» переходила, служа Венере, от одного студента к другому, думая, что таким способом служит европейской цивилизации [3]).

Мы увидим ниже, что эта лубочная стилизация под кн. Мещерского не заключает в себе и доли истины. Из этой «биографии» героини примем только два факта: один, как вполне вероятный, что она была студентка, а второй, как факт достоверный, но предстать он должен в иной окраске: идея эмансипации женщины, как увидим ниже, действительно увлекала ее и в сфере преимущественно вопросов семьи и брака. Дочь говорит, что Полина первая написала Достоевскому объяснение в любви, письмо было наивное, поэтическое; это тоже правдоподобно, условностями, как мы дальше увидим, она своей воли не уродовала, чувству своему отдавалась полностью и беззаботно. Но абсолютной неправдой, плодом ее своеобразной стилизации под тон своих романов, является, конечно, то оправдание, в сущности обвинение, которое она, дочь, придумывает для Достоевского, говоря, что хоть и знал он, что «врачи приговорили Марию Дмитриевну, и он может через несколько месяцев жениться на Полине», но у него «не хватило сил ожидать и отказаться от этой молодой любви, отдававшейся ему свободно» . . . Марья Дмитриевна умерла в начале 1864 года, приблизительно, за два года до ее смерти началась эта драма с Полиной, и апогея своего достигла во второй половине 1863 года.

Точно забывая, что героем рассказа является ее отец, дочь развертывает и в дальнейшем свой сюжет в стиле того же пошлого бульварного романа: «влюбленные решили провести медовый месяц за границей»; «как безумный поскакал туда . . . за ней, в Париж». И т. д. и т. д. Близкие отношения, как будет дальше доказано, установились между ними еще в Петербурге, и радостна была для Достоевского эта

---

[1]) См. этот настойчивый мотив у него в образе Свидригайлова, в «Вечном Муже», «Кроткой» и др.

[2]) Дневник А. Г. стр. 28, 41, 48, и др.; изд. «Нов. Москва» 1923 г.

[3]) См. «Достоевск. в изображ. дочери», стр. 34.

любовь и беззаветная преданность — этой молодой и одаренной девушки.

И еще больше перемешана в биографии дочери правда с ложью, и лживыми оказываются не только тон ее фривольный, та специфическая окраска пошлости, которой проникнуто все ее повествование, но и самые факты, ею сообщаемые, и связь событий — в сети хронологической. Она пишет так: «когда он убедился, в Париже, куда он приехал вслед за Полиной, что она его не любит, он покорился своей участи, уехал из Парижа в Лондон для свидания с Герценом, а затем вернулся в Россию». С Герценом Достоевский виделся в 1862 году, и из Лондона он вернулся не в Россию, а в Париж, оттуда поехал в Швейцарию и Италию, совершая этот путь вместе со Страховым. Полина же в это время была в России. Из дальнейшего рассказа дочери окажется достоверным только то, что они действительно путешествовали вместе, но уже в следующем 1863 году. Разрыв произошел между ними не тогда, во время путешествия, и не в связи с романом «Преступление и Наказание», после которого будто бы померкла слава Достоевского, так как студенты, в лице Раскольникова, увидели себе оскорбление: роман стал печататься в 1866 г., ровно через два с половиной года после этого путешествия. Разрыв если и произошел, то, приблизительно, в конце 1863 г.и по причинам гораздо более глубоким, корень которых был в самом характере их отношений. Но об этом после.

Так тонут частицы правды в скверном и в основе лживом биографическом повествовании дочери. Так грубо вульгарно искажает она намеренно облики спутниц жизни отца своего до встречи с ее матерью, Анной Григорьевной Достоевской.

Рассважем этот эпизод, полный драматизма, быть может, в самом деле оставивший большой след в жизни и творчестве Достоевского, — по данным имеющимся в нашем распоряжении и, прежде всего, на основании дневника самой героини этого личного сюжета Д.

Кто же она такая — Полина N?

III.

Она дочь крестьянина, бывшего крепостного графа Шереметева, родом из села Панина Горбатовского уезда Нижегородской губернии. Ее зовут Аполлинарией Прокофьевной Сусловой, и родилась она в 1840 г. Отец, повидимому, был человек незаурядный, крепкого закала, умный и энергичный; по всей вероятности, еще до освобождения крестьян, вышел он на волю, оставаясь на службе у Шереметева же и занимая у него ответственные должности. В начале 60-х годов он управляет всеми его имениями и делами, живет постоянно в Петербурге и дети его учатся в высших учебных заведениях. В конце 60-х годов он уже самостоятельный купец и имеет собственную фабрику в Иваново-Вознесенске.

Энергией и стойкостью, этим специфическим мужицким закалом и упорством отличались, повидимому, и дети его — их было трое: две

дочери и сын; — особенно младшая дочь — Надежда Прокофьевна Суслова, в конце 60-х годов уже известная, как первая в России женщина-врач, учившаяся в Цюрихском университете, где и получила звание доктора медицины, защитив блестяще диссертацию, весьма ценную в научном отношении («К изучению о лимфатических сердцах»)[1].

В более узкой сфере, в сфере сугубо личных вопросов и переживаний, протекала преимущественно жизнь нашей героини. Два больших человека — Достоевский и в известном отношении ему конгениальный В. В. Розанов — так близко к ней подошедшие, имели должно быть свои основания, чтобы оставить под густым покровом тайны ту роль, которую она играла в их жизни, и даже отраженно она до сих пор еще никого не интересовала, и никто не собирал сведений о ней. Как протекало ее детство, в каких условиях складывался характер? Как увидим ниже, даны ей были от природы силы незаурядные; под влиянием каких-то причин, с самого начала стали получать они неправильные толчки, и потом, в течение долгого времени, тратила она их неразумно, бесплодно, в неустанных скитаниях своей неуравновешенной натуры, в поисках за идеалом: в образе ли человека или в виде какой-нибудь всепоглощающей идейной работы.

Женское движение в России когда-то окружало ореолом борца сестру ее, Надежду Прокофьевну, и есть о ней несколько биографий[2]. В годы отрочества она училась в одном частном пансионе в Москве (на Тверской ул., г-жи Гениккау); там,—как рассказывает ее биография,— главное внимание обращали на новые языки — немецкий и французский, общеобразовательные же предметы были поставлены плохо. Не в этом ли пансионе воспитывалась и Аполлинария Прокофьевна? В одном из ее рассказов (она писательница и печаталась в журналах Достоевского), где подробно прослежена жизнь героини с самых ранних ее лет, — уделяется исключительное внимание той школьной обстановке, в которой героиня росла, одинокая, замкнутая, никем непонятая. Это тоже женский закрытый пансион, и автор очень подробно, вводя множество таких тончайших деталей, какие может знать только тот, кто сам жил в такой обстановке, — рисует его быт; а пишет Суслова, как убедимся мы дальше, почти всегда с себя, ее женские образы большей частью воплощают ее собственные черты характера, эпизоды из ее личной биографии об'ективируются ею в художественные сюжеты.

В начале 60-х годов, — как сказано было выше, — семья Сусловых живет в Петербурге. Надежда Прокофьевна,—рассказывает дальше

---

[1]) Диссертация на степень доктора медицины (представлена в Цюрих. Универ.; вышла в Петербурге в 1868 г.): «Прибавление к физиологии лимфатических сердец».

Ее же: рецензия на книгу М. Манасеенной — О воспитании детей: Арх. Суд. Медицины, 1870, № 4.

См. о Н. Сусловой «Женский Вестник», 1867 г., № 8, журнал «Моды и новости», 67 г., № 14; еще Л. Ф. Змеев: «Русские врачи-писатели, Пет. 68 г.

[2]) См., напр., 1-й женский календарь за 1901 г.; еще «Русская медицина», № 37—37, 1898 г. — Родзевич.

ее биограф, — посещает публичные лекции в университете, по всей вероятности, популярных тогда профессоров: Костомарова, Стасюлевича, Спасовича и Соколова (по химии). Вместе с нею, быть может, ходила на эти лекции и Аполлинария Прокофьевна. В русле тогдашних освободительных идей, особенно восприимчивые к ним, благодаря своему демократическому происхождению, одаренные, энергичные и темпераментом пылкие, они обе могли играть довольно заметную роль в среде студенческой молодежи; вместе с нею, надо полагать, увлекаются и выступлениями известных писателей, среди которых Достоевский у части молодежи мог пользоваться особенным вниманием, окруженный ореолом страдальца-борца, каторгой поплатившегося за свои политические убеждения.

А перерождение убеждений еще ведь не наступило, во всяком случае, открыто еще не обнаружилось. И если оно и было или подготовлялось уже, нарастало, — Достоевский, по каким бы то ни было соображениям, выставлять это на вид не торопился. Он знал, что молодежь его встречала, как бывшего каторжника, временами, быть может, ему было совестно. и все же выступал в этой роли.

Обе сестры пробуют свои силы на поприще литературном. Надежда Прокофьевна печатается в «Современнике» [1]), героиня наша — как было уже сказано — во «Времени» у Достоевского. Первая, повидимому, вскоре сознает скромные размеры своих художественных сил и в согласии с веянием эпохи переносит свои увлечения в область естественных наук, в частности, — медицины; вторая, Аполлинария Прокофьевна, на долгие годы, если не на всю жизнь, остается в положении все еще как бы начинающей и сомневающейся в своем даровании писательницы, нередко, как увидим дальше, мерами не совсем обычными расширяющей пределы своего жизненного опыта и порою кажется — не с целью ли воплощения его в своих художественных произведениях?

Нашу героиню занимают в известной степени вопросы общественно-политического характера. Так, позднее, в дневнике ее, хоть и посвящается он преимущественно интересам и переживаниям очень интимным, изредка заносятся рзаговоры на темы политические, мелькают мысли, свидетельствующие о хорошем ее знакомстве с произведениями Герцена, б. м., и Прудона, а в маленькой записной ее книжке, — такая тоже сохранилась, — имеется целый ряд имен публицистов, политико-экономов и историков, которых она читала или должна прочитать. Сюда, пожалуй, нужно отнести и тот факт, что в 1870 г. в ее переводе вышла книга «Жизнь Франклина» — М. Минье [2]). Ниже мы увидим, что III отделение считало ее в «партии нигилистов», в ее руках были прокламации «Великоросса»; одно время состояла распорядительницей воскресной школы при Михайл. Артиллер. Академии; воскресные школы в на-

---

[1]) См. «Современник», 1864 г., № 9 — рассказ «Чудная»; там же № 8: «Рассказ в письмах».

[2]) «Жизнь Франклина», М. Минье, перевод с последнего французск. изд. М., 1870.

чале 60-х годов — это первые очаги революционной деятельности радикально-социалистической молодежи. Было ей близко крестьянское движение, вернее так: мужика, с его исторически сложившимися невзгодами, конкретно, «по крови», воспринимала она; откликалась чутко, если судить по ее переписке, на такие события в России, как арест Чернышевского, расправа с поляками и т. п. В круг ее близких знакомых в Париже входят такие яркие представители радикальной эмигрантской молодежи, как Утин, Лугинин, Усов, Алхазов, Николадзе и др. Одно время сближается она со второй семьею Герцена и переписывается с Тучковой-Огаровой. И все же: это обрисовывает больше известную ее настроенность, политическую атмосферу, в которой она пребывала; активным политическим деятелем она не сделалась.

Только одна идея из идей века, действительно, захватывает ее целиком, становится ее собственной идеей, определяя собою в известной степени все своеобразие истории ее жизни — это вопрос об эмансипации женщины, в то время смело и ярко поставленный в обществе и в литературе [1]). И уже теперь, когда только что начинает завязываться сложно запутанный узел отношений к ней Достоевского — в 1861 г. — этой идеей она заполнена, и она сразу делается пафосом ее художественных писаний.

В хоре публицистов и полухудожников, тогда столь много и поэтически писавших на эту жгучую тему, вплоть до романа «Что делать», — звучит и ее несильный голос. И—заметим сейчас же эту особенность — звучит как-то исключительно заунывно, без тени того молодого задора, который, независимо от темы или сюжета, все же чувствовался у большинства переживавших эту раннюю весну русской гражданственности начала 60-х годов.

Так начинает она, за подписью А. С—вой, в пятой книжке журнала Достоевского «Время» (запомним, что на книге цензурная пометка — 1-е сентября 1861 г.) свою литературную деятельность рассказом «Покуда» [2]). Рассказ типичен и со стороны сюжетной и проводимой в нем тенденции. Героиня — обычное центральное лицо сюжета у писателей, проповедывавших идею эмансипации женщины, — девушка, «ищущая», жизнью неудовлетворенная, изнывающая под гнетом

---

[1]) См. «Современник», 1857 г., т. 63, «Жалоба женщины» г-жи А.; там же 1858 г., т. 58: «Отголосок на жалобу женщины» ... В ... я; см. еще полемику по поводу «Накануне»; статью Евгении Тур, Моск. Вед., 1860 г., № 85; еще «Современник», 1860 г., т. 84, см. М. Михайлова о взглядах Милля на эмансипацию; его же — «Совр.», 1861 г., т. 80 — «Женщины в университете»; см. «Сев. Пчела» 1861 г., № 60 — «О женщинах в университете и т. д., и т. д. — Литература того времени по женскому вопросу очень богата.

[2]) В расходной книге редакции «Времени» два раза записана плата Сусловой за ее рассказы: рукою Мих. Мих. Достоевского под 9 апреля 1863 г. Сусловой 80 р. и рукою неизвестного под 7 сентября 1864 г. — г-же Сусловой за повесть 83 р.

Эти сведения я получил от В. С. Нечаевой — за что весьма благодарен. Почему не записана плата за рассказ «Покуда»? Б. м. он не был оплачен? В сплетении моментов первого периода ее отношений с Достоевским был бы этот штрих в известной мере весьма ценен.

устарелых семейных традиций. Одиноко протекает ее детство; власть матери невыносима (этот последний мотив повторяется у Сусловой еще раз); без любви выходит она замуж за человека, чуждого ей по убеждениям, в надежде на то, что перемена обстановки даст ей относительную свободу. Но в новой семье ее никто не любит и не понимает; она кажется всем дерзкой и грубой. Жизнь с каждым днем становится невыносимей; давит пошлость и бессмысленность окружающих людей и обстановки, больше всего — мужа; и вот она решается порвать с ним и его семьей, уезжает внезапно в какой-то провинциальный город, там зарабатывает себе на пропитание грошевыми уроками, заболевает чахоткой и, всеми покинутая, нищая, умирает где-то на чердаке.

Этому сентиментальному сюжету, довольно плохо скомпанованному, с чрезвычайно слабо обрисованными характерами других действующих лиц, соответствует и стиль рассказа, лишенный индивидуальности, во многом сливающийся со стилем, господствовавшим, как в публицистике, так и в художественной прозе того времени, поскольку литература ставила себе целью будить чувства жалости и сострадания ко всем «страдальцам», в том числе и к женщине.

В духе времени же в конце повести имеется и заключение — по современной терминологии — концовка, в повышенно-эмоциальном тоне, назначение которой — дать почувствовать читателю, что этот рассказ есть не более как частный случай общего ненормального строя жизни. Благородный герой, брат мужа, тоже страдалец, но безвольный, «мысленно приподнимает жалкое рубище города, заглядывает во все углы», и «воображению его представляется столько трагических раздирающих душу картин и в ушах гремят проклятия и слышатся подавленные стоны» («Время» V, 1861 г., стр. 299). Таков первый рассказ Сусловой, напечатанный у Достоевского, как бы с двух сторон защищенный: он втиснут между романом в стихах «Свежее предание» Полонского и 5-й главой «Униженных и Оскорбленных». Это наиболее слабое ее произведение. Еще не отразился в нем ее личный жизненный опыт, он не обвеян дыханием ее своеобразной индивидуальности, и власть шаблона, как со стороны идеологической, так и стиля, оказалась для нее неодолимой. Но только один раз, только здесь, отдана дань пассивной покорности — так полно — «общим местам» эпохи. Вскоре развернется шире и глубже ее личная жизнь; в ней, в пережитом, будет она черпать и темы, и сюжеты, и вместе с этим подымется и ярче станет окраска эмоциональная; тогда будут попадаться и интересные детали, свидетельствующие о росте ее наблюдательности, станет заметнее уклон в сторону реализма и в связи с этим — ослабление элементов сентиментальных. Таков рассказ: «До свадьбы», напечатанный в 3-й книге «Времени» за 1863 год за подписью А. С...ва, рассказ «Своей дорогой» в 6-й книге «Эпохи» за 1864 г., а также рассказ, не напечатанный, но почти уже законченный «Чужая и свой» — о чем речь будет ниже.

Шестидесятницей по своим идейным устремлениям больше всего в области данного вопроса — об эмансипации женщин — является Сус-

лова в этих своих рассказах. В дальнейшем печаталась она мало: ее художественная дорога, по каким-то причинам, о которых мы можем только догадываться, пресеклась весьма рано. Но лично она еще долго считает своей основной профессией писательство; — мы находим среди ее бумаг несколько набросков, незаконченные вещи; и самый дневник ее —как увидим ниже — тоже представляет собою как бы складочное место разных крупных и мелких эпизодов, отдельных штрихов и деталей жанровых картинок, которые она, повидимому, собиралась использовать в работе.

С известной точки зрения интересно это наследие ее, как оно ни мало и ни скудно, и в области историко-литературной. Можно бы, пожалуй, найти в ее образах и в сюжетных ее концепциях кое-какие следы влияния Достоевского, в частности «Униженных и Оскорбленных». Но нас она здесь интересует преимущественно как личность и своей личной жизнью, и на ней-то мы дальше и сосредоточим свое внимание. Пафос ее писаний — сказали мы выше — пафос ее жизни. Она не только проповедует идеал свободной женщины, так пленительно представший пред тогдашним молодым поколением, но пытается осуществить его и фактически. Она хочет быть свободной от каких бы то ни было предрассудков, хочет любить, никого не связывая своей любовью, и как жертву, — с самого начала с какой-то обреченностью, потому что это ее вера, которая требует отдачи всего себя — несет она свою душу и тело на заклание. Так, по крайней мере, начинает она сама чувствовать очень скоро, при первом же столкновении с реальной действительностью, разбивающей с силой беспощадно-жестокой ее девические иллюзии. И вот открывается ее многотрудный жизненный путь: будет она тяжко расплачиваться за свои ранние смелые опыты — ведь только у Чернышевского в романе такие анемичные герои, как Новиков, которые благородно стушевываются тогда, когда это нужно автору. Будет ждать ее горечь глубоких и частых разочарований и жгучая непроходимая тоска и одиночество, мучительное, когда молодость уже кончится и силы окажутся так бесцельно растраченными.

Наше повествование о ней начинается с 1861 года, когда ей было всего 20 — 21 год. Оно осветит более или менее подробно только пять лет ее жизни, в течение которых будет в сущности пройден весь этот путь ее. Мы ее встретим потом, на одно лишь мгновение, в конце годов шестидесятых, в роли учительницы в фабричном поселке Иваново-Вознесенске. Эта просветительная ее работа в среде народной будет немедленно прекращена вмешательством шефа жандармов и министра Нар. Просвещения, известного Толстого. После этого промелькнет она перед нами еще раз в образе курсистки — тоже не надолго; окружающим будет она казаться существом несколько таинственным, и прежде всего человеком иного, уже прошедшего поколения. Она появится в этом образе в начале годов 70-х и снова скроется, на этот раз надолго, до годов 80-х, когда произойдет ее встреча с Василием Васильевичем Розановым, — встреча, пока известная со слов Розанова, как роковая только для него, но б. м. не менее тяжелая и для нее.

Об этих трех последних моментах ее жизни наши сведения очень скудны. Их, вероятно, пополнят другие. Мы же сейчас вернемся к начальному моменту, когда судьба послала ей первое большое жизненное испытание, дала ей встречу с этим полным внутренних мучительно тяжелых противоречий, огромной сложности, большим человеком и писателем; и встреча эта вскоре превратилась в прочную связь, длившуюся несколько лет.

IV.

Когда и при каких условиях познакомился Достоевский с Сусловой? В ответ на этот вопрос у нас есть пока единственная прочная дата: это нами указанная уже цензурная пометка: 1 сентября 1861 г. на 5-й книге журнала «Время» за 1861 г., где был напечатан ее первый рассказ. Если считать приблизительно месяц на печатание книги, остается как будто последней гранью август месяц 1861 г. Но само собою разумеется, что она могла представить свой рассказ задолго до печатания книги и даже очень может быть—Достоевский потому и дал место ее первому рассказу в своем журнале, что знал ее уже лично. Ее первый рассказ в художественном отношении достаточно слаб для того, чтобы допустить и такую мысль: именно потому, что знал уже ее и относился к ней с особенным вниманием, оценка рассказа оказалась не совсем об'ективной. Была она, без сомнения, и в юные годы девушкой весьма экзальтированной; могла пленять мысль, как бы скорее на деле проявить себя свободной от каких бы то ни было общепринятых установленных норм, и нет ничего невероятного в том, что она первая, как уверяет дочь Достоевского, написала ему свое «наивное поэтическое письмо». Тогда пришлось бы отодвинуть их первое знакомство еще дальше назад [1]).

Но как бы то ни было, одно безусловно достоверно, близость между ними — как увидим ниже — установилась еще в Петербурге, по крайней мере до второй поездки Достоевского за границу в 1863 г. И вот, можно заранее сказать: когда эта близость приняла характер глубоко интимный и превратилась в связь, то вряд-ли она была до конца радостной для нее, ибо невозможно представить себе иначе Достоевского, как только таким, который умел не только любить, но и мучить, в одно и то же время и любить и мучить: мучить любя и в самой любви. Об этом говорят не одни его произведения: знает об этом и Страхов (то письмо его к Толстому), знает и Аполлон Майков [2]). И в молодой восторженной ее душе—

[1]) Само собою разумеется, что можно допустить и обратное: рассказ был послан заочно, был напечатан, а знакомство состоялось после.

[2]) В архиве Майкова, хранящемся в Пушкинском доме, имеются его письма к жене, проводившей лето 1879 г. в Старой Руссе и там часто встречавшейся с Достоевскими. В письме от 22 июня 1879 г. он так пишет ей: «что же это такое, наконец, что тебе говорит Анна Григорьева, что ты писать не хочешь? Что муж ее мучителен, в этом нет сомнения, невозможностью своего характера — это не новое, грубым проявлением любви, ревности, всяческих требований смотря по минутной фантазии, — все это не ново. Что же так могло поразить тебя и потрясти?».

во всяком случае пока она еще такая, другие стороны еще не раскрылись — должны были отстаиваться какие-то тяжелые и темные переживания; эти переживания росли, наслаивались, узел затягивался все туже и туже и неминуемо должен был наступить тот момент, когда человеку вдруг становится невыносимо душно и он с закрытыми глазами кидается в пропасть, лишь бы спастись от давящего кошмара окружающего.

В нашем распоряжении имеется одно письмо Сусловой к Достоевскому, в черновом наброске, недатированное, и нам неизвестно пока, было ли оно отправлено или нет. Письмо бросает первый яркий свет на характер этих отношений и в известном смысле подтверждает только что высказанные нами предположения. «Ты просишь—пишет она ему—не писать, что я краснею за свою любовь к тебе. Мало того, что не буду писать, могу уверить тебя, что никогда не писала и не думала писать... Я могла тебе писать, что краснела за наши прежние отношения, но в этом не должно быть для тебя нового, ибо я этого никогда не скрывала и сколько раз хотела прервать их до моего от'езда заграницу».

Ощущается прежде всего резко та грань, которую она проводит между «любовью» и проявлением этой любви, как она говорит — «отношения»; отношения не соответствовали, очевидно, любви, как она ее понимала; в них были элементы тяжкие, глубоко-оскорбительные. Мы не знаем, когда писались эти строки. У нас нет основания утверждать, что перед нами отклик непосредственный только что пережитому, отклик человека, только что начинающего освобождаться от тяжких чар вчерашних дней. Но без сомнения она писала это тогда, когда еще была близость, период Петербургский переживался ею не как воспоминание о былом, далеком, а свежо и остро. Она уверяет его, что не краснеет за свою любовь, очевидно еще длящуюся — не за прежнюю. Вряд ли бы писала она так после итальянского путешествия — в 1864 г., тем более в 1865 г., когда отношения между ними уже далекие. Эти намеки на недавно передуманное и пережитое слышатся еще явственнее в словах: «сколько раз хотела прервать их до моего от'езда», в особенности, если взять эти слова в контексте с словами предыдущими: «В этом не должно быть для тебя нового».

Но как бы то ни было, нужно ли считать эти строки реакцией близкой или отдаленной — в результате более поздних, нерадостных ее мыслей над тем, что переживалось ею когда-то, у начала ее самостоятельного жизненного пути — важно то, что она пишет это самому Достоевскому, чувствуя, очевидно, свое право так говорить с ним.

А дальше в письме мы еще теснее придвигаемся к исходному моменту нашей драмы и уже почти ощутимо воспринимается самый характер этих отношений в ранний Петербургский период, так что невольно возникает

Об этом же пишет он еще в письме от 6—7 июля: «все, что пишешь о Т. мне нисколько не ново — но очень интересно, чего ты не хочешь написать».

С этими письмами познакомила меня Е. Б. Покровская, за что приношу ей свою благодарность.

вопрос: не здесь ли та главная причина, которая сделала их, эти отношения. с самого начала для нее невыносимыми и неминуемо должна была привести рано или поздно к окончательному разрыву. Суслова пишет: «Они для тебя были приличны. Ты вел себя, как человек серьезный, занятой, который не забывает и наслаждаться на том основании, что какой то великий доктор или философ уверял даже, что нужно пьяным напиться раз в месяц. Ты не должен сердиться, что я выражаюсь легко, я ведь не очень придерживаюсь форм и обрядов». Вот что она разумеет под отношениями в отличие от «любви»; за любовь она не краснела бы; она краснела за то, что любовь оказалась в действительности далеко не такой чистой и возвышенной, как, повидимому, рисовалась ей в ее девических, юных мечтах. Были жгучие наслаждения, было, по всей вероятности, отнюдь не радостное, распаленное сладострастие и вместе с тем какая-то жестокая методичность человека серьезного и занятого. Тогда каждый приход его, быть может, вместе с захватывающими переживаниями сладостно-грешными приносил с собой и глубокое незабываемое оскорбление. И раскалывался на-двое образ «сияющего», эрос превратился в патос, и переживалось это превращение тем более мучительно, что это ведь был он, автор «Униженных и Оскорбленных», столько слез умиления проливавший над идеалом чистой самоотверженной любви. Скажем сейчас уже: не раз будем мы встречаться в ее дневнике со вспышками как будто беспричинной ненависти к Достоевскому; и линии обычно ведут, — как бы само собою вырывается — все к этому первоначальному моменту их отношений, когда любовь, казалось бы, еще никем и ничем не была омрачена.

И вот возникает теперь такая тревожная мысль. Вот она свидетельствует много раз и сурово против Достоевского. Мы никогда не сумеем воспроизвести всю конкретную волнующую правду того периода; по мере того, как жизнь ее складывается все более и более неудачно, возрастает б. м. и заинтересованность ее. Но в иной совсем плоскости, отнюдь не в плоскости житейской — меньше всего интересует нас здесь она—ставим мы наш вопрос: действительно ли справился Достоевский с этим ниспосланным ему судьбой столь тяжким испытанием; как подошел он к этой юной, неопытной, так преданно перед ним раскрывавшейся душе? Он, проживши уже большую половину своей жизни, тончайший психолог человеческих страстей—к ней, еще наивной, только что начинающей искать в окружающем, в людях воплощения некоего возвышенного идеала? Был этот идеал чарующе прекрасен в своих неясных очертаниях и сиял он сквозь зыбкую кору позитивистических идей, к которым она, конечно, прислушивалась, б. м. заявляла себя и сторонницей их, но вряд ли воспринимала душою до конца. Сохранилось одно письмо ее (к какой-то подруге?), почти еще детское по своему содержанию и по своей покорной наивности; она говорит в нем, что не уверена в своих способностях и думает, что лучше ей оставаться со своими близкими. быть послушной дочерью. Очевидно, она писала его тогда, когда перед ней уже носились — пусть еще в тумане — какие-то планы о коренном изменении своего положения, не о поездке-ли за границу? Значит,

во всяком случае, незадолго до начала истории своей с Достоевским. А в дневнике она несколько раз утверждает, что это была ее первая любовь; и доверять, как увидим ниже, ей следует.

Спрашиваем мы еще раз: как поступил Достоевский с этим юным существом — взрастил ли он ее, поднял ли до известной высоты? Или... сам не удержался на высоте. И зажглись и в ее душе слепые, жестокие страсти, разверзалась перед нею все более и более бездна, в которую б. м. сила темная, от него исходившая, первая ее и толкнула. И если последнее более вероятно и был он причастен ко греху, к вовлечению в грех, в темную сферу греховности, то как он сам относился к себе в минуты просветлений от кипевших в нем страстей, — к себе, пусть даже и косвенно соблазнившему одного из малых сих?

Мы чувствуем и сознаем всю тревожность и ответственность этого вопроса. И кажется нам, что именно здесь и находится один из узлов каких-то очень глубоких трагических переживаний Достоевского, нахлынувших на него вместе с первым ощущением какого-то непоправимого греха, по отношению к ней, Сусловой,—греха, с которым он должен был бороться всеми имевшимися у него средствами, быть может и боролся с ним воспаленно-страстно — не исключая, по крайней мере на первых порах, средств и циничеcких. Так восприняли бы мы здесь первопричину столь огромной эмоциональной насыщенности, именно в плоскости этих переживаний, «Записок из подполья», позднее «Идиота» (Тоцкий и Настасья Филипповна) и б. м. даже «Исповеди Ставрогина». Так ведь мог казнить себя, в жажде искупления, только Достоевский.

Мы еще раз должны вспомнить то письмо покаянное Страхова к Толстому, поклонниками Достоевского воспринимаемое как оскорбительное: «он был зол, завистлив, развратен... Лица, наиболее на него похожие, — это герой «Записок из подполья», Свидригайлов и Ставрогин... И всю жизнь провел он в таких волнениях, которые делали его жалким»... Вся ошибка и весь грех Страхова в том и состоит, что он не поднялся в этой суровой характеристике выше плоскости душевной, в ней усмотрев последнюю сущность Достоевского. Он не лгал вообще, тем более не мог клеветать перед Толстым, Толстым второго периода — в начале годов 80-х, сурового его поворота в сторону этико-религиозную. У грани мучительнейшей борьбы с собою, за которой и достигается преодоление душевного, Страхов остановился в бессилии своем, вялый, теплый, одинаково неспособный ни ко греху, ни к святости: уже по одному темпераменту не мог он последовать дальше за Достоевским, но факты и видимые его неострому взору переживания в этой первой стадии: эмпирии, были, и они-то и дали ему право на такую скверную, в своей тупой односторонности, характеристику. Наша же проблема здесь только и начинается. То, что должно быть преодолено и преодолевалось в актах творческих, исключительно как моменты восхождения,—так рассматриваем мы факты в данном очерке. Необходимо вскрыть и эту категорию материалов художественных произведений Достоевского, отыскать зависимость или соответствие и в сфере эмоциональной между опытом личным и его претворением.

Наша мысль, по всей вероятности, так и останется для многих под знаком вопроса. К сожалению, мы должны заранее заявить, что лишены возможности, по многим причинам, ее развить и доказать. Но пусть она мелькает время от времени перед читателем, как неразвернутая гипотеза, которую б. м. когда-нибудь удастся сделать более убедительной.

Но вернемся к фактам. Первая запись в дневнике Сусловой и как раз в связи с Достоевским датирована: «19-е августа. Париж». Год не указан; не подлежит сомнению, что это год 1863 — она ждет со дня на день Достоевского, он должен вскоре отправиться с нею в Италию, а это случилось именно во время второй его поездки за границу уже после закрытия «Времени» в 1863 г. В предыдущем году он путешествовал по Европе один, без нее. Страхов твердо помнит, что в 1862 г. Достоевский выехал за границу 7 или 8 июня, отправился сначала в Париж и оттуда уже в Лондон. Подтверждение этому мы находим в письме Герцена к Огареву от 17-го июля по новому стилю за 1862 г. Герцен пишет ему, что: «вчера был Достоевский. Он наивный, не совсем ясный, но очень милый человек. Верит с энтузиазмом в русский народ» (см. Герцен, т. 15, стр. 334). Следовательно, 5-го июля по старому стилю Достоевский безусловно был в Лондоне. Страхову же пишет он письмо из Парижа от 26 июня, в котором и говорит, что «он еще всего 19 дней за границей, а в Париже всего только 10 дней» (Страхов, стр. 240 — 43). Само собою разумеется, что о предпринимаемой им поездке в Лондон он умалчивает по условиям политического характера. Таким образом, «итинерарий» Достоевского во время первой его поездки за границу устанавливается приблизительно такой: 7-го июня он выезжает из Петербурга; числа 15—16 он уже в Париже; не раньше 27 июня отправляется в Лондон и не раньше 8 июля возвращается обратно в Париж, а оттуда 15 июля (см. Страхов там же) в Кельн, затем в Швейцарию по Рейну и в Италию. Страхов пишет, что 22 июля он приехал в Женеву, там встретился с Достоевским и с тех пор они были неразлучны, вместе путешествовали по Швейцарии и Италии, вместе жили довольно долго во Флоренции. И определенно явствует из его рассказа, что были они только вдвоем. Был дух у Достоевского ровный, спокойный, никто и ничто не стесняло свободы его передвижений. И оттого он так настойчиво звал Страхова за границу и жаловался на «охватывающее там душу одиночество», что с ними никого не было — ни во вермя его путешествия, ни в Париже.

Мы еще раз повторяем — близость интимная Достоевского с Сусловой установилась, вероятнее всего, в зиму 1862—63 года. (В это время печатался ее второй рассказ во «Времени» — в 3-й книге за 1863 г. — и подпись под ним А. С . . . . ва, столько точек, сколько пропущено букв в ее фамилии. Так подписан один только этот рассказ: «До свадьбы»).

И вот она вдруг очутилась в Париже, одна без Достоевского. Внешне ход событий можно себе представить так: возможно, что они вздумали

вместе отправиться за границу в начале лета 1863 г., но его задержала неожиданная история с журналом; сразу стало ясно, что уладить ее не так легко будет, и присутствие Достоевского должно было казаться необходимым. Быть может, тогда-то она и решила его не ждать и одна уехала. «Время» было закрыто официально 25-го мая. Слухи о том, что журналу грозит опасность, распространились, согласно рассказу Страхова, еще раньше. Июнь был потрачен на хлопоты по поводу разрешения напечатать ответ «Московским Ведомостям», чтобы, выяснив в этом ответе истинный смысл Страховской статьи по польскому вопросу, реабилитировать себя перед правительством. Только «Русскому Вестнику» — знаем мы — позволено было поместить заметку по поводу «Страховской» статьи: в майской книжке, которая вышла с большим запозданием — в начале июля.

Была, быть может, еще одна причина, по которой Достоевский мог думать, что ему придется отложить свою поездку за границу на время более или менее долгое: быть может не было у него уверенности, что его беспрепятственно выпустят в Европу. 3-е отделение знало, конечно, что фактическим редактором журнала, только что закрытого не только за статью по польскому вопросу, но и вообще за «вредное направление» (см. ниже — цензурная переписка по поводу журналов Достоевского), является он, а не брат. Как известно было 3-му отделению и то, что в прошлом году, будучи в Лондоне, Достоевский часто посещал Герцена вместе с целым рядом политически неблагонадежных лиц (см. Герцен т. 15, стр. 382 — 383: список III отделения, в котором имеется и Д., был опубликован в 141 л. Колокола за 1862). Недаром Достоевский на этот раз особенно веско аргументирует перед генерал-губернатором свою просьбу о выдаче ему заграничного паспорта. «Положение его самое отчаянное и безвыходное» — доносит генерал-губернатор министру внутренних дел, ссылаясь на просьбу «состоящего под секретным надзором полиции, подпоручика Достоевского». «Припадки падучей болезни, которыми он страдает с давнего времени, никогда еще не повторялись так часто, как теперь, особенно в последний месяц. С каждым припадком память его слабеет до чрезвычайной степени: он не узнает знакомых, прочитанная книга, какого бы то ни было содержания, через несколько дней забывается им совершенно; кроме того, после каждого припадка чувствует невыносимую тоску, которая может довести его до сумасшествия или отчаяния». А в том, что здесь нет преувеличения, представлено удостоверение трех врачей: Вессера, Барча и Розенберга (Герцен, т. 15, стр. 356).

Но это, ведь, только внешняя картина событий: Суслова уехала одна в начале лета потому, что не хотела дожидаться Достоевского, поездка которого откладывалась силою обстоятельств на неопределенное время, или уехала еще раньше, весною, по каким-либо иным причинам но тоже личного характера и вполне добровольно — об этом свидетельствует ее дневник; — один этот факт, что она очутилась за границей на несколько месяцев раньше Достоевского, — не говорит ли уже за то, что в ее отношении к нему произошла какая-то крутая перемена,

точно действительно, как пишет в письме, спешно порывает с ним, спасаясь почти бегством.

Страхов утверждает, что Достоевский выехал второй раз за границу в конце лета — это и есть, повидимому, конец июля по старому исчислению. И вот, в течение этих нескольких месяцев, трех или четырех, которые Суслова провела в Париже без Достоевского, зажглось в ее душе новое чувство, яркое и молодое, захватило ее с такой внезапностью и разожглось такой слепой страстью, что без всяких размышлений о будущем, со слабой уверенностью и в настоящем, не рассуждая и не взвешивая последствий, она отдала свое сердце и всю себя человеку чуждой среды и племени (он был родом испанец — по имени Сальвадор, студент медиц. факультета).

И здесь мы опять скажем: только этим бегством от самой себя, этим состоянием как бы одержимости идеей: скорее и бесповоротнее и как можно дальше оттолкнуться от только-что пережитого — нужно об'яснить эту быстро вспыхнувшую в ее душе страсть, которая вскоре превратилась в настоящую, глубокую любовь, ставшую, быть может, единственной любовью в ее жизни. Или: душа-то ее, после Петерб. периода, не была уже не юной и не чистой? От любви мрачной, «размеренной и методической», бросилась она к любви молодой и яркой — пусть человека элементарно не сложного, ничем не одаренного, но, быть может, пленительного именно этой простотой своей, душевным своим здоровьем.

В «Игроке» Достоевский говорит о той законченности формы европейца, которая так восхищает русскую женщину (Изд. Просв., т. V, стр. 253). По нескольким чертам, разбросанным в ее дневнике, восстает перед нами образ молодого и красивого существа, с едва проступающим пушком на верхней губе, с гордым и мужественным лицом, самоуверенно-дерзким, и с безукоризненными аристократическими манерами. «Однажды я почему-то сказала ему: не обманывай меня», — рассказывает она в своем дневнике. И он ответил ей: «Я буду обманывать?» — «Это замечательная черта», — говорит она дальше с восторгом. О, да, конечно, люди с таким чувством собственного достоинства не могут лгать.

Но стремительно и сложно запутывается сейчас же один из главных узлов ее жизни. Как в «Игроке» у французика де-Грие за этой великолепной законченной европейской формой скрывалась пустота сердца, мелкий, ничтожный характер, так и Сальвадор очень скоро оказался человеком маленьким, трусливым, в трусости своей способным на ложь и обман. «Ему нужна была любовница; подвернулась женщина хорошенькая, удовлетворяющая всем вкусам; он и воспользовался» — так определяет позднее Достоевский отношения Сальвадора к Сусловой, и она вполне соглашается с этим. И как власть де-Грие над Полиной Александровной, власть и этого европейца с законченной формой над Сусловой была беспредельна: гордая, независимая, ценившая свободу своего «я» превыше всего, — перед ним одним она позволяла себе стоять в согбенной позе умоляющей, когда он стал охладевать

к ней, а она не хотела этому верить и убеждала себя, что он еще любит ее. Слишком короткой оказалась эта новая яркая полоса ее жизни, оставившая такой глубокий след в ее душе на долгие годы: в течение этих нескольких месяцев — весны и лета — эта полоса была пройдена до конца; буквально за миг счастья Суслова заплатила муками: разочарования, горькой, неотомщенной обиды, стыда и раскаяния.

Достоевского она воспринимала очень сложно. Он одновременно должен был являться ей: в сиянии высшего идеала и тяжелой, мутной, чувственной своей стороной. Ее душа не могла совместить этих непримиримых противоречий и тем мучительнее было для нее, как женщины, обида, что эту обиду наносил ей он, «сияющий», и меркнул свет перед черными тенями, от него же исходившими, и это было невыносимо. А здесь простым и ясным, элементарно сильным было ее чувство: оттого оно и казалось вначале таким полным и радостным. Но мы имеем основание сказать, сейчас же, что, очевидно, только в самом начале казалось оно таким: не была бы Суслова натурой столь исключительно сложной и многосторонне противоречивой, если-б была одна только радость. И как в Петерб. период с Достоевским, и это новое чувство стало приносить с собою мучения, еще тогда, когда оно ничем не омрачалось, когда еще не было никаких признаков охлаждения с его стороны. Через год, ретроспективно переживая это время, Суслова воспроизводит в своем дневнике свое душевное состояние в те «ночи», когда вдруг просыпалась, в ужасе припоминала происшедшее днем, бегала по комнате и плакала». Был ужас в том, что снова увидела лик зверя. Повторение того, что раз уже оттолкнуло ее от себя.

И вот ждало ее еще горшее разочарование, когда чувственность, ничем не осложненная, — мы говорим про него, — про Сальвадора, — оказалась очень скоро удовлетворенной. Дневник ее с этого момента и открывается, когда она стала улавливать с его стороны эти признаки охлаждения со всеми обычными для среднего, пошловатого человека увертками, мелкой ложью, прикрываемой искусственными ласками, если любящая начинает тревожиться, что-то подозревая. И в это-то время все ближе и ближе надвигалась встреча с Достоевским. Она ясно представляла себе, как будет мучиться он, узнав все то, что было пережито ею в его отсутствие. Жалела Достоевского, боялась встречи с ним, принимала меры, чтобы этой встречи не было, и в то же время — все же ждала его, в этом огромном, чужом и блудном городе: ждала, пожалуй, как единственного близкого человека, который может ей помочь в этом все более и более запутывающемся положении ее.

Теперь, когда наваждение, от Достоевского исходившее, как бы рассеялось, — во всяком случае в данную минуту душа ее не была подвластна ему, — в новом, уже явно надвигавшемся несчастии, в памяти ее из недавнего прошлого восстает облик только «великого» и великодушного, который один сумеет отнестись к ней, — скажем мы, — с величайшим бескорыстием кн. Мышкина.

Все это и определяет тон и содержание первых страниц ее дневника. Мотив Достоевского, в начале еще слабый, с каждым днем начи-

нает звучать все сильнее и ярче, пока совершенно не вытеснит — правда, только на время — мотивы первой парижской ее полосы.

V.

Странное впечатление производит дневник Сусловой при первом недостаточно углубленном чтении. Поражает, прежде всего — и это кажется в таком резком противоречии с ее страстным, неустойчивым характером — его необычайно слабая эмоциональная и вообще суб'ективная окрашенность. Она описывает события: порою подробно, порою в виде лишь кратких набросков; разные встречи, на лету схваченные впечатления, отдельные мелкие детали, изредка небольшие сценки, — и все одинаково: и крупное и мелочи, с какой-то удивительной монотонностью, точно слаб ее голос и скудны ее словесные средства, чтобы выразить ими свое личное к ним отношение. Немногим ярче передает она, по крайней мере, в начале дневника, и свои личные переживания. Как будто и к ним она относится как к чему-то постороннему, со стороны наблюдает их.

Нельзя сказать, чтобы такое бесстрастие настроило читателя в ее пользу. Ему трудно проникнуть в ее внутренний мир, восчувствовать ее горести и радости. Можно бы сказать еще так: излишней реалистической трезвостью веет от этого дневника, скучными кажутся порою его мелочи. И, в сущности, от той формы, в которой мы обычно представляем себе дневник, здесь имеются одни только внешние признаки — это подневные записи, их краткость и слабая связанность между собою, случайность излагаемых в нем фактов.

Вряд ли можно об'яснить такой характер дневника одним веянием эпохи, с которой в известной степени должна была, конечно, гармонировать эта скупость на душевные излияния и психологические углубления. Быть может, виновата в этом еще и среда, в тесном смысле: ее семейный круг, в котором она росла, но, может быть, такая уж она была по природе — не болтливая, энергичная, не по женски не сентиментальная, сгущенность глубоких и сильных переживаний не любила разбавлять лирической водой. Нам кажется, что здесь нужно принять во внимание также и то, что она писательница, ее, так сказать, «профессиональное, двойное зрение», особая способность смотреть на все, в том числе и на самое себя, на события своей собственной жизни, на все свои переживания и впечатления, как на материал, который может быть использован в художественных рассказах в качестве ли целого сюжета, или одного какого-нибудь мотива. Она изощряет свой взор, приберегает свой жизненный опыт; в кратких, отрывистых намеках запечатлевает на бумаге только те положения, жесты, отдельные движения, которые могут потом пойти в работу. Для нас вот эта-то об'ективация, нередко оставляющая определенное впечатление, что серьезное здесь сокрыто под глухим знаком, еле заметным, какой-нибудь мелкой деталью, с точки зрения читателя, быть может, мало

интересной, — делает рассказ ее в особом смысле исключительно точным, хотя и лишает весь ход ее повествования дали перспективности.

Гораздо опаснее кажутся нам те случаи, когда стиль и построение рассказа почему-либо осложняется и принимает уже определенную литературную форму. Возникает тогда обычное в таких случаях подозрение, насколько непосредственно передано ею пережитое, нет ли стилизации под какую-нибудь литературную форму. Но и здесь, как мы ниже убедимся, фактическая правда в ее дневнике восстанавливается сравнительно легко, и, в сущности, — нужно заранее сказать, — это один из самых достоверных дневников, какие мы только знаем, и, именно, благодаря этому своеобразию его. Суслова кладет на бумагу факты и впечатления самыми примитивными словесными знаками, орнаментировка, там, где она есть, органически с ними не соединенная, снимается, как внешний покров, без особых затруднений. Вот по этому-то своеобразному дневнику и снуется в дальнейшем наше повествование. Он должен прибавить, помимо фактической стороны, несколько новых черт к тому облику, который до сих пор еще не определился с достаточной ясностью, и конкретизировать черты старые, уже знакомые нам.

Мы говорили выше, что Суслова существо в высшей степени сложное, полное противоречий. Она, несомненно, натура активная, с сильной и в то же время легко возбудимой волей, экспансивная, решительная и самовластная. В ней нет специфически женской сентиментальности. Она одна из тех, которые эпоху свою, веяния ее, не воспринимали только пассивно, а как бы сами ее определяли, собою выражая ее, так сказать, психическую сущность. Но при всем этом, она и большая мечтательница, мечты свои немедленно же стремящаяся реализовать в жизни. И еще: трезвой кажется она в своих действиях; плененная миром позитивным, хочет быть свободной от всяких «предрассудков», не придерживается, согласно ее терминологии, «ни форм, ни обрядов». Достоевский говорит с ней языком откровенным, порою до цинизма, а под скупыми и скудными ее словами нередко улавливаются черты милой и трогательной наивности, даже в ту пору, когда уже застаем ее у второй крутой ступени спуска вниз: в омут греховности и душевных страданий. Она пред'являет людям, почти всегда, требования очень большие, но не меньшие пред'являет и себе и судит себя судом строгим. Оттого мечется она в противоречиях между окружающей действительностью и построениями своей фантазии: уловит черту какую-нибудь, поразившую ее воображение, возвеличит ее до степени идеального, по ней дорисует в своем сердце образ совершенный, «с и я ю щ и й», и глубоко разочаруется.

И, само собой разумеется, как натура активная, самоуслаждающей горечью пассивного разочарования она не довольствуется. Она знает переходы от любви к ненависти, и из дневника видно будет, как часто она хочет, хотя вряд ли умеет, быть до конца злой, жестокой в своей мстительности: как мания, преследует ее чувство гордости, обида приводит ее в бешенство, и долго, если не всю жизнь, помнит и мучается раз нанесенным ей оскорблением.

Дочь Достоевского, с целью, повидимому, наложить последний черный штрих на ненавистном ей портрете, уверенно говорит, что именно с нее срисована Полина в «Игроке», Настасья Филипповна в «Идиоте».

Не со слов ли отца говорит она это? Нам кажется, что в этих словах ее большая доля правды, основа души Сусловой действительно трагическая, и так, должно быть, воспринимал ее и сам Достоевский и эту именно основу он и любил в ней — не только в эти годы близости, но и всю жизнь. Она — тот «друг вечный», к которому написано письмо Достоевского, уже после второй женитьбы (см. «Недра» № 2); и именно так определяет он ее сущность — и не в художественном оформлении только, но и в своей личной жизни — как сущность трагическую: он знал, что с ней не будет он счастлив, у нее все: либо сияющие, либо ничтожно-мелкие, и он выбрал спутницу менее требовательную, существо более ординарное; таков смысл его письма.

Вот тот сложный, многоликий образ, так трудно поддающийся синтезированию, с которым мы будем дальше знакомиться все ближе и ближе.

VI.

А теперь вернемся к тому моменту, когда прошлое ее: Достоевский, снова появляется на первом месте, пусть ненадолго, но след он оставляет и на этот раз не менее глубокий, чем в период Петербургский, качественно тоже его не меняя.

Под одним и тем же числом: 19-го августа по новому стилю, — это и есть первая дата в ее дневнике, — Суслова заносит сцену последнего свидания с Сальвадором и первое сообщение о Достоевском. «Сейчас, — пишет она, — получила письмо от Ф. М. Он приедет через несколько дней. Я хотела видеть его, чтобы сказать все, но теперь решила писать». Письмо свое к нему она приводит тут же, за тем же 19-е августа. «Ты едешь немножко поздно... Еще очень недавно я мечтала ехать с тобой в Италию и даже начала учиться итальянскому языку: — все изменилось в несколько дней. Ты как-то говорил, что я не скоро могу отдать свое сердце. — Я его отдала по первому призыву, без борьбы, без уверенности, почти без надежды, что меня любят. Я была права, сердясь на тебя, когда ты начинал мной восхищаться. Не подумай, что я порицаю себя. Я хочу только сказать, что ты меня не знал, да и я сама себя не знала. Прощай, милый.

Мне хотелось тебя видеть, но к чему это поведет? Мне очень хотелось говорить с тобой о России».

Это, очевидно, первая редакция письма; в некоторых местах оно у нее исправлено; так, «несколько дней» написано над строкой, вместо зачеркнутых: «в одну неделю»; так же над строкой написано: «по первому призыву», вместо зачеркнутых сначала: «в неделю», затем: «дней» и сверху над «дней» — «несколько».

Так воспринимается ясно в этом письме черта роковой внезапности, отражение крутого перелома, происшедшего в ее душе. Точно она

сама недоумевает, почему так покорно, почти без борьбы и без надежды, отдалась охватившему ее порыву, а порицать себя за это не может, чувствуя за собою какую-то правоту. С Достоевским, очевидно, были колебания, «не скоро она отдала ему свое сердце», его пленяло это целомудрие девической чистоты и скромности. Теперь она оглядывается, с грустью, на минувшую полосу жизни, и перед неведомым и страшным, которое видится ей в наступающем «завтра», из всего пережитого с Достоевским память отчеркивает только мгновения светлые и чистые.

«В эту минуту, — пишет она дальше в своем дневнике, — мне очень и очень грустно. Какой он великодушный, благородный. Какой ум, какое сердце». — Эта характеристика относится к Достоевскому, с которым она мысленно прощается навсегда.

И от прошлого Суслова снова обращается к будущему, останавливается на последнем свидании своем с Сальвадором, который, повидимому, стал уже явно обнаруживать признаки охлаждения. Вслед за словами о Достоевском она приводит такой разговор с Сальвадором «Он спрашивал еще, когда поеду я в Италию, так как я когда-то ему говорила об этом, когда мы были только друзья. Я ему сказала, что не знаю когда, может вовсе не поеду, что я хотела поехать с человеком, которого любила» (разумеется, конечно, с Достоевским). И вопрос этот об Италии сопоставляется ею со сбивчивыми его словами, приведенными несколькими строками выше, что ему, может быть, придется поехать в Америку для улажения каких-то дел в связи с наследством. Выводов отсюда она еще пока не делает, точно боится самой себе признаться в своих мыслях, но с каждым днем тревожных симптомов становится все больше.

Под 23 августа Суслова заносит несколько деталей еще одного свидания с Сальвадором, и здесь впервые доверяет дневнику свою горестную тайну: «он меня мало любит». Он снова заговорил, что собирается ехать в Америку, был с ней несколько холоден, не очень настаивал на ускорении следующего свидания. В ней вспыхивает чувство гордости; она пытается себя утешить тем, что теперь, когда произойдет между ними разрыв, она станет еще более свободной, чем прежде. «У меня явилось желание, — пишет она дальше, — видеть Европу и Америку, с'ездить в Лондон посоветоваться и после поступить в секту бегунов. Жизнь, которую я предполагала, не удовлетворяет меня; нужно жить полнее и шире».

Трудно сказать, какое у нее было представление о секте бегунов, и что она разумела под словами: «жить полнее и шире». Но мы, может быть, не ошибемся, если скажем, что в контекстном сопоставлении они друг друга несколько поясняют. Она секту воспринимала, должно быть, в плоскости исключительно общественно-демократической, так, как раз'яснял ее Щапов во «Времени» («Время» за 1862 г., октябрь и ноябрь, под заглавием: «Земство и Раскол»). И жить шире означало: жить не только в сфере личных интересов и не одного только вопроса

об эмансипации женщин. И Лондон, разумеется, конечно, Герцен. Но эти мечты о «широкой полной жизни» — не являются ли они лишь отражением чувства оскорбленной гордости? Во всяком случае, они здесь вспыхнули на одно только мгновение. Следующие записи в ее дневнике опять заполнены им, описанием эпизода ее с Сальвадором, быстро подвигающегося к своей развязке.

Прошел всего один день и развязка эта еще более обозначилась. Они условились в последний раз свидеться во вторник у него на квартире. Суслова пришла в назначенный час, но не застала его дома. Вот как она описывает свое душевное состояние в то время, когда сидела у него и томилась в ожидании:

«Была... и не застала его дома. Целый час я ждала его и не дождалась. Много мыслей и чувств мелькало в моей голове, когда я сидела в его комнате, но я на них не останавливалась». Она запоминает свою позу, в которой сидела, и тщательно ее зарисовывает. «Я сидела, опустив голову на руки и не своля глаз с часовой стрелки, и сердце мое билось, и слезы невольно навертывались на глаза. Я вздрагивала при каждом шорохе». Неужели это обман, да в такой грубой оскорбительной форме? И вот ловит она последнюю тень надежды: — быть может, тут кроется какая-то ошибка. Здесь записывает она то, что мы уже раз цитировали, как она к чему-то сказала ему: «не обманывай меня». — «Я буду обманывать?» — ответил он с достоинством. — И она утешает себя: «Это замечательная черта». Но как об'яснить все предыдущее и другие накопившиеся за эти последние дни признаки охлаждения? Но может быть это вовсе не охлаждение. Она ищет ему оправдание в том, что «он кажется на помочах у своих родных».

Так колеблется она между надеждой и отчаянием, желанием верить в его любовь и очевидностью фактов, эту веру разрушающих. До последнего приведенного выше—от 19-го августа—письма она, повидимому, Достоевскому ничего не писала из того, что с ней произошло с Сальвадором. Намеренно ли она скрывала? Не думаем. До того, пока не услышала его призыва, она просто не отдавала себе отчета в нараставшем чувстве, быть может, сама не подозревала его серьезности. Или, может быть, к этому-то времени и нужно приурочить то первое письмо ее к Достоевскому, в котором она писала, что уже давно, еще в Петербурге, хотела порвать с ним. Сказала правду, но намеками и не до конца. Повторяем то, что уже раз было сказано: одно мы должны помнить, она никогда никому не лгала и ни перед кем не скрывала своего прошлого или настоящего.

Достоевский приехал в Париж в среду, 26 августа (по новому стилю), если, конечно, допустить — а это вполне вероятно — что он действительно в тот же день пишет ей об этом. Следует запись в дневнике от среды, 26-го же. (У Сусловой среда 27-е — датировка неправильная; в 1863 г. среда была не 27, а 26, надо думать, что она скорее неточно приводит число, чем день).

«Сейчас получила письмо от Фед. Мих. по городской уже почте. Как он рад, что скоро меня увидит. Я ему послала очень коротенькое

письмо, которое было заранее приготовлено»[1]). «Жаль мне его очень, — пишет она дальше. — Какие разнообразные мысли и чувства будут волновать его, когда пройдет первое впечатление горя. Боюсь только, как бы он, соскучившись меня дожидаться, не пришел ко мне сегодня, прежде получения моего письма... Хорошо, что я предупредила его (должно быть, еще в каком-нибудь письме в Россию), чтобы он прежде мне написал, иначе что бы было».

И случилось так, как она опасалась: Достоевский явился к ней еще до получения письма, и ей пришлось лично сказать, при первой встрече, обо всем случившемся. Это первое свидание она описывает подробно, рассказывая не столько о себе, о своих переживаниях, сколько о нем, что он говорил и что делал, когда узнал об этой роковой для него истории.

Мы говорили раньше о характере ее дневника, о двойном профессиональном ее зрении, — об этой поразительной тусклости эмоционального ее тона, — это сказывается здесь особенно ясно. Точно не соучастницей является она, а сторонней наблюдательницей, присутствующей при очень занимательной сцене, ее не касающейся. И потому ли, что знаем уже не только ее прошлое, но и будущее: ближайших лет ее жизни, знаем всю сложность ее отношений к Достоевскому, которому она никогда не простит обиды, им ей нанесенной — на этот раз, в передаче этой сцены, видится нам нечто большее, чем обычная манера ее записей, обычное ее бесстрастие: тонко прорезанная, едва уловимая черточка жестокости, элемент как бы некоего злорадства, что вот он тоже мучается, — оттенок затаенной мести. Но, может быть, это только так кажется нам. Погруженная в последние свои переживания, она, в глубокой правдивости своей натуры, не утрирует и в малой мере степени своего сочувствия к Достоевскому. Во всяком случае, себя то, свою роль, она тщательно затушевывает в этой сцене, тем ярче поэтому выступает роль Достоевского.

Вот что она заносит в свой дневник вечером того же числа — 26 августа:

«Так и случилось. Едва успела я написать предыдущие строки, как Ф. М. явился. Я увидала его в окно, но дождалась, когда мне пришли сказать о его приезде и то долго не решалась выйти».

Дальше идет сцена свидания.

«Здравствуй», — сказала я ему дрожащим голосом. Он спрашивал, что со мной, и еще более усиливал мое волнение, вместе с которым развивалось его беспокойство. «Я думала, что ты не приедешь, — сказала я, — потому что написала тебе письмо».

— Какое письмо?

— Чтоб ты не приехал.

— Отчего?

— Оттого, что поздно.

---

[1]) Очевидно, то самое, которое она привела в своем дневнике под 19 авг.

Он опустил голову.

— Поля, — сказал он после короткого молчания. — Я должен все знать. Пойдем куда-нибудь и скажи мне, или я умру.

Я предложила ехать с ним к нему.

Всю дорогу мы молчали. Он только по временам кричал кучеру отчаянным и нетерпеливым голосом vite, vite, причем тот иногда оборачивался и смотрел с недоумением. Я старалась не смотреть на Ф. М. Он тоже не смотрел на меня, но всю дорогу держал мою руку и по временам пожимал ее и делал какие-то судорожные движения. «Успокойся, ведь я с тобой», — сказала я.

Когда мы вошли в его комнату, он упал к моим ногам и, сжимая мои колени, говорил: «Я потерял тебя, я это знал». Успокоившись, он начал спрашивать меня, что это за человек: может быть он красавец, молод, говорун. Я долго не хотела ему отвечать.—«Ты отдалась ему совершенно?»

— Не спрашивай, это не хорошо, — сказала я.

— Поля, я не знаю, что хорошо и что дурно.

— Кто он, русский, француз?.. Тот?..

— Нет, нет.

Я сказала ему, что очень люблю этого человека.

— Ты счастлива?

— Нет.

— Как же это. Любишь и несчастлива. Как, возможно ли это?

— Он меня не любит.

— Не любит, — вскричал он, схватившись за голову в отчаянии. Но ты не любишь его как раба; скажи мне это: мне нужно это знать. Неправда ли, ты пойдешь с ним на край света?

— Нет, я уеду в деревню, — сказала я, заливаясь слезами.

— О, Поля, зачем же ты так несчастна! Это должно было случиться, что ты полюбишь другого — я это знал... Ведь, ты по ошибке полюбила меня, потому что у тебя сердце широкое. Ты ждала до 23 лет; ты единственная женщина, которая не требует никаких обязанностей, но чего это стоит: мужчины и женщины не одно и то же, он берет, она дает.

Когда я сказала ему, что это за человек, он сказал, что в эту минуту испытал гадкое чувство: что ему стало легче, что это не серьезный человек, не Лермонтов. Мы много еще говорили о посторонних предметах. Он мне сказал, что счастлив тем, что узнал на свете такое существо, как я. Он просил меня оставаться в дружбе с ним и особенно писать, когда я особенно счастлива или несчастлива. Потом предложил мне ехать в Италию, оставаясь как брат.

Когда я ему сказала, что он верно будет писать свой роман, он сказал: за кого ты меня принимаешь. Ты думаешь, что все пройдет без всякого впечатления. Я ему обещала придти на другой день»...

VII.

В этой сцене первого свидания, — сказали мы выше, — нас поражает ее слабая эмоциональная окрашенность, точно передана она не соучастницей, а сторонним холодным наблюдателем. В связи с этим возникает также подозрение со стороны формы: не соблазнилась ли Суслова с самого начала этой сценой, как готовым комплексом сюжетных мотивов; пожертвовала действительно бывшим, непосредственно пережитым, ради некоего стилистического оформления? И, действительно: самый ход рассказа, известная логическая последовательность развертывающихся в нем моментов, особенно эти задерживающие ремарки описательно-повествовательного характера — как будто не говорят в пользу непосредственности передачи.

Но можно ли, однако, на этом основании усомниться в доподлинности самих фактов, здесь приведенных? Мы допускаем известную нарочитость, делание, в последовательности их расположения, допускаем возможность выбора между ними в зависимости от характера ее восприятий, от той области, в которой обычно фиксируется ее внимание, но то, что она запомнила и сочла нужным рассказать, факты в их расчлененности, кажутся нам вполне соответствующими доподлинной правде.

Впечатление литературного штампа производят особенно некоторые детали, как, например, деталь с кучером: Достоевский «кричал vite, vite», а тот оборачивался и смотрел с недоумением. Или: «он всю дорогу держал мою руку и делал какие-то судорожные движения». И дальше: «упал к ногам, обнял колени и громко зарыдал». Но так ли уж обязательно, чтоб в жизни не было ничего подобного, что бывает в романе? Как известно, в жестикуляции Достоевский особенной сдержанностью не отличался. Не подлежит сомнению, что самый тон, в котором происходила сцена, — а это важнее всего, — передан вполне правильно: эти короткие прерывистые жесты, быстрые переходы в диалоге, возбужденно-обрывистые фразы — вполне согласуются с обликом Достоевского.

И опять же скажем: сама эта сдержанность в передаче; — то, что она так крайне обеднила свое собственное психологическое содержание, не утрировала своих переживаний, не становилась ни в какие позы — делает эту сцену особенно убедительной. Во всяком случае, облика Достоевского она не исказила: «У тебя сердце широкое ... Ты единственная женщина, которая не требует никаких обязанностей» — эту характеристику ее в устах Достоевского мы должны запомнить, как и следующую деталь: когда она «сказала ему, что это за человек», он «в эту минуту испытал гадкое чувство» ... И сейчас же за этим следует предложение: «поехать в Италию, оставаясь как брат». Так завязывается — при первой же встрече — узел событий ближайшего месяца во время их совместного путешествия, — событий, которые, как уже было сказано, должны были оставить в ее душе след не менее глубокий, чем период Петербургский.

Что это так, что стилизация в этой сцене дальше построения не простирается, не заслоняет от нас фактической правды, свидетельствуют две позднейшие ее попытки использовать в художественном рассказе свой личный сюжет с Достоевским и эту сцену в частности — попытки, уже вполне художественно осознанные и тем самым определенно и довольно точно указывающие ту грань, за которой действительно начинается ее Dichtung, весьма легко отделимая от Vahrheit. Первая попытка совершается здесь, на страницах дневника, от первоначальной передачи еще мало отличается. Вторая же, гораздо более сложная: сюжетно — почти законченный и в центральной части вполне отделанный рассказ; и первое впечатление от рассказа такое, что сцена эта, как и дальнейшие, которые мы ниже приведем, переделана в нем в корне.

Обратимся прежде всего к первой попытке. Это многочисленные исправления и вставки над и под строками и на обоих полях записи в дневнике (разными чернилами и карандашом). Процесс приспособления, как и следовало ожидать, начинается с того, что действующим лицам даются имена: ей — Нина, ему — буква Ш.; как бы первый шаг к установлению некоторой перспективности, необходимой для об'ективации. Затем героине уделяется несколько больше внимания, чем в нашей первой сцене, где весь интерес сосредоточен преимущественно на нем, на Достоевском. Это позволяет ей раздвинуть несколько шире рамки сюжетные, ввести некоторые новые моменты с целью прежде всего усилить эмоциональную окраску сцены, а также конкретизировать, при помощи новых и удлиненных ремарок, саму обстановку действия. Думается, не ошибемся, если скажем, что это, повидимому, и есть первый этюд для второй ее попытки, — отделанного и почти законченного рассказа. Первая попытка может быть представлена в следующем виде: начальный короткий диалог остается нетронутым вплоть до последней ремарки: «он опустил голову».

Фраза: «Поля, сказал он после короткого молчания. Я должен все знать» — превращается в такую:

— «Нина, сказал он спокойно и торжественно — я этого не вынесу». И затем идет уже: «Я должен все знать».

Так же перерабатывается, осложняясь введением ответной реплики, фраза:

— «Я предложила ехать с ним к нему». В переделанном виде она гласит так:

— «Да, да, сказала Нина, пораженная его печалью, поедем к тебе».

Дальше вводится такая ремарка: «Она поспешно вышла и через минуту возвратилась в мантилье и шляпке».

Мотив поездки развертывается в довольно подробную картину с более сложной обрисовкой ее и его положения, когда они вместе сидели в карете и молчали.

— «Наемная карета стояла у под'езда. Они сели в нее и отправились... Дорога была довольно длинна, и все время они молчали. Прислонясь к углу кареты, Ш. сидел, как убитый. По временам он

вздрагивал и судорожно сжимал руку Нины. Мол. жен (очевидно: молодая женщина) неподвижно смотрела на одну точку. Лицо ее было очень бледно, но спокойно».

После этой вставки снова идет диалог, драматизм которого усиливается при помощи все тех же ремарок, т.-е. средств того же описательно-повествовательного характера. Разработка идет таким образом: прежде всего, первое лицо заменяется третьим: «упал к моим ногам»; «моим» зачеркивается и заменяется «ее»; и дальше: «обняв с рыданием мои колени», исправлено в «ее колени»; «говорил», исправлено в «закричал». Последнее тоже зачеркнуто и вместо этого «громко зарыдал»: «я потерял тебя».

Следует затем один эффектный момент с отрывистыми вскриками и повторными рыданиями.

«Нина! — вскричал он в порыве невыразимой тоски. Напрасно молодая женщина старалась его успокоить. Он обнял ее колени и плакал, как ребенок».

Мелодраматический элемент вносится ею также и в том месте, когда он расспрашивает про него, каков он: «может быть, он красавец, молод, говорун» . . . и продолжает: «но никогда ты не найдешь другого сердца, как мое».

Такова первая попытка Сусловой реализовать этот комплекс мотивов личного сюжета в сюжете художественном. Диалог, как видим, почти остается нетронутым; вся правка идет главным образом в плоскости ремарок, усиливающих жестикуляцию героя и вместе с тем и драматизм сцены целым рядом подчеркнутых эффектов сентиментально-романтического характера. Она бессильна что-нибудь изменить в основе: остов остается прежним, и он легко познается, освобожденный от художественной оболочки определенного штампа.

Быть может, можно было бы усмотреть вариацию на этот сюжет, правда, очень отдаленную, в третьем ее рассказе, напечатанном в «Эпохе» у Достоевского же. Там то же количество главных действующих лиц, в одинаковой ситуации: она, обидчик, и он, повидимому, Достоевский, — идеальный герой — в качестве спасителя. Действие перенесено в русскую обстановку; обидчик представлен человеком слабовольным, находящимся на помочах у родственников (ср. с приведенной выше выдержкой из дневника). Главный герой, спаситель, как бы намеренно затушеван — он где-то находится в неопределенной дали, окружен ореолом таинственности, внезапно появляется, ее уводит, и она, наконец, узнает в нем истинного друга.

В письме к брату от 9 апреля 1864 г. Достоевский пишет: «На днях вышлю повесть А . . . Повесть не хуже ее прежних и может идти» (Страхов, стр. 152). Может быть А . . . и есть Аполлинария, и об этом последнем ее рассказе идет здесь речь? Она потому намеренно так далеко отошла от первоосновы, пожертвовав конкретной яркостью пережитого, чтобы тем тщательнее скрыть доподлинную правду от тех, которые кое-что знали об их отношениях.

Для нас гораздо ценнее ее вторая попытка об'ективации, рассказ под заглавием: «Чужая и свои». Со стороны художественной, в большей части своей, там, где передан ее личный сюжет, рассказ этот гораздо удачнее напечатанного: в нем и лица обрисованы ярче и выпуклее, и действие развивается более стройно, логически правильно, и тон эмоциональный глубже и убедительнее. Она сделала все, что было в ее силах, чтобы основа оказалась запрятанной как можно дальше; то глубоко индивидуальное, Достоевского, которое воспринимается в первой передаче, окутано густою сетью общих мест и положений сентиментально-драматического характера; основа оказалась скрытой, но не уничтоженной; фактическая правда, рассказанная в дневнике, осталась.

Приведем пока отрывок, касающийся нашей первой сцены:

«Он подошел к ней и протянул ей руки. Увлеченная чувством признательности и радости она подала было свои, но вдруг выдернула и закрыла ими лицо.

— Анна, что ты? — воскликнул он, пораженный таким движением.

— Зачем ты приехал? — проговорила она с тоской.

— Как зачем? Что ты говоришь?

Он смотрел на нее во все глаза и старался уразуметь смысл ее слов, между тем как сознание этого смысла уже сказывалось в его сердце нестерпимой болью. Она взяла его за руку и подвела к дивану, на который оба они сели рядом. Несколько времени они молчали.

— Разве ты не получил моего письма, того, где я писала, чтоб ты не приезжал? — начала она, не смотря на него, но крепко держа его руку.

— Не приезжал? . . Отчего?

— Оттого, что поздно, — проговорила она отрывисто.

— Поздно, — повторил Лосницкий машинально и у него потемнело в глазах, несколько времени он не говорил ни слова.

— Анна, — начал он после долгого и тяжкого молчания, — мне нужно все знать, говори все, если не хочешь меня убить.

— Да, да, ты прав, — сказала она, пораженная его печалью и каким-то внутренним недоумением. — Нужно обо всем с тобою говорить, и как можно скорей, только не здесь, тут моя тетка может войти. Поедем к тебе. Где ты остановился? И, не ожидая его ответа, она вышла и чрез несколько минут возвратилась в шляпке и мантилье. Они вышли из дома. Карета, в которой приехал Лосницкий, стояла у под'езда; они сели в нее и отправились. Дорога была довольно длинная и шла по большим улицам. Лосницкий и Анна все время молчали. Молодая женщина неподвижно смотрела в окно и не выпускала его руки, лицо ее было бледно, но спокойно и серьезно. Прислонясь к углу кареты, Лосницкий сидел, как убитый; по временам он вздрагивал и судорожно жал руку Анны. Так прошло с полчаса. Наконец, приехали. Лосницкий вышел из кареты, взял под руку свою спутницу и повел ее через

под'езд гостиницы. Встретившийся им в коридоре слуга осклабился было при виде хорошенькой женщины, но, взглянув на их лица, поспешно свернул с дороги и юркнул в свою конуру. Лосницкий и Анна вошли в номер. Анна хотела что-то говорить, но Лосницкий прервал ее.

— Я тебя потерял! — воскликнул он и, упав к ее ногам, громко зарыдал. Молодая женщина кротко и грустно его успокаивала, и долго его болезненные рыдания заглушали ее тихие речи, надрывая сердца обоих. — Ну, рассказывай теперь, — говорил он после первых припадков печали, сидя с ней рядом на диване, и с выражением бесконечной, почти отеческой нежности смотря на ее печальное и строгое лицо.

— Что рассказывать? — проговорила она тихо; — люблю другого — вот и все.

Он судорожно рассмеялся:

— А я-то какой глупец: представь себе, мой ангел, спешил-то как, думал здесь с тобой святки провести, веселиться, право. Вот вешь судьба-то. — Он снова засмеялся, но чрез минуту сознание горя возвратилось во всей силе. Лосницкий вздохнул и опустил руку Анны.

— Давно? — спросил он после короткого молчания.

— Недавно . . . и неожиданно, мы знакомы с самого моего приезда, но я не думала . . . Я все тебя ждала, — проговорила она живо, к нему обернувшись, и на лице ее мелькнуло выражение грустной иронии. — Только с тех пор, как он сказал, что меня любит, я потеряла голову.

— Кто он? Ты об нем все писала мне.

— Мой учитель пения.

— Этот итальянец?

— Да.

— Что-ж, он молод, умен, красив?

— Зачем об этом спрашивать? — сказала молодая женщина, и щеки ее вспыхнули.

— Отчего-ж, — сказал он, улыбаясь. Несколько мгновений прошло в молчании. Лосницкий рассматривал Анну с каким-то наивным, почти ребяческим любопытством, отыскивая в ней следы прошлого. Она вся та же, даже прическа и платье прежнее. Нового он заметил только кольцо на руке и невольно обратил внимание. «Это он подарил», — подумал Лосницкий и не спрашивал, а только взглянул на нее. Она поняла его мысль и покраснела.

— Ты очень любишь его, Анна? — спросил он.

— Да, — проговорила она задумчиво.

— Я это знал, иначе и быть не могло. Я только так спросил . . .

— Ты отдалась ему, Анна? Он бывает у тебя каждый день?

Молодая женщина быстро подняла голову, и щеки ее покрылись красными пятнами, глаза блеснули из-под нахмуренных бровей, вся ее фигура мгновенно и резко изменилась под влиянием гнева.

— Молчи! — прошептала она отрывисто.

— Анна! — заговорил он с жаром, схватив ее руку, — ты не можешь меня подозревать в дурной мысли, потому что я любил тебя

свято и бесконечно; ты знаешь, что, помимо страсти моей к тебе, ты мне дорога, как друг единственный, как дочь, и счастье твое для меня прежде всего.

Он говорил искренно; она это знала и с чувством пожала его руку.

— Ты ведь счастлива, Анна?

Она не ответила, точно не слыхала вопроса, только мускулы ее лица слегка вздрогнули.

— Неужели нет? О, Анна! да возможно ли это? Говори мне, ради бога, мне нужно знать это.

— Не знаю, — проговорила она с трудом, пересилив волнение, — мне кажется, что он мало меня любит.

— Не любит! — с негодованием воскликнул Лосницкий. — Не любит, а добивался любви! — Он с отчаянием схватил себя за голову и забегал по комнате. — Слушай, Анна, — заговорил он почти вне себя от волнения; — ведь ты все такая же, свободная, как была всегда, и с ним, ты не любишь его как раба. О, нет, это невозможно, зачем спрашивать? И как же ты так безвозвратно увлеклась? Он, верно, говорить хорошо умеет. Он горд и дерзок.

Анна как-то странно улыбнулась.

— Он очень молод, — проговорила она, — он никогда не говорит фраз. Когда я его увидела в первый раз, я сказала себе, что этот человек не может лгать, и это так.

— Что он здесь делает?

— Он учится, а потом поедет за границу.

— И ты с ним поедешь? О, конечно, поедешь, везде, на край света.

— Я поеду в деревню, к дяде, — сказала Анна, заливаясь слезами.

— О, Анна, зачем ты так несчастлива! — Они еще несколько времени сидели вдвоем и разговаривали о посторонних предметах. Анна рассказывала ему о петербургской жизни, о людях, с которыми встречалась, расспрашивала его, слушала с большим интересом, хотя он не вдавался в подробности. Ее собственные мнения были несколько резки, они не отличались умеренностью ни в похвале, ни в осуждении.

— Ты все такая же,—говорил Лосницкий, слушая ее.—Трудно тебе будет жить с людьми. Ты слишком доверчива. Много будешь ты страдать, Анна!

— Пускай, — сказала она. — Пусть буду ошибаться, а верить все-таки не перестану. Есть же где-нибудь хорошие и добрые люди.

— Все добрые, Анна. Разве ты видела злых людей? Да что в этой доброте?

Анна подняла голову и смотрела на него с удивлением, почти испуганными глазами, потом задумалась и все остальное время молчала.

— Ты будешь писать мне, Анна, по-прежнему, не так ли? Мы ведь друзья?

— О, да, — сказала она, протягивая ему руку. — Что-ж ты так мрачен? — спросила она. — Ты сердишься на меня. Я ни в чем не виновата.

— Знаю, знаю, да не в этом дело. Больно мне, Анна, не могу я легко покончить с чувством. Я не молодой человек, в мои годы привязанностями не шутят. Ты много для меня значила. Твоя любовь сошла на меня, как божий дар, нежданно, негаданно, после усталости и отчаяния. Эта молодая жизнь подле меня обещала так много и так много уже дала, она воскресила во мне веру и остаток прежних сил. — «Хорошо ты этим воспользовался», — подумала Анна, но не сказала ни слова; он продолжал: — У меня ничего не оставалось от моей прежней бурной жизни и в тебе я все нашел. Я видел твою глубокую преданность и не думал ее пережить, я в нее свято, непреложно верил, я не думал, что каких-нибудь полгода разлуки и все пройдет... Впрочем, я сам виноват, — продолжал он после короткого раздумья, — я слишком увлекся, забылся, теперь для меня все ясно: ты никогда меня не любила. Не смотри на меня так строго, Анна, я правду говорю. Я видел твои страдания, твои порывы, но ты не меня любила, а кого-то другого во мне. Я ведь тогда еще говорил, что тебя не стою. Тебе пришла пора полюбить, около никого не было, я случайно подвернулся и ты поверила, что это то, что тебе нужно. Я не мог понять этого во время. Я был слишком ослеплен, слишком счастлив... Что-ж, — продолжал он после некоторой задумчивости и как бы говоря сам с собой, — я все-таки в выигрыше: у меня год счастья был и какого счастья!

— У меня есть к тебе одна просьба, Анна! — начал он после долгого раздумья. — Вот видишь, друг мой, моя жизнь кончена, плохо она была поставлена, не умел я с собой сладить, но теперь рассуждать поздно, не к чему, больше ждать нечего. Ты знаешь, Анна, что кроме тебя, у меня нет никого на свете. Я хочу тебе отдать остаток моей жизни. Послушай, может быть, когда-нибудь я могу тебе служить хоть чем-нибудь, мало ли что может быть: ты еще только начинаешь жить: не в счастьи, но, когда сомненье и горе нападут, когда не встретишь ты подле себя ни одного близкого человека, придешь ли ты тогда ко мне, как к другу, как к брату?».

Как видим, Суслова попыталась здесь коренным образом изменить не только ситуацию, но и самый характер действующих лиц; она прежде всего вывела на видное место себя, как героиню, заставив ее действовать активно, и активно же участвовать в диалоге; затем — героя. Достоевского, как уже было указано, она снизила до уровня, так сказать, обычно человеческого, упростила его, обеднила его душевную организацию путем отстранения его конкретно индивидуальных черт, и это дало ей возможность воспользоваться целым рядом общераспространенных приемов данной литературной формы, над которыми она не поднималась; основа действительно оказалась глубоко запрятанной.

но, повторяем, отнюдь не извращенной. И даже так: на этом шаблонном фоне она выделяется еще более резко, как доподлинно пережитое, как непосредственная правда в первой ее передаче.

Ясен совершенно путь художественной об'ективации, по которому она шла для того, чтобы усилить как эмоциональную, так и драматическую часть сюжета. К мотиву любви, столь же поздней, как и у Достоевского, ставшему более напряженным в виду того, что для душевно обедненного героя это чувство является единственным смыслом жизни, присоединяется еще один комплекс мотивов — его прошлое — непосредственно связанный с первым, поскольку психологически его обосновываст.

И даже более: именно потому, что в этой художественной интерпретации Суслова была менее связана во времени данной фактической правдой, тем, что было только в этот самый момент первой встречи, она сумела ввести в эту сцену несколько новых мотивов, тоже отнюдь не сочиненных художественно, а реально пережитых: из прошлого, более далекого, или недавнего, когда, как увидим ниже, оценка петербургского периода стала принимать уже окончательно суровые свои очертания. Мы имеем в виду, прежде всего, образ героини, ее собственный образ, который дан здесь достаточно полно и правдиво, поскольку мы знаем ее по дневнику. В этом смысле следует особенно запомнить ее автохарактеристику: «ее собственные мнения были несколько резки, она не отличалась умеренностью ни в похвале, ни в осуждении». И ставится эта черта в связь с ее глубокой верой в человека, к которому пред'являет свои большие требования. Так — повторяем раз сказанное — воспринимал ее Достоевский, и в этом он видел глубочайшую основу ее характера; б. м. если не сейчас, когда переживания его в связи с нею должны были быть особенно остры, то потом — безусловно, когда они разошлись, душою, в сущности, не разошедшись — уже после женитьбы на Анне Григорьевне: было у А. Г. много оснований, чтобы ревновать его к ней и не только к их прошлому, но к в настоящем. В дневнике А. Г. есть об этом жгучие строки [1]).

Сюда же нужно отнести и то, что героиня подумала про себя, — т.-е. не высказанные ею слова: «хорошо ты этим воспользовался», которые вдруг врываются в длиннейшую реплику Лосницкого о том, как много она значила для него и как воскресла в нем вера и «остаток прежних сил» под влиянием подошедшей к нему так близко прекрасной молодой жизни; — подобную реплику Суслова, по всей вероятности, не раз слышала из уст Достоевского в первый Петербургский период и тоже, быть может, не раз про себя выражала свою тяжелую, затаенную обиду в подобных словах: «хорошо ты этим воспользовался». Мы уже говорили о том, как упорно постоянен этот мотив в ее дневнике: неизменно появляется он каждый раз, когда она мысленно обращается

---

[1]) См. «Дневник», изд. «Новая Москва», стр. 28, 41, 48 и т. д. и т. д.

к начальной поре своей самостоятельной жизни, к роли в ней Достоевского.

Лесницкий говорит в одном месте о целом «годе счастья» с ней до того, как она другого полюбила. Может быть, это тоже автобиографично?

VIII.

Мы использовали весь фактический материал, идущий от Сусловой, для восстановления правды первых дней по приезде Достоевского в Париж. Сознаем всю односторонность наших данных. Их мало исправляет переписка с братом во время путешествия по Италии, в которое, как мы вскоре увидим, он отправляется вместе с Сусловой.

В это время, еще до от'езда в Италию, как и дальше, в продолжение путешествия, они вообще переписываются очень скупо. Одно письмо Достоевский написал брату перед самым от'ездом из Парижа, приблизительно через неделю после рассказываемых здесь событий. Среди писем, хранящихся в Московском Историческом Музее, нет этого письма, и мы узнаем о нем из ответа Мих. Михайл. от 22 августа (по ст. стилю). «Письмо твое, — пишет он ему, — мне показалось странным в одном месте. Ты пишешь о предчувствиях и ниже ни одного слова об Аполлинарии. Уж не случилось ли что-нибудь? Я, право, за тебя беспокоюсь. Напиши пожалуйста». Можно догадываться, из контекста, что предчувствия были у Ф. М., повидимому, еще до встречи с Сусловой в Париже. И вот теперь — так, очевидно, писал Достоевский брату — эти предчувствия оправдались: что-то случилось и именно в связи с «Аполлинарией», с Сусловой, и это Мих. Мих. беспокоит. Очевидно, брат Михаил знал всю серьезность чувства Дост.; знал, как много она значила для него в эту пору, и вот он заволновался. От 2-го сентября Мих. Мих. снова пишет ему письмо, полное недоумений: в его путешествии он опять улавливает что-то странное: «Напиши мне подробно, — просит он, — отчего ты из Парижа так скоро уехал». Фед. Мих. писал ему в предыдущем письме, что он играет в рулетку и проигрался. Брат удивляется: «Не понимаю, как можно играть, путешествуя с женщиной, которую любишь». М. М. эта любовь казалась такой захватывающей, что несовместимы рядом с ней никакие другие увлечения, неспокойные страсти. «Кланяйся сам от меня Ап. Пр.» — приписывает он дальше. Суслова — лично знакомая Мих. Мих.: она человек их же круга и в достаточной мере уважаемый.

Вот на это-то последнее письмо брата и сохранился ответ Достоевского. Ответ ясности не вносит. Он опять ограничивается туманными намеками, обещая «на словах рассказать о подробностях путешествия». Однако, о Сусловой есть в нем два упоминания, по тону друг другу противоречащих. «Ты спрашиваешь, — пишет он ему, — почему я так скоро оставил Париж. Во-1-х, он мне омерзел, а во-вторых, я сообразовался с положением т о й о с о б ы, с которой путешествую». Письмо это из Турина от 8/20 сентября, приблизительно

через две с половиной недели после от'езда из Парижа. Этот сухой раздраженный тон его слов: я сообразовался с положением той особы..., свидетельствует о том, что «надежды» его не сбылись, и ниже мы увидим, сколько мук, унизительных, причинило ему это путешествие вместе с нею, и как бы для того, чтобы затушевать эту раздраженность свою, он точно намеренно подыскивает иные причины, которые могли бы брату об'яснить, почему путешествие принесло ему так мало радости, несмотря на присутствие любимого существа. Он жалуется: что «скучно ужасно, несмотря на А(поллинарию) П(рокофьевну). Тут и счастье принимаешь тяжело, потому что отделился от всех, кого до сих пор любил и по ком много раз страдал. Искать счастья, бросив все, даже то, чему мог быть полезным — эгоизм, и эта мысль отравляет теперь мое счастье. И сейчас же следует в скобках такая добавка: «(если только есть оно в самом деле)». Да, этого счастья в самом деле не было; во время путешествия — будет об этом ниже рассказано — казалось иногда, что вот оно снова приближается, пережитое Сусловой в Париже точно предается забвению обоими; но это только казалось так: в редкие, исключительные мгновения.

Вот главное, что мы узнаем из переписки Ф. М. с братом относительно Сусловой: переменчивые настроения, глухие намеки — подробностей путешествия он не рассказывает. В этом же письме Достоевский говорит еще о встрече с Тургеневым в Бадене: «Тургенев А. П. (Суслову) не видал. Я скрыл». — Как скроет он потом свои отношения к ней и от Герцена, с которым вскоре встретится в Неаполе: еще была жива Мария Дмитриевна, приходилось беречь любовь свою, как тайну, чтоб не обросла она сплетнями.

Мы еще раз повторяем, одно ясно из этой переписки: далеко не «только эпизодом» была Суслова в жизни Достоевского, и мучительно тяжело должно было переживаться им то, что мы здесь рассказываем.

Будем теперь дальше продолжать наше повествование. Уже при первом свидании, как только увидал, что она несчастна, Достоевский предложил Сусловой поехать вместе с ним в Италию, и он будет ей «как брат». Как в истории с первой женой, снова берет он на себя роль третьего: друга и утешителя, являющегося со своей помощью в самые тяжелые минуты жизни любимого человека. Для нас осталась до сих пор сокрытой та, первая полоса его мужских переживаний. Ведь, только на основании писем, его писем, к Врангелю, знаем мы о том, что он хотел и готов был пожертвовать собою ради ее счастья. И случилось так, что она все же стала его женой.

Герой подполья, чтобы казнить себя как можно сильнее, выставляет на показ всю свою мерзость, в значительной мере, конечно, сочиненную; тяжелее всего, как давящий кошмар, воспринимается его поступок с падшей, к которой он в начале приходит в роли спасителя.

На этот раз — с Сусловой — как долго оставалась бескорыстной эта роль утешителя и друга? Был ли он «как брат»? Быть может, в самом начале, в минуты первого порыва жалости и сострадания; но прошло — как увидим ниже — всего несколько дней, и роль резко изменилась. И вот снова возникает наша тревожная мысль, она и на этот раз останется, к сожалению, не до конца развернутой: испытание, ниспосланное ему судьбою — не примет ли оно отныне еще более ответственный, еще более острый характер; — с того самого момента, как она, Суслова, хотя бы и на малое время, будет им из'ята из омута парижской жизни, отдалена от непосредственных чар второй ее любви, быть может, еще более чувственной и грешной. На конце тончайшего острия между начинающимся падением, как она сама выражается, в тину засасывающей пошлости и (как увидим дальше) действительно вскоре последовавшего затем отчаяния, чуть ли не приведшего ее к самоубийству, — и еще возможным для нее спасением в приближении к ней человека в ореоле, истинно, до конца, сияющего: так колебалась душа Сусловой в эту минуту, дважды уже испытывавшая жгучие укусы страстей. Требовалась со стороны Достоевского высшая жертва. Как женщина, Суслова стала вдвойне соблазнительной. И тоже на тончайшем острие, в соответствии с ней, должна была колебаться и его душа: был возможен — и не казался ли одинаково близким? — подвиг, или еще большее падение. Мы отнюдь не думаем, что все эти колебания ясно очертались в сфере сознания уже в эти или ближайшие дни: процесс совершается где-то в глубине, сознательно переживался позднее, в отражении; охваченный страстью, он в начале не ощущал его. Но тем острее должны быть потом его переживания, еще глубже трагедия духа, когда страсть затихала, и он мучился над тем, что был он далеко не «как брат», оказался ниже ее доверия.

Не поднялся он и на этот раз выше Петербургского периода.

Здесь еще больше приходится сожалеть о том, что нет у нас переписки Достоевского за время итальянского путешествия. Хотя, с другой стороны, кому бы он мог раскрыть эту тайну свою: не Страхову же: мы ведь знаем, как, в сущности, только внешне воспринимал он его; и даже не брату, которого он, конечно, знал, как человека, которому совершенно чужды подобного рода тревоги духа. Но может ли быть что-либо убедительнее «Записок из подполья», так мучительно остро вскрывших именно эти переживания; зачатых, быть может, во время самого путешествия, написанных, во всяком случае, сейчас же непосредственно после него. И мыслятся эти два произведения: «Подполье» и «Игрок» в такой временной последовательности, согласно двум аспектам: душевному и духовному, в которых переживался этот момент; был задуман вначале «Игрок» в плоскости душевного; там внимание исключительно сосредоточено на сцеплении внешних событий и на развертывающейся страсти. Так Иван Алексеевич говорит: «во все последнее время мне как-то ужасно противно было прикидывать поступки и мысли мои к какой бы то ни было нравственной мерке. Дру-

гое управляло мною...» (Соб. соч., т. V, стр. 230, изд. Просв.). Но потребность катарзиса в плоскости духа оттеснила этот замысел и выдвинула на его место «Подполье». Нет надобности настаивать непременно на сознательном воспроизведении в них своего личного сюжета; для нас важно, что они были — эти переживания, и источником для них в сфере психической является безусловно этот второй момент в истории его с Сусловой.

Внешние события развертывались так: Достоевский приехал в Париж, как мы знаем, числа 25 — 26-го августа (по новому стилю), а дней через 7 — 8 они уже отправились вместе в Италию. Последняя парижская запись в дневнике Сусловой от 2-го сентября; 5-го сентября запись ее уже помечена: Баден-Баден; стало быть, 3-го или 4-го они, повидимому, и выехали из Парижа.

В течение этих нескольких дней до от'езда Суслова часто видалась с Достоевским, рассказала ему подробно историю своей любви к Сальвадору, и уже окончательно сделала его своим поверенным и советником. Между тем, история эта докатилась до своего конца; обман со стороны Сальвадора делался все явственнее и грубее, рассеялись последние надежды. Уж в присутствии Достоевского оборвалась ее последняя нить. Об этом Суслова так рассказывает в дневнике в записи под датой: понедельник (1-е сентября). Однажды вечером она вернулась от Достоевского довольно поздно, легла, не зажигая огня, и плохо спала всю ночь. Она проснулась, когда было еще темно. Едва рассвело, она стала ходить по комнате и вдруг нечаянно увидела на столе письмо. Это писал товарищ Сальвадора о том, что тот лежит в тифу, заболел с того самого дня, когда она была у него в последний раз на квартире. Тем самым как будто и раз'яснилось, почему она не дождалась его тогда, во вторник. Товарищ писал еще, что лежит он у знакомых и видеть его нельзя, чтобы не возбудить подозрения этих знакомых. Суслова считала его на краю могилы и была в отчаянии. Успокаивал ее Достоевский, говоря, что «в здешнем воздухе и при этих медиках не опасно». Она принимает меры, чтобы как-нибудь проникнуть к нему, товарищу отвечает энергичным письмом, в котором запрет видеться с ним в минуты опасные для его жизни называет варварством.

Так томится она в течение нескольких дней, ничего не зная о Сальвадоре, о ходе его болезни. Тем глубже было оскорблено в ней чувство человеческого достоинства и чувство женщины, когда вскоре обнаружилось, что все это было не более, как грубый, плохо сыгранный обман, и сам же он, намеренно или по неосторожности, его раскрыл. На своем обычном скупом языке, почти без всяких психологических нюансов, воспроизведя чрезвычайно бегло одну только внешне-фактическую сторону и лишь изредка останавливаясь на отдельных мелких деталях — передает она дальше этот последний момент своей первой парижской

полосы, прошедшей вся под знаком глубокой любви к Сальвадору. И мы снова сталкиваемся с этим, знакомым уже нам, двойственным впечатлением от ее записей: нас неприятно поражает однотонность передачи, вернее, почти отсутствие всякой тональности, и в то же время оно же и делает сообщенное ей особенно точным, поскольку нет в ее рассказе никакой утрировки, ни тени искусственности. Как бы бесстрастно запротоколирован в хронологическом порядке ряд событий, слова едва обозначают одни лишь внешние проявления души, непосредственно их переживавшей, и мы только догадываться можем о сложном комплексе разнообразных чувств, ее тогда волновавших.

«В субботу, в 6 часов вечера, — читаем мы в ее дневнике, — я пошла гулять на улицу Сорбонну и вдруг увидела его самого. Он подошел ко мне улыбаясь, но очень бледный и взял мою руку. Первые его слова были, что он был болен и что выходит в первый раз. — «Да, ты очень болен, — сказала я». — В это время подняла на него глаза, на щеках у него были красные пятна». Разговора она дальше не приводит и сразу приступает к центральному моменту этого случайного свидания, когда обнаружился его обман. Он сказал: «ты сердишься на меня, что я не был во вторник, но, ведь, ты мне назначила в четверг». — Мне сразу стало ясно и слезы хлынули мне на глаза», — вот и все, что мы узнаем из дневника об этом моменте окончательного разрыва. В покорной тихости был этот момент воспринят и пережит ею: «Я так страдала, что меня не достало на негодование». Несколько подробнее, но теми же короткими отрывистыми штрихами передает она, что было с ней потом, когда, оскорбленная, униженная, вернулась домой. Нахлынула первая волна негодования, ее охватывает безумие. Она пишет: «Я пришла в свою комнату, со мной случилась истерика, я кричала: «убью его». Потом снова впала в оцепенение, начинался жар, думала, что заболеваю и радовалась этому». Это второе состояние пассивности опять не долго продолжается. Теперь уже примешивается к нему холодное сознание: она не хочет и не может покориться неизбежному, получать оскорбления и оставлять их безнаказанными. Тогда она стала думать, что делать, и решилась. Тайной окутывает она свое решение. В дневнике она заносит только то, что «все приготовила, сожгла некоторые свои тетради и письма»: «Мне было чудно хорошо, — пишет она дальше, — только жаль было мать, да и хозяев, которые бы в этом случае пострадали». Очевидно, решение было слишком ответственное и, если б она привела его в исполнение, то погубила бы себя навсегда. Быть может, дочь Достоевского в чьей-то передаче что-то знала об этом. В разобранной уже выше главе биографии, посвященной Полине, она рисует целую карикатуру, как та «в 7 часов утра прибежала к отцу с большим ножом в руке и об'явила, что хочет убить своего возлюбленного». Был в самом деле, повидимому, задуман какой-то акт страшной мести, и перед тем как совершить его, когда решимость к утру несколько поколебалась, она действительно пришла к своему покровителю и другу за последним словом совета. Достоевский был с ней на этот раз суров, быть может, намеренно говорил с ней языком откровенным до цинизма.

намеренно подчеркивая ее падение, и в то же время доказывая ей безрассудность того, что она задумала. Две короткие сценки приводит она здесь в своем дневнике, последовавшие одна за другой в это утро 2-го сентября. Ниже мы увидим, что и эти сцены она пытается использовать в своем незаконченном рассказе «Чужая и свой» — само собой разумеется, в меру их пригодности для той новой ситуации, в которой этот сюжет личной жизни в нем перестроен.

«Всю ночь не спала, — пишет она в дневнике, — а на другой день в 7 час. утра пошла к Достоевскому; он еще спал. Когда я пришла — проснулся, отпер мне дверь и опять лег [и закутался — надписывает она сверху над строкой, надо полагать, что это более поздняя вставка]». Он смотрел на меня с удивлением и испугом... Я была довольно спокойна. Я ему сказала, чтобы он сейчас же ко мне шел. Мне хотелось рассказать ему все и просить его быть моим судьей. Когда Ф. М. пришел, — рассказывает она дальше, — я вышла к нему из-за завтрака с куском хлеба, который ела. «Ну, вот видишь, что я спокойна», сказала я смеясь.

— Да, — сказал он, — и я рад, но, впрочем, кто тебя разберет»...

Здесь Суслова впервые записывает, что она рассказала ему всю историю своей любви и последнюю встречу, не утаивая ничего. «Ф. М. сказал, что на это не нужно обращать внимания, что я, конечно, загрязнилась, что это случайность, что Сальвадору, как молодому человеку, нужна любовница, а я подвернулась, он и воспользовался; отчего не воспользоваться: хорошенькая женщина и удовлетворяющая всем вкусам. «Я боюсь только, — прибавил он дальше, — чтобы ты не выдумала какой-нибудь глупости».

— Я его не хотела бы убить, — сказала я, — но мне бы хотелось его очень долго мучить.

— Полно, — сказал он, — не стоит, ничего не поймет; это гадость, которую нужно вывести порошком. Что губить себя из-за него — глупо».

Сухо, почти деловито отметила она этот разговор свой с Достоевским, ничем не реагируя на суровую обнаженность его слов. Про себя она только добавляет: «я, конечно, понимаю, что он прав, но каково же мне»! И заключает свою запись так: «все-таки я его очень люблю и готова отдать полжизни, чтобы заставить его почувствовать угрызение совести до того, чтобы он раскаялся передо мною».

Приводим только-что приведенный эпизод так, как он использован Сусловой в рассказе: «Чужая и свой».

«Однажды утром Лосницкий только-что проснулся и лежал еще в постели, как кто-то постучался к нему.

— Кто там, — крикнул он, не вставая.

— Я, — ответил тихий голос.

Сердце Лосницкого замерло.

— Анна! — воскликнул он, не веря собственным ушам.

— Да, — отворяйте скорее.

Лосницкий быстро выскочил с постели, наскоро оделся и отворил дверь. Анна вошла в комнату в капоре и шубе. Она откинула вуаль, и Лосницкий вздрогнул при взгляде на ее лицо. Оно было смертельно бледно и строго, губы крепко сжаты, глаза смотрели прямо и с выражением ужаса и помешательства.

— Что с тобой? Анна! — воскликнул Лос.

— Ничего, — отвечала она медленно и слегка прерывающимся голосом. — Мне нужно говорить с тобой, нужно, чтоб ты ко мне пришел для этого, мне нельзя оставаться. Прощай. Приходи же.

— Приду, приду!

Она вышла совсем одетая, хотя было еще очень рано и казалась спокойной, даже веселой.

— Я не ожидала, что ты придешь так скоро, — начала она.

— Я поторопился потому, что ты меня испугала. Я рад, что нашел тебя спокойной. Впрочем, кто тебя разберет? — прибавил он, — ты всегда такая.

— Я только что завтракала, — сказала она, чувствуя, что спокойствие ее начинает покидать и желая удержать его, — не хочешь ли, я принесу тебе чаю.

— Нет, пожалуйста, не беспокойся.

— Как знаешь. Она встала и заходила по комнате. Мускулы ее лица начали как-то подергиваться, яркий румянец заиграл на щеках.

— Я хочу с тобой говорить, — сказала она».

Так видим мы, что и здесь, при художественной реализации и этого комплекса мотивов, Суслова использывает лишь те из них, которые могут стать, по своей роли в развертывании рассказа, в уровень с сюжетом, взятые не в своей индивидуальной исключительности, а элементами общими, типическими; — мы бы сказали: средне-человеческими в смысле становления образов, психологического их содержания. А оформление литературное в стилистически-композиционном отношении — то же: обычно-шаблонное, как со стороны описательной, так и диалога. И ясно воспринимается за сетью этих общих штамповых приемов самый остов события, фактическая часть этой утренней сцены с Достоевским.

IX.

Париж Суслова покидает с чувством большой грусти (запись от 5-го сентября, Баден-Баден). Она сравнивает свое теперешнее настроение с тем, с каким она уезжала из Петербурга. Тогда была радость и мир душевный: вот она, наконец, избавилась от тяжелого, давящего кошмара, вновь воскресали светлые надежды — мечты о новой и свободной жизни. И вот, чем все это завершилось. «Мне кажется, я никого

никогда не полюблю», — так заканчивает она эту первую свою баденскую запись. А в ненапечатанном рассказе эти же переживания выражены еще острее. «Я вспомнила, — говорит героиня, — как в первый раз в'езжала в Петербург (там действие не в Париже, а в Петербурге, куда героиня приехала из далекой провинции), какие надежды были у меня тогда и что с ними стало... Ах, как тяжело мне оставлять Петербург, как тяжело. Я как будто в нем покидаю дорогие могилы». Любопытно, что образ Лермонтова вторично является перед нею, и на этот раз она ассоциирует его в связи с собою. «Дорогой, — пишет она дальше, — мы разговорились с Ф. М. о Лермонтове. Я вспомнила этот характер, и все случившееся со мною показалось так мелочно, так недостойно серьезного внимания. «И ничего на этом свете благословить он не хотел». Да; он был прав». Жизнь и ей кажется «ничтожной и глупой шуткой».

Тем контрастнее воспринимается настроение Достоевского. Он полон сил, жизнерадостен, снова, очевидно, чувствует себя помолодевшим, его взволнованное состояние сказывается во взрывах неистощимой веселости, в юношеской беспечности. Через день, под 6-е сентября, Суслова записывает в своем дневнике следующее: «Путешествие наше с Ф. М. довольно забавно, визируя наши билеты, он побранился в папском посольстве (ср. рассказ об этом Алексея Ивановича в «Игроке», т. V, стр. 208—19, изд. Просвещ.), всю дорогу говорил стихами, наконец, здесь, где мы с трудом нашли две комнаты с двумя постелями, он расписался в книге «officie», чему мы очень смеялись. Все время он играет на рулетке и, вообще, очень беспечен».

Так начинается краткая полоса, продолжавшаяся не более двух месяцев — их совместного итальянского путешествия, сыгравшая, как мы это скоро увидим, решающую роль в их отношениях. И опять остановимся, прежде всего, на личности Сусловой: в новом облике встанет она перед нами, еще более увеличивая то обилие противоречивых черт, которое мы уже знаем за ней. Могла она нам казаться до сих пор в своих проявлениях стремительной, прямолинейно-гордой, всего более чутко и ревниво относящейся к чувству достоинства, чувству чести женщины. Сочеталась в ней наивная мечтательность с позитивной трезвостью эпохи, идеал чистоты и внутреннего целомудрия — со способностью отдаваться целиком во власть чувственных темных страстей. При всей своей активности, скорее жертвой рисовалась она нам, силы свои тратившей большей частью бесплодно: на преодоление неодолимых противоречий между идеалом и действительностью. Мы отмечали прежде вспышки жестокости, когда ее охватывала жажда мести, и лишь один раз уловили утонченность мучительства, только тень его — при передаче ею первой встречи с Достоевским: тогда мы не могли еще уверенно утверждать это. Но вот теперь, во время путешествия, эта черта сказывается уже ярче. Она - то, по всей вероятности, и определяет характер их отношений — в течение этих двух месяцев, по крайней мере; сказывается, в сущности, уже в самом согласии ее на совместную поездку с Достоевским.

Картина последних дней их пребывания в Париже представляется нам так, на основании ее кратких, отрывистых, но все же со множеством деталей записей. Она была поглощена своими переживаниями в связи с Сальвадором, с Достоевским считалась мало, была с ним довольно резка, а он все терпел и ждал окончательного ее решения и согласия с ним поехать. И нужно полагать, что уже тогда, под влиянием вскипевших в нем страстей, скрылось на время его «быть, как брат», — тоже не рассуждая и не взвешивая последствий — тех мук раскаяния, которыми он будет потом расплачиваться — отдался весь на волю охватившего его чувства.

Знала ли она об этом, ощущала ли приближающееся безумие? Конечно, да. Двойственным она ведь и раньше воспринимала Достоевского, и если при первой вспышке отчаяния она еще могла верить в «его братское» бескорыстие, — хотелось, быть может, верить, — то все же потом, когда представляла себе это совместное путешествие, и воскресало в ее памяти пережитое с ним в Петербурге, не подлежит сомнению, должны были приходить ей в голову другие мысли, и хотя бы полусознательно — положение рисовалось во всей своей сложности. И, однако, она поехать согласилась, взяла на себя ответственность за те мучения его, которым он подвергался в течение целых полутора месяцев итальянского путешествия. И вот здесь-то и должны мы сказать: в гораздо меньших размерах, никогда, быть может, не достигая даже в малой степени той остроты и глубины, за которой трагедия души у него, Достоевского, непосредственно переходила в трагедию духа, и дальше — в катарзис, — но были и ей ведомы эти душевные его противоречия, та же борьба полярных начал: содомского греха и святости «Мадонны». Мы отнюдь не удивляемся чересчур откровенному языку ее записей, крепко помня, что она дочь своей эпохи, шестидесятница, и не считаем поэтому себя в праве делать какие бы то ни было заключения на том основании, что она не сопровождает рассказываемых ею фактов никакими эмоциями: ни гневом, ни возмущением. Но в самых фактах, в самом характере ее поведения — улавливаем мы проснувшегося беса в ней, — этот специфический оттенок сладострастия в мучительстве, как его, так и себя, — остроты наслаждения самой напряженностью предстоявших и очень скоро нагрянувших переживаний. Мы не знаем, отсутствовала ли раньше эта черта и только теперь она появилась — тогда нужно предполагать, что в ее душе действительно произошел какой-то крутой перелом, — или до сих пор еще не обнаруживалась, факт таков, что в той жуткой ночной сцене, насыщенной мучительной страстью Достоевского, которая вскоре будет здесь воспроизведена, — она отнюдь не является перед нами в роли пассивной покорности. И в той ситуации, в которой все эти события развертываются — когда она, любя другого, молодого и красивого, им покинутая, и все еще продолжая его любить, позволяет Достоевскому подходить к ней близко, но полнотою чувства ему не отвечает — к мукам неутоленной страсти, ревностью распаленной, должно было присоединиться еще чувство оскорбительного мужского самолюбия; нечто в роде

презрения ощущал он здесь с ее стороны, и это было всего более невыносимо. Что же это? Утонченная месть за прошлое? И только?

В «Игроке», в одном месте Алексей Иванович говорит о сложности своего чувства к Полине. «И еще раз теперь я задал себе вопрос: люблю ли я ее? И еще раз не сумел на него ответить, то-есть, лучше сказать, опять, в сотый раз ответил себе, что я ее ненавижу. Да, она была мне ненавистна. Бывали минуты (а именно, каждый раз при конце наших разговоров), что я отдал бы полжизни, чтоб задушить ее. . . А между тем, клянусь всем, что есть святого, если бы. . . она, действительно, сказала мне: «бросьтесь вниз» (с вершины людной горы), то я бы тотчас же бросился, и даже с наслаждением». И дальше так рисуется ее отношение к нему: «мысль о том, что я вполне верно и отчетливо сознаю всю ее недоступность для меня, всю невозможность исполнения моих фантазий, — эта мысль, я уверен, доставляет ей чрезвычайное наслаждение, иначе могла ли бы она, осторожная и умная, быть со мной в таких короткостях и откровенностях» (стр. 225, т. V, изд. Просвещ.). Это же чувство презрения с ее стороны подчеркивается в «Игроке» не один раз, и ощущается оно героем именно в этом позволении «говорить ей беспрепятственно и бесцензурно о своей любви».

В художественном оформлении, в связи с иной сюжетной ситуацией, воспроизводится Достоевским тот сложный комплекс эмоций, которые возникали в нем именно в эту пору, в первые дни итальянского путешествия, — ответно отношению к нему Сусловой. Возбужденность его душевного состояния поднималась до высшего своего напряжения, она этому способствовала, сама вызывала ее, а чувство оставалось неразрешенным.

Суслова начинает свою запись от 6-го сентября Баден-Баден несколько издалека: «Дорогой он сказал мне, что имеет надежду, хотя прежде утверждал, что нет. На это я ему ничего не сказала, но знала, что этого не будет. Ему понравилось, что я так решительно оставила Париж. Он этого не ожидал. Но на этом еще нельзя основывать надежды — напротив».

Это «напротив» очень характерно. Потому она и согласилась так скоро с ним поехать, что чувствовала себя по отношению к нему спокойной, его присутствие ни в малой мере ее не пугало; на ее откровенном языке это и значит: «знала, что этого не будет». И сейчас же вслед за этим приводится такая жуткая ночная сцена:

«Вчера вечером, — пишет она дальше, — эти надежды особенно высказались. Часов в 10 мы пили чай, кончив его, я, так как в этот день устала, легла и попросила Ф. М. сесть ко мне ближе. Мне было хорошо, я взяла его руку и долго держала в своей. Он сказал, что ему так очень хорошо сидеть. (Я ему говорила, что была к нему несправедлива и груба в Париже, что я как будто думала только о себе, но я думала и о нем, а говорить не хотела, чтоб не обидеть). Вдруг он внезапно встал, хотел итти, но запнулся за башмаки, лежавшие подле кровати, и так же поспешно воротился и сел.

— Ты куда же хотел итти? — спросила я.

— Я хотел закрыть окно.

— Так закрой, если хочешь.

— Нет, не нужно. Ты не знаешь, что со мной сейчас было, — сказал он с странным выражением.

— Что такое. Я посмотрела на его лицо, оно было очень взволновано.

— Я сейчас хотел поцеловать твою ногу.

— Ах, зачем это, — сказала я в сильном смущении, почти в испуге и подобрав ноги.

— Так мне захотелось и я решил, что поцелую. Потом он меня спрашивал, хочу ли я спать, но я сказала, что нет, хочется посидеть с ним. Думая спать и раздеваться, я спросила его, придет ли горничная убирать чай. Он утверждал, что нет. Потом он так смотрел на меня, что мне стало неловко, я ему сказала это. «И мне неловко», — сказал он с странной улыбкой. Я спрятала свое лицо в подушку. Потом я опять спросила, придет ли горничная, и он опять утверждал, что нет.

— Ну так поди к себе, я хочу спать, — сказала я.

— Сейчас, — сказал он, — но несколько времени оставался. Потом он целовал меня очень горячо и наконец стал зажигать для себя свечку. Моя свечка догорала.

— У тебя не будет огня, — сказал он.

— Нет будет, есть целая свечка.

— Но это моя.

— У меня есть еще.

— Всегда найдутся ответы, — сказал он, улыбаясь, и вышел. Он не затворил своей двери и скоро вошел ко мне под предлогом затворить мое окно. Он подошел ко мне и посоветовал раздеваться.

— Я разденусь, — сказала я, — делая вид, что только дожидаюсь его ухода. Он еще раз вышел и еще раз пришел под каким-то предлогом, после чего уже ушел и затворил свою дверь.

В этой безыскусственно-однотонной передаче, в которой едва заметны его напряженные борения с охватившей его страстью, особенно запоминается ее первый прилив, когда он, взволнованный, внезапно встает, едва сдерживая желание поцеловать у нее ногу. С исключительной остротой подчеркивается в «Игроке» «следок ноги ее (Полины), узенький и длинный — мучительный, именно мучительный» (стр. 260, т. V, изд. Просвещ.).

Ночная сцена на обоих произвела сильное впечатление. Суслова рассказывает очень кратко о первой встрече их на завтра утром. «Он напомнил о вчерашнем дне и сказал, что был пьян. Потом он сказал, что мне верно неприятно, что так мучит». Она отделалась ничего не значащими словами, ответила, что ей «это ничего», «не распространялась об этом предмете», не подчеркнула перед ним своего отношения. Точно намеренно оставила за собою возможность продолжения этой мучительной для Д. игры: вела себя в разговоре с ним так, «что он не

мог иметь ни надежды, ни безнадежности». А из дальнейших слов Достоевского, ею здесь приводимых, улавливается ясно именно это ощущение с ее стороны превосходства, власти своей над ним, которая и определяет характер отношения Полины к Алексею Ивановичу в «Игроке»: «он сказал, что у меня была очень коварная улыбка, что он верно казался мне глуп, что он сам сознал свою глупость, но она бессознательна».

Так видим мы здесь облик совершенно новый, женщины далеко не наивной, уже во всяком случае не пассивно-покорной.

Должно быть, тоже под влиянием ночной сцены, Суслова заносит в дневник, вечером того же дня, следующие размышления над собой и над своим положением. «Я сейчас, — пишет она, — вспомнила сестру. Она осудила бы меня за поездку в Италию». Сама же чувствует себя правой, в гордости своей упорствуя, вызов бросает установленной морали: «катехизис, который я себе когда-то составила и исполнением которого гордилась, кажется мне узким». «И вообще замечаю, — подводит она как бы итог всему пережитому, — что в мыслях моих совершается переворот».

«Достоевский проиграл и несколько озабочен, что мало денег на нашу поездку» — так заканчивает она эту запись от 6-го сентября.

X.

Следующие дни их совместного путешествия протекают, повидимому, несколько спокойнее, по крайней мере для нее. Целых восемь дней она ничего не записывает ни о себе, ни о Достоевском; в быстром передвижении — 14-го они уже в Турине — новая, часто меняющаяся обстановка и вместе с нею наплыв новых и интересных впечатлений. действует на нее, надо думать, успокаивающе, не давая ей сосредоточиваться ни на прошлом, пережитом, ни на настоящем.

Малозначителен и тот небольшой эпизод, который она заносит от 14-го сентября — выразительный обмен взглядами между Достоевским и какими-то французами. вместе с ним и ею обедавшими в гостинице за table d'hôte. «Обедавшие, — пишет она, — были все французы, молодые люди; один из них очень нагло посматривал на меня и даже Ф. М. заметил, что он как-то двусмысленно кивал на меня своему товарищу. Ф. М. это взбесило и привело в затруднение, потому что ему довольно трудно, в случае нужды меня защищать. . . Ф. М. подарил его (француза, который кивал на нее своему соседу) таким взглядом, что тот опустил глаза и начал острить очень неудачно».

Может быть, это тоже одно из тех впечатлений, которые нашли потом свое художественное оформление в «Игроке» же, в вызывающем по тону рассказе Алексея Ивановича, в присутствии «французика» де-Грие за обеденным столом у генерала.

Так проходят еще три дня, в течение которых Суслова опять ничего не записывает, и затем следует один, очень коротенький, на первый взгляд мало значащий эпизод, на самом же деле в высшей степени

ценный, еще одним светом — тихим и радостным — освещающий их отношения даже в эти тяжело-темные дни. И как-то колеблется, — правда, не надолго, — наша психологическая концепция предыдущей главы: была не только страсть, слепая, воспаленная с его стороны и не одно наслаждение своим превосходством и оттенок мучительства со стороны ее, но и истинная духовная близость, вместе с глубоким чувством жалости и сострадания друг к другу.

Вот что она записывает от 17 сентября, Турин:

«На меня опять нежность к Ф. М. Я как-то упрекала его, а потом почувствовала, что неправа; мне хотелось загладить эту вину, я стала нежна с ним. Он отозвался с такой радостью, что это меня тронуло, и стала вдвое нежнее. Когда я сидела подле него и смотрела на него с лаской, он сказал: «Вот это знакомый взгляд; давно я его не видал». Я склонилась к нему на грудь и заплакала. И сейчас же приводится в соответствие с этой записью следующий момент. «Когда мы обедали, он, смотря на девочку, которая брала уроки, сказал: «ну, вот, представь себе — такая девочка с стариком, и вдруг какой-нибудь Наполеон говорит: «Истребить весь город». Всегда так было на свете». Видится доподлинный Достоевский, такой, каким он является в художественных творениях со своими неожиданными трагическими сопоставлениями: носитель рока, Наполеон и рядом — тихое, невинное дитя.

Это были, по всей вероятности, самые тихие, умиротворенные дни во время их путешествия. Улеглись страсти, выступил лик истинно-человеческий. Мелькают дальше в дневнике легкие тени случайных встречных: в пути на пароходе или на улицах в тех городах, где они останавливались. Одни мимолетные впечатления сменяются другими, столь же легкими и мимолетными, — записи носят характер случайно-отрывистый.

21-го сентября они выехали из Турина, а 22-го прибыли в Геную. С наивной простотой рассказывает Суслова о том впечатлении, которое произвел на нее город, где «дома в колокольню, а улицы в два вершка шириной», а «итальянцы ходят по улицам с открытой грудью, женщины—с белыми покрывалами, заменяющими им шляпку и мантилью». И тут же запись о том, что вот ей удалось прочитать какую-то философскую книгу и, к удивлению своему, что-то поняла: «из Канта о непостижимости вещи в себе и Гегелевской реальности понятий». Передается об этом не без тени иронии над собою и с тем же наивным чувством удовлетворения, что как ни как, а сущность уловила.

И опять мелькают, в быстроте их передвижений, лениво отражаясь, эти легкие путевые впечатления: 24-го сентября — четверг — они в Ливорно. Корабль должен был стоять там целый день, чтобы забрать какой-то груз; словно от скуки, пробует зарисовать разных лиц, бывших вместе с ней на пароходе, некоторые бытовые характерные сценки, каких-то итальянцев, угощавших ее виноградом, еще одного полурусского полуитальянца, успевшего ей рассказать, что в России у него жена и 10 человек детей. И т. д. Больше всего ее заинтересовал матрос.

русский. Он водил ее по кораблю, говорил ей «ты», и это ей очень нравилось.

В дальнейшем мы несколько раз встретимся с этим определенным ощущением ею своего крестьянского происхождения, своей коренной, физической и духовной близости к мужику.

Это «ты» напоминает ей русского мужика, который не употребляет «вы», «да ведь он, — прибавляет она, — и учился у мужиков».

После этого еще несколько жанровых мелочей, мало интересных и мало характерных — все те же случайные наблюдения в лени отдыхающего сердца и дремлющего ума — обрывки жестов, поз, которые обычно ловит на лету записная книжка всякого беллетриста.

Но вот проходит еще четыре - пять дней, они у конечного пункта своего путешествия — в Риме: Суслова вносит последнюю свою большую запись, касающуюся Достоевского. О нем в течение целых двенадцати дней мы ничего не знаем, точно она путешествовала одна, без него. Быть может, в самом деле и его душа в это время отдыхала от прежних, волновавших ее чувств, которые тоже растворялись в этой быстрой смене мест и впечатлений. Или спокойствие было лишь видимое, внешнее, а под его покровом шевелились и нарастали страсти.

Запись датирована: Рим, 29 сентября, как раз днем раньше того взволнованного и мучительно-тяжкого письма Достоевского к Страхову, о котором у нас была речь в начале нашего очерка. Измученный, неудовлетворенный, он должен был окончательно убедиться, что все надежды его на Италию не оправдались. И вот рыцарь в последний раз превращается в жестокого и настойчивого влюбленного, преследующего свою определенную задачу: слова стали более обнаженными, тон резко изменился, сделался снова откровенным до цинизма — это второй эмоциональный слой того контрастного фона, на котором развертываются отношения в «Игроке» между Полиной Александровной и учителем, Алексеем Ивановичем.

Рим, 29 сентября.

Вчера Ф. М. опять ко мне приставал. Он говорил, что я слишком серьезно и строго смотрю на вещи, которые того не стоят. Я сказала, что тут есть одна причина, которой прежде мне не приходилось высказать. Потом он сказал, что меня заедает утилитарность. Я сказала, что утилитарности не могу иметь, хотя и есть некоторое поползновение. Он (не?) согласился, сказав, что имеет доказательства. Ему, повидимому, хотелось знать причину моего упорства, он старался ее отгадать. Ты не знаешь, это не то, отвечала я на разные его предположения. У него была мысль, что это желание помучить. Ты знаешь, — говорил он, — что мужчину нельзя так долго мучить, он, наконец, бросит добиваться. Я не могла не улыбнуться и едва не спросила, для чего он это говорил.

— Всему этому есть одна главная причина — начал положительно (после я узнала, что он не был уверен в том, что говорил), причина

которая внушает мне омерзение, это полу-ост. (Испания, намек на Сальвадора).

Это неожиданное напоминание очень взволновало меня. Ты надеешься. Я молчала.

— Теперь ты не возражаешь, — сказал он, — не говоришь, что это не то — я молчала.

— Я не имею ничего к этому человеку, потому что это слишком пустой человек.

— Я нисколько не надеюсь, мне нечего надеяться, — сказала я, подумав.

— Это ничего не значит, рассудком ты можешь отвергать все ожидания, это не мешает.

Он ждал возражения, но его не было. Я чувствовала справедливость этих слов.

Он внезапно встал и пошел лечь на постель — я стала ходить по комнате. Мысль моя вдруг обновилась, мне в самом деле блеснула какая-то надежда, я стала не стыдясь надеяться.

Проснувшись, он сделался необыкновенно развязен, весел и навязчив. Точно он этим хотел победить внутреннюю обидную грусть и насолить мне.

Я с недоумением смотрела на его странные выходки. Он будто хотел обратить все в смех, чтоб уязвить меня, но я только смотрела на него удивленными глазами.

— Не хороший ты какой, — сказала я наконец просто.

— Чем, что я сделал?

— Там в Париже и Турине ты был лучше. Отчего ты такой веселый?

— Эта веселость досадная, — сказал он и ушел, но скоро пришел опять.

— Не хорошо мне, — сказал он серьезно и печально. — Я осматриваю все как будто по обязанности, как будто учу урок, я думал, по крайней мере, тебя развлечь. Я с жаром обвила его шею руками и сказала, что он для меня много сделал, что мне очень приятно.

— Нет, — сказал он печально, — ты едешь в. . .

Мне как-то странно и больно-сладко от намеков о С. Какая, однако, дичь во всем, что было между мной и Сальв. Какая бездна противоречий в отношениях его ко мне. Ф. М. опять обратил все в шутку и, уходя от меня, сказал, что ему унизительно так меня оставлять (это было в 1 час ночи, я раздетая лежала в постели). «Ибо россияне никогда не отступали».

Мы воздержимся на этот раз от каких-нибудь выводов в связи с самым характером записи ее, с отсутствием в ней моментов оценочных по отношению к Достоевскому. Здесь нет ее личного тона, потому ли, что она вообще не обижалась на Достоевского — в той же самой плоскости, в какой не обижалась и Полина в «Игроке» на «грубости» и «циничности» Алексея Ивановича — или, как уже было отмечено выше, в этом сказывается стиль эпохи, ее утрированная манера «назы-

вать вещи своими именами», а, может быть, и то, что с самого начала характер записей был уже предопределен ее «профессиональным зрением», тем, что она писательница — сложность переживаний Достоевского в эти последние дни их итальянского путешествия воспринимается от этого как бы еще более подчеркнуто.

Это второй и самый высший момент его глубоко личной драмы; никогда раньше она, быть может, не переживалась им так остро и напряженно, как именно в этот последний месяц. И по мере приближения к последним дням она все более и более нарастала, и вот теперь он ясно увидел, что прошлое, Петербургский период, остался позади и, повидимому, навсегда. Любовью Сусловой, радостью, которую она ему давала, был он освещен этот первый период разбираемого нами пятилетия, — вернее, вторая половина этого периода, в течение которого было достигнуто столько побед на разных путях его жизни; — в этой области, глубоко личной, он закончился трагически.

Обольстительностью романтической тайны окутывает Достоевский облик Полины Александровны в «Игроке»: как-то она проходит незапятнанной среди той грязи, которая ее окружала и в которую она было сама окунулась. В сюжетной ситуации ее путь, в сущности, тот же, что и у m-lle Blanche: в прошлом француз де-Грие и в будущем, тоже без любви, англичанин, мистер Астлей; истинная любовь к одному только Алексею Ивановичу, любовь в соединении с глубочайшей ненавистью и отвращением за ту ночь, когда она «пришла к нему вся»,— бросает на ее фигуру этот особый романтический свет. Не так ли Достоевский воспринимал и Суслову; не только позднее, когда отраженно, в художественной памяти своей, воспроизводил ее сложную натуру, — в 1866 г., — чтобы дать ей уже последнее художественное воплощение, но и во время самого путешествия, вот теперь, когда мстил ей грубо-цинично за «ее недоступность и всю невозможность исполнения его фантазий». В конце 1865 г., когда Суслова была уже в Петербурге и виделась часто с Достоевским, приводится в ее дневнике такая фраза: «ты не можешь мне простить, что раз отдалась, и мстишь за это».

Намеренно грубой, плоско-цинической шуткой: «Россияне никогда не отступают» закончил Достоевский эту ночную сцену. Но в памяти остается острота его очень грустных слов: «не хорошо мне... я на все смотрю, как будто на обязанности, как будто учу урок»...

Эти сцены: баден-баденская и римская — центральные в ее дневнике для биографии Достоевского. Мы приведем отрывок из ее повести «Чужая и свой», где они оба использованы в едином эпизоде.

— Куда ты? — спросила Анна, — приподняв голову с подушки.

— Я... — проговорил он, стараясь скрыть волновавшее его чувство, — я думаю, что, может быть, тебе мешаю. Тебе, может, хочется быть одной.

— Нет, мне лучше с тобой, — сказала она кротко и не замечая, что в нем происходило. Он быстро повернулся при этих словах,

но вдруг остановился и медленно пошел к столу, стоявшему довольно далеко от нее. Она его попросила сесть ближе. Анна начала говорить, какой эгоисткой вела она себя до сих пор во все время их четырехмесячного путешествия, занимаясь одной собой, и даже как будто не замечая внимания его к себе, она спешила его уверить, что знает и ценит все, что он сделал для нее гораздо более, чем ему самому кажется; она повторила, что этот от'езд и присутствие близкого человека, поддерживающего ее сильным словом, которое всегда имело над ней власть, спасли ее от ужасного отчаяния [чего-то ужасного, что ей приходило на ум, странные и страшные мысли], она прибавила, что давно ей хотелось ему все это высказать, но как-то не выговаривалось. Я не стала тебе говорить этого, — сказала она, — потому что прежде была часто несправедлива к тебе. Я как-то сказала тебе перед нашим от'ездом из Пет., что любовь моя ничего мне не принесла, кроме страдания. Это было несправедливо сказано. Я была счастлива, — сказала она с грустным волнением. — Умеешь ты хорошие слова говорить Анна, — сказал он, наконец. — Анна ничего не сказала и впала в прежнее раздумье, тогда как он думал только о ней и о добром к ней расположении. Самое молчание ее, самую задумчивость он об'яснил в свою пользу, как выражение того, чего она не договорила словами. Она сделала какое-то движение головой, повернула его к свету: он вскочил со стула и бросился вперед, но вдруг остановился, смущенный и нерешительный.

— [Куда ты хотел идти].

— Что ты? — спросила она спокойно и смотря в потолок.

— Я хотел закрыть окно, — пробормотал он.

— Так закрой.

— Нет, не нужно, — сказал он, — возвращаясь на прежнее место. Она промолчала.

— Ты не знаешь, что со мной сейчас было, — начал он через минуту взволнованным голосом.

— Что? — спросила она тревожно, приподняв голову и устремив на него испуганные глаза.

— Ты не рассердишься?

— Что такое?

— Я только что хотел подойти и поцеловать твою ногу, но задел за этот ковер и опомнился.

Краска стыдливости подступила к благородному, целомудренному челу Анны и придало ее лицу чисто-девическое выражение: «Зачем это?» — проговорила она с мольбой в голосе и инстинктивно задернула полой длинной пестрой блузы конец своей узкой туфли.

— Ты должна извинить меня, — сказал смущенный Л.

— О, да, только не говори больше об этом.

Но такое великодушие не очень польстило Лосниц. Он завел вскоре разговор самый обыденный, но что-то не вязалось. Взгляды Лосницкого останавливались на ней с большим упорством и страстью,

он забывал о чем говорил. Анна это заметила [встала с постели] и оно ее встревожило. Ты скоро уйдешь к себе? — спросила она его.

— А что?

— Так... я спать хочу.

— Так рано?

Лосницкий молча поцеловал обе ее руки.

Но он не тронулся, пока через несколько минут она не напомнила ему, чтобы он ее оставил: не хочется уходить от тебя, — сказал он со вздохом. — Однако, встал, поцеловав на прощанье обе ее руки и решительно вышел.

— Анна, — заговорил он, — вчера я был глуп и низок. Я виноват перед тобою, простишь ли ты меня? И Анна радостно приняла это раскаяние, обещая забыть вчерашнее, сознаваясь, как оно ей было тяжело. Он уверял, что увозил ее без всякого расчета, хотя и была у него какая-то неопределенная надежда, когда же он вдруг увидал себя с ней одних посреди чужих мест, незнакомых людей, его рассудок помутился; обещал ей на будущее быть ее другом, защитником, чем только она сама захочет, несмотря на то, что страсть ее к другому и вследствие ее сложившиеся между ними новые отношения сделали ее вдвое привлекательнее.

Вдруг она вошла в комнату, подошла к нему и стала на колени, чтобы прямо смотреть ему в лицо. «Прости меня», проговорила она, взяв его за руки и устремив на него грустный, проникающий в душу взгляд. Он взглянул на нее с притворной рассеянностью и улыбнулся.— Прости меня, — повторила она и продолжала на него глядеть тем же глубоким, кротко-любящим, грустно-умоляющим взглядом, которым точно хотела излить всю душу. «Вот этот взгляд мне знаком, — сказал Лосницкий ей тронуто и тихо гладил волосы, — давно я его не встречал».

— Отчего ты такой мрачный? Зачем не хочешь быть весел? — говорила она задумчиво и ища выражений.

— Полно; что ты. Отчего не весел, — так.

— Ты не хочешь говорить со мной? Ты сердишься?

— Что за вздор, — проговорил Лосницкий и невольно вздохнул.

— Скучно мне, — начал он серьезно и печально, — все чужое кругом, все постылое. Я поехал с тем, чтобы тебя занять, развлечь, успокоить, дать работу голове, и вот уже четыре месяца, как мы в раз'ездах и ты только грустишь и, кажется, ничего больше знать не хочешь.

— Разве ты не знаешь меня. Я всегда такая была.

— Была, это так. Но теперь, когда ты свободна итти, куда хочешь, делать, что хочешь. Скажи, чего недостает тебе?

— Чего? У меня ничего нет. Моя молодость прошла без радости. Я истощила себя в ежедневной борьбе с людьми и обстоятельствами. Мои силы не вынесли, и люди заклеймили меня насмешкой и презрением. Родные отступились от меня. Куда я пойду? Кому я нужна? Что начну делать?

— Разве нельзя создать себе дела? Заставить любить и уважать себя? Нет, это все не то, тут есть другая, более основательная причина. То, что меня возмущает и чего я не могу об'яснить себе. Скажи, что ты любишь . . . И он пристально смотрел на нее.

Бледные щеки Анны мгновенно вспыхнули, но через минуту стали еще бледнее.

— Ты молчишь . . . Ты не хочешь меня опровергнуть . . Анна в самом деле молчала.

— Ты любишь, значит ты надеешься.

— Мне нечего надеяться, — сказала она.

— Ты рассуждаешь так рассудком, но у сердца своя логика. — Он ждал возражения, но его не последовало.

Не будем на этот раз осложнять приведенный отрывок подробным сравнительным анализом; скажем только то, что здесь ее художественное воображение гораздо меньше, чем в первом отрывке, отступает от точных записей дневника, расходясь с ними лишь усилением, и то всего в двух-трех местах эмоциональной окраски рассказа; да ярче подчеркнута ее роль путем введения нескольких драматических эффектов (например: становится перед ним на колени). Особо отметим отсутствие цинически-плоского конца второй ночной сцены.

XI.

И снова наступает в их жизни успокоение. Очевидно, оно уже больше не нарушалось. Следующая запись в ее дневнике: 6 октября Неаполь; знакомые уже нам пометки маленьких жанровых картинок — на этот раз из уличной жизни Рима и Неаполя, несколько случайных незначительных встреч с случайными по пути людьми. Между прочим сообщается, что «по дороге от Рима до Неаполя нас очень часто обыскивали и беспрестанно требовали паспорта».

Произошло в эти дни только одно значительное событие — Суслова рассказывает о нем не сейчас, а двумя неделями позже, уже в Париже, в записи от 22-го октября — это неожиданное свидание Достоевского с Герценом; к сожалению, переданное ею слишком кратко.

«На дороге, на корабле, в самом Неаполе, мы встретили Гер. со всем семейством». (Не подлежит сомнению, что под Гер. разумеется здесь Герцен, см. собр. соч. Герцена под ред. Лемке т. XVI, стр. 501—503, а также письма Дост. к Сусловой, приведенные ниже). Ф. М. меня представил, как родственницу весьма неопределенно. Он вел себя со мной при них, как брат, даже ближе, что должно было несколько озадачить Г. . Ф. М. много говорил ему обо мне и Г. был внимателен . . . . Ф. М. провожал Г. (Герцены сошли в Ливорно) и был у них в гостинице.

Вот и все, что касается самого Герцена. Потому ли, что она, быть может, не присутствовала при их разговоре, или внимание ее было

целиком сосредоточено на самой себе, в виду двусмысленности ее положения — о беседе их мы ничего не узнаем из ее записей. Ниже мы увидим, из писем Достоевского к Сусловой, что встретились они, как люди хорошо расположенные друг к другу, и что Достоевский в это время почему то особенно дорожил вниманием Герцена. Дальше Суслова останавливается довольно подробно на молодом Герцене, в связи с которым набрасывает несколько штрихов, характеризующих Достоевского.

«Это — пишет она о молодом Герцене — какой-то отчаявшийся юноша, и приводит в доказательство следующий разговор: «я, говоря о моих заграничных впечатлениях, сказала, что везде нахожу более или менее гадость, а он доказывал, что не более или менее, а везде одинаково гадко».

Молодой Герцен был, повидимому, к ней внимателен; в ореоле отраженной славы своего знаменитого отца, молодой, умный и прекрасно образованный, он произвел на нее большое впечатление; в разговоре с ним была воодушевлена. Достоевский это заметил и реагировал очень неспокойно. Суслова так об этом рассказывает: «во время моего разговора с ним (мол. Герц.) Ф. М., когда я была одушевлена, прошел мимо и не остановился; я подозвала его, он обрадовался. Молодой Г. сказал, что зимой будет в Париже и придет ко мне, спросил мой адрес... Я рассказала Ф. М., тот посоветовал дать адрес, чтобы больше оказать внимания. При прощании я дала Г. адрес. Ф. М. неспокойно сказал, чтоб я ему непременно написала, если у меня будет Г. Я обещала. Вообще он ничего не говорил со мной о молодом Г., но когда я первая довольно легко заговорила, он продолжал и отозвался не совсем в его пользу».

Непосредственно за рассказом о встрече с Герценом, отчасти в связи с ним, Суслова заносит в свой дневник еще следующее: «В день от'езда из Неаполя, мы с Ф. М. поссорились, а на корабле, в тот же день, под влиянием встречи с Герценом, которая нас одушевила, об'яснились и помирились (дело было из-за эмансипации женщин). С этого дня — прибавляет она — мы уже не ссорились; я была с ним почти как прежде и расставаться с ним мне было жаль».

На этом кончается последняя запись в дневнике Сусловой о совместном ее путешествии с Достоевским.

Мы можем теперь, при помощи ее дневника, установить несколько точнее его «итинерарий» на обратном пути в Россию.

В письме к Страхову от 30 сентября Достоевский писал, что в Турине он будет дней через 15, то есть числа четырнадцатого октября. Если судить по тому, что 22 октября Суслова была уже в Париже, а ехала она на Германию и прожила двое суток в Берлине — так сообщает она в своих, начатых в дневнике же, но не законченных «путевых записках» — то надо полагать, что они вместе выехали из Турина вскоре же по прибытии туда. В Берлине они расстались; Суслова уехала в Париж, а Достоевский направился в Россию почему-то не прямым путем, а через Гамбург (в «Игроке» Алексей Иванович после всех своих приключений в Бадене тоже почему то очутился в Гамбурге,

где пробует счастья, ставя последний гульден на рулетку). Подобное случилось и с Достоевским. Об этом тоже узнаем мы из ее дневника, куда она заносит от 27 октября следующий факт: «Вчера получила письмо от Ф. М., — он проигрался и просит прислать ему денег. Я решилась заложить часы и цепочку».

В ответ на последнее письмо Достоевского Суслова достала триста франков и немедленно послала ему. Так, одному из «предрассудков» отвергнутого ею «катехизиса» она невольно отдала свою дань, расходы на нее во время путешествия она сейчас же оплатила [1]). На этом обрываются надолго, — больше чем на год — непосредственные их отношения. Они еще продолжали переписываться и, ниже мы увидим, довольно деятельно; переписывались не только до самой женитьбы Достоевского на Анне Григорьевне, но и после. За это время были попытки и нового сближения, как кажется, исходившие, главным образом, от Достоевского. Надо думать, что из переписки с ним она знала и про дальнейшие события в его жизни — в ее дневнике они однако не находят себе отражения. Да и вообще имя его мелькает поразительно редко в ее последующих записях: так резко расходятся их жизненные пути; внимание ее поглощено иной сферой интересов, новыми встречами и новыми связями.

Возникает мысль: не должны ли мы здесь же, на данном моменте, приостановить наше повествование? Мы еще и еще раз напоминаем, что роль Сусловой в жизни и в творчестве Достоевского отнюдь не случайная, не эпизодическая, и мы обязаны использовать все данные, какие у нас имеются, рассказать все, что знаем о ней, дабы облик ее предстал перед нами и в дальнейшем своем развитии; именно печать, наложенная на нее Достоевским: периодом Петербургским и итальянским путешествием, осталась неизгладимой на всю ее жизнь: пережитое в связи с ним и определило характер последующей эволюции ее личности.

Мы вернемся вместе с нею обратно в город суеты и соблазнов и так же внимательно будем вчитываться в ее записи повседневные, отныне становящиеся все более и более мрачными.

Двойною жизнью, видели мы, жила она во время путешествия: в общем, казалась она нам гораздо спокойнее Достоевского, новые впечатления несколько рассеяли прежние ее мысли, усыпили страсти. Но и тогда время от времени вспоминала она о парижской полосе своей жизни с тем же сложным чувством: любви, горечи, незабываемой обиды, б. м. и жажды мщения; теперь же, когда она вернулась в Париж и очутилась в прежней обстановке, это чувство снова овладело ею, целиком ее захватило, покорило себе. В первый же день по возвращении, 22-го октября, Суслова заносит в свой дневник следующее:

«Тотчас по приезде домой, я хотела спать, легла, но не могла заснуть. Мысли были как-то смешаны, но мало-по-малу они определились... Я вспомнила то, как оставила Париж... Я думала, и какие-то

[1]) В письме из Турина Достоевский писал брату: «она заложила кольцо», это было в Женеве, где они очутились без денег, проигранных им в Бадене на рулетке.

надежды приходили в голову против воли — надежды уязвить, отомстить... Но... отомстить ли! И только?» И дальше прибавляет: «Или в ней было что-то другое. Сердце страдало и требовало своей доли, убеждая, льстя. О, как оно ныло, как вертелось!»... Она пошла гулять и неожиданно очутилась на той, памятной улице: «бедное сердце, к чему лукавить» — так сознается она себе.

И оттого, что так поглощена своими личными переживаниями, Суслова чувствует себя очень одинокой в этом огромном мире чуждых ей людей и интересов; она одна с своим мучительно тяжелым прошлым и тоской безнадежной любви. Так по новому воспринимает она себя. И это сразу и надолго определяет ее отношение к Парижу; он «кажется (ей) решительно отвратительным». В первый раз прозвучал здесь этот мотив отвращения к чужой и чуждой культуре, и будет он потом все более и более усиливаться в дальнейших ее записях вместе с часто возвращающимися к ней воспоминаниями об этом человеке, о Сальвадоре, через призму отношений к которому она отныне и надолго воспринимает все окружающее. А вспоминает она о нем часто, и неизменно все в той же сфере безнадежной любви и горького разочарования. Так в записи от 14-го ноября мы читаем: «А люблю-то я все-таки С...». 17-го ноября к ней кто-то приходил в ее отсутствие. Она пишет: «Я невольно подумала о С. и сердце мое забилось».

Через десять дней (5 декабря) опять то же: «Несмотря на присутствие новых лиц, новых занятий, меня преследует одна мысль, один образ». И, чем больше удаляется этот образ и безнадежнее становится в ее мечтах, она хватается за самые отдаленные признаки былой связи, и малейшее воспоминание о нем превращается для нее в особый смысл. От нечего делать, она начинает заниматься испанским языком; бесцельными, ненужными кажутся ей эти занятия, но это связано с его родиной, с далекими разговорами с ним, когда, не разбираясь, верила каждому его слову. «Я начала учиться испанскому, — записывает она в дневнике от 23 декабря, — это меня очень занимает... я очень довольна, когда занимаюсь испанским, но иногда среди этих занятий мысль о нем нахлынет мгновенно, и сердце так больно, больно сожмется».

Она не может и не хочет его забыть, пытается завязать с ним хоть какие-нибудь отношения, пишет ему целый ряд писем в выдержанно-холодном оскорбительном тоне; возвращает ему какие-то деньги, которые он однажды на нее потратил—всего несколько десятков франков. Ждет хоть какого-нибудь ответа. Его упорное молчание приводит ее в бешенство; тогда любовь на время снова сменяется ненавистью; она уверяет себя, что чувствует в себе достаточно сил, чтобы действовать наступательно, мстить длительно, упиваясь его муками, его унижением, за свою обиду. Так все более и более ожесточается ее сердце, ее душе ведомы теперь только эти чувства: ненависти и мести.

Прошло уже около полгода после разрыва, и вот что она заносит в дневник (от 7 января 1864 г.):

«Теперь как-то особенно часто о нем вспоминаю и убеждение, что я осталась в долгу, не выходит у меня из головы. Я не знаю, чем и как заплачу я за этот долг, только знаю, что заплачу наверное, или погибну с тоски».

«Знаю, что пока существует этот дом, где я была оскорблена, эта улица, пока этот человек пользуется уважением, любовью, счастьем,— я не могу быть спокойна; внутреннее чувство говорит мне, что нельзя оставить зло безнаказанно» . . . Это чувство личной обиды вырастает у нее в обиду общую, за всех; он, обманщик, превращается для нее в символ всех унижающих и оскорбляющих. Точно ища поддержки в основах общественной справедливости, своей жажде мщения, она возводит в нравственный долг свое стремление воздать ему за зло злом. «Я была много раз оскорблена теми, кого любила, или теми, кто меня любил, и терпела . . . но чувство оскорбленного достоинства не умирало никогда, и вот теперь оно просится высказаться. Все, что я вижу, слышу каждый день, оскорбляет меня, и, мстя ему, я отомщу им всем . . . Я не хочу его убить, потому что это слишком мало — я отравлю его медленным ядом, я отниму у него радости, я его унижу».

Это одно из нечасто встречающихся мест в ее дневнике, когда стиль ее приобретает большую силу выразительности, ярко окрашивается эмоционально, отражая высокую степень ее взволнованного чувства.

В эту пору, как уже было отмечено, отношение ее к жизни вообще,—ко всему уклону европейской культуры—становится мрачным. Из глубины своего одиночества и все усиливающейся тоски неудовлетворенного сердца смотрит она на пестрый, волнующийся вокруг, чуждый ей мир; словами, подсказанными Достоевским (его «Зимние заметки о летних впечатлениях»), еще вероятнее Герценом («С того берега»), выражает она теперь то отвращение, которое испытывает к окружающему миру. И нет сомнения, что берет она эти слова потому, что в них она находит лучшую формулировку своим собственным мыслям, своей личной оценке, глубоко ею выстраданной. Нужно было ей пережить, на себе испытать губительность этих чуждых форм жизни, заплатить за увлечение ими растратой своих молодых сил — ведь увлечение в известном смысле началось уже давно, переживалось в плоскости идейной, как преклонение перед западной культурой, еще в Петербурге, — чтобы вновь почувствовать свою самобытность: женщины русской, и вместе с этим всю правду, по крайней мере психологическую, того отношения молодого, полного сил, русского варвара к культурной Европе, наиболее яркое выражение которого она нашла именно у Герцена и у Достоевского. За внешним, ослепительно-блестящим покровом западно-европейской жизни и тех идей, которые выросли на ее почве, на первый взгляд как будто и в отрицание ее, этой жизни, — ей тоже видится нравственное разложение одних и погружение в мещанство других: гибель физическая и духовная.

12 декабря она записывает следующее: «До того все продажно в Париже, все противно природе и здравому смыслу, что я скажу в качестве варвара, как некогда знаменитый варвар сказал о Риме:

«этот народ погибнет». Лучшие умы Европы думают так. Здесь все продается, все: совесть, красота; продажность сказывается во всем: в позах, в выточенных словах, в костюмах, в походке».

Эти впечатления парижские обобщаются у нее в представление обо всей Европе, о которой она уже прямо говорит словами Герцена или Достоевского. Так она заносит 17-го февраля: «Какая суетность! Я теперь одна и смотрю на мир как-то со стороны, и чем больше я в него вглядываюсь, тем мне становится тошнее. Что они делают, из-за чего хлопочут, о чем пишут? Вот тут у меня книжечка, шесть изданий и вышло в шесть месяцев... Восхищаются тем, что в Америке булочник может получить несколько десятков тысяч в год, что там девушку можно выдать без приданого, 16-летний сын в состоянии себя прокормить. Вот их надежды, вот их идеал! Я бы их всех растерзала».

Суслова отвергает этот окружающий ее мир с его мелкими ничтожными интересами и бескрылыми идеалами, питая к нему ненависть и отвращение, и когда она думает о себе, о тех узах, которые невольно связывают ее с ним, она испытывает еще и страх, — за себя и свое будущее. В кипения пустом тратятся теперь ее силы, она так поглощена сферой своих узких сугубо-личных переживаний, настолько на них одних сосредоточила все свои помыслы и чувства, что в сущности ей глубоко безразлично стало, где жить и чем заполнять бесконечно долгие часы бесцельных дней своих. Она одна из тех, — говорит она про себя, — «у кого нет определенного места и цели, а такие не могут оторваться от этого города, для них он действительно имеет что-то». Так пишет она в дневнике от 2-го апреля, и в той же записи мы читаем следующие и очень грустные строки: «Назойливая тоска не оставляет меня в покое. Страшно давящее чувство овладевает мной, когда я смотрю с Бельведера на город. Мысль потеряться в этой толпе наводит какой-то ужас».

Мы видим здесь сложнейший узел самых запутанных: своих и заимствованных мыслей и чувств, которые она не может воедино собрать, ослабела прежняя воля, нет сил, чтобы сделать какой-нибудь решительный шаг. Какие-то самые нужные основы исчезли, стоит перед нею во всей своей остроте вопрос о дальнейшем ее будущем. И ненавидит и не может оторваться от этого города; себя, растерянную, окончательно растерявшуюся, — не знает куда девать. Но это только первая ступень падения, начало душевного ее разложения; предстояло ей еще до конца исчерпать этот круг переживаний, путем новых и новых испытаний докатиться до той последней грани, за которой либо гибель: духовная и физическая, либо возрождение. В данный момент она пробует итти по линии наименьшего сопротивления. Появляется у нее большая жадность на новые лица и впечатления. Мелькают изредка среди знакомых, на время становящихся ей более или менее близкими, люди и покрупнее, с ними устанавливаются у нее отношения бескорыстные, у них она ищет иногда и находит себе поддержку; но это лишь побочная, слабая струя в ее жизни: основной же фон создают

другие, — большинство, герои данного мгновения, нужные ей постольку, поскольку можно с ними, с каждым из них, хоть на миг испытать некую иллюзию полноты и цельности переживаний. Поглощает ее в это время сфера чувственности, а после каждой легкой вспышки страсти душа испытывает еще большую неудовлетворенность, и мысль о самоубийстве становится привычной.

XII.

Такова в общих чертах внутренняя жизнь Сусловой за первые шесть месяцев по возвращении ее в Париж после итальянского путешествия. Мы увидим дальше, как на этом фоне, который в сущности останется господствующим и во весь остальной, нам известный, период ее жизни, будет развертываться и внешняя ее история. Это те частые, всегда заинтересованные, ее встречи с целым рядом все новых и новых лиц, о чем мы говорили выше.

Пока же выделим особо встречу с двумя более или менее крупными личностями, одной из которой суждено было занять в ее внутреннем мире место довольно большое. Они обе вне главного потока событий и фактов, которые Суслова так активно созидала. И столкнулись они с ней в области, наименее ярко отразившейся в дневнике, но б. м. наиболее дорогой для нее и наиболее уязвимой: в области литературной; это — две писательницы: одна старая, уже начинавшая терять свою былую популярность: графиня Салиас (Евгения Тур), другая — только что приобретшая известность, благодаря усиленному покровительству Тургенева: Марко Вовчек (Маркевич). Суслова познакомилась с ними почти в одно время, в начале апреля 1864 г. Знакомство с Маркевич ограничилось, повидимому, всего несколькими встречами; в дневнике ее имя попадается в записях апрельских и майских, позднее — еще раз-другой и потом исчезает. Здесь не было равенства отношений. В упоении своей начинающейся славы, Вовчек явно выказывала к Сусловой высокомерие: похваливала снисходительно ее рассказы, когда та читала их у нее на дому; с оттенком покровительства принимала ее у себя; словом всячески, вольно и невольно подчеркивала свое «величие». Суслова так рассказывает о первой встрече с ней: «К Маркевич я пришла без всяких рекомендаций. Она приняла меня радушно и просто, сказала, что слышала обо мне, хотела сама притти ко мне, да не знала адреса, и в несколько минут она очаровала меня».

Но это только первое впечатление, длившееся всего несколько минут. Дальше приводится такая деталь: «Она предложила мне чаю, от которого я не отказалась потому, что испытывала страшную жажду. Потом скоро сообразила, что нужно было отказаться; ее любезность показалась мне манерой русской барыни, готовой всякого принять, напоить и накормить».

Маркевич ее провожала. «Дорогой — расказывает Суслова — мы о многом говорили: о гр. (очевидно о Салиас), о том, что она пишет

и что я пишу и писала». И общий итог от встречи с ней приводится такой: «Вообще я заметила в ней какую-то холодность, осторожность, она как-то всматривается в людей. Видно, что это женщина рассудительная, хладнокровная, увлекаться она не будет».

Как видим, впечатление в результате осталось двойственное и перевес оказался на стороне черт, не совсем приятных. «Графиня, — пишет дальше Суслова, — сказала, что эта женщина тонкая. Графиня (это, очевидно, Салиас) и разумела, повидимому, под словом «тонкая» ту же «рассудительность ее и холодность». Это первая большая запись о Маркевич. Потом идут еще две-три записи в связи с ней — всего в несколько строк: заходила к ней Маркевич на несколько минут и вскоре ушла; встретила ее случайно на улице и т. п., и, наконец, следующая пометка (от 8 мая суббота), очень характерная для Сусловой. Начинает она эту запись так: «Вчера была у Маркевич. Она читала мою повесть (I-ю), ей она понравилась. Мар. сказала, что эта повесть лучше Сальяса. Я ей читала не напечатанную повесть, и та ей понравилась, только конец не понравился. Во время чтения Мар. говорила: «Это хорошо». «Прекрасно». После чтения происходит между ними разговор, Суслова передает сущность его так: «Маркевич — нужно смотреть на людей во все глаза». — «Я ответила, что не могла бы, что это мне кажется циничным». А дальше Суслова продолжает про себя: «И в самом деле — что за радость следить и остерегаться на каждом шагу? Я и счастья такими средствами приобретенного не хочу. Это было бы деланное счастье. Пускай меня обманывают, пускай хохочут надо мной, но я хочу верить в людей, пускай обманывают. Да и не могут же они сделать большого вреда».

Перед нами две противоположных натуры: одна — холодная, сдержанная, к людям относящаяся осторожно, с оттенком корысти; другая — пылкая, нередко пристрастная, в основе своей доверчивая и такой в сущности оставшаяся на всю жизнь, несмотря на все страдания, которые причиняли ей близкие люди. И эти женщины не могли сойтись.

Но совершенно иначе сложились отношения Сусловой с гр. Салиас. Они почувствовали, с первой-же встречи, друг к другу большое расположение и очень скоро превратилось оно в крепкую дружбу, длившуюся, как уже сказано было, несколько лет. Среди бумаг Сусловой сохранился целый ряд писем к ней Салиас; они охватывают весь период ее заграничной жизни, два из них адресованы в Петербург, куда Суслова возвратилась в конце 1865 г. Может быть, они еще и дальше переписывались; последнее письмо Салиас отнюдь не имеет характера письма прощального. И мы по этой переписке видим, как они были между собой дружески откровенны. Салиас знала внутреннюю жизнь Сусловой, раскрывала перед нею и свою и с чуткостью материнской относилась к ее переживаниям, нередко пытаясь воздействовать на нее словом, согретым истинной любовью.

Вот как Суслова рассказывает о начале этого знакомства:

«17 апреля. На днях я познакомилась с двумя личностями — с Евгенией Тур и Марко-Вовчек. Евгения Тур услыхала обо мне от . . . . [1]) и просила ее меня прислать. С первого раза она совершенно очаровала меня. Живая, страстная, она произвела на меня сильное впечатление. И при всем уме и образовании такая простота . . . При ней я не чувствовала стесненности и натяжки, которая обыкновенно бывает при первом знакомстве даже с людьми очень образованными и гуманными. Я говорила с ней, точно говорила с моей матерью. Мы плакали и целовались, когда она рассказывала мне о польских делах. С первого раза она пригласила меня жить вместе (она живет с сыном), обещала давать мне уроки фран. и англ. языков и говорить всегда по-французски. Потом на лето пригласила гостить на дачу к своему другу и очень жалела, что прежде со мной не была знакома».

На фоне этого знакомства — вскоре и дружбы — с Салиас выявляются довольно ярко и общественно-политические настроения Сусловой в это время. Скажем заранее: эти настроения общественного характера тоже интересуют нас преимущественно с точки зрения ее личной жизни, поскольку и они, хоть и косвенно, тоже влияли на ее душевное состояние, его ухудшая. Суслова столкнулась в доме Салиас с новой средой, молодой и деятельной: с людьми, казавшимися тогда стойкими и смелыми борцами за те самые идеалы, которые должны были быть более или менее близки ей еще из Петербурга: с Утиным [2]), Лугининым [3])

---

[1]) Фамилия не разобрана.

[2]) Утин Евгений — брат Николая Утина — известного революционера, одного из главных руководителей «Земли и Воли»; эмигрировали они в конце июля или начале августа 1863 г.: см. об этом Собр. соч. Герцена под ред. Лемке, т. 16, стр. 436. Также письмо Утина (в «Колоколе» от 10 августа 1863 г.) к Комитету «Земли и Воли». Об Евгении Утине Герцен несколько раз упоминает: в письме к Салиас от 28 ноября 1864 г. (т. 17, стр. 402), в письмах к Огареву 1865 года (т. 18, стр. 58 и стр. 71).

[3]) Лугинин, Влад. Федорович — известный революционер, член «Великоросса», находившийся в близких отношениях с Герценом: в 1865 г. он чуть не женился на старшей его дочери — Наталии. Герцен постоянно упоминает о нем в своих письмах к Огареву, к сыну и всегда отзывается о нем с хорошей стороны (см. соч. Герцена под ред. Лемке, т. 18, стр. 149, 215, 243, 289, 355; 358 и т. д.). О Лугинине отзывается очень хорошо и Тургенев: «Лугинин мне понравился так, как давно молодой человек мне не нравился: это благородное и дельное существо» (см. «Письма», изд. Драгомановым, стр. 160—162). Лугинин сын богатого землевладельца в 200.000 десят., Костромской губ., кончил курс артиллер. академии и служил до отъезда за границу в артилл. ученом комитете. За границу он выехал в 1862 г., едва ли не осенью (отзыв о нем Тургенева в письме к Герцену от 18 октября). Там он вращался в кругу революционной эмиграции, сначала в Париже, потом в Женеве; в столкновениях Герцена с компанией Утина, Шелгуновой, Лугинин, по всем видимостям, держался Герценовской ориентации. В мае 1865 г. начались хлопоты отца Лугинина о разрешении ему вернуться в Россию; они увенчались успехом лишь через два года после личного обращения Лугинина к государю, бывшему в 1867 г. в Париже; в августе 1867 г. он и вернулся в Россию; амнистирован окончательно в июле 1869 г. (см. Герцен, т. 18, стр. 149—151).

Николадзе [3]) и др. Ниже мы увидим, что с некоторыми из них: с Утиным (Евгением), с «Вадимом» [4]) (сыном Салиас) Суслова встречалась довольно часто, но меньше всего на почве политических интересов. Она органически не приемлет крайних воззрений этой молодежи, и когда она говорит о них в своем дневнике, то часто с насмешливой иронией. В розни отцов и детей, которая, надо думать, ощущалась между граф. Салиас и этой молодежью, Суслова не была на стороне детей. Именно общность и общественно-политических настроений сказывалась в той восторженной привязанности ее к Салиас, которая поддерживалась особым чувством благодарности за любовь, что та дарила ей.

Под тем же 17 апреля Суслова заносит в дневнике следующее:

«Она (Салиас) ко мне пришла с своими приятелями и мы впятером отправились на кладбище. Дорогой Лугинин (сидевший против меня), которого мне особенно пред (ставила) графиня и сказала ему: когда пойдете куда гулять, то заходите к Сусловой, старался меня занимать но я слушала графиню, которая говорила с др. господином. Она не любит уступок. Я удивлялась ее энергии. «Если в 20 лет, говорила она о каком-то господине, он кирится, когда я, которая столько жила, и в 40 лет у меня есть еще сила ненавидеть, что с ним будет в 30 лет — он будет наверное шпионом».

Еще больше восхищает ее следующий факт, который она тут же приводит: «она (графиня Салиас) разорвала знакомство с Тур(геневым) за то, что он написал письмо Госуд(арю), в кот(ором) говорил, что разорвал из уважения к нему все связи с друзьями своей

---

[3]) Николадзе, Николай Яковлевич, уроженец Кутаисской губ., учился в Пет. унив. В 1861 г. принимал участие в студенческих беспорядках; в 1864 г. выехал за границу. В Женеве в 1866 г. выпустил брошюру: «Правительство и молодое поколение»; позднее, в 1868 г., выпускал листки революц. содержания: «Подпольное слово» и «Современность». По возвращении в Россию долго находился под строгим политическим надзором. В 1872 г. опять был за границей; на границе, по возвращении его в 1873 г., в его вещах был найден литографский станок и 2 пуда книг, преимущественно социалист. содержания. В 1875 г. он был выбран гласным кутаисской думы, в 1878 г. редактировал газету «Обзор», которую вел в антиправительственном направлении. В 1880 г. был выслан под строгий полицейский надзор в г. Севастополь (см. Голицын «История соц.-революц. движения», глава 10). В письмах Герцена к Огареву о нем есть упоминания (см. т. 17, стр. 417, т. 18, стр. 58, 176).

[4]) Вадим — сын графини Салиас, автор известного в свое время романа «Пугачевцы» (напеч. в «Русском Вестн.» за 1874 г.) и многих других популярных в 70 и 80-х г.г. произведений. В дневнике Сусловой он все время фигурирует под именем Вадим — псевдоним его под повестью (кажется первой) «Ксаня чудная». Герцен и Огарев состояли с ним в переписке, и, судя по упоминаниям о нем в письмах Герцена к Огареву. Е. Салиас принимал в эти годы — 1864—5 — довольно деятельное участие в политическом движении среди эмиграции (см. т. 16, стр. 68; также т. 17, стр. 46). Приведем кстати отзыв Герцена об одной из повестей его, в письме к его матери, Е. В. Салиас: «Я беру из рук Огарева перо только для того, чтобы прибавить от себя, что «Тьма» чудесная вещь, и, если в ней есть недостатки, то это — недостатки молодости. Если это писал ваш сын — как мы выдумали сами, — то я поздравляю обеих матерей его: т.-е. вас и Россию, с новым талантом». (Герцен, т. 17, стр. 46).

юности» ¹). Непримиримо стойкой кажется ей Салиас в своих политических убеждениях, человеком, не допускающим никаких компромиссов там, где речь идет о свободе личности и об условиях, способствующих сохранению в ней самобытности. Это-то Сусловой и дороже всего в окружающей жизни и в каждом отдельном человеке. В одном месте она приводит такой характерный разговор графини с Лугининым, тогда еще очень радикально настроенным. Говорили о воспитании детей. Графиня «сказала, что есть одно зло заграничного, особенно *швейцарского воспитания*, что дети делаются космополитами. Лугинин начал утверждать, что это очень хорошо, что космополитизм очень хорошая вещь, не все ли равно — что делать добро русскому, что французу. Он сказал, что с большим бы удовольствием послужил Франции или Англии, но остается в России потому что знает русские обычаи и русский язык, но с русскими ничего общего не имеет: ни с мужиком, ни с купцом, не верит его верованиям, не уважает его принципов. «Я гораздо более радуюсь парижским ассоциациям . . .».

¹) Факт этот находится в связи с письмом Тургенева к Александру II по поводу того, что III отделение в начале 1863 г. требовало его в Россию; Тургенев просил государя велеть выслать ему допросные пункты, на которые он мог бы отвечать заочно. Сенат выслал ему вопросные пункты, среди которых были пункты, специально касавшиеся его отношения к Герцену. Тургенев так ответил: «Оставляя родину в конце 1846 г., он (Герцен) уже находился в разладе со всей умеренной, династически-либеральной партией, из которой я, например, могу назвать покойного Грановского. В России до 1846 г. я виделся с Герценом весьма редко; я только что начинал свое литературное поприще и вопросы чисто политические занимали меня мало. Я встретился с ним в Париже, в самый разгар 1848 г. Зрелище, представляемое тогда Европой, сильно потрясло меня, но и тут я оставался только зрителем поднявшейся бури, да и сам Герцен находился тогда как бы в бездействии: о пропаганде, о влиянии на русскую публику не было и речи; нужно было сперва понять, куда шла, чего хотела история. Насколько он угадал, или, говоря правильнее, как мало это ему удалось, можно видеть в его сочинениях; но, возвращаясь в Россию весной 1850 г., я оставлял его политическим писателем, чем-то средним между теоретиком и скептиком, но уже никак не пропагандистом, не проповедником социализма и восстания у нас. . . . Когда в 1856 г. я снова приехал за границу, в Лондоне уже второй год издавался «Колокол», но Герцен все еще не вступал безвозвратно на дорогу, которая окончательно привела *его к одиночеству*, в котором он теперь находится, к *полному разъединению со всеми его бывшими друзьями*. Он тогда еще только отрицал и обличал: отрицание его было резкое, часто необдуманное, обличение — часто несправедливое, но он в душе своей еще верил в возможность правильной и спокойной будущности для России, скорбел о том, что он считал ошибками правительства, радовался его успехам. Я увидел его в Лондоне и хотя я уже тогда чувствовал, какая глубокая черта меня от него отделяла, однако я не признавал ни необходимым, ни даже полезным прекратить с ним сношения, несмотря на то, что *эти сношения часто выражались в одних спорах*. Герцен, все-таки, был представителем известных сил и направлений русской жизни, русского ума. Но время шло и все стало изменяться. Теряя более и более понимание действительных нужд и потребностей России, *которой он, впрочем, никогда хорошо не знал*, увлекаясь более и более старыми предубеждениями и новыми страстями, *враждуя с правительством даже в таком святом деле — каково было осво-*

Подобными взглядами она возмущалась; противопоставляла им любовь к родине, к мужику в частности. В Поисках дела, которое бы целиком захватило, она могла бы стать теперь, пусть на время, политической деятельницей, но обнаруживалось расхождение коренное, оно еще более углубило чувство ее одиночества, снова толкнув ее в ее внутренний мир, столь для нее мучительный. Дальнейшие ее записи нас поддерживают в этом нашем убеждении: они становятся отныне еще более мрачными и сосредоточенными на тех же прежних ее переживаниях.

Дружба с Салиас будет ей большой поддержкой, но поддержкой пассивной.

XIII.

Перед нами снова перерыв длительный в парижской жизни Сусловой, охватывающий все лето и начало осени 1864 года. В дневнике ее, к сожалению, этот период оставил очень мало следов. Мы знаем только, что все это время она проводит вне Парижа: конец мая и первую половину июня в Версале у гр. Салиас, около двух месяцев в бельгийском курорте Спа, где лечится от какой-то болезни и затем снова

божденпе крестьян, подчинившись, наконец, тем самым учениям, от которых здравый смысл отводил его некогда, — Герцен перестал отрицать и начал проповедывать преувеличенно шумно, как обыкновенно проповедуют скептики, решившие сделаться фанатиками. Реже и реже видаясь с ним, в течение последних семи лет (с осени 1860 г. до нынешнего времени я провел с ним всего три дня, в мае месяце прошлого года), я с каждой встречей становился ему более чуждым. И не один я, все прежние его товарищи один за одним от него отвернулись. Они не изменили своим старинным задушевным убеждениям, но Герцен, сделавшийся республиканцем и социалистом, Герцен, подпавший под влияние Огарева, не имел уже решительно ничего общего ни с одним здравомыслящим русским, не разделяющим народа от царя, честной любви к разумной свободе от убеждения в необходимости монархического начала. В мае месяце прошлого года я видел Герцена в последний раз (он тогда уже прочел «Отцы и дети»), и наши личные сношения прекратились. Глубоко раздражаемый чувством своего одиночества, ослаблением своего значения, всеобщим осуждением бывших друзей, которое он назвал изменой, Герцен утратил почти всю свою силу, самый блеск своего бесспорно-замечательного таланта. Мнение его обо мне, как об охладевшем эпикурейце и человеке отсталом и отжившем, выразилось в письмах, озаглавленных «Концы и начала». Я ему отвечал с беспощадной искренностью. Теперь все это стало для меня невозвратным прошлым (см. «Очерки освободит. движения» Лемке).

Не подлежит сомнению, что этот нехороший ответ Тургенева был продиктован не столько чувством уважения к царю, сколько безграничной его трусостью, как той же трусостью объясняются, пожалуй, и следующие некрасивые факты, на которые реагировали, конечно, и Герцен, и другие члены заграничных колоний, в частности та же графиня Салиас. Мы разумеем факт подписки на раненых русских во время польского восстания, который Герцен справедливо назвал поступком циническим ввиду ясно обозначавшегося уже периода Каткова и Муравьева, а также письмо Тургенева в ред. газеты Аксаковской «День» (№ 29 от 20-го июля 1863 г.) по поводу Польского вопроса; письмо, в котором имеются такие строки: «я вполне разделяю ваше воззрение на польский вопрос»; Тургенев писал это тогда, когда Аксаков в бешеной травле Герцена, как раз по этому же вопросу, отнюдь не отставал — ни по тону ни по содержанию — от клеветнических нападок Каткова. Этой же трусостью следует объяснить б. м. и то, что он так охотно печатается в «Русском Вестнике» Каткова.

в Версале у Салиас. Надо полагать, что здесь-то в течение этих первых нескольких недель, проведенных ею в Версале, и окрепла их дружба.

По счастливой случайности имеем мы возможность снова вернуться — не надолго — к основной нашей теме, к отношениям между нею и Достоевским. Эта полоса ее переживаний — пусть и не главных, пусть и потерявших свою былую остроту — за истекшие восемь месяцев после итальянского путешествия оставалась для нас сокрытой. Мы знаем только, что они переписывались и довольно часто [1]), но на страницах ее дневника, как уже было указано, его имя не встречалось. Пока он был вдалеке — возможность свидания с ним не ощущалась, как реальность. Теперь же, с наступлением весны, оно очевидно сделалось темой их переписки.

Здесь следует напомнить некоторые факты из биографии Достоевского в сопоставлении с нашими данными. 16-го апреля по старому стилю, — по новому, значит, в самом конце апреля — умерла его первая жена. Мы помним тот холодный, сухой, почти протокольный тон его писем к брату о последних днях ее жизни. Через несколько дней после ее смерти — по новому стилю, очевидно, уже в начале мая — он возвращается в Петербург, застает дела «Эпохи» в состоянии очень печальном, любимого брата — уже недомогающим. И, однако, он хочет немедленно же поехать за границу. В связи ли исключительно с Сусловой? Мы должны воздержаться от категорического утверждения. Но почему-то он замышляет в этом году свою поездку очень рано и сейчас же ей пишет об этом. Повидимому, судя по ее ответу, в каком-то письме, м. б. в том самом, на которое она ему отвечает, он просит ее вернуться обратно в Россию. Не в зависимости ли от ее ответа на эту просьбу его и стоял самый вопрос о поездке за границу? Нам приходится гадать здесь потому, что не со слов Достоевского узнаем мы обо всем этом, а из ответного письма Сусловой. Письмо незаконченное, из Версаля, писано в начале июня, тон сдержанный и слегка упрекающий. В Спа, куда она едет лечиться — пишет она ему — она бы не хотела с ним видеться — «там она верно будет очень хандрить»; но, с другой стороны, только там они и могут встретиться, т. к. в Россию она еще не скоро вернется. Дальше она говорит, очевидно, по поводу того, что ее письма вообще перестали его удовлетворять.

[1]) В записной книжечке ее имеются даты для этой переписки только за годы 1864 и 65 и начала 1866 года. За 1864 г. она получила от него всего 9 писем (от 27/III, 17/IV, 16/V, 3/VI; 11/VII, 2/VIII, 2/IX, 26/IX, 18/X; столько же писем написала ему и она: (21/V, 3/VI, 23/VI, 3/VIII, 9/VII, 4/VII, 5/IX, 27/IX, 29/XII). За 1865 г. от Достоевского она получила шесть писем (13/I, 6/III, 16/IV, 7/V, 29/IX, 5/X), написав ему одиннадцать писем (18/II, 7/III, 6/V, 7/VIII, 13/VIII, 13/IX, 26/IX; 2/X; 26/X; 6/XII; 15/XII). И, наконец, за 1866 год от него всего одно письмо от 4/II, от нее же к нему два письма: от 2/III, 9/V. Ниже мы увидим, что те письма Достоевского к ней, которые имеются в нашем распоряжении (см. приложение), ею в книжечке не отмечены. Есть поэтому основание думать, что переписка между ними была еще более деятельная.

«Удивляюсь — пишет она — откуда тебе характер мой перестал нравиться (ты пишешь это в последнем письме). Помнится, ты даже панегирики делал моему характеру, такие панегрики, которые заставляли меня краснеть, а иногда сердиться. Но это было так давно, что тогда ты не знал моего характера, видел одни хорошие стороны и не подозревал возможности перемены к худшему».

Отмечает она также и расхождение между ними во взглядах общественно-политических. «Ты мне писал как-то, убеждая меня возвратиться в Петербург, что там теперь так много хорошего, такой прекрасный поворот в умах и пр. Я вижу совсем другие результаты. Или вкусы наши различны». Впрочем, как и следовало ожидать, этому последнему пункту она особенного значения не придает. «Разумеется — продолжает она дальше — мое возвращение в Россию независимо от того, хорошо там думают или нет — дело не в этом».

Мы видим, искренней и правдивой хотела она быть в своих отношениях к Достоевскому и такой она остается до конца. Его образ, — об этом свидетельствует тон ее письма, холодно сержанный — и здесь двоится перед ней: как человека она уже давно его не любит и не скрывает этого. Пути их жизненные, как мы говорили выше, все более и более расходятся. Год, прожитый ею в Париже в иной среде и в сфере тяжелых личных переживаний, начало которых она неизменно возводит к периоду Петербургскому, должен был привести к еще большему их раз'единению.

В лето 1864 г. они не видались. Мы знаем, что после смерти брата (в июне мес.) Достоевский остался в Петербурге продолжать «Эпоху». И снова обрывается цепь наших прямых данных об их отношениях на целый год, в течение которого произошло так много событий в жизни Достоевского и — дальше мы увидим — не менее и в ее жизни, — событий, которые еще больше отдалили их друг от друга.

Но вернемся к нашему повествованию.

В только что процитированном письме Суслова писала Достоевскому, что ровно через две недели едет в Спа. И действительно, мы имеем письмо к ней Салиас от 24 июня: в ответ на второе уже письмо ее оттуда. По этому письму и по записям дневника видим мы, что настроение у нее очень тяжелое; она хватается за все, лишь бы чем нибудь занять себя, чтобы получить хоть видимость оправдания тому, что продолжает еще тянуть свою жизнь, не покончив самоубийством. 21 июля она заносит в свой дневник следующее: «Теперь я всего более занята делами сестры относительно ее образования. От этого также зависит мое пребывание в Париже. Я почти отдала себя этим делам и неприятностям. А то начала уже возвращаться к моему убеждению, что жить незачем». И точно иронизируя над самой собой, добавляет дальше «Вот человек: то жить ему незачем, то он все ищет удовлетворения какого то каприза». В письмах к ней в Спа Салиас утешала ее, как могла; пробовала об'яснять ее тоску и отчаяние болезнью, уверяла ее, что вот она поправится, найдет работу по душе, они вместе будут

бегать на лекции, посещать театры, когда обе вернуться в Париж. Но Суслова знала, что раны ее душевные неизлечимы, опыт пережитого ей не искоренить. В Спа она не досидела положенного срока, бросила лечение по средине и вернулась обратно в Версаль с теми же тяжелыми думами своими, с той же опустошенной душой, не зная куда девать себя. С отвращением она представляла себе, как она снова очутится в этом страшном, засасывающем омуте, именуемом Парижем, — такой же одинокой никому ненужной; и снова потекут бесконечно длинные дни и часы, ничем незаполненные.

Здесь впервые ясно замечаем в ней черту, роднящую ее еще ближе с психологией Подполья, в котором у Достоевского женские образы пребывают в не меньшей степени, чем мужские. У нее является культ страдания безотносительного: и чем оно на вид беспричиннее, тем глубже она его чувствует и понимает и тем больше склонна его возвеличивать. Общественные интересы становятся ей в это время еще более чуждыми. Ее высшая ценность — личность сама по себе, независимо от ее общественной стоимости. В узких размерах, не подымая своих переживаний и мыслей до высоты обобщающей, она за себя, вполне самостоятельно, проделывает в сущности тот же путь, который проделывал последовательный нигилизм у Достоевского: проделывает так же трагически, доходит до полного отрицания всяких общеобязательных ценностей, в том числе и таких, как «любовь к человечеству», «обязанность перед обществом» и т. п.

30 августа был у нее разговор с Салиас о Свифте. Разговор передает она подробно. «Она (Салиас) сказала, что он был дурной и злой. Я говорю: он был озлоблен. Чем, на кого? Что он терпел? Разве он не был богат и уважаем?

— Это еще более оправдывает его озлобление, что лично он был счастлив.

— Чем же он озлоблен: что род людской нехорош? Откуда этот низменный взгляд? Не доказывает ли он отсутствие высших стремлений, отсутствие уразумения, что человечество назначено для высшей цели. Я знаю человека образованного, развитого, который был в Сибири, где его секли, и то верит и любит человечество. Значит высокая душа. — Значит мистик, подумала я. Графиня не унималась, продолжала отстаивать свой взгляд, что Свифт был человек злой и беспринципный, снедаемый честолюбием, менял партии для того, чтобы добиться места архиепископа. Суслова спорить с ней перестала, но про себя считает себя правой, добавляя: «Я с л и ш к о м у в а ж а ю л ю д е й, к о т о р ы е с т р а д а ю т, д а ж е н е с м о т р я н а м а т е р и а л ь н о е д о в о л ь с т в и е и л и ч н о е с ч а с т ь е. Я п о н и м а ю э т о с т р а д а н и е».

Под тем же числом (31 августа) Суслова заносит в свой дневник еще следующее: «она меня упрекала за хандру, представляя выгоды моего положения перед другими девушками. Как будто в моей грусти есть о них вопрос»! Салиас говорила еще о том, что «человек создан для исполнения обязанностей, а не для наслаждения». Суслова воскли-

цает: «Обязанностей! Какие обязанности у частного человека перед обществом? Что он может сделать для него?»

Так утверждает она свою полную отрешенность от окружающей жизни, свое право на пребывание в своем собственном внутреннем мире, столь узком и столь мучительном для нее в этой своей отрешенности. В таком-то состоянии она и вернулась в Париж. И снова находим в обновленных ею записях, — число этих записей к этому времени опять увеличивается, — те же знакомые нам мотивы и среди них основной: ее вторая незабываемая парижская любовь.

Теперь в ее душе уже замолкло чувство ненависти и нет прежней жажды мщения. Тихая безнадежная боль, неизбывная. Она хочет победить ее доводами разума; пробует утешать себя тем, что так лучше, не будь этого эпизода, жизнь оказалась бы, быть может, еще более бесцветной, но не одолеть ей своей тоски никакими доводами от разума; позади ведь не только вторая ее любовь, прямые нити тянутся от нее все к тому же Петербургскому периоду, еще и еще раз ею подчеркиваемому, как самое страшное в ее жизни.

«Сегодня — записывает она от 24 сентября — ездила к М-ме М., и дорогой встретила его. Он тотчас узнал меня, хотя я была за вуалью, и в смущении повернулся к своему товарищу. И вот после этого я целый день волновалась». И спрашивает себя дальше: «Неужели я его не забуду? Я приходила в отчаяние». Она анализирует свое теперешнее состояние; сравнивает его с прошлыми и недоумевает, откуда это отчаяние. «Лучше ли было бы, если бы я его забыла, лучше что ли мне было зиму, когда я его не видала? Лучше ли даже было мне в наше время? Я помню ночи, когда я вдруг просыпалась, в ужасе припоминала происшедшее днем, бегала по комнате, плакала. Лучше ли? Может тогда, когда в первый раз услыхала от него слова любви, или когда в первый раз он обнял меня. Отчего было тогда хорошо? Оттого что новое, неожиданно». — И в сущности благо то, что так случилось: «Пустота была бы или другая ошибка, может быть более бесцветная». И даже то, что они так скоро разошлись, тоже кажется лучшим исходом. «Хорошо было бы, если бы до сих пор мы вместе оставались, даже если б я была женой его?» Такой прозаический конец еще меньше удовлетворяет ее. Остается только последнее, — иронизирует она горько, — чтобы «он сознался, раскаялся, т. е. чтобы он был Ф—м М—м». И следует дальше о нем: «мне говорят о Ф. М.—я его просто ненавижу. Он так много заставлял меня страдать, когда можно было обойтись без страдания». Так снова ощущаем мы в ее словах все ту же глубокую затаенную обиду, которую она не раскрывает, но корни ее, нет сомнения, в том первом периоде, самом, казалось бы, светлом, их совместной жизни, еще до заграницы. Свой горький опыт она обобщает в такой фразе: «Теперь я чувствую и ясно вижу, что не могу любить, не могу находить счастия в наслаждении любви, потому что ласки мужчины будут напоминать мне оскорбления и страдания».

XIV.

От прошлого остались одни лишь оскорбления и страдания — таков печальный итог пройденной полосы жизни с ее сложным мучительно тяжелым двойным чувством к этим первым двум лицам, отнявшим у нее её лучшие молодые силы. Итог не полный; одной части его, и самой страшной, Суслова словами не выражает, но вся ближайшая ее жизнь, в течение нескольких месяцев, свидетельствует о ней с достаточной яркостью — это то, что мы выше определили, как падение, и что ставили в ряд причин, приведших Достоевского к «перерождению его убеждений», поскольку он неминуемо должен был чувствовать свою причастность ко «греху». Оно сказывается прежде всего в катастрофическом понижении всего диапазона ее душевных переживаний, ставших вдруг какими-то маленькими и мелочными, — в этой явно ощутимой пошлости, которую отныне приобретают ее отношения ко всем окружающим ее людям.

— Новое может меня занять, и то до известных пределов», — так заканчивает она вышеприведенную запись от 24 сентября. И на поиски этого нового, скоро преходящего, — пусть легкой рябью бороздит оно поверхность ее души — тратит Суслова свои силы, чувственностью подменяя некогда изведанное ею доподлинное чувство любви. Так и мелькают они в ее дневнике, точно серые сумеречные тени, лишенные яркости и глубины, эти слабо очерченные фигуры, герои ее жизненного романа на час, игру в любовь с которыми и их игру с нею она описывает особенно подробно, как бы вновь, в записях своих, пытается пережить приятную раздраженность постоянно занятого одним и тем же воображения. С некоторыми из них — ненадолго — она пробует шире раздвинуть эти «известные пределы», до которых новое ее занимает; тогда появляется иллюзия настоящей любви, душа на мгновение оживает под влиянием как бы свежего охватывающего чувства, но опыт жизненный дал ей способность к самоанализу, и вместе с ним выработалось у нее отношение ироническое и к самой себе; тем быстрее поэтому наступает каждый раз отрезвление, и уже не едкая горечь остается после него, а мутный осадок плотно-прилипшей грязи, которую она сама допустила.

Безыменные, большей частью затушеванные под своей национальностью (валах, грузин, англичанин, француз), или под профессией (лейб-медик), фигурируют они у нее, и с каждым из них она готова затевать какую-нибудь интригу, подчеркнуто даря свое внимание одному, чтобы тем самым вызвать усиленный интерес, а если можно, то и нечто в роде ревности у другого.

И в этом томительном однообразии, лишь изредка нарушаемом записями мимолетными о новых случайных лицах и событиях, ее прямо не касающихся, проходит в дальнейшем ее дневник, сосредоточенный преимущественно на этой одной только теме. Это самые тяжелые его

страницы, от которых впечатление остается гнетущее, точно присутствуешь при начавшемся уже разложении некогда столь сложной души.

«На-днях, после обеда, — записывает она (от 24-го сентября), — вышла в сад. За мною вышел Валах и стал говорить, как приятно ему меня видеть... Мы долго говорили, и когда я пошла домой, он крепко жал мою руку». Чем же он ее интересует? «Он простой, наивный, — прибавляет она дальше. Это новизна». Такого же характера, но еще более подробная, следующая запись от 29-го сентября: «Больна. — Валах бывает через день аккуратно. Лейб-медик всякий день... Я сказала лейб-медику, что была взволнована одной встречей. Он этому придал большую важность и был грустен... Прощаясь со мною, он по нескольку раз принимался жать мою руку, предлагал свои услуги; уходя оборачивался в дверях, чтобы еще раз взглянуть на меня» и т. д. и т. д. Эти приведенные две записи она помещает рядом, точно сопоставляет их, как бы колеблясь еще в выборе, на ком бы ей остановить свое внимание; — ведь, в сущности они оба для нее герои от «нечего делать», интересные лишь постольку, поскольку можно в игре с ними хоть несколько развлечь свою, сделавшуюся постоянной, уже не тоску, а скуку.

Лейб-медик менее наивен, чем валах, и в нем искомая ею «новизна» воспринимается несколько острее. С валахом ведутся беседы более возвышенного характера: «о Прудоне, о Герцене, которого она читала», изредка скажет ему еще о том, что она очень одинока, что нет у нее настоящих друзей, или отметит, что валах был грустен, когда проходил мимо нее, разговаривавшей с молодыми людьми. Вскоре имя его начинает мелькать все реже и реже, и потом совсем исчезает со страниц ее дневника.

Отношения ее к лейб-медику с самого начала развертываются сложнее. Здесь сцепление между ними, чем далее, тем все более и более крепнет; глубокого чувства, как мы увидим в конце, она не питала и к чему, но ее увлекает его наступательная активность, игра начинает казаться занимательной тем более, что она сопровождается небольшими ссорами и примирениями, которые еще больше сближают их между собою.

Однако, пока он все же только первый среди многих, потому что в сфере одной чувственности воспринимает она все окружающее, в каждой улыбке и рукопожатии, в каждом слове мужчины, к ней обращенном, слыша ее соблазнительный зов. В этом отношении, быть может, наиболее характерна эта специфичность ее интереса и к молодой эмиграции. Мы знаем уже, что особым знаком ею отмечены двое: Утин и Вадим Салиас. Нет сомнения, что они и самые умные и одаренные среди нее. Об Утине она упоминает в первый раз в разговоре с лейб-медиком от 19 октября. Через день она заносит о нем в дневник следующее: «Утин в тысячу раз лучше, живой, смелый, умный мальчик». И тут же про грузина (б. м., Николадзе?): «грузин всех их лучше». Из разговоров и бесед, которые могли быть и на-

верное были в ее присутствии в доме гр. Салиас [1]), она выделяет, считая для себя наиболее интересным, разговор о любви (Утина с Вадимом), где и сама высказывается весьма горячо. Вадим отстаивал ту точку зрения, что любить в жизни можно только один раз; Утин держался противоположного взгляда; она теперь согласна с последним. «Когда протянула на прощанье руку Утину — продолжает она дальше, — он крепко ее сжал и не выпускал... Я его пригласила к себе, говоря, что каждый вечер дома». Вадиму же она сказала, что «надеется с ним видеться часто». «В это время, — замечает она, — на дворе нас обогнал валах; — он мне показался печальным». И точно, как бы для большего оттенения характера господствующих теперь ее интересов, в перерыве между этими однородными записями, раскрывая таящийся в них смысл, приводится эпизод, случившийся у нее в тот же день вечером с неким Робескуром, жившим в одной с ней гостинице.

«С тех пор, — начинает она свой рассказ, — как Роб. мне сказал, что едет, и до сегодняшнего дня я все собиралась попросить у него его портрет, но как-то не пришлось; я надеялась, что он придет проститься. Сегодня он должен был уехать и пришел ко мне. Я сказала, что жалею его, и попросила его портрет. Он сказал, что у него нет, но что он его пришлет, и попросил у меня мой. Я ему дала. Я ему хотела дать его книгу, но он попросил ее оставить в знак памяти. Робескур потом сказал мне, когда мы остались вдвоем, что в апреле он придет и постарается меня отыскать. Потом просил меня писать изредка и, если я буду в Нанси, видеться с ним. Он мне оставил свой адрес. Потом, уже совсем уходя, он сжал мою руку и поцеловал ее. Тут я стала говорить, и голос мой дрожал. Он снова поцеловал обе мои руки. Я взглянула на него, и рука моя обвилась вокруг его шеи, наши губы встретились... Затем начался бессвязный разговор, прерываемый поцелуями. Он весь дрожал и у него было такое счастливое улыбающееся лицо. Я тоже чувствовала себя счастливой, но прерывала пламенные объятия просьбами меня оставить, я его о т т а л к и в а л а, то вдруг с увлечением протягивала ему руки. Он спрашивал, хочу ли я, чтобы он не ехал в Нанси, и когда ко мне притти. Я сказала — завтра вечером. Несколько раз начинали мы снова прощаться. Я его гнала, но он упрашивал еще хоть один поцелуй. Наконец, я сама нашла его шляпу и отворила дверь. После его ухода, я немножко оправилась и с щеками, пылающими от поцелуев, пошла к англичанке. Возвратясь от нее, я вскоре услышала голос м-м Роб. Я подошла к окну и увидала, что она шла по двору с ним, сопровождаемые прислугой и мешками. Он вернулся и что-то говорил с хозяйкой. Голова моя идет кругом; я не знаю, что из всего этого будет. Мне кажется, он меня любит, я даже была уверена в

[1]) Одну беседу на политич. тему Утина — социалиста, с Усовым, человеком умеренных взглядов, она приводит целиком, сама в этой беседе не участвуя.

этом за два часа до сих пор, пока не слыхала голоса м-м Роб. Его лицо было так неподдельно счастливо. И этот трепет и дрожание голоса».

О нем до сих пор в дневнике была только одна пометка: он сидел однажды рядом с ней за столом; все спрашивала у него о здоровьи его заболевшей жены; она одна постеснялась спросить его об этом. И вся эта сцена производит впечатление какой-то внезапности, точно она побоялась упустить такой, ни к чему не обязывающий, случай, который потом может и не повториться.

И она, очевидно, скоро и забыла о нем. В дневнике, по крайней мере, мы больше имени его не встречаем. И опять лейб-медик на первом плане; и снова время от времени усиленное к нему внимание перебивается встречами с Утиным, Вадимом Салиас, с новым случайным лицом, некиим Carrine, воспоминаниями о валахе. Разговоры со всеми ведутся преимущественно в плоскости все той же единственно важной для нее темы: о любви, и снова подчеркивается каждое крепкое пожатие руки и слово, сказанное так, что за ним можно усмотреть еще один, потаенный и потому тем более соблазнительный для нее смысл.

16 ноября заносит она в свой дневник: вчера лейб-медик и она занимались французским языком. Когда кончили урок, он захотел сесть ближе к огню и предложил ей подвинуться к камину. Она отказалась. Тот настаивал. Она назвала это капризом; он согласился, при этом добавил: «Да, именно каприз — каприз хорошая вещь». И откуда у него такая храбрость? — замечает она про себя. — «Прощаясь, он так просто и наивно благодарил» (тут же мельком вспоминается Достоевский. В разговоре с ним, лейб-медиком, по поводу какого-то красивого грека, она сказала, что в первую молодость не обращала внимания на красоту и что первая ее любовь был человек 40 лет. — Вам тогда было 16 лет верно? — сказал он. — Нет, 23).

Такова же и следующая запись в ее дневнике от 19 ноября — беседа с Вадимом-Салиас: на ту же тему о любви. Она замечает иронически: «какой у нас нежный разговор, впрочем самый приличный». — Нет, неприличный, — ответил он. И из следующих его слов можно уловить тот тон, в котором она высказывала свои взгляды. На ее замечание, что с женщиной обыкновенно говорят о любви, о цветах и стихах, Салиас отвечает: «Стихи и цветы глупость, а любовь вещь серьезная, существует от начала мира, и тот, кто ее не ощущал, не достоин названия человека». Очевидно, взгляды, которые она высказывала, не отличались такой серьезностью, оттого и назвал он разговор «неприличным».

В декабре — дата не указана — она заносит в свой дневник следующее: «сделавшись больна, я вечером написала записку Benni (не лейб-медику ли это?). Он пришел на другой день рано утром, когда я была в постели. Отворяя дверь ему, я сказала, чтоб он подождал, когда я лягу в постель. Я улеглась. Он вошел. Он был очень встревожен и, прощаясь, жал мою руку так сильно. Я слегка удержала его руку. Но он пошел. Потом он пришел вечером и на другой день и на третий. На другой день он долго сидел со мною, развалясь в противо-

положном углу и говорил много хорошего, но он был совершенно спокоен... Сегодня я брала у него урок. Мне стало жарко сидеть у печки, я отодвинулась и наконец ушла. Он сказал, что я очень далеко — Так подите сюда. Но он не пошел. Я сказала, что деньги менять нужно; он вызвался мне сам разменять, и я дала ему, чтоб еще раз его увидеть...».

И так далее и т. д. И еще о каком-то русском докторе, которого она принуждена была выпроводить за слишком сальное с ней обращение, и опять о лейб-медике, всего подробнее о нем, как менялись ее душевные состояния в зависимости от ее отношения к нему. Так затягивала ее все глубже и глубже тина пошлости и с каждым днем становилось ей все труднее выбраться из нее. И она сама сознавала свое медленное, но неуклонное измельчание и тем более мучилась этим, что не чувствовала уже в своей душе тех сил, которые могли бы ее разом вырвать оттуда — из тины пошлости.

Под 14 декабря после одного посещения того же лейб-медика, который должен был ей принести какой-то адрес, — по контексту, нужно полагать — Сальвадора, память о котором ее не покидает, она заносит в свой дневник следующее: «Я чувствую, что я мельчаю, погружаюсь в какую-то тину нечистую и не чувствую энтузиазма, который бы из нее вырвал, спасительного негодования». И опять, как и во всех других случаях, когда волна отчаяния доходит до своего предела, в памяти сейчас же всплывает образ Достоевского, все тот же ранний Петербургский период. «Куда девалась, — спрашивает она, — моя смелость?» И как бы в ответ на этот вопрос следует: «Когда я вспоминаю, что была я два года назад, я начинаю ненавидеть Д. (Достоевского). Он первый убил во мне веру». Никогда еще она до сих пор не указывала так ясно на первопричину своего духовного падения, как в этот раз, когда почувствовала себя униженной в своих собственных глазах это «тиной нечистой», которая все глубже и глубже ее засасывала. Тут именно вся суть в самом характере восприятия окружающего, в этой разлитой повсюду чувственности, сквозь которую она теперь смотрит на все и на всех. Очевидно, в основе ее души был все тот же идеал юных лет — идеал чистоты, если она ни разу не переходила этих «известных пределов»; оттого, контрастно, тем ощутительнее должна была воспринимать она свое теперешнее состояние, именно как погружение в тину нечистую.

XV.

«Но я хочу встряхнуть эту печаль», — так заканчивает Суслова свою последнюю запись. Но как? Каким из двух путей? Путем ли трудного восхождения, медленным упорным актом очищения. Или падением уже окончательным, подменой доподлинной человеческой гордости, источник которого в сиянии совершенства, бесовской личиной последнего отрицания. А может, это были слова, за которыми не скры-

валось никакого внутреннего нужения, — слабая, беспомощная вспышка души, чающей уже невозможного для нее спасения?

Здесь остается нам еще больше жалеть о том, что она, в дневнике своем, так мало углубляется в свою психологию, и самые сложные душевные ее процессы приходится конструировать на основании случайных, отрывочных данных. В ее душе ныне несомненно разыгрывается сложная борьба; «ангел с бесом борются» и «сердце человеческое, ее сердце — «поле битвы». Уста открыто произносят хулу, а там, внутри, медленно, неуклонно, начинается поворот, ей самой неясный, быть может никогда ею и не осознанный, но в фактах дальнейшей истории ее жизни явно ощутимый, — поворот в сторону возрождения.

Опять же в духе своего времени, на жизненном опыте своем, пробует она вначале рассудочно обосновать свой эстетический и этический нигилизм.

В той же записи она пишет, что вся беда в том, что у нее еще очень много предрассудков, и вот надо только освободиться от них, и жизнь станет простой и легкой. Но, к счастью, «предрассудки» оказались гораздо сильнее, чем она думала, она их не победила. Борьба с ними продолжалась еще довольно долго; когда следишь за ее дневником, кажется на первых порах, что, в сущности ничего не изменилось, жизнь как-будто и дальше протекает в формах, во многом сходных с теми, в каких она протекала до сих пор. — И все же перемена произошла; все чаще и явственнее в потоке чувственности начинают ощущаться ею какие-то остановки; точно одержимая предчувствием возможности возрождения и для нее, в смутном чаянии этого возрождения, она волею своею усмиряет ее напряженность.

С первого момента это сказывается в том, что вдруг у нее возникает решение уехать из Парижа в какой-нибудь маленький город, чтобы быть совсем одной, подальше от «общественной лжи» [1]). «Мне хочется быть ближе к природе, — пишет она в записи от 14 января 1865 г., — она одна всех награждает одинаково, никому не отказывает в своих дарах». Ей хотелось бы поселиться на берегу моря, чтобы «было грандиознее». И пусть она осуществляет это решение свое не сейчас—при всей порывистости ее натуры, у нее нет еще тех сил, чтобы сразу и коренным образом изменить свою жизнь. Из Парижа она уезжает лишь в последних числах февраля — настроение ее в эти полтора месяца все же кажется несколько ровнее, как бы отдаленнее от волнующих переживаний последнего полугодия. И хоть окружают ее все те же люди, и характер отношений ее к ним, поскольку можно судить по записям дневника, по основным его мотивам и эмоциональному их освещению, почти тот же, прежний, но сами записи становятся уже реже и как-то спокойнее.

---

[1]) Месяца два тому назад мелькнула было мысль бросить все и вернуться в Россию, чтобы «помочь общему делу», т.-е. принять участие в революционной работе (см. ниже 6-ое письмо к ней Салиас). Салиас отсоветывала, да и сил душевных еще не было, чтобы сразу порвать с этой жизнью, итти на подвиг опасный и трудный. Уединение и душевный покой — вот в чем она теперь нуждалась.

Быть может, в связи с этим принятым решением уединиться в маленьком городе; с признаками, хоть и неясными еще, наступающего душевного просветления, когда она мысленно озирается на пройденный путь своей жизни, перед тем как вторично покинуть Париж — находится тот факт, что Суслова снова почувствовала себя во власти единственной своей любви, и мысли о Сальвадоре (она называет его иногда плантатором) воскресают с прежней силой. В этот момент отодвигается и лейб-медик и другие знакомые на второй план — герои ее минутных увлечений, они все меркнут под обаянием истинного чувства. 26 января она заносит в свой дневник следующий эпизод:

«Третьего дня, вечером, возвращаясь от обеда, я вздумала о Плантаторе и захотела спросить, там ли он живет, для этого решилась пойти в дом, где мне говорили, он живет. Я повернула от Odeon'а к улице Roine. По улице Cornel и встречаю его с какой-то дамой. Было уже очень темно, и я сомневалась, он ли это. Я обернулась несколько раз и он обертывался. Когда в последний раз я обернулась, он стоял с этой дамой. Сердце мое билось неистово, я перешла улицу и вошла на ступени Одеона. Под сводами, где обыкновенно продаются книги, было темно. Я пробралась, как вор, чтобы стать напротив его и следить за ним. В это время он, с той же дамой, перешел улицу и пошел под сводами с той стороны, где продаются газеты и где было освещено. Я невольно шла за ним и следила его в толпе издали. Он шел все далее и далее по улице Voisirar, я все шла за ним. Я еще сомневалась, он ли это, около Люксембурга я его догнала и шла шаг за шагом. Мне хотелось видеть в лицо его даму, но не удалось. Я заметила только, что она блондинка. Он мало с ней говорил, с ними шел еще какой-то господин, он шел со стороны Плантатора. Я ничего не могла слышать из их разговора. Подходя к улице . . . . [1]) Плант. обернулся. Тут я хорошо его увидела. Он должен был меня заметить, но не знаю, узнал ли, не думаю этого, он обернулся без всякой внешней причины. Я немного отстала. Стыд и горе охватили меня. Я не знала, итти ли дальше, или вернуться. Я остановилась, какая-то сила влекла меня вперед, я пошла. Но куда, зачем итти. Я снова остановилась, — увидя, что прохожие этой большой улицы смотрят на меня. М-lle, чего вы ищете? — спросил меня какой-то мужчина. Убирайтесь, оставьте меня в покое, — резко ответила я. Я повернула в темную улицу, и потом вернулась домой».

Через несколько дней она опять его встретила; встретила внезапно. «Я не ожидала, — пишет она. — Я как-то смутилась и растерялась, даже мои щеки облились горячим румянцем; я на него не смотрела, но он был как будто смелее, самоувереннее»... И дальше дается его портрет, все еще чарующий: «Он, кажется, похорошел. Верхняя губа его покрылась желтым пухом и это придает мужественный отпечаток его оригинальному, энергическому лицу. Как хорошо это лицо! Есть какая-то юношеская мощь, сама себя не сознающая».

[1]) Название неразборчиво.

И, как всегда почти, рядом с ним снова появляется образ Достоевского, и впечатление остается неизменным, что только первого Сальвадора любила она по настоящему. Под 4 февраля она заносит один из своих разговоров с Утиным, с которым она была ближе и откровеннее, чем с другими.

«Утин спросил, — рассказывает она между прочим, — пишу ли я Д., и отчего не иду за него замуж, что нужно, чтоб я прибрала к рукам его и «Эпоху».

— Оттого, что я не хочу, — отвечала я.

— Как так?

— Да так, хотела, так была бы там, а не ехала в Монпелье.

— Да, может быть, он сам на вас не женится, — сказал он комически.

— Может быть, — отвечала я.

«Прибрать к рукам «Эпоху»... — прибавляет она дальше про себя. «Но что я за Ифигения!»

Сблизиться снова с Достоевским, — мы уже знаем из ее письма, что он действительно звал ее в Петербург — и прибрать к рукам «Эпоху», очевидно, в целях «партийных» — это для нее величайшая жертва, на которую вряд ли бы пошла, еслиб даже и была одинаковых с этой революционной молодежью убеждений.

В последних числах февраля или в начале марта Суслова наконец покинула Париж, с его «общественной ложью», и уехала в маленький городок на берегу моря. Она выбрала Монпелье и, думается, не без связи с тем, что там находилась Тучкова-Огарева, с которой она, очевидно, познакомилась довольно коротко еще в Париже, надо полагать, благодаря все той же графине Салиас. Герцен и Огарев давно были с Салиас коротко знакомы. Герцен встречался с нею у Левитского, бывал у нее на званых обедах, изредка переписывался [1]). В эту зиму, в конце ноября и в декабре, они должны были видеться особенно часто, когда Тучкова-Огарева лишилась в течение одной недели двух своих детей, умерших от скарлатины, и Лиза, третий ее и Герцена ребенок, была взята графиней к себе [2]). Тогда, по всей вероятности, по-

---

[1]) Тон переписки Герцена с Салиас обычно дружеский. Они не только старые знакомые, но С. разделяет многие взгляды Герцена. Так, в письме к ней Огарева от 31-го декабря 1865 г. Герцен делает такую приписку: «Вы видите, что les vieux de la vielle garde не совсем утратили дух. Полагаю, что в 2 листе вы будете довольны, если не «Письмом к Гарибальди, то портретом Муравьева» и «Календарем» за 1863 г.» (Герцен, т. 17, стр. 16). Из этого же письма видно, что Огарев поручает ей собрать денег для Чернышевского, Серно-Соловьевича и других, томившихся в крепости и в Сибири, и Герцен прибавляет с своей стороны: «да, действительно, надо помочь жертвам нашего «кроткодушника» (очевидно, Александра II).

Любопытно в этом отношении также письмо к ней от 26 мая 1864 г., где он спрашивает ее: «довольны ли вы моими «письмами к будущему другу». И прибавляет дальше: «Ив. Тург., я полагаю, недоволен» (Герцен, т. 17, стр. 175), см. еще письма к ней (в том же томе, стр. 400, 401, 406, 418).

[2]) См. Письма Герцена к Огареву во время болезни детей — декабрь 1864 (т. 17, стр. 420, 421, 422).

знакомилась ближе с Герценом и Суслова. В письме к Огаревой от 22 февраля он пишет ей, между прочим: «Насчет Сусловой ты можешь всегда сговориться с отелем в небольшой прибавке, или в особом блюде (вперед только надобно спросить цену)» [3]). Суслова, очевидно, должна была жить вместе с Огаревой, во всяком случае, в каком-то отношении считаться ее гостьей. Трудно сказать, на чем основывалась их близость и были ли они вообще близки между собою. Ниже мы печатаем письма Огаревой к Сусловой, и из них видно, что Огарева действительно относилась к ней по дружески тепло. Но, может быть, тон этих писем определялся не столько характером их взаимных отношений, сколько тем душевным состоянием особой смягченности, которое должно было соответствовать — сугубо подчеркивавшейся тогда Огаревой — ее отрешенности от мира. Последнее кажется нам более вероятным, если судить по записям Сусловой в ее дневнике. где она говорит об Огаревой почти всегда несколько иронически, иногда прямо отрицательно.

В эмигрантских кругах, по крайней мере парижских, отношение к Огаревой было определенно плохое. Про нее распространялись скверные сплетни, и те самые лица, которые видимо относились к ней как будто бы и хорошо, за глаза представляли ее злым гением, погубившим Огарева и теперь губящим Герцена. Не отставала от других в этом отношении, очевидно, и графиня Салиас, несмотря на все активное проявление сочувствия к Огаревой в минуты ее несчастья.

Вот, что Суслова заносит в свой дневник, еще от 14-го декабря, со слов Салиас:

«Сегодня была у графини. Она только что вернулась из путешествия, провожала м-м О. (Огареву). Она мне рассказывала вещи ужасные. М-м О. это женщина, о которой люди всех партий и мнений отзываются так дурно: бежит от мужа и овладела Г. При ней Г. к ней пришел пьяный, и как только он вошел, она ему предлагает вина, под предлогом, что некуда вылить. Она, говорят, и мужа своего так вовлекла, спаивала. Расставаясь с Салиас, м-м С. дала ей записку. Для Ог.? — спросила она. О, нет, для Г. (Герцена). Скажите ему, чтобы он провожал О. и ехал скорее ко мне. Он человек сильный, но я за себя не ручаюсь. Говоря о своих детях, она сравнивала отношения свои к ним в отношении св. Девы к Сыну».

Уже в Монпелье от 8-го марта, очевидно в один из первых дней своего приезда, Суслова приводит несколько тем разговоров с Огаревой, для последней очень характерных. Они вполне согласуются с тоном и характером ее писем к Герцену и Огареву в эту пору. «М-м Огарева (пишет Суслова) — престранная женщина. То она хочет, чтобы женщины жили отдельно от мужчин, чтобы не вмешивать в жизнь семейную все дрязги хозяйства и видеть только в свободное время, то не хочет, чтобы женщины выходили замуж, и паче всего, чтобы не иметь страстей, то хочет выселиться из Европы в какое-то братство». «Но, —

---

[3]) Соч. Герцена, т. 18, стр. 39.

прибавляет Суслова дальше иронически, — нет еще товарищей». Что касается Герцена и его ближайшей деятельности, то, по словам Сусловой, Огарева «постоянно убеждает его, что нужно ему «патриоваться» и писать для Франции брошюры». Дальше Суслова приводит такой любопытный разговор с Огаревой. Речь шла о том, что должна делать молодежь для народа, и в чем должна проявляться ее помощь народу. Суслова говорила, что нужно приносить ему пользу ощутительную: «выучить читать хоть одного мужика». Огарева же доказывала, «что это не польза, ибо мужику читать еще нечего», он забудет читать за отсутствием подходящих для него книг: «Тургенев ему не годится, не понятен. Только одного Кольцова он понимает, но с Кольцовым далеко не уйдешь». «Стало быть,—ответила Суслова,—нужно, чтобы народ сам для себя написал книги». — «Нет, не то; нужно, чтобы цивилизованные составили для модели общество, в котором бы не венчались и не крестили детей и писали бы книжки для русского народа».—«Но как составить такое общество,—спрашивала насмешливо Суслова, — пожалуй, никто не пойдет». — «А Лугинин и Усов». — «Я просила считать меня кандидатом. Но что я буду делать, — добавляет Суслова иронически про себя, — если туда попадут Лугинин и Усов».

Под тем же 8 марта Суслова приводит в своем дневнике еще один факт, касающийся Огаревой: «Она просила меня достать ей яду через моего доктора». Суслова согласилась. «Я — пишет она — как особа без предрассудков, гуманная и образованная, обещала ей..., но она меня предупредила, достала сама через своего доктора, который глуп и ничего не понял». Огарева, очевидно, выносила свой пессимизм за пределы тесного круга семьи и открыто говорила о самоубийстве. В печатаемых ниже письмах ее к Сусловой мы находим те же мысли и ощущения, что и в письмах к Герцену за этот период.

Тучкова-Огарева уехала из Монпелье в средине марта, Суслова же оставалась там еще весь апрель и май: она была больна какой-то женской болезнью, и ей делали операцию.

Потому ли что с от'ездом семьи Герцена она снова была предоставлена самой себе или по каким-нибудь иным причинам — в это время Суслова опять сосредоточивается на своих прежних личных переживаниях, и опять мелькают знакомые нам мысли и настроения в связи все с теми же вопросами семьи и брака в ее специфическом восприятии и освещении. Это как бы новый приступ закоренелого психоза, вернувшегося вместе с воспоминаниями о недавнем прошлом. Так в пользующем ее враче она улавливает черты лейб-медика, какому-то знакомому рассказывает о своей последней любви, от которой все еще «не излечилась» — записи ее дневника пестрят разговорами преимущественно на такие темы. Однако длится он, этот приступ, на сей раз уже гораздо меньше и нет в нем прежней остроты.

Оттенок серьезного раздумья улавливается теперь в ее записях. И что всего характернее — перед нею снова начинают носиться планы

будущей ее жизни, и на этот раз становится близкой мысль о возвращении в Россию, чтобы поселиться где-нибудь в провинции и открыть школу для народа. И мысль эта вскоре приобретает реальные очертания. Из переписки с Огаревой ясно видно, как сильно ее занимает будущая деятельность среди народа, и, повидимому, она решила использовать это время пребывания за границей для более или менее серьезной к ней подготовки.

В этом отношении, быть может, оказала известное влияние сестра Надежда Прокофьевна, в то время приехавшая в Цюрих изучать медицину; из Монпелье в конце мая или в начале июня Суслова к ней и переехала, и несколько месяцев они жили вместе. Из Цюриха же она и переписывалась с Тучковой-Огаревой, проводившей лето вместе с Герценом в Женеве, в загородном замке Буассер. Тогда же, в середине июня, она и ездила вместе с сестрой к Герценым в гости, что видно из писем Огаревой к ней, а также из письма Герцена к старшей дочери, Тате, от 17 июня, где он, между прочим, пишет, что была у них «нигилистка из Цюриха Суслова с сестрой, доктором медицины (эта девушка очень умная; жаль, что ты ее не увидишь)» [1].

Очевидно, в присутствии Герцена и с самим Герценом обеими Сусловыми велись разговоры на общественно-политические темы и о способах служения русскому народу, быть может, и о необходимости для интеллигенции отдаться просветительной работе.

Об этих новых мечтах и планах Сусловой вернуться в Россию и там работать для народа Салиас знала уже давно. Когда Суслова впервые писала ей об этом, мысль о возвращении рисовалась в иных очертаниях, и Салиас отнеслась к ней не совсем одобрительно, заранее предвидя те затруднения, которые встретятся ей на ее новом пути, но в этот момент Суслова была серьезно увлечена своими новыми идеями и решение было принято окончательное.

Так, видим мы, как в это время постепенно, неуклонно выпрямляется ее душа, она начинает все более и более оживать. И только в глубь уходят ее былые переживания, утихают понемногу темные страсти, а вместе с ними и ненависть к своему прошлому и к Достоевскому, как самому главному виновнику ее несчастий. Тогда, очевидно, снова выступает перед ней начало светлое в нем: это — надо полагать — на его зов откликается она поездкой своей к нему в средине августа в Висбаден. Мы знаем, какую тяжелую полосу в жизни переживал тогда Достоевский после того, как «Эпоха» прекратила свое существование и на него навалились все долговые обязательства умершего брата; — почти бегством спасся он за границу и дальше Висбадена не выезжал за неимением средств. Об этом свидании их свидетельствуют сохранившиеся в бумагах Сусловой три его письма к ней (см. ниже): писаны они в тоне таком, в каком пишут человеку очень близкому. Положение у него безвыходное, ему не дают в гостинице ни обедов, ни даже свечей, и к ней обращается он за по-

[1]) Герцен под ред. Лемке, т. 18, стр. 147.

мощью, просит, чтобы она достала для него денег, хоть сколько-нибудь. Между прочим, здесь же и в каждом письме, он говорит, что он ждет денег от Герцена, который наверно пришлет, так как отношения у них весьма дружеские, и она сама это видела (не тогда ли на пароходе во время итальянского путешествия?).

В дневнике Сусловой следов этого висбаденского свидания не сохранилось. Как они встретились, как восприняла она Достоевского вблизи, чего хотел от нее он и что она дала ему этим свиданием — ничего мы об этом не знаем. Быть может, здесь не одна только временная последовательность: а связь, более глубокая, причинная — из Висбадена Суслова едет не прямо в Спа долечиваться, а через Париж, где проводит целых три недели, и там снова стережет ее соблазн; психоз чувственности — пусть и на короткое время — опять овладевает ее душой. В записи от 17 сентября, уже в Спа, значительно успокоенная, она подробно описывает последний свой парижский эпизод, действующим лицом которого был лейб-медик. Эти страницы в ее дневнике полны глубокого драматизма; она рассказывает в них с большой искренностью о всех моментах этой истории, в результате которой лишний раз почувствовала себя оскорбленной, как человек и женщина; жаждала ласки и близости, чтобы забыться и забыть хоть на мгновение снова проснувшуюся в ее душе тоску одиночества, — и боялась, и не хотела этой близости; падала и поднималась, ощущала свое падение, отдаваясь стихии чувственности: и все-же, в конце концов, победила ее.

Мы приводим этот эпизод целиком, рассказ ее о нем является лучшей характеристикой ее сложной и до конца правдивой натуры. Читатель не найдет здесь никакой стилизации, никаких поз и присочиненных эффектов—это исповедь рано вышедшей на дорогу женщины 60-х г.г. в поисках идеала свободной и чистой любви, на себе, на своем личном опыте давно уже убедившейся в иллюзорности его, потерявшей было в этих поисках свою душу, теперь с великим трудом, с борениями, вновь ее обретающей; — исповедь только об одном моменте ее жизни, но моменте завершающем оба напряженно прожитых периода: Парижский, вернее, заграничный, и ему предшествующий Петербургский.

Вот ее рассказ об этом последнем эпизоде:

1865. 17 сентября. Спа.

«Вчера только сюда приехала из Парижа, который оставила совсем после трехнедельного пребывания проездом. Не скажу, чтобы это было мне легко. Усов предложил мне проводить меня до железной дороги, и я приняла это предложение с величайшей радостью: мне страшно было быть одной последние минуты. Итак, я бросила Париж, вырвала себя из него с корнем, и думаю, что поступила с собою честно и решительно. Третьего дня вечером я отчаянно плакала и не думала, что у меня достанет мужества на этот плач. Вчера я приехала, устала, бросилась в постель и в первый раз после париж. 3-х недель уснула крепким, спокойным сном и, проснувшись, с радостью увидела через

окно ясное небо, зелень... Дорогой думала о своей будущности и решила, нужно жить в губ. городе и иметь свой кружок, завести школу не в Петербурге, потому что лучше быть в деревне первым и пр., и не в деревне, чтобы не умереть со скуки. Значит, волки будут сыты и овцы целы. Теперь это решено. Стала на этой точке и держись на этой линии.

Расскажу, что было в Париже. Приехав с сестрой, я позвала Л. М (лейб-медика) без всякой цели, руководясь простым желанием его видеть. Он тотчас явился. Я была на балконе, когда он вошел. Сестра была в комнате. Услыхав, что кто-то вошел, я обернулась и сначала не узнала его. Узнав, я быстро подошла к нему и с чувством протянула руку. Говорили о разных разностях. Я рассказывала о Г. (графине), говорила, что сама буду жить так же с кошками и сажать картофель, так как цветов у нас нельзя. Потом он еще был, и после этого скрылся на неделю, наконец, явился, сказав, что был болен. Говорили об искусстве, впрочем говорили больше мы с сестрой, он соглашался скорее со мной. Мне так надоели эти разговоры, что я убегала, оставляя их кончить разговор. Во все эти визиты он искал случая говорить со мной наедине, но я не хотела, сестра не оставляла нас. Раз вечером он спрашивает, что у нас за балкон, и вышел посмотреть, но я не последовала за ним. Потом он приходит на другой день, я сообщила ему эту новость [1]) с заплаканными глазами. В следующий раз он приходит, я, крайне грустная, решилась ехать и писала ему письмо с предложением притти проститься. Он заметил мое расстройство, я сказала, что я не в своей тарелке и долго не могла сказать причины. Он приставал, спрашивал, не может ли чем помочь, говорил, что готов сделать все, но я отказывалась, наконец, сказала, что еду.

Он — когда, и пр.(?). — Так как вас не увидишь, пожалуй, и вы не дадите о себе вести, — заговорил он. Я села к окну печальная и покорная.

— Странная вещь, — говорил он, — люди иногда как дети, то ищут друг друга, то прячутся, как где-то в сказке — то он искал, а она пряталась, то она искала — так и не нашли друг друга. Потом он подошел ко мне взволнованный и протянул мне руку, я подала ему свои; знакомый огонь пробежал по жилам, но я крепко держала его руки и не давала ему приблизиться. Он волновался и пожирал меня глазами.

— Сядьте, — сказала я ему кротко и грустно.

— «Нет»,—ответил он отрывисто, судорожно сжимая мои руки.

— Сядьте, — повторила я.

— Я сяду, когда вы сядете, — сказал он.

Мы сели рядом на диване, глаза наши встретились, и мы обнялись. Часа два мы просидели вместе так, руки его держали мою талию, я прижимала к груди его голову, гладила его волосы, целовала

---

1) М. б. об от'езде?

в лоб. Мы говорили беспечный вздор, никакие тревоги и сомнения не шли мне в голову. Потом я поехала к графине, он меня провожал. Сидя рядом с ним в карете, рука об руку, я почувствовала, что он нехорошо меня любит, если это только можно назвать любовью. Мне стало грустно, в парке мы расстались. Пройдя довольно большое расстояние, я обернулась и увидала, что он стоял и смотрел мне вслед. Но это был фарс и даже не ловкий. Он пришел на другой день вечером; его страстности и восторженности не было меры, я отдалась этим минутам без тревог и сомнений. Он хотел большего, но я не допускала. И он увидел свою ошибку. Я сказала, что я еду, моя поездка отложилась только до следующего дня — до четверга.

Он пришел на следующий день — в среду и раскаивался и извинялся в том, что было. Он говорил, что не может любить, не создан для этого, что он не хочет, чтобы обстоятельства или чувство управляли его жизнью и пр. и пр.

Я еще отложила на день поездку до пятницы, в четверг ждали графиню, которая обещала, меня проводить. В этот день утром я была у нее. На прощание она стала мне дружески, матерински давать советы. Усталая от чужих людей, желающих употребить меня всякий в свою пользу, я была глубоко тронута. Не забывайте бога, «Полиночка», говорила она, это вас подкрепит, без этого плохо, видите, куда без этого идут люди . . . Я не выдержала, упала перед ней на колени и громко зарыдала. Она даже испугалась, хотела мне достать воды. Нет, нет, — сказала я, — оставьте, мне хорошо так. И я рыдала на ее груди и целовала ее руки.

— Я слишком несчастлива, — сказала я ей.

— Полиночка, — ответила она. — Кто же не несчастлив, спросите. Есть ли хоть одна женщина не несчастная из тех, которые любили.

В четверг она пришла ко мне и у нас было опять прощание, которое меня до того расстроило, что я сделалась больна и принуждена была на день еще отложить поездку.

Вечером в четверг он пришел, у меня был Усов. Усов не уходил, и он должен был уйти, не видав меня наедине. «Я еще с вами не прощаюсь, — сказал он, уходя, завтра надеюсь вас видеть. — Я не знаю, застанете ли вы меня, — сказала я ему, довольно холодно.

— Ну уж как-нибудь постараюсь застать, — сказал он, довольно настойчиво. Он пришел на следующий день вечером, я была рада, и не скрывала этого. Я весело с ним поздоровалась и просила садиться, думая, что он сядет на стул подле. Я сидела на краю дивана, другая сторона которого была заставлена столом. Он просил меня подвинуться на диване и дать ему место подле себя. Я это сделала. Он взял мои руки. Я сказала, что еще не знаю, поеду ли завтра, потому что все еще больна. Он советовал остаться, я сказала, что буду жить в Спа, ждать денег. Он спросил, отчего не в Париже. Подали чай, я беспечно предлагала ему, он хотел было — пожалуй давайте разыгрывать холодных героев, — сказал он.

— Что ж руки ломать, — возразила я.

Он был задет этой сдержанностью. Я одна выпила чашку. Он что-то заговорил. «Послушайте, — начала я, — зачем вы мне тогда, как я была печальна (их — зачеркнуто) выражали готовность помочь и все сделать, поправить, если можно?—Я и готов был сделать все.— Что же вы сделали? — Я думал помочь вам сочувствием, пониманием. — Я у вас милостыни не просила. — Боже мой, какие вы говорите ужасные слова.

— Зачем вы так далеко заходили, если не любили?

— Я заходил настолько, насколько любил и чувствовал. Но я очень ошибся, я думал помочь вам и сделал хуже, я думал, что меня будут любить, ничего за это с меня не требуя, будут любить так, как я хочу, сегодня я хочу так,—пусть будет так, а завтра иначе — пусть будет иначе; в любви всегда так: одни любят, другие любимы». Какие все люди эгоисты, — продолжал он, — всякий любит для самого себя, я думал, что в вас что-то было для меня, и ошибся. Я была поражена. Он хотел взять меня за руки, но я не дала. Оставьте меня, сказала я, сядьте подальше, уйдите.

— Что это значит? — сказал он, — отчего тогда вы меня любили прежде, я ничем не изменился.

— Вы говорите ужасные вещи.

— Что ж такое я вам сказал?

— Подходить так к женщине, которую не любишь.

— О, боже мой, ведь это все условные слова, сколько раз другой на моем месте сказал бы, что любит. Вы мне нравитесь очень во многих отношениях и нельзя ненавидеть людей, которые вас любят.

— Уйдите, уйдите, — говорила я.

— Отчего? Что я сказал такого ужасного. И он приставал с этими вопросами, но я ничего не могла сказать. Я отвернулась, ушла в сторону. Он оправдывался. Мне было тяжело, мне хотелось оправдать его. — Боже мой, что это такое, — сказала я, или я больна, или мне хочется себя обмануть. Я стремительно взяла его за руки и ... «Обнимите меня крепче, — сказала ему, — и потом уйдите». Мне хотелось на одну минуту забыться — думать, что он меня любит.

— Я к вам приду завтра? — спросил он.

— Нет, не надо.—ответила я, заливаясь слезами.—я завтра уеду.

Я отталкивала его и снова привлекала, горько рыдая.

— Поцелуйте меня, — сказал он.

— Нет, нет.

— Я приду завтра.

— Не надо.

— Дайте поцеловать вашу руку.

— Нет, нет.

И мы расстались. Я долго еще плакала, и мне сделалось лучше, но я решилась ехать, и уехала.

В это время тоски и отчаяния, я так много думала о . . . . . . [1]). И, может быть, мысль, эта уверенность в его дружбе, сочувствии и понимании спасли меня; уверенная в ней, я чувствовала себя вне этой жалкой жизни и способной подняться выше ее. Тут только я поняла настоящую цену дружбы и уважения лиц, выходящих из общего круга, и нашла в уверенности этой дружбы мужество и уважение к себе. Покинет ли меня когда-нибудь гордость? Нет, не может быть, лучше умереть. Лучше умереть с тоски, но свободной, независимой от внешних вещей, верной своим убеждениям и возвратить свою душу богу так же чистой, как она была, чем позволить себе уступку, хоть на мгновение смешаться с низменными вещами. Но я нахожу жизнь так грустной, что я с трудом ее выношу. Боже мой, неужели все будет так, и стоило ли родиться».

В этом рассказе мы имеем отражение всего диапазона ее душевных колебаний; она вся та же: во власти данного мгновения, сулящего ей иллюзию полноты переживаний. И не может она противостоять наплыву чувственности, и борется она с нею и с собой, так легко поддающейся ее соблазну; слабая, минуте покорная, и в то же время ясно сознающая скользкость той грани, за которую переступить она не может, потому что в основе своей душа ее все же жаждет чистоты, целомудренности. Наше отношение к ней и на этот раз остается тем же: двойственным в соответствии со всею противоречивостью ее сложного характера, с ее одновременными падениями и под'емами в пределах одного и того же момента. С той минуты, как она почувствовала, что он нехорошо ее любит — просыпается в ней ее оскорбленная гордость, борьба внутренняя, усиливаясь, заканчивается все же победой. В этом эпизоде, как и во всем ее дневнике, много неясных намеков на целый ряд обстоятельств, фактов и встреч в ее жизни, нам неизвестных; последние строки проникнуты такой глубокой тоской по идеалу, истинно «сияющему», вместе с ясным сознанием некоей высшей правды, обязывающей ее оставаться верной до конца своим убеждениям, «возвратить свою душу богу такой же чистой, как она была». — они нас убеждают еще раз в том, что она действительно вступила на путь «возрождения», воскресли в ней те силы, «тот энтузиазм», который нужен был ей, чтобы выбраться «из тины, уже начинавшей ее засасывать, из тины пошлости».

XVI.

Нам точно неизвестно, сколько времени пробыла Суслова в Спа, и когда вернулась в Россию. Если судить по одному из писем к ней Салиас, точно датированному: 26 октября и адресованному уже в Петербург, то надо полагать, что в первых числах октября Суслова была уже на родине. Она вернулась раньше Достоевского, который, как известно, на обратном пути из Висбадена, заезжал на несколько дней к своему старому сибирскому приятелю, бар. Врангелю.

---

[1]) Фамилия неразобрана.

Здесь кстати нужно установить несколько точнее те дати, которые дает Страхов и вслед за ним Ветринский в хронологической канве (Ист. лит. Библ., выпуска VII, Достоевский), касательно этого периода. Возвращение Достоевского в Россию они оба приурочивают к ноябрю месяцу, между тем из письма его к Врангелю от 8 ноября ясно, что в конце октября он уже был в Петербурге. Т... перечисляя свои припадки за последние дни, Достоевский устанавливает промежуток между первым и вторым дней в пять, а про третий говорит, что он случился третьего дня; был, конечно, какой-нибудь промежуток и между вторым и третьим. В том же письме он пишет еще, что пароход из Копенгагена в Петербург тащился 6 дней. С ... же парохода он послал Врангелю записку, и теперь он удивляется, что из письма Врангеля, на которое и отвечает 8 ноября, не видно, что записка им получена. Следовательно, до 8 ноября пароход должен был сделать два рейса: в Копенгаген и обратно, т. е. быть в пути не меньше 10—12 дней.

Около четырех месяцев пробыла Суслова в Петербурге. В дневнике ее за это время имеется всего две записи: от 2 и 6-го ноября; обе касаются Достоевского, и видно по ним, что отношения между ними тяжелые. «Сегодня,—записывает она от 2 ноября,—был Ф. М., и мы все спорили и противоречили друг другу». «Он уже давно предлагает мне р у к у и с е р д ц е, и только сердит этим». «Говоря о моем характере, он сказал: если ты выйдешь замуж, то на третий же день возненавидишь и бросишь мужа». Дальше приводится также в высшей степени интересный разговор, часть которого мы уже выше цитировали: «Припомнил Го (это один из ее знакомых в Монпелье), я сказала, что вот один человек, который не добивался толку. Он, в обыкновенной манере (курсив наш), сказал: «Этот Го, может быть, и добивался». Потом прибавил: когда-нибудь я тебе скажу одну вещь. Я пристала, чтоб он сказал: «Ты не можешь мне простить, что раз (отдалась), и мстишь за это; это — женская черта». Это меня очень взволновало».

Типична для Сусловой, как женщины 60-х годов, в известной степени, пожалуй, характерна и для их отношений небольшая запись от 6 ноября. В присутствии Достоевского она издевается над некоей ... человеком очень религиозным (Суслова говорит про нее насмешливо: «эта О. верует, что из образа богородицы текло масло, и не ест по средам скоромного»): «сделаюсь святой, пройдусь босиком по кремлевскому саду в Москве и буду говорить, что ангелы со мною беседуют, и проч.» В таком тоне разговор длился долго; слов Достоевского она не приводит; этот разговор вряд ли был ему приятен.

На этом обрывается ее дневник и, вместе с ним, как уже был раз сказано, и наши прямые сведения, от нее исходящие, о дальнейших ее отношениях к Достоевскому. Что отношения не совсем прекратились, что время от времени они продолжали, по крайней мере, переписываться, мы узнаем уже из другого источника, тоже дневника законной жены Достоевского, Анны Григорьевны, — недавно опубли-

кованного Центрархивом [1]). Выше уже упомянуто было о том, что в этом дневнике, об'емлющем первые месяцы заграничного бытия ее с Достоевским, несколько раз упоминается имя Сусловой, и жгучей ревностью проникнуты те строки ее, в которых она рассказывает о фактах, питавших это чувство ревности:

«. . . Я скоро узнала, что было мне нужно, — пишет она в дневнике от 27-го апреля 1867 г., — и вернулась домой, чтобы прочитать письмо, которое я нашла в письменном столе Феди. Это письмо было от С. (Сусловой). Прочитав письмо, я так была взволнована, что просто не знала, что делать. Мне было холодно, я дрожала и даже плакала». («Дневник А. Г. Достоевской», стр. 28). Это, по всей вероятности, то первое письмо Сусловой, ответ на которое Достоевского напечатан в «Недрах» № 2 (комментирован Н. Л. Бродским). Отмечаем здесь еще раз, как глубоко еще чувство Достоевского к ней в этом письме, и как невольно, а, может быть, и намеренно, вскрывается та истинная причина, по которой Достоевский решил пожертвовать «Поэзией» — Сусловой — ради «прозы» — Анны Григорьевны. Так вскрывается ее истинная сущность в словах его, что «трудно ей быть счастливой»; особенно в тех, которые он дальше пишет: «О, милая, я не к дешевому необходимому счастью приглашаю тебя. Я уважаю тебя (и всегда уважал) за твою требовательность, но ведь я знаю, что сердце твое не может не требовать жизни, а сама ты людей считаешь или бесконечно сияющими или тотчас же подлецами и пошляками». «Я сужу по фактам», — подчеркивает он дальше. — Это, очевидно, и есть та схема ее колебаний, в которую, в известной степени укладывались ее отношения и к нему.

Ответ Сусловой на это письмо, поскольку можно судить по дневнику А. Г., был, повидимому, очень определенен и резок; лишний еще раз подтвердил он, очевидно, правильность только что приведенных слов Достоевского, характеризующих ее отношения к людям. А. Г. получила его в отсутствие Достоевского (в первый же день его от'езда в Гамбург — 4 мая). «Я торопливо пришла домой — пишет она в своем дневнике — страшно в душе волнуясь, достала ножик и осторожно распечатала письмо. Это было очень глупое и грубое письмо, не высказывающее особенного ума в этой особе. Я уверена, что она была сильно раздосадована женитьбой Феди, и что тоном письма выразилась ее обида... Потом я вынула чемодан и рассмотрела его письма, многие из них я уже читала прежде».

Но вряд-ли правильно охарактеризовала Анна Григорьевна письмо Сусловой. На Достоевского оно во всяком случае произвело впечатление чрезвычайно сильное, всколыхнуло, должно быть, в нем всю сложную гамму его прежних чувств, столь глубоко и столь тесно связывавших его с ней. В записи от 15-го мая — А. Г. так рассказывает

[1]) Дневн. А. Г. Дост. (изд. «Новая Москва») под ред., почему-то не указанной, Н. Бельчикова. Мы восстанавливаем имя ред. потому, что он, во-первых, этого заслуживает: дневник тщательно проредактирован, а затем в предисловии (стр. XIV) есть его след: «курсив наш, Н. Б.».

об этом: Достоевский только-что вернулся из Гамбурга, они сидели за чаем и он «спросил, не было ли ему письма. Я ему подала письмо от нее. Он или действительно не знал, от кого письмо, или притворился незнающим, но только едва распечатал письмо, потом посмотрел на подпись и начал читать. Я все время следила за выражением его лица, когда он читал это знаменитое письмо. Он долго, долго перечитывал первую страницу, как-бы не будучи в состоянии понять, что там было написано, потом, наконец, прочел и весь покраснел. Мне показалось, что у него дрожали руки. Я сделала вид, что не знаю; и спросила его, что пишет Сонечка (здесь она делает примечание: родная племянница Ф. М. — С. А. Иванова). Он ответил, что письмо не от Сонечки, и как-бы горько улыбался. Такой улыбки — продолжает она дальше — я еще никогда у него не видала. Это была улыбка презрения, или жалости, право не знаю, но какая-то жалкая потерянная улыбка. Потом он сделался ужасно как рассеян, едва понимал, о чем я говорю».

Мы собираем воедино все эти внешние проявления того впечатления, которое произвело на него письмо, и вряд ли можно уловить здесь хоть тень презрения: «он весь покраснел», и «дрожали у него руки», и «улыбка горькая, жалкая, потерянная улыбка» . . .». А. Г. каждую свою запись обыкновенно кончает лирическим рефреном: ночным прощанием, — этим «часом или получасом, составляющим самое задушевное и счастливое время нашего дня». В этот день этого счастливого часа не было (см. Дневник стр. 85—86).

От 29 мая (понедельник, стр. 111) — А. Г. снова записывает в дневнике, что было письмо от С. (Сусловой): его переслал вместе с другими письмами Паша (пасынок, Павел Исаев) из Петербурга. Быть может, Достоевский, уезжая в Гамбург играть в рулетку, сам не знал, сколько времени он там пробудет и намеренно указал Сусловой адрес петербургский, дабы письмо от нее не получилось в его отсутствие.

В одном месте (стр. 153—запись: среда 26-го июня) А. Г. приводит еще такую сцену: она собиралась итти на почту отправлять матери письмо; «уходя, когда он меня спросил, на какую я иду почту, я отвечала, что на эту, чтоб не беспокоился, что я не пойду на большую почту и не возьму его письмо, что этого не будет. Он ничего не отвечал, но когда я отошла, он быстро подошел ко мне, и, с дрожащим подбородком, начал мне говорить, что теперь он понял мои слова, что это какой-то намек, что он сохраняет за собою право переписываться с кем угодно, что у него есть сношения, что я не смею ему мешать».

Дневник А. Г. обрывается на 24 августа, и мы не знаем, как долго продолжалась на этот раз переписка Достоевского с Сусловой. Встречаются в записях А. Г. глухие намеки на то, что она сама тоже хотела вступить с ней в переписку (стр. 153 и 267). Она просит брата, учившегося в Петровско-Разумовской академии, прислать ее адрес; два раза присылает он этот адрес (очевидно, в конце июля Суслова еще была в Москве, последнее письмо от брата с ее адресом получено 2 августа). Быть может удастся когда-нибудь расшифровать дальнейшие стено-

графические записи А. Г., — тогда не найдется ли еще следов этой длительнейшей и глубочайшей связи Достоевского с той, которую он называет — именно в этот период, после целого года разлуки, и после уже женитьбы на А. Г. — «вечным другом».

XVII.

Наши сведения, касающиеся отношений Сусловой к Достоевскому, исчерпаны, если не считаться с рассказом дочери Достоевского об их последнем свидании, произошедшем много лет спустя, очевидно, в средние, или, может быть, даже ближе к концу 70-х годов. Дочь передает эту сцену в обычных для нее тонах, в последний раз рисуя облик Сусловой, как человека неискреннего, любящего принимать красивые позы. Она приводит целый диалог между ними, который, конечно, сама сочинила, подробно воспроизводит ее жесты, согласно той фигуре, которую ставит перед нами в самом начале своего рассказа о Сусловой и о роли ее в жизни Достоевского. Как и в предыдущих случаях, когда мы пытались использовать данные ее биографии, скажем и здесь, что достоверным можно считать только остов: самый факт позднего свидания, когда Достоевскому было за 50 лет, а ей за тридцать, и, может быть, в самом деле, как сообщает дочь: он ее не узнал, а она, обиженная, не захотела себя назвать (см. Достоевский в изображении его дочери» стр. 39—40).

Это было бы последнее глубокое оскорбление, которое нанес Достоевский своему «вечному другу».

«Тебе трудно быть счастливой — читали мы в последнем письме Дост. к Сусловой — потому что сердце твое не может не требовать жизни», а мириться с «дешевым необходимым счастьем» оно несогласно. В течение этих десяти лет она все еще продолжала искать и метаться, нити, тянувшиеся в далекое прошлое, в ее душе еще не оборвались.

Нам осталось теперь досказать вкратце то, что нам известно о Сусловой, о дальнейшей ее жизни, из других источников.

В историко-револ. архиве хранится дело под таким заглавием: «Производство Высочайше учрежденной в С.-Петербурге следств. комиссии о суд. следователе Лебедянского уезда Василии Прокофьеве Суслове и сестре его, дочери Вознесенского купца — Аполлинарии Прокофьевне Сусловой». Начато 2-го июня 1866 г., кончено 17 апреля 1869 г. В основу дела положены показания некоей Ал. Комаровой о том, что Вас. Суслов давал ей прокламацию № 2 «Свободы», а у Сусловой была большая пачка прокламаций «Великорусс». Комарова познакомилась с Сусловым на 2 день пасхи 1863 г., жил он тогда, по ее сведениям, с матерью и сестрой.

В феврале 1864 г. Василий Прокофьевич был переведен в Тамб. губернию следователем.

В сентябре 1865 года за Сусловыми был установлен негласный надзор за принадлежность к партии нигилистов, а 2-го июня 1866 г. послан был телеграфный приказ Муравьева: Суслова обыскать и бумаги

переслать в Петербург. Про Суслову тамбовский губернатор сообщает, что она приехала из Петербурга в Тамбовскую губернию в марте 1866 г. и что ей 26 лет.

Из «дела» же мы узнаем, что 4-го июля того же года Суслова обратилась к лебедянскому исправнику с просьбой вернуть ей забранные при обыске рукописи, среди которых, как она пишет, имеются произведения, приготовленные для печати. Адрес же, по которому она просит их переслать, указывается такой: Владимирская губ., Шуйского уезда, село Иваново». Следовательно, в июле или в августе 1866 г. Суслова из Тамб. губ. уже уехала.

Такова первая стадия дела о Сусловой. Надо думать, что на этот раз обыск особенных последствий для нее не имел: она осталась на свободе, хотя из отобранных бумаг ее видно было, что за границей она находилась в «сношениях с лицами враждебными правительству»: с Утиным, с Герценом и что в письмах к ней были «ругательства на Россию за жестокую расправу с поляками во время польского восстания (письма Салиас).

Дальше следует перерыв в два года. Мы знаем только, что в конце 1868 г. она сдала при Московском университете какой-то экзамен, очевидно на звание учительницы, и 12 декабря открыла в с. Иваново школу-пансион для приходящих девиц. Председатель следственной комиссии Ланской 2 об этом доводит до сведения мин. нар. просв. Д. Толстого (от 19 января 1869 г.), предоставляя «дальнейшее решение на личное его усмотрение». В то же время просит также и гр. Шувалова, шефа жандармов, не оставить ее своим вниманием: обвинения против нее такие: она нигилистка, была одно время распорядительницей воскресной школы при Михайловской артиллерийской академии и опять — сношения с эмигрантами.

А дальше было так: министр нар. просв. Д. Толстой затребовал объяснения от попечителя Моск. учеб. округа, тот от директора училищ Владимирской губернии, и в результате о Сусловой было сообщено следующее: Суслова действительно человек неблагонадежный: во-первых, она носит синие очки, во-вторых, волосы у нее подстрижены. Кроме того имеются слухи о ней, что «в своих суждениях она слишком свободна и никогда не ходит в церковь».

Месяца два просуществовала школа и была закрыта. Она удостоилась очень теплого некролога одного из местных жителей, описавшего яркими красками потерю, понесенную иваново-вознесенцами, и горе детей, оставшихся без школы. В некрологе было и негодование, конечно, сдержанное, и слезы, и жалоба на судьбу, и похвалы Сусловой и горячее к ней сочувствие. Некролог напечатан в «Петербургских Ведомостях» от 29 марта 1869 г.

И снова обрываются наши сведения о Сусловой до 1872 года, когда она на время появляется среди первых слушательниц только что открывшихся в Москве курсов Герье. Нам рассказывала о ней тоже одна из первых слушательниц на этих курсах — Е. Н. Щепкина, магистр истории и профессор б. Бестужевских курсов. Щепкина помнит ее спла

щей обыкновенно за тем столом, который облюбовали себе наиболее серьезные студентки, пришедшие на курсы не из-за моды, а с целью действительно работать и учиться. То было новое поколение, с иными уже общественными настроениями, вздымалась выше революционная волна, носилась в воздухе идея о хождении в народ. Суслова была среди них чужой, человеком 60-х годов; она ни с кем близко не сходилась; замкнутая в себе, она, однако, импонировала им своей «серьезной сосредоточенностью», особой печатью строгости; она казалась им несколько таинственной.

По словам Е. Н. Щепкиной, Суслова не долго пробыла на курсах, она снова уехала к брату, может быть, в ту же Тамбовскую губернию.

Несколько менее скудны наши сведения о ней (о втором длительном петербургском периоде ее жизни) в связи с В. В. Розановым. Первое упоминание об этой истории мы находим опять же в биографии Л. Ф. Достоевской, в конце той же 7 главы, посвященной Сусловой. Достоевская пишет: «пятидесяти слишком лет от роду, Полина N вышла замуж за двадцатилетнего студента, великого почитателя моего отца. Этот юный энтузиаст, впоследствии ставший выдающимся писателем и журналистом, не мог утешиться, что ему не довелось лично знать Достоевского; поэтому он решил хоть жениться на той, которую любил его любимый поэт. Легко можно представить себе, как должен был кончиться столь необычайный брак» (стр. 40).

По обыкновению, Достоевская и здесь согрешила, трижды, против фактической правды, не говоря уже о тоне ее рассказа, таком же плоском и пошлом, как во всей ее работе. Розанов женился на Сусловой еще при жизни Достоевского в 1880 г., когда ей было 41 год, а ему 24 (родился в 1856 г.). В Москве подготовляется к печати (или уже печатается) переписка Розанова с А. Г. Достоевской, и в этой переписке Сусловой уделяется особенное внимание. Письма его писались через десять лет после его разрыва с Сусловой, в момент очень тяжелый для новой его семьи, незаконной, страдавшей от своей «незаконности» именно благодаря ей. Было у Розанова достаточно причин, чтобы относиться к Сусловой весьма враждебно и, если с точки зрения фактичексой правды в том, что он пишет о ней Анне Григорьевне, мы пока не имеем основания сомневаться, то освещение он дает ее характеру и роли ее в его жизни, безусловно, слишком суб'ективное. Тем более, что здесь нужно еще считаться с тем, кому он обо всем этом пишет. Может быть, то чувство ревности, которое А. Г. когда-то к Сусловой питала, не совсем умолкло и после смерти Достоевского, и Розанов пишет ей так, как пишут человеку, в сочувствии которого заранее убеждены, поскольку у них один, как бы общий, интерес, соприкасающийся в единой плоскости переживаний.

Розанов о Сусловой в этих письмах своих говорит с большой горечью: это она исказила навсегда весь его характер и всю его деятельность, исковеркала и семейную его жизнь; ему, безвинному, мстила тем, что в течение почти двух десятков лет ни под каким видом

не соглашалась на развод, так что дети его от второй жены долго не могли носить его фамилии. Розанов соглашается с А. Г., что Суслова «цинична», совместную жизнь с нею он представляет с своей стороны, как сплошную жертву, в течение шести лет выносил он все «мучительно-фантастические изломы» ее невыносимого характера, пока, наконец, в 1886 г. не разыгралась одна из чудовищных по нелепости выходок Сусловой и она его бросила.

Шесть лет они прожили вместе, шесть лет он от нее страдал. И вот как он сам рассказывает о том, что он чувствовал и как он мучился, когда она его покинула. «Я помню — пишет он, — что когда Суслова от меня уехала, — я плакал и месяца два не знал, что делать, куда деваться, куда каждый час времени девать». «С женой — пишет он дальше, — жизнь так ежесекундно слита и так глубоко слита, что образуется при разлуке ужасное зияние пустоты и искание забвения вот на этот час — неминуемо».

Вот как болезненно ощущал он ее от'езд, и не только в первые два месяца. В 1890 г., через четыре года после того, как она его покинула, он все еще отказывает ей в выдаче отдельного вида на жительство, все еще надеется, что она возвратится к нему. Он пробует все средства воздействия на нее: умоляет приехать к нему на новое место службы (в Елец), но получает в ответ «грубые и жестокие слова отказа» «тысячи людей находятся в вашем положении и не воют — люди не собаки»; обращается за помощью к отцу Сусловой, у которого она временно поселилась, тот бессилен и, наконец, жалуется на нее жандармскому начальству (очевидно в какой-нибудь связи с политическим ее прошлым? иначе не совсем понятно, при чем тут жандармское начальство).

Суслова к нему не вернулась. И вот только в 1897 г., когда у него было уже двое детей, Розанов согласился выдать ей отдельный вид на жительство. Что за странная таинственная сила была в этой натуре, если и второй, почти гениальный человек, так долго любил ее, так мучился любовью своей к ней! Повторяем, мы имеем все основания с самого начала отнестись несколько настороженно к характеристике данной ей Розановым: факты, им же сообщенные, говорят против него. «Она искалечила навсегда весь его характер и всю его деятельность» — тогда ли в те 6 лет, когда была его женой, или тем, что бросила его. И когда она стала для него «циничной»?

А Суслова действительно почему-то мстила ему долго, чуть ли не всю свою жизнь, считала себя в праве лишить его, поскольку это от нее зависело, семейного благополучия. В 1902 году к ней отправился в Симферополь (там у нее был свой дом) друг Розанова просить ее, чтобы она согласилась дать Розанову развод. Тогда ей было уже 63 года, она говорит о Розанове с крайней злобой и наотрез отказывается пойти на какие бы то ни было уступки.

Как об'яснить эту непотухающую злобу? Какие факты, какое освещение этой полосе ее жизни могли бы дать ее письма, если она

кому-нибудь писала об этом 2-м петербургском периоде своей жизни, и если-бы эти письма могли быть когда-нибудь обнародованы.

Фигура великого мученика и мучителя —Достоевского бросает жуткий зловещий свет на начало жизненного пути Сусловой, это первый ее Петербургский период. В известной мере ему конгениальный, Розанов — преимущественно в одной области, в область пола — освещает конец этого пути. Но тем ли жутким зловещим светом? Беспримерно огромной амплитуды колебаний Достоевского Розанов во всяком случае не знал, его сердце, сердце человеческое в нем, тоже, конечно, было «полем битвы»; но на этом поле все же не «сатана с богом» боролись, а силы несколько помельче.

В этом огне, последнем, было, быть может, не мало и копоти.

Узнаем ли мы когда-нибудь всю правду и об этом втором Петербургском периоде в жизни героини нашего повествования?

А. С. Долинин.

15/X—23 года.

Ровно год прошел с тех пор, как был закончен этот очерк наш о Сусловой. Вместе со всей книгой о Достоевском он претерпел разные мытарства, в «хождении своем по мукам», путешествуя из одной типографии в другую. В течение этого года несколько раз повторялось имя Сусловой на страницах печати: русской и заграничной, но, к сожалению, все в связи с книгой дочери Достоевского, на фоне, ею нарисованном: искривленном, лживо-тенденциозном. Мы думали найти новый, более правильный образ ее в недавно вышедшей книге Леонида Гроссмана: «Путь Достоевского», где теме нашей посвящается целая большая глава. Разочарование нас и здесь постигло. Второй источник сведений, Гроссманом приводимых, из которых не все были нам известны, — сведений, касающихся преимущественно второго петербургского периода жизни Сусловой, связанного с В. В. Розановым, — от Розанова же и людей, ему близких, они и исходят; — этот источник, как уже было отмечено, оказался столь же ненадежным, как и первый. Гроссман, большой знаток Достоевского, не мог не отнестись критически к словам его дочери, Л. Ф., поэтому ранний период биографии Сусловой, наиболее интересный для жизни и творчества Достоевского, вышел у него скомканным, прежде всего недостаточно уверенным. Он отказался от фактов, дочерью сообщенных; с портрета Сусловой стер несколько клякс, самых грубых — так написана первая часть третьей главы его книги; но, доверившись источнику позднему, Розановскому, он во второй части главы, как бы незаметно для самого себя, эти кляксы снова налепил; пусть они из красок несколько других, более мягких — образ Сусловой ими одинаково искажается, и в ту же сторону. Так само собою сказывается общность, какое-то психологическое родство источника первого и источника второго: друг друга они поддерживают и пополняют во внутренней своей неправдивости.

С книгой Гроссмана, — из уважения хотя бы к прежним его отличным работам о Достоевском и по привычке встречать в них положения,

большей частью фактически подкрепленные, — с ней исследователи, тем более широкая публика, будут считаться, и нужно шаг за шагом следовать за ним, чтобы в корне разрушить зыбкое здание, им построенное. Прежде всего мелочи: 1) Суслова: Аполлинария не Панкратовна, а Прокофьевна. 2) Она не из провинции приехала в Петербург учиться (Гроссман, стр. 145), а жила в Петербурге постоянно в своей семье. 3) Гроссман, когда говорит, что роман Дост. с Сусловой «летом 1863 года в полном разгаре» (см. там же), то он следует здесь рассказу дочери и, как она же, ошибается. Лето Суслова проводила за границей, в Париже, Достоевский возился с журналом «Время», по случаю его закрытия и был в Петербурге; встретились они ранней осенью, когда Суслова любила уже другого, и путешествовали они вместе, оба чувствовавшие себя мучительно несчастными. Правда, наши данные Гроссману не были известны, но ведь не то ставится ему в вину, что он этих фактов не сообщает, а то, что он пишет о фактах непроверенных, взятых из такого мутного источника, как Л. Ф. Достоевская. 4) Гроссман ссылается на письма Достоевского к брату во время совместного путешествия с Сусловой: в них будто бы Достоевский говорит «открыто о счастьи путешествовать с любимым существом» (Гр., стр. 145). Но в том-то и сказывается плененность Гроссмана лживою книгой Л. Ф., что он и письма Достоевского прочитал очень плохо и фразу о «счастьи путешествовать» изъял из окружающего контекста, из которого явственно следует как раз обратное: не «открыто говорит о счастьи . . .» и т. д., а скрывает в этом письме, тоном его выдавая, свое несчастье, то, что Суслова полюбила другого. См. слова Достоевского в скобках после слова «счастье»: («если только есть оно в самом деле»). 5) И еще в одну ошибку впадает Гроссман там, где рисует отношения Достоевского к Сусловой, как очень сложные: «происходили разрывы, возвращения, резкие вспышки при неугасимом взаимном влечении» (Гр., стр. 145). Нет, это не так. Разрыв произошел в это лето 1863 г. до путешествия. Достоевский продолжал ее любить долго, м. б., до конца жизни, Суслова же разлюбила его в этот раз и навсегда, разлюбила, конечно, не духовно — и больше к нему не возвращалась. Фактическая ли это ошибка? Разумеется, нет. Меняется весь тон и характер их отношений, ослабляется напряженность трагического в переживаниях Дост., роман обесценивается. Проявлена здесь со стороны Гроссмана большая неосторожность — даже у дочери он не мог почерпнуть этих данных, — утверждается то, чего не было, и именно потому, что исходная точка предвзятая, личность Сусловой сконструирована заранее: так должна была бы она поступать, значит так она и поступала. Может быть, в принципе это и верно, м. б., она в самом деле так бы и поступала, если бы . . . если бы только образ был нарисован правильный. И тут-то мы подходим к главной ошибке Гроссмана. Ему обязательно хочется, чтобы Суслова была женщиной «инфернальной», «вечно склонной к предельным ощущениям, ко всем психологическим популярностям» (Гр., стр. 148). В области пола эта «инфернальность» дочерью Д. вульгаризирована так: «служа Венере, она перехо-

дила из рук в руки, от одного студента к другому». Этой характеристикой Суслова, гл. обр., обязана Розанову. Нехотя Розанов жестоко отомстил ей за ее уход от него, за те слезы, которые он проливал, не зная, что делать, куда деваться в тоске по Сусловой. Повторяем еще раз: противоречивыми—внутренне—кажутся нам его показания. Она долго, целых двадцать лет, не могла ему простить какие-то обиды, не простила и в старости. Какие же обиды? Рисуется Розановым в письме к Волжскому образ «Катьки Медичи», «Хлыстовской богородицы»: женщины - мучительницы и в страсти: «и здесь являвшей какие-то отклонения от нормы, неправильные изгибы» (Гр., стр. 152—54). О своих собственных «отклонениях в страсти от нормы» он не один раз рассказывает в своих писаниях. Кто здесь был мучителем: он или она? Литературная форма письма к Волжскому, как и во всем, что пишет Розанов, изумительна по своему совершенству. Письмо ли это: обладает ли оно всеми качествами доподлинного человеческого документа? Не художественное ли оно произведение? Т.-е. взят не образ живой, жизненный, таков, каков он был, а только один элемент, одна черта: усилена, сгущена в перспективе исключительно художественной; дан некий портрет, б. м., с прообразом ничего общего и не имеющий, или уж очень мало общего. И опять искажен Гроссманом, в угоду этому пленившему его образу, контекст письма Достоевского к Сусловой: из Дрездена. Достоевский пишет ей: «Я уважаю тебя и всегда уважал за твою требовательность». Какая разумеется здесь требовательность? Гроссман так поясняет: это «та требовательность, которая свидетельствует о страстной, увлекающейся, жадной к эмоциям натуре». Словом, все та же, конечно, «инфернальность». Но как же быть с предыдущей и последующей фразами письма, где требовательности ее противопоставляется «дешевое необходимое счастье» (о, милая, я не к дешевому необходимому счастью приглашаю тебя»)—это, с одной стороны, а с другой, самая эта требовательность конкретизируется, как напряженнейшее искание высшего идеала в человеке: «ты людей считаешь бесконечно сияющими или тотчас же подлецами и пошляками». Ведь это все в плоскости этической и поднято на ступень чрезвычайно возвышенную! И именно за это, за ее этический максимализм, за ее абсолютную непримиримость, Достоевский ее и уважает и всегда уважал. Или это все не так? И «требовательность» разумеется здесь, в этом письме, совсем другая, и деление людей на святых и подлецов должно быть воспринято каким-то образом в той же плоскости, как и чувственные его увлечения, подлинная «инфернальность»... (Гр., стр. 148). Что же это! Высший цинизм со стороны Достоевского? Так он прощается с «вечным другом»? Зачем эта двусмысленность? И какая она в сущности нехорошая! Нет, слишком большую дань заплатил Гроссман Розановскому письму, дань незаслуженную и очень-очень вредную для его книги — в главе, касающейся Сусловой.

Портрет всегда одномоментен, статичен, в этом его бессилие, его неисправимый грех перед человеком. Не в данном мгновен-

ном бытии, а в бывании, в становлении нужно рисовать образ человеческий. И пусть Розанов кругом прав, пусть его письмо к Волжскому — верный фотографический снимок с лица Сусловой; — такой она была с Розановым в годах 80-х, но не такой она была с Достоевским: ни в ее первый Петербургский период, ни в годы последующие, когда с Достоевским еще встречалась и переписывалась с ним. Был ее образ многоликий, боролись в ее душе начала диаметрально противоположные; мучительно и долго колебалась она в выборе своих путей, падала и поднималась, вновь падала и вновь поднималась, переживая горестно и трудно, а иногда светло и радостно, обычные, человеческие, обычно женские горести и радости. И как шестидесятница, в ярком горении идеалами своей эпохи, меньше всего внутренне трезвой и внутренне холодной, она искала вначале пути самостоятельного, как женщина; потом жаждала дела, работы общественной, готовилась к этой работе, мечтала о ней, как о работе именно среди народа. Тогда-то во всяком случае она не была похожа на «Катьку Медичи». А ведь книжку-то свою Гроссман писал о Достоевском, и главу целую он посвятил Сусловой потому, что она занимала исключительное место в жизни Достоевского в годы 60-ые.

«Она была русская легитимистка, ждавшая торжества Бурбонов во Франции, а в России любила только аристократические традиции». — Так говорит о ней Розанов. Это, конечно, очень стильно. Но какие же традиции могли быть у дочери крепостного? От родства кровного с мужиком, по крайней мере, в тот период, который мы знаем, она никогда не отказывалась, гордилась этим родством, чувствовала в своих жилах кровь мужицкую. В среде революционной эмиграции, в которой она вращалась и где имела своих близких друзей, она за мужика и стояла, потому и отвергла космополитизм, тогда частью молодежи понимаемый еще неправильно, враждовала с этой молодежью именно за то, что в силу этого ложно понятого космополитизма она относилась пренебрежительно к интересам и быту своего народа, в частности крестьянства.

Нет, это не доподлинная Суслова — та, которую рисуют дочь Достоевского, Розанов и вслед за ними, в плену у них, Леонид Гроссман. Что бы с ней ни случилось в годы 70, ближе к моменту ее брака с Розановым, каковы бы ни были те события, которые могли на нее так сильно повлиять, чтобы она стала хоть отдаленно похожей на портрет Розановский — для Достоевского и с Достоевским она была другая: прообраз Дуни, Полины Александровны, Аглаи, б. м., Анастасии Филипповны: «конечно, Грушенька — ни-ни-ни — тут Розанов прав: Грушенька нахабная, в Сусловой ничего нахабного»; но уж во всяком случае не графиня из «Униженных и оскорбленных».

Глава о Сусловой в книжке Гроссмана ни в какой мере не приемлема, когда речь идет о Достоевском: о значении Сусловой в его жизни и в его творчестве.

А. Д.

ПРИЛОЖЕНИЕ.

К статье „Достоевский и Суслова“.

I.

Письма Достоевского к Сусловой.

1.

Вторник [22/10 августа, 1865 г.] [1]).

Милая Поля, во первыхъ непонимаю какъ ты доѣхала. Къ моей прескверн̀ѣйшей тоскѣ о себѣ прибавилась и тоска о тебѣ.

---

[1]) Датируем это письмо, как и следующие два, 65-м г. по следующим соображениям. Во-первых, письмо из Висбадена; Дост. жил там в крайней нужде именно в этом, 1865 году, в 1864 г. он оставался весь год в Петербурге. Что касается более ранних годов: 62 и 63, то Надежда Суслова, которая упоминается в этих письмах, как находящаяся за границей, жила в эти годы в Петербурге (см. выше названные биографии ее; это же видно и из нашего очерка). Также и Герцен, о котором говорится в этих письмах, что он в Женеве, проводил лето в Женеве только в 1865 г. (см. „Герцен", под ред. Лемке, т. 18, стр. 85 и дал.). Наконец, *четверг — 12 августа* (дата Д. на 3-м письме) было в 1865 г. См. еще письма Достоевского к Врангелю из Висбадена же, сходные по своему содержание с этими письмами (Страхов, биография... стр. 160 — 65).

Правда, смущает нас несколько тот факт, что Дост. ждет денег из „Библ. для Чтения" от Воскобойникова в то время, как в 1864 г. он с редактором «Библиотеки», Боборыкиным резко разошелся (см. письмо Дост. к Боборыкину, Страхов, стр. 158 — 60). Но, очевидно, позднее между ними произошло примирение, о чем свидетельствует то соглашение, в которое Дост. вступил именно с „Библиотекой", когда „Эпоха" прекратилась и нужно было удовлетворить ее подписчиков.

Приводим кстати „объявление", помещенное в апр. книге „Библ. для Чтения", от изд. журн. „Эпохи", вероятнее всего принадлежащее перу Достоевского и, насколько нам известно, до сих пор нигде не воспроизведенное:

„Многія неблагопріятныя обстоятельства, большею частью от нынѣшней редакціи не зависѣвшія и постигнувшія наше изданіе еще съ прошлаго года, заставляютъ насъ прекратить въ настоящее время выпускъ нашего журнала, а вмѣстѣ съ тѣмъ и продолжающуюся на него подписку.

Мы вошли въ соглашение съ издателемъ „Библіотеки для Чтенія" и он принялъ на себя высылать всѣмъ согласнымъ на то подписчикамъ нашимъ, вмѣсто нашего журнала, свой журналъ, со всѣми его приложеніями, вплоть до конца нынѣшняго года, начиная съ апрѣльской книжки.

Въ самомъ непродолжительном времени мы разошлемъ подписчикамъ нашего журнала болѣе подробное объясненіе. Оно будетъ приложено к апрѣльскому номеру „Библіотека для Чтенія", который и разошлется на этотъ разъ ко всѣмъ нашимъ подписчикамъ безъ исключенія. Дальнѣйшую же высылку своего журнала подписчикам „Эпохи" „Библ. для Чтенія" будетъ производить уже по полученіи отъ нихъ самих на то заявленій и требованій.

Контора редакціи журнала „Эпохи", а вмѣстѣ съ тѣмъ и вся текущая ея переписка перемѣщается в контору „Библ. для Чтенія". Почтамту извѣстно помѣщеніе редакціи".

Ну что если тебѣ не хватило въ Кельнѣ и для третьяго класса? Въ такомъ случаѣ ты теперь въ Кельнѣ, одна и не знаешь что дѣлать! Это ужасъ. Въ Кельнѣ отель, извощики, содержаніе въ дорогѣ — если и достало на проѣздъ, то ты все таки была голодная. Все это стучить у меня въ головѣ и не даетъ спокойствія.

Вотъ ужъ и Вторникъ, два часа пополудни, а отъ Г — на ничего нѣтъ, а ужъ время-бы. Во всякомъ случаѣ буду ждать до послѣзавтраго утра, а тамъ и послѣднюю надежду потеряю. Во всякомъ случаѣ одно для меня ясно: что если никакого не будетъ отъ Г — на извѣстія, — значитъ его и въ Женевѣ нѣтъ, т. е. можетъ быть куда-нибудь отлучился. Я потому такъ навѣрно буду заключать, что съ Г — номъ я въ очень хорошихъ отношеніяхъ и стало-быть быть не можетъ, чтобъ онъ *во всякомъ случаѣ* мнѣ не отвѣтилъ, даже еслибъ и не хотѣлъ или не могъ прислать денегъ. Онъ очень вѣжливъ, да и въ отношеніяхъ мы дружескихъ. А слѣд. если не будетъ *никакого* извѣстія, стало-быть его нѣтъ въ Женевѣ въ настоящую минуту.

Между тѣмъ положеніе мое ухудшилось до невѣроятности. Только что ты уѣхала, на другой-же день, рано утромъ, мнѣ объявили въ отелѣ, что мнѣ не приказано давать ни обѣда, ни чаю, ни кофею. Я пошелъ объясниться и толстый нѣмецъ-хозяинъ объявилъ мнѣ, что я не заслужилъ обѣда и что онъ будетъ мнѣ присылать только чай. И такъ со вчерашняго дня я не обѣдаю и питаюсь только чаемъ. Да и чай подаютъ прескверный, безъ машины, платье и сапоги не чистятъ, на мой зовъ нейдутъ и всѣ слуги обходятся со мной съ невыразимымъ, самымъ нѣмецкимъ презрѣніемъ. Нѣтъ выше преступленія у нѣмца какъ быть безъ денегъ и въ срокъ не заплатить. Все это было-бы смѣшно, но тѣмъ не менѣе и очень неудобно. И потому если Г — нъ не пришлетъ, то я жду себѣ большихъ непріятностей, а именно: могутъ захватить мои вещи и меня выгнать или еще того хуже. Гадость.

Если ты въ Парижъ доѣхала и какимъ-нибудь образомъ можешь до быть хоть что-нибудь отъ своихъ друзей и знакомыхъ, то пришли мнѣ — maximum 150 гульденовъ, a minimum сколько хочешь. Еслибъ 150 гульденовъ, то я бы раздѣлался съ этими свиньями и переѣхалъ бы въ другой отель въ ожиданіи денегъ. Потому что быть не можетъ, чтобъ я скоро не получилъ и во всякомъ случаѣ тебѣ отдамъ задолго прежде отъѣзда твоего изъ Франціи. Во первыхъ изъ Петербурга (из библ. для Чтенія) *навѣрно* пришлютъ самое бо́льшее дней черезъ *10* на имя сестры твоей въ Цюрихъ, и во вторыхъ еслибъ даже Г — на и не было въ Женевѣ, то во всяком случаѣ [ему перешлю] если онъ надолго[1] уѣхалъ изъ Женевы, то ему стало-быть пересылаютъ приходящіе на его имя въ Женеву письма; а если онъ не надолго уѣхалъ, то стало быть, воротившись сейчасъ отвѣтитъ, а слѣд. я во всякомъ случаѣ скоро получу отъ него отвѣтъ. Однимъ словомъ, если что можешь сдѣлать для меня, но не отягчая очень себя, то сдѣлай. Адресъ мой тотъ-же Viesbaden. Hotel Victoria.

---

[1]) Послед. 3 слова написаны сверху над зачеркнутыми.

До свиданія милая, не могу повѣрить, чтобъ я тебя до отъѣзда твоего не увидѣлъ. Объ себѣ-же и думать не хочется; сижу и все читаю, чтобы движеніемъ не возбуждать въ себѣ апетита. Обнимаю тебя крѣпко.

Ради Бога не показывай никому письмо мое и не разсказывай. Гадко. Твой весь ѲД.

— подробно опиши мнѣ свое путешествіе если были непріятности. Сестрѣ поклонъ.

Если-же Герценъ пришлетъ до твоего письма, то я, во всякомъ случаѣ, уѣзжая изъ Висбадена сдѣлаю распоряженіе, что бъ мнѣ письмо твое переслали въ Парижъ, потому что я туда немедленно поѣду.

2.

Четверг, 24/12 Августа [1865 г.] [1])

Я продолжаю тебя бомбардировать письмами (и все нефранкированными). Дошло ли до тебя мое письмо отъ третьяго дня (отъ Вторника)? Доѣхала-ли ты сама въ Парижъ? Все надѣюсь получить отъ тебя сегодня извѣстіе.

Дѣла мои мерзки до nec plus ultra; далѣе нельзя идти. Далѣе ужъ слѣдуетъ] должна слѣдовать другая полоса несчастій и пакостей, объ которыхъ я еще не имѣю понятія. [Гер.] Отъ Герцена еще ничего не получилъ, никакого отвѣта или отзыва. Сегодня ровно недѣля какъ я писалъ ему. Сегодня-же и срокъ, который я еще в Понедѣльникъ назначилъ моему хозяину для полученія денегъ. Что будетъ — не знаю. Теперь еще только часъ утра.

Быть не можетъ, чтобъ Герц. не хотѣлъ отвѣчать! Неужели онъ не хочетъ отвѣчать? Этого быть не можетъ. За что? Мы въ отношеніяхъ прекраснѣйшихъ, чему даже ты была свидѣтельницею. Развѣ кто ему наговорилъ на меня? Но и тогда невозможно (даже еще болѣе тогда невозможно) чтобъ онъ *ничего* не отвѣчалъ мнѣ на письмо мое. И потому я еще убѣжденъ, покамѣстъ, что письмо мое къ нему или пропало (что мало правдоподобно), или онъ, къ несчастью моему, теперь отлучился изъ Женевы. Послѣднее самое вѣроятное. Въ такомъ случаѣ должно выдти вотъ что: или 1) Онъ отлучился не на долго, и въ такомъ случаѣ я все таки на дняхъ, (когда онъ воротится) могу надѣяться получить отъ него отвѣтъ; или 2) Онъ отлучился надолго и въ такомъ случаѣ, всего вероятнѣе что ему перешлютъ письмо мое, гдѣ-бы онъ ни былъ, потому что навѣрно ужъ онъ сдѣлалъ распоряженіе о пересылкѣ къ нему писемъ, приходящихъ на его имя. А слѣдств. я опять таки могу надѣяться получить отвѣтъ.

Надѣяться получить отвѣтъ буду всю недѣлю до воскресенія,—по разумѣется только надѣяться. Положеніе-же мое таково, что ужъ теперь одной надежды мало.

Но все это ничто, сравнительно с тоской моей. Мучитъ меня бездѣйствіе, неопредѣленность выжидательнаго положенія безъ твердой на-

[1]) Датир. см. прим. к 1-му письму.

дежды, потеря времени и проклятый Висбаденъ, который до того мнѣ тошенъ, что на свѣтъ не глядѣлъ-бы. Между тѣмъ ты въ Парижѣ и я тебя не увижу! Мучитъ меня еще Герц. Если онъ получилъ отъ меня письмо и *не хочетъ* отвѣчать — каково униженіе и каковъ поступокъ! да неужели я заслужилъ его, чѣмъ-же? Моей безпорядочностью? Согласенъ, что я былъ безпорядоченъ, но что за буржуазная нравственность! По крайней мѣрѣ отвѣчай, или я не «заслужилъ» помощи (какъ у хозяина обѣда). Но быть не можетъ чтобъ онъ не отвѣчалъ его навѣрно нѣтъ въ Женевѣ.

Я просилъ тебя чтобъ ты меня выручила, если можешь занять у кого-нибудь для меня. Я почти не надѣюсь, Поля. Но если можешь сдѣлай это для меня! Согласись что трудно сыскать положеніе хлопотливѣе и [1]) тяжелѣе того, въ которомъ я теперь нахожусь.

Это письмо мое будетъ послѣднее до тѣхъ поръ пока не получу от тебя хоть какого-нибудь извѣстія. Мнѣ все кажется, что въ Hotel Fleurus письма какъ нибудь залежатся или пропадутъ если ты не самъ сама. Потому не франкирую что нѣтъ ни копѣйки. Продолжаю не обѣдать и живу утреннимъ и вечернимъ чаемъ вотъ уже третій день и странно: Мнѣ вовсе не такъ хочется ѣсть. Скверно то, что меня притѣсняютъ и иногда отказываютъ в свѣчкѣ по вечерамъ, [особенно] въ случаѣ если остался отъ вчерашняго дня хоть крошечный огарочекъ. Я впрочемъ, каждый день в три часа ухожу изъ отеля и прихожу въ шесть часовъ, чтобъ не подать виду что я совсѣмъ не обѣдаю. Какая хлестаковщина!

Правда есть отдаленная надежда: Черезъ недѣлю и ужъ самое позднее дней черезъ десять получится что-нибудь изъ Россіи, (черезъ Цюрихъ). Но до тѣхъ поръ, мнѣ безъ помощи добромъ не прожить.

Не хочу впрочемъ вѣрить что не буду въ Парижѣ и тебя не увижу до отъѣзда. Быть того не можетъ. Впрочемъ въ бездѣйствіи такъ сильно разыгрывается воображеніе. А ужъ у меня полное бездѣйствіе.

Прощай милая. Если не случится никакихъ приключеній очень особенныхъ, то больше писать не буду. *До свиданія*. Твой весь Дос.

P. S. Обнимаю тебя еще разъ, очень крѣпко. Пріѣхала ли Нат. Прок. и когда? Кланяйся ей.

4 часа.

Милый другъ Поля, сію минуту получилъ отвѣтъ отъ Герц. Онъ былъ в горахъ и потому письмо запоздало. Денегъ не прислалъ; говоритъ что письмо мое застало его въ самую безденежную минуту что 400 флор. не можетъ, но что другое дѣло 100 или 150 *гульд.*, и если мнѣ этимъ было-бы можно извернуться, то онъ бы ихъ мнѣ прислалъ. За тѣмъ проситъ не сердиться и проч. Странно однако же: Почему же онъ все таки не прислалъ 150 гульд.? [2]) если самъ говоритъ что могъ-бы ихъ прислать. Прислалъ-бы 150 и сказалъ-бы что не можетъ больше

[1]) Последние слова написаны сверху.
[2]) Написано сверху над строкой.

Вотъ какъ дѣло дѣлается. А тутъ очевидно: или у него у самого туго, т. е. нѣтъ или жалко денегъ. А между тѣмъ онъ не могъ сомнѣваться что я не отдамъ: письмо-то мое у него. Не потерянный-же я человѣкъ. Вѣрно у самого туго.

Посылать къ нему еще просить—по моему невозможно! Что-же теперь дѣлать? Поля, другъ мой, выручи меня, спаси меня! Достань гдѣ нибудь 150 гульденовъ, только мнѣ и надо. Черезъ 10 дней, *навѣрно* придетъ отъ Воскобойникова въ Цюрихъ (а можетъ и раньше) на имя твоей сестры. Хоть и мало придетъ, но все таки не меньше 150 гульденовъ и я тебѣ отдамъ ихъ. Не захочу-же я, *тебя*, поставить въ скверное положеніе. Быть того не можетъ. Посовѣтуйся съ сестрой. Но во всякомъ случаѣ отвѣчай скорѣе.

Твой весь Ѳ. Достоевскій.

Теперь то ужъ совсѣмъ не понимаю что со мною будетъ.

3.

Дрезденъ, 23-го апрѣля, 5 мая 1867 г. [1])

Письмо твое, милый друг мой, передали мне у Базунова очень поздно перед самым отъездом моим заграницу, а так как я спешил ужасно, то и не успел отвечать тебе. Выехал из Петербурга в страстную пятницу (кажется 14-го апреля), ехал до Дрездена довольно долго, с остановками, и потому только теперь улучил время поговорить с тобою.

Стало быть, милая, ты ничего не знаешь обо мне по крайней мере ничего не знала, отправляя письмо свое. Я женился в феврале нынешнего года. По контракту я обязан был Стеловскому доставить к 1 ноября прошедшего года новый роман не менее 10 печатных листов обыкновенной печати, иначе подвергался страшной неустойке. Между тем я писал роман в Русском Вестнике, написал 24 листа и еще оста-

---

[1]) Письмо это было напечатано, с примечаниями Н. Л. Бродского, в сборнике „Недра" № 2 — под заглавием „Письмо Достоевского к неизвестной".

Н. Бродский привел целый ряд соображений, делающих вероятным его предположение, что письмо адресовано Сусловой. По свойственной серьезному исследователю осторожности, он, однако, от категорического утверждения воздержался, т. к. ему не был известен тот материал, который находится в нашем распоряжении. Н. Бродский вполне прав; два следующих факта окончательно его подтверждают: 1) в дневнике Анны Григорьевны (изд. Центрархива на стр. 48) рассказывается о том, что Суслова в письме к Дост. почему-то называет ее *А. Г. Брылкиной*; само собой разумеется, что А. Г. неправильно поняла слова Сусловой, на что уже указано было там в примечании к стр. 48. („Дневник" стр. 273); но уж один этот факт, что Суслова называет, в письме к Д., ту самую фамилию, о которой Д. говорит в письме к Неизвестной, ясно свидетельствует, что неизвестная — это она, Суслова. (Кстати, заметим, что комментатор неправильно понял смысл слов Д: „она, Брылкина, сказала мне, что ей было очень грустно, что я счастлив с другой". Комментатор почему-то думает, что Брылкина разумела в этих словах себя, и потому делает такой вывод, что Дост. „не скрывал о чувствах Брылкиной к себе". На самом деле разумела она здесь не себя, а Суслову; ей, Брылкиной, грустно, что Д. счастлив с другой, а не с Сусловой; см. пред. фразу: „она тебя любит").

валось написать 12. А тут эти 10 листов Стеловскому. Было 4-го октября, а я еще не успел начать. Милюков посоветовал мне взять стенографа, чтоб диктовать роман, что ускорило бы вчетверо дело. Ольхин, профессор стенографии прислал мне лучшую свою ученицу, с которой я и уговорился. С 4-го же октября и начали. Стенографка моя, Анна Григорьевна Сниткина, была молодая и довольно пригожая девушка, 20 лет, хорошего семейства, превосходно кончившая гимназический курс, с чрезвычайно добрым и ясным характером. Работа у нас пошла превосходно. 28 ноября роман Игрок (теперь уже напечатан) был кончен в 24 дня. При конце романа я заметил, что стенографка моя меня искренно любит, хотя никогда не говорила мне об этом ни слова, а мне она все больше и больше нравилась. Так как со смерти брата мне ужасно скучно и тяжело жить, то я предложил ей за меня выйти. Она согласилась, и вот мы обвенчаны. Разница в летах ужасная (20 и 44), но я все более и более убеждаюсь, что она будет счастлива. Сердце у ней есть и любить она умеет. Теперь вообще о моем положении. Тебе известно отчасти, что по смерти моего брата я потерял окончательно мое здоровье, возясь с журналом, но истощившись в борьбе с равнодушием публики и т. д. и т. д. бросил его. Сверх того 3000 (которые получил, продав сочинение Стеловскому), отдал их безвозвратно на чужой журнал, на семейство брата и в уплату его кредиторам. Кончилось тем, что я наколотил на себя нового долгу, по журналу, что с неуплаченными долгами брата, которые я принужден был взять на себя, составило еще свыше 15000 долгу. В таком состоянии были дела, когда я выехал в 65 году за границу, имея при выезде 40 наполеондеров всего капиталу. За границей я решил, что отдать эти 15000 смогу только, надеясь на одного себя. Сверх того, со смертью брата, который был для меня все, мне стало очень тошно жить. Я думал еще найти сердце, которое бы отозвалось мне, но не нашел. Тогда я бросился в работу и начал писать роман. Катков заплатил больше всех, я и отдал Каткову. Но 37 листов романа и еще 10 листов Стеловскому, оказались мне не по силам, хотя я и кончил обе работы.

Падучая моя усилилась до безобразия, но за то я развлек себя и спас себя сверх того от тюрьмы. Роман мне принес (со вторым изданием) до 14000, на это я жил и сверх того из пятнадцати тысяч долгу отдал 12. Теперь на мне всего-на-все до 3000 долгу. Но эти три тысячи самые злые. Чем больше отдаешь денег, тем нетерпеливее и глупее кредиторы. Заметь себе, если-б я не взял на себя этих долгов, то кредиторы не получили бы ни копейки. И они это знают сами, да и просили они меня перевести эти долги на себя из милости, обещаясь меня не трогать. Отдача 12000 только возбудило корыстолюбие тех, которые еще не получили по своим векселям. Денег у меня теперь раньше нового года не будет, да и то если начну новую работу, за которой сижу. А как я кончу, когда они не дают мне покою: вот почему я и уехал (с женой) за границу. Сверх того за границей жду облегчения падучей, в Петербурге же, последнее время, почти даже стало невозможно работать.

По ночам уж нельзя сидеть, тотчас припадок. И потому хочу здесь поправить здоровье и кончить работу. Денег я взял у Каткова вперед. Там охотно дали. Платят у них превосходно. Я с самого начала объявил Каткову, что я славянофил и с некоторыми мнениями его не согласен. Это улучшило и весьма облегчило наши отношения. Как частный-же человек, это наиблагороднейший человек в свете. Я совершенно не знал его прежде. Необъятное самолюбие его ужасно вредит ему. Но у кого же не необъятное самолюбие?

В последние дни мои в Петербурге я встретился с Брылкиной (Глобиной) [1]) и был у нее. Мы много говорили о тебе. Она тебя любит. Она сказала мне, что ей было очень грустно, что я счастлив с другою. Я буду с ней переписываться. Мне она нравится.

Твое письмо оставило во мне грустное впечатление. Ты пишешь, что тебе очень грустно. Я не знаю твоей жизни за последний год и что было в твоем сердце, но судя по всему, что о тебе знаю, тебе трудно быть счастливой.

О, милая, я не к дешевому *необходимому* счастью приглашаю тебя. Я уважаю тебя (и всегда уважал) за твою требовательность, но ведь я знаю, что сердце твое не может не требовать жизни, а сама ты людей считаешь или безконечно сияющими или тотчас же подлецами и пошляками. Я сужу по фактам. Вывод составь сама.

До свидания, друг вечный! Я боюсь, что письмо это не застанет тебя в Москве. Знай во всяком случае, что с восьмого (8) мая нашего стиля я еще в Дрездене (это minimum, может быть пробуду и далее), а потому, если захочешь отвечать мне, то отвечай тотчас же по получении письма. Allemagne (Saxe) Dresden Dostoiewsky poste restante. Дальнейшие же адресы буду сообщать. Прощай, друг мой, жму и целую твою руку. Твой Фр. Достоевский.

---

[1]) В письме к А. Сусловой сестры ее, Надежды (см. ниже), имеется несколько строк о С. Н. Глобиной, очевидно, подруге обеих сестер, — у Д. она так и названа: Брылкина (*Глобина*).

В силу уже одних этих двух фактов мы считаем вполне установленным, что письмо это писано именно Сусловой. И характеристика, которую Дост. дает ей здесь, вполне согласуется как с обликом ее, нами обрисованным в нашем очерке, так и со всем характером их взаимных отношений. Тем любопытнее самый тон этого письма, в высшей степени осторожный, определенно рассчитанный на самооправдание. Именно чувством неловкости, м. б. и стыда, — само собою разумеется, если только не простой забывчивостью,— можно объяснить то, что он рассказывает ей здесь с такой излишней подробностью факты, которые, конечно, ей должны быть известны, т. к. она виделась с ним в Висбадене в августе 1865 г., уже после смерти брата и закрытия „Эпохи", видалась с ним в Петербурге в течение 2—3 месяцев, пока она не уехала в Тамб. губ. к брату. Впрочем, в одном месте письма Д. и пишет: „тебе известно отчасти"... Но он все же заполняет все письмо тем, что ей уже известно, и б. м. не совсем интересно, во всяком случае, менее интересно, чем то, чему посвящается всего несколько строк — о женитьбе. Самооправдание, б. м., слышится также и в тех словах, которые он говорит про Каткова — для Сусловой то, что Д. печатался в „Рус. Вестн.", должно было быть равносильным *изменс* прежним и теперешним полит. идеалам. Дважды повторяется Достоевским, что Катков больше платит, а при его теперешнем материальном положении это в известной мере оправдывает его.

II.

Два письма Сусловой к Достоевскому.

1.

Черновик письма Сусловой к Достоевскому [1]).

Ты [сердишься] просишь не писать, что я краснею за свою любовь к тебе. Мало того, что не буду писать могу [даже] уверить тебя, что никогда не писала и не думала писать, [ибо] за любовь свою никогда не краснела: она была красива, даже грандиозна. Я могла тебе писать, что краснела за наши прежние отношения. Но в этом не должно быть для тебя нового, ибо я этого никогда не скрывала и сколько раз хотела прервать их до моего отъезда за границу.

[Я соглашаюсь, что говорить об этом бесполезно, но ты уже] · [* я не против того, что для тебя они были приличны*].

Что ты никогда не мог этого понять, мне теперь ясно: они для тебя были приличны [как]. Ты вел себя, как человек серьезный, занятой [который]* по своему понимал свои обязанности * и не забывает и наслаждаться, напротив, даже может быть необходимым считал наслаждаться, [ибо] * на том основании, что * какой-то великий доктор или философ утверждал, что нужно пьяным напиться раз в месяц.

[Ты не должен сердиться, если я иногда] * что говорить об этом бесполезно, что выражаюсь я легко [я] правда но * ведь не очень придерживаюсь форм и обрядов.

2.

Версаль, 1864 г. Понедельник [начало июня] [2]).

На днях получила от тебя письмо *от 2 июня* и спешу отвечать: Вижу, что у тебя ум за разум зашел: писала тебе из Версаля и послала свой адрес, а ты сомневаешься, как мне адресовать письмо: в Париж или в Версаль.

Через две недели ровно поеду в Спа. Сегодня с доктором порешила окончательно. Ты можешь заезжать ко мне в Спа, это очень близко от Ахена, следовательно тебе по дороге [3]). Мне не хотелось с тобой видеться в Спа, — там я верно буду очень хандрить, но иначе нам видеться, пожалуй, не придется долго, так как ты недолго думаешь пробыть в Париже, а я не скоро возвращусь в Россию. Я не знаю сколько буду в Спа времени, думала ехать на три недели, но теперь оказывается, что

---

[1]) Наши соображения о датировке этого письма см. главу III нашего очерка: скобки [ ] обозначают зачеркнутое; * . . . . * — написанное над зачеркнутым: надписанное над строкой и зачеркнутое обозначаем [* . . . *].

[2]) Письмо не законченное; повидимому, тоже черновик, датируется оно: „начало июня“ по первой строке письма; см. еще ниже письмо *Салиас* к ней от 24 июня 1864 г.

[3]) Очевидно, письмо это в ответ на какое-то письмо к ней Д. до 10-го июня (дата смерти М. М.). После смерти брата Д. оставался в Петербурге все лето.

нужно быть больше, или меньше, но с тем, чтобы ехать на другие воды. Если вылечусь, то зиму буду жить в Париже, если нет — поеду в Испанию, в Валенсию или ост. Мадеру.

Что ты за скандальную повесть пишешь? [1]) Мы будем ее читать; Ев. Тур имеет случай получать «Эпоху». А мне не нравится, когда ты пишешь цинические вещи. Это к тебе как-то не идет; пойдет к тебе такому, каким я тебя воображала прежде.

Удивляюсь, откуда тебе характер мой перестал нравиться [ты пишешь это в последнем письме]. Помнится, ты даже панегирики делал моему характеру, такие панегирики, которые заставляли меня краснеть, а иногда сердиться: — я была права. Но это было так давно, что тогда ты не знал моего характера, видел одни хорошие стороны и не подозревал возможности перемены к худшему.

Напрасно ты восхваляешь Спа, там должно быть очень гадко. Я ненавижу эту страну за запах каменного угля. Ты меня утешаешь, что в Брюсселе Висковатовы, но они давным давно в Петербурге.

Прощай. Мне хочется посмотреть на тебя, каков ты теперь, после этого года и как вы там все думаете. Ты мне писал как-то, убеждая меня возвратиться в Петербург, что там теперь так много хорошего, такой прекрасный поворот в умах и пр. Я вижу совсем другие результаты, или вкусы наши различны. Разумеется, что мое возвращение в Россию независимо от того, хорошо там думают или нет — дело не в этом.

Благодарю за заботливость о моем здоровье, за советы его беречь. Эти советы идут в прок, так что скорее меня можно упрекнуть в излишней заботливости о себе, чем обвинить в причине болезни. Эти обвинения не имеют ни малейшего основания и я могу только их объяснить твоей вежливостью.

III.

Письма Салиас (Евгении Тур) к А. П. Сусловой.

1.

Версаль. 24 июня [1864 г.] [2]).

Милая Полинька, только что хотела вам писать, получаю второе ваше письмо. Очень рада, что сестре вашей есть надежда, (эта только еще надежда) слушать лекции в Париже. Но вы и *думать* не *смейте* не долечившись оставлять Спа. Подумайте вам надо набраться здоровья для зимы. Неужели вы думаете, что я так легко выпустила бы вас из Версаля, если бы не знала, что вам *необходимо* лечиться. Мне без вас, особенно, вечером ужасно скучно. После вас осталась нравственная яма и ее заткнуть нечем; словом вас недостает в этом

---

[1]) „Записки из Подполья".

[2]) Датируем 64-м годом. См. выше письмо Сусловой к Достоевскому.

домике, в этом садике и в этом уголке моего сердца, где вы приютились и засели. Я рада, что вам хорошо в Спа. Ни под каким видом не *смейте* оставлять Спа, недолечась. Вы видите, я принимаю материнский тон и способ выражения. Надо сил на зиму. Тогда будем ходить слушать лекции и будем заниматься, а иногда бегать в театр Не так ли? У меня был такой же добрый отец, как ваш. Я говорю был, ибо он теперь стар, слаб, конечно любит меня, но уж заботиться обо мне не может, а помогать не в состоянии. Мне пишут что он нездоров. Я чувствую, что не увижу его и что эта болезнь кончится как кончаются болезни в его лета. Кажется, полетела бы к нему, но пропасть всяческая разделяет меня с ним. Не благословил его Бог сынами, хотя другие дети для него хорошие дети, но как приехать туда, когда сын с ним. Он способен наделать всякого скандалу и гадостей и вместо радости, таким образом приезд мой принес бы старику одно горе и тревогу. Это бы легко сократило и самую жизнь его. Глядя на старость моего отца, я себе такой *не желаю*. Лучше умереть, чем быть на веки разлучену с любимыми детьми.

Вот я и заболталась, но у меня на душе наболело и мне легче, что могу высказать все это доброму существу, которое понимает, любит немного — ведь вы меня любите? Так то иногда горько, милая Полинька. Вчера были имянины моей Оли. Села я за стол одна, и встала одна, ни один кусок в горло не пошел. Иногда малодушие какое то находит. Кажется, что все меня бросили, оставили, забыли — а в сущности я бросила многих и оставила, я силюсь забыть, да не могу. Я не о детях говорю сохрани Боже, а о политических друзьях. Не вытерпела я, ушла на волю, да воля то эта постылая. Вы не знаете, как я была *избалована*, окружена, как за мной ухаживали, как меня любили. А теперь осталась я одна, или почти одна. Праздник на их улице, а мне и мне подобным надо надеть траур по нашим несбывшимся надеждам. Великолепная статья Герцена в Колоколе — (последнем) прочтите, если в Спа она есть.

У меня до вас просьба, милочка. Когда у вас будут деньги, купите мне в Спа, франков в 15 длинную шкатулочку немного подлиннее и пошире этой страницы, для работы. Вы видели ту мерзость, в которую я кладу свои иголки, нитки, шелк. Надо бы что бы в крышке или сбоку (лучше в крышке) была бы подушечка куда втыкать иголки и булавки. Я шкатулочки Спа ужасно люблю. Это цветы по темно серому фону. Они везде выставлены, и вы их легко найдете. Когда приедете в Париж или Версаль (я не теряю надежды, что к сентябрю вы ко мне в домик вернетесь) то я вам отдам что вы истратите на покупку.

Откуда вы в Бельгии нашли *немцев*. Не фламанцы ли? Откуда быть немцам? Впрочем я немцев не люблю как нацию, но личности есть отличные. Французов люблю как нацию, а как личности, большинство их *пошло* до тошноты. Прощайте. Крепко целую вас. Когда долго не отвечаю, значит, что занята. Завтра еду к Труб(ецкому) в Бельфантен на два дня и буду назад в среду. Лечитесь хорошенько, серьезно, а зимой Бог даст займетесь и хандры не будет.

2.

[Осень 1864 г.[1])]

Незнаю, что вам понравилось сочинение в *своем краю*, я только знаю то что наделе творится в *своем краю*. Неугодно ли послушать. Недавно здесь со мною обедал *сановник* приехавший из Петерб. Он рассказывал, что *сам* обедал с лицами начальствующими в цитаделях и крепостях. Они *нескрывают*, открыто говорят, что пытают и пыткой добиваются *правды*. «Молчит, каналья; ну его в розги! Молчит— ну, а как я велел ему ногти повырвать так *признался*. Другой говорит: «я их не мало вешал, да что вешать, сперва надо до признания довести». Нравится, что в *своем краю?* А вот еще. Теперь обвиняют (в правительстве и обществе) *русскую молодежь* в поджогах Симбирска и других русских городов — будто русская молодежь с Польской жжет Россию. В Симбирске народ (сей народ у которого хотят, чтобы сапоги все лизали — просто дикари вот что теперь еще наш народ) растерзал двух. Вероятно назначится комиссия *открыть* поджигателей и откроют!!! С пыткой чего не откроешь! Всё что угодно!

Теперь еще, что в *своем краю* хорошенького. Не зная, как добыть назад [детей] за границу бежавших молодых людей, придумали отлично, по Азиатски (Да и там, говорят, это вывелось) брать родителей, отцов, матерей, детей. Теперь *Утина отца* требуют в крепость вместо сына. Успокойтесь однако. *Суворов* его не выдает. Притом Утин богат он откупится. А неугодно ли другим попробовать? Каков *край*! А они там романы пишут: *в своем краю*. В своей Татарии! И все это молчит только по разнице разосланная, растрелянная угнетенная молодежь гибнет. В земле, где *безнаказанно* совершаются такие беззакония, все проклято. Пути не будет. Эта льющаяся теперь кровь сменится быть может потоками другой, только инвинной крови—а результаты?.. Разве через двести лет, когда *России*, этой громадной, глупой, жестокой и невежественной Федоры уж не будет, а будут различные земли — славянские, небольшие, но вольные — быть может тогда будет жить возможно. Теперь в этой Татарии одно Божие проклятие.

Благодарю вас за книги. А где же Русс. Вест. и Магницкий о котором я просила. То что вы прислали мне было ненужно. Мне именно надо было Магницкого. Благодарю и целую за хлопоты всякие. Я взяла попиньку именно потому что жаль было расстаться. Я сама нездорова. Многое и это все меня расстроило. Получила известие

---

[1]) Датируем так по следующим соображениям: Роман К. Леонтиева „В своем краю" печатался в Отеч. Записках в 1864 г. кн. 5 — 7, и тогда же вышел отд. изданием. Прислала ли ей Суслова книги журнала или отд. изд. -- раньше августа— сентября роман попасть в Париж не мог. Из дневника Сусловой видно, что она вернулась в Париж из Версаля же, после вторичного пребывания у Салиас, в сентябре 1864 г.; тогда-то повидимому и началась у них деятельная переписка. В письме *Салиас* упоминается история с отцом Утина, которого сослали в Двинск (тогда — Динабург) в связи с бегством за границу его сыновей. Заступничество кн. Суворова относится к августу 1864 г. (см. Герцен, ред. Лемке, т. 16, стр. 438.

о новых ссылках, где и *наших* не мало. Я не знаю когда буду в Париже — как буду забегу к вам. Целую вас очень крепко.

A propos. Я взглянула на подпись. Писал в своем крае Леонтьев. Я его знаю *хорошо*. Недоучившийся медик, с ума сходящий из самолюбия и тщеславия невежества [1]) *уничтожающего* и как всегда при этом *самонадеянности* неизмеримой. Это настоящий [сам] потомок длинного ряда Черакезов и Татар. Я прочту этот роман.

3.

[Конец октября—начало ноября 1864 г.] [2]).

Милая Полинька, будьте завтра дома в три с половиной часа от трех до пяти я буду у вас. Я приеду в Париж в час, в два буду у Левицкого снимать свою фотографию, а оттуда прямо к вам. Ждите до шести часов. Если Утин в Париже, то я желаю с ним познакомиться. Пригласите его к себе. Итак до свидания. Целую вас.

Завтра — это во вторник, ибо ныне — понедельник.

Я получила письмо от моего пожилого приятеля Барановского русского. У его матери 70-летней женщины секестровано имение и ссылают ее за *делание корпии во время вастания*. Хорошо! Быть может хлопотами, просьбами еще можно спасти от Сибири, (от ссылки навряд, но ближе), но она уже нищая. В 70 то лет! Каково правительство — какова сторонка! Что не говорите, *нигде* в другой стране такого рабства, жестокостей, преступлений и безчеловечий не вынесут. Отчаяние берет.

4.

[Осень 1864 г.].

Милая Полинька я не могла приехать ныне, ибо Левитский написал, что он не свободен. Я приеду в четверг или пятницу и уведомлю вас заранее. Очень жалею, если вы из за меня просидели дома, но я уже собиралась ехать на железную дорогу, когда получила записку от Левитского, что он занят и просит меня приехать в пятницу. Следст. в пятницу после [двух час] $4^{1}/_{2}$ часов ждите меня у себя — или приходите в два с половиною часа к Левитскому. rue de Chaiseul 22. Я там буду [оттуда] и оттуда могу пройти в вам. Вообще я желаю вас видеть и познакомиться с Утиным. Я думаю его надо попросить притти к вам после сеанса Левитского. Т. е. от Левитского прямо к вам, а от вас на железную дорогу.

Если я поеду в Швейцарию то не более как на *две недели*, а в Париж на всю зиму. Мне очень хочется иногда вас видеть, особенно с тех пор как я знаю, что вы скучаете.

---

[1]) Начиная отсюда и до конца—приписка на 1-ой странице письма вверху листа.

[2]) Датируем и это письмо, как и следующие три, из которых первые два связаны с этим письмом по содержанию — осенью 1864 г., по следующим соображениям: из дневника Сусловой видно, что Евг. Утин приехал в Париж в октябре м. из писем же видно, что Салиас еще с ним незнакома. В ноябре, в конце по крайней мере, она уже в Париже, что видно из письма Герц. к ней от 16 нояб. (см.—т. XVII

5.

[Осень 1864 г.].

Милая Полинька после обеда около 7 часов я буду у вас; достаньте Утина на вечер. Завтра мне некогда его будет видеть. Если вы его не достанете ныне вечером, то пусть придет завтра утром с вами, в 10 или 1/2 11-го к кузине, rue de l'aneat 40. Но лучше бы и ныне вечером у вас. Эту записку принесет вам Женя.

6.

[Осень 1864 г.].

Я замедлила ответить вам, потому что были разные хлопоты, о которых долго рассказывать. Я удивилась вашему письму. Чем это вы хотите помочь общему бедствию? Притом о этих бедствиях нет и сознания. Половина к ним равнодушны, половина и не знает, не слыхала о них. Малая часть *знает*, но еще три четверти этой части, уверяют, что это *слухи*, *вранье*, преувеличение. Целое государство, вся административная машина ринулись в самоуправство, варварство и самодурство. Произвол царит один, общество в апатии, (большинство) а народ, погруженный в невежество, ничего не сознает и ни о чем не имеет понятия. Теперь во многих местах он бросается на поляков и раздирает их (к радости правительства) за поджоги. И вы хотите ехать? Для того чтобы *помочь*! Опомнитесь, Полинька, ведь это безумие. Чем же помочь? И если бы была возможность помочь неужели люди сильные, умные, всехсторонне образованные не старались бы помочь. Я не говорю ничего — скучно вам, вы хотите возвратиться, возвращайтесь, но не воображайте чтобы кто нибудь мог поправить непоправимое *теперь*.

Я очень еще взволнована и не могу писать. Когда приеду в Париж зайду к вам сей час.

Не хлопочите о Вестнике. Если послали, он верно получен. Я спрошу моих хозяев.

7.

16 мая [1865] [1])

Милая Полинька, какие вы чудные; уехали, адреса не прислали, сами не пишите — словом, пропали! Я должна была отыскивать адрес Лугинина и тогда узнала, что и вы живете в одном с ним доме.

стр. 400 — 1); что же касается письма за № 6, то, во-первых, упоминается тот же „Вестник“, о котором Салиас спрашивает Суслову в письме 2, а, во-вторых, адрес тот же, что на письме 1, 2 и 3:

Paris Rue des fassés St. Victor 39.
Mademoiselle Pauline Sousloff chez.
Mademoiselle Stuart.

На письме 5 этого адреса нет, т. к. оно было прислано не по почте.

[1]) Датируем 65 г. потому, что „Эпоха“ Достоевского прекратилась на февральской книжке 65-го года. Из письма видно, что речь идет о втором отъезде Сусловой из Парижа, — очевидно, в Монпелье, где она жила в одном доме с *Лугининым*, тогда находившимся в отношениях весьма близких с семьей Герцена, гостьей которой, как видно из нашего очерка, была и Суслова.

Я ездила на пасху в Брюссель; я очень люблю тамошнюю русскую церковь и еще более хозяев моих. Разумеется приехала я на 4 дня, но прожила более двух недель. Когда заедешь в Брюссель никогда не знаешь, как выедешь. Ныни да завтра, а все живешь.

А вы что поделываете? Я не получая от вас вестей соскучилась по вас. Имеете ли вы известия из России? Я слышала, что Эпоха Достоевского приказала долго жить, что Современное Слово, Отечественные Записки, Библиотека при последнем издыхании. Это все доказывает как много там денег и как любят там читать. Говорят, что Дост. собрал своих сотрудников и как прилично честному человеку, заплатил все деньги, возвышавшиеся до 40 т. сер и закрыл журнал. Все это весьма печально. Лучше, как я, сидеть с цветами и птицами. Время приходит такое, что надо *смириться*. Ничего не поделаешь! Будем ждать всего от далекого будущего.

Мое перо не хочет писать, а другого нет, под рукою. Целую вас тысячу раз и люблю по прежнему. Надеюсь, что вам хорошо с сестрою — ведь вы с ней, неправда ли? Сын мой и Утин вам кланяются. Утин ездил в Берлин с больным братом, которому там делали операцию и возвратился. Здесь он узнал о болезни другого брата Николая. Кажется оба они (т. е. и жена его) больны. Жаль их очень.

Говорят, что Н. Ут. приедит в Париж советоваться с докторами. Верно и она с ним приедит.

А вы когда? Целую вас, моя милая Полинька и надеюсь до свидания.

Neuilly Rue Peraunet 27. *Ев. С.*
16 мая.

8.

28 июня [1865 г.] а).

Милая Полинька, я пишу через силу, ибо совсем больна. Я никуда теперь не располагаю ехать, но если бы уехала (внезапно) то напишу вам. Между нами сказать, по секрету, у меня было много горя, но писать об этом не ловко. При свидании, разве, если скажется, то скажется. Вы не сетуйте, что писать не могу — страшно устала от этого. Я пишу целый день, но в саду.

Меня не удивляют Петерб. безобразия. Недавно я здесь видела также образчик. Вы честный человек, Полинька, и когда приедите, я раскажу вам, а пока обо всем молчите. Я не хочу предположений и комментарий от вашего рассказа. Утин с женою на водах где-то. Он через две недели будет в Париже.

Она больна, *но не несчастлива*. Я ее видела, и она мне очень понравилась, по своей скромности и приличности. Я думаю, что все что о ней говорят, одни сплетни. Мы, русские, ими богаты и отличаются русские сплетни от Европейских своим неприличным характером. Грубость, разврат, клевета — вот русская сплетня — это . . . [1] не простые пересуды, а . . . [1]) более отвратительное.

Целую вас. Вы бы . . [2]) бы дорогая девушка . . . [3]) *всег*

а) почт. штемпель на конверте 29/VI — 65 г. адрес: Suisse Zurich Plattenstrasse, Mittleres Baur'sche Haus.

[1]), [2]), [3]) точки обозначают пропущенные слова, т. к. край письма оторван.

отношениях если бы не попали в Петерб. омут, где у вас многое в голове смешалось и взболталось. Одно за вами несомненное и дорогое, и для меня неоцененное: ваше нежное сердце и ваша неподкупная честность и искренность. Христос с вами. Я прошу бога просветить вас светом истинным.

9.

Кёльн 25 окт. [1865] [1]).

Милая Полинька, очень я удивилась получив письмо ваше из Пет. Я думала вы в Спа еще. Хуже всего то, что вы пишите письмо без адреса и я незнаю *куда* отвечать вам. Я была очень нездорова и опять у меня было много печали. Холеры я не боюсь, да она была очень слаба и теперь почти совсем прошла. Теперь у меня Соня Феоктистова, которую я так люблю и я могу сказать не имею ни минуты свободной. Я выбрала секунду, чтобы написать вам несколько слов и сказать, что я вас люблю по прежнему и не забываю и не забуду.

Пишите иногда и что знаете нового. Ваше последнее письмо, хотя не радостно, но интересно. Прошу и впредь всегда писать, что знаете. Рада я что вы с вашим добрым отцем. Ему должно быть очень приятно и радостно жить с такою доброю и милою дочерью. Господь благослови вас, а вы его не забывайте. Спокойствие в религии, без нее жить худо. Целую вас.

Пришлите свой адрес.

10.

Кёльн 4 января 1866.

Милая Полинька, я получила вчера ваше милое письмо и спешу ответить вам. Сперва на вопрос о книге. По моему всего лучше прочесть для истории Англии сперва простой учебник, хотя Лоренца, что ли? для голых фактов. А потом взять Маколея. В [предисловии] введении к истории Оранского дома он рассказывает всю почти историю Англии. Можно также прочесть историю Кромвеля Гизо (только она скучна). Впрочем я ныни спрошу еще. Вот если бы вы по Английски знали, то куча книг. Теперь о вас. Я рада, что вы со своими родными — значит вас любят, ласкают и балуют, как и следует такую добрую дочь и милую девушку. Рада, что вы не сердитесь, как в Париже, и смеетесь. Но и смех этот грустный, а мне от вашего письма повеяло тоскою. Когда в селах, купчихи (вы меня довольно знаете, что я употребляю это слово, не как термин презрения, а как выражение рисующее *степень* образования) читают *подводный камень* и другие книги, такие же, говорят о эмансипации женщин и поставляют ее *в том*, чтобы бегать по свету с любовниками, бросая мужа и детей — дело

[1]) Датируем 65 годом; из дневника Сусловой видно, что именно в октябре 1865 г. она уже была в России.

плохо. Все это вместе взятое и соединенное ужасно! Бокль, нигилисты, патриоты, естественные науки, разврат возведенный в принцип; с одной стороны краснокожие; с другой русопеты, с третьей бубошники, с четвертой красные социалисты, а посреди всего женщины, хранительницы семьи, матери - воспитательницы детей, потерявшие голову, в чаду, в невежестве и разврате, которые сидя по горло в грязи [принимаются за прогресс — то далеко не отрадно] воображают, что они бегут и ловят и поймали прогресс! Что же это такое? Поверьте это — *разложение общества.* Оно предшествует всегда катастрофам! Мне было больно, больно читать письмо ваше. Если уж дело дошло *до сёл*, то где же спасение? Неизбежное совершается. И вот она, та немезида, Полина, о которой я всегда твердила вам — это ее появление, это первые мерцания того факела [места, кото] возмездия, который она несет в руках. Я бы хотела ошибаться, но внутри меня крепко убеждение в этом.

Вы хорошо делаете, что хотите держать экзамен. Без него нельзя свободно располагать собою. Что вы пишите о мне и Вареньке Н. не справедливо. Меня бог одарил умом, как говорят, а ее наделил тем что *лучше*: великим сердцем. Всю великость этого сердца измерить нельзя. Надо в продолжении 12 лет испытать [на себе] все блага, которые сыплятся на того, кто любим ею, чтобы оценить по достоинству как она *умеет любить.* Я *так* любить не умею. Эта безграничная преданность, нежность, бесконечная забота встречаются в жизни весьма редко. Я такой другой не знаю. Если говорят о Рашели что такие гении родятся один раз в продолжении веков, то поверьте, что такие сердца чистые и бескорыстно любящие выходят из рук божиих еще реже. Они не для этой земли. Я убеждена, что ей именно по словам евангелия, суждено войти в царствие божие. *Блажени чисти сердцемъ, яко тіи бога узрятъ*, сказано будто о ней.

Со мной еще переворот или лучше удар, но кажется, (надеюсь на милость божию) последний. Я получила письмо от Кр. что ему моих фельетонов не нужно, ибо де они дорого стоят. Тогда мне устроили у Пет. печатать в Санк. Вед. Я послала 5 фельетонов. (Заметьте эту подлость — 5, то есть полтора месяца, почти два, работы). Посылаю и прошу к празднику деньги. Тогда приходит ответ такого рода: «редактор С. Петерб. Ведом. находя, что фельетоны написаны *не в духе* его газеты, не может их напечатать». Теперь представьте себе 1) затруднение денежное, ибо я расчитывала на 460 или 500 франк. к празднику, 2) [удар] уколотое самолюбие. Со слов других не считая себя *дюжинным* писателем! а дожить до того, что какой нибудь глупый негодяй отказывает печатать ваши вещи потому, что они неподходят под направление (??!) его газеты. И это бесцеремонно, с маху, как нельзя сделать с мальчиком студентом, 3) Негодование. Ведь этот негодяй Кор. в моем доме был принят, как родной; бывал по три раза на неделе, живал в деревне, обращалась я с ним, как с близким человеком — и что — без объяснения, без причины, оставил меня работать *два месяца*, и делает ультиматум столь глупый и грубый! Вы поймете, что досада, негодование и презрение овладели мною и волновали меня несколько дней.

Потом я решилась. Написала в Пет. к тем, кто старался поместить мои статейки, что я не хочу писать ни строчки для этих газет и этой публики. Предлагали писать в От. Зап. я отказала. Мы слишком стары, или слишком отстали, и быть может слишком образованы и во всяком случае слишком человеколюбивы для этого *нового общества*. Оно интересуется историей желудка, происхождением человека от обезьяны, последними судоргами повешанного, подергиваниями лица умирающего насильственной смертию — а мы, (то есть такие, как я) что мы можем писать? Литература, искуство — да ведь это все *вздор, бесполезная* вещь, которую бы надо было сжечь, как — дворец и музей Версаля — помните?.. Но вы спросите, что же я буду делать? Не знаю! Буду писать пока для детей — попробую этого, но скажу вам, что мое желание: *ничего* не писать, кроме своих записок, которые могут появиться только после моей смерти. Пока жить нечем. Но сестра моя, всегда милая и заботливая написала, что будет присылать денег — не много, сколько может. Все таки это помощь. Это происшествие имело другое действие — а именно, сильно задело сына моего. Он хотел ехать, но не едит теперь. Всё и вести из ваших стран и ваше направление и эта бесцеремонность новых правов ему противны. Он остался. У него свои планы; но, вы знаете, планы другого принадлежат ему и я о них говорить не могу. Если бы удалось — это было бы *мое спокойствие*, счастье. Как бог даст!

Утин в Париже. Вексель надо на его имя. Адрес его: Boulevart des Italiens, passage des Princes, escalier A. Знакомых у меня *никого*, кроме Утина и Лугинина. Есть какие то молодые приезжие, но они высказывают мысли в роде следующих, что любовная связь между сестрою и братом (!!!?) ничего дурного в себе не имеет и очень естественна [это]. Для нас [не общество] такие . . .[1]) годятся. Мы люди отсталые и крепко держимся за старую, христианскую нравственность. Есть и приезжие помещики. Двое были у меня — люди простые, честные, неумные, не особенно образованные... но я научилась ценить и таких — ибо они не говорят ужасов. Они были проездом и уехали. Я сама теперь на отъезде — еду в Фонтенебло на 8 дней, в гости, но еще нездорова. Схватила грипп гуляя по бульварам ночью под франц. новый год. Вообразить себе нельзя до чего был прелестен Париж особенно ночью за два дня до Нового года и в Новый год. Вообразите себе теплынь, звездное небо, мириады огней магазинов и *barraques*, сотни тысяч гуляющих и все пешком. Экипажей почти не было, ибо все ходят по магазинам, покупают подарки к новому году. Я . . .[2]) посмотреть на две куклы выставленные у . . .[3]) кондитера. Одна представляла империю 1806 года, другая империю 1866; обе одеты великолепно, по моде. Я только могла издали взглянуть — ибо за толпой пройти было невозможно. Такая же толпа у Жиру — но туда я вошла. Изящество вещей и установки невообразимо. Мне кажется, что вы не ходили по бульварам и не заходили в магазины под Новый год — жаль, ибо такого

---

[1]), [2]), [3]) **слова неразобр.**

великолепия нигде видеть нельзя — и подивитесь на публику! Сотни тысяч человек — ни крику, ни давки, ни воровства. Что ни говорить, а Запад, образование, воспитание! Уж чем ни на есть, этим Франция блистает — я говорю о *благовоспитанности толпы.* Париж же блистает роскошью своих магазинов, изяществом выставки и великолепием освещения. Ночь под Новый год *иностранцы* мои знакомые встретили у меня. Но *наш* Новый год будут встречать русские — то есть, entra deux nous — те двое, которые к нам ездят. Я помяну вас Полинька, поцелую мысленно и пожелаю вам всего лучшего. Дай вам бог полюбить хорошего, честного человека, выйти замуж и воспитать честных детей. Это лучшее для женщины. Жизнь девушкой слишком одинока и скажу безрадостна, что бы там ни говорили. Женщине любовь необходима. Не забудьте, что мужчина холостяк имеет всегда привязанность, связь... Женщина — девушка живет одиноко. Притом женщина создана чтобы быть матерью, и если у ней нет детей, то вся жизнь ее *отчасти* пуста (особенно в зрелые года) а если нет и мужа, то страшно пуста и безотрадна. Я еще не видала девушки вполне счастливой. Всякая, самая умная и серьозная жаловалась на одиночество томящее и пустоту, ничем, ни даже науками и искусством не пополняемую. Но пора кончить. Целую вас от всего сердца. Даст бог устроюсь я в Версале и буду звать вас погостить ко мне. Но это все еще в будущем. Пока прощайте. Пожелайте мне спокойствия — оно мне необходимо. Я устала и даже измучилась. Пора отдохнуть, отдохнуть *нельзя* не имея денег, следственно все приходит к одному: пожелайте *сохранить* тех, кого я теперь имею и люблю а денег чтоб жить, жить без забот. Тогда это спокойствие, это счастье. Но прощайте, целую вас крепко, как люблю.

IV.

Письма Тучковой - Огаревой.

1.

[Конец марта — начало апреля 1865 г.] [1]).

Любезная Mademoiselle Pauline (виновата не могла вспомнить имя вашего отца). —

Сегодня я к вам с просьбой — мне пишут из Дрездена сходить в Poste restante и [дать] справиться есть ли письма на имя M-me Felialogute и M-me Zion и дать их адрес прося пересылать в Дрезден. — Так как порученье это застало меня уже здесь, будьте так добры сделайте это за меня — вот адрес их.

---

[1]) Устанавливаем дату этого письма, руководствуясь следующими данными: Из контекста видно, что Огарева в Каннах недавно („Поручение застало меня уже здесь“), но с другой стороны она уже успела к этому времени побыть в Ницце вместе с Герценом; из писем Герцена к Огареву и М. К. Рейхель видно, что 20—2? марта они и были в Ницце (см. т. 18, ред. Лемке, стр. 67 — 68).

Здесь хорошо, но погода часто очень не хороша, и дождь и ветер и даже раз снег шел; Гер. приехал, мы были уже с ним в Ницце.

Как ваше здоровье? что ваша сестра, имеете ли вы от нея письма?

Прощайте, крепко жму вашу руку

Вторник,
Grand. Hotel
Cannes
Dep. du Var.

Преданная вам

N

2.

[1-ая половина июня 1865 г.] [1]).

Boissière...
Route de Chêne.
Genève.

Любезная Аполлинария Аркадьевна.

Книги получила, не могу ли еще чем служить, приказывайте? Время идет и я радуюсь что скоро увижу вас и вашу сестру. —

Мне бы очень хотелось чтоб вы съездили в Берн, Г. остался очень доволен школой. Ольга отправляется туда после завтра. Школа эта для народа, из России присланы разные особы осмотреть ее, мне бы хотелось чтоб вы повидались с этими господами, может вам было бы это полезно для ваших планов.

Об себе не могу сегодня ничего сказать, я все еще в тумане, не знаю даже приедет ли сестра или нет, кажется что нет. До сих пор не решено где и как мы проведем зиму — говорят, что Boissière слишком холодна. Читаете ли вы Колокол? Когда едите в Россию? Вы бы смеялись еслиб видили как я себя заваливаю матерьяльной работой, чем больше тем лучше — кто меня бы любил тот бы меня никогда не избавлял от физическаго труда, даже еслиб он вредил здоровью; как-то деревенеешь — и становится понятно как в крестьянском быту работа спасает человека от страшных страданий. Меня тянет в монастырь где бы не было религии, а строгий чин, работа беспрестанная да тишина могильная — а вы скажете нет, я знаю, вам жизнь нужна, ну да вы правы, потому что вы *живы*.

Крепко жму вашу руку, а вы пожмите за меня руку вашей сестры, что вы мало об ней пишите?

Что делает M-me Salias — Если вам когда нибудь случится узнать чем я могу ей служить, вы мне скажите, не правда ли — я не хочу платить ей за то что она для меня сделала, [2]) а дать себе великую радость быть ей хоть раз полезной перед смертью.

Дайте вашу руку, до свиданья

Вся ваша Наталья.

Мне кажется что я совсем отвыкла писать . . . .

---

[1]) Датируем так в связи со следующим письмом, в котором Огарева сообщает, что Тата и Мейзенбург уехали с Ольгой в Берн. и Тата пробудет дней пять. Из письма Гер. к старшим дочерям от 17 июня видно, что Суслова как раз и была у них в Женеве в отсутствии Таты (см. т. 18, ред. Лемке, стр. 147).

[2]) Здесь разумеется та помощь, которую Салиас оказывала ей в Париже, когда дети ее умирали от скарлатины; см. Герц. под ред. Лемке, т. 17, стр. 420—21.

3.

[Средина июня 1866 г.][1]).

Boissière.
Route de Chêne.
Genève.

Любезная Аполлинария Аркадьевна,

Мы будем дома и очень радуемся вас видеть, не Таты и Мейз. нет. Они уехали в Берн отдать Ольгу, Тата пробудет дней пять, а Мейз. месяца два.

Не пишется сегодня — крепко жму вашу руку и также руку вашей сестры.

Вся ваша *N*

Когда бы вам не вздумалось приехать, напишите накануне и мы будем вас ожидать — Гер. собирался ехать к Quenet и Мишеле[2]) через неделю.

4.

[Конец июня или начало июля 1865 г.][3]).

Хотелось отвечать длинным письмом на ваше, но вообразите себе что ни минуты нет — M-lle Turner[4]) серьезно занемогла — ея болезнь похожа на вашу, но еще труднее. — Доктор говорит что она должна воротиться в Англию и поселиться в больнице на всегда — жаль ее бедную. — Я была очень рада вашему письму, работайте, трудитесь, от всей души желаю вам и сестре вашей успеха — проводите мысль серьезного освобождения женщины, ея серьезного права на жизнь и труд — побеждите неверующих серьезностью жизни вашей, строгостью к себе — жизнь идущих по новому пути не совсем им принадлежит, надо жертвовать многим личным для осуществления новой мысли в этом старом мире.

Посылаю вам последнюю брошюру Г. о литер.[5]) не могу найти до сих пор: la France ou l'Angle[6]) если найду пришлю тотчас.

Читайте *С того берега* с вашей сестрой, с каждым днем ясно становится воззрение Г. на Европу, (она его оправдывает) Америка и

---

[1]) См. 1-е примеч. к предыдущ. письму.

[2]) Б. м. в связи с письмом Мишле к Герцену от 8 июня, в котором Мишле, прося Герцена приехать, пишет так: Если бы вы могли приехать! Какая было бы радость для Кинэ и для меня! (См. Герцен, ред. Лемке, т. 18 стр. 147).

[3]) Дата устанавливается приблизительно: Огарева благодарит за посещение; по-видимому письмо писано вскоре после отъезда Сусловой; согласно письму Герц. от 17 июня (см. прим. к письму II), Суслова была у них в средине июня.

[4]) Занимавшаяся с младшей дочерью Гер., Лизой (см. Герцен, ред. Лемке т. 18, стр. 67).

[5]) Очевидно, здесь разумеется брошюра: Nouvelle phase de la littérature russe, напеч. в № 46 la Cloche—25 июня 64 г. (см. Герц., ред. Лемке, т. 17, стр. 178—2..).

[6]) La France ou l'Angleterre? Март 1858 г.; рус. перевод в октябре того же года. Написана по поводу отклонения английским парламентом билла о заговорщиках (Conspiracy Bill), внесенного Пальмерстоном в связи с покушением 14/I 58 г. на Наполеона III (см. Герцен, ред. Лемке, т. IX, стр. 182—220).

Россия, все ярче выступают, а в Европе какой то лепет страха и удивленье — Через сто или двести лет будут дивиться чутью Г. пожалуй будут сомневаться что это все *он* говорил, как сомневаются иные в Шекспире.

Прощайте, дорогая M-lle Pauline, опять забыла имя вашего батюшки, простите меня, вы знаете я немного пришибленная. На счет наших планов ничего еще не могу сказать — это было бы мое счастье, но средств мало — как будет что нибудь положительнее, сейчас вам напишу. M-lle Meysenbourg думает, что если вы хотите сделаться преподавательницей в школе, вам бы хорошо осмотреть лучшую школу в Европе на вашем пути в Россию. — Школа эта в Франкфорте — мы все узнаем и Мейз. может об вас написать, если вы хотите.

Крепко жму вашу руку и от души благодарю за ваше доброе посещение. Дружески кланяюсь вашей сестре..

Вся ваша *N.*

Хочу выпросить мой портрет у детей будет с них оригинала и тогда пришлю вам. [Лизин Г. отдаст сегодня фотографу — я наверное пришлю до вашего отъезда].

Ваше участие ко мне лично меня трогает, внутренно мне все также больно и противна жизнь — я отпетая — работа, постоянная работа, хоть малейшая польза, вот единственный выход, а самый естественный все таки смерть — как я ее уважаю и люблю теперь, она конец страданий! — что же было бы без нея для несчастных?

Деньги я получила, простите что не написала [1]).

5.

[1-ая половина августа 1865 г.] [2]).

Любезная Аполинария Прокофьевна.

M-me Salias уже давно здесь — а от вас ни строки — я думала, что вы приедете с ней повидаться.

Что вы поделываете, что ваша сестра, собирается ли она в наши края на ваканции.

В Людмиловке [3]) происходят перемены, Якоби едет в Берн, Шелгунова на водах, говорят будто Голицына одна хозяйничает — вот как.

Кланяюсь дружески вашей сестре, а вас прошу не забывать совсем

преданную вам *N. Огареву.*

Воскресенье.

---

[1]) Приписка с левой стороны на 2-й стр.

[2]) Датируем так по следующим соображениям: 1) в письме Герцена от 12 авг. „к старшим детям и Огареву“ есть такая фраза: „Что графиня (Салиас)? Нравится ли ей ея пансион в Паки“; (Герцен, ред. Лемке, т. 18, стр. 176) 2) в конце августа, как видно из писем Дост. к Сусловой (см. выше), Суслова уже была в Париже, после свидания с Д. в Висбадене.

[3]) Колония женевской эмиграции, группировавшаяся около Шелгуновой, Людмилы Петровны.

V.

Письмо Надежды Сусловой.

Цюрих Ноября.

Милая моя, дорогая Аполлинария.

Только что получила письмо от тебя и от отца и обрадовалась им как сумасшедшая. Ваше общее молчание сильно огорчало, а в последнее время даже беспокоило меня. Но письма теперь получены и я успокоилась.

Все это время я страшно *скучала* и даже сегодня возвращалась мрачная угрюмая в шесть часов вечера с лекции. Когда я пришла домой — мне подали ваши письма: я читала их и радовалась сама не зная чему. В это время сосед мой играл на форто-пиано русские песни и все это — твое и отцово письмо, этот немец, играющий русские песни — как то взволновало меня и я сижу, какая-то растроенная, готовая по малейшему поводу и хохотать и плакать...

7-го Ноября.

Вчера я видела в клинике замечательного больного с необыкновенными нервными припадками. Он — поляк. Доктор рассказывал слушателям его трагическое прошедшее, которое отчасти влияло на его болезнь. Слушатели (некоторые) несколько раз обертывались на меня; больной смотрел на меня долго и пристально широко раскрытыми глазами... Я потупилась... Меня волновало странное тяжелое чувство...

Какая тоска! С. Н. Глобина говорит, что скучают одни дураки. Ты спросишь у нея — неужели у ней нет тоски от разлада с окружающей жизнью, от неудовлетворения ею, неужели нет горя глубокого... [1]) от невозможности примириться с окружающим и от несуществования того мира, о котором мечтаешь.

...Пусть она скажет, положа руку на сердце: «нет».

Жизнь, жизнь! Сколько я мечтаю о тебе, сколько думаю, сколько учусь для тебя, но еще не сделано мною ни одного шагу по выбранной дороге: я все еще готовлюсь, все еще не пришел мой час. До 22 лет я набивала голову теориями, думала над отвлеченными вопросами, с 22 лет я бегала увлечений, запирала сердце, все искала цели, для которых нужно жить, все искала *правды...* «J'ai evoqué tous les spectres, j'ai lutté avec tous les démons, j'ai supplié tous les saints et tous les anges, j'ai sacrifié à toutes les passions. Verité! Verité! Tu ne t'es pas révélée, depuis dix mille ans je te cherche et je ne t'ai pas trouvée»!

Неужели ты еще не прочла Lélia? Прочти ради Христа поскорее. Уж очень хорошо.

Мое одиночество здесь, отсутствие человеческого... меня иногда приводит в бешенство. Я хотела бы видать живое существо, посмотреть на чью-либо жизнь...

---

[1]) Не разобрано слово.

С моей происходит какая - то чепуха. «J'ai voulu glacer mon coeur par la solitude, par l'austérité, par la méditation; mais je n'ai réussi qu'à ma fatiguer de plus en plus sans pouvoir accrocher la vie de mon sein. Это все говорила Lélia

Прочти этот роман непременно. Я была просто больна от впечатления, которое он на меня оставил и теперь часто, часто перечитываю его некоторые *мысли* — особенно горькие...

Не знаешь ли ты кого-нибудь в Петербурге, кто бы мог заняться разысканьем одного господина — Рудольфа М. Я просила Сочаву заняться этим делом, но ему вероятно некогда. Я-бы была очень счастлива, если-бы его кто-нибудь разыскал и передал ему письмо, которое я переслала Сочаве кажется еще в Іюне или в самом начале Іюля.

...[1]) очень кланяется. Они поумнели значительно. — Глобиной поклонись.

---

[1]) Не разобрано.

Воспоминания А. Г. Достоевской.

Печатаемые ниже «Воспоминания А. Г. Достоевской», как и те, которые были напечатаны в первом сборнике М. Л. Гофманом, представляют собою разрозненные отрывки из законченного труда Анны Григорьевны — ее «Воспоминаний». Отрывки эти летом 1921 года попали в Пушкинский дом вместе с деловыми бумагами Анны Григорьевны.

Настоящие «Воспоминания» писаны на отдельных, потом сшитых в тетрадочки, листах плотной почтовой бумаги четким характерным почерком Анны Григорьевны с некоторыми пропусками, поправками и дополнениями, в тексте нами отмеченными. Страницы печатаемой рукописи перенумерованы. Всего их 72 (с 93 по 164).

* * *

[В наших вечерних беседах мы с Федором Михайловичем касались всевозможных вопросов, но] [1]... но, конечно, главная и наиболее дорогая для нас тема наших разговоров с Ф. М. была наша будущая супружеская жизнь. Мы строили планы нашего будущего, и для меня оно представлялось лучезарным. Одна мысль, что я не буду разлучаться с Федором Михайловичем, приводила меня в восторг. Мне радостно было думать, что я буду участвовать в его делах и занятиях, буду разделять с ним счастливые и тяжелые события жизни, получу возможность заботиться о нем и оберегать его от назойливых людей и неприятных впечатлений, буду помогать ему советом и делом. Все это представлялось для меня до того привлекательным, что иногда я готова была плакать при мысли о том, что все это не может скоро осуществиться. Пленительною нашею мечтою, о которой мы говорили каждое наше свидание, это была возможность как можно скорее сыграть нашу свадьбу. Это вполне зависело от того, какой оборот примут дела Ф. М. Он рассчитывал на рождестве поехать в Москву и предложить М. Н. Каткову свой будущий роман для помещения в «Русском Вестнике» на 1868 г. Федор Михайлович не сомневался в желании редакции «Русского Вестника» иметь его своим сотрудником, так как напечатанный в 1866 году роман «Преступление и Наказание» произвел большое впечатление в литературе и привлек журналу массу новых подписчиков. Но вопрос был

[1]) Взятое в большие скобки Анною Григорьевною зачеркнуто.

в том: найдутся ли у журнала свободные средства для аванса в несколь[illegible] тысяч, без получения которых (т.-е. без уплаты на аванс неотложных долгов) немыслимо было бы устраиваться новым хозяйством. В случае неудачи в «Русском Вестнике» Ф. М. предполагал немедленно по окончании ром. «Преступления» приняться за новый роман, написав большую его часть, предложить его в другой журнал. Неудача в Москве грозила отодвинуть вопрос о нашей свадьбе на продолжительный срок, может быть, даже на целый год. Глубокое уныние овладевало мною, когда я об этом думала. К счастью, в нас обоих жила уверенность, что М. Н. Катков не захочет упустить нового романа и даст в виде аванса желаемую Федором Михайловичем сумму, а потому мы утешали друг друга надеждою, что наша свадьба состоится после нового года. К величайшему нашему счастью, надежда наша оправдалась. На рождество Федор Михайлович поехал в Москву, рассказал М. Н. Каткову о своем намерении жениться и предложил ему свою будущую работу. После недолгих переговоров вопрос был решен для нас вполне благоприятно! [1]).

Федор Михайлович постоянно делился со мною теми заботами, которые его окружали. Он ничего не хотел скрывать от меня для того, чтобы для меня не была тяжелою неожиданностью та исполненная лишений жизнь, которая предстояла нам обоим в ближайшее время. Я была бесконечно благодарна ему за это и придумывала разные способы, чтобы по-маленьку уменьшить те неотложные долги, которые особенно мучили Федора Михайловича своею срочностью и необходимостью откуда хочешь достать деньги для уплаты если не долга, то хотя [illegible]. К моему глубокому сожалению, я скоро убедилась, что уплачивать долги при настоящем положении дел почти невозможно. Хоть я и плохо знала практическую жизнь, так как жила в достаточной семье и не знала нужды, но в эти три месяца до свадьбы я успела заметить одно смущавшее меня обстоятельство, именно: как только появлялись у Федора Михайловича деньги, так одновременно и у его родных (брата, сестры, невестки и пасынка и пр.) появлялись всегда неожиданные, но настоятельные нужды, и как-то всегда оказывалось, что из трехсот, четырехсот рублей, полученных из Москвы за «Преступление», на следующий день у Федора Михайловича оказывалось на руках не более 30 — 40 руб., при чем никаких уплат вексельного долга не делалось, а уплачивались лишь [illegible]. И затем опять начинались заботы Федора Михайловича, откуда бы достать денег для житья, уплаты % и удовлетворения потребностей его многочисленных родных, а также для уплаты %. Такое положение дел стало меня не на шутку тревожить. Но я утешала себя мыслью, что когда мы поженимся, и я возьму в свои руки хозяйство и дела, то эти всегда непредвиденные расходы можно будет урегулировать, предоставив каждому из нуждающихся в помощи Федора Михайловича его родных раз навсегда определенную сумму в месяц или в год, тем более, что у Эмилии Федоровны (вдовы М. М.) были взрослые дети [1]), которые могли бы

[1]) Зачеркнуто.

поддержать. Брат Николай Михайлович был талантливым архитектором и если б хотел — мог бы работать; да и пасынку в его годы (21 г.) пора было приниматься за какой-либо серьезный труд, не рассчитывая исключительно на работу больного и обремененного долгами отчима. Если б мои предположения осуществились, то это дало бы нам возможность начать уплачивать долги, что было заветною мечтою нас обоих. Ведь постоянная забота об уплате %, переписывание векселей, приискивание денег не только мучили Ф. М., портили его настроение, мешали его литературной работе, но и влияли на его здоровье, так как от постоянных неприятностей сильно расстраивались нервы, и чаще наступали припадки эпилепсии.

Будучи отягощен долгами, Федор Михайлович должен был предлагать свой труд в журналы и, конечно, получал за свои произведения вдвое менее, чем получали писатели обеспеченные, в роде Тургенева или Гончарова. В то время, когда Ф. М. за «Преступление и Наказание» получал по 150 р. с листа, Тургенев за свои произведения получал по пятисот за лист. Но всего обиднее было то, что, благодаря нескончаемым долгам и постоянному неимению средств, Ф. М. должен был спешить с своей работой. Он не имел ни времени, ни возможности отделывать свои произведения, писать их не спеша, перечитывать, как делают другие писатели, и поправлять, и это было для него большое горе. Часто упрекают Ф. М. за неудачную форму его романов, за то, что в одном романе соединяется их несколько, что события в романе нагромождены друг на друга, и что в его произведениях многое осталось незаконченным. А если б люди знали, при каких условиях он писал. Случалось, что первые три главы романа были уже напечатаны, четвертая набиралась, пятая была только что выслана по почте; шестая лежала в рукописи, а остальные не были ни написаны, ни обдуманы. Сколько раз я видела искреннее отчаяние Ф. М., когда он вдруг сознавал, что он «испортил идею», и что поправить ошибку нет возможности. Это было настоящее мучительное страдание видеть, что произведение испорчено, благодаря поспешности и необходимости, ради скорейшего получения денег выслать главу романа необделанною.

Обдумывая и сокрушаясь о тяжелом материальном положении моего жениха, я утешала себя мыслью, что в недалеком будущем, всего через какой-либо год, я буду иметь возможность коренным образом помочь ему и облегчить его жизнь. Здесь мне приходится отвлечься от своего рассказа, чтобы сказать, сообщить о материальном положении нашей семьи. Моей матери, Анне Николаевне Сниткиной, принадлежали с конца сороковых годов два больших участка земли (около полутора десятин), расположенные по Ярославской и Костромской улицам. На одном из участков находился двух'этажный каменный дом, в верхнем этаже которого жили мы сами. Внизу был фруктовый магазин и две квартиры. На огромном нашем дворе находились два громадных деревянных 2-этажных флигеля, в которых считалось около 30 небольших квартир. Хотя цены на квартиры были дешевые, но дома приносили нам около трех

тысяч рублей, что вместе с пенсией папы давало нам возможность жить, если не богато, то в полном довольстве.

Это довольство, вероятно, продолжалось бы до конца дней моей матери, если б не встреча с одним лицом, сделавшимся невольным виновником нашего разорения. Это был молодой архитектор, Иван Александрович Мерц, влюбившийся в мою сестру, которой он тоже понравился. Узнав, что большая часть наших участков, занятая под огородами, приносит мало дохода, он стал уговаривать мою матушку употребить имевшиеся у ней 15 тысяч наличных денег на постройку двух домов. Он составил план и смету и заверил, что оба дома обойдутся не дороже 20 тысяч и что, таким образом, ей придется призанять тысяч пять, но зато она будет иметь два прекрасных дома, стоимостью (по своей доходности) не менее 35 — 40 тысяч. Бедная моя мама ничего не понимала ни в денежных оборотах, ни в постройках. Но мысль дать за каждою дочерью в приданое, вместо назначенных пяти тысяч, по прекрасному дому в 20 тыс., чрезвычайно прельстила ее и, несмотря на отговоры моего отца, она решила строить за раз два дома. Я убеждена, что г. М. был вполне порядочный человек, но он был молод, очевидно, мало понимал в постройках и, что все (го) хуже, находился вполне в руках подрядчика, человека, как оказалось впоследствии, в высшей степени недобросовестного. Ошибок при постройке наделана была масса: например, вырыты чрезвычайно глубокие подвалы и заложены фундаменты дома такой крепости, которая годилась бы для постройки пятиэтажного, а не двух'этажного деревянного дома. Но зато из-под фундамента вырывали и вывозили сотнями коек отличный желтый песок, которого так мало в той местности, отчего эта часть города и зовется в просторечии «Песками». Дома еще не были подведены под крышу, как весь наличный капитал мамы был уже истрачен, и ей пришлось искать денег (но уже не пяти, а десяти тысяч) под залог дома, где мы жили. Пришлось заложить на тяжелых условиях с неустойкой в случае неплатежа в срок. Но и этих денег не хватило, и пришлось занимать, где ни попало и на каких угодно %. Маму окружили комиссионеры, разные аферисты, которые и обирали ее под разными предлогами. Все эти неудачи порвали добрые отношения с г. М., и он перестал у нас бывать, а года через полтора (в ноябре 1861 г.) моя сестра вышла замуж за Павла Григорьевича Сватковского. Чтобы дать за нею приданое дом без долга, пришлось продать второй, предназначавшийся мне. Моя мама, неотступно следившая за постройкою этих двух домов по Ярославской улице и присмотревшаяся к ведению этого дела, задумала в 1864 году, когда немного улучшились ее денежные обстоятельства, исполнить свое намерение и выстроить дом для меня уже по Костромской улице. (Все эти дома и доныне существуют). К тому же мама, наконец, напала на дельного и честного подрядчика, да и все поставщики материалов (леса, кирпича), зная честность мамы, делали ей большой кредит. Таким образом, был построен предназначенный для меня дом, и с 1865 года я стала полновластною его хозяйкою, то-есть сдавала квартиры, отделывала их, вела паспортную книгу и пр., и пр. Но все-таки для расплаты с пе-

ставщиками предназначенный мне дом пришлось заложить за восемь тысяч рублей. Получая исправно доходы с домов, мама предполагала, что будет иметь возможность уплачивать ежегодно % и часть капитала, и что, таким образом, через несколько лет дома очистятся от долгов.

Вот на продажу то этого предназначенного мне дома я и рассчитывала, когда мечтала поправить дела Федора Михайловича. Дом этот легко было бы продать тысяч за 16 или 18 (находились и покупщики), и тогда, за покрытием лежавшего на нем долга, очистилось бы от 8 до 10 тысяч наличными, которыми и можно было бы уплатить самые кричащие и требовавшие больших % долги Ф. М. К моему глубокому сожалению по выходе замуж я не могла предпринять ничего решительного, так как была еще несовершеннолетняя. Только 30 августа 1867 г. (я родилась в 1846 г.) мне должно было минуть двадцать один год, когда я могла бы совершать оффициальные акты. Моя мама пробовала заговаривать по поводу этого дома с Ф. М. и хотела уговорить его сделаться моим попечителем, но Ф. М. отклонил разговор: «Дом вы дарите Ане; пусть она и получит его осенью; почему не подождать несколько месяцев до ее совершеннолетия. Мне же не хотелось бы в эти дела вмешиваться».

Вообще, я должна сказать, что Ф. М., будучи женихом, всегда отклонял мою денежную помощь, даже когда находился в тисках, и я хотела его выручить. И когда я говорила, что если мы любим друг друга, то у нас не должно быть «твое и мое», а должно быть все общее, — «Конечно, так и будет, когда мы поженимся, — говорил Ф. М., — а пока я не хочу брать от тебя ни одного рубля». Мне представляется, что Ф. М. сам понимал, как фантастичны были иногда расходы и нужды его родных, но, не имея силы итти наперекор их настояниям и просьбам, ни за что не хотел удовлетворять их моими деньгами. Напротив, Ф. М. настойчиво поддерживал желание моей матери, чтобы я делала себе приданое и покупала, что мне нравится для нашего будущего хозяйства, из тех двух тысяч, которые достались мне по наследству от отца. Я с умилением припоминаю, как Ф. М. рассматривал и сам укладывал в футляры разные серебряные ножички и ложечки, купленные мною, и всегда одобрял мой выбор. Он знал, что от его похвалы я так и засияю, и любовался на мою радость. Но меня особенно поражало его настойчивое желание смотреть мои костюмы, когда я стала заказывать их перед свадьбой. В виду близкого окончания траура я заказывала все светлое, а Ф. М., не любивший черного цвета, хотел меня видеть в светлых платьях. И вот, когда привозились мои наряды, Ф. М. заставлял меня их примерять и в них ему показываться. Некоторые мои платья (напр., вишневого цвета) до того ему нравились, что он просил меня остаться в нем на весь остальной вечер. Ф. М. как-то предложил мне заказать себе платье крота-масака, уверяя, что цвет должен чрезвычайно итти к несколько желтоватому цвету моего лица. Я просила Ф. М. точнее определить цвет масака, но он не сумел, так как трудно различал цвета.

Он только уверял, что оттенок удивительно хорош[1]) и во дни его молодости был в чрезвычайной моде. Заставлял также примерять мои несколько шляп и всегда находил, что они очень мне к лицу. С какою глубокою благодарностью вспоминаю я о том. Ф. М. всегда старался сказать мне что-либо доброе и приятное, чтобы тем меня порадовать. Сколько истинной доброты, сколько нежности было в его любящем сердце.

Время до рождества промчалось быстро. Федор Михайлович, почти всегда проводивший праздники в семье любимой сестры, В. М. Ивановой, решил на этот раз поехать в Москву. Главною целью поездки было, конечно, намерение предложить Каткову свой новый роман и получить деньги, необходимые для нашей свадьбы. Последние дни перед от'ездом Ф. М. был необыкновенно грустен: так как он успел полюбить меня и привыкнуть ко мне. Я была тоже очень печальна, и мне представлялось, что я Ф. М. никогда больше не увижу. Но я бодрилась и старалась не выказывать своей печали, чтобы еще более его не расстроить. Особенно грустным нашла его, когда приехала провожать на железную дорогу. Он нежно смотрел на меня и все повторял: «Еду с такими надеждами, а как-то мы свидимся, дорогая моя Анечка, а как-то мы свидимся!» Его тяжелое настроение особенно усилилось, благодаря нелепой выходке Павла Александровича, приехавшего на проводы вместе с молодыми Достоевскими. Все мы вошли в вагон, чтобы посмотреть, как разместится Ф. М., Павел Александрович, желая выразить свою заботу об «отце», вдруг громко сказал:

«Папа, не вздумайте лечь на верхнюю постель, а то как раз Вас схватит падучая, и вы свалитесь на пол, тогда и костей Ваших не соберешь!»

Можно себе представить, какое впечатление произвели эти слова на самого Ф. М., на нас и на всю находившуюся в вагоне публику. Ехать в вагоне в одном купэ с больным и всегда несколько опасно, а тут соседям предстояло путешествовать с такого рода больным. Одна из пассажирок, должно быть, дама нервная, минуту спустя, попросила проходившего через вагон носильщика перенести ее вещи в дамское отделение, так как «здесь, кажется, будут курить» (а вагон был заведомо для некурящих).

Вся эта история до нельзя расстроила Федора Михайловича, не любившего говорить о своей странной болезни. Да и мы, провожавшие, были сконфужены и не знали, что говорить; по счастью, раздался второй звонок, и нам пришлось уйти. Возмущенная выходкой Павла Александровича, я не удержалась и сказала: «Зачем вы рассердили бедного Федора Михайловича?» — «А очень мне нужно, рассердился он или нет», — ответил Пав. Алекс., — «я забочусь об его здоровье, и за то он должен благодарить!». В таком роде были всегда отношения Павла Александровича к Ф. М., и, конечно, не могли его не раздражать.

Из Москвы Ф. М. прислал мне два милых письма, чрезвычайно меня

---

[1]) Темно-лиловый, каким обивали тогда гробы (см. „Вечный муж", стр.).

утешивших и которые я прочитывала десятки раз. В Москве Ф. М. пробыл дней десять и успешно окончил переговоры с редакцией «Русского Вестника». Катков, узнав о намерении Ф. М. жениться, поздравил его и пожелал ему счастья. Просимые же в виде аванса две тысячи обещал выдать в два-три срока, в течение января. Таким образом, возможность устроить в этот же месяц свадьбу была нам обеспечена. Присланные Катковым 700 руб. были как-то мигом пристроены, и Ф. М. каждый вечер с ужасом говорил, что деньги у него «тают». Это начало меня беспокоить, и когда получились вторые 700 р., то я уже стала просить отложить в сторону сколько-нибудь, чтоб достало на свадьбу. С карандашом в руке Ф. М. вычислил, что на расходы по церкви, по устройству свадебного приема [1]) и на первые две недели нам следовало сохранить от 400 до пятисот руб. Но как сохранить, когда ежедневно появляются все новые и новые нужды у многочисленных родственников? Мне пришло в голову сказать: «Да отдай их мне на сохранение, у меня они будут целы!» — «Вот и отлично!» — обрадовался Ф. М. удобной отговорке перед родными, когда те будут просить, и на другой же день привез пять сторублевок. Передавая их мне, он комически-торжественно сказал: «Ну, Аня, держи их крепко, помни, что от сохранения их зависит наше будущее счастье!»

Как мы ни торопились со свадьбой, но выходило, что она может состояться не ранее половины февраля. Надо было найти новую квартиру, так как в прежних четырех комнатах нельзя было уместить имевшуюся у меня мебель. Свою квартиру в Столярном переулке Ф. М. уступил Эмилии Федоровне и ее семье, обязавшись пред хозяином уплачивать за нее 50 р. в месяц. Выгода этой квартиры состояла в том, что хозяин дома богач-купец Алонкин очень почитал Ф. М., как «великого трудолюбца», как он про него выражался [2]), и никогда не беспокоил напоминанием о квартирной плате, зная, что, когда будут деньги, Ф. М. сам принесет их. И Ф. М. любил беседовать с этим почтенным стариком [3]).

Ф. М. нашел для нас квартиру на Вознесенском проспекте, в доме Толя (ныне № 27), прямо против церкви Вознесения. Вход был внутри двора, а окна квартиры выходили на Вознесенский переулок. Квартира состояла из пяти больших комнат: гостиной, кабинета, столовой, спальной и комнаты для Павла Александровича. Пришлось выждать, пока отделают квартиру, затем переезжать самому Ф. М., устраиваться, перевозить мою обстановку и пр., и пр. Когда все было готово, мы назначили свадьбу на 15 февраля, в среду, пред масляной, и разослали приглашения друзьям и знакомым.

За неделю или десять дней до свадьбы со мной произошел случай,

---

[1]) Мама предложила сделать прием у нас, но в виду отдаленности от церкви, это было невозможно. Предложила взять на себя часть расходов, но Ф. М. и слышать об этом не захотел.

[2]) „Я к заутрене иду, а у него в кабинете огонь светится — значит трудится“, говаривал он.

[3]) С него, по моему мнению, нарисован в ром. „Братья Карамазовы“ тип старика купца, благодетеля Грушеньки.

который мог стоить мне жизни и который мне припоминается как ужасный кошмар.

Чтобы выяснить этот случай, я должна напомнить сказанное мною раньше об имущественном положении моей семьи. В числе кредиторов моей матушки был отставленный от консистории чиновник, дававший деньги в рост и бравший большие % «не для себя», как он говорил, а «ради своих маленьких детей». Этот чиновник, узнав про смерть моего отца (в апреле 1866 г.), тотчас же подал на маму в Мировой Съезд и получил исполнительные листы; но затем, убедившись, что за смертью мужа, мама не лишилась своих домов, он не требовал уплаты, а довольствовался только хорошими %. Теперь, узнав о моей предстоящей свадьбе, он опять переполошился и решил получить свои деньги немедленно. В этом намерении его особенно поддерживал его брат, выгнанный семинарист и неудачник-литератор, обиженный тем, что мама никогда не приглашала его нас посещать, а принимала только по делам.

И вот, в один слишком памятный для меня несчастный день, когда моей мамы не было дома и я разбиралась в шкафах, ко мне в спальню ворвалась с испуганным лицом наша Дуняша и вскричала: «Барышня, там пришли какие-то люди; дворник говорит, что Вас описывать будут!» Я, как была в капоте, вышла в гостиную и увидала судебного пристава нашего участка, г. Дементьева, а с ним брата нашего кредитора, Ильи Ивановича Петрова. С судебным приставом Алексеем Сергеевичем Д. мама познакомилась с полгода назад по поводу описи имущества какой (то) умершей жилицы и пригласила бывать у нас. Он оказался человеком очень добрым, но чрезвычайно застенчивым, своею новою должностью он очень дорожил и радитально (sic) и официально относился к исполнению своих обязанностей. Бывал он у нас на вечеринках и очень стеснял меня своими туманными речами; подруги мои находили, что я ему очень нравлюсь, а потом кто-то передал мне, что, узнав о моей свадьбе, он до того разогорчился, что заболел и пролежал в постели три дня. Теперь он явился как официальное лицо и об'явил, что предъявляет мне исполнительный лист на 500 слишком рублей и что, в случае, если деньги не будут уплачены немедленно, он принужден будет приступить к описи. Я ответила, что мамы нет дома, денег у меня никаких нет, и я предоставляю ему поступить, как он найдет нужным. Негодный Илья Иванович, не видя в гостиной прежней обстановки (уже перевезенной к Ф. М.), просил судебного пристава обратить внимание, что «должница уже успела вывезти свои вещи и, следовательно, скрывает свое имущество». Меня страшно возмутили эти слова, и я сказала: «Вы не смеете этого говорить! Вывезены вещи, принадлежавшие лично мне, на которые я имею доказательства. Перевезены же они к моему жениху, так как, вы сами знаете, на 15-ое февраля назначена наша свадьба». — Я бросилась к комоду и стала разыскивать счета магазинов, в которых покупала себе вещи. Показав счета, я уселась в кресла и с любопытством стала наблюдать, что они будут делать. Но когда Илья Иванович отворил платяной шкаф и стал вынимать вещи, то я вдруг поняла, что и прочие шкафы и комоды будут также откры-

и осмотрены, а следовательно, возможно, что деньги Ф. М., данные мне на хранение, будут найдены и взяты от меня для уплаты этого долга. Эта мысль так меня поразила, что я впала в какой-то столбняк и до того вдруг лишилась памяти, что не могла припомнить, где же именно у меня спрятаны эти деньги? Одно было для меня ясно — это, что деньги будут найдены и от меня отобраны. Ведь, я ничем не могла доказать, что деньги не мои, а даны мне на хранение Феодором Михайловичем. Кто бы мне в этом поверил, даже если б сам Ф. М. подтвердил это. Господи, что же теперь будет? — думала я. — Приглашения на свадьбу разосланы, а она состояться не может. Откуда же мама сейчас возьмет деньги, чтобы возместить их Ф. М. Ведь и так мама, желая дать мне побольше хороших вещей, кой-кому задолжала, и достать денег в такой срок было немыслимо. Итак, отсрочка свадьбы до весны, а за это время многое может измениться, и свадьба может расстроиться. И все это было по моей вине! И как посмотрят на это Федор Михайлович? Он может усомниться во мне. Ведь до сих пор он был твердо убежден, что я буду ему хорошей женой и заботливой хозяйкой. И вдруг я не сумела сохранить деньги, не сумела сберечь мое счастье. Ф. М. мне никогда не простит этого. Разве не в праве будет он, если лишит меня своей любви и своего доверия? Это было бы слишком ужасно, лучше смерть, лучше все на свете, чем утрата его любви и его уважения, а разве он не перестанет меня уважать за подобную оплошность, которая поставила и его, и меня в нелепое положение, вследствие беспричинной отсрочки нашей свадьбы. Он будет презирать меня. Если этот ужас совершится, если деньги от меня отберут, думала я, то я должна убить себя, потому что, заслужив презрение Федора Михайловича, я уже не могла жить на свете. Но как себя уничтожить? Мне вдруг ясно представился наш чердак [1]), перекладины на нем и твердо решила, что как только уйдут с моими деньгами эти два ужасных человека (в эту минуту я ненавидела и ни в чем неповинного Д.), пойти на чердак и повеситься. Я даже встала с места и подошла к окну будто бы затем, чтобы посмотреть, не идет ли мама, и спустила и вновь подняла висевшую на окне штору. Веревка была крепкая и могла меня выдержать! Я старалась не думать ни о маме, ни о Ф. М., ни о моем брате, ни о том, какое горе причинит всем им моя смерть. Я боялась себя разжалобить. Я отгоняла от себя все мысли, кроме о неизбежности для меня немедленной смерти. Ведь если я потеряю любовь Ф. М., если он от меня откажется, то зачем мне жить? Лучше смерть, чем потеря счастья.

Вспоминая теперь мучившие меня тогда мысли, я, конечно, понимаю, что все они были не основательны. Но надо припомнить, что мне было только 20 лет, и я была не по годам ребенок. Надо припомнить, что я, при всей моей любви к Ф. М., не вполне понимала его и не была уверена в его непоколебимой привязанности ко мне. Надо принять в соображе-

---

[1]) **Чердак нашего дома содержался в большой чистоте. Туда сносились лишние вещи и стояли сундуки с журналами сороковых и 50-х годов, которыми очень дорожил мой отец. Летом я часто ходила туда за книгами.**

ние и то возбужденное состояние, в котором я находилась в эти минуты. Вспоминая мой тогдашний пылкий, стремительный характер, я глубоко убеждена, что исполнила бы свое намерение убить себя, если б деньги Ф. М. были бы от меня отняты. Но милосердный господь спас меня от этого ужаса.

Отчаяние мое было безгранично. Я сидела неподвижно, с каким-то «окаменелым лицом», как говорил потом маме г. Д. Он изредка на меня взглядывал и, наконец, не выдержал, подошел ко мне и сказал: «Что такое с вами, успокойтесь, ведь, это все поправимо; вот мамаша придет и все уладит. Ради Бога, успокойтесь!» — Я глядела на него безумными глазами, губы у меня прыгали, я вся дрожала и не могла вымолвить ни слова. Г. Д. серьезно испугался за меня и кликнул горничную принести мне воды. Илья Иванович, очевидно, не поверил моей болезненности и сказал г-ну Д.: «Пожалуйста, не отвлекайтесь от дела, барышне поможет горничная». Он, видимо, импонировал доброму, но робкому г-ну Д., и тот продолжал опись. Дуняша принесла воды, но я не могла открыть рта, до того спазма сжала мне горло. На помощь мне пришел случай, заставивший меня ужасно расхохотаться и вызвавший во мне реакцию. Дело в том, что когда Ф. М. стали грозить долговым отделением, то я очень испугалась и захотела просмотреть статьи законов, касающиеся вообще прав кредиторов. У кого было достать свод законов, как не у судебного пристава? Не желая объяснить, по какому именно поводу судебные книги мне нужны, я попросила г. Д. прислать их все, сказав, что мне на досуге хотелось бы вообще ознакомиться с русскими законами, незнанием которых никто отзываться не может. Он и прислал мне 8 или 9 томов свода законов, переплетенных в прочный кожаный переплет и с буквой своей фамилии (Д.) на корешке. Просмотрев, что было мне нужно, я книги сложила в шкаф и все время собиралась отослать их г-ну Д., но за множеством дел — не отослала. И вот теперь Илья Иванович отворил наш старинный книжный шкаф и выложил для описи все находившиеся там книги, а в том числе и 10 томов свода законов. Г. Д. видимо смутился перед необходимостью описать за чужой долг свои собственные книги и робко заявил, что «навряд ли законы могут принадлежать г-же Сниткиной и не взяты ли они от кого для просмотра?» — «Почему не могут принадлежать, — возразил Илья Иванович, — барышня ведь ученая, она на высших курсах была. Да и на корешке начальная буква ее будущей фамилии».
Делать нечего, г-ну Д. пришлось подчиниться. Бедный Д. был страшно смущен, и мысль, что ему приходится описывать свои собственные книги, представилась мне до того комичною, что я безумно расхохоталась, и с этого началась спасительная для меня истерика, выведшая меня, благодаря обильным слезам, из постигшего меня столбняка. Г. Д., не взирая на протесты Ильи Ивановича, несколько раз подходил ко мне и просил меня успокоиться, но утешения его только поддерживали мои слезы. Когда я хорошенько проплакалась, голова моя просветлела, и я ясно припомнила, что деньги Федора Михайловича лежат в одном из его писем, в верхнем ящике комода. У меня даже явилась надежда

на то, что Илья Иванович оставит комод в покое. Но этого не случилось. Покончив с книжным и платяными шкафами и все вещи обвязав веревочками с печатями, Илья Иванович обратился ко мне с просьбой открыть комод. Бедный Д., видимо страдавший за меня, стал робко говорить, что там, вероятно, вещи барышни, но Илья Иванович заявил, что барышнины вещи, очевидно, отвезены к жениху, а потому следует описать и все вещи, в квартире находящиеся. Шатаясь, подошла я к комоду, открыла верхний ящик и подала ему штучную шкатулочку с моими драгоценностями, сказав, что это все вещи, подаренные мне родными; представить доказательств на это я не могу, а пусть он берет их, если хочет. Отдав коробку, я порылась между вещами, нашла пачку с письмами Ф. М. и решительно положила их в карман. Илья Иванович тотчас забеспокоился и спросил, что именно я спрятала. — «Успокойтесь, не браслет или брошку, а письма моего жениха ко мне, — сказала я и вынула пачку из кармана. — Я их вам не отдам, а если вы попытаетесь взять насильно, то я скорее изорву их на клочки, чем позволю вам коснуться их». — Точно безумие овладело мною, и возможно, что в порыве гнева, я, может быть, и действительно изорвала бы в клочки письмо Ф. М. вместе с лежавшими там сторублевками. Если нельзя их спасти, то пусть пропадают совсем, думала я, чтобы только этот негодяй, так меня мучающий, не получил сейчас ничего и не мог надо мной торжествовать. Я не соображала, что, разрывая письма, я не помогу этим себе, и что свадьба моя все-таки не состоится, но мне было необходимо хоть в чем-нибудь выразить обуревавший меня гнев, иначе, я чувствовала это, у меня разорвется сердце. Но тут наконец Д. вступился за меня и об'явил, что до писем барышни им нет никакого дела. Услышав эти слова, я опять положила письма в карман и залилась неистовым хохотом. У меня опять началась истерика: я кричала, смеялась и плакала, а со мною вместе плакала и утешала меня Дуняша. Избежав опасности, почувствовав, что беда как будто от меня отдалилась, я воспрянула духом и минут через десять даже стала подтрунивать, глумиться над Ильей Ивановичем, советуя ему просмотреть, не осталось ли в наших шкафах какой-нибудь бутылки, аптекарской склянки, которой можно увеличить составленную опись. Приказала Дуняше принести мои старые калоши и показать Илье Ивановичу, не пригодятся ли они для описи. У меня вдруг явилось бешеное желание подразнить Ивана Ильича (sic!), сказать, что напрасно он не рассмотрел мои письма, что именно там хранятся у меня деньги [1]). Эти слова так и просились мне на язык, и я сжимала рукою челюсти, чтобы слова эти у меня не вырвались. Я шла прямо на смерть! Я шла на

[1]) Странный обычай хранить деньги не в денежных ящиках, шкатулках и под крепким замком, а в письмах и бумагах, сохранился у меня во всю мою жизнь и я никогда не имела повода в этом способе хранения денег раскаиваться. И в самом деле, ведь воры набрасываются обыкновенно на закрытые хранилища и никакой замок от них не устоит. Но вору некогда разбирать бумаги и письма, да и в голову это не придет. Единственное неудобство этого способа то, что иногда сама забудешь, в какую пачку писем или в какую бумагу положишь деньги, и приходится долго разыскивать, что со мною часто случалось.

риск, что Илья Иванович насильно заставит меня отдать ему письма на просмотр, найдет деньги и возьмет их себе, и тогда смерть моя неизбежна! Я шла на все, лишь бы вылить кипевшую во мне ярость! Я опять принялась плакать. Плакавшая вместе со мной Дуняша, незнавшая, что ей предпринять, утешала и говорила мне: «Барышня, да помолитесь вы господу богу, чтобы он вас помиловал, помолитесь заступнице усердной, чтобы она успокоила вас! Вот ваш крестик». — вынула она крест из-за ворота моего платья и поднесла к моим губам. Я несколько раз перекрестила, поцеловала мой крестик, и меня как будто что осенило. Слова простодушной Дуняши показались мне откровением. Мне представлялось даже чудовищным, как это я в нагрянувшей беде не вспомнила о боге, не прибегла к его милосердию. Мне стало стыдно пред самой собой, что так не тверда и не горяча моя вера что я сама к помощи заступницы не обратилась, а навела меня на эту мысль моя простодушная служанка. — «Спасибо тебе, Дуняша», — сказала я и крепко ее обняла. Мне вдруг стало легче, и я с насмешливым спокойствием стала ожидать, чем же все это кончится. Пытка моя продолжалась еще часа полтора и разрешилась самым неожиданным, но благоприятным для меня образом.

Илья Иванович, удовлетворив свое самолюбие и свою злость, увидел, что результаты описи далеко не важны. Ведь вся моя новая обстановка, рояль и вещи были перевезены к Ф. М. В квартире нашей оставалась мебель красивого (sic!) сороковых годов, громадные диваны со спинками красного дерева, чудовищного размера шкафы и буфет, все дорогое нам по воспоминаниям, но не обещавшее дать крупную сумму при продаже с публичного торга.

Илья Иванович видимо был недоволен результатами и подошел к мне, но я отказалась с ним говорить. Тогда он увел г. Д. в другую комнату и попросил его переговорить со мною. Через пять минут они вернулись, и Д. сказал: «А нельзя ли так устроить, чтобы не было продажи ваших вещей, очевидно, для вас неприятной». — «Я не понимаю, как это сделать, — сказала я, — ведь я знаю, что у мамы в настоящее время такой суммы нет». — «Вот Илья Иванович предлагает другой выход: еслиб ваша матушка выдала его брату новый вексель на ту же сумму с %, но с поручительством на векселе вашего жениха, то мы завтра же могли бы снять печати и уничтожить опись. Я была так расстроена, что не могла ничего ответить. Тогда Д. предложил, что Илья Иванович завтра вечером зайдет за ответом и что он готов выждать два-три дня. Наконец мои мучители ушли. Я так ослабела, что пошла в спальню, легла на постель и, совершенно для себя неожиданно, мигом заснула. Проснулась я, думаю, через час и у моей постели увидела маму, заплаканную и обеспокоенную. Она узнала от дворника про опись, но подробностей Дуняша, конечно, передать ей не могла, а только повторяла: «Уж так они плакали, так плакали, как только по родимой матушке плачут».

Сон подкрепил меня, и я спокойно рассказала подробности всего у нас происшедшего и про тот выход из нашего положения, который был

нам предложен. Обсуждать этот выход я решительно отказалась и просила дать мне время обдумать и успокоиться. В эту минуту главное для меня состояло в том, чтобы написать Ф. М. и просить его ко мне сегодня не приезжать. Я чувствовала себя обессиленной, измученной, и я боялась, что при свидании с Ф. М. я все ему расскажу и что со мной, пожалуй, повторится давешний столбняк или давешняя истерика. Но с кем послать письмо? Ни с дворником, ни с Дуняшей послать было немыслимо, они могли проболтаться.

Порешили на том, что мама сама с'ездит к Ф. М. и на словах сообщит ему о моей болезни. Так и сделали. Мама еще застала Ф. М. дома и рассказала, что я не могу его видеть сегодня. Ф. М. страшно встревожился и об'явил, что поедет с нею к нам, так как иначе сам заболеет от беспокойства. Мама предупредила, что я в постели и что он меня не увидит; он согласился и на это, лишь бы услышать мой голос. Я была очень удивлена, когда узнала о приезде Ф. М. Делать нечего, одела капот и через приотворенную дверь хорошенько пожурила его за непослушание. Ф. М. умолял меня выглянуть на одну секунду, но я отказалась, сказав, что не хочу рисковать потерять его любовь после того, как он увидит меня с моим теперешним безобразным лицом. Поговорив несколько минут, мы расстались, и Ф. М. взял с меня слово завтра утром, если я буду здорова, придти к нему в час дня. Уже поздно вечером, часов в 11, Ф. М. опять приезжал к нам узнать о моем здоровье, и ему сказали, что мне лучше и что я уже сплю.

Всю эту ночь меня била лихорадка, и я бредила и отгоняла от себя каких-то людей, утром я чувствовала себя до того обессиленной, что решила не вставать до того времени, пока мне надо будет поехать к Ф. М.

Рано утром мама отправилась к Илье Ивановичу с целью уговорить его взять поручителем по векселю не Федора Михайловича, а мою сестру или ее мужа. Но Илья Иванович был непреклонен. — «Помилуйте, — говорил он, — Достоевский для меня человек нужный. Ему все редакции знакомы. По его просьбе мне в любой газете работу дадут». — Таким образом, выяснилась неизбежность для меня просить Ф. М. быть поручителем по векселю моей матери. Я нисколько не сомневалась, что Ф. М. окажет маме эту услугу, но как тяжело было мне просить его об этом. Ведь у него самого так много мучающих его обязательств, а тут приходится брать на себя и чужие. Положим, я была твердо уверена, что мама скоро справится с этим долгом, но Ф. М. тогда мало нас знал и мог подумать, что и впредь мама будет прибегать к нему в своих затруднениях. Как мне было совестно пред самой собой: я так в душе негодовала на его родных за те затруднения, в которые они его ставят, благодаря своим требованиям, а теперь сама доставляла ему новые беспокойства. Кажется, я готова была бы позволить отрезать себе палец, еслиб можно было не беспокоить Ф. М. этой просьбой. Но делать было нечего, и я поехала к нему, обдумывая дорогой, что я ему скажу. Я несколько раз подходила к его дому и уходила назад, до того мне было трудно исполнить мое решение. Наконец около 2-х часов я позвонила к Ф. М. Он тотчас выбежал ко мне в переднюю и ска-

зал, что страшно беспокоился, почему я не прихожу, и сейчас хотел ко мне ехать. У него сидел Иван Григорьевич Долгомостьев, критик и бывший секретарь «Эпохи». Вглядевшись в меня, Ф. М. испугался: «Да у тебя жар, Анечка, ты совсем больна; у тебя начинается какая-нибудь серьезная болезнь! Ах, зачем ты приехала, лучше бы вызвала меня к себе. Поедем сейчас домой, иначе ты совсем расхвораешься!» Волнение Ф. М. было чрезвычайное, но и я чувствовала себя дурно, хотя и не от болезни, а от снедавшего меня беспокойства. Я не согласилась на то, чтобы Ф. М. поехал со мной, но он настоял, чтобы меня сопровождала Федосья, говоря, что иначе он будет страшно беспокоиться о том, благополучно ли я доеду. Сам же обещал приехать, по обыкновению, вечером, чтоб, если и не увидеть меня, то хоть узнать, лучше ли мне. В виду беспокойства Ф. М. обо мне, а также присутствия И. Г. Долгомостьева, мне так и не пришлось переговорить с ним о мучившем меня деле. Предстояло говорить вечером в то время, когда у нас будет Илья Иванович. Это меня затрудняло, так как наши приемные комнаты — гостиная и столовая — отделялись только портьерою, и было слышно все, что говорится в каждой из них. Я и попросила маму пригласить Илью Ивановича в нашу залу. Это была большая комната, но так как ее 5 окон выходили на север, то в ней, несмотря на усиленную топку, было всегда очень холодно; зимой мы редко туда и ходили, так как мой рояль по зимам переносили в гостиную.

Ф. М., по обыкновению, приехал в половине восьмого, а Илья Иванович пришел в шесть, и ему пришлось просидеть в холодной зале около двух часов. Я была не прочь его поморозить, так я его ненавидела за его вчерашние мучительства. Я к Ил. Ив. не вышла, а компанию ему составила моя бедная мама, которую я закутала в теплую шаль. Ил. Ив. расспрашивал о Ф. М. и высказал, что рад представившейся возможности познакомиться с «знаменитым писателем». Он об'явил даже, что намерен высказать даже некоторые свои взгляды по поводу последнего его романа. Однако знакомство его с Ф. М. не осуществилось.

Когда Ф. М. приехал, я, очень волнуясь и путаясь в словах, сказала, что мама просит сделаться поручителем по ее векселю в 500 р. Ф. М. не стал меня расспрашивать, в чем дело, а спросил только, когда нужно это нужно сделать. Я ответила, что кредитор сидит в зале, вексель мамою уже подписан, а ему остается лишь добавить свою подпись. Просила его также не разговаривать с кредитором. Ф. М., любивший в точности исполнять мои просьбы, так и сделал: вошел, раскланялся, подписал лежавший на столе вексель, вновь раскланялся и вышел из залы, сказав маме: „Ах, Анна Николаевна, как у вас здесь холодно!" Ил. Ив. был так ошеломлен холодным отношением к нему Ф. М., которому он собирался предписывать условия, что так и простоял все время, вытянувшись в струнку. Так и ушел, не солоно хлебавши, и потом упрекал маму, что она не только не устроила столь нужное для него литературное знакомство, но даже его самого «заморозила».

Вернувшись в гостиную, Ф. М. стал расспрашивать, был ли у меня доктор, но я сказала, что я больна не от болезни, а от беспокойства, и

стала было рассказывать ему, в чем именно дело. Но он остановил меня на полуслове и принялся передавать приключения сегодняшнего дня, стараясь меня развеселить и успокоить, чего, конечно, и достиг. В тот же вечер отдала я Ф. М. его сторублевки, хранение которых чуть не привело меня к гибели.

Не могу не сказать несколько слов о печальной судьбе наших мучителей: кредитора и его брата, Ильи Ивановича. Лет через 10—15 мне пришлось говорить о них, вспоминая старые времена, с одною их отдаленною родственницей, которая и познакомила их с мамой. Я поражена была тем избытком несчастий, которые пали на всю многочисленную семью кредитора, обиравшего ближних «не для себя, а для своих детей».

Наконец наступил столь желанный нами день, 15 февраля (1867 г.), день нашей свадьбы!

Накануне я на часок зашла к Ф. М. сообщить, что в семь часов приедет к нему моя сестра, Марья Григорьевна Сватковская, чтобы разложить все мои вещи по местам (все лежало пока в сундуках, ящиках и картонках) и выложить разные хозяйственные вещи, необходимые для завтрашнего приема гостей. Ф. М., как рассказывала потом сестра, принял ее чрезвычайно радушно, помогал ей раскладывать вещи, угощал ее чаем и фруктами и совершенно ее очаровал (до того она видела Ф. М. раза два-три), как он умел это делать. Я же решила провести этот вечер с моей милой мамой. Мне от всего сердца было жаль бедную маму: она всю жизнь прожила с семьею, а тут папа скончался, брат уехал в Москву, а теперь и я ухожу из ее дома. Она всех нас очень любила, жили мы с нею очень дружно, и я понимала, как ей будет грустно остаться одной. Мы весь вечер просидели, обняв друг друга, и вспоминали, как хорошо и тепло нам с нею жилось. Я попросила мою дорогую маму теперь, когда мы с нею одни, благословить меня на новую жизнь, так как видела на примере моих подруг, что благословение невесты пред от'ездом в церковь, при свидетелях и в свадебной суете, бывает подчас более официальным, чем сердечным. Мама исполнила мою просьбу, благословила меня, и мы с нею много плакали, но зато дали друг другу слово не плакать завтра при благословении, так как мне не хотелось приехать в церковь с обезображенным слезами лицом.

15 февраля я встала чуть свет и отправилась в Смольный монастырь к ранней обедне, после которой зашла к своему духовнику, отцу Филиппу (Сперанский??) попросить у него благословения. Отец Филипп, знавший меня с детства, отчасти был недоволен, что я венчаюсь не в его приходе; но, поняв причины, смягчился, трогательно благословил меня и пожелал мне счастья. От него я поехала помолиться на Больше-Охтенское кладбище, на могилу моего отца. День прошел быстро. В половине четвертого приехал парикмахер, а к пяти я уже была совсем готова. Свадьба была назначена в семь часов, и я была уверена, что к шести приедет за мною Федор Михайлович Достоевский Младший, которого мой жених выбрал своим шафером. К шести часам приехали мои двоюродные братья: старший в нашем роде, Михаил Николаевич Сниткин, был моим посаженым отцом, а второй, Александр Николаевич, — моим

шафером. Все было готово, но шафер Ф. М. не приезжал, не привозили и мальчика, который должен был нести передо мною образ [1]). Я уже начала сильно беспокоиться, и мне представилось, что Ф. М. заболел, а Пав. Алекс. на зло мне не захотел меня известить и поставит в нелепое положение одеться в подвенечное платье и напрасно ожидать приезда шафера. Я страшно жалела, зачем не послала днем узнать о здоровье Ф. М. Наконец, уже в семь часов, Ф. М. Младший бегом взбежал по лестнице и сказал: — «Анна Григорьевна, вы готовы, поедемте Ради Бога, поедемте поскорее. Ф. М. уже в церкви и страшно беспокоится, приедете ли вы. А тут оказалось, что мы до Вас ехали более часу. Да назад придется ехать не меньше. Подумайте, как измучается в эти два часа Ф. М.». — «Но, ведь, мальчика еще не привезли». «Поедемте без мальчика, только бы поскорее успокоить Ф. М.». Но пришлось задержаться еще минут на 10, пока меня благословляли, и я оделась в теплое платье — салоп. В эту минуту появился и мальчик Костя, очень пригожий и одетый в прелестный русский шелковый костюм. На нашей лестнице и площадке стояла масса народу: все жильцы наших домов пришли меня проводить. Одни целовали меня, другие жали руку, все громко желали счастья, а сверху кто-то сыпал на меня хмель, обещавший по примете мне «жить богато». Я была очень тронута такими сердечными проводами и не помню, как села в карету, которая быстро помчалась. Только минут через пять мы с сестрой заметили, что «мальчик с образом» сидит без шапки и верхнего платья. В суматохе няня не догадалась его одеть, рассчитывая, что ее возьмут в карету. Мы страшно испугались: ребенок мог простудиться, и какое горе доставило бы его родителям и нам видеть его простудившимся. Что было делать? Решили переместиться. Сестра моя села рядом с шафером, а мальчика поместили ко мне, и я его прикрыла полою своего наряднейшего по тогдашней моде салопа. Косте было неудобно, и он вначале под салопом сильно ворочался, но потом покорился своей участи и положил свою головку на мои колени и крепко заснул. Сначала мы были этому рады, но когда стали под'езжать к 1-й роте, то пришли в большое смущение: пригретый салопом мальчик разоспался, и его никакими словами (Костя, проснись, Костя, посмотри, какой красивый образ, ты его понесешь, проснись только, ну, проснись!) его нельзя было разбудить. Под'ехали к Измайловскому собору. По нашей просьбе шафер завернул мальчика с головою в шинель и побежал с ним по высокой лестнице в церковь. Я же с помощью лакея вышла из кареты

[1]) По поводу мальчика случился следующий анекдот. Ни у кого из моих знакомых, кроме Ольхиных, не было малолетних детей, а потому я просила г-жу Ольхину позволить ея сыну, Косте, участвовать в брачной процессии. Г-жа Ольхина, очень милая женщина, была лютеранка и в ответ на мою просьбу выразила сомнение, достанет ли у Кости сил нести образ, не разобьет ли он стекло и не поранит ли себя? — Какое стекло? — спросила я. — Да стекло киота? Очевидно, ей, не знавшей русских обычаев, представлялось, что ее мальчику предстоит нести образ в киоте и стеклом, а, пожалуи, и с лампадкой. Я ее разуверила, и г-жа Ольхина обещала привезти мальчика к назначенному часу.

и, закрыв фатою образ, внесла его в собор. Думаю, что это был первый случай, когда невеста вместо мальчика несла образ. Я направилась к столу, где продавали свечи, положила образ и стала оправлять свое платье. В эту минуту ко мне быстро подошел мой дорогой жених, крепко схватил меня за руку и произнес: «Наконец-то я тебя дождался! Теперь ты от меня не уйдешь». — Я хотела было ему сказать, что я и не думала уходить, но, взглянув на него, испугалась, до того он был бледен. Не дав мне сказать ни слова, он повел меня к аналою. Началось тотчас венчание. Одним словом, вся церемония произошла, не как у «добрых людей», но это не помешало нашему счастью.

Ф. М. сумел хорошо распорядиться: церковь была ярко освещена, пел прекрасный хор певчих, была масса нарядных гостей, но обо всем этом я узнала уже потом, из рассказов, так как до половины обряда я была в каком-то тумане, машинально крестилась и чуть слышно отвечала на вопросы священника. Не заметила даже, кто из нас первый ступил на розовую шелковую подстилку; думаю, что первым стал Ф. М., так как я всю жизнь ему покорялась. Только после причащения голова моя прояснилась, и я начала горячо молиться. Потом мне все говорили, что под венцом я была страшно бледна, «краше в гроб кладут». После венчания был благодарственный молебен, и начались поздравления. Затем Ф. М. повел меня расписываться в какой-то книге (обыск?), в которой уже расписались он и наши поручители. Ими были: по Ф. М...:

На этот раз «мальчика с образом» одели, и мы отправились домой. Костя по дороге не заснул, но, злодей, потом рассказал дома, что «дядя и тетя дорогой все целовались». Когда мы приехали, все гости были уже в сборе. Мама и мой посаженый отец нас очень торжественно благословили. Начались поздравления с бокалами шампанского. Все присутствовавшие в церкви и не знавшие меня были очень удивлены, что вместо девушки бледной и серьезной, которую они только что видели, явилась румяная, жизнерадостная и сияющая счастьем «молодая». Ф. М. тоже весь сиял. Он подводил ко мне своих друзей, знакомил и говорил: — «Ну, посмотрите, какая она у меня прелестная! Она у меня чудесный человек! У ней золотое сердечко...» — и прочие похвалы, которые меня страшно конфузили. Затем стал представлять меня разным почтенным дамам и был страшно доволен, что я с'умела сказать каждой из них что-нибудь любезное и что, повидимому, я им понравилась. Я в свою очередь подводила Ф. М. к моим друзьям и знакомым и была счастлива, что он на всех произвел чарующее впечатление. Мое жизнерадостное настроение испортил мне немного один из моих знакомых, отец моей подруги, М. В. Никифоровой, Василий Тимофеевич. Это был начитанный, но ограниченный господин. Явившись на мою свадьбу, он решил, что за раз увидит всех литераторов (из них у нас были: Ап. Н. Майков, Н. Н. Страхов, А. П. Милюков, Вл. Я. Стоюнин, И. Гр. Долгомостьев, Д. В. Аверкиев, Пл. А. Кусков, Евг. И. Ламанский и др. [1]). Он

[1]) Друзья и сотрудники Федора Михайловича по журналам „Время" и „Эпоха".

подходил ко мне и спрашивал: — «А это кто такой?». Услышав литературное имя, он принимался рассматривать литератора самым внимательным образом и, кажется, был недоволен, что в числе наших гостей не все были литераторы.

Ф. М. любил широко угощать, а потому шампанского, конфет и фруктов было в изобилии. Только в половине двенадцатого все наши гости раз'ехались, а мы долго сидели вдвоем в столовой за чаем, обмениваясь мельчайшими подробностями этого чудного для нас дня.

Сообщил *Г. В. Прохоров.*

К вопросу о генеалогии Достоевского.

В заметке «Ф. М. Достоевский», помещенной в 1-м выпуске альманаха «Литературная Мысль», были высказаны предположения, почему Ф. М. Достоевского следует считать по национальности украинцем, причем указывалось, что его вероятную родину нужно искать в Подолии. Догадка об его южно-русском происхождении, в общем правдоподобная и имеющая за собой веские основания, нуждается в том лишь добавлении, что первоначальной родиной Достоевских является не Подолия, а сперва пинская область, а затем, с первой половины XVII в., Волынь.

Действительно, по указаниям сохранившихся документов, род Достоевских принадлежит к числу коренных обитателей Пинского княжества, закончившего свое самостоятельное существование в 1521 г. когда оно перешло под власть Польши. В сущности границы Пинского и соседнего с ним Волынского княжества никогда не были определены точно,— пределы первого из них нередко расширялись к югу за Чарторыйск, а иногда отступали далеко на север. Точные границы между Пинским княжеством, составившим Пинский повет Брестского воеводства, отошедшего к Литве, и Волынской областью, вошедшей в состав Волынского и Киевского воеводств Малой Польши, установлены были лишь в 1569 г., со времени Люблинской унии. Так или иначе, но до настоящего времени на самой границе Пинского и Луцкого уездов находится село Достоево, которое и надо считать за родовое гнездо и вотчину Достоевских, если только оно не возникло в ближайшее к нам время.

Очевидно, обладание селом Достоевым, с прилегающими к нему землями, и дало фамильное прозвище Достоевских его владельцам, т. к. в западном и юго-западном крае, под влиянием Польши, дворянские прозвания заимствовались от земельных владений, — городов, сел, деревень, р к.

Первым историческим лицом, носившим фамилию Достоевский, «существование которого известно документально, был Федор Достоевский, domownik, т.-е. служебный шляхтич, при знаменитом князе Андрее Михайловиче Курбском, старосте упитском (в Трокском воеводстве), упоминаемый в 1572 г. [1]). Служебные шляхтичи, служебники, при своих панах занимали положение урядников и управляющих и нередко достигали значительного влияния и богатств [2]). Одновременно с ним жил землянин

---

[1]) Boniecki, Herbarz Polski.

[2]) Лаппо. Велик. Княж. Литовское, I, 441—459.

Степан Достоевский, имевший в 1577 г. денежные дела с Вознесенским монастырем в г. Минске [1]). Затем известен Петр Достоевский, занимавший важную должность пинского поветового маршала в 1598 г. [2]). По своему положению поветовые маршалы стояли высоко, их дальнейшим повышением являлось сенаторское кресло; они были главными вождями дворянского ополчения своего повета и иногда разбирали судебные дела, подлежащие дворному королевскому суду [3]). Другой Петр Достоевский был гродским судьею в Пинске в 1627 г. [4]), Ярош Достоевский, бывший в 1604 г. подстаростой овручским [5]) т.-е. помощником городского старосты, ведавшего администрацию и отчасти судебные дела [6]), является родоначальником той ветви Достоевских, которая окончательно осела на Волыни, становящейся с этого времени ареной страстной борьбы между католицизмом и православием с одной стороны, влиянием польской культуры и местным патриотизмом с другой.

До половины XVII стол. перевес в этой борьбе оставался на стороне русского православного дворянства, но к этому времени Волынь все более и более подчиняется польскому культурному воздействию, и тут начинается усиленное обращение в католицизм высших слоев русского населения. Уже в 1610 г. Мелетий Смотрицкий в своем сочинении «Фринос» оплакивал массовый переход юго-западного русского дворянства в католичество [7]). Установление, стараниями луцкого епископа Кирилла Терлецкого и владимиро-волынского Игнатия Поцея, унии окончательно подчинило волынскую шляхту полонизации, хотя еще в 1607 г. волынское дворянство ходатайствовало на сейме об уничтожении унии и восстановлении православия. Тем не менее число защитников православия редело. Высшее сословие целыми семьями обращалось в католичество, и лишь среди немногих дворянских фамилий возникал раскол в той форме, что часть их представителей, приняв католицизм, сохранила свои шляхетские привилегии, но утрачивала украинскую национальность, а часть, оставаясь верной своей религии и племенному происхождению, вытеснялась из рядов дворянства. К числу таких родов принадлежали и Достоевские. Линии, оставшиеся в Пинском повете и вообще в брестском воеводстве, исповедывали католицизм и удержались в среде местной шляхты. Из их числа Александр, Богумил, Станислав и проч. Достоевские принимали участие в избрании короля Яна-Казимира [8]) в 1648 г., а Леон Достоевский — короля Михаила Вишневецкого [9]) в 1669 г.; часть Достоевских-католиков переселилась в русское воеводство, наприм., Степан Достоевский, вернувшийся из татарского плена во Львов в 1624 г. [10])

---

[1]) Архив юго-запад. России, III.
[2]) Boniecki.
[3]) Лаппо, 314 — 322.
[4]) Boniecki.
[5]) Там-же.
[6]) Кутшеба. Очерк госуд. строя Польши, 134 — 136.
[7]) Козлович. Чтен. по ист. Зап. России, 216.
[8]) Boniecki.
[9]) Там - же.
[10]) Там - же.

часть—даже в Сандомир (Ян Достоевский, участвовавший в избрании короля Августа II [1]) в 1697 г.), часть осталась на Волыни. Из документов видно, что фамильное прозвание Достоевских произносилось и писалось двояко,—Достоевские и Достойовские (Dostojowski). Все линии их употребляли один и тот же герб «Радван»—в красном поле золотая трехконечная хоругвь. В 20-х и 30-х годах минувшего столетия волынским дворянским депутатским собранием было признано в дворянском сословии несколько представителей рода Достоевских, землевладельцев Волынской губернии или владевших там землей на поссесорском праве. Это признание было утверждено ревизионной комиссией, существовавшей до 1839 г. в Петербурге, при Герольдии, в сенате. К сожалению, подлинное делопроизводство о признании Достоевских в дворянстве надо искать не здесь, а в Житомире, в архиве волынского дворянского депутатского собрания.

Православные Достоевские, оставшиеся на Волыни, вероятно, быстро обеднели и так же быстро потеряли свои шляхетские права,—фамилия их, например, не встречается среди имен дворян, вписавшихся в число братчиков луцкого братства [2]), основанного в 1619 г. Они перешли сперва в ряды православного, а затем униатского духовенства, что в Малороссии, в XVII и XVIII стол., бывало явлением заурядным и где духовенство состояло преимущественно из шляхты [3]). Не признаваемое в своих правах польским и еще менее — русским правительствами, это «духовное» дворянство забывало и утрачивало мало-по-малу свои шляхетские традиции и удовлетворялось скромной ролью сельских священников. Лишь с начала XIX столетия, когда их потомкам представилась возможность чинами и орденами добывать себе дворянское достоинство, на ряду с новыми людьми появились фамилии когда-то богатых и сановных земян и панов западной и юго-западной Руси. К числу таких родов необходимо отнести и Достоевских. Установить их точную поколенную роспись с конца XVI века до середины XVII, а католических ветвей и далее до нашего времени, по данным архива волынского дворянского депутатского собрания, а также — виленского и киевского центральных архивов, не представит для исследователя серьезных затруднений. Наиболее трудной задачей является установить связь непосредственных предков Ф. М. Достоевского, т.-е. его отца и деда, с его отдаленными предками, жившими в первой половине XVII века, т.-е. за 100 с небольшим лет до рождения его отца, что составляет приблизительно четыре поколения, не считая деда Ф. М. Достоевского. Эта задача является наиболее трудной потому, что, не говоря уже о возвышавшихся над неграмотной крестьянской массой городском и купеческом классах, сравнительно обеспеченных, но тем не менее не сохранивших и не оставивших после себя никаких письменных памятников, наше духовенство,

---

[1]) Там же.
[2]) Петрушевич. Сводная галицко-русская летопись 1600 — 1700 гг., 52 — 54.
[3]) Карнович, 143.

которое в те времена должно было быть наиболее культурным сословием, никогда не проявляло старания к охране памятников прошлого и не только не сберегало и не собирало семейных архивов, но безжалостно предавало уничтожению или варварской реставрации все то, что поручалось его заботам При таких условиях нечего надеяться найти какие бы то ни было семейные документы и записи, которые могли бы облегчить эту задачу. Но все же и в этом случае архивные документы брацлавской православной епархии и киевского центрального архива, быть может, доставили бы достаточно материала для установления тех 4—5 поколений. которые связали бы Ф. М. Достоевского с его отдаленными предками и этим самым незыблемо утвердило бы его украинское, а в частности волынское, происхождение.

В заключение необходимо разъяснить вопрос и устранить возникающие вследствие этого недоумения, каким образом отец Ф. М. Достоевского Михаил Андреевич Достоевский, будучи волынским уроженцем, мог попасть в подольскую, а не в волынскую семинарию и тем нарушить принцип, по которому сыновья лиц духовного сословия направлялись исключительно в семинарии тех епархий, где служили их отцы. Но это нарушение только кажущееся. Во-первых, отдельная волынская епархия учреждена лишь в 1861 г., а до того времени она существовала в виде житомирского викарната, входившего в состав брацлавской епархии и управлявшегося во времена детства М. А. Достоевского не архиереем, а архимандритом (Варлаамом Шишацким). Во-вторых, волынская семинария, находившаяся до 1825 г. в гор. Остроге, помещалась там в полуразрушенных и обгоревших зданиях бывшего иезуитского дома, не имевших кровли, почему в дождливое время года классы заливались дождем, а зимою—засыпались снегом [1]). Волынское духовенство всячески уклонялось от обязанности посылать туда своих сыновей; викарнатское начальство подвергало в свою очередь непокорных отцов строжайшим взысканиям, налагало на них запрещения и чуть ли не силой отсылало их в острожскую семинарию [2]). Естественно, что при таком положении М. А. Достоевский мог быть направлен родителями в епархиальную семинарию, чтобы избежать тяжелых условий пребывания в семинарии викарната.

С. Любимов.

— —

[1]) Труды киев. духов. акад. 1867 г., II, 215.
[2]) Там же, 19З.

Отдел III.

ПЕРЕПИСКА.

I.

Письмо Достоевского к матери, от 1834 года.

Письмо это доставлено было в Пушкинский Дом племянником Федора Михайловича, Андреем Андреевичем Достоевским в 1921 году, ко дню празднования столетней годовщины рождения Федора Михайловича.

В письме Федор Михайлович просит уведомить «нас», т. е. его и Михаила Михайловича, который написал письмо к матери на обороте письма Федора Михайловича

Андрюшенька и Верочка — младшие брат и сестра Федора Михайловича. Сын этого Андрюшеньки — Андрей Андреевич Достоевский и доставил настоящее письмо в Пушкинский Дом.

Любезная Маминька!

Когда вы уѣхали отъ нась любезная Маминька, то мнѣ стало чрезвычайно грустно и я теперь когда вспомяю о васъ Любезная Маминька то на меня нападетъ такая грусть что я никак не могу ее прогнать ежелибъ вы знали какъ мнѣ хочется васъ увидѣть я не могу дождаться сей радостной минуты. Всякой разъ когда я вспомню о васъ то молю Бога о вашемъ здоровіи. Увѣдомтѣ насъ любезная маминька благополучно ли вы доѣхали. Поцѣлуйте за меня Андрюшеньку и Вѣрочку цѣлую ваши ручки и пребуду покорный вашъ сынъ вашъ Ф. Достоевскій.

II.

Письмо Достоевского к Кашиным.

Среди писем к О. Ф. Миллеру в Пушкинском Доме имеются два письма к нему О. А. Кашиной с приложенными к ним копиями письма Федора Михайловича к Ольге Алексеевне Кашиной и Анны Григорьевны к Софье Александровне Кашиной.

Повидимому, Федор Михайлович относился к семье Кашиных с уважением, а Анна Григорьевна за несколько недель (до отъезда за границу) так хорошо познакомилась с дочерью Кашиной — Софьей Александровной, что написала ей письмо из-за границы о своем семейном счастии. О том, что Кашины и Милюковы блаженствуют в Павловске, сообщает Федору Михайловичу его пасынок, Паша, в письме, от 31 мая 1868 года, из Петербурга.

Многоув. Александръ Петровичъ и многоув. Ольга Алексѣевна.

Послѣ многихъ хлопотъ и всякаго рода недоумѣній (даже бол... обозначилось судьбою, что свадьба моя будетъ въ среду 15 февр... въ Троицкомъ Измайловскомъ соборѣ въ 8-мъ часу пополудни. И каж... мнѣ *навѣрно.*

Напоминаю Вамъ Ваше милое обѣщаніе посѣтить меня въ это вр... осмѣлюсь присовокупить чрезвычайную и пріятную надежд... многоуважаемая Ольга Алексѣевна и Софья Александровна [1]), по доб... своей ко мнѣ, сдѣлаютъ мнѣ и невѣстѣ моей чрезвычайную честь... чтить насъ своимъ присутствіемъ. Я чувствую особенное удовол... при одной мысли, что вы пожелаете быть свидѣтелями первыхъ м... веній моей обновленной жизни.

Примите увѣреніе въ глубочайшемъ моемъ уваженіи.

Искренно и всегда преданный Вамъ Ѳедоръ Достоевск...

13 февраля 67 г.

Приведем здесь же выдержки из письма А. Г. Достоевской к С. ... Катиной, касающиеся Ф. М., времени его пребывания в Дре... (в 1867 г.).

«... Ф. М. здесь совершенно здоров; последний припадок был в Віл... но ведь это с дороги...

Ф. М. не нравится Берлин, он называет его городом солдат.

Сикстинская Мадонна — что это за милое, доброе, кроткое, ... именно скорбное (как говорит Ф. М.) лицо.

Мадонна Гольбейна, по моему (с чем Ф. М. почти согласен) со... не то. Это какая то холодная через чур спокойная и как будто ... менная Мадонна. Впрочем это идеал немецкой добродетели.

Про себя Вам скажу, что я очень, очень счастлива. Да разве возм... было бы не быть счастливой с таким мужем как Ф. М.? Что ... прекрасный, сердечный, добрый, бесконечно добрый человек. Ег... кто хорошо знает. Он вечно угрюм раздражителен, но если б кто ... сколько под этим скрывается теплоты, добра и человечности! Чем ... его знаешь, тем сильнее привязываешься к нему... Живем мы ... в страшной дружбе, вечно ходим вместе и только единственный ист... ник наших ссор — это немцы. Ф. М. бранит их, я защищаю, но ... кончаются обыкновенно смехом и я также признаю немецкую о... ковость».

Сообщил *Г. Прохоров.*

---

[1]) Дочь Катиных.

III.

Письма Ф. М. Достоевского к И. С. Тургеневу.

Печатаемые ниже письма Ф. М. Достоевского к И. С. Тургеневу, извлеченные из парижского архива Тургенева, принадлежащего наследникам Полины Виардо, были опубликованы впервые André Mazon'ом, известным французским исследователем Гончарова, в январской книжке парижского «Revue des études slaves» 1921 года [1]).

В русской литературе эти письма до последнего времени не были известны. На них нет никаких указаний ни в юбилейной литературе о Достоевском 1921 г., ни в книге Ю. А. Никольского [2]), вышедшей в том же году, ни в «библиографии писем Ф. М. Достоевского», в одесском юбилейном сборнике «Творчество Достоевского» под редакцией Л. П. Гроссмана [3]), ни в дополнениях к этой библиографии 1923 года [4]). Не знал, очевидно, о существовании этих писем и редактор, выпущенных несколько месяцев тому назад, «Писем русских писателей к Достоевскому» — Н. К. Пиксанов. Так в предисловии к опубликованным 16 письмам Тургенева к Достоевскому (из которых 8 писем напечатаны впервые), мы читаем: «...Что касается писем Достоевского к Тургеневу, то до сего дня не было напечатано ни одного из них... Ни одно из писем Достоевского к Тургеневу не появилось в печати...» [5]) — И вплоть до 1924 года в русской литературе о Достоевском мы не находим никаких указаний на эти письма [6]).

---

[1]) *André Mazon.* Quelques lettres de Dostoevskij à Turgenev. — „Revue des études slaves". Paris, 1921 г., № 1, стр. 117 — 137.

[2]) *Ю. А. Никольский.* Тургенев и Достоевский. История одной вражды. — Российско-Болгарское книгоиздательство. София, 1921 г.

[3]) „Творчество Достоевского". Сборник статей и материалов под редакцией *Л. П. Гроссмана.* — Одесса, 1921 г., стр. 129 — 135.

[4]) *Л. П. Гроссман.* Семинарий по Достоевскому. Материалы, библиография и комментарии. М. 1923 г., стр. 93 — 103.

[5]) „Из архива Достоевского". Письма русских писателей. Под редакцией Н. К. Пиксанова. М. 1923 г., стр. 106 и 107.

[6]) Они упомянуты в первый раз в недавно вышедшем сборнике „Тургенев и его время" под редакцией Н. Л. Бродского; см. предисловие. Там же использованы 3 письма в статье *Н. К. Пиксанова* „История „Призраков" Тургенева".

Исключительную редкость этого номера „Revue..." в России и в настоящий момент можно усмотреть из следующего факта: в Ленинграде этой книжки нет ни в Российской Публичной Библиотеке, ни в Славянском отделении Библиотеки Российской Академии Наук, ни в Иностранном ее отделении, ни в библиотеке Пушкинского Дома и во всем городе можно лишь указать на *один экземпляр* этой книжки.

В примечаниях к этим письмам мы пользуемся, преимущественно неизданными материалами как из переписки Достоевского, так и из переписки Тургенева; в числе последней отмечу ценные не изданные письма П. В. Анненкова к Тургеневу.

Позволяем себе присоединить к этим письмам Достоевского также и то письмо его, которое напечатано в «Письмах Русских Писателей», так как оно непосредственно примыкает к последнему из публикуемых нами писем.

1.

Петербургъ, 17 Іюня 63.

Любезнѣйшій и многоуважаемый Иванъ Сергѣевичъ, простите меня ради Бога, за то что не отвѣчалъ Вамъ на Ваше послѣднее письмо изъ Бадена. Мало того, я ужасно виноватъ передъ Вами, до серьезнаго и немалаго угрызенія совѣсти, что не отвѣчалъ Вамъ и на два предыдущія письма. Но дѣло въ томъ, что послѣднее письмо Ваше застало меня въ самое хлопотливое и тугое время, т. е. въ время запрещенія нашего журнала. Тутъ было столько возни, тоски и прочаго, очень дурного, что рѣшительно цѣлый мѣсяц не подымалась рука взять перо. Вѣрите ли Вы этому? А что касается до предыдущихъ писемъ, то болѣзнь жены (чахотка), разставаніе мое съ нею (потому что она, переживъ весну, т. е. не умеревъ въ Петербургѣ, оставила Петербургъ на лѣто, а можетъ быть и долѣе, при чемъ я самъ ее сопровождалъ изъ Петербурга, въ которомъ она не могла переносить болѣе климата), — наконецъ моя серьезная и довольно долгая болѣзнь по возвращеніи въ Петербурга [1]), все это опять-таки помѣшало мнѣ писать къ Вамъ до сихъ поръ. То есть еслибъ надо было только отвѣтить Вамъ для соблюденія обыкновенной учтивости, время бы и тогда нашлось. Но мнѣ помнится, хотѣлось тогда съ Вами поговорить, или лучше сказать подробнѣе описать Вамъ, что дѣлалось тогда въ нашей литературѣ, — а для этого я и столь [?] времени и запустилъ срокъ.

Итакъ нашъ журналъ запрещенъ, что, думаю, Вы можетъ-быть ужъ какъ нибудь и знаете, предположивъ, что въ Баденѣ есть русскія газеты. Запрещеніе это случилось довольно для насъ неожиданно. У насъ въ Апрѣльской книжкѣ была статья «Роковой вопросъ». Вы знаете направленіе нашего журнала: это направленіе по преимуществу русское и даже антизападное. Ну стали-бы мы стоять за Поляковъ! Несмотря на то насъ обвинили въ антипатріотическихъ убѣжденіяхъ, въ сочувствіи къ Полякамъ, и запретили журналъ за статью въ высшей степени по нашему патріотическую. Правда что въ статьѣ были нѣкоторыя неловкости изложенія, недомолвки, которыя и подали поводъ ошибочно перетолковать ее. Эти недомолвки, какъ мы сами видимъ теперь, были дѣйствительно весьма серьезныя и мы сами виноваты въ этомъ. Но мы понадѣялись на прежнее и извѣстное въ литературѣ направленіе нашего журнала, такъ что думали, что статью поймутъ и

[1]) Повидимому описка: въ Петербургъ.

недомолвокъ не примутъ въ превратномъ смыслѣ; — въ этомъ-то и была наша ошибка. Мысль статьи (писалъ ее Страховъ) была такая: что Поляки до того презираютъ насъ какъ варваровъ, до того горды передъ нами своей европейской цивилизацiей, что нравственнаго (т. е. самаго прочнаго) примиренiя ихъ съ нами на долгое время почти не предвидится. Но такъ какъ изложенiя статьи не поняли, то и растолковали ее такъ: что мы *сами, отъ себя,* увѣряемъ будто Поляки до того выше насъ цивилизацiей, а мы ниже ихъ, что естественно они правы, а мы виноваты. Нѣкоторые журналы (*День* между прочимъ) серьозно стали намъ доказывать, что польская цивилизацiя только поверхностная, аристократическая и iезуитская, а слѣд[овательно] вовсе не выше нашей. И представьте себѣ: доказываютъ это намъ, а мы это самое и имѣли въ виду въ нашей статьѣ; мало того: доказываютъ тогда, когда у нас *буквально* сказано, что эта польская, хваленая цивилизацiя носила и носитъ смерть въ своемъ сердцѣ. Это было сказано въ нашей статьѣ буквально. Замѣчательный фактъ, что очень многiе, изъ частныхъ лицъ, возстававшихъ на насъ ужасно, по собственному признанiю своему, *не читали* нашей статьи. Но довольно объ этомъ; дѣло прошлое, не воротишь.

Вы пишите, что намѣрены прожить въ Баденъ-Баденѣ все лѣто. Знаете-ли, что можетъ быть мы съ Вами и увидимся въ Баденѣ. Я прошусь за границу и имѣю надежду что поѣду. Я очень боленъ падучею, которая все усиливается и приводитъ меня даже въ отчаянiе. Еслибъ Вы знали въ какой тоскѣ бываю я иногда послѣ припадковъ по цѣлымъ недѣлямъ! Я собственно ѣду въ Берлинъ и въ Парижъ, по возможности на короткiй срокъ, единственно для того, чтобъ посовѣтоваться съ докторами-специалистами по падучей болѣзни (Труссо въ Парижѣ и Рамбергъ въ Берлинѣ). У насъ-же нѣтъ специалистовъ и я получаю такъ разнообразные и противурѣчащiе совѣты отъ здѣшнихъ докторовъ, что рѣшительно потерялъ въ нихъ вѣру. Если буду недалеко отъ васъ, нарочно заѣду чтобъ съ Вами повидаться.

Вашу просьбу о деньгахъ братъ мой теперь не могъ выполнить, многоуважаемый Иванъ Сергѣевичъ. Во 1-хъ журнала нѣтъ, а во вторыхъ (признаться искренно) онъ совершенно разоренъ запрещенiемъ журнала, и семейство его должно почти пойти по мiру. И потому не будьте въ претензiи на насъ.

До свиданiя, любезнѣйшiй Иванъ Сергѣевичъ. Можетъ быть даже скоро увидимся. Болѣе Вамъ ничего не пишу. Не знаю будетъ ли война, но вся Россiя, войска, общество и даже весь народъ настроены патрiотически какъ въ 12-мъ году! Это безъ *преувеличенiя* говорю. Движенiе начинается великое. Что-бы ни было а Европа не знаетъ насъ хорошо. Это огромное земское движенiе. До свиданiя.

Вашъ весь

Ѳ. Достоевскiй.

* * *

В парижском архиве Тургенева должны быть еще несколько писем к нему Достоевского. До настоящего письма их было во всяком случае не менее 4-х. Даты этих писем можно установить, приблизительно, на основании ответных писем Тургенева: одно относится к середине октября 1861 года [1]); другое — к середине декабря этого же года [2]); третье — к январю 1862 года [3]) и четвертое — с отзывом об «Отцах и Детях» — к началу марта того же года [4]). В примечаниях к следующим письмам нами устанавливаются приблизительные даты и других не дошедших до нас писем Достоевского к Тургеневу.

Настоящее письмо является ответом на письмо Тургенева из Бадена от 13 мая 1863 года [5]); «два предыдущие письма» Тургенева, на которые Достоевский «не отвечал», — вероятно, письма из Парижа от 18 марта и 22 марта 1862 года [6]).

История закрытия «Времени» из-за статьи Н. Н. Страхова [7]) подробно рассказана Страховым же в его воспоминаниях о Достоевском; там же приведена часть журнальной и газетной полемики, вызванной этой статьей [8]).

Тургенев знал о закрытии «Времени» [9]) еще до получения этого письма. «...Это запрещение меня поразило — пишет он в письме к Н. В. Щербаню от 28/VI 63 г. — и для Достоевских, у которых оно отняло хлеб, и для правительства, которое не понимает, что оно тем самым бросает тень на искренность патриотических заявлений... Жаль, жаль «Времени»...»

Свое намерение поехать за границу лечиться Достоевский осуществил, получив 23 июля 1863 года от Комитета Литературного Фонда срочную ссуду в размере 1.500 рублей, выданных ему под залог авторского права на все его сочинения [10]).

---

[1]) См. письмо Т. от 30/X 61 г.: „...Извините меня, что я на Ваше большое письмо отвечаю на таком лоскутке...“; см. „Из архива Достоевского...“ стр. 114 — 115.

[2]) См. письмо Т. от 25/XII 61 г. „...Ваше письмо меня очень удивило...“; ibid., стр. 116 — 117.

[3]) В письме от 2/III 62 г.: „...Мне бог знает как давно следовало отвечать Вам...“; ibid., стр. 117 — 118.

[4]) Письмо от 18/III 62 г. „...Мне нечего говорить Вам до какой степени обрадовал меня Ваш отзыв об „Отцах и Детях“...“; см. ibid., стр. 118 — 120.

[5]) Ibid., стр. 123 — 125.

[6]) Ibid., стр. 118 — 122.

[7]) *Н. Н. Страхов.* Роковой вопрос. — „Время“ 1863 г., № 4, стр. 152 — 163.

[8]) *Н. Н. Страхов.* „Биография, письма...“. П. 1883 г., отд. I, стр. 245 — 258; ср. *М. К. Лемке.* Эпоха цензурных реформ. П. 1905 г., стр. 281 — 285.

[9]) См. *Н. В. Щербань.* Тридцать два письма И. С. Тургенева и воспоминания о нем. — „Русский Вестник“ 1890 г., № 8, стр. 7.

[10]) *М. Е. Евгеньев-Максимов.* Эпизод из жизни Ф. М. Достоевского. „День“ 1916 г. № 99; ср. *П. П. Вейнберг.* От Комитета Литературного Фонда. „Новое Время“ 1903 г., № 9895.

Слова Достоевского «...Вашу просьбу о деньгах брат мой теперь не мог выполнить...» являются ответом на просьбу Тургенева выдать «в счет наших будущих сношений» П. В. Анненкову 109 р. 50 к. [1]).

2.

19 іюня [1863 г. Петербургъ].

Чрезвычайно радъ, что замедлилъ на день отсылкою Вамъ письма. Вчера мне сообщили письмо Ваше къ В. Ѳ. Коршу. Боже мой, какое-жъ мы имѣемъ теперь (да хоть и прежде бы напримѣръ) право на Ваше слово ничего не печатать прежде нашего журнала. Тѣмъ болѣе, что Вашу статью о Пушкинѣ конечно Вы могли бы напечатать и прежде и при существованіи *Времени*, — такъ какъ Вы намъ обѣщали повѣсть, что для насъ, *какъ для издателей журнала*, было особенно дорого, ибо наибольшая конкурренція у журналистовъ почти всегда и особенно теперь — романы и повѣсти. Вы пишите тоже В. Ѳ — чу: «разрѣшаютъ ли мнѣ Д — с [Достоевскіе] печатанье моихъ статей въ другихъ журналахъ?» Опять-таки: какое-жъ мы имѣемъ право теперь Васъ задерживать, тѣмъ болѣе что братъ даже Вашу просьбу о деньгахъ покамѣстъ не исполнилъ? Но вотъ что я Вамъ скажу, добрѣйшій Иванъ Сергѣевичъ. Если Вамъ только можно, т. е. если Вы найдете хоть самомалѣйшую возможность повременить печатаніемъ *Призраковъ* хоть до осени, то ради Христа повремените. Я Вамъ не хотѣлъ только писать, по нѣкоторымъ причинамъ, третьяго дня, но теперь скажу, что мы имѣемъ *нѣкоторую* надежду о томъ, что журналъ нашъ пріостановленъ только на время. Навѣрно не знаемъ, но есть значительные поводы думать, объяснится все это *положительно* въ Сентябрѣ. Поймите, Иванъ Сергѣевичъ, что это только покорнѣйшая просьба къ Вамъ. Права-же какого-нибудь мы не можемъ, да и прежде не могли выставлять. Дали Вы намъ Ваше слово свободно от своего хотѣнія ни чѣмъ другимъ съ нами себя не связывая (т. е. наприм. деньгами или какими-нибудь условіями). Что же мы можемъ имѣть в смыслѣ какого-нибудь права? Я самъ литераторъ и какое нибудь положительное требованіе съ нашей стороны считалъ-бы нахальствомъ. И потому это только убѣдительная просьба и ничего больше.

Но вотъ въ чемъ дѣло: журналъ нашъ существовалъ почти два съ половиною года безъ большой поддержки отъ нашихъ извѣстныхъ литераторовъ, а Вы не дали намъ ничего. Между тѣмъ нашъ журналъ былъ честный журналъ, а во-вторыхъ понималъ литературу и ее смыслъ и значеніе право получше *Современника* и *Русскаго Вѣстника*. Ваша поддержка придала бы еще больше силы *Времени*. Да вотъ какъ: если бъ мы в Генварѣ могли явиться съ Вашей повѣстью, то у насъ было бы не 4,500 а 5,500 подписчиковъ. Это вѣрно. Я эти слова теперь только повторяю: я ихъ говорилъ въ Январѣ. Поймите теперь, Иванъ Сергѣевичъ: если журналъ явится вновь и даже можетъ быть съ осени—

[1]) „Из архива Достоевского...“ стр. 124.

каково будетъ значеніе Вашей поддержки? Если бъ Вы пригодились *Времени* въ это самое критическое для него время, то можетъ быть все было бы выиграно. И потому если только есть какая возможность—повремените отдавать *Призраки* до осени въ другой журналъ. Разумѣется если только есть возможность. Права стѣснять Васъ хоть чѣмъ-нибудь мы не имѣемъ ни малѣйшаго. Да и этой просьбой моей, если она хоть чуть-чуть претитъ Вамъ, не стѣсняйтесь ни мало. Одно только выставляю Вамъ на видъ: что Вы можете чрезвычайно участвовать въ поднятіи журнала, а я думаю, для Васъ, — это все что я могу сказать самаго убѣдительнаго. Прощайте, до свиданія.

Вашъ весь

Ѳ. Достоевскій.

* * *

Речь идет, повидимому о «Лекциях о Пушкине»; Тургенев, очевидно писал В. Ф. Коршу (письмо в печати неизвестно), что не может сейчас печатать в редактируемых им «С.-Петербургских Ведомостях», т. к. давно дал Достоевскому слово ничего нигде не печатать раньше, чем будут напечатаны «Призраки» во «Времени». Об этом мы узнаем из письма Тургенева к П. В. Анненкову из Парижа от 19 января 1863 года, где он пишет: «...Лекции о Пушкине я все таки не могу выслать, или, лучше сказать, я могу их выслать, но с тем условием, чтобы они были напечатаны после вещи, которую я оканчиваю для «Времени»...» [1]).

Пока журнал Достоевского существовал, Корш и Анненков должны были считаться с этим, что видно из не изданного письма Анненкова к Тургеневу из Петербурга от 1 февраля 1863 года: «...Лекции о Пушкине могли бы быть Вами высланы и с условием напечатания их после статьи во «Времени». Условие было бы свято соблюдено, а исполнение просьбы нашей — помогло бы утешиться во второстепенном и зависимом положении, которое делаете нам. Исполните это и тем восстановите равновесие между Вашими друзьями...» [2])

Когда «Время» было закрыто, Анненков очевидно, снова стал настаивать на печатании «Лекций о Пушкине» в «Пет. Вед.», но Тургенев все же еще считает нужным спрашивать «...разрешают ли мне Д—е [Достоевские] печатанье моих статей в других журналах...»

В письме к Н. В. Щербаню от 20/VI 63 г. Тургенев пишет относительно «Призраков» — «...уж не к Краевскому ли обратиться...» [3]). Очевидно, в это время Т. думал, что журнал закрыт навсегда: ср. также письмо Т. к графине Е. Е. Ламберт от 6 июля 1863 года, где он пишет: «...Я кончил недавно небольшую вещь, и представьте — фанта-

---

[1]) *П. В. Анненков.* „Литературные Воспоминания". II. 1909 г., стр. 561.

[2]) Неизданные письма П. В. Анненкова к И. С. Тургеневу извлечены нами из части архива Тургенева, хранящегося в Пушкинском Доме, при любезном содействии Н. В. Измайлова, которому приношу глубокую благодарность.

[3]) См. Ibid. — „Русский Вестник" 1890 г. № 8, стр. 7.

стическую! — скорее описательную. Она была назначена для журнала «Время», но этот журнал запретили за статью (правда, очень легкомысленную) о Польше, — и я остался со своим детищем на руках...»[1]).

3.

Туринъ, 18 Октября/63.

Любезнѣйшій и многоуважаемый Иванъ Сергѣевичъ, я все рыскалъ, былъ въ Неаполѣ и завтра ѣду изъ Турина прямо въ Россію. Не смотря на мои расчеты я никакимъ образомъ не могъ решить: какъ мнѣ послать къ Вамъ за *Призраками?* Во всѣхъ мѣстахъ останавливался я на короткое время, и такъ случилось, что выѣзжая изъ одного мѣста я почти еще наканунѣ обыкновенно не зналъ, куда именно поѣду завтра. Все эти разъѣзды, по одному обстоятельству, отчасти не зависѣли от моей воли, а я зависѣлъ отъ обстоятельствъ. Вот почему и никакъ не могъ разсчитать, куда Вамъ дать адресъ, чтобы Вы могли мнѣ прислать *Призраки.*

Я отъ брата еще въ Неаполѣ получилъ письмо, въ которомъ онъ писалъ мнѣ, что надежды на разрѣшеніе издавать *Время* у него большія и что на дняхъ это дѣло рѣшится. Теперь уже можетъ быть рѣшено, и я самъ думаю, по нѣкоторымъ даннымъ и отзывамъ, что *Время* будетъ существовать. Такъ какъ рѣшеніе послѣдуетъ въ Октябрѣ, то въ Ноябрѣ братъ непрѣменно хочетъ выдать Ноябрьскую книгу. Не получившимъ-же шесть мѣсяцевъ ничего мы выдадимъ на будущій годъ шесть книгъ даромъ.

Пишу Вамъ откровенно: Ваша повѣсть и именно въ Ноябрьскомъ номерѣ для насъ колоссально много значитъ. И потому, если желаете намъ сдѣлать огромное одолженіе, то вышлите по возможности немедленно *Призраки* въ Петербургъ. Я къ тому времени уже буду въ Петербургѣ. Но такъ какъ квартиры я теперь въ Петербургѣ еще не имѣю, то адресуйте на имя брата, а именно: «на углу Малой Мѣщанской и Столярнаго переулка, домъ *Евреинова*, Михаилъ Михайловичъ Достоевскій».

Сдѣлайте одолженіе при этомъ написать мнѣ хоть двѣ строчки. Мнѣ страшно досадно. Я еще в Петербургѣ рѣшилъ быть въ Баденѣ (но не затѣмъ зачѣмъ я пріѣзжалъ), а чтобы видѣть[ся] и говорить съ Вами. И знаете что: мнѣ многое надо было сказать Вамъ и выслушать отъ Васъ. Да у насъ какъ-то это не вышло. А сверхъ того вышелъ проклятый «мятежъ страстей». Еслибъ я не надѣялся сдѣлать что-нибудь поумнѣе въ будущемъ, то право теперь было бы очень стыдно. А впрочемъ что же? Неужели у себя прощенія просить?

Въ Петербургѣ ждетъ меня тяжелая работа. Я хоть и поправился здоровьем чрезвычайно, но зато навѣрно что черезъ 2 — 3 мѣсяца все это

---

[1]) „Письма И. С. Тургенева к графине Е. Е. Ламберт.“ П. 1915 г., стр. 165; ср. также письмо т. к Н. В. Щербаню.— „Р. Вест.“ 1890 г. № 8, стр. 8; у *Н. М. Гутьяра* (Хронологическая канва для биографии И. С. Тургенева — „Сбор. Отд. рус. яз. и слов. Академии Наук, т. LXXXVII, № 2, стр. 53. — Это письмо неправильно датировано 8 июнем. — Н. М. Гутьяра, очевидно, ввело в заблуждение то, что письмо у Н. В. Щербаня датировано „среда 8 июня...“ без указания стиля. 8 июля по стар. ст. было в понедельник, по новому же — именно в среду.

здоровье разрушится. Но нечего дѣлать. Я еще ничего не знаю, какъ все это будетъ. Журналъ надо будетъ создавать почти вновь. Надо сдѣлать его современнѣе, интереснѣе и въ то же время уважать литературу — задачи, которые несовмѣстимы по убежденіямъ многихъ петербургскихъ мыслителей. Но съ начинающимся презрѣніемъ къ литературѣ мы намѣрены горячо бороться. Авось не отстанемъ. Поддержите же насъ пожалуста [sic], будьте съ нами. Я мое здоровье несу въ журналъ. Денегъ я получу мало, я знаю, едва литературный трудъ окупится (журналъ въ долгу), а я всетаки остаюсь въ Петербургѣ, где мнѣ докторами запрещено теперь жить, и гдѣ я самъ вижу что нельзя мнѣ теперь жить.

Да вотъ что еще: пожалуста [sic] будемъ отъ времени до времени переписываться. Отъ всего сердца говорю Вамъ это.

До свиданія, крепко жму Вашу руку.

Вашъ

Ѳ. Достоевскій

О путешествіи ничего Вамъ не пишу. Римъ и Неаполь сильно меня поразили. Я первый разъ тамъ былъ. Но, знаете, невозможно оставаться дольше одному, а мнѣ ужасно хочется въ Петербургъ.

Напишите, очень прошу Васъ, сколько Вамъ выслать за *Призраки*? Я сообщу это брату. Разумѣется, все что Вы назначите будетъ выполнено.

* * *

Слова Ф. М.: «я от брата еще в Неаполе получил письмо», без сомнения, относятся к письму М. М. Д—го к нему из Петербурга от 16 сентября 1863 года, хранящемуся в Московском Историческом Музее. В этом письме, еще в печати неизвестном, М. М. пишет следующее:

«...Теперь о журнале. Дело о нем еще длится. Надежды есть у меня большие, но еще ничего решительного не могу сообщить тебе. Я составил объяснительную записку и написал письмо министру...

...Как жаль, что ты не взял «Призраки» Тургенева. Ты такого маху дал, что я и сказать тебе не могу. И что тебе за дело знать о положении журнале? Ты должен был говорить, что знаешь, а там что бог даст. Была бы повесть только в руках. Знаешь ли ты, что значит *теперь* для нас Тургенев? Во всяком случае я должен иметь журнал, иначе я погибну. У меня долги, и я сгнию в долговом отделении. А мое семейство?

Если можно на обратном пути заезжай в Баден и исхить у него повесть. Как бы ни назывался наш журнал, а начать повестью Тургенева — ведь это успех. Только ради Христа не играй в Бадене...» [1]).

---

[1]) В свою очередь, это письмо М. М. является ответом на письмо к нему Ф. М. Д—го из Турина от 8 сентября того же года, где последний пишет:

„...В Бадене видел Тургенева. И я был у него 2 раза и он был у меня... Рассказывал мне все свои нравственные муки и сомнения. Сомнения философские перешедшие в живые. Отчасти фат. Я не скрыл от него, что играю. Давал мне

Тем временем рукопись «Призраков» была отправлена Т. в Петербург к П. В. Анненкову, еще 15 сентября, со следующим письмом:

«...Прошу Вас прочесть этот вздор со вниманием и решить: стоит ли в теперешнее время печатать эту штуку, или лучше отложить до более спокойных дней? Если вы решите, что печатать можно, то подумайте, как это сделать. Я обещал эти «Призраки» редакции «Времени», но с тех пор само «Время» стало призраком. Достоевский (который на днях посетил меня в Бадене) просил меня подождать до октября, в надежде, что, быть может, его журнал опять разрешат; в таком случае, разумеется, моя вещь должна появиться у него...» [1])

В ответ, Анненков пишет Тургеневу 25 сентября (письмо не издано):

«...Не фантазией следовало бы назвать Вашу статью, а «элегией». Нет никакого сомнения, что в теперешнее время никто не даст себе труда уразуметь этого *автобиографического* очерка. Вряд ли даже найдет признание достодолжное и поэтическая его сторона, которая так меня, «старого грешника», умилила в нем, а чтоб распознать тут историю художнической души с собственной своей творческой силой—и не ждите. Будьте уверены, что фантазия — покажется всем странностью, но успех получит она на основании того обстоятельства, что странность эта привязывается к громкому и почетному имени и что она даст одним возможность вылить остаток злости, другим пожимать плечами и говорить о «слабости, недолговечности» наших талантов. Не удивляюсь, если «Искра» представит карикатуру автора, летающего по поднебесью и если эта карикатура обойдет весь *росский* мир. Десяток человек, конечно, поймут, сколько тут относительной правды, жизненности, душевной исповеди, грусти и теплоты, но для этого десятка именно и нужно печатать фантазию. Чего же нам бояться? Немножко поболее шума, клеветы, позора и ожесточения. Да уже их, слава Богу, такое обилие, что одной каплей более или менее — не составит разницы, а между тем *тот десяток*, о котором говорил, заслуживает, чтоб его уважали и поклонились ему искренним произведением.

«Время» (и простое и Достоевского) терпит: сами увидите, бог даст, где печатать. До конца октября я и двигаться не буду. Хотел бы знать, давать ли фантазию читать литературному миру или ограничиться только друзьями.—Думаю последнее лучше...» [2]).

читать *Призраки*, а я за игрой не прочел, так и возвратил, не прочтя. Говорит, что написал для нашего журнала и что если я напишу из Рима, то он вышлет мне *Призраки* в Рим. А что я знаю о журнале?...» — См. *Н. Л. Бродский*. Связка писем Ф. М. Достоевского. — „Русский Современник“ 1924 г., кн. I, стр. 183; ср. *Л. П. Гроссман*. Путь Достоевского. Издание Брокгауз-Ефрон. Ленинград, 1924 г., стр. 146.

[1]) *П. В. Анненков*. Из переписки с И. С. Тургеневым в 60-х годах.—„Вестник Европы“ 1887 г. № 7, стр. 13.

[2]) Интересен ответ Тургенева на это письмо, от 10 октября 1863 года:

„...Что касается до фантазии, то я даже дрогнул, прочтя слово: „автобиография“, и невольно подумал, что когда у доброго лягавого пса нос чуток, то ни один тетерев от него не укроется, в какую бы он ни забился чащу. Тетерев, разумеется, я. Мне приятно, что Вам эта вещь понравилась, а до остальных, т.-е. до массы—мне, право,

Получив письмо Достоевского, Тургенев, очевидно, сейчас же посылает ответ на имя М. М. Достоевского — как просил Ф. М. — с разрешением взять рукопись у Анненкова. Это видно из не изданного письма Анненкова к Тургеневу из Петербурга от 20 октября того же года:

«...Был у меня М. Достоевский, журнал которого начинается с Января. Показал Ваше письмо [1]), взял «Призраки» — а что будет предлагать за них еще не знаю; только рукопись я приказал возвратить мне обратно, а о грядущих переговорах сообщу немедленно...»

4.

Петербургъ, 23 Декабря/63.

Любезнѣйшій и многоуважаемый Иванъ Сергѣевичъ, П. В. Аненковъ говорилъ брату, что Вы будто не хотите печатать *Призраки* потому, что въ этомъ разсказѣ много фантастическаго. Это насъ ужасно смущаетъ. Прежде всего скажу откровенно, мы, т.-е. я и братъ, на Вашу повѣсть расчитываемъ. Намъ она очень поможетъ въ 1-ой книгѣ *вновь начинающагося* нашего журнала, слѣд[овательно] обязаннаго вновь пробивать себѣ дорогу. Предупреждаю Васъ объ этомъ нарочно для того, чтобъ въ дальнѣйшихъ резонахъ этого письма Вы не подозрѣвали, что я говорю изъ однихъ собственныхъ выгодъ. Прибавлю еще одно обстоятельство, въ вѣрности котораго даю Вамъ честное слово: намъ гораздо нужнѣе Ваша повѣсть, чѣмъ щегольство Вашимъ именемъ на оберткѣ журнала.

Теперь скажу Вамъ два слова о Вашей повѣсти, по моему впечатлѣнью. Почему Вы думаете, Иванъ Сергѣевичъ (если только Вы такъ думаете), что Ваши *Призраки* теперь не ко времени и что ихъ не поймутъ? Напротивъ; бездарность, 6 лѣтъ сряду подражавшая мастерамъ, до такой пошлости довела положительное, что произведенію чисто поэтическому (наиболѣе поэтическому) даже были бы рады. Встрѣтятъ многие съ нѣкоторымъ недоумѣніемъ, но съ недоумѣніемъ пріятнымъ. Такъ будетъ со всѣми понимающими кое-что, и изъ стараго и изъ новаго поколѣнія. Что-же касается изъ ничегонепонимающихъ, то вѣдь неужели-жъ смотрѣть на нихъ? Вы не повѣрите какъ они сами-то смотрятъ на литературу. Ограниченная утилитарность — вотъ все чего они требуютъ. Напишите имъ самое поэтическое произведеніе; они его отложутъ [sic] и возьмутъ то, гдѣ описано, что кого-нибудь сѣкутъ. *Поэтическая правда* считается дичью. Надо только одно копированное съ дѣйствительного факта. Проза у насъ страшная. *Квакерство!* Послѣ этого и на нихъ смотрѣть нечего. Здоровая часть общества, которая просыпается, жаждетъ смѣлой выходки отъ искусства. А Ваши *Призраки* довольно смѣлая выходка, и превосходный будетъ примѣръ (для всѣхъ насъ), если

дела мало. Я ее не обвиняю, она совершенно права, ей нужны другие кушанья; но я — повар старого покроя, и не умею на нее готовить. Довольно — однако же — то был тетерев, теперь — повар! Результат всего этого — что „фантазию“ мы прибережем до личного свидания. Я сам полагаю, что нет никакой нужды пускать ее по литературной братии. Приятелям — другое дело...“ См. *П. В. Анненков.* Ibid, стр. 14.

[1]) Письмо И. С. Тургенева к М. М. Достоевскому в печати неизвестно.

Вы, первый, осмѣлитесь на такую выходку. Форма *Призраковъ* всѣхъ изумитъ. А реальная ихъ сторона дастъ выходъ всякому изумленію (кромѣ изумленія дураковъ и тѣхъ, которые кромѣ своего квакерства *не желаютъ* ничего понимать). Я впрочемъ знаю примѣръ одной утилитарности (нигилизма), которая хоть и осталась Вашей повѣстью недовольна, но сказала, что оторваться нельзя, что впечатлѣніе сильное производитъ. Вѣдь у насъ чрезвычайно много напускныхъ нигилистовъ. Но тутъ главное понять эту реальную сторону. По-моему въ *Призракахъ* слишкомъ много реальнаго. Это реальное — есть *тоска развитаго и сознающаго существа, живущаго въ наше время*, уловленная тоска. Этой тоской наполнены всѣ *Призраки*. Это «струна звенитъ въ туманѣ», и хорошо дѣлаетъ, что звенитъ. *Призраки* похожи на музыку. А кстати: какъ смотрите Вы на музыку? Какъ на наслажденіе или какъ на необходимость положительную? По моему это тотъ же языкъ, но высказывающій то, что сознаніе *еще* не одолѣло (не разсудочность, а все сознаніе), а слѣд[овательно] приносящій *положительную* просьбу. Наши утилитаристы этого не поймут; но тѣ изъ нихъ, которые любятъ музыку, ее не *бросили*, а занимаются у насъ ею попрежнему.

Форма Вашихъ *Призраковъ* — превосходна. Вѣдь если въ чемъ нибудь тутъ сомнѣваться, такъ это конечно въ формѣ. И такъ, все дѣло будетъ состоять въ вопросѣ: имѣетъ ли право фантастическое существовать въ искусствѣ? Ну кто-же отвѣчаетъ на подобные вопросы! Если что въ *Призракахъ* и можно-бы покритиковать, такъ это то, что они *не совсѣмъ вполнѣ* фантастичны. Еще бы больше надо. Тогда бы *смѣлости* больше было. У Васъ являющееся существо объяснено какъ упырь. По моему-бы не надо этого объясненія. Анненковъ не согласился со мной и представилъ доводы, что здесь намекается на потерю крови, т.-е. положительныхъ силъ и т. д. А я тоже съ нимъ не согласенъ. Мнѣ довольно, что я ужъ слишкомъ осязательно понялъ тоску и прекрасную форму, въ которую она вылилась, т.-е. броженіемъ по всей дѣйствительности *безъ всякаго облегченія*. И *тонъ* хорошъ, тонъ какой-то нѣжной грусти, безъ особой злости. Картины же, какъ утесъ и проч. — намеки на стихійную, еще не разрѣшенную мысль (ту самую мысль, которая есть во всей природѣ), которая неизвѣстно разрѣшитъ ли когда людскіе вопросы, но теперь отъ нея только сердце тоскуетъ и пугается еще болѣе, хоть и оторваться отъ нея не хочется. Нѣтъ-съ, такая мысль именно ко времени и этакія фантастическія вещи *весьма положительны*...

* *
*

Письмо Достоевского сохранилось без конца [1]).

Спустя месяц с небольшим после того, как «Призраки» были отданы М. М. Достоевскому, Тургенев пишет Анненкову (от 18 ноября):

---

[1]) Без сомнения, Тургенев имел в виду именно это письмо Достоевского, в ответе М. А. Милютиной, от 3 декабря 1872 г., где пишет: „...Странно только то, что он выбрал для пародии единственную повесть, помещенную мною в издаваемом

«...Тютчев, и многие другие приятели не советуют мне печатать «Призраки» — попросите Достоевского не выставлять их в своей программе и не говорить, что мол явится такая-то штука такого-то...» [1]). 9 декабря он снова пишет ему: «... Попроси Достоевского *не* печатать «Призраков» до моего приезда...» [2]). На эти два письма Анненков отвечает Тургеневу 15 декабря следующее (письмо не издано):

«... Не знаю что заставляет Вас отложить печатанием прелестнейшей вещицы Вашей. Неужто робость, и опять робость, и опять... Не думаю чтоб суждение Тютчева или паралитический, истаскавшийся ум Боткина могли убедить Вас, что в «Призраках» нет реальности, свежести, поэзии и своего рода истины? Впрочем — если стоите на этом, напишите через меня письмо к Достоевскому с положительным запретом от своего имени для того, чтоб оградить меня, заключившего с ними сделку, от всякого подозрения в каком-либо внушении. Он должен на днях привести *1000 руб.*, условную нашу плату за повесть, и я попрошу его подождать одну или две почты...»

Но Тургенев продолжает сомневаться. 13 декабря он снова пишет Анненкову:

«... Что касается «Призраков», то я получаю отовсюду столько увещаний их не печатать, что я сам начинаю думать, что появление сего продукта моей музы было бы крайне неуместно: а потому, если возможно, уговорите Достоевского повременить и во всяком случае не печатать до моего приезда, потому что я намерен (и уже сделал) делать некоторые поправки...» [3]).

На это письмо Анненков отвечает довольно резко (в не изданном письме), следующее:

«... Что касается до «Призраков» — делайте как знаете, я исполнитель Ваших приказаний рабский, но того умолчать не могу, что если бы даже из каждой русской губернии Вы получили по одному осудительному письму, то они не превысили бы истину моего одобрения и не могли бы помешать признанию ее в самом близком времени. Мало скромности в этих словах, да уже скромность, мнительность, робость, сомнение в себе в наших годах и (почему не сказать) с нашими именами — есть тоже ложь. Так то.

Посему, напишите, как я просил, отказное письмо Достоевскому и будет ему на прямик отказано, ибо личиться повести и объявлять о повести, слух о которой уже теперь прошел по всей читающей Руси — ему все таки приятнее будет по документу, чем без него...

Быть может, под влиянием этого письма Анненкова да мнения

некогда им журнале, повесть, за которую он меня осыпал благодарственными и похвальными письмами...“ — „Первое собрание писем И. С. Тургенева...“ П. 1885 г., стр. 208.

[1]) *П. В. Анненков.* Переписка с И. С. Тургеневым в 60-х годах. — „Вестник Европы“ 1887 г., № 1, стр. 17.

[2]) Ibid., стр. 18.

[3]) Ibid., стр. 19.

высказанного Достоевским, Тургенев соглашается, наконец, печатать «Призраки» [1]).

Приведем, кстати, еще следующий отрывок из неизданного письма П. В. Анненкова к И. С. Тургеневу от 1 января 1864 года (ответ на письмо Тургенева от 20 декабря 1863 года):

«...Поправки Ваши к «Призракам» — я получил. Все так будет сделано как Вы пишите, буде еще не придется Вам самим заняться корректурой, ибо журнал Достоевского не ранее конца сего января вылупиться на свет из административных сетей, куда попал, да и то еще вряд-ли...

...Чуть было не забыл: я прошу позволенья к Вашим поправкам присовокупить одну мою, именно уничтожить то место, где Эллис указывает на дорогу, по которой гуляют *треугольные люди*. Меня постоянно спрашивали — что это значит, а так как я решительно не мог отвечать на вопросы — то и прошу об исключении места. Вы лучше моего знаете, что фантастическое никак не должно быть бессмысленным, впрочем — власть Ваша!..» — Первый номер «Эпохи» вышел не в конце января, а в конце марта (цензурное разрешение 20 марта 1864 года).

Следующее не изданное письмо Анненкова — от 25 марта — является ответом на письмо Тургенева от 12 марта, в котором Тургенев просит «...не забудьте распорядиться ее [«Эпохи»] высылкой...», на что Анненков пишет:

«...Только вчера явилась «Эпоха», мой почтенный Иван Сергеевич, и потому еще никаких посрамлений Вашей особе печатно и картинным образом переслать не могу, за неимением таковых покамест, а когда будут, то не премину доставить Вам сие удовольствие. — «Эпоху» велю Достоевскому переслать к Вам в Париж; если у того же смертного нет денег на удовлетворение меня и Ковалевского, то последнего удовлетворяю собственным коштом...»

По поводу пересылки номеров «Эпохи» с «Призраками» в Париж, в архиве Тургенева (Пушкинский Дом) сохранилось следующее не изданное письмо М. М. Достоевского к П. В. Анненкову:

Милостивый Государь

Павелъ Васильевичъ,

Я наводилъ ныне справку въ Почтамтѣ. Оказывается, что Почтамтъ не принимаетъ никакихъ посылокъ въ Парижъ какъ по лотно. Пересылка первыхъ двухъ №№ моего журнала обошлась бы такимъ образомъ рублей въ 50 — 60. Въ Почтамтѣ мнѣ сказали, что можно подписаться на «Эпоху» въ самомъ Парижѣ. Сообщите это Тургеневу. Я же съ своей стороны постараюсь на дняхъ переслать ему вышедшую книгу черезъ какого-нибудь изъ книгопродавцевъ.

---

[1]) Уже 20 декабря Тургенев пишет Анненкову: „...Что касается „Призраков“ — я сознаюсь в своей глупости...“

Братъ, которому Вы пишете [1]), уже около двухъ месяцевъ въ Москвѣ. Такъ какъ онъ просилъ меня вскрывать всѣ письма, адресованныя на его имя, то я теперь и отвечаю Вамъ за него.

Примите увѣреніе въ совершенномъ моемъ почтеніи.

[1864 г.]
30 марта.
Понедѣльникъ.

М. Достоевскій.

Это письмо было приложено Анненковымъ къ одному изъ своихъ писемъ къ Тургеневу (отъ 5 апреля 1864 года) со слѣдующей припиской: (в печати неизвестно).

«...О способе получения «Эпохи», между прочим, прилагаю записку Достоевского, а подписаться самому на глупейшую толстую книгу для пересылки одного тома — я имел и имею отвращение...

Как правильно отмечает Н. К. Пиксанов, Достоевский сказал в письме далеко не все, что думал об этой «недостаточно фантастичной и смелой фантазии» Тургенева [2]). — В письме Достоевского к брату из Москвы от 26 марта 1864 года [3]), подлинник которого найден нами в архиве Анны Григорьевны Достоевской, (Пушкинский Дом) пропущены следующие строки о «Призраках»:

«...Некоторые статьи [«Эпохи»] очень порядочны, т.-е. Призраки (по моему в них много дряни: что-то гаденькое, больное, старческое, *неверующее* от безсилия, одним словом весь Тургенев с его убеждениями, но поэзия многое выкупит; я перечел в другой раз)..»

5.

Петербургъ, 20 Сентября [1864 г.].

Любезнѣйшій и многоуважаемый Иванъ Сергѣевичъ.

Егоръ Петровичъ говорилъ мнѣ, что Вы во 1-хъ хорошо расположены къ нашему журналу, а во 2-хъ разсказывалъ мнѣ, что и Вы и онъ, въ Баденѣ, были въ нѣкоторомъ недоумѣніи насчетъ имени Порѣцкаго, объявленнаго нашимъ оффиціальнымъ редакторомъ. Изъ словъ Ковалевскаго я понялъ (если не ошибаюсь), что если Вы и дали бы намъ можетъ быть Вашу повѣсть или романъ въ *Эпоху* (т.-е. въ будущемъ, когда напишите), но незнакомое имя Порѣцкаго теперь Васъ способно отчасти остановить. Считаю не лишнимъ объяснить Вамъ всю суть дѣла. Порѣцкій нашъ знакомый (мой и покойнаго брата) черезъ Майковыхъ лѣтъ еще 17 тому назадъ. Когда-то онъ составлялъ «Внутреннее обозрѣніе» въ *Отечеств. Запискахъ*. Этимъ занимался онъ и во *Времени* въ 61-мъ году, потомъ его смѣнилъ

---

1) Письмо П. В. Анненкова к Ф. М. Достоевскому в печати неизвестно

2) *Н. К. Пиксанов.* История „Призраков“. — „Тургенев и его время“ Первый сборник под редакцией Н. Л. Бродского. М. 1923 г., стр. 182—183.

3) См. — „Биография, письма...“ отд. I, стр. 271.

Разинъ. Теперь мнѣ объявили, что я оффиціально редакторомъ быть не могу и чтобъ я подыскалъ оффиціальнаго редактора. Порѣцкій человѣкъ тихій, кроткій, довольно образованный и безъ литературнаго имени (если ужъ не колоссальное литературное имя, какъ наприм. Писемскій, то ужъ лучше пусть совсѣмъ безъ имени; для журнала выгоднѣе), но главное: Статскій Совѣтникъ. Я и представилъ его какъ редактора, и такъ-какъ онъ совершенно подходилъ къ условіямъ, то его и утвердили. Онъ помогаетъ въ редакціи и даже сталъ писать «Внутреннее обозрѣніе», но издаемъ мы всѣ, прежніе сотрудники, а главное я. И дѣло идетъ кажется недурно, и средства у насъ теперь есть.

Но вотъ что: на публику всѣ эти перемѣны имѣютъ тоже чрезвычайное вліяніе. Теперь, именно теперь, намъ надо показать, что насъ не чуждаются прежніе капитальные сотрудники, а если Вы будете участвовать въ журналѣ, то публика пойметъ наконецъ, что журналъ на очень хорошей дорогѣ. И потому не стану отъ Васъ скрывать, сколько будетъ значить для насъ Ваше участіе. Напишите мнѣ, Иванъ Сергѣевичъ, очень Васъ прошу объ этомъ, можете-ли Вы намъ обѣщать первую Вашу повѣсть или романъ? Подписчиковъ у насъ довольно. По безпристрастію, по честности литературной (т.-е. не кривимъ душой) и по критическому отдѣлу нашъ журналъ будетъ стоять первымъ. *Современникъ* страшно падаетъ а *Русскій Вѣстникъ* обратился въ сборникъ. Не хвалюсь впрочемъ. Однимъ словомъ: что будетъ то будетъ, а мы постараемся.

Мы немного запоздали. Смерть брата остановила на два мѣсяца изданіе, и хоть и всѣ опоздали, но мы больше всѣхъ. Но догонимъ. Я перенесъ дѣло в другую типографію и работаемъ усиленно. Хочется Январскую книгу 65-го года издать раньше всѣхъ.

До сихъ поръ я не могъ ни одной строки написать самъ. Работаю день и ночь и уже имѣлъ два припадка падучей. Всѣ дѣла на мнѣ, а главное — *издательская* часть; у семейства я теперь одинъ. Но слава Богу кой-что уже устроено, и я не теряю надежды.

Повторяю Вамъ еще: Ваше участіе для насъ слишкомъ много значитъ. Если насъ поддержите — не раскаетесь. Конечно всякій свое хвалитъ; но вѣдь это лучше чѣмъ еслибъ я смотрѣлъ на свое теперешнее занятіе скептически. Какъ-бы я желалъ чтобъ Вы получали нашъ журналъ.

Островскій только что прислалъ теплое письмо. Обѣщаетъ непремѣнно въ теченіе года двѣ комедіи (а у меня есть статья въ этомъ номерѣ объ Островскомъ, хоть и хвалебная, но слишкомъ ужъ можетъ-быть безпристрастная). Онъ ее и не видалъ еще. Не не хочу и думать, чтобъ она производила на него какое-нибудь враждебное журналу вліяніе.

До свиданія. Крѣпко жму Вашу руку и пребываю

Вашъ весь.

Ѳ. Достоевскій.

* * *

Егор Петрович Ковалевский состоял в это время председателем общества для пособия нуждающимся ученым и литераторам; благодаря ему в 1863 году (для поездки заграницу лечиться) и в 1864 году (для материальной поддержки «Эпохи») Достоевскому удалось получить из Общества две денежные ссуды, по 1500 рублей каждую [1]. Из не изданной переписки Анненкова с Тургеневым видно, что лето 1864 года Ковалевский провел в Бадене, где встречался с Тургеневым; в Россию Ковалевский вернулся в сентябре месяце.

В ответе Тургенева на это письмо Достоевского (из Бадена от 3-го октября 1864 года), между прочим, упоминается еще об одном, пока не обнародованном письме Ф. М. от 24 августа 1864 года [2]; в ответ на просьбу Достоевского, Тургенев обещает первую написанную им вещь поместить в «Эпохе».

Об А. У. Порецком отзывается и Н. Н. Страхов, как о человеке «очень умном и образованном, отличавшемся сверх того редкими душевными качествами, безукоризненной добротою и чистотою сердца» [3]. Таков же и отзыв А. Н. Майкова, считавшего Порецкого «одним из нравственнейших людей, подражавших во всем библейским пророкам». Алексей Егорович Разин, сменивший Порецкого во «Времени», впоследствии известный редактор ряда популярно-научных и детских периодических изданий.

Упомянутое здесь письмо А. Н. Островского к Достоевскому в архиве Ф. М. не сохранилось; без сомнения, в этом году было еще несколько писем Островского к Достоевскому [4].

Статья об А. Н. Островском в «Эпохе», о которой здесь говорится, подписана псевдонимом «Один из почитателей Островского» [5]. В примечаниях к этому письму Достоевского André Mazon высказывает предположение, что статья принадлежит перу самого Достоевского [6]. Это предположение, ничем, впрочем, не обоснованное, опровергается библи-

---

[1]) Письма Достоевского к Е. П. Ковалевскому по этому поводу напечатаны в статье *М. Е. Евгеньева - Максимова.* „Эпизод из жизни Достоевского" — в газете „День" 1916 г., № 99; о Е. П. Ковалевском см. *П. В. Анненков.* Воспоминания и критические статьи. II. 1877 г., т. I.

[2]) „... Я все собирался отвечать Вам на Ваше письмо от 24-го августа..." см. „Из архива Достоевского...", стр. 125—126.

[3]) См. „Биография, письма..." стр. 272; об А. У. Порецком см. заметку *Г. Никитина* в газете „Новости" за 1875 г., № 132. Неизданная переписка Ф. М. Достоевскаго и А. У. Порецкого хранится в Пушкинском Доме и подготовляется к печати в сборнике Пушкинского Дома „Из архива Ф. М. и А. Г. Достоевских".

[4]) Ответные письма Достоевского (еще неизвестные в печати) сохранились, как нам известно, в архиве А. Н. Островского, хранящемся в Московском Театральном Музее им. А. А. Бахрушина.

[5]) *„Один из почитателей Островского"*. Значение Островского в нашей литературе. — „Время" 1864 г., № 7, стр. 1—12.

[6]) *André Mazon.* Quelques lettres de Dostoevskij à Turgenev. — „Revue des études slaves" 1921 г. № 1, стр. 132—133.

ографической справкой Б. В. Варнеке [1]), устанавливающею ее принадлежность перу Д. В. Аверкиева. Любопытно, как сам Аверкиев говорит о сотрудничестве у Достоевского [2]): «...не было журнала, где бы я писал так много и охотно, как в «Эпохе». Некоторые из тамошних статей, обозначенных моим именем, были написаны при ближайшем сотрудничестве Достоевского...»

6.

Петербургъ, Декабря 14/64 года.

Многоуважаемый Иванъ Сергѣевичъ,

Простите, что Васъ безпокою. Вы обѣщали, въ случаѣ если у Васъ будетъ повѣсть, не забыть насъ. Теперь, для журналовъ, время самое критическое. Еслибъ можно было въ Январѣ помѣстить хоть что-нибудь Ваше, было бы великолѣпно. *Не претендую ни на что*; къ тому-же Вы сказали, чтобъ Васъ не безпокоить. Но здѣсь говорятъ и даже печатали, что у Васъ начатъ рядъ разсказовъ и нѣкоторые окончены: говорилъ объ этомъ мнѣ и Ковалевскій. Если Вамъ не противно напечатать хоть одинъ изъ этихъ разсказовъ *теперь*, то *дайте ради Бога*. Если только это въ чемъ-нибудь Васъ не разстроитъ. Мы во 1-хъ явились-бы съ Вами, а во 2-хъ мы сдержали-бы слово и всѣ бы видели что мы сдержали слово (я въ объявленіи о журналѣ напечаталъ *только*, что надѣюсь помѣстить въ *Эпохѣ* первое что Вы напишете).

Не хвалясь скажу что журналъ нашъ становится на первое мѣсто, по крайней мѣрѣ въ Петербургѣ. Спѣшимъ мы очень и это намъ очень вредитъ, но публика довольна. Отзывы слышимъ хорошіе, слишкомъ даже. Но это еще только начало. Съ будущаго года (особенно когда войдетъ въ сроки: журналъ опоздалъ послѣ смерти брата) — пойдетъ другое, *втрое* лучше будетъ, я за это отвечаю. Сижу день и ночь, ѣзжу, пишу, корректую, вожусь съ типографіями и цензорами и проч. Здоровьемъ не могу похвалиться, но въ концѣ Апрѣля непремѣнно поѣду на 3 мѣсяца поправляться за границу. Заѣду и къ Вамъ. А съ осени опять засяду. Заграницей хочу писать большую повѣсть. Впрочемъ Богъ знаетъ что еще впереди, а покамѣстъ надо получше издавать журналъ. А знаете что? Оказалось, что я несовсѣмъ непрактическій человѣкъ. Дѣла идутъ очень недурно. Подписка у всѣхъ началась поздно, но изъ петербургскихъ слышно началась хорошо только у насъ.

Никогда я еще не былъ въ такой каторгѣ какъ теперь.

Можете себѣ представить какъ Вы меня обрадуете удовлетворительнымъ отвѣтомъ. Но во всякомъ случаѣ черкните мнѣ хоть двѣ строчки въ отвѣтъ на это письмо. Хоть два слова, чтобъ узнать. Поддержите журналъ, Иванъ Сергѣевичъ!

Вашъ весь

Ѳ. Достоевскій.

---

[1]) *Б. В. В[арнеке]*. Островский и Достоевский. — „А. Н. Островский". Сборник статей под редакцией *Б. В. Варнеке*. Одесса 1923 г., стр. 193 — 194.

[2]) *Д. В. Аверкиев*. Почему я начал издавать „Дневник Писателя". — „Дн. Писателя" 1885 г., № 1, стр. 3.

Еслибъ выслали разсказъ даже 1-го Января нашего стиля, то и то он придет во время. Даже еще и этого позже можно.

Но не сочтите какимъ-нибудь образомъ моего письма за назойливость. Я слишкомъ хорошо понялъ Ваши слова о томъ чтобъ Вамъ не мѣшать. Во всякомъ случаѣ не сердитесь.

* * *

Законченный рассказ Тургенева, о котором в России в то время «даже печатали» — «Собака»; быть может, ее-то и думал Тургенев отдать в «Эпоху», как обещал в письме от 3 октября? [1]).

Узнав о том, что рассказ закончен, Анненков пишет Тургеневу следующее (письмо не издано):

«...Вы меня мучительно заинтересовали своей «Собакой», которая должна представить у нас поучительное зрелище собаки, травимой зайцами и журналистами: вероятно, она достанется в лапы худшему из этой куцой породы; только не отдавайте ее ни в «Библиотеку», ни в «Эпоху», умоляю. Пустая вертлявость первой только может равняться с мраком последней...»

12 ноября Тургенев пишет Анненкову из Парижа [2]): «...Возьмите, пожалуйста, у Островского... или у Макарова — (не знаю у кого эта штука находиться) мою «Собаку...» 27 ноября «Собака» была уже у Анненкова, о чем он сообщает Тургеневу (в не изданном письме от того ли числа): «...Собаку я получил на хранение...»

7.

Февраля 13-го/65. [Петербургъ].

Многоуважаемый Иванъ Сергѣевичъ,

П. В. Аненковъ передалъ мнѣ еще недѣлю тому назадъ, чтобъ я выслалъ Вамъ братнинъ долгъ за *Призраки*, *триста* рублей. Объ этомъ долгѣ я и понятія не имѣлъ. Вѣроятно братъ мнѣ говорилъ о немъ тогда-же, но такъ какъ память у меня очень слабая, то я разумѣется забылъ, да и прямо это меня тогда не касалось. И жаль мнѣ очень, что я не зналъ объ этом долгѣ еще лѣтом: тогда у меня было много денегъ и я навѣрно тотчасъ бы Вамъ, безъ Вашего требованія, его выслалъ.

Боюсь что теперь очень запоздалъ. Но въ эти 8 дней выходила книга (Январская), да къ тому-же я едва на ногахъ стоялъ больной, а между тѣмъ такъ какъ въ исполнительномъ по журналу дѣлѣ я почти одинъ, то не смотря на болѣзнь хлопоталъ день и ночь. Не скрою тоже что я денегъ было мало: у насъ подписка запоздала и теперь только съ выходомъ 1-ой книги повысилась.

Въ послѣднее время, съ 28 Ноября, когда вышла наша Сентябрская книга, по 12 Января (выходъ Январской) я, въ 75 дней, выдалъ 5 но-

---

[1]) См. ответ на это письмо в „Письмах русских писателей“, стр. 125 — 27.

[2]) *П. В. Анненков.* Из переписки с Тургеневым в 60-х годах. — „Вестник Европы“ 1887 г., № 1, стр. 20.

меровъ, въ каждомъ номере среднимъ числомъ 35 листовъ. Можете представить какихъ хлопотъ это стоило, и это одно уже Вамъ дастъ понятіе во что я теперь обратился! Самъ не знаю: я какая-то машина.

Теперь буду имѣть время не 2 недѣли а уже мѣсяцъ на изданіе книги. Надѣюсь сдѣлать журналъ по возможности интереснымъ. Долговъ много; очень трудно будетъ, но выдержу годъ и къ слѣдующему году станемъ твердо на ноги.

Вы писали мнѣ, что удивляетесь моей смѣлости въ наше время начинать журналъ. Наше время можно характеризовать словами: что въ немъ, особенно въ литературѣ — нѣтъ никакого мнѣнія; всѣ мнѣнія допускаются, все живетъ одно съ другимъ рядомъ; общаго мнѣнія, общей вѣры нѣту. Кому есть что сказать, и кто (думаетъ по крайней мѣрѣ) что знаетъ во что вѣрить, тому грѣхъ по моему не говорить. На счетъже смѣлости — отчего не смѣть, когда всѣ говорятъ все что имъ вздумается, когда самое дикое мнѣніе имѣетъ право гражданства? Впрочемъ что говорить объ этомъ! Вотъ пріѣзжайте-ка да поприсмотритесь на мѣстѣ къ нашей литературѣ — сами увидите.

Въ послѣднее время было впрочемъ нѣсколько литературныхъ явленій нѣсколько замѣчательныхъ. — 3-го дня вышелъ 1-ый номеръ *Современника* съ *Воеводой* (Сонъ на Волгѣ) Островскаго. Не знаю что такое: еще не читалъ, за корректурами сидѣлъ; одни говорятъ, что это лучшее что написалъ Островскій, другіе не знаютъ что сказать.

Посылаю Вамъ при этомъ черезъ контору Гинзбурга переводъ въ 300 руб.

Анненковъ говорилъ, что Вы не скоро къ намъ пріѣдете... Правда-ли это?

Кстати: удивляюсь почему Вы считаете что разсказъ Вашъ *Собака* (который я не читалъ) такъ маловаженъ что выдти съ нимъ теперь значитъ повредить себѣ въ литературѣ. Странно мнѣ это, Иванъ Сергѣевичъ! Развѣ Вы можете повредить себѣ, хотя бы и маловажнымъ разсказомъ? Ну что-жъ изъ того что явится Вашъ маленькій разсказъ прежде большой повѣсти? Кто-жъ не писалъ маленькихъ разсказовъ?

До свиданія. Вашъ наипреданнѣйшій

Ѳедоръ Достоевскій.

* * *

М. М. Достоевский еще в марте 1864 года должен был уплатить Тургеневу за «Призраки»; в письме последнего к Анненкову от 12 марта 1864 года, мы читаем [1]): «... Достоевский остался мне должен за «Призраки» 300 руб... Покажите ему это письмо и скажите, что я был бы ему весьма благодарен...»

Несмотря на тяжелые материальные дела «Эпохи» — за месяц до ее полного банкротства—Достоевский все-же высылает эти 300 рублей Турге-

---

1) *П. В. Анненков.* Ibid., стр. 20 — 21.

неву, который 5 марта — в ответе на это письмо Достоевского — пишет [1]: «... Спешу известить Вас что я получил Ваш вексель в 300 р. и благодарю Вас... Надеюсь, что эта уплата не слишком Вас стеснила...».

«Собака» такъ и не попала в «Эпоху»: она была напечатана в «С.-Петербургских Ведомостях», редактированных В. Ф. Коршем, уже после закрытия журнала Достоевского.

8.

Висбаденъ, 3/15 Августа [1865 г.]:

Добрѣйшій и многоуважаемый Иванъ Сергѣевичъ, когда я Васъ, съ мѣсяцъ тому назадъ, встрѣтилъ въ Петербургѣ, я продавалъ мои сочиненія за что дадутъ, потому что меня сажали въ долговое за журнальные долги, которые я имѣлъ глупость перевесть на себя. Купилъ мои сочиненія (право изданія въ два столбца) Стелловскій за три тысячи, изъ коихъ часть векселями. Изъ этихъ трехъ тысячъ я удовлетворилъ кое-какихъ на минуту кредиторовъ и остальное роздалъ кому обязанъ былъ дать и затѣмъ поехалъ за границу, чтобы хоть каплю здоровьемъ поправиться и что-нибудь написать. Денегъ оставилъ я себе на заграницу всего 175 руб. сереб. изъ всехъ трехъ тысячъ, а больше не могъ.

По третьяго года въ Висбаденѣ я выигралъ въ одинъ часъ до 12000 франковъ. Хотя я теперь и не думалъ поправлять игрой свои обстоятельства, но франковъ 1000 дѣйствительно хотелось выиграть, чтобъ хоть эти три мѣсяца прожить. Пять дней какъ я уже въ Висбаденѣ и все проигралъ, все до тла, и часы и даже въ отелѣ долженъ.

Мнѣ и гадко и стыдно безпокоить Васъ собою. Но кромѣ Васъ у меня положительно нѣтъ въ настоящую минуту никого къ кому-бы я могъ обратиться, а во вторыхъ Вы гораздо умнѣе другихъ, и слѣ[овательно] къ Вамъ обратиться мнѣ нравственно легче. Вотъ въ чемъ дѣло: обращаюсь къ Вамъ какъ человѣкъ къ человѣку и прошу у Васъ 100 (*сто*) талеровъ. Потомъ я жду изъ Россіи изъ одного журнала (*Библ. для Чтенія*), откуда обѣщались мнѣ, при отъѣздѣ, выслать капельку денегъ, и еще отъ одного господина, который *долженъ* мнѣ помочь. Само собою что раньше *трехъ недѣль* можетъ быть Вамъ не отдамъ. Впрочемъ можетъ-быть отдамъ и раньше. Во всякомъ случаѣ мѣсяцъ одинъ. На душѣ скверно (я думалъ будетъ сквернѣе), а главное стыдно Васъ безпокоить; но когда тонешь, что дѣлать?

Адресъ мой:

Visbaden Hotel Victoria à M. Théodore Dostoïewsky.

Ну что если Васъ не будетъ въ Баденъ-Баденѣ?

Вашъ весь

Ѳ. Достоевскій

---

1) „Из архива Достоевского...", стр. 127.

* * *

О банкротстве журнала Достоевский подробно рассказывает в письме к барону А. Е. Врангелю от 14 апреля 1865 года [1]).

Указание Достоевского на то, что он ждет денег из «Библ. для чтения» подтверждается, отчасти, А. П. Милюковым [2]).

Под «господином», который должен ему помочь, Ф. М. Достоевский разумеет А. И. Герцена; см. выше письма Ф. М. к А. П. Сусловой.

Этому письму, в частности просьбе о помощи, биографы, не без влияния самого Достоевского [3]) придают очень большое, б.-м., даже чрезмерно большое значение, в истории вражды Достоевского с Тургеневым — см. прекрасную книгу Ю. А. Никольского, а также выше статью А. С. Долинина: «Тургенев в «Бесах».

9.

Благодаря Васъ, добрѣйшій Иванъ Сергѣевичъ, за Вашу присылку 50 талеровъ. Хоть и не помогли они мнѣ радикально, но все таки очень помогли. Надеюсь скоро возвратить Вамъ. Благодарю Васъ за пожеланія, но они отчасти неудобоисполнимы для меня. Да ктому-же я простудился вѣроятно еще въ вагонѣ, и съ самаго Берлина чувствую себя каждый день въ лихорадкѣ. Во всякомъ случаѣ надѣюсь весьма скоро съ Вами увидѣться. А покамѣстъ искренно жму Вашу руку и пребываю

Вашъ весь

Ѳ. Достоевскій.

20/8 Августа [1865 г. Висбаденъ].

50 талеровъ, данныхъ мною Ѳ. М. Достоевскому я получилъ обратно.

Парижъ.
Мартъ. 1876.

Иванъ Тургеневъ.

* * *

Снимок с автографа этого письма Достоевского вместе с распиской Тургенева приложен Н. К. Пиксановым к сборнику „Из архива Достоевского".

Письмо это датировано Н. К. Пиксановым 1863 г.; дата безусловно неправильна. См. рецензию А. С. Долинина на «Письма русских писателей к Ф. М. Достоевскому» — «Былое» 1924 г., № 26, стр. 290—293.

Там же приведен отрывок из записок А. Г. Достоевской, где рассказывается о дальнейших денежных недоразумениях между Достоевским и Тургеневым, в которых играл некоторую роль А. Ф. Онегин; ср. недавно опубликованное письмо Тургенева к А. Ф. Онегину. Сб. «Недра». 1824 г., кн. 4, стр. 295.

Сообщил *И. С. Зильберштейн.*

---

[1]) „Биография, письма..." отд. I. стр. 281.

[2]) *А. П. Милюков.* Воспоминания о Ф. М. Достоевском. — „Русская Старина" 1881 г., № 5, стр. 41—42.

[3]) *Ч. Ветринский.* Ф. М. Достоевский..., стр. 241.

Переписка Достоевского с Майковым.

(Из материалов Пушкинского Дома).

Ниже печатаемые материалы из переписки Достоевского: пропущенные места из писем его к Ап. Майкову, письма к нему Ап. Майкова и д-ра Яновского, имеют для нас значение лишь постольку, поскольку мы находим в их новые данные для биографии и творчества Достоевского. Само собою разумеется, что вся идеология их, в частности общественно-политические воззрения, в свете событий наших последних лет, должны казаться крайне устарелыми, и рассматривать их можно и нужно только в связи со средой и эпохой, в которую они жили и творили. Опровергать здесь эти взгляды, доказывать их несостоятельность, — мы считаем совершенно напрасной тратой времени: история свое слово уже сказала, и смысел этого слова ясен всякому.

I.

Пропущенные места из писем Достоевского к Майкову.

В сборнике 1-м «Достоевский» (под ред. А. С. Долинина, Пгр. 1922 г.) напечатаны с примечаниями Б. Л. Модзалевского 11 писем Ф. М. Достоевского к А. Н. Майкову, не вошедшие во II-ой отдел книги Страхова («Биография, письма и заметки из записной книжки Ф. М. Достоевского. Спб. 1883»). Письма, помещенные там, в количестве 27, как замечает Б. Л. Модзалевский, изданы с пропусками и не совсем исправно. Сейчас, когда печатаются ответные письма А. Н. Майкова к Ф. М. Достоевскому, опубликование пропущенных мест в этих письмах будет вполне уместно, давая весь материал, непосредственно рисующий отношения Достоевского и Майкова. Большая часть из пропущенных мест касается отношений Достоевского к родственникам, главным образом отзывы его о пасынке П. А. Исаеве и о семье брата Михаила Михайловича. Значительно меньшее по объему место занимают вопросы литературы: отзывы Достоевского о писателях, литературных произведениях и литературных отношениях. Однако, несмотря на свою сравнительную малочисленность, отзывы эти могут быть весьма ценны для полнейшего уяснения взглядов и вкусов Достоевского. Причины, по которым некоторые места из переписки были опущены в 1883 г. при печатании «Биографии и пр.», давно перестали действовать и пора нам иметь письма Достоевского в их полном и неискаженном виде.

Указания страниц и строк сделаны по изданию «Биография, письма и заметки из записной книжки Ф. М. Достоевского. Прг. 1883», с которым

и были сличены рукописи писем [1]). Только одно первое письмо от 28/16 августа 1867 г. сличено еще с текстом, находящимся в книге Ветринского «Ф. М. Достоевский в воспоминаниях современников, письмах и заметках» (М. 1912 г.), т. к. оно дает крупный отрывок, касающийся отношений Достоевского и Тургенева и не вошедший в издание 1883 г. Отрывок этот перепечатан Ветринским с извлечения, сделанного в «Русском Архиве», сентябрь 1902 г.

Текст письма ни в «Биографии», ни у Ветринского, ни в «Русском Архиве» не является полным. Ветринский отмечает в примечании к нему: «К удивлению, порядок предметов письма Достоевского в тексте «Биографии» и в извлечении «Русского Архива» различен. Повидимому, не извлечение, но «Биография» переставила часть текста и вследствие этого то. что относилось к какому-то русскому, у которого были онемечены жена и дети, связано с тем, что относится к Тургеневу». В этом Ветринский вполне прав: подлинник это подтверждает. Дальше следует такое расхождение. В подлиннике: «Скверное всего то, что я еще с 67 года с Wisbaden'a должен ему (т. е. Тургеневу) 50 талеров (и не отдал до сих пор)», — вместо 67 года, как читается в рукописи, в тексте «Р. Ар.» стоит 1857 г., что и вызвало примечание: «какая-то ошибка в «Русском Архиве». Вместо 1857 г. может быть только 1862 г. или 1863 г.» (см. Ветр., стр. 241).

Восстанавливаем дальше отрывок из «Биографии», стр. 173, строка 8, где он напечатан с некоторыми пропусками. В подлиннике он гласит так:

I. «Голубчикъ Апполлонъ Николаевичъ, я чувствую, что могу васъ считать какъ моего судью. Вы человѣкъ и гражданинъ. Вы человѣкъ съ сердцемъ, въ чемъ вы убѣдили меня давно, вы мужъ и отецъ примѣрный, наконецъ сужденіе Ваше я всегда цѣнилъ».

Стр. 175, строка 26.

После слов; «Я ее (т. е. Анну Григорьевну) люблю и она говорит, что она счастлива, вполне счастлива» — следует: «и что не надо ей ни развлеченій, ни людей».

Стр. 177, строка 26.

После слов: «Я получил от него (т. е. от пасынка Павла Александровича Исаева) всего только одно письмо за все это время», следует: «не любитъ онъ меня кажется совсѣмъ».

II. Письмо от 18/30 мая 68 г. Женева.

Стр. 187, строка 7.

После слов: «Кстати одна *большая просьба*: не передавайте известия о том, что моя Соня умерла, никому из моих родных, если встретите их. По крайней мере, я бы очень желал, чтоб они не знали этого до времени, разумеется в том числе и Паша» — следует:

«мнѣ кажется, что не только никто изъ нихъ не пожалѣетъ объ моемъ дитяти, но даже можетъ-быть будетъ напротивъ и одна мысль объ этомъ озлобляетъ меня. Чѣмъ виновато это бѣдное созданіе передъ ними? Пусть

---

[1]) **Подлинники находятся в архиве А. Н. Майкова, хранящемся в Пушкинском Доме при Росс. Академии Наук.**

они ненавидятъ меня, пусть смѣются надъ моей любовью — мнѣ все равно».

После слов: «Простите, что Паша вас так беспокоит. Что с ним будет не понимаю? К чему он ведет? Эти два места, которые у него были, могли-бы сделать его честным и независимым», следует:

какіе взгляды, какіе понятія, какое фанфаронство! Это типично».

После слов: «Но опять таки, с другой стороны, — как его оставить? следует:

«Вѣдь еще немного изъ этакихъ понятій выйдетъ Горскій или Раскольниковъ. Вѣдь они всѣ сумасшедшіе и дураки».

После слов: «Кстати еще: на мое письмо, три месяца назад, — он ничего ни ответил. Нежнее нельзя было написать ему», — следует «онъ смотритъ на меня единственно только какъ на обязаннаго посылать ему деньги, *до того*, что даже не написалъ мнѣ двухъ строкъ, хотя бы въ припискѣ въ чьемъ нибудь письмѣ, чтобы поздравить меня когда родилась Соня. Мнѣ не хотѣлось бы чтобъ онъ узналъ о ея смерти».

III. Письмо от 4/22 июня [18]68 г.

Стр. 189, 23 стр.

После слов: «Киргиз в своей юрте живет чистоплотнее (и здесь в Женеве). Я ужасаюсь, я бы захохотал в глаза, если бы мне сказали это прежде про европейцев», — следует:

но чортъ с ними! Я ненавижу их дальше послѣдняго предѣла!»

IV. Письмо от 19/2 августа 1868 г. Вевей, стр. 192, стр. 19 пропущено слово: «священникъ».

На строке 30 пропущено: «дураки, дураки!»

Стр. 194, стр. 2 пропущено — «о подлецы!»

V. Письмо от 7 окт. (26 ноября) [18]68 г. Милан, стр. 197, строка 22 вм. «за вещи в роде» — след. «за гнусную кутью в родѣ «Минина» или другихъ историческихъ драмъ Островского.

Строка 23 После слов: «Или «Роя» Кохановской»[1]) следует: «которой имя я увидѣлъ съ ужасомъ, послѣ всей мерзости и всего срама, которые я вынесъ два года назадъ читая «Роя», — эту алилую съ масломъ отъ которой даже Аксаковъ морщился».

Стр. 28, вместо «Е...» следует читать «Ергунова».

Стр. 198, строка 13 вместо «городах» следует читать «гидах».

VI. Письмо от 11/23 декабря 1868 г. Флоренция, стр. 201, строка 2 после слов: «Вот по чему узнается широкий человек!» следует «Тургеневъ сдѣлался нѣмцемъ изъ русскаго писателя, — вот почему узнается дрянной человѣкъ».

Стр. 7 после слов: «Он (т. е. Белинский) кончил тем, что *состоял бы*» — следует «на побѣгушкахъ»...

---

[1]) Кохановская — псевдоним Надежды Степановны Сохaнской. Писательница-славянофилка (1825 — 1874 г.) Повесть ее „Рой. Федосий Саввич на спокое" напеч в „Дне" 1864 г.

Стр. 203, строка 30 — после слов: «Эти деньги Паше и Эмиліи Өедоровне, по 50 руб. в каждые руки» — следует:

«Что дѣлать, другъ мой, невозможно Пашѣ то надо хоть чѣмъ нибудь помочь, а Эмилія Өедоровна хоть и врагъ мой исконный (не знаю за что) хоть и ненавидитъ меня, но не возможно *этотъ раз* не дать ей хоть 50 руб. — Ах, другъ мой, Вы не повѣрите, что за глупость и что за наглость въ этихъ головахъ. «онъ, дескать, *обязанъ* намъ помогать», — стала на томъ. Почему же, позвольте спросить обязанъ. Я изъ состраданія, да еще единственно потому, что она жена брата, готовъ помочь чѣмъ могу, но *обязаннымъ* себя отнюдь не считаю. Она основывается на томъ, что [братъ Миша посылалъ мнѣ деньги въ Сибирь]».

После слов: «Я еще при жизни его ему отдал» следует:

«она говоритъ про меня: «онъ насъ разорилъ, мы имѣли фабрику, жили богато; онъ пріѣхалъ и уговорилъ начать журналъ (чтобъ печатать свои сочиненія, которыя въ другіе журналы не принимали; это прибавляетъ Владиславлевъ «вѣроятно про Записки изъ Мертваго дома)».

Стр. 204, строка 9 — после слов: «Когда он умер, были долги», — следует: «Скажите ради Бога, что бы сказало это *семейство*, еслибъ я отказался продолжать журналъ? Они закричали-бы: у насъ было состояніе, да дядя, бывшій *пополамъ* съ братомъ (а я никогда не былъ *пополам*) отказался издавать и насъ разорилъ. Это буквально слова Өеди въ клубѣ: «У насъ было имѣніе, но дядя такъ плохо велъ дѣла, что насъ разорилъ».

Строка 18. После слов: «Я после того моими сочинениями (продажей Стелловскому «Преступления и Наказания») еще 10.000 заплатил. Остался теперь кончик, который не могу выплатить», следует:

«а Эмилія Өедоровна буквально говоритъ: онъ насъ разорилъ, зачѣмъ онъ намъ свои 10.000 не отдалъ? Онъ обязанъ помогать потому, что братъ его содержалъ и проч. Хорошо! Ну, пріѣду в Петербургъ — другое пойдетъ. Я ихъ положимъ вразумлю. Оставилъ я имъ уѣзжая, мою квартиру у Алонкина. С Алонкинымъ мы стали наконецъ знакомы пріятельски и хоть онъ какъ дѣловой человекъ, и сердится на меня что я не плачу (такъ контрактъ былъ что съ нихъ онъ не имѣетъ права требовать а съ меня) но все таки во мнѣ увѣренъ и подождетъ. Но онъ требовалъ векселя отъ меня. Я ее просилъ сходить къ Алонкину и предложить ему самому написать вексель, послать мнѣ заграницу и я-бы воротилъ подписанный. Она обидѣлась и не пошла, обидѣлась тѣмъ, что будто бы я не хочу ихъ на квартирѣ держать, тогда какъ Алонкинъ не хотѣлъ, а не я. — Теперь пишетъ, что *ждетъ* отъ меня денегъ потому, что я ей обѣщалъ. Выдайте ей эти 50 руб., голубчикъ, родной мой, не говоря ничего и тѣмъ забастую. — А Пашѣ надо помочь хоть капельку, хотя онъ не такъ ведетъ себя какъ бы я желалъ. Зачѣмъ онъ лжетъ безпрерывно. Онъ увѣряетъ что письма его пропадаютъ поминутно. Ни одно письмо, ни отъ кого не пропало, только у него одного пропадаютъ».

Строка 28. После слов: «Я напишу ему теперь, чтобы он обе бумаги принес и *отдал вам*. (Вас же попрошу сохранить их до моего

приезда)» следует: «Боюсь подумать, но тут может быть какая нибудь непорядочность съ его стороны».

Стр. 34. После слов: «Простите, что так говорю, но друг мой, ведь вы сами трудами живете» — слѣдует: «Пашѣ всѣхъ моихъ подозрѣний не сообщайте» —

VII. Письмо от 17/29 сентября 1869 г. Дрезден. Стр. 209 строка 8, после слов: «Не вышло бы для меня щекотливого?» — следует: «Братъ Андрей Михайловичъ довольно въ далекихъ со мной отношенiяхъ (хотя и безъ малѣйшихъ неприятностей).»

VIII. Письмо от 16/28 октября 1869 г. Дрезден, стр. 210 строка 24, после слов: «Нужду и умереть», — следует: «Что жъ это за человѣкъ и какъ онъ со мной обращается!»[1])

Стр. 213, строка 25. После слов: «Оскорбил, оскорбил!» — следует: «О какъ бы я ему отплатилъ! Вѣдь этакъ только *баринъ* съ своимъ лакеемъ обращается какъ съ писаришкой какимъ нибудь!».

Стр. 214, строка 20. После слов: «А он там» — следует: «Съ помѣщичьей развалкой»...

Стр. 214, строка 30. После слов: «Ведь это небрежность человека, который и знать не хочет обстоятельств другого» — следует: «Неужели онъ *побарски* презираетъ меня оттого, что выдался у меня такой мѣсяцъ такой нужды, и что я такъ низко *зануждался*! Да вѣдь черезъ него же! И не считайте преувеличенiемъ злости мое сейчасъ мнѣнiе о его презрѣнiи изъ *за нужды*: это слишкомъ естественно у иныхъ душъ. Безсознательно порождаетъ небрежность въ отношенiяхъ. Я вижу слѣды этой *презрительной небрежности* ко мнѣ въ отвѣтѣ *на двѣнадцатый день*, въ неотвѣтѣ на телеграмму (которую самъ же вызвалъ) и въ небрежности съ которою велъ справки у Хессина. Еслибъ я для него что нибудь значилъ, то онъ давно бы ужъ могъ понудить Хессина поправить дѣло: стоило только быть *капельку повнимательнѣе*. Пусть онъ знаетъ, что Өедоръ Достоевскiй можетъ быть болѣ его можетъ выработать своимъ трудомъ всегда!»

IX. Письмо от 27 октября (8 ноября) 1869 г. Дрезден. стр. 217, строка 36 — после слов: «Выкупить хотим по крайней мере на 200 р. Вещи же», — следует: «которыя можно выкупить на эти деньги, стоятъ по крайней мѣрѣ 600...»

Стр. 219, строка 38 — после слов: «К этому контракту принудил меня Стелловский силою», — следует: «пустивъ на меня тогда (т. е. в 1865 г.) черезъ Бочарова вексель Демиса и Гаврилова и...»

X. Письмо от 12/24 февраля 1870 г. Дрезден, стр. 227, строка 4. После слов: «Как в воду кануло». следует: «И еще одно обстоятельство въ письмѣ своемъ, именно въ томъ въ которомъ просилъ у меня разрѣ-

[1]) Речь идет о Василии Владимировиче Кашпиреве, издателе журнала „Заря" которому в это время Достоевский послал для напечатания повесть „Вечный муж" напечатана в Заре 1870 г., кн. 1 — 2

шить продажу на лишній годъ, т. е. въ послѣднемъ своемъ письмѣ — онъ просилъ меня адресовать ему отвѣтъ на имя сестры моей Александры Михайловны в ея домѣ (на Петербургской сторонѣ, по Большому проспекту № 69) и просилъ объ этомъ особенно настаивая упоминая при этомъ что у Александры Михайловны онъ проводитъ теперь цѣлые дни. Мнѣ было все равно и я безъ всякаго сомнѣнія написалъ къ нему по новому адресу, и даже радъ былъ, что не безпокою моими *дѣловыми* порученіями васъ, хотя и упомянулъ ему въ отвѣтѣ, чтобъ онъ непримѣнно обратился къ Вамъ, пригласить Васъ (по доброму обѣщанію Вашему), когда придетъ срокъ получать съ Стелловскаго деньги.

Теперь эта настойчивость его о новомъ адресѣ мнѣ особенно вспоминается. Хотя онъ ни слова не упоминалъ о Васъ, но не хотѣлось-ли ему избѣжать Вашего присутствія в этомъ дѣлѣ.

Боже избави меня подозрѣвать его въ чемъ-нибудь подломъ, да и не вѣрю я въ это. Но я положительно знаю что онъ легкомысленъ. Я долго не вѣрилъ во все это дѣло съ Стелловскимъ. Наконецъ рѣшился послать довѣренность увѣренный по крайней мѣрѣ въ его честности и зная, что въ крайнемъ случаѣ онъ долженъ же будетъ обратиться къ Вамъ. Но онъ легкомысленъ: можетъ быть онъ завладѣлъ этими деньгами съ такъ называемыми невинными цѣлями.

Напримѣръ пустить въ оборотъ. Я вѣдь совершенно убѣжденъ что такая мечтающая голова как у Паши способна вообразить себѣ и объ теперешнихъ спекуляціяхъ на биржѣ. Можетъ быть какой нибудь пріятель выпросилъ у него деньги на мѣсяцъ, такъ что можетъ быть онъ и объ срокѣ то лишнемъ писалъ ко мнѣ самъ уже получивъ деньги, а желая продлить срокъ, чтобъ я ждалъ не тревожась и въ надеждѣ.

Все это отъ Павла Александровича можетъ и могло случиться. Одной только открытой и преднамѣренной подлости я въ немъ ни за что не могу предположить и былъ бы отъ этого въ горѣ гораздо болѣе, чѣмъ если бы я потерялъ совсѣмъ всѣ эти деньги. А между тѣмъ я могъ и еще больше потерять: со Стелловскаго, по контракту, я долженъ буду въ этомъ году получить навѣрно рублей около 900 за «Преступленіе и Наказаніе» и навѣрно потому что онъ объ этомъ нѣсколько разъ въ газетахъ публиковалъ. Могла теперь и эта будущая сумма заѣхать въ настоящій уговоръ Паши съ Стелловскимъ полномочіе контракта широко, тогда вѣдь я большихъ денегъ лишился, въ совокупности-то».

Строчка 10. После слов «Теперь же он» — следует «Будучи отъ природы бестія [1])»...

Строка 13. После слов: «Не Павлу Александровичу» — следует «съ его крючками...»

Строка 30. После слов: «И тогда хуже ему будет» следует: «Довѣренность же эту въ рукахъ его я не могу оставить.»

Сообщила *Е. Б. Покровская.*

---

[1]) Речь идет о Стелловском.

II.

Письма Майкова къ Достоевскому (за 60 гг.).

1-е письмо [1]).

Ну, любезнѣйшій Федоръ Михайловичъ!

Трудно мнѣ писать Вамъ, потому что привыкъ ежедневно видѣться и осмысливать въ бесѣдѣ каждое явленіе дня, міра внутренняго и внѣшняго. Явленія — были какъ кирпичи, которые доставлялись намъ каменьщиками, а зодчіе мы и обсуждали куда пріурочить каждый, не теряя общей идеи зданія, которая у насъ въ головѣ. Нѣтъ, не вѣрно сравненіе, мы не зодчіе: зодчій — жизнь, мы только смотрѣли и угадывали куда она кладетъ кирпичъ, и какъ и что онъ будетъ въ цѣломъ.

А впрочемъ все идетъ благополучно. Капитальное вы знаете изъ газетъ, и даже одну изъ интереснѣйшихъ сторонъ нашихъ событій можете видѣть воочію — какъ бѣсятся нѣмцы на пріѣздъ славянъ [2])... Пугало панславизма, въ который Европа не вѣрила хоть стращала имъ и себя и другихъ, вдругъ изъ области воображенія переходитъ въ реальность: [не вѣрили] это тоже самое какъ напр. вы разсказываете дѣтямъ сказку про Бабу-ягу — и вдругъ Баба-яга въ самомъ дѣлѣ появляется передъ вами, въ ступѣ ѣдетъ, пестомъ погоняетъ! Уфъ! страшно станетъ! Приходится повѣрить! да еще такому ученому и серьезному народу какъ нѣмцы!.. А вѣдь въ сущности, бояться то нечего: боится только воръ, или кто хочетъ украсть и убить, — коли совѣсть не чиста. Если нѣмцы боятся, значитъ, c'est leur cas. — Пріѣздъ славянъ у насъ эпоха. Господи! какъ работаетъ время то! вотъ зодчій, и во тьмѣ трудящійся, и помимо воли людей; но зрѣетъ дѣло, и смотришь всѣ его понимаютъ! все делается легко. Понимаютъ [и тѣ] всѣ которые вообще одарены чутьемъ жизни, образованные и необразованные, у кого угольная теорійка не отшибла смысла, не надѣла на глаза шоръ чтобы не видать ни на право, ни на лѣво, и переть только прямо, хоть въ стѣну. А у насъ такіе, какъ вы знаете, въ обиліи, и любопытно как они, прущіе въ противуположные углы, сходятся! Не понимаютъ [съ] новой эпохи, ругаютъ славянскій съѣздъ — высшіе съ органомъ Вѣстью, и демагоги съ гласнымъ судомъ, Искрой и т. п. Но это такъ и должно быть. Шоры — у той и другой стороны. Только свое разнюхиваютъ, а до общаго возвыситься не могутъ. Это, ей Богу, какое то помѣшательство! Впрочемъ я объ нихъ говорю только такъ, для округленія картины, чтобъ сказать вамъ, что все идетъ какъ слѣдуетъ. Большая рѣка несется все шире и шире, болота гніютъ и воняютъ все больше и больше... но вѣдь они высохнутъ же когда нибудь!

Бѣдный Тургеневъ! Какъ не кстати для его Дыма [3]) этотъ расхлестъ жизни, и именно не дыма! какой сильный толчокъ въ общемъ разумѣніи, чтобы еще больше подмыть подъ нимъ почву!.. Почитатели дыма нашлись только между полонофилами! А какъ онъ вдругъ не кстати разразился надъ славянофильствомъ — когда славянофиль-

ская доктрина не только дышетъ теперъ въ новыхъ уставахъ, но и [тоже] за пределы Россіи хватила, и торжествуетъ первый съѣздъ славянскій! Это уже и не розга провинившемуся таланту, а дробящій молотъ... «дробя стекло, куетъ булатъ»... Какъ это разоблаченіе бѣдности любви и пониманія, обнаруженное имъ въ Дымѣ, лишаетъ основанія и прежнія его лучшія произведенія: как! да если ты этого не понимаешь и не любишь, то на какомъ же пьедесталѣ стоялъ ты, когда говорилъ то-то и то-то? — Вы понимаете что я хочу сказать. Лѣнь писать, распространяться. Хотѣлось бы разсказать вамъ анекдотовъ — а их было много — да тоже лѣнь. Вы вѣдь сами анекдотовъ то читали, вѣроятно, много въ нѣмецкихъ газетахъ. А знаете что? Проѣхали бы вы въ Прагу. Объ васъ тутъ спрашивали многіе славяне. Попробуйте, если здоровье позволитъ. Слышу что здоровье поправилось — а вотъ что финансы? — Эта часть и у меня плоха: Бабиковъ надулъ жена родитъ скоро, произвели въ чинъ — вычетъ [въ] около 200 р. Я обдѣлываю все свой переводъ Слова о Полку Игореве [4]), и все болѣе и болѣе плѣняюсь этимъ памятникомъ. Увидите, какъ онъ выйдетъ въ моемъ пониманіи, т. е. въ переводѣ. Вашъ юнецъ [5]) приходилъ ко мнѣ за деньгами — но я отъ Г-жи Сватковской [6]) не получалъ. Он собирается во Псковъ, къ теткѣ. Погода у насъ все еще прескверная. Видаю Страхова — онъ написалъ очень учтивый и хорошій разборъ Дыма.

Сейчасъ принесли прибавленія къ Сѣв. Почтѣ, гдѣ я съ ужасомъ прочелъ, что въ Государя стрѣляли. Господи, чтожь это такое? Недаромъ было общее нежеланіе чтобы онъ ѣхалъ. Неужели этотъ выстрѣлъ—польское спасибо за Вержболовскій рескриптъ? Мы здѣсь никто не сомнѣваемся, что это польская штука. Для насъ это $2 \times 2 = 4$, как и среда, воспитавшая Каракозова — тоже панургово стадо, котораго водительство въ польскомъ жондѣ. Нѣтъ съ, нѣтъ съ ними примиренія, какъ ни хлопочутъ наши разные умники! нѣтъ примиренія между русскимъ самодержавіемъ, надѣляющимъ хлеповъ кускомъ земли, и польско-европейскимъ шляхетствомъ, величающимъ себя польской народностью! Не поможетъ ли этотъ новый святотатственный выстрѣлъ, эта новая кровавая обида въ лицо русскому народу — убѣдить кого слѣдует, что надо энергически вести до конца предпринятые въ Польшѣ и Зап. Краѣ мѣры [7]). Эта новая обида вывѣшена на улицахъ. Толпа стоитъ—одинъ прочтетъ, уйдетъ, другой прочтетъ, уйдетъ—всѣ тѣснятся — гробовое молчаніе! но вникните въ это молчаніе: что на сердцѣ то происходитъ!.. До свиданія. Больше не пишется!

весь вашъ

А. Майковъ.

Милой же барынѣ, Аннѣ Григорьевнѣ наше нижайшее — то есть почтеніе.

2-е письмо.

20 сент. 1867.

Собирался, собирался писать Вамъ, да вотъ сколько времени ушло! А было много мыслей и фактовъ сообщить Вамъ, да привычки нѣтъ письма писать. Между тѣмъ очень люблю получать письма, особенно такіе какъ отъ Васъ послѣднее [1]). Впрочемъ существенный отвѣтъ на него вами уже полученъ, т. е. 125 р. в застрахованномъ письмѣ, хотя о полученіи Вы меня не увѣдомляете [2]), и я начинаю безпокоиться дошли ли деньги по назначенію, или Вы все бѣдствуете. Кстати о деньгахъ. 25 р. назначенные Пашѣ [3]), все еще у меня, хотя онъ и забѣгалъ раза три узнавать вашъ адресъ и говорилъ что ему необходимо достать денегъ. Но не далъ я ему по 2-мъ причинамъ: 1) Ваша belle-mère сказала мнѣ чтобы я не давалъ, такъ какъ онъ отъ нея получилъ по 25 сентября все ему слѣдуемое [а оставленное вами ему при отъѣздѣ, через два дня ушло неизвѣстно куда]. 2) На мои вопросы на что ему деньги? Онъ говорилъ такой вздоръ, что уши вянутъ. Напр. будто надобно внести 15 р. в Университетъ, чтобы слушать римское право, для записыванія лекцій стенографіей, потомъ составить, а тамъ — есть какой то студентъ, который за составленную лекцію платитъ по 2 р. Аннѣ Григорьевнѣ извѣстны его успѣхи въ стенографіи — на мой вопросъ а по латынѣ знаете? онъ отвечалъ — ну, право, что чуть ли *не отлично*! Бывши самъ юристомъ и составлявши лекціи по римскому праву, я ужъ по опыту знаю, что кромѣ латинского языка для составленія лекцій по Р. П. нужно знать очень много изъ древней жизни и юридич. наукамъ, я сейчасъ увидалъ, что это вздоръ, говорилъ ему, онъ спорилъ закусивъ удила, я денегъ и не далъ. Совѣтовалъ найти какое нибудь мѣсто — хоть маленькое, стыдя его, и пр. — ну, пожалуй министра мѣсто онъ возьметъ, а вотъ что ваша belle-mère нашла для него (хоть 12 р. в мѣс.) это не годится [Вообще вижу, что это для Васъ обуза самая печальная. Упрямъ, ленивъ, а вкусилъ жизни, не искусясь наукой. Схожу еще къ Эмиліи Федоровнѣ [4]) провѣрить некоторыя его слова].

Вы попали въ Женеву — какъ разъ во время выставки тамъ цвѣта европейской космополитической революціи [5]). Чай вѣдь все бородатые и старые — а ничѣмъ отъ нашихъ гимназистовъ 61-х годовъ не отличаются! Глазамъ не вѣришь читая отчеты ихъ засѣданій! фраза, фраза и отъ жизни народовъ — на милльоны миль! Хорошъ нашъ то Бакунинъ! хлопочетъ о томъ что будетъ черезъ 3000 лѣтъ! Говорятъ впрочемъ что и все собраніе хоть оно тоже изъ полоумныхъ состояло, — покоробилось слыша отъ русскаго, что цивилизація требуетъ, чтобы Европа отодвинула Россію въ Азію! Впрочемъ Бакунинъ отъ Потугина недалеко. Это прямая линія, на которой стоятъ и наши нѣкоторые бюрократы, и на которой гдѣ остановиться указываетъ только темпераментъ. Потугинъ мирного свойства онъ хандритъ, сѣтуетъ и кланяется Европѣ. Бакунинъ безъ удержу — ну и идетъ до конца, и уперся въ стѣну. Гадко! а вы впрочемъ, соберите ка свѣденія, и передайте намъ личные впечатлѣнія ваши отъ этой валпурговой ночи.

Вотъ отъ насъ, изъ нашей варварской стороны, могу передать вамъ извѣстіе, болѣе утѣшительное, даже умилительное. [Это черта] Вы знаете или нѣтъ — что Кельсіевъ [6]) есть авторъ писемъ изъ Галичины (Иванова Желудкова)? Онъ явился на границу въ Скуляны, объявилъ себя государственнымъ преступникомъ, надъ коимъ заочно состоялся приговоръ (каторжной работы) и предалъ себя безусловно въ руки правосудія. Это 6. въ концѣ мая. Привезенъ въ Петербургъ. Была комиссія. Не знаю что тамъ дѣлалось, только дня четыре таму назадъ Кельсіевъ выпущенъ съ полнымъ прощеніемъ, даже безъ надзора полиціи. Государю были представлены письма изъ Галиціи, и его исповѣдь — исповѣдь убѣжденій,—и резолюція о Кельсіевѣ есть одна изъ тѣхъ непосредственныхъ чертъ Его характера. Знаете, меня все это трогаетъ до слезъ. Какъ же это по русски! Какъ все это далеко выше и лучше всего этого гуманистическаго кагала въ Женевѣ! Вѣдь это въ другомъ видѣ — исторія Ермака. Казакъ воръ - разбойникъ завоевываетъ Сибирь бьетъ челомъ царю, моля простить старыя вины. Царь милуетъ. Ивановъ-Желудковъ бьетъ челомъ чуть не Галиціей, тоже преступникъ бунтовщикъ, помогаетъ, какъ никто, уясненію польскаго вопроса, окончательно губитъ Поляковъ во мнѣніи у насъ, и предается въ руки власти — и Царь милуетъ! Ей Богу, такъ и хочется его, по аввакумовски, назвать: «голубчикъ»!

Я вамъ писалъ какъ то не заѣдете ли вы въ Прагу? Эй заѣзжайте, являйтесь прямо въ редакцію хоть Народныхъ Листовъ (газеты) и будете довольны, да и любопытно. Каково? Чешскую корону встрѣчаютъ гимномъ Боже царя храни! Господи вотъ онъ — революціонный гимнъ! а вдуматься — такъ, право, какая въ немъ сила. Дѣло въ томъ, что [хотя] у насъ многое (хотя бы и этотъ гимнъ) и в оффиціальной Россіи, непосредственно, создалось так вѣрно и притомъ такъ, что авторы видѣли въ своемъ твореніи одно значеніе, и никакъ не подозрѣвали того что въ твореніи ихъ заключается! Неподумавъ — сказали это, а подумавъ, сказали бы тоже самое!

24 сентября.

Въ дополненіе къ написанному о Кельсіевѣ, прибавлю, что слышалъ отъ него. Комиссія предлагала ему разные вопросы, и отвѣтамъ его [все] не придавала полной вѣры, все подозрѣвала нѣчто недоброе. Тогда онъ попросилъ, чтобъ дали ему написать полное изложеніе хода своихъ мыслей, и написалъ съ 15 печатныхъ листовъ автобіографію, показавъ, что только въ славянскомъ вопросѣ и въ роли Россіи въ славянствѣ разрѣшились всѣ его идеальныя безпочвенныя стремленія къ свободѣ и дѣятельности, что только этотъ вопросъ освѣщаетъ значеніе Россіи и разъ увидавъ ее въ этомъ свѣтѣ, поймешь ее, пленишься и цѣликомъ, безвозвратно и безусловно ей отдашься, ибо получаешь цѣль дѣятельности, осязательную, живую, историческую, съ корнями назади и съ плодомъ впереди. Записка эта убѣдила комиссію и была препровождена къ Государю, который прочелъ ее всю, надѣлалъ отмѣтокъ въ родѣ: «дать прочесть такому то, къ свѣденію — обратить вниманіе тому то, и пр. и въ концѣ приписалъ: простить безусловно».

3-е письмо.

Ноября 3 1867 г.

Любезнѣйшій другъ Өедоръ Михайловичъ!

Простите что не писалъ Вамъ давно; это не значитъ, чтобъ у ме[illegible] сердце по васъ не болѣло; но все ждалъ фактовъ, хотя бы по испол[illegible] ненію вашихъ порученій; они то и заставили меня замѣшкаться. И теперь могу отдать отчетъ. 1) Съ Бабиковымъ [1]) [все] — сдѣлано какъ вы писали, но объ немъ ни слуху, ни духу. Говорятъ, пьетъ. 2) Изъ рус[illegible] скаго Вѣстника получилъ кредитовъ на 66 р. [2]); Анна Николаевна была у меня нѣсколько разъ, и просила отложить 10 р. ей для выкупа [illegible] для платежа процентовъ за салопъ Ан. Гр-ны: сама издержалась совсѣмъ, такъ что я Эмиліи Өедор. дал 30 р., Пашѣ 20, а 10 ей (Ан. Ник. но по просьбѣ послѣдней совралъ Пашѣ и Эм. Өед., что таково было ваше распоряженіе, и вы мнѣ такъ писали. Пожалуйста поддержите меня, потому, что я полагаю, что самое преданное вамъ лицо [illegible] Анна Николаевна, кажется, безподобная женщина, а я дѣйствовалъ по [illegible] желанію. Паша тоже заявлялъ чтобъ я Эм. Өедоровнѣ не выдавалъ всѣхъ денегъ, а по 15 р. черезъ мѣсяцъ: но Эм. Өед. говорила, что еще онъ ей задолжалъ до 39 р. Вообще тамъ не разберешь. Кон[illegible] гдѣ тонко тамъ и рвется. — Былъ здѣсь Яновскій [3]) и удержалъ меня отъ намѣренія достать для васъ изъ Литер. Фонда хоть 100 рублей говоря, что онъ постарается достать въ Москвѣ; онъ увѣдомилъ меня что выслалъ вамъ эту сумму. Воображаю какъ вы тревожитесь тамъ за границей! Но вотъ, постойте, пишутъ что скоро отмѣнятъ Тарасовъ домъ т.-е. сажаніе за долги [4]) — я васъ тотчасъ увѣдомлю: мнѣ [illegible] кажется, что въ Россіи, при вашемъ безденежьи, все лучше, есть свои люди, можно извернуться, посжаться, что нибудь мимоходомъ заработать, хоть фельетонъ написать... самое послѣднее дѣло! Женева Вам рѣшительно вре[illegible] куда вы направитесь? А что милая барыня, Аннѣ Григорьевна! Смѣйтесь, го лубушка, въ лицо судьбы именно тогда, когда она строитъ вамъ самую кислую рожу! Не теряйте этого золотого качества! ей Богу, оно пом[illegible] гаетъ жить, стоитъ денегъ. Это свойство въ Васъ всѣ понимаютъ и очень цѣнятъ, а Васъ зато любятъ. Умница. — Двигается ли романъ [5]) — или здоровье не позволяетъ [все таки] да обстоятельства?..

— У насъ затишье въ новостяхъ. Вышла прескандальная истор[illegible] съ предостереженіемъ Голосу [6]) — да это вы знаете изъ газетъ; вы[illegible] ему и второе предостереженіе. Удерживаюсь отъ комментаріи — [illegible] говоритъ само за себя очень краснорѣчиво. Вообще же неимовѣрное затишье въ новостяхъ, особенно по внутреннимъ дѣламъ. Не угадаешь — что собирается, чтобъ грянуть. За недостаткомъ фактовъ, скажу [illegible] общемъ. А общее даетъ вотъ что хорошаго: молодежь наша, кажется совсѣмъ уже не та что во времена Современника и Русскаго Слова. Чутьемъ поняла славянство, значеніе Россіи, ея историческіе основ[illegible] Патріотизмъ самый разумный, прелестный по молодой силѣ, который оплодотворенъ. Конечно строятъ теоріи, да ничего хоть и врутъ, теорі[illegible]

то стоять по крайности на почвѣ. Вышло нѣсколько книгъ изъ юнаго лагеря — о Россіи: видно что Бокля съумѣли наконецъ примѣнить разумно къ нашей исторіи, да и пожалуй поправить, въ томъ что касается до вліянія нравственныхъ началъ — знаете, его пробѣлъ. И духъ времени подѣйствовалъ, и событія, и — юридическіе факультеты, которые все-таки держутъ къ землѣ, а исторія права прямо роднитъ съ прошедшимъ родной земли, уясняя его. Я все перечитываю бездну книгъ для Сл. о полку Игоревѣ [8]), [напи] пишу введеніе къ нему, хочется чтобы было хорошо, т. е. не срамно со стороны научной. Кому читалъ — нравится: сочинилъ біографію пѣвца — вотъ какъ! по однимъ источникамъ — по живости непосредственнаго впечатлѣнія и чувства въ разсказѣ пѣвца, по намекамъ въ поэмѣ о томъ что онъ зналъ, и по разсмотрѣнію его современниковъ, къ какому поколѣнію онъ принадлежалъ? Согласитесь, что это по крайней мѣрѣ ново. Вообще мнѣ хочется, чтобъ это былъ мой маленькій monumentum, приношеніе на «алтарь отечества». Потому и не тороплюсь печатать, и не отходя отъ стола работаю. Ну — до свиданія!

Посылаю письмо чтобъ предупредить Эм. Ѳед. на счетъ 30 [ти] рублей, почему и не жду пока моя жена напишетъ Аннѣ Григ., которую пока черезъ меня благодаритъ за память и за милое письмо.

Пишите, пожалуйста! Весь вашъ *А. Майковъ*.

4-е письмо.

7 Янв. 1868.

Сію минуту получилъ я отъ Васъ письмо [1]), любезнѣйшій Ѳедоръ Михайловичъ, и не сходя съ мѣста принимаюсь за отвѣтъ. Нечего говорить какъ оно меня обрадовало, потому что столько мѣсяцевъ отъ Васъ ни слуху, ни духу, послѣднее письмо [2]) ваше было такъ мрачно, у меня просто стало ныть сердце: что съ Вами? [что] припадки! — Анна Григорьевна въ ея положеніи [3]), нужда, чужая сторона, никого близкихъ: какъ вы все это вынесете, да и вынесете ли, не то чтобы еще писать романъ! Потомъ не зналъ гдѣ вы? въ послѣднемъ письмѣ вы писали, что поѣдете или въ Парижъ или въ Италію — я совѣтывалъ переѣхать на другой конецъ Женевскаго озера — не зналъ куда писать! Да и всѣ Ваши ходили ко мнѣ за Вашимъ адресомъ, Паша даже сегодня былъ и получилъ [отъ меня] отвѣтъ что не знаю. Но нынѣшнее письмо весьма утѣшительное, и даже сквозь него просвѣчиваетъ болѣе или менѣе свѣтлое настроеніе — хорошо! оказывается къ тому что Вы еще просто молодецъ: романъ почти написалъ и уничтожилъ (надѣюсь однако не огнемъ, а такъ въ портативную помойную яму кинули, съ которой онъ и въ Петербургъ пріѣдетъ, а потомъ можетъ быть и вычистится и возсіяетъ?) — да и новаго романа [4]) много написано: просто душка да и только. Всѣ Ваши желанія исполню, напишу когда онъ явится въ печати. Но до перваго №, кажется еще далеко, не вышли еще ноябрь и декабрь [5]). Но Катковъ то каковъ! и журналистика видно не безъ добрыхъ людей [6]).

Впрочемъ въ Петербургѣ у насъ такихъ редакторовъ нетъ. И такъ все
это хорошо, успокаиваюсь.

Напрасно мучитесь объ Пашѣ: онъ опредѣленъ на службу въ адрес-
ный столъ, по 25 жалованія. Говорилъ что работы много, а въ ней
«ничего для ума и сердца». Я ему твержу что для «ума и сердца»
казенной службы не полагается, а отъ него пока требуется „смыслъ
и руки вотъ ими и служите». Служитъ онъ кажется уже третій
мѣсяцъ.

Трудная задача взята Вами — хорошихъ людей. Съ нетерпѣніемъ
жду, хочется узнать хоть бы главное — какого они сословія? чѣмъ
выше тѣмъ труднѣе задача, но романъ съ хорошими людьми — героями
можетъ рассчитывать на успѣхъ. Много вопросовъ они возбуждаютъ
ошибаются они или нетъ? разочаровываются, исправляются, счастливы
или несчастны... все это раздражаетъ мое любопытство. Дай то Богъ
имъ хорошую дорогу! А по части литературы все таки мы не дремлемъ,
и вѣдь вотъ не прошло и году какъ появилось Преступленіе и Наказа-
ніе, какъ возникаетъ въ другомъ родѣ, но то же капитальное явленіе —
Война и миръ Толстого — я еще не досталъ чтобъ прочесть, будетъ
только на дняхъ у меня, — но люди весьма строгіе какъ Ломанскій и
Страховъ — отъ него въ восторгѣ. Главное романъ историческій! лица
изображены съ ихъ историческими и будничными недостатками, но
вѣяніе, великое вѣяніе эпохи охватываетъ сердце читателя: русскимъ
духомъ пахнетъ. Къ этому сводятся отзывы. Меня подобныя явленія
въ русскомъ мірѣ какъ ребенка радуютъ радуютъ за Россію! Побольше
бы! Побольше бы капитальнаго! какая мелочь въ сравненіи съ этимъ
теперь на Западѣ! А вотъ и Западъ подарилъ намъ повѣсть: Тургеневъ
напечаталъ въ Вѣстникѣ Европы (ехидный журналъ западниковъ, въ
послѣднемъ № совѣтуется предоставить Западный край самому себѣ, дать
полякамъ всѣ блага нашихъ реформъ, и быть увѣреннымъ что это
примиритъ и привяжетъ ихъ: жаль что журналистовъ не посылаютъ
на войну — еслибъ побывали при усмиреніи мятежа, не то бы запѣли,
не посовѣтывали бы мѣръ на рискъ что, молъ, примирятъ — и возста-
нія новаго не будетъ) — Тургеневъ напечаталъ повѣстушку Бригадиръ[7]...
Жалкое впечатлѣніе она производитъ. Написано въ 1867 году, а
краски всѣ за десять лѣтъ до сего времени. Словно подражаніе
Запискамъ Охотника; вотъ онъ абсентеизмъ, которымъ такъ обижается
Потугинъ! Эхъ не понимаетъ онъ миѳа объ Антеѣ! Я уже Вамъ
писалъ что на нынѣшній годъ готова высыпать цѣлая ватага изъ мо-
давшего лагеря. Злые языки говорятъ даже что ихъ выпускаютъ для
пораженія Аксакова и Каткова, и русской партіи. Выпускаютъ или
нѣтъ, а объявленій издано много, книгъ же еще нѣтъ. Увидимъ до
чего они додумались... Со мной самое важное случилось вотъ что
былъ я присяжнымъ въ окружномъ судѣ[8]), двѣ недѣли ходилъ, сидѣлъ
тамъ иногда отъ 11 утра до 5 часовъ ночи, т. е. 18 часовъ. Въ эти
двѣ недѣли можно пережить пять жизней — такого біенія сердца не
запомню. Интересу столько, что лучше [бы] не начиналъ писать, прого[ворить]
можно бы двое сутокъ. Поучительно, страшно, любопытно. Вѣрьте ...

всѣ присяжные отъ Усть Пжорскаго старосты — до доктора Штейна (что сумашедшихъ лечитъ, славная, теплая душа, мы т. е. присяжные его всѣ ужасно полюбили) всѣ идутъ на свою жесткую скамью словно къ исповѣди и причастію, даже еще страшнѣе. Но ужъ лучше не буду ничего писать — вотъ чѣмъ не терплю писать! По окончаніи сессіи хотѣлъ было я выразить мои впечатлѣнія въ формѣ письма къ Вамъ, да ужъ очень утомился. Ну — что еще вамъ сказать на закуску, потому что хочу письмо отослать тотчасъ же, чтобъ не завалялось?.. Веселенькое развѣ: наши мелкія газеты ругаются до невѣроятности, напр., одинъ пишетъ другому: такой то фельетонистъ хвалилъ косметическій магазинъ такой то. Это оттого, что получивъ 10 пощечинъ, онъ получилъ тамъ мазь, утолившую его боль — и подписано: Колосовъ. Другой обзываетъ противника апраксинскою швалью. Это все болѣе или менѣе прелестно. Ну до свиданія! Поклонъ Аннѣ Григорьевнѣ и желаю ей молодцомъ совершить свой материнскій подвигъ. Зная по опыту что испытываетъ въ эти часы отецъ (почти тоже родитъ!) рекомендую Вамъ Ѳед. Мих. быть спокойнѣе — пожалуй лучше уйти изъ дому... — До свиданія.

Вашъ *А. Майковъ*.

5-е письмо.

7 марта 1868 г. а).

Во первыхъ, любезнѣйшіе друзья, поздравляю васъ съ Соней [1]). Если все идетъ какъ слѣдуетъ, т. е. мамаша здорова, сама кормитъ, и Соня ведетъ себя хорошо, то значитъ Ваша жизнь просіяла появленіемъ новаго чувства, новой мысли — что вотъ тутъ въ комнатѣ есть что то — (не то *дѣло*, не *страшное* какъ у Раскольникова) но что-то, тамъ въ углу спящее, милое, на которое постоянно насторожены мысль и чувство, въ чемъ цѣлый міръ ожиданій, неизвѣстныхъ — но непремѣнно хорошихъ проявленій, которому очень хорошо будетъ жить на свѣтѣ, а намъ (т. е. Вамъ) будетъ еще лучше... Да, эта маленькая, бессильная, еще не могущая изъ кулачка разогнуть розовыхъ пальчиковъ — ужъ начала и будетъ поддерживать васъ, любезнѣйшій дружище! Она сдѣлаетъ Васъ немножко эгоистомъ (что для васъ необходимо), подтянетъ, приведетъ къ своему знаменателю. Въ старину очень хорошо выразили чувство при появленіи новорожденнаго: ангельская душа въ домѣ появилась [2]). — Ну полно объ этомъ. Я затронулъ объ эгоизмѣ. Это вотъ почему: *непростительно* горячо заботитесь Вы, Ѳедоръ Михайловичъ объ вашихъ здѣсь [3]). Такъ мнѣ не хочется итти и разносить деньги ваши. Вы, кажется, слишкомъ сквозь добрые и ухорошивающіе очки смотрите. Лучше бы было все переслать вамъ. Еслибы вы были здоровы, свободны, богаты (или хоть обезпечены) — о другое дѣло! Я бы не писалъ Вамъ объ этомъ, если бы не имѣлъ въ виду будущихъ вашихъ

а) Год написан рукою Ан. Гр. Достоевской.

распоряженій въ которыхъ желалъ бы видѣть больше перевѣсу въ заботѣ о вашихъ нуждахъ, о вашемъ положеніи, нежели о другихъ которые злоупотребляютъ, кажется, вами... Не сердитесь — но такъ мои, посторонніе глаза видятъ, и уши слышатъ, а Вы для меня и для... Россіи дороже. — Ну, у насъ важныя событія! Валуевъ смѣщенъ, вмѣсто его — Тимашевъ. Что будетъ послѣдній, неизвѣстно. О первомъ слагается у меня такой образъ. Безспорно, это одинъ изъ образованнѣйшихъ министровъ, какіе когда либо у насъ были. Но — сынъ Европы, а не Россіи. При этомъ ни умъ ни знанія не пошли въ прокъ ни ему, ни другимъ; Россіи — вредъ, оттого что мѣшалъ въ слѣдствіе гуманизма и космополитизма національной политикѣ внутри. Полякамъ — вредъ потому что образомъ своихъ дѣйствій, основанныхъ на тѣхъ же началахъ, питалъ ихъ враждебныя къ намъ мечты. О нѣмцахъ — то же самое. Охъ, вѣры въ себя, вѣры въ призваніе Россіи, вотъ чего нѣтъ на верхахъ у насъ! Зато вѣра въ цивилизацію: да вы берите въ соображеніе, говорю я, цивилизацію Запада не съ точки зрѣнія однихъ побѣдъ ума и знаній, а во всей совокупности [ея] явленій, съ папствомъ, феодализмомъ и чадами ихъ, — пауперизмомъ, пролетаріатомъ, революціями, кровью, матеріализмомъ житейскимъ, самымъ пошлымъ ... [ну а такой намъ не нужно]. О Тимашевѣ ничего, неизвѣстно что знаетъ, что любитъ, образованъ, нѣтъ ли, ничего неизвѣстно. Можетъ быть и необразованъ — да русскій человѣкъ съ русскими инстинктами, — ничего опять таки, не знаемъ. Въ Вильну назначенъ Потаповъ, который былъ очень, говорятъ, хорошъ на Дону; все это впрочемъ еще иксы, а объ иксахъ говорить — пока нечего. И объ литературѣ — тоже нечего. Западники индивѣютъ и тихо сердятся. Я одному сказалъ: ваше несчастіе что вы не знаете своей ни восточной ни западной границы: Нигилистовъ отвергаете, т. е. останавливаетесь на полгорѣ, на склонѣ, черты нѣтъ. Намъ же говорите что вы русскіе, и смѣетесь надъ нашими идеалами, своихъ не имѣя, спрашиваю: гдѣ кончается нигилистъ, гдѣ начинается западникъ? Неизвѣстно, границы нѣтъ. Гдѣ кончается вашъ руссизмъ — потому что полноты русскихъ интересовъ вы не признаете, себя называя однако русскими? — Неизвѣстно, опять и восточной границы нѣтъ. Межеумки, химеры, очень грустные люди, расплывшія личности, Господи! Когда то у насъ напишется и введется учебникъ исторіи, гдѣ бы средняя исторія такъ была изложена: распространеніе христіанства. Образованіе новыхъ государствъ. Центръ всей исторіи — церковь. За симъ *Фотій* и раздѣлъ Европы на Восточную и Западную. Борьба ихъ. Азія съ Татарами и Турками помогаетъ Западу. Коварное поведеніе Запада: помогу, лишь покорись папѣ. Слабость и паденіе Востока. Возрожденіе его съ громовъ полтавскихъ; общеславянское значеніе Петра и ростъ Россіи. Колебаніе вѣсовъ: мы теперь въ періодѣ самой роковой схватки. Вотъ программа моя въ нѣсколькихъ чертахъ. Поймите и дополните [1]). А кстати о Петрѣ. Соловьевъ нашелъ и печатаетъ — какъ онъ тогда уже рѣшилъ восточный вопросъ и какъ его понялъ — какъ мы съ Вами! Жаль только что онъ круто бороды брилъ. Потемкинъ дѣйствовалъ по его програмѣ. Него-

дите — и не сердитесь — мы всѣ будемъ гордиться Петромъ (и не такъ какъ при Николаѣ — не какъ Кукольникъ) простивъ ему кое что. Но забавно, какъ въ немъ ошиблись западники! Грустные люди, опять повторю! «Подъ бременемъ познаній и сомнѣній»!.. до времени состарились они! да имъ ли понять Петра — царя выросшаго посреди народа, что ни говори. Никто такъ не повредилъ [у нас] Петру, какъ западники [5]).

7-е марта вечеромъ.

Получилъ сейчасъ отъ Васъ письмо съ опасеніями насчетъ Паши. Сегодня же утромъ была у насъ Анна Николаевна, (которой я передалъ 50 р.) и разсказала то же, что Вы пишете о поѣздкѣ Паши в Москву [6]). Ѣздилъ онъ или нѣтъ — не знаю, но она говоритъ, что онъ недѣлю пропадалъ; изъ его словъ (онъ былъ дня три тому назадъ) видно, что живетъ (или жилъ) въ домѣ Тура на углу Вознесенской. Вотъ почему и выразился я въ концѣ первой страницы двусмысленно о томъ, что Вы должны теперь думать только о себѣ, и женѣ и дочери; *довольно* о другихъ! Помучили таки Васъ вдосталь. Аннѣ Николаевнѣ я тоже вѣрю — и говорю это на основаніи ея словъ. Соображая все это, я намѣренъ до *Вашего разрѣшенія* сдѣлать такъ: Пашѣ и Эмиліи Ѳедоровнѣ объявить, что получилъ отъ Каткова не 200 р., а 125—дать Пашѣ 25, а Эмиліи Ѳедор. — 50; 75 же придержать для Васъ, по крайней мѣрѣ до полученія отъ Васъ письма и распоряженія — выслать ли ихъ Вамъ или додать. Если велите додать, то я имъ скажу, что получилъ [отъ Каткова] дополненіе. Завтра схожу к Эм. Ѳед... охъ жалѣю, что не богатый я человѣкъ! ужъ не нуждались бы Вы! А у меня самого денежныя дѣла очень разстроены, позапутался. Жалованья хоть и порядочная цифра 2.440, но едва концы съ концами сводимъ. Карманныхъ денегъ, кромѣ какъ на сигары 10 р. не бываетъ; да я и привыкъ не нуждаться. Потомъ вотъ какое положеніе — вѣрите ли, набросаны у меня двѣ пьески; не хочется и кончать, некуда помѣстить. Петербургскіе журналы такого свойства, такъ рѣшительно поставили свои тряпки на палкахъ (воображая, что это знамена), что не хочется туда являться; да и имъ у меня спросить тоже не хочется, я-то ужь слишкомъ рѣзко обозначился, что тяну къ Москвѣ и по ихъ мнѣнію имя мое пожалуй еще изданіе замараетъ (Душки!). А вѣдь все валить в Русск. Вѣстникъ не приходится. Я туда послалъ «Софью» [7]) и Апокалипсисъ [8]), который перечелъ и восторгнулся: Господи, что за поэзія! даже въ моемъ переводѣ! Софья, говорятъ, печатается, не знаю, что будетъ съ Апокалипсисомъ: пожалуй надобно въ духовную цензуру. Не знаю, по временамъ, хорошо ли это не являться въ другихъ журналахъ: не слишкомъ ли много важности придавать тряпкамъ. А всетаки совѣстно быть подъ тряпкой съ своимъ именемъ. Встрѣтишь иного редактора — и думаешь — ну какъ предложитъ у него напечатать! (Софью то просили) — [что] отвечать? Сердце коробитъ, а съ другой стороны—нужно бы!.. Вы скажете такъ можетъ разбирать человѣкъ обезпеченный! Да вѣдь я только что, можно сказать, хлѣбъ для семьи имѣю, и то черезъ жалованье! Но это все вздоръ. А вотъ что надобно вамъ сдѣлать. Все это можетъ

быть бабьи сплетни, но къ свѣдѣнію принять можно. Краемъ уха слышалъ я что здѣсь ходятъ такіе толки: хорошо, что у васъ родилась дочь, а не сынъ, потому что въ случаѣ вашей смерти сочиненія ваши наслѣдуетъ семейство брата, а не жена и дочь, если Ф. М. не сдѣлаетъ завѣщанія.— Конечно это дичь, но мнѣ пришло въ голову — не худо вамъ сдѣлать такое распоряженіе, кто знаетъ — можетъ быть затѣютъ процессъ, если что либо такое совершится. Говорю объ этомъ съ Вами безъ стѣсненія, ибо мы съ вами люди взрослые; только стараго вѣка люди пугались «распоряженія» — да и то только тѣ, что поглупѣе. Сделайте-ко. Я признаюсь, не разъ дѣлалъ, да, слава Богу, земля еще носитъ.

8 марта утро.

Сегодня ходилъ по Вашему порученію. Эмилію Федор. не засталъ, она все у дочери, которая родила. Видѣлъ Ѳедю, которому передалъ 50 р., сказавъ, что Катковъ мнѣ выслалъ 125; если Вы одобрите меня, то подтвердите имъ; я сказалъ, что Катковъ, можетъ быть, не всѣ 500 вамъ выслалъ, а меньше, почему и мнѣ прислалъ не 200, а 125. Словомъ 75 р. у меня вашихъ денегъ: пишите, что съ ними дѣлать — прислать вамъ или раздать. Паша отъ нихъ переѣхалъ неизвѣстно почему къ Прасковьѣ (не помню отчества) бывшей у Мих. Мих., но черезъ двѣ недѣли она его выгнала, оставивъ у себя въ залогъ мебель. Изъ адреснаго стола онъ вышелъ, но туда водворенъ Миша съ 25 р. жалов. Паша мнѣ говорилъ что перешелъ въ Архивъ Царства Польскаго. Пошелъ я къ Разину [9]) — оказалось вѣрно; Разинъ призывалъ начальника, просилъ прибавить жалованья, которого он получаетъ 25 р. (а теперь еще прибавятъ) и имѣть отеческій надзоръ; я съ своей стороны тоже просилъ. Вотъ вамъ обуза съ шеи снята: Миша [10]) зарабатываетъ 25. Пашѣ будетъ больше того: пусть самъ теперь справляется. Теперь все отъ него зависитъ, какъ пользоваться своимъ положеніемъ.

Но будетъ о семейныхъ дѣлахъ. У насъ противъ голода дѣйствуютъ, кажется, хорошо. Наслѣдникъ — председатель комитета, гдѣ и члены отъ разныхъ вѣдомствъ и отъ думы. Изъ знакомыхъ мнѣ, между прочимъ Быковъ и Кокоревъ. Вообще Наслѣдникъ по этому поводу входитъ въ большую популярность: у Аничкина дворца выставлена кружка для пожертвованій: вынимаютъ въ день по 3—4 тысячи, а въ день его рожденія, вынули кажется 6000. Всѣ его видящіе по этому дѣлу, отъ него в восторгѣ: дай Богъ! Его положеніе въ будущемъ представляетъ одну трудность: послѣ столько любимого отца заслужить такую же любовь, да хоть и половину такъ довольно трудно будетъ [11]). Что во имя любви можетъ перенести русскій народъ! да все! Народная любовь — вотъ наша конституція! вотъ чего не пойметъ никогда не-русскій человѣкъ! И мы живемъ всетаки въ хорошее время, хотя въ умахъ и броженіе, и борьба, и непониманіе, великое непониманіе! Но, знаете, все это ничего! Россія въ ея основныхъ принципахъ необходима для міра, для исторіи, и въ этомъ ея сила, и это ничего, что даже умные люди этого не понимаютъ — исторія, провидѣніе, Богъ — какъ хотите называйте — ихъ не спросятъ, понимаютъ они или нѣтъ! А вотъ двѣ радостныя вѣсти: утвер-

ждены и начаты работы по Московско-Смоленской - Витебской дорогѣ, и другая отъ Курска до Азовского моря. Послѣдняя черезъ 18 мѣс. или много 2 года будет готова. И первая кажется въ тотъ же срокъ поспѣетъ. За послѣднюю [т. е. за Смоленскую], говорятъ, мы должны благодарить Наслѣдника. Ничего, Өедоръ, Михайловичъ, идетъ! идетъ А вотъ черезъ годъ армія будетъ перевооружена: гм! другой разговоръ пойдетъ. Пусть, бранятъ меня, что я вижу все въ розовомъ цвѣтѣ — да вѣдь мы съ вами *Vates* (пророки), видимъ дальше своего носу и злоупотребленій квартальнаго надзирателя, и глупости иного губернатора и безтолковости цензора, и безтолковаго самодурства московского купца и курячьей слѣпоты петербургскаго фельетониста! Знаемъ, что пройдетъ и забудется, что простится и помилуется, что будетъ начертано свѣтлыми письменами въ исторіи. Да и что за люди, которые не видятъ туда,—куда нашъ взглядъ проникаетъ! Я даже удивляюсь какъ они живутъ! Не видь того, что мы видимъ — ну пулю въ лобъ и конецъ! Нѣтъ, опять повторю, славное время, надъ которымъ пылаютъ зори будущаго — и пусть много грязи они еще освѣщаютъ, уберется грязь, сама собой высохнетъ. Ну, зафантазировался! До свидания. Жду распоряженій—насчетъ 75 рублей. Право, лучше отослать ихъ къ вамъ. Здесь — дома, перебьются. Вы на чужой сторонѣ, съ семьей.

Весь вашъ *А. Майковъ.*

А познакомились ли вы съ попомъ: каковъ онъ тамъ: не пришлось [ли] вамъ его крестить въ православную вѣру. Право, они за границей такъ привыкаютъ къ комфорту, что становятся западниками совсѣмъ. Подогрѣйте-ко его роднымъ духомъ; право, полезно хотя для его сношеній съ русскими. Вашъ Женевскій мнѣ жаловался когда-то, что его ученики, русскіе богатыхъ фамилій, едва лепечутъ по-русски: значитъ онъ недурной священникъ, если не измѣнился и если это тотъ же, котораго я видѣлъ. [12]).

6-ое письмо.

17 апр. 1868.

Любезнѣйшій Өедоръ Михайловичъ!

Крайне жалѣю, что вы не получили моего послѣдняго письма; оно было очень спѣшное и короткое; въ немъ я писалъ, кажется, только о томъ что очень радъ быть крестнымъ отцомъ вашей Сони, что повторяю, уже вкратцѣ, и теперь; и о томъ что въ эт — посылаю 25 рублей. Очевидно эти 25 р. есть причина неполученія Вашего письма. Тутъ есть вина съ моей стороны, я не зналъ, что recommander значитъ застраховать и думалъ, что, значитъ, надо снести письмо самому въ почтамтъ. Я такъ и сдѣлалъ; но, представьте себѣ, пріидя въ почтамтъ, вдругъ ощупалъ въ карманѣ, что забылъ кошелекъ, почему отправилъ письмо даже не франкированнымъ. Бумажка въ 25 р. была вложена внутрь письма. Не знаю преступленіе это или нѣтъ;

во всякомъ случаѣ я подыму изъ-за нихъ дѣло, при первомъ случаѣ разсказавъ всю исторію Тимашеву или Лаубе. Я разсуждаю такъ: если не законно я послалъ деньги въ письмѣ, то, можетъ быть, имѣли право ихъ конфисковать, и они записаны въ полученіе въ почтамтѣ; если же не записаны, значитъ ихъ украли. Одно очень высокостоящее лицо, которому я разсказалъ это дѣло, сказало мнѣ, что очень немудрено, что ваша переписка съ Достоевскимъ читается, потому что вы — литераторы; у насъ, говоритъ, и въ высшихъ сферахъ очень многіе не знаютъ разницы между Катковым и Чернышевскимъ, между писателями преданными до мозга костей Россіи и Государю и революціонерами, и хотя вы съ Достоевскимъ фанатики въ первомъ смыслѣ, все равно, передъ такими лицами вы типы подозрительные. «Как ни грустно, прибавилъ онъ, а это такъ». Ну, если читается, темъ лучше, значитъ, читающіе крадутъ, и, по жалобѣ моей, легче будетъ найти концы и карманъ куда воровская рука спрятала ваши деньги ибо полагаю, что цензирующіе письма, съ полицейской точки зрѣнія, едва ли уполномочены отбирать деньги, а если уполномочены, то эти деньги должны быть записаны гдѣ нибудь въ приходѣ, а не опущены въ ихъ карманъ. Сейчасъ же пойду наводить справки. — Но, Боже мой, какой отравой подѣйствовало на меня предположеніе, что наши письма читаются! Я рѣшительно чувствую себя не въ состояніи болтать съ вами и въ этой болтовнѣ изливать свои самыя горячія убѣжденія, мысли и чувства, — что все еще усугубляется тѣмъ сознаніем, что вѣрноподданные по принципу и кромѣ того, лично до обожанія преданные Государю нашему милому, едва ли много такихъ людей, какъ вы и я. Ну, да противъ этого ужъ ничего не сдѣлаешь. Невѣжество у насъ такъ велико, что въ самомъ дѣлѣ не умѣютъ отличить Каткова и Аксакова от Чернышевскаго и всего подпольнаго жонда. Я часто себѣ задавалъ этотъ вопросъ: неужели это невѣжество еще исторически нужно? и знаете, находилъ нѣкоторые факты въ пользу его. Напр., не подлежитъ сомнѣнію, что николаевскіе генералы были гораздо невѣжественнѣе нынѣшнихъ новаго поколѣнія начальствъ; они были грубы, топали, кричали, дрались нѣкоторые, но по большей части были добрые люди, и утихнувъ, ужъ сохрани Боже, имъ взять на себя пустить по міру семью; это бы еще ничего — личная доброта; но у нихъ при грубости и невѣжествѣ была вѣра въ себя, въ Россію, въ какое то непонятное для нихъ ея величіе, вѣра въ ея силу, въ ея будущее. Новые образованнѣе, слова нѣтъ; но сердцемъ черствѣе, и этой вѣры въ нихъ нѣтъ. Немного между ними такихъ, которые бы понявъ великую душу и думу Государя, съ тою слѣпою вѣрою и рвеніемъ приводили ее въ исполненіе, как Николаевскіе люди. Невѣжество то ихъ, при всѣхъ ихъ знаніяхъ, именно происходитъ отъ недостатка этой вѣры... Но что я? Сейчасъ сказалъ, что не буду говорить съ вами о задушевныхъ предметахъ, анъ вотъ и высказался! но мысль, что чужое рыло, пожалуй, полѣзетъ опять въ мое письмо, леденитъ душу и останавливаетъ перо. До свиданія, голубчикъ, пишите романъ, пишите спокойнѣе, онъ обратилъ на себя вниманіе; первая часть — единогласный восторгъ; при второй голоса раздѣлились, одни

въ восторгѣ и ждутъ что будетъ с нетерпѣніем, другіе говорятъ, что форсировано — и тоже ждутъ продолженія, ибо можетъ быть, такъ нужно. И такъ до слѣдующаго письма. Не забудьте же, что я *крестный отецъ Сони.* Кумушкѣ руки цѣлую, объ ней что-то я писалъ въ пропавшемъ письмѣ, по порученію жены, именно, что она тотчасъ въ ней угадала съ разу, прекрасную женщину. Пожалуйста не падайте духомъ, и пишите роман.

Весь вашъ

А. Майковъ.

7-е письмо.

Мая 10. 1868.

Сегодня я взялъ русскій вѣстникъ, [гдѣ] увидавъ, что тамъ есть Идіотъ и поспѣшилъ прочесть. Когда прочелъ, хотѣлъ писать къ Вамъ, а когда сталъ собираться писать, увидалъ приготовленный для отсылки съ Анной Николаевной пакетъ, а тамъ крестикъ; — а когда увидалъ — назвалъ себя телятиной, какъ извѣстный почтмейстеръ. Анна Николаевна не зашла, и письмо пролежало; я забылъ отдать на почту, и не нападалъ на него. Не нападалъ же на него потому, что съ 23 апрѣля занемогъ отецъ отчаянно. Двѣ недѣли мы чередуясь съ братомъ Леонидомъ, просиживали при немъ ночи. Хлопоты, безпокойство отъ полнаго безденежья и невозможности работать съ потерею зрѣнія, простуда, — воспаленіе легкихъ и печени, при горячечномъ общемъ состояніи, и при этомъ 72 или даже 73 года повергли его въ отчаянное положеніе. Но, кажется, здоровая натура выносит. Воспаленіе проходитъ, но силы не возвращаются. По этому поводу у меня всѣ работы прекратились: а тутъ еще весна, зоветъ на зелень. Вотъ отчего такъ долго вы отъ меня писемъ не получаете.

Глава Идіота — прекрасна! мастерство великаго художника такъ и видно въ рисованіи даже силуэтовъ, но исполненныхъ характерности. Интересъ силенъ — продолженіе ожидается съ любопытствомъ и даже съ увѣренностью, что будетъ хорошо. Право, такъ это и высказываетъ эта короткая глава: «не безпокойтесь молъ, будетъ хорошо!» —

Не хотѣлъ бы — да нельзя! надо сказать вамъ нечто не совсѣмъ пріятное. Это насчетъ Паши. [1]) Я, признаюсь, его и поругивалъ и нотаціи читалъ, что онъ переводитъ на свой языкъ такъ: «Я знаю, и изъ вашихъ словъ убѣдился, что вы обо мнѣ не очень высокаго мнѣнія». — Я отвѣчаю, что это совершенно справедливо и пр. Дѣло въ томъ, что онъ ужъ отъ Разина вышел. Его непосредственный будто бы начальникъ, узнавъ объ участіи къ нему Разина и о прибавкѣ жалованія, началъ съ нимъ обходиться свысока, и притѣснять его, чего его гордость не вынесла, и онъ подалъ въ отставку. Значитъ, послужилъ мѣсяцъ или два въ Адресномъ, мѣсяцъ съ хвостикомъ у Разина. Вотъ на счетъ амбиціи — то я его и шпынялъ и обнаружилъ не высокое о немъ мненіе. [Деньги] Но это все ничего. Онъ началъ присылать записки съ просьбою одолжить денегъ (точь въ точь племянникъ Лебедева) — у меня же денегъ нѣтъ: отецъ боленъ, да и свои должники завелись; наконецъ

явился съ такимъ извѣстіемъ: что Ламанскій даетъ мѣсто въ 500 р. въ Рязани (не знаю правда ли) и что для этого ему «надобно сдѣлать заемъ» — чтобъ выѣхать и подняться надо рублей 150; что есть у него человѣчекъ, который далъ бы, да надо поручителей — онъ и выбралъ Страхова и меня. Ну, я прямо отказался. Каюсь вамъ въ этомъ, но ей-ей нахожусь въ самыхъ скверныхъ обстоятельствахъ, а ручаться — вывелъ изъ опыта, что семейному человѣку не слѣдуетъ, особенно когда тотъ за кого ручаешься похожъ на извѣстнаго племянника. Тѣмъ слогомъ и говорилъ, и виды свои разсказываетъ. Не знаю какъ въ этомъ случаѣ быть; я совѣтывалъ ему написать къ вамъ, напоминая, впрочемъ, въ какихъ вы обстоятельствахъ находитесь, да что и онъ, скача какъ воробей съ мѣста на мѣсто (что еще особое счастье, коимъ онъ обязанъ вашему только имени) Богъ вѣсть какія права имѣя на высокое уваженіе къ своему я, едва ли гдѣ усидитъ какъ слѣдуетъ, и потому за него ручаться нельзя, и васъ еще поручительствомъ вводить въ новые долги безсовѣстно. Главное, что цифра то все у него увеличивается. Экъ брякнулъ — полтораста рублей! — Миша тоже почему то разсудилъ выйти въ отставку. Все это должно васъ разстроить, и не напрасно ли я написалъ это? С другой стороны, нельзя и умолчать. — Занятый своими больными, не знаю право, что вамъ сообщить и изъ общихъ новостей. Какъ то ихъ нѣтъ. Торжества въ Прагѣ вы прочтете прежде насъ. Вѣрно читали объ томъ, что Потаповъ [2]) нашелъ нужнымъ удалить Головацкаго изъ Вильны. На представленіе его Государь написалъ переговорить съ Толстымъ (Мин. Просв.), но Толстого еще нѣтъ, дѣло затянулось, а Потаповъ пріѣзжавъ въ Петербургъ, былъ пораженъ гвалтомъ, который подняли въ обществѣ и литературѣ объ этомъ его дѣлѣ. Вообще онъ, кажется, обнаружилъ особый талантъ, проживъ все время отъ 1862 по нынѣшній годъ, ничего не узнать, ничего не прочесть, ничего не почуять, что въ сознаніи общества да и всей Россіи мыслящей выработалось! — Аксаковъ получилъ за новую Москву уже два предостереженія. Друзья его впрочемъ сознаются, что онъ пишетъ какъ ребенокъ. Положимъ, хорошія мысли, прекрасные статьи, да не въ пору, не то чтобъ предначѣтивъ цѣль, ее преслѣдовать, а просто, на что наткнется мысль. Публицисту этого нельзя себѣ позволить. Рожденіе сына у наслѣдника [3]), съ чѣмъ былъ связанъ вопросъ о жизни самой матери, отразилось радостно даже на улицахъ Петербурга. Ей Богу, точно весь городъ родилъ. Право тутъ точно что-то символическое, пророческое для младенца. Точно ему судьба какая то великая предстоитъ... Да что въ самомъ дѣлѣ, какъ въ его то поколѣніи русская народность будетъ непосредственнымъ чувствомъ всего общества! Да оно вылечится отъ плѣненія мысли своей! и на вещи то иначе не возможно, не мыслимо будетъ смотрѣть иначе какъ съ русской точки! Какая сила, какое величіе Россіи — и нынѣшнему младенцу! А вѣдь все это болѣе чѣмъ вѣроятно. Да и не вѣрить въ это невозможно. Во что же иначе вѣрить? Вѣдь правда съ нашей стороны. А въ правдѣ сила. Правда — вся сила Россіи. Вотъ во что надо повѣрить Потаповымъ. Новый Мин. Внутр. Дѣлъ во взглядахъ этого рода совсѣмъ хорошъ; но

болѣзненъ и неопытенъ, и, не знаю, есть ли подготовка къ дѣламъ. Безъ подготовки всякая каналья надуть можетъ. Полагаю, что и Потаповъ надувалъ. Литературы здѣшней я совсѣмъ за послѣднее время не знаю. Наверстаю лѣтомъ. Ой пора, пора на дачу, рыбу ловить.

Жду отъ васъ писемъ, какъ всегда, съ нетерпѣніемъ. Но — не отрывайтесь от работы. Мнѣ почему то сдается, что у васъ дѣло идетъ. Такъ, легко, воздержно, и *здорово* начинается вторая часть. Право, зная, что у васъ было хлопотъ и припадковъ я изумился здоровости этихъ страницъ. Работайте, милѣйшій, не буду мѣшать вамъ.

Весь вашъ

А. Майковъ.

8-е письмо.

Препровождаю при семъ вамъ, любезнѣйшій Ѳедоръ Михайловичъ 50 рублей отъ Кашпирева, я ужь взялъ на себя ихъ отправить чтобы быть спокойнѣе, и. ч. эти деньги пойдутъ въ суботу. Вообще въ редакціи страшное неумѣніе распорядиться временемъ и деньгами. Базуновъ не отдаетъ имъ подписочныхъ денегъ, т. е. еще за [прошлый] этотъ годъ — хоть подавайте на него, говоритъ. Теперь не могу. Послѣ отдамъ. Повѣсть [1]) ваша всѣми друзьями вашими ожидается съ нетерпѣніемъ. Я радъ, что вы могли ее просмотрѣть *конченную*, съ перомъ въ рукахъ. Это вамъ удается рѣдко. [О дѣлѣ Стелловскаго]. Она пойдетъ въ январѣ и февралѣ. О дѣлѣ Стелловскаго — передалъ Пашѣ. Насчетъ довѣренности я и прежде ему говорилъ, что надо дать ее на *извѣстное* дѣло, т.-е. на продажу Идіота Стелловскому. Вообще надо сказать, что я въ подобныхъ дѣлахъ мало смыслю, и могу быть употребленъ только на полученіе денегъ отъ Стелловскаго въ свои руки, на храненіе или распоряженіе ими по вашему указанію — что, я думаю, и надо будетъ вамъ сдѣлать. — До свиданія. Бѣгу на почту.

Весь вашъ

А. Майковъ.

Субота
29 ноября
1869.

9-е письмо.

Воскресенье апреля 4 1871.

Любезнѣйшій Ѳедоръ Михайловичъ.

Эдакое несчастіе, что все-то не такъ выходитъ, какъ я предположу. Озаботился я Вами на основаніи Вашихъ писемъ, въ коихъ Вы писали, что весной вернетесь сюда, и полагалъ что разсчитываете на деньги, которыя получите со Стелловского, т. е. на эти деньги выѣдете, проѣдите и пріѣдите. Но видя, что со Стелловского я скоро не получу, я отправился къ Арсеньеву, какъ члену Фонда и адвокату, предъявилъ ему довѣренность и копію съ контракта, съ предложеніемъ, такъ какъ полученіе безспорное, выдать Вамъ изъ фонда подъ этотъ искъ рублей 500.

Через три или четыре дня былъ опять у него, какъ онъ назначилъ, ибо у нихъ должно было быть собраніе, и получилъ отвѣтъ, что подъ искъ и вообще подъ залогъ фондъ давать не въ правѣ, а можетъ дать взаймы съ поручительствомъ и обязательствомъ, что *к 31 декабря* заемъ долженъ быть уплаченъ, я и придумалъ, чтобы вы взяли взаймы 400 рублей, я бы поручился, подалъ бы на Стелловского, а изъ вытребованныхъ отъ него денегъ, заплатилъ бы Фонду, и переслалъ бы вамъ остальныя, или бы все это Вы сделали [бы] сами, такъ какъ полагалъ, на основаніи вашихъ писемъ, что Вы будете здѣсь. Чтобы не терять времени, я послалъ Вамъ телеграмму, чтобы Вы просили у Фонда 400 р. (а не 100, какъ Вы пишете, и какъ вѣроятно переврал телеграфъ [1]). Поймите, что я главное задался мыслью, что весной вы хотите пріѣхать сюда, и что препятствіе только мое неполученіе со Стелловского [2]). Вотъ изъ чего вся исторія. О пріѣздѣ же весной Вы мнѣ писали нѣсколько разъ.

О передачѣ требованія адвокату, это дѣло почти согласился устроить такъ чтобы передать его Губину [3]), знакомому адвокату, который работаетъ у большого въ этомъ мірѣ адвоката, Потѣхина, и который за 10% предлагаетъ свои услуги и не требуетъ денегъ на издержки. Его нужнѣе всего разбираетъ взыскивать со Стелловского неустойку и спасибо ему, что онъ укрѣпилъ меня в томъ, чтобы не брать со Стелловского векселя: онъ толковалъ мнѣ, что черезъ это вышла бы какая-то потеря — ну да это къ чорту! Остановился же я въ передачѣ ему довѣренности той мыслью, которая мнѣ казалась такъ блистательна, которую я вамъ телеграфировалъ и которая васъ доставила бы къ намъ. Но какъ изо всего этого вышелъ вздоръ, то я завтра же передовѣрю Губину (если онъ вернулся изъ Москвы, куда уѣзжалъ на святую), и онъ начнетъ съ того, что, во-1-х, потребуетъ со Стелловского уплаты, и если оной не послѣдуетъ, будетъ взыскивать неустойку.

Такъ ли это?

Какъ же Вы меня милѣйшій другъ, огорчили и пристыдили Вашимъ письмомъ, изъ коего вижу, какъ я васъ потревожилъ телеграммой, которая притомъ придала мнѣ своимъ враньемъ ужасную глупость, вместо 400 предложивъ Вамъ 100. И четыреста-то не много, но все же не сто! Приходилъ ко мнѣ Паша съ извѣстіемъ, что Куманина [4]) умерла: я Вамъ писалъ разъ, что въ Москвѣ нѣкто, тоже дѣлецъ одинъ, Веселовскій [5]), знающій почему то Куманинскія дѣла или слыхавшій объ нихъ, не знаю, говорилъ, что Вамъ кажется есть съ нея получка и хоть Вы мнѣ разъяснили дѣло и однако я теперь, когда только услыхалъ отъ Паши, все таки черезъ Каширева [6]), напомнилъ Веселовскому мою просьбу, буде в случаѣ смерти Куманиной можно что либо для Васъ получить, чтобъ онъ вошелъ въ Ваши интересы, что онъ какъ почитатель Вашъ обѣщалъ кажется въ прошломъ году.

Вот кажется все, на что надобно было немедленно отвѣтить Вамъ по полученіи Вашего письма.

Весь Вашъ А. *Майковъ*.

Примечания к письмам.

1-ое письмо (без даты).

1) Время написания этого письма определяется приблизительно упоминанием в нем о появлении в печати романа Тургенева «Дым», о первом славянском съезде и, наконец, о покушении на Александра II.

Роман «Дым» был напечатан в 3-ей книжке «Русского Вестника» за 1867 г.; первый славянский съезд происходил в начале мая того же года и, наконец, покушение на Александра II было произведено поляком Березовским в Париже 25 мая 1867 года. Следовательно письмо это было написано не раньше конца мая 1867 года.

2) В 1858 году кружок славянофилов с Погодиным во главе организовал Славянский Благотворительный Комитет. Когда в 1867 году на Московскую этнографическую выставку приехали западные славяне, то члены Комитета, по мысли Ламанского, стали периодически собираться на совещания и тем укрепили Комитет, который в следующем году открыл Петербургский Отдел Славянского Благотворительного Общества.

Достоевский, однако, не был таким уж ярым апостолом славянства. В письме к Майкову, от 7 октября 1868 г., он об отношении к славянам писал, между прочим следующее: «По моему, друг мой, нам слишком гоняться за славянством право не надо, т.-е. слишком. Надо, чтоб они сами к нам пришли... Изучать их — дело другое; помочь тоже можно: но брататься лезть не надо, но только лезть, потому что братьями их считать и как с братьями поступать с ними несомненно должно». «Биография, письма...», стр. 197.

3) Об отношении Достоевского к «Дыму» см. его письмо к Майкову от 16 авг. 1867 года из Женевы. «Биография, письма...», 172. А также письмо Достоевского к Майкову, от 18 фев. — 1 марта 1868 г. — Сборник «Достоевский» под редакцией А. С. Долинина. Петербург, 1922, стр. 408.

4) «Слово о Полку Игореве» в переложении Майкова было напечатано в 1-й книге журнала «Заря» за 1870 г. Майков не только изложил в стихотворной форме «Слово», но и снабдил его объяснительными примечаниями, а также введением («Несколько замечаний об этом памятнике»), в конце которого он писал: «Не без робости решаюсь напечатать свой труд, не смея сам себе сказать, что я его кончил. Взгляд, который я решился выразить в этом очерке, взгляд, ставящий «Слово» в гармонию с его временем, мне кажется — единственный, устраняющий возражения против случайности его появления в XII веке: не знаю, довольно ли ясно и убедительно сумел я его высказать. Решаюсь печатать в надежде: не удостоятся ли мои четырехлетние занятия «Словом» внимания и замечаний от людей более меня знающих». — А. Н. Майков, «Полное собрание сочинений», издание А. Ф. Маркса, СПБ. 1914, т. IV, стр. 93.

5) Пасынок Достоевского — Павел Александрович Исаев, от первой жены Достоевского Марии Дмитриевны Исаевой, скончавшейся 16 апреля 1864 года. Об этом пасынке, оставшемся после смерти отца (4 авг.

1855 года) 8-летним мальчиком, Федор Михайлович много и сердечно заботился. «Я последней рубашкой с ним поделюсь и буду делиться всю мою жизнь» («Биография», 183). Пашу, по словам Достоевского Майкову, ему оставила на смертном одре бедная Мария Дмитриевна (Сборник «Достоевский», стр. 417), и Федор Михайлович, действительно, любил его, как сына. «Покамест я жив», — писал он пасынку из Женевы 19 февр. — 3 марта 1868 г., — «ты будешь сын мой и сын дорогой и милый. Я твоей матери клялся не оставить тебя еще накануне ее смерти. Я тебя еще малого ребенка назвал сыном своим.. Если я на тебя часто кричал и сердился — то таков мой несчастный характер, а я тебя люблю так, как редко кого любил» («Север. Вестн.», 1891, X, 23) «Самое ужасное мое сокрушение», писал Достоевский Майкову 31 декабря 1867 г. ст. — «это мысль, что делается с Пашей. Сердце мое обливается кровью и мысль о нем, при всех литературных мучениях моих в декабре приводила меня просто в отчаяние» (Сборник «Достоевский», 399).

6) Мария Григорьевна Сватковская, родная сестра Анны Григорьевны, скончалась от тифа в Риме 1 мая 1873 г. О ней говорит в своих «Воспоминаниях» Анна Григорьевна — Сборник «Достоевский», стр. 491 и др.

7) В письме к Майкову, от 9/21 октября 1870 г., Достоевский говорит о необходимости «стать твердо на окраинах» — Сборник «Достоевский», стр. 438.

2-ое письмо.

1) А. Н. Майков имеет в виду, очевидно, письмо Достоевского от 16/28 августа 1867 года, из Женевы — «Биография, письма...» стр. 168—178.

2) Федор Михайлович в письме Майкову, от 15 сентября 1867 г., из Женевы, между прочим, писал: «Ваши 125 руб. решительно нас спасли» («Биография».. стр. 179). Очевидно, Аполлон Николаевич этого письма получить еще не успел. Несколько позже, 9/21 октября, Достоевский писал Майкову из той же Женевы: «Я вам, дорогой друг, на ваше письмо отвечал (в нем благодарил за присылку 125 руб.). Последнее же ваше письмо от 20 сент. (это письмо теперь и публикуется) получил и прочел с чрезвычайною радостью» — «Биография, письма...», стр. 180.

3) О нем см. выше.

4) Эмилия Федоровна — жена брата Федора Михайловича — Михаила Михайловича.

5) Майков имеет в виду 2-й конгресс мира, состоявшийся в Женеве, по инициативе итальянских демократов — Гарибальди и др., и поставивший своею задачею, между прочим, устройство Европейских Штатов.

По поводу конгресса см. письмо Достоевского к Майкову, от 15 сент. 1867 г. — «Биография» .., стр. 179—180. А также письмо от 29 сент.

11 октября того же 1867 г. С. А. Ивановой-Хмыровой — «Русск. Стар.», 1885, июль, стр. 139.

6) В. И. Кельсиев (псевдоним Иванов-Желудков), 1835-1872, замечательный лингвист, в 1858 году эмигрировавший за границу и там отдавшийся в распоряжение Герцена и Огарева. Между прочим, занимался исследованием о русском расколе и, в целях использования раскола в интересах революции, издавал при «Колоколе» «Общее вече», но успеха не имел. Позже проживал в Тульче на Дунае, среди казаков — некрасовцев и скопцов. Разочаровавшись в революционной деятельности, он склонился к славянофильству. 20 мая 1867 г. Кельсиев явился в Скулянскую таможню и отдал себя в руки властей.

В письме к Майкову из Женевы, от 9/21 октября 1867 г., Достоевский на известие Майкова о Кельсиеве отвечал: «Об Кельсиеве с умилением прочел. Вот дорога, вот истина, вот дело! Знайте, однако же, что (не говоря уже о поляках) все наши либералишки, семинаро-социального оттенка, взъедятся как звери. Это их проймет. Это им пуще еслиб им всем носы отрезали... Но теперь про Кельсиева говорить будут, что он на всех донес» — Биография.., стр. 182.

3-е письмо.

1) К. И. Бабиков, как видно из письма Достоевского к Майкову (см. «Биография», стр. 178—80), издатель, которому Достоевский обязался написать для предполагавшегося к изданию в сентябре или октябре альманаха статью: «Знакомство мое с Белинским».

2) В письме к А. Н. Майкову, от 9/21 окт. 1867 г., Достоевский писал: «Есть у меня до вас, голубчик, просьба: к вам (наверное не говорю, но может быть) придет из редакции «Русского Вестника» 60 р. на мое имя. Я сам указал на вас. Эти 60 р. я предназначил Паше. У вас они будут, а вы выдавайте. Но я получил письмо от Эм. Федоровны и от Феди (сына Эмилии Федоровны — Г. П.). Они у меня не просят, но видно, что в крайне бедственном положении. Тяжело мне это слышать и вот как я решил: так как Паша живет у Эмилии Федоровны на хлебах, то отдайте 40 р. Эмилии Федоровне за Пашу, а 20 р. Паше». — «Биография»..., стр. 183.

3) Яновский, Ст. Дм. — доктор, лечивший Достоевского до его ссылки в Сибирь. В письме к Яновскому, от 4 февр. 1872 г., Достоевский называет его «одним из незабвенных», «одним из тех, которые резко отозвались в моей жизни и с именем вашим связаны мои воспоминания». «Биография»... стр. 315 — С. Д. оставил свои «Воспоминания о Достоевском», напечатанные в «Рус. Вестнике» за 1885 г., апр., 796—819. Скончался Яновский 1 июля 1897 г. в Швейцарии. Деньги 100 руб. действительно были отосланы Яновским Достоевскому, как то видно из письма Яновского Достоевскому от 9 октября 1867 г.

4) Тарасовым домом называлась долговая тюрьма, помещавшаяся в 1-ой роте в доме Тарасова.

5) Речь идет об «Идиоте». См. письмо Достоевского от 16/28 августа 1867 г. к Майкову («Биография...», стр. 175). А также письмо от 29 сент. — 11 окт. к С. А. Ивановой - Хмыровой — «Рус. Стар.» 1885, и еще письмо к той же С. А. Ивановой - Хмыровой, от 1/13 января 1868 г. — там же.

6) «Голос», издававшийся А. А. Краевским (1863—1884 г.г.).

7) «Современник» и «Русское Слово» были закрыты после покушения Каракозова в 1866 году.

8) «Слово о полку Игореве» — см. выше.

4-е письмо.

1) Письмо это, от 31 дек. 1867 г. — 12 янв. 1868 г. только теперь опубликовано В. Л. Модзалевским в Сборнике «Достоевский» стр. 395—402.

2) Письмо от 9/21 октября 1867 г. — «Биография...», стр. 180—18[illegible]

3) Письмо от 9/21 октября 1867 г.: «Анне Григорьевне только 4 месяца сроку» — там же, стр. 181.

4) Новый роман — «Идиот».

5) См. письмо Достоевского к Майкову, от 31 декабря 1867 г. — 12 янв. 1868 г., — Сборник «Достоевский», стр. 398.

6) См. предыдущее письмо, от 31 декабря 1867 г. — 12 янв. 1868 г.

7) «Бригадир» Тургенева напечатан в 1-й кн. «Вестника Европы» за 1868 г.

8) См. письмо к Майкову, от 18 февр.—1 марта 1868 г. — Сборник «Достоевский», стр. 406.

5-е письмо.

В письме к Майкову, от 2/14 марта 1868 года (Сборник «Достоевский», стр. 412) Достоевский упоминает о полученном им 1 марта письме Майкова, на котором числа не обозначено, но на пакете значится, что принято в Петербургском почтамте 26 февраля. Это письмо, по словам Достоевского, «воскресило его»: «никогда тяжелее и труднее не было ничего в моей жизни». Письма этого между поступившими в Пушкинский Дом, к сожалению, не имеется.

1) Родилась 22 фев. (ст. ст.) 1868 г.

2) В ответ на эти слова см. письмо к Майкову от 20 марта — 2 апр. 1868 г. — Сборник «Достоевский», стр. 414. — А через два года, 26 февраля—10 марта 1870 г., Достоевский писал Н. Н. Страхову: «Мы теперь возимся с нашей Любочкой. Ах, зачем вы не женаты и зачем у вас нет ребенка, многоуважаемый Николай Николаевич. Клянусь вам, что в этом ¾ счастья жизненного, а остальном только разве одна четверть. — «Биография...», стр. 287.

3) Относительно этих дружеских замечаний и совета Майкова Достоевскому написать завещание (см. в этом же письме ниже) Федор М[illegible]

хайлович писал Майкову в письме от 20 марта—2 апр. 1868 г.: «Насчет завещания и прочих ваших советов я ведь всегда был совершенно ваших мнений сам. Но, друг мой, искренний и преданный друг (может быть единственный!), к чему вы меня таким добрым и щедрым считаете! Нет, друг мой, нет, я не бог знает как добр и это меня печалит. А Пашу мне бедная Мария Дмитриевна на смертном одре оставила. Как можно совсем бросить (да этого вы и не советуете). Нет-нет, а все таки надо помочь, тем более, что я его искренно люблю; я ведь его в моем доме больше 10 лет растил! Все равно, что сын... Что же касается до Эмилии Федоровны, то ведь тут опять таки покойный брат Миша. А ведь вы не знаете, чем всю жизнь, с первого моего сознания, был для меня этот человек! Нет, вы этого не знаете!.. Ваши же советы, во всяком случае, я совершенно считаю правильными».— Сборник «Достоевского», стр. 416—417.

4) Позже Майков отчасти осуществил идею в рассказах из русской истории, объединенных в двух темах: «О святых митрополитах Петре и Алексее и о славном Мамаевом побоище» и «Начало восточного вопроса» — «Заря», 1869 г., кн. 5 и 8. См. письмо Достоевского от 20 марта—2 апр. 1868 г. — Сборник «Достоевский», стр. 421—424. Ср. там же письмо Достоевского от 27 октября (8 ноября) 1869 г. — «Биография»..., стр. 218.

5) Отвечая на это письмо Майкова, Достоевский в письме, от 10 марта—2 апр. 1869 г., между прочим, пишет: «Мне нравится ваша мысль о всеславянском значении Петра. Я в первый раз в жизни эту идею услыхал и она совершенно верная». — Сборник «Достоевский», стр. 418.

6) Из печатаемых нами писем П. А. Исаева видно, что он ездил не в Москву, а во Псков, к тетке.

7) «Стрелецкое сказание о царевне Софье Алексеевне» напечатано во № 2 «Рус. Вестн», за 1868 г,

8) Отрывок из Апокалипсиса в переложении Майкова был напечатан в № 4 «Рус. Вестника» за 1868 г.

9) Ал-ей Егор. Разин (1823—1875), бывший сотрудник «Времени» и «Эпохи», в 1868 г. служил в канцелярии по делам Царства Польского.

10) Миша — второй сын Эмилии Федоровны и Михаила Михайловича; он, как то видно из «Воспоминаний Анны Григорьевны Достоевской» (Сборник «Достоевский», стр. 479), служил в Банке.

11) См. письмо от 20 марта—2 апр. — Сборник «Достоевский», стр. 419.

12) См. письмо Достоевского от 18 февр.—1 марта 1868 г. (Сборник «Достоевский», стр. 405—406).

6-е письмо.

Оно было ответным на письмо Ф. М. Достоевского, от 9/21 апреля, из Женевы. Письмо это начиналось так: «Любезнейший друг Аполлон Николаевич, Анна Григорьевна получила письмо от своей мамаши и та

пишет, что у вас была на святой и вы сказали ей, что давно уж послали мне письмо с 25 р. и не застраховали. — Ну разумеется оно пропало. Я ничего не получал, а теперь уже вторник фоминой недели. Если я вам и писал, чтобы просто вложить 25 р. в письмо, так это потому, что здесь наши деньги легко меняются. Но все-таки я вам приписал в письме: рекомандируйте, т. е. застрахуйте. А уж известно, что наш почтамт деньги таскает. Они ведь недавно судились за это, я читал. Но там не уймешь ни каким судом». («Биография, письма ...», II, стр. 184).

7-е письмо.

1) То, что в этом письме А. Н. Майков пишет о Паше, в общем совпадает с тем, что сам Паша писал Федору Михайловичу 31 мая 1868 года — см. печатаемые в этом же сборнике письма к Ф. М. Достоевскому П. А. Исаева.

2) О Потапове см. упоминание в письме 5, от 7 марта 1868 г.

3) Рождение Николая Александровича, потом Николая II.

8-е письмо.

Это письмо ответное — на письмо Ф. М. Достоевского, от 23 ноября (5 декабря) 1869 года. В нем Достоевский, сообщая, что повесть («Вечный муж») в «Заре» готова, просит взять у редактора «Зари» Кашпирева и прислать ему 50 рублей уже в пятницу (письмо писалось Достоевским в воскресенье), ибо у Достоевского нет даже 5 талеров, чтобы отослать рукопись. Понятно, после этого, почему Майков пометил на письме «суббота».

1) О рукописи «Вечный муж» Достоевский писал в этом письме: «Да и теперь все совершенно готово. Хочу только в последний раз все перечитать, с пером в руках». («Биография, письма . . .», II, стр. 22..

9-е письмо.

1) См. письмо Достоевского к Майкову — «Биография . . », стр. 255 — 257.

2) Стелловский — издатель, о котором Достоевский в своих письмах отзывается в высшей степени неодобрительно, см. письмо к Майкову от 15/27 декабря 1870 г. («Биография . . », стр. 238).

3) Вас. Ив. Губин — член Славянского Благотворительного Общества.

4) Куманина, Алекс. Федор., рожд. Нечаева, та богатая тетка, которая дала Федору Михайловичу 10.000 руб. (его часть наследства) на издание «Эпохи» в 1864 г. Ср. письмо о ней Достоевского к Майкову, от 14/26 авг. 1869 г. — Сборник «Достоевский», стр. 430 — 432.

5) О Веселовском Достоевский упоминает в письме к А. Н. Майкову от 17/29 сентября 1869 г., из Дрездена — «Биография . . », стр. 208 — 209.

6) Каширев, Василий Владимирович — издатель журнала «Заря».

Сообщил *Г. Прохоров.*

III.

Письма Майкова к Достоевскому (за 70 гг.).

В сборнике «Достоевский», под ред. А. С. Долинина, Пгр. 1922, напечатаны с примечаниями Б. Л. Модзалевского неизданные письма Достоевского к Майкову, там же помещено одно неоконченное письмо Майкова к Достоевскому от конца 1877 года. Сейчас печатаются Г. В. Прохоровым письма Майкова к Достоевскому, относящиеся к периоду заграничной жизни последнего; приводимые мною ниже четыре письма Майкова к Достоевскому относятся к последнему петербургскому периоду его жизни. Первое из них относится к 1872 году, последнее к 1879 г.

Малочисленность писем этого периода совершенно естественна, так как, имея возможность часто видеться и, как говорит Майков в письме к Достоевскому от 1867 года, «осмысливать в беседе явления дня, мира внутреннего и внешнего», они обращались к перу лишь изредка.

Первое письмо от 13 мая 1872 года относится ко времени начала «Гражданина» В. П. Мещерского (№ 1 вышел в январе 1872 года). В числе восприемников журнала Мещерский называет Достоевского и Майкова (ср. «Мои воспоминания», II, Спб. 1898, стр. 164). Близость Достоевского с Мещерским закрепляется с 1873 года, когда Достоевский принял редакторство «Гражданина».

В связи с «Гражданином» же находится и второе письмо Майкова от 24 января 1874 г. с предложением напечатать два его стихотворения.

Третье письмо от 20 декабря 1875 года носит характер совершенно частный.

Остановлюсь теперь на событиях, вызвавших последнее, 4-е письмо Майкова от 13 марта 1879 г.

В этот день состоялся, немного раньше обычного срока, ежегодный обед петербургских профессоров и литераторов, превратившийся в Тургеневский обед.

Присутствовали, конечно, на обеде и Майков, и Достоевский.

Как известно, отношение Достоевского к Тургеневу, как к человеку и как к писателю и общественному деятелю, было в высшей степени недоброжелательное. «Я и прежде не любил этого человека», признается он в письме к Майкову от 28/16 августа 1867 г. (ср. Ветринский, «Достоевский в воспоминаниях современников, письмах, заметках», М. 1912, стр. 241; см. также его отзывы о романе «Дым» в письмах к Майкову и Страхову).

К участию в обеде Достоевский отнесся чисто официально — в то время, как все были в простом платье, Достоевский один был во фраке.

Первым сказал приветственное слово Спасович, первый тост произнес Костомаров. Выступали Григорович, Кавелин. Ответную свою речь Тургенев закончил словами: «Позвольте мне, человеку прошедшего, человеку 40-х годов, человеку старому, провозгласить тост за молодость, за будущее, за счастливое и здоровое развитие ее судеб и да совершатся наконец слова нашего великого поэта, да настанет возможность каждому из нас воскликнуть в глубине души:

«В надежде славы и добра
Глядим вперед мы без боязни».

Общий тон чествования Тургенева был нарушен Достоевским. Свое обращение к Тургеневу он закончил словами: «Скажите же теперь, какой ваш идеал, говорите!» и, отвернувшись, отошел, не получив ответа.

(Ср. «Вестник Европы» 1879, апрель, стр. 801. Имя Достоевского в «В. Е.», однако, не названо).

Покойный С. А. Венгеров, тоже присутствовавший на обеде, об этом эпизоде рассказывал несколько иначе.[1] В речи Тургенева были слова о необходимости увенчать здание, смысл которых был тогда для всех ясен; под завершением здания понималась конституция. Достоевский притворился непонимающим и потребовал от Тургенева раскрытия смысла. Как бы то ни было, впечатление от этого инцидента было сильное. На другой день газеты комментировали его, правда, не называя Достоевского. Об этом же инциденте упоминает «с грустью» П. В. Анненков в письме к Стасюлевичу от 16 апреля 1879 г. (ср. «Стасюлевич и его современники», том III-й).

В связи с этим же обедом находится и письмо Майкова, написанное в тот же день. И здесь очень характерно, что Майков говорит не об этим инциденте, а совсем о другом моменте того же обеда, моменте, который подробно описывает Л. Е. Оболенский в своих «литературных воспоминаниях» («Исторический Вестник» 1902 г., № 2, стр. 501).

«На котором-то из этих обедов, — вспоминает Оболенский, — два молодых и горячих сотрудника «Недели» (Юзов и Червинский) стали упрекать Достоевского за то, что он печатает свои романы в «Русском Вестнике» и этим содействует распространению журнала, направление которого, конечно, не может разделять. Достоевский стал горячо оправдываться тем, что ему нужно жить и кормить семью, а между тем журналы с более симпатичным направлением отказывались его печатать. Он сослался на Н. Н. Вагнера, который подтвердил, что ездил с предложе-

---

[1] Передаем это со слов А. С. Долинина.

нием Достоевского в один из лучших журналов, но там категорически отказались даже вести переговоры по этому вопросу».

Вот на этот-то разговор Достоевского с молодежью и реагировал так страстно А. Майков в приводимом мною ниже письме от 13 марта 1879 г., рискуя порвать с ним отношения.

Однако, повидимому, отношения между ними не прервались — мы знаем, что в последние минуты жизни Достоевского Майков был у его постели в числе самых близких Достоевскому людей.

I.

Открытое письмо. Почтовый штемпель „13 Май 1872"

На оборотѣ:

Его В. Ѳедору Михайловичу Достоевскому.
Въ Серпуховской (бывшая 1-я рота Семеновскаго полка) въ домѣ Архангельской.

На случай если я не успѣю Васъ повидать заблаговременно, посылаю это письмо съ извѣстіемъ, что Мещерскій проситъ Васъ обѣдать въ Суботу завтра, чтобы потомъ прочесть тотъ очеркъ, который Вы хотѣли прослушать въ среду. Обѣдаетъ онъ кажется въ половинѣ шестого. По обыкновенью умоляетъ прійти.

Весь вашъ *А. Майковъ.*

II.

Посылаю Вамъ въ Гражданинъ два стихотворения — прохладнаго Гёте и горячаго Гафиза Ихъ можно соединить под общей рубрикой — не знаю годится ли та, которую я выбралъ. Можно бы и такъ ее окрестить: *одна струна на сѣверъ и югъ,* да очень вычурно.

Если не понравится Вамъ и просто *На сѣверъ и югъ,* то все таки напечатайте оба стихотворенія разомъ и рядомъ, т. е. одно за другимъ [1]).

1874
Янв. 24.

Весь вашъ *А. Майковъ.*

III.

Любезнѣйшій другъ Ѳедоръ Михайловичъ! Вчера узналъ я отъ Клюшникова какія у Васъ бѣдствія въ домѣ! Обѣ болѣзни — скверныя болѣзни! Воображаю что съ Вами! Первое желаніе, конечно — помочь Вамъ, — да какъ и чѣмъ? Къ тому же и опасно!.. И посѣтить то васъ нельзя —

---

[1]) Стихотворенія А. Майкова „Изъ Гете" („Кого полюбишь ты — всецело"...) и „Изъ Гафиза" („Встрепенись, взмахни крылами..."] подъ общей рубрикой „На сѣверъ и югъ" напечатано въ № 4 Гражданина отъ 29 января 1874 г., стр. 119. Ср. Собраніе сочиненій: изд. Маркса. Спб. 1914 т. I, 209 стр. и т. I, 206 стр.

свои дѣти... Не будутъ ли какъ нибудь вамъ выдаваться минуты, когда бы могли хоть въ двухъ строчкахъ увѣдомлять о состоянiи Вашихъ больныхъ Дай то Богъ чтобы вѣсти были утѣшительныя!

Дай Богъ Вамъ присутствия духа — духа вообще и Господняго в особенности... [1])

20 Дек. 1875 г. Вашъ *А. Майковъ.*

IV.

Любезнѣйшiй Өедоръ Михайловичъ! Вернулся я съ Тургеневскаго обѣ[да] измятый, встревоженный, несчастный, одинокiй. Фальшь и ложь, амф[...] и глупость, одна и та же тема, словомъ весь сумасшедшiй домъ пет[ер]бургской печати, со Спасовичемъ во главѣ. Но это все ничего, все э[то] такъ должно быть, иначе быть не можетъ, и меня бы это не помяло, [не] сдѣлало бы несчастнымъ. Заключительныя слова Тургенева поразили и испугали меня: онъ говорилъ громко, какъ авторитетъ, повторяя [...] что и въ Москвѣ — такое нѣчто, что по моему есть начало конца. [Н]о это все еще ничего. Ударъ, отъ котораго у меня забилось сердце на[...] сей былъ въ святую святыхъ души моей, поколебалъ вѣру въ человѣка [...] хуже, вѣру въ трехъ праведниковъ — этотъ ударъ — простите меня, [...] говорю это, зная чѣмъ рискую — рискую порвать съ Вами связи — [...] мнѣ нельзя не сказать, и сказать сейчасъ же, а то затаю, на всю жи[знь] и мнѣ будетъ съ Вами тяжело, невыносимо — одиночество мое буд[етъ] полнѣйшее, этотъ ударъ нанесли Вы. Поймите меня. Васъ спрашива[ютъ] кто-то изъ молодого поколѣнiя «Зачѣмъ только Вы печатаете въ Р[ус]скомъ Вѣстникѣ?» Вы отвечаете: во 1, потому что тамъ денегъ боль[ше] и вѣрнѣе, и впередъ даютъ, во 2, цензура легче, почти нѣтъ ея, въ [...] въ Петербургѣ отъ Васъ и не взяли бы. — Я все ждалъ 4-го пункта [...] порывался навести Васъ — но Вы уклонились. Я ждалъ, Вы какъ не[за]висимый, должны были сказать, по сочувствiю съ Катковымъ и по ува[]женiю къ нему, даже по единомыслiю во многихъ изъ главныхъ пу[нк]товъ, хотя бы о тѣхъ, о коихъ шла рѣчь здѣсь на обѣдѣ, — Вы ук[ло]нились, не сказали. Какъ? изъ за денегъ Вы печатаете у Каткова? [Н]о это несерьозно, это не такъ. Чтожъ это такое? Отрѣченiе? [Ка]къ Петръ отрекся? Ради чего? Ради страха iудейскаго? Ради популяр[]ности? Развѣ это передо мною примѣръ какъ Вы прiобрѣтаете довѣ[рiе] молодежи? Скрывая передъ нею главное, подделываясь къ ней? [...] меня осаждаютъ эти вопросы, я не могу прiйти въ себя! Не могу поме[]риться съ тѣмъ, что Вы уже не тотъ передъ моими глазами какъ бы[ли] до той минуты! Господи! гдѣ же три-то праведника! Можно [ли] послѣ того и жить на свѣтѣ, то есть, понимаете, жить духомъ, вѣр[ить], быть покойну сердцемъ, жить уважая... Если я Вамъ пишу, вѣр[ьте] чаша переполнилась и переполнилась вдругъ — это былъ одинъ ударъ...

---

[1]) Въ декабрѣ 1875 года былъ боленъ скарлатиной со многими осложненiями сынъ Достоевскаго Федоръ (см. Л. Гроссманъ „Семинарiй по Достоевскому" [...] изд. 1923 г. Примечанiя Анны Григорьевны къ сочиненiямъ Ф. М. Достоевск[аго] стр. 64).

Но больше писать не могу.

Отправить къ Вамъ это письмо или нѣтъ? Что изъ того должно быть? Впрочем, отправлю, всегда действовалъ на чистоту. Будь что будетъ. А какъ еще мнѣ въ эту минуту жаль Каткова! Бѣдный Катковъ — то есть тотъ идеальный, нравственный Катковъ — или Катковъ въ идеалѣ! И кто же не смѣетъ заявить своей солидарности съ нимъ! Участіе у него изъ-за денегъ! Нѣтъ, не знаю, что меня успокоитъ!

Или тутъ есть какія нибудь тонкости общежитія, которыхъ я не понимаю?

Уясните мнѣ, ради Бога. Возвратите мнѣ равновѣсіе — но ужъ кажется изъ подъ пера моего выходитъ что то не связное — ищу соломинку, хватаю ее въ воздухѣ — и не нахожу.

А впрочемъ — нѣтъ, ничего! Пусть идетъ письмо.

1879
13 Марта.

А. Майковъ.

Сообщила *Е. Б. Покровская.*

Письма С. Д. Яновского *).

(Из материалов Пушкинского Дома).

Степан Дмитриевич Яновский — врач по образованию, родился в 1817 году, следовательно на 5 лет был старше Федора Михайловича. Одно время он состоял на службе в Лесном институте и преподавал естественную историю. В 1846 году, когда он служилъ в департаменте казенных врачебных заготовлений министерства внутренних дел, он чрез посредство своего пациента В. Н. Майкова, познакомился с Ф. М. Достоевским, который спустя некоторое время стал ежедневным посетителем Яновского; на что был подвигнут своей болезненной мнительностью, заставлявшей его постоянно обращаться к авторитетному слову врача. Ежедневные посещения Достоевским Яновского привели к тесной между ними дружбе. Сам Достоевский называет его одним из «незабвенных», «одним из тех, которые резко отозвались в его жизни».

После каторги Достоевский встретился с Яновским в Твери, а затем встречался с ним в Москве, куда тот переселился. В 1867 году Достоевский в свой приезд в Москву представил Анне Григорьевне Яновского, как одного из своих близких друзей. Во время вынужденного пребывания Достоевских за границей Яновский тоже провел 3 года [1] за границей; возвратившись оттуда в конце 1871 года, вышел в отставку и поселился в Киеве, а с 1877 жил за границей, в Швейцарии, где и скончался 1 июля 1897 года.

После смерти Федора Михайловича Яновский написал о нем свои воспоминания, которые были напечатаны в «Русском Вестнике» за 1886 год, апрель, стр. 796—819.

---

*) Должен сделать здесь следующее пояснение: состав книги уже определился, когда были предложены мне эти письма. Я считаю дурным субъективизмом, в принципе недопустимым, — печатание материалов не полностью, а в выдержках. Передо мною стояла дилемма: либо совсем их не давать, откладывая до следующего сборника (когда он еще будет!), и тогда печатать их целиком, либо ознакомить с ними исследователей теперь же, но в том виде, в каком они ниже печатаются. Я остановился на последнем. Мною лично прочитаны все письма в оригинале, и я убедился, что из более или менее ценного в биографич. и историко-литерат. отношении Гр. Прокофьевым ничего почти не упущено.

А. Д.

[1]) Яновский в письме к Анне Григорьевне говорит о 4 годах, но это ошибка: он выехал за границу в 1869 г., а в начале 1872 г. уже был в Киеве.

Федор Михайлович от времени до времени писал Яновскому; из его писем в «Биографии, письмах и заметках из записной книжки Ф. М. Достоевского» напечатано только одно, от 4 февраля 1872 года из Петербурга (отд. II, стр. 314—316). Но писем Достоевского у Яновского было несколько. В письме к Анне Григорьевне, от 3/15 сентября 1881 года, из Швейцарии, Яновский писал: «Сколько у меня счетом есть писем и записок Федора Михайловича, я в настоящее время приблизительно даже определить не могу. Произошло это от того, что, уезжая в 1869-м году из Москвы за границу с целью переменить климат и образ жизни, в то время бывшие для меня зловредными, я уложил все мои бумаги, имевшие для меня значение в особый ящик и сдал на сохранение в надежные руки. В числе этих бумаг находятся и письма ко мне Федора и Михаила Михайловичей Достоевских, Апол. Ник. Майкова, Порецкого, Цейдлера и других хороших людей и бывших моих добрых приятелей. Добыть из этого ящика что-нибудь в настоящее время для меня решительно невозможно. — Но от Федора Михайловича у меня сохранились два письма, полученные мною одно в 1872 году, когда я, после 4-х лет отлучки из России, возвратившись, жил в Киеве и когда, узнав от доктора Соловьева, что и Вы с Фед. Мих. возвратились из Франции в Петербург, писал к нему. А второе письмо я получил от Фед. Мих. в 77 году за границею, именно в Веве... Оба эти письма я Вам пересылаю и так как Вы рассчитываете к 1-му октября быть уже в Петербурге, то я уполномачиваю Вас поступить с ними так, как Вы и принявшие на себя труд составления биографии Фед. Мих. признаете нужным».

Писем Яновского к Федору Михайловичу в Пушкинском доме имеется всего 11 и, кроме того, 6 писем к Анне Григорьевне. Последние письма были в руках О. Ф. Миллера и он кое-чем воспользовался из них в биографическом очерке Федора Михайловича (Ср., напр., стр. 74, где говорится о семействе Майковых).

* * *

1-ое письмо.

Благодарю Вас, Любезнейший Федор Михайлович, за память и в доказательство искренности этого чувства, несмотря на ужасный недосуг — обыкновенно сопровождающийся сильным раздроблением мыслей, — я с удовольствием первые свободные минуты посвящаю на беседу с Вами.

О впечатлениях дороги я действительно не буду Вам рассказывать ничего — от части потому что они довольно общи, а с другой стороны от того, что почти всегда подчиняются состоянию духа, в котором человек пускается в путь, — а это обстоятельство Вам тоже не без известно. — Но за то, ужь извините, если я не пройду молчанием о впечатлениях самой Москвы — первопрестольной столице нашего обширного Государства. — Град *сей* огромный во всех отношениях и со всех сторон, за исключением чисто индустриальной, нелеп и смешен до жалости! Я не могу сказать даже, что бы это был младенец, у котораго хотя и

много неверного, даже ложного, — но подающий надежду к очищению этого хлама в будущем; нет! — это дряхлый старик составленный из предрассудков, убежденный до дерзости в своем совершенстве, а потому упрямо сопротивляющийся всем употребляемым мерам к просветлению его.

Слушайте! Теория науки действительно существует, но в форме чисто схоластической. Студенты (как учащиеся, так и окончившие курс), с которыми я имел случай часто беседовать, кроме предметов относящихся к их факультетам, обо всем постороннем судят более нежели нелепо — безобразно. Профессоров своих считают за богов, приписывают им мировые авторитеты, даже тогда когда говорят о каком-нибудь Брашмане или Зерноне — случайно попавшими в этот цех. Рассуждая о науках стараются как можно более сказать фактов, выражая их языком, из тетрадей заученым: смысла, идеи и значения фактов незнают и нехотят, кажется, пока знать. — Ко всему касающемуся до Петербурга стараются выказать по крайней мере — наружно, как можно более презрения; а внутреннее чувство невольно само собою прорывается, обнаруживается с детски неотвязчивым любопытством: спрашивает о таких пустяках, что удовлетворяя его краснееш до ушей. При свидании расскажу — о чем получал тысячи вопросов. Им всем страх как хочется, напр., видить кого-нибудь, слышать что нибудь: а по чему, для чего? они незнают, — это так по врожденному инстинкту. — Один медицинский факультет, дружно направляемый счастливым триумвиратом Овера, Иноземцева и Сокольского — идет ладно; каждый из них идя своею дорогою в общем дивно полезен. Сухая, но до возможности верная теория Сокольского, дивно одушевляется разумно поэтическим изложением Иноземцева, из которых Овер — Гуфеланд легко, незатрудняя себя и учеников творит прекрасный энхеридион. Я по нескольку раз был у каждого из них и остаюсь вполне доволен. — К Грановскому порывался, но неслышал его — он еще не начинал курса. — У Шеверева был один раз — он все тот же каким его оставил 10 лет назад и больше непойду.

Если неустали — пожалуй — скажу слов несколько о результатах впечатлений жизни вообще. — Только неделя моего пребывания в Москве и я скучаю ужасно! Это тем более странно, что мне, не более как полтора года назад, Москва нравилась и своею обширностию и распещренною панорамою и грязью и квасом, неговорю уже о людях вообще и о девах чудных в особенности. — Теперь же все представляется больше гадким. — Да и может ли быть иначе!

Вот какого рода сцены представляются здесь на ваше благоусмотрение довольно часто, напр., три или четыре дня тому назад я полчаса любовался из окна, как один квартальный надзиратель, может быть асесор, а уже непременно Титулярный, стоял на вытяжку, без шляпы и руки по швам перед каким-то полицеймейстером. — Или: только успели мы войти в номер гостинницы, как явился тот час какой то чиновник Заведующий делами князя по Москве и что же, начинает с того, что просит дозволения поцеловать ручку, потом и еще и еще и кажется раза четыре повторял обнюхивать и облизывать скопившийся за дорогу жирный пот

на пальцах. — Со мною хотели сотворить тоже некоторые совершенно от меня независящие людишки. Правда, уважаемый Федор Михайлович, удается видить, может быть и частенько подобные сцены и в Петербурге, но как хотите вынужденную форму я снисходительнее рассматриваю, нежели безобразную форму с внутренним убеждением! — Боюсь Вы не согласитесь: а я уверен, что виновата не идея, а неловкость ее выражения: при свидании об'яснюсь. — Толкаются по улицам так больно, что пешком ходить никакой нет возможности. И вот цивилизация, вот прогресс, о котором и здесь так много говорят, но которого в массе решительно непонимают; все его значение поставляют в каких то безобразных бородах (которых здесь ужасно много), в плоских (хоть и больно толкающих седока) рессорах и нахально - ухарском питье шеппанскаго.— Небольших рессорных бричек, с сидящими в них подполковниками, штабс капитанами и вообще господами средней руки здесь бездна. В этот приезд мой в Москву я самым действительным образом убедился, что Манилов дивно - русский тип, но в одном прошу Вас, Федор Михайлович, согласится, что натура не неловко представленная, а очень верно изображенная и придурковатая; мечтателей о постройке подземных ходов (которые давным давно уже и существуют ввоображении москвичей под чистыми прудами) и каменных мостов много, а отпускающих слуг без подозрения, что он идет на пьянство — бездна.

Мы проживем в Москве еще неделю, а потом отправимся уже в дорогу и, кажется, прямо в Петербург; ибо в Туле, как говорят холера, а итти в атаку мы робеем; — вернее, что дней через 10 от нижеозначенного числа мы будем в Питере.

Пожалуста осуществите идею благородного Вал. Майкова — заведите трактир, только ужь прошу Вас — неисключите меня! Я повозможности буду старатся непроизводить зевоты и неокислять ни воздуха, ни организмов, против которых болезней обязуюсь даже на всякий случай иметь при себе все возможные средства открытые фамилиею Есклениадов.

Незабывайте меня: поклонитесь Майковым и Плещееву. Сожалею, что Вы ничего ненаписали о их здравии, может быть я и дал бы какие нибудь советы. — Прошу Вас не схандритесь до моего приезда, ибо при свидании я хочу Вам рассказать вещи довольно потешные и интересные в роде, помните, расказанного Вам анекдота?

От души желаю самого скорого с Вами свидания, остаюсь искренно Ваш расположенный *С. Яновский.*

Москва.
Сентября 10-го 1847 года.

Журналов наших до сих пор немогу получить — еще и не получены в столичный град: — а по об'явлению знаю, что есть разборы романа Бальзака и биография Расина.

Одно, что без'укоризненно хорошо — это очаровательные виды на Москву с различных точек; я для этого почти каждый день хожу в Кремль, или езжу к Симонову Монастырю (оно же и Лизин пруд недалеко) или на Воробьевы Горы.

Каторга надолго разделила Достоевского и Яновского. По возвращении Достоевского в России, они виделись в Твери (см. ниже письмо Яновского к А. Г. Достоевской, от $\frac{21\ апр.}{3\ мая}$ 1881 г.) Следующее письмо относится к 28 октября 1866 года и писано из Москвы, после какого-то кратковременнаго свидания друзей. Приводим из него выдержки.

Из 2-го письма.

«С особенным удовольствием пишу к Вам, искренно любимый и дорогой по чувствам и милым воспоминаниям Федор Михайловичь. Несколько минут, проведенных Вами со мною, освеживших в моем давнопрошедшем лучшие чувства и мысли из прожитого, а главная данная мне возможность еще раз прижать к груди, того которого, искренно любил, так велики, что настоящую мою беседу я начинаю с того, что искренно жму вашу руку и прежде всего посылаю вам мое дружеское спасибо!»

Дальше в письме, между прочим, читаем:

«За тем обращусь к вам само собою с вопросами, ответы на которые так дороги для меня: где вы, как вы поживаете, что поделываете и как вообще устраиваются ваши дела? За очно решал сам в себе эти вопросы, конечно я остаюсь совершенно спокоен за полный успех ваших дел и предприятий; но зная ваш нервный характер и особенную какую-то наклонность к пессимизму и что это последнее обстоятельство оказывает влияние на ваше здоровье, меня сильно интересуют непосредственные от вас ответы. Пожалуста напишите».

3-е письмо на полулисте почтовой бумаги с приложением «Москов. Ведом.» с речью Яновского гостям американцам, относится, повидимому, к началу 1867 года, судя по тому, что в письме передается «искренний привет милой для нас отчасти знакомой незнакомке», т.-е. Анне Григорьевне, с которою Достоевский познакомил Яновского в 1867 году, в Москве, в гостинице Дюсо (см. ниже письмо Яновского к А. Г. Достоевской, от 16/28 янв. 1881 г.).

4-е письмо написано Яновским из Москвы, 9 октября 1867 года, в ответ на письмо Федора Михайловича, от $\frac{28\ сентября}{10\ октября}$ 1867 г., из Женевы, повидимому с просьбою прислать ему взаймы денег.

«Не нахожу слов благодарить Вас, Добрейший и искренно-любимый Федор Михайлович за Вашу весточку из милого далеко! Если Вы верите в чувства истинной дружбы и сердечной привязанности между людьми, то конечно поверите и той радости, которую доставила мне беспредельно Вас любящему, эта весточка. Торопясь ответить Вам на другой же день по получении мною 8-го числа октября, нашего старинного стиля в четыре часа по полудни, письма вашего от $\frac{28\ сент.}{10\ окт.}$ я начну с моего настоящего, а потом, по возможности, скажу слово другое о прошедшем. За границей я был; отправился туда 25 мая.

а возвратился 2 октября... [1]) а Неаполь и Рим просто мне до сей поры спать не дают и мою жизненную обстановку делают какою-то грустною и до нельзя бледно-бедною! Хотя отнюдь это не делается в ущерб моей гордости что я Руский и моего полного и ясного сознания, что у нас много и много есть такого хорошего, от которого каждому немцу и теперь чихается, а когда мы и еще больше по экрепнем, да по разовьемся, для чего нам ничего не нужно больше кроме времени и отсутствия стороннего вмешательства, то уж им, т.-е. Немцам сделается что нибудь и побольше чиханья. Тургенев мне жалок, хотя слова им произнесенные меня не удивляют. Я заплакал бы если бы их сказал А. Майков, Катков, Достоевский или Цейдлер; но если их повторит Тургенев или Писемский, Потехин или Григорович ей Богу я только думаю: тако и подобает сему быти... [2]) Бога ради откликнитесь хоть один разок еще до возвращения. Деньги отдадите по возвращении; дай Бог что бы они вас хоть не много успокоили — посылаю 100 руб. Мысленно обнимаю Вас и желаю всех благ, а главное здоровья. На веки неизменный и искренно Вас любящий С. Яновский».

5-е письмо Яновского из Москвы же, явилось ответным на новое письмо от 1/13 ноября 1867 года, Федора Михайловича, спрашивавшего доктора, не лучше ли было бы ему, Достоевскому, ввиду его болезненного состояния, переселиться по возвращении из-за границы, из Петербурга в Москву.

Москва 16 декабря, 1867 года.

Что еслибы Вы, искренно и неизменно любимый друг мой Федор Михайлович, знали с каким душевным наслаждением я берусь за перо, что бы побеседовать с Вами, то я уверен, что Вы не только не сердились бы на меня за мое долгое молчание, но дружески пожали бы протянутую мною руку и простили бы мне мою невинную вину. Я не писал Вам, потому что только вчера возвратился из моей вторичной поездки, куда направили меня служебные обязанности; я объехал почти всецело Владимирскую, Нижегородскую и Тамбовскую губернии. Путешествие это не только не доставило мне никакого удовольствия, а напротив чуть чуть не укоротало совсем мою жизнь. Я два раза чуть было не замерз и возвратился с такою простудою, что едва ли в неделю смогу оправиться. Вот какова у нас зима с своими 30° морозами и вот каковы у нас снега, заставляющие в мятели и вьюги путаться по 7 часов на 25 верстном расстоянии между станциями. Все это я испытал в эту мою поездку, и все это само собою будет иметь весьма грустные последствия, в особенности после шести недельного лечения теплыми водами. Но не будем об этом толковать, ведь значения нашего как пролетариев (иначе должников труда и пота) мы неизменим!

И так как во всем остальном жизнь моя тянется так себе — не худо, не хорошо, то я и не буду обременять Вас своим субъективным анализом.

---

[1]) Пропускается описание заграничного путешествия.

[2]) Пропускается дальнейшее описание заграничного путешествия.

Давайте лучше поговорим об Вас и о том, что делается вокруг нас, разумея последнее в самом тесном смысле, т.-е. не закидывая взора далее горизонта составляющего нашу сферу. Конечно прежде всего мне сильно хотелось бы знать как Ваше и Анны Григорьевны здоровье. Сведение это для меня драгоценно, потому что все то, что написали Вы мне в письме от 13/1 ноября, мне крайне не понравилось и до сих пор лежит тяжелым гнетом. Неужели в самом деле беспримерно лучший климат, неподходящая ни к какому сравнению с нашею прелестная природа; наибольшая нравственная развитость массы народа (по крайней мере так мне показалось) все это не уничтожает в Вас, дорогой наш Федор Михайлович, того грустного и вечно тревожного состояния духа который постоянно беспокоил нас всех, любящих вас искренно и нежно. Господи боже праведный! да я на вашем месте просто считал бы себя превыше всех Царей — только не европейских против которых я и теперь счастливее в мильон разов, а против тех Абиссинских или еще каких-нибудь более хитро-диких, которым только и есть житье отличное; а Вы и в Женеве и на берегу чуть не моря, безбрежного и бездонного и имея против себя божественный Монблан, а подле себя Божество уже живое и мыслящее чудную жену — все тоскуете и скучаете! Право это нехорошо. Ведь что Вы себе там не говорите, а там душе привольнее, глазу приятнее и уму посвободнее! Я когда выезжал в те места, где Вы теперь находитесь, мне в ту же минуту становится и легче и веселее. Я если и скучаю, то скучаю от недостатка подле себя alter ego, с которым бы я мог поделиться запасом внешних впечатлений и внутреннего вдохновения, да на беду еще и сам знаешь, что не художник. А у Вас то все, все, все. Только бы и быть счастью!.. Ну, а так как его нет, то, пожалуй, отчего и об нем не поговорить! Но ради Христа, будем говорить так, что бы можно было, если не достигнуть его, то по крайней мере приблизиться к нему. Вы хотите знать — за чем я говорю это? За тем, что мне более нежели тяжело, мне больно читать те места, где Вы говорите и о холоде и о том, что можно приблизиться ко времени родов и остаться в одной комнате, а потом говорите, что и редакция Рус. Вест. не отвечает. Вот я и не знаю — а теперь теплее вам, в двух комнатах Вы, выслала ли Вам редакция? Не лучше было бы сделать так, что Вы уполномочили бы меня хоть справиться в редакции что и как она сделала или что и как она думает сделать, потом если редакция ничего не сделала и не думает делать, то предпринять вот то или это. Тогда мне было бы легче хотя от надежды; а теперь почем я знаю что и как у Вас отдельно ли Вы мучитесь один физически родами, а другой умственными или все-таки в одной комнате и притом холодной? Господи боже так кажется вот и пошел бы к Вам, да на дороге купил бы Вам хоть на последний франк коксу, да и протопил бы у Вас камелек, что бы Вам, моим голубчикам обоим было и потеплее то и по радостнее по миру божиим! Вы задали мне вопрос: не полезнее ли для Вас климат Москвы и не лучше ли будет вам в нее перебраться, чем жить в северном Питере, в котором до того расстроить свое здоровье, что и дела то

сделать не в мощь бывает? Ну, конечно Москва лучше, здесь право и жить можно и с людьми водиться можно, да и дело сделается; право так, Федор Михайлович. Ведь Иван Сергеевич нам не пример. Что он человек умный, честный и горячий в этом мы с ним не спорим и в этом мы ему не отказываем; но за дело он берется как то не ладно: у него все выливается как то или не из того крана, перед которым сосуд стоит, или просто во все концы через края льется! Он мне очень напоминает тех наших хороших генералов в придунайскую и Крымскую войну (впрочем такой только и был один Данеберг), которые когда говорят в совете или излагают свои мысли на бумаге тогда у них все выходит превосходно и всякий полководец разбит ими на голову, ну а как пойдут сами в дело, то им недадут что называется и вытянуться всеми силами, как разобьют в пух и прах. Так вот и Иван Сергеевич, когда пишет программу журнала, когда излагает устно свои убеждения и направления, ну так и сдается это ловко, умно и тонко; вот обработает то он и тех и вот этих и вот за ним то мы поживем и поблаженствуем; а на деле выйдет не так — только отпишет в первом, аль там в 10 номере статью, глядь и запрет. А от чего? оттого, что гониться за какою нибудь мыслию, которую можно было бы сказать и после, да это хорошо еще если за мыслию, а то просто из за слова; точно будто Городничий, да и того жена останавливала! Право и жалко и досадно, потому что журнал был по искренности, честности и чистоте получше самого хорошего.

Вообще же у нас, право, не дурно если с толком и благоразумием вести дело, то можно без затруднения обходить даже и тонко бюрократическое чутье администрации, или проще говоря Ивана Александровича Гончарова, которому приписывают так называемые предостережения. Все же это я веду к тому, что когда Вы разделаетесь с необходимым для Вас скитальничеством, то переезжайте к нам, в Москву. Климат здешний несомненно окажет на Вас более благоприятное влияние нежели в Северной Пальмире; без дела Вы не останетесь и у нас, а почем знать может быть его найдется у нас и побольше чем в чахлозолотушной Ингерманландии, а люди у нас, ей ей проще, сердечнее и теплее. Имея даже в виду особенное Ваше расположение к первым атакам, я сколько не рассуждал и не советовался с здешними зело учеными докторами и даже профессорами, пришол к тому убеждению, что и в этом отношении здесь будет для Вас лучше чем в Питерских туманах и частых в нем барометрических переменах. Что же касается до материальных удобств и дешевизны жизненных потребностей, то из опыта уже могу Вам сказать, что они выгоднее если не на половину, то без всякого уже спора на третью часть. Ко всему этому мы конечно должны прибавить еще и то, что в настоящее время Москва имеет еще и ту выгоду перед Петербургом, что всякое желание познакомиться с внутреннею Россиею сделалось чрезвычайно легко и удобно. Ведь мы в несколько часов теперь можем посмотреть и на то, как живется и можется в Рязани, в Орле, Туле, Курске и Харькове, да и полюбоваться как настоящим так и прошедшим в Казани, Жигулях и Астрахани.

Когда мы все это увидим, то Вы, друг мой Федор Михайлович, сами удостоверитесь, что звезда ваша не только не потухает, а напротив, она только выходит и освещаемый ею горизонт тогда только воссияет! Вы говорите, что лиц людей не узнаете, прочитанного вчера не запомните; это все происходит не от истощения или упадка сил, а от чрезвычайной сосредоточенности на одной мысли. Я пари готов держать о том, что состояние это далеко не в такой степени бывает у Вас развито в то время когда вы покончите вашу работу! Мы не поэты и не художники, но когда носим в себе какую нибудь задачу научную или административную и в особенности если при этом обусловят вас временем, то все остальное мелькает мимо тебя уже незамеченным и все встречное забывается. А сколько мы знаем исторических примеров тому, как поэты забывали об обеде или ужине до тех пор, пока нерожали на свет свое детище, слыли за помешанных или безумных пока не разрешали мировых истин; — вот состояние, в котором и вы находитесь. Бросьте же сомнение и отчаяние и уверуйте в то, что мы будем еще жить и будем хотя по своему но наслаждаться жизнью! Я по крайней мере в это верую, а в следствие этого твердо надеюсь, что сойдусь еще с Вами и даже здесь в белокаменной; соединись будем бродить с Вами по милым окрестностям Москвы и наслаждаясь настоящим с любовью вспоминать как об ее дорогом прошедшем, так и о своем хотя не столь давнем, но мило пережитом. Федор Михайлович, ведь и за нами есть прошедшее и прошедшее не дурное. Дайте я Вас и теперь обниму и поцелую так как мы тогда по братски целовались, дайте я поцелую руку вашей подруги жизни Ан. Гр.

весь ваш *С. Яновский*

6-е письмо явилось живейшим откликом на письмо Федора Михайловича, радостно сообщавшего о рождении у него дочери, Сони. Это же письмо передает о восторженном приеме читателями только что появившегося «Идиота». Повидимому, именно в этом, мартовском, письме Федор Михайлович удосужился ответить Яновскому о получении от него 100 рублей. Из письма к Майкову мы знаем, что действительно конец 1867 года Достоевский провел в усиленнейшей работе над романом «Идиот».

Наконец то, искренно-любимый и дорогой Вы мой Федор Михайлович, Вы дали мне весточку о себе; а уж как я обрадовался ей и как я целовал Вас всех и родителей и новорожденных, то этого никаким пером не опишешь, никаким словом не выразишь! Да и сколько хороших поводов к тому было: во 1-х весть о тех, кого всем сердцем и всею душею любишь; во 2-х весть хорошая о ниспослании им этим хорошим и любимым существам хорошей в жизни отрады и наконец 3-е то, что все это получилось мною в то время, когда невольно бывает весело и радостно на сердце всякого христианского человека, когда и ты сам и все вокруг тебя радуются и любовно целуются и

когда все мы, приветствуя друг друга радостным Христос Воскрес в ответе Воистину воскрес! — утешительно для животолюбия веруем в жизнь вечную и нескончаемую! Поцелуйте же и Вы меня, Друзья и братья, так как я Вас целую и верьте тому, что искренности моих чувств к Вам нет пределов. Да, Дорогой мой Федор Михайлович, не мало радовался я и тому, что у вас родилась маленькая (хотя последнее слово и употребляю относительно, так как вы пишите, что она большая) Соничка. Действительно первое убеждение в том, что у тебя есть твоя собственная частица плоти и духа вне тебя самого, чем бы убеждение это не зарождалось, т.-е. услышанием ли писка голоса, или увиданием всего вновь явившегося существа, — убеждение это до того сладостно, что ни с чем сравниваемо быть не может; оно любовь, — но любовь такая, которую и любивший даже истинно человек не испытывал еще! Я когда читал строки, в которых вы мне описали этот момент ваших ощущений, — я плакал от полного вам сочувствия и радовался за вас. Ну, поздравляю же Вас и милую и добрую Анну Григорьевну с полученною вами радостию; от души и всех моих помышлений желаю, что бы новорожденная была здорова и что бы радость, доставленная Вам ее появлением на свет, не только не обратилась в привычную, но напротив прогрессивно росла и увеличивалась с возрастом дней ее жизни! За то, что Анна Григорьевна перенесла эту операцию с подобающею энергиею и мужеством, прошу Вас за меня поцеловать ее ручки, да не один раз а без счету.

Теперь скажу вам несколько слов о впечатлении, сделанном последним вашим произведением: масса вся, безусловно вся в восторге! В клубе, в маленьких салонах, в вагонах на железной дороге (ведь я постоянно бываю в разъездах и вот на днях только возвратился из Тамбова) везде и от всех только и удается слышать одно и тоже: читали ль Вы последний роман Достоевского? ведь это прелесть, просто не оторвешься до последней страницы. В истине этих слов клянусь вам честью! Я готов называть Вам даже имена тех, от которых мне удавалось во множестве слышать эти отзывы. Жена Рязанского губ. предвод. дворянства Редькина (муж которой был отрешен от должности по докладу Валуева за сочувственный адрес Московскому дворянству, когда оно рассуждениями своими накликало себе опалу и которая, т. е. не опала, а жена сама женщина чрезвычайно образованная и развитая) целая семья Гучковых, Колулебовых и многие, многие другие, выражая мне свой восторг, говорили прямо, что они ничего подобного еще не читали, они влюблены в роман, а от истории Marie до сих пор плачут. Действительно рассказ до того правдив и искренен, что я, грешный, не раз и не два прекращал чтение от того, что дух захватывало от легочного спазма и он проходил только от вспрыснувших слез! К личности Идиота привязываешься до того, что спишь, обедаешь вместе с ним и в это время любишь его так, как любишь только самого себя. Последний рассказ его трем сестрам и Маменьке, объяснение как можно нарисовать картину — полную картину — из одной головы и определение натур и характеров двух сестер и Машеньки верх художественного совершенства,

торжество таланта! Больше говорить не могу и не буду, — не могу, потому что сам только оторвался от первой части, не буду, потому что это значило бы наполнить все письмо одними и теми же похвалами и восторженными фразами На днях я виделся с одним господином, участвующим в Москов. Ведом. и близким ко всему семейству Каткова. господин этот мне сказал, что салон Катковых в восторге от романа на сколько отзыв этот справедлив — не знаю; если же что услышу от самого Мих. Никиф., с которым хотя и редко, но видаюсь, — сообщу вам тот час. В литературных отзывах откликнулся только Русский Инвалид — отзыв был хороший, больше нигде и ничего не читал, хоть слежу за многим. Но ведь Вы, друг мой Федор Михайлович, знаете, что за подробную критику Ваших произведений наши доморощенные и не доученые критиканты не охотно и берутся. Я покрайней мере знаю только двоих, которые заговорили было громко и с уверенностию о Ваших произведениях — это Белинский и Апол. Григорьев; ну а другие все пробавляются на описании достоинств, доступных для них и подходящих под их эстетику — Петербургских Трущоб, разного театрального хлама Дьяченки и Мака или до бешенства упражняются в задирании Каткова и Аксакова; когда же им и с чем заглянуть в то, на что следовало бы серьезно обратить внимание нашей доброй, но все таки бедной и скудной мысли! Меня одно удивляет — чего молчат Апол. Майков, Страхов и даже Милюков. ведь, положим, что люди эти тоже не могли бы сказать бог знает чего, но все таки могли бы сказать хоть правду ведь говорили же прежде, помните когда умер Валериан!..

О том, что делается у нас, в Москве, я не знаю — стоит ли и говорить. Ведь мы только думаем и чувствуем по своему, а живем даже и не так как бог велит, а как прикажут нам из Питера! Прикажут нам служить молебны — мы и служим, прикажут нам колоть лед и свозить снег — мы и колим и свозим, благо народ мы смирный и благодушный! А все таки нечего греха таить жизнь у нас, право, вот скучная и больно монотонная! Ведь если не сосредоточиться в своих маленьких интересах, то, право, ни посмотреть, ни послушать нечего. Из всего что делается вокруг все таки самое лучшее и самое живое составляет наше новое судопроизводство. Кроме того, что оно на практике прямо повеяло чем то действительно хорошим куда бы вы ни поехали, если только прийдется вам посетить те места где новый порядок еще не введен, то непременно в сборной избе услышите от собравшихся мужичков, что они сильно желают этого дела. В этом я уже сам собственным ухом и собственным глазом убедился. Не дурно также говорит мужичек о сознаваемой им потребности в грамотности; но здесь вся беда в том, что земство, где все таки превалирует начало дворянское, состоящее в большинстве из лиц усвоивших себе привычки или отставных офицеров или промотавшихся помещиков, людей стало быть потерявших природную чистоту нравов, а уж о развитии и говорить нечего, — то дело это зачинается и проводиться в исполнение очень плохо! Утешением служит одно — ведь перебродит же когда нибудь эта бурда и выйдет пиво. Вопросы о железных дорогах у нас родятся как

грибы и мы скоро не только всю среднюю Россию будем проезжать по чугунке, но пожалуй в несколько дней будем кататься и в отдаленную Сибирь, — так по крайней мере оповещает нас проект, с которым в настоящее время в Питере Генер. Губ. Западной Сибири Хрущов. О себе собственно я ничего особенного сообщить Вам не могу: чувствую себя, после прошлогоднего лечения в Карлсбаде и после отрадного путешествия, несравненно лучше, пожалуй, могу сказать, даже совсем хорошо. Работы много, но так как дело мне хорошо знакомое, а здоровье тоже не тревожное, — то я и переношу мои труды легко и без горя. Дети мои здоровы и ребята хорошие, что и радостно. А вот настанет лето — поеду по моей инспекции, прокачусь по обожаемой мною красавице Волге-матушке, полюбуюсь ее густым населением в Тверской, Ярославской, Костромской и Нижегородской губ, загляну во все хорошие места святынь Ипатьевских и Бабаевских и набравшись того духу, который так люб и по душе мне, возвращусь в конце Августа с тем, чтобы с запасною думкою жить и доживать жизнь. А Вас, Федор Михайлович, все таки прошу и прошу искренно, откликайтесь хоть изредка: ведь Вы знаете как сильно я Вас люблю и как интересует меня все, что только касается Вас. Так как я писать к Вам непременно буду, то я уверен, что Вы, если даже и оставите милую Женеву (не сердитесь на меня, что я все таки продолжаю ее называть милою) с ее восхитительным озером и поразительно восхитительным Монбланом (которым я и теперь восхищаюсь, воображая себя сидящим на скамеечке островка Ж. Ж. Руссо), — то устройте так, что приходящие на Ваше имя письма будут отправлены к Вам по месту нахождения. Ну, будьте же здоровы, счастливы и веселы. Всего этого желает Вам от души и сердца искренно и неизменно Вас любящий и преданный С. Яновский.

12-го Апреля, 1868 года.
Москва.

7-е письмо Яновского несколько удивляет своим в начале официальным обращением. Неизвестно, что за причина этого, тем более, что сам Федор Михайлович ответил на это письмо 4 февраля 1872 г. в высшей степени сердечным письмом, напечатанным, как уже упоминалось, в «Биографии, письмах и заметках из записной книжки», II, стр. 314 — 316.

Письмо Яновским было написано, нужно думать, в конце января 1872 года уже из Киева, Федор Михайлович немедленно же ответил на него, 4 февраля, а 5-го февраля, как то видно из пришитой к данному письму Яновского расписки петербургского почтамта, выслал ему в Киев 100 рублей.

Милостивый Государь.
Федор Михайлович.

В Декабре 1867 года, согласно желанию Вашему, я выслал Вам в Женеву 100 руб., а в Марте 68-го Вы уведомили меня, что высланные

мною деньги вы получили. В то время я служил и получал гонорарии такой, что мог нетолько сам легко обойтись без какой нибудь сотни или двух рублей, но имел даже возможность поделиться ими с милыми для меня людьми, в числе которых Вы, говорю откровенно, постоянно занимали первое место.

Теперь я в отставке; средства мои уменьшились более чем на половину, а расходы — на воспитание подросших детей увеличились вдвое, да на беду еще подоспели болезни и недуги. Вот и причина, по которой я обращаюсь к Вам, душевно уважаемый мною Федор Михайлович, с моею покорнейшею просьбою: не можете ли Вы выслать мне должные Вами 100 руб.? Я в настоящее время живу в Киеве, в Трехсвятительской улице, в д. Тарновского; а в Мае или Июне должен буду непременно ехать сначала в Рагац, а потом на самый юг Италии, так как без этого лечения и при других гигиенических обстановках астматический кашель и хронический катар желудка задушат меня!

От души желаю Вам, Анне Григорьевне и всему Вашему дому всего лучшего в мире и пожав Вам искренно руки, остаюсь на всю жизнь преданным и неизменно любящим Вас.

С. Яновский.

Ведь я решительно ничего не знаю о том: как Вы поживаете и что поделываете? письните хоть строчку старому знакомцу. Не видаетесь ли Вы хоть изредка с Ап. Ник. Майковым? Если да, то передайте ему и всей его семье мой душевный привет и самые хорошие благожелания, а также попросите его, чтобы он засвидетельствовал мое почтение его почтенным родителям, уважение и добрая память к которым прочно лежат в моем сердце.

Добрые и хорошие они люди; весело и отрадно вспоминается об них и о том времени, которое проводилось у них и с ними и теплое за все это посылается им Спасибо!..

Не знает ли Апол. Ник. где в настоящую пору Петр Мих. Цейдлер; если он знает, то попросите его за меня напомнить Петру Мих., не пришлет ли он мне 25 руб., которые он задолжал мне с поездки нашей по Волге.

8-е письмо без даты заключает в себе просьбу пристроить в «Гражданине» или в какой-либо иной газете или журнале статью Яновского, возражавшего на выпад «Голоса» против статьи Яновского, напечатанной в «Русском Мире».

9-е письмо-записочка с приложением 3 рублей и с просьбой высылать «Дневник» по адресу: Киев, Тимофеевская ул., дом Осиповой. На записке дата: 27 января 1876 г.

Следующее *10-е письмо*, от $\frac{14}{26}$ февр. 1877 года, из Неаполя с благодарностию за присланный номер «Дневника» за содержание последнего

и с просьбою в дальнейшем высылать «Дневник» в Швейцарию, именно в Веве, куда Яновский переезжает.

Наконец, последнее, *11-е письмо* из Веве, от 8/20 августа 1877 г. с благодарностию за аккуратно высылаемый «Дневник», с просьбою выслать Яновскому то, что издано Н. В. Страховым об А. А. Григорьеве, и с жалобами на Краевского и его «Голос».

II.

Письма Яновского к А. Г. Достоевской.

1-е письмо Яновского к Анне Григорьевне из Каппа содержит в себе просьбы о высылке последнего номера «Дневника», а также портрета Федора Михайловича. Выражая свои чувства по поводу кончины Достоевского, Яновский пишет: «Федор Михайлович 40 лет был для меня тот человек, в котором я постоянно видел идеал правды, чести и любви к ближнему и которого я любил и уважал беспредельно».

2-е письмо Яновского к Анне Григорьевне, от $\frac{21 \text{ апр.}}{3 \text{ мая.}}$ 1881 г. написано уже из Швейцарии, из Tour de Peilz и содержит в себе пасхальное (ответное) приветствие, далее в нем Яновский говорит о своих чувствах к Федору Михайловичу, которые вновь возбудило в Яновском письмо к нему Достоевской: «когда я читал ваши строки, из которых как бы еще более убеждался в том, как действительно он был непорочно чист и образцово нравствен к ближайшим к нему по духу и по плоти... если я не сгиб под гнетом многих, меня удручивших неудач и серьезных огорчений в жизни и если, при всей моей бедности, не считаю себя далеко несчастным, — то я обязан опять таки Федору Михайловичу, который в годах еще моей молодости поставил меня твердо в понимании истин Евангельского учения».

Предостерегая Анну Григорьевну от отчаяния, Яновский пишет: «В этом моем совете я обопрусь не только на то учение, которое говорит нам, что отчаяние есть грех и что истинно верующий живет вечно надеждою на милость бога (опять таки повторяю, что и это не мои собственные слова, а слова слышанные мною от Фед. Мих. при свидании нашем в Твери, когда он передавал мне жизнь свою в Петропавловской крепости и в Сибири и при чем многократно повторял: «да, батинька, все пережилось и все радостно окончилось, а от чего? от того, что вера была сильна, несокрушима; покаяние глубокое, искреннее, ну и надежда во все время меня не оставляла!»)

В *3-м письме*, от 3/15 сентября 1881 года, оттуда же, Яновский отвечает Достоевской на ее письмо из Феодосии, полученное им накануне. В этом письме, благодаря Анну Григорьевну за сообщенные ею сведения об ее житье - бытье, Яновский говорит о христианском воспитании ею ее детей, о средствах к тому, посылает ей имеющиеся у него два письма к нему Достоевского с просьбою их сохранить, а также просит присылать ему сочинения Достоевского, какие только выйдут.

Следующее, *4-е письмо* печатается нами целиком.

Suisse. Tour de Peilz, pension Compte. 8/20 Янв. 1882-го года

Наконец господь помог нам пережить тот роковой год, который причинил нам всем русским людям много горя и бед, Вам же, Добрей-шая и глубоко мною уважаемая Анна Григорьевна, в особенности он был чувствителен по той жертве, которую он вырвал из вашего серд-ца и тем подорвал все счастье и весь покой вашей жизни!

О, дай то бог, что бы наступивший год принес Вам хоть сколь-нибудь успокоения и дал бы вам душевных и физических сил бороться с теми последствиями, которые повлекло за собою роковое событие. Поздравляя Вас с наступившим новым годом, я искренно и от души желаю, что бы он принес Вам и милым Вашем деткам по крайней мере здоровье, возможное для всех Вас душевное спокойствие и полный успех во всех ваших делах и предприятиях.

Вы не сердитесь на меня за то, что я немного поздно приветствую Вас моим поздравлением: причина этому моя болезнь, которая вот уж три недели как держит меня в комнате, а первые полторы недели ле-жала чуть не в постели. Но я не буду утруждать Вас беседою о моих недугах, так как человеку, достигшему 65 лет. возраста не следует обольщать себя ни какими иллюзиями, в особенности если человек этот многолетия сознает сам, что у него душа и нервы от рождения были и есть через чур отзывчаты.

Меня в настоящее время больше интересует знать: как Ваше и Ваших деток здоровье? Как идут Ваши хлопотливые дела, о которых Вы писали мне в последнем Вашем письме из Феодосии? и получили Вы мое письмо, отправленное к Вам 4/16 Сент. в Феодосию *заказным* и при котором я отправил Вам бывшие у меня в то время два письма нашего незабвенного Федора Михайловича? — Прошу Вас, ответьте мне хоть словечком на эти знаменательные для меня вопросы и тем доставите истинную радость тому, для которого беседа с членами семьи Фед. Мих. есть большое счастие. — Ведь Вы, Анна Григорьевна, не можете себе представить как я любил и уважал вашего мужа, а моего незабвенного не то что друга, — нет. — это слово далеко не выражает тех чувств которые я питал и питаю к Фед. Мих. — он был мой духовный старец. Ведь каждое произносимое им слово, в роде: «Эх, батинька, Степ. Дмит. это не так» или «ну, да это пожалуй и так» — до сих пор отдается во всем моем существе, словно я их слышу в действительности: вследствие этого я до сих пор, что бы ни делал и что бы не задумывал, сплошь постоянно задаюсь вопросом: ну, а как бы на это взглянул и что бы на это сказал тот, образ которого всегда со мною и для которого всегда и во всех обстоятельствах *истина была выше всего?* Ведь хороших добрых и честных знакомых у меня было не мало; некоторых я любил сильно и считал их моими приятелями и, пожалуй друзьями — в этом последнем числе были Апол. Ник. Майков, Порецкий, Цейдлер, Мих. Мих. Достоевский и еще кое кто из хороших людей; но все они были для меня не то, что был Федор Михайлович, — к первым тянуло меня мое сердце, к последнему я шел не только с моим сердцем, но и с моим

душою, которые питались от него тою глубокою гуманностию и стремлением к истине, которыми и он сам так щедро наделен был от бога.

Из письма моего к Апол. Ник., а может быть и из рассказов самого Фед. Мих. Вы знаете, Анна Григорьевна, когда я узнал моего старшого, как и что нас сблизило до того, что до ареста его мы почитай всякой день виделись и вели беседы без устали, а потому я надеюсь что Вы поверите тому до какой степени я, благодаря моего друга, сделался чувствителен ко всякой лжи и фальши и какое тяжолое и грустное чувство я испытываю, когда мне приходится натолкнуться на какую-нибудь бытовую картинку или описание нашей духовной жизни, в которой истина искажена или передана тенденциозно и по хлестаковски. Тут образ Федора Михайловича воскрешает предо мною в очию, я вижу его сжатые от нравственной тревоги губы, замечаю движение его правой руки, начинающей то поправлять его прическу, то покручивать маленькие его усики и даже слышу ясно его голос, произносящий — эх, батинька, как это неверно и как это скверно — и мне делается действительно тяжело и скверно.

Подобное этому состояние я перенес и перечувствовал 5-го Января наступившего года, прочитав 1-й № любимой и постоянно мною читаемой газеты «Новое Время». Поводом к этому тяжелому ощущению послужила статья озаглавленная «У г-жи Эдмон Адан» и в особенности то место, где сказано: «Д. В. Григорович, как петербургский старожил, подтвердил это (т. е. то, что и у нас, в России, или в Петербурге, прошло время салонов) Г-же Адан и в кратках словах рассказал ей о прежних знаменитых в свое время салонах Кн. В. Ф. Одоевского, гр. М. Ю. Вельгорского, Гр. Лаваль, Кн. Е. И. Кочубей и Кн. Е. Э. Трубецкой, на которых собирался *цвет русской литературы, искусств и науки*». Я не знаю, может быть Д. В. Григорович, все поименованные им Г-же Адан салоны и посещал; может быть он в них и людей, считавшихся в то время за литераторов, как напр. Н. В. Кукольника, Р. М. Зотова, Н. Ив. Греча, профессора Сеньковского, Башуцкого и иного рода Коллежских и Статских Советников, может быть даже и знаменитого в то время публициста Фад. Венед. Булгарина и даже с помощником его Брантом и встречал, но желательно бы спросить у петербургского старожила Г. Григоровича: какую пользу салоны эти с подобным сборищем лиц принесли России и ее литературе и что возложило па него как на автора Антона Горемыки и других из народного быта художественных рассказов (хотя немного завитых и прикрашенных), в разговоре с представительницей серьезной умственной деятельности во Франции, перечислить вышепоименованные салоны? Ведь если даже поверить на слово Д. В. то, что он все эти салоны посещал, то все таки он в них встретить не мог ни Пушкина, ни Лермонтова, ни Гоголя, так как Д. В. сверстник той эпохи, в которую эти три таланта петербургских салонов уже не посещали; если же он в них и сталкивался с авторами напр. «Большого выхода у Сатаны», «Тарантаса» или рассказа «На даче на Чорной речке» то стоило ли авторов этих произведений называть цветом русской литературы?.. Д. В.

встречался в этих салонах с толпою людей, положим знатных по родовитости их происхождения, занимавших высокие и почетные места, имевших на шее кресты, а на груди звезды, но разве эти люди и их творения интересовали Г-жу Адан и разве для знакомства с подобными людьми она приехала в Россию и завела речь о салонах издательница «Revue Nouvelle»?. Думать подобным образом более чем странно и тем более такой взгляд становится нелепым, когда мы обратим внимание на знаменательное заявление самой Г-жи Адан, которая прямо сказала, «что хотя в ее салоне, в Париже, собирается масса разношерстной толпы, превращающая ее салон в клуб; но ее истинный салон открывается только тогда, когда остаются *свои*, т. е. люди служащие делу». — Д. же В. назвал ей именно те собрания, которые вопрошающая его разумела под массою разношерстною собирающеюся и у нее до ужина. Не поняв же настоящего смысла вопроса Г-жи Адан и приняв блестящие рауты русских князей и графов за литературные салоны, он ввел в крупную ошибку и Г-жу Адан, да пожалуй вместе с нею и многих русских людей, которые прочтут в уважаемой газете «Новое Время» озаглавленую мною выше статью.

А между тем такой салон, о котором интересовалась *Г-жа Адан и в котором все* люди, начиная от хозяев и до последнего приглашенного гостя, сходились с целію чисто литературною и где не только говорили о литературе и обсуждали то, что признавалось нужным развивать в литературе — направляя мысль человека на трезвый и здоровый путь, очищая вкус и влияя на нравственность, — но где так сказать развивались и отшлифовывались таланты и творчество, — именно такой салон в Петербурге существовал — салон этот находился в семействе Евгении Петровны и Николая Аполлоновича Майковых. — Вот если бы Д. В. Григорович назвал в своем разговоре с Г-жей Адан эту семью или салон, да при этом дал бы ему истинное описание и то социальное значение, которое он имел в то время и по последствиям, то я уверен, что умная и обширно развитая в литературном значении издательница «Revue Nouvelle» не скрывающая не от кого того, что она приехала в Россию именно с целью ознакомиться с умственными ее силами и их представителями, — то я уверен, что Г-жа Адан поняла бы смысл его ответа и может быть еще искреннее произнесла свое «как жаль что у вас нет теперь таких салонов»!.. а вместе с нею и многие бы из русских людей хором подхватили бы — да, очень и очень жаль!! Не знать этого салона Д. В. не мог, так как он часто в нем бывал и сталкивался в нем с теми постоянными его посетителями, из которых многих в настоящее время знает не одна Россия, но и Европа. Салон этот составляли во первых даровитые, естетически развитые и до не plus ultra гуманные и симпатичные хозяева с их щедро наделенною талантами семьею, а потом И. А. Гончаров, Ст. Сем. Дудышкин, М. А. Языков, наш незабвенный Фед. Мих. и М. М. Достоевские Н. А. Некрасов и целая плеяда их друзей, сверстников и товарищей, которые все в то время работали в лучших наших периодических изданиях и которые таланты

свои и дарования развивали и, как я выше выразился не на обум — отшлифовывали в этом именно салоне.

Я узнал салон Ев. П. и Н. Ап. Майковых в 40-х годах, но он существовал в Петербурге, как мне передавали, гораздо ранее. Когда я познакомился с Майковыми — родителями, — они в то время только лишились старшего сына Валериана. Неожиданная и как говорили тогда на глазах матери совершившаяся смерть этого особенно даровитого и совсем еще юного сына, произвела такое потрясающее впечатление на родителей и в особенности на нежный и до крайности деликатный организм матери, что многие из родных и близких знакомых опасались за ее жизнь. — И так как в это грустное для всего семейства время все приемы были прекращены, то это и было причиною того, что я будучи уже знаком с Апол. и Влад. Николаевичами (Леонид Ник. в то время был еще очень и очень молодой юноша и посещал еще гимназию), мог познакомиться с их родителями только в следующую зиму. — Жили тогда Майковы все вместе и квартира их находилась — у синего моста, на углу большой Морской, в д. кажется Колчина. Квартира их была хотя и в третьем этаже, но представляло (Sic) собою помещение очень просторное, все комнаты были очень большие, высокие и чрезвычайно светлые, убранство комнат было чрезвычайно изящное и комфортабельное. В этой то квартире каждое Воскресенье, почти без пропуску, начиная с 7-ми часов вечера, сходилась та молодежь, в душу которой господь вложил уже известную долю таланта, сердце которой билось с самого рождения любовию к ближнему, к добру и правде, а ум во всем и везде искал света и света!.. Так как Солоницын старший (дядя молодому, в то время бывавшему у Майковых), игравший большую педагогическую роль в благочестивой семье Майковых, в то время как я познакомился с ними, уже умер, то первое и почетное место подле хозяев занимал не много старший всех нас годами и пользовавшийся уже в то время значительною литературною известностью во всем грамотном мире Ив. Алекс. Гончаров, автор «Обыкновенной истории». После умной, чрезвычайно доброй и ко всем нам равно расположенной хозяйки, Иван Александрович представлял для нас действительно что то центростремительное и когда он говорил, то мы все чутко прислушивались не только к смыслу его суждений, но дорожили всяким его словом, которое, как теперь помню постоянно было умно, характеристически метко и чрезвычайно пластично. Ив. Алекс. с начала вечера и до ужина, т.-е. ровно до 12 часов, обыкновенно сидел в гостиной, вместе с Евгенией Петровной и другими более или менее интеллигентно развитыми дамами. В этой же гостиной обыкновенно оставались до ужина Ст. Сем. Дудышкин, братья Дружинины, М. А. Языков, Зуев (инженер путей сообщения) и некоторое время все вновь пребывающие посетители, которые потом расходились по трем комнатам, а именно — в столовую, в комнату Владимира и Леонида Николаевичей и в громадную по размерам комнату мастерскую Николая Аполлоновича, который, как известно, был академик живописи. — В этих комнатах располагалась вся масса литературной и вообще мыслящей молодежи и формировались группы, из коих каждая имела своего как бы

старшего. Тут читались иными подготовленные статьи, тут высказывалось об них мнение, тут излагались проекты и планы задуманных работ и все это происходило до того серьезно, дружелюбно и без малейшего чувства зависти или недоброжелательства, что по истине можно сказать, что тут именно формировались и развивались те дорогие для России люди, которые написали для нее Фрегат-Палладу и Обломова, Записки из Мертвого дома и Дневник Писателя и многое другое, что составляет не хлам и баласт, но драгоценную суть русской литературы. Говоря о этих группах я мог бы много рассказать о том, как, напр., в той, где превалировал Фед. Мих., он, с свойственным ему атомистическим анализом разбирал характер произведений Гоголя, Тургенева и своего Прохарчина, оставшегося в то время в большинстве читателей не понятным, хотя это был прямо из жизни взятый субъект и как все слушатели до одного вполне уразумевали не только цельные характеры, но и самомалейшие детали относившиеся к тому или другому характеру, — но это после о другой раз. Результаты всех кружковых бесед в конце концов за ужином, куда сходились уже и хозяева и все гости, сидевшие в разных комнатах проходили через горнило строгой критической оценки Гончарова, Дружинина (заведывавшего в то время в Отеч. Запис. после смерти Белинского и Валер. Майкова, отделом критики), Языкова и тонко чутких ко всему правдивому и естетическому самих хозяев. И все это продолжалось иногда с прибавлением хорошей музыки и пения, а большей частью в словесных прениях и отстаиваниях убеждений до 3-х и даже иной раз до 4-х часов утра! Когда я припоминаю себе все то, что происходило в салоне Майковых и когда я приму в соображение те результаты, которыми ознаменовали свою деятельность те люди, которые начали свое развитие и деятельность в этом салоне, при чем я не ограничиваюсь даже крупными талантами, а припомню себе деятельность и так (Sic) литературных деятелей имена которых под статьями не подписывались, статьи были все направления чистого и честного, то я невольно говорю да, Майковский салон по истине оправдывал собою тот девиз, который избрала себе Эдмон Адан, т.-е. «Vivre pour agir» и за сочувствием которому она приехала в Россию; но Д. В. Григорович о том чего она искала умолчал, а познакомил ее с именами тех вельмож, которые задавали блестящие рауты с участием на них литераторов в чинах и звездах!

Если мы и через 40 лет припомним себе тех людей, которых приходилось встречать в салоне Майковых, то пред нами именно становятся такие люди, которые во всю свою жизнь, на каком бы поприще деятельность их не происходила, прежде всего имели в виду проявить самую теплую любовь к ближнему и ни под каким видом и предлогом не погрешить против добра и правды. Я не буду говорить о нравственных заслугах таких крупных талантах (Sic), которые произведениями своими привязали к себе любовь и уважение России: но если мы припомним себе имена и тех посетителей салона Майкова, которые для массы пусть остались неизвестны, то и при рассмотрении жизненной карьеры и этих всех людей мы удостоверимся в одном, что все они оставались во всю свою жизнь людьми честных и твердых убеждений, сердечно любя-

своих старших и меньших братьев, никогда не действовали вопреки совести и долга и постоянно любили родную литературу и стремились к свету. Салон Майкова не только не создал, но в силу своего направления и нравственных принципов, положенных в его основание хозяевами, не мог создать ни Юхонцевых и Полянских, ни административных карьеристов, подобных Токаревым и Лошкаревым. В подтверждение этого последнего моего вывода, я позволю себе привести из множества хорошо известных мне фактов, два случая.

Недалее как в прошлое лето я жил в Люцерне с одним русским, занимающим в Петербурге очень важное место и вообще человеком очень умным, образованным до степени глубоко ученого и в течение своей жизни много поработавшим и не без видимой пользы. Разговаривая с этим господином мне пришлось однажды упомянуть фамилию того чиновника о доблестных качествах [1]) шла речь, тогда собеседник мой спросил меня — разве я знаю Порецкого? и на ответ мой да, он добавил: жаль, очень жаль, что у нас мало людей подобных Алекс. Устиновичу! Другой случай был в этом же роде: проживая одну весну в Веве, я повстречался случайно в парке Hôtel de Veve с двумя братьями Кн. Васильчиковыми Алекс. и Викт. Илларионовичами. В разговоре у нас зашла речь о том — как идет у них дело с учительскою семинариею, которою в особенности много занимался Алекс. Илар.? на это он мне ответил с глубоким вздохом — «плохо, и очень плохо! Ведь Петр. Мих. Цейдлер умер и мы не имеем в виду никого кто мог бы заменить нам потерю этого неподражаемого педагога!»

И оба эти высоко честные человека были что называется креатуры салона Майковых, так как оба они приняты были Майковыми прямо почти из университетских аудиторий и во все время их жизни, не смотря на то, что Цейдлер избрал себе поприще педагога, а Порецкий служил по административной части до звания Вице-Директ. Минис. Государ. имуществ, они оба пользовались большим расположением стариков Майковых, а с сыновьями были в дружбе и работали совместно в разных журналах. Да и кроме поименованных мною лиц, много бы я мог еще насчитать хороших людей, из посещавших салон Майковых по воскресеньям с начала в доме Колчина, а потом в большой Садовой, против Юсупова сада, в доме Адама, но на этот раз ограничусь теми, которых поименовал.

Вот тот литературно-художнический салон, о котором следовало бы рассказать Г-же Адан почтенному Д. В. Григоровичу, а не сообщать ей о каких то-аристократических раутах, на которых если и бывали русские литераторы, то пользы для русской литературы от этого никакой не было. — Вся грамотная Россия знает хорошо, что Кн. В. Ф. Одоевский, Кн. Вяземские отец и сын, а также многие из гр. Толстых были и есть люди большого ума, обширного просвещения и написали вещи хорошие; что все они, а может быть и те, фамилии которых

---

[1]) Очевидно, пропущено слово „которого".

Д. В. Григорович перечислил, литературу любили и ею занимались; но салонов их — как чисто литературных собраний, едва ли кто из сверстников г. Григоровича посещал и знает. Я по крайней мере, основываясь на отзывах таких двух литераторов, из коих один в аристократических салонах бывал и произведения свои в них читал — это именно Алексей Феофилактовичь Писемский, а другой Аполлон Александровичь Григорьев редакцию журнала издававшегося гр. Кушелевым Безбородко заведывал, могу сообщить следующее, слышанное мною от них: «Что между нашими аристократами литературных меценатов они знали, но истинных литературных салонов они не знали и о пользе их для литературы ничего не слыхали».

Наконец я позволю себе предложить Д. В. Григоровичу еще один вопрос: разве он забыл салон М. М. Достоевского, на котором, кажется по субботам, собирались тоже многие живые силы русской литературы, где оба брата Достоевские, Апол. Алекс. Григорьев, Н. В. Страхов и многие другие с известным уже авторитетом авторы трудились тоже над честным и достойным уважения делом на составлении сначала «Эпохи», а потом «Время»[1]. А что Д. В. знал о существовании этого салона, это мне доподлинно известно, так как я лично видал его в нем и слушал его рассказы о путешествии в Иерусалим в перемежку с какими скабрезными историями о прелестях старух... Спросите у него помнит ли он это; а я не только помню его рассказы и тот смех каким он передавал их, но помню даже ту недовольную улыбку Н. Н. Страхова, которая появлялась на добром и милом лица (Sic) этого чистого сердцем и честного душою литератора?..

Потом в Петербурге был еще небольшой салон, в котором тоже собирались литераторы и в числе их постоянно можно было встретить братьев Майковых и братьев Достоевских, Апол. Григорьева и многих других — это дом Алекс. Петр. Милюкова. Салон этот в особенности памятен тем, что в нем редижировался журнал «Светоч», который хотя просуществовал недолго и вескостью статей своих не щеголял, — направления был хорошего и трезвого и издавайся он в настоящее время, то может быть и успех имел бы значительный.

Но Дм. Вас. всего этого, прямо к сути вопроса Г-жи Адан относящегося, ей не рассказывал, а предпочел сообщить ей перечень русских аристократических салонов. Ну как после этого не вспомнить меткого замечания нашего великого правописателя Н. В. Гоголя, сказавшего в одном месте: «о да любит же русский человек пройтись по Невскому под руку с флигель-адъютантом, или по крайней мере с гвардейским офицером»!..

Многое и многое еще я мог бы Вам сообщить, относящегося к нелепой выходки (Sic) нашего почтенного литературного старожила Д. В. Григоровича, но на этот раз ограничусь тем, что сказал. Чай Б.

---

[1]) Я. Яновский запамятовал, что „Эпоха" издавалась после „Времени".

устали и читать мою челобитную о делах минувших, да и мне тяжело и жутко так долго находиться под тем скверным ощущением, которое произвело во мне ложное описание русской литературной жизни автором Антона Горемыки!

Когда я писал мое письмо к Апол. Ник. Майкову, по поводу разномыслия о времени образования болезни Фед. Мих., я имел в виду сказать только мое слово несокрушимой правды; что же касалось до того — как поступить с моим письмом, т.-е. придать ли его гласности или принять только к сведению, я дал ему carte blanche распорядиться по его усматрению, приняв на себя во всяком случае ответственность.

Точно так же и теперь я даю Вам, Многоуважаемая мною Анна Григорьевна carte blanche поступить и с этим моим заявлением относительно салонов. И если Вы, при содействии ваших добрых друзей Г. Г. Буренина и Суворина признаете возможным заявление мое вполне или в сокращении (но только с сохранением исторической сути) напечатать, то я не только не буду спорить и прекословить, но буду душевно рад, так как, по крайней мере, если не Г-жа Адан, до которой мне собственно нет никакого дела, но наша родная русская публика не примет в сериоз слова Г. Григоровича и не уверует в то, что у нас все мозги сходятся только в салонах Князей и Графов и что там находится пуп нашего русского ума-разума!..

За сим от души и сердца прошу у Вас извинения за то, что я так много дал Вам труда и беспокойствия чтением моего длинного, длинного и даже очень письма; искренно желаю Вам и милым деткам Вашим здоровья и счастья и прося Вас ответить мне на три пункта в начале этого письма поставленные, остаюсь на всю мою жизнь неизменно Вам преданным и уважающим.

С. Яновский.

Немогу отправить Вам, Добрейшая Анна Григорьевна, моего письма не добавив к нему еще несколько слов. Говоря о нелепом перечне аристократических салонов, я старался доказать Г. Григоровичу нечестность его поступка и указать ему реальное существование у нас в Петербурге истинного салона, о котором он не счел нужным даже упомянуть. Аристократические салоны остались у меня под сурдинкой. Между тем от Вас я не могу скрыть того, что я знаю положительно уже скверное об этих салонах. Федор Михайлович напр. описывая мне один раз посещение салона Гр. Вьельгорского, на котором он присутствовал вместе с Белинским, прямо сказал — нас пригласили туда для выставки, на показ. Случайная сцена с Белинским, который уронил нечаянно рюмку с подноса, была шокирована самым оскорбительным образом. Фед. Мих. мне говорил, что он собственными ушами слышал как дочь Вьельгорского, граф. Салогуб произнесла след. слова: «они не только неловки и дики, но и не умны!»

Потом вот еще картина о аристократических салонах. В 41 или в 42 году, когда я служил еще в Лесном Инст. доктором и учителем Естественной Истории, в Петербург приехал из Курска некто по званию мещанин, а по профессии астроном - самоучка Федор Алексеевич Семенов (по уличной кличке Зуйкин). Личность эта была действительно примечательна по гениальности. Его знали все наши тогдашние ученые Математики Остроградский, Перевощиков, Осиповский и др. Одевался он как одевались все мещане и небрил бороды. С Ник. Алекс. Полевым и со мною он был знаком и дружен как с земляками, при том же первого еще в детстве, первый научил русской грамоте, а я, учась в гимназии, а потом приезжая на каникулы из Москвы домой в Курск, ходил в свободное время к Фед. Алекс. и читал ему и физику Шрадера и Кулькина, а главное слушал его умные речи. На основании этого он останавливался у Полевого, а со мною видался каждый день, то приезжая ко мне, то принимая меня в кабинете Ник. Алекс. — Сердце и душу имел Семенов просто восхитительные! И вот то, что мне пришлось услышать от него однажды: «а вчера и третьего дня возили меня Княжевичь и Перевощиков к разным князьям и графам на вечера, где я имел случай видеть много народу». Когда я спросил его — ну как же вам показались наши вельможи и о чем они говорили с вами? На это он с грустною какою то насмешкою ответил: ничего, по наружности люди как люди, но со мною ни о чем они беседы не вели, а все смотрели на меня как на зверя заморского: сюртук то мой им больно уж как то казался странным, ну и борода им моя с прической в скобку казалось как то не в обычай: а больше я ничего и не приметил! При этих словах Н. А. Полевой, не носивший впрочем бороды и ходивший даже во фраке с орд. св. Анны, но имевший в груди теплое и вполне русско-демократическое сердце все добавлял — правда, брат-земляк, правда мы в этих хоромах чужие и они все норовят нас переделать или поломать по своему! — Нечто подобное замечанию Полевого я слышал и от Кольцова (sic) о переделке. Вот Вам и еще к характеристеке тех салонов, которые перечислил Д. В. Григорович, путешествовавший в свите е. и. в. и любивший ходить по Невскому в палевых перчатках и постоянно старавшийся идти под руку с гвард. офиц.

Да, кстати, знаете ли Вы, Анна Григорьевна, причину, по чему Фед. Мих. оставил специальное поприще и вышел в отставку? Мне он причину эту сообщил под великим секретом и я об ней никому не говорил; но так как теперь, после т.е. смерти его, секрет ее потерял свое значение, то я, пожалуй, его вам сообщу, если Вы не знаете. Но во всяком случае нужно будет причину поверить и это не трудно в Штабе.

В *5-м письме* Яновский делает некоторые замечания по поводу только что прочитанной им книги: «Биография, письма и заметки из записной книжки Ф. М. Достоевского», произведшей на него неудовлетворительное впечатление. Составленные им воспоминания о Достоевском Яновский просит разрешения посвятить Анне Григорьевне и ее деткам. Письмо датировано 30 декабря 83 г. — 11 января 84 г. и написано Яновским в Tour de Peilz.

Наконец, последнее, *6-е письмо*, тоже из Tour de Peilz от 22 Февр. / 5 марта 1884 года печатается нами почти целиком.

Tour de Peilz. pension Compte. Февр. 22 / Март 5 1884 г.

Странное чувство испытываю я каждый раз при получении письма Вашего, уважаемая Анна Григорьевна! В начале — как только я увижу адрес на конверте и узнаю Ваш хорошо мне знакомый почерк, мною овладевает чувство такового удовольствия, что я забываю даже мои недуги, но потом — когда приступлю к чтению письма, мне становится до того грустно и тяжело, что я целые дни провожу в каком то меланхолическом настроении. Так как раздвоенное это ощущение в особенности сильно я чувствовал при получении последнего письма Вашего от 14 февр. (в ответ на письмо мое, отправленное к Вам еще в декабре м-це прошлого года), то я постараюсь, насколько возможно, определить Вам причины этого явления. Радость происходит от того, что весточка от Вас каждый раз воскрешает во мне память о том, которого я не перестаю любить, чтить и обожать как лучшего человека из всех, с которыми судьба сводила меня в жизни, — тут я припоминаю себе его как живого, тут я вижу и Вас в тот раз, как незабвенный друг мой, а Ваш муж Фед. Мих., знакомя нас в Москве, в гостиннице Дюсо, произнес драгоценные для меня слова: «Ну, вот тебе и Степ. Дм., о котором ты уже знаешь из моих рассказов» и ту добрую и памятную для меня улыбку Вашу, при которой Вы произнесли: «Да, я знаю Вас Ст. Д., как одного из близких друзей Фед. Мих.». Тут же мне припоминается и все то, что следовало во весь период жизни заграничной и Петербургской Фед. Мих.

Грустно же и тяжело становится мне от того, что когда я читаю письма Ваши, то все вижу в них Ваши труды и хлопоты, слышу жалобы на разного рода неудачи и препятствия в осуществлении задуманных Вами планов, а главное — мне представляется, что настоящая цель Ваша — восполнить биографию Фед. Мих. как будто Вам не удается. Меня это страшно огорчает и я откликаюсь Вам полнейшим моим сочувствием и готовностию помочь Вам!

Но, добрейшая Анна Григорьевна, так как Вы и в последнем письме Вашем обращаетесь ко мне с некоторыми вопросами такого рода, решению которых я не могу придать той важности, которую Вы, может быть, в них видите, то я покорнейше прошу Вас извинить меня, хотя ради Христа, которого любил и обожал общий друг наш выше всего на свете и ради нашей памяти к покойнику, если я позволю себе сказать Вам откровенное мое мнение как относительно поставленных Вами вопросов о письмах Фед. Мих. к некоторым лицам в эпоху 46 — 49 годов, так и вообще о том: для чего Вам именно теперь, когда идет речь о неполноте биографии известного всей России и даже за ее пределами человека - писателя, письма его к Ивану, Сидору, Степану или иного имени смертному? Ведь все эти письма, как бы число их велико не было, будут характеризировать одну только сторону писавшего, т. е.

ту, которая должна быть выразиться в сношениях его с тем лицом, ко- рому он писал, да и тут еще нужно будет брать многое во внима- вследствие чего в письмах зачастую заключается далеко не то, что ловеком высказывается в личных сношениях и что выражается в действиях. У меня есть письмо, в котором сам Фед. Мих. еще 1870-м году, выразился так: «Эх, Ст. Дм. какая *дрянная вещь пе- писка*, ничего то в ней сериозного и хорошего не передашь челове- в особенности другу; то ли дело личная беседа? ну, по одному этому мы должны свидеться и потолковать и т. д. . Прилагаемые биографии письма хороши как комментарии или ссылки и то не во- те, которые прямо относятся к сути и при том не погрешительную не субъективную суть характеризующие: другие же письма будут млить только зрение и раздражать нервы читателя как рассказ о кой-нибудь бородавке, или иного вида прирожденной родинке, ко- к мозгам и сердцу человека не имела никакого отношения. На тему очень хорошо, а главное верно сказано было в «Нов. Врем. поводу сплетни, пущенной кем то (не хочется даже останавлива- чтобы вспомнить фамилию сплетника, хотя знаю ее) об отзыве Мих. о Тургеневе и о письме последнего; а также и в статье В Буренина о произведениях Ив. Алекс. Гончарова. Все мы знаем ни одному знаменитому живописцу не удалось снять с себя в- портрета; ни одному гениальному писателю не удалось верно и объективно написать собственную биографию! и не одному самому нитому врачу не удалось верно определить свою собственную бо- такую важную роль играет здесь субъективность! А если это та- за чем думать, что письма сделают что нибудь сериозное и суще- для биографии, когда сути в ней не будет видно?

А что в напечатанной биографии, и в особенности в первом деле, живого и *цельного* Федора Михайловича нет, — на это во- фактические доказательства: 1-е В начале февраля месяца мне явили письмо одной сериозно образованной и развитой москов- (если бы я не боялся нарушить обычные условия переписки я бы особу по фамилии, то Апол.-Ник. подтвердил бы Вам мою аттестацию, так как он ее знает), которая просит свою знакомую сить у меня: «действительно ли Фед. Мих. *на деле* был такой рошний, добрый и честный человек, каким он представляется в прочтении его «Дневника»? Я знала, что он человек ума про- но я не знала, *что он такой добрый*. Пожалуйста спроси у Дм. и напиши мне тот час, что он скажет тебе о Достоевском, с ко- он был так дружен?». От себя добавлю, что особа эта, в то когда писала вопрос о Дост., биографию его уже прочла. Не ли, что вопрос этот оставляет тяжелое впечатление?!.

2-е) 12-го декабря прошлого года я получил из Москвы пись- двух дам, из коих одна родственница Боткиным и Фету и особа в. об- образованная, — которые писали мне следующее: «на днях мы еще симпатичный рассказ В. Соловьева о Фед. Мих. Достоевском мы в один голос воскликнули: Да когда же Вы дадите нам воспом-

прочесть Ваши воспоминания о Фед. Мих.? ведь то, что напечатано в его биографии не даст нам понятия о том Фед. Мих., каким изобразил его в коротеньком эскизе Соловьев; Вы же его знали близко; мы помним все то, что Вы говорили о нем и как по многолетнему опыту мы знаем, что нет на свете человека правдивее Вас и что все то, что Вы говорите всегда без претензий и без тенденциозности, то мы просим— перешлите нам ваши воспоминания и мы их прочтем, а при посредстве Ив. Ник. и напечатаем». (Я позволил себе привесть эти лестные для меня слова потому, что подлинное письмо у меня цело). Когда я в ответ на эту просьбу написал, что выслать моих воспоминаний не могу, так как они уже не мои, а принадлежат жене покойного моего друга и их детям, которым я их принес в дар и посвятил, то получил ответ от 31 Янв. след.: «Ваше решение относительно воспоминаний о Ф. М. нас очень огорчило; мы с таким нетерпением ожидали их, что бы прочесть и вот наслаждение откладывается в дальний ящик, а может быть и совсем теряется. Сколько человеку приходится терпеть лишений на этом свете?!!».

О словесных заявлениях о том, что в напечатанной биографии Фед. Мих. явственно чувствуется пробел до возвращения его из Сибири, я уже и не говорю, так как их мне приходилось выслушивать без счета от всех знакомых в Веве и в Монтрэ и даже от приезжавших ко мне из дорогой родины.

Слышать все это и знать, что в биографии на все эти вопросы действительно убедительных ответов нет, ведь это как хотите ужасно! Придирки разных скверненьких людишек, в роде А... и ему подобных к тому, что Достоевский был не такой крупный талант, каким представил его Ник. Ник. Страхов, или каким он должен быть понят всеми честными русскими людьми по его произведениям, мы знаем, что умные В. П. Буренин, Ор. Фед. Миллер и Н. Н. Страхов съумеют отпарировать умело и убедительно; но отвечать людям спрашивающим о Достоевском: действительно ли он и во всю его жизнь был такой, каким является он в Дневнике и как об нем говорит Соловьев, или его таким сделала Сибирь — это могут только те люди, которые знали Фед. Мих. близко в разные эпохи его жизни, которым покойный доверял многое, чего в письмах даже не касался и которые как по принципам всей их жизни, так и по святости дружбы к покойнику — не дозволят себе произнести ни одного слова неправды.

Многие из хороших русских людей [1]) думают и думают серьозно, что Федор Михайлович из ссылки возвратился другим; каким то очищенным и таким гуманным, каким является он в последних его произведениях и каким он изображен в *превосходно составленном и художественном отделе* Н. Н. Страхова. Мнение это совершенно ошибочное. Фед. Мих. и в то время когда он писал «Бедных людей» и тогда когда он, сблизившись со мною до отношений дружеских, посещал меня решительно каждодневно и наконец тогда как он был арестован,

[1]) Для примера укажу хоть на Ив. Серг. Аксакова.

был точно такой же каким он возвратился из Сибири и каким отошел в могилу. Он во всю его жизнь олицетворял собою то понятие добра и любви к *ближнему*, которое заключается всецело в сло Misericorde и это то свойство его души и сердца, обнаруживавш явственным для меня образом в Фед. Мих. я и изобразил в моих воспоминаниях; по этому то качеству натуры Фед. Мих. наш честный и честнейших Ю. Самарин и сказал: «что Достоевский никогда не б верноподданным революции и потому никогда не был и оппортунисто или как я доказываю, что он и бывая у Петрошевского и у Дурова даже в последнее время перед арестованием и у Спешнева — револю нером никогда не был!..

Когда я узнал о кончине Фед. Мих., я, препровождая мою зам о болезни друга моего и пациента к Апол. Ник. из Канна, *писал*, что не худо бы всем знавшим Фед. Мих. близко составить о нем дробные и обстоятельные воспоминания, при чем о верности я ну минал, так как она являлась мне как conditio sine que non. вс воспоминания я считал необходимым передать кому либо из известн у нас литераторов, причем имел в виду именно Н. Н. Страхова Ал. Петр. Милюкова, а когда узнал из письма Вашего, что О. Ф Миллер тоже выразил готовность в редактировании материалов, то я радостию отнесся к этому. Но на это мое предложение ответа от мн уважаемого мою Апол. Ник., я не получил и затаив грусть и по мав – знать tembora mutantur — замолчал.

Когда я выслал Вам, случайно находившиеся при мне, два или письма Фед. Мих., то я делал это единственно с тою целью, чтобы дать моему мнению о болезни Фед. Мих. какое либо нравственное у стоверение в глазах всей честной публики, так как в то время этому поводу возникла самая ложная и возмутительная тенденциоз полемика; я обрадовался случаю явиться на суд составителей биограф и членов редакц. «Нов. Врем.» не назойливым и никем не утвержде в правах вкладчиком подробностей, а лицом акредитированным сам Фед. Мих.

Но так как предложение мое Апол. Ник. осталось без отве так как от Ор. Фед. ответа на мою готовность помочь ему в матери для биографии я не получил, то я и не считаю себя виновным да если укажу теперь на то *неверное* в биографии, что явственно является в суждениях публики.

Недалее как сего дня я прочел в одной статье нашего умного и лантливого критика В. П. Буренина, человека, заведомо глубоко уваж щего Фед. Мих. следующее: «Что касается Достоевского, то бедствия жизни, *борьба с нуждой* начались собственно тогда, когда он вы пил на литературное поприще: до того времени он воспитался в об новке не особенно мрачной [1]) и т. д.» По моему крайнему убежд в словах этих, а именно в подчеркнутых мною, заключается много

---

[1]) „Нов. Вр.“ № 2864 й 17 ф. 1884 г. фельетон: Критические очерки. Ст бец 3, строк 17 и др.

верного и я готов доказать это уважаемому мною Вас. Петр. Фед. Мих. именно в детстве постигло то мрачное и тяжелое, что никогда непроходит безнаказанно, и в летах зрелого возраста и что кладет в человеке складку того характера, которая ведет и к нервным болезням, *а следовательно и к падучей* и к той угрюмости, скрытности и подозрительности, на которую обыкновенно указывают как на борьбу с нуждой, хотя таковой, по крайней мере, в ужасающей степени и нет. Вот то, что сказано в биографии на стр. 12-й, «отец был строг и няне не раз приходилось *скрывать* от него вины детей, чтобы защитить *от родительской грозы.* На стр. 19-й; у отца же братья, занимаясь по часу и более *не смели* не только сесть, но и облокотиться на стол; стоят бывало как *истуканчики;* братья очень *боялись* этих уроков: отец был очень *вспыльчив.* (Читая эти страшные свидетельства не должно упускать из виду то, что их произносит то существо, которому сильно хотелось скрасить отношения отца к детям в розовый цвет) наконец эти строки в письме юноши сына к отцу: «неужели Вы можете думать, что сын ваш, прося от вас денежной помощи, просит у вас личного, Бог свидетель, ежели я хочу сделать вам хоть какое бы то ни было лишение! *Я не буду пить чаю, но прошу на 2 пары сапогов»* (письмо от 10 мая 1839 года, стало быть, от 17 лет. юноши!). Вот та обстановка, которую считают не особенно мрачною сравнительно с тою борьбою, по выступлении Фед. Мих. на литературное поприще, которая бросается в глаза в письмах его к друзьям, но которая в действительности вовсе не была так ужасна!

Фед. Мих. действительно был человек небогатый и до издания им «Бедных людей» он был беден до того, что нуждался в рубле на сахар и на сапоги; но когда он, выйдя в отставку и выступил на литературное поприще, когда именно я с ним познакомился и потом подружились, Фед. Мих. не только никогда не голодал и не оставался без чаю и без сапогов, но я знаю наверное, что он помогал еще многим близким ему людям (о чем подробнее скажу в моих воспоминаниях), хотя сам постоянно говорил о своих материальных нуждах и при этом строил разные воздушные планы к обогащению и возможности помогать бедным не гривенниками *или билетами на даровой обед* [1]), а в грандиозных кушах и способах. Где в биографии есть эта черта характера Фед. Мих.? а без нее нет Фед. Мих. ни до, ни после ссылки в каторгу, потому что он таким *и только таким* родился, жил и умер!..

Жаловался Фед. Мих. постоянно на безденежье во 1-х, потому что небудучи от роду рантьером, т. е. человеком обеспеченным известным доходом с имения, или, как он себя любил называть — человеком живущим трудом, он во всю его жизнь не умел справляться с деньгами; во 2-х, потому что от природы наделен был сердцем до того добрым, сочувственным и щедрым, что он считал себя тогда только счастливым, когда мог помочь ближнему, при чем о себе он решительно забывал и

---

[1]) В то время обеды эти для бедных существовали.

наконец 3-е и очень не маловажное то, что в самом его характере было что то утрирующее, вследствие чего ему самому казалось что он очень ужь беден, хотя в действительности крайности и не было.

Бедность в нем выражалась совершенно анологично и с его постоянным нытьем и жалобами на нездоровье, а между тем как часто бывало так, что после двух трех успокоительных слов, он сам сознавал себя совершенно здоровым. Зная хорошо эту черту характера Фед. Мих. я с уверенностию говорю, что нытье его о нужде, выраженое им в письмах, следовало бы представить не так как поступили те, к кому покойный обращался с своими письмами и составители биографии, и в особенности не следовало оглашать тех писем, под которыми рукою самого Фед. Мих. было написано: «письма моего *непоказывайте никому, пожалуйста* . Неуважение этой просьбы не извиняет та оговорка, которую сделали составители биографии, так как принятая ими за причину болезнь Фед. Мих. не верна, — причина есть его характерная черта утрировать...

Я например собственным наблюдением удостоверился в том — как однажды, вскоре после смерти Михал. Мих., Фед. Мих. жаловался на страшную нужду и безденежье, а между тем, в это время, он приехал из Петерб. в Москву, остановился в гостиннице Дюсо, одет был как *всегда* безукоризненно, ездил на приличных извощиках, платил всем за все самым добросовестнейшим образом, имел в копельке деньги и собирался за границу. Конечно говоря это я нехочу сказать, что Фед. Мих. был человек обеспеченный до довольства, или что он притворялся бедным, нет, Боже меня упаси от подобной неправды! напротив я знаю, что в то время, о котором я говорю, он принял уже на себя долги брата Мих. Мих. и что он помогал его семейству; но так как я слышал от самого Фед. Мих. как он распорядился с кредиторами, сколько у него было на лицо денег и сколько и от кого он получит, то я видел, что положение его нелегкое, заботливое и требующее труда усидчевого, — но от крайней бедности далекое; между тем он все ныл и жаловался и в каждом письме ко мне из Женевы, даже в то время когда я знал наверное, что у него были в руках 100 руб. или по тогдашнему курсу 360 фран. он писал почти тоже самое, что писал и другим, о его нужде. И он был прав, так как нужду он чувствовал, но происходила нужда эта от неуменья справиться с деньгами и от неуменья попросить денег, или напомнить об высылке (sic) их без *характерной манеры* пожаловаться и пожаловаться по своему в длинном и до скрупулезности тонком анализе нужды от безденежья и всех от нее последствий.

Этой характеристики Фед. Мих. в биографии нет, а потому ничего нет мудреного в том, что и письма нашего честнейшаго и благороднейшаго друга, большинство публики не поняло, а в печати некие господа, о которых справедливо сказал В. П. Буренин, что они недостойны развязать ремень у обуви Достоевского, позволили себе над ними глумиться и кощунствовать! Как после всего этого душу выворачивающего не восполнить тот пробел в биографии, который через чур больно вопиет о себе? Это нужно сделать и сделать скоро!..

О том — как неверно изображен Фед. Мих. в деле Петрашевского и как во всей этой фатальной истории ни одной черты нет от живого и настоящего Фед. Мих. — я уже не говорю; но обо всем этом, равно как и о возмутительно веденном (хорошо мне известным сыщиком Липранди) процессе — есть указания и заметки в моих воспоминаниях и в печатном томе.

Но обратимся к сути письма Вашего, от которого я очень отдалился, так как Вы незнаете как мне не легко говорить о Фед. Мих. — Вы спрашиваете меня: «не знал ли я Ризенкампфа и что это был за человек? Отв. Господина этого я лично не знал, хотя фамилию эту слышал от Фед. и Мих. Михайлов., судя же потому что он наговорил о Фед. Мих. говорю с уверенностью, положа руку на сердце, что человек этот Фед. Мих. решительно не знал, или, если он и был знаком с Достоевским, то понимал Фед. Мих. как то по своему по ревельски; а кому из русских людей неизвестно, что милые обитатели этого баронского городка, из угожения своим экономным до скаредничества баронессам и кильку сочинили для того, что бы заменить ею дорогую селедку.

Шидловского я знал; но кому перешло его имущество и письма не знаю; и не могу себе об'яснить — почему Вы думаете, что у него должны находиться очень интересныя письма Фед. Мих.? Я знаю положительно одно, что Фед. Мих. до ареста, большую переписку, т. е. письмами, вел только с братом Мих. Мих. и сестрами; с близкими же своими знакомыми и даже с друзьями он переписывался не охотно и в весьма редких случаях: писал всегда на маленьких, крошечных, самых, как он выражался, *канцелюточных* лоскутках бумажки (большею частью на уголках) и то, или когда жил на даче в 3 Парголове, или когда извещал кого нибудь о том, что он у него или у другого небудет. Скажу даже более, что в то жуткое время и время строгостей, Фед. Мих. как человек *до крайности мнителный и осторожный* избегал всякой переписки; занятие это он полюбил в Сибири, а потом и пристрастился к нему.

В период времени от 46 до 49 он любил аудиторию и в ней кафедру [1]) на которой он был учитель - вертуоз. (В биографии об этом, по крайней мере в 1-м Отд. т. е. до ссылки нет ни слова, у Н. Н. Страхова упомянуто слегка, а я черту эту описал). При том не должно упускать из виду и того, что когда петрашевцы были арестованы, то многие другие из знавших его и сообщников ожидали если не ареста, то осмотра, а потому жгли все, что у них было по тогдашнему подозрительное, а тем более переписку; я знаю, что у меня происходила операция auto da fe при содействии Мих. Мих., приехавшего ко мне на другое утро после ареста Фед. Мих., и это в моих воспоминаниях описано».

(Дальше Яновский пишет о желательности для него напечатания его воспоминаний. Воспоминания эти и напечатаны были в „Русском Вестнике“ за 18 Апрель, стр. 796—819).

---

[1]) Т. е. кафедру не настоящую, а то кресло, диван или простой стул, с которого он говорил, а мы его благоговейно слушали.

«Относительно высылки вам печатного тома биографии встречается тоже маленькое недоразумение. Я писал вам, что в моем томе сделано мною карандашом много заметок и заметок длинных с равного рода возражениями и доказательствами, которые покрыты лаком. Все эти заметки для меня очень важны, так как одни из них относятся к тем местам, против которых я желал сделать возражения, а другие на оборот к тем, которые подтверждают сказанное мною в моих воспоминаниях; а потому я должен буду скопировать их. След. когда я получу от вас обещанный Вами Том биографии, то я тот час впишу в него мои заметки и мой экземпляр Вам доставлю. Иначе я поступить не могу».

(Дальше Яновский говорит о пребывании Анны Григорьевны в Веве и письме ее к нему, шлет благопожелания Анне Григорьевне и детям ее и предоставляет (в пост-скриптуме) ей право опубликования тех сведений, которые он сообщает ей в настоящем письме).

Сообщил *Гр. Прохоров.*

Пять писем П. А. Исаева к Ф. М. Достоевскому.

(Из материалов Пушкинского Дома).

Печатаемые ниже пять писем к Достоевскому его пасынка, П. А. Исаева, имеют, прежде всего, тот интерес, что непосредственно знакомят с личностью этого человека, которого мы до сего времени знали из писем Достоевского, воспоминаний Анны Григорьевны и писем А. Н. Майкова. Достаточно выпукло вырисовывается здесь отношение «Паши» к своему отчиму. Несомненно, Паша, как и сам в этом признается, был с большими недостатками, от которых он постепенно отставал, но по отношению к Феодору Михайловичу у него заметно неизменно доброе и даже сердечное отношение. Как-то невольно напрашивается вопрос, действительно ли уж так плох был Паша, как его рисует, напр. Анна Григорьевна и Анна Николаевна, ее мать, под влиянием которых, б. м., менялись, нередко к худшему, и отношения Ф. М.

Интересны письма Паши и в том отношении, что дают сведения о находившейся весьма долго на попечении Федора Михайловича семье его покойного брата, Михаила Михайловича

1.

В письме к А. Н. Майкову, от 4 (22) июня 1868 г., Достоевский, между прочим, писал: «От Паши я получил, наконец, большое письмо. Пишет тоже о 4-х посланных мне письмах: невероятно мне это; куда-ж они могли деться. С другой стороны трудно и не верить ему совсем. Письмо он написал складно. Я порадовался, что он может излагать дело ладно и без ошибок. Но положение его, действительно, должно быть ужасное. Это мне так тяжело, что во сне даже снится». Дальше Достоевский сообщает, что просимую Пашею расписку на 200 рублей Гаврилову он Паше выслал.

С.-Петербург, 1868 г. 31 мая.

Милый, дорогой, голубчик Папа,

Не очень давно я получил от Марии Григорьевны письмо, в котором она просила меня привесть к ней по Вашему поручению, письма Крюковской. Меня это удивило, более тем, что я ждал ответа насчет этих писем от Вас самого. Я все таки отправился. Она сообщила мне.

что Вы будто бы мной очень недовольны и что письма, если они не отправлены, то нужно их поскорее отослать, отдав предварительно ей. Писем ей я не отдал, а сказал, что они уже отправлены (это было вранье, но для этого у меня были свои соображения). Все это, говорю, меня удивляло, но еще более удивило то, что я услышал от Майкова, зайдя к нему, после этого дня через два, — узнать, не получены ли от Вас какие-нибудь известия. Он сказал мне, что вы не получали от меня (как видно из Вашего последнего письма к нему) ни одного письма после Вашего последнего. Что же это значит? Мной послано Вам в последние три месяца четыре письма. Ни в одном из них, как я помню, не позволил себе ничего такого, на что вы не могли бы мне не ответить. Положим, что на два первые Вы могли не ответить, но два последние были очень важны: в них я (одно за другим) после почти годовалого срока, в продолжении которого я ни разу не упоминал Вам о своих нуждах, несмотря на неоднократные требования с Вашей стороны, — решился, наконец, серьезно просить у Вас подмоги, находясь действительно в страшно тяжелых, стесненных обстоятельствах. Не получая от Вас так долго никаких известий, я решительно поддался тем слухам, которые здесь носятся про Вас: — говорят, что вы не за границей, а в Москве. Несмотря на то, что Анна Николаевна сама меня уверяла, что едет к Вам за границу, я все-таки этому не верил: видел в этом одну хитрость. Да, спасибо Аполлону Николаевичу, он меня разубедил, и я ему одному только поверил! Вот что и было причиною, что я не решился послать Вам писем в Женеву, адресованных на Ваше имя. В моих письмах я писал Вам про свою жизнь за последнее время, писем моих Вы не получали, стало быть, и не знаете, как я здесь жил и живу. Если не будет Вам скучно читать, — прочтите: я напишу вам все, хотя и не так подробно, как писал прежде, — многого не помню.

10 ноября прошлого года, в день своего рождения, я поступил на службу в Адресный стол. Сначала был на испытании, потом через три дня мне на мое счастие открылась вакансия и я вступил в должность. Жалованья получал 25 р. В январе месяце определил Мишу туда же. Сначала он поступил ко мне на испытание, а потом занял мое место, по выходе моем из Адресного стола. Вышел я 8 февраля, а 22 поступил к Николаю Васильевичу Тихменеву. Жалованья получал у него то же, что и в Адр. ст., зато работы было гораздо меньше. Когда я служил в Адресном, то жил не очень хорошо, ибо одно время был болен и порядком поиздержался.

В январе я переехал от Эмилии Федоровны (по каким причинам Вам уже известно) к Прасковье Петровне. По выходе из Адресного стола, по расчету получил очень мало, а между тем нужно было отдать хозяйке за квартиру за целый месяц, прачке за белье, да еще 10 р. я был должен одному господину. Хотелось сделать какое-нибудь платье, свое было сильно поношено. На все на это нужны были деньги, а где их взять, когда у меня всего было 8, 9 рублей. Сильно ко мне приставала тогда за деньгами Прасковья Петровна. Видя, что дела идут очень скверно, я решил поехать к тетке и просить у ней в долг денег

Перед от'ездом видел Анну Николаевну, но о своей поездке в Псков не сказал ей ни слова; сделал это без всякого умысла. Хозяйке своей сказал, что еду на несколько дней в Москву за тем, чтобы, в случае неуспеха, не дать ей повода еще больше приставать ко мне за деньгами и подвергать себя насмешкам. У тетки я ничего не достал, она мне прямо призналась, что у ней в доме всего 50 р. Федора Акимовича в это время не было во Пскове, он в деревне устраивал до нельзя запущенные дела. У тетки взял на проезд обратно пять рублей; так это дело тем и кончилось. По возвращении в Петербург я узнал о новой неприятности, сделанной мне Анною Николаевною. Она мне отдала, розно, в тот раз письмо Анны Григорьевны, — советовала прочесть его мне Эмилии Феодоровне, чтоб та могла составить себе понятие о той тяжелой жизни, которую Вы вели за границей. Письмо это я прочел и положил в свой письменный стол, совершенно перед от'ездом забыв об нем.

Анна Николаевна, услышав от хозяйки, куда я уехал, стала вдруг меня подозревать в самом нелепейшем поступке: ей показалось, что я с письмом Анны Григорьевны отправился к Каткову просить у него денег. Не знаю, правда ли, но носился слух, что она тотчас же послала об этом депешу в Москву. Все бы это ничего, Бог с ними, с этими происшествиями, но зачем же, не узнав хорошенько дела, писать Вам, расстраивать Вас, заставить Вас писать Аполлону Николаевичу, письмо за письмом, за справками: наконец, вооружать всем этим Вас против меня. Если бы я тогда же узнал бы, что Анна Николаевна поступит так опрометчиво, то я тотчас же бы Вас успокоил; жалею, что узнал об этом поздно от Аполлона Николаевича, среди разговора моего с ним. Я одного не понимаю, за что меня так не терпит Анна Николаевна, что я ей сделал дурного, — не понимаю. Она во всяком моем поступке видела одну дурную сторону: смотрела на меня неприязненно; каждый шаг мой контролировала, — не понимаю, кто дал ей на это право! Если у вас, Папа, будет когда-нибудь свободное время, об'ясните мне это, меня это очень интересует! — Приехал обратно из Пскова с 4 р.; что делать? Надо было доставать деньги, а где их взять? Порыскал три дня и достал малую толику, ну, и поделился с тем, с другим, — стало и ладно. Достал себе на целый март месяц (обед), — достал все, что надо из необходимых вещей. Наконец, 22 числа отправился к Тихменеву, а 23 вступил в новую должность. Тихменев сначала был со мною удивительно хорош: вежлив и внимателен. Но недели через две, три — все пошло иначе. Аполлон Николаевич узнал, что я служу там же, где и Разин, отправился к нему и стал говорить про меня, просить его, чтобы он похлопотал о прибавке мне жалованья. В это время был там Начальник Архива, под ведомством которого служит Тихменев, непримимый враг Разина. Разин просил за меня, генерал обещался сделать все, что возможно. Надо вам сказать, что этот господин предобрейший человек. Он на другой день пришел в Архив и стал говорить Тихменеву (моему начальн.) про меня, и как только тот заслышал, что в это дело замешан Разин, и что он мне протежирует, как в ту же минуту сказал:

«Нет, прибавок делать нельзя». С тех пор Тихменев стал обращаться со мною грубо, придирался к мелочам. Помню, в то время у меня разболелись страшно зубы и 22 марта, в день получки жалованья, боль усилилась невероятным образом, но я все-таки пошел в присутствие. На этот раз Тихменев был со мной небрежен до дерзости, придирчив невыносимо. Со всем бы этим, папа, я свыкнулся бы, сжился бы, если бы он в начале поставил себя на такую ногу, но в том-то и беда, что в начале он держал себя совершенно иначе, и это тем более меня бесило, что я не подал ему к перемене со мной в обращении такого повода. 22 марта я подал записку о выдаче мне жалованья. Получил его, но с намеками, что работал плохо, что работа моего предшественника была гораздо лучше. Меня это разозлило: я чувствовал, что работал ничуть не хуже моего предшественника, несмотря на то, что этот занимался пять — а я только один месяц. Я понял очень хорошо, что Тихменев желает избавиться от меня и потому первый, недожидаясь с его стороны отказа, об'яснил ему тут же, что заниматься у него далее не желаю. Анна Григорьевна знает его, кажется, очень давно, и знает его, может быть, с хорошей стороны, но мне, признаться, он очень не нравился. Около 15 марта я получил от Майкова посланные Вами деньги. Большое, большое Вам за них спасибо. Все пришлось раздать; на себя собственно издержал очень мало. Отдал часть Прасковье Петровне и переехал от нее на Под'яческую, где нанял себе комнату за 8 р.: дешевле, близ Мещанской, найти нигде не мог. Был очень рад, что избавился от прежней, докучливой хозяйки. Жалованье тоже пришлось раздать: отдал новой хозяйке вперед за месяц, купил чаю, сахару и табаку, и кое на что еще потратил малую толику. С остальными прожил до половины апреля, после же этого, не имея ни гроша, принужден был продавать свои учебные книги и закладывать из вещей то, что было поценней, но за все это давали очень мало. Работ больших не было; были, правда, но очень незначительные. Таким образом, мыкаясь, прожил я до 12 мая (день, когда отправил Вам последнее письмо), и если бы не Эмилия Федоровна, у которой прожива(ю), а не живу, ибо своего ничего не имею, все оставил у хозяйки, то я положительно не знал бы куда деться. Пришлось бы, пожалуй, спать на бульваре, или в Александровском парке. В конце апреля месяца я писал Вам (предпоследнее письмо) о своих нуждах. Просил Вас немного помочь мне, просил также от имени Эмилии Федоровны, помочь ей, бедной, хоть чем-нибудь: дела у них были скверны, а теперь еще хуже. Наконец в последнем письме писал почти о том же. Упомянул только, где можно достать деньги и обозначил сумму. На ответ этого письма я сильно надеялся. Об'ясню сейчас почему. В последних числах апреля я получил от Порфирия Ивановича Ламанского место в Козлов на 500 р. жалованья: в младшие помощники кассира, при открывающимся 20 июня отделении Государственного Банка. Дело было только за деньгами, и мне нужно было достать их, по крайней мере, к 1 числу июня месяца, чтобы 3-го быть уже на месте. Просил у Вас 150 р. Нужно было обшить себя, ибо у меня ничего не было, а теперь уже совершенно хожу оборванцем.

каким-то нищим, так что на улице совестно показаться. Надо было на проезд, надо было на месте обзавестись чем-нибудь, наконец, жить там на что-нибудь до 20 июля, т. е. до первой получки жалованья. Вот почему я так сильно надеялся на Вас, голубчик Папа, и каково же мне было, когда мне Аполлон Николаевич сказал, что писем Вы от меня не получали. Каково мне было это вынести? Меня как обухом по голове треснуло! Я тут же сказал Майкову, что мне все это кажется странным. И действительно, Папа, по моей мнительности, я более способен думать, что письма дошли до Женевы, и что вероятно затерялись в тамошнем почтамте; или же, что-нибудь случилось что они не могли дойти до вас. Узнайте все это, голубчик Папа, обязательно.

Письма, опять повторяю, должны были дойти до Вас! Наконец, сказал Аполлону Николаевичу, что Вам надо опять писать и писать как можно скорей. Но если я это не сделал тотчас же, или до сих пор, то уж, конечно, не из лени: от этой роскоши я давно отвык, а оттого, что с утра до вечера приходилось ходить и хлопотать насчет денег, где же тут писать, да еще письмо, в котором хотелось поговорить побольше. Я просил Аполлона Николаевича достать мне взаймы денег, или же поручиться за меня, в случае я где-нибудь достану сам, чтобы после делать мне уплату по месячно. На первое он мне отказал, сказав, что достать ему негде; на второе отвечал, что поручаться ни за кого не станет; да и семейному человеку это не возможно, добавил он: «я лучше готов свои дать, чем поручаться». — И что-ж, Папа, он по-своему, был, может быть, совершенно прав: давать же из своих ему было нельзя. У него был, как он говорил, больной отец на руках; он сам принужден был занять у своего домового хозяина 25 р., а потом заложить 5% билет в Банк. Посоветовал он мне обратиться к Алонкину [1]). Тот мне отказал под тем предлогом, что этими операциями не занимается уже три года. Просил передать Вам, чтобы Вы хоть сколько-нибудь ему прислали. Я, разумеется, старался его успокоить, говорил, что за Вами никаким образом пропасть не может; но этим он остался, кажется, на сей-то раз не очень доволен. Вы бы, Папа, ему написали, успокоили его (на всякий случай, зовут его Иван Максимовичем). — Посновал еще несколько дней, а денег все-таки не достал. Что же было делать? Положение было не выносимое! Срок от'езда приближался. Надо было на что-нибудь решиться. Я решился в последний раз, не имея ближе Майкова около себя никого, обратился к нему; он записал мой адрес и хотел вскоре уведомить. Теперь он уже уехал на дачу, а ответа до сих пор не присылал никакого. Была у меня только одна надежда на одного козловского чиновника, с которым случайно познакомился в Банке. Этот господ, обещался дать мне денег под вексель, но проводив меня слишком две недели за нос, вчера решительно отказал, отговариваясь тем, что сам не получил тех денег, которые ожидал. Я просил еще давно у Ломанского, чтобы он похлопотал о выдаче мне казенных де-

---

[1]) **Повидимому, бывший хозяин квартиры Достоевского — о нем см. воспоминания Ан. Гр.**

нег, с вычетом впоследствии из жалованья, но он в этом мне отказал. Он видел очень хорошо, что я страшно нуждаюсь в деньгах, и если хотел дать, то, разумеется, дал бы в долг из своих. Ну, а коли не дал — стало быть мне прямо просить у него было невозможно. Нельзя же было лезть к нему прямо к горлу. Тем более, что я его знал очень мало, и он уже раз сделал мне услугу: дал возможность поступить на место. Завтра мне уже следовало бы выехать из Петербурга, а с чем ехать, спрашивается, когда ничего нет. Хлопотать мне о месте, или какой-нибудь работе нет возможности. Я упомянул уже раз Вам, что платье у меня страшно изношено, оборвано, сапоги в дырьях, и поправить все это решительно не на что. Белье мое перервано, из доков сделались какие-то тряпки; а подштанникам и званья давно нет, остались одни швы. Выходя на улицу, приходится одевать Федино платье, можете себе представить, как оно на мне сидит, просто — умора! Федя, хотя очень деликатен, но, может быть, в душе очень этим недоволен. Каково же мне, зная это все, в необходимости иногда прибегать к этому средству. Если бы не Эмилия Федоровна, мне за последнее время пришлось бы умереть с голоду. Но она, бедная, сама бьется изо дня в день. Вещи, серебро и словом все ценное заложено, а не продано: так что теперь и закладывать нечего. Федя, как и всегда летом, достает очень мало. Миша дать ничего не может, ибо он теперь в Адресном столе не служит и денег пока достать нигде не может. О нем я скажу несколько слов ниже. Разин[1]) удрал с нами славную штуку: уплатил в продолжении прошлого года около 150 р. и потом водил своими обещаниями за нос полгода. Когда же Федя написал ему письмо, в котором об'яснил, что обещанные сроки давно прошли, и что просит его к такому-то сроку приготовить деньги, в противном случае принуждены будут взыскать с него Мировым Судом. А он на это письмо отвечал, что никогда не был должен покойному Михаилу Михайловичу, а что если и давал деньги, то в подмогу, в пособие *бедному нуждающемуся* семейству. Слова эти передаю Вам буквально: они были так написаны в его письме. Федя, прежде чем посылать ему решительное письмо, успел, зная его не совсем-то честным человеком, поддеть на хитрость. Он подослал к нему совершенно постороннего человека, которому Разин и проговорился, что, действительно, состоит должным, и еще добавил: «Считаю священным долгом сделать уплату этого долга в скорейшем времени!» При этом разговоре присутствовал еще другой свидетель. На все это они сильно рассчитывают, как на доказательство. Конечно, они долг свой получат через Мирового, но это будет месяца через два, не раньше. На Эмилию Федоровну на-днях чуть не подали просьбу к Мировому за долг в 10 р., и насилу могли уговорить подождать до некоторого времени, отдав чуть-ли не последний самовар в заклад. Прислуге тоже должны за несколько месяцев и принуждены терпеливо выносить все ее ворчания и дерзости: иначе

---

1) Ал-сей Егор. Разин (1823—1875), бывший сотрудник журналов „Время" и „Эпоха".

нельзя, то потребует рассчет, а недать рассчета, отказавши, тоже нельзя, — то пойдет жаловаться. А из чего отдать, когда у самих ничего нет и постоянная нужда. Ну, и из необходимости и выносят всю эту муку. На Эмилию Федоровну это сильно действует; у ней возобновилась прежняя болезнь: сильное сердцебиение; на-днях был легкий припадок; Бог знает, может кончится все это дурным. — Мне тоже нужно с ними поделится, да при том же, как можно, поскорей; жить так, как я живу теперь у них, — тяжело!

У них я пользуюсь всем, а сам не приношу ничего. Да и рад бы был что-нибудь дать, да то и горе, что у самого ничевошеньго нет! Уж, конечно, кусков моих не считают, да каково же их, в моем положении глотать. Мне нужно выкупить свою кровать, мебель; словом, все мое скудное имущество, которое оставил у своей хозяйки за долг 10 р., за прожитие у ней на квартире. Я знаю, голубчик Папа, что помочь нам Вы были рады всей своей доброй душой, но помочь через Каткова Вам теперь *положительно нельзя*. (Там только у Вас и есть один источник). Но и в Ваше отсутствие, только, конечно, через Вас мы можем здесь достать денег. Помните Вы Михаила Гавриловича Гаврилова, который был фактором при типографии Праца и который хотел у Вас купить Ваши сочинения перед Стелловским. Живет он теперь у Вознесенского моста, в доме Китнера, при типографии Головачева, фактором. Я уже с ним говорил, он может достать деньги. Нужно только, чтобы Вы написали ему от себя письмо, в котором попросили бы его достать денег для меня (или для себя, как найдете лучше), и что, мол, я принесу ему от Вас бумажку в форме расписки [1]). Эту бумагу напишите на отдельном листе, на имя Гаврилова и вложите в тот конверт, в котором адресуете письмо ко мне. На росписке обозначите сумму в 200 р., из которых мы получим 160 р., остальные же пойдут на проценты. Срок, вероятно, будет 8 месяцев. С этой распиской я пойду к Гаврилову, и если деньги получу от него, то, конечно, росписку оставлю. Письмо же, собственно к нему, Вам непременно надо написать, иначе дело легко может не состояться. Не удивляйтесь, дорогой мой папа, что прошу у Вас такую сумму, но мне, конечно, достанутся не все, а немного больше половины, т.-е. сто руб., а остальные Вы дадите Эмилии Феодоровне. Она просила меня, чтобы я написал Вам об их трудных обстоятельствах и чтобы попросил у Вас какой-нибудь помощи. На сей раз, думаю, что Вы будете рады помочь им, имея на то возможность. Об этом я уже писал Вам в предыдущем письме. Очень беспокоится Эмилия Феодоровна и не знает, получили ли Вы ее письмо, посланное в последних числах марта месяца. Из ста рублей я сделаю себе немного белья и платье. Платье буду шить из дому, а не покупать готовое в рынке, как мне советовала Анна Николаевна; это значит деньги на ветер бросать, в этом я совершенно уверился собственным опытом. На остальные с разными мелкими расходами проживу до получения места. А о месте буду сильно хлопотать, как только

[1]) В тексте „распискѣ“.

сошью себе платье. Хорошо бы, кабы Вы могли кому-нибудь написать обо мне. Хоть бы Ломанскому, которого (был бы Вам за это очень благодарен) поблагодарили бы от себя и сказали бы ему, что если я и не поехал в Козлов, то именно от того, что не с чем было ехать. Ну и кстати упомянули бы, нельзя ли мне дать какое-нибудь место в здешнем Банке. Порфирий Иванович Ломанский живет в Московской части 4 участка, по Серпуховской улице, в доме под № $^{2}/_{56}$: Не пишите только ничего Страхову обо мне. Я просил его, и он бы мог сделать для меня что-нибудь у М. О. Вольфа, но ничего не сделал. К последнему перешло, от Стелловского, право печатания афиш; очень прибыльная, говорят, статья. Теперь, папа, будет еще другая просьба: напишите Александру Федоровичу Базунову и как бы это сделать, чтобы Ваше к нему письмо было передано мною. Попросите его дать мне корректурных работ, в них у него недостатка, вероятно, нет. Дело это мне знакомо. Я читал не очень давно первую корректуру газеты «Весть», когда ее постоянный корректор Толь был болен. Помните, тот Толь, который был у Михаила Михайловича. Я надеюсь, папа, что Вы меня по-прежнему любите и будете так добры, исполните мои просьбы. Что Вам сказать о нашей жизни? Она небогата особенными происшествиями. Живем мы в городе, против нас строят дом, пыль от него ужаснейшая. Погода здесь стоит очень хорошая. Даже очень жарко днем не знаем, куда деться, зато вечером прохладно. В доме все по-старому. Изменилась только Катя, сильно выросла, чуть не догнала маману. У ней теперь экзамены; до сих пор держала хорошо, осталось только два, вероятно, и их выдержит. Резвушка она стала страшная. В этот год она значительно развилась. Миша все такой же, каков был и прежде. Кстати, о нем: по выходе из Адресного стола я всеми силами старался поместить его на мое место (номер) одного, на полное жалованье в 25 р., но мне это не удалось, ибо вакансию на мое место должны были занять двое: Миша и еще другой, поступивший к нам в одно время с жалованьем на 12 р. Миша прослужил всего два месяца и принужден был выйти. К нему привязались за самую простую штуку: не так написал бумагу, но в этом виноваты были его товарищи: ужасная, надо Вам сказать, все сволочь. Миша не с'умел приобщиться к их пьяной компании, и некоторые из них сильно на него за это разозлились и только искали случая ему насолить; разумеется, такой случай нашелся очень скоро, да и всегда мог найтись. Вообще, Миша работал честно и хорошо. После того, он хлопотал себе о месте на открывшуюся вакансию, кассиром по Царскосельской жел. дор., при Павловском вокзале с готовой квартирой и с жалованьем в 35 р. в месяц. Место было очень выгодное: могли бы жить там все летом. Как он ни хлопотал, и как ни хлопотали [1]) за него другие, влиятельные люди, — все-таки ничего не вышло. Немцы осилили и место занял другой. Эмилия Федоровна значительно изменилась, да и есть из чего. Федя почти не бывает дома, все занят. Каншины и Милюковы блаженствуют в Павловске... Не знаю.

[1]) В тексте „хлопали“.

как высказать Вам, голубчик, дорогой папа, мою благодарность за Ваше последнее письмо: то, что я чувствую, выше всякой благодарности. Это чудное письмо будет цениться мной, как лучшее, теплое Ваше письмо ко мне. Для меня будет большое горе, если это письмо я когда-нибудь затеряю! Одно только место, в начале письма, показалось мне невероятным; ну, да говорить теперь об нем не место... Поздравляю Вас, папа, и Анну Григорьевну с рождением милой для Вас дочери! О рождении дорогой Сони я узнал из письма Эмилии Феодоровны. Еще не видавши, ужасно полюбил эту девочку. Поцалуйте эту слюняшечку бесчисленное число раз! Здорова ли теперь Анна Григорьевна, как она теперь себя чувствует? Я перед ней много виноват: не мог до сих пор собраться написать ей. Что Соня, здорова ли? Умеет ли она держать головку? Поздравляю, голубчик папа, Вас с счастьем, которым Вы теперь наслаждаетесь. Я рад, от души рад, что у Вас есть собственное дитя! Я думаю, Вы поминутно ласкаете Соню?! Анна Григорьевна, я думаю, как счастлива! Хотелось бы вас всех поскорее видеть, да, ведь, это не скоро еще будет? Хоть бы Вы и Анна Григорьевна прислали бы мне карточки, мне очень, очень хотелось бы их иметь. — Роман Ваш мне очень нравится, в особенности начало первой части. Начало второй пока ничего не об'ясняет. Тема, папа, широкая, богатая и, действительно, Вы были правы, сказав: «Каково-то будет исполнение». Да, от исполнения зависит все! «Идиота» иные хвалят, иные ругают, но которые из них, приблизительно, составляют большинство, не знаю, ибо нигде почти не бываю. При моем письме найдете письма Крюковской, их все распечатывал Федя. Между ними есть письмо и Евреиновой к Фед. Наши все Вам кланяются. Николай Михайлович ждет от Вас письма. Кланяйтесь Анне Григорьевне и Анне Николаевне. Анне Григорьевне жму крепко руку и желаю всего хорошего. Соню расцалуйте за себя, а за меня вдвойне. Цалую Вас, голубчик папа, крепко, крепко! До свидания, папа, еще цалую Вас крепко!

Любящий Вас, сын П. Исаев.

Хотелось бы побольше написать, да и то боюсь, что много отнял у Вас времени. Письмо адресуйте через Эмилию Феодоровну.

2.

3 сентября 1869 года, С.-Петербург.

Милый и дорогой папа, в этом письме я буду говорить исключительно о Ваших делах. Еще весною я узнал от Марии Григорьевны о Вашем желании продать «Идиота», от нее же узнал и все условия, которые Вы предлагали покупщикам. За это дело я принялся горячо, видя в нем, конечно, Ваш интерес. Хотя хлопоты мои до сих пор, т.-е. до сближения со Стеловским (об этом ниже), касательно продажи «Идиота» и не увенчались успехом, но могу искренно, откровенно сказать Вам, что во всех этих случаях действовал очень осторожно, нисколько не компрометируя Вашего имени. В доме одной барыни, родственницы Ефима Гри-

горьевича Грумм-Гржимайло, нотариуса, у которого я имел работу, — я познакомился с г. Ушаковым, занимающимся изданием разных сочинений. Было это еще летом. Он из'явил желание купить «Идиота» и просил высказать условия, которые предлагаете Вы, — я ему передал их. Давал он 1.200 р., но как-то не решительно, впрочем, хотел дать положительный ответ через неделю. В назначенный срок мы опять с ним сошлись, и мне удалось получить от него ответ. Хотя и обиняками, но он высказался, что, за неимением в наличности большой суммы, принужден, к сожалению, отказаться от этой покупки. Видя, что с этим господином толку не будет, прекратил с ним все сношения по этому делу. Явился потом Гаврилов, этот человек Вам знаком. Он хотел совершить покупку, вместе с Катоминым. Катомина вы едва ли знаете. Он купил типографию Головачева, в которой был, как Вам известно, прежде фактором Гаврилов. Последний предлагал 1.200 руб. Я, с своей стороны, поставил ему, т.-е. Гаврилову, на вид главное, вот что: если, мол, отец согласится на эту цифру, то деньги должны быть уплачены по подписании условия. Он просил меня подождать писать Вам и хотел через несколько времени дать тоже решительный ответ. И действительно, явился с ответом, но с таким, который просто меня взбесил. Он предлагал всего 800 р.; чистыми деньгами при подписании условия — 300 р., а остальные с рассрочкою; право издания на два года, количество экземпляров около 2.000. Я сухо ему на это ответил, что Вы на его условия не будете согласны, и, как мне кажется, поступил в этом случае очень благоразумно. После того он больше не являлся. Во время второго нашего свидания рожа этого плута, как и всегда, чему-то глупо ухмылялась. Вероятно, он думал, что за его предложения ухватятся с руками и ногами. Если не ошибусь, то скажу, что человек этот книжный плут, торгаш самого низкого свойства. Впрочем, Вам самому придется когда-нибудь убедиться в моих словах. С ним положительно не стоит иметь никаких дел. Ну, да бог с ним. Буду продолжать. Сошелся с книгопродавцем Звонаревым, с которым имела сношение (безуспешное), по этому же делу и Мария Григорьевна. Было это в первых числах июля. Он пригласил меня к себе на дачу, и там-то мы довольно долго толковали насчет «Идиота». Собственно определенной суммы он не предлагал никакой. Сделал тут же расчет предположительный на это издание. Передаю Вам его целиком, хотя пользы в этом не вижу никакой, но может быть для соображений Ваших это будет не лишнее.

На 2400 экземпляров.

Бумаги 242 стопы по 3 р.	726 р. —
За печать 50 л. по 13 р.	650 „ —
Переплетчику по 4 к. за экз.	96 „ —
Глазировка по 60 к. стопа	145 „ 20 к.
Публикация	100 „ —
Итого . . .	1717 р. 20 к.

Выручается:

За 2400 экз. по 2 р. 50 к	6000 р. —	
Уступка 20% книгопродавцу	1200 „ —	
Итого . .	4800 р. —	
		4800 р. — к.
Расход		1717 р. 20 к.
Барыш		5082 р. 80 к.

На 4000 экземпляров.

Бумаги 425 стопы по 3 р.	1275 р. —
Печать 50 л. по 15 р.	750 „ —
Переплетчику по 4 к. с экз.	160 „ —
Глазировка по 60 к. стопа	255 „ —
Публикация	100 „ —
Итого . .	2540 р. —

Выручается:

За 4000 экз. по 2 р. 50 к.	10.000 р. —	
Уступки 20% книгопродавцу	2.000 „ —	
Итого . .	8.000 „ —	
		8.000 р. — к.
Расход		2.540 „ — „
Барыш		460 „ — к.

В первое наше свидание он говорил, что согласится на условия, предлагаемые Вами (т.-е. право издания на 2 года, количество экземпляров 4.000; Вам 2.000 р.). Чрезвычайно, казалось бы для него выгодно: он имел бы чистого барыша 3.460 р. Но что все-таки приступить к этому он боялся, а вернее сказать, совсем не решался. Потому, не известно, удалось ли бы издание, или нет, а затрата должна быть сделана тотчас же, и не малая, т.-е. расход на издание с лишним в 2½ тыс.; да Вам 2 тысячи. «Другое дело — добавил он, — если бы Феодор Михайлович согласился на *это* условие (см. выше рассчет на 2.400 экз.). И то, если бы право издания было не на два года, а на четыре года, — тогда я мог бы предложить 1.500 р., и Феодору Михайловичу было бы очень выгодно согласиться на это». Я промолчал. Он продолжал: — «Правду же сказать, в эту минуту, положительно ничего не могу сказать; денег в н[illegible]ости нет. Жду получки в конце этого месяца, по векселям, около 5.000 р. Тогда могу с Вами говорить определенно, поэтому побывайте, если можете, у меня в конце месяца». При прощании он добавил: — «Откровенно говоря, мне бы хотелось купить «Идиот». В конце Июля был у него опять, получил определенный ответ — отказ. Он говорил в этом роде, что денег не получал, почему и принужден отказаться от покупки; кроме того: неполучением к ожидаемому сроку денег поставлен сам в неудобное положение: закупил несколько вещей, изданио которых, за неимением денег, принужден будет остановить до некоторого времени. Мне кажется, папа,

что это была одна уловка. В промежуток между первым и вторым моим с ним свиданием, он, вероятно, с кем-нибудь советывался, касательно покупки «Идиота». Получа неодобрительный совет какого-нибудь несведущего дурака, он, вероятно, самостоятельно действовать побоялся. Бывши в таком настроении, он, конечно, трусил за неудачу предпринимаемого издания, если бы приступил к таковому. Но чтобы в это время у него не было денег, мне верится с трудом. Я пишу Вам о нем так подробно потому, что с ним только, я надеялся что-нибудь сделать и притти к какому-то небыло соглашению. Все здешние книгопродавцы, как я узнавал стороной, не имели, да и не имеют и в настоящее время охоты купить «Идиота». Про Базунова не могу ничего сказать; ничего не знаю, кроме того, что Мария Григорьевна говорила с ним насчет «Идиота», и что он, имея намерение купить его, предлагал однако, такие условия, на которые Вам нет никакого расчета соглашаться. Об этом слышал еще летом. Некоторые здешние книгопродавцы, положительно, дурачье, насчет своего дела: там, где следует видеть успех, они его не видят; боятся рисковать там, где могут получить верный барыш. В свое оправдание они руководствуются вот чем: что, мол, теперь спрос публики простирается более на чисто научные и популярные издания, чем на романические произведения, стало быть, приобретать к изданию таковые рискованнее, чем первые. Но ведь это положительный вздор: если увеличилась потребность публики на научные и популярные вещи, то из этого отнюдь не следует, чтобы она уменьшилась на романы. Романы всегда читались большинством публики, а при расширении грамотности, стало быть, при развитии охоты в публике к чтению — потребность эта сама собой должна увеличиться. Научные и популярные вещи читает только часть публики, а романические произведения читаются всеми. Это, мне кажется, совершенно верно: другое дело, — говорят они же, — издавать те романы, которые не были напечатаны в периодических изданиях, от тех можно ожидать барышей, и то только тогда, когда начнешь издавать выпусками как напр., «Война и Мир» Толстого, имевший от того полный успех. Большинство публики (главное, большинство!), прочтя роман в периодическом издании и зная его содержание, неохотно покупает таковой в отдельном издании, хотя бы оно и было исправлено и добавлено автором. По их мнению, это публику не прельщает. С последним, пожалуй, можно согласиться и только отчасти, а не совсем. Хотелось бы насчет этого сказать поясней, да еще закоратоврствуешься. К делу. Мне крайне совестно, что тогда же не извещал Вас о моих хлопотах, касательно «Идиота», но тогда я думал: что пользы писать о неуспехе, а если бы удалось что-нибудь, тогда другое дело. Теперь только понимаю как был самонадеен и как поступал опрометчиво. Своим молчанием я может быть, сделал Вам огорчение и заставил Вас больше мучиться, чем бы писал о неудачах. Я сознаюсь, что по прежней своей глупой манере относиться к каждому делу, как-то легко и небрежно, — я сделал Вам много огорчений и заставил Вас, может быть, против Вашей же воли злиться на меня, в чем, конечно, чистосердечно винюсь. Надеюсь, что

больше этого повторяться не будет. Я очень хорошо понимаю, как дело не будь пусто, к нему следует относиться толково, не небрежно, в этом только можно видеть всю порядочность человека. Говорю, понимаю *теперь*, потому что прежде в жизни ничего не смыслил, ко всему относился легко; теперь, по крайней мере, понял жизнь, понял отношения людей. Но не дешево мне это стоило, нахлебался всякой гадости достаточно. Благодарю Бога, что нравственно-то вышел чист. На прошлой неделе был у Марии Григорьевны (за чем был у ней, о том буду говорить в другом письме) и оставил ей письмо для передачи Вам. В нем писал о Загуляеве. Пополню кое-что теперь. Он, действительно, имел в виду Хана; тот хочет купить «Идиота» на условиях экземпляра, т.-е. Хан издаст на свой счет 2.000 экз. и за издержки по сему изданию возьмет себе 500 экз., остальные передаст Вам. Чистыми деньгами Вам ничего. Понятно, что пользы для Вас никакой. Издание было бы самое грубое. Хан брал бы себе 500 экз.=1.500 р., но при этом ему нужно было бы сделать скидку, книгопродавцам, публикация, и, наконец, затрата по всему изданию, что же бы ему осталось барыша? Издание это вышло бы чисто спекулятивное, и, конечно, не без малой выгоды для Хана. Он первый бы рассовал 500 экз. по всем магазинам, а Вам бы с остальными пришлось бы сидеть, что называется, у моря да ждать погоды. Да и в самом деле, куда с ними деться? Продавать через тех же книгопродавцев, с значительной уступкой, — значит, подрывать свой кредит. Я, соображаясь со всем этим, просил Загуляева передать Хану, что Вам соглашаться на это условие не мыслимо. Да, забыл сказать, что Хан, желая издать «Идиота», приступить же к этому изданию не мог бы ранее конца декабря; стало быть, если бы дело и состоялось, «Идиот» не вышел бы в продажу ранее нового года. Дня через два после разговора с Загуляевым, встретил утром у Вознесенского моста его жену, близь их дома. Она пригласила меня к себе на завтрак. Просидел с ней слишком час. Много расспрашивала про Вас и Анну Григорьевну. Просила передать Вам поклон. Сама она значительно переменилась, похудела сильно, зато лицо стало гораздо симпатичнее. Сам он очень постарел. Старшая дочь — миленькая девочка, вся в отца. Два сына — одногодки, прелестные мальчуганы, похожие друг на друга, как две капли воды. Провел время у них очень весело. Весь час темой разговора были Вы. Перейду теперь к Стелловскому; об нем постараюсь говорить, как можно подробней и точней, чтобы Вам было все понятно, — тут дело. Со Стелловским мне несколько раз приходилось иметь сношения по разным делам (не по Вашим). По Вашему делу в первый раз сношусь с ним относительно «Идиота». Что это за человек, т.-е. каким я его считаю, — все это увидите из этого письма. В прошлом году, еще в начале, он спрашивал меня: — «Не согласится ли Феодор Михайлович позволить мне печатать «Преступление и Наказание» раньше 1870-го года, за особую плату?» — Я ему на это ответил, что согласны Вы на это быть не можете, так как «Прест. и Наказ.» продано Базунову до 1869-го года включительно. В пятницу, т.-е. 26 числа я видел его по одному делу. Он, узнав от меня, что «Идиот» продается, просил пере-

дать Вам, что желает купить его за 1.000 р., и деньги готов уплатить все сполна при подписании условия; право владения на 2 года, т.-е. по 1 января 1872 года. Видя, что тут может что-нибудь выйти дельное, начал говорить с ним подробней; не думайте, однако, чтобы уж я и очень увлекался; скажу, что этого человека я знаю хорошо. Спросил его, как он думает, сколько может выйти из 40 печатанных листов «Русского Вестника» листов изданья его, русских авторов. — «У меня нет под рукой номера «Русского Вестника», — ответил он, — принесите мне, тогда я Вам скажу, сколько будет листов». Заговорил с ним про «Преступление и Наказание», т.-е. насчет того, когда он намерен его напечатать и когда платить за него деньги. — «Печатать я буду в 1870-м году, а деньги будут уплачены после напечатания, с листа, по тому расчету, по которому я приобрел право печатания прежних сочинений Феодора Михайловича; впрочем, — прибавил он, — я могу Вам дать ответ в конце октября, могу ли я заплатить Феодору Михайловичу за «Преступление и Наказание» часть денег в нынешнем году, раньше напечатания, или нет». — За «Прест. и Наказ.», Папа, Вам придется получить около 900 р. сер. — От него я пошел к Аполлону Николаевичу, взял там один номер «Русского Вестника» и отнес его к Стеловскому. Он просил зайти к нему, за ответом, на другой день. От него пошел опять к Аполлону Николаевичу. С ним мы рассчитали, что 40 печатанных листов «Русского Вестника» будут = $32\frac{1}{2}$ листам Стеловского. Таким образом 44 буквы в строке средним числом, и 41 строка на странице «Русского Вестника», итак:

44
× 41
44
176
1804
× 16
10824
1804
28864

28864
40
1154560 букв в 40 печат. листах Русского Вестника

Итак, приблизительно из 40 листов «Идиота» «Русского Вестника»
столбцов), и 60 строк на странице издания Стеловского,
итак:

74
60
4440
× 8
35520 букв в листе Стеловского

таким образом:
1154560 | 35520
106560 | $32\frac{1}{2}$
89960
71040
18920

Итак, приблизительно из 40 листов «Идиота» «Русского Вестника» выходит $32\frac{1}{2}$ листа Стеловского.

Таким же образом мы с Аполлоном Николаевичем расчитали относительно «Прест. и Наказ»; для расчета взяли Базуновское издание= 36 печ. листам.

```
     31
   × 40
   1240
   × 24
   4960
  2480
  29760
   × 36
 178560
 80280
1071360
```

```
1071360 | 35520
106566    30¼
   5760
```

Приблизительно из 36 листов «Прест. и Наказ.» издания Базунова выходит 30¼ листов Стеловского. Аполлон Николаевич советывал мне настоятельно требовать от Стеловского, чтобы он сам написал условие, по которому он желает купить «Идиота». Условие же это передать Вам для рассмотрения, так как письменный документ всегда точнее словесных передач. Я поступил так, как советовал мне Аполлон Николаевич. 27 числа, в субботу, отправился опять к Стеловскому. По его расчету сказалось, что 40 листов «Русского Вестника» «Идиот» = его изданию 28 листам. Когда же я указал ему свой расчет, — он сказал: — «Ну, да ведь, это все равно: разница не большая, в двух, трех листах, тем более, что я покупаю не с листа, а целиком». Тут я воспользовался советом Аполлона Николаевича и передал ему, касательно написания условия. Он согласился и хотел прислать мне его на дом в понедельник, т.-е. вчера. Я эту присылку отклонил и сказал, что лучше зайду к нему сам. Поступил так, потому что имел в виду, что при чтении условия, непременно должны встретиться какие-нибудь недоразумения, требующие личного моего с ним переговора. Как я думал, так и случилось. Передам теперь Вам, буква в букву, самое условие, а подлинное, написанное самим Стеловским, оставляю на всякий случай у себя. Обратите только особенное внимание на кружок под условием. В нем заключается намеченный Стеловским расчет, имеющий, по-моему, важное соотношение с 5 пунктом самого условия, — об этом буду говорить ниже. Условия: «*Главные основания условия, по продаже ром. «Идиот» соч. Ф. М. Достоевского, напечатанного в журнале «Русский Вестник*».

1-е) «Достоевский продает Стеловскому за тысячу руб. роман «Идиот», в об'еме сорока печатных листов, в шестнадцатую долю листа, формата журнала «Русского Вестника», — в просмотренном и исправленном через автора виде и доставленном в этом виде Стеловскому, без всякого особого за то вознаграждения, ко дню заключения сего условия».

2-е) «Стеловский имеет право печатать роман «Идиот» в формате полного собрания сочинений русских авторов издания Стеловского, в та-

ком количестве экземпляров, какое понадобится по его, Стеловскому, усмотрению, и продавать оные в его, Стеловского, пользу».

3-е) «Стеловский не имеет права издавать и продавать роман «Идиот» в переверстанном виде, а должен продавать оный только в издании формата «Русских авторов».

4-е) Достоевский, с своей стороны, обязуется не приступать, — ни сам лично, ни наследники, ни то лицо, кому бы он мог передать право издания романа «Идиот» при его жизни, к изданию помянутого в сем условии романа ранее первого января тысяча восемьсот семьдесят третьего года».

5-е) «Стеловский обязан уплатить Достоевскому за право издания его романа «Идиот» тысячу рублей серебром, при подписании сего условия».

6-е) «Условие сие с обеих сторон хранить свято и ненарушимо, подлинное иметь Стеловскому, а копию Достоевскому».

Деньгами		500 р.
1 Декабря Векселем	. . .	300 „
15 „ „	. . .	150 „
30 „ „	. . .	150 „
15 января 70 го		300 „
Остальное по напечатании.		

На каждый пункт сего условия, позвольте мне делать кое-какие замечания, идущие прямо к делу, и притом передавать весь разговор, веденный мною со Стеловским, относительно этого предмета. Начну с первого пункта. Его придется Вам весь передавать. Упоминать *«в объеме сорока»* совершенно в условии лишнее, если же и упоминать, то с чрезвычайной точностью. Даже следует *при нем, Стеловском,* высчитать, сколько листов формата «Русского Вестника» имеет «Идиот», и в черновой контракта настаивать, чтобы Стеловский сам выставил эту цифру. Конец же первого пункта, начиная: «в просмотрении и т. д. следует уничтожить, или переделать. Насчет этого могу сказать вот что: (обратите внимание на конец 4 пункта). Когда я видел Стеловского первый раз по этому делу, он мне сказал, что намерен печатать «Идиот» вместе с «Пр. и Нак.», в начале 1870 года, но при вручении условия вчера, т.-е. 29 числа, он оговорился так: — «Я совершенно забыл, в начале 1870 года не могу печатать «Идиот», потому что в этот том у меня уже набрано сочин. Авдеева, а принужден буду начать печатать только в конце 1870 года и выпустить в продажу в начале 1871 года; вот почему в конце 4 пункта я написал: семьдесят третьего года, а не семьдесят второго года». — Сам он желает купить на два года (см. там, где я говорю, о первом нашем свидании). Право владения должно начинать считать, со дня заключения самого условия, а не с того времени, когда выпустит он в продажу купленное произведение. Он бы вздумал выпустить в продажу сочинение *за три месяца* до истечения срока условия и начал бы считать право владения со дня этого срока, — это была бы бессмыслица, несогласимая с самим условием. Окончательное решение насчет 4 пункта, несомненно, зависит от Вас. А так как «Идиот» он намерен напечатать в 1870-м году, в конце, то, мне кажется, совершенно

от Вас тоже будет зависеть, имея целый год, исправить «Идиот», или нет, но отнюдь не следует ставить в условие обязательно исправление «Идиот», к сроку подписания условия, тем более, не получая за это особенного гонорария, как гласит самый же пункт сего условия; это может быть Стеловскому лишней только придиркой, потому что условие может совершиться через две, три недели, а в такой короткий срок мудрено не только исправить, но и пересмотреть роман. Со всем этим на словах сам же Стеловский согласен, но в условии написано иначе. Ясно, что он надеялся, что это место пройдет как-нибудь незамеченным, что может служить хоть и незначительной уловкой к придирке, а все-таки придиркой. А может быть, и я ошибаюсь, но во всяком случае решение от Вас. Теперь второй пункт. Насчет количества экземпляров Стеловский сказал мне, что покупает, во-первых, «Идиот» на таких основаниях, как и прежние Ваши сочинения, во-вторых, намерен выпустить от 4 до 5 тысяч экземпляров, как и другие тома. Третий пункт. Прочтя его, я вспомнил дядю (Никол. Мих.), который уверял меня, что Стеловский не имел права продавать Ваших сочинений (некоторых), приобретенных им по контракту, в отдельном, переверстанном виде, кроме формата «Русских авторов», и что об этом и в контракте даже ничего не сказано. По прочтении вышенаписанного условия, я братился к Стеловскому с вопросом: имел ли он право, по контракту, продавать Ваши сочинения в отдельном виде, или за это особенно должен платить Вам, он на это мне ответил, что для него об этом выговорено в договоре. Желания же моего (еще в первый раз) прочесть самый контракт, не исполнил, говоря: — «Судите сами: могу ли я Вам дать читать контракт, для каких-либо соображений, не зная, будет ли доволен этим Федор Михайлович, или нет, другое дело, если бы он пожелал иметь копию контракта и написал бы об этом хоть и в Вашем письме, я исполнил бы его желание, а иначе ничего не могу сделать». Какая тонкая бестия. Он будет обязан выдать копию, когда того потребует одна из сторон, заключающих контракт. На это есть вариант в 4 статьи, в «Уставе Нотариального Положения». Уж это-то мне хорошо известно. Не дурно бы, папа, если бы Вы в письме своем ко мне написали так: «Паша, передай Феодору Тимоф. мое желание, чтобы он выдал тебе засвидетельствованную копию у нотариуса контракта, заключенного мною с ним о продаже моих сочинений». Копия эта была бы всегда нужна, а если бы оказалось, что Стеловский поступил против условий, на которых состоялась продажа ему Вами прежних Ваших сочинений, то его можно бы было притянуть к суду. Конечно, прежде, сойдясь на новом условие касательно «Идиота», а также предварительно получив с него деньги за «Прест. и Наказ.». При этом, однако, надо иметь в виду вот что: затевать иск ранее окончания срока силы контракта, тогда можно получить что-нибудь с него, при том будут конфискованы в Вашу пользу все незаконно, против самого контракта, изданные и пущенные им в продажу Ваши сочинения. В противном случае, Вы по иску ничего не получите, а только будет произведена у него конфискация в Вашу же пользу. Обо всем этом говорил с присяжным поверенным. Теперь относительно расчета. По перечтении усло-

вия, Стеловский заговорил так: — «Скажите Феодору Михайловичу, что при подписании условия я могу дать всю тысячу сполна, но не будет ли он согласен на *такое* (?) предложение, которое все-таки будет для меня значительным облегчением, да притом ему нужно, вероятно, будет не все деньги сразу прожить». Предложение таковое: при подписании я плачу чистыми деньгами 500 р. и на 900 р. выдаю векселя. На такие сроки: 1 декабря вексель в 300 р., 15 декабря — 150 р., 30 декабря — 150 р. и 15 января 1870 г. 300 р. Из них 500 р. пойдут в уплату за «Идиота», а 400 вперед за «Прест. и Наказ.», остальные же, около 500 р. за «Прест. и Наказ.», по напечатании последнего. Хорошо, если бы Феодор Михайлович согласился на это, для него это бы было все равно (?), а для меня значительно легче». Каков? Позвольте, папа, сказать Вам, какую тут я вижу хитро-сплетенную штуку: на заключение условия со Стеловским Вы дадите кому-нибудь, конечно, доверенность, за своим отсутствием, а также и уполномочите своего поверенного на получение со Стеловского денег, за один раз за «Прест. и Наказ.». Хорошо-с. Обратите теперь внимание на 5 пункт условия Стеловского; там сказано так: тысячу руб. сер. при *подписании условия.* Если бы вы согласились на его последнее предложение, то впоследствии, мне кажется, могло бы выйти вот что: когда Вы, или Ваш поверенный явились бы к нему, по напечатании «Прест. и Наказ»., за получением остальных денег (500 р.), то он бы, пожалуй, на это Вам ответил: — «Какие 500 р.? Ведь, за «Идиот», как сказано в самом 5-м пункте условия, Вы получили *тысячу,* а за «Преступление и Наказание» получили вперед векселями на 900 р., стало быть, мы с Вами квиты». Конечно, в сущности, все это вздор, потому что Вы, согласясь на его предложения, поступили бы, вероятно, так: расписались бы на новом условие («Идиот») в получении, на основании пятого пункта того же условия, чистыми деньгами 500 р. и векселями на 500 р по такие-то сроки, а также и на прежнем условии расписались бы в получении от него на 400 р. векселями, вперед за напечатание «Прест. и Наказ.». Уж, конечно, такая бестия, как Стеловский, знает это хорошо, но он надеется, что, может быть, Ваш поверенный, по неопытности, упустил бы из виду то, о чем я сейчас выше говорил. Подобную уловку он употреблял, как мне положительно известно, с некоторыми лицами раза два, но, к сожалению, безуспешно. Не надеется ли он в третий раз испытать на Вас эту шутку. Я не говорю наверно, что это было бы так, но мне так кажется, и очень хотелось бы знать, как Вы смотрите и что думаете, относительно моих предположений. Если бы Вы и согласились на покупку Стеловского, то конечно деньги тысячу руб. сер. должны были бы уплачены им все сполна чистыми деньгами, при подписании контракта. На 400 руб. же за «Прест. и Наказ.» можно было бы взять с него векселями (сроком не долее, как на три месяца, иначе учесть их будет трудно тотчас же), предварительно, накануне узнав, принимают ли где-нибудь его векселя к учету. Насчет будущего ничего не могу сказать, но насчет настоящего узнал, что его векселя можно учесть с потерей 8—10 % в Международном Коммерческом Банке. В Государственном Банке его векселей к

учету не принимают, он не имеет там никаких сношений и дел, а насчет «Общества Взаимного Кредита» — не знаю; давно не видал у тетки Шевекова. Впрочем, этим путем можно узнать накануне самого дня (это еще будет лучше) написания Стеловским векселей, если бы таковое по Вашему желанию состоялось. Что Вам сказать насчет продажи Стеловскому «Идиота», — советывать Вам, конечно, не могу, Вы, как хозяин своей вещи, сами можете знать, будет ли для Вас это выгодно, или нет. Скажу только свое мнение, что за неимением в наличности других покупщиков, продать «Идиот» Стеловскому все-таки выгоднее. Тысяча руб. чистыми деньгами — куш. То же, кажется, полагает и Аполлон Николаевич, впрочем, об этом он Вам напишет сам. Если бы таковая продажа и состоялась, то мне, голубчик папа, хотелось бы, чтобы поверенным Вашим был бы выбран Вами я. Вертевшись около подобных дел четыре месяца, и будучи с ними знаком, я надеюсь, что возложенное Вами на меня поручение было бы выполнено с моей стороны тщательно и без ущерба для Вас. Скажу даже Вам (не находя это лишним), как стал бы действовать. Получив от Вас на свое имя доверенность и вместе с нею письмо, в котором бы Вы поместили условие Стеловского же, с Вашими пометками, окончательного решения и, кромe того, инструкции, по которым бы я мог притти *постепенно* с Стеловским к какому-нибудь соглашению (полагаю, насчет суммы), я бы отправился к нотариусу (к своему знакомому, прекрасному человеку, Ефиму Григорьевичу Грумм-Гржимайло) и поручил бы ему, соображаясь с данными Вами мне инструкциями, составить проект контракта, с которым, предварительно прочтя его у Аполлона Николаевича, и, если будет нужно, и исправив, отправился бы к Стеловскому и просил бы его таковой подписать. Затем отнес бы этот проект к нотариусу и поручил бы ему написать подлинный контракт и копию с онаго. По изготовлении таковых, пригласил бы Стеловского в контору нотариуса для подписания контракта и по совершении им подписи получил бы от него деньги, а нотариус после этого скрепил бы сей контракт своею подписью и приложил бы печать. (С нотариусом, я предварительно переговорил бы на счет неприложения печати и не подписания им контракта до тех пор, пока мною не были бы получены деньги со Стеловского). Затем контракт был бы внесен в актовую книгу нотариальным порядком и выдан подлинный Стеловскому, а копия мне Аполлон Николаевич был бы так добр, не отказался бы быть присутствующим лицом в конторе, и по получении мною от Стеловского денег, я таковые тотчас же вручил бы ему, для передачи вам NB. Хорошо было если бы вы не забыли написать в своем письме на счет копии с прежнего контракта, о котором я упомянул выше в этом письме. Соображаясь с условием Стеловского и со всем, что касается этого дела, я сегодня утром поручил нотариусу составить, к завтрашнему дню черновую доверенность, которую вместе с этим и еще другим письмом снесу Аполлону Николаевичу, а он с своим письмом пошлет все это вам. Доверенность вам придется самому писать, и что нужно, по усмотрению, из черновой переделать; явить у местного консула, он засвидетельствует вашу подпись. Доверенность эту здесь надо представить в министерство иностранных дел в

департамент внешних сообщений, здесь уж засвидетельствуют подпись самого консула и тогда доверенность будет готова совсем. Предлагая свои услуги, хочу хоть этим быть вам полезен. Пока до следующего письма, в котором поговорю о себе и других близких.

Искренно вас любящий
сын ваш
П. Исаев.

На этом письме приписка А. Н. Майкова.

«Препровождаю к вам эту библиотеку. Дело со Стеловским мне кажется серьезным, по крайней мере что касается Идиота, т.-е. если за него получите 1.000 р. Что же касается Прест. и Наказ., то признаться, я не совсем понял, и зачем оно тут припутывается. Мне кажется, это два дела разных, и трактовать надо об обоих отдельно, разве только если Стелов: захочет печатать оба романа в одном томе, но тогда в контракте надо сказать: за Идиота — 1000 р., а за Пр. и Нак. — столько-то, и так-то, т. е. векселями или наличными. Лучше всего в контракте писать, что оный заключили на 2 романа: и потом все, что касается до одного — вписать все пункты; затем все, что касается до другого. Это будет яснее. Впрочем, все это раз'ясняется тем, что Прест. и Наказ. уже продано. За сим, я вообще согласен с замечаниями Паши и готов присутствовать при заключении с ним условия у Стеловского. Ожидаем ваших распоряжений. На-днях же вышлем вам доверенность в черновом, — со своим письмом. Желаю вам успеха и доброго здоровья. Но в конце все ставлю вопрос: когда мы увидимся?

Весь ваш А. *Майков.*

3.

5 января 1870 года.

Милый и дорогой папа, поздравляю вас, Анну Григорьевну и Анну Николаевну с новым годом, с новым счастьем, Любашечку дорогую целую крепко-крепко; скажите ей, милой крошке, что я ее очень очень люблю. Она, т. е. это большое-то существо служит частот емой наших разговоров. Дети тетки (Алекс. М. [1]) ею очень интересуются и желали бы ее поскорее видеть. Пишу вам за тем, чтобы немедленно получить от вас ответ (очень важный) относительно продажи «Идиота»,—иначе, если будете медлить, может дело затормозиться. Продажа состоится между 15—20 ч. янв. мес. Почему не могло быть это сделано раньше, теперь не об'ясняю (слишком было бы подробно), думая, что для вас в настоящую минуту это не составляет существенного вопроса, Вы мне верите и достаточно, папа, будьте только, дорогой, убеждены, что продажу наверно устрою. *Теперь о главном:* Стеловский уже успел мне загнуть один крючек. Вы высказались, что переделывать «Идиота» не станете: это ему и дало повод, но его каким-то

---

[1]) Самая младшая сестра Федора Михайловича.

особым рассчетам, настаивать: протянуть право издания еще на один год. т. е. до 1874 г. *точнее:* он говорит так: «если Ф. М: до мая не переделает «Идиота», то я пользуюсь прав. изд. до 1874 г. (Идиот), если же переделает, то до 1873 г. Конечно, было бы удобнее, каким-нибудь путем оттянуть от него лишний, просимый им год (имейте, голубчик в виду, что если не последует с вашей стороны *положительного ответа,* дело продажи может развалиться — это серьезно!).

Аполлон Николаевич советует (он желал, что бы об этом было упомянуто в этом письме) согласиться так: до 1874 г., чтобы не уничтожать дело, я же советовать ничего не могу, как скажете, так и сделаю, с соблюдением нужных точностей и выгод в вашу пользу. Ответ как можно поскорей.

Как бы мне хотелось с вами поговорить о многом, а также и с Анной Григорьевной; благодарю ее душевно, что она меня, несмотря на мои проказы, помнит все таки. Напишу вам обоим в очень скором времени, и уже, конечно, потолковее, чем на сей раз. У нас перемены: Миша женился. В ту минуту, когда вам пишу, между им вышли с Федей маленькие передряги, семейные, в которых Федя в отношении своей матери держал себя наиблагороднейшим образом. Напишу об этом в другой раз поподробней, Вам, конечно, будет это не без'интересно.

Прощайте, голубчик. Когда я сказал тетке, что вы, может быть, скоро приедите, то она (прелестная, голубчик, женщина, много она имела влияния на исправление моих дурных манер. Я ее люблю, как мать, и ее одну только решусь поставить наравне с вами, дорогой, в своем сердце) ужасно обрадовалась, а также и Николай Иванович и Дюнько, как мы все зовем дядю Колю [1]). Вообще же, как Достоевские, так и Голеновские частенько вас вспоминают. Катя, ваша крестница, ежедневно спрашивает меня: скоро ли приедет кресный папа; милая девочка. Все: Федя, Эм. Фед., словом, все, все вам кланяются и поздравляют вас и Анну Григорьевну с нов. годом.

Целую, голубчик, вас и Любу крепко; Анне Григорьевне целую с уважением ручки, а если она меня, безолаберного, любит, то целую и ее, как мамашу.

Письмо на сей раз адресуйте непременно так: на Петербургскую сторону по Большому проспекту, № д. 69, его в-бл. Ал. М. Голенова, для передачи П. А. Исаеву. Целую вас крепко. Весь ваш любящий П. Исаев.

На первой странице вверху приписано:

«Просьба: когда будете отвечать, вложите письмо к Ник. Ник. Страхов. и попросите его, чтобы мне редакция выдавала журн. «Заря»; а не-то прямо, непосредственно напишите в редакцию и я таковую записку передам сам Кашпереву. Исполните мою просьбу и я буду вас несказанно благодарить.

Р. В. за 1869 г. не получал.

---

[1]) Младший в семье брат. В Пушкинском доме есть несколько писем его к Федору Михайловичу и Анне Григорьевне, рисующих тяжелую обстановку последнего периода его жизни.

4.

20 января 1879 г. Суббота.

Милый и дорогой папа!

Спешу вас уведомить, что вчера решилась моя участь. В начале будущей недели я должен уже выехать в Москву. Назначаюсь не на время и с содержанием 75 р. в мес., вследствие чего предположение об от'езде одного меня, без Нади, изменилось. Сегодня целый день сижу с ней и работаю; думаю в понедельник окончить все комитетские работы и передать А. Н. Майкову, завтра вечером около 6 часов зайду к вам. Будьте так добры, передайте Анне Григорьевне, что справка относительно Гойжевского мною сделана и вот ее содержание: страховое письмо с 50 р. отправлено Гойжевскому в Новгородскую губернию, в г. Крестцы и записано в почтовую книгу здешнего почтамта 17 апреля 1867 г., № 14. Справка сделана в архиве контрольной палаты (помещается в здании министерства госуд. имуществ) по почтовому отделу (заведующ. г. Руднев), по книге третьей, Новгородского тракта. Надя вам и Анне Григорьевне кланяется. Целуем ваших деточек.

Любящий вас
П. Исаев.

5.

СПБ, 18 декабря 1879 г.

Милый и дорогой папа.

Вчера я получил ваш большой портрет. Мне очень хотелось бы к празднику вставить его в раму. Но прежде, чем это сделать, мне очень также хотелось иметь на нем вашу подпись. Этот портрет останется для моего маленького *Феди* и будет памятью ему того, сколько добра сделал его кресный своему пасынку, умевшему всегда жить и глубоко уважать своего второго отца. После банка, т. е. в 6—7 часов я зайду к вам для этой именно цели, надеюсь, что вы будете так добры и не откажете мне в моей, быть может, последней просьбе. Деточек ваших поцелуйте и засвидетельствуйте мое глубочайшее почтение Анне Григорьевне.

Любящий вас
П. А. Исаев.
Сообщил *Гр. Прохоров.*

Два письма из редакции „Русского Вестника“.

(Из материалов „Пушкинского Дома“).

Печатание в «Русском Вестнике» романа Достоевского «Бесы» было прервано с конца 1871 г. по конец 1872 г. Основываясь на словах Страхова в письме к Толстому, что Катков отказался печатать «сцену из Ставрогина (растление и пр.)», исследователи творчества Достоевского полагают, что перерыв в печатании и был вызван подцевольным выпуском Достоевским «Исповеди Ставрогина» и необходимостью в связи с этим переделки романа. Печатаемые два письма: секретаря редакции «Русского Вестника» и Н. А. Любимова как раз относятся к периоду перерыва в печатании романа «Бесы», причем первое касается непомещения романа в августовской книжке «Русского Вестника», когда до «Исповеди Ставрогина» было еще далеко, а второе — Любимова — писано уже в апреле 1872 г.

1.

Редакция
РУССКОГО ВЕСТНИКА
Москва
Сентября 17 дня 1871 г.
№ 337.

Милостивый Государь
Федор Михайлович,

Николай Алексеевич Любимов уже писал Вам 12 сего сентября, но так как письмо его вследствие перемены Вашего адреса могло не дойти до Вас, то по его поручению редакция Русского Вестника честь имеет известить Вас, что единственною причиною непомещения присланных Вами частей Вашего романа было желание дать вам более свободного времени для продолжения оного, а также, в случае возможности, поместить поболее разом. Поэтому соблаговолите уведомить редакцию должна ли она ограничиться помещением того только, что она имеет, или для Вас нетрудно будет доставить еще сколько можно. Все же Вами присланное уже получено.

Секретарь редакции (подпись).

2.

Милостивый Государь

Многоуважаемый Федор Михайлович!

Оба плана, предлагаемые Вами относительно печатания «Бесов» имеют свои неудобства. Если начнем в апреле, то опасения Ваши относительно перерывов останутся во всей силе, ибо, при всей доброй воле с Вашей стороны, нельзя быть застрахованным от случайностей. С другой стороны откладывать до августа весьма далеко, да и к тому сроку Вы не даете уверенности, что роман будет кончен вполне и пишете о значительной доле. Удаляя не без ущерба для журнала печатанье, мы именно надеялись, что Вы будете иметь довольно времени, чтоб значительно подвинуть дело вперед. Для журнала, конечно, было бы всего лучше, еслибы к майской, например, книжке иметь в редакции порядочную дозу рукописи и печатать без перерывов и притом по хорошей доле.

Опасение относительно летних месяцев, кажется, предрассудок. Летом романы читаются даже более. Начать печатать теперь, чтобы по прежнему ожидать от недели к неделе высылки малыми долями нам бы не хотелось. Просим принять во внимание интересы журнала и посудить самим как удобнее поступить, чтоб не вредя роману удовлетворить ожиданье публики не затягивая дела. Если отложить до августа, да и в августе будем иметь лишь *долю* романа, хотя и значительную, то дело осенью будет в том состоянии, в каком желательно чтоб оно было теперь или по крайней мере в ближайшем будущем. Если бы Вы нашли возможным в срок остающийся до майской или много июньской книжки значительно подвинуть роман, то может быть было бы хорошо не стесняться летними месяцами. Во всяком случае будьте сами судьею дела, но в сужденьи вашем будьте снисходительны к интересам журнала. Я набросал здесь торопливо и может быть не совсем складно то, что пришло в голову Михаилу Никифоровичу и мне по прочтении Вашего письма. Передавая Вам эти соображения прошу принять уверение в истинном почтении с каким остаюсь душевно преданный.

Н. Любимов.

1872
апреля 5.

Сообщил *Гр. Прохоров.*

Отдел VI.

ТЕКСТЫ.

Кроткая.

(Вариант, хранящийся в Пушк. доме при Р. Ак. Наук).

I.

Рукопись занимала *двадцать* страниц большого формата обыкновенной писчей бумаги (у Достоевского они называются листами). Из них сохранилось всего *шестнадцать*: не достает четырех страниц — от *тринадцатой* до *шестнадцатой* включительно; если ориентироваться на текст печатный — не достает двух первых главок главы второй: «*Сон гордости*» и «*Пелена вдруг упала*».

Эта рукопись в 16 страниц является в нашем варианте основной; она преставляет связный, вполне развернутый рассказ (пропавшие страницы сделали бы его полным) с многочисленными исправлениями — меньше: добавлениями, сделанными на полях, над и под строками сплошного связного текста. Кроме того, имеются еще краткие, отрывистые наброски на трех отдельных почтовых листках, тематически восходящие преимущественно к главе второй, к двум последним ее главкам или подразделениям: «*Слишком понимаю*», «*Всего только пять минут опоздал*», и наброски, тоже тематически-сюжетного характера, посредине основной рукописи: на листе пятом их больше всего, на листе девятом и семнадцатом. Наброски посреди текста являют краткие конспекты непосредственно следующих за ними главок.

Рассказ в нашей рукописи заглавия своего еще не имеет. Очевидно, не только большим своим произведениям, но и малым, Достоевский дает окончательное название, если не в самой последней, то во всяком случае очень поздней стадии работы. Не имеют своих заглавий в нашей рукописи и подразделения в каждой главе, по всей вероятности, по той же причине, за исключением третьего подразделения первой главы: в печатном тексте «*Благороднейший из людей, но сам же и не верю*», в рукописи — «*Через полюс*». Ниже станет ясно, почему именно это подразделение, только оно одно, удостоилось такого раннего оглавления, этим самым как бы выделенное в качестве центральной части рассказа.

В левом углу первого листа, на самом верху, поставлена дата, почерк Достоевского: «*19 ноября 76-го года*». Что обозначает эта дата? Безусловно *не начало* работы над «Кроткой». На цензурной помете ноябрьского «Дневника Писателя», где напечатана «Кроткая», число: *1-е декабря*. Даже для Достоевского слишком уж короток такой промежуток между моментом начальным и моментом завершения: в каких-нибудь 7—8 дней. (Должно быть принято во внимание: набор, корректура, представление в цензуру, просмотр цензора и т. д.). Но соображение

это может и не считаться очень убедительным; два прямых указания авторских есть на то, что работа над рассказом началась и шла, упорная, гораздо раньше нашей даты: *19 ноября.* В предисловии к «Кроткой»: «От Автора», в нашем, рукописном тексте отсутствующем, Достоевский счел нужным извиниться перед своими читателями в том, что «на сей раз вместо «Дневника» в обычной форме дает лишь повесть». Причина та — говорит он в этом предисловии — что «*я действительно занят был этой повестью большую часть месяца*». Он был занят «большую часть месяца» не замыслом, не вынашиванием его, и не первоначальными набросками, а работой над редакцией связной, развертыванием рассказа во всей его тематической и композиционной сложности. Замысел первоначальный—надо полагать: и наброски первые—безусловно относятся еще к октябрю месяцу, к *первой* половине, быть может еще и раньше.

В «Дневнике писателя» за месяц-октябрь (цензурная помета 30 октября), в 3-ьем подразделении *1-ой* главы (значит, во всяком случае не у конца работы над октябрьским Дневником—вторая глава больше первой): «Два самоубийства», Достоевский с особенным волнением, как-то особенно заинтересованно и в то же время как бы намеренно сдержанно, рассказывает о том, как «*с месяц тому назад* во всех петербургских газетах появилось несколько *коротеньких* строк *мелким* шрифтом об одном петербургском самоубийстве: выбросилась *из окна*, из *четвертого этажа,* одна *бедная молодая* девушка, швея, потому что никак не могла приискать себе для пропитания работы. Прибавлялось, что выбросилась она и упала на землю, *держа в руках образ*» (курсив Д.). И дальше: об этой «странной и неслыханной еще в самоубийстве черте», об этом *образе в руках,* Достоевский так говорит: «Это уж какое-то *кроткое*, *смиренное* самоубийство. Тут даже, видимо, не было никакого ропота или попрека: просто — стало нельзя жить, «Бог не захотел» и — умерла, помолившись». Так. ясно указывается вся психологическая и идейная концепция «Кроткой» вместе с основной ее темой. «Бедная молодая девушка, *кроткое* смиренное самоубийство, в руках образ». «из окна четвертого этажа», «умерла помолившись», — здесь даны вместе с основными узлами сюжетно-композиционного характера и главные завершающие эффекты.

Третье подразделение 1-й главы октябрьского «Дневника»: «Два самоубийства» ради этой истории, думается нам, и написано. Самоубийство дочери «одного слишком известного русского эмигранта» (Герцена), оставившей после себя записку, где просит, чтобы ее схоронили вполне убедясь, что она мертвая. потому что «*совсем неприятно проснуться в гробу под землею. Очень даже не шикарно выйдет*» (курсив Д.), — оно рассказано в сущности только ради «этого гадкого, грубого шика», только для того, чтобы путем контраста еще ярче, сильнее оттенить предсмертный «*образ в руках*» той, выбросившейся из *четвертого этажа, кроткой* и смиренной. «Вот эта — та (вторая) смерть — обнажает Достоевский свой творческий процесс — и *напомнила* мне о сообщенном мне еще *летом* самоубийстве дочери Эмигранта».

От основных, сюжетно-композиционных узлов истории второго самоубийства отправилась художественная работа Достоевского. «Об иных вещах, — говорит он там сейчас же после рассказа, — *как они с виду не просты* (курсив Д.) долго *не перестается думать*, как-то *мерещатся*. Эта *кроткая* истребившая себя душа *невольно мучает мысль*». И как бы размышляя над самим процессом творческим, зачатым в связи с хроникерской заметкой, еще и еще раз возвращаясь к основному вопросу эстетического своего канона: о сущности художественного реализма, о связи между действительностью и ее воплощением в искусстве, и снова утверждая себя, как реалиста, в его, своеобразном, понимании этого термина, Достоевский двумя страницами раньше так оправдывает, в плоскости эстетической, свою «с натуры» взятую тему: «проследите иной, даже вовсе и не такой яркий на первый взгляд факт действительной жизни — и если только вы в силах и имеете глаз, то найдете в нем глубину, какой нет у Шекспира. Но ведь в том-то и весь вопрос: *на чей глаз и кто в силах* (курсив Д.)? Ведь не только, чтоб создавать и писать художественные произведения, но и чтоб только *приметить* факт, нужно тоже в своем роде художника» [1]).

«Особенный глаз» и своеобразие художественных сил Достоевского в том прежде всего и обнаружились, что тему эту о самоубийстве с ее финальными эффектами — из плоскости социальной (бедная безработная швея) он перенес в плоскость, ему наиболее близкую: психологическую; вернее — социальную сторону темы подчинил, используя ее лишь как мотивировку для завязки, стороне психологической. Придумывается фабула самая обычная: один из возможных вариантов очень элементарного романического сюжета о бедном человеке; осложняется же рассказ, на нем, на таком примитивном сюжете, построенный, стороной своей внутренней: психологической установкой действующих лиц. «Кроткой и смиренной», контрастирует он, старый наш знакомый, человек из «Подполья», угрюмо сосредоточенный ипохондрик. И как только он появляется, роль центральная с героини, образа уже данного в заметке хроникерской, сейчас же к нему и перемещается, форма рассказа становится монологической, в *его* передаче и освещении воспринимается ее прошлое и настоящее.

Вот это-то обнаружение «своего глаза и своих сил», уход от социальности ради психологии, обрастание основной газетной темы сюжетом романическим в концепции героя из подполья, — случилось очень рано. Художественное творчество с того момента и началось, как только «с виду простая вещь стала мерещиться ему и мучить мысль». Мы приходим к заключению, что генезис замысла «Кроткой» должен быть отнесен к последней половине сентября, во всяком случае не позднее первой половины октября. Созревал замысел, делались первоначальные наброски; — это их следы или им подобные имеем мы на листах: пятом, девятом и семнадцатом нашего основного текста и на листках почтовых,

[1]) См. Дн. Пис. за окт. 1876 г. Изд. Просв. т. 20 стр. 326 — 29.

2.

Возвращаемся мы еще раз к вопросу о дате в верхнем левом углу первого листа: *19 ноября 76-го года* и об'ясняем ее так:

Ближе к концу ноября, в результате работы, по крайней мере, месячной, должен был быть готов некий текст, уже связный. Это тот самый первый черновой, сплошной текст, который имеется в нашей рукописи, — скомпанованным, органически цельным остается он, если снять с него то множество исправлений и дополнений, которые сделаны на полях и внутри текста над местами зачеркнутыми и в промежутках между строк. Они сделаны, — особенно те, на полях, — в большинстве случаев другим почерком и другими чернилами, часто коренным образом меняют они, как психологическую установку героев, так и композицию в целом той или иной главки, — это безусловно какая-то другая стадия работы, более поздняя, чем та, когда впервые составлялся первый связный текст. Мы считаем, что она началась именно *19-го ноября*. Был перед глазами Достоевского текст первый, наш рукописный, — тот, который получается, если реставрировать его из-под груды нанесенных на нем изменений: художник стал приготовлять этот ранний текст к печати, видоизменять, исправлять его, и когда приступил к этой работе, в результате которой должна была получиться редакция более совершенная, ближе к редакции печатной, то и поставил эту дату: *19 ноября*.

Нашу догадку делает вероятной не только способ начертания этих добавлений и изменений: то, что они на полях, сделаны другим почерком и чернилами, и знаки особые указуют им место внутри текста. Здесь сомнения еще законны; тем более, что в самой рукописи, там, где идет текст сплошной, не всегда имеются в ясности эти начертательные данные, чтобы можно было на основании их установить, какие исправления были сделаны в первой стадии работы и должны быть отнесены еще к первой редакции, и какие после. Но мы принимаем во внимание — и это для нас самое ценное — то, что логический смысл и связность рассказа отнюдь не нарушается оттого, что мы снимаем в нашей рукописи все эти изменения и добавления,—не нарушается за редкими разве исключениями. Прорывы смысла часто получаются как раз, наоборот, от этих вставок, и трудно допустить, чтобы работа продолжалась дальше сейчас же, без их согласования с основным текстом. Эти-то безусловно были нанесены позднее, в виду окончательной уже редакции, к ней приближаясь.

И еще: нужно считаться и с обычной манерой письма Достоевского, с динамическим характром его творчества, в силу которого его исправления—внутри целого: абзаца ли, эпизода или какого-нибудь сложно развернутого мотива, как психологического так и идеологического характера — представляют почти всегда момент вторичный, останове он обычно не делает, чтобы тут же, немедленно, прежде чем итти дальше, отшлифовать синтаксическое целое, дать в законченном виде частный мотив или мысль. В потоке творческом стремится он неодолимо все

дальше и вперед, пока не остановится у момента узлового, требующего т. ск. большой длительной паузы. Не к этой ли особенности его творчества следует отнести тот факт, что у него одного, по крайней мере не у современников Толстого и Тургенева, знаем мы случаи уничтожения целых частей далеко уже подвинувшегося в своем развитии произведения — это с одной стороны, а с другой: слабо связанные с концепцией целого, вставочные эпизоды и «эксцентрические» идеи.

Впрочем, — скажем для сомневающихся еще — особенной надобности нет, чтобы непременно настаивать на абсолютной достоверности нашей догадки, в этой части ее: хронологической. Факт датирования первого листа 19-м ноября служил для нас, в наших рассуждениях, лишь пунктом исходным. Наша аргументация приводит к одному несомненному выводу: был длителен и очень упорен процесс работы, начался он *гораздо раньше* 19-го ноября. Перед нами два или несколько моментов — не в этом дело — исправления и дополнения безусловно являют уже иную, вторичную стадию работы над рукописью, по пути к окончательной печатной редакции. Пусть и не было одновременности, но было единое волевое устремление этого вторичного, сколько бы он ни длился, момента работы — стало яснее творческое задание, и оно определило характер последующего волевого творческого акта или актов: над результатом первого, над первой уже связной редакцией.

При воспроизведении рукописи в целом, ставим себе задачей раскрыть путь творческий Достоевского в его эволюции: от момента генетического через промежуточные стадии к моменту завершительному. Когда бы ни были сделаны исправления: до или после 19-го ноября, по отношению к тексту сплошному они стадии поздней, и их выделить необходимо. Делим страницу на две части: в верхней половине печатаем текст сплошной со всеми зачеркнутыми в нем словами, его считая, пусть даже в известной степени условно, одной из первых, б. м. самой первой связной редакцией. В нижнем этаже, в качестве примечаний, помещаем все исправления и дополнения, сделанные как на полях, так и между строк. Создавая однотипность, отнеся вниз, в примечания, все, без исключения, нанесенные на основной текст добавочные слои, мы грешим гораздо меньше, чем если бы тщились делать между ними выбор на основании каких бы то ни было признаков: произвольным все же оказалось бы размещение.

В силу неодолимых технических затруднений дать точную транскрипцию (впрочем, мы считаем это идеалом, в достаточной мере мнимым) или воспроизвести более детально характер рукописи при помощи различных условных знаков (их понадобилось бы очень много) — мы не могли. Оставалось в нашей власти два способа: способ нами взятый и ему противоположный: в примечании отнести слова зачеркнутые, в тексте же, прибегая порою к довольно гадательным кон'юктурам, дать в качестве единой редакции то, что получается в результате уже всех исправлений и дополнений. Мы предпочли первый путь: он гораздо менее рискован, и картина работы Достоевского над «Кроткой» получается более верная и наглядная.

3.

Три редакции имеет «Кроткая», и можно по ним изучать последовательную работу Достоевского над одним из самых цельных, самых завершенных художественных его произведений. Вторая редакция наша, т.-е. та, которая получается в результате всех нанесенных изменений, еще очень резко отличается от редакции печатной. Идут исправления в сторону ее, — существенные расхождения все еще остаются: в способе раскрытия сюжета, особенно резко в плоскости психологической трактовки героев, еще больше — в отношении стилистическом. В пределах небольшого рассказа легче открываются приемы стилистического оформления, присущие каждому писателю, и выпукло выступают здесь, при сличении трех редакций, те способы, при помощи которых Достоевский имитирует взволнованный, отрывистый сказ, «с урывками и перемежками и в форме сбивчивой», одного «из тех, что говорят сами собой»,—одного из «закоренелых его ипохондриков». Монолог должен едва ощутимо прорываться элементами речи диалогической, когда кажется, что рассказ «обращается как бы к невидимому слушателю»; в сфере крайней эмоциональной напряженности дается повествованию (там, где раскрывается сюжет, на первое впечатление в тоне эпически спокойном), и нужно, чтобы оно слилось с общим фоном, окутанное этим эмциональным ореолом.

Этот анализ, стилистический, здесь не может быть дан: введение должно бы превратиться в исследование филологического характера, которое прежде всего требует приведения полностью всех разночтений между всеми тремя редакциями, — уже технически это было для нас невозможно. Но ход работы над композицией, поскольку в поле зрения остаются элементы не разложенные, звенья крупные, проще поддается изучению.

Не только наша первая редакция, гипотетическая — для большей осторожности будем ее так называть, — но и вторая отличается от текста печатного особенно резко: в этом композиционном отношении. К сожалению, наши рассуждения должны вестись преимущественно в пределах материалов первой главы — ведь во второй главе не достает больше половины, двух первых ее главок: «Сон гордости» и «Нелена вдруг упала», и если первая из них преимущественно сюжетного характера (вставочный эпизод с отказом от дуэли и изгнанием из полка), так что можно предполагать, что композиционных расхождений между текстом рукописным и печатным было весьма мало (ниже мы увидим почему), то во второй главке центр тяжести уже переносится на внутренние переживания героя: перелом, нарастание восторга, внезапность и логическая необоснованность перемены. И здесь работа, по всей вероятности, была весьма упорная.

А в первой главе архитектоника дана такая: два первые ее подразделения (мы ориентируемся на печатный текст): «Кто был я и кто была она» и «Брачное предложение» отданы сюжету. Затем сюжет замедляется крайне, место уступается становлению героя в плоскости психологической, мотивированию подпольного, в жутком молчании выношенного

плана его, который должен был привести к катастрофе. Этому уделяются две главки: «Благороднейший из людей, но сам же я не верю» и «Все планы и планы». Катастрофа разрешается во второй главе, — последний ее акт, самоубийство; сюжетно подготавливаемся мы к ней еще в главе первой, в двух последних ее подразделениях: «Кроткая бунтует» и страшное воспоминание. Длительная пауза между главой первой и второй соответствует тяжелой болезни героини. Так кончается первая глава: «Ночью с ней сделался бред, а на утро горячка. Она пролежала шесть недель».

Как видим, архитектоника первой главы в основе своей такая: два, два и два — два первых подразделения отданы сюжету, два средних психологической установке и два последних опять сюжету. В центре психологическая установка. В печатном тексте это, однако, несколько замаскировано. Мы знаем пристрастие Достоевского к занимательным сюжетам и к построениям по принципу занимательности. Но без искусственности концом третьего подразделения обрывается тема психологическая; четвертое: «Все планы и планы» начинается аксессуарами обстановочного характера, сюжетная нить снова несколько поднимается (описание квартиры, хождение в театр, первые недоразумения). В тексте же рукописном архитектоника в этом отношении яснее, центральность темы психологической ею особенно подчеркивается; в этой части вся трудность поставленной художником задачи, здесь сосредоточено главное его внимание: третье и четвертое подразделения слиты воедино, в одно третье; только оно, как уж было указано, имеет свое заглавие, выделено им: «Через полюс». Лишь в самом начале подразделения имеются эти несколько неразвернутых, сжато переданных, описательно повествовательных элемента, что и в тексте печатном (одаривание скверных теток, приданое, свадьба и первые дни супружеской жизни: она встречала его с восторгом, милым лепетом рассказывала о своем детстве, а он усиливал молчание; — все это занимает приблизительно около $^1/_{10}$ главки). Они предшествуют теме психологической как бы для того, чтобы не мешать в дальнейшем решению основной задачи. А описательно сюжетное начало печатного четвертого подразделения отнесено к следующей главке, где оно сливается с основной сюжетной тканью рассказа, здесь наиболее яркой и эффектной: «Кроткая бунтует» и «Страшное воспоминание» (в рукописном они тоже слиты вместе).

В этом отношении очень выразительны наброски, которые делает Достоевский в конце пятого листа рукописного, как раз перед началом третьего подразделения. Они намечают содержание обоих последующих главок, по печатному тексту — последних четырех. И вот сюжетные мотивы главок: «Кроткая бунтует» и «Страшное воспоминание» даны в высшей степени сжато, обрывисто, конспективно: только одни намеки, краткие символические знаки, по которым будет сюжет раскрываться (Взял в дом, рубль, театр, книги, две комнаты, чинить белье, сорок лет... мои деньги... стала к теткам... шельма... офицер... топанье ног... револьвер). Точно сюжет не так беспокоит Достоевского. Но набросок пси-

хологический, соответствующий третьему рукописному подразделению, развернут множеством деталей и логически последовательно. Он вращается вокруг двух главных моментов героем вынашиваемого плана «переформировки» характера Кроткой: 1) с самого начала гордое угрюмое молчание, чтобы разом поразить воображение, как личность загадочная, и 2) раскрытие сердца потом, после того, как она уже будет достаточно напугана и юная ее гордость побеждена. Первый момент поддерживается таким логическим построением: роль закладчика не должна была ее смущать, женщина любящая все обоготворит, в любви же ее он был уверен; а женитьба на ней есть акт великодушия — несчастную нашел; значит: это не обыкновенный закладчик; касса ссуд это месть обществу, а он — таинственный страдалец (сравнить намек из первого подразделения: «Я есмь часть той части целого, которое хочет делать зло, а творит добро» — слова Мефистофеля, поразившие ее воображение). А ко второму моменту примыкает мотив сладостного предвосхищения плана осуществленного: она будет моя навеки, когда пересоздам ее по своему образу и подобию; падет передо мной во прах, молиться будет на меня. Психологическая тема, вслед за отрывком [illegible] третьего подразделения: «Через плечо» — так приблизительно, в такой последовательности, и развертывается. Некоторые фразы отрывка целиком в текст и переносятся.

4

Несколько углубим сравнительный анализ текстов.

Показательным кажется нам самый характер расхождений между редакцией рукописной и печатной — в двух первых подразделениях главы первой: сюжетных. Исправлений в них очень много, но касаются они преимущественно лексики, строя предложения, реже — синтаксического целого; композиция же, в обычном употреблении этого слова (распределение, порядок следования главных сюжетных мотивов, появление побочных, влияющих на ход развертывающихся событий) остается почти нетронутой. В больших произведениях вопросы сюжетосложения занимают Достоевского чрезвычайно, здесь же, повторяем, план ясен стал ему, повидимому, очень рано. Случайный мотив с посылкой об'явления в «Московские Ведомости», в печатном тексте отсутствующий, зачеркнут еще в рукописи (см. 1-ю рукописную главку) и, быть может еще в первой редакции: не соответствуют ему какие-либо исправления на полях, он выпадает, связности в ходе изложения не нарушая.

В двух местах творческое внимание художника, при дальнейшей работе над текстом (наша условная вторая стадия работы), задерживается надолго, оставляя следы упорных исканий стилистически-композиционного характера: это в последних абзацах первого и второго подразделения. Но в этих обоих случаях сюжет является уже крайне ослабленным: в первом — концовкой идеологической, очень распространенной (обобщающая идея героя о великодушии искренней и милой молодежи, которая хоть и на краю гибели, а «умное и проникновенное ужасно ценит, а верует и уважает», как эта *кроткая*: «она на краю гибели, а великие

слова Гете сияют» — слова Мефистофеля: «я есмь часть той части целого, которое хочет делать зло, а творит добро»); во втором — мы тоже имеем крутой уход от сюжета в плоскость психологическую: герой хочет проникнуть в причину длительного молчания *Кроткой* перед тем, как дать свое согласие на его «брачное предложение» (вопрос стоит перед ним, почему она так долго думала, не потому ли, что она из тех натур, которые из двух несчастий выбирают самое худшее. А может быть, он-то и есть худшее: не толстый купец, двух жен уже усахаривший, а «закладчик, цитующий Гете».

И еще меньше расхождений между рукописной и печатной редакцией в двух последних подразделениях, отданных сюжету исключительно. Архитектонически, мы знаем, они не совпадают: в рукописном тексте оба подразделения слиты в одно. Но их раздельность в редакции печатной отнюдь не вызвана какими-либо композиционными изменениями в ходе сюжетном. Расхождение в архитектонике только внешнее; здесь два самых крупных и наиболее ярких эффектами сюжетных момента:

1) свидание Кроткой, вдруг взбунтовавшейся («Кроткая бунтует»), с злейшим врагом закладчика, «более всего зла нанесшим ему в полку» — с офицером Ефимовичем; оно происходит в присутствии раз'яренного мужа, у него в кармане револьвер, он стоит за дверьми и подслушивает. И второй момент, не менее эффектный: Кроткая идет на убийство. Револьвер приставлен уже к виску докладчика: на одно мгновение глаза Кроткой встречаются с его глазами, он делает страшное усилие их закрывая, притворяясь спящим. — У Достоевского эти шаблонные драматические эффекты воспринимаются обновленными, благодаря огромному напряжению эмоциональному, и они размещены по отдельным главкам лишь оттого, что нужен значительный интервал между ними: с точки зрения психологии воспринимающего.

Но в плоскости иной — да позволено будет на этот раз употребить этот термин в противоположность предыдущему—в плоскости, т. ск., *внутренне*-композиционной воспринимается различие структурное между рукописной редакцией и печатной в части *центральной* (как мы ее выше назвали) первой главы: в рукописи она озаглавлена «Через Полюс», в печати — «Благороднейший из людей...» и «Все планы и планы». Расхождение идет с самого начала, с первого же абзаца, и ясно видится, при сравнении обоих текстов, как сосредоточивается художественная забота на усилении эмоционального тона, большей его напряженности, заострении его. Укорачивается фраза, целый ряд мотивов, ассоциативно связанных с сюжетной стороной, совершенно отбрасывается и вместе с ними и вводные слова обиходной речи, всегда действующие на тон эмоциональный ослабляюще: *так сказать, знаете что, впрочем, то-есть*... т. д. В рукописи, в этом первом абзаце, дважды вызывается образ купца и ведется длинное рассуждение о том, что у купца все в этой сладострастной мысли: «ему сорок один, а ей всего шестнадцать лет», у него же, у закладчика, она сложнее и потому не такая скверная. В печатном тексте рассуждения этого нет; абзац заканчивается так: «это меня пленяло, это ощущение неравенства, очень сладостно это, очень сладостно». Трижды

подчеркивается: *это*, и: *сладостно, сладостно.* Проснувшееся чувство сладострастия, в виду трупа, тут же лежащего, контрастно ассонирует началу абзаца, построенному на таких кратких, отрывистых предложениях: «Но уснул. Да и где жь, стучит какой-то пульс в голове. О, грязь! О, из какой грязи я тогда ее вытащил! Ведь должна же она была это понимать, оценить мой поступок!» Волнуемым знаками восклицательными, немощными точнее обозначать те очень сложные эмоции, которые мы здесь воспринимаем, — фразам этим, в дальнейшем, созвучно откликаются прорывы повествовательного хода: внезапными обращениями монологиста к себе, к своему душевному состоянию, возрастающему в своей напряженности по мере того, как «мало по малу действительно уясняет себе дело и собирает мысли в точку». В рукописи их нет, этих прорывов: «ну, да наплевать обо мне» (после мотива о приданом), «Поспешил даже может быть». Нет и его крайне возбужденной фразы, она окружает особым эмоциональным ореолом мотив *системы*, являющийся прелюдией ко всей психологической теме, дальше развертывающейся: «Да и нельзя было иначе, я должен был создать эту систему по неотразимому обстоятельству, — что ж в самом деле клевещу то на себя!». И несколькими строками раньше еще один прорыв: «Ведь для того чтобы загадать эту загадку, я может быть всю эту глупость сделал!»

5.

И это, может быть, характерно не только для «Кроткой» — в полном соответствии с разницей первоначальной в тоне эмоциональном, являясь ее причиной, воспринимается расхождение между обеими редакциями в *психологической* трактовке героя, во *внутреннем* его портрете. Видим ясно, при помощи каких приемов и в зависимости от каких устремлений утончается образ закладчика, делаясь в то же время сложнее в противоречивости своих черт и настроений. Именно в зависимости функциональной от меняющегося *внутреннего* портрета монологиста меняется и композиция этой основной и центральной части рассказа. В авторском предисловии, которое, как мы знаем уже, было составлено в последнюю минуту, когда художник имел перед собою образ вполне законченный, намечена ясно эта целевая устремленность всего произведения, и поставлена она в связь только с героем, с его душевными переживаниями. «Он противоречит себе и в логике, и в чувствах. Он и оправдывает себя, и обвиняет ее, и пускается в посторонние раз'яснения: тут и грубость мысли и сердца, тут и глубокое чувство»... И дальше: «ряд вызванных им воспоминаний неотразимо приводит его, наконец, *к правде* (курсив Д.); правда неотразимо возвышает его ум и сердце». Вот эта конечная цель «постепенно, но неотразимо уясняется правда, возвышается ум и сердце» — и определила ход работы над внутренним портретом закладчика, обусловила род тех изменений, которые мы находим в анализируемых нами, путем сравнения, текстах. И еще раз назовем подразделение третье, рукописное, — в печатном тексте третье и четвертое, — центральным: от него-то, от психологической установки в нем образа героя, и должен был зависеть характер его участия в

событиях сюжетных (следующие два подразделения: «Кроткая бунтует» и «Страшное воспоминание») и все содержание второй главы, целиком почти отданной (за исключением вставочного эпизода с изгнанием из полка) душевным его переживаниям, развертывающимся, главный образом, на двух мотивах: *уяснившейся правды* и мотива *судьбы*.

Ориентируясь на текст печатный, на эти два центральных подразделения первой главы, скажем: как бы на три части распадается спующаяся в них основная психологическая тема — три комплекса мотивов, между собою сплетающихся, являют ее сложный, запутанным кажущийся в своей нарочитой противоречивости, узор. Они, эти части, отделены друг от друга заметными интервалами; каждая следующая поднимает, развивая его дальше и глубже, какой-нибудь один из мотивов, намеченных в предыдущей. Другие, ослабевая, переходят на роли побочных, они звучат как бы лишь упоминанием о нитях, уже раньше введенных в общую ткань, либо служат фоном оттеняющим. Первые две части размещены по разным абзацам; эмоциональный прорыв высокой напряженности, их разделяющий, служит, началом своим, концовкой для первого комплекса («А впрочем... а впрочем что жь я об этом говорю!» — так кончается первый абзац), переходя в качестве зачина во второй комплекс концом своим («Глупо, глупо, глупо и глупо!» — так начинается второй абзац). Третья часть отделяется от второй еще резче: прорывом сюжетным и описанием обстановки — это и есть, как уже было указано, начало четвертого подразделения, которое в рукописном тексте отнесено дальше. Оно, это начало, кончается так: «и все пуще и пуще насмешливая складка... а я усиливаю молчание, а я усиливаю молчание». Насмешливая складка ведет к финалу второй части психологической темы (второго комплекса): «я вдруг увидал улыбку недоверчивую, молчаливую, нехорошую»... — последний мотив 3-ьего подразделения по печат. тексту.

Выделим среди мотивов ударные, повторяющиеся в каждом комплексе, звучащие наиболее сильно. Первый; *мотив закладчика;* играя главную роль в ходе сюжета, мотив этот здесь дан дважды в плоскости исключительно психологической: интимных душевных переживаний героя, кассу ссуд об'ясняющих и оправдывающих. С первых дней открытия кассы герой мучается своей ролью, ищет себе оправдания. Но с ней, с Кроткой, об этом не говорит. Почему? Выступают два мотива, друг друга поддерживая: она не поймет, молодежь великодушна, но нетерпима — это *второй* главный *мотив.* А затем, об'яснение было бы равно милостыне, он не может унижаться, лучше молчать; *молчаливая гордость — мотив третий.* Тяжелые воспоминания (сюжетно они раскрываются во вставочном эпизоде во второй главе) — *мотив четвертый.* Он был очень, очень несчастен, в его позоре виноваты люди, чтобы от них от'единиться, прожить остаток жизни где-нибудь вдали в спокойствии, и выдумана была касса ссуд: ему нужно тридцать тысяч рублей. Воспоминания бросают свой свет на мотив третий: в молчании переживал свою трагедию, в ней укрепляя свою гордость. Так психологически об'ясняются его планы: пусть она сама догадается кто он, какое великодушное сердце бьется в груди этого закладчика, и

тогда счастье их навеки, навеки; *мотив требований это мотив пятый*. И к этим пяти основным примыкает целый ряд других ослабленных, побочных мотивов; различно с ними сочетаясь, на них, как на главном фоне, образуя всю сложность психологической ткани.

В первой части (первом комплексе) основная тема разыгрывается на мотивах: третьем, четвертом и пятом; мотив гордого молчания, мотив воспоминаний и мотив требования (его план: чтобы она сама обо всем догадалась и преклонилась перед ним), друг друга пронизая, отодвигают на задний план первые два мотива, которые здесь звучат ослабленно. Мотив закладчика, с которого эта часть открывается, служит лишь переходом от сюжета к теме психологической. В печатном тексте он лишен конкретности: на нем внимание не должно задерживаться. И здесь особенно характерно, что пропущена та временная деталь, имеющаяся в рукописи, которая придает портрету героя черту утонченной жестокости. После слов: «я тотчас налег на деньги»... следует в рукописи: «т. е. когда тотчас же? А вот, тогда *жеником*, в ответ на ее *упоение*». Это первое портретное расхождение между обеими редакциями. Второй мотив, в первый раз введенный, но еще не развернутый, в обеих редакциях одинаков. Это черта не портретная, а обобщающая мысль, идея: «молодежь великодушна и порывиста, но не терпима»; она созвучно откликается идеологической концовке первого подразделения (после цитаты из Гете). После этого в печатном тексте снова возвращается мотив закладчика, в рукописи отсутствующий: «как бы я, например, об'яснил мою кассу сул такому характеру?»... возвращается, как соединительное звено между мотивом предыдущим и последующим—мотивом молчания, за которым следует эмоционально очень ярко окрашенный, мотив четвертый, эти горестные воспоминания его: «я всю жизнь свою проговорил молча и прожил сам с собою целые трагедии молча. О, ведь я же был несчастлив, я был выброшен всеми, выброшен и забыт, и никто-то, никто-то этого не знает!» Ореолом своим, как уже было сказано, они окружают всю первую часть темы, бросают свет смягчающий и на следующие за ними побочные мотивы. В ходе сюжета («Кроткая бунтует») потом понадобится, чтобы кроткая узнала о прошлом героя от чужих—в комическом, обидном для него свете. В контрастном сопоставлении с только что приведенными горестными воспоминаниями, этот мотив, здесь данный, усиливает впечатление от душевных его страданий, еще ярче подчеркивает, перед ним самим, его правоту. В рукописной редакции мотив этот перенесен в конец третьей части (третьего комплекса), где роль его, в контексте с другими мотивами, совсем иная, в результате чего портрет героя выходит там гораздо грубее, жестче. В этой же плоскости: портретной композиции, воспринимаются и следующие расхождения между обеими редакциями. В печатном тексте идут далее перебои трех главных мотивов в такой последовательности: мотив гордого молчания (я все молчал, особенно с ней молчал), за ним мотив требований, как его об'ясняющий: «я хотел, чтобы она узнала сама, сама догадалась об этом человеке». И снова упоминания о страданиях

(«Я хотел, чтобы она стояла передо мною в мольбе за мои страдания»...)—так намеренно поддерживается эмоциональный оттенок, от них исходящий, которым осеняется, сейчас же (повторно) звучащий, мотив гордости («О, я всегда был горд, я всегда хотел всего или ничего!»), и вслед за ним влекущийся, (тоже повторно), мотив требований («Я вынужден был так поступить тогда: дескать, сама догадайся и оцени»), так вплоть до последнего завершающего мотива, отдаленно связанного с первым, с кассой ссуд: «Если б я сам начал ей об'яснять и подсказывать... так ведь я все равно, что просил бы милостыни». Мотивом гордости, играющим все время роль лейт-мотива, обогащенным новыми, его смягчающими, оттенками от мотивов ему сопутствовавших, эта первая часть и кончается. Но иначе построен финал в тексте рукописном. В нем отсутствует прежде всего мотив страдания, вместе с этим является ослабленным и эмоциональный фон. Соответственно этому мотив требований выдвинут гораздо настойчивее: «она моя, вся моя, все навеки побеждено». И как внутренняя неправда воспринимаются следующие слова: «для собственного же ее счастия». В этом контексте, особенно в свете предыдущей фразы: «она моя, вся моя».... иной совсем эмоциальный тон сопровождает и последний завершающий момент рукописного текста: «я всегда был горд и всегда хотел всего или ничего». В печатной редакции его оттеняет ореол страданий, и максимализм в отношении героя к жизни и окружающей действительности, в этих словах выраженный, ассоциируется с группой образов у Достоевского типа Раскольникова. Здесь же, в рукописной, черта эта приближает героя к другой группе — группе хищников.

6

Вторая часть темы (второй комплекс) построена почти целиком на развернутом втором мотиве: *нетерпимости молодежи.* В обеих редакциях контрастно сопоставляется два подвига великодушия: дешевый, эффектный, «красоты страстно хочется», и подвиг «трудный, тихий, неслышный, без блеску». Но на это идеологическое рассуждение ответы падают от предыдущей части. В рукописном тексте нет следующего, третьего момента, продолжающего определение подвига тихого: «с клеветой, где вы сияющий человек, перед всеми выставленный подлецом, тогда как вы честнее всех людей на земле... А я—я только всю жизнь и делал, что носил этот подвиг». Эти слова созвучны мотиву побочному из первой части, в рукописном тексте тоже отсутствующему: «и вдруг нахватала обо мне подробностей от подлых людей, а сокровенное оставалось лишь в груди этого человека». Так еще раз вспоминается мотив страдания («я был выброшен всеми, выброшен и забыт, и никто-то, никто-то этого не знает!»); в последней, печатной редакции — видим мы ясно — на нем, главным образом, и держится основной эмоциональный фон всей психологической темы.

Самой сложной является часть третья (третий комплекс мотивов), которой посвящено четвертое подразделение: «Все планы, и планы».

В третий и последний раз пытается герой оправдывать себя, план свой и свою роль закладчика. Мотив закладчика здесь центральный; к нему стягиваются нити от всех других мотивов из пяти основных, осложненных мотивами побочными; мотив страданий звучит особенно сильно, неся ту же функцию свою эмоционального характера. Они смыкаются в единую цепь, эти звенья, подчиняясь одной цели: себе самому доказать, что не он виноват в ее самоубийстве. И вот, когда аргументация оказывается проведенной до конца и делается особенно убедительной: не он виноват, она во всем виновата, и ей, виновной, противопоставляется самый сильный из его аргументов, любовь («вы думаете, я ее не любил? Кто может сказать, что я ее не любил?») — В это самое мгновение, сознание вдруг пронизывает луч настоящей правды. «Я, ведь, понимаю же теперь, что я в чем-то тут ошибся! Тут что-то вышло не так». В композиции всего рассказа это пункт поворотный. Еще раз прозвучит жалко, немощно: «все было ясно, план мой был ясен, как небо». И вместе с планом два главных мотива, его подкрепляющих: мотив гордости («суров... горд... страдает молча») и мотив требования: «увидит потом сама, что тут было великодушие, догадается об этом когда-нибудь и падет во прах, сложивши в мольбе руки». А открывшаяся правда не отстает, зловеще нашептывая: «что-то забыл или упустил из виду... не сумел что-то тут сделать». И последний момент, достигающий крайнего напряжения: звучит особенно трагически новый мотив, мотив рока. «Мы прокляты, жизнь людей проклята вообще (моя в частности)» — так намеченный несколько выше, еще в предчувствии уясняющейся ему истины, он здесь, в финале, вступает в борьбу с мотивом гордости, происходит последнее единоборство между непокорной человеческой волей и судьбой: «довольно, довольно... конечно, так кончено. Смелей, человек, и будь горд! Не ты виноват!».

На этой высоте воля в своей напряженности не удерживается, она слабеет, и в бессилии звучит последняя жалоба: «*она* виновата, *она* виновата!».

И вот, когда сравниваем обе редакции, рукописную и печатную, здесь в этой третьей части, то расхождение между ними, оказывается, наиболее разительное. И снова воспринимается оно, главным образом, в установке внутреннего портрета героя и уже в зависимости от этого — и в композиции всего четвертого подразделения. В печатном тексте порядок следования мотивов такой: мотив закладчика, побочный мотив о неоригинальности женщины, снова мотив закладчика и сейчас же вслед за ним мотив воспоминаний, до конца развернутый «люди отвергли меня, прогнали с презрительным молчанием»... и т. д. И поскольку функция последнего мотива преимущественно эмоционального характера, он и дан в печ. тексте гораздо напряженнее, заражая тоном своим и соседние мотивы. В рукописной же редакции между ними вторгается новый мотив, снова придающий портрету героя черту, нами ассоциируемую с портретами из группы хищных («главная мысль была, чтоб не мямлить, не лизаться... а разом в фа

зить воображение! *Сшибить* его, *напугать* его, если надо. Даже *тем лучше*»). В той же плоскости воспринимается и отсутствие в рукописном тексте вводного предложения после повторного (в третий раз) мотива закладчика: «а главное тут касса ссуд и—баста». В печ. редакции дальше следует: «(а разве я был злодей в кассе ссуд, разве не видела она, как я поступал и брал ли я лишнее?)». После этого обе редакции уже больше нигде почти не сходятся. Вводится в рукоп. текст целый ряд мотивов, в печати либо вовсе отсутствующих (это в большинстве случаев) либо данных в ином контексте. Такова целая цепь рассуждений героя о своем великодушии: «вытащил ее из ямы помойной, из ямы позора»... «увидел несчастную, погибавшую и не мог пройти мимо... не пожертвовав своею судьбою». И тут же отступление в сторону—на тему: «женился отчасти и для себя» и имел ли он право на это... и т. д. В этом контексте ослабленно звучит мотив судьбы и мотив единоборства с роком. Нет здесь той эмоциональной сконцентрированности, которая в тексте печатном, по мере приближения к концу, все более возрастает. Ожесточенным, сосредоточенноузким в своих настойчивых требованиях к жизни и к людям, упорствующим в своей правоте, остается герой до конца. Здесь-то и требовалась коренная переработка.

«Истина должна была открыться несчастному довольно ясно и определенно». Такова, сказали мы, была телеология Достоевского, высказанная им в предисловии: «От Автора». Она-то и определила эволюцию основной психологической темы: от редакции первоначальной к редакции последней, печатной, и в связи с нею, уже *в зависимости* от нее—и менявшуюся композицию прежде всего третьего центрального подразделения рукописного: «Через полюс» (в окончательной редакции распавшегося на два: «Благороднейший из людей»... и «Все планы и планы»), что и отразилось на композиции рассказа о «Кроткой» в целом.

Наш анализ, к сожалению, очень беглый, должен здесь на этом остановиться: по причинам. не от нас зависящим. Но вырастет новый серьезный читатель, настанут лучшие дни для истории литературы: к тому времени Московский Центрархив уж опубликует свои варианты к большим произведениям Достоевского. И тогда станет возможным шире и глубже решать вопросы, касающиеся приемов его творчества, — не боясь того, что «будет скучно», — на фоне большом, фактами богатообставленном, развернуть настоящую исследовательскую работу.

Как уже было указано, *первую редакцию* мы печатаем в качестве основного текста. Все вставки, прибавления или исправления над или под строкой и на полях мы относим в примечания, которые и составляют переработку первого текста — нашу т. н. *вторую редакцию*.

Мы берем эти вставки в кавычки «...», к сожалению, не выдержанно: по причинам типографским не могли установить однотипности. Исправления или дополнения на полях каждый раз отмечаем особо. *Над* или *под* строкой, если они не выходят за пределы текста, отмечаем не всегда.

Зачеркнутое как в первой, так и во второй редакции, мы берем в прямые скобки [. . . .]. Зачеркнутое внутри зачеркнутой фразы или абзаца берем вторично в тупые линейки. | . . . |

Вставки, исправления, дополнения во второй редакции берем в звездочки: * . . . . *.

В тех местах, когда вторая редакция совпадает с редакцией печатной, мы ставим п. т.; когда приближается к ней, приводим текст параллельный.

Когда слова у Достоевского не окончены—таких случаев сравнительно немного—мы даем их окончания в круглых скобках: (. . .). В других же случаях круглые скобки принадлежат Достоевскому.

А. С. Долинин.

19 Ноября/76. **Листъ 1.**

Глава 1-я.

1.

...... Вотъ пока она здѣсь, — еще [1]) хорошо: подхожу и смотрю каждыя десять минутъ; а унесутъ ее завтра и — какже я останусь одинъ? Она теперь въ [2]) гробу, въ залѣ, гробъ бѣлый, бѣлый граденапль — а впрочемъ я не то... Я все хожу. Я хочу себѣ уяснить это. Вотъ уже шесть часовъ какъ я хочу уяснить и все не соберу въ точку мыслей. Дѣло въ томъ, что я все хожу-хожу-хожу... Это вотъ какъ было. Я просто разскажу [3]); [разскажу к] [4]). Я, далеко не литераторъ да и [наплевать] [5]) я [6]) разскажу какъ самъ понимаю. Въ томъ-то и весь ужасъ мой, что я все [это] понимаю!

Это если хотите знать, т. е. если съ самого начала брать, то она, просто за просто, приходила ко мнѣ тогда закладывать вещи, чтобъ заплатить публикацію въ „Голосѣ“ о томъ, что вотъ дескать такъ и такъ, гувернантка, согласна и въ отъѣздъ, и уроки давать на дому и проч. и проч. [7]). Это было въ самомъ началѣ и я даже [8]) ее [9]) не различилъ отъ другихъ [10]); потомъ уже сталъ различать. Была она такая тоненькая, бѣлокуренькая, среднеы-

---

[1]) *вст.* все; *н. т.*

[2]) *вст.* *(почерк другой)*: „залѣ на столѣ, два ломберн(ых) составили, въ подвѣн(ечном) плат(ьѣ), а гробъ завтра“,

н. т.: залѣ на столѣ, составили два ломберныхъ, а гробъ будетъ завтра, белый... и т. д.

[3]) *вст.* *(почерк другой)*: „съ самого начала и по возможности — по порядку“,

дальше вст. на л. н.: „(порядокъ! Да, въ томъ-то и штука что порядокъ)“;

н. т.: „Я просто разскажу по порядку (порядокъ!)“

[4]) *Очевидно должно было быть*: разскажу какъ самъ понимаю *см. дальше;*

[5]) *над зачеркн.*: пусть; *н. т.*

[6]) *перепр. в*: а, *н. т.*

[7]) *вст. на л. н.* „[однимъ словомъ] Дѣло извѣстное“

[8]) *вст.*: сначала;

[9]) *вст.*: и;

[10]) *вст. на л. н.*: „приходитъ какъ всѣ, ну и прочее“; *н. т.*

сокаго росту, со мной всегда мѣшковата какъ бы конфузилась [1] и только что получала деньги тотчасъ же повертывалась и уходила [2]). Другія такъ спорятъ, просятъ, она что [3]) [дадутъ] [4]). Меня прежде всего поразили ее вещи, серебрянныя позолоченые, сережечки, дрянненькій [5]) медальончикъ [6]). Она и сама знала [имъ цѣну], [7]) но я видѣлъ что онѣ ей драгоцѣнность — и дѣйствительно это все что осталось [8]) отъ папы и мамы [9]). Разъ только я позволилъ себѣ усмѣхнуться, т. е. видите-ли я этого никогда себѣ не позволю, у меня [10]) тонъ джентельменскій, мало словъ, вѣжливо [но] [11]) строго; строго [12]) и строго. Но она вдругъ позволила себѣ принесть остатки т. е. буквально остатки старой заячьей куцавейки и я не удержался, [13]) что — то [сказалъ] [14]): Батюшки какъ вспыхнула. Глаза у ней голубые, большіе, задумчивые, но — какъ загорѣлись! Но ни слова не [сказала], [15]) взяла свои „остатки" и [молча] [16]) вышла. Тутъ-то я ее и замѣтилъ *особенно* и подумалъ что-то о ней [17]) Такъ что-то не помню [18]). [Но подумалъ]. Помню [19]) еще [20]) впечатлѣніе, т. е. [21]) главное впечатлѣніе синтезъ всего, [22]) — ужасно молода, такъ молода, что точно четырнадцать лѣтъ. А между тѣмъ ей [23]) было безъ трехъ мѣсяцевъ шестнадцать.

Назавтра опять пришла. Я узналъ,[24]) что она у Добронравова

---

[1]) *вст.*: „(Я думаю и со всѣми чужими, меня конечно отъ другихъ не различала)"

н. т. „(Я думаю и со всѣми чужими была такая же, а я разумѣется ей былъ все равно что тотъ, что другой, т. е. если брать какъ не закладчика, а какъ человѣка)"

[2]) *вст. на л. п. (почерк другой)*: „И все молча",; *н. т.*

[3]) *приставка:* бъ

[4]) *вст. на л. п.:* „больше дали денегъ за ихъ закладъ, эта нѣтъ: что дадутъ".

н. т.: „Другія такъ спорятъ, просятъ, торгуются чтобъ больше дали; эта нѣтъ, что дадутъ",

[5]) *вст.*: клейма;

[6]) *вст.*: прошлаго столѣтія

[7]) *вст. на л. п.*: „что цѣна имъ гривенникъ"; *н. т.*

[8]) *вст.*: ей; *н. т.*: у ней

[9]) *вст.*: [я послѣ узналъ)]; *н. т.*: *без* я

[10]) *вст.* „съ [заклад] публикой"; *н. т.*

[11]) *над зачерк.* и; *н. т.*

[12]) *вст.*: строго; *н. т.*

[13]) *вст.*: отказалъ и

[14]) *вст. на л. п.*: „такое прибавилъ острое".

[15]) *над зачеркнутым*: выронила; *н. т.*

[16]) *над зачеркн:*—; *н. т.*

[17]) *вст.*: тогда же

[18]) *вст. на л. п.*: „что, но что-то именно въ особенномъ родѣ"; *н. т.*

[19]) *вст.*: и; *н. т.*

[20]) *вст.*: одно.

[21]) *вст.*: „если хотите самое"; *н. т.*

[22]) *вст.*: „именно что"; *н. т.*

[23]) *вст.*: тогда; *н. т.*

[24]) *вст.:* потомъ; *н. т.*

и у Мозера [1]) была, но тѣ кромѣ золота — ничего не принимаютъ и говорить перестали. Я же у ней принялъ камей — и осмысливъ потомъ удивился: я кромѣ золота и серебра тоже ничего [2]) не принимаю, а ей допустилъ камей [3]). Это вторая мысль объ ней тогда была, я помню.

Въ этотъ разъ, т. е. отъ Мозера, она принесла старый, янтарный мунштукъ — вещь [4]) [хорошая] такъ себѣ, но у насъ [5]) ничего не стоящая. Такъ какъ она приходила послѣ вчерашняго *бунта*, то я встрѣтилъ ее строго. Строгость у меня — сухость. Однако же выдавая ей два рубля я сказалъ: я вѣдь это только *для васъ*, [вѣдь] [6]) такую вещь никто и нигдѣ не приметъ [7]). Она [8]) вспыхнула, выслушавъ [9]) *для васъ*, но смолчала [10]). Я [11]) понялъ что укололь ее. А когда она [ушла] [12]) вдругъ [сказалъ] [13]) себѣ [14]): такъ неужели же это торжество надъ ней стоитъ двухъ рублей. И [15]) задалъ вопросъ: [16]) стоитъ-ли? Стоитъ-ли? И смѣясь разрѣшилъ его про себя [17]). Это была третья *особенная* моя мысль объ ней.

Съ тѣхъ поръ все и началось. [Т. е. я такъ объяснилъ, что началось] [но] [Скажу [18]) впередъ], [то что я разумѣется [19])

---

[1]) *вст.*: „съ этой куцавейкой“; *н. т.*

рядом со вставкой, но вне линии ее окаймляющей еще стоит союз: и;

[2]) *вст.*: ни-че-го

[3]) *вст. подстр.*: „который вещь любительская, а на рынкѣ ничего не значитъ“.

[4]) *переправ.*: вещица; *н. т.*

[5]) *вст.*: опять таки; *н. т.*

[6]) *над зачеркн.*: а

[7]) *вст. на л. п.*: „Слово: *для васъ* я нарочно оттѣнилъ, въ нѣкоторомъ смыслѣ,“

н. т.: особенно подчеркнулъ именно въ нѣкоторомъ смыслѣ

[8]) *вст.*: опять; *н. т.*

[9]) *вст.*: это; *н. т*

[10]) *вст. на л. п.*: „не бросила денегъ, приняла, то-то бѣдность-то! какъ вспыхнула-то!“

в печат. т. нет последней фразы и частицы: то *после слова* бѣдность

[11]) *впереди вст.*: но

[12]) *испр.*: „уже вышла“; *н. т.*

[13]) *над зачеркн.*: спросилъ; *н. т.*

[14]) *перел.* в: себя

[15]) *вст.*: помню; *н. т.*

[16]) *вст.*: „Два раза стоитъ ли?“ *н. т.*

[17]) *вст.*: „въ утвердительномъ смыслѣ“ *дальше вст. на л. п.*: „очень ужъ я весело тогда смѣялся [но было]. Но это было не дурное чувство: я съ умысломъ, съ намѣреніемъ ее испытать хотѣлъ, [у меня з] *потому* что у меня *вдругъ* зародилась нѣкоторая на ее счетъ мысль“;

в н. т. во второй вставке такия изменения: „очень ужъ я тогда развеселился“; *после слова* „Съ намѣреніемъ“: *я*; *в последней фразе*: „забродили ... мысли“ *вместо*: зародилась.

[18]) с *переправлено из*: с, *очевидно после того как* „но“ *было зачеркнуто.*

[19]) р *переправлено в*: Р

узналъ] [1]) [не медля] [2]) всѣ обстоятельства [3]) [Дѣло въ томъ что] [4]) я вступилъ въ любезный разговоръ съ необычайною вѣжливостью. Я вѣдь прекрасно воспитанъ [5]) [и] [6]) сразу поразилъ ее Я тутъ догадался что она добра и кротка. Добрые и кроткіе не долго сопротивляются и хоть вовсе не [7]) открываются, но отъ разговора увернуться не умѣютъ отвѣчаютъ, скупо, очень даже но отвѣчаютъ [8]). Разумѣется „она" тогда мнѣ [9]) ничего не объяснила. Это потомъ уже я про „Голосъ" [10]) узналъ. [Она] [11]) тогда [12]) изъ послѣднихъ силъ публиковалась, сначала разумѣется заносчиво, дескать гувернантка, согласна и на отъѣздъ, а [13]) условія дескать [у] присылать въ пакетахъ, [14]) а потомъ: согласна на все, и учить и въ компаньонки, и за хозяйствомъ смотрѣть, и за больной ходить могу, и шить умѣю „ — [А1] разумѣется все [15]) эти разные

Листъ 2.

пріемы, и подъ конецъ [16]) такъ даже [ихъ] безъ жалованія, изъ хлѣба. Нѣтъ не нашла мѣста! Это [17]) я все [потомъ] [отъ нея] узналъ [18]) [а] [я только тогда, помню, взялъ да испыталъ ее разъ:] [19]) [я взялъ Голосъ. Зная все таки что она публикуется я

[1]) *вст. над словом*: „узналъ" — „раз"

[2]) *слово в виду его густой перечеркнутости прочитано нами приблизительно*

[3]) *Здесь очень сложное исправление. Было прежде всего зачеркнута первая фраза от слова*: „т. е." *до*...: „началось". *Зачеркнуто потом* „но" *и* „е" *переправлено в* „С"; *все это вновь зачеркнуто в она приписано*: „Разумеется", *где* „р" *переправлено в* „Р", *а над словом* узналъ *написано* раз; *и наконец было использовано свободное место над перечеркн. фразой, где часть текста восстановлена, и текст принял такой окончательный характер*: „Разумѣется я тотчасъ же постарался разузнать и всѣ обстоятельства"; *дальше вст. на л. п.*: „и ждалъ ее прихода съ особеннымъ нетерпѣніемъ. Я вѣдь зналъ, что она скоро придетъ."

н. т. в 1-й фразе нет союза: и, *прибавлено*: стороной; *в последней фразе вместо*: зналъ — предчувствовалъ

[4]) *над зачеркн. вставка*: „Когда она пришла"; *н. т. без*: она

[5]) *вст.* „и имѣю манеры"; *н. т.*

[6]) *вст.*: я

[7]) *вст. на л. п. в уровень со строкой*: очень; *н. т.*

[8]) *вст.*: „И чѣмъ дальше тѣмъ больше, только не уставалъ бы", *н. т.* „.... только сами не уставайте, если вамъ надо"

[9]) *вст.*: „сама"; *н. т.*

[10]) *вст.*: „и про все это"; *в н. т. слова*: это *нет*

[11]) *вст. на л. п.*: „но узналъ таки. Всѣ онѣ такъ"

[12]) *предшествует вст.*: она

[13]) *перепр. в*: и

[14]) *вст.*: и т. д. и т. д.

[15]) *вст. подстр.*: „это прибавлялось къ публикаціи"; *н. т.*

[16]) *вст*: „когда къ отчаянію подошло"; *н. т.*

[17]) *предшест. вст.*: про

[18]) *вст.*: „[т. е. подробности]"

[19]) *вст. на л. п.*: „И какъ подошло къ отчаянію я рѣшился ее въ послѣдній разъ испытать" *н. т.*:... „я рѣшился ее..." и т. д.

какъ [1]) | |добрый, |вдругъ| заговорилъ, что вотъ бы вамъ въ Москв. В — ти послать, въ Москвѣ то можетъ скорѣй найдете мѣсто. Она вдругъ [2]) такъ внимательно и довѣрчиво посмотрѣла, |такъ| что мнѣ [3]) жаль стало:

— Да я вѣдь здѣсь, какже я въ Москву поѣду?

— По почтѣ объявленіе пошлете въ редакцію [4]). *Я вамъ пошлю*, коль поручите.

— Ну, а какъ потомъ въ Москву попаду?

— А нанимающій вышлетъ денегъ...

— Ну это... |нѣтъ|... [5]) Дѣйствительно я сказалъ глупость, но мнѣ хотѣлось не то: [я]| [6]) вдругъ беру сегодняшній Голосъ и показываю [7]) объявленіе: „Молодая дѣвица, [ищетъ] круглая сирота, ищетъ мѣсто гувернантки къ малолѣтнимъ дѣтямъ, [у вдовца] [одного] преимущественно у пожилого вдовца. Можетъ заниматься хозяйствомъ.

Вотъ [дескать] [8]) эта, [9]) утромъ публиковалась, а къ вечеру навѣрно найдетъ... занятіе.

Опять вспыхнула, опять глаза загорѣлись, повернулась, ушла, [придешь думаю] [10]). Мундштуки - то никто не принимаетъ. А у ней и мундштуки [11]) вышли. Такъ и есть на третій день пришла [12]) я такая блѣдненькая, взволнованная — я понялъ что у ней что-то [есть] [13]) и дѣйствительно [было] [14]) Сейчасъ объясню что [было] [15]), но теперь хочу лишь припомнить какъ я вдругъ ей шику задалъ и выросъ въ ея глазахъ. Мнѣ это [16]) захотѣлось и я разомъ поднялся. Дѣло въ томъ что она принесла этотъ образъ... Ахъ слушайте! Слушайте! Вотъ теперь уже началось [17]). Дѣло въ томъ что я теперь все хочу припомнить, все хочу припомнить, каждую эту мелочь, каждую черточку. Я все хочу въ точку

. . .

[1]) *вст.*: Вдругъ какъ

[2]) *вст. на л. п.*: „догадалась что я все знаю и"

[3]) *вст. на л. п.*: истинно

[4]) *вст.*: „тамъ не дороже здѣшняго"

[5]) *вст.*: „Кто же вышлетъ... Тамъ тоже должно быть "своихъ" много публикуется"

[6]) *весь этот эпизод в печат. тексте не воспроизведенный, зачеркнут здесь тремя линиями вдоль*

[7]) *вст.*: ей; *н. т.*

[8]) *над зачеркн.* видите; *н. т.*

[9]) *вст.*: сегодня; *н. т.*

[10]) *вст.*: „Мнѣ очень понравилось. Впрочемъ я былъ увѣренъ"; *дальше вст. на л. п.*: „И къ тому же я уже не боялся что [она] разсердится"; *н. т.*: „... тогда уже во всемъ... увѣренъ"; *боковой вставки нет*

[11]) *вст.*: даже; *н. т.* уже

[12]) *переправлено в*: приходитъ *и дальше вставка*: опять

[13]) *вст.*: вышло дома; *н. т.*

[14]) *над зачеркн.*: вышло; *н. т.*

[15]) *над зачеркн.*: вышло; *н. т.*

[16]) *вст.*: вдругъ

[17]) *вст. на л. п.*: „а то я все путался"; *н. т.*

мысли собрать и не могу, а вотъ эти черточки, черточки, [ну да ужъ что]!

Образъ Богородицы, Богородица съ младенцемъ, риза серебрянная золоченая, стоитъ — ну рублей шесть стоитъ. Вижу дорогъ ей образъ, закладываетъ весь образъ, ризы неснимая.

[Я] говорю [1]) ей: лучше бы ризу снять, а то образъ, все-таки какъ то того.

— А развѣ вамъ запрещено?

— Нѣтъ, не то что запрещено, а такъ можетъ быть вамъ самимъ... [говорилъ онъ].

— Ну снимите.

— Знаете что, я поставлю вонъ туда въ кіотъ, сказалъ я подумавъ съ другими образами, [2]) [а расписку и писать не будемъ], а [3]) просто возьмите десять рублей [а я вамъ].

— Мнѣ не надо десяти, дайте мнѣ пять?

— А десять не хотите? Образъ стоитъ прибавилъ я [я уже] замѣтилъ [4]) что опять глазки сверкнули.

Она смолчала. Я вынесъ [5]) пять рублей.

— Непрезирайте никого, я самъ былъ въ этихъ тискахъ, [6]) и если теперь вы видите... то теперь, послѣ всего что было, [теперь]. [6a])

— Вы [7]) мстите обществу? да? Спросила она меня [8]) съ довольно ѣдкой насмѣшкой, [9]) въ [10]) которой впрочемъ было много [веселости] [11]), такъ что почти безобидно] [12]). Ага! подумалъ я, вотъ ты какая [13]).

— Видите [сказалъ] [14]) я [вдругъ ей] [тоже] [15]) шутливо: „Я [16]) есмь часть, той части цѣлаго которое [17]) хочетъ дѣлать зло, а творитъ добро...

Она быстро, [внимательно] и съ большимъ любопытствомъ, въ которомъ впрочемъ было много дѣтскаго, посмотрѣла на меня.

[1]) *переправлено в:* Г — *очевидно после того, как зачеркнуто* я; *н. т.*

[2]) *вст.:* „подъ лампадкой (у меня всегда лампадка горѣла);“ *в н. т. после:* всегда — какъ открылъ кассу

[3]) *препр. в:* и; *н. т.*

[4]) *перепр. в:* замѣтивъ; *н. т.*

[5]) *вст.:* ей; *н. т.*

[6]) *вст.:* „да еще похуже-съ“; *н. т.*

[6a]) *над зачеркн.:* ...

[7]) *предшест. вст.:* А теперь

[8]) *вст.:* вдругъ; *н. т.*

[9]) *вст.:* но

[10]) въ *испр. из* к

[11]) *вст.:* невиннаго; *н. т.*

[12]) *скобка Дост.*

[13]) *вст. начинается на л. п. и входит в промежуток между строками:* характеръ объявляется; *в н. т. еще:* новаго направленія

[14]) *над зачеркн.:* замѣтилъ; *н. т.*

[15]) *вст.:* тотчасъ-же; *н. т.*

[16]) *вст.:* — я; *н. т.*

[17]) *перепр. в:* которая

— Постойте [да]... что [же] это за мысль — я какъ будто...

— Какъ будто [1]) слышали? что ли? Не ломайте головы. Въ [2]) этихъ выраженіяхъ Мефистофель рекомендуется Фаусту. Фауста читали?

— Не... невнимательно [3]).

— Надо прочесть внимательно. А впрочемъ я опять вижу на вашихъ губахъ насмѣшливую складку: пожалуста не полагайте [во мнѣ], [4]) что я, чтобъ закрасить мою роль закладчика [5]), захотѣлъ

Листъ 3.

отрекомендоваться вамъ [,] Мефистофелемъ. Закладчикъ, — закладчикъ и есть [6]), [а] Этого не скрасишь [,], [а у меня]

— Вы какой-то страшный... я вовсе не хотѣла сказать вамъ что нибудь такое...

Ей [7]) хотѣлось сказать: я не ожидала что вы человѣкъ образованный, но она не сказала ничего. За то я зналъ что она это подумала и что я удивилъ ее [8]). Когда она вышла [у меня въ

---

[1]) *вст.*: уже

[2]) *перепр. из*: — Э

[3]) *вст. на л. п.*: „— т. е. можетъ быть [и] не читали замѣтилъ я не пощадивъ"; *п. т.*: т. е. не читали вовсе

[4]) *вст. начинающаяся на л. п. и входящая меж строк*: „что во мнѣ такъ мало вкусу";

п. т. слово: что *отсутств.*; вкуса, *а не* вкусу

[5]) *испр. из*: закладчику

[6]) *Здесь дается вариант в виде подстрочной вст.*: *вместо* закладчикъ и есть — закладчикомъ и останется; *п. т.*

[7]) *вст.*: конечно

[8]) *дальше идет вставка очень сложная, в некоторых местах перечеркнутая, тоже восходящая к печатному тексту*:

„Видите * замѣтилъ я на прощаніе * на всякомъ мѣстѣ много можно сдѣлать хорошаго, [а потому я за мое мѣсто такъ тоже какъ ремесло] *гдѣ бы вы ни были и у какого-бы дѣла ни поставила васъ судьба * конечно можно много сдѣлать на всякомъ *(было*: хор *переправлено въ*: мѣстѣ) — хорошаго, сказала она проникнуты(мъ) голосо(мъ) смотря на меня. И (*исправлено из* и) именно на всякомъ [мѣстѣ сказала она] * она вдругъ прибавила *[но только она мнѣ это сказала] * и такъ * что какъ будто меня пронзило

Здесь кончается первая большая вставка на правом поле, и чуть пониже с новой строки: (См. усиленно серьозно) *а под этими словами какой-то знак*: ж. *Дальше следует линией с ней соединенная вставка*:

„О, я помню, я помню, я всѣ эти мгновенія помню".

Еще дальше самая крупная вставка:

„И еще хочу прибавить, что когда эта молодежь — эта милая молодежь — захочетъ сказать что нибудь умное и проникнутое, то вдругъ слишкомъ искренно и наивно покажетъ лицомъ что [хочетъ] „вотъ дескать я говорю тебѣ и умное и проникнутое" — и не то, чтобъ изъ тщеславія какъ нашъ братъ, а такъ и видишь весь что она * сама * ужасно цѣнитъ все это, и вѣруетъ въ это * и * уважаетъ * [это] * и думаетъ что и вы все это точно также уважаете. О, молодость, о искренность. Вотъ тѣмъ-то и

первый разъ вошла] [1]) [въ голову [2]) мысль] [3]). Въ тотъ же день я пошелъ на поиски и узналъ объ ней всю [4]) поднаготную [5]). Эта поднаготная была такъ ужасна, что ужъ я и не понимаю какъ еще можно было [за]смѣяться какъ она давеча [или] и [за]-любопытствовать о словахъ Мефистофеля [6]) [?] [А впрочемъ [7]) молодость [о молодость, и] [8]) и что всего важнѣе [нѣкоторое великодушіе [и на краю] дескать [9]) гибели, а [10]) слова [Мефистофеля] [11]) [поразили] [12]) [и хоть минуту вниманія а] удѣлила [имъ] [13]). Я это тогда же оцѣнилъ, я очень умѣю цѣнить.

Но что со мною. Если я такъ буду то когда же я кончу? Скорѣе, скорѣе — главное дѣло совсѣмъ не въ томъ, о Боже!

2.

Поднаготную которую я узналъ объясню въ одномъ словѣ.

Листъ 4.

„Поднаготную", которую я узналъ [14]) объясню въ одномъ словѣ: отецъ и мать померли, давно уже, три года передъ [з]-

---

побѣждаютъ. А въ ней какъ было прелестно! О, помню! все помню! Ничего не забылъ".

п. т.: — „Видите, замѣтилъ я, на всякомъ поприщѣ можно дѣлать хорошее. Я конечно не про себя, я кромѣ дурного, положимъ, ничего не дѣлаю, но...

— Конечно можно дѣлать и на всякомъ мѣстѣ хорошее, сказала она, быстрымъ и проницательнымъ взглядомъ смотря на меня... „Именно на всякомъ мѣстѣ, вдругъ прибавила она.

Дальше какъ во вставкѣ, только послѣ словъ: „сказать что нибудь", *слѣдуетъ*: „такое умное"; *затѣмъ*: я говорю тебѣ теперь... *и потомъ послѣ словъ*: „думаетъ что и вы все это точно также" *слѣдуетъ*: „как она"

1) *вст. на пр. п.*: тогда

2) *вст.*: [эта]

3) *над зачеркнут.*: „я разомъ все порѣшилъ"; *п. т.*: *слова нет*

4) *вст.*: „остальную уже текущую"; *п. т.*

5) *вст. на л. п.*: „а прежнюю подноготную я зналъ уже давно всю отъ Лукерьи которая тогда служила у нихъ и которую я уже нѣсколько дней тому подкупилъ"; *п. т.*

6) *вст.*: „сама будучи подъ такимъ впечатлѣніемъ"; *п. т.*: ужасомъ

7) *вст.*: но; *п. т.*

8) *повтор. вст.*: — молодость; *а дальше вставка внизу страницы* „потому что молодость всегда хоть капельку, хоть въ кривую сторону да великодушна"; *п. т.*

9) *В слове* „дескать" — д *из* к; *дальше вст.*: хоть и на краю; *п. т.*

10) *вст*: великія; *п. т.*

11) *надъ зачеркн.*: Гете; *п. т.*

12) *точками внизу обозначено*: *возстановление слова*

13) *надъ зачеркн.*: вниманія.

14) *вст.*: объ ней; *п. т.*

тимъ [1]), а осталась она у безпорядочныхъ тетокъ. [Одна тетка такъ] [2]) то есть ихъ, [это] мало назвать безпорядочными. Одна тетка вдова, многосемейная, шесть человѣкъ дѣтей малъ-мала меньше, другая тетка въ дѣвкахъ, старая, скверная. Обѣ скверныя. Отецъ ея [3]) чиновникъ, но изъ писарей, и всего лишь личный дворянинъ — однимъ словомъ [4]) мнѣ наруку. Я являлся [гораздо] [надъ ними вверху] [5]): отставной поручикъ [6]) рядовой дворянинъ, независимый [7]) и проч. Главное деньги, а что касса ссудъ, то тетки на это даже съ уваженіемъ только могли смотрѣть. У тетокъ три года была въ рабствѣ, но все таки гдѣ то экзаменъ выдержала [8]), дѣтей теткиныхъ учила, бѣлье шила, а подконецъ не только бѣлье [9]) но, съ ея грудью, и полы мыла. По просту они даже ее [по] били, буквально попрекали кускомъ, — [а] кончили [10]) тѣмъ, что вознамѣрились продать, но тутъ вышла сцена, такъ что она, кроткая, даже въ часть бѣгала. Тьфу! опускаю [11]) подробности [12]). Потомъ она мнѣ все подробно разсказала [13]). Все это наблюдалъ [14]) сосѣдній толстый лавочникъ, но не простой [15]), а богатый съ двумя бакалейными. Онъ уже двухъ женъ усахарилъ и искалъ третью [16]) и наглядѣлъ ее: [эта] — тихая [17]) росла въ бѣдности, а „я вѣдь для сиротъ женюсь". Дѣйствительно [18]) были сироты.

[Сталъ] присватался, сталъ сговариваться съ тетками, [а она въ ужасъ] [19]). Вотъ тутъ то и зачастила [ко мнѣ] [съ] [публика-

---

[1]) *перепр. в*: тѣмъ; *н. т.*

[2]) *следующие слова*: „т. е. ихъ мало назвать" *написаны здесь над зачеркнутыми*

[3]) *вст.*: былъ; *н. т.*

[4]) *вст.*: все; *н. т.*

[5]) *первое исправление, тоже зачеркнутое*: „поверхъ этого міра" *затемъ*: какъ бы изъ высшаго *надъ ними* міра; *в н. т. нет*: надъ ними.

дальше следуетъ вст.: все же; *н. т.*

[6]) *вст. на л. п.*: [извѣстнаго] блестящаго полка; *н. т.*

[7]) *перепр. в*: независимъ; *н. т.*

[8]) *вст. сначала надстрочная*: „успѣла [вып.] таки выдержать"; *потомъ на л. п.*: „урвалась изъ-подъ поденной безжалостной работы — значитъ каковъ *же* характеръ, т. е. въ стремленіи къ высшему и благородному";

н. т.: „успѣла выдержать, урвалась выдержать, изъ подъ поденной безжалостной работы, — а это значило же что нибудь въ стремленіи къ высшему и благородному съ ея стороны.

[9]) *вст.*: [у тетокъ].

[10]) к *перепр.* в К; *н. т.*

[11]) *вст.*: грязь; *н. т.*

[12]) *перепр въ*: „подробностей"; *н. т.*

[13]) *испр. изъ*: „разсказывала".

[14]) *вст.*: „цѣлый годъ"; *н. т.*

[15]) *вст.*: „лавочникъ"; *н. т.*

[16]) *вст. на л. п.*: „вотъ"; *н. т.*

[17]) *вст.*: „дескать"; *н. т.*

[18]) *вст.*: „у него"; *н. т.*

[19]) *вст.*: „Кромѣ того ему уже 50 лѣтъ. Она разумѣется въ ужасъ"; *н. т.*: „къ тому же — пятьдесятъ лѣтъ ему; она въ ужасѣ".

ціями] [закладъ] [1]). Голосѣ. Наконецъ стала просить [2]), чтобъ только [3]) капельку времени дали [4]) подумать. Дали [5]) капельку, но только одну капельку, другой недали, заѣли: „Сами незнаемъ что ѣсть и безъ лишняго рта". Это я все узналъ, сообразилъ и порѣшилъ. Тогда — вечеромъ пріѣхалъ купецъ, привезъ изъ лавки [6]), конфетъ въ полтинникъ, она съ нимъ сидитъ, а я вызвалъ [7]) Лукерью и велѣлъ сходить къ ней, шепнуть ей что я у воротъ и желаю ей что-то сказать [8]). [Она] Вышла [9]), [ну] [10]) я наверхъ, разомъ кончила [11]). [Меня разумѣется предпочла].

Я собой остался доволенъ въ тотъ вечеръ — Тутъ же у воротъ, ей, изумленной уже тѣмъ что я [12]) вызвалъ, при Лукерьи [13]) объяснилъ что [я] сочту за счастье и за честь [14]). Чтобъ не удивлялась [15]) моей манерѣ: [я] „Человѣкъ [16]) прямой". И я не вралъ [17]) [А впрочемъ вралъ или не вралъ?] Ну, наплевать. Говорилъ же я не только прилично, т. е. видимо выказавъ человѣка съ манерой, но и оригинально, а это-то и главное. Это — то ихъ [очень молодыхъ] и поражаетъ [18]) Я прямо [сказалъ] [19]) что [я] не особенно талантливъ, не особенно уменъ, можетъ быть даже не особенно добръ, довольно дешевый эгоистъ. (Я помню это выраженіе, я его дорогой идя [20]) сочинилъ и остался доволенъ) [21]) и [22]) очень очень можетъ быть [что] заключаю въ себѣ [23]) много [24]) непріятнаго [25]) и въ [26]) другихъ отношеніяхъ. Все это сказано было съ особен-

[1]) *над зачеркнутым дается такая редакция*: „ко мнѣ для публикаціи въ"; *н. т.*

[2]) *вст.*: „тетокъ"; *н. т.*

[3]) *вст.*: „самую"; *н. т.*

[4]) *вст.*: „ей".

[5]) *вст.*: „эту"; *н. т.*

[6]) *вст.*: „фунтъ"; *н. т.*

[7]) *вст.*: изъ кухни; *н. т.*

[8]) *вст.*: „въ самомъ неотложномъ видѣ"; *н. т.*

[9]) В *из* в.

[10]) *надъ зачеркнутымъ*: а.

[11]) *испр. из*: кончилось.

[12]) *вст.*: ее; *н. т.*

[13]) *вст. на л. н.*: я; *н. т.*

[14]) *вст.*: Второе: растолковалъ; *н. т.*: Вовторыхъ.

[15]) *испр. из*: удивилась.

[16]) *вст.*: дескать я.

[17]) *вст.*: что прямой; *н. т.*

[18]) *вст. сначала надъ строчкой*: „и плѣняетъ а я билъ на то", *затем вст. на л. н.*: „чтоже развѣ въ этомъ грѣшно признаваться.? Я хочу себя судить и сужу"; *н. т.*

[19]) *вст.*: объявилъ безо всякаго "знаете" смущенія [и пр.] *н. т.*: „объявилъ тогда"..., *в н. т. нѣтъ слова*: знаете.

[20]) *вст*: тогда; *н. т.*

[21]) *вст. на л. н.*: „я и теперь доволенъ вспоминая это".

[22]) *вст.*: что; *н. т.*

[23]) *вст.*: слишкомъ.

[24]) *попр. из*: многое *или* многіе.

[25]) *перепр. в*: неприятныхъ *и вставлено сверху*: „вещей".

[26]) *вст.*: [многихъ].

ваго рода гордостью — [вы сами знаете][1]) какъ это говорится. [Съ достоинствомъ][2]) [я] вскользь прибавилъ конечно, что я [обезпеч] довольно обезпеченъ и если чѣмъ могу похвастаться, то развѣ твердымъ характеромъ, [и хоть][3]). Я[4]) видѣлъ что она пока еще ужасно боялась,[5]) [и странно][6]) я не смягчилъ ничего, мало того[7]), прямо сказалъ, что сыта будетъ, ну а нарядовъ, театровъ[8]) этого[9]) не будетъ[10]). [Чѣмъ дальше я говорилъ тѣмъ больше мнѣ самому] нравилось[11]); этотъ строгій тонъ рѣшительно [удовле][12]): „Лучше[12а]) я потомъ вдругъ выкажусь[13]) мягче[14]) [а сначала нечего стл. очень стлать][15]). Я прибавилъ, и тоже какъ можно вскользь, что если и взялъ такое занятіе, т. е. держу эту кассу[16]) то имѣю одну цѣль, есть[17]) обстоятельства [и что наконецъ таковъ][18]) вѣкъ[19]). Однимъ словомъ я пустилъ нѣсколько загадочныхъ[20]) фразъ, чтобъ подкупить[21]) воображеніе.

---

1) *над зачеркнутым*: „навѣстно“; *н. т.*

2) *надъ зачеркнутымъ*: „особенно если человѣкъ говоритъ благородную правду“.

Дальше идет вст. на л. п.: „я имѣлъ настолько вкуса и высокаго чувства, что объявивъ мои недостатки не пустился объявлять достоинства. Но, десвать, *взамѣнъ* имѣю то-то, то-то, то-то. И отлично сдѣлалъ — потому что она сама естественно начала тотчасъ - же искать достоинствъ“.

н. т.: Конечно я имѣлъ настолько вкуса, что объявивъ благородно мои недостатки, не пустился объявлять о достоинствахъ: „но дескать взамѣнъ того имѣю то-то, то-то и это-то“.

3) *над зачеркн. опять воспроизведено*: „И хоть“.

4) Я *из* я. *Очевидно после зачеркн.*: „хоть“.

5) *переир. в.* боится; *н. т.*

6) *над зачеркн.*: но; *н. т.*

7) *вст.*: нарочно усилилъ; *н. т.*: „видя что боится нарочно усилилъ“.

8) *вст. подстр.*: баловъ; *н. т.*

9) *вст. подстр.*: ничего; *и тут же вст. надст.*: „пока ничего“; *н. т.*: ничего.

10) *над строкой же после*: будетъ — *вст.*: развѣ; *продолжение ее на л. п.* „развѣ впослѣдствіи, когда главной цѣли достигну. У меня дескать цѣли“; *н. т.*: „развѣ впослѣдствіи, когда цѣли достигну“.

11) *повидимому случайно осталось не зачеркнутым.*

12) *над зачеркн.*: „увлекалъ меня [я]“; *н. т.*

12-а) *впереди вст.*: дескать

13) *вст. на л. п.*: ей.

14) *вст.*: [думалъ я]; *вторая вст.*: [рѣшилъ я] *оба зачеркнуты*; *дальше вставка под строкой*: „когда она уже войдетъ ко мнѣ въ домъ и она“; — *вставка продолжается дальше над строкой так*: „пріятно удивится и разумѣется въ пятеро будетъ цѣнить“.

15) *предыд. вст. над и под этой зачеркнутой фразой*

16) *вст. на л. п.*: „(а это главное надо было прибавить, я вѣдь и тогда все понималъ въ ея взглядѣ)“

17) *вст.*: „дескать такія“; *н. т*: „такое“

18) *над зачеркн.*: „вскользь упомянулъ и про“

19) *вст.*: „и про направленіе вѣка“

20) *вст.*: „и таинственныхъ“

21) *вст.*: „юное“

Но[1]) вѣдь я имѣлъ право на то: Я дѣйствительно имѣлъ цѣль, я всю жизнь[2]) ненавидѣлъ эту кассу,[3]) и вѣдь въ сущности хоть и смѣшно говорить[4]) а я „мстилъ же обществу“[5]) т. е. видите-ли: скажи я ей прямо[6]) [что] я мщу обществу, и она бы усмѣхнулась какъ утромъ, и вышло бы[7]) смѣшно, ну а косвенными

Листъ 5.

намеками и таинственнымъ видомъ, оказалось что можно подкупить[8]) воображеніе [и волю][9]). Къ тому же [и][10]) я[11]) ничего не боялся: я вѣдь зналъ, что[12]) лавочникъ во всякомъ случаѣ ей гаже[13]) [к я][14]) я [же][15]) являюсь „освободителемъ“[16]) А между тѣмъ о благодѣяніи[17]) ни слова, напротивъ, о напротивъ, — „это я[18]) облагодѣтельствованъ[19]). [А что такъ оригинально, у воротъ, къ теткамъ незаходя, то вѣдь[20]) тѣмъ-то[21]) и поняла что я всю подноготную про нее знаю и что мнѣ[22]) надо ее слово[23]) а не

---

[1]) *из*: Я *перепр.* Но;

[2]) *вст. на л. п.*: „самъ первый“

[3]) *вст.*: „(ненавидѣлъ ли однако? Есть ли у васъ въ комъ ненависть ко злу серьезная?)“

[4]) *вст.*: самому себѣ „таинственными фразами“; *н. т.*

[5]) *вст.*: какъ съострила она утромъ

[6]) *перепр. в*: прямыми, *дальше вст.* словами: да; *н. т.*

[7]) *вст.*: въ самомъ дѣлѣ; *н. т.*

[8]) *вст. на л. п.*: и

[9]) *над зачеркн.*: „а [за тѣмъ] стало быть и волю“

[10]) *м. б. и* [Н], *т. к. начертанія у Д. сходные*

[11]) *вст.*: „вѣдь тогда ужъ“; *н. т. без*: вѣдь

[12]) *вст.*: „толстый“; *н. т.*

[13]) *вст.*: „меня“; *н. т.*

[14]) *над зачеркн.*: „и что“; *н. т*

[15]) *над зачеркн.*: „около воротъ, а“; *н. т.* „стоя у воротъ являюсь“...

[16]) *вст. на л. п.*: „Понималъ же вѣдь я это. О, подлости, человѣкъ особенно хорошо понимаетъ. (Но подлости-ли? подлости-ли?) (*в н. т. только один разъ* подлости-ли). *Дальше вст.*: „Какъ судить человѣка? Ну ты судьи вставайте судить подымайте камни! *В н. т.*: какъ вѣдь тутъ судить человѣка?“ *Второй фразы нет.*

[17]) *вст.*: „о томъ что я совершаю я конечно“

[18]) *вст.*: „дескать вами“; *н. т.*: дескать

[19]) *вст.*: „а не вы мной. Это я даже высказалъ не удержался“. *дальше идет вст. на л. поле*: „и вышло можетъ быть нехорошо потому что замѣтилъ складку въ лицѣ“: *н. т.*: „это я дескать остаюсь облагодѣтельствованъ, а не *вы*“. Такъ что я это даже словами выразилъ, не удержался, и вышло можетъ быть глупо, потому что замѣтилъ бѣглую складку въ лицѣ“.

[20]) *вст.*: она;

[21]) *вст.*: самымъ

[22]) *вст.*: стало быть

[23]) *вст. на л. поле*: „ея, которую я напротивъ освободить пришелъ“

теткины принужденья [1])] [Однимъ словомъ [2])] я выигралъ. Къ тому же мнѣ хоть [3]) и сорокъ лѣтъ, но я высокъ, строенъ, сухощавъ, воспитанъ и — и наконецъ говоря безъ фанфаронства — я не дуренъ собой. Кто недуренъ собой [навѣрно] [4]) [про это] знаетъ [5]). Она тутъ же у воротъ сказала мнѣ *да*. Но... но я долженъ прибавить: она тутъ же у воротъ подумала, и даже долго думала [6]). Такъ задумалась что я уже спросилъ-было: ну, что же [?] — съ? — [7]).

— Подождите, я думаю.

И такое у ней было серьезное, грустное личико, [задумчивое] [8]) [такъ] что я даже не ожидалъ „Неужели она между мной и купцемъ выбираетъ! Подумалъ [9]) [я]. Тогда [10]) я не понималъ [о] [тогда] я [11]) не понималъ. Теперь понимаю [12]). [Знаете можетъ

---

[1]) *все это место вместе и с относящейся к нему вставкой в н. т. отсутствует*

[2]) *над зачеркн.*: „но въ цѣломъ“; *дальше идет вставка*: „несомнѣнно“; *в н. т.*: „рѣшительно“

[3]) *исправлено из*: и

[4]) *над зачеркн.*: „то право“

[5]) *вст.*: „про то“ *и дальше вставка в скобках, потом зачеркнутая*: (вѣдь простительно же?)

[6]) *вст.*: „прежде чѣмъ сказала да“; *н. т.*

[7]) *вст*: И даже не удержался съ этакимъ шикомъ спросилъ; *н. т.*

[8]) *над зачеркн. и тоже потом зачеркнутое*: „при этомъ“; *и дальше* „такое“; *последнее повидимому и повлекло за собой то, что пришлось зачеркнуть следующее слово*: „такъ“; *н. т.* такое

[9]) *перепр. въ*: „подумалось; *и дальше под стр вст.*: „тогда“; *в уровень с этой строкой имеется еще вставка на л. п., место точно не обозначено*: „мнѣ вдругъ“; *по смыслу относим сюда же.*

[10]) *предшеств. вст.*: о; *н. т.*

[11]) *вст.*: „ничего то я тогда“;

Дальше идет вставка внизу под всем текстом: *помню* Лукерья выбѣжала *мнѣ | тогда? (*не уверены в правильности прочит.*) | въ слѣдъ когда я уходилъ, остановила на дорогѣ* и сказала *мнѣ со слезами*: Богъ вамъ заплатитъ, сударь, что вы *нашу* барышню милую берете. — ушелъ съ гордостью а Лукерью положилъ взять къ себѣ*.

В этой вставке между строк после слов: барышню милую берете, *сделана еще одна*: только вы ей не говорите что я вамъ это сказала прибавила она [такая] гордая

— Ну, гордая! и думалъ я [я люблю гордыхъ]. Я люблю гордыхъ. Гордыя особенно хороши, когда... ну когда покоряются вамъ, неправдали? О, низкій неловкій человѣкъ! [Но какъ я былъ тогда доволенъ] ушелъ ужасно довольный. О, какъ я былъ доволенъ! Слѣпецъ! Слѣпецъ! Теперь не слѣпецъ.

Дальше тянется линия к следующей вставке: у ней была такая мысль, когда стояла задумавшись что ъ отвѣтить мнѣ *да*: Если ужъ"

Сейчас же дается вариант:

„У ней могла быть вотъ какая мысль“

И наконец третий вариант, начинающийся подстрочной вставкой, место точно не помечено, относящейся по всей вероятности к словам: „о, низкій неловкій человѣкъ“! „*Следует дальше*“: Ничего-то, ничего то я тогда не понималъ“. *Отсюда линия ведет к такой вставке*: Вотъ теперь такъ понимаю. Значитъ когда она тогда стояла задумавшись чтобъ отвѣ(тить)

быть][1]) такая мысль: Если[2]) ужъ[3]) несчастье и тамъ и тутъ такъ не лучше-ли прямо[4]) худшее выбрать?[5]). [А Какъ[6]) вы думаете, могла-ль[7]) быть такая мысль[8]), ну а я этого тогда не понялъ —

Да и теперь не понимаю! И теперь[9]) не понимаю. Я сейчасъ [написалъ что][10]) „могла быть[11]) мысль, что изъ двухъ несчастій выбрать худшее, т. е. купца? А кто былъ для нея[12]) хуже: я[13]) иль купецъ. Я иль купецъ? Это еще вѣдь вопросъ. Какой вопросъ? и этого не понимаю! Отвѣтъ тамъ на столѣ лежитъ[14]).

На том же 5-ом листе, приблизительно на трети его, оставшейся свободной после окончания (если ориентироваться на печатный текст) 2-го деления 1-й главы: 3-е деление начинается с нового

Приводим параллельно печатный текст: О, тогда я еще не понималъ! Я ничего, ничего еще тогда не понималъ! До сегодня не понималъ Помню, Лукерья выбѣжала за мною вслѣдъ, когда я уже уходилъ, остановила на дворѣ и сказала впопыхахъ: „Богъ вамъ заплатитъ, сударь, что нашу барышню милую берете, только вы ей это не говорите, она гордая".

Ну, гордая! Я, дескать, самъ люблю горденькихъ. Гордые особенно хороши когда... ну когда ужъ не сомнѣваешься въ своемъ надъ ними могуществѣ. О низкій, неловкій человѣкъ! О какъ я былъ доволенъ! Знаете вѣдь у ней, когда она тогда, у воротъ стояла, задумавшись, чтобъ сказать мнѣ да, а я удивлялся, знаете ли что у ней могла быть даже такая мысль.

[12]) *вст.*: именно все понимаю теперь

[1]) *вставка зачеркнутая*: [даже]: *на левом поле в уровень со строкой, но место линией точно не указано, такие вставки*: „У ней была", *под этой вставкой зачеркнуто слово*: Я, *по которому написано первое слово следующей, тоже зачеркнутой фразы*: [потомъ она и объясни]; *и наконец под этой вставкой еще одна*: [просто за просто] у нея была"; „просто за просто *зачеркнуто*.

[2]) Е *испр. из* Я.

[3]) ужъ *из* уже

[4]) *вст.*: самое

[5]) *вст. начинающаяся над строкой*: „т. е. толстаго купца который забир(ает) золото(м); *дальше продолжение на л. н.*: „а не закладчика, который цитуетъ изъ Фауста".

[6]) К испр. из к.

[7]) *испр. из*: можетъ

[8]) *вставка* под *строк*: почему то вѣдь она такъ долго стояла;

[9]) *вст.*: ничего

[10]) *над зачеркн.*: только что сказалъ что; *потом над*: что *виднеется еще буква*: м.

[11]) *над словом* быть *полукруг и в нем крупная цифра*: 3. *Не обозначает ли она что отсюда предполагалось начало 3-го деления 1-ой главы? Дальше вставка*: у нея.

[12]) *вст.*: тогда; *н. т.*

[13]) *вст. между строк*: закладчикъ цитующій Гете; *н. т.*

[14]) *вставка между строк*: а я говорю вопросъ *н. т.*; „...ты говоришь"... *следует отметить еще, что под словом*: какой *виднеется три слова, другими чернилами написанные*: а я не;

6-го листа, — на этой свободной трети листа сделаны разные наброски; одни из них довольно распространенные, другие носят характер конспективный, третьи намечают лишь главные мотивы — в общем они все объемлют содержание 3-х последующих делений 1-й гл. Они расположены крайне разбросано по всей трети листа; соединительных линий или знаков, которые бы обозначали последовательность их написания, очень мало. Не имея возможности воспроизвести все это фотографическим способом, мы попытаемся сделать им более или менее точное описание, придерживаясь однако той последовательности, которая подсказывается расположением материала в печатном тексте.

Идет прежде всего набросок на левом поле (в уровень со связным еще текстом т. е. еще до свободной 3-й части листа), содержание которого в более развитом виде представляет собою приблизительно начало 3-го подразделения.

Вот первый набросок:

„Я отбилъ. Опускаю грязь подарилъ, а купецъ ничего, я было хотѣлъ сватьбу а l'Angl... Она не позволила, тогкзмъ оказано было все надлеж(ащее) потомъ. Но я далъ слово что потомъ".

К этому наброску с левой стороны, в уровень между словом: *сказано* и *женился* (первого слова следующего наброска 2) примыкает:

„Я имъ [1]) по 100 руб. подарилъ а купецъ кусокъ рубль" [2]).

---

2. Дальше следует такой набросок, в несколько коротких строк, отдельные элементы которого находят свое более полное развитие в том же 3-м подразделении:

„Женил (ся) я *пріучалъ ее.* Было мгновеніе что любила. Усилить строгость такъ я и въ домъ ввелъ ее подъ строгостью. Началось скоро [3]).

---

3. Дальше идет большой набросок, развивающий довольно подробно основной мотив, звучащий очень сильно, как в 3-м (занимает около половины) делении, так и в четвертом — это мотив противопоставления широкости сердца человека, молчаливо

---

[1]) *над*: „я имъ" *сверху*: „далъ", *линия указывает место слова* „далъ" *впереди*: „я имъ".

[2]) *две круглые линии, расходящиеся в роде щипцов, ведут эти два слова к слову*: „купец".

[3]) *Последний мотив уже предвосхищает начало 4 деления первой главы.*

и гордо страдающего — пылкому благородству и великодушию молодежи. Набросок начинается как бы на левом поле, захватывает низ, держась близко к краю, заполняет весь низ, приблизительно пальца на два, причем строки расположены как бы выступами, ступенчато. Мы даем это, более или менее точное, топографическое описание потому, что в средине страницы дважды написано очень крупным почерком слова: *съ горы* (карандашем) и еще раз — *здѣсь какъ съ горы*. Если это не есть указание на необходимость крайнего динамизма в дальнейшем развитии сюжета, то не относятся ли слова: *съ горы* к начертанию, только что нами описанному, которое действительно похоже на: „как съ горы".

Вот он, этот набросок:

„Молодежь презираетъ деньги. Я наперъ на деньги[1]) * закладчика * такъ что она все больше и больше умолкала. Я этого не боялся. Я зналъ что женщина усвоитъ тонъ мужчины, а любящая все усвоитъ и обоготворитъ. Въ любви же ея — я былъ увѣренъ. * — О любовь и хотѣлъ * но любовь то я и хотѣлъ *[2]) создать. * Главное. * Я былъ увѣренъ * любитъ *[3]). Главная мысль та чтобъ не мямлить не лизать съ самаго начала а [показаться оригинальнымъ], поразить воображеніе. * Ну что закладчикъ значитъ есть же причина, коль такой великодуш(ный) человѣкъ и т. д.[4])* Если надо сшибить, напугать если надо, даже тѣмъ лучше. Суровъ, гордъ и въ нравственныхъ утѣшеніяхъ ничьихъ не нуждается. Страдаетъ молча. * Ну а на вопросъ передъ ней стоящій[5]).* Для чего же женился? * [а что] же *[6]). А для того чтобъ облагодѣтельствовать * или * отъ того что великодушенъ, увидалъ несчастную погибающую погибшую. И не требуетъ благодарности, хочешь люби, хочешь нѣтъ. Вотъ это-то и главное. Это я тогда выдумалъ.

---

[1]) *Здесь знак, указующий на какую то вставку; вставок с соответствующим знаком мы однако нигде не находим. В уровень с этой строкой, где знак, с правой стороны стоит одинокое слово* „закладчика"; *не сюда ли это относится?*

[2]) *Эти две вставочные фразы, предшествующая:* „я былъ увѣренъ" *и эта написаны с правой стороны почерком более тонким. Если не ошибаемся, тут были колебания между двумя редакциями: первая редакция без вставок:* Въ любви же ея — о любовь я хотѣлъ создать — я былъ увѣренъ — *одна фраза врывается в средину другой; либо идут последовательно одна за другой обе вставки (2-ая редакция).*

[3]) *Последние два вставных слова:* „главное" и „любитъ" *написаны более тонким почерком. Слово* „главное" *ведется линией вверх* „я былъ"; „любитъ" *в промежутке между двумя строками, несколько выше над словом:* „увѣренъ".

[4]) *Вставка обрамлена линией, ведущей ее к слову:* „воображеніе".

[5]) *Вставка с правой стороны начинается в уровень со строкой, где указующий знак после слова:* „молча", *хотя соответствующего знака перед вставкой не имеется.*

[6]) *Первые два слова густо зачеркнуты, читаем их приблизительно.*

Вотъ все ходя. Выдумалъ? [Я самъ] ничего не выдумалъ оно такъ и было. Я совершенно такъ въ себя вѣрилъ. Ну, а потомъ, потомъ думалъ я, потомъ когда она уже будетъ достаточно напугана и юная цѣломудренная гордость побѣждена — потомъ я ей выкажу мои чувства. Я позволю ей наконецъ заглянуть въ мое сердце и она такъ и бросится. Вотъ какъ я мечталъ. О Господи такъ[1]) оно все и было. Я не то что вѣрилъ, я такъ и поступалъ. Я и любилъ ее такъ, — именно какъ за созданіе мое, какъ за существо, которому я далъ свѣтъ и жизнь.

---

4. К этому же большому наброску примыкает по смыслу небольшой набросок, помещенный с левой стороны наброска 3, почти в самом начале; при чем нет никаких указующих знаков на его место:

„Увидитъ, что есть великодушіе, только она не умѣла видѣть. тѣмъ болѣе станетъ цѣнить. Не правда - ли? Не правда - ли что было хорошо. но... но все - таки это была игра".

Не обобщая пока наших наблюдений, скажем однако про то, что мы имеем здесь на этой странице: если только что приведенные два наброска представляют собою уже углубленное *развитие* некоторых *психологических* мотивов рассказа, то в дальнейшем, когда перед нами одни лишь *краткие обрывочные* намеки, то они почти исключительно сюжетного характера, изредка — аксессуарные подробности. В виду беспорядочности их расположения на листе, мы воспроизводим их, — за исключением тех случаев, когда имеются указующие на порядок знаки, — соответственно содержанию, расположенному в развитом тексте.

В самом низу под большим наброском имеется такая пометка:

„40 лѣтъ"

В средине листа имеется два слова крупным почерком, линией подчеркнутые:

„*Я ошибся*".

К этим словам по смыслу примыкает фраза, обрамленная линиями, почти у самого начала свободного места, ближе к левому краю, написанная вдоль листа:

„Кто тутъ 1 - вый началъ, но у насъ съ перваго шагу пошло неладно".

Так начинается 4 деление 1 - й главы в печатном тексте под заглавием: „Все планы и планы", в котором и выводятся неко-

---

[1]) т. *в слове* „такъ" *исправлено из*: в

торые подробности обстановки и совместной жизни на первых порах. Намеки на эти подробности начинаются здесь в правом углу внизу у самого края:

„Ввелъ въ домъ, рубль театръ книги“.

В четвертом делении первой главы, почти в начале, эти намеки получают свое раскрытие в описании обстановки и образа жизни. С правой стороны, примыкая довольно тесно к краю, высоко, ближе к началу, свободного от связного текста, листа, эти намеки даны несколько распространенно:

„я ей еще въ невѣстахъ сказалъ что рубль въ мѣсяцъ разъ въ теат(ръ) 2 ком(наты) чинить бѣлье“.

К последнему наброску примыкает тесно 4 слова, написанных густыми чернилами:

„это ничего не испугала“.

Дальше идет сверху вниз, с той же правой стороны, очень тесно к краю следующее:

„строгость съ[давалъ] закладчики она молчала но страшно приглядывалась и я усилилъ“.

Тут же еще нижеследующий мотив:

„Бѣлье дали. Жену надо привлекать изяществомъ“.

Дальше идут уже намеки на сюжетное содержание 5 деления, известного в печатном тексте под заглавием: „Кроткая бунтуетъ“. Немного отступая влево, но в том же построчном порядке написано следующее“:

„Началось съ далекаго началось и раньше съ приглядыванія“.

Чертой длинной отделены слова, ближе к правому краю:

„Не гордость а заносчив(ость)“.

Отсюда знак ведет к следующим словам:

„Мои деньги“.

Последним словам предшествуют, написанные над ними:

„Закладчикъ деньги“.

И почти в уровень в ширину, чуть пониже:
„процентъ“,

после: „мои деньги“ следует:
„Стала къ теткамъ.
Одна шельма офицеръ“.

Здесь три черточки и линия, ведущая к тому, что написано на самом верху, свободного от связного текста, места ближе к правому краю:
„Я не сдержался и сказалъ ей.
Топанье ногъ —
Дуэль. Какъ вы струсили дуэли“ [1]).

И наконец под словами: *шельма офицер*:
„Продалъ за двѣсти руб. Свиданье съ офицеромъ“. И дальше, чуть пониже кругом обведено слово: „револьверъ“. А после слова: „съ офицеромъ“ линия ведет к следующим словам:
„Я вошелъ и взялъ ее,
револьверъ“.

Листъ 6-ой.

* Да наплевать на меня! Не въ томъ дѣло, не во мнѣ дѣло. Лучше бы лечь спать. Голова болитъ * [2]).

3 [3]).

Черезъ полюсъ

Я опять такъ и продолжаю. Не могу оторваться. Въ головѣ вихрь.

---

[1]) *Последняя фраза обведена круглой линией в уровень со словом „Дуэль“. Очень любопытно расположение здесь мотивов: не говорит ли оно о том, что сцена с топаньем ног предполагалась вначале не в связи с недоразумением с закладом вдовы, а с офицером? Под этой же фразой охваченная полукруглой линией цифра*: 5. *Быть может, она обозначала, что это эпизод из 5-го деления 1-ой главы? Там он действительно является центральным.*

[2]) *Лист 6 начинается этой вставкой, очевидно относящейся, судя по печатн. тексту, к предыдущ. листу. Она отделена здесь от сплошного текста волнистой линией и помещена ближе к левому верхнему углу. В п. т. так*: „Да и наплевать на меня! Не во мнѣ совсѣмъ дѣло... А кстати, что для меня теперь — во мнѣ или не во мнѣ дѣло? Вотъ этого-такъ ужь совсѣмъ рѣшить не могу. Лучше бы спать лечь. Голова болитъ“... — *Так кончается 2-е деление.*

[3]) *3 перепр. из 4*

[Однимъ словомъ, я ее тогда отбилъ. Отбилъ у купца и у теток] [1]). Опускаю всю грязь [этихъ] подробностей. Именно грязь. О, изъ какой грязи я тогда ее вытащилъ! Вѣдь [тетки ее продать] [2]) хотѣли [3])! буквально, буквально! А не то — хоть на улицу, рѣшительно некуда [4]) идти. Но опускаю грязь! [подробностей!] Все это возмущаетъ душу. Однимъ словомъ, она должна была оцѣнить мой поступокъ [я] [6]) былъ заручёнъ и зналъ это. То есть тогда я не сомнѣвался [7]). И вообще въ то время я былъ въ хорошемъ расположенiи. Нравилось мнѣ тоже знаете что: [?] [8]) что мнѣ сорокъ первый, а ей только что шестнадцать. Тутъ есть какая то сладострастная мысль въ этомъ ощущенiи. Впрочемъ не низкая: низкая если и все въ этомъ, т. е. какъ у толстаго купца, а я — я хотѣлъ любить ее, искренно, искренно излить всѣ дары, но — сначала приготовить ее, обдѣлать ее такъ сказать, пересоздать [9]), переформировать [9a]).

Я началъ эту переформировку еще женихомъ. Кое въ чемъ впрочемъ я ей уступилъ: я напримѣръ хотѣлъ сдѣлать свадьбу à l'anglaise т. е. рѣшительно вдвоемъ, при двухъ развѣ свидѣтеляхъ, изъ коихъ одна Лукерья и потомъ тотчасъ въ вагонъ и напримѣръ хоть въ Москву, [въ гости] (гдѣ у меня были дѣла) въ гостинницу, недѣли на двѣ. Она воспротивилась, она не позволила и я принужденъ былъ ѣздить къ теткамъ съ почтенiемъ, что бъ видѣться съ нею. Я уступилъ и теткамъ оказано было все [должное] надлежащее [10]). (Мало того) я [11]) даже подарилъ теткамъ по сту рублей и еще обѣщалъ [12]) [ей] [13]) то не сказывая [14]). Но надо же было побѣдить тетокъ [15]). Сдѣлались [16]) шелк...

1) *см. набросок I предыдущ. листа*

2) *над зачеркн.*: „еслибъ не купецъ“ *под зачеркн.*: „тетки бы продали“

3) *Очевидно случайно осталось не зачеркнутым*

4) *испр. из*: некогда

5) *вст.: подстр.*: поневолѣ

6) *Вставка на л. п. в уровень со строкой*: тѣмъ то я и

7) *вст. под строкой*: „Я очень, очень долго ни въ чемъ не сомнѣвался“

8) *вст.*: представьте себѣ мнѣ нравилось

9) *вст.*: и

9a) ***Весь этот мотив: сопоставление себя с купцом и переформировка ее характера в н. т. отсутствует. Следы его усматриваем в слове: „напримѣръ“ следующего абзаца, который вообще в н. т. по смыслу не связан с предшествующим.***

10) *вст.*: она на этомъ сама настояла

11) я *перепр. в* Я

12) *после*: обѣщалъ : *небольшая вертикальн. линия, которой соответствует такая же после* уступилъ ; *б. м. было намерение все зачеркнуть? В н. т. имеется эта фраза*

13) ей *густо перечеркнуто какими-то линиями, а сверху*: о и ...

14) *перепр. в*: сказалъ, *а над этим словом вставка*: то (*из* его) ей

15) *здесь был знак, указующий на боковую вставку, который потом зачеркнут и поставлен после следующ. предложения*

16) *вст. под строчкой*: тотчасъ

выя[1]. Былъ споръ[2]) о приданномъ: у ней ничего не было и она ничего не хотѣла[2а]). Мнѣ однако же удалось доказать[3]) что совсѣмъ ничего — нельзя[4]). Сдѣлали все самое скромное[5]), чтобъ ее не обидѣть, а когда дѣлали я какъ можно меньше объ этомъ говорилъ. Въ Москву ѣхать отложили, но[6]) идеи [свои][7]) я ей все таки передалъ, чтобъ знала по крайней мѣрѣ. Главное, она съ самого начала, какъ ни крѣпилась, а бросилась ко мнѣ съ любовью: встрѣчала когда я пріѣзжалъ по вечерамъ съ восторгомъ * разсказывала * [8]) все, дѣтство, младенчество, про папашу, про мамашу[9]). Но я все это упоеніе обдалъ [отчасти] сразу холодной водой. [Признаюсь] [такъ я тогда разсчиталъ][10]). На восторги я отвѣчалъ молчаніемъ, благосклоннымъ конечно, но... но все же она быстро увидала [что мы — разница и][10а]) что [въ] я — загадка:[11]) Я [главное][12]) и билъ на загадку. Во первыхъ строгость; такъ подъ строгостью и въ домъ ввелъ[13]) себѣ. Однимъ словомъ, тогда, ходя и будучи доволенъ, я создалъ цѣлую систему. О, безъ всякой потуги, сама собой вылилась[14]). Система истинная. Я

---

[1]) *вст. на л. н, вертикальной линией перечеркнутая*: „(А купецъ и объ этомъ не позаботился: онъ только торговался и всего одинъ фунтъ леденцу изъ своей лавки привезъ")

[2]) *вст.*: и

[2а]) *очень возможно, что сюда относится вставка из прим. 24; она написана между строк; знака, указующего ей места, нет. Помещаем же мы ее ниже, следуя печ. тексту.*

[3]) *вст.*: ей

[4]) *вст. надстр.*: „т. е. отъ меня, потому что кто же бы ей что сдѣлалъ"; *п. т.*: „и приданое сдѣлалъ я потому..."

[5]) *вст.*: на мой счетъ разумѣется

[6]) *вст.*: [всѣ] разныя; *п. т.*

[7]) *над зачеркн.*: мои; *п. т.*

[8]) *Слово*: разсказывала *не вынесено в примечание: по контексту оно безусловно 1-ой редак. Дальше следует позднейшая вст.*: „такимъ страстнымъ лепетомъ"; *п. т.*: „разсказывала своимъ лепетомъ (очаровательнымъ лепетомъ невинности!)"

[9]) *Вст. на л. н.*: „И знаете [про] она на тетокъ мнѣ вовсе не жаловалась: напротивъ умалчивала, скрывала ихъ въ другомъ свѣтѣ выстав(ляла)"

Другими чернилами внизу под словом: свѣтѣ *стоит еще одно слово* „Системн". *Оно очевидно относится к основной мысли, которая дальше будет развиваться. По всей этой вставке проведена вертикальная линия, очевидно ее зачеркивающая; в п. т. вставки этой нет.*

[10]) *Над зачеркн.*: „Вотъ въ этомъ то и была моя идея, и я только можетъ быть слишкомъ ужъ поспѣшилъ передать ей".

Вставка эта, начатая над строкой, от слова: быть *и далее идет под строкой.*

В п. т.: „Вотъ въ этомъ то и была моя идея"

[10а]) *Зачеркнутое в печ. тек. имеется*

[11]) *вст. под строкой*: А; *п. т.*

[12]) *над зачеркн.*: то; *п. т.*: главное

[13]) *вст.*: къ

[14]) *вст. на л. н.*: „Да и нельзя было иначе, я долженъ былъ создать *эту* систему, иначе какъ бы я объяснилъ кассу ссудъ"

объясню. Нѣтъ, послушайте, если уже судить человѣка, такъ судите зная дѣло... Слушайте!

Какбы это начать, потому что это трудно. Когда начнешь оправдываться — вотъ и трудно. Видите-ли: Молодежь презираетъ, наприм. деньги — я тотчасъ же налегъ на деньги. То есть когда тотчасъ же? А вотъ, тогда женихомъ, въ отвѣтъ на ея упоеніе. И такъ налегъ, что она все больше и больше начала умолкать. Раскрывала большіе глаза, слушала, смотрѣла и умолкала. Видите-ли: молодежь великодушна, т. е. хорошая молодежь, великодушна и порывиста, но мало терпимости, чуть что не такъ и презрѣніе. А я хотѣлъ широкости, я хотѣлъ привить широкость взгляду [1]), прямо къ сердцу привить, къ сердечному взгляду, — да такъ и надо было, не правда-ли? не правда-ли? Я тотчасъ же далъ знать, почти молча, полусловомъ (а я мастеръ молча говорить, я всю жизнь мою проговорилъ молча и прожилъ самъ съ собою цѣлыя трагедіи. Я вѣдь ужасно былъ несчастенъ, ужасно былъ выброшенъ всѣми, выброшенъ и забытъ, — а она не знала этого. Все это я положилъ, чтобъ она узнала но [2]) не разсказомъ отъ меня, а чтобъ сама догадалась! Именно такъ оно было: чтобъ сама догадалась; я всю идею, всю систему [3]) однимъ словомъ [4]) теперь выразилъ! [но надо было сдѣлать чтобъ она догадалась и вотъ] [5]) въ этомъ-то перевоспитаніе и состояло, то есть состоять должно было: [Все это] [6]) тогда [7]) еще былъ [только] [8]) планъ [9]) будущее: „Но [10]) — если состоится думалъ я, если догадается сама [11]) — все навѣки побѣждено, она моя [12]) вся моя, [13]) для собственнаго же ея счастья. Я же, я — я всегда былъ гордъ и всегда хотѣлъ или всего, или ничего! [14]). И такъ мы начали тогда съ великодушія. Я прямо, я безжалостно (и я напираю на это слово)

н. т. после слов: эту систему *следует*: „по неотразимому обстоятельству, — чтожъ я въ самомъ дѣлѣ клевещу то на себя!“

[1]) *испр. из*: взгляда

[2]) *вст. знак*:

[3]) *вст.*: въ *повлекшая за собою исправление следующих двух слов*: одномъ *из* однимъ, словѣ *из* словомъ

[4]) *вст. на л. н. в уровень со строкой*: сейчасъ

[5]) *над зачеркн. только одно слово*: Вотъ

[6]) *над зачеркн.*: А

[7]) *вст.*: все это

[8]) *над зачеркн.*: лишь

[9]) *вст.*: какъ

[10]) Н *на какой-то букве, б. м. на*: и

[11]) *вст.*: то

[12]) *вст.*: и

[13]) *вст. зачеркн.*: [раба моя]

[14]) *вст. на л. н.*: „Вотъ именно потому что я не половинщикъ въ счастьи, а всего захотѣлъ — именно потому я и вынужденъ былъ такъ поступить“

В н. т. продолжение этой вставки: тогда: „дескать, сама догадайся и оцѣни“.

объяснилъ ей тогда въ двухъ словахъ, что великодушіе молодежи [—] прелестно, но — гроша нестоитъ. Почему не стоитъ? [Именно такъ] [1]) потому что дешево ей досталось,

Листъ 7.

не живши, первыя впечатлѣнія дескать бытія, натуры а вотъ посмотримъ-ка васъ на трудѣ. Дешевое великодушіе легко и даже отдать жизнь напримѣръ — это дешево: тутъ кровь кипитъ, тутъ силъ избытокъ, красоты хочется. Нѣтъ возьмите ка подвигъ великодушія трудный, тихій, неслышный, безъ блеску, гдѣ много жертвы и ни капли славы — ну тка попробуйте-ка, нѣтъ откажутся, Все это я [2]) ей объяснилъ. Сначала спорила, ухъ какъ, а потомъ начала умолкать [3]), [и] совсѣмъ даже примолкла, только глаза ужасно открывала, [слушая] [3а]) большіе большіе такіе глаза, внимательные. И ..и кромѣ того вдругъ увидѣлъ улыбку [4]) такъ этакъ повыскочила [5]) улыбочка, молчаливая, нехорошая, и откуда взялась, тогда взялась [5а]). Такъ вотъ ты какая думаю. Понимаю твою улыбку: „Дескать касса-то судъ?“ Вотъ она въ чемъ улыбка. А на счетъ кассы я приготовился.

Какъ вы думаете? [6]) Сталъ объяснять, защищаться — ничуть? Ни слова. Гордое молчаніе [7]). Видите ли [8]): я зналъ [9]) что женщина да еще шестнадцати лѣтъ [,] не можетъ не подчиниться мужчинѣ [10]), въ женщинахъ нѣтъ оригинальности [и], это [11]) — это

---

[1]) *над зачеркн.*: А

[2]) я *из*: к

[3]) *над словом*: умолкать *вставка*: при, *линия ее соединяющая проходит по букве у, ее зачеркивая, получается*: примолкать; *п. т.*

[3а]) *в п. т. восстановлено это слово*

[4]) *исправл. из*: улыбка

[5]) *исправлено из*: и соскочила

[5а]) *здесь в п. т. кончается 3-е подраздел.; 4-е же начинается с описания обстановки и установленного им уклада жизни, в рукописном же тексте последнее отнесено к последующему делению, в п. т. известному под заглавием* „Кроткая бунтует“. *Здесь расхождение между редакциями рукописной и печатной кардинальное; оно сказывается как в количестве мотивов, так и в размещении их: 3-е деление, рукописного текста в печ. тексте распадается на два: 3-е и 4-е.*

[6]) *Вначале идет вставка надстрочная*: „Какъ приготовился“. *И тут же вставка на л. п в уровень со строкой*: „Чѣмъ приготовился вы дума(ете)

[7]) *Здесь вертикальная небольшая линия, которой обычно зачеркивает; однако здесь она между слов, почти их не задевая.*

[8]) *вст. на л. п. густыми чернилами и более крупным почерком*: „Я ужасно тупъ сталъ. Никакъ я не могу этого сразу высказать * и все возвращаюсь * То-то больное-то мѣсто.

[9]) *Над словами*: я зналъ *стоит*: Видвте; *надо полагать, что оно должно им предшествовать*: видите я зналъ

[10]) *вст. над строкой, место определяем по смыслу*: „Позвольте еще, вы спросите зачѣмъ“; *слово*: зачѣмъ *исправлено как будто из какого-то другого слова.*

[11]) *над словом* это *вставка*: же

аксіома[1] **даже и теперь; даже и теперь для меня аксіома!**[2] **Что же [такое, что она]**[3] **тамъ въ залѣ**[4] **— истина есть истина**[5]. **Женщина**[6] **любящая — о! женщина любящая даже пороки, даже злодѣйства любимаго существа обоготворитъ. Онъ самъ не подыщетъ своимъ злодѣйствамъ такихъ оправданій какія она ему найдетъ**[7]. **А въ любви ея**[8] **я былъ**[9] **увѣренъ. Любовь то эту я и хотѣлъ пересоздать**[10], **переформировать. Вѣдь бросалась же она мнѣ и тогда послѣ всѣхъ моихъ**[11] **мыслей, на шею. О, она [любила, любила]!**[12] **и долго еще потомъ любила. [А] главное**[13]

---

[1]) *сверху вст.*: я былъ такъ увѣренъ

[2]) *в уровень с двумя строками, начиная от слова*: „въ женщинахъ“ *и до этого места, на левом поле зачеркнутая вставка*:

[женщина тѣмъ и потеряла, что она неоригинальна] *Мы указываем на эту вставку здесь, отнюдь ее сюда не прикрепляя; по контексту она может быть отнесена и к следующей соседней с ней вставке*; см. прим. 5.

[3]) *Над зачеркн. вставка*: что вы мнѣ покажете, на то что тамъ

[4]) *под строкой ближе к слову*: залѣ *вставка*: на двухъ столахъ

[5]) *вставка на л. п.*: [Вѣдь оригинальности въ женщинѣ нѣтъ] это всѣмъ извѣстно * и * Тутъ самъ Милль ничего не подѣлаетъ; подѣлаетъ *переделано из*: поможетъ *в н. т. осталась последняя фраза, начиная от*: и тутъ ... и т. д.

[6]) *Впереди вставка*: А

[7]) *Здесь вставка на л. п.*: „Это великодушно, но — не оригинально. Неоригинальность то и погубила женщинъ“. *Под словом*: погубила *стоит слово*: Да; *а в уровень со всей вставкой у самого края еще одна*: „О, женщину погубила одна лишь не оригинальность“.

Затем вставка первая продолжается так: „И чтожъ что вы мнѣ укажете тамъ [на столѣ], * въ залѣ * Да развѣ это оригинально! * что тамъ въ залѣ *. Развѣ это оригинально! [О — о] подражаніе“. *Над зачеркнутыми* *Опять*: О — о.; *второе* о *зачеркнуто. Под последними словами проведена толстая горизонтальная линия, а под ней написано* „Гдѣ мои мысли!“

[8]) *Здесь над строкой три разрозненных буквы, слова не образующие*: о к и

[9]) *вст.*: тогда

[10]) *вст. в уровень со строкой на л. п.*: и

[11]) *испр. из какого то другого слова.*

[12]) *здесь над зачеркнутым* [еще долго потомъ] *дальше идет вставка на л. п., тоже зачеркнутая*: [Вѣдь вѣдь же она любить, Да, вотъ то. Это такъ. А я... Нѣтъ не могу продолжать у меня духъ захватываетъ].

Вставка дальше: „(былъ у ней, Лукерья не спитъ. Эти ломберные столы ... [Еслибъ] Я вотъ что хочу: я хочу псалтырь читать. Но по славянски не умѣю и псалтыря нѣтъ. послать въ церковь; ночь. Господи лучше не думать, лучше бы не думать)“.

В незачеркнутой части вставки слово: читать *написано не в строку в виду того, что пришлось обойти 5 слов, сюда безусловно не относящихся, написанных другими чернилами и перечеркнутых* [хорошо, что самъ себѣ и]. *Кроме того под вставкой с правой ее стороны крупная цифра*: — 4); *с левой же стороны она охвачена круговой линией, над которой сбоку цифра*: 2. *Эти цифры мы так объясняем*: 4 *обозначает то деление 1-й главы, куда нужно отнести вставку, а* 2 *обозначает*

въ томъ, что [тутъ] [1]) и злодѣйствъ не было никакихъ, которымъ [2]) бы ей пришлось пріискивать оправданія. [Главная моя мысль была чтобъ не мямлить, не лизаться въ самомъ началѣ, [з р] [3]) не просить прощенія ни въ чемъ, не оправдываться, а р — разомъ поразить воображеніе! Сшибить его, испугать его если надо, [Даже] [4]) тѣмъ [5]) лучше] [6]).

Напримѣръ [7]), закладчикъ? [7a]) а чтожъ что закладчикъ? — Значить есть же причины к ль великодушнѣйшій [человѣкъ] [8]) сталъ закладчикомъ. Видите, господа, есть идеи... т.-е. видите-ли, если иную идею произнести, выговорить [9]) [и] выйдетъ ужасно глупо. Тотчасъ смѣшно и стыдно выйдетъ само у [10]), А почему? Ни почему [11]). По моему что мы всѣ дрянь и [12]) не выносимъ [13]). Я сказалъ сейчасъ — великодушнѣйш(ій) человѣкъ сталъ закладчикомъ — и понялъ что глупо. А между тѣмъ вѣдь оно такъ и было. Вѣдь это правда [14]), [вѣдь это] [15]) самая [16]) правденская правда! Именно великодушный. Я имѣлъ право захотѣть себя [17]) обезпечить и открыть эту кассу. „Вы отвергли меня, вы, люди то есть, вы прогнали меня съ презрительнымъ молчаніемъ на мой страстный порывъ къ вамъ [18]). Теперь я стало быть вправѣ оградиться отъ

то, что ее следует поместить в самом конце этого деления после слов: „на виновата, она виновата". *В нашем варианте после этих слов следует:* „Былъ у ней", *а абзац начиная от слов:* „Вы думаете, я ее не любилъ... *до:* „она виновата", *как раз и обведен точно такой же круглой линией, над которой сбоку цифра:* 1. *См. конец главы.*

[1]) г *исправлено в* Г, *очевидно после того, как было зачеркнуто* А *Над словом:* главная *цифра:* 1 *и от нее линия ведет к словам:* „А въ любви ее" *где стоит цифра:* 2: *м б. это указание на перемещение местами? Однако в н. т. порядок остался не измененным. Перед перечеркнутым* А *над словом* любила *начинается линия, идущая вертикально вниз до строки, на которой написано:* „виноградникахъ въ своемъ имѣніи"; *см. дальше.*

[1]) *над зачеркн.:* тогда

[2]) *Здесь опять над словом:* которым, *цифра 2.*

[3]) *очевидно должно было быть:* а разом

[4]) *над зачеркн.:* и

[5]) *вст.:* даже

[6]) *см. начало наброска 3 на листе 5. Воспроизводя его здесь почти дословно, Д. однако его зачеркивает.*

[7]) *В уровень со строкой, начинающейся словом:* напримѣръ, *на л. н. вставка перечеркнутая:* [Да и въ чемъ прощенія просить?]

[7a]) *под знакомъ? поставленъ:*

[8]) *Над зачеркн.:* изъ людей

[9]) *вст.:* словами, то

[10]) *вст.:* только что вы вы говорите

[11]) *вставка потом перечеркнутая:* [или я ужъ незнаю] *См. прим. 13.*

[12]) *вст. под строкой:* правды

[13]) *вст.:* «или я ужъ не знаю»; *н. т.*

[14]) *вст.:* была

[15]) *над зачеркн.:* т. е.; *н. т.*

[16]) *вст.:* самая; *н. т.*

[17]) *вст.:* тогда; *н. т.*

[18]) *вст.:* «вы отвѣчали мнѣ [страшной] обидой"; *н. т.*"... „обидой на всю мою жизнь".

васъ стѣною, собрать эти тридцать тысячь рублей [1]) и окончить [2]) жизнь гдѣ нибудь въ Крыму, на южномъ [3]) берегу, въ горахъ и виноградникахъ, въ своемъ имѣньи, купленномъ на эти тридцать тысячь, [(благо теперь еще имѣнія дешевы)] и (вдали) главное вдали отъ всѣхъ васъ, но безъ злобы на васъ [4]), всѣхъ прощая, съ идеаломъ въ душѣ, съ любимой [5]) женщиной, съ семьей если Богъ пошлетъ и—творя всѣмъ добро [за вынесенное отъ васъ зло], помогая окрестнымъ поселянамъ. — Разумѣется хорошо, что я это самъ теперь про себя говорю, а то вѣдь [какъ] глупо [6]). [Именно глупо, передъ самимъ собой даже]. [А почему, почему? потому что трусы и человѣконенавистники! Правды о ближнемъ не выносимъ!] [7]) [Ну такъ] [8]) могъ-ли я [9]) передъ ней говорить, ей оправдываться? [Да]. Господи! Шестнадцать-то лѣтъ, первая молодость, да что она [пойметъ] [10]) поняла бы изъ моихъ оправданій [11]), изъ моихъ страданій? [меня] [12]) подвигшихъ на кассу ссудъ [13]). Ей главное — касса ссудъ и баста! [Просить прощенія, что закладчикъ затѣмъ ее заставить просить, или [14]) начать въ другомъ тонѣ, [15]) потворствомъ хвалить себя „дескать прямо великодушный человѣкъ — тогда она можетъ [16]) со смѣху. А потому [17]) гордое молчаніе] [18]) Суровъ, гордъ и въ нравственныхъ утѣшеніяхъ ничьихъ

---

[1]) *вст.*: „которыя положилъ собрать"

[2]) *после* к *о переправлено из*: у

[3]) *перепр. из*: южнымъ

[4]) *вст.*: безъ злобы

[5]) *вст.*: у сердца; *н. т.*

[6]) *здесь была вставка после слова*; „какъ": бы, *а после* „глупо" вышло, *оно перечеркнуто*, и глупо *переправлено в*: глупѣе. *Дальше идет вставка на л. п.*: „быть ничего не можетъ если въ слухъ сказать"; *она тоже перечеркнута, и в конце концов дана такая редакция* „а то что могло быть глупѣе еслибъ я это въ слухъ ей тогда же сказалъ [Да] и объяснять нечего"; *н. т. вместо*: сказал-расписалъ

[7]) *Здесь была вставка перечеркнутая*: [А между тѣмъ это все была правда]

[8]) *под зачеркн.*: ну, *которое тоже зачеркнуто, и в уровень со строкой на левом поле*: Н

[9]) *вст. под строкой*: стало быть

[10]) *над перечеркн.*: поняла бы

[11]) *над первыми буквами виднеются одна или две буквы, б. м.*: ей

[12]) *над зачеркн.*: прямолин(ейно)

[13]) *Здесь вставка в самом низу листа, двумя линиями ведомая сюда*: „и тогда еще тогда, когда я передъ ней въ обидномъ чинѣ благодѣтеля!"

[14]) *в правильности прочитанного не уверены — густо перечеркнуто.*

[15]) *виднеется вставка*; т. е.

[16]) *см. прим. 14; над этим словом надписано тоже перечеркнутое слово, которое мы прочитываем*: покатилась *и вставка*: бы

[17]) *вст.*: и

[18]) *Все место взятое в прямые скобки густо перечеркнуто. Правка начинается над первой же зачеркнутой строкой, к ней тянутся вставки на левом поле и в самом низу под текстом; цифрами: 1, 2, 3, 4 указана их последовательность, приближающая все это к окончательному печатному тексту; начинается так:* „прямолинейность,

не нуждается [1])! Страдаетъ молча. Увидитъ потомъ [2]) что тутъ было великодушіе, но только она не съумѣла замѣтить [3]) и [тогда въ десятеро] [4]) станетъ цѣнить. Не правда-ли? Не правда-ли? [Но до этого-то и надо было довести ее, чтобъ развилась [5]), сознала и сама догадалась. Вотъ задача [6]). О, я былъ [7]) гордъ, |и| [8]) даже не разсказалъ ей изъ моей исторіи, изъ моихъ страданій почти ничего. Это [9]) я можетъ быть худо сдѣлалъ [10]) что тогда не разсказалъ [11]) про жизнь].

Листъ 8[а]).

юность [нравственность и убѣжденіе что добродѣтель]; *две горизонтальные черточки указывают продолжение этой вставки на левом поле*: [человѣческая ничего не стоитъ и такъ легка]. *Все взятое в прямые скобки перечеркнуто. После оставшегося не перечеркнутым слова*: юность *двойной кружок*: ◯ *ведущий к следующей вставке на л. п.*: „незнаніе жизни и юныя дешовыя убѣжденія! О, какъ ужасна правда на землѣ!“ *Здесь цифра* 1 *и линия идет к другой вставке в самом низу на л. п., обозначенной цифрой* 2: „Эта прелесть, эта кроткая, это небо — она была тиранъ! Нетерпимый тиранъ и мучитель!“

Дальше вставка за цифрой 3, окаймленная со всех сторон линиями, над верхней—крупным почерком: здѣсь; *вставка гласитъ*: „Вѣдь я наклевещу (*подчеркн. Д*) на себя если [такъ!] Этого не скажу! [О, не я виноватъ, за то что тамъ въ залѣ. Не я виноватъ! правда, скверно что я ничего]

И наконец последняя вставка в самом низу за цифрой 4 перед которой стоит буква „и“. „Нѣтъ я тогда заключился въ молчаніе, въ гордое молчаніе! Не прощеніи же мнѣ было просить у ней за всю мою жизнь, за всѣ вынесенныя мною страданія!“

Под цифрой 5 уже в тексте обозначена еще одна вставка: над словами: суровъ, гордъ... — „Нѣтъ. И такъ гордое молчаніе насчетъ кассы“.

[1]) *вст.*: — вотъ фигура!

[2]) *вст.*: сама

[3]) *вст.* „даже ѣдкія насмѣшки а-ля Мефистофель“ — *в правильности последнего слова не уверены*

[4]) *вст.*: „какъ догадается подъ конецъ что не съумѣла замѣтить, то въ десятеро“

[5]) *вст.* И, *в связи с этим перед*: сознала *зачеркнута запятая.*

[6]) *вст.*: „Вотъ вся моя система!“

[7]) *вст.*: столь

[8]) *над зачеркнутым*: что

[9]) *впереди вст.*: И

[10]) *вст. под строкой*: ничего

[11]) *Все это место перечеркнуто не сплошь, а двумя линиями, расходящимися под углом. Над первыми зачеркнутыми словами вставка.* „Вотъ задача. Впрочемъ можетъ быть худо сдѣлалъ“.

а) *Ср. с печатн. текстом; все, развивающиеся до конца подразделения, новые мотивы и вариации на мотивы уже бывшие в п. т. отсутствуют или сведены до минимума. Здесь сравнительный анализ рукописной и печатн. редакций особенно поучителен: расхождение между обоими редакциями по обыкновению не в сюжетном развитии, а преимущественно в психологической разработке. Тоже мы наблюдаем и при анализе всего 3-го подразделения,*

Она даже въ худую сторону приняла что я прячусь [хоть отчасти, хоть потрясая картинами]. [Все равно же] [1]) сама [2], потомъ все узнала, изъ подъ руки [3]), пересказана [3а]) чужихъ, въ комическомъ видѣ, о въ какомъ унизительномъ видѣ! [И даже] [кажется] [4]) еслибъ она невѣстой еще узнала, то [не] вышла бы [5]) за меня! Нѣтъ надо было разсказать самому... [6])

Но я вѣдь былъ самъ въ упоеніи, именно въ упоеніи гордости, а потому и молчалъ какъ Юпитеръ [7]). Я зналъ напримѣръ что передъ ней растетъ вопросъ какъ гора съ каждымъ днемъ: „Для чего же такой женится"? [8]) Но я [9]) молчалъ, [я гордо молчалъ], я хотѣлъ чтобъ она сама отыскала [правду] [10]) и сама догадалась: „А вотъ дескать для того и женится чтобъ тебя [11]) осчастливить, облагодѣтельствовать [меня], спасти [меня] [12]), изъ ямы [помойной [13]) спасти], изъ [14]) ямы позора... Ну, скажи я это ей [15]) что бы вышло? [А вѣдь оно такъ и было, я именно захотѣлъ спасти] [16]) О, конечно, я женился и для себя: потому что [кроткую нашелъ] юную [17]) неиспорченную [18]), изъ которой могъ наконецъ создать себѣ друга. Но развѣ [это] не позволительно [19]).

---

[1]) *Вст. над зачеркн. и тоже зачеркнутая:* [А то она]

[2]) *вст.:* же

[3]) *здесь знак вводящий обыкновенно какую-нибудь вставку; на листе 8 вставки под таким знаком нет.*

[3а]) *Слово прочит. приблизительно,*

[4]) *с правой стороны в уровень с зачеркнутым:* и даже *вставка:* „Въ такомъ чтобъ"

[5]) *вст. на пр. п.:* „за купца, а не"

[6]) *Строка не полная, в виду абзаца; другими чернилами и более мелким почерком, идет вставка:* „Такъ хоть отчасти, потрясая картин(ами)"

[7]) *Вст. на пр. п.:* „Суровъ гордъ страдаетъ молча". *Сюда же линией подведены еще два слова:* „О, подлецъ!"

[8]) *Вст.:* Вопросъ оскорбительный, очень унизитель(ный)

[9]) *вст. на пр. п.:* „и тутъ"

[10]) *вст.:* для чего [женится]

[11]) *переправ. из:* меня

[12]) *над зачеркн.:* тебя

[13]) *перепр. из:* помойный

[14]) *вст.:* помойной

[15]) *вст. на пр. п.:* „тогда словами, что бы было".

[16]) *вст. на пр. п. зачеркнутая:* [между тѣмъ это правда была

Дальше вставка более мелким почерком:

„Въ томъ-то и штука была что я молчаніемъ говорилъ а не словами [я сказалъ], все сказалъ, но молчаніемъ!"

Здесь впереди зачеркнутых: я сказалъ *другими чернилами написано* я вѣлъ ихъ *и теми же чернилами под тупым углом к словам:* но молчаніемъ *приписано:* молчалъ я.

Дальше идет под уклоном вправо и ближе к правому краю зачеркнутые: [я молчаніемъ говорилъ]. *Наконец две круглых линии перекрещенные ведут сюда еще одну вставку:* „и вышла г упость [тогда какъ было великодушіе] вмѣсто великод(ушія)"

[17]) *вст. зачеркнутая:* [нашелъ]

[18]) *вст.:* душу нашелъ

[19]) *вст.:* пожелать себѣ счестья даже

при великодушномъ поступкѣ? [Неужели нельзя себѣ собственнаго счастья пожелать въ такомъ дѣлѣ?] [Именно въ великодушномъ дѣлѣ] [1]): [Увидѣлъ [2]) несчастную погибавшую, и не могъ пройти мимо не протянувъ руки, и пожертвовалъ своею [3]) судьбою]. [4]) [и не требуетъ благодарности: хочешь люби его, хочешь нѣтъ, а онъ долгъ исполнилъ. Но главное пусть сама догадается! такъ я тогда рѣшилъ. Я это все выдумалъ тогда ходя] [5]). [Ну а] Потомъ [6]), потомъ думалъ я, потомъ, когда юная, цѣломудренная гордость будетъ [достаточно] побѣждена, [7]) (великодушіемъ побѣждена!) потомъ [8]) и я ей покажу мои чувства [тогда, но только [9])... тогда допущу ее заглянуть въ мое] [10]) сердце вполнѣ и она бросится [въ мои объятія] [11]) [И это было бы прочнѣе чѣмъ еслибъ я сталъ оправдываться!] [Вотъ какъ я мечталъ!] [Да и [12]) не мечталъ вовсе,] [Такъ оно и было съ самого начала и до сихъ поръ.] [Я съ самого начала любилъ ее какъ мое созданіе, которому далъ свѣтъ и жизнь!] Вы думаете я ее не любилъ! Кто можетъ сказать что я ее не любилъ. О [о]! Видите-ли [13]) тутъ иронія, тутъ [14]) злая иронія судьбы [15]) и природы! Мы прокляты, [наша] жизнь [16]) проклята! [17]) Я вѣдь понимаю [18]) теперь что я

[1]) *вст.*: [А великодушный] поступокъ дѣйствитель(но) былъ
[2]) *испр. из*: увидалъ
[3]) *испр. из*: своей
[4]) *вст.*: пожертвовалъ; *общей линией, перечеркивающей все эти фразы, перечеркнуто и это слово; мы не берем его в прямые скобки, т.-к. отдельно, как все другие, оно не перечеркнуто*
[5]) *Здесь вставка на пр. поле, которую ведут две линии: одна к началу первой перечеркнутой фразы, другая сюда*: „И что же изъ всего это(го) великодушія она поняла, что я взялъ ее, что бъ *было* хоть надъ кѣмъ нибудь, за прошлое несчастье, потѣшаться! Вотъ какъ она поняла! А я то все ждалъ какъ дуракъ.
[6]) П *испр. из* п
[7]) *вст. на л. поле другими чернилами*: „и усмирена"; *обычными же чернилами над словом*: великодушіемъ *вст.*: т. е.
[8]) *вст.*: уже
[9]) *переделано из*: тогда; *следующее слово не разобрано; б. м.*: есть(?)
[10]) *над зачеркнутыми идет такая редакция*: „сокровищницу моего (*очевидно пропущено*: сердца) и увидитъ она что это не сердце, которое она такъ обижала и"
[11]) *над зачеркн.*: „передо мной во прахъ" *Дальше идет вставка на пр. поле*: „Во прахъ а я протяну объятья! О я съ самаго начала полюбилъ ее какъ мое созданіе". *Очевидно, вставка была сделана после того, как зачеркнуты были следующие фразы.*
[12]) *вст*: вовсе
[13]) *здесь над*: ли *и в уровень со словом предыдущей строки*: Кто *союз*: и
[14]) *вст.*: вышла
[15]) ы *над буквой* м *или* ом
[16]) *вст.*: людей
[17]) *иным почерком вст.*: вообще
[18]) *вст.*: же

въ чемъ-то [1]) ошибся! [Вотъ] [2]) Тутъ что-то [3]) вышло [4]). Все было ясно, планъ мой былъ ясенъ какъ небо, но я что-то не съумѣлъ [5]) сдѣлать. Что то я тутъ или забылъ или упустилъ извиду. [Просто не съумѣлъ вотъ и все]. Но довольно, довольно! И у кого теперь прощенія просить? Кончено, такъ кончено. [Не такъ ли? Вѣдь не такъ ли?] Смѣлѣй человѣкъ [!] и будь гордъ! Не ты виноватъ, [а...]

[———][6])

Что жъ я скажу правду, я не боюсь стоять передъ правдой: Она виновата, она виновата!

Былъ у ней [7]).

Листъ 9[a])

4.

Нѣтъ, къ черту стоны. [Я хочу все припомнить. Надо скрѣпиться и припомнить. О, я вытяну въ нитку... И тогда увидите тогда [8]) увидите! [9])

Кто [10]) у насъ [11]) первый началъ? Никто. Само началось, съ перваго шагу. Я сказалъ что я ввелъ ее въ домъ подъ строгостью и однако съ перваго шагу смягчилъ. Еще невѣстѣ ей объявилъ что она займется [выдачей] пріемами закладовъ и выдачей денегъ, и она вѣдь тогда ничего не сказала [12]). Мало того — принялась за дѣло даже съ усердіемъ. Ну, конечно, квартира, мебель — все осталось по прежнему. Квартира — двѣ комнаты одна большая зала, гдѣ отгорожена и касса, и другая [13]), большая,

---

[1]) *вст.*: тутъ

[2]) *густо зачеркнуто; м. б.*: Весь

[3]) *вст.*: нетакъ

[4]) *вст. более мелким почерком*: при самыхъ добрыхъ намѣреніяхъ

[5]) *вст.*: тутъ

[6]) *Дальше было стояла линия под строкой, означающая конец главы, но потом перечеркнута.*

[7]) *Все это место, начиная от слов*: „Вы думаете я ее не любилъ" *и до конца обведено с правой стороны выпуклой линией под цифрой* 1 *см. прим. 12 к листу 7 (стр. 464 и д.).*

a) *Весь этот абзац, как и последующий, до*: „ссора началась" *в п. т. помещены в предыдущем 4-м подразделении; ср. 5 подразд. печ. текст.*

[8]) *Вст. под стр.*: все

[9]) *Сверху над зачеркн. начинается вставка и переходит на пр. поле*: „Слушайте какъ это было "по фактамъ" и вы сами увидите что я правъ [*но*] *Главное* Еслибъ только можно было это пересказать!"

[10]) *Слову*: Кто *предшествует вставка на л. поле в уровень со строкой, написанная другими чернилами*: „слушайте;" *п. т.*

[11]) *вст.*: тогда; *п. т.*

[12]) *вст. др. черн.*: „(Это замѣтьте)"; *п. т.*

[13]) *вст.*: „тоже"; *п. т.*

наша комната, одна [1]). Мебель [2]) – скудная. Да [3]) у тетокъ была лучше. [Въ] кіотѣ [4]) всегда горящая [5]) лампадка. У меня шкафъ и въ немъ нѣсколько книгъ и укладка [Сундукъ въ моей комнатѣ и] ключи у меня. Еще невѣстѣ сказалъ что на наше содержаніе [6]), (мнѣ, ей и Лукерьѣ, которую я переманилъ) опредѣляется [7]) рубль и не больше. „Мнѣ нужно тридцать тысячь въ три года, а иначе денегъ не наживешь“. Она не протестовала, но я самъ возвысилъ содержаніе на тридцать копѣекъ. Тоже и театръ. Я сказалъ невѣстѣ что не будетъ театра, и однакожъ положилъ разъ въ мѣсяцъ театръ, [въ мѣстахъ за] креслами [8]). Ходили вмѣстѣ, были раза три: Смотрѣли: Въ погоню за счастьемъ и птицы пѣвчія кажется. (о наплевать, наплевать!) Молча ходили и молча возвращались. И почему, почему мы съ самого начала принялись молчать? [И когда] Сначала ссоръ не было, и [9]) тоже молчали. Она все какъ то, помню тогда, [10]) приглядывалась [11]). Я усилилъ молчаніе. Разъ или два былъ порывъ [12]), бросилась обнимать меня; но такъ какъ порывъ былъ болѣзненный, истеричный, а мнѣ надо было твердаго счастья, то я принялъ холодно. [Что же], [13]) послѣ порывовъ [то и начиналась еще пуще] [14]) ссора.

То есть ссоръ не было, но [15]) было молчаніе, и — и все больше и больше дерзкій видъ съ ея стороны [16]). Да, это кроткое лицо становилось все дерзче и дерзче. Вѣрите-ли, я ей становился поганъ. [О, я все] [т. е. нравственно, физически недумаю. Но что] [17]) она выходила порывами изъ себя, въ этомъ не было сомнѣ-

---

[1]) *вст. над двумя последн. словами*: тутъ [и укладка, тутъ и спальня] *н. т.*: наша комната, общая, тутъ и спальня

[2]) *вст. под стр.* моя; *н. т*: у меня

[3]) *вст. над*: Да—же, *получается*: Даже

[4]) *исправ. в.*: кіотъ.

[5]) *вст. перед словом*: лампада, „с“, *а над словом*: „Это в залѣ“: *н. т*: „кіотъ мой съ лампадкой, это в залѣ гдѣ касса“.

[6]) *вст. зачеркнутая, между словами*: „наше“ и „содержаніе“ *скорее относится к первому*: [т. е. п]; *над словом*: содержаніе *вставка*: „т. е. на пищу;“ *а над следующим словом* мнѣ — *зачеркнутое*: [т. е.]

[7]) *вст.*: „въ день“; *н. т.*

[8]) *вст.* „ и прили(чно) въ кресл(ахъ)“; *н. т.*

[9]) *исправл. из*: а

[10]) *вст.*: „особенно“

[11]) *вст.*: „исподтишка“; *дальше линия ведет к вст. на пр. поле*: „и опять таки это улыбка“ *сюда же по смыслу относится вставка несколько выше*: „и какъ то я замѣтилъ что приглядывается но“ *очевидно дальше*: но усилилъ молчаніе; *н. т.*: изъ-подтишка на меня глядѣла; я какъ замѣтилъ это и усилилъ молчаніе“

[12]) *вст.*: „но только въ самомъ началѣ“.

[13]) *над зачеркнутым, тоже зачеркнутое*: [По] *а дальше вставка*: „порывы утихли да и оба раза“

[14]) *над зачеркн.*: „и разгоралась“

[15]) но *из*: а

[16]) *вст.*: „Бунтъ и независимость — вотъ что было. Только она не умѣла.“; *н. т.*

[17]) *над зачеркн.*: „— Въ томъ что“ *На л. поле другими чернилами и*

нія. [Какъ] [1]) Напримѣръ [2]), выйдя изъ такой грязи и нищеты и позора, послѣ мытья-то половъ [(а это было у нихъ)] — начать [3]) фыркать на нашу бѣдность [4])? Т. е. не на бѣдность, видите-ли, а на мое [5]) скаредство: „цѣли дескать имѣетъ, твердый характеръ показываетъ!" Отъ театра [6]) сама отказалась. И все пуще и пуще насмѣшливая складка. А я усиливаю молчаніе, а я усиливаю молчаніе.

Не оправдываться-же? [7]) Бѣдность была, ну а въ чемъ надо [8]) роскошь въ бѣлье [9]) напримѣръ, въ чистотѣ. [Я впрочемъ] [10]) всегда мечталъ что чистота въ мужѣ прельщаетъ женщину [11]) [но пустяки, пустяки!] [12]) Ссора [13]) [наши] начались [изъ за кассы] [14]) Она вдругъ вздумала [принимать] выдавать деньги по своему, цѣнить вещи свыше, и даже раза два удостоила со мной вступить въ споръ. Я не согласился, [и она разъ, или два выронила по ѣдкому словечку.] Но тутъ подвернулась эта капитанша [15]).

Пришла старуха капитанша съ медальономъ; покойнаго мужа подарокъ. [16]) Я выдалъ тридцать рублей. [Такъ] Принялась [17]) жалобно такъ просить чтобъ сохранили вещь Разумѣется [18]) [не пропадетъ] [19]). Ну, однимъ словомъ, вдругъ черезъ пять дней прихо-

---

почерком вдоль три слова: „отвѣчу какъ то"; *нельзя установить по смыслу их место — знака указывающего нет.*

[1]) *над зачеркн.*: Ну какъ

[2]) Н *из* н

[3]) *вст.*: „вдругъ"; *н. т.*

[4]). *Здесь знак, указывающий на какую-то вставку, которой на данном листе под таким знаком нет.*

[5]) *вст.*: де

[6]) *вст.*: вдругъ; *н. т.*

[7]) *вст. другими чернилами и почерком*: „Тутъ главное [опять же эта касса ссудъ. Позвольте-съ"; *н. т.*

[8]) *вст.*: „и"

[9]) *орфография здесь Достоевского*

[10]) *Здесь вставка начинается над зачеркнутым и продолжается на пр. поле*: „У тетокъ была грязь и грязь и одна грязь, и физическая и нравственная. Но я, я всегда мечталъ"

[11]) *исправлено в*: „жену;" *н. т.*

[12]) *Над зачеркн.*: „Впрочемъ глупости" *Дальше вставка продолжается начиная на л. поле и продолжаясь между строк, почерком более крупным*: „Стыдно вспомнить даже".

[13]) а *испр. из*: ы

[14]) *Здесь вначале вставки под строкой тоже зачеркнутая*: [ссуд] *затем над зачеркнутым*: изъ-за: „съ", *а над зачеркнутым*: кассы „того что"; *н. т.*

[15]) *Над всем этим местом начиная от*: Ссора *до*: капитанша. *на л. п. три толстых наклонно к тексту черты*: ///, *и крупным почерком под последней чертой*: здѣсь. *Мы затрудняемся объяснить смысл всего этого; м. б. так обозначается начало нового деления, 5-го*: „Кроткая бунтуетъ".

[16]) *вст.*: „Ну извѣстное": *н. т.*: „ну, извѣстно, сувениръ

[17]) П *из* п

[18]) Р *из* р; *запятая перед этим словом перечеркнута.*

[19]) *Над зачеркн.*: „сохранимъ"; *н. т.*

дитъ обмѣнять на браслетъ, который не стоитъ[1]) восьми рублей. Я разумѣется отказалъ. Должно быть она увидѣла[2]) по глазамъ ея. [что можно] но только она пришла безъ меня и — [она][3]) выдала [ей] медальонъ. Узнавъ въ тотъ же день я заговорилъ кротко, но твердо и резонно. Она сидѣла на постели [ея и д][4]) смотрѣла въ землю[5]) и дурная улыбка [зашевелилась][6]) на [ея] губахъ[7]). Тогда я [очень разгорячился, но вовсе][8]) не возвышая голоса[9]) объявилъ: что деньги *мои*, что я имѣю право смотрѣть на жизнь моими глазами — и что когда я пригласилъ ее къ себѣ въ домъ, то ничего[10]) не скрывалъ[11]) отъ нея.

Она вдругъ вскочила, [она] вдругъ[12]) затряслась и[13]) затопала на меня ногами, это былъ звѣрь,. это былъ припадокъ, это былъ звѣрь въ припадкѣ. Я [остолбенѣлъ][14]) отъ изумленія[15]), я никогда не ожидалъ. Но я не потерялся, я даже движенія не сдѣлалъ, голоса не возвысилъ, [я][16]) прямо объявилъ что съ[17]) сихъ поръ лишаю [ее] участія въ моихъ занятіяхъ. Она захохотала и вышла изъ квартиры.

Дѣло въ томъ что выходить изъ квартиры она не имѣла права. Безъ меня — никуда, таковъ былъ уговоръ еще въ невѣстахъ. Кстати замѣчу, что я совершенно прервалъ съ тетками: и ее къ нимъ не пускалъ и ихъ не пускалъ къ себѣ. Къ вечеру она [пришла][18]); я ни слова. На ночь легла на диванѣ[19]).

---

1) *вст.*: „и"; *н. т.*

2) *вст.*: „что нибудь"; *н. т.*

3) *Над зачеркн.*: „жена"

4) д—*очевидно начало слова*: дурная

5) *вст.*: „щелкая правымъ носкомъ по коврику (ея жестъ); *н. т.*

6) *Над зачеркнутым тоже зачеркнутое*: [заиграла], *а потом на л. п. в уровень со строкой*: „стояла"; *н. т.*

7) *вст. перечеркнутая*: [О, какъ я уже не любилъ тогда эту улыбку]

8) *после зачеркнутого вставка, линией ведомая к*: не возвышая: „вовсе" *н. т.*

9) *вставка, трудно прочитаемая*; *возможно*: моего, *исправленного из*: мой

10) *вст.*: „вѣдь"; *н. т.*

11) *переправ. и*: скрылъ; *н. т*

12) *вст.*: вся; *н. т.*

13) *вст.*: „чтоже вы думаете"; *рядом с этой вставкой слово*: „вдругъ"; *возможно что сюда же относится*; *н. т.*: что бы вы думали

14) *над зачеркн.*: „разумѣется"

15) *вст.*: „остолбенѣлъ"

16) *впереди слова на л. п. вставка*: „а только"

17) *следует густо зачеркнутая буква, кажется*: т

18) *над зачеркн.*: воротилась; *н. т.*

19) *вст. на пр. пол.*: „До тѣхъ поръ всегда спали вмѣстѣ. Бракъ такъ бракъ

Дальше внизу и по всему правому полю по длине листа, тесно, у самого края идут наброски в виде опять же отдельных мотивов, потомъ развивающихся подробно в том же подразделении, в печатном тексте озаглавленном: „Кроткая бунтует". *Порядок последовательности в некоторых случаях обозначен либо цифрами и соответствующими лини-*

Листъ 10.

На завтра тоже съ утра ушла, на послѣзавтра опять. Я заперъ кассу и пошелъ къ теткамъ. Съ ними я съ [1]) самаго [брака] [2]) прервалъ, ни ихъ къ себѣ ни сами къ нимъ. [Объяснились обидно] [2а]. Оказалось что она у нихъ не была. Выслушали меня и мнѣ же насмѣялись въ глаза: такъ вамъ говорятъ, и надо. Я и ждалъ ихъ смѣху, тутъ же младшую тетку дѣвицу за 100 рублей подкупилъ и двадцать пять далъ впередъ. Черезъ два дня она [мнѣ ее разыскала]. [Была такая Юлія Самсоновна, ея подруга въ ш] Приходитъ ко мнѣ: [черезъ два дня:] [и. Я вѣдь знаю что вы одинъ сидите! Тутъ говоритъ офицеръ, Ефимовичъ, поручикъ, вашъ прежній товарищъ. [3]) [офицеръ этотъ] [4]) всего мнѣ болѣе зла въ полку [сдѣлалъ

———

ями, либо только линиями, а в некоторых случаях указание отсутствует.

Поет первый набросок, обозначенный цифрой 1):

„Назавтра тоже съ утра ушла 'на послѣ завтра опять' [Съ тѣхъ поръ пошелъ бунтъ]

Этотъ краткій но быстрый періодъ былъ бунтъ".

Рядом со словом: „бунтъ" *слово:* — „паскуда" — *А под этим словом:*

„братъ ходилъ закладывать"

Под словом: „бунтъ *еще два слова:* характеръ измѣнилъ(ся)" *Отсюда ведет одна линия к такой вставке:* „и сперва былъ не тотъ и потомъ не тотъ. Я сходилъ къ теткамъ. Она у нихъ не была". Она была у подруги. *Здесь же другими чернилами перпендикулярно к слову:* была *два слова:* пошли бунтъ

От тех же слов: „характеръ измѣнилъ" *другая линия ведет к вставке за цифрой 2):* „Она вышла при мнѣ. На другой день вечеромъ она вдругъ заговорила.

Васъ выгнали —

И дальше линия к вставке за цифрой 3): „Пошелъ къ шлюхѣ — 200 рубл(ей)"

Что же касается набросков вдоль длины листа, то они все почти перечеркнуты и носят характер еще более отрывистый: [Нѣтъ думу все припомнить. Надо скрѣпиться и припомнить] •

Ниже под этим: „Видите [мнѣ трудно, это припомнить. Я постараюсь короче А словамъ] — я не пойду туда теперь въ залу я боюсь [ея] моей злобы, [— короче короче —] моей злобы на нее боюсь. Потому что я буду неправъ".

Сюда же линия ведет: „А это покороче ужъ разскажу".

После этого снова возвращение к сюжету:

[Вот что: я сходилъ къ тетка(мъ), потому что в кажд(ый) день
[Отъ тетокъ къ величайш(ему) изумлѣнію узналъ]
[Но тетка взялась разыскать]
[Ефимовичъ]
[офицеръ]

[1]) *перепр. из:* у;

[2]) *над зачеркн.:* „сватьбы"; *н. т.*; 2а) *вст.:* жестоко

[3]) *вст. чернилами другими:* „въ полку замѣшавъ; *н. т.*

[4]) *над зачеркн.:* „Этотъ' *и дальше идет вставка на л. п. почерком более мелким и другими чернилами:* „Я былъ очень изумленъ. Этотъ Ефимов(ичъ)"; *н. т.*:

[5]) *над зачеркн.:* „нанесъ"; *н. т.*

а [недавно], съ мѣсяцъ назадъ, разъ и другой заходилъ [1]) въ кассу подъ видомъ заклада и съ [женой] [2]) ней тогда [началъ] [3]) смѣяться [4]). Я тогда [5]) подошелъ и прямо сказалъ ему чтобъ онъ не осмѣливался ко мнѣ приходить, но мысли объ чемъ нибудь у меня и въ головѣ не было [6]) [А] теперь [7]) вдругъ тетка сообщаетъ, что съ нимъ у ней назначено уже свиданіе и что всѣмъ дѣломъ орудуетъ одна прежняя знакомая тетокъ, Юлія Самсоновна, [8]) [которая] вдова, да еще полковница „Къ ней то дескать ваша супруга и ходитъ теперь".

Эту картину я сокращу. Всего мнѣ стоило это дѣло рублей до трехъ сотъ, но черезъ двое сутокъ устроено было такъ что я [9]) стоялъ въ сосѣдней комнатѣ за припертыми дверями, [а въ другой комнатѣ] и слушалъ [10]) *первое* randez-vous наединѣ моей жены и Ефимовича [11]). [Она была пріодѣта, сидѣла за столомъ, а онъ передъ ней ломался. И чтожъ? Я прослушалъ почти около] [12]) [А] [13]) наканунѣ произошла у меня съ ней одна краткая, но [выразительная] сцена [14])

Воротилась она [15]) вечеромъ, сѣла на постель, смотритъ на меня насмѣшливо и ножкой бьетъ [16]) о коврикъ. [Я впрочемъ] [17])

---

[1]) *исправл. из*: зашелъ

[2]) *возстановлено под строкой друг. чернилами*: „женой".

[3]) *вст. друг. черн.*: „вспомнилъ я"

[4]) *перепр. в*: смѣялся; *очевидно исправил после того как вычеркнул*: началъ; *п. т восстанавляет первую редакцию*: „началъ смѣяться"

[5]) *вст.*: же; п. т.

[6]) *вст. на л. п.*; *начинается она так*: [„предъ Богомъ"]; *она зачеркивается как и следующая*: [просто зналъ,] *и наконец*: а такъ просто дум(алъ) нахалъ"; *п. т.*: ... Подумалъ что нахалъ.

[7]) *вст.*: же: *п. т.*

[8]) *передел. из какого-то имени*: *в роде*: Сомовна *или* Соломовна

[9]) *вст.* буду; *соответств. этому и слово*: стоять *оказалось переделанным из*: стоялъ; *п. т.*

[10]) *испр. в*: слушать

[11]) *испр. в*: Ефимовичемъ; *вставка под союзом* и: „съ поручикомъ". *п. т.*: съ Ефимовичем.

[12]) *Эти зачеркнутые строки, воспроизводящие начало свидания, будут потом восстановлены, после эпизода с разговором об его прошлом. Получается определенное впечатление, что эпизод свидания. Д. прерывается особенно внезапно. Следующее предложение начинается с середины строки, точно намеренно оставлено место, для окончания вдруг прерванной фразы.*

[13]) *Впереди*: А *имеется такая вставка*: „въ ожиданіе же"; *п. т.*

[14]) *идет прежде всего вставка перед словом*: сцена—для меня. *Затем дается вместо зачеркнутого*: „выразительная" — „ужасная"; *оно тоже зачеркивается и заменяется*: „рѣшительная"; *п. т.* слишкомъ знаменательная

[15]) *вст.*: „передъ"; *п. т.*

[16]) *исправл. из какого то слова.*

[17]) *над зачеркн.*: „мнѣ вдругъ; *а дальше вставка продолжается на л. п.*: „смотря на нее, помню это, влетѣла тогда въ голову идея, что"; *в п. т. нет слов*: помню это.

[замѣти(лъ)] что весь этотъ послѣдній мѣсяцъ или лучше двѣ последнія передъ этимъ недѣли, она [была][1]) совсѣмъ не въ своемъ характерѣ[2]); [такъ что я даже тогда дивился.] [Это было][3]) существо буйное, нападающее, безстыдное не могу сказать, но безпорядочное ищущее смятенія. Напрашивающееся, [Ей все хотѣлось, я видѣлъ это, чтобъ я самъ заговорилъ], кротость [мѣша] однако мѣшала. Когда этакая забуйствуетъ, то хоть какъ бы ни перешла[4]) мѣру, а все видно что она сама себя только ломаетъ и что съ цѣломудріемъ и стыдомъ своимъ ей самой, первой, справиться [трудно][5]) Отъ того-то[6]) и выскакиваетъ порой слишкомъ ужъ не въ мѣрку, такъ что невѣришь [глазамъ][7]) Привычная же и развратная душа[8]) всегда съумѣетъ сдержаться[9]). [Видитъ она что я молчу,][10])

— А правда, что васъ изъ полка выгнали за то что вы на дуэль выдти струсили? вдругъ спросила, съ дубу сорвавъ и глаза засверкали. [Узнала, набрала поскребокъ].

— Правда, меня [по] по приговору офицеровъ изгнали изъ полка, хотя [въ] [уже][11]) я самъ[12]) передъ тѣмъ подалъ въ отставку.

— Какъ труса.

— Да, они присудили какъ труса. Но я отказался[13]) не какъ трусъ, а потому что незахотѣлъ подчиниться[14]) тираническому приговору и вызвать[15]) когда не находилъ самъ обиды. Знаете, не удержался я, что возстать[16]) противъ [этой][17]) тираніи[18]) [болѣе] значило выказать[19]) болѣе мужества, чѣмъ въ какой хотите дуэли

---

1) *над зачеркн.*: „стала"
2) (;) *переделана в* (:), *очевидно после того, как была зачеркнута следующая фраза.*
3) *над зачеркн.*: „явилось"
4) *испр. в*: „переходила"
5) *над зачеркн.*: невозможно; *н. т.*
6) *вст.*: этакая; *н. т.*: этакія
7) *над зачеркн.*—„факту", *а на л. п. следующая вставка*: „[фактъ] и собственному наблюдающему уму" *н. т.*: „не вѣрить собственному наблюдающему уму"
8) *вст.*: напротивъ; *н. т.*
9) *вст. под строкой*: „въ нѣкоторомъ видѣ порядка"
10) *над зачеркн.*: „Сидитъ она и бьетъ ножкой"
11) *испр. из я, повидимому, было*: я же; *над зачеркн. более мелким подчерком*: „впрочемъ"; *н. т.*
12) *вст.*: „уже"; *н. т.*: впрочемъ я самъ уже
13) *тем же мелким подчерком вст.*: „отъ дуэли"; *н. т.*
14) *вст.*: „ихъ"; *н. т.*
15) *вст.*: „на дуэль"; *н. т.*
16) *вст.*: „дѣйстві(емъ)"; *н. т.*
17) *над зачеркн.*: „такой"
18) *вст. на л. п.*: „принявъ всѣ послѣдствія"; *н. т.*: "и принявъ...
19) *вст.*: „гораздо"; *н. т.*

Я не сдержался, [ослабѣлъ], я этой фразой какъ бы [1]) оправдывался [1a]) а ей того [2]) и надо было [3]) Она злобно разсмѣялась.

А правда что вы три года [4]) по улицамъ [5]) по [дьугривенному] гривеннику просили и подъ билліардами ночевали.

— Я и на Сѣнной въ домѣ—ночевалъ [6]). Въ моей жизни было потомъ много позору и паденія, но не нравственнаго паденія, потому что я самъ [7]) первый ненавидѣлъ мои поступки [8]), а паденіе [9]) воли моей было [10]) было [11]) отчаяніе [12]) Но это прошло. [Н] [13]) теперь вы сваты?

[С] Т. е. это на [счетъ] [14]) кассы [15]) ссудъ. Но я уже успѣлъ сдержать себя: я видѣлъ что она хочетъ унизительныхъ для меня объясненій и — не далъ ихъ. Кстати [17]) пришелъ закладчикъ [Я] и я вышелъ [18]) въ другую комнату. Послѣ уже черезъ часъ, когда она вдругъ одѣлась чтобъ выдти, остановилась передо мной и сказала:

— Вы однакожъ мнѣ объ этомъ ничего не сказали до сватьбы, [и] Я не отвѣтилъ [19]).

И такъ, назавтра, я стоялъ въ этой комнатѣ за дверями и

Листъ 11.

слушалъ какъ рѣшалась судьба моя, а въ карманѣ моемъ былъ револьверъ. Она была пріодѣта, сидѣла за столомъ, а Ефимовичъ передъ нею ломался и чтожь; [и] [a]) вышло то — (я къ чести моей

---

[1]) *вст.* „пустился въ“

[1a]) *исправ. в*: оправдываніе: *внизу под строкой* „себя“; *н. т.*: оправданіе себя

[2]) *вст.*: — то

[3]) *вст. на л. н.*

„Этого новаго униженія моего“; *н. т.*:... моего униженія

[4]) *вст.*: потомъ; *н. т.*

[5]) *вст.*: „въ Петербургѣ“; *н. т.*

Здесь на л н. в уровень со строкой вставка: „какъ бродяга ходилъ“; *н. т.*

[6]) *вст.* Да, *н. т.*

[7]) *вст.*: же; *н. т.*

[8]) *вст.*: даже тогда; *н. т.*

[9]) *вст.*: же

[10]) *вст.*: „и эти [всѣ] поступки“

[11]) *исправл. в* „были“; *под стр. вставка*: „вызвано“; *н. т.*

[12]) *испр. в*: „отчаяніемъ“: *дальше следовала, очевидно, попытка еще что то добавить к слову*: отчаяніемъ; *несколько ниже читаем*: [и весьма мо]

[13]) *над зачеркн.*: такъ что

[14]) *над зачеркнутым*: мекъ, получается „намекъ, *и дальше*: на; *н.т.*

[15]) *испр. в*: „кассу“

[16]) *исправ. в*: успѣлъ

[17]) *вст.*:. же; *н. т.*

[18]) *вст.*: къ нему; *н. т.*

[19]) *вст. в той же строке*: „а она ушла“; *н. т.*: и она ушла

а) *Над зачеркнутым*: —

говорю это)—вышло точь въ точь то что я предчувствовалъ; [1]) хотя и не сознавалъ что я предчувствую и предпологаю.

Я [2]) слушалъ цѣлый часъ [3]) [я] присутствовалъ при остроумнѣйшемъ поединкѣ женщины благороднѣйшей [5]) возвышенной, съ свѣтской [!] тварью [6]), съ [ничтожествомъ] пресмыкающейся душой. И откуда, думалъ я, откуда эта наивная, эта кроткая, эта малословесная знаетъ все это. Остроумнѣйшій авторъ великосвѣтской комедіи не могъ бы создать этой сцены насмѣшекъ, наивнѣйшаго хохоту и святого презрѣнія добродѣтели къ пороку. И сколько блеску въ ея насмѣшкахъ, какая острота въ быстрыхъ отвѣтахъ, какая правда въ ея презрѣніи. И въ тоже время столько [наивности! Столько] чуть не дѣтскаго, дѣвическаго простодушія. Она смѣялась ему въ глаза надъ его объясненіями въ любви, надъ его предложеніями. Пріѣхавъ съ грубымъ приступомъ къ дѣлу и не подозрѣвая сопротивленія, онъ вдругъ такъ и осѣлъ. Я было думалъ сначала что тутъ [7]) просто кокетство, хоть и развратнаго, но остроумнаго, существа, чтобы дороже себя выставить. Но нѣтъ, правда [за]сіяла какъ солнце и сомнѣваться было нельзя. Изъ ненависти ко мнѣ, напускной и порывистой, она, неопытная, могла рѣшиться на это свиданіе, но какъ дошло до дѣла и у ней открылись глаза. Просто металось существо, чтобъ оскорбить меня и рѣшилось на такую грязь, именно не [вынеся] [8]) безпорядка. Но ее-ли, безгрѣшную и чистую, могла прельстить эта свѣтская [9]) тварь? [Скажу болѣе] онъ [10]) возбуждалъ [11]) [даже] лишь смѣхъ. Вся правда поднялась изъ ея души и негодованіе вызвало изъ сердца сарказмъ [и презрѣніе къ шуту.] Повторяю,—онъ [11]) совсѣмъ осовѣлъ и сидѣлъ подъ конецъ нахмурившись, едва отвѣчая, такъ что я даже сталъ бояться чтобъ не рискнулъ оскорбить ее изъ низкаго мщенія.

И опять повторяю: къ чести моей сцену эту я выслушалъ [безъ] почти безъ изумленія. Я какъ будто встрѣтилъ одно знакомое. [И могъ развѣ я вообразить ее другою] Я какъ будто шелъ за тѣмъ чтобъ это встрѣтить. И могъ развѣ я вообразить ее другою [12]) О, конечно, я убѣдился въ томъ, сколь она меня ненави-

---

[1]) *вст. на л. п.*: „и предпологалъ"; *н. т.*

[2]) *на л. п. в уровень со строкой, вст*: „Вотъ что вышло"; *н. т.*

[3]) *вст.*: „и цѣлый часъ"; *н. т.*

[5]) *вст.*: и; *н. т.*

[6]) *впереди вст.*: „гадкой и тупой"; *н. т.*: развратной тупой

[7]) *вставка зачеркнутая*: [вотъ]

[8]) *над зачеркн. то же*: „вынеся"

[9]) *Другим почерком над строкой вставка*: „какъ Ефимовичъ"; *затем на л. п. продолжение ее*: „или кто нибудь въ его родѣ"; *очевидно вставка после слова*: „тварь?"

[10]) ъ *испр.* из: а

[11]) *над зачеркн.*: „этотъ шутъ"; *н. т.*

[12]) *вст. на л. п. почерком другим*: „изъ за чего же я любилъ ее, изъ за чего же я цѣнилъ ее, изъ за чего же я женился на ней?" *В н. т. нет последнего*: я, *а вместо*: же—жь

дѣла, но убѣдился и въ томъ сколь она безпорочна. Я прекратилъ сцену [1]) отворивъ двери [и войдя въ комнату]. Ефимовичъ вскочилъ, я взялъ ее за руку и пригласилъ [2]) выдти. Ефимовичъ нашелся и вдругъ [3]) раскатисто расхохотался:

— О, противъ [4]) супружескихъ правъ я ни [5]) [слова, ни слова] [6]) хохоталъ онъ. [И повѣрьте закричалъ онъ намъ вслѣдъ] [7]) съ вами [и запрещено] [8]) драться [9]) но я [к] къ вашимъ услугамъ, если вы [какъ нибудь тамъ надумаетесь и] [10])

— Слышите, остановилъ я ее на секунду у порога.

Затѣмъ всю дорогу до дому ни слова. Я велъ ее за руку и она не сопротивлялась. Напротивъ она была [11]) поражена, но только до дому. Прійдя домой она сѣла на стулъ и уперлась въ меня взглядомъ [12]). Она была чрезвычайно блѣдна, [но] губы хоть и сложились тотчасъ же въ насмѣшку [13]), [но въ насмѣшкѣ этой была уже горечь]. Смотрѣла она [впрочемъ] [14]) съ [въ] гордымъ [15]) вызовомъ и кажется [она] серьезно убѣждена была, въ первыя [16]) минуты, что я убью ее [17]) Но я молча вынулъ револьверъ изъ кармана и положилъ на столъ. Она смотрѣла на меня и на револьверъ. [Этотъ револьверъ] [18]) заведенъ былъ у меня и заряженъ съ самаго открытія кассы. Открывая [19]) кассу я порѣшилъ не держать

---

[1]) *вст.*: вдругъ; *н. т.*

[2]) *вст.*: со мной; *н. т.*

[3]) *вст. на л. п.*: „звонко и"; *н. т.*

[4]) *вст.*: „священныхъ"; *н. т.*

[5]) *испр. в*: не

[6]) *над зачеркн.*: „возражаю, ведите, ведите!"; *н. т.*: уводите, уводите!

[7]) *под зачеркн.*: „Знаете, крикнулъ онъ (мнѣ) 'намъ' вслѣдъ, хоть"; *н. т.*

[8]) *над зачеркн.*: „нельзя"; *н. т.*

[9]) *вст.*: „порядочн(ому) человѣку"; *н. т.*

[10]) *над всем зачеркн.*: „наконецъ" *а под зачеркн.*: „сами наконецъ"; *а дальше вставка*: „рѣшитесь";

н. т.: „И знаете, крикнулъ онъ мнѣ вслѣдъ хоть съ вами и нельзя драться порядочному человѣку, но, изъ уваженія къ вашей дамѣ, я къ вашимъ услугамъ... Если вы, впрочемъ, сами рискнете..."

[11]) *вст.*: „ужасно"; *н. т.*

[12]) *На л. п. вставка потом зачеркнутая*: [она какъ бы сама хотѣла вызвать скорѣй развязку]; *в н. т. этой вставки нет.*

[13]) *вст.*; *потом зачеркнутая*: [всегдашн(юю)]; *в н. т. — нет.*

[14]) *над зачеркн.*: „уже"

[15]) *испр. в*: „гордой" *и прибавлено*: „суровостью"; *на левом же поле вставка*: „съ страстнымъ"; *н. т.*: съ торжественнымъ и суровымъ вызовомъ"

[16]) *исправ. из*: первую;

[17]) *вст.*: „изъ револьвера"; *н. т.*

[18]) *Над зачеркн. тоже зачеркнутое*: [Два слова объ этомъ] *а под зачеркнутым*: „онъ"; *затем идет вставка, имеющаяся в н. т.*; „Револьверъ этотъ былъ уже ей знакомъ". *Отметим, что во вставке* Р *исправлен из*: р.

[19]) *под буквой* О *виднеется*: Я

ни огромныхъ собакъ, ни сильныхъ лакеевъ [1]), какъ напримѣръ у Мозера. У меня посѣтителямъ отпираетъ [служанка] [2]). Но занимающимся нашимъ ремесломъ невозможно лишить себя, на случай, защиты и я завелъ [4]) револьверъ. Она, въ первые дни [5]), очень имъ заинтересовалась [6]), разспрашивала и я [такъ] объяснилъ даже ей устройство, системы [7]) [а затѣмъ и] далъ одинъ разъ выстрѣлить [8]). [Но] не [9]) обращая вниманія на ея испуганный взглядъ, я, полураздѣтый легъ на постель. Было уже около 11 часовъ. Она [10]) сидѣла на одномъ мѣстѣ [11]) около часу, затѣмъ потушила свѣчу и легла, тоже одѣтая, у стѣны на диванѣ. Въ первый [12]) разъ не легла со мной [13]). [Здѣсь только здѣсь одно] [14]) [воспоминаніе], страшное воспоминаніе...

II [15])

Я проснулся утромъ я думаю въ восьмомъ часу и въ комнатѣ было уже совсѣмъ свѣтло. Я проснулся разомъ

Листъ 12.

съ полнымъ сознаніемъ и вдругъ открылъ глаза. Она стояла у стола и держала въ рукахъ револьверъ. Она невидѣла, что я проснулся и смотрю, [я даже притихъ и полуоткрылъ глаза. Черезъ мгновеніе я] И вдругъ я увидѣлъ что она стала надвигаться ко мнѣ съ револьверомъ въ рукахъ. Я быстро закрылъ глаза и притворился [16]) спящимъ.

Она дошла до постели [и хоть не слышно, но я слышалъ] и стала надо мной. [Затѣмъ] [17]) настала мертвая тишина. [Тутъ-то вдругъ, въ одно мгновеніе, я рѣшилъ] Тутъ произошло одно суд-

---

[1]) *испр. в*: сильнаго лакея; *н. т.*

[2]) *под зачеркнутым*: „кухарка“; *н. т.*

[3]) *вст.*: всякій: *н. т.*

[4]) *вст.*: заряженный

[5]) *вст.*: „какъ вошла ко мнѣ“; *н. т. прибавлено*: въ домъ

[6]) *вст.*: „револьверомъ“; *н. т.* этимъ револьверомъ.

[7]) *исправл. в*; систему

[8]) *вст. подчерк. другим*: „и такъ она была съ нимъ знакома. Замѣтьте, замѣтьте это“; *в н. т. только*: „замѣтьте все это“

[9]) *перепр. в*: Не

[10]) *вст.*: „же продолжала“ *и соответ. этому* „сидѣла“ *переправлено в*: сидѣть; *н. т.*

[11]) *вст. другим подчерком*: „Не шевелясь еще“; *ч. т.*; *на л. н. имеется вставка*: около

[12]) *На месте какого то другого слова.*

[13]) *Вст. другим подчерком*: „Это тоже замѣтьте“; *н. т.*

[14]) *Над зачеркн.*: „теперь это“; *н. т.*

В н. т. отсюда начинается подразделение VI.

[15]) *Эта буква: II похоже на римскую цифру VI. Возможно, что здесь указание на VI деление 1-й главы см. печ. т.*

[16]) *вст. другим почерком*: „крѣпко“ *н. т.*

[17]) *вст.*: „я слышалъ все хотя; *н. т.*... хоть

рожное движеніе и я вдругъ, неудержимо, открылъ глаза[1]). Она смотрѣла прямо на меня и револьверъ[2]) былъ у моего виска. Глаза наши встрѣтились. [Я думаю, это продолжалось][3]) не болѣе [полсекунды][4]). Я съ силою закрылъ глаза опять, и тутъ-то я рѣшилъ изо всей силы моей души что болѣе уже не шевельнусь и не открою глазъ, чтобы ни вышло.

Въ самомъ дѣлѣ, бываетъ что и глубоко спящій человѣкъ, вдругъ открываетъ глаза, [открываетъ] на секунду и даже приподымаетъ[5]) и оглядываетъ комнату, и за тѣмъ, черезъ мгновеніе, безъ сознанія[6]) [...[7])] кладетъ опять голову на подушку и засыпаетъ. Когда я, встрѣтившись съ ея взглядомъ и ощутивъ револьверъ у виска, вдругъ закрылъ опять глаза и не шевельнулся какъ глубоко спящій, она могла рѣшительно предположить что я въ самомъ дѣлѣ сплю и что ничего не видалъ[8]), тѣмъ болѣе, что[9]) невѣроятно, увидавъ и сознавъ, закрыть въ *такое* мгновеніе опять глаза.

Невѣроятно[10]) но[10а]) она могла[11]) угадать и правду [и] это-то и блеснуло въ умѣ моемъ вдругъ[12]). Въ такомъ случаѣ[13]) [я конечно] [могъ][14]) напугать[15]) и моею готовностью принять смерть, и у ней могла[16]) дрогнуть рука[17]). Рѣшимость ея могла разбиться другимъ[18]) впечатлѣніемъ[19]) [я дум] Говорятъ, что стоящіе на высотѣ какъ бы тянутся сами къ низу, въ бездну. Я думаю много самоубійствъ и убійствъ совершилось потому только что

---

[1]) *вст.*: „противъ воли“ *н. т.*

[2]) *вст.*: „уже“ *н. т.*

[3]) *над зачеркн. написано другим почерком*: „Но мы глядѣли другъ друга“; *очевидно пропущено*: на; *н. т.*

[4]) *над зачеркн.*: „мгновенія“ *н. т.*

[5]) *вст.*: „голову“ *над*: приподымаетъ *цифра 2*

[6]) *вставка*: „опять“

[7]) *густо зачеркнуто слово, состоящее из двух или трех букв, которые не могли разобрать.*

[8]) *вст. под строкой*: „хотя на мгновеніе и открывалъ глаза“

[9]) *вст.* „совсѣмъ“; *н. т.*

[10]) *В уровень со строкой на л. п. предшествует слово*: Да,; *н. т.*

[10а]) и *исправлено в* Н

[11]) *вст.*: вѣдь

[12]) *После слова* вдругъ *или* и *или* ковычки; *вст. другим почерком*: О, да здравствуетъ электричество человѣческой мысли; *н. т.*

[13]) *вст. под строкой начинаясь, захватывает пр. поле*: „подумалось мнѣ мгновенно въ такомъ случаѣ“ *Линия, вводящая эту вставку, проходит через слова, написанные дальше* — „я конечно“ *зачеркивая их*

[14]) *над зачеркн.*: „уже“, *а впереди на л. п.* Я

[15]) *переправлено в*: напугалъ

[16]) *исправл. в*: „можетъ“

[17]) *исправл. из*: руку

[18]) *предшествует на л. п.*: о; другим *перепр.* в другое: *следует вставка*: „чрезвычайное“

[19]) *испр. в*: впечатлѣніе *н. т.*: о новое и т. д.

револьверъ уже былъ [въ] взятъ въ руки. Тутъ тоже бездна, тутъ покатость въ 45 градусовъ, о которую нельзя не скользнуть [1]). Но [2]) сознаніе что я все видѣлъ, все знаю и жду смерти молча—могло удержать ее. [Вы спросите однако: твердо-ли я надѣялся что]

Тишина продолжалась и вдругъ я ощутилъ у виска, у волосъ моихъ, холодное прикосновеніе желѣза. Вы спросите: твердо-ли я надѣялся что спасусь. Отвѣчу Вамъ какъ передъ Богомъ: Не имѣлъ никакой надежду [3]), кромѣ развѣ одного шанса изъ ста. Для чего же принималъ смерть? А я спрошу: на что мнѣ была жизнь, послѣ револьвера поднятаго надо мной [столь любимымъ [4])] мною существомъ [5])? Но вы зададите опять вопросъ: Зачѣмъ-же не спасъ [6]) ее отъ злодѣйства? О, я тысячу разъ задавалъ себѣ потомъ эти [7]) вопросы [7]), когда съ холодомъ въ спинѣ, какъ теперь припоминалъ тѣ секунды. Но душѣ [8]) моя была тогда въ мрачномъ отчаяніи. Я погибалъ [9]) [и никого ужъ не могъ бы спасти [10])]. [Но] Сознаніе [11]) кипѣло. Секунды шли, тишина была

---

[1]) *вст. другим почерком*: „вызываетъ, тянетъ васъ непобѣдимо спустить курокъ и баста“; *н. т.*: „и васъ что-то вызываетъ непобѣдимо спустить курокъ“

[2]) *вст. под строкой*: „въ такомъ случаѣ н... нно“

[3]) надежду *у Д., а не описка.*

[4]) *над зачеркн.*: „обожаемымъ“; *н. т.*

[5]) *идет вставка на правом поле*: „Кромѣ того, не сознавая того, я зналъ * всей силой моего существа * что между нами идетъ борьба, страшный поединокъ на жизнь и смерть, поединокъ вотъ того самаго вчерашняго труса выгнаннаго за трусость товарищами. . Я зналъ это и она это знала или подозрѣвала * уже теперь * послѣ моего мгновеннаго на нее взгляда“. *В связи с этой вставкой приводим еще одну, находящуюся на большом расстоянии от нея, знаком с ней не связанную*: „Вчерашній трусъ, выгнанный изъ гвардіи, не могъ и противить(ся)“; *дальше зачеркнуто:* [открылъ глаза] *н. т. почти такъ; после слов*: „между нами“, *в н. т.* „въ это самое мгновеніе“, *а в последней фразе, после слов*: „это знала“, *следует*: „если только угадала правду, что я не стрѣляю“. *Послед. же вставка, в н. т. отсутствующая, повидимому, варьирует тот-же мотив.*

[6]) *вст.*: и

[7]) Эти *перепр. в.*: этотъ, *а* вопросы — *в*: вопросъ; *кроме того вст. над словом*: вопросъ — „ужасный“

[8]) *у Д.*: душѣ

[9]) *на л. п. в уровень со строкой*: Самъ“

[10]) *над зачеркнутым повторяется зачеркнутое*: „и никого ужъ не могъ“ *и снова зачеркивается; на л. поле дается еще одна редакция, написанная другим почерком*: „такъ кого же бы могъ спасти? [А можетъ] * Ну а если я * не хотѣлъ. Почемъ знать что я и тогда могъ почувствовать!“

В н. т. близко к этому: „я погибалъ, я самъ погибалъ, такъ кого-жъ бы я могъ спасти? И почемъ вы знаете, хотѣлъ ли бы еще я тогда кого спасти? Почемъ знать что я тогда могъ чувствовать?“

[11]) С *из* с; *после вставка*: „однако“. *Здесь же на правом поле довольно значительная вставка, однако зачеркнутая, по смыслу снова не подходящая*: [вы скажете, что это невозможно? Конечно. Но можно чувствуя сознавать и въ секунду пережить міръ сознанія. Да здравствуетъ электричество человѣческой мысли“]; *см. пр. 11*

мертвая, она все стояла [1]) и вдругъ я вздрогнулъ отъ надежды. Я быстро открылъ глаза, ее уже не было въ комнатѣ. Я всталъ съ постели. Я побѣдилъ и она была навѣки побѣждена!

Я вышелъ къ самовару; самоваръ подавался у насъ всегда въ первой комнатѣ и чай разливала всегда она. Я сѣлъ къ столу [2]) молча и взялъ отъ нея чаю. Минутъ черезъ пять я поглядѣлъ на нее. Она была страшно блѣдна, еще блѣднѣе вчерашняго [3]). Я [удержалъ] [продолжалъ смотрѣть [4])] и вдругъ — и вдругъ она блѣдно усмѣхнулась, блѣдными губами [4a]). [Она спрашивала [5])] все еще спрашивала [6]) себя: [7]) Знаетъ [8]) иль незнаетъ? Видѣлъ [9]) иль не видѣлъ. Я равнодушно отвелъ глаза. Послѣ чего заперъ кассу, пошелъ на рынокъ и купилъ желѣзную кровать и ширмы. Возвратясь домой я велѣлъ поставить кровать въ залѣ, а ширмами заслонить ее. Это была кровать для нея, [но] [10]) Я [11]) ей не сказалъ ни слова, [но] и безъ словъ [12]) понятно [13]) [стало] [14]) что [я] „видѣлъ [15]) и знаю“. [Вечеромъ она] [15a]) Ночью она молча легла въ эту новую [16]) постель, [а] [17]) револьверъ я оставилъ [18]) опять какъ всегда на столѣ [19]). Бракъ былъ расторгнутъ: побѣждена, но не прощена. Ночью съ ней сдѣлал[ся] бредъ, а на утро горячка. Она пролежала шесть недѣль.

---

[1]) *вст. друг. почерком*: „надо мной“ *над этой вставкой виднеются зачеркнутые*: [я и] *б. м. это относится к предыдущей строке, после слова*: „спасти“; *см. прим. 31; сложные попытки исправленія*

[2]) *исправл. из*: у стола

[3]) *вст.*: „и смотрѣла на меня“; *н. т.*

[4]) *под зачеркн.*: „не опустилъ передъ ней глазъ“

[4a]) *вст на пр. поле*: блѣднымъ робкимъ вопросомъ“ *в н. т.*: съ робкимъ вопросомъ въ глазахъ“

[5]) *над зачеркн. тоже зачеркнутое*: [все еще] *а под зачеркн.*: „стало быть“

[6]) *перепр. в*: спрашиваетъ

[7]) *вст. на пр. поле*: „подумалъ я вдругъ“

[8]) *вст.*: очъ

[9]) *вст.* онъ

[10]) *над зачеркнут.*: [но]

[11]) *испр. из*: я

[12]) *другим почерк. вст.*: „далъ“

[13]) *перепр. в*: понять

[14]) *вст.*: „ей уже безъ сомнѣн(ія)“

[15]) *вст.*: „все и все“

[15a]) *После зачеркнутого цифра* 2, см. прим. 51.

[16]) *вст. друг. почерк.*: „свою“ *н. т.*

[17]) *вст. друг. почерк.*: „на ночь“

[18]) *здѣсь линия указываетъ на перестановку словъ* я оставилъ револьверъ: *очевидно, в связи со вставкой*: на ночь

[19]) *здѣсь такой знак*: 1; *очевидно это обозначаетъ перестановку предложеній; первое*: револьверъ я оставилъ ... и т. д.; *второе*: Ночью она молча...; *так в н. т.*

Листъ 17 [1]).

[На утро тоже самое...] [Но Боже мой, вѣдь] [2]) это было всего только нѣсколько дней назадъ, пять дней, всего [3]) пять дней, въ прошлый Вторникъ! О [4]) я всѣ эти дни ее мучилъ! Мучилъ-ли? Нѣтъ, нѣтъ: еще бы только немного [подождала] [5]) каплю [6]) подождала и — и я бы [уговорилъ ее] [Я] бы развѣялъ мракъ... [Дѣло въ томъ, что вѣдь она] [7]) успокоилась [8]), она [9]) слушала меня, [она] на другой день уже [мнѣ улыбалась], [10]) не смотря на замѣшательство... Главное, все это время [11]) въ ней было замѣшательство [со мной], или стыдилась [12]) [или боялась] [13]) [А впрочемъ, какъ же и не бояться] [14]): вѣдь мы такъ было стали другъ другу [15]) чужды! Но вѣдь [я понималъ же, что еще немножко и...] [16]) правда, несомнѣнная, [правда], что я сдѣлалъ

---

[1]) *Карандашом крупными буквами написано в стороне от текста и карандашом очерчено:* Короче.

Отсюда начинается третье деление 2-ой главы. т. к. два деления, как уже известно потеряны

[2]) *над зачеркн. имеются неодинаковыми почерками две правки:* 1) „Это было“ *почерк схожий с почерком текста*; 2-я) „А вѣдь [только]“: *в н. т.* „А вѣдь это было... *Кроме того под зачеркнутым волнистая линия, которая обыкновенно указывает на восстановление*

[3]) *вст.*: [только] *и еще раз не зачеркнуто*: „только“

[4]) *вст.* [Боже] какъ; О *исправл. из какой-то буквы, скорѣе из:* А

[5]) *над зачеркн.*: „времени“ : *н. т.*

[6]) *вст.*: „бы только“ *н. т.* „только бы капельку“...

[7]) *Над зачеркн.* „Да развѣ она не“ *н. т.*

[8]) *вместо* , *поставлен*: ?

[9]) *перепр. в*: Она

[10]) *над зачеркн.*: съ, *а на л. п.*: „улыбкою, ; *н. т.*

[11]) *вст.*: „всѣ 5 дней“ ; *н. т.*

[12]) *перепр. в*: „стыдъ“ ; *н. т.*

[13]) *здесь идет очень сложная правка текста; над очень густо зачеркнутым мы прочитываем с трудом*: [какъ будто], *а потом кажется*: [или]

Впереди зачеркнутого в строке знак, ведущий к следующей вставке на л. п.:

„Боялась тоже, очень боялась. Я не спорю, я не буду противу[рѣчить] * очевидно(го) спорить * подобно безу[мном]у [ст]рахъ былъ * но вѣдь какъ же [и не] * ей было и не * бояться ! [... было] такъ неожиданно]“. *Вся эта правка почти совпадает с н. т.*: „Боялась тоже, очень боялась. Я не спорю, я не буду противорѣчить, подобно безумному: страхъ былъ, но вѣдь какже было ей не бояться ?“

[14]) *На л. п. отмеченное знаком*: X *восстановляется*: „Какже не бояться !“

[15]) *вст.*: такъ *и знакъ*: О, *ведущий к вставке на л. п.*: „такъ отвыкли и вдругъ !!..“ (*вставка очевидно после следующ. слова*: чужды).

Под строкой же тоже схожая вставка: „Мы такъ другъ отъ друга отвыкли“.

Надо думать, что вст. на л. поле должна следовать за вставкой подстрочной, являясь по смыслу обобщающей и концентрирующей для эффекта: „и вдругъ“

[16]) *Над зачеркн*: „это все прошло, все, засіяло новое!“ *н. т.*: „не я не смотрѣлъ на ея страхъ, сіяло новое!...“

ошибку. И даже было [бы] можетъ быть много ошибокъ [1]), [но я не могъ удержаться]. Я, какъ проснулись на другой день, еще съ утра (это въ среду было) тотчасъ вдругъ сдѣлалъ ее моимъ другомъ [Это было [бы] слишкомъ скоро, слишкомъ] [2]). [И таки(мъ), вполнѣ другомъ уже] [3]), [ничего, ничего не скрывая] [4]). [Какъ на исповѣди...] [5]). Куды, болѣе чѣмъ на исповѣди [6]), не скрывая [7]) даже того, что отъ себя скрывалъ. Я прямо ей высказалъ, что всю зиму только [8]) любовался моимъ подвигомъ [9]), [и надъ ней тщеславился]. — Я ей разъяснилъ что касса ссудъ была лишь паденіемъ моей воли и ума, личная идея самобичеванія и самовосхваленія. Я ей объяснилъ что я тогда въ буфетѣ дѣйствительно струсилъ, отъ моего характера, отъ мнительности: поразила обстановка: буфетъ и какъ это я вдругъ выйду, и не выйдетъ-ли [10]) глупо? Струсилъ не дуэли, а что [11]) выйдетъ глупо... а потомъ ужъ не хотѣлъ сознаться, и мучилъ всѣхъ, и ее [зато за это мучилъ [12]), и ее... [() [13]), ей тяжело было слушать]: она [14]] брала меня за руки [и такъ ласково], и [все] просила перестать: „Вы преувеличиваете... [я ей-Богу боюсь] [15])... и опять начинались слезы и опять чуть не припадки [16])! [и это [17]) 5 дней, до сегодня! до сегодня!]

[Но я вѣрилъ счастью!] [Главное] [18]) весна, Булонь! [и обновленіе] [19]). Я заперъ кассу, дѣла передалъ Добронравову. О [20]),

---

1) *о испр. из* у

2) *над зачеркн.*: „вотъ ошибка, въ поспѣшности ошибка"

3) *над зачеркн.*: „я бросился"

4) *над зачеркн.*: [Это была исповѣдь]

5) *над зачеркн.*: „къ ней какъ съ исповѣдь(ю)" *Всемъ этим зачеркнутым местам и правкам над ними соответствует, на л. п., повидимому, окончательная редакция*: „Я поспѣшилъ, слишкомъ, слишкомъ. Я тотчасъ-же хотѣлъ ей все разсказать".

6) *перепр. из*: исповѣдью, *сверху вст.* я

7) *перепр. в*: скрылъ

8) *вст.*: „и дѣлалъ что"; *н. т.*

9) *вст. другими чернилами*: „моей побѣдой"

10) *вст.*: „это"

11) *исправл. изъ*: того; *перед исправленным*: что *вставка*: „того"; *н. т.*

12) *вст.*: „за это одно только"

13) *здесь знак, указующий на следующую вставку на л. поле*: „*Вообще * я говорилъ большею частію какъ въ горячкѣ"; *н. т.*

14) *встав.*: „сама она" *н. т.*: она сама

15) *над зачеркн.*: „вы себя мучаете"; *н. т.*

16) *Вст. на л. п. почерком другим*: „она все просила чтобъ я ничего этого не говорилъ и не напоминалъ"; *н. т.* — вспоминалъ

17) *вст.*: „всѣ"

18) *над зачеркн. написано друг. почерком*: „Но я не смотрѣлъ:" *н. т.*: я не смотрѣлъ на просьбы, или мало смотрѣлъ: весна, Булонь!"

19) *над зачеркн.*: „тамъ солнце", *и дальше вставка на л. поле*: „тамъ новое наше солнце, я только это и говорилъ!"; *н. т.*

20) *вст.*: какъ

я стыдился, стыдился передъ ней за кассу. Я предложилъ ей вдругъ раздать все бѣднымъ, кромѣ основныхъ трехъ тысячъ [1]), на которые [2]) съѣздимъ въ Булонь, а потомъ воротимся и начнемъ новую трудовую жизнь. Такъ и положили, потому что она ничего не сказала.. она только улыбалась. И кажется [3]) изъ деликатности [3а]), чтобъ меня не огорчить [4]), я видѣлъ вѣдь что я ей въ тягость [5]). [но, — „она вѣдь тутъ, вѣдь мы вмѣстѣ; [она пойметъ, я уговорю!] [6])" — вотъ что [7]) сіяло въ моей душѣ и] [8]) не отходилъ отъ нея.

Ей было это все въ новѣ] [9]). Я ей все про меня и про нее разсказывалъ. И про Лукерью. Я говорилъ ей что я плакалъ.. [Но] [все это ей было ново, такъ] [10]) [она отъ всего отвыкла]. Я старался [11]) перемѣнять разговоръ [12]), отнюдь не напоминать про нѣкоторыя вещи. [Тогда она] [13]) даже [14]) оживилась разъ или два [15]). О, еслибъ это не случилось, [она бы оживилась навсегда] [16]). Вѣдь разсказывала же она мнѣ, еще третьяго дня, когда разговоръ зашелъ о чтеніи, и [17]) что она въ эту зиму

---

[1]) *вст. другим почерком* „полученные отъ крестной матери"; *н. т.*

[2]) *вст. под строкой*: и; *н. т.*

[3]) *вст.*: болѣе *н. т.*

[3-а]) *вст.*: „улыбалась"; *н. т.*

[4]) *вст. на л. п.*: „чтобы показать что она вторитъ"

[5]) *вст. на л. п. другим почерком*: „Не думайте что я такъ глупъ и такой эгоистъ! Я все вѣдь видѣлъ, все до послѣдней черты видѣлъ и зналъ, все мое отчаяніе!"; *почти такъ в н. т. после*: — что „я былъ"; *после* эгоистъ — „что этого не видѣлъ; *слово*: вѣдь *опущено, после*: отчаяніе — „стояло на виду".

[6]) *над зачеркн.*: „Навѣкъ-навѣкъ"

[7]) *Исправл. в*: чѣмъ

[8]) *Под зачеркнутым другим почерком такая вставка*: „сила жизнь на насъ снова Булонь! Булонь. Новы(я) впечатлѣнія Европа.

В *н. т. этого нет. Отметим, что три вертикальных черты перечеркивают это место, начиная от*: „Она вѣдь тутъ"... *расположенные только на правой стороне, они, однако, по всей вероятности, были для Дост. знаками того, что все это место считается перечеркнутым, вместе с поправками, до*: „Не отходилъ отъ нея"

[9]) *Над зачеркн. тоже зачеркнутое и так густо, что читается с большим трудом*: [чужлымъ ужасно]; *знак абзаца* ⌉⎿ *переносится к началу следующего предложения*

[10]) *Над зачеркн. тоже зачеркнутое*: [О, я видѣлъ что она давно]

[11]) *вст. другим почерком*: всячески

[12]) *перепр. из*: разговоры

[13]) *над зачеркн.*: И; *н. т.*

[14]) *вст*: „она"; *н. т.*: И даже вѣдь она.

[15]) *идет вст. на л. п.*: — „вѣдь я помню, помню! Зачѣмъ вы говорите что я * смотрѣлъ и * ничего не видѣлъ!"; *н. т.*

[16]) *над зачеркн. тоже зачеркнутое*: [все было бы воздвигнуто!]. *под зачеркнутым почерком другим*: „и все бы воскресло"; *н. т.*: „то все бы..."

[17]) и *перепр. в*: о *и вставлено*: „томъ"; *н. т.*

прочла [1]), вѣдь разсказывала же она и смѣялась когда припомнила сцену [2]) Жиль Блаза и [3]) Архіепископа Гренадскаго. И какимъ дѣтскимъ смѣхомъ смѣялась [4]), милымъ! [О, я замѣтилъ, что она ужасно въ эту зиму выиграла] [5]). [Она недавно прочла]. И [главное], [главное] [6]) — поразило [это меня], — что вѣдь нашла же она [безъ меня, когда читала это] столько спокойствія духа и счастья, чтобъ смѣяться шедевру. Стало быть уже вполнѣ начала успокаиваться, вполнѣ начала вѣрить что я оставлю ее *такъ*. „Я думала что вы меня оставите *такъ*! — вотъ вѣдь что она произнесла тогда во вторникъ! [Какая] [наивность], [7]) десятилѣтней дѣвочки мысль [8])! И вѣдь вѣрить даже начала, что [такъ и] [9]) останется *такъ*: она за своимъ столомъ, а я за своимъ, и такъ [10]) на всю жизнь — [Да и хотѣлось, — то, хотѣлось только ей этого, и] И вдругъ [тутъ] [11]) я, мужъ, и мужу надо любви! О недоразумѣніе, о слѣпота моя! [Отвыкла], [отучилась [12]) она отъ меня!.. Но будущее [13]). будущее].

[Въ будущее я вѣрилъ страстно] [14]) и [15]) на все смотрѣлъ [съ]

---

[1]) *перепр. в*: прочитала; *н. т.*

[2]) *вст.*: въ

[3]) *переправл. в*: съ *и вставка поверх строки, зачеркнутая*: „Жиль Блаза"

[4]) *впереди прист.*: за; *получается*: засмѣялась

[5]) *вст. над зачеркнут. другим почерком*: „точно прежде невѣстой. Мигъ! Мигъ! *очевидно, относится к предыдущей фразе*: „смѣхомъ засмѣялась милымъ" *н. т.*: „точно какъ прежде въ невѣстахъ? (Мигъ! Мигъ!)",

[6]) *Под зачеркн. другим почерком*: „меня то"

[7]) *Над зачеркн. тоже вначале зачеркнутое*: [мысль], *потом*: „О мысль"; *в н. т.*: О, ...

[8]) *вст.*: „(Фатум!)"

[9]) *На л. п. в уровень со строкой вст.*: все; *н. т.*

[10]) *вст. на л. п.*: „мы оба"; *н. т.*

[11]) *вст. другим почерком*: подхожу; *н. т.*

[12]) *Над зачеркн. тоже зачеркнутое*: [забыла]

[13]) *вст. зачеркнутая*: [за то]

[14]) *Здесь идет очень сложная работа над выражением колебаний героя между обвинением и оправданием себя; над зачеркнутым и тоже зачеркнутое*: [слѣпота * но * и будущее! Я будущему вѣрилъ и былъ правъ: правъ!]. *Над этой фразой тоже зачеркнутое*: [Вотъ что меня оправдывало]. *А под ней*: „Будущее все оправдывало". *Очевидно в связи с дважды повторяемым* „правъ правъ!" *с правой стороны у самого края такая вставка другим почерком и чернилами*: „Нѣтъ. Вовсе неправда, надо было сдержать себя". *Сюда же тянется еще одна вставка внизу особой линией, но уж другим почерком*" А то испугалъ но и [тутъ я во многомъ правъ] * вѣдь я однако жъ * скрѣпился"

В тоже время с левой стороны в уровень с этими исправляемыми строками имеются тоже две вставки: *Одним почерком, сходным с почерком последней на правой стороне вставки*: „не было слѣпоты" *и совсем другим почерком, б. м. еще более поздним*: „ошибка тоже что я". *П. т. дает окончательную редакцию*: „Ошибка тоже была, что я на все смотрѣлъ съ восторгомъ: надо было скрѣпиться, а то восторгъ пугалъ".

[15]) и *перепр. в*: Я

восторгомъ [1]) . [Мои восторги [2]) смущали] [меня] [3]), Но [4]) я скрѣпился—я нецаловалъ ужъ болѣе ея ногъ. Я ниразу не показалъ в[и]да что я... ну что я мужъ ей [5]). Я [6]) [боялся потрясти ее] [7]), [Я видѣлъ...]. И кажется вотъ этимъ-то [я и ободрилъ ее] Я ей [9]) высказалъ что наслаждаюсь разговоромъ ея и что считаю ее несравненно, несравненно образованнѣе и развитѣе меня. Она краснѣла [11]) и говорила [12]) что я преувеличиваю [13]). [Я напомнилъ ей прелесть всего того, что она переговорила со мной когда еще когда я былъ [14]) женихомъ, и что я такъ грубо не умѣлъ цѣнить. Не то что не умѣлъ, а не хотѣлъ, но я ей показалъ что я в е|таки это| [15]) помню, цѣню [16]) и тысячу разъ о томъ думалъ когда всю зиму молчалъ] [17])

Листъ 18

Она слушала конфузясь. Она не могла вынести когда я вспоминалъ про эти [18]) наши [18]) отношенія или про это] зиму или про что-нибудь... [19]) [Третьяго дня] [20]) я вдругъ [разсмѣшилъ ее, чѣмъ? Я вспомнилъ ея одинъ маленькій-маленькій, совсѣмъ дѣтскій ...

---

[1]) *переправлено*: восторженно, *а внизу под этим словом вст.* такъ

[2]) *вст*: [усиленно]

[3]) *перепр в*: ее

[4]) *вст.*: зато

[5]) *перепр. из*: ея; *дальше идет вставка в самом низу листа*: и въ умѣ моемъ этого не было, я *вѣдь* только [ей] молился, всѣ дни, всѣ пять дней! Но вѣдь нельзя же было молчать, вѣдь нельзя не говорить вовсе. Я ей вдругъ высказалъ; *н. т. — первая ... кончается словом*: молился, *во второй, перед*: молчать *ст.* совсѣмъ

[6]) *вст. зачеркнутая*: [очень]

[7]) *вст. на л. н.*: „Я вѣдь уже все, все время [в] учился какъ теперь быть".

[8]) *вст.*: „что нецалую ног". *Дасм окончательную печ. редакцию касающуюся этого места и поправок от 73 по 76* — „Но вѣдь ... пился же я, я не целовалъ уже ея ногъ. Я ни разу не показалъ ей что... ну что я мужъ, — и въ умѣ моемъ... *далее как в прим.* 75

[9]) *вст.*: вдругъ; *н. т.*

[10]) *зачеркнутая вставка*: [это бы]

[11]) *перепр в*: покраснѣла

[12]) *перепр. в*: сказала, *а сверху вставка*: — конфузясь; *н. т.*

[13]) *здесь знак, указующий на вставку которой не находим*

[14]) *вст.*: и

[15]) *Перед словом* таки *имеется буква* э, *очевидно вначале предполагалось*: все это, *потом переправил в*: таки *и поставил*: э о

[16]) *Впереди*: „цѣню" *встав.*: все

[17]) *На этом кончается лист 17, на обороте которого имеется очень много вставок и набросков, относящихся очевидно к листу*

[18]) *Исправлено из*: эту *и* нашу

[19]) *Почему-то зачеркивающая линия не доведена до конца ... и последние четыре слова остались не зачеркнутыми вопреки смыслу*

[20]) *Над зачеркнутым*: „Еще вчера"

дотикъ, который она разсказала мнѣ невѣстой, про свое дѣтство [1]), когда еще были живы родители [2]). Какъ то они, всѣ вдругъ, нѣсколько знакомыхъ семействъ, поѣхали по приглашенію на какой то пикникъ. за городъ гдѣ, въ какомъ-то воксалѣ всѣ танцовали и веселились. Но когда пришлось |разъѣзжаться| уѣзжать,] [3]) [Вотъ тогда я не сдерж(ался)] [4]). И вдругъ я не удержавшись сглупу сказалъ ей, что я [когд] когда я стоялъ тогда за дверью и слушалъ ея поединокъ, съ той тварью, то былъ въ восторгѣ отъ ея ума, блеска остроумія при такомъ дѣтскомъ простодушіи, Она [сначала] [5]) какъ бы [6]) вздрогнула, пролепетала было мнѣ: вы это преувеличили и вдругъ [все лицо ея у] [7]) омрачилось, она закрыла [8]) [лицо] руками и зарыдала [9]). О, тутъ ужъ я не выдержалъ, я [ужъ] опять упалъ передъ нею, [я увѣрялъ ее что считаю ее верхомъ чести, святыни, что я слишкомъ [10]) неправъ чтобъ не понять |того| всего того что вышло [11]) потомъ съ |должной| [12]) точки что я, я самъ во всемъ виноватъ... Но я не успокоился [13])] съ ней опять [14]) вышелъ припадокъ [15]), это было вчера, вчера вечеромъ, а наутро...

На утро?! Безумецъ, да вѣдь это утро было сегодня еще давеча, давеча [16]).

Когда [17]) мы сошлись [18]) у самовара [я смотрѣлъ на нее трепеща отъ страха за вчерашнее]. Но [19]) она [20]) поразила меня [своимъ

---

[1]) вставка: „и какъ тогда смѣялись". *Тут же следовала было вставка на л. поле*: „Нѣтъ, я разскажу это" *которая переносится несколько дальше, после*: „родители"; *об этом свидетельствует знак: зачеркнутый после слова:* смѣялись *переносится после*: „родители"

[2]) *см. прим. 1*

[3]) *Весь эпизод с анекдотиком, не оконченный, в печ. тексте отсутствует*

[4]) *Под зачеркн.*: „И тутъ, вдругъ, я съ глупу". *Слово*: сдержался *а также*: сглупу *прочитываем приблизительно*

[5]) *густо зачеркн.*; *не уверены в правильности прочитанного.*

[6]) *вст.*: вся; *н. т.*

[7]) *над. зачеркн.*: она вся

[8]) *перепр. в*: „закрылась"; п. т.

[9]) *вст. под строкой, другим почерком*: „затряслась"; *здесь на л. п. место знаком не обозначено, вст.*: „преступленіе мучило"

[10]) *вст.*: слишкомъ

[11]) *вст.*: у нея

[12]) *вст. зачеркн.*: „надлеж(ащей)"

[13]) *исправлено из:* успокоилась

[14]) *впереди вст.*: „и", *а внизу*: „опять"

[15]) *вст. под строкой*: „и опять! опять! О, какъ я ее мучилъ"

[16]) *вст. впереди*: „только": *н. т.*

[17]) *Впереди вст. другим почерком*: Вѣдь; *н. т.*

[18]) *вст*: давеча; *н. т.*

[19]) *вст.*: [Сначала]; *линия, указующая место, проходит через*: но *как бы его зачеркивая.*

[20]) *переправлено в*: Она *и потом вст.*: даже; *н. т.*

даже] своимъ спокойствіемъ [1]) и все [2]) просіяло въ душѣ моей. Но вдругъ она подошла [3]) ко мнѣ, [она] стала [4]) передо мной и сложила руки (давеча! давеча!) [Она сказала мнѣ вдругъ] [5]) сама, что она преступница, что она это знает(ъ), что преступленіе мучило ее всю зиму [6]), что она слишкомъ, [слишкомъ] цѣнитъ мое великодушіе. «[Съ этого дня] я буду вамъ вѣрной женой, и васъ буду уважать» [я]... Тутъ она не докончила, она [хотѣла стать передо мной на колѣни] [7]). Я вскочилъ и [вдругъ] обнялъ ее [8]). [Это было воскресенье изъ мертвыхъ] [9]). [Я обнялъ ее крѣпко, крѣпко] и [10]) въ первый разъ послѣ столь долгой разлуки, [какъ мужъ поцаловалъ ее [11]) въ губы]. [Она вся вспыхнула, о, я помню] [12]) [Въ какомъ восторгѣ я ушелъ со двора, а зачѣмъ я ушелъ? Но я такъ торопился] [13]) [вѣдь мука можетъ быть была въ лицѣ ея, когда она приняла супружескій поцалуй, а [14]) я [этого] [15]) не замѣтилъ] [16]). [И въ какомъ восторгѣ я ушелъ со двора] [17]). [И] и зачѣмъ я [уходилъ] [18]), всего то на два часа.. наши заграничные паспорты... о Боже! Только [19]) пять минутъ, пять минутъ бы раньше воротиться! — [А когда сходилъ съ лѣстницы, то подумалъ: „Зачѣмъ она сказала что „отнынѣ буду васъ уважать, зачѣмъ нашла нужнымъ сказать это...] [А я такъ] [20])

---

1) *вст. на л. п.*: „вотъ вѣдь что было! [О, все просіяло въ душѣ моей, а я такъ трепеталъ] А я всю ночь трепеталъ отъ страха вчерашній припадокъ“; *в п. т.* „......за вчерашнее“

2) *переправлено в*: Все

3) *перепр. в*: подходитъ; *п. т.*

4) *переправл. в*: становится; *п. т.*

5) *над зачеркн.*: говоритъ мнѣ

6) *вст.*: „и мучитъ теперь“; *п. т.*: мучаетъ: *дальше вставка на л. п.*: „будетъ мучить всегда“

7) *над зачеркн.*: „залилась слезами“

8) *вст.*: „крѣпко безумно“

9) *над зачеркн.*: „Я цаловалъ ее, цаловалъ ей лицо губы, какъ мужъ, какъ“; *п. т.* „...въ губы, какъ мужъ, въ первый разъ послѣ долгой разлуки“

10) *вст.*: я

11) *вст.*: [еще въ]

12) *последнее слово густо зачеркнуто: не уверены в правильности прочитанного; над всей зачеркнутой фразой тоже зачеркнуто*: [...] стыдомъ. Боже! Боже!]

13) *Над зачеркн.*: „Боже“ *и потом вставка на л. п.*: „вѣдь такъ вѣдь если потомъ это случилось“

14) *перепр. из*: но

15) *над зачеркн.* ничего

16) *вст.*: „ничего!“ *И дальше вставка на л. п.*: „я это на томъ свѣтѣ Богу скажу, люди этого незнаютъ, а это было давеча, давеча утромъ за самоваромъ“.

17) *Над зачеркн. тоже зачеркнуто*: [тутъ я вышелъ] *и немного далее*: [въ восторгѣ]

18) *вст. впереди*: только, *а после*: „давеча ушелъ“

19) *вст.*: бы

20) *над зачеркн.*: „и я такъ“

спѣшилъ воротиться [1]). [Эти пять дней я безъ нее не могъ пробыть ни минуты. А] Когда [2]) [подходилъ [3]) (Господи, теперь только припоминаю) я вдругъ подумалъ: «А зачѣмъ она |е| сказала, что отнынѣ буду васъ уважать, зачѣмъ нашла нужнымъ сказать это, увѣрять |что| [4]) уважаетъ... Такъ только мелькнуло это, |грустно мелькнуло| [5]), потому что вдругъ], вдругъ [6]) эта толпа въ [воз.] нашихъ воротахъ, эти взгляды на меня [7])... [Господи! [8]) Господи!.. да вѣдь это все случилось!..].

Лукерья говоритъ — (о, я теперь Лукерью низачто не отпущу, она все знаетъ [9]), она все разскажетъ) — она говоритъ что когда я вышелъ [10]) она, — и всего-то, всего-то минутъ за двадцать какихъ-нибудь до моего прихода,—она вдругъ вошла къ барынѣ, въ нашу комнату, что-то спросить и увидѣла что образъ ея (тотъ самый образъ [то], Богородицы) у ней вынутъ, стоитъ передъ ней [11]), а барыня какъ будто сейчасъ [12]) молилась. — Что вы барыня? — Ничего Лукерья ступай — Постой, Лукерья, подошла къ ней и поцаловала ее, — [Что] «Счастливы вы барыня! — Да Лукерья — Давно [13]) барыня надо бы барину къ вамъ придти прощенія попросить... Слава Богу что [14]) помирились. — Хорошо Лукерья, уйди Лукерья», и улыбнулась этакъ да странно такъ. «Такъ [14-а]) странно что Лукерья вдругъ черезъ десять минутъ воротилась посмотрѣть на нее. «Стоитъ она у [окна] стѣны, у самаго окна, руку приложила къ стѣнѣ, а на руку [15]) [на ладонь] прижала голову, стоитъ этакъ и думаетъ... И такъ глубоко задумавшись [16]), что и не слыхала какъ [17]) я смотрю на нее изъ

---

[1]) *вст.*: „точно зналъ"

[2]) *переправл. в*: Какъ

[3]) *вст. на л. п.*: „А знаете, я вдругъ припоминаю теперь, да именно сію минуту что когда я подходилъ"

[4]) *над зачеркн.*: въ; уважаетъ *перепр. въ*: уваженіи.

[5]) *Над. зачеркн.*: странно какъ-то... [думалъ я]

[6]) *вст.*: А тутъ

[7]) *В печ. текс. все эти места опущены, дана окончательная редакция*: „И зачѣмъ только я давеча ушелъ, всего только на два часа... наши заграничные паспорты... О Боже! Только бы пять минутъ, пять минутъ раньше воротиться... А тутъ эта толпа въ нашихъ воротахъ, эти взгляды на меня... о Господи!".

[8]) *под зачеркн.*: „Господи!"

[9]) *вст. на л. п.*: „она всю зиму тутъ была смотрѣла"; *в п. т.*: она всю зиму была

[10]) *вст.*: то

[11]) *вст.*: „на столѣ", *п. т.*

[12]) *вст*: „передъ нимъ": *п. т.*

[13]) *впереди этого слова вставка; мы прочитали*: „счастлива", *но не уверены в правильности прочитанного.*

[14]) *вст.*: вы; *п. т.*

[14-а]) *ковычки Достоевского*

[15]) *переправл. в*: къ рукѣ; *п. т.*

[16]) *вст.*: стояла; *п. т.* стоитъ

[17]) *вст.*: стою; *п. т.*

[другой] [1]) комнаты. „Вижу [въ ней] какъ будто [2]) улыбается“, [стоитъ и улыбается]. Посмотрѣла я [3]), повернулась тихо, вышла [4]), только вдругъ слышу отворила [5]) окошко; я вхожу, хочу сказать что свѣжо [6]), что не простудилась бы и вдругъ вижу она вся стоитъ [на] въ отворенномъ окнѣ, ко мнѣ [7]) спиной, въ рукахъ образъ держитъ. „Сердце у меня тутъ упало, кричу: барыня, барыня! Она вдругъ услыхала, хотѣла было обернуться, да не обернулась, шагнула, [и вдругъ выбр] образъ прижала къ груди и вдругъ выбросилась съ [8]) четвертаго этажа.

Когда я въ ворота вошелъ она еще была теплая. Вижу народъ, кричатъ, увидали меня, замолчали [9]) — на меня смотрятъ. [Я смотрю на нихъ]. [Вижу] [10]) они [11]) разступились и... и она лежитъ съ образомъ. [Я] подхожу [12]) [и помню] ничего неговорю, съ минуту нагнулся смотрѣлъ. Они [13]) обступили, говорятъ [14]) [мнѣ] [15]): [Я] [Еще] помню [16]) какой то [это нашъ лавочникъ], [17]) все кричалъ мнѣ [18]) что съ горстку крови изо рта вышло, „съ горстку [19]). Я [еще] [20]) его спросилъ [21]): „Что такое съ горстку?“ [И вдругъ, и вдругъ я задрожалъ возопилъ на весь дворъ: Люди, это недоразумѣніе!]“

---

1) *впереди зачеркн.*: той; *н. т.*
2) *вст.*: она; *н. т.*
3) *вст.*: еще
4) *вст.*: “незамѣтила она”
5) *перепр. в*: отворили
6) *вст. на л. п.*: барыня; *н. т.*
7) *перепр. из*: ней
8) *на месте многоточия*
9) *впереди встав.*. „вдругъ всѣ; *н. т.*
10) *над зачеркн.*: вдругъ
11) *вст*: всѣ вдругъ; *н. т.*
12) *переправл. из*: подошелъ
13) *вст.*: всѣ
14) *вст.*: „они мнѣ что-то“; *н. т.*
15) *вст. на л. п. друг. почерком*: „Лукерья тутъ была, но я не видалъ. Говоритъ что говорила со мной“; *н. т.*
16) *вст. впереди*: только
17) *Над зачеркн.*: „тутъ мѣщанинъ“
18) *вст*: въ лицо
19) *Вст сверху*: и
20) *Над зачеркн.*: „еще“ *снова зачеркнутое*: „еще“, *и наконец 3-й раз* „еще“ *после*: его
21) *Здесь вст.*: *сначала под строкой*: „и указывалъ на камень гдѣ была кровь на которомъ были брызги крови *Дальше вставка продолжается на л. п.*: „[еще] тронулъ кровь пальцемъ, запачкалъ палецъ, гляжу на палецъ а онъ мнѣ съ горст(ку)“; *ср. н. т*; *почти без изменений. К вставке что под строкой. б. м. относится также еще одна вставка, которая начинается ниже уровня слов*: „брызги крови“ А я слушалъ, слушалъ ихъ. *Место последней вставки не указано а по смыслу определить точно на этот раз невозможно.*

О, [недоразумѣніе!] недоразумѣніе.

О дико, дико! Недоразумѣніе! Неправдоподобіе! Невозможность! [1]).

На обороте листа 17 мы имеем целый ряд набросков отдельных мыслей и сюжетных мотивов, безусловно относящихся к последнему делению 2-й главы, в печатном тексте известному под заглавием: „Всего только пять минутъ опоздалъ". Порядок размещения этих набросков частью дан самим Достоевским при помощи линий и цифр; там, где таких указаний нет, мы этот порядок определяем либо в согласии с сцеплением мотивов в печатном тексте, а там, где руководствоваться этим принципом невозможно, печатаем их в порядке их помещения на листе. Порядок отмечаем обычными цифрами.

1) „Да развѣ нѣтъ? Чѣмъ назвать какъ неправдоподобіемъ? За что умертвила себя эта женщина — вотъ вопросъ — позволь(те)".

Сюда линия ведет следующий отрывок:

„Я знаю отчего умерла. Но вѣдь это значитъ случай,
Вѣдь еслибъ я 5 минутъ".

Как доказательство вводится следующий мотив, линией сюда приведенный:

„Случай. А то бы оставила записку".

Над этими тремя набросками, линиями связанными между собою, имеется еще один, обведенный с трех сторон линиями:

„Я буду васъ уважать
Кому она сказала это".

Дальше приводим набросок, у Достоевского занумерованный: 3).

„Неужто я ужъ такъ опротивѣлъ что одна мысль...
Честна уже очень. Широкость то сердца я хотѣлъ тогда привить. О, что за страшныя идеи".

Сюда линиями ведется следующий набросок:

„Испугалась любви моей.

---

[1]) *Последняя фраза, начиная от:* О дико, дико... *б. м. тоже более поздней редакции; мы однако оставляем ее в тексте, т. к. она как раз написана в самом конце листа и можно думать, что недостаток места виноват в том, что она помещена не в обычном порядке строк. Почерк же не кажется нам безусловно другим.*

Ну колибы я былъ такъ тебѣ противенъ счастье съ счастьемъ,
а я бы на другомъ тротуарѣ",

(Оговоримся, что мы не уверены в правильности прочитанного: „съ счастьемъ")

Между выше приведенными набросками, наклонно к первому, имеется еще следующий:

„Мы только отвыкли въ зиму, разучились,
а [и бы] можно было опять прiучиться".

Выше, над наброском за № 3, имеется набросок за цифрой 7:

„Пусть взглянетъ, какъ давеча. Вотъ когда давала
клятву что будетъ вѣрной женой".

Набросок за цифрой 8:

„Судья крикнетъ: молчите офицеръ. А я скажу ему
а чѣмъ вы [меня] устрашите? чѣмъ.

Как продолжение помещаем:

„Что мнѣ теперь ваши законы. Ваша вѣра, ваше государство — что мнѣ!"

От слов: „Ваша вѣра" — почерк другой.

Тут же чуть повыше:

„Какже нѣтъ?"

Под цифрой 9 следующий набросок:

„Открыть только разъ глаза.
Мы бы обмѣнялись взглядомъ
И она бы все поняла!"

Сюда нужно отнести по смыслу несколько слов, стоящих далеко от этого наброска:

„Ожила, только глаза — разъ глаза довольно"

Среди всех этих набросков мотив маятника:

„Стучитъ маятникъ.
Мертвый камень, отвѣть!"

Совершенно отдельно мотив о ботиночках, кстати сказать, использованный в качестве трагического эффекта не только здесь,

но и в „Похоронахъ Илюши“ („Бр. Карамазовы“):

„Богиночки ея стоятъ, * точно * ждутъ ее “.

Особо помещенъ еще разъ мотивъ о трагической внезапности ее смерти:

„5 минутъ — и ей бы никогда потомъ не пришло въ голову!“

И наконец последний набросок на самом верху страницы, лишь отдаленно связанный с сюжетным содержанием последнего деления 2-й главы:

„Да и вовсе не былъ приготовленъ къ такому участію.
Очень много убѣжденій, ипохондрическихъ убѣжденій, которые онъ выработалъ себѣ самъ —
Не увѣрена была. Но вотъ бѣда: тогда бы [не] написалось письмо“.

Листъ 19.

4.

А развѣ нѣтъ? Развѣ это правдоподобно? Развѣ можно сказать что это возможно? Для чего, чего [1]) умерла эта женщина?

О, повѣрьте понимаю, но — для чего она умерла вотъ вопросъ. Испугалась любви моей, спросила себя серьозно: принять или не принять, и не вынесла вопроса, и лучше умерла. Знаю, знаю нечего головы ломать [2]). Тутъ есть нѣсколько обстоятельствъ совершенно ужасныхъ.

Потому что для чего она [2-а]) умерла? Все таки вопросъ стоитъ [3]) я бы и оставилъ ее только *такъ*, еслибъ ей захотѣлось чтобъ осталось *такъ*. Она [4]) неповѣрила. [Она характеру моему не повѣрила], [ипохондріи моей не повѣрила], вотъ что! Нѣтъ, нѣтъ, я вру, вовсе не это. Просто потому что со мной надо было честно, любить такъ всецѣло [любить] [5]), а не такъ какъ любила бы [лавочника] [6]). А такъ какъ она была слишкомъ цѣломудренна, слишкомъ чиста чтобъ [7]) любить [меня какъ любила бы] [8]) лавоч-

---

[1]) *Вст. впереди:* для

[2]) *Здесь вст. на л. п. почерком другим:* „Обѣщаній слишкомъ много надавала, испугалась что сдержать нельзя — ясно; *н. т.*

[2-а]) *о испр. из* у

[3]) *вст. на л. п.:* „вопросъ стучитъ, у меня въ мозгу стучитъ.“; *н. т.*

[4]) *вст.:* тому; *н. т.*

[5]) *над зачеркн. снова:* любить

[6]) *над зачеркн.:* купца; *н. т.*

[7]) *вст. на л. п.:* „согласиться на любовь какую надо купцу“; *н. т...* такую любовь, какой...

[8]) *над зачеркн.:* „такъ какъ требуется“ *а под зачеркн.:* надо

ника [1]), то и не захотѣла меня обмануть. [подъ вид]. Не захотѣла обмануть [и] [2]) полулюбовью подъ видомъ любви, или четверть любовью. [Она знала что я потребую всего]. [вотъ что]. Честна [3]) ужъ очень — вотъ что-съ! Широкость-то сердца [я] хотѣлъ тогда привить, помните! [Что за странная идея!] [4]). [Я хотѣлъ перевоспитать характеръ].

Любопытно [5]): уважала-ли она меня? Я не знаю презирала она меня или нѣтъ? Недумаю что презирала. Странно ужасно: почему мнѣ ни разу не приходило въ голову, но всю зиму, что она меня презираетъ? Я въ высшей степени былъ увѣренъ въ противномъ до самой той минуты, когда она поглядѣла на меня тогда *съ строгимъ удивленіемъ*. *Строгимъ*, именно. Тутъ-то я сразу и понялъ что она презираетъ меня. Понялъ безвозвратно, навѣки! Ахъ пусть, пусть! Пусть бы презирала всю жизнь но — [какже она въ гробу?] [Какъ же я одинъ?] [6]). Давеча еще ходила, говорила. Совсѣмъ не понимаю какъ она бросилась изъ окошка! И [7]) какъ бы могъ я предположить [8]) [усталъ что-ль жить?] [о пусть бы открыла глаза, встала [9]) и сказала одно слово]! Я позвалъ Лукерью. Я теперь Лукерью низачто не отпущу, ни-за-что!

[Кстати, давеча стояла и говоритъ: я васъ буду любить, я васъ теперь *буду* [10]) *уважать*. Для чего она это сказала что уважать будетъ, для чего нашла нужнымъ [сказать, нашла] нужнымъ увѣрить меня что [11]) уважаетъ. [12]) [боялась что я сомнѣваюсь, что-ли] [13]), вотъ оно! [Но пусть, пусть, пусть не уважала-бы.]] [14])

[Потому что] [15]). Конечно можно было сговориться. Мы только страшно отвыкли въ зиму, но развѣ нельзя было опять пріучиться?

---

[1]) *перепр. в*: лавочнику

[2]) *восстановлено*: и;

[3]) *перепр. в*: честны; *отсюда линия ведет к слову*: обмануть *и. т.*:

[4]) *под зачеркн*: „странное" *потом переделано в*: странная [намѣре] мысль; *н. т.*

[5]) *Впереди вставка*: „ужасно"; *н. т.*

[6]) *Над зачеркн.*: „пусть бы только бъ" *и дальше*: „жила"; *и еще на л. н.* „жила!" *в н. т.*: „но — пусть бы она жила, жила!"

[7]) *Виднеется под*: и *буква кажется*: а

[8]) *Вст.*: „за пять минут?"; *н. т.*

[9]) в *на место*: ск.

[10]) *Вст.*: теперь

[11]) *вст.*: будетъ

[12]) *Здесь над зачеркн. начинается попытка новой редакции и продолжается и над следующей строкой*: „Къ чему такая необходимость перваго объясненія! [О, цѣлая] О, цѣлая *какая* бездна лежала между нами недоговореннаго необъясненнаго".

[13]) *вст. на л. п.*: „знала что я сомнѣваюсь!"

[14]) *на л. поле в уровень со всеми этими зачеркнутыми строками стоит целый ряд точек, как бы в указание необходимости их восстановления; однако в н. т их нет.*

[15]) *Над зачеркнут.*: О

Почему, почему мы бы не могли [сговориться и сойтись] [1]) Я великодушенъ, она тоже — вотъ и точка соединенія. Еще бы нѣсколько словъ [2]) и она бы все поняла. [Неужели жъ я такъ ужъ опротивѣлъ ей что одна мысль...] [3]) [Устала она въ зиму вотъ что]?

— [А] главное, [4]) что все это случай, простой, варварскій косный случай [5]). — Пять минутъ — всего, всего только пять минутъ: [6]) приди я за пять минутъ и мгновеніе пронеслось бы мимо [7]) и ей бы никогда потомъ не пришло въ голову. [А главное я былъ бы тутъ], [8]) [я бы] и [9]) кончилось бы тѣмъ что она бы все поняла. [Какой случай, безчувственный случай, которому дѣла нѣтъ!] [10]). Вонъ маятникъ, [качаясь] стучитъ, ему дѣла нѣтъ [11]). Нѣтъ никого, вотъ бѣда! [Человѣкъ одинъ на землѣ — вотъ бѣда!]

Знаю, знаю, не подсказывайте: Вамъ смѣшно что я жалуюсь на случай, на [12]) пять минутъ? Но вѣдь тутъ очевидность. Разсудите одно: она даже записки не оставила, что вотъ дескать „не винитe никого въ моей смерти" [и проч.] [13]). Неужто она не могла — [бы] разсудить что [потрев] могутъ потревожить [хоть] [14]) Лукерью: „Одна дескать съ ней была, такъ убила. По крайней мѣрѣ затаскали-бы, безъ вины — [бы затаскали], еслибъ только на дворѣ четыре человѣка невидали изъ окошекъ изъ флигеля и со двора, какъ стояла съ образомъ въ рукахъ и сама бросилась [15]). [Значитъ это было] [16]) только мгновеніе. [Случай], внезапность, фантазія! Чтожъ такое что передъ образомъ молилась? Это незна-

---

[1]) *Над зачеркн.*: „вновь начать все это". *На л. н. иная редакция*: „и начать все сызнова"; *н. т...* опять новую жизнь

[2]) *вст*: „два дня неболыше", *н. т.*

[3]) *Над зачеркн*: все, все! *На л. н. — место не обозначено — вставка потом зачеркнутая*: [Опоздалъ!]

[4]) *Вст. в два приема; сначала идет*: „что обидно—это-то"; *затем почерком другим*: „что трагически обидно"

[5]) *Вст.*: Вотъ обида!

[6]) *Вст. зачеркн.*: [опоздалъ]; *в н. т. имеется*

[7]) *Вст.*: „какъ облако"; *н. т.*

[8]) *Под зачеркн. зачеркнутое*: [Какже не случай?]

[9]) *Переправ*: И

[10]) *Над зачеркн.*: „О, какъ обидно"; *дальше вставка на л. н.*: „Опять пустыя комнаты, опять я одинъ, [опять заклады]"; *н. т.*

[11]) *вст. над строкой зачеркн.*: [это обидно]; *под строкой*: „ему ничего не жалко"; *в н. т.*: жаль

[12]) *впереди вставка*: и *н. т.*

[13]) *вст.*: „какъ всѣ оставляютъ". *н. т.*

[14]) *над зачеркн.*: даже; *н. т.*

[15]) *Вст на л. н.*: „Но вѣдь *и* это тоже случай, что [были] *случились* люди и видѣли; *такъ и в н. т., только вместо*: случились — стояли

[16]) *Над зачеркн.*: „Нѣтъ, все это [было] только"; *на л. н. вст.*: однимъ мгновеніемъ".

В. н. т.: „Нѣтъ, все это – мгновеніе, одно лишь безотчетное мгновеніе".

чить что передъ смертью. Все [то] мгновенье продолжалось можетъ быть [1]) пять минутъ [2]), все рѣшеніе вотъ когда у стѣны стояла [3]) и улыбалась [4]). [Какже, какже не случай!] Это [5]) [ясно какъ день!] [Пять минутъ, всего только пять минутъ!]

Нѣтъ, тутъ явное недоразумѣніе: [6]) Со мной еще можно бы жить. А что если малокровіе? Просто отъ малокровія, отъ не-

Листъ 20.

[достатка] [7]) жизненной энергіи. [измучилъ я ее вотъ что!] [8])

Какая [9]) она тоненькая въ гробу, какъ заострился носикъ! Рѣсницы лежатъ стрѣлками. И вѣдь какъ упала — ничего неповреждено! Только эта „горстка крови". Десертная ложка то есть. Внутри сотряслось. Странная мысль: если-бъ ее не хоронить? Потому что если ее унесутъ, то [какже мы будемъ] [10])... О, я вѣдь знаю что ее должно унести, я небезумный, и небрежу вовсе напротивъ никогда еще такъ умъ не сіялъ, — но какже [никого не будетъ] [въ домѣ] такъ опять никого въ домѣ, двѣ [11]) комнаты, и [я съ закладами] [12]), Бредъ, бредъ, вотъ гдѣ бредъ [13])! Что мнѣ теперь ваши законы? Къ чему мнѣ ваши обычаи [14]), ваша жизнь, ваше государство, ваша вѣра? Пусть судитъ меня вашъ судья, пусть приведутъ меня въ судъ, [15]) и я скажу что не признаю ничего. Судья крикнетъ: молчите офицеръ! А я [скажу гдѣ] закричу ему: гдѣ теперь [у васъ] [16]) такая сила, которой бы я послушался? [Я не вѣрю въ вашу силу и самъ жить не хочу]... Зачѣмъ мертвая

---

1) *Вст.*: „какихъ нибудь"; *н. т.*

2) *Здесь знак*: Г *указывающий на вставку*; *на л. п. в уровень со строкой, но без ответного знака имеется такая вставка*: „не справилась съ впечатлѣні(емъ)"

3) *вст.*: „оперщись рукой"

4) *на л. п. вставка*: „влетѣла въ голову мысль, зажглась и *она* не могла устоять передъ нею. [Какже не случай, это ясно какъ день!]

В н. т. вместо: зажглась — закружилась; *слово*: она *отсутствует.*

5) *Слово*: Это *очевидно случайно не зачеркнуто.*

6) *Вст.*: „какъ хотите". *н. т.*

Дальше вставка зачеркнутая: [Главное пять минутъ]

7) *Над зачеркн.*: истощенія;

8) *Вместо зачеркн. друг. почерк.*: „Устала она въ зиму вотъ что измучилъ я ее вотъ что"; *в н. т. первая фраза.*

9) *Впереди вст.*: — Опоздалъ! *н. т.*

10) *Надъ зачеркн.*: „да вѣдь это *почти* [дум] невозможно!"

11) *впереди вст.*: опять; *н. т.*

12) *вст. поверх зачеркнутого*: „кромѣ меня никого"... *а рядом с зачеркнутым тоже зачеркнутое*: [согласитесь что тяжело.]

13) *вст. на пр. п.*: „Измучилъ я ее вотъ что"; *н. т.*

14) *вст.*: ваши права; *н. т.*

15) *вст.*: „въ вашъ гласный судъ", *н. т.*

16) *над зачеркн.*: у тебя; *н. т.*

косность разбила то, что всего дороже? [Зачѣмъ же мнѣ жить послѣ этого?] [Отвѣтьте [1]) мнѣ зачѣмъ?] [Это преступленіе судьбы] Ч [2]) что [3]) мнѣ послѣ того ваши [4]) законы [5])! [Я отдѣлился] [6]).

[О], слѣпая, [7]) [ошибка]![8]) Мертва, не слышитъ? Не знаешь ты какимъ-бы раемъ я оградилъ тебя? Рай былъ у меня въ душѣ, и я бы насадилъ и кругомъ тебя! Ну, ты — бы меня нелюбила, — [и пусть], и пусть! Ну что же? Все и было — бы *такъ* все бы [9]) и осталось бы [10]) *такъ*. Разсказывала бы только мнѣ какъ другу. [11]) и еслибъ и другого [12]) полюбила, — ну и пусть. Пусть [13])! Ты бы шла съ нимъ и смѣялась, а я бы смотрѣлъ съ другой стороны улицы... О, [пусть, пусть! но] пусть [она живетъ!] [14]). [О, я знаю что это нельзя, я вѣдь не безумный, но] [15]) пусть бы она открыла хоть разъ глаза. На одно мгновеніе, только на одно! [всего на одно]. [16]) Взглянула бы на меня [своимъ взглядомъ], вотъ какъ давеча, когда [да в] стояла передо мной и давала клятву, что будетъ вѣрной женой. [Нѣтъ, серьозно] [17]), [одинъ [18]) только взглядъ]? взглянула бы [19]) [на меня] и все поняла!..

[О,] косность! [20]) О, природа! [21]) Стучитъ маятникъ безчув-

---

[1]) *вст.*: судьи

[2]) и *на месте буквы* Ч

[3]) *вст.*: же

[4]) *впереди вст.*: всѣ

[5]) *Вст. зачеркн.*: [ступайте], *а затем на правом п.* „и вашъ міръ! я отдѣляюсь. О, мнѣ все равно!"; *п. т.*

[6]) *см. предыд. примеч.; вставка была безусловно сделана после того, как эти два слова были зачеркнуты.*

[7]) с *перепр. в*: С

[8]) *над зачеркн.*: слѣпая; *п. т.*

[9]) *вст.*: я

[10]) *перепрaвл. в*: оставилъ; *в п. т.*: оставалось...

[11]) *вст на пр. п.*: „— вотъ бы и [смѣялись], *[радовались]* *и смѣялись радостно* глядя другъ другу въ глаза"; *п. т.*

[12]) *вст. не разобр. слово из 3 букв*

[13]) *вст. на пр. п.*: „и это пусть разсказывала бы!"

[14]) *Над зачеркн.*: пусть, только бы ожила [она]

[15]) *Над зачеркнутым тоже зачеркнутое*: [нѣтъ, серьозно, хоть это невозможно]

[16]) *На л. п. вставка зачеркнутая*: [да больше и не надо я не стою!]

[17]) *Над зачеркн.*: О; *п. т.*

[18]) *вст.*: бы

[19]) *Над строкой, которая начинается этим словом, такая вставка*: „О, я бы все ей успѣлъ сказать".

[20]) к *перепрaвл. в*: К

[21]) *Вст. начинающаяся над строкой и продолжающ. на пр. п.*: [Человѣкъ] *Люди* одинъ (*перепрaвл. в*: одни) на землѣ — вотъ бѣда! никто не отвѣчаетъ. Взойдетъ солнце и развѣ оно не мертвецъ? [мертвецъ]! *Всюду* мертвецы!

Дальше эта вставка получает следующее развитие:

„Есть-ли въ полѣ живъ человѣкъ? Кричитъ русскій богатырь. Кричу и я — не богатырь. Никто не откликается. Говорятъ солнце

ственно, [косно]; [1]) ночь. Ботиночки ея стоятъ у кроватки, точно ждутъ ее, Нѣтъ, серьезно, Когда ее завтра унесутъ [какже] [2]) я буду? [О, случай, мертвый случай....] —

[О, опоздалъ, опоздалъ!]

Почтовый полулистъ *

— Открывъ кассу я нарочно усилилъ всю эту казенщину, т. е. образъ, бульдога — револьверъ — Слушайте, слушайте...

— Ждалъ выстрѣла. Право ждалъ искренно. О, во мнѣ есть серьезное.

Такая какъ она вдругъ спуститъ. Кроткія такъ, отдаются движенію, не разсуждают. — * [3]) По покатой инерціи ослабленія

живитъ вселенную. Взойдетъ солнце и — развѣ оно не мертвецъ? Все мертво и всюду (*исправл. из*: всегда) мертвецы. Одни только люди — и [все] *кругомъ* нихъ молчитъ (*переправл. в*: молчаніе) Люди любите другъ друга — Кто это сказалъ, чей *это* завѣтъ? Стучитъ *вотъ* маятникъ безчувственно противно. Два часа ночи*.

[1]) *Над зачеркн.*: противно; *н. т.*

[2]) *Над зачеркн.*: что же; *н. т.* чтожъ

Почтовый полулист

*Как уже было указано вскользь во вступительной статье, отрывки, написанные на листках почт. бумаги, представляют собою наброски мотивов сюжетных и психологических положений героев — преимущественно ко второй главе, в частности — к последним двум ее подразделениям. Отметим и здесь, что меньше всего заметок относится к сюжету. С другой стороны, некоторые моменты психологические особенно упорно повторяются: иногда на одной и той же странице по несколько раз. Достойно внимания также и следующее: некоторые наброски настолько подробно развивают какой-нибудь момент, что почти целиком входят в связную редакцию: нашу ли первую, иногда и печатную. Очевидно, это наброски не первоначальные, и сделаны они на первопопавшемся куске свободной бумаги для занесения их в текст уже связный или даже в последнюю редакцию.

В примечаниях мы, к сожалению, не могли привести — из нашей ли редак. или печ. т. — параллелей к этим наброскам — это сильно увеличило бы размеры занимаемого ими места.

Что касается знаков, которыми мы пользуемся при печатании этих набросков, то они те же, что и при связном варианте: зачеркнутые слова мы берем в прямые скобки: [ ]; в круглые скобки, если не оговорено в прим., что они принадлежат автору, мы включаем окончания слов, в тексте не оконченных. Звездочками *... * обозначаем вставки над или под строками или на полях. В виду малочисленности этих вставок, мы их не выносим в примечания.

В тех местах, когда топография особенно характерна, мы печатаем наброски в том же виде, как они написаны.

В тексте каждый набросок отделен от другого прямой линией во всю ширину страницы; у нас они отделены небольшой линией:

[3]) *Заключенное в звездочки написано на л. поле в длину страницы. знак*: || *точно обозначает место, к которому относится.*

чувства — Фу какой я вздоръ написалъ. А вѣдь это инерція, и покатая [1]): захватитъ тебя. Спусти, спусти курокъ, спустилъ. — Э попалъ * [2]).

— Сначала исхудала, видимо мучилась угрызеніями. (Сама же мнѣ объявила потомъ въ истерикѣ) а потомъ забывать меня стала [3]). —

— О, какъ я ее любилъ. Вѣдь вы этого не знаете. Но вѣдь и она поняла, что я ее любилъ каждый часъ, каждую секунду, во весь этотъ годъ. — (Это онъ ей потомъ послѣ объяснилъ) [4]).

— Привелъ ее за руку. Она сѣла. Ей было стыдно, ужасно. Но она изо всѣхъ силъ хотѣла не стыдиться... — [5]).

— Я ее испугалъ. Она моей любви испугалась, она думала что я про нее позабуду и что такъ мы и будемъ. А вѣдь если такъ, то вѣдь она не предполагала никакихъ чувствъ во мнѣ. Человѣческихъ. Безъ негодованія предполагала, не [6]) осуждаю: такъ дескать человѣкъ, ординарный, изъ той породы людей, равнодушіе [7]). Но въ этомъ равнодушіи въ этомъ именно отсутствіи негодованія — сколько презрѣнія. Она просто *забыла* меня, о моемъ существовань(и) забыла, * [8]) забыла даже пѣсенки начала пѣть * . [Сколько презрѣнія! И тутъ вдругъ я съ любовью, съ цѣлымъ вулканомъ чувствъ! Испугалась, испугалась. Спросила себя серьезно: принять или нѣтъ, не вынесла и [не] лучше умерла. Ужасно, ужасно тутъ есть нѣсколько обстоятельствъ совершенно ужасныхъ] [9]).

[Я имѣлъ право себя обезпечить и открыть эту кассу. Вы отвергли меня, вы прогнали меня съ презрительнымъ молчаніемъ, на мой страстный порывъ къ вамъ. Теперь я въ правѣ огра-

---

[1]) *испр. из*: покатость

[2]) *Все эти отрывки с револьвером представляют наброски к главному мотиву подразделения VI первой главы.*

[3]) *Этот как и следующий отрывок намечают в самых общих чертах, еще весьма смутных, содержание первых двух подразделений второй главы.*

[4]) *Находящееся в скобках есть повидимому пометка Достоев. для себя: как и где следует ввести этот мотив любви.*

[5]) *Относится к началу последнего абзаца подразделения V 1-й главы — после свидания ее с поручиком Ефимовичем.*

[6]) *недостаточно ясно*: ке *или* но

[7]) *Недостаточно ясно — возможно*: равнодушен; *по контексту скорее*: равнодушіе.

[8]) *Начинающаяся здесь вставка помещена: в конце всего абзаца; знак v указует ей место.*

[9]) *Все это зачеркнутое место является уже мотивом последнего подразделения 2-й главы.*

диться стѣною, собрать это тридцать тысячь и окончить жизнь гдѣ-нибудь въ Крыму, въ имѣніи, благо теперь еще онѣ дешевы, вдали отъ всѣхъ васъ, съ идеаломъ въ душѣ, съ любимой женщиной, съ семьей, если Богъ пошлетъ и — творя вамъ добро, помогая окрестнымъ поселянамъ.] * Одни(мъ) словомъ, повторяю это все глупо, но это такъ было. О, вы не знаете мою жизнь и она не знала. А я и не разсказывалъ подожди дескать * [1]).

Само собою что вылетаютъ слова слишкомъ нетерпѣливыя, наивныя и неожиданныя, * не послѣдовательныя, себѣ противорѣчащія но искреннія, хотя бы даже ужасно лживыя, ибо человѣкъ лжетъ иногда очень искренно. Особенно когда самъ себя желаетъ увѣрить въ правдѣ своей лжи. *

Какбы подслушивалъ ходящаго и бормочащаго [2]).

Видите-ли, я не съумѣлъ сдѣлать, я просто не съумѣлъ сдѣлать, а то все было: я ее любилъ, я великодушенъ но я не съумѣлъ, что-то я тутъ не съумѣлъ.

Но — довольно! Довольно!

Кончено, такъ кончено. чего же теперь, не правда ли? bis [3]).

х) Отдать Добронравову. прочь это прошлое, а ты прости его [4]).

х) не раздать-ли бѣднымъ, кромѣ 2000 оставить тѣ на Булонь [5]).

Я собственно вѣдь для чего женился? (Это въ антрактѣ послѣ револьвера). [6]) ([не] упустилъ случай [7]),

До порыва: // * Поетъ * забыла [8]) она про меня что-ли.

Съ горстку: такъ вѣдь это недоразумѣніе.
Я такъ и закричалъ: это недоразумѣніе.
И я завопилъ на весь дворъ: Люди [судьба] это недоразумѣніе!

---

[1]) *Сверху над этим абзацем в уровень со срединой строки стоит: б. м. это означает: относится к 1-ой главе; см. подразделение II 1-ой главы. Там весь этот отрывок почти дословно. Последнее предложение написано сбоку. А предыдущие два почерком другим и другими чернилами.*

[2]) *Основной мотив предисловия:* „От автора“.

[3]) *Весь этот отрывок — лейт-мотив всей второй главы, восходит также к мотиву последнему 4-го подразделения 1-й главы.*

[4]) *С левой стороны сбоку знак:* Х; *тем же знаком будут в дальнейшем обозначены еще три отрывка, логически связанные с этим первым.*

[5]) *см. прим. 14.*

[6]) *скобки автора*

[7]) *Впереди этого предложения скобка, не закрыта Дост.*

[8]) *сверху над словом:* забыла — поетъ: *см. ниже второй отрывок под знаком:* ||, *а также боковой под тем же знаком.*

А развѣ нѣтъ? Развѣ не недоразумѣніе!

Здѣсь Въ томъ-то и дѣло что она хотѣла дѣйствительно меня убить и надумала это почью. Это я узналъ отъ нея, вчера-же.

Я отдалъ два заклада. Я возвратилъ деньги: пришли ползали на колѣнахъ благодарили. Она видѣла.

Что за задумчивость, что за странная задумчивость!
Была весела. Запѣла. Это какъ птичка подумалъ я.

— Видите ли, уговоръ лучше денегъ, пусть откроетъ глаза, мнѣ кажется я начинаю мѣшаться.

— и дурная улыбка ее прошла
— Въ утро револьвера купилъ новую койку

Конспектъ: послѣ горячки

X — Я мечтатель
— я знаю, я знаю

X — Касса ссудъ Это поворъ, позор —

Я искалъ раскаянія, я не сомнѣвался въ томъ

Она моя!
исторія дуэли
Теперь побѣждена
Добрыя дѣла
Кротость
Бѣлье
Чтеніе
[купилъ новую кой(ку?)] [1])
Вина [2])
— Подъ конецъ во мнѣ недоумѣніе на себя
Я даже тогда понималъ, что ошибался
Что нибудь да говорили, но я не давалъ распространяться да и она сдерживалась чтобъ не распространяться.

— Она: мы рознь. Я думала вы меня оставите [совсѣмъ]. *Такъ* [3]).

---

[1]) *слово не окончено у Д.*

[2]) *До этого места конспект действительно соответствует расположению главных мотивов первого подразделения 2-й главы, начинающейся с разсказа о горячке; к этому же первому подразд. относится и написанное с правой стороны сбоку начиная со слов;* Что нибудь да говорили... *написанное же с левой стороны, отделенное линиями, относится к наброскам предыдущим, что обозначается знаками:* X *и* ||; *см. прим. 4 и прим. 8 (стр. 502).*

[3]) *см. подразд. II второй главы.*

X) Согласимся что мы требовали одинъ отъ другого невозможнаго. Я ипохондрикъ а ты прямолинейна. Для чего мы мучали другъ друга? Не лучше ли бъ объсниться. Но я и незналъ тебя какъ тебя люблю. Послѣ револьвера я былъ удовлетворенъ въ моей гнусной гордости и нарочно разжигалъ въ сердцѣ обиду. Теперь вдругъ пелена упала и проч. Это все въ судорожныхъ объясненiяхъ любви [1])—

Почтовый листъ 2-й.

Вѣдь нѣсколько дней, да, пять или шесть дней и вотъ давно, а вѣдь это было давно, еще давно!..

---

5 глава.

Да это было недоразумѣнie. Одну бы каплю подождать
Еслибъ я только пять минутъ раньше
столько прошло
Это былъ случай. Я бы ее увѣрилъ во всемъ совсѣмъ.
Ну на что, зачѣмъ она убила себя? Конечно внезапность,
О, я понимаю (читатель) [2])

Къ чему мнѣ законы? Богъ, а жена, гдѣ она?
У меня теперь нѣтъ законовъ, нѣтъ ничего —
Чѣмъ могутъ они
мучить меня —

Я сказалъ это неосторожно) [3]) что она преступница что она понимаетъ и цѣнитъ все мое великодушie [4]).

Почтовый листъ 3-й.

1-я страница.

Final. Вотъ теперь когда я все это перебиралъ въ головѣ я понимаю: не приняла любви, думала это такъ. И до того тяжела была любовь что приняла [5]) лучше смерть. Это было внезапно —

---

[1]) *Отрывок написан на левом поле вдоль всего листа. Поперек всего отрывка крупным почерком:* Здѣсь. *Мотив отрывка тоже отчасти разработан в 1-м подразделении 2-ой главы.*

[2]) *С левой стороны последней строки несколько ниже трудно разбираемое слово, кажется:* пережилъ

[3]) *сверху несколько в стороне написано:* я говорилъ

[4]) *отрывок этот написан с левой стороны сбоку.*

[5]) *начиная отсюда до конца фразы — написано с правого боку*

Это я-то говорила съ блескомъ, я! — Вы оттого что меня любите преувеличили. * [1]) Было много дѣвичьяго, тѣмъ — то и мило. *

— Ей, въ объясненіяхъ, когда кается: „потому что они (офицеры) [2]) были па половину и правы, потому что я тогда дѣйствительно струсилъ и вотъ это и гнело меня самого все время, и я, вотъ ужъ шестой годъ не хочу сознаться, что я тогда струсилъ, а я тогда струсилъ...

Полноте, полноте, успокойтесь, это не такъ, вы сами себя теперь мучаете. Простите меня, это я виновата...

Послѣднее ее объясненіе: „я буду васъ уважать...“

Вѣдь оставаться со мной значитъ надо было принять мою любовь. —

— Развѣ я изъ униженія цалую (полъ)? [3]) Я цалую потому что это мнѣ сладко. —

Должно быть внезапно, потому что и записки не написала.

— Лукерью чуть не потревожили. Изъ окна и со двора видѣли ее впрочемъ бросающуюся четверо или пятеро свидѣтелей.

— Я вѣдь предчувствовалъ что ты *забывать* меня стала, я догадался

— Она думала что все *такъ* и останется. Она отучилась любить меня.

Здѣсь. [4])—Нѣтъ, когда съ Ефимовичемъ она сидѣла вѣдь было легче, когда съ револьверомъ стояла надо мной было легче — потому что она все таки тогда любила меня, а теперь она отучилась любить меня. * Но я уже теперь не хотѣлъ выпускать ее изъ рукъ *

О, как вдругъ упала эта пелена.

X) И послѣ *первыхъ* ногъ, и ея припадка — (я мало говорилъ, только въ Булонь). — И наступило отчаяніе, пелена —

---

[1]) *последняя фраза написана между строк*

[2]) *скобка Дост.*

[3]) *скобка Дост.*

[4]) *Сбоку всего отрывка стоит цифра: 5; последняя фраза в звездочках написана между предыдущей и последующей строкой.*

Я подходилъ къ ней судорожно и говорилъ — Я все надѣялся до послѣдней минуты...

О какъ [она] я ее мучилъ (вліяніями) [1])

О какъ она винила себя!

Строгое удивленіе. Я показался такъ глупъ, такъ бѣденъ и жалокъ. —

X О, какъ я гордился передъ тобою револьверомъ.

X О, я всю зиму только и дѣлалъ что любовался моимъ подвигомъ, оттого и тебя забылъ.

X Я ей только напомнилъ о ея поступкѣ, *потрясъ* и напугалъ воспоминаніемъ —

Я мало еще понималъ, все еще продолжалъ не понимать (т. е. что ей страшна моя любовь) [1])

Я буду уважать васъ, Странныя слова, но мы обнялись

Явилась Лукерья [2])

Она бросилась ко мнѣ, плакала, обнимала судорожно.

2-я стр.

— Глупая и комедіантская мысль мелодрамат., но еслибы возможно было не хоронить ее! Я немогу представить что ее [3]) унесутъ

— Нѣтъ однако, серьозно, какъ же я тогда буду?

——————— [4])

Это мысль ложной мелодрамы, приличная Кукольнику, котораго такъ осмѣяли, но — значитъ она вѣрная если она есть у меня. И вообще я заговариваюсь. Дѣло въ томъ, что Лукерью неотпущу никакъ [5]). — Она разскажетъ — Я убѣжденъ что я незнаю еще бездны подробностей.

---

[1]) *см. прим. 3 (стр. 505).*

[2]) *Весь этот отрывок, как и следующий, написаны на лев. поле вдоль страницы; с правой стороны сверху над ним:* 6)

[3]) *испр. из:* я

[4]) *у Д. здесь не линия во всю строку, как везде на почтовых листах, а именно этот знак:* ———

[5]) *испр. из:* никогда

Струсилъ

2 [1]) Меня впечатлительнаго ипохондрическаго человѣка поразила обстановка, буфетъ, и какъ это я вдругъ выйду, и не выйдетъ-ли глупо. Струсилъ. А потомъ передъ товарищами ужъ и не хотѣлъ признаваться.

Разсказъ про Фауста.

Жиль-Блазъ и проч. и сообщенія (кто сколько съѣлъ) [2]). — какъ хохотала! Ну могъ-ли, могъ-ли я ожидать! —

——— [3])

Вотъ какъ говоритъ Лукерья —

Перевоспиталъ онъ

2 [4]) Для чего, для чего она умерла? Я бы и оставилъ ее только *такъ*, еслибъ ей хотѣлось чтобъ осталось *такъ*. Она не вѣрила. она характеру моему не вѣрила, ипохондріи моей не вѣрила: Нѣтъ, нѣтъ, я вру и не это. Просто потому, что со мной надо было честно, всецѣло любить такъ любить, не то что какъ съ лавочникомъ, а такъ какъ она была слишкомъ цѣломудренна, слишкомъ честна, то и не хотѣла меня обмануть подъ видомъ любви полулюбовью или четвертьлюбовью. Вѣдь она знала, вѣдь она видѣла, что она для меня все и что я потребую всего [чего она дать не] всего.

3-я стр.

5 [5]) Случай.* внезапный * Случай * А главное, что это вѣдь все-таки косный обидный * [6]) О какъ обидно! Вѣдь [7]) какъ подумаешь, что еслибъ я пришелъ раньше, или кто вошелъ, или даже Лукерья и ничего бы никогда не вышло.

---

3) Заострившійся носикъ, (провалившіеся глаза) [8])... Не знаешь ты какимъ бы раемъ я оградилъ тебя! Ну ты-бъ меня не любила — ну чтожъ. Все и было бы *такъ*, все бы и оставалось *такъ*. Разсказывала бы только мнѣ какъ другу... Ну а еслибъ

---

[1]) *От цифры*: 2, *стоящей у объемлющей весь отрывок дугообразной линии, тянется линия вдоль страницы к странице 3-ей, к отрывку, помеченному цифрой*: 1

[2]) *скоб-Дост.*

[3]) *см. прим. 4 (стр. 506).*

[4]) *Здесь опять цифра 2 у двойной линии, изогнутой, объемлющей весь отрывок.*

[5]) *Цифра 5 у изогнутой линии, объемлющей весь отрывок.*

[6]) *Фразу, взятую в звездочки, вставляем здесь по смыслу; написана она в самом верху страницы в отдалении от*: Случай.

[7]) *Пост. на месте слова*: если

[8]) *скобка Д.*

полюбила другого, — ну и пусть, * и объ этомъ бы пусть разсказала [1]) * Ты бы шла съ нимъ и смѣялась, а я бы смотрѣлъ на васъ съ другой стороны улицы и смѣялся-бы потому что ты съ нимъ смѣешься.

* Стра(шная) [2]) мысль — еслибъ ее не хоронить, потому что какъ же ее завтра унесутъ? О пусть бы только открыла глаза * [3])

Она мучилась преступленіемъ не выносила напоминанія истерика

4 Она говорила въ последней сценѣ: я буду васъ уважать. Я обнималъ ее, плача въ восхищеніи но внезапная новая какая то и чрезвычайно сильная боль вдругъ подступила къ моему сердцу: „Зачѣмъ она сочла нужнымъ сказать [4]) мнѣ что она меня будетъ любить и уважать. Къ чему необходимость этого обѣщанія — значитъ цѣлая бездна еще между нами не договорена.

---

8. — Касса ссудъ — паденіе воли и ума, ложная идея самобичеванія и самовосхваленія — де кать „довели такъ вотъ вамъ * поворъ такъ позоръ * твердъ и не боюсь васъ". —

Строгое удивленіе, потомъ стыдилась и смѣялась въ стыдѣ, и вдругъ заплакала. —

---

5. Да, я ее испугалъ, Она была испугана, вотъ разгадка! Да и устала въ зиму-то (передъ выбросомъ изъ окна) [5]).

---

1 [6]) — Я ее вдругъ сдѣлалъ другомъ... Это послѣ такого-то отчужденія, но вполнѣ другомъ уже ничего не скрывая, какъ на исповѣди, какъ на исповѣди. — Куды болѣе чѣмъ на исповѣди, не скрывалъ даже того что отъ себя скрывалъ — Я выдумалъ напримѣръ что дѣйствительно струсилъ

Такъ [7]) и забылъ ее, такъ оно и будетъ... О я тогда еще не могъ осмыслить. Нѣтъ, смыслъ еще не возвратился весь.

---

[1]) *взятое в звездочках написано между строк.*

[2]) *слово не кончено*; *либо* странная, *либо* страшная

[3]) *Весь отрывок написан другим почерком, заполняя промежуток между двумя отрывками и захватывая кусок следующ. отрывка с правой стороны отрывка.*

[4]) *Над словом*: сказать *начато слово* объ(щать?)

[5]) *Здесь так*: *после слова*: разгадка *в строку идет*: (передъ выбросомъ (*и т. д.*); из *следующей фразы слова:* Да и устала *напис. над словом*: окна; в зиму-то *напис. под этим словом.*

[6]) *см. прим. 2 (стр. 507).*

[7]) *Впереди вставка*: [что]

Планъ здѣсь[1])
1) взрывы къ Мозеру,
2) то и то
3) стала разговаривать что читала Жиль Блаза
4) Сталъ хвалить. Это я то, не говорите
5) разгов^ръ про пирожки.
6) вдругъ упала къ ногамъ буду уважать.

Поцаловал застыдилася [я вышелъ] бросилась на кровать плакать я вышелъ

4-ая стр.

— зачѣмъ сказала, что она будетъ уважать,? зачѣмъ нашла нужнымъ сказать это?

— поцаловалъ, она вся вспыхнула —

— Тутъ лавочникъ, это онъ говорилъ что съ горстку.

Ботиночки ея тутъ (вдругъ) [2]) — какъ же ботиночки тутъ а ножекъ * ея * нѣтъ. —

— Мы смѣялись наканунѣ, а на утро она строго подошла ко мнѣ и сказала что она будетъ уважать.

— Измучилъ я ее, вотъ что! устала.

— Вѣдь она бы непремѣнно написала: вотъ дескать не вините въ смерти. *Нѣтъ, тутъ недоразумѣніе!* И съ чего, съ чего ей было умертвить себя? [ну] о, я вѣдь понимаю (честная) [3]) но все таки (я бы стоялъ на другой сторонѣ тротуара) [4]). Со мной *еще можно жить*, т. е. допустить меня при себѣ. Не знаю, устала она отъ жизни устала. Нѣтъ. Это случай, внезапность, а то написала бы. Я это все говорилъ Лукерьѣ — у той только одно слово: измучилась очень барыня, вѣдь такъ плакала безъ васъ иногда! Такъ чтожъ ты мнѣ не сказала, что же несказала: закричалъ я. *Нѣтъ я низачто не отпущу* Лукерьи. Ботиночки. — (Чего жъ она не подождала. Еще бы капельку, капельку).

---

[1]) *План дан у Д. так: первые 4 пункта с правой стороны; 5 и 6 посредине и:* „поцаловалъ...“ и т. д. *с левой стороны — в самом низу страницы*

[2]), [3]), [4]) *скобка Дост.*

6. — *Малокровіе* можетъ быть, просто отъ малокровія, отъ недостатка жизненной энергіи — Да дѣйствитель(но) могла устать [1]) устала въ зиму [2])

— Я могу положительно сказать, что она была гораздо образованнѣе меня (въ послѣд. монологѣ) [3]). Какъ тонко понимала. И наконецъ могла же она смѣяться Гренадском(у) Епископу... Стало быть была спокойна, былъ миръ въ душѣ. Я подошелъ и міръ этотъ нарушилъ. А вѣдь она вѣрила ему, вѣрила что я не подойду никогда * Да и не думала обо мнѣ вовсе * Дитя! Дитя! 10 лѣтнее дитя!

— Рыдалъ, рыдалъ бѣдный, но подъ конецъ такъ измучилъ что самъ испугался.

— И вѣдь нѣтъ, вѣдь накануне еще (пирожки) [4]) Я помню, я помню еще тогда невѣстой разсказывала о пирожкахъ (вотъ когда я холодной водой)

Вѣдь это было нѣсколько дней
и вотъ нынче вдругъ подошло [5])

— Она повторяла: я не *стою*, я не *стою*. О, какъ она плакала.

Я поцаловалъ

Поцаловалъ — она вспыхнула точно дѣвочка, точно не мужъ поцаловалъ.

Одно только слово пронзило меня, — уваженіе.

---

[1]) *не уверены в правильности прочитанного*

[2]) *на месте какого-то другого слова, которое мы прочитываем* устать

[3]) [4]) *скобка* Д

[5]) *Вся фраза окаймлена с трех сторон линиями.*

Речь о Пушкине.

(По черновому автографу Российской Публичной Библиотеки).

Приготовила к печати В. Б. Враская
под редакцией Д. И. Абрамовича.

(1 страница рукописи):

„Пушкинъ есть явленіе великое, чрезвычайное“ — сказалъ Гоголь. Прибавляю отъ себя: и пророческое. Да, въ появленіи его заключается для [1]) Русскихъ [2]) нѣчто безспорно пророческое [3]).

Пушкинъ какъ-разъ является въ самомъ началѣ правильнаго самосознанія нашего, едва лишь начавшагося и зародившагося въ [4]) обществѣ [4]) нашемъ [4]) послѣ цѣлаго вѣка съ Петровской Реформы, и появленіе [5]) [Пушкина] [6]) [какъ бы] [7]) освѣщаетъ [8]) дорогу нашу новымъ [9]) направляющимъ свѣтомъ. Въ этомъ смыслѣ Пушкинъ есть [10]) и [10]) пророчество и указаніе. Я дѣлю [11]) дѣятельность нашего [12]) великаго [13]) поэта [13]) на три періода, былъ бы [14]) можетъ быть и четвертый періодъ, но Богъ судилъ иначе и смерть взяла нашего великаго поэта въ самомъ полномъ развитіи его духа и силъ. [Предупреждаю, я буду разсматривать Пушкина не] [15]) какъ литературный критикъ: [16]) [Разсматривая] [17]) творческую [18]) дѣятельность [18]) Пушкина я хочу лишь разъяснить мою мысль о пророческомъ [19]) значеніи его [20]) [для всѣхъ Русскихъ насъ, для [21])

---

[1]) *Вст.*: всѣхъ насъ.

[2]) *Вст., но зачеркнуто*: и для ихъ судьбы.

[3]) *На поляхъ, зачеркнуто*: [Ибо] Въ немъ уже можно отыскать и [цѣль и назначеніе глубинъ народных и] *осязательно усмотрѣть первое сознательно выраженное [указаніе]* указание существенныхъ стремленій [нашихъ] національности русской и [цѣ цѣ грядущих] цѣлей ея.

[4]) *Вписано сверху*: у насъ.

[5]) *Зачеркнуто*: его.

[6]) *Вст.*: его.

[7]) *Вст.*: разомъ.

[8]) *Измѣнено въ*: освѣтило.

[9]) *На поляхъ*: сильно способствует освѣщенію дороги нашей новымъ.

[10]) *Зачеркн. но возстановлено.*

[11]) *Зачеркн.*: дѣят.

[12]) *Зачеркн.*: поэта.

[13]) *Зачеркн., но возстановлено*; *вставлено, но зачеркн.*: Пушкина.

[14]) *Слова* былъ бы... духа и силъ *взяты в скобки.*

[15]) *Вст.*: Я говорю теперь не.

[16]) *Зачеркн.*: Я хочу ли(шь).

[17]) *Вст.*: касаясь.

[18]) *Измѣнено въ*: творческой деятельности.

[19]) *На поляхъ*: для насъ.

[20]) *На поляхъ*: и что я *подъ этими словами* въ этих словахъ разумѣю.

[21]) *Вст. и зачеркн.*: Русскихъ людей и для всей національности нашей.

теперешнихъ Русскихъ и для будущихъ [1])]. [2]) Замѣчу лишь [3]) что [4]) періоды дѣятельности Пушкина [5]) не имѣютъ такихъ твердыхъ границъ между собою какъ иные критики предполагаютъ. [6]) Начало Онѣгина напримѣръ, принадлежитъ по моему еще къ первому періоду [7]), а кончается Онѣгинъ во второмъ періодѣ [8]) когда Пушкинъ нашелъ уже свои идеалы въ родной землѣ [9]). [Нельзя тоже, [по моему] [10]) утверждать съ точностью, что воспитаніе [11]) и Петербургъ [12]) имѣли [одно] [13]) вліяніе, а [ѣзда] [14]) по Россіи, Михайловское и Ирина Радіоновна были причиною поворота Пушкина къ [иному [15]]) направленію. Конечно [16]) дѣйствительность и приключенія [17]) въ [17]) жизни [17]) способствуют развитію [духа [18])] человѣческаго [19]) и мощно вліяютъ и [20]) на такую великую [21]) духовную силу какъ [22]) Пушкинъ. Но геніальный организмъ [Пушкина] [23]) былъ [24]) не въ такой зависимости отъ внѣшнихъ вліяній и безъ сомнѣнія развился бы правильно даже и при какихъ угодно вліяніяхъ. Судить иначе значитъ не понимать силы Пушкина.

Принято [25]) говорить что въ первомъ періодѣ своей дѣятельности Пушкинъ [26]) „подражалъ" европейцамъ, начиная съ Парни, Андре Шенье и другихъ и [27]) кончая Байрономъ. Да, безъ сомнѣнія поэты Европы [и особенно Байронъ] [28]) могли имѣть великое

---

[1]) *Вставлено и зачеркн.*: грядущихъ.
[2]) *Вст.*: Но.
[3]) *Вст.*: мимоходомъ.
[4]) *Вст.*: эти три.
[5]) *Вст.*: кажется мнѣ.
[6]) *Зачеркн.*: Онѣгинъ.
[7]) *Вст.*: дѣятельности поэта.
[8]) *Вст.*: дѣятельности Пушкина.
[9]) *Вст.*: восприняль и возлюбилъ ихъ всецѣло (*на поляхъ*:) своей любящей и прозорливой душей.
[10]) *Вст. и зачеркн.*: мнѣнію.
[11]) *Вст. и зачеркн.*: юность.
[12]) *Зачеркн.*: имѣли.
[13]) *Вст*: свое.
[14]) *Вст.*: скитальчество.
[15]) *Вст.*: другому.
[16]) *Зачеркн.*: жизнь всегда способствует; *вст. и зачеркн.*: дѣйствительность.
[17]) *Измѣнено въ*: жизненныя приключенія.
[18]) *Вст.*: всякаго.
[19]) *Измѣнено въ*: человѣка.
[20]) *Вст.*: даже.
[21]) *Вст.*: и самостоятельную.
[22]) *Вст.*: и
[23]) *Вст.*: его; *зачеркн.* конечно заключал. (?).
[24]) *Вст.*: вѣроя(тно).
[25]) *Вст. на поляхъ и зачеркн.*: напримѣръ между; *на поляхъ* тоже.
[26]) *Исправлено изъ*: Пушкина, *зачеркн.*: онъ.
[27]) *И измѣнено в запятую.*
[28]) *Передѣлано изъ*: Байроны. (?)

вліяніе на [1]) геній [2]) [Пушкина] [3]) да и [4]) во всю жизнь [5]) продолжали имѣть вліяніе, но въ поэзіи его даже въ первый періодъ [6]) выразилась чрезвычайная [7]) самостоятельность [8]). Даже [9]) самыя первоначальныя [10]) поэмы Пушкина были не однимъ лишь подражаніемъ [11]). Въ подражаніяхъ никогда не появляется [12]) такой самостоятельности страданія и такой глубины самосознанія, которыя [выразилъ] [13]) Пушкинъ напримѣръ въ Цыганахъ — поэмѣ которую я отношу всецѣло еще къ первому періоду его творческой дѣятельности. Не говорю уже о творческой силѣ и о стремительности, которой не явилось бы столько, если-бъ онъ только [14]) подражалъ [15]). [неразб] [А] въ [16]) типѣ Алеко, героя поэмы Цыгане [слышится] [17]) уже [мощная самостоятельность] [18]). Фантастическій [19]) Алеко, этотъ [20]) эмбріонъ [20]) Онѣгина [являетъ] [21]) уже глубокую русскую мысль, выраженную потомъ въ такой гармонической полнотѣ въ Онѣгинѣ, гдѣ почти тотъ же Алеко является [22]) несравненно [уже] [23]) болѣе [въ] реальномъ и осязательно понятномъ видѣ. Пушкинъ [въ Алеко] [24]) уже отыскалъ [25]) [этого] [26]) [страдальца и русскаго] [27]) скитальца [28]) [и страдальца, въ которомъ отразился русскій вѣкъ] [29]).

---

[1]) *Вст.*: развитіе его.

[2]) *Измѣнено въ*: генія; *на поляхъ* да и сохранили вліяніе это во всю его жизнь. Тѣмъ не менѣе.

[3]) *Зачеркн*: и ранѣе но лишь; *вст. и зачеркн.*: да и имѣло свое (?)

[4]) *На поляхъ*: всю жизнь его.

[5]) *Вст. и зачеркнуто*: Пушкина сохранили это.

[6]) *Вст.*: ея уже.

[7]) *На поляхъ и зачеркн.*: сразу чрезвычайная.

[8]) *На поляхъ*: и геніальная его независимость.

[9]) Даже *измѣнено въ*: даже, *на поляхъ зачеркнуто*: даже с 1-го тома его три... (?)

[10]) *Измѣнено въ*: первыя; *вст. и зачеркн.*: стихи и.

[11]) *Вст.*: и въ нихъ выразилась чрезвычайная самостоятельность

[12]) *Зачеркн.*: столько.

[13]) *Вст.*: явилъ

[14]) *Вст.*: лишь

[15]) *На поляхъ*: и жилъ чужими, навѣянными идеалами.

[16]) въ *поправлено на*: Въ

[17]) *Вст.*: сказывается.

[18]) *Вст.*: сильная и глубокая *чисто* русская мысль. Въ.

[19]) *Измѣнено въ*: фантастическомъ.

[20]) *Измѣнено въ*: этомъ эмбріонѣ.

[21]) *Вст.*: наводитъ на

[22]) *Вст.*: въ

[23]) *Вст. и зачеркн.*: въ

[24]) *Вст. и зачеркн.*: въ Алеко. *На поляхъ передъ словомъ* „Пушкинъ": „Въ Алеко".

[25]) *На поляхъ*: и геніально отмѣтилъ въ этомъ первоначальномъ типѣ своемъ.

[26]) *Вст.*: того.

[27]) *Вст.*: несчастнаго.

[28]) *Вст.*: въ родной землѣ; *дальше на поляхъ*: [Этого] *того* историческаго *русскаго* страдальца, *столь* исторически необходимо явившагося въ оторванномъ отъ народа обществѣ нашемъ.

[29]) *Вст*: отыскалъ онъ его [въ своемъ сердцѣ].

(II страница рукописи:)

Конечно не у Байрона [1]), а [2]) [въ] [себѣ самомъ, въ страдающемъ] сердцѣ своемъ [3]). Эти [4]) скитальцы [наши] продолжаютъ и до сихъ поръ свое скитальчество [и въ наше время], и еще долго можетъ быть не изчезнутъ [5]). И если не ходятъ [6]) они теперь [7]) въ Цыганскіе таборы искать у Цыганъ, въ ихъ дикомъ своеобразномъ бытѣ, своихъ міровыхъ идеаловъ и успокоенія на лонѣ [8]) природы отъ [безобразія цивилизованной жизни] [9]), то [они] [10]) ударяются въ соціализмъ, ходятъ съ новой вѣрой [„въ народъ"] [11]). Это все тотъ же русскій человѣкъ, только въ разное время явившійся [12]). Это общій нашъ русскій типъ [13]), [явившійся] [14]) во [15]) второмъ [16]) [вѣкѣ] [17]) послѣ [18]) великой Петровской реформы, въ нашемъ интеллигентномъ обществѣ оторвавшемся [19]) отъ народа и [20]) отъ [21]) народной силы. О, конечно огромное большинство интеллигентныхъ русскихъ, и тогда [22]) какъ и теперь [23]), служитъ мирно въ чиновникахъ, въ казнѣ или на желѣзныхъ дорогахъ [24]), или деньги наживаетъ [25]) или даже науками занимает(ся) и [26])

[1]) *Вст.*: только.
[2]) И въ себѣ самомъ, въ своемъ *тоскующемъ русскомъ* сердцѣ.
[3]) *На поляхъ*: Типъ этотъ [постоянный] вѣрный [и] *и* схваченъ безошибочно [он...] типъ постоянный и надолго [*еще*] у насъ въ нашей русской землѣ поселившійся.
[4]) *Вст.*: русскіе бездомные.
[5]) *Зачеркн.*: Теперь они
[6]) *Вст.*: уже
[7]) *Вст.*: въ наше время.
[8]) *Зачеркн.*: живой (?)
[9]) *Вст.*: сбивчивой и нелѣпой жизни нашего русскаго интеллигентнаго общества.
[10]) *Вст.*: все равно.
[11]) *На поляхъ*: на другую ниву и работаютъ на ней *ревностно* вѣруя какъ и Алеко что достигнутъ въ своемъ фантастическомъ дѣланіи [счастья...] цѣлей своихъ и счастья, не только для себя самихъ но и всемірнаго. Ибо русскому скитальцу [надо] *необходимо* именно всемірнаго счастья чтобы успокоиться, [дешевле] *на чемъ* нибудь дешевле онъ не примирится.
[12]) *Вст.*: у насъ.
[13]) *Зачеркнуто*: въ нашемъ оторванномъ отъ народной силы обществѣ).
[14]) *Вст.*: зародившійся какъ разъ
[15]) *Измѣнено въ*: въ; *вст.*: началѣ.
[16]) *Измѣнено въ*: второго.
[17]) *Вст.*: столѣтія
[18]) *Зачеркн.*: Петр(овской)
[19]) *Измѣнено въ*: оторванномъ.
[20]) *Вст. и зачеркн.*: безсильной душой, оторвавшейся
[21]) *Вст.*: стихійной.
[22]) *Вст.*: при Пушкинѣ.
[23]) *Вст. но зачеркн.*: у насъ
[24]) *Вст.*: и банкахъ
[25]) *Вст.*: разными средствами.
[26]) *Вст.*: просто; лекціи читаетъ *измѣнено въ*: читаетъ лекціи.

лекціи читаетъ, [спокойно], [1]) регулярно, лѣниво и мирно [и [2]) никакого желанія не имѣетъ] [3]) идти къ [4]) Цыганамъ [5]). Много много что полиберальничаетъ съ оттѣнкомъ соціализма [, это уже sine qua]. Но вѣдь все это вопросъ только времени. Что въ томъ что одинъ еще и не начиналъ [6]) безпокоиться, а другой уже успѣлъ дойти до запертой двери и объ нее крѣпко стукнулся [7]). Всѣхъ въ свое время тоже самое ожидаетъ [8]). Да [хоть] [9]) и не всѣхъ [10]), довольно лишь избранныхъ, довольно лишь 10-й доли забезпокоившихся чтобы [затрещало все наше зданіе общественное — о, не народъ, не государство, до народа и не дойдетъ волна] [11]). Алеко конечно еще не умѣетъ правильно высказать тоски своей; у него [12]) лишь тоска по природѣ [13]), плачъ по потерянной правдѣ [14]). Фантастическій и нетерпѣливый человѣкъ жаждетъ спасенія [15]) отъ явленій внѣшнихъ [16]). Понятно жен-

---

[1]) *Вст.*: и все это

[2]) *Вст. и зачеркнуто*: ужъ разумѣется.

[3]) *На поляхъ:* безо всякаго поползновенія бѣжать въ цыганскіе таборы [или куда-нибудь болѣе соотвѣтствующее нашему времени]

[4]) *Измѣнено въ:* въ.

[5]) *Измѣнено въ*: цыганскіе, *вст.*: таборы.

[6]) *Зачеркн.*: думать.

[7]) *Вст.*: лбомъ.

[8]) *На поляхъ*: если не выйдутъ на спасительную дорогу смиреннаго общенія съ народомъ. *На поляхъ въ другомъ мѣстѣ но не зачеркнуто*: если не выйдутъ на спасительную дорогу. *На поляхъ выше*: Избранны(я) и передовы(я) силы (?) уже пошли туда (?)

[9]) *Вст.*: пусть.

[10]) *Вст.*: ожидаетъ это

[11]) *Вст.*: и остальному [огромному] большинству лишиться черезъ нихъ покоя.

[12]) *Вст.*: все это [еще вообще] какъ-то еще отвлеченно и вообще.

[13]) *Вст.*: міровыя стремленія.

[14]) *На поляхъ*: которую онъ потерялъ и найти не можетъ. Въ чемъ эта правда, гдѣ она, конечно онъ и самъ [и] не скажетъ [Ему ли узнать это. Нѣтъ — для него еще рано. Можетъ...]

[15]) *Вст.*: [конечно лишь] лишь

[16]) *На поляхъ:* Да такъ и быть должно [Фурье] Правда *дескать* гдѣ то внѣ его [и никогда онъ не пойметъ] можетъ быть гдѣ то въ другихъ земляхъ, европейскихъ напримѣръ съ ихъ твердымъ историческимъ строемъ [государствен(ной)] *ихъ* общественной и государственной жизни ихъ. И никогда-то он не пойметъ что правда прежде всего внутри его самого, да и какъ понять ему *это*. Вѣдь онъ у себя въ своей землѣ самъ не свой, онъ *пока еще* оторвавшая(ся) былинка, носящаяся по воздуху. *Онъ уже цѣлымъ вѣкомъ отученъ отъ труда, не имѣетъ культуры, росъ какъ институтка въ закрытыхъ стѣнахъ, обязанности исполнялъ странныя и безотчетныя по мѣрѣ принадлежности къ тому или другому изъ 14 классовъ, на которые раздѣлено [инт(еллигентное)] образованное общество русское*. Вѣдь онъ [это чувствуетъ же *это самъ* онъ страдаетъ .....*искренно*] и часто такъ искренно, такъ мучительно. *Ну и* что *же* въ томъ, что принадлежа можетъ быть къ родовому дворянству и даже можетъ быть обладая крѣпостными людьми онъ позволялъ себѣ по вольности своего дворянства маленькую фанта-

щина „дикая женщина“ по выраженію 'какого-то поэта [1]), всего скорѣе могла подать ему надежду въ исходѣ тоски его и онъ съ легкомысленной но страстной вѣрой бросается въ [2]) [цыганскій таборъ]. [А] вотъ гдѣ [3]) исходъ [4]) вотъ гдѣ можетъ быть [5]) счастье [6]) здѣсь [нѣтъ законовъ] [7]), здѣсь [природа!] [Но кровь] у людей, у которыхъ нѣтъ цивилизаціи, [нѣтъ] [8]) законовъ. И что же оказывается: при первомъ столкновеніи [9]) своемъ съ условіями это(й) дикой [и идеальной] природы онъ не выдерживаетъ и обогряетъ свои руки кровью. Не только для мировой гармоніи, но даже и для цыганъ не годился [10]) и они выгоняютъ его, — безъ отмщенія, безъ злобы, величаво и простодушно:

Оставь насъ гордый человѣкъ
Мы дики, нѣтъ у насъ законовъ
Мы не терзаемъ, не казнимъ.

Все это конечно [чрезвычайно] фантастично, но гордый [11]) человѣкъ [вѣренъ] реаленъ и вѣрно схваченъ [12]). [(Это именно тотъ русскій [13])] человѣкъ, за не имѣніемъ дѣла у себя [14]) страдающій по міровой гармоніи и можетъ быть, [простодушнѣйшимъ образомъ] обладающій [въ то же время] крѣпостными людьми, который [15]) прельстился людьми живущими безъ закона, и который чуть не по немъ [16]) или злобно [проливаетъ кровь за] [17]) свою обиду или — чего [лучше] даже удобнѣе, самъ [18]) воззоветъ [19]) къ закону терзающему и казнящему [20]), — только [21]) [была бы] отсм-

---

зейку прельстился людьми живущими без закона и на время сталъ въ цыганскомъ таборѣ водить и показывать Мишку.

[1]) *Вст.*: нашего. Дайте мнѣ женщину, дикую женщину.

[2]) *Переправлено въ*: къ; *вст.*: Земфирѣ.

[3]) *Вст.*: дескать.

[4]) *Вст.*: мой.

[5]) *Вст.*: мое.

[6]) *Вст.*: здѣсь Земфира.

[7]) *Вст.*: природа и лоно ея

[8]) *Вст.*: и.

[9]) *Зачеркн.*: съ у... своемъ.

[10]) *Переправлено въ*: пригодился; *вст.*: несчастный мечтатель.

[11]) *Вст.*: -то

[12]) *Вст.*: именно чуть не по немъ.

[13]) *Вст.*: нашъ.

[14]) *Вст.*: дома [столь искренно]

[15]) *Зачеркн.*: чуть не; *вст.*: позволяетъ себѣ дворянскую фантазію.

[16]) *Вст.*: онъ.

[17]) *Вст.*: растерзаетъ и казнитъ за

[18]) *На поляхъ*: вспомнивъ о принадлежности своей къ одному из 14 классовъ.

[19]) *Исправлено*: возопіетъ.

[20]) *Вст.*: и призоветъ его.

[21]) *Вст.*: бы.

щена [1]) обида его [2]). Нѣтъ — эта геніальная поэма не подражаніе! Тутъ сильно русскимъ духомъ повѣяло. Тутъ уже подсказывается русское рѣшеніе вопроса, проклятаго вопроса — по народной вѣрѣ и правдѣ.

(III страница рукописи:)

[3]) Смирись гордый человекъ и прежде всего сломи свою гордость [4]). Не внѣ тебя правда, а въ тебѣ самомъ: Найди себя въ себѣ, подчини себя себѣ, овладѣй собою — и узнаешь правду. Правда не въ вещахъ [и не въ дѣлахъ] [5]), не внѣ тебя и не заморемъ где нибудь, а прежде всего въ твоемъ собственномъ трудѣ надъ собою. Побѣдишь себя, усмиришь себя и станешь свободенъ какъ никогда и не воображалъ себѣ [6]), и другихъ свободными сдѣлаешь и если даже [и] пострадаешь за это, то пострадаешь со счастіемъ ибо наполнится жизнь твоя. Ни въ цыганскихъ таборахъ и не въ соціальныхъ системахъ міровая гармонія, [когда] [7]) ты первый самъ ея не достоинъ, злобенъ и гордъ [и] требуешь счастья отъ жизни даромъ и [ничѣмъ не хочешь за него] [8]) заплатить.

[9]) Это рѣшеніе вопроса въ поэмѣ Пушкина уже подсказано [10]). Яснѣе [и рельефнѣе] выражено оно [11]) въ [12]) Онѣгинѣ, поэмѣ уже не фантастичной, но осязательно реальной [13]) въ которой воплощена настоящая русская жизнь съ такой творческой силой и съ такой законченностью, какой и не бывало до Пушкина, да и послѣ его пожалуй.

Онѣгинъ пріѣзжаетъ изъ Петербурга — непременно изъ Петербурга, это несомнѣнно необходимо было въ поэмѣ, и Пушкинъ не могъ упустить такой крупной [14]) черты въ [исторіи] [15]) своего

---

[1]) *Вст.*: была

[2]) *На поляхъ и не зачеркнуто?*: а пожалуй и обратится *потребует* отмщающаго его обицу, терзающаго и казнящаго.

III стр.

[3]) *На полях и не зачеркнуто*: Это тутъ уже подсказано.

[4]) *Вставлено*: смирись праздный человѣкъ и прежде все(го) потрудись — вотъ это рѣшеніе.

[5]) *Вст.*: и.

[6]) *Вст.*: начнешь великое дѣло,

[7]) *Вст.*: если.

[8]) *Вст.*: даже не предполагаешь что за него надобно.

[9]) *Вст.*: Да

[10]) *На поляхъ:* уже сквозитъ. Еще

[11]) *Вст.*: имъ

[12]) *Вст.*: послѣ.

[13]) *Зачеркн:* гдѣ

[14]) *Вст.*: реальной

[15]) *Вст.*: біографіи

героя. [Да это несомнѣнно] [1]) Алеко [2]) потомъ когда онъ восклицаетъ въ тоскѣ:

Зачѣмъ какъ Тульскій засѣдатель

[Онъ несомнѣнно Алеко] но теперь вначалѣ поэмы онъ еще пока фатъ и свѣтскій человѣкъ и слишкомъ еще [молодъ и свѣжъ] [3]) чтобъ [не любить] [4]) жизни [5]) [такъ или этакъ] [6]). Но и его уже начинаетъ посѣщать и безпоко(и)ть.

Бѣсъ благородный скуки тайной.

Въ глуши, въ сердцѣ своей родины онъ [7]) **не у себя, онъ не дома** [8]). Онъ не знаетъ что ему тутъ дѣлать и чувствуетъ себя какъ бы у себя же въ гостяхъ. Впослѣдствіи когда онъ скитается въ тоскѣ по своей род(ин)ѣ и по иностраннымъ землямъ, онъ какъ человѣкъ безспорно умный и безспорно искренній еще болѣе чувствуетъ себя и у чужихъ [9]) чужимъ. Правда и онъ любитъ родную землю, но ей не довѣряетъ. Конечно слыхалъ [10]) объ родныхъ идеалахъ, но имъ не вѣритъ. Вѣритъ лишь въ [11]) невозможность [12]) какой бы то нибыло работы на родной нивѣ, а на вѣрующихъ [13]) въ эту возможность смотритъ съ грустной [14]) насмѣшкой. Ленскаго онъ убилъ просто отъ хандры [15]). Не такова Татьяна [16]): Это типъ твердый, стоящій твердо на своей почвѣ. Она глубже Онѣгина и [17]) конечно умнѣе его. Она [знаетъ въ] уже однимъ благороднымъ инстинктомъ своимъ предчувствуетъ гдѣ и въ чемъ правда, что [18]) выразилось въ финалѣ поэмы. Можетъ быть Пушкинъ даже лучше бы сдѣлалъ еслибъ назвалъ свою поэму [19]) Татьяной [20]) а не Онѣгинымъ [21]), ибо безспорно она

---

[1]) *Вст.*: повторяю опять это тотъ же
[2]) *Вст.*: особенно
[3]) *Вст.*: мало жилъ
[4]) *Вст.*: разлюбить
[5]) *Переправлено въ:* жизнь
[6]) *Вст.*: [хотя бъ] и свѣтскія наслажденія.
[7]) *Вст.*: конечно.
[8]) *На поляхъ стр. 11 и зачеркн.*: Он не у себя он не дома.
[9]) *Вст.*: себѣ самому
[10]) *Вст.*: и
[11]) *Вст.*: полную
[12]) *Зачеркн.*: работы на
[13]) *Вст.*: весьма немногихъ и тогда уже
[14]) *Вст. и зачеркн.*: а часто и съ язвительной
[15]) *На поляхъ*: и даже, можетъ быть отъ хандры по [міровому идеалу *по міровой гармоніи* отчасти* по крайней мѣрѣ*.
[16]) *Зачеркн.*: Она
[17]) *Зачеркн.*: даже.
[18]) *Вст.*: и.
[19]) *Вст.*: [по имени]; ***на поляхъ***: **именемъ**
[20]) *Переправлено*: Татьяны.
[21]) *Переправлено*: Онѣгина.

главная героиня поэмы [1]). Это положительный типъ, а не отрицательный, это типъ положительной красоты, это апофеоза русской женщины, ей предназначилъ поэтъ высказать мысль поэмы [и указать правду ея] въ послѣдней главѣ [2]) [поэмы], въ знаменитой сценѣ [3]) послѣдней встрѣчи Татьяны съ Онѣгинымъ [4]). Но манера глядѣть свысока [5]) заставила [6]) его [7]) не узнать Татьяну [8]). Онъ не [9]) отличилъ [10]) въ [ней] [11]) законченности и совершенствъ и дѣйствительно можетъ быть принялъ ее за нравственный эмбріонъ [12]).

(IV страница рукописи:)

[13]) Это она-то эмбріонъ, это послѣ письма-то ея къ Онѣгину! Если есть кто нравственный эмбріонъ въ поэмѣ, такъ это онъ и именно онъ. Да и не могъ онъ узнать ее: развѣ онъ знаетъ [людей] [14])! Это отвлеченный человѣкъ, это [15]) мечтатель во всю его жизнь [16]), [развѣ онъ могъ хоть когда-нибудь прикоснуться къ дѣйствительности]. Не узналъ онъ ее и потомъ въ Петербургѣ [17]), когда „постигалъ душой всѣ ея совершенства“ [18]). Но это только слова: она прошла въ его жизни мимо его неузнанная и неоцѣ-

---

[1]) *Зачеркн.*: Это.

[2]) *Вставлена запятая.*

[3]) *Зачеркн.*: об(ъясненія ?)

[4]) *На поляхъ*: О Да это апофеоза русской женщины и въ рѣшеніи Татьяной вопроса въ послѣдней главѣ романа я вижу всю мысль и всю правду поэмы, для которой можетъ быть она и была задумана.

[5]) *Вст.*: манера свѣтскаго фата, столь независимаго на видъ и столь робѣющаго передъ авторитетомъ

[6]) *Зачеркн. и восстановлено*

[7]) *Переправлено*: Онѣгина

[8]) *Вст. и вымарано, можетъ быть*: „въ толпѣ“ *На поляхъ*: Да не узналъ онъ ее; *дальше внизу*: когда онъ встрѣтилъ ее въ первый разъ, въ глуши, въ *[свѣтломъ] скромномъ* образѣ [чистой] чистой, невинной дѣвушки, такъ оробѣвшей передъ нимъ съ перваго разу.

[9]) *Вст.*: сумѣлъ.

[10]) *Переправлено*: отличить.

[11]) *Вст.* бѣдной дѣвочкѣ.

[12]) *Внизу и зачеркнуто*: это она-то эмбріонъ, послѣ письма то. *На поляхъ и зачеркнуто*: [Онъ впрочемъ и въ концѣ не узналъ ее], *да онъ и забылъ ее совершенно и потомъ въ Петербургѣ, въ образѣ свѣтской женщины* она прошла мимо него неузнанная, и не оцѣненная имъ и въ томъ *ея* трагедія.

IV стр.

[13]) *Приписано наверху и на поляхъ и зачеркнуто*: Да *и* не могъ онъ постигнуть иначе: развѣ онъ знаетъ людей. Это отвлеченный человѣкъ.

[14]) *Вст.*: душу человѣческую

[15]) *Вст.*: безпокойный

[16]) *Вст. и зачеркн.*: который въ

[17]) *Вст.*: въ знатной дамѣ

[18]) *Вст.*: по его словамъ въ его письмѣ къ ней

ненная имъ, въ томъ и трагедія ихъ романа. О, еслибъ тогда, въ деревнѣ, при первой встрѣчѣ съ нею прибылъ туда же изъ Англіи, Чайльдъ-Гарольдъ или какъ нибудь самъ Лордъ Байронъ, и замѣтилъ ея робкую, скромную прелесть, указалъ [1]) на нее [2]) — [то Онѣгинъ] [3]) тотчасъ же былъ бы пораженъ и удивленъ, ибо въ этихъ мировыхъ страдальцахъ [4]) такъ много [было] [5]) лакейства духовнаго! Но этого не случилось, и [6]) искатель мировой гармоніи, прочтя ей проповѣдь и поступивъ все-таки очень честно отправился съ мировой тоской своей и съ [7]) пролитою въ глупенькой злости—кровью на рукахъ своихъ скитаться по родной [8]) [землѣ], не примѣчая ее и, кипя здоровьемъ и силою восклицать съ проклятіями:

Я молодъ жизнь во мнѣ крѣпка
Чего мнѣ ждать, тоска, тоска

Это поняла Татьяна. Въ безсмертныхъ строфахъ романа [онъ] [9]) изобразилъ ее, посѣтившею домъ этого [10]) чудного [для [11]) нея [11]) еще столь] [12]) загадочнаго еще для нея человѣка. Я уже не говорю о художественности, недосягаемой красотѣ и глубинѣ этихъ строфъ [13]) Она въ его кабинетѣ, она разглядываетъ его книги, вещи, предметы, старается угадать по нимъ душу его, разгадать загадку и „нравственный эмбріонъ“ останавливается [14]) въ раздумьи, съ странной улыбкой, съ предчувствіемъ рѣшенія [15]) задачи [16]) и губы ея тихо шепчутъ:

Ужъ не пародія-ли онъ?

[И начинаетъ понимать его] [17]). Въ Петербургѣ, потомъ, спустя долго, при [18]) встрѣчѣ ихъ, она уже совершенно его [19]) [понимаетъ]. Кстати, кто сказалъ, что свѣтская, придворная жизнь тлетворно коснулась ея души, испортила ее и что именно санъ свѣтской

---

1) *Вст.*: бы ему
2) *Вст.*: О,
3) *Вст.*: онъ.
4) *Вст. на поляхъ*: въ этихъ свободныхъ и отрицающихъ душахъ
5) *Вст.*: подъ часъ
6) *Зачеркн.*: О(нѣгинъ)
7) *Зачеркн* напрасно (?)
8) *Переправлено*: родинѣ
9) *Вст.*: поэтъ
10) *Вст.*: столь
11) *Восстановлены* (?)
12) *Вст.*: и
13) *Вст.*: Вотъ
14) *послѣ* останавливается *поставлена и зачеркн. запятая*; *вст.* наконецъ
15) *Переправлено*: разрѣшенія
16) *Переправлено*: загадки
17) *Вст.*: Она поняла его.
18) *Вст.*: новой
19) *Вст.*: знаетъ

дамы и новыя понятія были [1]) причиною отказа ея Онѣгину. Нѣтъ, это таже Таня, таже „бѣдная деревенская Таня“ [какъ назвалъ ее самъ Пушкинъ], она не испорчена, она [лишь] [2]) удручена этой [3]) жизнью, надломлена и страдаетъ, [она не любитъ этой новой жизни нисколько] [4]), [Но] [5]) она твердо говоритъ Онѣгину:

Но я другому отдана
И бу(ду) ———

И говоритъ какъ русская женщина вполнѣ — въ этомъ ея апофеоза. Она высказываетъ правду поэмы [6]). Что [7]) потому ли она отказалась идти за нимъ, не смотря на то что сама же сказала ему: я васъ люблю, — потому-ли, что она, какъ русская женщина не способна на смѣлый шагъ, не въ силахъ порвать свои путы [8]). Нѣтъ русская женщина

(V страница рукописи:)

смѣла. Русская женщина смѣло пойдетъ за тѣмъ, во что вѣритъ и она доказала это. Но она другому отдана и будетъ вѣкъ ему вѣрна. Кому [9]), чему вѣрна? Какимъ это обязанностямъ, этому то старику генералу, котораго она не можетъ-же любить потому что любитъ Онѣгина и за котораго вышла потому только что ее:

Съ слезами заклинаній молила мать, а

въобиженной, изломанной [10]) (?) душѣ [11]) были [12]) [пустота] отчаяніе и никакой надежды просвѣта? Да, вѣрна этому генералу, ея мужу, честному человѣку, ее любящему, уважающему и гордящемуся ею [13]). Пусть она вышла за него съ отчаянія, но онъ ея мужъ и измѣна ея покроетъ его позоромъ, стыдомъ [14]) [составитъ его несчастье]. О, развѣ можетъ человѣкъ основать свое счастье на несчастьи дру-

---

[1]) *Вст.*: отчасти
[2]) *Вст.*: напротивъ
[3]) *Вст.*: пышной Петербургской
[4]) *Вст.*: ненавидитъ свой санъ свѣтской дамы; *дальше на поляхъ*: и кто судитъ о нэй иначе, тотъ совсѣмъ не [знаетъ] *понимаетъ того* что хотѣлъ сказать Пушкинъ.
[5]) *Вст.*: И вотъ.
[6]) *Вст.*: Ну
[7]) *Вст.*: же
[8]) *Точка переправлена въ запятую; внизу вставлено*: не въ силахъ пожертвовать обаяніемъ честей, богатства, свѣтскаго своего значенія

V стр.

[9]) *Вст.*: же
[10]) *Переправлено*: израненной
[11]) *Вст.*: ея
[12]) *Переправлено*: было
[13]) *На поляхъ*: Пусть и молила мать, но вѣдь она вышла за него добровольно и поклялась ему быть [без] честной женой его.
[14]) *Вст.*: и убьетъ его

гого [1])? Счастье не в однихъ [2]) [плотскихъ] наслажденiяхъ любви, а въ высшей гармонiи духа [3]). Позвольте, представьте, что вы сами возводите зданiе судьбы человѣческой съ цѣлью въ финалѣ осчастливить людей, дать имъ наконецъ миръ и покой [4]), [но] для этого необходимо и неминуемо замучить всего только лишь одно человѣческое существо и [представьте себѣ] [5])—даже не столь достойное, смѣшное даже на иной взглядъ, не Шекспира какого-нибудь, а просто честнаго старика мужа молодой жены, въ любовь которой онъ вѣритъ [6]), хотя сердца ея не знаетъ [7]), уважаетъ ее [8]), счастливъ ею и покоенъ, и вотъ только его надо опозорить, обезчестить [9]) замучить и на слезахъ [его, на мученiяхъ его] [10]), основать ваше зданiе. Согласились ли бы вы быть архитекторомъ такого зданiя на этомъ условiи? И можете ли вы допустить [11]) идею, что люди, для которыхъ вы строили [12]) зданiе, согласились бы сами принять свое счастье, если въ фундаментѣ его заложено страданье [13]) положимъ и ничтожнаго существа, но безжалостно и несправедливо замученнаго, и принявъ остаться навѣки счастливыми? У Бальзака въ одномъ романѣ, [14]) одинъ молодой человѣкъ, въ тоскѣ передъ нравственной задачей, которую не в силахъ еще разрѣшить, обращается съ вопросомъ къ (любимому) [15]) своему товарищу, студенту и спрашиваетъ его: послушай представь себѣ, [16]) ты нищiй у тебя ни гроша, и вдругъ гдѣ то тамъ, въ Китаѣ, есть дряхлый, больной мандаринъ, и тебѣ стоитъ только здѣсь, въ Парижѣ, не сходя с мѣста, сказать про себя: умри мандаринъ, [17]) и за смерть мандарина, тебѣ [18]) волшебникъ [пошлетъ] [19]) сейчасъ милiонъ и никому [20]) это [20]) не [известно] [21]) и главное [22]) въ

[1]) *На поляхъ*: [развѣ такъ учитъ народная правда наша]
Какъ, *ей* бѣжать, изъ-за того только что тутъ мое счастье Что такое мое счастье, если оно основано на чужомъ несчастьи

[2]) *Вст.*: только

[3]) *На поляхъ*: Чѣмъ утолить духъ—есть-ли (*sic!*) [сзади]* въ жизни безчестный, безжалостный *безчеловѣчный* поступокъ.

[4]) *Вст.*: и вотъ представьте что

[5]) *Вст.*: пусть

[6]) *Переправлено*: повѣрилъ; *вст.*: слѣпо

[7]) *Вст.*: вовсе

[8]) *Зачеркн.*: [гор(дится)]

[9]) *Вст.*: и

[10]) *Вст.*: этого обезчещеннаго старика на безчестiи его

[11]) *Вст.*: хотя на минуту

[12]) *Вст.*. это

[13]) *На поляхъ*: хотя бы даже то(лько) смѣшного человѣка не звѣрски заму(ченнаго)

[14]) *Вст.*: его

[15]) *Вст.*: другу

[16]) *Вст.*: вотъ

[17]) *Вст.*: и онъ умретъ, но

[18]) *Вст.*: какой-то (?)

[19]) *Вст.*: приш(летъ)

[20]) *Переправлено*: никто этого

[21]) *Вст.*: узнаетъ

[22]) *Вст.*: онъ гдѣ то въ

Китаѣ, [1]) Мандаринъ, все равно что на лунѣ или на Сиріусѣ — ну что захотѣлъ бы ты сказать: умри мандаринъ чтобъ сейчасъ же получить [2]) миліонъ? [Вотъ вопросъ и вотъ отвѣтъ] [3]): Est-il bien vieux ton Mandarin? eh bien non je ne veux pas [4]). Вотъ рѣшеніе французскаго студента. Скажите могла ли рѣшить Татьяна [5]) иначе [6]), съ ея высокой душой, съ ея глубоко страдающимъ сердцемъ. Нѣтъ и русская душа рѣшаетъ также [7]) — пусть, пусть я лишаюсь счастья, но не хочу быть счастлива загубивъ другого. Тутъ трагедія, она совершилась и перейти предѣлы нельзя [8]). Татьяна отсылаетъ Онѣгина. Да [9]), но вѣдь несчастенъ [10]) и Онѣгинъ? Одного спасла, а другого погубила! [9]) Позвольте же тутъ другой вопросъ и довольно любопытный [11]). Кстати [12]), вопросъ, почему Татьяна не пошла съ Онѣгинымъ, имѣетъ у насъ, по крайней мѣрѣ въ литературѣ нашей своего

(VI страница рукописи:)

рода исторію [очень] [13]) характерную, а потому я и позволил себѣ такъ объ этомъ предметѣ распространиться [14]). И всего страннѣе то что нравственное разрѣшеніе этого вопроса, столь долго у насъ подвергалось сомнѣнію. Я вотъ что скажу и вотъ какъ думаю: Еслибъ Татьяна [15]) даже стала свободною, еслибъ умеръ ея старый мужъ и она овдовѣла, то и тогда бы она не пошла за Онѣгинымъ [16]). Надобно же понимать всю глубину этого харак-

---

[1]) *Вст.*: онъ

[2]) *Вст.*: эт(отъ)

[3]) *Вст.*: Студентъ ему отвѣчаетъ

[4]) *Зачеркн.*: Скажите.

[5]) *Раньше было*: иначе Татьяна; *вст.*: чѣмъ этотъ бѣдный студентъ

[6]) *На поляхъ два варіанта къ дальнѣйшему*: нѣтъ, пусть уже лучше пострадаю я, а не онъ, хотя бы я несравненно больше его пострадала.

Нѣтъ уже лучше пусть я пострадаю, но только чтобъ изъ-за меня не страдали — вотъ это правда, вотъ истинное рѣшеніе справедливой чистой христіанской души.

[7]) *Вст.*: уже поздно

[8]) *Вст.*: скажутъ

[9]) *Вст.*: же

[10]) *Вст. внизу*: вотъ что можно спросить

[11]) *На поляхъ и зачеркнуто*: вопросъ почему Татьяна не пошла съ Онѣгинымъ, имѣетъ у насъ, по крайней мѣрѣ въ литературѣ нашей своего рода исторію.

[12]) *Вст.*: этотъ

VI стр.

[13]) *Вст.*: весьма

[14]) *Зачеркн.*: Я вотъ какъ думаю:

[15]) Зачеркн.: и

[16]) *На поляхъ и зачеркнуто*: не пошла за Онѣгинымъ, хотя бы онъ и остался несчастенъ

тера! Вѣдь она же видитъ кто такой Онѣгинъ [1]). Вѣчный скиталецъ увидалъ вдругъ женщину, которую (sic!) прежде пренебрегъ, въ новой блестящей, недосягаемой обстановкѣ. Этой дѣвочкѣ которую онъ чуть не презиралъ теперь поклоняется свѣтъ — свѣтъ, этотъ страшный авторитетъ для Онѣгина — и вотъ [о] бросается къ ней ослѣпленный [2]). Вотъ мой идеалъ, вотъ мое счастіе, вотъ исходъ тоски моей, я проглядѣлъ его, а счастье было такъ возможно такъ близко! И какъ прежде Алеко къ Земфирѣ, такъ и онъ привязывается къ Татьянѣ, ища въ новой причудливой своей фантазіи всѣхъ разрѣшеній. О, Татьяна твердо знаетъ что онъ, въ сущности любитъ свою новую фантазію, а не ее, смиренную какъ прежде Татьяну! Что онъ очевидно принимаетъ ее за что-то другое, а не за то, что она есть, не ее онъ любитъ, да онъ можетъ быть и никого не любитъ хотя так мучительно страдаетъ [3]). Онъ любитъ свою новую фантазію, да вѣдь онъ и самъ фантазія [4]). Вѣдь если она пойдетъ за нимъ, то онъ завтра же разочаруется и взглянетъ на свое увлеченіе насмѣшливо [5]) у него никакой почвы, это былинка носящаяся по воздуху. [Но] не [6]) такова [она:] [7]) О, и въ отчаяніи и въ [скорбномъ] страдальческомъ сознаніи ея что [8]) погибла ея жизнь, у ней все таки есть нѣчто твердое и незыблимое на что опирается ея душа: [9]) это ея родина, ея воспоминанія деревенской глуши, [где] [10]) началась ея смиренная чистая жизнь, это крестъ и тѣнь вѣтвей, над бѣдной нянею моею — О, это ей теперь всего драгоцѣннѣе [11]). Это [12]) мало [13])

---

[1]) *На поляхъ и зачеркн.*: оторв(анный) отъ почвы на почвѣ, тутъ смыслъ Россіи, тутъ его трагедія —

[2]) *На поляхъ и зачеркнуто*: Онъ видитъ въ ней не ее онъ видитъ въ ней можетъ быть совсѣмъ иное существо?

[3]) *На поляхъ и зачеркнуто*: Онъ никого не любитъ. Развѣ онъ ее любитъ? Она вѣдь знаетъ что онъ принимаетъ ее за что-то другое —

Да онъ любитъ но не ее. Вѣдь [это] она твердо знаетъ что онъ любит какую-то другую —

[4]) *Сбоку на поляхъ*: и даже вотъ какъ: умри генералъ овдовѣй она и даже в этомъ фактѣ вотъ въ томъ что она стала свободною и стало быть уже нѣтъ преградъ счастью — Онѣгинъ можетъ быть и нашелъ бы побужденіе разочароваться

ощутилъ бы побужденіе къ разочарованію.

[5]) *На поляхъ и зачеркнуто*: Завтра же онъ посмотритъ насмѣшливо и скажетъ я ошибся —

[6]) не *переправлено въ*: Не

[7]) *Вст.*: Татьяна

[8]) *Зачеркнуто*: она

[9]) *На поляхъ и зачеркнуто*: Тѣнь вѣтвей — у ней хоть родина, у него ничего —

[10]) *Вст.*: въ которой

[11]) *Вст. на поляхъ*: Это только, эти "родныя" воспоминанія одни только и спасаютъ ея душу отъ окончательнаго отчаянія. Скажу

[12]) *Вст.*: Скажутъ что

[13]) *Вст.*: (?) что это преувели(ченіе)

[на первый взглядъ?] — Нѣтъ, этого довольно [1]): тутъ [2]) [почва,] адамантовое основаніе, тутъ сознанный идеалъ чистаго, великолѣпнаго счастья на лонѣ родной природы. А у него что есть, кто онъ такой — породія, хотя и воистину страдающая [3]). Какъ ей идти за нимъ еслибъ даже она была и свободна? Развѣ изъ сострраданія, чтобъ потѣшить, чтобы хоть на время подарить ему призракъ счастья [4]). О [5]) можетъ быть она и сдѣлала бы это, русская женщина слишкомъ добра [5]), но [6]) есть [7]) [характеры твердые, серьезные и] глубокіе, [есть такіе] которые не захотятъ отдать святыню свою на сознательную потѣху хотя бы [8]) [изъ безконеч(наго)] [при] безконечномъ [9]) состраданіи. [И] [10]) Татьяна [какъ я понимаю ее, по крайней мѣрѣ,] не пошла бы за Онѣгинымъ, еслибъ даже и могла это сдѣлать.

[Я не какъ литературный критикъ разбираю созданіе Пушкина, напоминаю объ этомъ но тутъ есть въ этомъ финалѣ Онѣгина одна драгоцѣннѣйшая черта, которую не могу удержатьcя чтобъ не отмѣтить [11]); [Это необычайный реализмъ поэта. Этотъ идеалъ Пушкина, это [12])]

[13]) Въ [14]) Онѣгинѣ, въ этой безсмертной и недосягаемой поэмѣ своей Пушкинъ [разомъ] явился [русскимъ] великимъ народнымъ писателемъ какъ до него никогда и никто [15]). Онъ разомъ, самымъ

---

[1]) *Вст.*: и это не [пре]увеличеніе

[2]) *Вст.*: у ней нѣчто незыблемое и не разрушимое скромное на видъ

[3]) *Надъ концомъ слова надписано* ій человѣкъ

[4]) *На поляхъ*: [Сознательно] твердо зная напередъ что онъ разочаруется.

На верху на поляхъ зачеркнуто: *чтобъ* Потѣшить его, сознательно отдать на потѣху, изъ состраданія. Есть серьезно при(ня)вшіе (?) жизнь.

[5]) *На поляхъ варіантъ къ словамъ*: *О может быть... добра*: Изъ состраданія? Это могло бы быть, съ русской женщиной [это] могло бы случится, *и такое самоотверженіе* уже безъ предѣла, но — но есть и т. д.

[6]) *Вст.*: вѣдь

[7]) *Вст.*: же души высокія

[8]) *Вст.*: и изъ

[9]) *Переправлено*: безконечнаго

[10]) *Вст.*: Нѣтъ

[11]) *Вст.*: Татьяна укоряетъ Онѣгина говоритъ ему что поздно

[12]) *Выше на поляхъ, зачеркн.*: Попрекъ уже (?) прозвучалъ въ словахъ Сегодня очередь моя но эти слова незлобныя, это слова горькія, и ей первой они горьче чѣмъ Онѣгину.

[13]) *На поляхъ*: Въ этой безсмертной и недосягаемой поэмѣ достигло [неразбор (?)] не буду какъ критикъ... умилительное не говоря о созданіи такихъ типовъ какъ лѣтописецъ

[14]) *Зачеркн.*: эт(ой)

[15]) *На поляхъ и не зачеркн.*: Мы называемъ Пушкина русскимъ писателемъ. Но онъ былъ русскій и народный какъ никто изъ писателей.

меткимъ, самымъ прозорливымъ образомъ отметилъ самую глубь нашей сути, нашего верхняго надъ народомъ стоящаго общества. Отметивъ типъ [1]) русскаго

(VII страница рукописи:)

скитальца, скитальца до нашихъ дней и въ наши дни [2]); первый угадавъ его гениальнымъ чутьемъ своимъ [3]) съ исторической судьбой его и съ огромнымъ значенiемъ его въ нашей [4]) действительности, рядомъ съ нимъ поставивъ типъ положительной [5]) безспорной [и недосягаемой] красоты въ лице русской женщины, Пушкинъ, и конечно тоже первый изъ писателей русскихъ провелъ передъ нами въ [своихъ] [6]) поэтическихъ образахъ целый рядъ [безспорно] положительной красоты русскихъ типовъ, найдя ихъ въ народе русскомъ [7]). Главная красота [8]) [ихъ] въ ихъ правде — правде безспорной и осязательной такъ что отрицать ихъ нельзя, они стоятъ какъ изваянные. [9]). О, онъ долго еще собирался работать на великолепномъ пути своей (sic!) и кто знаетъ какiя богатства могъ бы оставить и завещать намъ. Но того что и оставилъ онъ уже довольно—для указанiя, для доказательства [справедливости его воззренiя] правды воззренiй его на Россiю и на русскаго человека [10]). [И все это сокровища [11]) для будущихъ [12]) грядущихъ за нимъ художниковъ, для будущихъ работниковъ на этой же ниве [13]). Положительно можно сказать: не было бы Пушкина не было бы и последующихъ талантовъ. По крайней мере не проявились бы они въ такой силе [14]) въ какой [15]) удалось имъ выразиться [16]) [впоследствiи], уже въ наши дни, даже не смотря на великiя ихъ дарованiя. Но не въ поэзiи лишь одной, не въ творчестве лишь художественномъ дело, не было бы Пушкина не определи-

[1]) *На поляхъ:* Русскаго скитальца, скитальца до нашихъ дней и въ наши дни.

VII стр.

[2]) *Зачеркн.:* уг(адавъ)

[3]) *Зачеркн.:* въ нашей

[4]) *Вст.:* грядущей судьбе *действительности не зачеркн.*

[5]) *Вст.:* и

[6]) *Вст. но зачеркн.:* последовавшихъ, *на поляхъ:* другихъ произведенiяхъ этого перiода своей деятельности

[7]) *Вст. но зачеркн.:* и въ духе

[8]) *Вст.:* этихъ (типовъ)

[9]) *На поляхъ стр. VI. внизу:* дать положительные типов (sic!) главная красота ихъ въ ихъ правде.

[10]) *Слова:* „О, онъ... русскаго человека“ *выделены двумя черточками.*

[11]) *Вст.:* оставленныя нимъ

[12]) *Зачеркн.:* художниковъ

[13]) *На поляхъ:* для будущихъ русскихъ деятелей которые возлюбятъ землю русскую.

[14]) *Вст.:* и съ такою ясностiю

[15]) *Зачеркн.:* выр(азили?)

[16]) *Вст.:* после Пушкина

лась бы [1]) въ такой самостоятельной силѣ (въ какой это явилось потомъ) наша вѣра въ нашу русскую самостоятельность наша сознательная уже теперь надежда въ наши народныя силы и въ твердый . . .]

Еще разъ напоминаю: говорю не какъ литературный критикъ, а потому не стану разъяснять [и доказывать] мысль мою [2]) указанiемъ [3]) [на] безсмертные [4]) русскiе [4]) типы [4]) имъ созданные [4]) [5]) и оставленные [6]). О типѣ русскаго инока лѣтописца напримѣръ можно [7]) бы было написать цѣлую книгу, чтобъ указать всю важность и все значенiе [духовной красоты] [8]) этого [безспорно] русскаго типа, отысканнаго Пушкинымъ въ русской землѣ, имъ [9]) [указаннаго] имъ изваяннаго и стоящаго [10]) передъ нами [11]) теперь уже навѣки въ безспорной, смиренной и величавой [12]) красотѣ своей — какъ свидѣтельство [13]) того мощнаго духа народной жизни, который можетъ выдѣлять изъ себя образы, такой недосягаемой [14]) и, [14]) главное [14]) неоспоримой [уже] правды. Типъ этотъ данъ, есть, нельзя оспорить что онъ не существуетъ, [15]) [скопированъ, заимствованъ], что онъ [16]) фантазiя и идеалъ поэта. Вы [17]) [именно] и соглашаетесь: да это есть, стало быть и духъ его создавшiй есть, стало быть и жизненная сила этого духа есть и она велика и необъятна. Повсюду у Пушкина слышится вѣра въ русскiй характеръ, вѣра въ его [необъятную] духовную мощь, а коль вѣра стало быть и надежда, великая надежда за русскаго человѣка.

Въ надеждѣ славы и д(обра)

сказалъ самъ поэтъ по другому поводу, но эти слова его можно [18]) прямо взять и примѣнить ко всей его национальной творческой дѣятельности.

---

[1]) *Вст.*: можетъ быть.
[2]) *Вст.*: подробнымъ обсужденiемъ всѣхъ; *на поляхъ*: особенно подробнымъ литературнымъ разборомъ этихъ генiальныхъ произведенiй его
[3]) *Зачеркн. и возстановлено*
[4]) *Переправлено*: безсмертныхъ, русскихъ, типовъ, созданныхъ
[5]) *Вст.*: намъ (?)
[6]) *Переправлено*: оставленныхъ.
[7]) *Зачеркн.*: написать
[8]) *Вст.*: для насъ
[9]) *Вст.*: выведеннаго
[10]) *Переправлено*: поставленнаго имъ
[11]) *Зачеркн.*: навѣки.
[12]) *Вст.*: духовной
[13]) *Зачеркнуто*: мощ(наго)
[14]) *Зачеркн. и возстановлено.*
[15]) *Вст.*: что онъ выдуманъ или
[16]) *Вст.*: только
[17]) *Вст.*: созерцаете сами
[18]) *Зачеркн.*: пр(ямо?) вз(ять?)

(VIII страница рукописи:)

И никогда еще ни одинъ русскій писатель [1]) не соединялся такъ духовно [2]) и родственно съ народомъ, какъ Пушкинъ. [Правда] [3]), у насъ есть [столько] [4]) знатоковъ народа нашего между писателями, и такъ талантливо, такъ мѣтко и такъ любовно писавшихъ объ народѣ, а между тѣмъ, [какъ] [5]) сравнить съ Пушкинымъ — ей Богу [это] до сихъ даже поръ все это лишь „господа" о народѣ пишущіе. У самыхъ лучшихъ изъ нихъ, самыхъ великихъ — нѣтъ-нѣтъ, а и промелькнетъ вдругъ нѣчто высокомѣрное, нѣчто изъ другого быта, нѣчто желающее поднять народъ до себя и осчастливить его. Въ Пушкинѣ же есть именно что-то [родственное съ народомъ, ро...] что-то сроднившееся взаправду [6]) [во истину], доходящее иногда до какого то умиленія до какого то любованія [7]) русской силой, до любовнаго [съ нимъ] [8]) слiянiя [9]). Возьмите сказаніе о медвѣдѣ какъ убилъ мужикъ его боярыню-медвѣдицу, или припомните:

Сватъ Иванъ какъ пить мы станемъ

и вы поймете что я хочу сказать. Въ Капитанской дочкѣ [10]) казаки тащутъ молоденькаго офицера на висѣлицу, надѣваетъ (sic!) уже петлю и говорятъ: небось, небось — и вѣдь дѣйствительно можетъ быть ободряютъ бѣднаго искренно, его молодость жалѣютъ. И комично и прелестно. Да хоть бы и самъ Пугачевъ съ своимъ звѣрствомъ, а [рядомъ] [11]) съ беззавѣтнымъ русскимъ добродушіемъ [12]). Съ тѣмъ же молодымъ офицеромъ [13]) [встрѣтился] наединѣ смотритъ на него съ плутоватой улыбкой, подмигивая глазами: Думалъ ли ты что человѣкъ, который вывелъ тебя къ умету былъ самъ великій государь? И потомъ помолчавъ: ты крѣпко передо мной виноватъ. Это: [14]) [драгоцѣнныя черты, недосягаемыя, почти умилительной какъ-то правды]. Да и весь этотъ разсказъ „Капитанская Дочка" [такъ это] чудо искусства. Не подпишись подъ нимъ Пушкинъ и дѣйствительно можно подумать, что это [15]) въ

---

1) *Вст.*: ни прежде ни послѣ его
2) *Переправлено*: задушевно
3) *Вст.*: О,
4) *Вст.*: много
5) *Вст.*: если
6) *Вст.*: съ народомъ
7) *Вст.* [къ народу] до братск(аго)
8) *Вст.*: потомъ
9) *В т.*: съ народомъ
10) *о исправлено изъ т.*
11) *Вст.*: вмѣстѣ
12) *Зачеркн.*: какъ пр.
13) *Вст.*: ужъ
14) *На поляхъ*: „Ты крѣпко — такая (?)
15) *Зачеркн.*: написалъ

самомъ дѣлѣ написалъ какой-то старинный человѣкъ, бывшій очевидцев (sic!) и героемъ описанныхъ событій, до того разсказъ наивенъ и безускуственъ (sic!) такъ что въ этомъ чудѣ искусства, какъ бы изчезло искусство утратилось, дошло до естества „ — “ вотъ въ этомъ то сродствѣ духа поэта нашего съ родною почвою [и съ ея тайною] лежитъ наилучшее и самое обоятельное доказательство [въ] правдивости [1]) образовъ [поэта] [2]) [въ] правдивости [3]) правды которую они изображаютъ собою, предназначенное къ тому поэтомъ, — правдивость передъ которою всякая мысль объ идеализаціи, о пристрастіи о преувеличеніи [4]) или увлеченіи [4]) поэта изчезаетъ, стушевывается, а русскій человѣкъ, русскій духъ оправдываются [5]). [Сдѣлаю] маленькое сравненіе и именно по поводу этой же Капитанской дочки. Въ Недорослѣ Фонъ-Визина, комедіи написанной задолго до Пушкина вѣдь тоже все правда. Эта г-жа Простакова, ея мужъ, Скотининъ, Митрофанушка — все это осязаемо есть и быть должно. Вы знаете сверхъ того, что есть и хуже ихъ. А между тѣмъ вы чувствуете что всѣ они, сколько бы ни было ихъ, лучшихъ ли худшихъ ли всѣ они правда какъ частные случаи, вообще же какъ типы русскихъ людей — они уже неправда [6]). Почему-же? Потому что полная [7]) правда осталась невысказанною, потому что половина правды есть ложь [8]).

(IX страница рукописи:)

Посмотрите теперь хоть на кривого поручика въ Капитанской дочкѣ, который держитъ передъ капитаншей на рукахъ [9]) нитки — типъ тоже комическій, [10]) правда не столь позорный, какъ Простаковы, но комическій и повидимому ничтожный. Его зовутъ въ секунданты, а онъ отвѣчаетъ: Зачѣмъ драться, васъ выругали, а вы пуще выругайтесь, васъ въ ухо ударятъ, а вы его въ другое. И вотъ онъ стоитъ передъ Пугачевымъ и на кликъ [11]) къ нему: „Присягай“ — отвѣчаетъ въ глаза Пугачеву: Ты, дядюшка, воръ,

---

1) *Переправлено*: правдивость

2) *Вст.*: его

3) *Переправлено*: правдивость

4) *Переправлено*: преувеличеніяхъ, увлеченіяхъ

5) *Вст.*: Позволю себѣ

6) *Выше на поляхъ*: Какъ же что твоя полная правда и что ты полуправъ

7) „Полная“ *вставлено вмѣсто зачеркнутаго* „половина“.

8) *На поляхъ*: Впрочемъ такъ [и] хотѣлъ самъ Фонъ Визинъ, я не для умаленія его говорю, онъ именно порицалъ частный отвратительный случай, хотя правду и нравоученіе комедіи онъ находитъ все же не въ народномъ духѣ, а въ тирадахъ изъ французскихъ книжекъ, высказываемы(хъ) благоразумной Софьей.

IX стр.

9) *На поляхъ*: мото(къ)

10) *На поляхъ*: правда не такой позорный какъ Простаковы но комическій и повидимому ничтожный —

11) *Вст.*: окрикъ

и самозванецъ, зная, непремѣнно зная что тотъ его [1]) за это повѣситъ. И вотъ этотъ кривой [2]) ничтожный повидимому человѣкъ умираетъ великимъ героемъ, человѣкомъ бравымъ и присяжнымъ [3]). И ни одной то минуты не мелькнетъ у васъ мысль что это (?) [4]) частный лишь случай, а не [5]) русскій простой человѣкъ [6]) въ огромномъ большинствѣ [7]) [его первоначальнаго типа (говорю первоначальнаго въ отличіе отъ позднѣйшихъ)] [8]). Посмотрите теперь хоть на капитаншу Мировову — тоже типъ комическій: она управляетъ крѣпостью, она держитъ мужа подъ башмакомъ, участвуетъ въ военныхъ совѣтахъ и даже, во время уже битвы, прибѣгаетъ распорядиться и посмотрѣть: какъ идетъ баталья? [9]) Госпожа Простакова, командуя тоже мужемъ, разъ навсегда заключила о немъ что онъ не знаетъ что широко что узко, да на заключеніи этомъ покончила [10]). Не знаю говорила ли подобныя слова капитанша Миронова своему капитану — можетъ быть нѣтъ, потому что слишкомъ уже скверно, но подобно(е) и даже близко подходящее что нибудь можетъ быть и говорила въ досадную минуту. И вотъ Пугачевъ повѣсилъ ея капитана, умершаго тоже геройски, а ее казаки вытаскиваютъ въ одной рубахѣ на крыльцо. Увидала [11]) своего старика сплеснула руками: Удалая ты моя солдатская головушка, не тронули тебя ни пули турецкія, ни штыки прусскіе а погибъ ты отъ бѣглаго каторжника! И прокричала уже не думая о томъ, что и ее повѣсятъ: вмѣстѣ жили [12]) [заодно] [13]) и умирать. [14]) Всю то жизнь муштровала имъ (sic!) [15]), а теперь вотъ нашла [16]) въ сердцѣ своемъ и [17]) правду о немъ: [18])

- - -

[1]) *Вст.*: сейчасъ

[2]) *Вст.*: и

[3]) *На поляхъ стр. VIII*: кривой поручикъ, ну мелькнетъ-ли у васъ хоть малѣйшая мысль что это частный случай, а не русскій человѣкъ въ огромномъ большинствѣ его.

[4]) *Переправлено*: тутъ

[5]) *Вст.*: весь

[6]) *Вст. и зачеркн.*: выразился

[7]) *Вст.*: своемъ

[8]) *На поляхъ*: Что не огромное большинство что не всѣ русскіе простые люди такъ поступаютъ какъ этотъ поручикъ, по крайней мѣрѣ не...

[9]) *Зачеркнуто*: П(ростакова) (?)

[10]) *На поляхъ стр. VII*: хоть и держала подъ башмакомъ, но это не то что широко что узко. Семья il n'y a plus rien

что широко что узко и на томъ и кончаетъ* заключаетъ* все свое мнѣніе о своемъ мужѣ.

[11]) *Вст.*: она

[12]) *Зачеркнуто*: вм(ѣстѣ)

[13]) *Вст.*: вмѣстѣ

[14]) *Зачеркнуто*: Молодой казакъ (именно молодой)

[15]) *Вст.*: и держала подъ башмакомъ *на поляхъ*: казалось бы и не уважала

[16]) *Вст.*: же

[17]) *Вст.*: всю

[18]) *Варіантъ на поляхъ къ словамъ*: „что онъ удалая... ни малѣй-

что онъ удалая солдатская головушка, бравый присяжный молодецъ, — и всю то жизнь значитъ носила о немъ [1]) мысль, чтила стало быть и уважала его всю жизнь про себя благоговѣйно, [2]) — Это уже не одно только широко и узко, а стало быть и умилительная правда ихъ любви; ихъ крѣпкаго святаго союза спасена, правда высказана, и смотря на нихъ, читая ихъ скромную и простую повѣсть никогда-то [3]) не мелькнетъ у васъ ни малѣйшаго подозрѣнія, что это частный лишь случай, а не [4]) русскіе [5]) простые люди въ огромномъ ихъ большинствѣ. Читая Пушкина читаемъ правду о русскихъ людяхъ, [6]) и вотъ этой-то [7]) правды [8]), которую онъ намъ такъ безпристрастно про насъ разсказываетъ, мы почти уже и не слышимъ [9]) или столь рѣдко слышимъ что и Пушкину [бы] пожалуй [10]) не повѣрили, еслибъ не вывелъ и не поставилъ онъ передъ нами этихъ русскихъ людей столь осязаемо и безспорно что усомниться въ нихъ или оспорить [11]) совсѣмъ невозможно [12]).

Всѣ эти сокровища искусства и художественнаго прозрѣнія оставлены нашимъ великимъ поэтомъ какъ бы въ видѣ указанія для будущихъ грядущихъ за нимъ художниковъ, для будущихъ работниковъ на этой же нивѣ. Положительно можно сказать: не было бы Пушкина не было бы и послѣдовавшихъ [13]) за нимъ талантовъ. По крайней мѣрѣ не проявились бы они въ такой силѣ и съ такою ясностью [14]) не смотря даже на великія ихъ дарованія, въ какой удалось имъ выразиться впослѣдствіи, уже въ наши дни. Но не въ поэзіи лишь одной

(Х страница рукописи):

дѣло, не въ художественномъ лишь творчествѣ: не было бы Пушкина не опредѣлилась бы можетъ быть съ такою [самостоя-

шаго подозрѣнія": что онъ удалой бравый присяжный молодецъ и все спасено, вся правда высказана — и опять таки не прійдетъ вамъ въ мысль.

[1]) *Вст.*: эту

[2]) *Вст.*: нѣтъ,

[3]) *Вст.*: опять таки

[4]) *Вст.*: бытъ не благочестивая жизнь

[5]) *Зачеркн.*: люди въ

[6]) *Вст.*: полную правду

[7]) *Вст.*: полной

[8]) *Вст.*: о себѣ самихъ

[9]) *Вст.*: теперь

[10]) *Вст.*: бы

[11]) *Вст.*: ихъ

[12]) *На поляхъ*: а что доказалъ и указалъ это Пушкинъ и въ этомъ было великое назначеніе его. Назначеніе его было сказать о русск(омъ) человѣк(ѣ) полную правду, которую мы такъ рѣдко слышимъ

[13]) *о послѣ д переправлено изъ у; предполагалось: послѣдующихъ.* (?)

[14]) *Зачеркнуто*: въ какой удалось имъ выр(азиться)

тельною] [1]) силою въ (какой это явилось потомъ) наша вѣра въ нашу русскую самостоятельность, наша сознательная уже теперь надежда въ наши народныя силы и въ нашемъ грядущемъ назначеніи въ семьѣ европейскихъ народовъ. Это подвигъ Пушкина особенно выясняется если вникнуть въ то, что я называю [2]) третьимъ періодомъ его художественной дѣятельности.

Еще и еще повторю: эти періоды не имѣютъ у Пушкина такихъ твердыхъ границъ. Нѣкоторыя изъ произведеній этого третьяго [напримѣръ] періода могли [3]) начаться въ самомъ началѣ его поэтической дѣятельности. [Эго] [4]) былъ всегда цѣльный [5]) [организмъ всегда] цѣлокупный [6]), но [онъ] организмъ этотъ развивался и періоды эти [7]) дѣйствительно [8]) можно обозначить и [отдѣлить] отмѣтить въ каждомъ [9]) [нхъ] особый характеръ и постепенность вырожденія одного [10]) изъ другого. [11]) Къ третьему періоду можно отнести тотъ разрядъ его произведеній, [гдѣ] [12]) преимущественно засіяли идеи всемірныя, [13]) поэтическіе образы [европы] другихъ народовъ [14]), воплотились ихъ геніи. Нѣкоторыя изъ этихъ произведеній явились уже послѣ смерти Пушкина. И въ этотъ періодъ своей дѣятельности [Пушкинъ] [15]) представляетъ [намъ] [16]) что-то почти даже чудесное, неслыханное и невиданное до него нигдѣ и ни у кого [17]). Въ самомъ дѣлѣ въ европейскихъ литературахъ были громадной величины [18]) геніи — Шекспиры Сервантесы Шиллеры. Но укажите хоть на одного изъ этихъ великихъ геніевъ, который бы обладалъ такою способностью всемірной отзывчивости какъ нашъ Пушкинъ. Самые величайшіе изъ

---

[1]) *Вст.*: непоколебимой
[2]) *Зачеркн.*: его
[3]) *Вст.*: напримѣръ
[4]) *Вст.*: Пушкинъ
[5]) *Переправлено*: цѣльнымъ, *вст.*: такъ сказать организмомъ
[6]) *Переправлено*: цѣлокупнымъ *и вст.*: носивш[ій]имъ [вн(утри?)] въ себѣ всѣ [семен...] *свои зачатки* внутри себя, а не воспринимая ихъ извнѣ.
[7]) *Переправлено*: этого *и вст.*: развитія
[8]) *Зачеркн.*: можно послѣдить (?) и обозначить въ ряду...
[9]) *Вст.*: изъ нихъ его
[10]) *Вст.*: періода
[11]) *Вст.*: такимъ образомъ
[12]) *Вст.*: въ которыхъ
[13]) *Вст.*: отразились
[14]) *Вст.*: и [въ которыхъ] въ которыхъ
[15]) *Вст.*: нашъ поэтъ
[16]) *Вст.*: собою
[17]) *Выше на поляхъ и зачеркнуто*: Это почти чудесная сила, совершенно оригинальны(е) и никогда не виданные до Пушкина въ Европейскихъ литературахъ типы. — Громадные геніи — Чудесное и оригинальное явленіе.
[18]) *Вст.*: художественные

нихъ никогда не могли воплотить въ себѣ [1]) съ такою силою геній чужого, сосѣдняго можетъ быть съ нимъ [2]) народа, духъ его, всю затаенную глубину [и [3]) мысль [4])] [5]) всю тоску [6]) его призванія [7]). Пушкинъ лишь одинъ изъ всѣхъ міровыхъ поэтовъ обладаетъ этой почти чудесной отзывчивостью. Вотъ сцены изъ Фауста, вотъ скупой рыцарь и баллада жилъ на свѣтѣ рыцарь бѣдный. Перечтите Донъ Жуана, и еслибъ не было подписи вы бы никогда не узнали что это написалъ русскій. Какіе глубокіе, фантастическіе, образы въ поэмѣ: пиръ во время чумы. Но [8]) въ этихъ фантастическихъ образахъ слышится [8]) геній Англіи, эта пѣснь о чумѣ героя поэмы, эта пѣснь Мери со стихомъ:

Нашихъ дѣтокъ въ шумной школѣ
раздавались голоса

Это [англійская] пѣснь англійской дѣвы, это тоска британскаго генія, его плачь [sic!] [9]) [фантастическое] предчувствіе его грядущаго. Вспомните странные

(XI страница рукописи:)

стихи:

Однажды странствуя среди долины дикой,

Это почти буквальное переложеніе первыхъ трехъ страницъ изъ странной [10]) мистической книги, въ прозѣ, одного [11]) англійскаго [12]) сектатора, но развѣ это переводъ, развѣ это только переложеніе? Тутъ схвачена [13]) душа сѣвернаго протестантизма, англійскаго ересіарха, безбрежнаго мистика, съ его тупымъ? (?) [14]) непреоборимымъ стремленіемъ и [15]) съ всѣмъ безудержемъ мистическаго

---

[1]) *Зачеркн.*: въ такомъ
[2]) *Переправлено*: съ ними
[3]) *Переправл.*: его
[4]) *Переправл.*: мысли
[5]) *Вст.*: это(го) духа
[6]) *Зачеркн.*: будущаго проро...
[7]) *На поляхъ*: Напротивъ обращаясь къ геніямъ чужихъ націй европейскій геній перевоплощали (?) ихъ въ свою *же* національность.
Даже у Шекспира его Итальянцы тѣ же Англичане.
[8]) *„Но в этих фантастических образахъ" переправлено изъ*: Но эти фантастическіе образы [схваче(ны?)].
[9]) *Вст.*: страдальческое.

XI стр.

[10]) *„Странной" вписано надъ зачеркнутымъ*: книги.
[11]) *Вст.*: древняго.
[12]) *Вст.*: религіознаго.
[13]) *Вст.*: вся.
[14]) *Вст.*: мрачнымъ и
[15]) *Зачеркн.*: безгранич(нымъ)

мечтанія [1]). Кстати: вотъ рядомъ съ этимъ мистикомъ строфы изъ Корана, или подражаніе Корану: развѣ это не мусульманинъ, развѣ это не духъ Востока и мечь (sic!) его, простодушная величавость вѣры и грозная сила ея? А вотъ древній міръ, вотъ „Египетскія ночи" вотъ эти земные боги [[2]) временъ паденія. Сами потерявшіе всякую вѣру [3]) въ свой геній [4]), атеисты ставшіе богами, насмѣшливо смотрящіе на народъ свой ставшіе богами и обезумѣвшіе, потерявшіе сѣвшіе надъ [5]) народомъ [6]) богами, [7]) презирающіе геній народный и стремленія его [8]) ставшіе впрямь богами и обезумѣвшіе [9]), въ предсмертной скукѣ своей [и] [10]) тоскѣ тѣшащіе себя фантастическими звѣрствами, сладострастіемъ насѣкомыхъ сладострастіемъ пауковой самки съѣдающей своихъ [11]), самцовъ [12]) [для...] — Нѣтъ, положительно скажу не было поэта съ такой всемірной отзывчивостью какъ Пушкинъ, и не въ [12]) отзывчивости [12а]) [только] [12б]) дѣло, а въ глубинѣ ея, а въ [13]) перерожденіи [14]) своего духа въ духи чужихъ народовъ, [15]) почти совершенномъ, а потому чудесномъ, потому что нигдѣ ни въ какомъ поэтѣ цѣлаго міра такого явленія не повторилось. [16]) Это только у Пушкина и въ этомъ смыслѣ, повторяю онъ явленіе [чудесное и] [17]) неслыханное, а по нашему и пророческое. ибо... ибо тутъ-то и выразилась наиболѣе его національная русская сила, [18]) выразилась именно народность его поэзіи [19]) выразилась пророчески ибо что

---

[1]) *На поляхъ:* Читая эти странные стихи [вамъ передъ вами какъ бы становится] вамъ какъ бы слышится духъ вѣковъ реформаціи [вамъ чувству(ется?)] вамъ понятенъ этотъ огонь [протестантизма] начинающагося протестантизма вамъ понятная становится *самая исторія, не мыслью только, а какъ будто вы сами тамъ были, прошли мимо вооруженнаго стана сектантовъ, пѣли съ ними *ихъ* гимны, плакали съ ними въ *ихъ мистическихъ восторгахъ и надеждахъ* и вѣровали

[2]) *Зачеркн. раньше* (?) потерявшіе всякую вѣру въ свой геній.

[3]) *Вст.:* [въ себя и въ геній въ себя].

[4]) *Зачеркнуто раньше* (?): насмѣшливо народъ свой.

[5]) *Вст.:* своимъ.

[6]) *Вст.:* по ихнему уже чернію.

[7]) *Вст. и зачеркн.:* считая (щіе?) *вст.:* уже.

[8]) *Вст.:* уже не вѣрующіе въ него болѣе.

[9]) *Зачеркн.:* ищущіе.

[10]) *Вст.:* и.

[11]) *Переправлено:* своего самца.

[12]) *Вст.:* [въ нихъ]

[12-а]) *Вст.:* одной только [не въ искусствѣ (?) одномъ].

[12-б]) „*Только* переправлено изъ тутъ.

[13]) *Вст. и зачеркн.:* полномъ

[14]) *Переправл.:* перевоплощеніи.

[15]) *Вст.:* перевоплощеніи.

[16]) *Зачеркн.:* какъ ху(дожникъ) (?).

[17]) *Вст.:* невиданное.

[18]) *Зачеркн.:* именно.

[19]) *На поляхъ:* народность въ дальнѣйшемъ своемъ развитіи.

такое сила [русскаго] духа[1]) стремленіе [его][2]) и [его][2]) назначеніе въ конечныхъ цѣляхъ [его[2])] какъ не всемірность, но всечеловѣчность! [Какъ художникъ и поэтъ Пушкинъ нашъ пророкъ и наше указаніе!] Ставъ вполнѣ народнымъ [и національнымъ] поэтомъ [онъ][3]) тотчасъ же, коснувшись[4]) силъ[5]) народныхъ и усвоивъ ее себѣ, безсознательно но мощно и стремительно, уже предчувствуетъ великое[6]) назначеніе нашаго народного генія[7]); [какъ художникъ и поэтъ Пушкинъ нашъ пророкъ и наше указаніе!][8]).

Въ самомъ дѣлѣ что такое для насъ Петровская реформа, не въ будущемъ только, а въ[9]) томъ, что уже было произошло[10])? Что значила для насъ эта реформа? Вѣдь не была же она только для насъ усвоеніемъ европейскихъ костюмовъ, обычаевъ, изобрѣтеній и европейской наукѣ [sic]! Вникнемъ какъ дѣло было, поглядимъ пристальнѣе[11]). Вѣдь мы разомъ[12]) устремились,

(XII страница рукописи).

[правда][13]) безсознательно [вначалѣ, но съ величайшей силою] къ [европейскому и всемірному] возсоединенію съ геніями европейскихъ народовъ, къ единенію [всемирному] всечеловѣческому.

---

[1]) *Вст.*: русской народности, что такое.

[2]) *Вст.*: ея.

[3]) *Вст.*: Пушкинъ.

[4]) *Переправлено*: прикоснувшись; *вст.*: къ

[5]) *Переправлено*: силѣ

[6]) *Вст.*: грядущее

[7]) *Вст.*: и.

[8]) *На поляхъ, выше*: И что же эта всемірность отзывчивость и есть назначеніе дальнѣйшее проявленіе русской силы и ея назначенія, выразившемся въ Пушкинѣ какъ въ художникѣ

въ реформѣ Петра мы не то что усвоили изобрѣтенія, костюмы и обычай Европы мы разомъ устремились съ любовью воспринять ихъ геній душой нашей, братски дружест(венно) (?) безъ преимуществъ *всѣхъ вмѣстѣ не дѣлая преимуществъ различая* извиняя одно примиряя другое, различія *ихъ* (?) примиряя стремясь къ всецѣлому единенію

[9]) *Вст.*: даже и въ томъ

[10]) *Вст.*: что уже явилось воочію

[11]) *На поляхъ*: Да очень можетъ быть что Петръ только въ этомъ смыслѣ и произвелъ ее, т. е. въ смыслѣ ближайше-утилитарномъ (если не допустить только въ Петрѣ русскаго затаеннаго инстинкта который влекъ *его*, въ его дѣла, къ цѣлямъ будущимъ, еще имъ не сознаннымъ, но не сравненно огромнѣйшимъ чѣмъ одинъ только ближайшій утилитаризмъ). Но русскій-то народъ не изъ одного только утилитаризма принялъ реформу, это уже несомнѣнно, ощутивъ *въ ней (?)* инстинктомъ тотчасъ же нѣкоторую дальнѣйшую [высш(ую)] несравненно болѣе высшую цѣль, ощутитивъ (sic!) конечно безсознательно но однакоже, непосредственно, и жизненно.

[12]) *Вст.*: тогда.

XII стр.

[13]) *Вст.*: опять таки конечно сперва.

Мы [1]) не враждебно, а дружественно [и братски], съ [2]) любовью приняли [3]) въ [3]) душу [3]) нашу геніи ихъ націй, — всѣхъ вмѣстѣ, не дѣлая [4]) преимущественныхъ племенныхъ различій умѣя инстинктомъ почти съ самаго начала различать [5]), примирять противорѣчія извинять и примирять различія и тѣмъ уже выказали [6]) [наши (?) глубоко-народные инстинкты [7]) къ всецѣлому единенію ко всемірному соединенію] [8]) людей [9]). [Ибо] [10]) назначеніе русскаго человѣка [11]) есть всеевропейское и всемірное. Стать настоящимъ русскимъ, стать вполнѣ русскимъ можетъ быть и значитъ только [12]) стать братомъ всѣхъ людей, всечеловѣкомъ если хотите [13]). Для настоящаго русскаго Европа и удѣлъ всего великаго Арійскаго племени также дороги, какъ и Россія, какъ удѣлъ своей родной земли, потому что нашъ удѣлъ и есть всемірность и не мечемъ пріобрѣтается [она], а силою братства и братскаго стремленія нашего къ [14]) [другимъ народамъ] [15]). Если захотите вникнуть въ нашу исторію послѣ Петровской реформы, вы найдете слѣды и указанія этой мысли этого мечтанія моего если хотите, въ [16]) характерѣ общеній нашихъ съ европейскими племенами, даже въ внѣшней [17]) политикѣ нашей [18]). И впослѣдствіи, я вѣрю въ это, мы, [19]) [всѣ поймемъ] что стать [20]) [самостоятельнымъ] русскимъ [стать настоящимъ] будетъ именно значить [21])

---

[1]) *Вст.*: съ (?)

[2]) *Вст.*: полною

[3]) *Слова „приняли в душу“ вписаны вмѣсто зачеркнутыхъ раньше* устремились разомъ къ возсоединенію)...

[4]) *Зачеркн.*: пле(менныхъ)

[5]) *Зачеркн.*: изв(инять)

[6]) *Вст.*: какъ бы готовность* нашу* какъ бы тоску нашу и страданіе наше по

[7]) *На поляхъ вст.*: и стремленіе его

[8]) *Вст.*: всемірному возсоединенію

[9]) *Зачеркн.*: Что такъ и быть на...

[10]) *Вст.*: Да.

[11]) *Вст.*: безспорно

[12]) *На поляхъ*: в концѣ концовъ (это подчеркните)

[13]) На полях: О, всѣ эти славянофильство и западничество наше есть [пока лишь] одно* только* великое недоразумѣніе наше [пока] но исторически пока необходимое.

[14]) *Вст.*: возсоединенію людей

[15]) *На поляхъ*: о народы Европы и не знают какъ они намъ дороги

[16]) *Зачеркн.*: исторіи

[17]) *Вст*: государственной

[18]) *На поляхъ*: это найдете. Ибо что делала Россія въ (sic!) эти два вѣка [какъ не] въ своей политикѣ какъ не служила Европѣ можетъ быть гораздо болѣе чѣмъ себѣ самой? Не думаю чтобы отъ неумѣнія лишь нашихъ политиковъ это происходило.

[19]) *Вст.*: о, конечно; *на полях*: т. е. пожалуй не мы а будущіе грядущіе русскіе *люди* поймутъ всѣ до единаго

[20]) *Вст.*: настоящимъ

[21]) *Зачеркн.*: ощутить

стремиться внести примиреніе въ европейскія противурѣчія (sic!) уже окончательно, въ[1]) русской[2]) душѣ своей указать исходъ европейской тоскѣ[3]), вмѣстить въ[4]) нее съ братской любовью всѣхъ нашихъ братьевъ [великаго Арійскаго племени], а можетъ быть, въ концѣ концовъ, изрѣчь окончательное Слово великой общей всечеловѣческой гармоніи,[5]) братскаго [единенія][6]) по Христову евангельскому завѣту! [О,][7]) слова мои могутъ показаться теперь восторженными, преувеличенными и фантастическими. Пусть, но я не раскаиваюсь что ихъ высказалъ. Этому должно было быть высказаннымъ[8]). Да и высказывались[9]) [не однажды]. Главное[10]) [мои слова] покажутся[11]) самонадѣянными:[12]). Это намъ-то, нашей нищей, нашей грубой землѣ такой удѣлъ? Это намъ-то предназначено[13]) новое Слово? Что же развѣ я говорю про экономическую славу, про славу меча иль науки? Я говорю лишь о братствѣ людей, и о томъ что ко всемірному ко всечеловѣчески-братскому единенію сердце русское можетъ быть изъ всѣхъ наиболѣе предназначено, вижу слѣды его въ нашей исторіи, въ нашихъ талантахъ, въ художественномъ геніи Пушкина. Пусть

(XIII страница рукописи):]

наша земля нищая, но это нищую землю въ рабскомъ[14]) видѣ[15]) исходилъ благословляя [Христосъ]. Почему же намъ не вмѣстить послѣдняго слова его? Да и самъ[16]) онъ не въ ясляхъ ли родился?[17]) По крайней мѣрѣ мы можемъ указать на Пушкина на всемірность и всечеловѣчность его генія. Вѣдь могъ же онъ вмѣстить чужіе геніи въ душѣ своей какъ родные. Въ искусствѣ по крайрей мѣрѣ въ художественномъ творчествѣ онъ[18]) проявилъ

---

[1]) *Зачеркн.*: душ(ѣ)
[2]) *Вст.: на поляхъ*: всечеловѣческой и всесоединяющей
[3]) *Вст.*: въ своей русской душѣ
[4]) *Вст. и незачеркн.* (?): эт(у) душ(у)
[5]) *Вст. и зачеркн.* свободнаго и
[6]) *Вст.*: окончательнаго согласія
[7]) *Вст.*: Знаю слишкомъ,
[8]) *На поляхъ*: и особенно теперь въ минуту [великаго] торжества нашего, въ минуту *[всенароднаго]* чествованія нашего великого генія, эту именно идею въ себѣ воплотившаго.
[9]) *Вст.*: [уже они] эти мысли и прежде я *ничуть* не новое говорю.
[10]) *Вст.*: все это
[11]) *Переправлено*: покажотся *и вст. но зачеркнуто*: простодушно
[12]) *Переправл.*: самонадѣяннымъ
[13]) *Вст.*: въ человѣчествѣ такое великое и окончательное

XIII стр.

[14]) *Зачеркнуто*: Ца(рь)
[15]) *Вст. но зачеркн.*: Царь небесный
[16]) *Вст*: —то
[17]) *Вст.*: не побрезгаетъ и нашей землей
[18]) *Зачеркн.*: стоитъ

эту всемірность стремленія [въ назначеніи] русскаго духа[1]. Еслибъ жилъ онъ дольше можетъ быть явилъ бы безсмертные и великіе образы души русской уже понятные нашимъ европейскимъ братьямъ, привлекъ бы ихъ къ намъ[2]), разъяснилъ бы имъ[3]) нашу душу и таинственныя глубокія грядущія стремленія ея и они бы уже болѣе понимали насъ чѣмъ теперь,[4]) [приблизились бы к намъ] стали бы насъ узнавать[5]), предугадывать, перестали бы на насъ смотрѣть[6]) недовѣрчиво, какъ теперь еще смотрятъ[7])[8]). Но Богъ судилъ иначе. Пушкинъ умеръ во[9]) цвѣтѣ своихъ силъ и[10]) безспорно унесъ[11]) въ гробъ[12]) великую тайну[13])[14]). Мы теперь безъ него[15]) [ее и разгадываемъ].

Жаль что еще долго будемъ только разгадывать,[16]) ибо пора давно уже[17]) пора [бы между собою всѣмъ[18]) согласиться] перестать спорить и всѣмъ между собою согласиться. Да и исходъ то несогласій нашихъ столь явно теперь обозначенъ, ибо[19]) состоитъ[20]) лишь въ простодушномъ, не хитростномъ а братскомъ[21]) возсоединеніи съ народомъ нашимъ. Опять таки и тутъ[22]) примѣръ Пушкинъ, возсоединившій свою душу съ народомъ своимъ[23]) какъ[24]) [никогда и] никто изъ насъ, стоящихъ надъ народомъ [интелигентныхъ][25]) русскихъ людей[26]).

---

[1]) *На поляхъ*: а это уже безспорно великое указаніе. Есть по крайней мѣрѣ на чемъ основаться въ нашей фантазіи.

[2]) *Вст.*: гораздо болѣе и ближе чѣмъ успѣлъ сдѣлать

[3]) *Вст.*: глубину нашего духа и стремленій его.

[4]) *Вст.*: подошли бы къ намъ ближе

[5]) *Запятая зачеркн. и вст.*: и

[6]) *Вст.*: столь

[7]) *Послѣдовательность строкъ переставлена и вст.*: совсѣмъ еще не понимая насъ и чего мы хотимъ

[8]) *На поляхъ ниже*: Жилъ бы [он] *Пушкинъ* дольше *даже и между нами* меньше было бы [между нами] недоумѣній и споровъ *какіе видимъ теперь*, это-*то* уже наверное. Но Богъ...

[9]) *Перепр. и вст.*: въ полномъ

[10]) *Зачеркн.*: унесъ

[11]) *Вст.*: съ собою

[12]) *Вст.*: нѣкоторую

[13]) *На полях*: отвергать это значитъ неверить въ *громадное для насъ* значеніе его генія.

[14]) *Вст.*: И вотъ

[15]) *Вст.*: эту тайну разгадываемъ.

[16]) *Вст.*: и спорить

[17]) *Вст., но зачеркн.*: намъ

[18]) *Вст.*: намъ

[19]) *Вст. но зачеркн.*: заключает(ся)

[20]) *Зачеркн., но востанов.; вст.*: онъ

[21]) *Вст.*: и главное (?) и безусловномъ

[22]) *Вст.*: нашъ

[23]) *Вст.*: такъ (?) совершенно

[24]) *Вст.*: почти

[25]) *Вст.*: так называемыхъ „образованныхъ"

[26]) *Последний абзац начиная от слов: „Жаль что... русскихъ людей" приписан позднее и другим почерком.*

Вариант речи о Пушкине.

Издаваемая рукопись, поступившая в Публичную Библиотеку в 1891 г. от А. Г. Достоевской (см. „Отчет“ за 1891 г., стр. 113-14), представляет собою два момента работы Достоевского над текстом Пушкинской речи: первоначальный (будем называть его редакцией I) и вторичный (ред. II), получившийся после целого ряда дополнений, поправок, изменений, сделанных к первоначальному тексту, и значительно приближающих его к тому, который появился на страницах „Дневника Писателя“. Первый вид текста мы печатаем как основной, дополнения же, изменения и т. д. предлагаем в примечаниях.

Насколько II редакция отличается от I и приближается к печатной—это можно видеть из следующих примеров: I: „освѣщаетъ (освѣтило) дорогу нашу“; II: „сильно способствуетъ освѣщенію дороги нашей“; печат.: „сильно способствуетъ освѣщенію темной дороги нашей“. I: „Предупреждаю, я буду разсматривать Пушкина не какъ литературный критикъ“; II: „Я говорю теперь не какъ литературный критикъ“; печат.: „Говорю теперь не какъ литературный критикъ“. I: „разсматривая“; II: „касаясь“; печат.: „касаясь“. II: „и что я въ этихъ словахъ (подъ этими словами) разумѣю“; печат.: „и что я въ этомъ словѣ разумѣю“; I — нет. I: „замѣчу лишь“; II: „замѣчу мимоходомъ“; печат.: „замѣчу однакоже мимоходомъ“. II и печат.: „воспринялъ и возлюбилъ ихъ всецѣло своей любящей и прозорливой душой“; I — нет. I: „къ первому періоду“; II и печат.: „къ первому періоду дѣятельности поэта“. I: „принято говорить“; II и печат.: „принято тоже говорить“. I: „на геній Пушкина“; II и печат.; на развитіе его генія“. I: „да и во всю жизнь продолжали имѣть вліяніе“; II и печат.: „да и сохраняли вліяніе это во всю его жизнь“. I: „но въ поэзіи его даже въ первые періодъ выразилась чрезвычайная самостоятельность. Даже самыя первоначальныя поэмы Пушкина были не однимъ лишь подражаніемъ“; II и печат.: „Тѣмъ не менѣе, даже самыя первыя поэмы Пушкина были не однимъ лишь подражаніемъ, (такъ что) и въ нихъ уже выразилась чрезвычайная самостоятельность (его генія)“. I: „Пушкинъ въ Алеко уже отыскалъ этого страдальца, русскаго скитальца въ которомъ отразился русскій вѣкъ“: II и печат.: „Въ Алеко Пушкинъ уже отыскалъ и геніально отмѣтилъ того несчастнаго скитальца въ родной землѣ, того историческаго русскаго страдальца, столь исторически необходимо явившагося въ оторванномъ отъ народа обществѣ нашемъ“. I: „эти скитальцы“; II и печат.: „эти русскіе бездомные скитальцы“. I: „отъ безобразія цивилизованной жизни“; II и печат.: „отъ сбивчивой и нелѣпой жизни нашего русскаго интеллигентнаго общества“. I: „выразилъ“; II и печат.: „явилъ“.

I: „Въ типѣ Алеко, героя поэмы Цыгане, слышится уже мощная самостоятельность"; II и печат.: „Въ типѣ Алеко, героѣ поэмы Цыгане, сказывается уже сильная и глубокая, чисто русская мысль". I: „во второмъ вѣкѣ послѣ великой Петровской реформы"; II и печат.: „въ началѣ второго столѣтія послѣ великой Петровской реформы"; II и печат.; „и въ банкахъ"; I—нетъ. I: „и никакого желанія не имѣетъ идти къ Цыганамъ"; II и печат.: „безо всякаго поползновенія бѣжать въ цыганскіе таборы или куда-нибудь въ мѣста, болѣе соотвѣтствующіе нашему времени". I: „крѣпко стукнулся"; II и печат.: „крѣпко стукнулся лбомъ". I: „чтобы затрещало все наше зданіе общественное — о, не народъ, не государство, до народа и не дойдетъ волна"; II: „чтобы и остальному (огромному) большинству лишиться черезъ нихъ покоя"; печат.: „чтобъ и остальному огромному большинству не видать черезъ нихъ покоя". I: „у него лишь тоска по природѣ, плачь о потерянной правдѣ", II: „у него все это какъ-то еще отвлеченно и вообще у него лишь тоска по природѣ, міровыя стремленія, плачь о потеряной правдѣ, которую онъ потерялъ и найти не можетъ"; печат.: „у него все это какъ-то еще отвлеченно, у него лишь тоска по природѣ, жалоба на свѣтское общество, міровыя стремленія, плачъ о потерянной гдѣ-то и кѣмъ-то правдѣ, которую онъ никакъ отыскать не можетъ". I: „дикая женщина" по выраженію какого-то поэта; II: „по выраженію какого-то поэта нашего: Дайте мнѣ женщину, дикую женщину; печат.: „дикая женщина, по выраженію одного поэта". I: „бросается въ цыганскій таборъ"; II и печат.: „бросается къ Земфирѣ". I: „не годился"; II: „не пригодился несчастный мечтатель"; печат.: „не пригодится несчастный мечтатель". I: „злобно проливаетъ кровь за свою обиду"; II и печат.: „злобно растерзаетъ и казнитъ за свою обиду". I: „ничѣмъ не хочешь за него заплатить"; II и печат.: „даже и не предполагая, что за него надобно заплатить". I: „крупной черты"; II и печат.: „крупной реальной черты". I: „въ исторіи"; II и печат.: „въ біографіи". I: „Да это несомнѣнно Алеко, потомъ когда онъ восклицаетъ въ тоскѣ"; II и печат.: „Повторяю опять, это тотъ же Алеко, особенно потомъ, когда онъ восклицаетъ въ тоскѣ". I: „слишкомъ еще молодъ и свѣжъ, чтобъ не любить жизни такъ или этакъ"; II: „слишкомъ еще мало жилъ, чтобъ разлюбить жизнь и свѣтскія наслажденія"; печат.: „слишкомъ еще мало жилъ, чтобъ успѣть вполнѣ разочароваться въ жизни". I: „онъ не у себя"; II и печат.: „онъ, конечно, не у себя". I: „и у чужихъ чужимъ"; II и печат.: „и у чужихъ себѣ самому чужимъ". I: „по родной землѣ"; II и печат.: „по родинѣ". I: „просто отъ хандры"; II: „и даже можетъ быть отъ хандры по міровому идеалу, по міровой гармоніи, отчасти по крайней мѣрѣ"; печат.: „почемъ знать, можетъ быть отъ хандры по міровому идеалу,— это слишкомъ по нашему, это вѣроятно". I: „Татьяной, а не

Онѣгинымъ“; II и печат.: „именемъ Татьяны, а не Онѣгина“. I: „рѣшенія задачи“; II и печат.: „разрѣшенія загадки“. I: „И начинаетъ понимать его“; II: „Она поняла его“; печат.: „Да, она должна была прошептать это, она разгадала“. I: „при встрѣчѣ“; II и печат.: „при новой встрѣчѣ“. I: „понимаетъ“; II и печат.: „знаетъ“. I: „лишь“; II и печат.: „напротивъ“. I: „этой жизнью“; II и печат.: „пышною петербургскою жизнью“. I: „въ нашей дѣйствительности“; II и печат.: „въ нашей грядущей судьбѣ“. I: „въ (своихъ) поэтическихъ образахъ“; II и печат.: „въ другихъ произведеніяхъ этого періода своей дѣятельности“. I: „не стану разъяснять и доказывать мысль мою указаніем на безсмертные русскіе типы имъ созданные и оставленные“; II и печат.: „не стану разъяснять мысль мою особенно подробнымъ литературнымъ (разборомъ) этихъ геніальныхъ произведеній нашего поэта“. I: „величавой красотѣ своей“; II и печат.: „духовной красотѣ своей“. I: „ни одинъ русскій писатель не соединялся такъ духовно и родственно съ народомъ, какъ Пушкинъ“; II и печат.: „ни одинъ русскій писатель, ни прежде, ни послѣ него, не соединялся такъ задушевно и родственно съ народомъ своимъ, какъ Пушкинъ“. I: „правда“; II и печат.: „о“. I: „столько“; II и печат.: „много“. I: „какъ“; II и печат.: „если“. I: „къ другимъ народамъ“; II и печат.: „къ возсоединенію людей“. II: „А это уже безспорно великое указаніе“; печат.: „неоспоримо, а въ этомъ уже великое указаніе“; I—нет. I: „нашу душу и таинственныя, глубокія, грядущія стремленія ея“; II: „глубину нашего духа и стремленій его“; печат.: „всю правду стремленій нашихъ“. II: „Есть по крайней мѣрѣ на чемъ основаться въ нашей фантазіи“; печат.: „Если наша мысль есть фантазія, то съ Пушкинымъ есть по крайней мѣрѣ, на чемъ основаться въ нашей фантазіи“; I—нет. I: „во цвѣтѣ своихъ силъ“; II: „въ полномъ цвѣтѣ своихъ силъ“; печат.: „въ полномъ развитіи своихъ силъ“.

Перед печатанием своей речи Достоевский еще раз проредактировал ее: некоторые места выпустил, кое-что вставил и наконец сделал ряд изменений в отдельных словах и целых выражениях.

Так, в печатном тексте *выпущено*:

После слов „нѣчто безспорно пророческое“: „(Ибо) Въ немъ уже можно отыскать и (цѣль и назначеніе глубинъ народныхъ и) осязательно усмотрѣть первое сознательно выраженное указаніе существенныхъ стремленій (нашихъ) національности русской и грядущихъ цѣлей ея“.

После „на три періода“: „былъ бы можетъ быть и четвертый періодъ, но Богъ судилъ иначе и смерть взяла нашего великаго поэта въ самомъ полномъ развитіи его духа и силъ“.

После „о пророческомъ для насъ значеніи его“ — „для всѣхъ

русскихъ насъ, для теперешнихъ русскихъ и для будущихъ (для русскихъ людей и для всей національности нашей)".

После „твердыхъ между собою границъ" — „какъ иные критики предполагаютъ".

После „возлюбилъ ихъ всецѣло своею любящею и прозорливою душой": „Нельзя тоже, по моему (мнѣнію), утверждать съ точностью, что воспитаніе (юность) и Петербургъ имѣли одно (свое) вліяніе, а ѣзда (скитальчество) по Россіи, Михайловское, и Ирина Родіоновна были причиною поворота Пушкина къ иному (другому) направленію. Конечно дѣйствительность и приключенія (жизненныя приключенія) въ жизни способствуютъ развитію духа человѣческого (всякаго человѣка) и мощно вліяютъ даже на такую великую и самостоятельную духовную силу какъ и Пушкинъ. Но геніальный организмъ (Пушкина) его былъ не въ такой зависимости отъ внѣшнихъ вліяній и безъ сомнѣнія развился бы правильно даже и при какихъ угодно вліяніяхъ. Судить иначе значитъ не понимать силы Пушкина".

Перед „Именно, именно, чуть не по немъ": „Это именно тотъ русскій (нашъ) человѣкъ, за неимѣніемъ дѣла у себя дома страдающій по міровой гармоніи и можетъ быть простодушнѣйшимъ образом обладающій въ то же время крѣпостными людьми, который прельстился людьми живущими безъ закона и который..."

После „принявъ это счастье, остаться на вѣки счастливыми": „У Бальзака въ одномъ романѣ... Вотъ рѣшеніе французскаго студента" [1]).

После „и вы поймете, что я хочу сказать" — „Въ Капитанской дочкѣ казаки тащутъ молоденькаго офицера на висѣлицу... усомниться въ нихъ или оспорить — совсѣмъ невозможно" [2]).

После слов „И вотъ мы теперь безъ него эту тайну разгадываемъ" — „Жаль, что еще долго будемъ только разгадывать... стоящихъ надъ народомъ (интеллигентныхъ, такъ называемыхъ „образованныхъ") русскихъ людей" [3]).

Вставка.

„... Котораго еще не было при Алеко"...

---

[1]) Этот отрывок напечатан в кн. Л. Гроссмана „Библіотека Достоевскаго". Од. 1919, стр. 38 — 39. (Вм. „къ (любимому) другу своему товарищу" у Гроссмана „къ своему товарищу" и после „представь себѣ" пропущено: „вотъ ты нищій".

[2]) Напечатано в кн. Л. Гроссмана, стр. 70 — 73, но в „комбинированном" виде (с выдержкою из ответа Достоевского Градовскому) и с целым рядом неточностей: „раздолія" вм. „рядомъ", „туповатой" вм. „плутоватой", „отвелъ" вм. „вывелъ", „пожалѣвъ" вм. „помолчавъ", „какой-то" вм. „какъ-то", „Капитанской дочки" вм. „Капитанская дочка", „убѣдительное" вм. „обаятельное", „предназначенные" вм. „предназначенное", „лжетъ" вм. „хотѣлъ", „комедій" вм. „книжекъ", „Простакова" вм. „Простаковы", „въ развитіи" вм. „въ различіе".

[3]) Напечатано у Гроссмана, 73 — 74.

„... Съ полученіемъ жалованья, съ игрой въ преферансъ"...

„Тутъ есть немножко Жанъ-Жака Руссо".

„Въ первый разъ схваченъ онъ у насъ Пушкинымъ, и это надо запомнить".

„... И поймешь, наконецъ, народъ свой и святую правду его".

„Можно даже сказать, что такой красоты положительный типъ русской женщины почти уже и не повторялся въ нашей художественной литературѣ — кромѣ развѣ образа Лизы въ Дворянскомъ Гнѣздѣ Тургенева".

„О, я ни слова не скажу про ея религіозныя убѣжденія, про взглядъ на таинство брака — нѣтъ, этого я не коснусь".

„... А не южная или не французская какая-нибудь"...

„Вотъ вопросъ".

„... Да вѣдь въ этой обстановкѣ-то, пожалуй, и вся суть дѣла".

„Да развѣ этого не видитъ въ немъ Татьяна, да развѣ она не разглядѣла его уже давно? Вѣдь..."

„... За однимъ, много что за двумя исключеніями изъ самыхъ позднѣйшихъ послѣдователей его"...

„... Даже вотъ у этихъ двухъ исключений, о которыхъ я сейчасъ упомянулъ".

„И эту-то способность, главнѣйшую способность нашей національности, онъ именно раздѣляетъ съ народомъ нашимъ, и тѣмъ, главнѣйше, онъ и народный поэтъ".

Изменены отдельные слова и целые выражения.

Рукоп.: „Пушкинъ есть явленіе великое, чрезвычайное"; печат.: „Пушкинъ есть явленіе чрезвычайное и, можетъ быть единственное явленіе русскаго духа" (так и у Гоголя). Рукоп.: „является"; печат.: „приходитъ". Рукоп.: „вѣка"; печат.: „столѣтія". Рукоп.: „подражалъ европейцамъ"; печат.: „подражалъ европейскимъ поэтамъ". Рукоп.: „кончая Байрономъ"; печат.: „особенно Байрону". Рукоп.: „могли имѣть"; печат.: „имѣли". Рукоп.: „Конечно не у Байрона (только), а (и) въ себѣ самомъ, въ страдающемъ (тоскующемъ русскомъ) сердцѣ своемъ"; печат.: „Отыскалъ же онъ его, конечно, не у Байрона только". Рукоп.: „и еще долго можетъ быть не исчезнутъ"; печат.: „и еще долго, кажется, не исчезнутъ". Рукоп.: „Фантастическій Алеко (Въ фантастическомъ Алеко), этотъ эмбріонъ (въ этомъ эмбріонѣ) Онѣгина являетъ (наводитъ на) уже глубокую русскую мысль, выраженную потомъ въ такой гармонической полнотѣ въ Онѣгинѣ, гдѣ почти тотъ же Алеко является несравненно уже въ болѣе реальномъ и осязательно-понятномъ видѣ"; печат.: „Сильная и глубокая, совершенно русская мысль, выраженная потомъ въ такой гармонической полнотѣ въ Онѣгинѣ, гдѣ почти тотъ же Алеко является уже не въ фантастическомъ свѣтѣ, а въ осязаемо-реальномъ и понятномъ видѣ". Рукоп.: „Много, много что полиберальничаетъ съ оттѣнкомъ соціализма (это уже sine qua)"; печат.: „Много, много что полибе-

ральничаютъ „съ оттѣнкомъ европейскаго соціализма", но которому приданъ нѣкоторый благодушный русскій характеръ". Рукоп.: „узнаешь правду"; печат.: „узришь правду". Рукоп.: „и если даже и пострадаешь за это, то пострадаешь со счастіемъ, ибо наполнится жизнь твоя"; печат.: и узришь счастье, ибо наполнится жизнь твоя". Рукоп.: „Вѣрно схваченъ"; печатн.: „Мѣтко схваченъ". Рукоп.: „Ни въ цыганскихъ таборахъ и не въ соціальныхъ системахъ міровая гармонія"; печат.: „Не у цыганъ и нигдѣ міровая гармонія". Рукоп.: „яснѣе и рельефнѣе"; печат.: „яснѣе". Рукоп.: „фантастичной"; печат.: „фантастической". Рукоп.: „пока фать"; печат.: „на половину фать". Рукоп.: „по своей родинѣ"; печат.: „по родной землѣ". Рукоп.: „высказать мысль поэмы и указать правду ея въ послѣдней главѣ (поэмы), въ знаменитой сценѣ послѣдней встрѣчи Татьяны съ Онѣгинымъ"; печат.: „высказать мысль поэмы въ знаменитой сценѣ послѣ встрѣчи Татьяны съ Онѣгинымъ". Рукоп.: „и всего страннѣе"; печат.: „и всего характернѣе". Рукоп.: „утолить духъ"; печат.: „успокоить духъ". Рукоп.: „основать ваше зданіе"; печат.: „возвести ваше зданіе". Рукоп.: „съ ея глубоко страдающимъ сердцемъ"; печат.: „съ ея сердцемъ, столько пострадавшимъ". Рукоп.: „вопросъ и довольно любопытный"; печат.: „и даже, можетъ быть, самый важный въ поэмѣ". Рукоп.: „я вотъ что скажу и вотъ какъ думаю"; печат.: „я вотъ какъ думаю". Рукоп.: „глубину этого характера"; печат.: „суть этого характера". Рукоп.: „мое счастіе"; печат.: „мое спасеніе". Рукоп.: „привязывается"; печат.: „устремляется". Рукоп.: „былинка носящаяся по воздуху"; печат.: „былинка, носимая вѣтромъ". Рукоп.: „крестъ я тѣнь вѣтвей надъ бѣдной нянею моею; печат.: „крестъ и тѣнь вѣтвей надъ могилой ея бѣдной няни". Рукоп.: „О, это ей теперь всего драгоцѣннѣе. Скажутъ, что это мало (на первый взглядъ?). Нѣтъ это довольно; тутъ почва, адамантовое основаніе, тутъ сознанный идеалъ чистаго, великолѣпнаго счастья на лонѣ родной природы; Печат.: „О, эти воспоминанія и прежніе образы ей теперь всего драгоцѣннѣе, эти образы одни только и остались ей, но они-то и спасаютъ ея душу отъ окончательнаго отчаянія. И этого не мало, нѣтъ, тутъ уже многое, потому что тутъ цѣлое основаніе, тутъ нѣчто незыблемое и неразрушимое. Тутъ соприкосновеніе съ родиной, съ роднымъ народомъ, съ его святынею". Рукоп.: „А у него что есть, кто онъ такой — пародія, хотя и воистину страдающая"; печат.: „А у него что есть и кто онъ такой". Рукоп.: „Какъ ей идти за нимъ, еслибъ даже она была и свободна? Развѣ изъ состраданія, чтобъ потѣшить, чтобы хоть на время подарить ему призракъ счастья. О, можетъ быть она и сдѣлала бы это, русская женщина слишкомъ добра, но есть характеры твердые, серьезные и глубокіе, есть такіе, которые не захотятъ отдать святыню свою на сознательную потѣху, хотя бы при безконечномъ состраданіи. И Татьяна, какъ я понимаю ее, по крайней мѣрѣ,

не пошла бы за Онѣгинымъ, еслибъ даже и могла это сдѣлать". Печат.: „Не идти же ей за нимъ изъ состраданія, чтобы только потѣшить его, чтобы хоть на время изъ безконечной любовной жалости подарить ему призракъ счастья, твердо зная напередъ, что онъ завтра же посмотритъ на это счастье свое насмѣшливо. Нѣтъ есть глубокія и твердыя души, которые не могутъ сознательно отдать святыню свою на позоръ, хотя бы и изъ безконечнаго состраданія. Нѣтъ, Татьяна не могла пойти за Онѣгинымъ". Рукоп.: „Типъ этотъ данъ, есть, нельзя оспорить, что онъ (выдуманъ или) не существуетъ, скопированъ, заимствованъ, что онъ (только) фантазія и идеалъ поэта"; печат.: „Типъ этотъ данъ, есть, его нельзя оспорить, сказать, что онъ выдумка, что онъ только фантазія и идеализація поэта". Рукоп.: „прямо взять и примѣнить"; печат.: „прямо примѣнить". Рукоп.: „ей Богу"; печат.: „право же". Рукоп.: „у самыхъ лучшихъ изъ нихъ, самыхъ великихъ"; печат.: „у самыхъ талантливыхъ изъ нихъ". Рукоп.: „Нѣчто изъ другого быта"; печат.: „нѣчто изъ другого быта и міра". Рукоп.: „доходящее иногда до какого-то любованія (русской силой), до любовнаго сліянія съ народомъ"; печат.: „доходящее въ немъ почти до какого-то простодушнѣйшаго умиленія". Рукоп.: „Еще и еще повторяю"; печат.: „Еще и еще разъ повторяю". Рукоп.: „не имѣютъ у Пушкина"; печат.: „не имѣютъ". Рукоп.: „начаться"; печат.: „явиться". Рукоп.: „русскій"; печат.: „не испанецъ". Рукоп.: „это (англійская) пѣснь англійской дѣвы"; печат.: „это англійскія пѣсни". Рукоп.: „съ этимъ мистикомъ"; печат.: „съ этимъ — религіознымъ мистицизмомъ". Рукоп.: „строфы изъ Корана"; печат.: „религіозныя же строфы изъ Корана". Рукоп.: „не духъ Востока"; печат.: „но самый духъ Корана". Рукоп.: „грозная сила ея"; печат.: „грозная кровая сила ея". Рукоп.: „нашего народнаго генія"; печат.: „этой силы". Рукоп.: „Какъ художникъ и поэтъ Пушкинъ нашъ пророкъ и наше указаніе"; печат.: „Тутъ онъ угадчикъ, тутъ онъ пророкъ". Рукоп.: „въ нашихъ талантахъ"; печат.: „въ нашихъ даровитыхъ людяхъ". Рукоп.: „а это уже безспорно великое указаніе"; печат.: „а въ этомъ уже великое указаніе". Рукоп.: „Есть по крайней мѣрѣ на чемъ основаться въ нашей фантазіи"; печат.: „Если наша мысль есть фантазія, то съ Пушкинымъ есть, по крайней мѣрѣ, на чемъ этой фантазіи основаться". Рукоп.: „чѣмъ успѣлъ сдѣлать"; печат.: „чѣмъ теперь". Рукоп.: „разъяснилъ бы имъ"; печат.: „успѣлъ бы имъ разъяснить". Рукоп.: „недовѣрчиво" печат.: „недовѣрчиво и высокомѣрно". Рукоп.: „недоумѣній"; печат.: „недоразумѣній".

Д. И. Абрамович.

СТРАНИЦЫ ИЗ „БЕСОВ“

(в канонический текст не включенные).

I.

Ниже воспроизведенные страницы из «Бесов» были пропущены Достоевским во втором, единственном при жизни, отдельном издании романа, последовавшем немедленно после того, как он был закончен печатанием в «Русском Вестнике»: вся третья часть «Бесов», первую главу кототорой должна была составить «Исповедь Ставрогина», прошла в ноябрьской и декабрьской книгах журнала за 1872 год, а в марте 1873 г. критики уже говорят о романе в отдельном издании (см. напр. журнал «Дело» кн. III—ст. «Больные люди»). Эти страницы относятся к третьей главе второй части романа: «Поединок», к подразделению II, где происходит ночной разговор Ставрогина с Дашей, и он рассказывает ей о предложении Федьки Каторожного зарезать Лебядкина и Марию Тимофеевну. В журнальном тексте они следуют после слов: — „Вы очень больны — с участием спросила она, как-то особенно в него взглядываясь». (изд. Просвещ. т. 12 стр. 406 строка 23).

Пропущенные страницы.

— Я опять его видел, проговорил Ставрогин почти шепотом, отвертываясь в сторону.

— Боже мой!

— Сначала здесь в углу, вот тут у самого шкафа, а потом он сидел все рядом со мной, всю ночь, да и после моего выхода из дому... Не входи, Алексей Егорович! крикнул он старику, показавшемуся в дверях с подносом в руках.

— Этого уже три месяца с вами не было!

— Да, три месяца; больше. (Беспокойство и тревога все сильнее и сильнее овладевали им). Что вы так засматриваете мне в лицо. Теперь начнется ряд его посещений. Вчера он был глуп и дерзок. Это тупой семинарист, самодовольство шестидесятых годов, лакейство мысли, лакейство среды, души, развития, с полным убеждением в непобедимости своей красоты... ничего не могло быть гаже. Я злился что мой собственный бес мог явиться в такой дрянной маске. Никогда еще он так не приходил. Я впрочем все молчал, нарочно: я не только молчал, я был неподвижен. Он за это ужасно злился, и я очень рад что он злится. Я теперь даже рад.

Даша в совершенном испуге схватила его за руку.

— Николай Всеволодович, опомнитесь! вскричала она.

— Что вы? как бы удивился он ее волнению, — ведь вы знаете что у меня такая болезнь. Я вам одной только и открыл про нее на свете, и никто это не знает. Постойте, неужели я вам не открывал? Смотрел он на нее в недоумении, как бы

что-то припоминая. Если так, то я действительно брежу им.. с ума сошел, прибавил он в невыразимой тоске, ожидая ответа.

— Нет, нет, не пугайтесь, вы мне открыли, одной мне, в Швейцарии. Я не того испугалась сейчас, а того как вы о нем говорили. Вы так говорите как бы в самом деле есть. Боже сохрани вас от этого! вскричала она в отчаянии.

— О, нет, я в него не верю, успокойтесь, улыбнулся он. — Пока еще не верю. Я знаю, что это я сам в разных видах, двоюсь и говорю сам с собой. Но все-таки он очень злился; ему ужасно хочется быть самостоятельным бесом и чтоб я в него уверовал в самом деле. Он смеялся вчера и уверял что атеизм тому не мешает.

— В ту минуту, как вы уверуете в него, вы погибли! *Боже! и этот человек хочет обойтись без меня!* с болью в сердце вскричала Даша.

— Слушайте, когда мы будем свободны, я сяду подле вас и он никогда не придет.

— Знаете его вчерашнюю тему? Он всю ночь утверждал, что я фокусничаю, ищу бремени и неудобоносимых трудов, а сам в них не верю. Но меня что поразило? Представьте, сейчас вдруг Кириллов, в одно слово с семинаристом, говорит то же самое...

Он вдруг захохотал, и это было ужасно нелепо. Дарья Павловна вздрогнула и отшатнулась от него.

— Бесов было ужасно много вчера! вскричал он хохоча, — ужасно много! изо всех болот полезли. Один предлагал мне вчера на мосту... [1]).

И далее:

В зависимости от этих пропущенных страниц имеются и в дальнейшем некоторые незначительные разночтения. Так в каноническом тексте после слов: «Ну, простите мне мою глупую шутку» — следует:» должно быть я перенимаю *от них* дурные манеры (Просв. т. 12 стр. 407). «От них» — восходят, повидимому, к предыдущей реплике Даши: «Да неужто вы не видите, что вы кругом оплетены их сетью». В журнальном же тексте вместо: *от них—у моего семинариста*, т.-е. у беса.

После слов Даши (там же стр. 407): «Да сохранит вас бог от вашего демона»... следует ответ Ставрогина: «о какой *мой* демон»! В журнальном тексте: «о, какой это демон!» Дальше в обоих текстах одинаково»: *Это* просто маленький, гаденький, золотушный бесенок с насморком, из неудавшихся». Поскольку в кононическом тексте под

[1]) Считаю нужным указать, что страницы эти были уже раз воспроизведены в небольшой заметке об „Исповеди Ставрогина“: А. Чебышева-Дмитриева (см. № 3 журнала: „Вулкан“ Студенчества Рабфака Петр. Госуд. Университ. июль 1923 г.). С этой заметкой мне удалось познакомиться в самый последний момент перед отдачей статьи в печать и я, к сожалению, лишен возможности откликнуться на некоторые любопытные мысли, высказанные автором заметки, как мне кажется (автор на нее не ссылается), в связи с моей работой в „Литерат. Мысли“ № 1.

бесом остается разуметь только Федьку Каторжника, то очевидно и эта характеристика относится к нему, что совершенно не соответствует его образу. Не говоря уже о том, что Достоевский проводит резко грань между демоном и бесом: и по степени объективации и их значительности, *как* определенных символов.

II.

Эти пропущенные во втором издании «Бесов» страницы снова возвращают нас к вопросу, однажды уже постановленному в литературе о Достоевском, в связи с «Исповедью Ставрогина», год тому назад сразу появившейся в двух редакциях: Петербургской, по списку Анны Григорьевны (опубликовано В. Л. Комаровичем в 18 кн. «Былого), и Московской — текст корректурный (опубликовано Центрархивом: «Документы по истории литератур. и общественности»). Вопрос ставился тогда о месте «Исповеди» в концепции романа, как организованного целого; ставился преимущественно в плане идеалогическом, поскольку композиционно именно этот план играет у Достоевского роль доминирующую. Были высказаны две точки зрения: диаметрально противоположные. По одной (Комаровича) «Исповедь» была автором исключена из романа добровольно: в полном согласии и соответствии с изменившейся в ходе работы конструкцией целого, изменился и духовный облик Ставрогина, так что самим Достоевским был он лишен акта покаяния, как доподлинного религиозного действия. Другая точка зрения видела в выпадении из романа этой главы об «Исповеди» влияние причин посторонних, совершенно случайных: как пишет Страхов в письме к Толстому, нежелание Каткова, редактора «Рус. Вестн.», печатать: «сцену растления и проч.» (см. нашу статью в сбор. «Литер. Мысли» 1).

Среди мотивов в пользу нашей точки зрения мы указывали на присутствие в романе множества следов, ведущих к «Исповеди», как к некоей вершине, — следов, автором не снятых и во втором отдельном издании, как бы намеренно им оставленных нам, поздним покалениям, в указание. Протягиваются нити из всех трех частей романа, из разных глав каждой части, ко всем трем подразделениям «Исповеди», в особенности, ко второму, центральному, ее подразделению. Последнее и представляет собою кульминационную вершину всего романа, сконденсированный синтез жизни Ставрогина во всех трех аспектах: событийном, психическом и духовном; здесь даны факты его крайних падений (изнасилование, воровство), вскрыты главнейшие стадии его прошлой. Петербургской, отчасти и заграничной жизни, намечен тот центральный момент, который должен бы стать поворотным по пути спасения, чаемого и как бы действительно уже открывающегося в плоскости эстетико-этических его устремлений (Сон о счастливом детстве человечества в связи с картиной «Асис и Галатея», угрызение совести и принятое решение об исповеди, публичном покаянии).

Центральным являясь не только в «Исповеди», но и по отношению ко всему роману, по этой идейной, психологической и событийной сущенности своей, второе подразделение определяет структуру и самой

«Исповеди»; при чем первое подразделение связывается с лицами и событиями предшествующих «Исповеди» двух частей романа, последнее предваряет ход действия последующей, третьей его части; мотив же привидений, главный в первом подразделении, заранее обрекает Ставрогинскую попытку покаяния на неудачу; вскрывает всю ее безнадежность — *уже поздно*. И Тихон это знает, поскольку вера в привидения противостоит как вере истинной, так и полному атеизму. В системе символов Достоевского это один из самых ответственных — галлюцинация черта, привидения, и является он, свидетельствуя о душевном и духовном разложении героя, обыкновенно в моменты критические, до или после чрезвычайных событий в ходе сюжетного или идейного развития романа (ср. привидения у Свидригайлова, «Черт» у Ив. Карамазова). Здесь, в «Бесах» мотив этот дан впервые, но лишь намеком, в начале второй части, в ночь перед разговором Ставрогина с Кирилловым и Шатовым, в идеалогическом аспекте романа это место центральное, за которым следует непосредственно сцена разрыва с Хромоножкой, тоже центральная в аспекте сюжетном (Две первые главы второй части: «Ночь» и «Ночь—продолжение»). Перед тем как отправляется в путь, Ставрогин сидит на диване, «как бы упорно и любопытно всматриваясь в какой-то поразивший его предмет в углу комнаты, хотя там ничего не было ни нового ни особенного» (изд. Просвещ. т. 12 стр. 318). Из разговоров с Шатовым и Кирилловым мы узнаем, что одному Ставрогин проповедывал совершенство веры, другому — полный атеизм; по апокалипсической символике в «Исповеди» («Ангелу Ладикийской церкви напиши») это и значит: Шатов воспринимал его «горячим», а Кириллов — «холодным»; но так было в прошлом. Теперь же он «не горяч и не холоден», а только «тепл». Когда же Ставрогин делает еще одно усилие, предпоследнее, чтобы вступить на путь возрождения: отказ от дуэли и готовность претерпеть оскорбления (в следующей главе «Поединок») — усилие, Кирилловым воспринимаемое, как искание бремени,—тогда мотив привидений, как символ душевного и духовного разложения Ставрогина и невозможности для него спасения, раскрывается уже полностью, в этих именно пропущенных страницах. Получается в этих трех главах «Ночь, Ночь – продолжение» и «Поединок» как бы некая замкнутая система: привидением, как знаком бессилия она начинается и привидением она замыкается, когда бессилие становится очевидным. Он дан, этот мотив, не в сцене раздвоения, как у Ивана Карамазова, а в диалоге — с человеком, с которым Ставрогин до конца откровенен. Этим лицом не мог быть ни Шатов и ни Кириллов — две эманации его духа, воспринимающие его каждый в своем аспекте; и ни Хромоножка, высшее совершенство, для Ставрогина недостижимое, по существу своему не знающее никаких борений, а только Даша, символизация его настоящего, сиделка, возлюбившая его в настоящем, в его болезни. Разговор с ней после поединка — это тоже исповедь, предшествующая ступень к последней его исповеди перед Тихоном; перед нами в сущности те же признания в двух соприкасающихся плоскостях: эмпирикопсихологической (с Дашей), момент идеоло-

гический только намечен, просвечивает, и преимущественно идеологической (с Тихоном), где эмпирия используется лишь как материал для последних выводов в плоскости высшего порядка.

Ставрогин говорит Даше:

... «Нет, я никогда не мог узнать, чего вы хотите; мне кажется, что вы интересуетесь мною, как иные устарелые сиделки интересуются почему либо одним каким-нибудь больным сравнительно перед другими, или еще лучше, как иные богомольные старушонки, шатающиеся по похоронам, предпочитают иные трупики попригляднее перед другими».

Это сравнение себя с трупом, напоминающее впервые финал романа, акт самоубийства, Ставрогин вдруг заканчивает таким тревожным вопросом, как бы прерывая им свои признания.

— Что вы на меня так странно смотрите.

— Вы очень больны — с участием спросила она, как-то особенно в него вглядываясь.

Тут, конечно, болезнь не физическая, а духовная, вернее душевно-духовная. Вопрос о болезни только поставлен, о встрече с Федькой Каторжным еще не рассказано; необоснованным воспринимается, в тексте второго издания, сейчас же за этим следующее восклицание Даши: «Боже! И этот человек хочет обойтись без меня». В романе она единственная, душею нормально-здоровая, сдержанная. Только после пропущенных страниц становятся понятными, психологически узаконенными, эти слова ее.

«Три месяца — рассказывает он ей — как его не было», и вот он опять его видел... «здесь в углу, вот тут у самого шкафа, а потом рядом на диване... всю ночь да и после выхода из дому». Она знала, что у него «такая болезнь», ей «одной только и открыл про нее на свете», но она испугалась того, *как* он о нем говорил: «вы так говорите как бы в самом деле есть», и она пророчески предсказывает Ставрогину: «в ту минуту, как вы уверуете в него, вы погибли». К Тихону Ставрогин и пришел перед самой гибелью, в последнем уже отчаянии. И здесь характерно, что тот же мотив привидений дан как раз в порядке обратном, чем в разговоре с Дашей. Ей в начале он говорил о нем, как о факте, воспринимаемом в плане эмпирическом, а потом отрицал объективность его бытия: «я знаю, что это я сам в разных видах, двоюсь и говорю сам с собою» — отвечает он Даше на ее испуг. С Тихоном же наоборот: как бы стыдясь с первого разу объяснить всю правду, он этими словами начинает, что он подвержен, особенно по ночам, некоторого рода галлюцинациям, видит иногда или чувствует подле себя какое-то злобное существо, насмешливое и «разумное», в разных лицах и в разных характерах, «но оно одно и тоже, а я всегда злюсь». И через несколько строк прибавляет: «и все это вздор, вздор ужасный. Это я сам в разных видах и больше ничего» (Документы изд. Центр. архива стр. 8-9). Но Тихон прозорливо видит доподлинную правду, видит его, Ставрогина, согласно предсказанию Даши, накануне гибели, уже окончательно уверовавшим, «неопределенной» улыбкой доводит его до твердого признания: «я верую в беса, верую канонически, в личного, не в аллегорию».

«Знаю твои дела, ни холоден, ни горяч, о если бы ты был холоден или горяч. Но поелику ты тепл, а не горяч и не холоден, то изблюю тебя из уст моих». Дважды это положение повторяется: в разговоре с Дашей Ставрогин говорит про него — «ему ужасно хочется быть самостоятельным бесом и чтобы я в него уверовал в самом деле. Он смеялся вчера и уверял, что атеизм тому не мешает». Перед Тихоном он опять ставит спор свой с бесом: «А можноль веровать в беса, не веруя в бога». — «О, очень можно, сплошь и рядом» — отвечает Тихон, но это именно не атеизм — «не холоден», а *«тепл»* — светское равнодушие, окончательное душевное разложение, духовная и затем физическая смерть.

Так варьируется в «Исповеди» тема привидений со всеми ее подробностями. Пропущенные страницы в журнальном тексте имелись потому, что Достоевский был уверен в появлении «Исповеди: 9-ой ли главой во второй части или первой в третьей части — это сейчас безразлично. Когда же «Исповедь», по причинам от автора независящим, должна была исчезнуть в тексте журнальном, то в отдельном издании исчезли вместе с нею и эти страницы, с «Исповедью» органически связанные.

III.

Вопрос о месте «Исповеди Ставрогина» в композиционном целом романа нужно решить раз навсегда. Ибо значение его, повторяем, не частное и не временное: вопрос затрагивает и по иному освещает основные проблемы творчества Достоевского как в плоскости идеологической, так и в системе его художественных приемов. Страницы, здесь воспроизведенные, кажутся нам достаточно убедительными, — фактом, явно подтверждающим правоту нашей точки зрения. Благодаря им, пытались мы показать, композиция «Бесов» приобретает особую стройность и цельность. Конечно, сторонники противоположного взгляда могут и здесь ссылаться на длительный перерыв в печатании третьей части романа: страницы эти, скажут они, относятся к главе „Поединок“, напечатанной в сентябрьской книге „Русского Вестника“ за 1871 г.; последняя же часть романа, которая, судя по тексту Московскому (Центрархива), должна была начинаться „Исповедью“, стала появляться с ноябрьской книги „Р. Вестника“ за 1872 год. И вот в этот длительный промежуток, больше, чем в год, и изменилась концепция образа Ставрогина, и „Исповедь“ отпала по причинам органическим. Так, помним мы, мотивировал свою точку зрения Комарович (Былое, кн. 18). В свое время (Лит. Мысль, кн. I) мы возражали против этого довода. Мы должны здесь его отвергнуть окончательно. Данные, ниже приведенные, делают его абсолютно несостоятельным.

Мы располагаем несколькими случайными, отрывочными страницами [1]) из одной редакции романа, редакции безусловно очень поздней, весьма близкой к последнему, печатному тексту. Страницы относятся к главам девятой и десятой, т. е. двум последним из второй части романа (по отдельному изданию 1873 г.) или двум первым из части

---

[1]) Из материалов Пушкинского Дома.

третьей (по тексту журнальному): „Степана Трофимовича Описали“ и „Флибустьевы. Роковое утро“. Эти главы должны были последовать сейчас же за „Исповедью“, которая в Петербург. тексте („Былое“. кн. 18) помечена главой 9-й, а в Московском (Центрархива) *глава 9-я* переправлена в *главу 1-ую.* В статье нашей: „Исповедь Ставрогина“ нами было доказано, что текст Московский более поздний и работал над ним Достоевский непосредственно перед печатанием третьей части. „Исповедь“ должна была быть ее первой главой, „Степана Трофимовича Описали“ — *главой второй.* И вот: оказывается, что в нашем отрывке „Степана Трофимовича Описали“ действительно названо *главой второй.*

Мы говорим, что эти страницы, этот отрывок наш — из редакции очень поздней, близкой к тексту окончательному. В подтверждение воспроизведем здесь одну из страниц [1]) и параллельно к ней текст печатный. Страница объемлет содержание конца главы „Флибустьеры“ — один из самых главных узловых моментов романа: поединок Лизы с Николаем Всеволодовичем в гостиной Юлии Михайловны — Ставрогин открыто объявляет о браке с Марьей Тимофеевной. Здесь раскрывается одна из тайн, движущих весь сюжет романа, и это раскрытие является прелюдией к грядущим катастрофам третьей части. Акт признания, бремя, взятое на себя Ставрогиным, был бы произвольным, психологически не мотивированным, без главы об „Исповеди“.

Страница начинается с того, как Юл. Мих. пытается загладить впечатление, произведенное на собравшуюся публику первыми признаками сумасшествия губернатора фон-Лембке. „... Она отвечала уклончиво, что Андрей Антонович немного в волнении, но что это ничего, что с ними это еще с детства, ...

Рукописный текст.	Печатный текст [2]).
„Что она [его] знаетъ „гораздо лучше“ и [громко пригла] что завтрашній праздникъ конечно развеселитъ его. Затѣмъ еще разъ нѣсколько лестнxхъ словъ Ст. Т-чу и громкое приглашеніе членамъ комитета теперь же, сейчасъ, открыть засѣданіе [последнее и самое важное]. *Лишніе стали собираться къ выходу*.	Что она знаетъ „гораздо лучше“, и что завтрашній праздникъ, конечно, развеселитъ его. Затѣмъ еще нѣсколько лестныхъ, но единственно для приличія, словъ Степану Трофимовичу и громкое приглашеніе членамъ комитета теперь же, сейчасъ, открыть засѣданіе. Тутъ только стали было не участвовавшіе въ комитетѣ собираться домой.

[1]) Зачеркнутое берем в прямые скобки: [...]; исправления и добавления берем в звездочки: * ... *; исправления и добавления зачеркнутые обозначаем так: *[...]*.

[2]) Печ. текст воспроизводим по изд. 1905 г. т. VIII стр. 403—4.

Рукописный текст.	Печатный текст.
Но болѣзненныя приключенія *этого рокового дня еще* не *о*кончились. [Приступаю къ самому неожиданному и трагическому].	Но болѣзненныя приключенія этого рокового дня еще не окончились.
Еще Въ самую ту минуту какъ вошелъ Николай В-чъ я замѣтилъ что Лиза *[эта сіяющая и сверкающая счастьемъ и радостію Лиза]* быстро и пристально на него поглядѣла [почти уставилась на него] и долго *потомъ* не отводила *отъ него* глазъ, [такъ что] *— до того долго что на* подъ конецъ это [стало очень замѣтно] *возбудило вниманіе [мно]* [очень замѣтили напримѣръ В. П-на, Юл. М., Маврикій Николаевичъ, можетъ и многіе другіе].	Еще въ самую ту минуту, какъ вошелъ Николай Всеволодовичъ, я замѣтилъ, что Лиза быстро и пристально на него поглядѣла и долго потомъ не отводила отъ него глазъ, — до того долго, что подъ конецъ это возбудило вниманіе.
Я видѣлъ что Маврикій Николаевичъ, [я видѣлъ,] нагнулся къ ней сзади и *кажется* хотѣлъ было что-то ей проговорить на ухо, но *видно* перемѣнилъ намѣреніе и быстро выпрямился *оглядывая всѣхъ и* стараясь чтобъ . . . [1]) *какъ-нибудь* незамѣтили его жеста.	Я видѣлъ что Маврикій Николаевичъ нагнулся къ ней сзади и кажется хотѣлъ было что-то ей пошептать, но видно перемѣнилъ намѣреніе и быстро выпрямился, оглядывая всѣхъ какъ виноватый.
[На Николая же Всеволодовича я смотрѣлъ съ большимъ изумленіемъ] *Воз [бужд]алъ [2]) тоже любопытство и Н. В — чъ [изумилъ] меня тоже и Н. В — чъ*: Лицо его было блѣднѣе обыкновеннаго (я не зналъ тогда, что онъ всего лишь [полчаса] *часъ тому* какъ оставилъ Тихона) [3]), а взглядъ необычайно раз-	Возбудилъ любопытство и Николай Всеволодовичъ: лицо его было блѣднѣе обыкновеннаго, а взглядъ необычайно разсѣянъ. Бросивъ свой вопросъ Степану Трофимовичу при входѣ, онъ какъ-бы забылъ о немъ тотчасъ-же, и право, мнѣ кажется, так и

[1]) Слово не разобрано.
[2]) Здесь б. м. стремление переправить на: *возбудилъ*.
[3]) Эту фразу, взятую Д. в пояснительные скобки, мы особенно подчеркиваем.

Рукописный текст.	Печатный текст.
сѣнъ. Бросивъ свой вопросъ Ст. Т—чу при входѣ онъ какъ бы забылъ о немъ тотчасъ-же и, право,]я до сихъ поръ утверждаю это онъ] *мне кажется такъ и* забыл подойти къ хозяйкѣ. На Лизу онъ не взглянулъ ни разу — не потому что не хотѣлъ [глядѣть на нее] а потому, утверждаю это, что вовсе ее незамѣтилъ. [Такъ мнѣ казалось] *[Это] [Это непремѣнно такъ было]* а впрочемъ я не могъ слишкомъ пристально слѣдить за нимъ, отвлеченный общимъ разговоромъ и потомъ случаемъ съ Лембке, [так, что почти подъ конецъ, если можно ск.] [почти забылъ конецъ]	забылъ подойти къ хозяйкѣ. На Лизу не взглянулъ ни разу,—не потому что не хотѣлъ, а потому, утверждаю это, что и ее тоже вовсе не замѣчалъ [1]).
И вдругъ послѣ нѣкотораго молчанія, послѣдовавшаго за приглашеніемъ Юли. Мих—ны [образовать] *открыть* не теряя времени послѣднее засѣданіе — вдругъ раздался [твердый] звонкій [пред]намѣренно [на всю за] *громкій* [голосъ] *[это былъ]* *голосъ* Лизы. Она [по] *по*звала Ник. В—ча: *Всѣ тотчасъ же стали слушать* *[слышалось въ]* *[слышно въ выбраціи]*	И вдругъ, послѣ нѣкотораго молчанія, послѣдовавшаго за приглашеніемъ Юліи Михайловны открыть, не теряя времени, послѣднее засѣданіе,— вдругъ раздался звонкій, намѣренно громкій голосъ Лизы. Она позвала Николая Всеволодовича.
— Н. В—чь. Мнѣ какой-то капитанъ, называющій себя вашимъ родственникомъ *братомъ жены вашей* по фамиліи Лебядкинъ все пишетъ [письма] неприличныя письма и въ нихъ жалуется на васъ, предлагая мнѣ открыть какія-то [тай] про васъ тайны. Если онъ *въ самом дѣлѣ* вашъ родственникъ *и братъ вашей жены* то	— Николай Всеволодовичъ, мнѣ какой-то капитанъ, называющій себя вашимъ родственникомъ, братомъ вашей жены, по фамиліи Лебядкинъ, все пишетъ неприличныя письма и въ нихъ жалуется на васъ, предлагая мнѣ открыть какія-то про васъ тайны. Если он въ

[1]) В журн. тек.: *замѣтилъ*.

Рукописный текст.	Печатный текст.
запретите ему меня безпокоить. [Вы несомнѣнно имѣете на него] *[онъ васъ видимо боится]* [а я ничего не могу сдѣлать] *и избавьте меня от непріятностей*	самомъ дѣлѣ вашъ родственникъ, то запретите ему меня обижать и избавьте отъ непріятностей.
Страшный вызовъ [прозвенѣлъ даже в вибраціи' ея голоса] *[но] слышался въ этихъ словахъ. Всѣ поняли это. Обвиненіе было [такое] явное, несомнѣнно разсчитанное [на скандалъ] на скандалъ хотя можетъ быть и внезапное для нея самой [пришедшее случайно в голову], — [я въ этомъ увѣренъ* Похоже было на то когда человѣкъ зажмуривъ глаза бросится съ крыши.	Страшный вызовъ послышался въ этихъ словахъ, всѣ это поняли. Обвиненіе было явное, хотя, можетъ быть, и для нея самой внезапное. Похоже было на то, когда человѣкъ зажмуря глаза бросается съ крыши.

В другом месте надеемся мы опубликовать все имеющиеся в нашем распоряжении страницы вариантов к „Бесам“. Наше утверждение, что это отрывки из редакции поздней, приближающейся вплотную к тексту печатному, станет тогда еще более убедительным. Здесь же мы привели именно эти две страницы потому, что они непосредственно касаются нашей темы. Но в то же время они с достаточной ясностью иллюстрируют, как шла работа Достоевского по пути к окончательной редакции: почти все места, в нашем варианте зачеркнутые, отсутствуют и в тексте печатном, и наоборот, исправления и дополнения либо целиком, без всяких изменений, попадают в последнюю редакцию, либо обнаруживают, по крайней мере, тенденцию к ней. Рисуется Николай Всеволодович, противостоящий всей собравшейся компании, пришедший сюда, очевидно, с определенным, твердо принятым решением: открыть здесь свою тайну, в гордости своей и презрении ко всем, — отнюдь не как акт смирения и покаяния — бросить обществу вызов. В сюжетном сцеплении и в зависимости от композиции характеров, признание в браке происходит в ответ на дерзкий вопрос Лизы. Но ясна функция художественная этого драматизирующего приема: сюжетный мотив им только вводится, и от него насыщается эмоционально.

— „Лицо его было бледнее обыкновенного... а взгляд необычайно рассеян“. Между этими двумя фразами, было нами подчеркнуто, вставлено: „*(я не знал тогда, что он всего лишь час тому, как оставил' Тихона)*“... Внимание Достоевского не скользило здесь; на этой фразе оно сделало паузу, исправлено: вместо „полчаса“ — „час тому“; фраза же в целом оставлена: она *необходима* в органической

связи с главой предшествующей, с „*Исповедью Ставрогина*": „Исповедь" узаконяет это „самое трагическое приключение „рокового дня", подняв его из плоскости событийно-сюжетной в плоскость высшего порядка, туда, в „сердце человеческое", где борется „абсолютное" со своей тенью.

После всего здесь сказанного, мы имеем право считать наше положение неоспоримым. Тем большую ценность приобретают пропущенные страницы из главы „Поединок", и необходимо еще раз вернуться к выяснению их значения в связи с общей картиной эволюции художественных приемов и ставимых центральных образов в творениях Достоевского.

IV.

В плане высшего идеализма дан в конце 2-й главки «Исповеди» сон-мечта Ставрогина о золотом детстве человечества, когда «люди вставали и засыпали счастливые и невинные, рощи наполнялись их веселыми песнями, избыток непочатых сил уходил в любовь и в простодушную радость». Этот чудный сон, «мечта самая невероятная ,... без которой народы не захотят жить и не могут даже умереть», окаймлен здесь эмоциями религиозными, являясь в одно и то же время и главной побудительной причиной того акта раскаяния, к которому нудится, двинутый сим «высоким заблуждением», Ставрогин.

В таком же в сущности плане: в окружении тех же эмоций, дана эта мечта и в идеологии Кириллова, перенесенная в далекое будущее человечества, чающего устроиться на земле без бога и на месте бога. В аспекте трагическом воспринимаем мы этот образ великого атеиста, одержимого идеями и видениями апокалипсическими, в центре миросозерцания которого один пункт: Христос, как высший идеал, и голгофа, ее смысл: «либо вся планета есть ложь и стоит на лжи и насмешке», либо в нем действительное обетование страждущему сердцу человеческому.

В «Подростке» в «Исповеди Версилова», оба эти полярные момента истории, ее начало и конец, даны в идеологии одного и того же лица, и все еще в том же плане завершенности духовной. В момент высшего напряжения постигает Версилов сущность всех истинных идеалов и стремлений человеческих в виде все той же чаемой полной гармонии в любви каждого ко всем и всех к каждому и в радости со всей природой, так что: «все хорошо, все» — и «эта свекровь умрет и девочка останется» (слова Кириллова), и паук, который ползет по стене, и «лист зеленый, яркий с жилками и солнце блестит», и «лист желтый, немного зеленого, с краев подгнил» — «все хорошо, все». Сумеречной грустью — сумерки истории — окутана у Версилова эта картина счастливого будущего и чтобы рассеять эту грусть, должен вновь явиться он, богочеловек; такой тончайшей гранью отделен от него человекбог Кириллова, что лики их начинают сливаться.

В «Сне смешного человека» мы имеем дальнейшее развитие и конкретизацию этой же мечты, при чем особое внимание уделяется моменту первому, счастливому детству, и путям отклонения, ухода, добровольного

отказа от гармонии: с тем, чтобы после долгих мучительных странствий снова вернуться к ней, как к конечному идеалу человеческих чаяний и стремлений. Здесь этому комплексу идей и образов, их воплощающих, дано наиболее полное выражение,—вершина, за которой следует резкий, почти катастрофический, спад в область сарказма: провозвестником этих идей является уже бес, лакей, приживальщик, воплощение всего, «что ни есть глупого» и мерзкого в природе Ивана Карамазова, всего давно уже пережитого и перемолотого в уме его, отброшенного как падаль (глава о «черте»). Соответственно этому снимается с этих идей их трагический покров, они лишены своего прежнего эмоционального окружения, под ними подводится основа другая — нравственного цинизма. В плане концепции «Исповеди Ставрогина» уже дана трансформация этой мечты до последнего ее воплощения: не к акту религиозному, не к покаянию нудит этот «золотой сон», а еще больше развязывает человека в его стремлении к утверждению себя одного против всех, на основе: «все позволено» (Ср. с Карамазовым; изд. Просв. т. 18 стр. 234—6).

Так вскрывается генетически конструкция идеологическая и вместе с ней и композиция одной из центральных глав в «Братьях Карамазовых»: главы о «черте«. И здесь еще ярче сказывается та органическая связь, которую мы устанавливаем между приведенными выше пропущенными страницами и всей концепцией «Исповеди». Если идея будущей гармонии должна была перетерпеть сложнейшую эволюцию, пройдя свой путь от Ставрогина через Кирилловское понимание, через Версилова и «смешного человека», пока ни докатилась до все опошляющих уст «лакея—приживальщика», то сама тема черта, облик его, непосредственно и почти целиком дан именно в этой галлюцинации, о которой Ставрогин рассказывает Даше в конце третьей главы второй части «Бесов»: в «Поединке».

Ставрогин «упорно и любопытно всматривается в какой-то поразивший его предмет в углу комнаты»... (т. 12 ст. 118). Так же начинается и ночной кошмар Ивана: «он сидел... и упорно приглядывался к какому-то предмету у противоположной стены на диване» (т. 18, стр. 219).

Характеризируя своего беса, Ставрогин особенно подчеркивает: «лакейство мысли, лакейство среды, лакейство развития». У Ивана эти черты воплощаются в конкретный облик приживальщика, который «ждал и именно сидел, как приживальщик, только что сошедши сверху отведенной ему комнаты вниз к чаю составить хозяину компанию» (там же, стр. 212). И лейт-мотивом проходит через всю главу эта черта лакейства: «как ты смеешь, лакей». И через несколько страниц опять: «нет, я никогда не был таким лакеем...» И: «Почему же душа моя могла породить такого лакея, как ты...» и т. д. В отличие от темы привидений в «Исповеди», где Ставрогин сознается, что он действительно уверовал в беса, «уверовал канонически» и тем самым, как уже сказано было выше, заранее обрекается, согласно пророчеству Даши, на полную неудачу его последняя попытка спастись через покаяние, — в главе «Поединок», в пропущенных страницах, Ставрогин в него еще не верит, смотрит на него, как на свою галлюцинацию: «я знаю, что это я сам в разных видах, двоюсь и говорю с собой». Эта же мысль на-

стойчиво проводится и Иваном, который в плане дальнейшего развития Карамазовых, если можно здесь предугадывать, не мог и не должен был погибнуть, хотя бы по причине своего близкого, духовного родства с Алешей. „Это я сам говорю, а не ты»... (стр. 214). «Ты воплощение меня самого, только одной впрочем моей стороны... моих мыслей и чувств, только самых гадких и глупых»... Ты — я, сам я, только с другой рожей. Ты именно говоришь то, что я уже мыслю... и ничего не в силах сказать мне нового» (стр. 216). И дальше: «только все скверные мои мысли берешь, а главное — глупые»... «Нет, ты не сам по себе, ты — я, ты есть я и больше ничего. Ты дрянь, ты — моя фантазия» (стр. 224).

Следующими словами Ставрогина: «ему ужасно хочется быть самостоятельным бесом и чтоб я в него уверовал в самом деле» — определяется также основной характер диалога Ивана со своим двойником, как и тема об атеизме (слова Ставрогина: «он смеялся вчера и уверял, что атеизм тому не мешает», чтобы уверовать в него).

Сюда относится, наконец и последнее: возмущение Ставрогина тем, что «он (бес) всю ночь утверждал, что я фокусничаю, ищу бремени и неудобоносимых трудов, а сам в них не верю». Тема эта несколько раз варьируется в издевательствах черта над Иваном: «ты идешь совершать подвиг добродетели, а в добродетель-то и не веришь»...—Так исчерпывается почти целиком комплекс мотивов последних двух подразделений книги одиннадцатой: о «брате Иване»; в пропущенных страницах данные в виде как бы тезисов, они, эти мотивы, здесь только развертываются, привлекая различные вставочные эпизоды лишь в качестве материала иллюстрационного.

Вопрос об органической связности, в плане идеалогическом, этих четырех образов: Ставрогина, Кириллова, Версилова и Ивана (к ним в известной мере следует присоединить и Ипполита из «Идиота»)—вопрос огромной сложности. Здесь мы только наметили его в связи с нашей частной темой о пропущенных страницах [1]): при его решении, более детальном, яснее станет их значение в единой цепи; от «Исповеди Ставрогина», как вершины романа «Бесы» в его целом и образа Ставрогина в частности, цепь эта ведет к Ивану Карамазову, представляющему собою последний и самый завершенный этап дальнейшей эволюции Ставрогина.

А. С. Долинин.

---

[1]) В готовящейся мною к печати книге о Достоевском вопрос этот будет освещен подробно.

ПРИЛОЖЕНИЯ:

I. Журналы Достоевского и цензура.

II. Воспоминания об А. Г. Достоевской.

К цензурной истории первых двух журналов Достоевского.

Из печатаемой ниже цензурной переписки в связи с журналами «Время» и «Эпоха» выясняется несколько существенных моментов, касающихся, как биографии Достоевского, так и общественно-политических его воззрений первого периода «Почвы».

Обратим прежде всего внимание на то, что мысль о собственном журнале возникла у брата, М. Михайловича Достоевского, уже в 1858 г.— заявление о желании издавать журнал под названием «Время» вместе с подробной программой было подано в Цензурный Комитет 19-го июня 1858 г.,— когда Ф. М. находился еще в Семипалатинске. Ф. Михайловичем только что было подано прошение об отставке с указанием, что «жительство иметь буду в городе Москве». Брату он пишет об этом, что «жить в Москве он не просился, а написал так, согласно требованию формы» (см. письмо от 31-го мая 1858 г. Страхов «Биография», стр. 114). По всей вероятности Ф. М. предполагал, что ему на первых порах скорее разрешат жить в Москве, чем в Петербурге. Переписка с братом, опубликованная, по всем данным является неполной. Так, совершенно невероятен такой длительный перерыв: от 19-го июля 1858 до 11 апреля следующего года (см. у Страхова, стр. 115—7), и надо думать, что именно в письмах за это время они и обменивались мыслями и планами по поводу затеянного журнала.

Разрешение на издание журнала было дано 31/IX 58 г.: 4 X был выдан уже и билет, но М. М. им не воспользовался. Любопытно, что в письмах Ф. М. за 1859 г. из Твери — их обнаровано всего д е в я т ь — о журнале ни слова, точно мысль о нем была совершенно оставлена: М. М. преуспевает в это время по части папиросной фабрики. Дело очевидно нуждалось в пламенной энергии «воскресшего» Ф. М. Нам известно первое упоминание его о журнале в письме к Штакеншнейдер от 3/V 1860 г. (см. Рус. Стар. 1883, VIII), через пять с лишним месяцев по возвращении в Петербург: «хочется нам сделать что-нибудь порядочное в литературе, какое-нибудь предприятие. Сильно мы заняты этим». Конструировалась, повидимому, редакция, подыскивались сотрудники, обсуждался план и направление журнала — лишь 18/VI 60 г. М. М. возобновил свою просьбу об издании журнала с 1861-го года, под тем же названием: «Время» в виде толстого «ежемесячника». Не подлежит сомнению: «Время» целиком обязано Ф. М. не только тем, что он был

фактическим его редактором — в самом начале играл он роль наиболее активную, первенствующую [1]).

Так как «Время», как и вся тогдашняя пресса, было органом подцензурным, к тому еще направления либерально-умеренного, то переписки текущей по поводу него, повидимому, никакой и не велось. Завязалась она лишь в последний момент перед закрытием журнала, в связи с известной статьей Страхова: «Роковой вопрос», написанной по поводу польского восстания. Любопытно, что министр внутренних дел П. Валуев мотивирует высочайшую волю о закрытии журнала не только помещением в нем названной статьи, но и вообще его «вредным направлением». В этом втором мотиве Валуева вряд ли следует видеть только трафарет обычной казенной формулировки. Само недоразумение с этой в высшей степени умеренной и во всяком случае достаточно патриотической Страховской статьей возможно было только потому, что «Время» все же воспринималось Правительствующими органами, как журнал явно оппозиционно настроенный. Не было ярких фактов этой оппозиционности; на фоне «Современника» и «Русского Слова», — журнал, каждая книга его в отдельности, были, конечно, вполне приемлемы, но впечатления неблагоприятные, повидимому, накапливались, они-то отчасти и создали возможность неправильного понимания Страховской статьи. Высочайшее повеление о закрытии состоялось 24-го мая 1863 г., 26-го был уже оповещен об этом цензурный комитет, а 29-го мая — редактор М. М.

В связи со статьей «Роковой вопрос» в цензурном архиве имеется несколько «Дел», свидетельствующих о том, с какой энергией органы Правительства подавляли тогда всякую полемику по поводу «польского вопроса». С разных сторон посыпались негодующие ответы на «возмутительную» статью Страхова, оскорбляющую «патриотическое чувство» добрых граждан, особенно южан; но министерстмо внутренних дел не разрешило их печатать. Мы приводим ниже переписку Херсонского губернатора с министром Валуевым по поводу ответа Страхову некоего «Херсонского старожила», Добровольского, который тоже захотел принять участие в этом споре. Губернатор Клушин просит «благосклонного содействия» министра к напечатанию статьи Добровольского, т.-к. тот «не имеет знакомых в кругу столичных литераторов»; но министр категорически отказывает ему в этом, — «полемику... признано удобнейшим считать законченной».

Должно быть в конце октября или в первых числах ноября [2]) М. М. стал уже хлопотать в цензурном комитете о разрешении ему возобно-

[1]) Косвенное отражение этого мы находим в неоднократных жалобах Эмилии Федоровны, вдовы М. М., на Ф. М., что вот он является главным виновником ее разорения, он толкнул брата на такое рискованное предприятие, как издание журнала. Если судить по цензурной переписке по поводу первых глав „Записок из Мертвого Дома“, печатавшихся в „Русском Мире“ Стейловского в сентябре месяце (см. Сборник Достоевский под моей ред. стр. 360 — 68), уверенности в том, что журнал осуществится, не было и в конце 1860-го года. Может быть, колебания М. М. продолжались и после того, как уже было подано прошение?

[2]) Если судить по письмам Д. к Тург. (см. выше: отдел переписки) — хлопоты начались еще раньше.

вить журнал: быть может еще в 1863 г., во всяком случае не позднее января месяца следующего года. В письме от 19-го ноября Ф. М. пишет ему так: «Главное, чтоб не обманывали обещаниями и действительно позволили бы поскорее «Правду». И дальше он ставит себе срок недели в две, чтобы написать для журнала задуманные три статьи (см. Страхов... стр. 265 — 66). Переговоры с ценз. комитетом велись вначале, повидимому, устно, и устно же М. М. разрешение было обещано. Но тут, должно быть, произошла какая-то задержка. В прошении М. М. от 15 ноября определенно указывается, что журнал будет издаваться с 1 января. Из хода дальнейшей переписки выясняется, что ценз. комитет с своей стороны, пожалуй, ничего не имел бы против скорейшего возобновления журнала, по крайней мере с 1 января, но препятствовал этому министр внутренних дел Валуев. Больше, чем через месяц, 21-го дек. 63 г., ценз. комитет извещает наконец М. М., «по поручению министра», что «содержание его прошения» имеется в виду и министр «полагает возможным дать движение ходатайству» лишь «в начале будущего 1864 года».

11 января 1864 г. было вновь подано М. М. прошение о разрешении ему журнала, и любопытно, без обозначения ему названия. Очевидно, как рассказывает Страхов, по поводу названия было с цензурой много разговоров и лишь скрепя сердце Достоевский согласился на неудачное иностранное слово: «Эпоха» (см. Страхов стр. 267). Прошение на этот раз уже не так долго застревает в дебрях канцелярии. «Всеподданнейший» доклад Валуева состоялся лишь 24-го января, а в течение этого промежутка определилось, повидимому, уже окончательно название журнала: «Эпохой» назван он и в копии этого доклада, составленного, понятно, одним или несколькими днями раньше 24 января.

Интересно отметить, что во всеподданнейшем докладе, напоминая историю прекращения «Времени», министр Валуев говорит, как о причине, только о статье «Роковой вопрос», а не о «вредном его направлении». Быть может М. М., во время его странствий по канцеляриям, удалось, наконец, убедить кого следует в полной лояльности прежнего его журнала, тем более что в прошении по поводу нового журнала, как и в представленной его программе, уже явно прозвучали, — пусть сдержанно — те новые ноты, которые так резко отличают «Эпоху» от «Времени». Целью нового журнала, пишет М. М. в прошении, «будет уяснять читателям те великие силы, которые таятся в русской жизни... и к которым *так скептически и отрицательно относятся зачастую наша литература и общество*». А в программе, в отделе политическом, он так формулирует задачи журнала: «Внешняя политика будет рассматриваема со стороны русских интересов и блага нашего отечества; события же минувшего года, патриотическое настроение общества и великие силы нашего народа послужат твердою опорой для освещения вопросов внутренних, на которые будет обращено редакцией особенное внимание». Здесь ясно начертана линия полного разрыва с «Современником» и перехода в лагерь «Русского Вестника»

Каткова и Аксаковского «Дня», в это время немногим отличавшегося от «Р. Вестника».

27 января М. М. получил разрешение на «Эпоху», объявление об издании которой появилось в «СПБ. Ведомостях» 31 января 1864 г. (см. Страхов. стр. 267), а первая книга вышла 24/III 64 года. И пошла работа лихорадочно нервная, беспорядочная, с резкими перебоями, книги сильно запаздывали; угрюмым был основной фон журнала: чувствовалось с самого начала, что дело идет плохо. А несчастье уже надвигалось: смерть брата.

М. М. умер 10-го июня и номинальным редактором должен был стать А. У. Порецкий. Прошение об утверждении Порецкого было подано вдовой М. М., Эмилией Федоровной, и вряд ли ошибемся, если скажем, что оно принадлежит перу Ф. М. Достоевского. Прямых данных об этом мы не имеем, но синтаксическое строение фраз, поскольку оно может быть проявлено в пределах установленного штампового стиля прошений, безусловно его. Не говоря уже о том, что по-русски Э. Ф. писала очень плохо и что она вообще не имела никакого касательства к делам редакции: только формально должна была она подавать заявление от своего имени.

I.

В С. Петербурский Ценсурный Комитет.

Отставного инженер-подпоручика
Михаила Михаиловича Достоевского.

ПРОШЕНИЕ.

Желая издавать политический и литературный журнал под названием «Время» по прилагаемой программе, имею честь просить С. Петербургский Ценсурный Комитет об исходатайствовании мне дозволения на это издание.

При сем прилагаю: 1) Указ об отставке и 2) Свидетельство в удостоверении моей способности быть редактором журнала.

Отставной инженер-подпоручик *М. Достоевский.*

Июня 19 дня 1858 г.
С. Петербург.
Жительство имею:
В Малой-Мещанской, д. Пономаревой.

2.

СПБ. Ц. К.
26 июня 1858 г.
№ 633.

В Главное Управл. Цензуры.

Отставной инженер-подпоручик Михаил *Достоевский*, желая издавать политический и литературный журнал, под названием: «Время», по представленной им присем в подлинике прилагаемой программе, просит об исходатайствовании ему разрешения на это предприятие. При этом г. Достоевский доставил: 1) Указ об увольнении его от службы, 1-го апреля 1848 г. за № 867, и 2) Частное удостоверение о его способностях.

Ценс. Комитет, находя програму журнала «Время», сообразною с целью издания, не встречает, с своей стороны, препятствий к удовлетворению пресьбы г. Достоевского, о чем и имеет честь представить, вместе с означенными документами, на благоусмотрение Главн. Упр. Цензуры.

За Председ. Комит.
Тайный советник *Плетнев.*

Секретарь *А. Ярославцев.*

3.

МИНИСТЕРСТВО
НАРОДНОГО ПРОСВЕЩЕНИЯ.
КАНЦЕЛЯРИЯ МИНИСТРА
31-го октября 1858 г.
№ 2150.

Господину Попечителю
С. Петербургского Учебного
Округа.

Государь император, по положению Комитета Гг. Министров, согласно представлению моему, высочайше соизволил на дозволение отставному инженер-подпоручику Михаилу *Достоевскому* издавать журнал Время, по программе у сего в копии препровождаемой.

О сем высочайшем соизволении имею честь уведомить ваше превосходительство, для предложения С. Петербургскому Цензурному Комитету, в ответ на представление онего от 26 июня текущего года, за № 633. Приложенный к означенному представлению указ об увольнении г. Достоевского от службы при сем возвращается.

Министр
Народного Просвещения *Е. Ковалевский.*

4.

Программа Журнала.

Время.

Политическое и Литературное Обозрение.

Журнал сей имеет выходить один раз в неделю и издаваться по следующей программе:

1. Внутренние новости: Распоряжения Правительства, события в отечестве, письма из губерний и проч.

2. Новости иностранные: Политическое обозрение, известия последней почты, политические слухи; письма иностранных корреспондентов.

3. Отдел литературный:

a) Повести, рассказы, мемуары и т п.

b) Фельетон.

c) Критика и библиографические заметки как о русских книгах, так и об иностранных. Сюда же относятся разборы новых пьес, поставленных на наши сцены.

d) Статьи ученого содержания.

4. Смесь.

5. Статьи юмористического содержания, с политипажами.

6. Приложения, состоящие из переводных романов, эстампов и проч

Каждый номер журнала будет заключать от трех до четырех печатных листов

Верно. Старший секретарь канцелярии Министр Народного Просвещения пр. Янкевич.

5.

СПБ. Ц. К. 4 ноября 1858 г. № 1010.	Г. Отставному инжинер-подпоручику Михаилу Михайловичу Достоевскому.

Государь император, по положению Комитета Г. г. Министров, согласно представлению г. Министра Народн. Просв., высочайше соизволил на дозволение вам издавать журнал «Время», по программе, у сего в копии препровождаемой.

О сем высочайшем соизволении, изъясненном в предложении г. Министра Народного Просвещения, от 31-го минувшего октября за № 2150. СПБ Ц. К. имеет честь сообщить вам, м. г., в ответ на прошение ваше, от 19-го июня сего года, и возвратить указ об увольнении вас от службы, за № 867, а также препроводить билет на представление корректурных листов журнала ценсору.

Ценсор *С. Палаузов.*

Секретарь *А. Ярославцев.*

Адрес: В Малой Мещанской в д. Пономаревой.

6.

СПБ. Ц. К.
4 ноября 1858 г.
№ 1011
М. П.

БИЛЕТ.

Журнал, под названием *«Время»*, издаваемый М. М. Достоевским, предварительно набирать позволяется, с представлением корректурных листов Цензору статскому советнику Гончарову.

Цензор *Палаузов.*

Секретарь *Ярославцев.*

7.

В С. Петербургский Цензурный Комитет.

Отставного инженера подпоручика
Михаила Михаиловича Достоевского.

ПРОШЕНИЕ.

Имея с 31 октября 1858 г. разрешение на издание еженедельной политической и литературной газеты «Время», я желаю с будущего 1861 года издавать ежемесячный журнал по той же самой утвержденной уже высочайше мне программе и под тем же самым заглавием. Вследствие этого честь имею покорнейше просить Цензурный Комитет исходатайствовать мне разрешение на издание вышеупомянутого ежемесячного журнала по утвержденной уже программе, изменив в ней только срок выпуска, т. е. вместо еженедельного дозволив мне ежемесячное издание книжками объемом от двадцати пяти до тридцати листов.
18 июня 1860 г.

Отставной инженер-подпоручик
М. Достоевский.

«Время» стало выходить с января 1861 г. и, как уже было указано, в течение двух с небольшим лет у журнала никаких трений с цензурой не было. «Современник» и «Русское Слово», стоявшее на крайнем левом фланге, отвлекали к себе главное внимание цензуры, в эти первые годы крестьянских реформ вообще довольно слабой. Перелом в обществе стал намечаться более или менее явно весною 1863 г., когда Аксаковский «День», «Московские Ведомости» и «Русский Вестник» Каткова подняли компанию против поляков, нападая в то же время особенно резко на русскую эмиграцию, в частности на Герценовский «Колокол». Московских патриотов крайне раздражало молчание по

польскому вопросу радикальной Петерб. прессы. Молчание они, вместе с правительственными сферами, понимали, как явное сочувствие полякам. «Роковой вопрос» Страхова и был воспринят ими в сфере этого тайного сочувствия. Здесь усматриваем мы вторую причину для той жестокой кары, которая постигла журнал: «Время».

1.

МИНИСТЕРСТВО
ВНУТРЕННИХ ДЕЛ

С. Петербург.
26 мая 1863 года
№ 284
по высочайшему
повелению.

С. Петербургскому Цензурному Комитету.

Государь император, по всеподданейшему докладу моему о помещении в № IV журнала «Время», издаваемого отставным инженер-подпоручиком Михаилом Достоевским, статьи, под заглавием «Роковой вопрос» в высшей степени неприличного и даже возмутительного содержания по предмету польских дел, идущей прямо наперекор всем действиям Правительства и всем патриотическим чувствам и заявлениям, вызванным внешними обстоятельствами, и оскорбляющей народное чувство, а также о вредном направлении этого журнала, высочайше повелеть соизволил в 24 день мая прекратить издание журнала «Время».

О таковой высочайшей воле на основании ст. 17 Устава о Цензуре (Св. Зак. ст. XIV, изд. 1857 г.) даю знать С.-Петербургскому Цензурному Комитету к надлежащему исполнению.

Министр Внутренних Дел.

Статс-Секретарь *П. Валуев.*

2.

СПБ. Ценз. Комит.
29 мая 1863 г.
№ 376.

Г. Редактору журнала «Время» инженер-подпоручику Михаилу Достоевскому.

Государь император, по всеподданнейшему докладу Г. Министра Внутренних Дел о помещении в № IV журнала «*Время*» статьи, под заглавием «*Роковой вопрос*» в высшей степени неприличного и даже возмутительного содержания, по предмету польских дел, идущей прямо наперекор всем действиям Правительства и всем патриотическим чувствам и заявлениям, вызванным внешними обстоятельствами, и оскорбляю-

щей народное чувство, а также о вредном направлении этого журнала, высочайше повелеть соизволил в 24 день мая прекратить издание журнала «Время».

О такой высочайшей воле имею честь вас, милостивый государь, уведомить.

Председательствующий *О. Веселаго.*

Секретарь *С. Загибелин.*

Закрытию журнала предшествовала скверная статья Петерсона в «Москов. Ведомостях», и вряд ли ошибаемся, если скажем, что это третья причина, почему статья Страхова, отнюдь конечно не полонофильская, была так плохо понята. Страхов (см. «Биография» стр. 261-3), подробно рассказывает о тех мытарствах, которые претерпевала редакция, пытаясь по существу отвечать «Моск. Ведомостям». Только «Русск. Вестнику» в книге, вышедшей в начале июля — в сущности тем же «Моск. Ведомостям»—разрешено было вторично высказаться по поводу Страховского «Рокового вопроса», объяснить возникшую путаницу, в создании которой они сами и были виноваты. Статья Херсонского «Старожила», надо думать, одного из усердных читателей «Моск. Ведом.», оказалась уже запоздавшей. Мы печатаем здесь переписку, по поводу ее, Херсонского губернатора с министром Валуевым: пусть в сухие оффициальные бумаги вторгнется и кусок окраинного быта. Мечтал Старожил о том, как бы попасть в столичную печать, при жизни не удалось. Отчего бы не осуществиться этой «мечте» теперь: силою памяти Достоевского?...

1.

М. В. Д.

НАЧАЛЬНИКА

ХЕРСОНСКОЙ ГУБЕРНИИ.

По Канцелярии

Стол I.

15 июля 1863 г.

№ 2537.

Херсон.

Милостивый государь

Петр Александрович.

Появление в апрельской книжке журнала «Время» статьи «Роковой вопрос» произвело в здешнем обществе весьма неблагоприятное впечатление, о неизвестном ее авторе отзываются с полным негодованием и искренно сожалеют, что эта безнравственная статья нашла себе место в Русском журнале.

Отголоском общественного мнения служит представляемая у сего статья здешнего старожила Добровольского, который, не имея знакомых

в кругу столичных литераторов, обратился ко мне с просьбою о напечатании этой статьи в одном из русских журналов или газет.

Посему имею честь покорнейше просить ваше высокопревосходительство оказать благосклонное содействие к исполнению просьбы г. Добровольского.

С истинным почтением и совершенною преданностию имею честь быть, милостивый государь, вашего высокопревосходительства покорнейшим слугою

Павел Клушин.

2.

[Доклад министру Валуеву
о статье Добровольского].

В рассмотренной мною статье, под заглавием: «В семье не без урода», автор, указав на верное понимание польского вопроса в статьях Иностранца и Соловьева, с негодованием отзывается о «роковом вопросе» и излагает смысл этой статьи. Приступив к опровержению сущности означенной статьи, автор говорит, что неравенство цивилизации России и Польши, даже при возникшем народном антагонизме, не мешало полякам стремиться к соединению с Россиею в 1586 году, 1634 и 1674, сознавшим слабость своего положения. Только при заступничестве Петра I Польша сохранила свою самостоятельность, а разделом обязана она Пруссии. С возвращением под власть России, народ в Западном крае рад был отдохнуть от гонений панов католиков и своих перевертней.

При Александре I Россия оживила и самую Польшу по словам Шлоссера и Вебера, но буйные притязания вновь погубили ее свободу.

При Сигизмунде III началась польская цивилизация, но при нем же начались гонения диссидентов по циническому проэкту, разорение России высылкою самозванцев и всякими гнусными мерами.

По словам Шлоссера позже не было в Польше надлежащей судебной власти, законодательной, правильного управления финансами, промыслов, при усилении евреев, своеволии шляхты и магнатов, народ был в рабстве. Магнаты действительно были образованы, но то были единицы, которые не составляют цивилизации народа.

Начатками всесторонней цивилизации Польша обязана России, а в Польше была цивилизация зла, действующая и ныне в лице панов против нашей своеобразной, мирной цивилизации, которой хотят помешать по иезуитским проискам.

Статья г. Добровольского вовсе не упоминает о запрещении журнала «Время», в котором напечатан роковой вопрос, и не содержит в себе ничего противного цензурным правилам, а потому она, по моему мнению, может быть дозволена к печати. При этом долгом считаю присовокупить, что эта статья представляет не довольно сильное опровержение положений рокового вопроса.

3.

Милостивый государь

Павел Николаевич.

По поводу ходатайства вашего пр-ва от 15 минувшего июля за № 2537 о содействии к напечатанию в одном из наших повременных изданий статьи г. Добровольского, направленной против появившейся в журнале «Время» статьи под заглавием «роковой вопрос», имею честь уведомить, что я, к искреннему моему сожалению, не нахожу возможности исполнить желание г. Добровольского, так как полемику, вызванную статьею «роковой вопрос», признано удобнейшим считать конченною.

Возвращая при сем доставленную ко мне рукопись г. Добровольского, покорнейше прошу принять уверение в моем совершенном почтении и преданности.

Подп. *П. Валуев.*

№ 434.
31 июля 1863 г.
Его Превосходительству
П. Н. Клушину.

Печатаемая дальше цензурная переписка в связи с «Эпохой», как уже было отмечено во вступительной заметке, является, повидимому, лишь слабым отголоском тех усиленных хлопот, которыми сопровождалось открытие журнала. Повторяем еще раз: не подлежит сомнению, что неоффициально разрешение было обещано Мих. Михаиловичу еще осенью, возможно, еще до возвращения Ф. М. из за границы (см. выше письма к Тургеневу и примечания к ним). Первое прошение от 15 ноября, о разрешении «Правды» с *января* будущего года, уже свидетельствует о каких-то переменах в настроении Ценз. Комитета. Из писем Ф. М. ясно видно, что в ноябре во всяком случае казалось, что журнал «Правда» начнет выходить очень скоро (см. Страхов. Биография, стр. 265). «Главное, чтоб не обманывали обещаниями и *действительно* (курсив Д.) позволили-бы поскорее «Правду»—пишет он брату 19 ноября. Прошение очевидно должно было только оформить и закрепить то, что было обещано во время устных переговоров, и к 1-му января по крайней мере должна была быть готова первая книга журнала [1]). Здесь очень любопытно сравнить содержание прошения 1-го (о «Правде» от 15 ноября) и 2-го (от 11 январия 64 г. об «Эпохе»). В первом М. М. считает нужным подчеркнуть в первую очередь благонадежность свою в вопросах внешней политики: «Внешняя политика будет разбираема со стороны русских интересов и блага нашего великого отечества». Шум, который поднялся в Европе, в связи с жестоким подавлением польского восстания, еще не утих, и здесь редактору журнала, закрытого именно

[1]) Об устных переговорах свидетельствует также мотив о болезни М. М., который мы находим в закладной записке министра Валуева (см. ниже документ за № 4). В оффициальных его прошениях мотива этого нет.

из-за статьи по польскому вопросу, пришлось прежде всего заявить о своем патриотизме. Во втором же прошении М. М. делает главное ударение на вопросах внутренних, старательно отмеживаясь от лагеря левого, к которому когда-то причислялось и «Время». «Цель его (журнала) будет — уяснять читателям те великие силы, которые таятся в русской жизни... к которым так *скептически* и *отрицательно* (курсив наш) относятся зачастую наша литература и общество». — Так, повторяем, «Эпоха» с самого начала определяет свое место ближе к Каткову и к Аксаковскому «Дню», и на этом месте она останется до конца своего недолгого (всего год) существования.

1.

Его Высокопревосходительству

Господину Министру Внутренних Дел.

Отставного инженер-подпоручика
Михаила Михайловича Достоевского.

ПРОШЕНИЕ.

Будучи поставлен в необходимость, по случаю запрещения моего журнала «Время», вознаградить своих подписчиков, честь имею покорнейше просить Ваше Высокопревосходительство разрешить мне с января будущего 1864 года издание журнала «Правда». Программу этого журнала при сем на утверждение Вашего Высокопревосходительства приложить честь имею.

Направление моего журнала будет в полной мере русское. Внешняя политика будет разбираема со стороны русских интересов и блага нашего великого отечества; события же последнего времени, патриотическое настроение общества и великие силы народа, которые уже дают себя предчувствовать в его настоящих заявлениях, послужат твердою опорой для обсуждения вопросов внутренних.

Отставной инженер - подпоручик
Михаил Достоевский.

Петербург
15 ноября 1863 г.

Жительство имею в Столярном переулке
д. Евреинова.

2.

Милостивый государь

Михаил Михайлович.

По поручению г. Министра Внутренних Дел имею честь уведомить вас, милостивый государь, что содержание прошения вашего относительно издания политически-литературного журнала, под вашею редак-

цию, имеется в виду, и что г. министр полагает возможным дать движение вашему ходатайству в начале будущего 1864 года.

Примите уверение в совершенном почтении и преданности.

21 декабря 1863 г.
Его высокоблдию
М. М. Достоевскому.

М. Турунов.

Верно: *С. Загибелин.*

3.

Его Высокопревосходительству

Господину Министру Внутренних Дел

Отставного инженер-подпоручика
Михаила Михайловича Достоевского

ПРОШЕНИЕ.

Осмеливаюсь беспокоить ваше превосходительство покорнейшею просьбою разрешить мне с января настоящего года издание ежемесячного литературного и политического журнала, программу которого при сем приложить честь имею.

Настоятельная необходимость удовлетворить своих подписчиков, долги, неизбежные при всяком начинающемся и не вполне установившемся предприятии и решительное неимение средств к существованию на каком либо другом поприще, так как все деньги, скопленные долголетними трудами, я затратил на основание журнала — вот ближайшие причины, побуждающие меня просить о разрешении мне журнала. Не говорю уже о нравственных причинах, по которым человек любит заниматься тем, к чему он чувствует призвание и в чем он надеется быть сколько-нибудь полезным.

Положение мое в настоящее время крайне затруднительно. Оно будет совершенно безвыходным, если просьба моя будет отринута, или отложена на неопределенное время. Все журналы готовят свои первые книги, а я до сих пор не мог объявить и о подписке, от успеха которой я мог бы только ждать поправления своих совершенно расстроенных обстоятельств.

Направление моего задуманного журнала я мог бы назвать русским, еслиб можно было характеризовать так направление. Цель его будет — уяснять читателям те великие силы, которые таятся в русской жизни, которые служат задатками нашего будущего развития и блага и к которым так скептически и отрицательно относятся зачастую наша литература и общество.

Отставной инженер-подпоручик
Михаил Михайлович *Достоевский.*

С. Петербург
11 января 1864 г.

4.

Копия доклада на высочайшее имя о дозволении литератору Достоевскому издавать журнал под названием «Эпоха».

В мае месяце прошлого 1863 года, с высочайшего вашего императорского величества соизволения прекращено было издание журнала «Время» за помещение в оном статьи, под заглавием «Роковой вопрос».

Бывший редактор этого журнала отставной инженер-подпоручик Михаил Достоевский, выражая глубокое сожаление о том, что означенная статья напечатана была во время его болезни, единственно по прискорбному недоразумению, просит ныне разрешить ему издание ежемесячного литературного и политического журнала, под названием «Эпоха». При этом Достоевский объясняет, что ближайшие причины, побуждающие его к настоящему ходатайству, заключаются в необходимости удовлетворить прежних своих подписчиков, уплатить долги на издании лежащие и решительное неимение средств к существованию на каком-либо другом поприще.

Имея в виду, что со времени запрещения упомянутого журнала протекло 8 месяцев и что Достоевский понес за вину свою чувствительное наказание в материальных потерях, Министр Внутренних Дел полагал бы возможным дозволить Достоевскому издание журнала под названием «Эпоха».

Всеподданнейше представляя о вышеизложенном на высочайшее вашего императорского величества благоусмотрение, Министр Внутренних Дел долгом считает присовокупить, что со стороны Главного Начальника III Отделения собственной вашего императорского величества канцелярии препятствий к дозволению Достоевскому издавать журнал «Эпоха» не встречается.

Стате Секретарь.

5.

Правитель Особенной Канцелярии Министра Внутренних Дел, свидетельствуя совершенное почтение его превосходительству Михаилу Николаевичу, имеет честь препроводить при сем высочайше рассмотренный, в 24 день сего января, всеподданнейший доклад о дозволении литератору Достоевскому издавать журнал под названием «*Эпоха*».

25 января 1864 года.
№ 222.
24 января 1864 г.
Его пр-ву М. Н.
Турунову.

6.

ПРОГРАММА ЖУРНАЛА.

Журнал «Эпоха» имеет выходить один раз в месяц и издаваться по следующей программе:

Отдел литературный.

1) Романы, повести, рассказы, мемуары, путешествия, вообще все что относится до изящной словесности.

2) Критика и библиография как русских сочинений, так и иностранных. Сюда же войдут и обозрение наших театров, оценка пьес и игры актеров.

3) Статьи научного содержания по всем отраслям знания.

Отдел юридический.

В виду совершающихся преобразований отдел этот имеет занять одно из самых видных мест в журнале. Кроме статей, разъясняющих новые положения по судоустройству и судопроизводству, сюда будут входить и русские процессы лишь только возникнет гласное судопроизводство.

Отдел политический.

Все, что касается до внешней и внутренней политики государства. Внешняя политика будет рассматриваема со стороны русских интересов и блага нашего отечества; события же минувшего года, патриотическое настроение общества и великие силы нашего народа послужат твердою опорой для обсуждения вопросов внутренних, на которые будет обращено редакцией особенное внимание.

Приложения.

Исторические сочинения как оригинальные так и переводные, романы повести, статьи легкого содержания и пр.

Журнал «Эпоха» будет заключать в каждой из двенадцати книг от тридцати до тридцати-пяти печатных листов.

Издаваться и редактироваться он будет нижеподписавшимся.

Отставной инженер-подпоручик
Михаил Михаилович Достоевский.

7.

Программа эта утверждена г. Министром Внутренних Дел, с тем, чтобы из нее был исключен отдел юридический, как составляющий принадлежность специальных журналов, находящихся под цензурою Министерства Юстиции.

Турунов.

8.

С.-Петербургский
цензурный комитет
27 января 1864 г.
№ 77.

Г. Отставному подпоручику
Михаилу Достоевскому.

Имею честь уведомить вас, милостивый государь, что г. Министр Внутренних Дел разрешил вам, под личною вашею редакциею, издание журнала «Эпоха», по представленной вами программе, но с исключением из оной юридического отдела.

Председательствующий *Турунов.*

10-го июня 1864 г. умер Михаил Михайлович Достоевский, и больше месяца было потрачено на поиски человека вполне благонадежного, который мог бы сделаться оффициальным редактором временно приостановившейся „Эпохи". В рассказе Страхова (см. „Биография..." стр. 272) имеются указания на то, что в начале подыскивался редактор с литературным именем, и лишь по вине цензуры пришлось остановиться на А. У. Порецком, человеке, в литературе мало кому известном. В письме к Тургеневу от 20/VIII (см. выше отдел писем) Д. так и называет его «редактором оффициальным». Он «человек тихий, кроткий, довольно образованный,... но главное: Статский Советник» — говорит он дальше про него: в этом смысле Порецкий действительно «совершенно подходил к условиям, чтобы скорее его утвердили».

1.

Въ С. Петербургскій Цензурный Комитетъ.

Вдовы Отставного Подпоручика
Михаила Михаилова Достоевскаго.

ПРОШЕНІЕ.[1]

Изданіе ежемѣсячнаго журнала «Эпоха», на которое посвящалъ свои труды мой покойный мужъ, было и единственнымъ средствомъ, служившимъ къ содержанію нашего семейства. Для этого изданія были сдѣланы значительныя затраты и заключены значительныя обязательства на будущее время; къ числу обязательствъ принадлежитъ и обѣщаніе выдать многочисленнымъ подписчикамъ остальныя книги журнала «Эпоха» за текущій годъ. Для того, чтобы изданіе по прежнему служило поддержкою нынѣ осиротѣвшему семейству, чтобы затраты, на него сдѣланныя, не пропали даромъ, а обязательства были выполнены, я, как опекунша дѣтей моихъ, а вмѣстѣ с тѣмъ и сонаслѣдница правъ и обязательствъ моего мужа имѣю честь просить С. Петербургскій Цензурный Комитетъ

---

[1]) Печатаем прошение по старой орфографии, т. к. мы убеждены, как уже было указано, что писал его Достоевский.

исходатайствовать утвержденіе за моимъ семействомъ и за мною права продолжать изданіе журнала «Эпоха», съ тѣмъ, что редакцію журнала приметъ на себя Статскій совѣтникъ Александръ Устиновичъ Порѣцкій, если Комитетъ не найдетъ препятствія утвердить его въ званіи редактора.

Вдова отставного подпоручика Михаила Михайлова Достоевскаго Эмилія Достоевская.

Іюля 18 дня 1864 года.

2.

В С.-Петербургский Цензурный Комитет.

Статского советника Александра Устинова Порецкого.

ПРОШЕНИЕ.

По соглашению с наследниками покойного редактора журнала «Эпоха», Михаила Достоевского, имею честь просить С. Петербургский Цензурный Комитет об утверждении меня редактором этого журнала. Копия с формулярного списка о моей службе представлена в Цензурный Комитет в декабре прошлого 1863 года, при прошении о разрешении мне быть временным редактором газеты «Воскресный Досуг».

Статский советник Александр Порецкий.

Июля 18 дня 1864 года.

3.

Справка о Порецком.

В ноябре 1863 г. бывший Редактор журнала «*Воскресный Досуг*» надворный советник Цейдлер по случаю отъезда своего на несколько месяцев за-границу просил о разрешении передать временно редакцию этого издания коллежскому советнику Порецкому. Отношением от 30 ноября 1863 г. за № 4769 свиты его величества генерал-майор Потапов уведомил Председателя С. Петербургского Цензурного Комитета, что к дозволению Г. Порецкому принять на себя редакцию означенного журнала препятствий со стороны III-го Отделения собственной его императорского величества Канцелярии не встречается. На испрашиваемую передачу редакции журнала «Воскресный Досуг» г. Министр Внутренних Дел 8 декабря 1863 г. изволил изъявить согласие.

Секретарь *Загибелин*.

4.

В 3-е Отделение собственной его императорской величества канцелярии.

СПБ. Ценз. Ком.
22 июля 1864 г.
№ 345.

Милостивый государь
Николай Владимирович.

В начале текущего июля умер редактор журнала «Эпоха» отставной подпоручик Михаил Достоевский, вдова которого обратилась ныне в Цензурный Комитет с просьбою о дозволении продолжать это издание по редакцией статского советника Александра Порецкого. При этом г-жа Достоевская объясняет, что издание упомянутого журнала было единственным средством, служившим к содержанию осиротевшего семейства, что покойный муж ее сделал значительные затраты для издания и заключил значительные обязательства на будущее время, к числу которых принадлежит и обещание выдать многочисленным подписчикам остальные книги «Эпохи» за нынешний год.

О вышеизложенном имею честь сообщить вам, Милостивый Государь покорнейше прося почтить меня уведомлением: не встречается ли со стороны III-го Отделения собственной его императорского величества канцелярии препятствий к удовлетворению ходатайства вдовы подпоручика Эмилии Достоевской.

К сему долгом считаю присовокупить, что статскому советнику Порецкому поручено было временное заведывание редакцией журнала «Воскресный Досуг», вследствие отзыва генерал-майора Потапова от 30 ноября 1863 г. № 4769.

Пользуюсь случаем, чтобы засвидетельствовать вам, милостивый государь, мое совершенное почтение и преданность.

Подписал *М. Турунов.*

5.

3-е Отделение
собственной
его императорского величества
Канцелярия.
Экспедиция 1.
С.-Петербург.
25 июля 1864 г.
№ 2019.

Милостивый государь
Михаил Николаевич.

На отношение вашего превосходительства от 22 июля за № 345, си[illegible]ю долгом уведомить, что к дозволению вдове отставного подпоручика *Д[illegible]оевского* продолжать издание журнала «Эпоха», под редакцией статского советника Порецкого, со стороны 3-го Отделения Собственной его императорского величества канцелярии препятствия не встречается.

Примите, милостивый государь, уверение в совершенном моем почтении и преданности.

Н. Мезенцев.

На этом цензурная переписка по поводу второго журнала Достоевского: «Эпоха» заканчивается. Было в угрюмой жизни этого журнала только два затруднительных момента: в самом начале, при его основании, и в средине в связи со смертью Мих. Михайловича. С точки зрения развития творчества и идеологии Достоевского интересен, конечно, момент первый. Не только для цензуры и не ради того, чтобы скорее получить разрешение, отмежевались так резко Достоевские от тогдашней «литературы и общества», с которыми год тому назад еще вместе вели борьбу против Катковского «Руск. Вестника» и Аксаковского «Дня».

Процесс «перерождения убеждений» к началу 1864 г. оказался уже завершенным, и с первых же книг стал он обнаруживаться.

А. С. Долинин.

Из воспоминаний М. Н. Стоюниной об А. Г. Достоевской [1]).

Они вместе учились в Мариинской гимназии, где с младших классов встретились, сошлись и потом всю жизнь поддерживали дружеские отношения [2]). М. Н. Стоюнина обрисовывает Анну Григорьевну — гимназистку: она девочка настойчивая, живая, пылкого темперамента. Она некрасива; особенно портил детский ее облик серый цвет лица; движения ее неловкие, почти неуклюжие; хороши одни серые глаза: умные, лучистые. Среди сверстниц она отличается начитанностью. В школе ее считали принадлежащей к семье демократической: ее отец и мать были простые люди. На Песках имели два деревянных домика, — на окраине, почти в пустырях. Отец был мелким чиновником, мать отдавалась интересам кухни. Училась А. Г. охотно, имела дар красивого слога. Она привлекала к себе сердца своей правдивостью, искренностью. При всей своей серьезности она очень любила хохотать с подругами. Она умело улавливала в жизни и людях элемент смешного и выявляла его в комическом изображении.

По окончании гимназии А. Г. поступает на Педагогические курсы, открытые при гимназии, где уже успели появиться и нигилистки, со всеми специфическими атрибутами нигилизма: в очках, стриженые, с папиросой. Эта среда, повидимому, ее не удовлетворяла. Вскоре открылись курсы стенографии, и Анна Григорьевна окончила их. Дальше идет всем известный рассказ о встрече А. Г. с Достоевским и об их женитьбе. М. Н. была уже замужем за известным педагогом В. Як. Стоюниным. Федор Михайлович сразу не взлюбил Стоюнина за его тяготение к Западу и не скрывал этого, но жену его, Марию Николаевну, любил за живость, за непосредственность и за ее глаза — «угольки». М. Н. так рисует облик

---

1) Воспоминания эти составлены не самой М. Н. Стоюниной — она стара и слаба здоровьем, — а записаны с ее слов и обработаны для печати В. Ф. Стасюковой, которой и приносим свою глубокую благодарность.

В личных беседах со мною М. Н. неоднократно повторяла факты, здесь приводимые, повторяла почти в одних и тех же выражениях и каждый раз в одинаковом эмоциональном освещении, что и придает им характер источника в известной степени достаточно надежного.

По некоторым причинам мы даем здесь эти воспоминания не целиком, а в отрывках. В неприкосновенности мы оставили все фактические данные, не только новые, но и те, которые известны лишь небольшому кругу специалистов.

2) Из дневника А. Гр. видно, как часто они переписывались; см. „Дневник“ стр. 75, 97, 119, 120, 123, 205. В архиве А. Г. имеются письма Стоюниной к ней и более позднего периода: уже после смерти Дост.

А. Гр. в это время: у нее овальное лицо, глаза проницательные, глубокие, лоб открытый, слегка выступающий, энергический подбородок, признак властного характера, нос с изящной японской горбинкой. У нее красивые зубы, но с синевой; пепельный цвет волос и, от неустанного труда, мозолистые огрубелые руки; цвет лица нехороший, бледный — той бледностью, какую видишь у человека, глубоко потрясенного волнением. Она из тех пламенных натур, у кого трепещущее сердце, не знающее ровного, спокойного биения.

Дальше рассказывается о поездке Достоевских за границу, о рождении первого ребенка, Сони, которую Федор Михайлович очень любил, утрата которой сделала его навсегда безутешным. По словам Марии Николаевны в Анне Григорьевне было много трагического, это чувствовалось даже в минуты самой обыденной будничной жизни. Много было в ней также и истерического.

Несмотря на различие в политических убеждениях, дружба их, А. Г. и Стоюниной, продолжалась всю жизнь. Единственная размолвка произошла у них после известной речи Владимира Соловьева, произнесенной в Александринском театре по поводу убийства Александра II-го. Как известно, Вл. Соловьев один из первых протестовал тогда против бесповоротного осуждения, против смертного приговора над убийцами А. II-го: «Надо выйти из кровавого круга и правительство первое пусть подаст пример милосердия». Публика буквально рыдала, взволнованная страстностью его речи. И тут произошел следующий инцидент: какой-то военный старого закала возмутился речью Вл. Соловьева и в возбуждении, жестикулируя шашкой, кричал с надрывом: «Как смел Владимир Соловьев говорить такие вещи!» К военному примкнул целый ряд лиц; — волновались, кричали, стучали зонтиками, в том числе и А. Гр. Когда Мария Николаевна стала упрекать ее в том, что она хулит того самого мыслителя, которого так любил Федор Михайлович, ведь он его воплотил в Алеше Карамазове — в самом дорогом, излюбленном и взлелеянном им образе. Анна Григорьевна воскликнула: «нет, нет, Федор Мих. видел в лице Владимира Соловьева не Алешу, а Ивана Карамазова!» — Это и был единственный случай размолвки, на почве их политических убеждений. Но размолвка не омрачила их близости: они обе о ней вскоре забыли.

Рисуя дальше А. Г., М. Н. говорит, что она отличалась даром картинного воспроизведения всего того, что видела и наблюдала в окружающей жизни. Стоит ей выйти на улицу, на рынок, с самой будничной целью, как она все подметит: не только крупное событие, яркую сцену, но и мелкие, но важные характерные подробности. Возвратясь домой, она все изобразит картинно, сценично, в лицах. — в ней несомненно таился огонек артистки. Мария Николаевна особенно подчеркивает то, как много Анна Григорьевна работала для поднятия материального положения семьи. Все принесено в жертву гению Достоевского. По возвращении из-за границы в Петербург, где вскоре поселились на Ямской, Достоевские долго еще были запутаны в долгах, бедность вынуждала их нести вещи в заклад. И не только бедность назойливо преследовала и унижала их, но были периоды прямо-таки нищеты. Она самоотверженно стала слугою

Достоевского, — слугою и матерью не только детей, но и его. Как опытная стенографистка, она ведет стенографическую запись его сочинений, ведет корректуру, переговоры с типографией, добивается открытия книжного склада, в сотрудничестве с артельщиком завязывает сношения с провинцией, куда поставляет учебники, распространяет издания уже раньше изданных произведений мужа.

Она настолько поглощена этими делами, что даже обязанности матери часто не выполняются ею: воспитание детей заброшено; их рубашенки в дырках, головки запущены. Да и вообще весь семейный уклад Достоевского, по словам Стоюниной, был какой - то неустойчивый, безалаберный. Сам Федор Михайлович баловал детей, и, когда поправлялись его денежные дела, ему особенное удовольствие доставляло привозить им лакомые, нередко изысканные угощения, но заниматься воспитанием и развитием детей у обоих не было ни времени, ни уменья. Самая болезненность детей объясняется отчасти частым кормлением их острыми маринадами, пряностями и пресыщением сладким.

Очень небрежно относится Анна Григорьевна и к окружающей обстановке: за границей Федор Михайлович соблазнился покупкой изящных Саксонских украшений, в гостиной красовалась редкая ваза, но наряду с этим в столовой убого ютились ломаные стулья.

Вот еще несколько деталей из их семейной жизни. Бывали моменты, когда Федор Михайлович делал А. Г. подарки; тогда разыгрывались порою сцены трагикомические. Однажды получив за какую-то книгу крупный гонорар, Ф. М. купил ей браслет в 300 р. Она растрогана, в восторге от драгоценности, твердит, что браслет слишком изящен для ее огрубелых рук. Однако ее мучает браслет, она жалуется мужу, что на насущные нужды денег не хватает, что ей стыдно принимать такой роскошный подарок и просит вернуть браслет в магазин. Ф. М. приходит в отчаяние, чем заставляет ее согласиться вновь принять подарок. Тогда опять начинаются у нее приступы самообличения, они не дают ей покоя, в конце-концов браслет благополучно возвращается в магазин, а Федор Михайлович в обиде и горечи восклицает: «Неужели я не имею права подарить жене браслет!» — Анна Григорьевна не может утешить его. И опять начинаются муки. Эту сцену сама Анна Григорьевна, в трагикомическом тоне, изобразила Марии Николаевне.

Ближе к концу годов 70 - х слава Федора Михайловича достигла апогея. В последние годы его жизни М. Ф. тянули в свой круг князья, весь великосветский мир; блеск и почести его таланту занимали Ф. М., составляли его слабую струнку. В характере же Анны Григорьевны была несомненная демократичность: титулы и звания, самые громкие и пышные, не производили на неё ровно никакого впечатления, их значения она не признавала.

Обрисовав семейную жизнь Достоевских, М. Н. Стоюнина останавливается затем на общественно политич. воззрениях самого Дост., утверждая, что он вовсе не был консерватором. Она приводит такой факт. В 79 г. году, вследствие болезни мужа, она проживала в Царском Селе, где на свободе зародилась у нее мысль заняться чем - нибудь полезным. Созрел

план открыть гимназию. Когда она сообщила решение свое Достоевскому он горячо принял к сердцу это намерение и воскликнул: «Вот это идея!» Федор Михайлович с интересом выслушивал горячие сетования Марии Николаевны на неудовлетворительную постановку гимназического курса, который девушка оканчивает с узким горизонтом, не выходящим за пределы шаблона, тогда как жизнь предъявляет ей повышенные требования. И он говорил, как необходимо вновь и вновь учиться, ставить вопросы ребром, искать им разрешения, и в то же время не бояться и мелочей, которые в жизни очень важны.

Далее Мария Николаевна рассказывает о Пушк. празднике, о похоронах Достоевского, не прибавляя ничего нового к тому, что уже известно. Накануне смерти Федор Михайлович просил жену не обращаться за помощью в литературный фонд, боясь отказа. Как известно, похороны были устроены на счет государства.

После смерти Федора Михайловича картина жизни в семье Достоевских меняется. В отношениях дочери, Любови, с матерью постепенно происходит охлаждение, возникают крупные несогласия в убеждениях, склонностях и вкусах. что и приводит их потом к разрыву. По словам М. Н., разлад между ними дошел до того, что Анна Григорьевна, видя однажды, как выносят из церкви девичий гроб, воскликнула: «Зачем не мою дочь это хоронят!» Любовь Федоровна льнет к аристократическому кругу; у нее развилось страстное честолюбие, жажда жить открыто, устраивать светские приемы; скромная квартира на Ямской стесняет ее, снимается, по ее настоянию, новая: на углу Знаменской и Невского.

Перемена в условиях жизни совершилась: обстановка роскошная, появилась голубая шелковая гостиная, жардиньерки, поэтические уголки, ценные вазы, шали, саксонские лампы, фарфоровые статуэтки. Но Анна Григорьевна остается чернорабочей в память гения, хлопочет с изданием сочинений, весь смысл ее существования заключается теперь в том, чтобы увековечить память мужа; лично она уже устала от жизни. Связь с дочерью вскоре окончательно порывается, и они разошлись. Дочь поселяется на Фурштадской, мать — на Спасской. В салоне дочери гости стали поважнее, дочь царит остроумием, пишет легкие пьески для театра, однако скучает от шумной пустоты света. Мать украдкой следит за дочерью и трагически переживает неудачную ее судьбу.

Сын, Федор Федорович, окончил гимназию Гуревича; пишет стихи. В нем много бесцветного добродушия; женится на девушке, мистически настроенной; этот выбор по сердцу Анне Григ., она обожает невестку, но та вскоре бросает ее сына. Опять трагедия для сердца Анны Григ. Федор Федорович заводит конный завод, вскоре женится во второй раз. В это время продается имение в Крыму под Ялтой и на Кавказе в Сочи. Анна Григ. покупает постепенно эти имения, делает насаждения и готовит имения внукам, рождения которых ожидает с напряженным нетерпением. Анна Григ. готовит приданое ребенку своей невестки, все уже накуплено. И вдруг появляется недоносок, который и умирает, Анна Григ. переживает новое отчаяние. На закате дней А. Г., наконец, улыбну-

лось счастье бабушки, она воспитывает двух прелестных внучат, отдаваясь воспитанию всей своей энергичной натурой, и вместе с тем создает новое дело: в имении возделывает фруктовые деревья. Сильно хворает гастрическим недугом, ездит во Франценбад лечиться у источников. В 18-м году 22 июня Анна Григорьевна скончалась в Крыму, в Ялте, — в хаосе и нищете.

З. Ковритина.

Последние месяцы жизни А. Г. Достоевской.

Настоящий очерк, посвященный памяти А. Г. Достоевской, составлен человеком, проживавшим в Ялте вместе с Анной Григорьевной последние месяцы ее жизни (с сентября 1917 г. по июнь 1918 г.).

Встречи лица, передающего эти воспоминания, с А. Г. Достоевской были очень часты, почти ежедневны. Беседы, касавшиеся самых разнообразных тем, обыкновенно заканчивались воспоминаниями А. Г. о своей семейной жизни. А. Г. любила и умела вспоминать свое прошлое. Рассказы ее, нередко прерываемые чтением отрывков из своих дневников, создавали ясное представление об единстве и непрерываемости жизни А. Г., посвященной сплошному служению своему мужу.

Культ мужа был содержанием, смыслом, целью ее существования, воздухом, которым она дышала до последних дней своей жизни. Она была не только заботливой женой, «нянькой» Достоевского, а истинной его спутницей и другом. Не только переписчицей, стенографисткой — она принимала непосредственное участие в его творчестве: искренно высказанным мнением, иногда советом. Не раз А. Г. упоминала слова Достоевского, сказанные ей: «Только твоей критики я боюсь». «Братьев-то Карамазовых я в себе носила, и были они моим детищем любимейшим», — говорила А. Г. «Когда диктовал мне Ф. М. смерть Илюши — я плакала. Он подбежал, схватил меня за руки, да как крикнет: «Ты плачешь! Значит хорошо. Думал было изменить, — теперь так оставлю». «Нечто в этом роде, — рассказывала она дальше, — не так сильно, но очень все же похоже, испытывала я совсем недавно, когда смотрела «Братьев Карамазовых» в Москве, в Художественном театре. Сидела в ложе и бога молила, чтобы он высшее счастье мне дал: здесь же, сейчас же, смерть послал. Исполнилось мое заветное желание—увидела живых моих «Братьев Карамазовых». Умереть с биноклем в руках, который подарил мне Ф. М. — какая бы это была хорошая смерть!» Рассказывала А. Г., как иногда во время работы, перечитывая свои записи — она сознавалась Ф. М. в непонимании того или иного места. Ф. М. садился рядом с ней и начинал подробно и терпеливо об'яснять, и тогда все становилось «понятным и простым». Очень часто случалось, что Ф. М. поднимал А. Г. ночью с постели и диктовал только-что пришедшие ему мысли. А во время спешных работ «мы почти и вовсе не спали» и «никогда я усталости не чувствовала». А. Г. говорила, что любила произведения Достоевского, зачитывалась ими, думала над ними еще будучи гимназисткой, и подруги в шутку звали ее «Неточкой»

О своей первой встрече с Достоевским она вспоминала с особым умилением и тихим светом во взгляде. Для нее было полной неожиданностью предложение директора стенографических курсов, которые она только-что окончила, работать у Достоевского. «Ни с чем не сравнить то волнение, которое испытывала я, идя к своему кумиру», рассказывала А. Г. «Прихожу. Глаз на него поднять не могу». А он беспокойно бегает по комнате. Предлагает писать. Никаких предварительных переговоров. Первый опыт оказался неудачным: он нашел, что я пишу слишком медленно. Пришлось уйти. Однако, через несколько дней, он снова прислал за мной. Началась постоянная работа. Почти никаких разговоров. Почти молча приходила, писала, на следующий день приносила работу переписанной, опять писала. Так ежедневно. После нескольких месяцев занятий, он предложил мне навсегда остаться с ним и вместе работать. Я не сразу поняла и хотя очень смутилась — в душе же согласилась сразу: «Любила его еще до встречи с ним». Родные сначала были против этого брака: «он старый, больной и бедный человек». Но им пришлось в конце-концов уступить.

Анна Григорьевна много рассказывала о семейной жизни, говоря, что Ф. М., как семьянин, как муж, совсем неизвестен своим почитателям. Она же при жизни не хотела что-либо печатать из этой области. Письма к ней Ф. М. — Анна Григорьевна называла «художественной поэмой». Расставались они очень редко, но когда разлучались, писали друг другу ежедневно. А. Г. говорила, что Ф. М. не любил и не умел писать писем, но из числа этих писем исключала его письма к себе, которые и по содержанию, и по форме отличались от других писем Достоевского. Количество этих писем велико. Они собраны у А. Г. в большом порядке. Для нее это было самой ценной частью ее архива. Некоторые издатели предлагали очень крупную сумму за напечатание этих писем, но А. Г. не соглашалась. «Пускай о нашей любви узнается, когда я с ним там буду», — говорила она.

———

Рассказывала Анна Григорьевна о заграничном периоде, об их одиночестве, о игре Достоевского, о проигрышах и о той крайней нужде, которую они там испытывали. Бывали дни настоящего отчаяния, когда «рыдала» А. Г., «рыдал и Ф. М.». Вообще судя по рассказам А. Г., тяжелые моменты их жизни часто сопровождались рыданиями обоих супругов. Затем после переезда в Россию началась еще более напряженная трудовая жизнь. По ее словам, она работала по 14 часов в сутки. Нужно было содержать семью и, главное, расплачиваться с долгами. Приходилось во всем себе отказывать, чтобы по возможности удовлетворять кредиторов. Вспоминая этот период жизни, А. Г. указывала, что именно в это время развился в ней тот практицизм, о котором так много говорилось окружающими ее людьми. Она не раз подчеркивала, что она не практический человек, внешние условия жизни для нее никогда значения не имели, но что она должна была избавить Ф. М. от материаль-

ных забот — взяла их на себя и всю жизнь стойко несла их. Привыкла к ним. Таким образом и выработалась в ней «практичность». Ф. М. был человек крайне не расчетливый; «кому-нибудь нужно было расчитывать и А. Г. расчитывала», оберегая мужа и детей от той нищеты, которая угрожала им.

С большим раздражением вспоминала А. Г., как некоторые родственники и друзья Ф. М., пользуясь его добротой и доверчивостью, «выуживали» у него буквально последнее. Особенно не стеснялся в этом отношении пасынок Ф. М. — «Паша». Ф. М. создал себе образ Паши, совершенно несоответствовавший действительности. Никогда, ни в чем не мог отказать ему и бывал очень недоволен, когда А. Г. отказывала, ссылаясь на неимение денег. А. Г. пыталась иногда обрисовать Пашу таким, каким он был на самом деле, но ничего не могла сделать: Ф. М. особенно ревниво относился к своему пасынку. Такое отношение совмещалось с тем, что Достоевский, по словам А. Г., не скрывал, что у него не было большой любви к своей первой жене. Иногда приходилось прибегать к хитрости, чтобы не допускать Пашу к Ф. М. и давать ему денег самой, чуть ли не вымаливая оставить что-нибудь для семьи, так как Ф. М. распорядился бы отдать последнее.

Ф. М. далеко не все было известно о материальном положении семьи. На этой почве иногда разыгрывались семейные сцены. Получив деньги, А. Г. старалась прежде всего расплатиться с долгами, которых всегда было очень много. Кроме крупных — бесконечное количество мелких кредиторов: булочник, мясник, зеленщик и т. д. и т. д. Ф. М., вспомнив о получке денег, решал устроить званый обед или ужин. И только пригласив гостей, сообщал об этом А. Г. Он ужасался, когда узнавал, что денег уже нет. И А. Г. приходилось успокаивать мужа и бежать опять брать в долг все необходимое для приема. В конце концов Ф. М. оставался доволен и столом и проведенным временем.

Бывали случаи, когда, получив сравнительно крупную сумму, Ф. М. решал сделать жене и детям подарки. Покупал «очень дорогие и совсем ненужные» ценности для А. Г. и игрушки для детей. От заработка после этих покупок ничего не оставалось, а долги увеличивались, так как получки в скором времени больше не предвиделось. И скоро приходилось продавать или закладывать «подарки», чтобы достать денег на обед.

Чрезвычайно интересны и важны для характеристики отношений Ф. М. и А. Г. мысли и слова А. Г. о семейной жизни; ничего надреснутого, даже малейшего намека на «трещинки» не чувствовалось в ее словах, воспоминаниях о Ф. М.

А. Г. рассказывала о том, что к Ф. М. приходили между другими многочисленными «исповедниками» какие-то барыни. Некоторые даже под густыми вуалями. Оставляли после себя нежное благоухание духов. «Ну, какие вопросы могли быть у этих барынь?» — иронически замечала А. Г. И ни тени недоброжелательности или подозрения.

Взгляды ее на брак, на семью достаточно ортодоксальны, а значит и требовательны. «С чувством надо бережно обращаться, чтобы оно не

разбилось,—говорила она.—Нет в жизни ничего более ценного, как любовь. Больше прощать следует — вину в себе искать и шероховатости в другом сглаживать. Раз навсегда и бесповоротно выбрать себе бога и служить ему на протяжении всей жизни. Я отдала себя Ф. М., когда мне было 18 лет. Теперь мне за 70, а я все еще только ему принадлежу каждой мыслью, каждым поступком. Памяти его принадлежу, его работе, его детям, его внукам. И все, что хоть отчасти его — мое целиком. И нет и не было для меня ничего — вне этого служения»... «... Но не только богом был для меня Достоевский, он был и человеком, во многом с обычными человеческими чертами и недостатками. Не всегда же он бывал велик! Часто, очень часто это был ребенок, больной, требовательный, капризный, неприспособленный к жизни. В такие минуты я брала на себя всю тяжесть жизни, все заботы лежали на мне, от него скрывались все невзгоды, материальные недостатки. Я даже болеть себе тогда не позволяла».

А. Г. часто повторяла, что она «счастливейшая из женщин», и тон, каким говорились эти слова, не допускал ни малейшего сомнения в том, что это глубокая истина.

Как высоко стояло в действительности для нее божество, очень ярко показывает один случай, происшедший в Ялте:

На окраине Ялты стояла небольшая дачка, которая принадлежала А. Г. и в которую она собиралась перебраться. Пока там жили две женщины.

Однажды ночью кем-то было совершено кошмарное преступление. Женщины были убиты и подвешены к потолку, а дом подожжен. Скрыть преступление не удалось: пожар прекратили, дом уцелел. А. Г., узнав об этом событии, пришла в страшное волнение. Но не само преступление, не трагическая смерть этих женщин вызвало это волнение. В доме находился бюст Ф. М., и на этот бюст попала кровь несчастных жертв. Для А. Г. это казалось оскорблением ее божества. Она не могла успокоиться и требовала разбить окровавленный бюст.

Следующие страницы посвящены уже одной А. Г.: ее личности, последним месяцам ее жизни в Ялте.

Личность А. Г. так мало известна и так плохо оценена, что каждая новая черта будет иметь значение.

Прежде всего здесь будет уместно передать рассказ А. Г. о своих свиданиях с Л. Н. и С. А. Толстыми. Софья Андреевна Толстая приезжала несколько раз к Анне Григорьевне Достоевской знакомиться с ее издательской деятельностью — учиться у нее. Ясную Поляну А. Г. посетила в последние годы жизни Л. Н., когда семейная драма Толстых была вынесена на публику. О чем говорили жены двух величайших писателей — А. Г. не рассказывала, но передала общее впечатление, итог этой беседы «чтобы ни писали ни говорили о С. А. эти «писаки» — не верьте им и помните, что С. А. была глубоко несчастным человеком». О свидании с

Л. Н. — А. Г. говорила как о большом событии в своей жизни. То уважение и восхищение, с которым отзывался Л. Н. о Достоевском, сожаление, которое он высказал, что не пришлось им встретиться — удовлетворило ее, как жену Ф. М. Не меньшее удовлетворение получила она, когда прощаясь с ней, Л. Н. сказал: «многие русские писатели чувствовали бы себя лучше, если бы у них были такие жены, как у Достоевского». И действительно, трудно себе представить более беззаветную любовь и преданность — до полного самозабвения, чем ту, которую высказывала А. Г. к Достоевскому. По какому бы ни пошел он пути, до конца следовала бы она за ним без единого упрека и возражения.

Отмечу, что в это время, в эти последние месяцы своей жизни, она вообще поражала исключительностью духовных своих качеств, возбуждая удивление и глубокий интерес к себе не отраженно, как жена Достоевского, а сама по себе: своей неутомимой энергией, тонким и широким умом и еще больше: неустанным интересом своим ко всему окружающему. Во все она вносила несвойственный ее возрасту пыл, горячность. Порой просто нельзя было верить, что перед тобой старуха. Особенно изумительны и очаровательно непосредственны были переходы ее настроений. Придешь иногда, — заливается, плачет — «Что случилось А. Г.?» — «Ах, боже мой, боже мой!.. и следует об'яснение причины, вызвавшей эти слезы. Успокоишь ее, ободришь и уже улыбается, а через пять минут, вспомнив что-нибудь веселое — смеется, смеется до слез. Натура редкая в своей цельности. И любить и ненавидеть умеет до конца. «Да, что это! — вы никак ему (или ей) оправданий ищите. Восстать следовало!» И тон, глаза, поза — все выражало негодование и протест. Кажется, будь перед ней в эту минуту «обвиняемый» — ни перед чем не остановилась бы.

Встреча лица, передающего эти воспоминания, с А. Г. произошла в Ялте осенью 1917 г., куда А. Г. приехала с Кавказа из своего имения, расположенного на Черноморском побережье. Это было ее любимое местопребывание. Она сама вела там большое хозяйство: сажала фруктовые деревья, заботилась о благоустройстве дома. В именье этом она мечтала умереть и передать его хотела своим внукам — с тем, чтобы до их совершеннолетия никто не имел права продать этого «земного рая».

Летом 1917 г. из армии вернулся служивший в имении дворник и повел энергичную агитацию об устранении «хозяйки». Дело было поведено таким образом, что А. Г. пришлось спешно оттуда убраться. Этот свой вынужденный от'езд она называла «изгнанием из рая». В конце августа или начале сентября 1917 г. она приехала в Ялту... По приезде в Ялту А. Г. очень нуждалась в помощи. Больная уехала она с Кавказа. Болела всю дорогу, но бодрилась и держалась, пока не добралась до Ялты и только войдя в номер гостиницы свалилась.

Ни болезнь, ни одиночество в чужом городе, не сломили бодрости А. Г. Ни стонов, ни жалоб — как будто все прекрасно обстояло, а сама дрожала и не верила, что на солнце 30° тепла. — Впечатление от нашей первой

встречи было очень сильное и жалкое, жалкое.—Комнатка маленькая и неприветная. После яркого солнца и морского свежего воздуха в ней казалось особенно мрачно и душно. Сначала ничего нельзя было рассмотреть. Потом слабый голос заставил разглядеть небольшую кроватку и на ней груду одеял, подушек... шуба и платки, платки... Среди всего этого хлама — крошечное личико. Старенькое, сморщенное, больное. А на нем пара глаз лихорадочно горящих и напряженно устремленных в мою сторону: даже жутко стало. Но когда эти глаза приветливо засветились, нельзя было не поддаться их привету.

Тяжелая болезнь не оставляла уже А. Г. до самой смерти. Точно эта болезнь не была определена. Возможно, что это был колит, осложненный малярией. Болела она всю зиму с некоторыми промежутками от одного приступа до другого. И в эти, сравнительно недолгие перерывы, ее нельзя было убедить поберечься, полежать, выдержать диэту. Если она была в силах встать — она немедленно вставала, доставала свои тетради воспоминаний, редактировала их. Продолжала и свою библиографическую работу о Достоевском. Читала газеты, следя за текущей жизнью с животрепещущим интересом. Брала книги в местной библиотеке, большей частью религиозно-философского содержания и потом делилась с близкими людьми своими мыслями по поводу прочитанного. В свои тетради воспоминаний она заносила все, что произвело на нее впечатление, осталось в памяти. Встречи с интересными людьми, интересные случаи тоже находили в них место.

А. Г. «имела глаз» и умела видеть. Она рассказывала так ярко и живо о самых незначительных фактах и событиях, что заставляла «видеть» и слушателя. Вспоминается мне один из ее рассказов, в сущности совсем неважный, но переданный мастерски: о случайной встрече в вагоне с одним молодым человеком. Заговорив с Ан. Гр. о литературе, этот случайный спутник ее был поражен ее широкой начитанностью и знанием литературы. Молодой человек начал расспрашивать, кто она такая, догадываясь, что она принадлежит к семье какого-нибудь писателя. А. Г. долго мучила его, заставляя отгадать ее фамилию. Тот перебрал целый ряд имен и на каждое получил... «нет». Тогда он начал угадывать, как она приходится неизвестному писателю: жена? мать? сестра? дочь? и т. д. И узнав, что «вдова», принялся за новые догадки, но безрезультатно. С неподражаемым юмором рассказывала А. Г. как она, выходя из вагона, сказала потерявшемуся в догадках спутнику: «Протянуть вам луковку»?—«боже мой, вдова Достоевского!—закричал тот. «Двинулся поезд и навсегда разделил нас» — закончила А. Г. это воспоминание о своем инкогнито. Живость ее характера проявлялась во всем: как я уже говорила, в промежутки между припадками болезни, она продолжала свою постоянную работу по Достоевскому и в то же время горячо откликалась и на настоящее. Больная, слабая — она собиралась принять деятельное участие в издании сборника в пользу пострадавших от гражданской войны. Писала своим знакомым, настаивая на их участии в сборнике.

Не проходили мимо нее и политические события. Чрезвычайно сильное впечатление произвела на нее картина германских войск, проходивших

весной 1918 г. через Ялту со своими бесконечными обозами. А. Г. плакала и не хотела примириться с мыслью, что русские добровольно пустили к себе «врагов». События 1918 г. в Ялте переживались тяжело. А. Г. никогда не обнаруживала боязни за себя. В январе во время артиллерийской перестрелки красного флота с крымской дивизией, гостиница «Франция», где жила А. Г., была в сфере перекрестного огня. Хотя гостиница и оставалась невредимой, но снаряды летели через нее. Многие соседние здания были повреждены. А. Г. провела эти 7 — 8 дней бомбардировки Ялты с полным самообладанием. Собрала вокруг себя каких-то детей, все время пробыла с ними.

Самообладание ее и спокойствие не были индефферентностью: в ней жила уверенность, что она будет заранее знать о грядущей ей беде. Эта уверенность основывалась на том даре предчувствия, которым, по ее словам, она обладала. Так напр.. она за несколько лет до смерти Ф. М. видела картину его похорон. Было это при следующих обстоятельствах. А. Г. шла с мужем за гробом кого-то из русских литераторов. Был серый пасмурный день, небольшая кучка провожающих. Ф. М. сказал: «Аня, похорони меня непременно здесь же на Литерат. мостках. Не нужно, ни венков, ни речей. Пусть будет так же как сейчас». А. Г. рассказывала, что она вдруг ясно увидела, как хоронят Ф. М., и ответила ему: «Нет, Федя, твои похороны будут совсем другими. Будут толпы народа и так много венков и речей, как еще не было ни у одного писателя. Будет петь большой хор певчих, а могила твоя будет в Ал. Невской Лавре, а не на Волковом кладбище». Перед своей кончиной она как-то сказала, что умрет в последних числах июня. Почему она так думает, об'яснить не хотела, а может быть и не могла.

Внешне устроилась А. Г. в Ялте почти бедно. Занимала она один из самых небольших номеров гост. «Франция», где и умерла. Комната ее помещалась в закоулке, мимо которой почти никто не проходил. Обстановка была очень незатейливая. И несмотря на солнечную Ялту — в этой комнате было мало солнца и света. Здесь безвыходно провела А. Г. свои последние месяцы. Чуть ли только не два раза спустилась она вниз. Хозяйка гостиницы, человек крайне отзывчивый, во многом облегчавший тяжелые материальные условия, в которых находилась А. Г. — не раз предлагала ей занять лучшее помещение, но А. Г. упорно отказывалась боясь долгов. Ее очень угнетало, что приходилось и без того постоянно брать деньги у двух, трех своих друзей. Ее мучило, что не может она со свойственной ей аккуратностью платить и по счетам гостиницы. Беря в долг, она каждый раз искренно страдала, записывала сумму долга, умоляла взять вексель. Почти все время она проводила в полном одиночестве; кроме близких ей лиц, навещавших ее ежедневно — знакомств почти не было. Посещали ее иногда местные Ялтинские и приезжавшие из России литераторы — случайно узнававшие о том, что в Ялте живет вдова Достоевского. А. Г. оставалась с ними холодна и официальна.

Так без особых внешних событий протекала жизнь А. Г. в Ялте.

Болезнь, постоянная тревога за детей и внучат — омрачали ее и без того нерадостное существование. Она очень любила своих внучат и постоянно говорила о них. Думала о их будущем. Хотела их обеспечить. Много страданий доставляли ей письма дочери Любовь Федоровны, которая жила за-границей и часто (во время германской оккупации Крыма) писала матери о своих бедствиях. А. Г. плакала, что дочь может подумать, что она не хочет помочь ей — тогда как в действительности она не могла помочь. Эти волнения были самой тяжелой стороной жизни А. Г. в Ялте. Свои болезни она выносила стойко, даже черезчур мало обращала на них внимания, не считалась с ними и далеко не всегда исполняла предписания врачей. Именно это нежелание «ставить свое здоровье в центр жизни» — и ускорило ее конец. В июне она слегла от обычного приступа желудочной болезни. Пролежав несколько дней и почувствовав себя немного лучше — она, вопреки совету доктора, встала и хотела войти в свой обычный образ жизни. Ни уговоры друзей, ни просьбы сиделки не могли ее убедить выждать. «Доктора все врут. Я здорова и, значит, могу все делать и все есть». «А вы, голубушка, мне больше не нужны, можете уходить», — заявила она сиделке. Результат ее упорства сказался в этот же день: новый пароксизм болезни, более сильный, свалил А. Г., и больше она уже не встала. 22-го июня 1918 г. А. Г. скончалась, не приходя в сознание. За несколько дней до смерти близкое А. Г. лицо хотело телеграфировать ее сыну Федору Федоровичу о ее тяжелом состоянии. Услышав его разговор с врачем, — А. Г. энергично запротестовала: «Не надо его беспокоить. Когда умру — тогда сообщите». Даже в такие минуты она не думала о себе и боялась «беспокоить».

Умерла она одиноко, в присутствии одной сиделки.

Тело ее долго стояло в цинковом гробу в склепе собора. Ожидали сына или невестку, которые должны были приехать на похороны. Спустя много времени, они дали знать, что выехать не могут. В середине июля А. Г. была похоронена в Ялте на Аутском кладбище в склепе под церковью. Ее желанием, ее просьбой, ее завещанием было — перевезти ее тело в Ленинград и похоронить его в Ал.-Невской Лавре рядом с Ф. М. «Не хочу лежать в отвратительной Ялте», — часто говорила она.

З. С. Ковригина.

Н. А. СОКОЛОВ.

Материалы для библиографии Ф. М. Достоевского 1903—1923 г.г.

Предисловие.

Настоящая работа представляет собою продолжение известного „Библиографического указателя сочинений и произведений искусств, относящихся к жизни и деятельности Ф. М. Достоевского“, составленного А. Г. Достоевской (СПБ. 1906). В виду того, что наиболее крупный из отделов этого указателя—V-й—доведен А. Г. Достоевской до 1903 г., мы начали свой указатель с этого года и дали материал для библиографии Достоевского за последние 20 лет (1903—1922 г.г.). Такая преемственность сказалась не только на об'еме нашего указателя, но и на расположении в нем материала. Мы решили сохранить все наиболее характерные особенности указателя А. Г. Достоевской, а именно: хронологический порядок при перечне всего материала и алфавитный—при перечне за каждый год периодических изданий, в которых были помещены статьи или заметки о Достоевском. Сделанные же нами отступления (разделение литературы о Достоевском на две части: I—книги и II—журнальные и газетные статьи, самый способ библиографирования последних и введение нового отдела—„письма Достоевского“)—по нашему мнению, нисколько не идут в разрез с общим характером работы А. Г. Достоевской и в то же время являются совершенно необходимыми в интересах дела.

При составлении настоящего указателя нами, помимо непосредственного просмотра целого ряда книг и периодических изданий, использованы материалы литературно-библиографического архива покойного директора Российской Книжной Палаты (ныне Пгр. Института Книговедения) С. А. Венгерова (к сожалению, доведенные только до 1918 г. и в части, касающейся именно Ф. М. Достоевского, оказавшиеся неполными) и богатое собрание различных библиографических и справочных пособий, имеющихся в Институте Книговедения. Но, само собой разумеется, при всем желании достичь возможной полноты и избежать ошибок, мы нисколько не претендуем на исчерпывающий характер нашего указателя и совершенно сознательно ставим на нем пометку: „материалы для библиографии Ф. М. Достоевского“.

В частности, особенную трудность представляла реги-

страция газетных статей и заметок о Достоевском, и здесь, конечно, возможны немалые пробелы. Наконец, — нами, к большому сожалению, совершенно не затронуты богатая литература о Достоевском на иностранных языках, переводы его сочинений и русская зарубежная литература — вследствие очевидной для всех невозможности в настоящее время дать хотя-бы приблизительно полную регистрацию всего накопившегося за эти 20 лет громадного материала.

При пользовании указателем необходимо иметь в виду следующее:

1) в 1-м отделе („Произведения Достоевского") нами не включены отрывки из произведений Достоевского, помещенные в школьных хрестоматиях (исключения сделаны только для тех хрестоматий, которые, насколько нам известно, в школах не употреблялись);

2) в 1-й части отдела IV („Литература о Достоевском") общераспространенные учебники по истории русской литературы, выдержавшие за последние 20 лет несколько изданий, указаны только в одном каком-нибудь издании;

3) отрывочные или случайные упоминания о Достоевском в газетных и журнальных статьях, а также и в книгах, не посвященных специально Достоевскому, отмечены только указанием соответствующих страниц, без приведения заглавия таких статей, или же пометкою: (уп. о Д.);

4) указания на рецензии и отзывы—случайны и сделаны только относительно наиболее крупных работ, имеющих характер монографий.

В заключение считаем своим приятным долгом выразить глубокую благодарность всем лицам, оказавшим нам свое содействие, и в особенности — А. Г. Фомину, любезно взявшему на себя труд просмотреть нашу работу и давшему нам много ценных указаний, Б. Л. Модзалевскому, В. И. Саитову, С. Д. Балухатому Л. В. Булгаковой, И. В. Глаголеву, А. С. Долинину, Л. К. Ильинскому, М. Н. Куфаеву, В. Ф. Лебедеву, А. Г. Максимову, А. С. Полякову, М. Н. Савваитскому, Е. К. Товстику и А. Д. Торопову.

Н. Соколов.

1 августа 1923 г.

P. S. В виду того, что печатание настоящей работы несколько задержалось, мы сочли не лишним дать, в приложении, хотя-бы и неполный — список литературы о Достоевском за 1923-й год — исключительно по материалам, полученным Ленинградским Институтом Книговедения по 1-е января 1924 г.

Н. С.

3 января 1924 г.

I.

Произведения Ф. М. Достоевского.

1903 г.

1. **Великий инквизитор.** Поэма из Ф. М. Достоевского. Москва, тип. Московск. Гор. Арнольдо-Третьяковск. учил. глухонем. 1903 г. Стр. 31.
2. **„Житие иеросхимонаха старца Зосимы.** (Со слов самого старца) Ф. М. Достоевского".—„Воскресенье" (журнал) 1903 г. № 31, стр. 1103—1112; № 32, стр. 1143—1152; № 33, стр. 1183—1192; № 34, стр. 1223—1228 и № 35, стр. 1263—1268. (См. об этом: „Нов. Вр." 1903 г. № 9865; „Всем. Вестн." 1903 г. № 6—7. „Од. Нов." 1903 г. № 6065).
3. **Монах из офицеров и деньщик.**—„Русские писатели". Маленькая христоматия. Выпуск 2-й. Изд. 2-е Н. Аскарханова. СПБ. 1903 г.
4. Из **„Дневника писателя"** за 1880 г.—„Социальное значение религиозной личности" (сборник)—„Религ.-фил. библиот.", вып. IV. Вышний Волочек. 1903 г., стр. 32—43.
5. **Мальчик у Христа на елке.**—„Швидченко, Е. (Быстров, Б.). Святочная христоматия. Литературно - музыкально — этнографический сборник". СПБ. 1903 г., стр. 343—347.

1904 г.

6. **Из записной книжки.**—„Новый Путь" 1904 г. № 1, стр. 1—10; № 2, стр. 1—15.
7. **Полное собрание сочинений. Изд. 6-е. Том 5-й.** Униженные и оскорбленные. Роман в 4-х частях с эпилогом. Вечный муж. Рассказ. СПБ., тип. П. Пантелеева. 1904 г. Стр. 458.
8. **Полное собрание сочинений. Изд. 6-е. Том 6-й.** Преступление и наказание. Роман в 6 частях с эпилогом. СПБ., тип. П. Пантелеева. 1904 г. Стр. 493.
9. **Полное собрание сочинений. Изд. 6-е. Том 7-й.** Идиот. Роман в 4-х частях. СПБ., тип. П. Пантелеева. 1904 г. Стр. 593.
10. **Полное собрание сочинений. Изд. 6-е. Том. 13-й.** Братья Карамазовы. Роман в 4-х частях. Том 1-й. СПБ., тип. П. Пантелеева. 1904 г. Стр. 344+III.
11. **Полное собрание сочинений. Изд. 6-е. Том 14-й.** Братья Карамазовы. Том 2-й. СПБ., тип. П. Пантелеева. 1904 г. Стр. 472+III.
12. **Полное собрание сочинений. Изд. 7-е. Том 4-й.** Униженные и оскорбленные. Роман в 4-х частях с эпилогом. Вечный муж. Рассказ. СПБ., тип. П. Пантелеева. 1904 г. Стр. 458.
13. **Полное собрание сочинений. Изд. 7-е. Том 5-й.** Преступление и наказание. Роман в 6-ти частях с эпилогом. СПБ., тип. П. Пантелеева. 1904 г. Стр. 493.
14. **Полное собрание сочинений. Изд. 7-е. Том 6-й.** Идиот. Роман в 4-х частях. СПБ., тип. П. Пантелеева. 1904 г. Стр. 593.

1905 г.

15. **Записки из мертвого дома.** Изд. 17-е. СПБ., тип. П. Пантелеева. 1905 г. Стр. 272.
16. **Преступление и наказание.** Роман в 6-ти частях с эпилогом. Изд. 14-е. СПБ. Тип. П. Пантелеева. 1905 г. Стр. 493.
17. **Преступление и наказание.** Роман в 6-ти частях с эпилогом. Изд. 15-е. СПБ. Тип. П. Пантелеева. 1905 г. Стр. 512.
18. **Полное собрание сочинений. Изд. 6-е. Том 2-й.** Повести и рассказы. СПБ. Тип. П. Пантелеева. 1905 г. Стр. 475.
19. **Полное собрание сочинений. Изд. 6-е. Том 3-й.** Повести и рассказы. СПБ. Тип. Пантелеева. 1905 г. Стр. 572+2.
20. **Полное собрание сочинений. Изд. 6-е. Том 4-й.** Записки из мертвого дома. СПБ. Тип. П. Пантелеева. 1905 г. Стр. 272.
21. **Полное собрание сочинений. Изд. 6-е. Том 11-й.** Дневник писателя за 1876 г. СПБ. Тип. П. Пантелеева. 1905 г. Стр. 408+2.
22. **Полное собрание сочинений. Изд. 7-е. Том 2-й.** Повести и рассказы. СПБ. Тип. П. Пантелеева. 1905 г. Стр. 475.
23. **Полное собрание сочинений. Изд. 7-е. Том 3-й.** Записки из мертвого дома. Повести и рассказы. СПБ. Тип. П. Пантелеева. 1905 г. Стр. 574+2.
24. **Полное собрание сочинений. Изд. 7-е. Том 10-й.** Дневник писателя за 1876 г. СПБ. Тип. П. Пантелеева. 1905 г. Стр. 408+2.
25. **Полное собрание сочинений. Изд. 3-е. Том 5-й.** Преступление и наказание. Роман в 6-ти частях с эпилогом. СПБ. Тип. П. Пантелеева. 1905 г. Стр. 512 (Напечатано 250 экз. Цит. по „Списку книг" 1905 г. № 9968).

1906 г.

26. **Полное собрание сочинений. Юбилейное 6-е изд. (в 14 тт.). Том 1-й.** Биографический очерк о Ф. М. Достоевском, составленный профессором С. Н. Булгаковым. С 13-ю приложениями. Повести и рассказы. СПБ. Тип. П. Пантелеева. 1906 г. Стр. XL+389.
27. **Полное собрание сочинений. Изд. 6-е. Том 8-й.** Бесы. Роман в 3-х частях. Материалы к роману „Бесы" (из „Записных книжек" Ф. М. Достоевского). СПБ. Тип. П. Пантелеева. 1906 г. Стр. 625.
28. **Полное собрание сочинений. Изд. 6-е. Том 9-й.** Подросток. Роман в 3-х частях. СПБ. Тип. П. Пантелеева. 1906 г. Стр. 530.
29. **Полное собрание сочинений. Изд. 6-е. Том 10.** Дневник писателя за 1873 г. (из журнала „Гражданин"). Политические статьи. Критические статьи. СПБ. Тип. П. Пантелеева. 1906 г. Стр. 417+[illegible]
30. **Полное собрание сочинений. Изд. 6-е. Том 12-й.** Дневник писателя. СПБ. Тип. П. Пантелеева. 1906 г. Стр. [illegible]+II
31. **Полное собрание сочинений (в 12-ти томах). Изд. 7-е. Том 1-й.** Краткие биографические сведения о Ф. М. Достоевском, с приложением портрета. Повести и рассказы. СПБ. Тип. П. Пантелеева. 1906 г. Стр. III+389+1.
32. **Полное собрание сочинений. Изд. 7-е. Том 7-й.** Бесы. Роман в 3-х частях. СПБ. Тип. П. Пантелеева. 1906 г. Стр. 595.
33. **Полное собрание сочинений. Изд. 7-е. Том 8-й.** Подросток. Роман в 3-х частях. СПБ. Тип. П. Пантелеева. 1906 г. Стр. 530.
34. **Полное собрание сочинений. Изд. 7-е. Том 9-й.** Дневник писателя за 1873 г. (из журнала „Гражданин"). Политические статьи. Критические статьи. СПБ. Тип. П. Пантелеева. 1906 г. Стр. 417+II.
35. **Полное собрание сочинений. Изд. 7-е. Том 11-й.** Дневник писателя за 1877, 1880, 81 гг. СПБ. Тип. П. Пантелеева. 1906 г. Стр. 5[illegible]+2
36. **Полное собрание сочинений. Изд. 7-е. Том 12-й.** Братья Карамазовы. Роман в 4-х частях с эпилогом. СПБ. Тип. Пантелеева. 1906 г. Стр. IV+816.

1907 г.

37. **Мальчик у Христа на елке.** Рассказ. Изд. 23-е. СПБ. Тип. Н. Н. Сойкина. 1907 г. Стр. 15.
38. **Из записной книжки.** (Неизданные отрывки). „Былое". 1907 г., август, стр. 124.
39. **Катя и Неточка.**—„Покровский, Н. Из галлереи детских портретов" Рассказы русских писателей для детей школьного возраста. Книжка 3-я. Тип. т-ва И. Н. Кушнарев и К°. 1907 г.
40. **„Показание Ф. М. Достоевского"** (по делу петрашевцев).—„Политические процессы Николаевской эпохи. Петрашевцы". Изд. В. М. Саблина. 1907 г., стр. 83—95.

1909 г.

41. **О молитве, о любви, о соприкосновении мирам иным.**—Листок „Русской религиозной мысли", № 5. Изд. религиозно-философской библиот. Тип. А. И. Снегиревой. Москва. 1909 г. Стр. 4.
42. **Бедные люди** Роман. Изд. А. Г. Достоевской. СПБ. Тип. Сойкина. 1909 г. Стр. 160.

1910 г.

43. **Достоевский для детей школьного возраста.** Под ред., с предисловием и биографическим очерком А. В. Круглова. Изд. 2-е. Тип. т-ва „Просвещение". СПБ. 1910 г. Стр. XXVII+321.
44. **Рассказ о купце.** Из романа „Подросток". Изд. 2-е. Тип. т-ва „Просвещение". СПБ. 1910 г. Стр. 16.
45. **О священном писании в жизни отца Зосимы.**—Листок „Русской религиозной мысли". № 22. Изд. Новикова Москва. Тип. А. Снегиревой. 1910 г. Стр. 4.
46. **Мужик Марей. Столетняя.** Изд. и тип. кн.-ва „Просвещение". СПБ. 1910 г. Стр. 16.
47. **В барском пансионе** Из романа „Подросток". Изд. 2-е, тип. т-ва „Просвещение". СПБ. 1910 г. Стр. 8.
48. **Собрание сочинений.** Братья Карамазовы. Роман в 4-х частях с эпилогом. Том 1. Изд. 8-е, тип. т-ва „Просвещение". СПБ. 1910 г. Стр. 484.
49. **Собрание сочинений.** Братья Карамазовы. Роман в 4-х частях с эпилогом. Том 2-й. Изд. 8-е, тип. „Просвещение". СПБ. 1910 г. Стр. 391.
50. **Собрание сочинений.** Братья Карамазовы. Роман в 4-х частях с эпилогом. Том 3-й. Изд. 8-е, тип. „Просвещение". СПБ. 1910 г. Стр. 449.
51. **Собрание сочинений.** Бесы. Роман в 3-х частях. Том 1. Изд. 8-е, тип. т-ва „Просвещение". СПБ. 1910 г. Стр. 464.
52. **Собрание сочинений** Бесы. Роман в 3-х частях. Том 2. Изд. 8-е. тип. т-ва „Просвещение". СПБ. 1910 г. Стр. 473.

1911 г.

53. **Собрание сочинений.** Хозяйка и другие рассказы. Изд. т-ва „Просвещение". СПБ. 1911 г. Стр. 377
54. **Собрание сочинений.** Неточка Незванова. Маленький герой. Дядюшкин сон. Изд. 8-е. кн-ва „Просвещение". СПБ. 1911 г. Стр. 497.
55. **Собрание сочинений.** Записки из мертвого дома. Изд. 8-е, тип. т-ва „Просвещение". СПБ. 1911 г. Стр. 450.
56. **Собрание сочинений.** Село Степанчиково и др. Изд. 8-е, т-ва „Просвещение". СПБ. 1911 г. Стр. 499.

57. **Собрание сочинений.** Записки из подполья и др. Изд. 8-е, т-ва „Просвещение“. СПБ. 1911 г. Стр. 630.

58. **Собрание сочинений.** Униженные и оскорбленные. Роман в 4-х частях с прологом. Изд. 8-е, тип. т-ва „Просвещение“. СПБ. 1911 г. Стр. 520.

59. **Собрание сочинений.** Преступление и наказание. Роман в шести частях с эпилогом. Том 1. Изд. 8-е, тип. т-ва „Просвещение“. СПБ. 1911 г. Стр. 394.

60. **Собрание сочинений.** Преступление и наказание. Том 2-й. Изд. 8-е, тип. т-ва „Просвещение“. СПБ. 1911 г. Стр. 388.

61. **Собрание сочинений.** Идиот. Роман в 4-х частях. Часть 1—2. Изд. 8-е, тип. т-ва „Просвещение“. СПБ. 1911 г. Стр. 492.

62. **Собрание сочинений.** Идиот. Роман в 4-х частях. Части 3 и 4. Изд. 8-е, тип. т-ва „Просвещение“. СПБ. 1911 г. Стр. 451.

63. **Собрание сочинений.** Подросток. Роман в 3-х частях. Том 1. Изд. 8-е, тип. т-ва „Просвещение“. СПБ. 1911 г. Стр. 413.

64. **Собрание сочинений.** Подросток. Роман в 3-х частях. Том 2. Изд. 8-е, тип. т-ва „Просвещение“. СПБ. 1911 г. Стр. 430.

65. **Собрание сочинений.** Дневник писателя за 1873 г. Политические статьи. Критические статьи. Изд. 8-е, кн-ва „Просвещение“ СПБ. 1911 г. Стр. VIII+427.

66. **Собрание сочинений.** Дневник писателя за 1876 г. Изд. 8-е, т-ва „Просвещение“ СПБ. 1911 г. Стр. VIII+429.

67. **Собрание сочинений.** Дневник писателя за 1877, 1880—81 г.г. Изд. 8-е, т-ва „Просвещение“. СПБ. 1911 г. Стр. IX+523.

68. **Полное собрание сочинений. С многочисленными приложениями** (в 21 т.т.) Том первый. Бедные люди. Двойник. Господин Прохарчин. Роман в девяти письмах. Изд. и тип. т-ва „Просвещение“. СПБ. 1911 г. Стр. 484.

69. **Полное собрание сочинений.** С многочисленными приложениями. Том второй. Хозяйка. Ползунков.—Слабое сердце.—Чужая жена и муж под кроватью. Честный вор. Елка и свадьба. Белые ночи. Изд. и тип. т-ва „Просвещение“. СПБ. 1911 г. Стр. 377.

70. **Полное собрание сочинений.** С многочисленными приложениями. Том третий. Неточка Незванова.—Маленький герой. Дядюшкин сон. Изд. и тип. т-ва „Просвещение“. СПБ. 1911 г. Стр. 497.

71. **Полное собрание сочинений.** С многочисленными приложениями. Том четвертый. Изд. т-ва „Просвещение“. СПБ. 1911 г. Стр. 499.

72. **Полное собрание сочинений.** С многочисленными приложениями. Том пятый. Изд. т-ва „Просвещение“. СПБ. 1911 г. Стр. 630.

73. **Полное собрание сочинений.** С многочисленными приложениями. Том шестой. Изд. т-ва „Просвещение“. СПБ. 1911 г. Стр. 450.

74. **Полное собрание сочинений.** С многочисленными приложениями. Том седьмой. Униженные и оскорбленные. Роман в 4-х частях с эпилогом. Изд. т-ва „Просвещение“. СПБ. 1911 г. Стр. 520.

75. **Полное собрание сочинений.** С многочисленными приложениями. Том восьмой. Преступление и наказание. Роман в 6-ти частях с эпилогом. Часть I—III. Изд. т-ва „Просвещение“. СПБ. 1911 г. Стр. 394.

76. **Полное собрание сочинений.** С многочисленными приложениями. Том девятый. Преступление и наказание. Роман в 6-ти частях с эпилогом. Части IV—VI. Изд. т-ва „Просвещение“. СПБ. 1911 г. Стр. 388.

77. **Полное собрание сочинений.** С многочисленными приложениями. Том девятый. Идиот. Роман в 4-х частях. Часть I—II. Изд. т-ва „Просвещение“. СПБ. 1911 г. Стр. 492.

78. **Полное собрание сочинений.** С многочисленными приложениями. Том одиннадцатый. Идиот. Роман в 4-х частях. Часть III—IV. Изд. т-ва „Просвещение“. СПБ. 1911 г. Стр. 451.

79. **Полное собрание сочинений.** С многочисленными приложениями. Том двенадцатый. Бесы. Роман в 3-х частях. Часть I—II (начало). Изд. т-ва „Просвещение". СПБ. 1911 г. Стр. 145.
80. **Полное собрание сочинений.** С многочисленными приложениями. Том тринадцатый. Бесы. Роман в 3-х частях. Части II (окончан.)—III. Изд. т-ва „Просвещение". СПБ. 1911 г. Стр. 513.
81. **Полное собрание сочинений.** Том XIV. Подросток. Роман в 3-х частях. Изд. т-ва „Просвещение". СПБ. 1911 г. Стр. 413.
82. **Полное собрание сочинений.** Том XV. Подросток. Роман в 3-х частях. (оконч.). Изд. т-ва „Просвещение". СПБ. 1911 г. Стр. 439.
83. **Полное собрание сочинений.** Том XVI. Братья Карамазовы. Часть I—II (начало). Изд. т-ва „Просвещение". СПБ. 1911 г. Стр. 484.
84. **Полное собрание сочинений.** Том XVII. Братья Карамазовы (продолжение). Изд. т-ва „Просвещение". СПБ. 1911 г. Стр. 391.
85. **Полное собрание сочинений.** Том XVIII. Братья Карамазовы (оконч.). Изд. т-ва „Просвещение". СПБ. 1911 г. Стр 449.
86. **Полное собрание сочинений.** Том XIX. Политические и критические статьи. Дневник писателя за 1873 г. Изд. т-ва „Просвещение", СПБ. 1911 г. Стр. 427.
87. **Полное собрание сочинений.** Том XX. Дневник писателя за 1876 г. Изд. т-ва „Просвещение". СПБ. 1911 г. Стр. 420.
88. **Полное собрание сочинений.** С многочисленными приложениями. Том двадцать первый. Дневник писателя за 1877, 1880—81 г.г. Изд. т-ва „Просвещение". СПБ. 1911 г. Стр. IX+523.
89. **От неверия к вере.**—„Русская религиозная мысль" (листок № 29), Москва. Тип. А. И. Снегиревой. 1911 г. Стр. 4.
90. **О бессмертии души.**—„Гость" (СПБ., ежемесячн. журн.), 1911 г. № 2, декабрь, стр. 35.

1912 г.

91. **Приговор.**—„Русская религиозная мысль" (листок № 37). Изд. М. А. Новоселова. Москва, тип. Снегиревой. 1912 г. Стр. 4.
92. **Мальчик у Христа на елке.** Рассказ. Изд. 3-е, т-ва „Просвещение". СПБ. 1912 г. Стр. 8.
93. **Летняя пора.** Из „Записок из Мертвого Дома". Изд. 3-е, т-ва „Просвещение". СПБ. 1912 г. Стр. 38.
94. **Верующие бабы.** Из романа „Братья Карамазовы". Изд. т-ва „Просвещение". СПБ. 1912 г. Стр. 16.
95. **Бедные люди.** Роман. Изд. 16-е, т-ва „Просвещение". СПБ. 1912 г. Стр. 177.
96. **Честный вор.** Из записки неизвестного. Рассказ. Изд. т-ва „Просвещение". СПБ. 1912 г. Стр. 27.
97. **Заметки Ф. М. Достоевского.** (Перепечатки).
    I. Рассказ Достоевского о его аресте.
    II. Показание Достоевского.
    III. Memento. 24 декабря 1877 г. На всю жизнь.
    IV. Из записной книжки Ф. М. Достоевского.
    Сборник—„Ф. М. Достоевский в воспоминаниях современников, письмах и заметках". Составил Ч. Ветринский (В. Е. Чешихин). Изд. т-ва Сытина. Москва. 1912 г., стр. 305—333.

1913 г.

98. **Алеша Карамазов.—Старец Зосима.—Верующие женщины у старца Зосимы Государство и социализм.**—Ампелонский, Г., прот. — Сборник законо-учителя", Москва. 1913 г., стр. 32—46 и 223—227.
99. **„Петербургские сновидения в стихах и прозе".** Из забытой автобиографической статьи Достоевского.—„Астров, Владимир.—На наших путях. Из истории религиозного кризиса". СПБ. 1914 г., стр. 99—104 и 281—291.

100. **О молитве и любви.**—„Палицкий, А. На запрос духа (сборник)“, прилож. к журналу „Отдых христианина“. Пгр. 1914 г., стр. 164—167.
101. **Старец Зосима. Дар совета.**—„Успенский. С. Катихизис в рассказах. Живые уроки по закону божию“. Вып. I. Москва. 1914 г., стр. 101—103.
102. **Алеша Карамазов.**—„Успенский, С. Катихизис в рассказах. Живые уроки по закону божию“. Вып. IV. Москва. 1914 г., стр. 76—77.

1915 г.

103. **Достоевский, Ф. М. Биография и выдержки из его произведений.** (Родные писатели. Библиотека для школ и народа, под ред. Ф. П. Борисова и Н. Н. Лаврова). Изд. т-ва В. В. Думнов. Москва. Тип. Рябушинских. 1915 г. Стр. 100.
104. **О еврейском вопросе.** Из „Дневника писателя“ 1877 г. Изд. Е. де-Витте. Шамордино. Тип. Казанской Амврос. женск. пустыни. 1915 г. Стр. 20.
105. **Достоевский, Ф. М. и Соловьев. В. С. Оправдание войны.** Изд. религиозно-философской библиотеки. Москва, тип. Снегиревой. 1915 г. Стр. 18+1.
106. **Достоевский, М. М. Собрание сочинений**, с биографическим очерком и статьей о М. М. Достоевском Федора Достоевского. Том I. Изд. „Пантеон литературы“. Тип. М. Пивоварского и Ц. Типографа. Пгр. 1915 г. Стр. XIV—306.

1916 г.

107. **Неточка Незванова.** Изд. и тип. т-ва „Просвещение“, Пгр. 1916 г. Стр. 238.
108. **Петербургские сновидения в стихах и прозе.**—„Русская Мысль“ 1916 г. январь, стр. 106—126.

1918 г.

109. **Полное собрание сочинений.** С многочисленными приложениями. Том 22-й (дополнительный). Забытые и неизвестные страницы. Собрал и комментировал Л. П. Гроссман. Изд. и тип. т-ва „Просвещение“. Пгр. 1918 г. Стр. XXX+279.
Содержание:
I. Художественные страницы. Из первых редакций ранних произведений. — Бедные люди: 1. Из воспоминаний детства Вареньки Доброселовой. 2. Из письма Макара Девушкина. Двойник. Отставной. Первый очерк из „Рассказов бывалого человека“. Неточка Незванова: 1. Эпизод с мальчиком Ларенькой. 2. Дополнит. отрывки к характеристике главных героев. 3. Отрывки из первой редакции.—Маленький герой. Предисловие к рассказу. Необыкновенное событие или пассаж в пассаже: 1. Предисловие редакции. 2. Письмо неизвестного сочинителя.—II. Статьи, заметки и обзоры. Критика, фельетон, некролог. Отзывы и заметки. Редакционные заметки из „Времени“: 1. Собор Парижской богоматери. Предисловие от редакции. 2. Три рассказа Эдгара По. 3. Заключение и чудесное бегство Жака Казанова из венецианских темниц. 4. Процесс Ласенера. 5. Нечто о Шиллере. – Редакционные заметки Гражданина: 1. К статье о современной Германии. 2. К письму профессора Н. Ф. Нильского. Внутренние обзоры. Приложение к запискам из „Мертвого дома“.
110. **Полное собрание сочинений.** С многочисленными приложениями. Том 23-й (дополнительный). Забытые и неизвестные страницы. Собрал и комментировал Л. П. Гроссман. Изд. т-ва „Просвещение“. Пгр. 1918 г. Стр. 525.

Содержание:

Отдел III. Полемика. Образцы чистосердечия. По поводу статьи Михайлова. Ответ „Русскому Вестнику". „Свисток" и „Русский Вестник". Литературная истерика. По поводу элегической заметки „Русского Времени". Два лагеря теоретиков. Журнальные заметки. Необходимое литературное об'яснение по поводу разных хлебных и нехлебных вопросов. Журнальные заметки. I. Ответ „Свистулу". II. Молодое перо. Отрывок из романа „Щедродаров". I. Щедродаров вступает в журнал „Современник" в качестве соредактора. II. Условия. III. Бунт Щедродарова. IV. Трагедия в стакане воды. Щекотливый вопрос. Необходимое заявление. Отдел IV. „Евгений Гранде" Бальзака.

111. **I. Мармеладов в кабаке. II. Смерть Мармеладова.** Изд. т-ва „Колос". Пгр. Тип. „Рабочее Дело". 1918 г. Стр. 64.

112. **Купец Скотобойников** (из „Подростка"). Изд. т-ва „Колос". Пгр. Тип. „Рабочее Дело". 1918 г. Стр. 31.

1919 г.

113. **Кроткая и другие рассказы.** Госуд. изд., Пгр. 1919 г. Стр. 111.

114. **Братья Карамазовы.** В 2-х книгах. Книга 1. Изд. Литер.-Изд. Отдела Комиссар. Народн. Просв. Пгр. 1919 г. Стр. 432.

115. **Братья Карамазовы.** В 2-х книгах. Книга 2-я. Изд. Литер.-Изд. Отдела Ком. Нар. Просв. Пгр. 1919 г. Стр. 488+IV.

116. **[Отрывки из неизданных рукописей Достоевского]:**

1) Из „Речи о Пушкине" и послесловия к ней: о Бальзаке, о Пушкине, о Гоголе;
2) Из „Подростка": о Льве Толстом;
3) Из „Записных книжек": о Шекспире.

„Гроссман, Леонид.—Библиотека Достоевского. Одесса. 1919 г., стр. 38—39, 71—74, 78—79, 83—85, 89—90".

1921 г.

117. **Достоевский о Пушкине.** [Первоначальный черновой набросок речи Д—го в 1880 г., из собраний Пушк. дома]. Сообщ. В. В. Вересвой. „Вестник Литературы", 1921 г., № 2 (26), стр. 5—6.

118. **Ф. М. Достоевский.**

1) Об'яснительное слово по поводу печатаемой ниже речи о Пушкине.
2) Пушкин, очерк.
3) Из речи о Пушкине, дополнительные отрывки.

„Достоевский и Пушкин. Редакция А. Л. Волынского. Изд. „Парфенон". СПБ. 1921 г., стр. 29—55.

119. **I. Неизданные рукописи Ф. М. Достоевского.** (Сообщил Л. П. Гроссман).

1. План романа „Житие великого грешника".
2. Вариант к отрывку из „Бесов". (Часть III, глава VI: „Многотрудная ночь").
3. Из „Записных книжек".
4. Эпизод из „Подростка". (Неизданный отрывок из части II-й, гл. IX).
5. Отрывки из разных рукописей. (Из рукописи „Бесов". Из „Записных книжек". „Из рукописи „Подростка". Из „речи о Пушкине". Из „Ответа Градовскому").

II. Из затерянных статей Достоевского.—

„Творчество Достоевского". Сборник статей и материалов под ред. Л. П. Гроссмана. Одесса. 1921 г., стр. 7—28 и 111—120.

1922 г.

120. **Петербургская летопись.** Из неизданных произведений. Предисловие В. С. Нечаевой. Изд. „Эпоха". Петербург—Берлин. 1922 г. Стр. 76.
121. **Неизвестное произведение. (Как опасно предаваться честолюбивым снам.** СПБ. 1845 г.). — „Жизнь Искусства" (Пгр.) 1922 г., № 2 (825), стр. 5-6.
122. 1. **„Исповедь Ставрогина".** 2. **„План Жития великого грешника".**—„Документы по истории литературы и общественности". Выпуск первый. Изд-во Центрархива Р.С.Ф.С.Р. Москва, 1922 г. Стр. 77.
123. **Исповедь Ставрогина.** Глава из романа „Бесы". (Из собраний Пушкинского Дома).—„Былое", 1922 г., № 18, стр. 227—252.
124. **Из речи о Пушкине.** С об'яснениями В. Б. Враской.—„Радуга". Альманах Пушкинского Дома. Петербург. 1922 г., стр. 260—270.
125. I. **Ненапечатанный отрывок.** (Из „Записок из Мертвого Дома"). Сообщ. А. С. Долинин

   II. **Старина о „Петрашевцах"** (неиздани. произвед.). Сообщ. С. А. Переселенков.

   „Ф. М. Достоевский". Статьи и материалы, под редакцией А. С. Долинина. Петербург, 1922 г., стр. 365—366 и 369—372.
126. **„Не тронь меня".** Из затерянных статей Достоевского. („Время", 1861 г., август. Смесь, стр. 108—117).—„Л. П. Гроссман.—Семинарий по Достоевскому. Петроград. 1922 г"., стр. 85—92.
127. **Рукописные варианты романа „Подросток"** (Из рукописи, хранящейся в Московском Историческом Музее). Сообщ. В. Л. Комарович.—„Начала", Петербург, 1922 г. № 2, стр. 217—230.

II.

Письма Ф. М. Достоевского [1]).

1. Указатель писем Ф. М. Достоевского в порядке их опубликования.

1903 г.

„Берлинский Листок". 1903 г., № 1.
1. Пуцыковичу, В. Ф.—s. d.

1904 г.

„Берлинский Листок". 1904 г., май—декабрь.
2. Пуцыковичу, В. Ф.—s. d.
„Русский Архив". 1904 г., март, стр. 402—403.
3. Петерсону, Н. П.—1878 г., марта 24.

1905 г.

„Петербургский Дневник Театрала". 1905 г., № 15 — 16, стр. 2.
4. Плещееву, А. Н.—1879 г., декабря 21 [2]).
5. „ „ 1880 г., декабря 24 [2]).

1906 г.

„Нева". 1906. № 7 (10 декабря), стр. 721—722.
6. Уманец, А. П.—1878 г., марта 24.
„Новое Время". 1906. № 10866 (15 июня).
7. Юл. Ф—вной (писательнице)—1880 г., июня 15.
„Слово". 1906. № 367 (28 января).
* 8. Краевскому, А. А.—s. a., марта 31.
* 9. „ „ „ февраля 1.
* 10. „ „ „ s. d.
* 11. „ „ 1865 г., июня 8.

---

[1]) Подробная библиография писем Достоевского помещена в сборнике под редакцией Л. П. Гроссмана: „Творчество Достоевского" (Одесса, 1921 г., стр. 129—138) и в его „Семинарии по Достоевскому" (Петроград, 1922 г., стр. 93—103).—Звездочкой отмечены письма, о которых нет сведений в указателях Л. П. Гроссмана.

[2]) У Л. П. Гроссмана не указаны даты этих двух писем.

1907 г.

„Былое“. 1907. I, стр. 243—246.
12. Тотлебену, Э. И.—1856 г., марта 24.
„Петрашевцы“, сборник, издание В. М. Саблина, М., 1907 г., стр. 157—160.
13. Тотлебену, Э. И.—1856 г., марта 24.
„Сочинения И. Ф. Горбунова“. Спб., 1907 г. Т. III, стр. 76.
14. Горбунову, И. Ф.—в. d. (пятница).
15. „ „ — „

1908 г.

„Вестник Европы“. 1908. № 1, стр. 215—218.
16. Толстой, гр. С. А. (вдове гр. А. К. Т-гой), 1880 г., июня 13.
„Минувшие Годы“. 1908. VIII, стр. 155—158.
17. Константиновой (Констант), В. Д. — 1863 г., августа 19 — сентября 1.

1909 г.

„Биржевые Ведомости“. 1909 г., № 11119.
* 18. Быкову, П. В.—1876 г., апреля 15.
* 19. „ „ —1877 г., января 13.
„Исторический Вестник“. 1909. № 5, стр. 593.
20. Коломийцевой, А. К.—1861 г., августа 16.
„Новое Время“. 1909 г., №№ 12104, 12111 и 12118.
* 21. Аксакову, И. С.—1880 г., августа 28.
* 22. „ „ — „ „ ноября 4.
* 23. „ „ — „ „ декабря 3.
* 24. „ „ — „ „ „ 18.

1911 г.

„Русское Слово“. 1911 г., 28 января.
25. Штакеншнейдер, Е. А.—1879 г., июня 15.
26. „ „ —1880 г., июля 17.

1912 г.

„Алчевская, Х. Д.—Передуманное и пережитое“. Москва 1912 г., стр. 63, 64—67 и 82—83.
27. Алчевской, Х. Д.—1876 г., марта 3.
* 27-а. „ „ — „ „ апреля 9.
28. „ „ — „ „ мая 29.
„Ветринский, Ч. (Вас. Е. Чешихин).—Ф. М. Достоевский в воспоминаниях современников, письмах и заметках“. Москва, 1912 г., стр. 167—304. (Все письма в этом сборнике—перепечатки, причем некоторые—с сокращениями [1]).

---

[1]) В указателях Л. П. Гроссмана не зарегистрированы.

29. Аксакову, И. С.—1880 г., августа 28.
30. Алчевской, Х. Д.—1876 г., апреля 9.
31. Анненковой, П. Е.—1855 г., октября 18.
32. Благонравову, А. Ф.—1880 г., декабря 19.
33. Врангелю, бар., А. Е.—1856 г., апреля 13.
34. Герасимовой.—1877 г., марта 7.
35. Достоевскому, М. А.—1838 г., мая 10.
36. Достоевскому, М. М.— „ „ августа 9.
37. „ „ — „ „ октября 31.
38. „ „ —1840 „ января 1.
39. „ „ —1844 „ сентября 30.
40. „ „ —1845 „ марта 24.
41. „ „ — „ „ мая 4.
42. „ „ — „ „ октября 8.
43. „ „ — „ „ ноября 16.
44. „ „ —1846 „ февраля 1.
45. „ „ — „ „ апреля 1.
46. „ „ — „ „ сентября 17
47. „ „ — „ „ —
48. „ „ — „ „ ноября 26.
49. „ „ —1847 „ —
50. „ „ — „ „ весною.
51. „ „ —1849 „ июля 18.
52. „ „ — „ „ августа 27.
53. „ „ — „ „ сентября 14.
54. „ „ — „ „ декабря 22.
55. „ „ —1854 „ февраля 22.
56. „ „ —1858 „ мая 31.
57. „ „ —1859 „ „ 9.
58. Ивановой-Хмыровой, С. А.—1867 г., сентября 29 октября 11.
59. „ „ —1868 „ января 1—13.
60. „ „ —1869 „ января 25—февраля 6.
61. „ „ — „ „ марта 8—20.
62. „ „ —1870 „ августа 17—29.
63. Исаеву, П. А.—1867 г., октября 10—22.
64. „ „ —1868 „ февраля 19 марта 3.
65. Исаевой, М. Д.—1855 г., июня 4.
66. Константиновой, В. Д. 1863 г., сентября 1, н. ст.
67. Майкову, А. Н.—1856 г., января 18.
68. „ „ —1867 „ августа 16—28.
69. „ „ — „ „ октября 9—21.
70. „ „ —1868 „ мая 18—30.
71. „ „ — „ „ июня 4—22.
72. „ „ — „ „ октября 7—ноября 26 (?).
73. „ „ — „ „ декабря 11—23.
74. „ „ —1869 „ октября 16—28.
75. „ „ —1870 „ февраля 12—24.
76. „ „ — „ „ марта 25—апреля 6.
77. „ „ — „ „ декабря 15—27.
78. „ „ — „ „ декабря 30.
79. „ „ —1871 „ марта 2—14.
80. Милюкову, А. П.—1866 г., июль.
81. Московским студентам—1878 г., апреля 18.
82. Г-же N. N.—1880 г., апреля 11.
83. Н—у, Александру Павловичу—1877 г., мая 19.
84. Неизвестной матери—1878 г., марта 27.
85. Озмидову, Н. Л.—1878 г., февраль.
86. „ „ —1880 „ августа 18.
87. Соловьеву, Всеволоду—1876 г., июль.
88. Страхову, Н. Н.—1863 г., сентября 18—30.

89. Страхову, Н. Н.—1869 г. февраля 26—марта 10.
90. " " — " " марта 18—30.
91. " " —1870 " февраля 26—марта 10.
92. " " — " " марта 24—апреля 5.
93. " " — " " июня 11—23.
94. " " — " " октября 9—21.
95. " " —1871 " апреля 23—мая 5
96. " " — " " мая 18—30.
97. Фон-Визиной, Н. Д.—1854 г., начало марта.
98. Г-же Ш.—1860 г., мая 3.
99. Штакеншнейдер, Е. А.—1880 г., июля 17.
100. Тотлебену, Э. И.—1856 г., марта 24.

1913 г.

„Бурцев, А. Е. Смесь из моего архива".—„Мой Журнал" (изд. А. Е. Бурцева), 1913 г., вып. VII: Автограф Ф. М. Достоевского.

101. Александрову, М. А.—1876 г., июня 26.

„Бурцев, А. Е. Редкие автографы и письма".—„Мой Журнал" (изд. А. Е. Бурцева), 1913 г., вып. XIV.

* 102. Александрову, М. А.—1876 г., июня 26.

„Бюллетени Литературы и Жизни", 1913 г., № 3, стр. 171—172.

* 103. Константиновой, В. Д.—1863 г., сентября 1 н. ст.

„Руль". 1913 г., № 423.

* 104. Константиновой, В. Д.—1863 г., сентября 1 н. ст.

„Русская Старина". 1913 г. III, стр. 477—487.
105. Краевскому, А. А.—1848 г., марта 31.
106. " " —1848—1849 г. —
107. " " —1849 г., февраля 1.
108. " " — " " марта.
109. " " —1865 " июня 8.

1914 г.

„Речь", 1914 г., № 94.
110. Некрасову, Н. А.—1847 г., август—сентябрь.
„Утро Юга" (Ростов-на-Дону), 1914 г., № 112 (15 мая).
* 111. ? („Милому Васе") — ? (автограф письма, помещенного на обороте найденного в Ростовском сиротском суде портрета).

1915 г.

„Журнал Журналов". 1915 г., № 2, стр. 3—4.
* 112. Редакции „Русского Вестника". 1867—8 г., декабря 24 — января 5.
* 113. Миллеру, О. Ф.—1880 г., августа 26.
„Русская Мысль". 1915 г., № XI, стр. 127—128.
114. Ламанскому, В. И.—1877 г., апреля 20.
„Русский Архив". 1915 г., № 1, стр. 23.
115. Толстой, гр. С. П.—1876 г., августа 29.

„Сборник памяти А. П. Философовой". Т. II. Петроград. 1915 г., стр. 176—179.

116. Философовой, А. П. — 1877 г., марта 12.
117. „ „ — „ „ ноября 28.
118. „ „ — 1878 „ апреля 24.
119. „ „ — „ „ мая 8.
120. „ „ — 1879 „ июля 11.

1916 г.

„Вестник Европы". 1916 г. X. стр. 55.

121. Островскому, А. Н. — 1861 г., августа 24.

„День". 1916 г., № 99.

122. Ковалевскому, Е. П. (Лит. фонд) — 1863 г. июля 10.
123. „ „ — 1863 г., июля 23.
124. „ „ — 1865 „ весна.
125. „ „ — „ „ мая 9.

1918 г.

„Некрасовский Сборник"—под ред. В. В. Евгеньева-Максимова и Н. К. Пиксанова. Петроград, 1918 г., стр. 96—98.

126. Некрасову, Н. А. — 1874 г., октября 20.
127. „ „ — 1875 „ марта 26.
128. Плещееву, А. Н. — 1875 „ августа.

1919 г.

„Былое". 1919 г., XIV, стр. 39—51.

129. Каткову, М. Н. — 1870 г., сентября 19 — октября 1.
130. „ „ — „ „ октября 8 — 20.
131. Любимову, Н. А. — 1866 г., июня 8.
132. „ „ — „ „ ноября 8.
133. „ „ — „ „ (8 — 15 ноября) декабря 9.
134. „ „ — „ „ декабря 9.
135. „ „ — „ „ „ 13.
136. „ „ — 1872 „ июля 19.
137. „ „ — 1873 „ декабря 13.
138. Редакции „Русского Вестника" — 1870 г., октября 7 — 19.

1920 г.

„Былое". 1920 г., XV, стр. 99—134.

139. Любимову, Н. А. — 1879 г., января 30.
140. „ „ — „ „ мая 10.
141. „ „ — „ „ мая 17.
142. „ „ — „ „ июня 11.
143. „ „ — „ „ июля 8.
144. „ „ — „ „ июля 25 — августа 6.
145. „ „ — „ „ августа 7 — 19.
146. „ „ — „ „ сентября 8.
147. „ „ — „ „ „ 16.
148. „ „ — „ „ октября 8.
149. „ „ — „ „ ноября 16.

* 150. Любимову, Н. А. — 1879 г. декабря 2.
151. „ „ — „ „ „ 8.
152. „ „ — „ „ „ 12.
153. „ „ — 1880 „ января 8.
154. „ „ — „ „ апреля 9.
155. „ „ — „ „ „ 13.
156. „ „ — „ „ „ 29.
157. „ „ (или М. Н. Каткову) 1880 г., весна.
158. „ „ — 1880 г., июля 6.
* 159. „ „ — „ „ августа 10.
160. „ „ — „ „ сентября 8.
161. „ „ — „ „ ноября 8.
162. „ „ — „ „ „ 29.
163. „ „ — 1881 „ января 26.

1921 г.

„Голос Минувшего". 1920 — 1921 г.г., стр. 123 — 127.
* 164. Гусевой, П. Е. — 1880 г, октября 15.
* 165. „ „ — 1880 г., ноября 3.
„Вестник Литературы". 1921 г., № 2 (26), стр. 4, 5, 7.
166. Быкову, П. В. — 1876 г., апрель.
167. „ „ — „ „ весна.
168. Кони, А. Ф. — 1873 г. —
„Достоевский".— Однодневная газета Русского Библиологического Общества. Петроград. 1921 г., стр. 18, 21 — 22.
169. Веселаго, Ф. Ф. — ? г., августа 23.
170. Веселовскому. К. С. — 1878 г., февраля 8.
171. Майковой, К. П. — 1848 г., мая 14.
172. Милюкову, А. П. — 1863 „ января 2.
173. Страхову, Н. Н. — 1872 „ мая 3.
„Творчество Достоевского". Сборник статей под ред. Л. П. Гроссмана. Одесса. 1921 г., стр. 75.
174. Лонгинову, М. Н. — 1873 г., ноября 11.
„Коммунист" (газета — Харьков) — 1921 г., № 255 (550).
* 175. Майкову, А. Н. — 1867 — 8 г., декабря 31 — января 12.

1922 г.

„Достоевский". Статьи и материалы, под ред. А. С. Долинина. Петербург. 1922 г., стр. 379 — 474.
176. Валиханову, Ч. Ч. — 1856 г., декабря 14.
177. Гончарову, И. А. — 1874 „ марта 7.
178. „ „ „ „ ?
179. Гусевой, П. Е. — 1880 г., октября 15.
180. „ „ „ „ ноября 5.
181. Давыдову, П. А. — 1859 г., октября 14.
182. Исаеву. П. А. — 1871 г., августа 18.
183. „ „ — „ „ ноября 5.
184. „ „ — 1873 „ мая 17.
185. Каченовскому, В. М. — 1880 г., октября 16.
186. Майкову, А. Н. — 1867 — 8 г., декабря 31 — января 12.
187. „ „ — 1868 г., февраля 18—марта 1.
188. Майкову, А. Н. — 1868 г., февраля 20 — марта 3.
189. „ „ — „ „ марта 2 — 14.
190. „ „ — „ „ марта 20 — апреля 2.

191. Майкову А. Н. — 1869 „ мая 15 — 27.
192. „ „ — „ „ августа 14 — 26.
193. „ „ — 1870 „ октября 9 — 21.
194. „ „ — 1871 „ января 7 — 19.
195. „ „ — „ „ конец июля.
196. „ „ — 1877 „ января 17.
197. Медему, барону — 1860 „ сентября 20.
198. Милюкову, А. П.— „ „ „ 10.
199. Милюковым, Л. А. и О. А.—1867 г., первая половина февр.
200. Неизвестному — 1862 г., октября 8.
201. „ — 1866 „ ноября 16.
202. Полонскому, Я. П. — 1861 г., июля 31.
203. „ „ — 1876 „ февраля 4.
204. „ „ — 1880 „ декабря 27.
205. „ „ — ? „ апреля 8.
206. Редакции „Русского Вестника".—1867—8 г., декабря 24—января 5.
207. Старчевскому, А. В. — 1846 — 1847 г.
208. „ „ — „ „ „

„Красный Архив" (Москва). 1922 г., т. I, стр. 374 — 400.

209. Достоевской, А. Г. — 1880 г., мая 23 — 24.
210. „ „ — „ „ „ 25.
211. „ „ — „ „ „ 25 — 26.
212. „ „ — „ „ „ 27.
213. „ „ — „ „ „ 27 — 28.
214. „ „ — „ „ „ 28 — 29.
215. „ „ — „ „ „ 30.
216. „ „ — „ „ „ 31.
217. „ „ — „ „ июня 2 - 3.
218. „ „ — „ „ „ 3 — 4.
219. „ „ — „ „ „ 5.
220. „ „ — „ „ „ 7.
221. „ „ — „ „ „ 8.
222. Победоносцеву, К. П. — 1880 г., мая 19.

„Красный Архив" (Москва). 1922 г., т. II, стр. 235 — 252.

* 223. Достоевскому, М. М. — 1849 г., декабря 22.
* 224. Победоносцеву, К. П. — 1872 „ мая 19.
* 225. „ „ — „ „ августа 9 — 21.
* 226. „ „ — „ „ „ 24 — сентября 13.
* 227. „ „ — 1880 „ мая 19.
* 228. „ „ — „ „ июля 25.
* 229. „ „ — „ „ августа 16.

„Свиток". Сборник № 1. Москва. 1922 г., стр. 149 — 152.

230. Лоренц. В. В. — 1879 г., декабря 27.
231. Новиковой, О. А. — 1879 г., марта 11.
232. „ „ — „ „ „ 28.

2. Указатель писем Ф. М. Достоевского по времени их написания.

Год.	Месяц и число.	№ списка.	Год.	Месяц и число.	№ списка.
1838	мая 10	35	1849	июля 18	51
„	августа 9	36	„	августа 27	52
„	октября 31	37	„	сентября 14	53
1840	января 1	38	„	декабря 22	54, 223
1844	августа 30	39	1854	февраля 22	55
1845	марта 24	40	„	нач. марта	97
„	мая 4	41	1855	июня 4	65
„	октября 8	42	„	октября 18	31
„	ноября 16	43	1856	января 18	67
1846	февраля 1	44	„	марта 24	12, 13, 100
„	апреля 1	45	„	апреля 13	33
„	сентября 17	46	„	декабря 14	176
„	„	47	1858	мая 31	56
„	ноября 26	48	1859	„ 9.	57
1846—47	?	207	„	октября 14	181
„	?	208	1860	мая 3	98
1847	? *	49	„	сентября 10	196
„	весна	50	„	„ 20	197
„	авг.-сент.	110	1861	июля 31	202
(1848)	марта 31	8, 105	„	августа 16	20
1848	мая 14	171	„	„ 24	121
1848—49	—	10, 106	1862	октября 8	200
(1849)	февраля 1	9, 107	1863	января 2	172
1849	марта	108	„	июля 10	122

Год.	Месяц и число.	№ списка
1863	июля 23	123
"	августа 19 сентября 1	17, 66, 103, 104
"	сент. 18-30	88
1865	весна	124
"	мая 9	125
"	июня 8	11,109
1866	" 8	131
"	июля	80
"	ноября 8	132
"	(ноября 8-15) декабря 9	133
"	ноября 16	201
"	декабря 9	134
"	" 13	135
1867	февраля 1-я пол.	199
"	авг. 16-28	68
"	сентября 29 октября 11	58
"	октября 9-21	69
"	" 10-22	63
1867—8	декабря 24 января 5	112, 206
"	декабря 31 января 12	175, 186
1868	января 1-13	59
"	февраля 18 марта 1	187
"	февраля 19 марта 3	64

Год.	Месяц и число.	№ списка.
1868	февраля 20 марта 3	188
"	марта 2—14	189
"	марта 20 апреля 2	190
"	мая 18—30	70
"	июня 4—22	71
"	октября 7 ноября 26	72
"	дек. 11—23	78
1869	января 25 февраля 6	60
"	февраля 16 марта 10	89
"	марта 8—20	61
"	" 18—30	90
"	мая 15—27	191
"	авг. 14—26	192
"	окт. 16—28	74
1870	февр. 12-24	75
"	февраля 26 марта 10	91
"	марта 24 апреля 5	92
"	марта 25 апреля 6	76
"	июня 11-23	93
"	август. 17-29	62
"	сентября 19 октября 1	129
"	окт. 7—19	138

Год.	Месяц и число.	№ списка.
1870	окт. 8 — 20	130
"	" 9 — 21	94
"	"	193
"	дек. 15 — 27	77
"	декабря 30	78
1871	января 7--19	194
"	марта 2—14	79
"	апреля 23 / мая 5	95
"	мая 18 — 30	96
"	конец июля	195
"	августа 18	182
"	ноября 5	183
1872	мая 3	173
"	июля 19	136
1873	мая 17	184
"	ноября 11	174
"	декабря 13	137
(1873)	?	168
1874	марта 7	177
"	?	178
"	октября 20	126
1875	марта 26	127
"	августа	128
1876	февраля 4	203
"	марта 3	27
"	апреля 9	27 а, 30
1876	апреля 15	18
"	"	166
"	весна	167
"	мая 29	28
"	июня 24	101. 102
"	июля	87
"	августа 29	115
1877	января 13	19
"	" 17	196
"	марта 7	34
"	" 12	116
"	апреля 20	114
"	мая 19	83
"	ноября 28	117
1878	февраля 8	170
"	"	85
"	марта 24	3
"	" "	6
"	" 27	84
"	апреля 18	81
"	" 24	118
"	мая 8	119
1879	января 30	139
"	марта 11	231
"	" 28	232
"	мая 10	140
"	" 17	141
"	" 19	224
"	июля 11	142

Год.	Месяц и число	№ списка.	Год.	Месяц и число	№ списка.
1879	июля 15	25	1880	мая 27	212
„	июля 8	143	„	„ 27—28	213
„	„ 11	120	„	„ 28—29	214
„	июля 25 — августа 6	144	„	„ 30	215
„	августа 7-19	145	„	„ 31	216
„	„ 9-21	225	„	июня 2—3	217
„	августа 24 — сентября 13	226	„	„ 3—4	218
„	сентября 8	146	„	„ 5	219
„	„ 16	147	„	„ 7	220
„	октября 8	148	„	„ 8	221
„	ноября 16	149	„	„ 13	16
„	декабря 2	150	„	„ 15	7
„	„ 8	151	„	июля 6	158
„	„ 12	152	„	„ 17	26, 99
„	„ 21	4	„	„ 25	228
„	„ 27	230	„	августа 10	159
1880	января 8	153	„	„ 16	229
„	апреля 9	154	„	„ 18	83
„	„ 11	82	„	„ 26	113
„	„ 13	155	„	„ 28	21, 29
„	„ 29	156	„	сентября 8	160
„	весна	157	„	октября 15	164, 179
„	мая 11	222; 227	„	„ 16	185
„	„ 23—24	209	„	ноября 3	165, 180
„	„ 25	210	„	„ 4	22
„	„ 25—26	211	„	„ 8	161
			„	„ 29	162

Год.	Месяц и число.	№ списка.	Год.	Месяц и число.	№ списка.
1880	декабря 3	23	s. d.	—	1 (В. Ф. Пуцыковичу)
„	„ 18	24			
„	„ 19	32	„	—	2 (ему же)
„	„ 24	5			
„	„ 27	204	„	—	10 (А. А. Краевскому)
1881	января 26	163			
s. a.	апреля 8	205 (Полонскому, Я. П.)	„	—	14 (И. Ф. Горбунову)
„	марта 31	8 (А. А. Краевскому)	„	—	15 (ему же)
„	февр. 1	9	„	—	111 (найденное в Ростовском сир. суде).
„	августа 23	169 (Ф. Ф. Веселаго)			

3. Алфавитный указатель адресатов.

III.

Переделка произведений Ф. М. Достоевского для сцены [1]).

1. *Святополк-Мирская, А. Н.* «Вечный муж». Сцены в 5 д. и 6 к. — Варшава. Тип. Рубешевского и Врошповского. 1904.
2. *Черкасов, П. А.* «Униженные и оскорбленные». Пьеса в 5 д., 7 к. — СПБ. Типо-лит. Егорова (лит.). S. a. (дозв. ц. 1908 г.).
3. *Дельер (Плющевский-Плющик), Я. А.* «Преступление и наказание» Драм. сц. в 10 карт. с эпил. — СПБ. Изд. ж. «Театр и Иск.» S. a., дозв. ц. 1909.
4. *Сутугин, С.* «Братья Карамазовы». Драма в 5 д. — СПБ. Изд. ж. «Театр и Иск.» (лит.). 1910.
5. *Антимонов, С.* «Чужая жена и муж под кроватью». Необыкн. происш. в 1 д. — Репертуар театра «Кривое Зеркало» (лит. изд.). S. a. (дозв. ц. 1912 г.).
6. *Ольдан.* «Вечный муж». Пьеса в 4 д. Изд. «Театр. Новинки» (лит.). СПБ. 1912 г.
7. *Евдокимов, В.* «Родион Раскольников и Сонечка Мармеладова» Сц. в 5 д. и 8 карт. — Изд. Я. Кровицкого (лит.). СПБ. S. a. (дозв. ц. 1912 г.).
8. *Желябужский, А. Л.* «Униженные и оскорбленные». Инсц. в 4 д., 9 к. — 2-а изд. театр. библ. Вейхель (лит.). Москва. S. a. (дозв. ц. 1914 г.).
9. *«Скверный анекдот».* Инсц. расск. в 6 карт. — Литогр. изд. S. d. (дозв. ц. 1914 г.).
10. *Зацкой, Мих.* «Фома Фомич Опискин» («Село Степанчиково и его обитатели»). Ком. в 4 д. — Изд. ж. «Театр и Иск.» (лит.). S. a. (дозв. ц. 1915 г.).
11. *Ивановский, А. В.* «Дядюшкин сон». Ком. в 3 д. и 4 карт. Москва. Тип. т-ва Печ. и Изд. дела 1916 г.
12. *В — ский, А., и Карошин, А.* «Вечный муж». Пьеса в 7 карт. с эпил. — Изд. ж. «Театр и Иск.» S. a.
13. «Село Степанчиково». В семи картинах. — Москва. Изд. «Театрал». Тип. «Мысль». 1918 г.

---

[1]) Подробная библиография печатных и рукописных переделок произведений Ф. М. Достоевского, находящихся в Центральной Библиотеке Петроградских Академических театров, помещена в однодневной газете Русского Библиологического Общества — «Достоевский» (Петроград. 1921 г., стр. 28 — 29).

IV.

Литература о Достоевском.

А. Книги и брошюры.

1903 г.

1. *Баженов, Н. Н., д-р медиц.* Психиатрические беседы на литературные и общественные темы. Москва. 1903 г., стр. 10 — 40: Больные писатели и паталогическое творчество.
2. *Булгаков, Сергей.* От марксизма к идеализму. Сборник статей (1896 — 1903). СПБ. 1903 г., стр. 83 — 112: «И. Карамазов, как философский тип».
3. *Введенский, Арс. И.* Литературные характеристики. СПБ. 1903 г. (см. 2-е изд. 1910 г.).
4. *Волынский, А. Л.* «Книга великого гнева». Критические статьи. Заметки. Полемика. СПБ. 1904 г. (1903) (стр. 167, 172 — 175, 199, 201 — 202).
5. *Кирпичников, А. И.* Очерки по истории новой русской литературы. Том I. Изд. «Книжн. Дела». Москва. 1903 г., стр. 315 — 397: «Достоевский и Писемский». (Опыт сравнительной характеристики).
6. *Коробка, Н.* Очерки литературных настроений. Изд. А. Э. Винеке. СПБ. 1903 г., стр. 120 — 146: Г. Мережковский о Достоевском и Толстом.
7. *Лемке, Мих.* Очерки по истории русской цензуры и журналистики XIX столетия. Изд. М. В. Пирожкова. СПБ. 1904 г. (1903) (стр. 2, 7).
8. *Мережковский, Д.* Толстой и Достоевский. Том I, изд. 3-е М. В. Пирожкова. СПБ. 1903 г. Стр. 375.
9. *Мережковский, Д.* Толстой и Достоевский. Том II, изд. 2-е (М. В. Пирожкова). СПБ. 1903 г. Стр. 530 + 45.

   Отзывы: Коробка, Н. — Очерки литерат. настроений. СПБ. 1903 г., стр. 120 — 146.

   Шестов, Л. — Власть идеи: «Мир Искусства», 1903 г. № 1 — 2, (перепеч. — Апофеоз беспочвенности. СПБ. 1905 г. «Собрание сочинений», том IV. СПБ. 1911 г., стр. 253 — 297).

   Розанов, В. — Письмо в редакцию. «Нов. Время», 1903 г. № 9653.

   Студент-естественник. — Письмо по поводу книги Мережковского: «Л. Толстой и Достоевский». «Нов. Путь». 1903 г., кн. I, стр. 155.

Терещенков, С.—Проповедник конца. «Русск. Мысль». 1903 г. кн. III, стр. 55 — 71.
Чуносов, М.—Критич. статьи. СПБ. 1904 г., стр. 84—97: Кто заполнит бездну?
Адрианов, С. — Мережковский о Л. Толстом и Достоевском. «Вестн. и библиотека самообразования». 1904 г. № 11, стр. 440 — 446.
Михайловский, Н. К. — Последние сочинения. Том II. СПБ. 1905 г., стр. 252 — 253, 254 — 283, 284 — 308.
Ляцкий, Е. — Литерат. обозрение. «Вестн. Европы» 1906 г., кн. VII, стр. 388.
Мишеев, Н. П. — Русский Фауст. «Русск. Филологич. Вестн.», 1906 г., кн. I — II, стр. 293 — 294.
Герцык, Е. — Богоискательство в тихом омуте. «Золотое Руно», 1909 г. № 2 — 3.
Михайловский, Н. К. — Полное собрание сочинений. Том X. СПБ. 1913 г., стр. 1069 — 1071.

Отзывы о 1-м и 2-м издании 1-го тома (СПБ. 1901 г.) и 1-м издании 2-го тома (СПБ. 1902 г.) см. «Русская литература XX в.». Под ред. С. А. Венгерова. Изд-ва «Мир», том II, стр. 189: Библиография новейшей русск. литературы. Составил *А. Г. Фомин.*

10. ***Микулич, В.*** Встреча со знаменитостью. С портретом Ф. М. Достоевского. Изд. «Посредника» для интеллигентных читателей. Москва. 1903 г. Стр. 32.
11. ***Молоствов, Н. Г.*** Борец за идеализм. (А. Л. Волынский). Изд. 2-е. СПБ. 1903 г. (стр. 153 — 157).
12. ***М. С.*** (собрал). Афоризмы, парадоксы и избранные мысли писателей. Вып. IV. Ф. М. Достоевский. С портретом Ф. М. Достоевского. Москва. 1903 г. Стр. 47.
13. ***Скабичевский, А. М.*** История новейшей русской литературы 1848—1903 г.г. Изд. 5-е Ф. Павленкова. СПБ. 1903 г. (см. изд. 7-е 1909 г.).
14. ***Скабичевский, А.*** Сочинения. Критические этюды, публицистические очерки, литературные характеристики. Том 2-й. Изд. 3-е Ф. Павленкова. СПБ. 1903 г., стр. 685 — 746: «Каторга пятьдесят лет тому назад и ныне».
15. ***Смирнов, А. В.***, прот., проф. Казанского Университета. Достоевский и Ницше. Публичная лекция. Казань. 1903 г. Стр. 51.
16. ***Стечькин, С.*** Из воспоминаний об И. С. Тургеневе. СПБ. 1903 г. (стр. 22. 27 — 29).
17. ***Трубицын, Николай.*** Достоевский и дети. Кронштадт. 1903 г. Стр. 42.
18. ***Успенский, Гл. Ив.*** Полное собрание сочинений. Том IX. Изд. Б. К. Фукса. Киев. 1903 г., стр. 250 — 264: Праздник Пушкина. (Письма из Москвы — июнь 1880 г.); стр. 265 — 281: Секрет. (Продолжение предыдущего.).
19. ***Шестов, Л.*** Достоевский и Ницше. (Философия трагедии). СПБ. 1903 г. Стр. 245.
    Отзывы: «Вестник Европы». 1903 г., сентябрь.
    «Образование». 1903 г., июль. стр. 103.
    «Научное слово». 1904 г., кн. II, стр. 106 — 119.
    «Вопросы Жизни». 1905 г. №№ 3 и 7.
20. ***Энгельгардт, Николай.*** История русской литературы XIX столетия. Том 2-й. Изд. А. С. Суворина. СПБ. 1903 г. (стр. 191 — 197, 320—323, 348 — 351, 425 — 428).
21. ***Языков, Д. Д.*** Обзор жизни и трудов русских писателей и писательниц. Выпуск первый (писатели, умершие в 1881 г.). 2-е испр. изд. Москва. 1903 г. (стр. 23 — 26).

1904 г.

22. *Альфред, Ж. (П. К. Быковский).* Федор Михайлович Достоевский. Его сочинения, последние дни жизни, похороны и овации Русского Общества. Биографический очерк со стихотворениями и портретом. В память XXV-летия со дня кончины. Авторское издание. Москва. 1904 г. Стр. 127.
23. *Ахшарумов, Д. Д.* Из моих воспоминаний 1849 г. Вольск, Саратовск. губ. 1904 (1903) г. (на правах рукописи), стр. 107; (см. издание 1905 г.).
24. *Богучарский, В.* Из прошлого русского общества. СПБ., кн-во М. В. Пирожкова. 1904 г. (стр. 277, 349, 356 — 359).
25. *В. Л.* Светила русской мысли — Толстой, Достоевский, Влад. Соловьев (мысли, афоризмы и парадоксы). СПБ. 1904 г. Стр. XIV+165.
26. *Добронравов, Ф.* Достоевский, как выразитель народной психологии и этики. Изд. М. Залшупина. СПБ. 1904 г. Стр. 68.
27. *«К свету».* Сборник изд. общ. для доставл. средств В. Ж. Курсам. СПБ. 1904 г.
Стр. 462: *Леткова, Е. П.* Об И. С. Тургеневе. (Из воспоминаний курсистки).
28. *Лемке, Мих.* Эпоха цензурных реформ 1859 — 1865 годов. Кн-во М. В. Пирожкова. СПБ. 1904 г. (стр. 112, 197, 198, 281, 282, 283, 285, 489, 508).
28-а. *Михайловский, Н. К.* Отклики. Том II. СПБ. 1904 г. (стр. 221).
29. *Острогорский, Виктор.* Двадцать биографий образцовых русских писателей. — Для чтения юношества. Изд. 8-е. Москва, 1904 г., стр. 149 — 156: «Ф. М. Достоевский». (То же, изд. 18-е, Москва, 1916 г.).
30. *«Отчет* Московского Публичного и Румянцевского музеев за 1903 г.». Москва, 1904 г. (стр. 41).
31. *Писарев, Д. И.* Сочинения. Том V. Изд. 4-е Ф. Павленкова. СПБ. 1904 г., стр. 253 — 311: Погибшие и погибающие. («Записки из Мертвого Дома»).
32. *Розанов, В. В.* В мире неясного и нерешенного. Изд. 2-е. СПБ. 1904 г. (уп. о/Д.).
33. *Случевский, К. К.* «Новые повести». Сборник СПБ. 1904 г. (стр. 107).
33-а. *Соловьев, Вс.* Собрание сочинений. Изд. Н. Ф. Мертца. Кн. 31-я. СПБ. 1904 г. (стр. 45).
34. *Чуносов, М.* Критические статьи. («Новые сочинения», 1904 г. № 4). СПБ. 1904 г., стр. 84 — 97: «Кто заполнит бездну» (Л. Толстой и Достоевский — Д. С. Мережковского). Кроме того — стр. 7, 8, 9, 10.
35. *Энгельгардт, Николай.* Очерк истории русской цензуры в связи с развитием печати (1703 — 1903 г.). Изд. А. С. Суворина. СПБ. 1904 г. (стр. 353).

1905 г.

36. *Андреевич.* Опыт философии русской литературы. Изд. т-ва «Знание». СПБ. 1905 г. (стр. 230 — 244; см. изд. 2-е — 1909 г. и 3-е — 1922 г.).
37. *Ахшарумов, Д. Д.* Из моих воспоминаний (1849 — 1851 г.). Со вступительной статьей В. И. Семевского. Изд. «Обществ. Польза». СПБ. 1905 г. (стр. XVI. XXVII, 15, 106).
38. *Истомин, Д., и Говоров, К.* Тридцать две биографии образцовых русских писателей для чтения юношества. С портретами и автографами. Кн-во Н. С. Аскарханова. СПБ. 1905 г.
Стр. 186 — 191: *Говоров, К.* — Достоевский, Федор Михайлович.

39. *Лобов, Л.* Достоевский и его славянофильство. (Оттиск из «Славянских Известий»). СПБ. 1905 г. Стр. 15.
40. *Луначарский, А.* Этюды критические и полемические. Изд. журн. «Правда». Москва. 1905 г., стр. 179 — 190: «Русский Фауст».
41. *Михайловский, Н. К.* Последние сочинения. Том II. Изд. ред. журн. «Русское Богатство». СПБ. 1905 г., стр. 154 — 183, 284 — 308: о Достоевском и г. Мережковском.
42. *Мошин, Алексей.* О писателях. Собранные и записанные рассказы очевидцев. (Мелкие штрихи для больших портретов). Изд. кн. маг. «Помощь». СПБ. 1905 г. (Воспоминания *Н. Г. Бунина* о Достоевском. Стр. 17 — 20, 21 . . . .).
43. *Никитенко, А. В.* Моя повесть о самом себе и о том, «чему свидетель в жизни был». — Записки и дневник (1801 — 1877 гг.) Изд. 2-е. Том II. Кн-во М. В. Пирожкова. СПБ. 1905 г., (стр. 185).
44. *Писарев, Д. И.* Сочинения. Том VI. Изд. 4-е Ф. Павленкова. СПБ. 1905 г., стр. 343 — 404: Борьба за жизнь («Преступление и наказание» Ф. М. Достоевского).
45. *Пыпин, А. Н.* Н. А. Некрасов. СПБ. 1905 г. (стр. 79 — 81, 171, 244 — 245 (Чернышевский [1]) о Некрасове и Достоевском), 306).
46. *«Русский биографический словарь».* СПБ. 1905 г. Стр. 608 — 670: *Бороздин, А.* «Достоевский, Федор Михайлович».
47. *Светлов, П. Я., прот., проф.* Идея царства божия в его значении для христианского миросозерцания. (Богословско-апологетическое исследование). Св.-Троицкая Сергиева лавра. 1905 г., стр. 216 — 272: «V. Царство божие в воззрениях Гоголя, Достоевского и Толстого». Кроме того, о Д. — стр. 56, 136, 193, 366, 380.
48. *Тареев, Михаил, профессор.* История и символы в области духа. Св.-Троицкая Сергиева лавра. 1905 г. (стр. 22, 32, 41 — 42, 101 — 123, 131, 154, 162 — 163, 170, 173, 175 — 177, 202).
49. *Шестов, Л.* Апофеоз беспочвенности. (Опыт адогматического мышления). СПБ. 1905 г., стр. 186 — 190: Достоевский — advocatus diaboli; стр. 245 — 285: Власть идей. (Д. Мережковский. — Л. Толстой и Достоевский, том II). Кроме того, о Д. — стр. 65, 67, 70, 76, 80 — 81, 94, 105, 107 — 108, 112 — 113, 118.

1906 г.

50. *Александровский, Г. В.* Чтения по новейшей русской литературе. Вып. I. Изд. 3-е. Киев. 1906 г. (стр. 46 — 47).
51. *Анненский, И. Ф.* Ф. М. Достоевский. Казань. 1905 г. (опечатка: д. б. 1906 г.). Стр. 16 (Отд. отт. из газ. «Обновление» 1906 г., № 35).
52. *Анненский, И. Ф.* Книга отражений. Изд. бр. Башмаковых. СПБ 1906 г., стр. 29 — 57: Достоевский до катастрофы. («Двойник» (виньотка на серой бумаге). — «Господин Прохарчин»).
53. *Брюкнер,* проф. Русская литература в ее историческом развитии. В 2-х частях. Пер. с нем. А. Г. Саввинского, под ред. В. В. Битнера. Часть II. Изд. «Вестника Знания». СПБ. 1906 г. (стр. 88, 95 — 110).
54. *Волжский.* Из мира литературных исканий. Сборник статей. Изд. Д. Е. Жуковского. СПБ. 1906 г., стр. 299 — 402: «Мистический пантеизм В. В. Розанова». Кроме того, уп. о Д.: стр. 16, 17, 113, 128 — 129, 137, 143 — 147, 154, 158 — 159, 161, 183, 193 — 196, 199 — 200, 201, 203, 210, 211, 213, 216, 221, 225, 226, 256, 257, 262 — 263, 280 — 281, 297 — 298.

---

[1]) В книге не назван. См. по нашему указателю № 75-а.

55. *Волжский.* Федор Михайлович Достоевский. Жизнь и проповедь. (Религиозно-общественная библиотека, серия I-я). Москва. 1906 г. Стр. 79.

56. *Волынский, А. Л.* Достоевский («Преступление и наказание». Красота. Трагедия красоты («Идиот»). Настасья Филлиповна. Князь Мышкин и проч.). СПБ. 1906 г. Стр. II + 501. (2-е изд. 1909 г.). Отзывы см. при 2-м изд.

57. «*Вопросы религии*». Выпуск первый. Москва. 1906 г.
Стр. 221 — 297: *Волжский.* — Проблема зла у Вл. Соловьева (о Д. — стр. 224, 242 — 244, 250 — 251, 269 — 271, 279, 284 — 285, 287, 295).

58. *Достоевская, А. Г.* Библиографический указатель сочинений и произведений искусства, относящихся к жизни и деятельности Ф. М. Достоевского, собранных в «Музее памяти Ф. М. Достоевского» в Московском Историческ. Музее имени императора Александра III. 1846 — 1903 г. СПБ. 1906 г. Стр. 392.
Отзывы: «Историч. Вестник». 1907 г., март, стр. 1052 — 1054. *(А. Фомин).*
«Нива». Литер. прилож. 1907 г., май, стр. 143 — 144.
«Русь». 1907 г., № 94.

59. *Достоевская, А. Г.* Музей памяти Федора Михайловича Достоевского, в имп. Рос. Историч. музее имени императора Александра III в Москве. 1846 — 1903 г.г. С портретами и видами. СПБ. 1906 г. Стр. 392.

60. *Зелинский, В.* Критический комментарий к сочинениям Ф. М. Достоевского. Сборник критических статей. Часть 4-я. Братья Карамазовы». Изд. 3-е. Москва. 1906 г. (Изд. 4-е. Москва, 1914 г.).
Отзыв: «Историч. Вестник». 1906 г., июнь, стр. 992 — 993 *(И. Александров).*

61. *К.* Национализм и религия Достоевского. (Доклад, прочитанный в заседании «Союза возрождения России»). СПБ. 1906 г. Стр. 43.

62. *Кони, А. Ф.* Очерки и воспоминания. СПБ. 1906 г. стр. 73 — 90: «Федор Михайлович Достоевский. (Речь в годовом собрании юридического общества при С.-Петербургском Университете 2-го февраля 1881 г.)».

63. *Малинин, В.* Ф. М. Достоевский. Особенности и развитие его дарования и творчества. Киев. 1906 г., стр. 33. (110 экз.).

64. *Мережковский, Д.* Вечные спутники. Пушкин. Изд. 3-е М. В. Пирожкова. СПБ. 1906 г. (стр. 5, 25, 26, 82).

65. *Мережковский, Д. С.* I. Грядущий хам. II. Чехов и Горький. СПБ. Изд. В. М. Пирожкова. 1906 г. (стр. 3, 26, 29, 32, 43, 47, 58, 81, 83, 95).

66. *Мережковский, Д. С.* Пророк русской революции. К юбилею Достоевского. Изд. М. В. Пирожкова. СПБ. 1906 г. Стр. 152.
Отзывы: 1) *Евг. Л. (Ляцкий, Евг.).*—Литерат. обозрение.— «Вестн. Евр.», 1906 г., кн. VII.
2) *Ашевский.* — «Современ. Мир». 1917 г., кн. I, стр. 102.

67. *Миллер, Ор. Ф.* Русские писатели после Гоголя. Том I. — И. С. Тургенев. — Ф. М. Достоевский. Изд. 4-е т-ва М. О. Вольф. СПБ. 1906 г. Стр. XIV + 390. (Изд. 5-е 1909 г.).

68. *Мишеев, Н.* Русский Фауст. Опыт сравнительного выяснения основного художественного типа в произведениях Достоевского. (Отд. оттиск из журн. «Русский Филологический Вестник»). Варшава. 1906 г. Стр. 144.

69. *Нелидов, Ф. Ф.* Очерки по истории новейшей русской литературы. 1-я часть. Москва. 1905 г. (стр. 229, 231, 233).

70. *Онтлик, Н.* Достоевский и социальный вопрос. СПБ. 1906 г. Стр. 129.

Содержание: Социальное значение христианства по Ф. М. Достоевскому. — Волжский об ошибках Достоевского. — «Пророк русской революции» Мережковского.

71. ***Пыпин, А. Н.*** **Характеристика литературных мнений от двадцатых до пятидесятых годов.** Историч. очерки. Изд. 3-е. СПБ. 1906 г. (Изд. 4-е. СПБ. 1909 г.) (стр. 39, 49, 56, 140, 247, 514. — II, III, IV, VI, XIV.)
72. ***Розанов, В. В.*** Легенда о великом инквизиторе Ф. М. Достоевского. Опыт критического комментария. С приложением двух этюдов о Гоголе. Изд. 3-е М. В. Пирожкова. СПБ. 1906 г. Стр. 282.
73. ***Рубакин, Н. А.*** Среди книг. Изд. «Школьное и библиотечное Дело». СПБ. 1906 г. (№№ 248, 249, 2195, 6335).
74. ***Сементковский, Р. И.*** Сочинения. Том I. Русское общество и литература. От Кантемира до Чехова. Изд. А. Ф. Маркса. СПБ. 1906 г., (стр. 109, 111, 112, 114 — 116, 136, 137, 140, 159, 160, 196, 197, 209, 232, 233, 330, 331, 472).
75. ***Таубе, М., барон.*** Памятка о Ф. М. Достоевском. I. Достоевский, как славянофил. — II. Достоевский, как пророк русской революции. (Разбор статьи Д. Мережковского). Харьков. 1906 г. Стр. 32. (Отд. отт. из журн. «Мирный Труд» за 1906 г.).
75-а. ***Чернышевский, Н. Г.*** Полное собрание сочинений. Том X, часть 2-я. СПБ. 1906 г. («Заметки о Некрасове» — стр. 230).
76. ***Чулков, Георгий.*** О мистическом анархизме. Со вступительной статьей Вячеслава Иванова: О неприятии мира. Кн-во «Факелы». СПБ. 1906 г., стр. 32 — 44: «Достоевский и революция». Уп. о Д. есть и на др. стр.

1907 г.

77. ***Амфитеатров, А.*** Литературный альбом. Изд. 2-е. СПБ. 1907 г. (стр. 260 — 261).
78. ***Белинский, В. Г.*** Сочинения. В четырех томах. Третье изд. Ф. Павленкова. СПБ. 1907 г. Том IV, стр. 876 — 877: «Бедные люди» — Ф. Достоевского.
79. ***Бердяев, Н.*** Новое религиозное сознание и общественность. Изд. М. В. Пирожкова. СПБ. 1907 г. стр. 1 — 32: «Великий Инквизитор».
80. ***Бороздин, А. К.*** Литературные характеристики. Девятнадцатый век. Том II. Вып. II. Изд. М. В. Пирожкова. СПБ. 1907 г. (стр. 236 — 350).
81. ***Булгаков, С. Н.,*** проф. Венец терновый (памяти Ф. М. Достоевского). СПБ. 1907 г. Стр. 20.
82. ***Венгеров, С. А.*** Очерки по истории русской литературы. (С эпохи Белинского до наших дней). Изд. 2-е. СПБ. 1907 г. (стр. 82—83).
83. ***Ганжулевич, Т.*** Достоевский и Герцен в истории русского самосознания. СПБ. 1907 г. Стр. 32.
84. ***Горбунов, И. Ф.*** Сочинения. Том III, ч. 1 — 4. Изд. общ. любит. древн. письменности. СПБ. 1907 г. (письма Ф. М. Достоевского — стр. 76; упом. о Д. — стр. 83, 87, 89, 261, 360, 430, 433, 441, 538).
85. ***Гутьяр, Н. М.*** Иван Сергеевич Тургенев. — Юрьев. 1907 г., стр. 327 — 346: И. С. Тургенев и Ф. М. Достоевский.
86. ***Зелинский, В.*** Критический комментарий к сочинениям Ф. М. Достоевского. Сборник критических статей. Часть I-я. Биографические сведения о Ф. М. Достоевском. — Общая характеристика литературной деятельности Ф. М. Достоевского. — Критика «Бед-

ных людей». — Критические разборы повестей и рассказов Ф. М. Достоевского. Изд. 4-е. Москва. 1907 г. Стр. 583.

87. *Зелинский, В.* Критический комментарий к сочинениям Ф. М. Достоевского. Сборник критических статей. Часть 2-я. — «Униженные и оскорбленные» . — «Записки из Мертвого Дома». — «Преступление и Наказание». — «Идиот». Изд. 4-е. Москва. 1907 г. Стр. 527.

88. *Зелинский, В.* Критический комментарий к сочинениям Ф. М. Достоевского. Сборник критических статей. Часть 3-я. «Бесы». — «Подросток». — «Речь Ф. М. Достоевского о А. С. Пушкине». Изд. 4-е. Москва. 1907 г. Стр. 538.

Отзывы: «Биржевые Ведомости». 1907 г. № 10272.
«Истор. Вестник». 1907 г., декабрь, стр. 1079 — 1081 *(А. Я.)* (о 2-й и 3-й ч.).

89. *Зелинский, В.* Критические разборы «Записок из Мертвого Дома» — Достоевского. Москва. 1907 г.

90. *Зелинский, В.* Критические разборы романа Ф. М. Достоевского «Преступление и Наказание». Москва. 1907 г.

91. *Иванов-Разумник.* История русской общественной мысли. — Индивидуализм и мещанство в русской литературе и жизни. СПБ. 1907 г. (1-е изд.). Том I, стр. 132, 136. Том II, стр. 202 — 284: гл. IV — «Толстой и Достоевский. (Апогей этического индивидуализма). — Кромо того, уп. на стр. 200, 467, 468, 471, 474, 476.

92. *«Историко-революционный альманах».* Издательства «Шиповник», под общей ред. В. Л. Бурцева. СПБ. 1907 г. (стр. 140, 295).

93. *Коробка, Н. И.* Опыт обзора истории русской литературы для школ и самообразования. Часть III. Эпоха реалистического романа. СПБ. 1907 г. (стр. 201 — 225).

94. *Котляревский, Н. А.* Старинные портреты. СПБ. 1907 г. (стр. 238).

95. *Кропоткин, П.* Идеалы и действительность в русской литературе. С англ. пер. В. Батуринского под ред. автора. СПБ. Изд. тов. «Знание». 1907 г. (стр. 93, 95, 101, 178 — 187, 190, 203, 236, 241, 253, 271, 275, 276).

96. *Нелидов, Ф. Ф.* Очерки по истории новейшей русской литературы. 1-я часть. Изд. 2-е. Москва. 1907 г. (стр. V, VIII, 93, 156).

97. *«Несколько слов о Ф. М. Достоевском и Н. И. Костомарове».* Киев. Тип. Т. Мейнандера. 1907 г. Стр. 5. (30 экз.).

98. *Ницше, Фр.* Сумерки идолов или как философствуют молотом. Перевод с немецкого Н. Полилова. СПБ. 1907 г. (стр. 126).

99. *Овсянико-Куликовский, Д. Н.* История русской интеллигенции. Часть II (от 50-х до 80-х годов). Изд. В. М. Саблина. Москва. 1907 г. Стр. 270 — 288: гл. XI. — «Достоевский в 70-х годах». Стр. 289 — 316: гл. XII. — «Идейное наследие Достоевского».

100. *«Петрашевцы».* Изд. В. М. Саблина. Москва. 1907 г.
Стр. 83—95: Показание Ф. М. Достоевского.
» 157—160: Письмо Ф. М. Достоевского Э. И. Тотлебену от 24 марта 1856 г.

101. *Смирнов, А., пр.* Социализм в оценке Ф. М. Достоевского. Казань: 1907 г. Стр. 74.

102. *Соловьев, Евг. (Андреевич).* Очерки из истории русской литературы XIX века. Изд. 3-е Н. П. Карбасникова. СПБ. 1907 г. (стр. 477 — 497 и др.):

103. *Тареев, М. М., проф.* Христианская проблема и русская религиозная мысль.—Сергиев-Посад. 1907 г., стр. 69—138: Ф. М. Достоевский.

104. *Янтарева-Виленкина.* Детские типы в произведениях Достоевского. Психологические этюды. Изд. 2-е. СПБ. 1907 г. Стр. 82.

1908 г.

105. ***Айхенвальд Ю.*** Силуэты русских писателей. Выпуск II. Изд. «Научного Слова» (1-е). Москва. 1908 г., стр. 90—108: «Достоевский».
106. ***Александров, Ю.*** После Чехова. Очерк молодой литературы последнего десятилетия 1898—1908 г. Изд. «Основа». Москва. 1908 г. (стр. 3—6).
107. ***Аносов, И.*** Еврейский вопрос в освещении Ф. М. Достоевского. Изд. 2-е. Харьков. 1908 г. Стр. 16.
108. ***Б. Э. П.*** Федор Михайлович Достоевский (краткая биография). Изд-во В. О. Жеглинского. Вологда. 1908 г. Стр. 20.
108-а. ***Бирюков, П.*** — Лев Николаевич Толстой. Биография. Том II. Изд. «Посредника». М. 1908 г. (стр. 220, 223—227, 228, 231, 379, 380, 456—458).
109. ***Ветринский, Ч.*** Герцен. СПБ. 1908 г. (стр. 145, 203, 465).
110. ***«Вопросы обществоведения».*** Сборник под ред. М. И. Туган-Барановского и П. И. Люблинского. Изд. кн. скл. «Право». Вып. I.. СПБ. 1908 г.
Стр. 213—259: ***Туган-Барановский, М. М.*** Нравственное миросозерцание Достоевского.
Отзыв: «Русские Ведом.» 1909 г. № 50.
111. ***«Вопросы религии».*** Выпуск 2-й. Москва. 1908 г.
Стр. 123 — 192: ***Волжский.*** Жизнь Ф. М. Достоевского и ее религиозный смысл.
Отзыв: «Московск. Ведом.» 1908 г. № 172 ***(С. З.).***
112. ***Глинский, Б. Б.*** Борьба за конституцию (1612—1861 гг.). Исторические очерки. Изд. П. П. Карбасникова. СПБ. 1908 г., стр. 385—403: Показание Ф. М. Достоевского. Кроме того, о Д. стр. 412, 422.
113. ***Горнфельд, А. Г.*** Книги и люди. Литературные беседы. I. Изд. «Жизнь». СПБ. 1908 г., стр. 263—272: «Новое о Достоевском».
113-а. ***Добролюбов, Н. А.*** Сочинения. Том. III. Изд. 7-е Сойкина. СПБ. 1908 г. [«Забитые люди» (Сочинения Ф. М. Достоевского. Униженные и оскорбленные»)].
114. ***«Достоевский, Ф. М., как проповедник христианского возрождения и вселенского православия».*** Издание религиозно-философской библиотеки. Москва. 1908 г. Стр. 59. (Ст. проф. С. Булгакова, архиеп. Антония Храповицкого и Вл. С. Соловьева).
Отзыв: «Моск. Вед.» 1908 г. № 147.
115. ***Дюнькин, П. П. и Новиков, А. П.*** Ф. М. Достоевский. Биография и разбор его главных произведений. Под редакц. Владимира Рябова. СПБ. 1908 г. Стр. 85.
116. ***Заболотский, П. А.*** Очерки русского влияния в славянских литературах нового времени. I т. Русская струя в литературе сербского возрождения. Варшава. 1908 г. (стр. 1, 251, 401).
117. ***Иванов-Разумник.*** История русской общественной мысли. Индивидуализм и мещанство в русской литературе и жизни XIX в. 2 т.т. Изд. 2-е. СПБ. 1908 г., том I, стр. 166, 287; — том II, стр. 206—289: гл. IV: «Толстой и Достоевский». (Апогей этического индивидуализма). Есть упом. и на др. стр.
118. ***«История русской литературы XIX в.»***, под редакцией Д. Н. Овсянико-Куликовского, при ближайшем участии А. Е. Грузинского и П. Н. Сакулина. Пять томов. Изд. т-ва «Мир». Москва, 1908—1911 г.г.
Том I. 3, 61, 114, 134.
Том II. 1, 98, 125, 131, 150, 153, 165, 166, 178, 195, 301, 302, 343, 396.

Том III. 63—65, 79, 92, 93, 110, 115, 118, 121—123, 129, 130, 162, 209, 238, 245, 258, 323, 338, 341, 374, 387, 412, 415, 472, 476, 482, 490.

Том IV. 30, 46, 54, 55, 91—94, 101, 125, 128, 133, 208, 215, 219, 284—334 (ст. о Достоевском—*Ф. Д. Батюшкова*), 367, 368.

Том V. 183, 189, 222, 265, 175, 317, 319, 327, 333, 366, 368—371, 373, 374, 381, 393, 395, 400, 401, 406, 410, 417, 419, 422, 426, 455—457, 531—535.

119. *Козлов, К.* Русские писатели после Гоголя в отзывах критики. Опыт библиографического справочника. Тифлис. 1908 г.

120. *Кораблев, В. Н.* Литературные заметки. СПБ. 1908 г.
Стр. 128—141: Памяти Достоевского.
» 184—198: Немецкая книга о Достоевском.

121. *Крайний, Антон (З. Гиппиус).* Литературный дневник. (1899—1907 г.). Изд. М. В. Пирожкова. СПБ. 1908 г. (стр. 124, 215).

122-а. «*Литературный Ежегодник*» (Литературный Календарь-Альманах) на 1909 г., под редакцией Оскара Норвежского. СПБ. 1908 г. *Либрович, С. Ф.* — Материалы для истории русских писателей (стр. 189).

123. *Мендельсон, Н. М.* Очерки по истории русской литературы. Изд. «Польза» В. Антик и К°. Москва. 1908 г. (стр. 220—233).

124. *Мережковский, Д.* Вечные спутники. Достоевский, Гончаров, Майков. Изд. 3-е М. В. Пирожкова. СПБ. 1908 г., стр. 1—32: Достоевский.

125. *Мережковский, Д. С.* Не мир, но меч. К будущей критике христианства. Изд. М. В. Пирожкова. СПБ. 1908 г. (В ст. «Революция и религия» (стр. 41 — 117) — о Д-ском — стр. 70, 76, 78 — 87, 99—100).

126. *Модзалевский, Б. Л.* Список членов императорской Академии Наук. 1725—1907 г. СПБ. 1908 г. (стр. 250).

127. *Надсон, С. Я.* Стихотворения. Изд. 29-е. СПБ. 1908 г., стр. 43: «Памяти Ф. М. Достоевского».

128. *Покровский, В.* Достоевский, Федор Михайлович, его жизнь и сочинения. (Сборник историко-литературных статей). Ч. I. Москва. 1908 г. Стр. 195.
Отзыв: «Историч. Вестник». 1909 г., апрель, стр. 340 *(Я. Бирюков).*

129. *Португалов, Ю. В.* К психологии русских литературных течений эпохи 1860—1890 годов. Изд. А. О. Киселева. Оренбург. 1908 г., стр. 100—110: «Достоевский»

129-а. *Пушкин* Под ред. С. А. Венгерова. Том II. Изд. Брокгауз-Ефрон. СПБ. 1908 г.
Стр. 225 — 240: *Иванов, Вячеслав.* «Цыганы» (о Д. — стр. 236 — 239).

130. *Пыпин, А. Н.* Белинский, его жизнь и переписка. Изд. второе. Кн-во «Колос». СПБ. 1908 г. (стр. 491—492).

131. *Саводник, В.* Очерки по истории русской литературы XIX века. Часть вторая. Изд. 4-е. Москва. 1908 г. (стр. 234 — 259).

132. *Скабичевский, А. М.* Русские писатели со времен Петра Великого и до наших дней. Пособие для народной и средней школы. Изд. В. И. Яковенко. СПБ. 1908 г. (стр. 167, 275).

133. *Соловъев, Влад. Серг.* Письма. Том I, под ред. Э. Л. Радлова, СПБ. 1908 г. (стр. 15, 13, 18. 20—21, 22, 265, 277).

134. *Столица, З. К.* Очерки по философии идеализма. Изд. т-ва М. О. Вольф. СПБ. 1908 г., стр. 58—62: «гл. V.—Достоевский и Толстой, как пример идеализма в литературе».

135. *Тареев, М. М., проф.* Основы христианства. Система религиозной мысли. Второе изд. Сергиев Посад. 1908 г.
Стр. 24—34: Типы религиозной жизни (Алеша Карамазов).
» 245—314: Ф. М. Достоевский.

136. ***Успенский, Гл. Ив.*** Полное собрание сочинений. Изд. 6-е т-ва А. Ф. Маркс. СПБ. 1908 г. Том 6-й, стр. 579 — 600: «Праздник Пушкина. Письмо из Москвы — июнь 1880 г.»; стр. 600 — 613: «Секрет. Продолжение предыдущего».

137. ***Шестов, Лев.*** Начала и концы. Сборник статей. СПБ. 1908 г., стр. 69—91: Пророческий дар. (К 25-летию смерти Ф. М. Достоевского). Кроме того, о Д.—стр. 109—112, 116—117, 129, 136—138, 187.

1909 г.

138. ***Абрамович, Н. Я.*** Библиотека современных властителей дум. I. Религия красоты и страдания. О. Уайльд и Достоевский. Изд. «Посев». СПБ. 1909 г. Стр. 87.

139. ***Абрамович, Н. Я.*** Литературно-критические очерки. Книга I. Творчество и жизнь. Изд. кн. м. «Труд». СПБ. 1909 г., стр. 238—256: «Кошмар Раскольникова».

140. ***Айхенвальд, Ю.*** Силуэты русских писателей. Вып. II. Изд. 2-е. «Научное Слово». Москва. 1909 г., 98—116: «Достоевский, Ф. М.».

141. ***Алферов, А. и Грузинский, А.*** Сборник вопросов по истории русской литературы. (Курс средней шк.). Изд. 7-е—В. В. Думнова. Москва. 1909 г. (стр. 79).

142. ***Андреевич.*** Опыт философии русской литературы. Изд. 2-е, т-ва «Знание». СПБ. 1909 г. (в гл. IV и VII).

143. ***Анненков, П. В.*** Литературные воспоминания. СПБ. 1909 г. (стр. 290—292, 485, 564, 568, 569, 570, 577).

144. ***Анненский, И. Ф.*** Вторая книга отражений. СПБ. 1909 г., стр. 109—135: Достоевский в художественной идеологии.

145. ***Ардов, Т. (В. Тардов).*** Отражения личности. Критические опыты. Изд. «Сфинкс». Москва. 1909 г., (стр. 166).

146. ***Белявский, Е.*** Русские писатели по их происхождению и воспитанию. Изд. К. Б. СПБ. 1909 г. (стр. 6, 7, 17, 39, 40, 54, 91, 102, 103).

147. ***Веселовский, Алексей.*** Герцен—писатель. Очерк. Москва. 1909 г. (стр. 67).

148. ***Волынский, А. Л.*** Достоевский. Критические статьи. Изд. 2-е. «Общ. Польза». СПБ. 1909 г. Стр. 367.
Отзывы о 1-м и 2-м изд.:
«Золотое Руно». 1906 г. № 2, отд. кр. библ., стр. 127—130 ***(Андрея Белого).***
«Русское Государство». 1906 г. № 5 ***(М—ой).***
«Критическое обозрение». 1909 г., кн. V (сентябрь) ***(В. В. Розанова).***
«Современный Мир». 1909 г., сентябрь, стр. 105 — 107 ***(В. Львова).***
«Жизнь Искусства». 1922 г., № 7 (и отд. *«М. Шагинян. Литерат. дневник»*. Пгр. 1922 г.).

149. ***Иванов, Вячеслав.*** По звездам. Статьи и афоризмы. Изд. «Оры». СПБ. 1909 г., ст.: «О неприятии мира» стр. 103, 108—112; О «Цыганах»—Пушкина» стр. 176—184; кроме того, уп. о Д. на стр. 48, 55, 73, 75, 80, 333—334 и др.

150. ***Ктитарев, Я. Н.*** Вопросы религии и морали в русской художественной литературе Горки, Могилевской губ. 1909 г., стр. 22—92: «гл. I Ф. М. Достоевский». (По поводу этой книги—«Богословский Вестник» 1910 г. III, № 10, стр. 333 — 352: *Кузнецов, Н. Д.*—Русская художественная литература по отношению к вопросам религии).

151. *«Литературный распад».* Критический сборник. Книга 2-я. Кн-во «Eos». СПБ. 1909 г.
Стр. 5—38: *Базаров, В.*—Христиане третьего завета и строители Башни Вавилонской.

152. *Мережковский, Д. С.* Гоголь. Творчество, жизнь и религия. Изд. «Пантеон». СПБ. 1909 г. (стр. 102, 127, 134, 150).

153. *Мережковский, Д.* —Л. Толстой и Достоевский. Жизнь и творчество. Исследование. Том I. Изд. 4-е. Т-ва «Общественная Польза». СПБ. 1909 г. Стр. 315+13.

154. *Мережковский, Д.* Л. Толстой и Достоевский. Религия. Исследование. Том II. Изд. 3-е. т-ва «Общественная Польза». Ч. I. Стр. 196. Ч. II. Стр. 221. СПБ. 1909 г.

155. *Миллер, Ор. Ф.* Русские писатели после Гоголя. Том I-й. И. С. Тургенев. Ф. М. Достоевский. Изд. 5. Т-ва М. О. Вольфа. СПБ. 1909 г. Стр. XX+XIV+390.

156. *«На рубеже»* (К характеристике современных исканий). Критический сборник. СПБ. Кн-во «Наше Время». 1909 г. (Стр. 5, 295).

157. *Незеленов, А.* История русской словесности для средних учебных заведений. Под ред. В. В. Каллаша. Выпуск III (дополнительный). Москва. Изд. кн. м. В. В. Думнова. 1909 г., стр. 227—237: Ф. М. Достоевский.

158. *Овсянико-Куликовский, Д. Н.* Собрание сочинений. Том 5. Изд. тов. «Обществ. Польза» и «Прометей». СПБ. 1909 г. (стр. 219).

158-а. *Пушкин.* Под ред. С. А. Венгерова. Том III. Изд. Брокгауз-Ефрон. СПБ. 1909.
Стр. 166—168:
Арсеньев, К. — «Пир во время чумы» (о Д. —стр. 167).

159. *Пыпин, А. Н.* Характеристика литературных мнений от двадцатых до пятидесятых годов. Изд. 4-е. СПБ. 1909 г. (см. изд. 3-е 1906 г.).

160. *Реформатский, В.* Культ страдания, как один из мотивов творчества Достоевского. Казань. 1909 г.

160-а. *Синюхаев, Г.* После Гоголя. Пособие и хрестоматия для старших классов средней школы и для самообразования. Часть II. СПБ. 1909 г. (стр. 241—329: Достоевский. Биография, разбор произведений и истор.-лит. значение.—Бедные люди.—Записки из Мертвого дома.—Преступление и наказание.—Речь о Пушкине).

161. *Скабичевский, А. М.* История новейшей русской литературы (1848—1908 г.). Изд. 7-е Ф. Павленкова. СПБ. 1909 г. (стр. 173—192).

162. *Соловьев, Влад. Серг.* Письма. Том II, под ред. Э. Л. Радлова. СПБ. 1909 г., (стр. 13, 31, 315, 330).

163. *Философов, Д. В.* Слова и Жизнь. Литературные споры новейшего времени. (1901—1908 г.г.). СПБ. 1909 г. В ст. «Конец Горького»: стр. 55, 56, 58—64, 73.

164. *Фиников, Вл.* Справедливо ли говорят, будто ученые люди не веруют в бога. Новгород. 1909 г. (стр. 48—49).

165. *Шестов, Л.* Достоевский и Нитше. (Философия трагедии). Изд. 2-е. СПБ. 1909 г. Стр. 245.

1910 г.

166. *Балталон, Ц.* Пособие для литературных бесед и письменных работ. Изд. 8-е. М., 1910 г. (стр. 156—165).

167. *Барсуков, Н.* Жизнь и труды М. П. Погодина. Кн. 22-я. СПБ. 1910 г. (стр. 135—указатель).

168. *Булгаков, Автоном.* Гр. Л. Толстой и Ф. М. Достоевский. Разбор

их произведений с характеристикой особенностей творчества. СПБ. 1910. Стр. 110.

169. *Введенский, Арс. И.* Литературные характеристики. 2-е изд. М. И. Мельникова. СПБ. 1910 г.
Стр. 69—81: Роман-проповедь «Братья Карамазовы».
» 82—89: Ф. М. Достоевский (по поводу его смерти).
» 89—119: Критики Достоевского.

170. *Венгеров, С. А.* (собрал). Источники словаря русских писателей. Т. II. СПБ. 1910 г. (стр. 297—307, библиогр.).

171. *Головин, К. Ф.* Мои воспоминания, т. II. СПБ. 1910 г. (стр. 60).

172. *Голубков, В.* Новый путь изучения художественных произведений и составления письменных работ.—Пособие для самообразования, родителей и преподавателей. Изд. кн. м. «Труд». Москва. 1910 г. (стр. 102—104, 128—131).

173. *Измайлов, А. А.* Помрачение божков и новые кумиры. Книга о новых веяниях в литературе. М. 1910 г. (стр. 154).

174. *«История России в XIX в.».* Том. 7 (вып. 26). Изд. т-ва «Гранат». СПБ. 1910 г.
Овсянико-Куликовский Д. Н. Литература 70-х г.г. (о Д. — стр. 61—62).

175. *«История России в XIX в.»* Том 9 (вып. 35). Изд. т-ва «Гранат». СПБ. 1910 г.
Сакулин, П. Н. и Фомин, А. Г. Библиография истории русской литературы за вторую половину XIX в. (о Д.—стр. 246).

176. *«История русской литературы XIX в.»*, т. IV. Изд. т-ва «Мир». Москва. 1910 г. (см. выше № 118).
Стр. 284—334: *Батюшков, Ф. Д.* Федор Михайлович Достоевский. (1821—1881 г.г.).

177. *Корик, Г.* Энциклопедия сочинений для учащих и учащихся. Вып. 12-й. Одесса, 1910 г. (стр. 18, 85).

178. *Мережковский, Д.* Больная Россия. СПБ. Изд. «Общ. Польза». 1910 г. (стр. 11, 33 36, 42, 62—65, 83, 126, 146, 185, 186, 192, 193, 214, 256).

179. *«Отчет* Императорской Публичной Библиотеки за 1903 г.). СПБ. 1910 г. (стр. 10).

180. *Розанов, И. Н.* «Лучи». Новая духовно-нравственная хрестоматия. М. 1910 г. (стр. 75—78: Старец Зосима, как утешитель страдальцев.—Достоевского).

181. *Сиповский, В. В.* Очерки из истории русского романа. Том. I. Вып. 2-й (XVIII век). СПБ. 1910 г. (стр. 376, 695, 703, 704, 915).

182. *Толстой, Л. Н.* Письма 1848—1910 г.г., собранные и редактированные П. А. Сергеенко. Кн-во «Книга». Москва. 1910 г. (стр. 146).

183. *Шебуев, Н.* Братья Карамазовы на сцене Художественного театра. М. 1910 г. Стр. 35.

1911 г.

184. *Абрамович, Н. Я.* «Художники и мыслители». II-я книга литературно-критических очерков. Изд. «Заря». М. 1911 г. Стр. 157—190: «Уайльд и Достоевский».

185. *Алферов, А. Д.* Родной язык в средней школе. Москва. 1911 г. (стр. 411—416, 417).

186. *Антоний (Храповицкий), архиепископ.* — Полное собрание сочинений. Изд. 2-е. СПБ. 1911 г.
Том II, стр. 463—495: Пастырское изучение людей и жизни по сочинениям Ф. М. Достоевского.
Том III, стр. 369—377: В день памяти Достоевского.
Кроме того, о Д.—стр. 532, 555, 557, 558, 563.

187. *Ашевский, С.* Белинский в оценке его современников. СПБ. 1911 г. (стр. 143, 188—205, 297).

188. *Белинский, В. Г.* Сочинения, в четырех томах. Четвертое пересмотренное издание, Павленкова, с приложением указателя.
Том четвертый, 1844—1848. СПБ. 1911 г. Стр. 261, 268, 269, 270, 284, 285, 286, 477, 478, 479, 589, 623, 862, 863, 868—869 (отзыв о «Бедных людях»), 894; письма—стр. 213, 290, 300, 301, 322, 331, 332, 343, 397, 405.

189. *Белинский В. Г.* Собрание сочинений в трех томах. Юбилейное издание (1811—1911 г.г.). Под ред. Иванова-Разумника. Том 3-й, 1846—1848 г.г. СПБ. 1911 г., (стр. 533, 541—544, 558, 559, 560, 617, 778—780, 998).

190. *Белый, Андрей.* Арабески. Изд. «Мусагет». Москва. 1911 г. Стр. 91—100: «Ибсен и Достоевский».

191. *Белый, Андрей.* Трагедия творчества. Достоевский и Толстой. Изд. «Мусагет». Москва. 1911 г. Стр. 46.

192. *Бороздин, А. К., проф.* Русская литература в XIX в. (Сто лет литературного развития). Изд. «Прометей», Н. Н. Михайлова, 2-е доп. СПБ. 1911 г. (стр. 33, 101—102, 108).

193. *Булгаков, Сергей.* Два града. Исследования о природе общественных идеалов. Т. II. Москва. 1911 г. Стр. 223—243: Венец терновый.—Памяти Ф. М. Достоевского.

194. *Быстров, М.* Очерки русской литературы после Пушкинского периода. Сборник чтений для учеников старших классов гимназий и реальных училищ. Изд. 2-е А. К. Пурышева. СПБ. 1911 г. (стр. 205—232).

195. *Венгеров, С. А.* Собрание сочинений. Том I. Героический характер русской литературы. Кн-во «Прометей». СПБ. 1911 г. Стр. 173—178: § 48. «Достоевский не приемлет мира, основанного на несправедливости».

196. *Вересаев, В.* Живая жизнь. О Достоевском и Льве Толстом. Изд. О. Н. Поповой. Москва. 1911 г. Стр. 215.
Отзывы: «Бюллетени книжн. и литер. новостей», 1911 г., № 5, стр. 135—137.
«Вестник Европы», 1911 г., май, стр. 178 *(Ч. В-ский)*.
«Новая Жизнь», 1911 г., август *(Полонский)*.
«Русская Мысль», 1911 г., март, стр. 91 *(Б. Грифцов)*.
«Современник», 1911 г., март.
«Современный Мир», 1911 г., февраль, стр. 362 *(В. В-н)*.
«Вестник Европы», 1910 г., № 4.
«Новое Время», 1911 г., № 12530 *(Ю-в)*.

197. *Ветринский, Ч. (Вас. Е. Чешихин).* Н. А. Некрасов в воспоминаниях современников, письмах и несобранных произведениях. Москва. 1911 г. Стр. 181—193: Достоевский о Некрасове.

198. *Н. В. Гоголь, И. В. Киреевский, Ф. М. Достоевский и К. Леонтьев перед «старцами» Оптинской пустыни».* — С. Шамордино, Калужской губ. 1911 г. Стр. 8.

199. *Добролюбов Н. А.* Собрание сочинений. Под редакцией Вл. Н. Кранихфельда. Изд. т-ва «Просвещение». СПБ. 1911 г.
Т. VI, стр. 141—226: «Забитые люди (сочинения Ф. М. Достоевского, два тома. — Униженные и оскорбленные, роман Ф. М. Достоевского)».

199-а. *Добролюбов, Н. А.* Собрание сочинений. Бесплатн. прилож. к журн. Жизнь для всех». СПБ. 1911 г. Стр. 357—419: Забитые люди. (Соч. Ф. М. Достоевского. «Униженные и оскорбленные»).

199-б. *Добролюбов, Н. А.* Забитые люди. (1861 г.). — Изд. редакции журн. «Пробуждение». СПБ. 1911 г. Стр. 65.

199-в. *Добролюбов для школы.* 1861—1914 г. Изд. О. Н. Поповой. СПБ. 1911 г. Стр. 203—260: Забитые люди. (См. еще стр. 673—674).

200. *«Еврейская энциклопедия».* Том 7-й. Издание О-ва для научных еврейских изданий и Брокгауз-Ефрон. СПБ. 1911 г.
Стр. 310—313: *Горнфельд, А.* «Достоевский, Ф. М.».

201. *Зайдман, Моисей.* Ф. М. Достоевский в западной литературе. (Характеристика творчества и личности писателя в западной критической и научной литературе). Одесса. 1911 г. Стр. 127.

202. *Закржевский, А.* Подполье. Психологические параллели, книга 1-я: Достоевский, Л. Андреев, Ф. Сологуб, Л. Шестов, А. Ремизов, М. Пантюхов. Изд. «Искусство», Киев. 1911 г.
Отзывы: «Вестник Европы», 1911 г., ноябрь, стр. 334 *(Ч. В-ский).*
«Русская Мысль», 1911 г., январь, стр. 6 *(Садовский).*

203. *Иванов-Разумник.* История русской общественной мысли. Индивидуализм и мещанство в русской литературе и жизни XIX в. Том II. Изд. 3-е. СПБ. 1911 г. (стр. 243—286 и др.).

204. *Измайлов, А.* Литературный Олимп. Характеристики, встречи, портреты, автографы. Москва. 1911 г. (стр. 140, 166, 171, 174, 177, 184, 196, 202, 205, 261, 269, 270, 271, 272, 275, 278, 317, 361, 465, 470).

205. *Каллаш, В. В.* Очерки по истории новейшей русской литературы. Изд. В. В. Думнова. Москва. 1911 г. (стр. 227—237).

206. *Кривенко, С. Н.* Собрание сочинений. Внутренние обозрения, хроника и др. статьи из «Отечественных Записок» (1873—1884). Том II. СПБ. 1911 г. (стр. 196—198).

207. *Максимов, Н.* Систематическое чтение по словесности. (Опыт библиографического указателя для юношества). Тифлис. 1911 г. (стр. 373—381).

208. *Малинин, Д. И.* Что читать по русской литературе XIX века. Изд. 2-е. Москва. 1911 г. (стр. 8, 17, 22).

209. *Мережковский, Д. С.* Лермонтов. Поэт сверхчеловечества. — Гоголь. Творчество, жизнь и религия. Изд. «Просвещение». СПБ. 1911 г. (стр. 11, 13).

210. *Мережковский, Д. С.* Полное собрание сочинений. 17 т.т. Изд. т-ва М. Вольфа. СПБ., 1911—1913 г.
О Достоевском:
Т. VII—IX. Толстой и Достоевский.
Т. X. Лермонтов и Гоголь.
Т. XI. Грядущий хам. Пророк русской революции.
Т. XII. Больная Россия.
Т. XIII. Вечные спутники.

210-а. *Михайловский, Н. К.* Полное собрание сочинений. Том I. Изд. 5-е Н. Н. Михайловского. СПБ. 1911 г.
(Из литературных и журнальных заметок 1873 г.—II (февраль). стр. 840—871:
«Пурриры» «Гражданина».—Отчего г. Достоевский не пользуется темами, подходящими к его таланту, и берет неподходящие. — Комментарии к «Бесам». — Дневник писателя. — Власы и sitoyens du monde civilisé.—Тех ли и всех ли бесов нарисовал г. Достоевский).

211. *М., Н. Н.* Достоевский, Ф. М. Преступление и наказание и Братья Карамазовы. (Характеристика главных действ. лиц). СПБ. 1911 г. Стр. 85.

212. *«Народная энциклопедия* научных и прикладных знаний». Том VII. Изд. Харьковского Общества распространения в народе грамотности. Москва. 1911 г., стр. 479—482: Ф. М. Достоевский. Уп. о Д.: стр. 350, 368.

213. *Овсянико-Куликовский, Д. Н.* Собрание сочинений. Том 8. История русской интеллигенции. Часть 2-я, от 50 до 80 годов. Изд. тов. «Обществ. Польза» и «Прометей». СПБ. 1911 г. (стр. 204-239).

214. *Писарев, Д. И.* Полное собрание сочинений. Том V. Изд. 5-е. СПБ. 1911 г., стр. 247 — 305: Погибшие и погибающие. («Записки из Мертвого Дома»).

215. *Рубакин, Н. А.* Среди книг. Опыт обзора русских книжных богатств в связи с историей научно-философских и литературно-общественных идей. Изд. 2-е — кн-ва «Наука». Том I. Москва. 1911 г. (стр. 39 — библиография).

216. *Свенцицкий, В.* Жизнь Ф. М. Достоевского. Изд. «Нар. Книгоиздат.». Москва. 1911 г. Стр. 77.

217. *Сергеенко, П.* Толстой и его современники. Очерки. Герцен, Некрасов, Достоевский, Тургенев, Лесков, Чехов, Брайан, И. Кронштадтский, Толстой и дети. Изд. В. Саблина. Москва, 1911 г. Стр. 281.

217-а. *Синюхаев, Г.* После Гоголя. Пособие и хрестоматия для старш. кл. средн. шк. и для самообразования. Часть II, вып. 2. Изд. 2-е. СПБ. 1911 г. (стр. 241 — 329: Ф. М. Достоевский. Биография, разбор произведений и истор.-лит. значение. — Бедные люди. — Записки из Мертвого Дома. — Преступление и наказание. — Речь о Пушкине).

218. *Сиповский, В.* Историческая хрестоматия по ист. русск. словесности. Т. III. Вып. 2. Л. Толстой и Достоевский. Изд. 2-е — Я. Башмакова и К°. СПБ. 1911 г. Стр. 316.

219. «*Словарь* членов Общества Любителей Российской Словесности при Московском Университете, 1811 — 1911 г.г.». Москва. 1911 г. (стр. 105).

220. *Соловьев, Влад. Серг.* Письма. Том III. Под ред. Э. Л. Радлова. СПБ. 1911 г. (стр. 5).

221. *Толстовский Музей*». Том 1. Переписка Л. Н. Толстого с гр. А. А. Толстой (1857—1903 г.г.). Изд. Об-ва Толстовского Музея. СПБ. 1911 г. (стр. 25, 26, 35, 37, 56, 66, 316, 332, 349).

222. *Толстой, Л. Н.* Письма. Том второй. 1855—1910 г.г. Собранные и редактированные П. А. Сергеенко. Кн-во «Книга», Москва. 1911 г. (стр. 177).

223. *Чеботаревская, Ан.* О Федоре Сологубе. Критика, статьи и заметки. СПБ. 1911 г. (стр. 32, 69, 172, 256, 307, 309, 311).

224. *Шестов, Лев.* Собрание сочинений, т. III. — Достоевский и Нитше. (Философия трагедии). Изд. второе — «Шиповник». СПБ. 1911 г. Стр. 245.

225. *Шестов, Лев.* Собрание сочинений. Том IV. СПБ., 1911 г.
Стр. 193 — 197: Достоевский — advocatus diaboli.
» 253—294: Власть идей (Д. Мережковский.—Л. Толстой и Достоевский, т. II) и др. (см. изд. 1905 г.).

226. *Шестов, Лев.* Собрание сочинений. Том V. СПБ. 1911 г.
Стр. 69 — 91: Пророческий дар (к 25-летию смерти Ф. М. Достоевского).
Кроме того, о Д. — стр. 109 — 112, 116 — 117, 129, 136 — 138, 187.

227. *Янжул, И. И.* Воспоминания о пережитом и виденном в 1864 — 1909 г.г. Вып. второй. СПБ. 1911 г. (стр. 25 — 27).

1912 г.

228. *Алчевская, Х. Д.* «Передуманное и пережитое». Дневники, письма, воспоминания. Москва. 1912 г. (стр. 63 — 91).

229. *Брюсов, Валерий.* Далекие и близкие. Статьи и заметки о русских поэтах от Тютчева до наших дней. Изд. «Скорпион». Москва. 1912 г. (стр. 55, 58).

230. ***Вейнберг Л. О.*** Краткие литературно-исторические очерки. Для городских училищ 1872 г., фельдшерских, железнодорожных и торговых школ. Изд. Тов. И. Д. Сытина. М. 1912 г. (стр. 241—254).

231. ***Веселовский, Алексей.*** Этюды и характеристики. Том второй. Изд. 4-е доп. Москва. 1912 г. (стр. 15, 93, 262).

232. ***Ветринский, Ч. (Вас. Е. Чешихин).*** Ф. М. Достоевский в воспоминаниях современников, письмах и заметках. (Историко-литературная библиотека, под ред. А. Грузинского. Вып. VII). Изд. т-ва Сытина. Москва. 1912. Стр. LXI + 336.
Содержание. — Стр. III — IV: От редакции.
Стр. V — L: Ф. М. Достоевский. Вступит. статья *Ч. Ветринского.*
» LI — LVI: Хронологическая канва.
» 1—166: Ф. М. Достоевский в воспоминаниях современников
» 167—304: Письма Достоевского.
» 305—333: Заметки и статьи Достоевского.
» 334—335: Литература о Достоевском.
Отзывы: Бюллетени литер. и жизни», 1912 г., № 8, стр. 190.
«Киевск. Мысль», 1912 г., № 307, 5 ноября, (*С. Д-р.*).
«Нар. Ж.», 1912 г., № 45.
«Россия», 1912 г., № 2141 (*Н. К.*).
«Русское Богатство», 1912 г., № 10, стр. 395 — 398.
«Новое Время», 1912 г., 27 октября (*Ю-н*).
«Современник», 1912 г., № 11, стр. 382—383 (*Н. К. Пиксанов*).
«Заветы», 1913 г., кн. V, стр. 217—219 (*А. Г. Фомин*).
«Русская Мысль», 1913 г., кн. II, отд. III, стр. 12 — 16 (*А. Долинин.* Новое о Ф. М. Достоевском).

233. ***Врангель, А. Е., барон.*** Воспоминания о Ф. М. Достоевском в Сибири. 1854—56 г.г. СПБ. 1912 г. Стр. IV + 221.
Отзывы: «Вестник Евр.», 1912 г., август, стр. 389—390 (*Ч. В-ский*)
«Заветы», 1912 г., сентябрь, стр. 172 — 176 (*Ларин*).
«Современник», 1912 г., май, стр. 368—369 (*А. Фомин*).
«Историч. Вестник», 1913 г., январь, стр. 272—275 (*А. Нечаева*).
«Неделя «Современного Слова», 1915 г., № 226 (*О. В-н*).
«Русск. Мысль», 1913 г., кн. II, отд. III, стр. 12—16 (*А. Долинин.* Новое о Ф. М. Достоевском).

234. ***Гуревич, Любовь.*** Литература и эстетика. Критические опыты и этюды. Кн-во «Русская Мысль». Москва. 1912 г., (стр. 2, 106, 120, 138, 265, 305).

235. ***Гусев, Н. Н.*** Два года с Л. Н. Толстым. Записки бывшего секретаря Л. Н. Толстого. Изд. «Посредник». Москва. 1912 г. (стр. 166 и 279).

236. ***Добролюбов, Н. А.*** Первое полное собрание сочинений, в четырех томах. Под редакцией М. К. Лемке. Изд. А. С. Панафидиной. СПБ. 1912 г.
Т. IV: ст.: «Забитые люди (Сочинения Ф. М. Достоевского. 2 тома. Москва. 1860 г. — *Униженные и оскорбленные.* Роман в 4-х частях Ф. М. Достоевского. «Время». 1861 г. № 1 — VII)», стр. 855 — 914. Уп. о Д.: т. I, стр. 544; т. IV, стр. 151, 152, 266 — 268, 349, 933, 936.

237. ***Добролюбов, Н. А.*** Полное собрание сочинений. Под редакцией Е. В. Аничкова. Том V. Изд. т-ва «Деятель». СПБ. 1912 г., стр. 131 — 205: «Забитые люди». — (Сочинения Ф. М. Достоевского, два тома, Москва. 1860 г. — *Униженные и оскорбленные,* роман в 4-х частях Ф. М. Достоевского. «Время», 1861 г. I — VII»).

238. *Добролюбов, Н. А.* Избранные сочинения. Вып. VI. Забитые люди. Издание «Всеобщей Библиотеки». — (№ 144), Акц. О-во Типогр. Дела. СПБ. 1912 г. Стр. 78.

239. *Добролюбов, Н. А.* Забитые люди. — Униженные и оскорбленные. Критика романов Ф. М. Достоевского. Общедоступная библиотека № 6. Изд. т-ва «Деятель». СПБ. 1912 г. Стр. 77.

240. *Закржевский Александр.* Карамазовщина. Психологические параллели, книга 2-я: Достоевский, Валерий Брюсов, В. В. Розанов, М. Арцыбашев. Изд. «Искусство». Киев. 1912 г. Стр. V + 161.
Отзывы: «Аполлон», 1912 г., № 5, стр. 53—54 *(В. Чудовский).*
«Вестник Европы», 1912 г., октябрь, стр. 364 — 365 *(Ч. В-ский).*
«Огни», 1912 г., № 15 *(О. Прохаско).*
«Русская Мысль», 1912 г., № 7, стр. 252—253 *(Н. Чужак).*
«Бюллетени литер. и жизни», 1912 г., № 2, стр. 40; № 16, стр. 308.
«Запросы Жизни», 1912 г., № 45, стр. 2585 — 2587 *(М. Могилянский).*

241. *Золотарев, С.* Очерки по истории русск. литературы. Тютчев, Толстой (А. К.), Фет, Майков, Полонский, Достоевский, Толстой (Л. Н.). СПБ. 1912 г.

242. *Кадмин, Н.* Очерки по истории русск. литературы (от 30-х г.г. XIX ст. до Чехова). Под ред. проф. А. К. Бороздина. Изд. Н. Клочкова. Москва. 1912 г. (стр. 189 — 215).

243. *«Классики русской литературы».* Часть III. Сборник содержаний произведений.—Аксаков, Островский, Григорович, Лев Толстой, Алексей Толстой, Достоевский. Изд. Н. Степанова. Воронеж. 1912 г. Стр. 116.

243-а. *Ковалевский, П. М.* — Стихи и воспоминания. Посмертное издание. СПБ. 1912 г. (стр. 276 — 278).

244. *Колтоновская, Е. А.* Критические этюды. СПБ. 1912 г., стр. 222—231: «Бунт против Достоевского».

245. *Кони, А. Ф.* «На жизненном пути». Т. II. Из воспоминаний. СПБ. 1912 г. (стр. 22, 93, 95, 96 — 108).

246. *Корик, Г.* Энциклопедия сочинений для учащих и учащихся. Вып. 15-й. Л. Н. Толстой и Ф. М. Достоевский. Одесса. 1912 г. Стр. 196 + 16.

247. *Кудринский, Ф.* Курс новой русской литературы в органически-конспективном виде. Вып. II. Белинский, Тургенев, Достоевский и др. Вильна 1912 г.

248. *Леонтьев, К. Н.* Собрание сочинений. Изд. В. Саблина. СПБ. 1912 г. Том VII, стр. 438 — 448. «Достоевский о русском дворянстве».
Том VIII, стр. 151 — 216: «Наши новые христиане (Ф. Достоевский и Л. Толстой)».

249. *Менстров М., свящ.* Вопросы жизни в поэзии. Сборник статей на литерат. и педагогич. темы. СПБ. 1912 г., стр. 50 — 57: Обращение неверующего. (Памяти Ф. М. Достоевского).

250. *Мережковский, Д. С.* Полное собрание сочинений. Изд. т-ва М. О. Вольф. СПБ. 1912 г.
Т. VII. — Л. Толстой и Достоевский, ч. I и II. Стр. 310.
Т. VIII, — ч. III. Стр. 222.
Т. IX, — ч. III (окончание). Стр. 251.
Т. IX. — «Пророк русской революции».
Т. XIII. — «Вечные спутники». Стр. 302.

251. *Минцлов, С. Р.* Обзор записок, дневников, воспоминаний, писем и путешествий, относящихся к истории России и напечатанных на русском языке. Новгород. 1912 г.

Вып. II и III (стр. 109).
» IV и V (стр. 10, 11 и 64).

252. ***Николай Михайлович в. к.*** Петербургский Некрополь. Том 2-й. СПБ. 1912 г. (стр. 82).

253. ***Новоселов, М.*** Психологическое оправдание христианства. «Религ.-философск. библиот., вып. XXVIII». Москва. 1912 г. (стр. 37 — 42).

253-а. ***Панаев, И. И.*** Собрание сочинений, т. 6-й. Литературные воспоминания. Москва. 1912 г. (стр. 333: Белинский и Достоевский).

254. ***Переверзев, В. Ф.*** Творчество Достоевского. (Критический очерк). С предисловием Н. Н. Сакулина. Изд. кн-ва «Совр. проблемы». Москва. 1912 г. Стр. XVI + 367.
Отзывы: «Бюллетени литер. и жизни». 1912 г., № 22, стр. 811 816.
«Вестник Европы», 1912 г., № 7, стр. 367—369 ***(Ч. В-ский).***
«Заветы», 1912 г., октябрь, стр. 135—137 ***(О. Ларин).***
«Новое Время», 1912 г. ***(А. Бурнакин.*** Выдержки см. в «Бюлл. лит.» № 22).
«Русские Ведом.», 1912 г., № 160, 12 июля ***(И. Игнатов.*** Выдержки — ibid.).
«Русское Богатство», 1912 г., ноябрь, стр. 386—388.
«Русск. Мысль», 1912 г., август, стр. 285—286 ***(Н. Львов).***
«Русск. Мысль», 1913, кн. II, отд. III, стр. 12 16 ***(А. Долинин.*** Новое о Ф. М. Достоевском).

255. ***Петров, Г.*** Литература и жизнь. (Лекция). Москва. 1912 г. Стр. 24.

256. ***Покровский, В.*** Федор Михайлович Достоевский, его жизнь и сочинения. Сборник историко-литературных статей. Ч. II. Москва. 1912 г. Стр. 268.

257. ***Прилуко-Прилуцкий, Н. Г.*** Ф. М. Достоевский, жизнь и творчество. Сборник критических и биографических статей для средней школы и самообразования. Изд. т-ва «Орос». Варшава. 1912 г., стр. 251.

258. «***Сборник*** Киевского Отд. Всеросс. Национ. Студенч. Союза». Киев. 1912 г.
Стр. 90—111: ***Щеглов, Б. Н.***—Мысли Достоевского о русском народе и русской интеллигенции (по его журнальным статьям).

259. ***Смирновский, П.*** Пособие при изучении истории русской словесности. Курс старш. кл. гимн. Ч. IV (вып. 5-й). Новый период. Отдел III (от Пушкина до новейшего времени). Изд. 9-е А. Панафидиной. Москва. 1912 г.

260. ***Соколов, Леонид.*** Поиски жизненного смысла в романе «Братья Карамазовы». (Оттиск из журн. «Труды Киевской Духовной Академии»). Киев. 1912 г. Стр. 58.

261. ***Соловьев Вл. С.*** Собрание сочинений. Под ред. и с примеч. С. М. Соловьева и Э. Л. Радлова. Второе изд. т-ва «Просвещение». Том III. СПБ., 1912 г., стр. 186 — 223: «Три речи в память Достоевского».

262. ***Соловьев, Евгений.*** Достоевский, его жизнь и литературная деятельность. Биографический очерк, с портр. Изд. Ф. Павленкова. СПБ. 1912 г. Стр. 96.

263. «***Стасюлевич, М. М., и его современники в их переписке***». Под редакцией М. К. Лемке.
Том II. СПБ. 1912 г., стр. 106, 154, 280.
Том III. СПБ. 1912 г., стр. 184, 203, 331, 367, 384, 387, 648.
Том IV. СПБ. 1912 г., стр. 218, 477.
Том V — см. в 1913 г.

264. *Таубе М. Ф., бар.* Три столпа русского самобытного просвещения прошлого столетия: Хомяков, Достоевский и епископ Феофан, затворник Вышенский, Харьков. 1912 г. Стр. 42.
265. *Трубицын, Николай.* О народной поэзии в общественном и литературном обиходе первой трети XIX века. (Очерки). СПБ. 1912 г. (стр. 423).
266. *Туган-Барановский, М. И.* К лучшему будущему. Изд. «Энергия». СПБ., 1912 г.
Стр. 9 — 29: «Три великих этических проблемы (о нравств. мировоззрении Д-го»).
267. *Тычинин, Михаил.* Что хотел сказать Ф. М. Достоевский своим романом «Братья Карамазовы». СПБ. 1912 г. Стр. 60.
268. *Философов, Д. В.* Старое и новое. Сборник статей по вопросам искусства и литературы. Изд. т-ва И. Д. Сытина. Москва. 1912 г.
Стр. 162—175: Достоевский. Загадки русской культуры.
» 176—187: Постановка «Братьев Карамазовых».
269. *Чулков, Георгий.* Собрание сочинений. Т. V. Статьи 1905—1911 г.г. (На обложке: «Покрывало Изиды»). Изд. «Шиповника». СПБ. 1912 г.
Стр. 78—81: Казни.
» 145—155: О Достоевском.
270. *«Энциклопедический словарь».* Изд. 7-е т-ва «Гранат», т. XI. СПБ. 1912 г.
Владиславлев, И. В. Био-библиографический указатель новейшей русской беллетристики (1861—1911 г.г.) — (о Д.—стр. 637—638).
271. *Яблоновский, Владислав.* Вокруг сфинкса. (Очерки о жизни и творчестве русского народа). Авторизованный перевод с польского Лидии Симсон. СПБ. 1912 г.
Стр. 70—105: Достоевский перед лицом новых течений русского самосознания. Кроме того, о Д.—стр. 10, 13 — 14, 17 — 22, 26, 32 — 34, 39, 43 — 44, 49 — 59, 64 — 65, 111 — 113.

1913 г.

272. *Андреевский, С. А.* Литературные очерки. Изд. 4-е, доп. СПБ. 1913 г. (о «Братьях Карамазовых»).
273. *Беринг, Морис.* Вехи русской литературы. Пер. с англ. В. Базиловской. С предисл. Н. А. Хомякова. Москва, 1913 г., стр. 75—145: «Гл. VI. Достоевский».
Отзывы: «Бюллетени литературы и жизни», 1913 г., № 2, стр. 86 — 89; № 9, стр. 297 — 299.
«Русская Мысль», 1913 г., № 11 *(П. Губер).*
«Русское Богатство», 1913 г., № 11.
274. *Брандес, Георг.* Собрание сочинений. Перевод с датского М. В. Лучицкой. Изд. т-ва «Просвещение». СПБ. 1913 г.
Т. XIX. «Россия. Наблюдения и размышления. Литератури. впечатления», — стр. 46, 75, 105, 172, 191, 192, 198, 215, 219, *221—262* (специально—о Д.), 263, 264, 313, 319, 321, 322, 324, 325, (кроме того, уп. о Д.: т. XIII, стр. 254, 369; т. XVI, стр. 226).
275. *Бурцев, А. Е.* Смесь из моего архива. «Мой Журнал» (изд. А. Е. Бурцева), 1913 г., вып. VII: Автограф Ф. М. Достоевского. Письмо к М. А. Александрову (26. VI. 1876 г.).
276. *Бурцев, А. Е.* Редкие автографы и письма. «Мой Журнал» (изд. А. Е. Бурцева), 1913 г., вып. XIV: Письмо Ф. М. Достоевского к М. А. Александрову (26. VI. 1876 г.).
277. *Вейнберг, Л.* Критическое пособие. Сборник выдающихся статей русской критики за 100 лет (Киреевский-Айхенвальд). Т. II.

Лермонтов, Гоголь, Аксаков, Гончаров, Достоевский. — Изд. т-ва И. Д. Сытина. Москва. 1913 г.

278. ***Вересаев, В.*** Полное собрание сочинений. Т. III. Изд. т-ва А. Ф. Маркс. СПБ. 1913 г.
 Стр. 180 — 395: «Живая жизнь. О Достоевском и Льве Толстом».

279. ***Грибоедов А. С.*** Полное собрание сочинений. Том II. Под редакцией и с примечаниями Н. К. Пиксанова. Изд. разряда изящной словесности Императ. Академии Наук. СПБ. 1913 г.
 Стр. 332—333: *Пиксанов, Н. К.* «Оценка «Горя от ума» в литературной критике. — Ф. М. Достоевский».

280. ***Гринцер, П.*** Темник — хрестоматия. Сборник сочинений с планами. Т. IV, вып. II. Гончаров, Л. Толстой, Достоевский и др. Изд. «Наука». Одесса. 1913 г.

281. ***Гусев, Александр.*** Планы и сочинения. Курс VIII класса. Темничек VIII. Л. Н. Толстой, А. К. Толстой, Достоевский, Фет, Полонский. Одесса. 1913 г. Стр. 40.

282. ***«Достоевский».*** Специальный курс. (Лекции). Изд. слуш. Киевск. Высших Жен. Курсов. Киев. 1913 г. Стр. 72 (150 экз.).

283. ***Закржевский, А.*** Религия. Психологич. параллели, кн. 3. Достоевский, З. Н. Гиппиус, Д. Мережковский, Н. М. Минский, С. Булгаков, Н. А. Бердяев, В. В. Розанов, Андрей Белый, Вяч. Иванов, Ал. Блок, А. Добролюбов. — Изд. ж. «Искусство». Киев. 1913 г. Стр. 480.

284. ***Замотин И. И.*** Ф. М. Достоевский в русской критике. Часть I. 1846—1881 г.г. Варшава. 1913 г. Стр. III + 330.
 Отзывы: «Бюллетени литер. и жизни», 1913 г., № 2, стр. 53—54.
 «Вестник Европы», 1913 г., октябрь, стр. 376—380 *(Ч. В-ский).*
 «Историч. Вестник», 1913 г., сентябрь, стр. 1087—1088 *(В. Княжнин).*
 «Речь», 1913 г., № 225, 19 авг. *(Н. Л.).*
 «Русские Ведомости», 1913 г., № 94 *(Н. Пиксанов).*
 «Русское Богатство», 1913 г., № 8.
 «Мирный Труд», 1913 г., № 4, стр. 192—193 *(Н. Черников),* № 10, стр. 251.
 «Голос Минувшего», 1913 г., № 11, стр. 266—268 *(Н. Сакулин).*
 «Русск. Мысль», 1913 г., № 9, критич. обозр., стр. 332—333 *Б. Эйхенбаум).*
 «Гермес», 1913 г., № 9, стр. 250.
 «Педагогич. Вестник Москов. Учебн. Округа», 1913 г. № 6, стр. 102—103.

284-а. ***Кони, А. Ф.*** На жизненном пути. Том второй. — Из записок судебного деятеля. Житейские встречи.—Изд. второе, дополненное. СПБ. 1913 г. (стр. 6. 22, 49, 93 — 108, 125, 409, 127, 412, 419.

285. ***Ктитарев, Я.*** Вопросы религии и морали в русской художеств. литературе. Ч. II. Ф. М. Достоевский, Л. Н. Толстой, А. А. Фет, А. Н. Майков, Я. П. Полонский, Ф. И. Тютчев, С. Я. Надсон, А. Н. Плещеев, В. Г. Короленко, М. Горький, А. П. Чехов. Декадентство и позднейшие писатели. — Изд. 2-е. Петр. Учебн. Маг. СПБ. 1913 г. Стр. 221.

286. ***Максимов, В. и Золотарев, С.*** Русская литература после Гоголя. Изд. «Сотрудник». ПБ. — Киев. 1913 г. (стр. 311—315).

287. ***Мендельсон, Н.*** Очерки по истории русской литературы. Изд. 2-е. «Польза» (В. Антик). Москва. 1913 г. (стр. 220—233).

288. ***Михайловский, Н. К.*** Полное собрание сочинений. Том X. СПБ 1913 г. Стр. 1069 — 1071: «Л. Толстой и Достоевский», Д. С. Мережковского.

289. *Мишеев, Н.* Новейшая русская литература. Белинский, Тургенев, Гончаров, Островский, Л. Толстой, Достоевский. Изд. «Прометей». СПБ. 1913 г. Стр. 377. (См. 2-е изд. — 1915 г.).
290. *Морозов, А. В.* Каталог моего собрания русских гравированных и литографированных портретов. Том II. Москва. 1913 г. (стр. CLIX).
291. *Новиков, А. И.* Ф. М. Достоевский. Биография, разбор его главных произв., темы и планы. Учащимся пособие для сочинений. Изд. 2-е — А. Загряжского. СПБ. 1913 г. Стр. 104.
292. *«Новый энциклопедический словарь».* Под ред. К. К. Арсеньева. Том 16. Изд. Брокгауз-Ефрон. СПБ. 1914 (1913) г.г.
Стр. 709 — 724: *Долинин, А.* — «Достоевский, Федор Михайлович».
293. *Писарев, Д. И.* Полное собрание сочинений. Том VI. Изд. 5-е. СПБ. 1913 г.
Стр. 353 — 416: Борьба за жизнь («Преступление и наказание» Ф. М. Достоевского).
294. *Покровский, В.* Очерки по истории русской литературы в исследованиях ученых. Пос. для уч. ср. уч. зав. Ч. IV. Москва. 1913 г.
295. *Пыпин, А. Н.* История русской литературы. Том IV. Изд. 4-е. СПБ. 1913 г. (стр. 415, 438, 524, 588, 616, 625, 626).
295-а. *«Сборник статей в честь Д. Ф. Кобеко* от сослуживцев по императ. Публичной Библиотеке». СПБ. 1913 г.
Чудовский, Валериан. Жизнь и смерть одной литературной формулы: Акакий Акакиевич (стр. 178 — 180).
296. *Сиротинин, Андрей.* Беседы о русской словесности. Изд. Я. Башмакова и К°. СПБ. 1913 г. (стр. 123, 240).
297. *«Стасюлевич, М. М. и его современники в их переписке».* Под редакцией М. К. Лемке. Том V. СПБ. 1913 г. (стр. 18, 154, 155, 441).
298. *Толстой, Л. Н.* Полное собрание сочинений. Том 7-й. Изд. Тов. И. Д. Сытина. Москва. 1913 г. (стр. 278).
299. *Трубецкой, Евг., кн.* Миросозерцание Вл. С. Соловьева. Том I. Москва. 1913 г.
Стр. 73 — 78: «VIII. Соловьев и Достоевский».
300. *Шляпкин, И. А.* История русской словесности. (Программа университетского курса с подробной библиографией). СПБ. 1913 г. (стр. 65 — 66).
301. *«Энциклопедический словарь».* Изд. 7-е. Тов. *Бр. Гранат и К°».* Том 19. СПБ. 1913 г.
Стр. 16 — 36: *Игнатов, И.* — «Достоевский, Федор Михайлович».
302. *«Энциклопедический словарь Ф. Павленкова».* Изд. 5-е. СПБ. 1913 г.

1914 г.

303. *Абрамович, Н. Я.* Христос Достоевского. Москва. 1914 г. Стр. 161.
Отзыв: «Новое Время», 1914 г., № 13866 *(Н. П.).*
304. *Амфитеатров, А. В.* Собрание сочинений. Т. 22-й. Властители дум. Изд. Т-ва «Просвещение». СПБ. (1914 г.). Стр. 95 — 115: «Дворянин» Достоевский.
305. *Астров Владимир.* Не нашли пути. Из истории религиозного кризиса. Станкевич — Белинский — Герцен — Киреевский — Достоевский. — СПБ. 1914. Стр. 291.
О Достоевском:
Стр. 80—117: Мечтатель.
» 117—171: Мистик.
» 171—234: Подполье (вопрос о творчестве).
» 234—279: «Глубины души человеческой» (психолог и художник).

» 281—291: Из забытой автобиографической статьи Достоевского. («Петербургские сновидения в стихах и прозе»).

Отзывы: «Бюллетени литер. и жизни», 1914 г., № 10 (см.) и № 12, стр. 379.
«Московск. Газ.» 1913 г., № 290 *(Книжника).*
«День», 1914 г., № 16 *(Вяч. Полонского).*
«Россия», 1914 г., № 2527 *(Евг. В.).*

306. ***Белинский.*** Письма. Том III (1843—1848). СПБ. 1914 г. (Стр. 90, 98, 102, 126, 142, 151, 158, 176, 180. 286, 288, 296, 297. 338, 352, 362, 367, 376).

307. ***Бороздин, А. К.*** Учебная книга по истории русской литературы. Ч. III. Литература после Пушкина. Эпохи Николая I и Александра II. Изд. «Сотрудник» Киев. 1914 г.

308. ***«Великие люди».*** Биографическая библиотека «Вестника Знания». Том VII, вып. 1. СПБ. (1914 г.). Стр. 78—80: отрывки из дневника Х. Д. Алчевской (о ее встрече с Достоевским).

309. ***Владиславлев, И. В.*** Жизнь замечательных людей. («Что читать», вып. III). Кн-во «Наука», М. 1914 г., (стр. 79—80).

310. ***«Вопросы теории и психологии творчества»***, т. V. Харьков. 1914 г. Стр. 263—292:
Потебня, А. А. Черновые заметки о Л. Н. Толстом и Достоевском.

311. ***Головин, К. Ф. (Орловский).*** Русский роман и русское общество. Изд. 3-е А. Ф. Маркса. СПБ. 1914 г. (стр. 329—358, 492).

312. ***Голубков, В.*** Новый путь. Пособие для литературных бесед и письменных работ. Изд. 2-е. М. 1914 г. (стр. 108—110, 141—145, 181—184).

313. ***«Достоевский, Ф. М., о войне».*** Пророчество о европейской войне. Саратов. Тип. Э. К. Измаил. 1914 г. Стр. 4.

314. ***Евгеньев В.*** Николай Алексеевич Некрасов. Сборник статей и материалов. Изд. К. Ф. Некрасова. М. 1914 г. (стр. 143).

315. ***Заозерский, Н.*** Чтения по русской литературе. М. 1914 г. Стр. 109—123: «Карамазовщина и старец Зосима в творчестве писателя».

316. ***Зелинский, В.*** Критический комментарий к сочинениям Ф. М. Достоевского. Сборник критических статей. Часть 4-я. «Братья Карамазовы». Изд. 4-е. М. 1914 г. Стр. VIII+536.

317. ***Иванов, Ив., проф.*** Иван Сергеевич Тургенев.—Жизнь. Личность. Творчество.—Нежин. 1914 г. Стр. 640—646: Тургенев и Достоевский.

318. ***Иванов-Разумник.*** История русской общественной мысли. Том II. 4-е изд. СПБ. 1914 г. Стр. 261—281: Толстой и Достоевский. (Апогей этического индивидуализма).

319. ***«Идея католичества в произведениях Достоевского».*** Религ.-философск. библиотека, вып. XXXV. Сергиев Посад. 1914 г. Стр. 15

320. ***Купалов, А. Ю.*** Литературные конспекты. Полтава. 1914 г. (стр. 78—103).

321. ***Лунниченко, А. И., проф.*** Речи и поминки. Сборник статей по истории русской литературы и биографических воспоминаний. Одесса. 1914 г. (стр. 101, 129, 152).

322. ***Львов-Рогачевский, В.*** Две правды.—Книга о Леониде Андрееве.—Кн-во «Прометей» Н. Н. Михайлова. СПБ. 1914 г. (стр. 2, 3, 6, 7 9, 13, 50, 83, 90, 97, 171, 186 и др.).

323. ***Марцинковский, В.*** «Утренники». Театральные рефераты о пьесах: «Дети Ванюшина», «Анна Каренина», «Идиот» и «Quo vadis». Изд. (2-е) Христ. студ. кружка. СПБ. 1914 г. (стр. 25—34).

324. *Мережковский, Д. С.* Полное собрание сочинений. 24 т.т. Изд. Т-ва И. Д. Сытина («Библиотека Русск. Слова»). Москва 1914 г.
О Достоевском.
Т. IX—XII. Толстой и Достоевский.
Т. XIV. Грядущий хам. Пророк русской революции.
Т. XV. Больная Россия. Гоголь.
Т. XVI. Лермонтов.
Т. XVII—XVIII. Вечные странники. О причинах упадка и о новых течениях в соврем. русской литер.
Т. XXIV. Автобиография (стр. 111).
325. *Мишеев, Н.* Новейшая русская литература. Кн-во «Прометей» Н. Н. Михайлова. СПБ. 1914 г., стр. 252—305: «Федор Михайлович Достоевский».
326. *Московский Художественный театр».* Исторический очерк его жизни и деятельности. Т. II (1905—1913 г.г.). Изд. ж. «Рампа и Жизнь». Москва. 1914 г., стр. 80—85, 105—108: «Братья Карамазовы»—в сезон 1910—1911 г. и «Бесы» (Н. Ставрогин) — в сезон 1912—1913 г.
327. *Овсянико-Куликовский, Д.* История русской интеллигенции. Итоги русской художественной литературы XIX в. 3 ч. Изд. 5-е. СПБ. 1914 г. (ч. II, гл. XI—XII).
328. «*Отчет* Императорской Публичной Библиотеки за 1907 г.». СПБ. 1914 г. (стр. 120).
329. *Писарев, Д. И.* Полное собрание сочинений. 6 т.т. Изд. 6-е. Павленкова. СПБ. 1914 г.
Т. V.—Погибшие и погибающие («Записки из Мертвого Дома»).
VI.—Борьба за жизнь («Преступление и наказание»).
329-а. «*Пушкинист*». — Историко-литературный сборник под редакц. проф. С. А. Венгерова. Том I. СПБ. 1914 г.
Долинин—Искоз, А. С. — «Цыганы» Пушкина (стр. 19, 24, 25—26, 30, 35,—37, 42—43).
330. *Рубцов, М.* Религиозные искания Ф. М. Достоевского. Изд. Братства св. Михаила, кн. Черниговского. Чернигов. 1914 г. Стр. 55.
331. «*Русская Литература XX в.*» под ред. С. А. Венгерова, т. I. Москва. 1914 г., (стр .211: *Мережковский, Д. С.*—Автобиография).
332. *Селиханович, А.* Религиозная проблема у Достоевского. Киев. 1914 г. Стр. 12.
333. *Сиповский, В. В., проф.* История русской словесности. Часть 3. Вып. 2. (Очерки русской литературы XIX столетия 40—60-х г.г.). Изд. 4-е Я. Башмакова и К°. Пгр. 1914 г. (стр. 308—329).
334. «*Толстовский Музей*». Т. II. Переписка Л. Н. Толстого с Н. Н. Страховым. 1870—1894. С предисл. и примеч. Б. Л. Модзалевского. Пгр. 1914 г. Отд. отт. из журн. «Соврем. Мир». 1913 г., №№ 1—7, 9—12. (стр. 5, 12, 13, 16, 20, 24, 27, 35, 42, 43, 46, 53, 67, 81, 96, 99, 102. 113, 114, 117, 185, 196, 213, 214, 215, 231, 252, 259, 266, 267, 273, 282, 302, 303, 307, 308, 309, 310, 313, 366, 369).
335. *Юнге, Е. Ф., (урожд. гр. Толстая).* Воспоминания. 1843—1863 г. Кн-во «Сфинкс». Москва. 1914 г. (стр. VII—VIII).

1915 г.

336. *Брусянин, В. В.* Дети и писатели.—Литературно-общественные параллели. Москва. 1915 г., (стр. 17—26, 30—31 и др.).
337. *Волжский, А. С.* Святая Русь и русское призвание. (Война и культура). Москва. 1915 г. Стр. 88.
338. *Голубков, В.* Пособие к изучению художественных произведений. Планы и вопросы. Изд. бр. Башмаковых. Москва. 1915 г (стр. 84—87; 157—161).

339. *Григорьев, Аполлон.* Мои литературные и нравственные скитальчества. С послесловием и примечаниями Павла Сухотина. — Изд. К. Ф. Некрасова. Москва. 1915 г. (стр. 220).

340. *Григорьев, Аполлон.* Собрание сочинений. Под ред. В. Ф. Саводника. Москва. 1915 г.
Выпуск 1-й — стр. XLV, XLVI;
» 2-й — стр. 131 — 161;
» 3-й — стр. IV;
» 13-й — стр. 1.

341. *Закржевский, Александр.* Лермонтов и современность. Изд. Н. Н. Самоненко. Киев. 1915 г., (стр. 3, 5, 18, 19, 20, 24, 91, 102, 105, 106, 115, 132, 133, 134, 144, 148).

342. *Замотин, И. И., проф.* Сороковые и шестидесятые годы. Очерки по истории русской литературы XIX ст. Изд. 2-е Тов. М. О. Вольф. Пгр. 1915 г., (стр. 187—205, 249—254, 321—377: гл. X: «Ф. М. Достоевский и его произведения 60-х годов», 383—398 и др.).

343. *Зелинский, В.* Критический комментарий к сочинениям Ф. М. Достоевского. Сборник критических статей. Ч. I. Изд. 5-е. Москва. 1915 г. Стр. 583.

344. *Зелинский, В.* Критический комментарий к сочинениям Ф. М. Достоевского. Сборник критических статей. Ч. II. Изд. 6-е. Москва. 1915 г. Стр. 527.

344-а. *Кони, А. Ф.* На жизненном пути. Том второй. Из воспоминаний. Житейские встречи. В верхней палате. Изд. 3-е. Москва. 1915 г. (стр. 12, 28, 54, 98—113, 130).

345. *Л. П.* Этюды (Метафизические и критические заметки). Пгр. 1915 г. (стр. 43—45, 228—231, 285, 297—298, 310—311).

346. *Маклйль, Н. В.* Русский дар миру. Русский вклад в мировую культуру в оценке 20 английских ученых. Перевод с английского П. Д. Петроград. 1915 г. (стр. 15, 16—17, 18).

347. *Мережковский, Дм. С.* Было и будет. Дневник. 1910—1914. Изд. Тов. И. Д. Сытина. Пгр. 1915 г., стр. 269—283: «Горький и Достоевский»; ун. о Д. стр. 37—41. 193. 221. 297. 299. 358.

348. *Мишеев, Н.* Новейшая русская литература. Белинский, Тургенев, Гончаров, Островский, Л. Толстой, Достоевский. Изд. 2-е «Прометей». СПБ. 1915 г. (стр. 252—305).

349. *Прохоров, Гр.* М. Ю. Лермонтов и его значение в истории русской литературы. (Историко-литературный очерк). Петроград. 1915 г., стр. 157—167: Идейное родство Лермонтова с Достоевским.

350. *Рубцов, В. Н.* Учебный курс истории новейшей русской литературы (40—80-х г.г. XIX ст.). Пгр. 1915 г. (стр. 249—282).

351. *«Сборник памяти А. П. Философовой».* Пгр. 1915 г. Том I, — стр. 162, 207, 220, 230, 231, 234, 257, 258, 259, 264—267, 274, 323, 354, 355, 363, 399. Том II. — стр. 176 — 179: Письма Достоевского к А. П. Философовой.

352. *Слонимский, Александр.* Ф. М. Достоевский. Очерк. Пгр. 1915 г. Стр. 24.

353. *Тургенев, И. С.* Письма к графине Е. Е. Ламберт. — С предисловием и примеч. Г. П. Георгиевского. Москва, 1915 г., (стр. 238).

354. *Тургеневский Сборник».* (Тургеневского кружка под руков. Н. К. Пиксанова). Кн-во «Огни», СПБ. 1915 г. (стр. 98, 202—указат.).

354-а. *«Щит».* — Литерат. сборник под ред. Л. Андреева, М. Горького и Ф. Сологуба. Москва. 1915 г. (стр. 9, 42—43, 57—58, 86. см. № 368-а).

355. *Энгельгард, Николай.* История русской литературы XIX столетия. Изд. 2-е. Пгр. 1915 г. Том I, стр. 573—576: том II, стр. 158, 236—242, 370—373, 398—400, 462, 484.

1916 г.

356. *Адарюков, В. Я., и Обольянинов, Н. А.* Словарь русских литографированных портретов. Т. I. Москва. 1916 г. (стр. 301).
357. *Григорьев, Ап.* Собрание сочинений. Под ред. В. Саводника. Вып. 8-й. Москва. 1916 г. (стр. 26—27).
358. *Замотин, И. И., проф.* Проблемы жизни в творчестве Достоевского. К 35-летию со дня кончины писателя. (Из «Русск. Филолог. Вестника»). Пгр. 1916 г .Стр. 47.
359. *Золотарев, С.* Синхронистическая диаграмма по истории русской литературы и историко-литер. карта России (1661—1904 г.г.). Пгр. 1916 г.
360. *Иванов, Вячеслав.* Борозды и межи. Опыты эстетические и критические. Москва. Изд. «Мусагет». 1916 г.
Стр. 3 — 60: «Достоевский и роман-трагедия».
» 61 — 72: «Основной миф в романе «Бесы».
361. *Иванов-Разумник.* Сочинения. Том V. Пушкин и Белинский. Статьи историко-литературные. СПБ. 1916 г. (стр. 333).
362. *Измайлов, А.* Чехов. 1860-1904 г. Биографический набросок. Москва. 1916 г. (стр. 155, 673).
363. *Каменев, Ю.* Об А. И. Герцене и Н. Г. Чернышевском. Изд. «Жизнь и Знание». Пгр. 1916 г. (стр. 10).
364. *Котляревский, Н. А.* Канун освобождения 1855-1861 г. Из жизни идей и настроений в радикальных кругах того времени. Пгр. 1916 г. (стр. 481, 487, 488, 493, 496).
365. *Либрович, С. Ф.* На книжном посту. Воспоминания, записки, документы. Изд. т-ва М. О. Вольф. Петроград и Москва. 1916 г.
Стр. 40—43: «Дело Засулич и Достоевский».
» 398 — 401: «Апостол русской литературы среди немцев».
365-а. *«Огни»* (сборник). — История. Литература.—Редакция Е. А. Ляцкого, Б. Л. Модзалевского и А. А. Сиворса.—Книга 1-я.. Петроград. 1916 г. (стр. 194, 210, 282).
365-б. *Пылаев, В. А.* Старая Русса. Исторический очерк города. 1-я ч. Сергиев Посад. 1916 г. (о школе имени Ф. М. Достоевского).
366. *Садовский, Борис.* Ледоход. Статьи и заметки. Пгр. 1916 г. (стр. 16, 21, 31, 34, 44, 45, 56, 134, 135, 137, 138, 155, 159, 160).
367. *Сушицкий, Ф.* Литературные беседы, рефераты и сочинения в средней школе. Киев. 1916 г. (стр. 118—123; 143—161).
368. *Чулков, Георгий.* Вчера и сегодня. Очерки. Кн-во «Северные дни». Москва. 1916 г. (О. Д. в ст.: «Самоубийцы», стр. 56—64).
368-а. *Щит».* — Литературный сборник — под редакцией Л. Андреева, М. Горького и Ф. Сологуба. Изд. 2-е и 3-е, доп., «Русского Общества для изучения еврейской жизни». Москва. 1916 г. (стр. 7, 43—44, 64—65, 99—в ст. Л. Андреева, С. Булгакова, М. Горького, Вяч. Иванова).
369. *Янышев, И. Л., протопресвитер.* Слова и речи. Изд. Об-ва взаимопомощи питомцев И. Пгр. Д. Академии. Петроград. 1916 г., стр. 262—265: «Речь во время отпевания Ф. М. Достоевского».

1917 г.

369-а. *Альманах издательства «Шиповник».* Книга 26-я. Петроград. Стр.—7—108: *Андреев, Л. Н.*—Милые призраки. Драма в 4-х действиях [1]).

---

[1]) В этой пьесе Л. Андреев изобразил Ф. М. Достоевского в лице „бывшего студента — Михаила Федоровича Таежникова".

370. *Белинский, В. Г.* Полное собрание сочинений. Под редакцией проф. С. А. Венгерова. Том XI. Петроград. 1917 г., стр. 152—153: «Бедные люди. Роман Федора Достоевского».
370-а. *Булгаков, Сергей.* Свет невечерний. (Созерцания и умозрения).—Сергиев Посад. 1918 г. (много уп. о Д.).
371. *Владиславлев, И. В.* Что читать? Указатель систематического домашнего чтения. Вып. II. Изд. 3-е, кн-ва «Наука». Москва. 1917 г. (стр. 31—36).
372. *Гизетти, А.* От декабристов до наших дней. Сто лет борьбы за свободу. Пгр. 1917 г. (стр. 12).
373. *Горький, М.* Статьи 1905—1906 г.г. Кн-во «Парус». Пгр. 1917 г.
Стр. 5—8: Заметки о мещанстве.
» 160—161: О «Карамазовщине».
» 165—172: Еще о «Карамазовщине».
374. *Григорьев, Аполлон Александрович.* Материалы для биографии. Под ред. В. Княжнина. Изд. Пушкинского Дома при Академии Наук. Петроград. 1917 г. (стр. 46, 68, 115, 263, 267, 273—274, 281—286, 290, 299—301, 351, 354—355, 360, 391, 394).
375. «*Календарь Русской Революции*». Под общей редакцией В. Л. Бурцева. Изд. «Шиповник». Петроград. 1917 г.. (стр. 35, 113, 250).
376. *Кранихфельд, В. П.* В мире идей и образов. (Этюды и портреты). Т. III. Изд. «Жизнь и Знание». Пгр. 1917 г., стр. 182—212: «Преодоление Достоевского».
377. *Орловский, С.* Русские писатели — апостолы свободы. Изд. «Задруга». Пгр. 1917 г., (стр. 40—41).
378. *Розенберг, Владимир.* Журналисты безвременья. Москва. 1917 г. (стр. 430, 438).
379. *Семенов-Тянь-Шанский, П. П.* Мемуары. Том I. Детство и юность. (1827—1855 г.г.). Изд. семьи. Пгр. 1917 г. (стр. 195, 197, 200, 202, 203, 204, 206, 211).
380. «*Скифы*», сборн. I. 1917 г.
Стр. 213—230: *Шестов, Л.* — Музыка и призраки.

1918 г.

381. *Абрамович, Н.* Женщина и мир мужской культуры. 2-е изд. Москва. 1918 г. стр. 101—109: «Женщины Достоевского».
382. *Булгаков, С. Н.* Тихие думы. Из статей 1911—1915 г.г. Москва. 1918 г., стр. 1—31: «Русская трагедия». Кроме того, (в ст.: «Труп красоты»—картины Пикассо) стр. 37—40, 50—51 и на стр. 101.
382-а. *Веселовский, А. Н.* — История новейшей русской литературы. Изд. Изд-го общ-ва Моск. Высш. женск. курсов. М. 1918 г.
383. *Владиславлев, И. В.* Русские писатели XIX — XX ст. Опыт библиографического пособия по новейшей русской литературе. 3-е изд. Москва. Кн-во «Наука». 1918 г. (стр. 43 — 48, 290 — библиография).
384. *Горький, М.* Статьи 1905—1916 г.г.2-е издание без цензурных изъятий и дополненное двумя статьями. Изд. «Парус». Пгр. 1918 г.
Стр. 3 — Предисловие.
5 — 7: Заметки о мещанстве.
» 150 — 154: О «Карамазовщине».
» 155 — 162: Еще о «Карамазовщине».
Уп. о Д. — стр. 43, 48, 95, 113, 115, 121, 123, 124, 181, 198 — 199, 201.
385. *Григорьев, Аполлон.* Полное собрание сочинений и писем. Под редакцией Василия Спиридонова. Том первый. Петроград. Издание П. П. Иванова. 1918 г. (стр. XXI, 336—339).

386. *Иванов-Вячеслав.* Родное и Вселенское. Статьи. Москва. 1918 г., ст.—«Лик и личины России (к исследованию идеологии Д—ского)».
387. *Иванов-Разумник.* История русской общественной мысли. Изд. 5-е. Петроград. 1918 г.
Вып. I, стр. 37, 83, 106, 107.
» II, » 39, 47, 50, 81, 85, 137, 139, 142.
» III, » 41, 56, 57, 64, 76, 92, 114, 118.
» IV, » 47—49, 101, 129, 174, 189.
» V, » 13, 14, 22, 28, 113, 131, 133.
» VI, » 5—103, 111, 159, 161.
» VII, » 40, 43, 71, 87, 135.
» VIII, » 27, 31, 32, 37, 40, 41, 48, 60, 61, 66; 68; 71; 79; 92; библиогр. указ. — 42.
387-а. *Короленко, Владимир.* — Отошедшие. — Об Успенском. О Чернышевском. О Чехове. — Изд. 3-е «К-ва писателей». Москва. 1918 г. (стр. 8—10: Гл. И. Успенский и Д.).
388. *Львов, К.* Проблема личности у Достоевского. (Преступление и наказание). Изд. Л. Л. Зубалова. Москва. 1918 г. Стр. 79.
389. *Некрасов, Н. А.* Неизданные произведения. С об'яснительными статьями и примечаниями К. И. Чуковского. Изд. «Петербург». СПБ. 1918 г. (Неизданная повесть Н. А. Некрасова о Белинском, Достоевском и Тургеневе).
Реценз.: «Книга и революция», 1920 г., № 1, стр. 31—36 *(М. Маврин).*
390. *«Некрасовский Сборник».* Неизданные письма и воспоминания, статьи, библиография. Под редакцией В. Е. Евгеньева-Максимова и Н. К. Пиксанова. Пгр. 1918 г.
Стр. 96—97: Письма Достоевского.
Кроме того, стр. 77—79, 166.
391. *«Огни».* Литературн. альманах. Москва. 1918 г.
Стр. 133—148: *Кремнев, Борис.* — Достоевский и судьба России.
392. *«Пушкин и его современники»,* вып. XXIX—XXX. Пгр. 1918 г.
Стр. 36—48: *Комарович, В. Л.* — Достоевский и «Египетские ночи» Пушкина.
393. *«Сборник Русской Мысли».* Москва. 1918 г., стр. 47—62: «Достоевский в русской революции» (в свет не вышел. Цитир. по однодневн. газете Русск. Библиол. Общ. «Достоевский», Пгр., 1922 г., стр. 28).
394. *Тургенев и Савина.* Под ред. А. Ф. Кони. Петр.. 1918 г., (стр. XXVI, XXXII—XXXIII, 68—69, 80).
394-а. *Фишер, Владимир.* Русская литература. Середина XIX в. Ч. II. М. 1918 г. (гл. III и гл. VII посвящены Достоевскому).

1919 г.

395. *Белинский, В. Г.* Собрание сочинений в трех томах. Под ред. Иванова-Разумника. Том III. Лит.-Изд. Отдел Нар. Ком. по Просв. Пбург. 1919 г. (стр. — см. изд. 1911 г., № 189).
396. *Блок, Александр.* Россия и интеллигенция (1907—1918). Изд. 2-е «Алконост». Пб. 1919 г. (стр. 44, 57).
397. *Венгеров, С. А.* Собрание сочинений, т. I. Героический характер русской литературы. Изд. 2-е. Изд-ва «Светоч». Пгр. 1919 г., стр. 146—151: § 48. «Достоевский не приемлет мира, доколе он зиждется на неправде».
398. *Венгеров, С. А.* Собрание сочинений, т. IV. В чем очарование русской литературы. Изд. второе, превращенное в сборник, изд-ва «Светоч». Петроград. 1919 г. стр. 25—33: Стать настоящим русским — значит стать братом всех людей. (Из речи «Пушкин

и Достоевский», произнесенной на вечере, посвященном Достоевскому, 25 октября 1911 г., в зале петербургской Городской Думы).

399. *Гершензон, М.* Видение поэта. Москва, 1919 г. (стр. 13, 14, 39, 40).

400. *Горький, М.* Воспоминания о Л. Н. Толстом. Изд. З. И. Гржебина. Пб. 1919 г. (стр. 17, 44—45).

401. *Гроссман, Леонид.* Библиотека Достоевского. По неизданным материалам. С приложением каталога библиотеки Достоевского. Одесса. Кн-во А. А. Ивасенко. 1919 г. Стр. 168.

Отзывы: «Достоевский». Однодн. газ. Русск. Библ. Общ. 1921 г., стр. 30 *(Л. П.)*.

«Книга и Революция», 1921 г., № VII, стр. 61 *(Ф. Маслов)*.

«Печать и Революция», 1922 г., № 2 (5), стр. 318 *(А. Энгельгардт)*.

402. *Иванов-Разумник.* Александр Блок. Андрей Белый. Изд. «Алконост». СПБ. 1919 г. (стр. 107).

403. *Котляревский, Н. А.* Наше недавнее прошлое в истолковании художников слова. ПБ, 1919 г. (стр. 97, 159, 165, 167 - 192)

404. *Лопатто, М.* Опыт введения в теорию прозы. Одесса. 1919 г. (стр. 12—13; анализ «Униженных и оскорбленных»).

405. *Львов-Рогачевский, В.* Очерки по истории новейшей русской литературы (1881—1919). Изд. Всер. Ц. Союза Потр. Общ. Москва. 1919 г. (на обл. — 1920) (стр. 67, 71, 73; 79—86: гл. XI. От Достоевского к Толстому»).

406. *Неведомский, Мих.* Зачинатели и продолжатели. Поминки, характеристики, очерки по русской литературе от дней Белинского до дней наших. Изд. «Коммунист». Пгр. 1919 г. (стр. 125, 299).

1920 г.

407. *Бут, В. В.* Илья Александрович Шляпкин. (Некролог). Петроград 1920 г. (стр. 5).

408. *Дэмор, В. П.* М. В. Петрашевский (Буташевич). Биографический очерк. ПБ. Госуд. Изд. 1920 г. (стр. 7, 20).

409. *Кононов, Н. Н.* Введение в историю русской литературы. Изд. «Задруга». Москва. 1920 г. (стр. 11).

410. *Некрасов, Н. А.* Стихотворения. Под ред. К. И. Чуковского. Гос. Изд. Пгр. 1920 г.

Стр. 526—527: «Послание Белинского к Достоевскому».

» 545—547: «Вступительное слово «Свистка» к читателям о редакторах «Времени».

411 [1]. *Туган-Барановский, М. И.* Нравственное миросозерцание Достоевского. Одесса. 1920. (Перепечатка прежней статьи из «Вопросов обществоведения» в. I и сб. «К лучшему будущему»).

413. *Алексеев, М. П.* Ранний друг Достоевского [И. Н. Шидловский] Одесса. 1921 г. Стр. 26

1921 г.

412. *Чудаков, Герасим.* Пролетарская революция и буржуазная культура. (Статьи 1918—1919 г.г.). Казань. 1920 г. (стр. 12).

414. *Б. М.* Выставка в память столетия со дня рождения Ф. М. Достоевского в Пушкинском Доме. Путеводитель. ПБ. 1921 Стр. 11.

---

[1]) №№ 411, 429 и 441 цитируются по ст. проф. Н. Ефимова: «История русской литературы в годы революции» («Печать и Революция» 1922 г., кн. VII, сент.-окт., стр. 151).

415. *«Достоевский, Ф. М.»*. Сто лет со дня рождения (с портретом). Московский Губполитпросвет. (Листовка газетн. формата). Государств. Издат. Москва. 1921.

416. *«Достоевский и Пушкин»*. Речь и статья Ф. М. Достоевского. Статьи: А. Волынского, К. Леонтьева, Гл. Успенского. Редакция А. Л. Волынского. Изд. «Парфенон». СПБ. 1921 г. Стр. 55.
Отзывы: «Жизнь Искусства» (Пгр.), 1922 г., № 20 (843).
«Печать и Революция» (Москва), 1922 г., № 2 (5), стр. 349. *(Н. Пиксанов).*
«Экран». (Москва), 1922 г., № 32, стр. 13 *(Л. Г.).*
«Шиповник» (сборн.), № 1, Москва, 1922 г., стр. 181—182. *(Л. Гроссман).*

417. *Кони, А. Ф.* 1821—1921. Некрасов, Достоевский. По личным воспоминаниям. ПБ. Кооперативное изд-во литераторов и ученых. 1921 г. Стр. 81.
Отзывы: «Достоевский». Однодневн. газ. Русск. Библиол. Общ., Пгр., 1921 г., стр. 30—31 *(А. П.).*
«Красная Новь» (Москва), 1921 г., № 4 (декабрь), стр. 246—249 *(С. Бобров).*
«Летопись Дома Литераторов», 1921 г., № 3, стр. 9 *(А. Г.).*
«Печать и Революция», 1922 г., № 1. стр. 287—288 *(В. Полянский).*

418. *Мандельштам, Р. С.* Художественная литература в русской марксистской критике. Библиографический указатель. Ред. и предисловие Н. К. Пиксанова. Саратов. 1921 г. (стр. 27, библиография).

418-а. *«Неистовые слова»*. 1821—1921 г.г. Юбилейный литературный сборник в память 100-л. со дня рождения Достоевского. Хабаровск. Изд. «Зарницы». 1921 г. Стр. 32 с илл.

419. *«Об Александре Блоке»*. Статьи: Н. Анциферова, Ю. Верховского, В. Жирмунского, В. Пяста, А. Слонимского, Ю. Тынянова, Б. Эйхенбаума, Б. Энгельгардта. Изд. «Картонный Домик». Пбург. 1921 г. (стр. 99—102: А. Жирмунского. 297—298: Н. Анциферова).

420. *«Пушкин. Достоевский»*. Издание «Дома Литераторов». Петербург. 1921.
Стр. 99—137: *Горнфельд, А. Г.* Два сорокалетия.
» 138—147: *Ремизов, А. М.* Огненная Россия.
Отзывы: «Вестник театра и искусства» (Пбург), 1922 г., № 13, стр. 5.
«Культура» (Саратов), 1922 г., № 1, стр. 5 *(М. Зенкевич).*
«Культура и Жизнь» (Москва), 1922 г., № 4, май, стр. 60—61 *(С. Бобров).*
«Народное Просвещение» (Курск), 1922 г., № 5—6, май—июнь, стр. 121 *(Ю. Богаторский).*
«Народное Просвещение», (Москва), 1922 г., № 101, стр. 16 *(Л. Лаврецкий).*
«Шиповник» (сборн.), 1922 г., Москва, № 1, стр. 183—185 *(Л. Гроссман).*
«Начало» (альман.), 1922 г. Иваново-Вознесенск. № 2—3, стр. 165 *(Книжный человек).*

421. *«Творчество Достоевского. 1821—1881—1921 г.г.»* Сборник статей и материалов под редакцией Л. П. Гроссмана. Всеукраинское Госуд. Издат. Одесса. 1921 г. Стр. XII + 150 + 1 + 8 вкл. (Портреты Д—го и факсимиле изданий его произведений).
Содержание. Материалы:

Стр. 7—28: Ф. М. Достоевский. Неизданные рукописи. Сообщил *Л. П. Гроссман.*
» 29—35: А. Г. Достоевская. Примечания к сочинениям Ф. М. Достоевского. Сообщил *Л. П. Гроссман.*
» 36—38: Секретные инструкции о Достоевском. (Материалы Одесского архивного фонда). Сообщил *Ю. Г. Оксман.*

Статьи:

Стр. 41— 62: *Алексеев, М. П.* О драматических опытах Достоевского.
» 63— 82: *Оксман, Ю. Г.* Достоевский в редакции «Гражданина».
» 83—108: *Гроссман, Л. П.* Путь Достоевского.

Приложения:

Стр. 111—120: Из затерянных статей Достоевского.
» 121—128: Хроника (Новые издания и литература о Достоевском).
» 129—138: *Лейфер, А.* и *Рапопорт, М.* Библиография писем Достоевского.
» 138—148: *Рангуова, Е.; Семяницкая, Ф.* и *Шайн, А.* Библиография воспоминаний о Достоевском.

Отзывы: «Вестник Литературы» (Пгр.), 1922 г., № 1 (37), стр. 14 *(Д. Лутохин).*
«Красный Архив» (Москва), 1922 г., № 1, стр. 435—438 *(П. Л. Бродский).*
«Народн. Просвещ.». (Москва), 1922 г., № 96. *(А. Лаврецкий).*
«Свиток» (Москва), 1922 г., № 1, стр. 156. *(Н. Л. Бродский).*
«Феникс» (сборник), кн. 1-я. М., 1922 г., стр. 161—166 *(Б. Грифцов).*

422. *«Тургеневский Сборник»* (Тургеневского Общества). Под редакцией А. Ф. Кони. Кооперат. Изд-во Литераторов и Ученых. Пгр. 1921 г. (стр. 57, 81, 82, 87, 88, 89, 177).

423. *Тынянов, Юрий.* Достоевский и Гоголь. (К теории пародии). Изд. «Опояз». Петр. 1921 г. Стр. 48.

Отзывы: «Вестник Литературы» (Пгр.), 1921 г., № 10 (34), стр 8 *(П. Ольдин).*
«Достоевский». Однодн. газ. Русск. Библиол. Общ. Пгр. 1921 г., стр. 29—30 *(А. Слонимский).*
«Книга и Революция» (Пгр.), 1921 г., № 1 (13), стр. 66 *(Т. Б.).*
«Летопись Дома Литераторов» (Пгр.), 1921 г., № 2 *(А. Горнфельд).*
«Литературная Газета» (Казань). 1921 г., № 4 *(С. Л.).*
«Печать и Революция», 1921 г., № 3, стр. 267 *(Д. Выгодский).*
«Народное Просвещение» (Курск). 1922 г., № 5—6, стр. 120—121 *(Н. Плотников).*

424. *Флеер, М. Г.* Русские портреты 1917—1918 г.г. Пбург. 1921 г. (стр. 16).

1922 г.

425. *Александрович, Ю.* Матрешкина проблема. «Исповедь Ставрогина» Ф. М. Достоевского и проблема женской души. Изд-во «Поморье». Москва. 1922 г. Стр. 31.

426. *Андреевич.* Опыт философии русской литературы. Изд. третье. М. 1922 г. (стр. 197—201, 309—310).

427. *Анциферов, Н. П.* Душа Петербурга. Изд. «Брокгауз-Ефрон». Пбург. 1922 г. (стр. 65, 66, 85, 133—149, 152—153, 200, 221—222, 226).

428. *Беляев, М. Д., и Спиридонов, В. С.* Аполлон Григорьев. Биография и путеводитель по выставке в залах Пушкинского Дома. СПБ. 1922 г., (стр. 6, 23—25, 29, 33, 47).

429 [1]). *Бердиев, Н. А.* Миросозерцание Достоевского. Москва, 1922.

429-а. *Бирюков, П. И.* Биография Льва Николаевича Толстого. Том третий. Гос. Изд. Москва. 1922 г. (стр. 30, 74, 80).

429-б. *Вересаев, В.* Живая жизнь. Часть I. О Достоевском и Толстом. Изд. 3-е. Кн-во писателей. 1922 г. Стр. 217.

430. *Волынский, А. Л.* Что такое идеализм. Изд. «Парфенон». СПБ. 1922 г. (стр. 51—54).

431. *Гольденвейзер, А. Б.* Вблизи Толстого. (Записи за пятнадцать лет). Том I. Москва. 1922 г. (стр. 37, 38, 61, 66, 93, 100, 108, 122, 148, 163, 201, 217).

432. *Горнфельд, А. Г.* Пути творчества. Статьи о художественном слове. Пбург. Изд. «Колос». 1922 г. (стр. 39, 53, 65, 67, 80, 93, 124—125).

433. *Гроссман, Л. П.* Семинарий по Достоевскому. Материалы, библиография и комментарии. Гос. Изд. Москва—Петроград. 1922 г. (на обл. 1923). Стр. 119.

Содержание:

Стр. 3—6: Предисловие.
» 7—19: Библиотека Достоевского.
» 20—53: Каталог библиотеки Достоевского.
» 54—70: Примечания А. Г. Достоевской к сочинениям Ф. М. Достоевского.
» 71—81: Заметки о языке Достоевского.
» 82—92: Из затерянных статей Достоевского.
» 93—103: Библиография писем Достоевского.
» 104—117: Библиография воспоминаний о Достоевском.
» 118: Примечания и дополнения.

434. *Гроссман, Леонид.* Три современника. Тютчев—Достоевский—Аполлон Григорьев. «Кн-во писателей в Москве». 1922 г., стр. 63—114: «Достоевский и Европа».

435. *Документы* по истории литературы и общественности. Выпуск первый. *Ф. М. Достоевский.* Изд. Центрархива Р.С.Ф.С.Р. Москва. 1922 г. Стр. VIII + 77 + 2 н. + 4 вкл. л. снимк.

Содержание:

Стр. III—VIII: Новые записные тетради Ф. М. Достоевского.
» 1—40: Исповедь Ставрогина. Три ненапечатанные главы из романа «Бесы». Приготовил к печати и снабдил примечаниями *В. М. Фриче.*
» 41—44: Свидание Ставрогина с Тихоном. Статья *В. М. Фриче.*
» 47—59: Угасший замысел. Ст. *Н. Л. Бродского.*
» 63—77: Житие великого грешника. (План романа). Приготовил к изданию и снабдил примечаниями *Н. Л. Бродский.*—Приложения: снимки с гранок I-й и II-й и с листов тетради 8-й и 12-й.

Отзывы: «Жизнь Искусства» (Пгр.), 1922 г., № 17 *(А. С.).*
«Красная Летопись» (Пгр.), 1922 г., № 4, стр. 408—409.
«Наука на Украине» (Харьков), 1922 г., № 4, стр. 419—422 *(Гр. Пр.).*
«Новый Мир» (Москва), 1922 г., № 1, стр. 279—280 *(Н. В. С.).*
«Печать и Революция» (Москва), 1922 г., № 2 (5), стр. 345—346 *(Н. Пиксанов).*

---

[1]) См. примеч. на стр. 51.

«Последние Новости» (Пгр.), 1922 г., № 6 *(К. Боженко).*
«Шиповник» (сборн.), № 1, Москва, 1922 г., стр. 186 *(Б. Вышеславцев).*
«Феникс» (сборн.), кн. 1-я. Москва, 1922 г., стр. 161—166 *(Б. Грифцов).*

436. ***«Достоевский в изображении его дочери Л. Достоевской».*** Перевод с немецкого Л. Я. Круковской под редакцией и с предисловием А. Г. Горнфельда. Гос. Изд. Петроград. 1922 г. Стр. 105.

437. ***«Достоевский».*** Статьи и материалы. Под редакцией А. С. Долинина. Пбург. Изд. «Мысль». 1922 г.
Содержание:
Стр. I—IV: От редакции.
» 1—32: *С. Аскольдов.* Религиозно-этическое значение Д—го.
» 33—64: *Л. Карсавин.* Достоевский и католичество.
» 65—92: *Лосский, Н.* О природе сатанинской (по Д—му).
» 93—152: *Н. Лапшин.* Эстетика Д—го.
» 153—172: *Э. Л. Радлов.* Соловьев и Достоевский.
» 177—207: *В. Комарович.* Ненаписанная поэма Д—го.
» 211—251: *В. Виноградов.* Стиль петербургской поэмы «Двойник».
» 254—272: *Е. Покровская.* Достоевский и Петрашевцы.
» 273—324: *А. Долинин.* Достоевский и Герцен.
» 325—353: *Л. К. Ильинский.* Ф. М. Достоевский и Гл. Ив. Успенский.
» 359—368: Ненапечатанные страницы из «Записок из Мертвого Дома» (сообщил *А. Долинин).*
369—375: *С. Переселенков.* Старина о Петрашевцах.
» 379—452: Письма Д—го к А. Майкову и другим (сообщ. *Б. Л. Модзалевский).*
» 453—460: Из сношений Ф. М. и М. М. Достоевских с Я. П. Полонским (сообщ. *Н. Козмин).*
» 461—466: Два письма Ф. М. Д—го к Н. Е. Гусевой (сообщ. *М. Л. Гофман).*
» 467—471: Письма Д—го к Валиханову и к Каченовскому (сообщ. *Д. И. Абрамович).*
» 472—476: Два письма Д—го к И. А. Гончарову (сообщ. *А. Лященко).*
» 477—506: Воспоминания А. Г. Достоевской (сообщ. *М. Л. Гофман).*
» 507—516: Неизд. письма М. М. Д—го к М. Ф. Де-Пуле и И. С. Милашевичу. К истории журнала «Время» (сообщ. *А. Фомин).*
Отзыв: «Печать и Революция», 1922 г., № 8, 213—215 ***(Д. Благой).***

438. ***Егоров, Н. В.*** Общественность в русской художественной литературе XIX века. Петроград. 1922 г. (стр. 92, 96—99).

439. ***Иванов-Разумник.*** Заветное. О культурной традиции. Статьи 1912—1913 г.г. Изд. «Эпоха». Пбрг. 1922 г. (стр. 17, 38—39).

440. ***Иванов-Разумник.*** Творчество и критика. Статьи критические 1908—1922. Изд. «Колос». Пбрг. 1922 г. (стр. 111—113).

441[1]. ***Истомин, К. К.*** Начала и концы творчества Достоевского. М. 1912.

442. ***Карсавин, Л.*** «Noctes Petropolitanae». Пбург. 1922 г. (стр. 35—56).

443. ***Козьмин, Б.*** П. Н. Ткачев и революционное движение 1860-х годов. Москва. Изд. «Новый Мир». 1922 г. (стр. 42, 45, 65, 119—121, 205, 207—208).

---

[1]) См. примеч. на стр. 51.

444. *Кони, А. Ф.* Петербург. Воспоминания старожила. Издат. «Атеней». Пб. 1922 г. (стр. 26—27)
445. *Крученых, А.* Апокалипсис в русской литературе. Москва, 1923 (1922) г. (стр. 16).
446. *«Литературная Мысль»*, альманах. I. Изд-во «Мысль». Петроград. 1922.
   Стр. 138—162: *Долинин, А.*—«Исповедь Ставрогина». (В связи с композицией «Бесов»).
   « 208—210: *Любимов, С.*—Ф. М. Достоевский (к вопросу об его происхождении).
447. *Львов-Рогачевский, В.* Новейшая русская литература. Изд. Центросоюза. Москва. 1922 (на обл. 1923).
   Стр. 76— 95: «Ч. II, гл. I. Новое художественное слово. Ф. М. Достоевский (1821—1881)».
   » 305—306: Указатель литературы о Достоевском. Кроме этого, о Д.—стр. 179, 189, 196 и др.
448. *Люксембург, Роза.* Душа русской литературы. Перевод с немецкого Л. Я. Круковской, под редакцией А. Г. Горнфельда. Госуд. Изд. Петербург. 1922 года (стр. 5, 7. 8, 10, 11, 12, 13, 30, 31. 32, 33).
448-а. *Мощанский, И. Д.* Заметки и дневник словесника. Ефремов, Тульской губ. 1922 г. (стр. 8—9); прилож., стр. 4).
449. *Некрасов, Н. А.* «Каменное сердце» (повесть из жизни Ф. М. Достоевского). Под редакцией и со вступительной статьей К. И. Чуковского. Изд. «Полярная Звезда». Петроград. 1922 г. Стр. 65.
450. *«Некрасов»*. Неизданные стихотворения, варианты и письма. Из рукописных собраний Пушкинского Дома при Российской Академии Наук. Изд-во М. и С. Сабашниковых. Петроград. 1922 г. (стр. 163, 169, 171, 174).
451. *«Новая Жизнь»*. Альманах первый. Москва. 1922 г.
   Стр. 10—13; *Айхенвальд, Ю.*—Памяти Достоевского.
452. *Переверзев, В.* Творчество Достоевского. Изд. 2-е. Гос. Изд. Москва. 1922 г. Стр. 251.
   Отзыв: «Печать и Революция» (Москва). 1922 г., № 2 (5), стр. 346—347 *(Пиксанов)*.
453. *Перетц, В. Н., акад.* Краткий очерк методологии истории русской литературы Петербург. 1922 г. (стр. 159—библиография).
454. *Пиксанов, Н. К.* Пушкинская студия Изд. «Атеней». Петроград. 1922 г.
   Стр. 81—82; «История Пушкинской речи Достоевского».
455. *Пиксанов, Н. К.* Два века русской литературы. (Введение.—Темы для литературных работ.—Систематическая библиография.—Руководящие вопросы). Москва. 1923 г. (1922 г.) (стр. 151—161; 146, 201).
456. *«Помощь»*. Сборник. № 1, июль 1922 г. Изд. Крым—Ц. К. Помгола. Симферополь. 1922.
   Стр. 20—29: *Новицкий, П.*—Достоевский и Революция.
457. *Пумпянский. Л. В.* Достоевский и античность. Изд. «Замыслы». Петроград. 1922 г. Стр. 48.
458. *Сакулин, П. Н.* Русская литература и социализм. Часть первая. Ранний русский социализм. Гос. Изд. Москва. 1922 г.
   Стр. 352—358: «Отношение к социализму у Ф. М. Достоевского (в сороковых годах)». Уп. о Д.: стр. 90, 186, 214, 275, 300, 301, 302, 304, 309, 316, 317, 328, 329, 336, 342, 343, 361, 374, 393, 402, 420, 432, 480.
459. *«Свиток»*. № 1-й (сборник). Изд-во Литерат. кружка «Никитинские субботники». Москва. 1922 г.

Стр. 73—82: *Л. Гроссман.* — «Искусство романа у Достоевского».
» 83—119: *И. Бродский.* — «Творческая история романа «Бесы».
» 149—152: Два неизданных письма Достоевского к В. В. Лоренц и О. А. Новиковой.
156: Реценз. *И. Л. Бродского* на сборн. Гроссмана: «Творчество Достоевского».

Отзывы: «Жизнь Искусства» (Пгр.), 1922 г., № 17 (840) *(А. Р.)*.
«Народное Просвещение» (Москва), 1922 г., № 105, стр. 11 *(И. Эйгес)*.
«Печать и Революция» (Москва), 1922 г. № 2 (5), стр. 382—383 *(К. Локс)*.
«Феникс» (сборн.), кн. 5-я. М., 1922 г., стр. 179—180 *(Б. Вышеславцев)*.

460. *Соловьев, Евгений Ф.* Достоевский. Его жизнь и литературная деятельность. Изд-во «Молодые силы». Казань. 1922 г., стр. 95.
461. *Соловьев, Евг. (Андреевич).* Собрание сочинений. Том I. Опыт философии русской литературы. Изд-во «Молодые Силы». Казань. 1922 г. (стр. 148—150; 231—235).
462. *Столнинский, П. П.* Революционный Петербург. У колыбели русской свободы. Изд. «Колос». СПБ. 1922 г. (стр. 7, 61).
463. *«Утренники»* (сборник), кн. 1-я Петроград. 1922 г.
Стр. 72—76: *Кони, А. Ф.*—Еще о Достоевском.
» 128—129: *Чешихин-Ветринский, В. Е.* — Архив Достоевского.
464. *Черевнин, П. П.* Ф. М. Достоевский. Его жизнь и творчество. 1821—1921. Изд. т-ва «Начатки Знаний». Петроград. 1922 г., стр. 44.
465. *Шагинян, Мариэтта.* Литературный дневник. Изд. «Парфенон». СПБ. 1922 г., стр. 59—66: «Достоевский под знаком Аполлона».
466. *Шилов, А. А.* Что читать по истории русского революционного движения? Указатель важнейших книг, брошюр и журнальных статей. Петербург. Гос. Изд. 1922 г. (стр. 62—63).

Б. ЖУРНАЛЫ И ГАЗЕТЫ.

1903 г.

Берлинский Листок. 1903, май-июнь:

1. *Пуцыкович, В.* — Воспоминания о Ф. М. Достоевском.

Богословский Вестник. 1903, № 3, стр. 463—498:

2. *Светлов, П. Я., прот.* — Идея царства божия в ее значении для христианского миросозерцания. — V. Царство божие в воззрениях Гоголя, Достоевского и Толстого.

Вестник Знания. 1903 г.,

№№ 1 и 2:

3. *Кузьмин, Н.* — Ф. М. Достоевский в каторге и после ссылки.

№ 9:

4. *Ивинский, М. П.* — Из литературы и жизни. — V. Толстой и Достоевский об И. С. Тургеневе.

Гражданин. 1903 г., № 69:

5. — «Дневники». [Литературный Фонд и Достоевский].

Исторический Вестник. 1903 г.,

т. XCI, январь, стр. 200 — 225:

6. *Скандин, А. В.* — Ф. М. Достоевский в Семипалатинске.

т.т. XCI — 194, 567, 569, 755, 826, —
XCII — 935, —
XCIII — 314, —
XCIV — 1002, 1005:

7. [уп. о Д.].

Курьер. 1903 г., № 287 (15 декабря):

8. *Шулятников, В. М.* — Критические этюды. Назад к Достоевскому.

Литературные Вечера. 1903 г., август:

9. Толстой и Достоевский об И. С. Тургеневе.

Литературный Вестник. 1903 г.,

т. V, кн. 1, стр. 113 — 114:

10. Послание Белинского к Достоевскому.

т. V, кн. 2-я:

11. *Кораблев, В.* — Русские писатели в болгарских переводах (стр. 211).

т. V, кн. 3-я. — стр. 364:

12. Из письма Ф. М. Достоевского [В. Ф. Пуцыковичу.—1879 г.]-

т. VI, кн. 6-я, стр. 176:

13. О японских переводах с русского.

Мир Божий. 1903 г., июнь, —

стр. 119 — 141:

14. *Хейсин, М.* — Достоевский и Ницше.

стр. 40 — 45:

15. Из русских журналов. [О статьях Н. Кузьмина в «Вестн. Зн.» и г. Скандина — в «Ист. В.»].

Нива. Литературные приложения. 1903 г., №№ 5 и 11:

16. *Сементковский, Р. И.* — Что нового в литературе [уп. о Д.].

Новое Время. 1903 г.,

№ 9638:

17. Среди газет и журналов. [О службе Достоевского рядовым в Семипалатинске].

№ 9677:

18. Среди газет и журналов. [Из воспоминаний В. Ф. Пуцыковича о Достоевском.].

№ 9865:

19. *Розанов, В.* — И. С. Тургенев. [Уп. о Д.].
20. *Случайный летописец.* — И. С. Тургенев как русский и как европеец [Уп. о Д.].
21. Среди газет и журналов. [О «Житии старца Зосимы», напечатанном в журн. «Воскресенье»].

№ 9895 (21, IX):

22. От Комитета Литературного Фонда. [По поводу заметки в № 69 «Гражданина» за 1903 г.].

Новости. 1903 г.,

№ 91:

23. [*перепеч.* — *Бодуэн-де-Куртене* — об отношении Достоевского к спиритизму].

№ 335:

24. [*перепеч.* — *Репин, И.* — о нападении босяка на Достоевского].

Новый Путь. 1903 г., октябрь — стр. 48, ноябрь — 52, декабрь — 128:

25. *Вернер, И.* — Тип Кириллова у Достоевского.

Одесские Новости. 1903 г., № 6161:

26. [*перепеч.* — *Репин, И.* — о нападении босяка на Достоевского].

Педагогический Сборник. 1903 г., IX, стр. 217 — 235:

27. *Острогорский, А. Н.* — К вопросу о влиянии одной личности на другую (по поводу книги И. Мальцева: «Психология нравственного влияния одной личности на другую — по произведениям епископа Феофана и Ф. М. Достоевского»).

Письма к ближним. [М. О. Меньшикова]. 1903 г., март, стр. 142 — 151:

28. Письмо LVIII: — О неутоленной правде.

Русская Мысль. 1903 г., III, стр. 55 — 71:

29. *Терещенков, С.* — Проповедник конца. (Г. Мережковский о Толстом и Достоевском).

Русская Старина. 1903 г.,

январь:

30. *Гутьяр, Н.* — И. С. Тургенев и Н. А. Некрасов (стр. 81).

май:

31. *Аксаков, И. С.* — Пять писем к К. Ф. Головину (стр. 262, 266);

сентябрь:

32. Воспоминания участника в деле М. В. Петрашевского (стр. 519).

Русский Вестник. 1903 г.

№№ IV — VI:

33. «Из переписки *К. Н. Леонтьева*». С предисловием и примечаниями В. В. Розанова (IV — стр. 642, 643, 650 — 651; V — 162, 163; VI — 410, 417, 424, 430, 431).

№ XI:

34. *Скиф, И.* — Святые земли русской (стр. 206).

Русское Богатство. 1903 г., XI, стр. 1 — 22:

35. *Гуковский, Ал.* — Границы анализа в литературной критике (Волжский. Два очерка об Успенском и Достоевском).

С.-Петербургские Ведомости. 1903 г.,
№№ 1, 8, 77:
36. [уп. о Д.].
№ 89:
37. [*перепеч. — Бодуэн-де-Куртене* — об отношении Достоевского к спиритизму].
Северо-Западное Слово, 1903 г., № 1805:
38. [*перепеч. — Репин, И.* — о нападении босяка на Д.].
Христианское Чтение. 1903 г., т. I, стр. 342:
39. *Миртов, Д. П.* — Рефераты о Ницше и Достоевском [обзор].

1904 г.

Биржевые Ведомости. 1904 г., №? [1]):
40. *Голицын, К. К., князь.* — Мелкие штрихи для больших портретов. — Воспоминания [о Достоевском.].
Богословский Вестник. 1904 г., декабрь:
41. *Тареев, М., проф.*—Религия и нравственность (стр. 603—626).
Вера и Разум. 1904 г., № 20, ц., стр. 391 — 415 и № 21, ц., стр. 473—492:
42. *Шингарев, Вас., свящ.* — Основные идеи православия в изложении Ф. М. Достоевского.
Вестник и Библиотека Самообразования. 1904 г., № 11, стр. 440—446:
43. *Адрианов, С.* — Г. Мережковский о Достоевском и Толстом.
Волжский Вестник. 1904 г., № 16:
44. [*перепеч. — Репин, И.* — о нападении босяка на Достоевского].
Всемирный Вестник. 1904 г.,
№ 3, стр. 1 — 28:
45. *Фалеев, Н. И.* — Война и смертная казнь [уп. о Д.].
№ 8 — стр. 1 — 27 и № 12 — стр. 1 — 59:
46. *Батуринский.* — А. И. Герцен, его друзья и знакомые [уп. о Д.].
№ 12, стр. 60 — 83:
47. *Жураковский.* — Крах души. (О последних произведениях Л. Андреева). — [уп. о Д.].
Известия Книжных Магазинов Т-ва М. О. Вольф. 1904 г., № 4 — стр. 59; № 5 — 6 — стр. 78; № 11 — 12 — стр. 142:
48. [уп. о Д.].
Исторический Вестник 1904 г.,
январь:
49. *Градовский, Гр.*—Из литературных воспоминаний (стр. 111).
февраль:
50. *Т-ва, В. В. (О. Починковская).* — Год работы с знаменитым писателем. (Посвящается памяти Ф. М. Достоевского). (стр. 488 — 542.)
51. *Шепрок, Влад.* — Памяти И. Ф. Федорова и А. Е. Викторова (стр. 661);
март:
52. *Фаресов, А.* — Н. К. Михайловский (стр. 1041).
Литературный Вестник. 1904 г.,
т. VII, кн. 1 — стр. 107, кн. 2-я — стр. 86:
53. «Дневник писателя» на французском языке.
т. VII, кн. 2-я, стр. 105:
54. Музей имени Ф. М. Достоевского.
Мир Божий. 1904 г.,
№ 1, стр. 107 — 239:
55. *Ашевский, С* — Достоевский и Белинский.

---

[1]) Цитируется по тетрадям (газетных вырезок) Фидлера (из архива С. А. Венгерова), т. 4-й, стр. 1 — 2.

№ 3:

56. Починовская, Ф. — [отд. «На родине» — уп. о Д.].

Московские Ведомости. 1904 г.,

№ 18:

57. Васильев, Николай. — Ряды воспоминаний.

№ 350:

58. Арсеньев, Ю. — Как мыслил о благе России Достоевский.

Научное Слово. 1904 г., II, стр. 106 — 119:

59. [о кн. Шестова: «Достоевский и Ницше. Философия трагедии», Спб. 1903 г.].

Наша Жизнь. 1904 г.,

№ 16:

60. Spectator. — Василеостровский театр. [О переделке «Преступления и наказания»].

№ 19:

61. [Заметка в хронике: дар А. Г. Достоевской Истор. Музею].

Новое Время. 1904 г.,

№ 10188 (13, VII):

62. [О гонораре Достоевского].

№ 10323:

63. [Заметка в хрон. — о музее Достоевского].

№ 10325:

64. [О письме В. Ф. Пуцыковича в «Берл. Л.» о Д.].

Новости. 1904 г.,

№ 35:

65. [Мнение Достоевского о необходимости осведомлять население о ходе событий].

№ 281:

66. [О французском переводе «Дневника писателя»].

Новый Путь. 1904 г., апрель,

стр. 230:

67. Череда, Юр. — О пошлости [«Бр. Карамазовы»].

стр. 239:

68. Крайний, Ант. — Еще о пошлости.

Образование. 1904 г., № 6:

69. Мурашев, В. — Душевная жизнь истеричных и типы женской истерии у русских писателей.

Русская Мысль. 1904 г., № 2, стр. 206 — 208:

70. Ф. Арн. — Журнальное обозрение [о ст. Анненского: «Достоевский и Белинский» в «Мире Бож.». 1904 г., № 1].

Русская Старина. 1904 г.,

март:

71. Гутьяр, Н. — И. С. Тургенев и В. П. Боткин (стр. 642).

апрель:

72. С. З. — Император Николай I и европейские революции (стр. 52).

июнь:

73. Бычков, И. А. — Из переписки князя В. Ф. Одоевского (стр. 584).

Русские Ведомости. 1904 г.,

№ 55:

74. [зам. — о франц. переводе «Дневника писателя»].

№ 115:

75. [О кн. Gaston Loyge — о Достоевском. Paris. 1904].

№ 164:

76. [О кн. Баженова — «Мопассан и Достоевский». Paris. 1904]

№ 327:

77. [зам. — о пожертвованиях А. Г. Достоевской в музей Д.].

Русский Архив. 1904 г.

№ 3. стр. 402 — 403:

78. Письмо Ф. М. Достоевского к П. П. Петерсону.

№ 6. стр. 300 — 301:

79. *Петерсон, П.* — Письмо к издателю «Русского Архива». По поводу отзыва Ф. М. Достоевского о Н. Н. Федорове.

Русский Вестник. 1904 г.,

№ 1:

80. *Величко, В.* — Русские речи (стр. 248, 259, 268).

№ 6:

81. *Покровский, А. И.* — Современное декадентство перед судом вековечных идеалов (стр. 547, 548, 556, 557, 587).

82. *Стародум, П. Я.* — Журнальное обозрение (стр. 804).

№ 10:

83. *Драганов, В.* — Русский язык в японских учебных заведениях и русские писатели в японском переводе (стр. 449).

84. *Стародум, П. Я.* — Театральное обозрение (стр. 788).

Русское Богатство. 1904 г., №№ 1 и 2:

85. *Волжский.* — Глеб Успенский о заболевании личности русского человека [уп. о Д.].

Русь. 1904 г.,

№ 26:

86. Давно пора. [О доме, где жил и умер Достоевский].

№ 76:

87. [Зам. — о музее Д — го].

С.-Петербургские Ведомости. 1904 г.,

№ 58:

88. [Зам. — о пожертвов. в музей Достоевского].

№ 120:

89. [Выдержки из воспоминаний *Н. М. Ядринцева* о Достоевском, — перепеч. из «Восточн. Обозрен.»].

Северо-Западное Слово. 1904 г., № 1885.

90. *Постоянный.* О ст. Ашевского: Достоевский и Белинский.

Сын Отечества. 1904 г., № 8:

91. [Зам. — о пожертвов. А. Г. Достоевской в музей Д.].

1905 г.

Биржевые Ведомости. 1905 г.,

13, II:

92. *Городецкий, Д.* — Достоевский, как прорицатель.

17, VIII:

93. *Брешко-Брешковский, Н.* — Из воспоминаний о графе Алексее Толстом. [Достоевский у А. Толстого].

№ 9045:

94. [Зам. в хрон. — о доме, где родился Д.].

№ ? [1]).

95. *Н — в, Ник.* — Достоевский и Вл. Соловьев о свободе церкви.

Вера и Разум. 1905 г., № 8, отд. фил.:

96. *Никольский, Н. В.* — К вопросу об отношении русского человека к философии по мнению И. С. Тургенева и Ф. М. Достоевского.

Весы. 1905 г., декабрь,

стр. 47 — 54:

97. *Белый, Андрей.* — Ибсен и Достоевский.

стр. 68 — 69:

98. *Бугаев, Борис.* — На перевале. (А. Л. Волынский. Достоевский. Спб. 1906).

---

[1]) Цитируется по тетрадям Фидлера (из архива С. А. Венгерова), т. III, стр. 27 — 28.

Вопросы жизни. 1905 г.
№ 3, стр. 255 — 289:
99. *Бердяев, Н.* — Трагедия и обыденность.
№ 4 — 5, стр. 275 — 291:
100. *Волжский.* — Христианские переживания в русской литературе.
№ 4 — 5, стр. 320 — 334:
101. *Бердяев, Николай.* — Дневник публициста. Культура и политика.
№ 7, стр. 321 — 350:
102. *Волжский.* — Обыденность трагедии.
Известия Книжных Магазинов Т-ва М. О. Вольф. 1905 г.,
№ 3 — стр. 39; № 15 — 223; № 19 — 281; № 20 — 21 — стр. 299:
103. [уп. о Д.].
— *Вестник Литературы:*
№ 16 — стр. 371; № 20 — 21 — стр. 457, 459, 462, 463, 465:
104. [уп. о Д.].
№ 20 — 21, стр. 451 — 456:
105. *Краснов, Пл.* — Достоевский в новом критическом освещении.
Известия Славянского Благотворительного Общества. 1905 г., № 4, стр. 331 — 346:
106. *Лобов, Л.* — Достоевский и его славянофильство.
Киевские Отклики. 1905 г., № 210:
107. [Зам. — о немецк. переводе «Униженн. и оскорблен.»].
Мир Божий. 1905 г.,
январь:
108. *Ларский, Н.* — [Достоевский — о психологии русского шпиона, — стр. 22].
июнь — стр. 161 — 178; июль — 109 — 132; август — 137 — 160:
109. *Волжский.* Религиозно-нравственная проблема у Достоевского.
Мирный Труд. 1905 г., кн. 1:
110. *Новоселов, М.* — И. С. Аксаков и Ф. М. Достоевский о мерах материального обеспечения духовенства.
Наша Жизнь. 1905 г., № 280:
111. [Зам. — о доме, где родился Достоевский].
Новое Время. 1905 г.,
№ 10455:
112. [Зам. — о доме, где родился Достоевский].
№ 10563:
113. *В. Г.* — [О кн. Gaston Loyge — Un homme de genie. Th. M. Dostoiewsky. Paris. 1905].
Новости. 1905 г.,
№ 22:
114. [Зам. — о переделке «Вечного мужа»].
№ 36:
115. Друг Достоевского. [Прот. И. Румянцев — в Ст. Руссе].
Петербургский Дневник Театрала. 1905 г.,
№ 15 — 16:
116. *Плещеев, А.* [сообщ.] — Материалы для биографии русских писателей. — Неизданные письма и записки [Д—го к А. Н. Плещееву].
Русская Старина. 1905 г.,
февраль:
117. По делу о Петрашевском (стр. 311. 322).

ноябрь:

118. Соколовский, Михаил. — Дело Петрашевского, как эпизод в истории общественного движения в России (стр. 351).

Русские Ведомости. 1905 г. № 257:

119. [Зам. — о немецк. переводе «Подростка»].

Русский Вестник. 1905 г., V:

120. Со... в, А. — Слияние сословий в церковно-приходской ... древней Руси (стр. 41).

Русский ...ологический Вестник. 1905 г.,

№ 2 — стр. 298 — 308; № 3 — стр. 174 — 184:

121. Мишеев, Н. — Русский Фауст. Опыт сравнительного выяснения основного художественного типа произведений Д...стоевского.

[оконч. — см. «Р. Ф. В.» 1906 и 1907 г.г.].

Русь. 1905 г.,

№ 166:

122. [Зам. — о немецк. переводе «Униж. и оскорбл.»].

№ 228:

123. [Зам. в хрон. — о доме, где родился Достоевский].

Сын Отечества. 1905 г., № 192:

124. [Зам. в хрон. — о доме, где родился Достоевский].

Слово. 1905 г., № 66:

125. [О прот. И. Румянцеве—друге Достоевского,—в Ст. Руссе].

Туркестанские Ведомости. 1905 г., № 2134:

126. Солтановский, И. И. — Памяти Достоевского. [Сведения о воинской части, в которой служил Достоевский].

1906 г.

Берлинский Листок. 1906 г., № 2 — стр. 6, № 3 — стр. 7:

127. Пуцыкович, В. — Предсказания Ф. М. Достоевского о конституции и революции (из моих воспоминаний).

Биржевые Ведомости. 1906 г., январь [1]):

128. У вдовы Ф. М. Достоевского

Былое. 1906 г.,

I, 92; IV, 277; IX, 48, 207; XI, 108:

129. [уп. о Д.]

№ 1, (стр. 299 — 300):

130. Вейнберг П. И. — 1-е апреля 1866 г. (Из моих воспоминаний).

Вера и Разум. 1906 г., № 20, стр. 1013 — 1020:

131. М. — Мысли Ф. М. Достоевского о проповедании слова Божия, в связи с современностью.

Весы. 1906 г.,

январь, — стр. 47 — 54:

132. Белый, Андрей. — Ибсен и Достоевский [то же, что в № 12 за 1905 г.].

февраль, стр. 27 — 45 и март, стр. 19 — 47:

133. Мережковский, Д. — Пророк русской революции. К юбилею Достоевского.

Золотое Руно, 1906 г.,

февраль, стр. 89 — 90:

134. Белый, Андрей. — Достоевский. По поводу 25-летия со дня смерти.

№ 11 — 12:

135. Розанов, В. — Послесловие к комментар. «Легенды о Великом Инквизиторе».

---

[1]) Цитируется по тетрадям Фидлера (в архиве С. А. Венгерова), т. 5, стр. 44 — 45.

Известия Книжных Магазинов Т-ва М. О. Вольф. 1906 г., № 3 — стр.23; № 4 — 31; № 6 — 43, 47; № 8 — 63; № 12 — 96; №21 — 167; № 26 — 205; № 27 — 213; № 38 — 301:

136. [уп. о Д.].

— *Вестник Литературы,*

№ 3 — стр. 17 — 19:

137. [уп. о Д.].

№ 4 — стр. 25 — 27:

138. *Р — ов, В.* — К истории «Вечного мужа». (По случаю 25-летия со дня смерти Ф. М. Достоевского).

Мирный Труд. 1906 г.,

№ 2:

139. *Таубе, Мих., барон.* — Образование великодержавных единиц. [стр. 61 — 67: Три идеи Достоевского].

№ 7:

140. *Таубе, М., бар.* — Памятка о Ф. М. Достоевском.

Московский Еженедельник. 1906 г.,

№ 12:

141. *Волжский.* — Достоевский и самодержавие.

142. *Волжский.* — Памяти Достоевского.

Наша Жизнь. 1906 г., № 375:

143. [о лекции Мережковского о Достоевском.].

Нева. 1906 г., № 7, — стр. 721 — 722:

144. Неизданное письмо Ф. М. Достоевского [к А. И. Уманец от 24 марта 1878 г.].

Невод. 1906 г.,

№ 1 (июль):

145. *Письма Н. Д. Хвощинской* (Крестовский — псевдоним) к А. Н. Плещееву [от 15 июня 1880 г. — о Пушкинских празднествах].

Нива. 1906 г.,

№ 6, стр. 93:

146. Памяти Ф. М. Достоевского. — По поводу 25-летия его кончины.

— *Литературные приложения.* Май и июнь:

147 *Сергеенко, П. А.* — Тургенев и Толстой (гл. X и XXIX).

Новое Время. 1906 г.

№ 10792:

148. *Буренин, В.* — Критические очерки [о 8-м томе 6-го изд. соч. Достоевского: «Бесы» и др.].

№ 10922:

149. Библиографическая заметка. [О немецк. переводе полн. собр. соч. Достоевского, изд. в Мюнхене Меллером-ван-дер-Бруком].

8, VII:

150. Черточки характера писателей. — Из наблюдений и воспоминаний.

Новости. 1906 г., № 33:

151. Кто познакомил немцев с Достоевским?

Обновление (газета — Казань). 1906 г., № 35, от 22-го февраля:

152. *Анненский, Н. Ф.* — Ф. М. Достоевский.

Одесские Новости. 1906 г.,

№ 6841:

153. *Геккер, Н.* — Две годовщины. 28 января 1906 г. (25-летие смерти Ф. М. Достоевского и двухлетие смерти Н. К. Михайловского).

№ 6845:

154. Подделки произведений Достоевского.

№ 6848:

155. [Зам. — о новом изд. полн. собр. соч. Достоевского].

Петербургская жизнь. 1906 г., № 841:

156. *Божерянов, И.* — Памяти Ф. М. Достоевского.

Полярная Звезда. 1906 г., № 7, стр. 481 — 493:

157. *Шестов, Л.* — Пророческий дар.

Русская Старина. 1906 г., октябрь:

158. *Никитин, В. П.* — Воспоминания (стр. 107).

Русский Филологический Вестник. 1906 г., № 1 — 2 — стр. 275 — 315; № 3 — 4 — стр. 324 — 360:

159. *Мишеев, Н.* — Русский Фауст. [Продолж. — см. «Р. Ф. В.» 1905 г.].

Русское Государство. 1906 г., № 5:

160. *М — ой.* — [О кн. А. Л. Волынского — «Ф. М. Достоевский». СПБ. 1906].

С.-Петербургские Ведомости. 1906 г., № 22:

161. *Книголюб.* — Памяти Ф. М. Достоевского. (По поводу 25-летия со дня смерти).

Свобода и Культура. 1906 г., № 7:

162. *Булгаков, С. Н.* — Венец терновый.

Современная жизнь. 1906 г., № 19:

163. *А. Г. Ш.* — Из воспоминаний о Ф. М. Достоевском. [Зам. — По поводу 25-летия со дня смерти Д.].

Слово. 1906 г., № 367 (28 января):

164. Письма Ф. М. Достоевского к А. А. Краевскому.

Труды Киевской Духовной Академии. 1906 г., кн. XII, стр. 545 — 577:

165. *Малинин, В.* — Достоевский, особенности и развитие его дарования и творчества.

1907 г.

Биржевые Ведомости. 1907 г.,

№ 10128:

166. «Бесы» на сцене театра Лит.-Худ. Общества.

№ 10250:

167. *Правовед.* — «Преступники» в литературе.

Былое. 1907 г.,

I, стр. 243 — 246:

168. Письмо Ф. М. Достоевского Э. И. Тотлебену (1856 г.).

VII, стр. 307. 308; X, стр. 129:

169. [уп. о Д.].

Вестник Воспитания. 1907,

№ 1, стр. 1 — 19:

170. *Овсянико-Куликовский, В.* — Достоевский 70-х годов.

№ 3, стр. 1 — 27:

171. *Овсянико-Куликовский, В.* — Идейное наследие Достоевского.

Известия Книжных Магазинов Т-ва М. О. Вольф. 1907 г., № 1 — стр. 8; № 5 — 71; № 9 — 115; № 10 — 130, 133; № 12 — 161:

172. [уп. о Д.].

— *Вестник Литературы.* № 1, стр. 11 — 15:

173. *Русаков, Виктор.* — Музей памяти Ф. М. Достоевского (с 3 рис. и 1 портр.).

Известия Отделения русского яз. и словесности Академии Наук. 1907 г., т. XII, кн. 3:

174. *Бобров, Е.* — Из истории русской литературы XVIII и XIX ст. — Гл. XX: В. С. Печерин и М. Ю. Лермонтов (стр. 254).

Иллюстрированный Еженедельник. (Приложение к газете «Товарищ» и «Столичная Почта». СПБ.). 1907 г.,

№ 7 (21. II), стр. 100—112:

175. *Михаил, архим.* — Как я стал народным социалистом. — II. В рабстве компромисса. — III. Ссора с Достоевским и немецкими христианскими социалистами.

Исторический Вестник. 1907 г., январь:

176. *Стахеев, Д. И.* — Группы и портреты. (Листочки воспоминаний). [стр. 82, 84—89].

Критическое Обозрение. 1907 г., I:

177. *Волжский.* [О шестом (юбил.) изд. собр. Д.].

Новое Время. 1907 г.,

№№ 11333, 11334, 11336:

178. [По поводу постановки на сцене «Бесов» Достоевского в переделке В. Буренина и М. Суворина].

№ 11406:

179. *Ю — н.* — Критики Достоевского.

Петербургская Газета. 1907 г.,

№ 355 (27. XII):

180. *Плещеев, А. А.* — 30-летие со дня смерти Н. А. Некрасова. [Достоевский на похоронах Некрасова].

Русская Мысль. 1907 г., IX, стр. 162—177:

181. *Айхенвальд, Ю.* — Литературные заметки. (По поводу нового издания сочинений Достоевского).

Русская Старина. 1907,

май:

182. *Лернер, Н.* — Отголосок дела петрашевцев (стр. 363, 364).

сентябрь:

183. *Паренсов, П.* — Россия и Болгария (стр. 455).

Русский Архив. 1907 г., № 3:

184. *Хлебников, К. Д.* — Записки (стр. 381).

Русский Филологический Вестник. 1907 г., I,

стр. 1—28:

185. *Мишеев, Н.* — Русский Фауст. [Окончание, — см. «Р. Ф. В.» 1905 и 1906 г.г.].

стр. 183—186:

186. *Бобров, Е. А.* — Из истории русской литературы. Ф. М. Достоевский и Франц Шуберт.

Русское Слово. 1907 г.,

28. XII:

187. *Измайлов, А.* — Памяти Н. А. Некрасова. [«Спор» о нем Достоевского]

Русь. 1907 г.,

№ 94:

188. [о «Библиографич. Указат.» А. Г. Достоевской].

№ 152:

189. [о немецк. переводе 13-го т. соч. Достоевского].

№ 262:

190. *Шмель* — Малый театр. «Бесы».

Речь. 1907 г., № 232:

191. *Азов, Влад.* — «Бесы» [о переделке Буренина и Суворина].

Свободные Мысли. 1907 г.,

16. VII:

192. *Измайлов, А.* — Любовь у старых и новых писателей.

Слово. 1907 г.,

№ 254:

193. *Щеглов, Ив.* — Жертва цензурной инквизиции.

№ 267:

194. *Будищев, Ал.* — «Бесы».

195. *Репин, Н.* — Театральные впечатления. — «Бесы», инсцениp. В. Буренина и М. Суворина.

№ 341:

196. *Шестаков, Д.* — Тридцать лет назад.

Театр и Искусство. 1907, № 40, стр. 654 — 656:

197. *Кугель, А.* — Театральные заметки. [Переделка «Бесов» — В. П. Буренина и М. А. Суворина].

Товарищ. 1907 г.,

№ 287:

198. *Горнфельд, А.* — Новое о Достоевском.

№ 386:

199. *Tch.* — Малый театр. Сцены из романа «Бесы».

Чтения в Историческом Обществе Нестора Летописца (Киев). 1907 г., кн. 19-я, вып. III, стр. 59 — 63:

200. *Дашкевич, Н. П.* — Несколько вводных слов о Ф. М. Достоевском и Н. И. Костомарове.

стр. 63 — 68:

201. *Сикорский, И. А., проф.* — Достоевский, как человек и писатель.

1908 г.

Биржевые Ведомости. 1908 г.,

№ 10114:

202. Достоевский на каторге.

№ 10618:

203. Достоевский у хиромантки.

Вера и Разум. 1908 г., № 24, б.:

204. *Брандин, М.* - Евангелие по своему существу индивидуально и социально (стр. 772, 773).

Вестник Европы. 1908 г.,

№ 1:

205. *Х-о, Г.* (сообщ.). — Письма к гр. С. А. Толстой. [стр. 215 — 218: Ф. М. Достоевского, от 13. VI. 1880].

№ 5, — стр. 23 — 32:

206. *Кони, А. Ф.* — Из воспоминаний.

Вечер. 1908 г.,

№ 5, от 7. VI:

207. *Антей.* — День. [Об изнасиловании Достоевским малолетней девочки].

21, VIII:

208. Воспоминания Савиной о Тургеневе. [Уп. о Д.].

Золотое Руно. 1908 г., № 5:

209. *Чулков, Г.* — Покрывало Изиды. [Уп. о Д.].

Известия Книжных Магазинов Т-ва М. О. Вольф. 1908 г.,

№ 1:

210. Тэн о Тургеневе [и Достоевском].

№ 2, стр. 25, № 6 — 7 — 100, — № 10 — 148:

211. [уп. о Д.].

Известия Отд. русск. яз. и словесности Академии Наук. — 1908 г. т. XIII, кн. III, стр. 383 — 386:

212. *Браиловский, С. Н.* — Воспоминания поляка-каторжника о Ф. М. Достоевском. (Siedem lat katorgi. Pamietniki Szymona Tókarzewskiego 1814 — 1857. Warszawa, 1907)

Исторический Вестник. 1908 г.,

апрель, стр. 189 — 198:

213. *Браиловский, С. Н.* — Ф. М. Достоевский в омской каторге и поляки. Из воспоминаний Токаржевского, «Семь лет на каторге».

декабрь, стр. 1171 — 1172:

214. К двадцатипятилетнему юбилею школы имени Ф. М. Достоевского в Старой Руссе.

Колокол. 1908 г., № 810:

215. ***Кузьмин, Н. Н.*** — Евангелие Достоевского.

Минувшие Годы. 1908 г.,

№ 1, стр. 77 — 83:

216. ***Салтыков-Щедрин, М. Е.*** — Г.г. «Семейству М. М. Достоевского», издающему журнал «Эпоха» [неизданная статья].

№ 8:

217. ***Ковалевский, Максим.*** — Воспоминания о И. С. Тургеневе (стр. 13, 19).

218. Неизданное письмо Ф. М. Достоевского [В. Д. Константиновой] (стр. 155 — 158).

№ 11, стр. 117 — 119:

219. ***Боборыкин, П. Д.*** — За полвека. (Глава воспоминаний).

№ 2 — стр. 52, 269; № 4 — 229; № 5, 6, 38, 56; № 8 — 217, 221, 228, 231, 245; № 9 — 16, 97, 273; № 10 — 70, 103, 203, 204, 206; № 11 — 314; № 12 302:

220. [уп. о Д.].

Московский Еженедельник. 1908 г., № 45:

221. ***Сливицкий, А.*** — Из моих воспоминаний о Л. Н. Поливанове [стр. 41 — 43: «Пушкинские дни» в Москве].

Новое Время. 1908 г.,

№ 11424:

222. Русская драма в 1907 г. [о постановке «Бесов»].

№ 11582:

223. [О ст. Фаресова в «Петерб. Газ». — Параллель между Дю-Лу и Достоевским].

№ 11732:

224. Школа имени Ф. М. Достоевского (Ст. Русса).

№ 11733:

225. ***Перцов, П.*** — Плагиат экспромтом.

№№ 11753 — 11771 (иллюстр. прилож.):

226. ***Врангель, А. Е., барон.*** — Отрывки из моих воспоминаний. [Окончание см. в «Н. Вр.» 1909 г.].

Огонек. 1908 г., № 33:

227. ***Гринман, И.*** — Л. Толстой в оценке себе равных.

Петербургская Газета. 1908 г.,

18, IX:

228. Гонорары писателей и артистов.

Петербургский Листок. 1908 г.,

31, VIII:

229. ***Силин, П.*** — Писательские гонорары.

Речь. 1908 г.,

№ 181:

230. [Зам. — о ст. о Достоевском в «Revue Slave»].

17, VIII:

231. ***Изгоев, А.*** — И. С. Тургенев. [Из воспоминаний М. М. Ковалевского — уп. о Д.].

Русская Старина. 1908 г.,

№№ 10 и 12:

232. ***Градовский, Г. К.*** — Из минувшего. (Воспоминания и впечатления литератора). (№ 10 — стр. 69 — 70; № 12 — 558).

№ 2 — стр. 299; № 3 — 638; № 4 — 197; № 7 — 221; № 8 — 222; № 9 — 639, 640; № 11 — 351:

233. [уп. о Д.].

Русские Ведомости. 1908 г., № 194:

234. ***Боборыкин, П. Д.*** — Печальная годовщина. (Из воспоминаний о Тургеневе).

Русское Слово. 1908 г.,
6, VI:
235. К делу Дюлу. [Д-р Баженов — о Достоевском].
№ 152 (от 2, VII):
236. *Старый литератор.* — Достоевский и Толстой.
Русь. 1908 г.,
5, I:
237. [Рассказ Достоевского о Пушкинских празднествах].
9, I:
238. [Щедрин и Достоевский. — По поводу статьи в ж. «Минувшие Годы» 1908 г., I].
№ 159:
239. *Боцяновский, Вл.* — Сплетни о Достоевском.
Слово. 1908 г., № 635:
240. [Из воспоминаний *А. Сливицкого* об открытии памятника Пушкину в Москве].
Театр и Искусство. 1908 г.,
№ 27:
241. [Отзыв Достоевского о П. И. Вейнберге в роли Хлестакова].
Утро. 1908 г., № 24:
242. [По поводу ст. П. И. Кузьмина в «Колоколе»: Евангелие Достоевского].
Христианин. (Сергиев Посад). 1908 г. сентябрь и октябрь:
243. *Щукин, П.* — Религиозные и общественные идеалы Ф. М. Достоевского. (Публичная лекция).

1909 г.

Биржевые Ведомости. 1909 г.,
№ 11050:
244. [Зам. — относительно дома, где жил Достоевский].
№ 11119:
245. *Быков, П. В.* — Из литературного архива. Воспоминания.— Два письма Достоевского.
№ 11153:
246. *Обозреватель.* — Из воспоминаний В. Г. Авсеенко.
Известия Книжных Магазинов Т-ва М. О. Вольф. 1908 г.,
№ 3, стр. 56:
247. [Уп. о Д.].
Известия Отделения русского языка и словесности Академии Наук. 1909 г., т. XIV:
кн. I:
248. *Бобров, Е. А.* — Из истории русской литературы XVIII и XIX столетий. — XXIV. «Раканы» (стр. 96 — 114).
кн. IV:
249. *Кони, А. Ф.* — Памяти Тургенева (стр. 36).
Исторический Вестник. 1909 г.,
№ 4, стр. 217 — 219:
250. *Шилкин, капитан* (сообщ.). — Формулярный список Ф. М. Достоевского.
№ 5, стр. 593 — 595:
251. *Коломийцев, Андрей.* — Письмо Ф. М. Достоевского [А. К. Коломийцевой].
№ 9:
252. *Шевляков, Мих.* — Мировой судья А. И. Трофимов (стр. 925).
Критическое Обозрение. 1909 г., № 5, сент.:
253. *Розанов, В. В.* — О книге А. Л. Волынского: «Ф. М. Достоевский».

Наша Газета. 1909 г.,

№ 32:

254. Ф. М. Достоевский и интеллигенция. [О докладе Б. Г. Столпнера в Лит. Общ.].

№ 84:

255. [Зам. — относительно дома, где жил Д.].

Новая Русь. 1909 г.,

№ 70:

256. Один из молодых. [О лекции проф. К. Ф. Жакова: «Иван Карамазов по Достоевскому»].

№ 314:

257. *Ars.* — «Преступление и наказание» (Малый театр).

№ 330:

258. *Ф — ов, А.* — Достоевский в Германии.

Новое Время. 1909 г.,

№№ 11778 — 11888 (иллюстр. прилож):

259. *Врангель, А. Е., барон.* — Воспоминания [оконч. — См. «Н. Вр.» 1908 г.].

№ 11875:

260. *Павленков, Л. Н.* — Письмо в редакцию. [Относительно дома, где умер Достоевский].

№ 11881:

261. Государственная Дума. [О праве литературной собственности: отношение к этому вопросу А. Г. Достоевской].

№ 11964:

262. *Розанов, В.* — На лекции о Достоевском [Столпнера — в Лит. Общ.].

№№ 12104 [1]), 12111 и 12118:

263. Неизданные письма Ф. М. Достоевского и И. С. Аксакова. — Из переписки И. С. Аксакова [см. в № 12118 о Д. в письмах К. П. Победоносцева от 30 января 1881 г. и И. С. Аксакова к К. П. Победоносцеву от февраля 1881 г.].

№ 12121:

264. *Буренин, В.* — Критические очерки.

Обозрение театров. 1909 г., 8-го августа:

265 Ходатай за Ф. М. Достоевского. [Э. И. Тотлебен].

Огонек. 1909 г., № 6:

266. *Смоленский, А.* — На первом чтении рассказа о «Семи повешенных». [О чтении Достоевского].

Правда Жизни. 1909 г., № 10:

267. [О лекции С. А. Андрианова: Достоевский и революционная психология].

Речь. 1909 г.,

№ 66:

268. [Зам. — об исследовании (на немецк. яз.) болезни Достоевского — д-ра T. Segaloff].

№ 97:

269. [Зам. — относительно дома, где жил Достоевский].

№ 340:

270. *Чуковский, К.* — Литературные стружки.

Русская Старина. 1909 г.,

№ 3 — стр. 529, 530; № 6 — 499 — 500:

271. [Уп. о Д.].

№ 10:

272. *Кони, А. Ф.* — Из заметок и воспоминаний судебного деятеля (стр. 5).

---

[1]) На номере газеты (иллюстр. прилож. — от 21, XI) везде ошибочно напечатано: № *13104*.

Русский Архив. 1909 г.,
№ 1:
273. *Бартенев, С.* — Н. Ф. Федоров (стр. 119)
№ 4:
274. *И. Б.* — Иван Сергеевич Тургенев (стр. 601).
№ 10:
275. [Уп. о Д. — стр. 172, 226].
№ 11:
276. *Сиротинин, А. Н.* — Две заметки к сочинениям Пушкина (стр. 226).

Русское Слово. 1909 г.,
20, IX:
277. *Яблоновский, Сергей.* — Обнаженные нервы. [Уп. о Д.].

Слово. 1909 г.,
№№ 697, 698:
278. *Л. Г.* — Доклад С. А. Адрианова: Революционная психология в произведениях Достоевского.
№ 702:
279. [Зам. — относительно дома, где жил Достоевский].
№ 815:
280. [о переводе на польск. яз. «Идиота»].

Театральный День. 1909 г.,
8, XI:
281. *Евг.* — Спектакли и вечера Литературного Фонда. [Участие в них Д.].
15, XI:
282. Литература и театр. [Уп. о Д.].

Театр и Искусство. 1909 г.,
№ 45:
283. *Кауфман, А.* — Писательские вечера и спектакли. (Справка к 50-летию Литерат. Фонда).

1910 г.

Биржевые Ведомости. 1910 г.,
23, X:
284. *Аякс.* — На страже литературы. (К 50-летнему юбилею П. В. Быкова). [Уп. о Д.].

Богословский Вестник. 1910 г., № 10, стр. 333 — 552:
285. *Кузнецов, Н. Д.* — Русская художественная литература по отношению к вопросам религии. [По поводу кн. Я. П. Кттарева: Вопросы религии и морали в русской художественной литературе].

Бюллетени книжных и литературных новостей (Москва). 1910 г.,
№ 5 (15, XI), стр. 135 — 137:
286. В. Вересаев о Достоевском и Толстом.
№ 7 — 8 (15, XII), стр. 225 — 226.
287. О. Уайльд о Достоевском.

Вестник Европы. 1910 г., № 4, стр. 380 — 386:
288. *Адрианов, С.* — Критические наброски. [Вересаев о Достоевском].

Известия Отделения русского языка и словесности Академии Наук. 1910 г., т. XV, кн. 2:
289. **Фомин, А. Г.** — Дополнения и поправки к 2-му тому «Источников словаря русских писателей» С. А. Венгерова. [К библиографии Достоевского].

«Искусство и Печатное Дело» (Киев). — 1910 г.,
февр. — март, стр. 85 — 99; апр., стр. 135 — 140; май, стр. 181 — 190; июнь — июль, стр. 268 — 279, август — сент., стр. 361 — 377:

290. *Закржевский, А.* — Достоевский и современная русская литература.

Исторический Вестник. 1910 г.,

№ 4:

291. *Глинский, Б.* — Цареубийство 1 марта 1881 года. [Воспоминания Г. К. Градовского о Достоевском]. (стр. 240, 242).

№ 9:

292. *Соколов, Н. Н.,* академик. — Воспоминания (стр. 770).

№ 10:

293. *Б. Г.* — Граф Лев Николаевич Толстой (некролог). (Стр. 5).

294. *Богданов, Д. Н.* — Оптина пустынь и паломничество в нее русских писателей (стр. 335 — 338).

Новое Время. 1910 г.,

23, X:

295. *Ежов, Н.* — «Братья Карамазовы» [на сцене Московск. Худож. театра].

6, XII:

296. *Перцов, П.* — Достоевский на сцене.

Новые Люди. 1910 г., 1-го марта:

297. *Пружанский, Н.* — Литературные воспоминания. Мое знакомство с Ф. М. Достоевским.

Речь. 1910 г.,

7, VI:

298. [Зам. о новом изд. сочин. Достоевского].

12, X:

299. Письмо *А. Г. Достоевской* [Художественному театру — по поводу постановки «Братьев Карамазовых»].

№ 284 (16, X):

300. *Эфрос. Н.* — «Карамазовы» в Художественном театре.

№ 352:

301. Памяти Ф. М. Достоевского.

Русская Старина. 1910 г.,

№ 1:

302. *Ковалевский, П. М.* — Встречи на жизненном пути (Н. А. Некрасов). (Стр. 30 — 31).

№ 2 — стр. 367 — 376; № 3 — стр. 605 — 621:

303. *Храневич, В.* — Ф. М. Достоевский по воспоминаниям ссыльного поляка (Токаржевского).

№ 10:

304. *Янжул, И. И.* — Воспоминания о пережитом и виденном (стр. 6 — 8).

№ 12. — стр. VII, XIV:

305. [Уп. о Д.].

Русский Архив. 1910.,

I — стр. 478, 585; III — стр. 361, 367:

306. [уп. о Д.].

Русский Филологический Вестник. 1910 г., II, стр. 380:

307. [о переводе произведений Достоевского на чешский язык].

Современный Мир. 1910 г., № 1 — стр. 186 — 213. № 2 — стр 180 — 209:

308. *Вересаев, В.* — «Человек проклят». (О Достоевском).

Солнце России. 1910 г., ноябрь.

309. *Быков, П.* — Д. Д. Минаев. (К 75-л. со дня рождения). [Экспромт Минаева при встрече с Достоевским].

Театр и Искусство. 1910 г.,

№ 40 — стр. 732, 741; № 41 — стр. 762:

310. [О постановке в «Кривом Зеркале» инсценировки М. Н. Яковлева: «Чужая жена и муж под кроватью»].

№ 42 — стр. 786; № 43 — стр. 810 — 812:
311. *Homo novus.* — Заметки (о «Братьях Карамазовых»).
№ 42, стр. 801 — 802:
312. *Бескин, Эм.* — Московские письма. (О постановке «Братьев Карамазовых» в Моск. Худож. театре).
№ 44, стр. 823 — 826:
313. *Кремлев, Ан.* — Драматизирование эпических произведений (О постановке «Бр. Карамазовых» в Моск. Худож. т.— Письмо в редакцию).
№ 52, стр. 1025:
314. [«Преступление и Наказание» на Лондонской сцене,—рисунок].

1911 г.

Биржевые Ведомости. 1911 г.,
№ 12144 (27. I — вечерн. вып.):
315. *Шиле, Ал.* — Памяти Ф. М. Достоевского (из воспоминаний).
№ 12145 (28, I):
316. *Щеглов, Ив.*—Три мгновения. (Из воспоминаний о Ф. М. Достоевском).
Бюллетени книжных и литературных новостей. 1911 г.,
№ 11, стр. 329 — 330:
317. О Достоевском.
№ 18, стр. 487:
318. «Неистовый Виссарион». (Портрет Белинского).
Бюллетени Литературы и Жизни. 1911 г.,
№ 1, стр. 1 — 2:
319. «Чудо» Достоевского.
№ 2, стр. 77 — 78; № 3, стр. 93, 107; № 7, стр. 258 — 259, 261:
320. [уп. о Д.].
Вестник Европы. 1911 г.,
№ 8:
321. *Адрианов, С.* — Критические наброски. [Ст. о Достоевском В. Иванова, А. Белого, В. Кранихфельда].
Всеобщий Журнал. — 1911 г., № 3, стр. 153 — 160:
322. *Измайлов, А.* — Вечное воспоминание (к 30-летию смерти Достоевского).
Журнал Редкостей (Петербург). 1911 г.,
№ 1, стр. 3:
323. Из альбома [Марии Дм. Достоевской].
Известия Книжных Магазинов Т-ва М. О. Вольф. 1911 г.,
№ 1 — стр. 11; № 6 — обложка; № 7 — стр. 109, № 8 — стр. 118, 124; № 11 — стр. 171:
324. [уп. о Д.].
Исторический Вестник. 1911 г.,
№ 5, стр. 686 — 688:
325. «Братья Карамазовы» в переделке за границей.
№ 9:
326. *Рудаков, В.*—Последние дни цензуры в Министерстве Народного Просвещения. [стр. 083 — 087: Закрытие журнала «Время» и отставка В. А. Цээ].
[illegible]
29 I:
327. *Меньшиков, М.* — Памяти Ф. М. Достоевского.
№ 12556:
328. *Бурнакин, А.* — Достоевский и Россия.

Обозрение Театров. 1911 г., 28, I:

329. Шебуев, Н. — Достоевский (1821 — 1911).

Петербургская Газета.

1911 г., 11, I:

330. [Из воспоминаний о Достоевском — на Пушкинских празднествах в Москве].

Речь. 1911 г.,

№ 27:

331. ***Адрианов, С.*** — Памяти Достоевского. (К 30-й годовщине его смерти).

4 и 10 — II:

332. Вечер в память Ф. М. Достоевского.

21, III:

333. [Зам. в хрон. — о лекции С. А. Адрианова: «Основы мировоззрения Ф. М. Достоевского»].

27, III:

334. [Зам. в хрон. — о докладе Вячеслава Иванова: «О творчестве Ф. М. Достоевского].

28, III:

335. Д. — «Братья Карамазовы» на Парижской сцене.

№ 107:

336. ***Философов, Д.*** — Иван и черт. [О «Братьях Карамазовых в Худож. театре].

№ 118 (2, V):

337. Колтоновская, Е. —Бунт против Достоевского.

№ 119 (3, V):

338. Гуревич, Любовь. — Через Чехова к Достоевскому.

№ 123 (7, V):

339. ***Философов, Д.*** — Споры о задачах театра. [По поводу постановки «Братьев Карамазовых»].

13 — VI; 4 — VII; 24 — VII; 30 — X; 11 — X:

340. [Зам. о Д. в хрон. и литерат. летописи].

Русская Мысль. 1911 г., № 5, стр. 46 — 61 и № 6, стр. 1 — 17:

341. Иванов, Вячеслав. — Достоевский и роман-трагедия. (Публичная лекция).

Русская Старина. 1911 г.,

май:

342. Дьяченко, М. — Эволюция литературных и общественных взглядов Белинского (стр. 315, 317, 323).

343. Терпер, Ф. Т. — Воспоминания жизни (стр. 420).

Русские Ведомости. 1911 г., № 22, 28 янв.

344. Игнатов, И. — О Достоевском [По случаю 30-летия со дня смерти Достоевского].

Русское Слово. 1911 г.,

28, I:

345. Неизданные письма Ф. М. Достоевского [Елене Андр. Штакеншнейдер].

28, X; 4, XI; 15, XI:

346. Варварин, В. — О происхождении некоторых типов Достоевского. (Литература в переплетениях с жизнью).

Сборник Учено-Литерат. Общества при Юрьевском Университете. 1911 г., XV, стр. 185 — 200:

347. Бобров, Евг.—Этюды по истории русской литературы и просвещения. I. Гоголь и Достоевский.

Синий Журнал. 1911 г., № 5, стр. 15:

348. М. Ш. — Эпизоды из жизни Ф. М. Достоевского. (К 30-летию со дня его кончины).

Современный Мир. 1911 г., № 5, стр. 322 — 339:

349. Кранихфельд, Вл. — Преодоление Достоевского.

Театр и Искусство. 1911 г.,
№ 14 — стр. 290; № 16 — стр. 332 — 336:
350. [О постановке «Братьев Карамазовых» в Париже].
№ 16, стр. 337 — 340:
351. *Потапенко, И.* — Гастроли Московского Художеств. театра («Братья Карамазовы»).
Утро России. 1911 г.,
352. *М. Л.* — [О романе «Униж. и Оскорблен.»].

1912 г.

Биржевые Ведомости. 1912 г.,
14, VI:
353. Достоевский и Глупышкин. (Письмо в редакцию — «одного из посетителей кинематографа»).
Бюллетени Литературы и Жизни. 1912 г.,
№ 1, стр. 20 — 38:
354. Ф. М. Достоевский. (Болезнь Достоевского. Успех «Бедных людей». Взаимоотношения Тургенева и Достоевского. Достоевский о своих работах. Письма Д-го).
№ 3, стр. 131 — 139:
355. Дополнительные штрихи из жизни Достоевского. (По воспоминаниям современников).
№ 4, стр. 158 — 165:
356. Достоевский и Кант.
№ 6, стр. 265 — 271:
357. Из воспоминаний Кони. (Достоевский, Гончаров и критики).
№ 10, стр. 389 — 391:
358. Толстой, Тургенев и Достоевский.
№ 19, стр. 735 — 738:
359. Воспоминания о Достоевском.
№ 20 — 21, стр. 778 — 779:
360. Любовь Ф. М. Достоевского.
№ 22, стр. 811 — 816:
361. Достоевский в рамках «социологической критики».
Известия Книжных Магазинов Т-ва М. О. Вольф. 1912 г.
№ 1—стр. 8; № 4—57; № 6—89; № 7—102; № 8—114, № 10 — 152; № 11 — 168; № 12 — 182, 183:
362. [уп. о Д.].
Известия Отделения русского языка и словесности Академии Наук. 1912 г., кн. 4-я:
363. *Модзалевский, Б. Л.* — Альбом О. А. Милюковой (стр. 82).
Исторический Вестник. 1912 г.,
№ 6:
364. *Суперанский, М. Ф.* — И. А. Гончаров заграницей (стр. 862 — 863).
№ 7:
365. Иностранцы о русских писателях (стр. 367 — 369).
№ 12:
366. *С. У.* — Мазанка. (Из старых записных книжек). Гл. III. (Стр. 1030 — 1031).
Мирный Труд. 1912 г., кн. 5 — 6:
367. *Таубе, М. Ф., барон.* — Три столпа русского самобытного просвещения прошлого столетия: Хомяков, Достоевский и епископ Феофан, затворник Вышенский.
Новое Время. 1912 г.,
№ 13048:
368. *Достоевская, Любовь.* — Письмо в редакцию [о телесном наказании, которому, якобы, был подвергнут Ф. М. Достоевский на каторге].

№ 13051 (от 13. VII):

369. *Бурнаки, А.* — Литературные заметки. — О понимании Достоевского.

№ 13171:

370. *В. Ю. Б.* — Творчество «по Достоевскому». [Ал. Будищев. «Стоит грезит». — СПБ. 1912].

№ 13200 (9. XII):

371. *Меньшиков, М.* — Письма к ближним. — Светская литература.

Обозрение театров. 1912 г., 14. VII:

372. *Достоевская, Любовь.* — Ф. М. Достоевский — дворянин. (Письмо в редакцию).

Орловские Епархиальные Ведомости. 1912 г.,

№ 18, стр. 1311 — 1350:

373. *Азбукин, В.* — Достоевский и восточный вопрос.

Речь. 1912 г.,

31, I:

374. *Ч.* — Дневники Н. Н. Гусева [Отзыв Л. Н. Толстого о Достоевском].

15 — II, 20 — VIII:

375. [Зам. о Д. в «Литерат. летописи»].

№ 114:

376. *Бенуа, Александр.* — Мистерия в русском театре. [О «Братьях Карамазовых» в Худож. театре].

21 — XII:

377. *Гро., Л.* — О Достоевском. (Suarès. «Dostoievsky». — André Gide «Dostoievsky d'après sa correspondance»).

«Русская Старина». 1912 г.,

№ 1 — стр. 9; № 2 — 312; № 4 — 56; № 7 — 105:

378. [уп. о Д.].

Русские Ведомости. 1912 г., 27 — VI:

379. Достоевский в Англии.

Русский Библиофил. 1912 г., II. 90:

380. [уп. о Д.].

Русское Слово. 1912 г.,

18, I:

381. *Бр., Н.* — В «Малеевке». (Памяти В. М. Лаврова) [уп. о Д.].

15, VII:

382. *Философов, Д.* — Разночинец или дворянин.

15, VIII:

383. *Измайлов, А.* — Добровольный эмигрант. (Тургеневские письма из «Архива Стасюлевича»). [уп. о Д.].

Солнце России. 1912 г., № 10 (109), стр. 1 — 4:

384. *Лука, Эмиль.* — Легенда о смерти Достоевского. — Перев. с немецк. З. Журавской. С предисловием Ф. Д. Батюшкова.

Труды Киевской Духовной Академии. 1912 г.,

кн. III, стр. 381 — 410 и кн. IV, стр. 538 — 566:

385. *Соколов, Леонид.* — Поиски жизненного смысла в романе «Братья Карамазовы».

кн. III, журн. сов., стр. 689 — 695:

386. *Лященко, Т.* и *Малинин, В.* — Отзывы о сочинении студента Н. Юмонова на тему: «Старчество» в изображении Ф. М. Достоевского и оценка его (старчества) с точки зрения идеалов древне-христианского аскетизма.

1913 г.

Биржевые Ведомости. 1913 г.,

30, VII:

387. *Анчар.* — В. Г. Авсеенко. [Достоевский и Авсеенко].

1, IX:

388. Ф. М. Достоевский в Сибири.

№ 13766 (23, IX):

389. Протест М. Горького против постановки романов Достоевского на сцене.

№ 13792 (8, X):

390. О выпаде г. Горького против Достоевского. Мнения писателей. [Ф. Д. Батюшкова, А. Н. Будищева, С. А. Венгерова, Р. В. Иванова-Разумника, А. И. Куприна, Д. С. Мережковского, И. Н. Потапенко, А. М. Ремизова, Ф. Сологуба, И И. Ясинского].

Богословский Вестник. 1913 г.,

№ 4, журн. сов. 1912 г., стр. 411 — 414:

391. ***Флоренский, П. А.*** и ***Страхов, В. П.*** — Отзывы о сочинении студ. А. Титова: «Метафизика смерти в произведениях И. С. Тургенева и Ф. М. Достоевского».

Бюллетени Литературы и Жизни. 1913 г.,

№ 2 (сентябрь), стр. 86—89:

392. Английский критик о Достоевском. [О книге М. Беринга: «Вехи русской литературы»].

№ 3, стр. 171—172; № 12, стр. 564; № 15—16, стр. 712 — 714:

393. Из литературного прошлого. — Достоевский.

№ 4, 199 — 210; № 7, стр. 393 — 400:

394. [По поводу писем М. Горького о Достоевском].

№ 10, стр. 465 — 470:

395. Достоевский и современность.

— стр. 472 — 474:

396. Достоевский и Чернышевский о Некрасове.

Вера и Жизнь. — 1913 г., № 16, стр. 61 — 72:

397. ***Левитский, В.*** — Положительные типы христиан в сочинениях Ф. М. Достоевского и его взгляд на отношение евангельских заповедей к жизни.

Вестник Харьковского Историко-Филологического Общества. — 1913 г., № 3, стр. 80 — 81:

398. Изложение доклада проф. А. Д. Киселева: «Раскольников Достоевского, как преступник».

Голос Минувшего. 1913 г.,

№ 1 (стр. 21); № 2 (стр. 125, 140); № 3 (стр. 69); № 4 (стр. 95, 104, 112 — 113, 117); № 6 (стр. 60, 61, 66. 68); № 8 (стр. 73); № 11 (стр. 67, 71); № 12 (стр. 96):

399. ***Семевский, В. И.*** — М. В. Буташевич-Петрашевский (биографический очерк преимущественно по неизданным материалам).

№ 2 (стр. 235):

400. Страница дневника ***А. И. Эртеля.***

№ 3 (стр. 130):

401. ***Мельгунов, С.*** — Заметки г.-л. Л. В. Дубельта.

№ 2 (стр. 189, 201, 206), № 3 (стр. 177, 194, 195, 196, 197, 200, 202):

402. ***Боборыкин, П. Д.*** — За полвека.

Кроме того,

403. Уп. о Д. — № 1, стр. 211, 218, 266; № 3 — стр. 244; № 5 — стр. 88; № 6 — стр. 166; № 8 — стр. 304; № 10 — стр. 23; 329; № 11 — стр. 266 — 268, 274; № 12 — стр. 296.

День. 1913 г.,

№ 265:

404. ***Горнфельд, А.*** — [По поводу письма М. Горького о Достоевском].

Сологуб, Ф. — [По поводу письма М. Горького о Достоевском].

№ 270 (от 6 октября):

405. Неизданные произведения Ф. М. Достоевского.

14, X (прилож.):

406. По поводу анкеты о М. Горьком.

28, X (прилож. к № 292):

407. *Лундберг, Евгений.* — [Об инсценировке «Бесов» в Московск. Худож. театре].

9, XII:

408. [О постановке «Бесов» в Вене. — Зам. в хрон.].

Журнал Министерства Народного Просвещения. 1913, № 1, стр. 82—97:

409. *Киселев, А.* — Раскольников Достоевского, как преступник.

Заветы. 1913 г., № XI, отд. II, стр. 131—138.

410. *Игнатов, И.* — «Бесы» в Художественном театре.

За правду. 1913 г.

№ 3:

411. *Витимский, А.* — [По поводу письма М. Горького о Достоевском].

№ 23:

412. [О том же].

Исторический Вестник. 1913 г. № 2:

413. *Микулич, В.* — Тени прошлого (стр. 371—375: Л. Толстой о Достоевском).

Московская Газета. 1913 г., № 280:

414. [По поводу письма М. Горького о Достоевском].

Нива. 1913 г., № 5:

415. *Быков, П. В.* — П. А. Салов (Страничка из литературных воспоминаний). [Уп. о Д.].

Новая Рабочая Газета. 1913 г., № 60:

416. [По поводу письма М. Горького о Достоевском].

Новое Время. 1913 г.,

№№ 13389 и 13396:

417. *Лобов, Л.* — Афоризмы и мысли Ф. М. Достоевского.

№ 13487:

418. *Ежов, И.* — «Бесы». Художественный театр и Максим Горький.

№ 13488:

419. *Старый Джон.* — [По поводу писем М. Горького о Достоевском].

№ 13519 (от 30 октября):

420. *Ренников, А.* — Буревестник.

№ 13557:

421. Домик Достоевского [в Кузнецке].

Новый Журнал для всех. 1913 г., № 12, стр. 102—107:

422. — *Н. К.* — «Бесы» в Московском Художественном Театре и Горький.

Орловские Епархиальные Ведомости. 1913 г.,

№ 4, стр. 106—116; № 5, стр. 139—146; № 7, стр. 196—206:

423. *Азбукин, В.* — Горькая правда. — [Взгляд Достоевского на интеллигенцию и русский народ].

Отдых Христианина. — 1913 г., № 1, стр. 136—158:

424. *Credens Sicdem.* — Общественные идеалы Ф. М. Достоевского.

Полтавский День. 1913 г., № 124:

425. [По поводу писем М. Горького о Достоевском].

Рампа и Жизнь. 1913 г., № 39:

426. *Арцыбашев, М.* — [О письмах М. Горького о Достоевском].

Речь. 1913 г.,

№ 242 (от 5, IX):

427. *Пантелеев, Л.* — Страничка из воспоминаний. — [О «Преступлении и наказании»].

27, IX:

428. *Чужой.* — М. Горький и Художественный театр.

28, IX:

429. *Чужой.* — Московские отклики. — Шум вокруг «Бесов».

430. *Ярцев, П.* — Театральные очерки. — Бесы.

№ 267:

431. *Бенуа, Александр.* — [По поводу писем М. Горького о Достоевском].

12, X:

432. Письмо в редакцию [Ф. Батюшкова, С. Венгерова, Р. В. Иванова — Разумника Д. Мережковского, А. Ремизова — по поводу статьи в «Бирж. Ведом.» от 8 октября 1913 г.].

№ 294 (27, X):

433. *Чужой.* — Достоевский в Художественном театре.

27, X:

434. [Зам. в хрон. — О неизданных произведениях Ф. М. Достоевского].

28, X:

435. Ответ Максима Горького.

29, X:

436. *Ярцев, П.* — Представление отрывков из «Бесов».

27, XI:

437. [Зам. в хрон. — О ст. Э. Лука — «Достоевский и чорт»].

№ 345 (17, XII):

438. «Бесы» и Художественный театр (Лекция С. А. Адрианова).

439. *М. Б.* — «Бесы» в Берлине.

Россия. 1913 г., № 2426:

440. [По поводу писем М. Горького о Достоевском].

Руль. 1913 г., № 128:

441. *Алуев, А.* — [По поводу писем М. Горького о Достоевском]

Русская Молва. 1913 г., 10 февраля, № 61:

442. *Чудовский, Валериан.* — Иван Царевич и Великий Инквизитор.

Русская Мысль. 1913 г.,

№ 2, стр. 12 — 16:

443. *Долинин. А.* — Новое о Достоевском.

№ 3, стр. 52 — 64:

444. *Болдырев, Дм.* — «Зосима» Достоевского и «Бранд» Ибсена. — Вдохновение, жизнь и вера.

№ 5, стр. 33 — 42:

445. *Волжский.* — Достоевский и Чехов. Параллель.

Русская Старина. 1913 г.,

№ 3, стр. 477 — 487:

446. *Александров, А. Д.* (сообщ.). — Неизданные письма Ф. М. Достоевского [1]).

№ 11, стр. 379 — 380:

447. *Новикова, О. А.* — «Депутат от России». Воспоминания и переписка. Гл. VII. Отрывок из письма к Стеду от 14 февр. 1881 г.

Русские Ведомости. 1913 г.,

№ 34 (10, II):

448. *Дионео.* — «Братья Карамазовы» на Лондонской сцене.

№ 222:

449. *Игнатов, И.* — «Бесы» и Горький.

---

[1]) Из пяти помещенных здесь писем — четыре были опубликованы в газ. «Слово» 1906 г., № 367 (от 28 января).

6, X:

450. Рукописи Достоевского.

№ 233 (10, X):

451. *Игнатов, И.* — В ожидании «Бесов».

№ 245 (24, X):

452. *И.* — «Николай Ставрогин». Художественный театр.

453. *Грабарь, Игорь.* — Декоративная сторона постановки «Бесов».

31, X:

454. *В. Ул.* — Достоевский и Горький.

№ 251:

455. *В. Ул.* — [«Показание» Достоевского по делу петрашевцев]

№ 254 (3, XI):

456. *Кускова, Е.* — О нападках Максима Горького (Письмо в редакцию).

457. *Игнатов, И.* — Ответ.

№ 260 (10, XI):

458. Диспут о «Бесах».

№ 285:

459. *Белоруссов.* — [По поводу писем М. Горького о Д.].

10, XII:

460. «Бесы» Достоевского на сцене Венского театра.

18, XII:

461. *Звездич, И.* — «Бесы» в Венской постановке.

Русское Слово. 1913 г.,

№ 65 (19, III):

462. *Мережковский, Д. С.* — Автобиографическая заметка.

№№ 219 (от 22, IX) и 248 (от 27, X):

463 — 464. *Горький, М.* — О «карамазовщине» [письма в редакцию]. [По поводу инсценировки произведений Достоевского Моск. Худ. театром].

№ 221:

465. Открытое письмо М. Горькому Московского Художественного театра — от 24, IX. 1913.

№ 224:

466. *Философов, Д.* — Опасный путь (Письмо в редакцию). [По поводу протеста Горького].

№ 234 (11, X):

467. *Философов, Д.* — Порочный Достоевский.

№ 260 (10,XI):

468. Диспут о «Бесах».

24, X:

469. *Яблоновский, Сергей.* — «Николай Ставрогин» в Художественном театре.

№ 286:

470. *Мережковский, Д. С.* — Горький и Достоевский.

8, XII:

471. «Бесы» в Вене [телеграмма].

8, XII:

472. «Бесы» в Вене [телеграмма].

14, XII:

473. *Соколовский, Л.* — «Бесы» в Вене.

17, XII:

474. *М. Б.* — «Бесы» в Вене.

Саратовский Вестник. 1913 г., № 217:

475. [По поводу письма М. Горького о Достоевском].

Светоч и Дневник писателя (Москва). 1913 г., январь, стр. 53 — 56:

476. *Александров, Анатолий.* Ф. М. Достоевский (Страничка из воспоминаний).

Северные Записки. 1913 г.,

№ 4, стр. 123 — 130:

477. *Эйхенбаум, Б.* — Достоевский в иностранной критике.

№ 12, стр. 120 — 136:

478. *Степпун, Ф.* — О «Бесах» Достоевского и письмах М. Горького.

Сибирский Архив. 1913 г.,

№ 1:

479. *Г — в, Б. Г.* — К пребыванию Ф. М. Достоевского в г. Семипалатинске.

№ 2:

480. [*Герасимов, Б. Г.*] — Документы о Ф. М. Достоевском (1856 г.).

Современный Мир. 1913 г.,

№№ 9 и 10 (приложение):

481. Переписка Л. Н. Толстого с Н. Н. Страховым [Подробный указатель см. — «Толстовский музей», т. II. Спб. 1914 г.].

№ 11, стр. 202 — 214.

482. *Тальников, Д.* — Бесовское наваждение.

Солнце России. 1913 г., № 15:

483. *Быков, П.*—Фигуры литературной колоды (Страничка из воспоминаний). [Уп. о Д.].

Столичная Молва. 1913 г., № 336:

484. *Глаголь, С.* — [По поводу письма М. Горького о Достоевском].

Театр и Искусство. 1913 г.,

№ 44:

485. *Homo novus.* — [По поводу второго письма М. Горького о Достоевском].

№ 47, стр. 959 — 961:

486. *Россов, Н.* — Достоевский на сцене Художественного театра.

Труды Киевской Духовной Академии. 1913 г.,

№ 6 журн. сов. 1911 — 1912 г.г., стр. 680 — 683:

487. *Попов, В. и Рыбинский, В.* — Отзывы о сочинении студ. О. Элланского: «Значение церкви в жизни личности и общества по Достоевскому».

Утро. 1913 г., № 2105:

488. [По поводу письма М. Горького о Достоевском].

Утро России. 1913 г.,

№ 220:

489. *Койранский, М.* [По поводу письма М. Горького о Достоевском].

№ 221:

490. *Андреев, Леонид.* [О том же].

№ 260:

491. *Криницкий, М.* — [О том же].

1914 г.

Биржевые Ведомости. 1914 г.,

4, I:

492. *А. И.* — [Достоевский и гадалка. Рассказ Всев. Соловьева].

№ 14090 (веч., 8, IV):

493. *Solus.* — Московский Художественный театр [«Николай Ставрогин»].

Богословский Вестник. 1914 г., № 10 — 11:

494. *Иларион, архим.* — Прогресс и преображение (стр. 227, 229 — 231).

Бюллетени Литературы и Жизни. 1914 г.,
№ 4:
495. Вокруг Белинского (стр. 267, 274).
№ 9, стр. 557 — 558:
496. Достоевский.
№ 10, стр. 581 — 585:
497. О двойственности и противоречивости писательского облика Достоевского.
стр. 586 — 593:
498. [По поводу писем М. Горького о Достоевском].
№ 12, стр. 746 — 748:
499. О Достоевском [Лекции С. Н. Булгакова — «Русская трагедия», В. П. Потемкина — «Тайна Достоевского», А. Е Брусиловского «Достоевский и проблема преступления»].
№ 13, стр. 792 — 796:
500. Из переписки Е. Ф. Юнге с Ф. М. Достоевским.
№ 19, стр. 1101 — 1102:
501. Из литературного прошлого. — Достоевский.

Вестник Европы. 1914 г., V, — стр. 193 — 203:
502. Гроссман, Леонид. — Русский Кандид. (К вопросу о влиянии Вольтера на Достоевского).

Голос Минувшего. 1914 г.,
503. Де-Воллан, Г. А. — Очерки прошлого (№ 4, стр. 123 — 125; 146 — 148; № 5, стр. 105 — 106; 116; № 6, стр. 143 — 144, 155; № 8, стр. 152 — 153, 159, 166; № 10, стр. 102).
№ 1:
504. Клевенский, М. М. — И. С. Тургенев и семидесятники (стр. 38, 41).
№ 2:
505. Русанов, Н. С. — Н. К. Михайловский и общественная жизнь России (стр. 16 — 17).
506. Каллаш, Вл. — Аполлон Григорьев о Петрашевском (стр. 199 — 200).
507. Колосов, Е. — К характеристике общественного миросозерцания Н. К. Михайловского (стр. 214 — 215).
№ 9:
508. Ашевский, С. — Аполлон Александрович Григорьев (стр. 9, 28, 30, 33, 34).
509. Тиандер, К. — Первенство в мировой литературе (стр. 296 297).
Кроме того,
510. Уп. о Д. — № 1, стр. 41; № 2 — стр. 192, 294; № 4 — стр. 86 87; № 5 — стр. 214, 285, 299, 302, 303; № 6 — стр. 57, 130; № 7 — стр. 297, 298, 300; № 8 — стр. 259; № 9 — стр. 220 № 10 — стр. 303; № 12 — стр. 42, 290.

Гражданин. 1914 г., № 19:
511. Независимый. — Современная действительность и Ф. М. Достоевский.

Записки Передвижного Театра. 1914 г., № 3 — 4:
512. Гуревич, Я. — Достоевский на сцене Моск. Худож. театра.

Исторический Вестник. 1914 г., № 6:
513. Фирсов, Н. Н. (Л. Рускин). — В редакции журнала «Русское Слово» (стр. 897).

Новая Жизнь. 1914 г.,
№ 1, — стр. 180 — 185:
514. Соболев, Ю. — Достоевский в Художественном театре.
№ 11, стр. 150 — 160:
515. Джонсон, И. — Достоевский для наших дней.

Новое Время. 1914 г.,

№ 13589:

516. Социал-демократический запрет на Достоевского.

№ 13594:

517. «Медуза» [драм. переделка «Идиота» в Вене].

№№ 13753 и 13764:

518. *Розанов, В.* — Белинский и Достоевский.

№ 13903:

519. *Власин.* — Тайна Достоевского (доклад В. И. Сперанского).

Речь. 1914 г.,

12, II:

520. [Зам. — об иллюстр. изд. «Двойника» в Мюнхене].

№ 94 (от 6, IV):

521. *Чуковский, К.* — Забытое и новое о Достоевском.

16, IV:

522. *Левин, Д.* — Наброски [о постановке «Н. Ставрогина» в Моск. Худож. театре].

19, IV:

523. *Ярцев, П.* — Наша трагедия [О «Бесах» в Московск. Худож. театре].

27, X:

524. *Н. Л.* — Достоевский о Германии и немцах.

Русская Мысль. 1914 г.,

№ 1, стр. 44 — 55:

525. *Гроссман, Леонид.* — Бальзак и Достоевский.

№ 4, стр. 111 — 117:

526. *Иванов, В.* — Основной миф в романе «Бесы».

— стр. 1 — 26:

527. *Булгаков, С.* — Русская трагедия. О «Бесах» Ф. М. Достоевского, в связи с инсценировкой романа в Московск. Худож. театре.

№ 5, стр. 81 — 89:

528. *Бердяев, Н.* — Ставрогин.

Русские Ведомости. 1914 г.,

№ 28:

529. Доклад С. Н. Булгакова о «Бесах».

№ 96 (от 26, IV):

530. *Белоруссов.* — «Братья Карамазовы» на французской сцене.

Северные Записки. 1914 г.,

кн. I:

531. *Эйхенбаум, Б.* — Обзор иностранных журналов (Э. Лука о Достоевском).

X — XI, стр. 124 — 131:

532. *Полонский, Гр.* — Восточный вопрос в русской журналистике 70-х годов. (Историческая параллель).

Современный Мир. — 1914 г., III:

533. *Тальников, Д.* — О честном писателе (стр. 35, 37).

Солнце России. 1914 г.,

№ 217 (14):

533-а. Московский Художественный театр. «Николай Ставрогин».

София. 1914 г., № 5, стр. 87 — 96:

534. *Гроссман, Леонид.* — Гофман, Бальзак и Достоевский.

Театр и Искусство. 1914 г.,

№ 13, стр. 298 — 300:

535. *Луначарский, А. В.* — Парижские письма. «Братья Карамазовы» на сцене «Старой Голубятни».

№ 15, стр. 341:

536. *Баян.* — Московский Художественный театр. I. Ставрогин [ibid, стр. 351 — карикатура].

Утро Юга (Ростов-на-Дону). 1914 г., № 112 (15-го мая):
537. [Два портрета Ф. М. Достоевского (в молодые годы), найденные в Ростовском сиротском суде. — Письмо (снимок) Ф. М. Достоевского, помещенное на обороте одного из этих портретов].

1915 г.

Биржевые Ведомости. 1915 г.,
№ 14641:
538. *Анчар.* Достоевский в Народном Доме.
№ 14805:
539. Вечер «о Достоевском».
№ 14807:
540. О Ф. М. Достоевском.
№ 14851:
541. *Зелинский, Ф.* — Достоевский и Ницше.
№ 14851:
542. *Боцяновский, Вл.* — На «докладах» о Достоевском.
Бюллетени Литературы и Жизни. 1915 г.,
№ 15, стр. 827 — 832:
543. Царьград для русских — город-греза (Мечты Достоевского).
№ 23 — 24, стр. 1250 — 1252:
544. Г. И. Успенский, Тургенев и Достоевский.
Голос Минувшего. 1915 г.,
№ 1 (стр. 66 — 69); № 5 (стр. 63):
545. *Семевский, В. И.* — М. В. Буташевич-Петрашевский в Сибири.
№ 2, стр. 88 — 116; № 11, стр. 44 — 74:
546. *Козловский, Л.* — Мечты о Царьграде (Достоевский и К. Леонтьев).
№ 3, стр. 219 — 227:
547. *Ветринский, Ч.* — Глеб Успенский в его переписке. — И. Тургенев и Достоевский (см. еще № 4, стр. 231; № 6 стр. 221).
№ 10 (стр. 42) и № 11 (стр. 88 — 89):
548. *Евгеньев, В.* — Черты редакторской деятельности Н. А. Некрасова.
№ 11, стр. 5 — 43; № 12, стр. 35 — 75:
549. *Семевский, В. И.* — Петрашевцы [см. «Русск. Зап.» 1916 г., IX].
Журнал Журналов. 1915 г., № 2, стр. 3 — 4:
550. *Балагин, Ал.* — Новые письма Ф. М. Достоевского.
Исторический Вестник. 1915 г.,
№ 3:
551. *Белов, А.* — Россия и Англия (стр. 916)
№ 5:
552. *Глинский, Б. Б.* — Памяти Г. К. Градовского (стр. 607—608).
553. *Измайлов, А.* — Новости истории (стр. 669).
№ 10:
554. *Измайлов, А.* — Новости истории [из воспоминаний М. В. Каменецкой] (стр. 306 — 307).
№ 11:
555. *Круковский, Адр.* — Одна из теней прошлого. (Из истории холмского края) (стр. 530).
556. *Измайлов, А.* — Новости истории (стр. 671, 672).
№ 12:
557. *Фрейганг, А.* — В защиту славного прошлого (стр. 831).

Нива. Литературные приложения. 1915 г., № 1, стр. 5—14:
558. *Гнедич, П.* — Пророчество Достоевского.
Речь. 1915 г.,
№ 114:
559. *Венгеров, С. А.* — Стать настоящим русским — значит стать братом всех людей. Из речи «Пушкин и Достоевский»).
№ 137:
560. О Достоевском. [Доклады В. М. Бехтерова, Ф. Ф. Зелинского, С. О. Грузенберга, В. Н. Сперанского и др. в зале Городской Думы 19 мая 1915 г.].
№ 266:
561. *Философов, Д.* — Запоздалый венок.
Русская Мысль. 1915 г.,
№ 8, — стр. 90 — 106:
562. *Булгаков, С.* — Труп красоты. — По поводу картин Пикассо.
№ 11, — стр. 54 — 93:
563. *Гроссман, Леонид.* — Достоевский и Европа.
— стр. 127 — 128:
564. Письмо Ф. М. Достоевского В. И. Ламанскому.
Русская Старина. 1915 г., № 9:
565. *Макшеева, Н. А.* — М. В. Безобразова. Очерк ее философской деятельности (стр. 447).
Русский Архив. 1915 г.,
№ 1, — стр. 23:
566. Письмо Ф. М. Достоевского к гр. С. П. Толстой. (Из собрания автографов А. А. Милорадович).
Русский Библиофил. 1915 г.,
II — стр. 61; IV — 88; VI — 101:
567. [уп. о Д.].
Современная Психиатрия. 1915 г.,
№ 1, — стр. 28 — 40:
568. *Аменицкий, Д.* — Психиатрический анализ Ник. Ставрогина («Бесы»).
№ 9, стр. 373 — 388:
569. *Аменицкий, Д.* — Психопатология Раскольникова, как одержимого навязчивым состоянием.
Христианское Чтение. 1915 г., июль — август, стр. 1005 — 1017:
570. *Прохоров, Гр.* — Лермонтов и его значение в истории русской литературы. [Идейное родство Лермонтова с Достоевским].
Южная Мысль. 1915 г., № 1332, от 1-го ноября:
571. *Философов, Д.* — Тургенев и Савина.

1916 г.

Биржевые Ведомости. 1916 г.,
15, I:
572. *Либрович, С.* — Литературные гонорары.
№ 15350 (28 января).
573. *Измайлов, А.* — У А. Г. Достоевской. (К 35-летию со дня кончины Ф. М. Достоевского).
28, I:
574. *Гнедич, П.*—Писемский и Достоевский [из воспоминаний]
24, II:
575. Из воспоминаний о Ф. М. Достоевском (К 35-летию со дня смерти). — [*Е. А. Штакеншнейдер*].
№ 15911:
576. *Виноградов, Павел.* — Проблема Достоевского в английской литературе.

№ 15947:

577. *Рог., А.* — Достоевский и проповедь любви к дальнему.

Бюллетени Литературы и Жизни. 1915 — 1916 г.г.

№ 15 — 16, стр. 766 — 767:

578. Литература и Жизнь. [Лекция Г. С. Петрова].

№ 19 — 20, стр. 857 — 865:

579. Лермонтов, Достоевский, современность.

Вестник Европы. 1916 г., № 9, стр. 121 — 155:

580. *Гроссман, Леонид.* — Композиция в романе Достоевского.

Вестник Образования и Воспитания (Казань). 1916 г., янв. — февр., стр. 3 — 29:

581. *Скафтымов, А.* — Лермонтов и Достоевский.

Вешние Воды (журн.). 1916 г., № 16 — 17:

582. *Розанов, В. В.* — Еще из оценок и предвидений Ф. М. Достоевского.

Голос Минувшего 1916 г.,

№ 2:

583. *Семевский, В.* — Петрашевцы. Кружок Н. С. Кашкина (стр. 53).

— стр. 74 — 81:

584. *Штакеншнейдер, Е. А.* — Из воспоминаний о Ф. М. Достоевском (дневник 1881 г.). [Предисловие *С. М.*].

№ 3 (стр. 210, 212):

585. *Мельгунов, С.* — Из общественных настроений в 1863 г. Кроме того,

586. *уп. о Д.* — № 2, стр. 53; № 4 — стр. 137; № 5 — 6 — стр 402; № 9 — стр. 92; № 12 — стр. 109.

День. 1916 г.,

№ 27:

587. *Бороздин, А.* — Из воспоминаний.

588. *Коварский, Л.* — Любимые книги Достоевского.

589. *Никольский, Юр.* — Достоевский и Толстой.

№ 54:

590. *Истомин, К. К.* — Письмо в редакцию [по поводу ст. В. Л. Комаровича в «Русск. Мысли» 1916 г. — см.]

№ 66:

591. *Комарович, В. Л.* — [Ответ на письмо К. К. Истомина].

№ 99 (10-го апреля):

592. *Евгеньев, В.* — Эпизод из жизни Достоевского (По неизданным письмам Достоевского).

Речь. 1916 г.,

25, I:

593. [О ст. В. Л. Комаровича в «Русск. Мысли» 1916 г. — см.]

Русская Мысль. 1916 г.,

№ 1, стр. 103 — 126:

594. *Комарович, В. Л.* — Неизвестная статья Ф. М. Достоевского: «Петербургские сновидения в стихах и прозе».

№ 5, стр. 93 — 97:

595. *Иванов, Вячеслав.* — Байронизм, как событие в жизни русского духа.

Русские Записки. 1916 г., IX:

596. *Семевский, В. И.* — Петрашевцы.

Русский Филологический Вестник. 1916 — 1917 г.г., т. LXXV — LXXVIII:—

597. *Замотин, И. И., проф.* — Проблемы жизни в творчестве Достоевского. К 35-летию со дня кончины писателя.

598. *Круковский, А. В.* — Мысли о Достоевском (к 35-летию его кончины).

599. *Родзевич, С. И.* — К истории русского романтизма. (Гофман в нашей литературе).

Сибирская Летопись. 1916 г., № 11 — 12:
600. *Герасимов, Бор., свящ.* — Материалы к пребыванию Ф. М. Достоевского в Семипалатинске.
Сибирский Архив. 1916 г., № 5:
601. *Герасимов, Б.* — Из жизни Ф. М. Достоевского в Семипалатинске.
Современный Мир. 1916 г., № 10, стр. 97—107:
602. *Комарович, В.* — Достоевский и Гейне.
Солнце России. 1916 г., № 351 (45):
603. *Кауфман, А. Е.* — С. А. Венгеров и его архив [Стр. 4 — встречи с Достоевским].
Христианская Мысль. (Киев). 1916 г., № 12 (дек.), стр. 3 — 33:
604. *Волжский, А. С.* — На пути крестном. (Вступительная лекция к курсу чтений «Жизнь и творчество Ф. М. Достоевского» в Нижегородском Городском Народном Университете).

1917 г.

Биржевые Ведомости. 1917 г.,
№ 16050:
605. *Никольский, Юр.* — Ставрогин, как идея «прекрасного человека».
№ 16092:
606. *Никольский, Юр.* — Сатирическая эпопея Достоевского.
Бюллетени Литературы и Жизни.
1916 — 1917 г., № 3, стр. 174:
607. Из прошлого [Достоевский — о деле В. Засулич].
1917 г., № 9 — 10, стр. 1 — 9:
608. Травля Достоевского.
Вестник Европы. 1917 г., № 2, стр. 65 — 99:
609. *Гроссман, Леонид.* — Проблема реализма у Достоевского.
Вешние Воды. 1917 г., декабрь, стр. 52 — 55:
610. *Спасович, Мих.* — Наброски. (О любви Достоевского).
Голос Минувшего. 1917 г.,
III, 83; XI — XII, 144:
611. [уп. о Д.].
Записки Семипалатинского Под'отдела Зап.-Сибирского Отдела Русского Географического Общества.
Семипалатинск. 1917. Вып. IX, стр. 1 — 4:
612. *Герасимов, Бор., свящ.* — Брачные документы Ф. М. Достоевского.
Нива. 1917 г., № 34 — 37:
613. *Чуковский, К.* — Драгоценная находка. Неизданная повесть Н. А. Некрасова о Белинском, Достоевском и Тургеневе.
Речь. 1917 г.,
№ 231:
614. *Эфрос, Н.* — «Село Степанчиково» в Художественном театре.
Русская Мысль. 1917 г.,
№ 1, стр. 16 — 43:
615. *Иванов, Вячеслав.* — Лик и личины России. К исследованию идеологии Достоевского.
№ 5 — 6, стр. 140 — 146:
616. *Жирмунский, В.* — Английская книга о Достоевском: J. Midleton Murry. Fyodor Dostoevsky. A critical study. London. Martin Secker. 1916.

Русские Ведомости. 1917 г.,
№ 220:
617. *Игнатов, И.* — Хамство. («Село Степанчиково» в Художественном театре).
Современный Мир. — 1917 г., № 1, стр. 129 — 138:
618. *Комаровичъ, В.* — Достоевский и шестидесятники. (Историко-литературные материалы).

1918 г.

Бирюч Петроградских Государственных Театров.
1918 г., II, стр. 42 — 45:
619. *Р.* — Четыре встречи с И. С. Тургеневым. (Беседа с проф. *С. А. Венгеровым).*
Голос Минувшего. 1918 г.,
№ I — II, стр. 185 — 219:
620. *Клеве́нский, М. М.* — И. С. Тургенев в каррикатурах и пародиях (с рисунками) [о Д. — стр. 207 — 209; 215].
№ IV — VI, стр. 99:
621. [уп. о Д.].
Накануне. (Москва). 1918 г., № 6, стр. 2 — 3:
622. *Васильев, М. В.* — Смердяковщина и ее творцы.
Наш Век. [газета — бывш. «Речь»]. 1918 г.,
№ 21:
623. *Ярцев, П.* — На могиле Достоевского.
№ 85:
624. *А. З.* — Забытые и неизданные страницы Ф. М. Достоевского. [О 22 и 23 т. т. полн. собр. соч. Достоевского в изд. «Просвещения»].
№ 125:
625. *Философов, Д.* — Анна Григорьевна Достоевская [некролог].
Новые Ведомости. [газета—бывш. вечерн. «Биржев.»]. 1918 г., № 127:
626. *Слонимский, Николай.* — Жена Достоевского.
Рампа и Жизнь. 1918 г., № 4, стр. 6 — 9:
627. *Разумовский, С.* — Достоевский и современность.
Русская Мысль. 1918 г., кн. 3 — 6, стр. 39 — 61:
628. *Бердяев, Н.* — Откровение о человеке в творчестве Достоевского.
Русская Старина. 1918 г., № 1 — 2, стр. 13 — 20:
629. *Савельев, Ал. И.* (сообщ.). — Воспоминания о Ф. М. Достоевском.
Свободный Час. 1918 г., № 5, стр. 13:
630. *Владиславлев, И.* — Воскресший Достоевский.
Современное Слово (Петроград). 1918 г.,
№ 3588:
631. *Яковлев, В.* — [О ст. Н. Бердяева в «Р. Мысли» 1918 г.].
Современный Мир. 1918 г., № 1, стр. 173 — 192:
632. *Добронравов, Леонид.* — Слова и мысли [Горький и Достоевский].
Томский Церковно-общественный Вестник.
1918 г., № 3, стр. 1 — 2:
633. *М., А. В.* — О Ф. М. Достоевском.

1919 г.

Былое. 1919 г.,
№ 14, стр. 39 — 52:
634. *Модзалевский, Б. Л.* — Достоевский — сотрудник «Русского Вестника». (Неизданные письма Достоевского 1866 — 1873 г.).

Вестник Литературы. 1919 г.,
№ 5, стр. 8:
635. Эпизод из жизни Ф. М. Достоевского.
Вопросы изучения и воспитания личности. (Петроград).
1919 г., № 1, стр. 88 — 107:
636. *Розенталь, Т. К.* — Страдание и творчество Достоевского (психогенетическое исследование).
Голос Минувшего. 1919 г., № 1 — 4,
стр. 175 — 200:
637. *Штакеншнейдер, Е. А.* — Из дневника (1880 — 1886 г.).
— стр. 233, 234:
638. [уп. о Д.].
Метеор. (Нижний-Новгород). 1919 г., I, стр. 7 — 8:
639. *М., П.* — Образ Ставрогина и идея романа-трагедии «Бесы».
Родной язык в школе. 1919 г., I, стр. 122 — 124:
640. *Скафтымов, А.* — [Рец. на т.т. XXII и XXIII полн. собр. соч. Д-го под ред. Л. П. Гроссмана].
Русская Речь (газета — г. Ново-Николаевск). 1919 г., 22-го февраля:
641. *Герасимов, Б.* — Новые данные о жизни Достоевского в Семипалатинске.
Творчество (Харьков). 1919 г., № 4, стр. 22:
642. *Горнфельд, А.* — Забытые страницы Достоевского (собранные и комментиров. Л. П. Гроссманом в полн. собр. соч. Д—го, т. XXII — XXIII, изд. «Просвещение» 1918 г.).

1920 г.

Былое. 1920 г., № 15,
стр. 99 — 134:
643. *Модзалевский, Б. Л.* — Достоевский о «Братьях Карамазовых». Неизданные письма 1879 — 1881 г.
стр. 162 — 163:
644. *Николаевский, Б.*—Новое о прошлом [библиогр. указ. о Д.].
Вестник Литературы. 1920 г.,
№ 3 (15):
645. *Лернер, Н.* — Писательские гонорары (стр. 13).
№ 11 (23), стр. 15 — 16:
646. *Лутохин, Д.* — Неизвестное о Достоевском.
Известия Отделения русского языка и словесности Российской Академии Наук. Т. XXXIII. 1918 г., кн. 1-я, (Петроград, 1920 г.):
647. *Буш, В. В.* — Илья Александрович Шляпкин [стр. 226].
Книга и Революция. (Петроград). 1920 г.,
№ 1, стр. 37:
648. *Н. Л.* [рец.] — Достоевский, Ф. М. «Кроткая» и другие рассказы. Пб. 1919.
№ 6, стр. 61:
649. Кто написал «Братьев Карамазовых»? [Из «Берлинер Тагеблат»].

1921 г.

Артельное Дело. (Петроград). 1921 г., № 17 — 20,
стр. 2 — 4:
650. ***Карсавин, Л. П., проф.*** — Федор Михайлович Достоевский.
стр. 4 — 7:
651. ***Сорокин П. А., проф.*** — Заветы Достоевского.
стр. 7 — 15:
652. ***Алексеев (Аскольдов), С. А., проф.*** — Ф. М. Достоевский, как учитель жизни.

Вестник Литературы. 1921 г.,
№ 2 (26):
653. *Быков, П. В.* — Памяти проникновенного сердцеведа. (Из личных воспоминаний).
654. *Враская, В. Б.* (сообщ.). — Достоевский о Пушкине. (Из собраний Пушкинского Дома).
655. *Долинин, А. С.* — Блуждающие образы. (О художественной манере Достоевского).
656. *Кони, А. Ф.* — Встречи с Ф. М. Достоевским.
№ 3 (27):
657. *Кауфман, А. Е.* — Апофеоз Достоевского.
658. Поправки [к ст. А. Ф. Кони в предыдущем №].
№ 4—5 (28—29):
659. *Лутохин, Д. А.* — Воспоминания о Розанове.
№ 6—7 (30—31):
660. *Ремизов, А.* — Огненная Россия.
661. *Я. Л.* — Новое о Достоевском. («Dostojewski, geschildert von seiner Tochter». München. 1920).
№ 10 (34):
662. *Айхенвальд, Ю.* — Особое мнение. К 100 л. рождения Ф. М Достоевского [со статьей от редакции].
663. Документы о Достоевском.
664. К 100-л. рождения Ф. М. Достоевского.
№ 11 (35):
665. *Губер, М.* — К поминкам по Достоевском.
666. *Кантор, Р. М.* — Неизвестное о Достоевском.
667. *Кауфман, А. Е.* — К Некрасовским поминкам.
№ 12 (36):
668. *Арсеньев, П. Ф.* — На похоронах Некрасова. (Отрывок из старого дневника).
669. *Ветринский, Г.* — Дни Достоевского. (Письмо из Москвы).
670. *Фатов, Н. Н.* — Как же относиться к Достоевскому.

Вестник Просвещения Татарской С. С. Республики. (Казань). 1921 г.,
№ 6—7, стр. 5—12:
671. *Никифоров, А.* — Мучительный юбилей. (К столетию со дня рождения Ф. М. Достоевского).

Вестник Театра и Искусства. (Петроград). 1921 г.,
№ 3:
672. Актеры в ролях Достоевского.
673. Достоевский и театр.
674. Чествование памяти Достоевского.
№ 4:
675. *Боцяновский, В.* — «Вечный муж». (Петрогр. Драматический театр).
676. *Старк, Эдуард.* — «Идиот». (Академич. театр драмы).
№ 5:
677. *Берген, Н.* — «Суд над Раскольниковым». (Большой Драматический театр).

Голос Минувшего. 1920—1921 г.г., стр. 123—127:
678. *Цявловский, М. А.* (сообщ.)—Неизданные письма Ф. М. Достоевского [П. Е. Гусевой — 1880 г.].

Достоевский. — Однодневная газета Русского Библиологического Общества. 30 октября (12 ноября) 1921 г. Пгр. Стр. 34.
Содержание:
679. *Казанович, Е. П.* — Ф. М. Достоевский.
680. *Никольская, Г. В.* — Русские писатели о Достоевском.
681. *Кони, А. Ф.* — 28 января 1881 г.
682. *Перетц, В. Н.* — Из воспоминаний.
683. *Новицкий, Ю. П.* — Достоевский, как криминалист.

684. *Малеин, А. И.* — Достоевский и античный мир.
685. *Ильинский, Л. К.* — Ф. М. Достоевский и Г. И. Успенский.
686. *Виноградов, В. В.* — Последний день приговоренного к смерти.
687. *Долинин, А. С.*—Зарождение главной идеи Великого Инквизитора.
688. *Модзалевский, Б. Л.* — Достоевский — член-корреспондент Академии Наук.
689. *Коплан, Б. И.* — Неизданное письмо Достоевского к Е. П. Майковой.
690. *Абрамович, Д. И.* — Из переписки Ф. М. Достоевского.
691. *Поляков, А. С.* — Достоевский и театр.
692. *Аполлонская-Стравинская, И. А.* — Нечто об эстетических страданиях.
•693. *И. Г.* — «Преступление и наказание» на сцене Петербургского Малого театра.
694. *Л. И.* — Книга для народа.
695. *Флеер, М. Г.* — Иконография Достоевского.
696. *Г. И.* — Библиография о Достоевском за революционные годы.
697. *Гладцына, А. И., Домарева, И. А.* и *Тишкевич, М. О.* — Переделки произведений Достоевского для театра.
698. *Слонимский, А. Л., Л. И. и А. И.* — Отзывы о книгах.
699. *Соколов, Н. А.* — Выставка памяти Достоевского.
700. От редакции.
701. *Кадомская, А. Д. и Тихонович, Е. Г.* — Хроника.
702. Фельетон. — *Спиридонов, В. С.* — Направление «Времени» и «Эпохи».

Жизнь Искусства. (Москва). 1921 г.,

№ 1:

703. *Кисельгоф, Д.* — Ф. М. Достоевский.

№ 2:

704. *А. Кр.* — Новая книга Д. С. Дарского («Демонизм Пушкина и Достоевского».
705. Вечер памяти Ф. М. Достоевского (в Вольной Академии Духовной Культуры).
706. *Суворовский, И.* — Достоевский и Мусоргский. (Музыка будущего после Скрябина).

Жизнь Искусства. (Петроград). 1921 г.,

№ 806:

707. *Виноградов, В.* — Гоголь и Достоевский.

№ 811 и 817:

708. *Груздев, Илья.* — О маске, как литературном приеме (Гоголь и Достоевский).

№ 814:

709. Выставка памяти Ф. М. Достоевского.
710. *Сторицын, Петр.*—«Идиот». (Академический театр драмы)

№ 817:

711. *Боцяновский, Вл.* — Краски у Достоевского.
712. *Вишняков, Н.* — Достоевский в русской критике.
713. *Голлербах, Э.* — Портреты Достоевского.
714. Достоевский и сцена.
715. *Носков, Н.* — Достоевский и театр.

№№ 817, 819, 821:

716. *Каратыгин, В.* — Достоевский и музыка.

№ 818:

717. *В. Б.* — Венера Милосская и учитель Тяпушкин. [Эстетика Достоевского и Гл. Успенского].

№ 819:

718. *Гнедич, П.* — Инсценировки и переделки. (Из записной книжки старого театрала).

№ 820:

719. *Боцяновский, Вл.* — О «практичности» Некрасова.

720. *В—в, П.* — Достоевский о Некрасове.

721. *Лопов, Сергей.* — «Вечный муж». Петроградский Драматический театр.

Журнал Общественно-Кооперативной Мысли. (Изд. «Производсоюз». Петроград). 1921 г., № 20 — 21, стр. 4 — 11:

722. *Кони, А. Ф.* — О Ф. М. Достоевском.

Задруга. (Бюллетень книжного магазина. Москва). 1921 г., № 1:

723. *Розанов, Ив.* — Выставка памяти Ф. М. Достоевского в Историческом Музее. Портреты и реликвии.

Известия Петроградского Совета Рабочих и Красноармейских Депутатов. — 1921 г., № 29 (817):

724. *Голлербах, Э.* — Ф. М. Достоевский. (К 40-летию со дня смерти).

Известия Тверского Губсоюза единых рабоче-крестьянских потребительных обществ. Тверь. 1921 г., № 31:

725. *Власов-Окский, П.* — Ф. М. Достоевский (1821 — 1921).

Книга и Революция. 1921 г.,

№ 8 — 9, стр. 119:

726. *Лернер, Н.* — [Заметки К. Н. Леонтьева на оттиске его статьи «Анализ, стиль и веяние»].

№ 1 (13), стр. 66 — 67:

727. *Алапин, Е.* [рец.]. — «Юрий Никольский. — Тургенев и Достоевский. (История одной вражды). София. 1921».

Коммунист. (Харьков). 1921 г.,

№ 253 (548):

728. *Прохоров, Гр.* — К юбилею Достоевского и Некрасова.

№ 255 (550):

729. *Рожицын, Валентин.* — Ф. М. Достоевский. (К столетию со дня рождения). Памяти великого врага.

730. Письмо Ф. М. Достоевского к А. Н. Майкову [от 12 янв. — 31 дек. 1867 г. из Женевы]. (Доставлено Гр. Прохоровым).

Красная Газета. (Петроград). 1921 г., № 238:

731. *Е. К.* — Суд под суфлера. [По поводу «Суда над Раскольниковым» в Б. Драматич. театре].

Красная Новь. (Москва). 1921 г., № 4, стр. 204 — 211:

732. *Луначарский, А. В.* — Достоевский, как художник и мыслитель.

Красное Знамя. (Богородск). 1921 г., № 44 (108):

733. *Кузьмич.* — Ф. М. Достоевский и петрашевцы.

Красный Командир (Петроград). 1921 г.,

№ 24 — 25, ноябрь-декабрь, стр. 51 — 53:

734. *Зарин, А.* — Два юбилея [Ф. М. Достоевского и Н. А. Некрасова].

Летопись Дома Литераторов. (Петроград). 1921 г.,

№ 1:

735. *Горнфельд, А.* — Задача музыкантам.

736. К столетию со дня рождения Достоевского.

№ 2:

737. *Горнфельд, А. Г.* — Достоевский. 1821 — 1921.

738. *Горнфельд, А.* — Из новой литературы о Достоевском.

739. *Долинин, А.* — Достоевский и Герцен.

740. *Н.* — Новые материалы для изучения Достоевского.

741. Памяти Ф. М. Достоевского.

№ 3:

742. *Галубин.* — Суд над Раскольниковым.

743. *Горнфельд, А.* — Из откликов на поминание Достоевского.

744. *Модзалевский, Б.* — Неизданное письмо Н. А. Некрасова к Никитенко.

745. *Rossica.* [Отклики на 100-л. юбилей Достоевского за границей].

№ 4:

746. Rossica. [Отклики на юбилей Достоевского за границей].

747. *Шкловский, Виктор.* — Сюжет у Достоевского.

Литературная Газета. (Казань). 1921 г., № 1:

748. Выставка памяти Ф. М. Достоевского [в Петрограде].

Московский Печатник. 1921 г., № 12:

749. Ф. М. Достоевский (1821 — 1921 г.).

Народное Просвещение. (Москва). 1921 г., № 91:

750. *Фриче, В.* — Ф. М. Достоевский. (1821 — 1921).

Начала. (Петроград). 1921 г., № 1:

стр. 15 — 33:

751. *Котляревский, Н. А.* — Тихая ночь. (Памяти Ф. М. Достоевского).

стр. 34 — 50:

752. *Карсавин, Л. П.* — Федор Павлович Карамазов, как идеолог любви.

753. Из интеллектуальной жизни Запада (стр. 223, 228, 239, 240).

Обозрение театров г.г. Ростова и Нахичевани на Дону. 1921 г., № 2:

754. *Гринвальд, Як.* — «Преступление и наказание». К постановке в театре «Пускво».

Петроградская Правда. 1921 г.,

№ 238:

755. *В. Н.* [*рец.*]. — «Достоевский. Одподн. газ. Русск Библиол. Общ.»

№ 239:

756. Выставка в память Достоевского.

№ 243:

757. *Л. Н.* — Печальник чердака и подвала.

Печать и Революция. (Москва). 1921 г., № 3,

стр. 3 — 10:

758. *Переверзев, В.* — Достоевский и революция. (К столетию со дня рождения).

стр. 299 — 300:

759. Юбилей Достоевского.

стр. 309:

760. Неопубликованные рукописи Достоевского.

Саррабис. (Саратов). 1921 г., № 4, стр. 3 — 4 и 14:

761. *Архангельский, Всеволод.* — Политик и поэт.

762. *Полтавский, С.* — Проблемы литературы. III. Литература — синтез.

Театральное Обозрение. (Москва). 1921 г.,

№ 4:

763. *Грифцов, Е.* — Достоевский и театр.

№ 9:

764. *По театрам.* [«Суд над Раскольниковым» в б. Зимнском театре].

765. *И. Б.*—Среди журналов. («Достоевский». Одноди. газ. Русск. Библиол. Общ.).

№ 10:

766. *Жилкин, И.* — Странники.

767. *Н. Э.* — Митя Карамазов.

Экран. (Москва). 1921 г., № 6:
769. *Мстиславский.* — «Записки из Мертвого Дома».
770. Памяти Ф. М. Достоевского.
Экскурсионное Дело. (Петроград). 1921 г., № 2—3. стр. 19—68:
771. *Анциферов, Н.* — Петербург Достоевского. (Опыт литературной экскурсии).

1922 г.

Авангард. (Москва). 1922 г., № 2, стр. 43—45:
772. *Таль, Н. Р.* — Достоевский и Флобер.
Артельное Дело. (Петроград). 1922 г., № 1—4, стр. 2—3:
773. *Кони, А. Ф.* — Памяти Достоевского.
Библиографические Листы Русского Библиологического Общества. (Петроград). 1922 г., № 3, стр. 4—9:
774. *Ильинский, Л. К.* — Гонорар Ф. М. Достоевского [см. о том же еще в № 2. стр. 27].
Былое. 1922 г.,
№ 18, стр. 219—226:
775. *Комарович, В. Л.* — Неизданная глава романа «Бесы» Ф. М. Достоевского.
№ 20, стр. 301—309:
776. *Лейкина, В.* [Рец. о немецк. изд. книги дочери Достоевского].
Вестник Искусств. (Москва). 1922 г., № 5, стр. 35:
777. *Браун, Яков.* — Выверты труда и выверты праздности. (По поводу опубликования «Исповеди Ставрогина» Ф. М. Достоевского).
Вестник Литературы. 1922 г.,
№ 1 (37), стр. 14:
778. *Лутохин, Д.* — Изучение Достоевского.
№ 2—3 (38—39), стр. 27:
779. *Кауфман, А. Е.* — Литературный фонд. (Историческая справка).
Вестник Труда. 1922 г., № 2 (17):
780. *Козьмин, Б.* — П. Н. Ткачев и его роль в истории русской революционной мысли 60-х годов (стр. 4, 11—12, 32).
Еврейский Вестник. (Петроград) 1922 г., № 1, стр. 6—10:
781. *Заславский, Д.* — Достоевский о евреях. (К столетию со дня рождения).
Еженедельник Петроградских Государственных Академических театров. 1922 г.,
№ 11, стр. 14—15:
782. К постановке «Хозяйки» (По Достоевскому). В Мастерской Государств. Передвижного театра.
Жизнь. (Москва). 1922 г., № 1:
стр. 198—201:
783. *Д., Ив.* (реценз.). — [Ст. о Достоевском в журнале «Начала». № 1. Петербург. 1921 г.].
стр. 201—204:
784. *Н. Н.* (реценз.). — [Ст. о Достоевском в «Вестн. Литер.» «Летописи Дома Литерат.» и в однодневн. газете Русск. Библиол. общ. «Достоевский» 1921—1922 г.].
стр. 205:
785. *Бр. Кр.* (реценз.). — [О ст. В. Переверзева о Достоевском в ж. «Печать и Революция» № 3].

Жизнь Искусства. (Петроград). 1922 г.,

№ 2 (825):

786. *Чуковский, К.* — Неизвестное произведение Ф. М. Достоевского. [«Как опасно предаваться честолюбивым снам»].

№ 4 (827):

787. *Лернер, Н.* — Забытое стихотворение Ап. Григорьева.

788. *Театрал.* — Литературная скупость.

№ 7 (830):

789. *Шагинян, Мариэтта.* — Достоевский под знаком Аполлона. (О книге А. Л. Волынского).

№ 26 (849):

790. *Давыдов, О. Т.* — «Преступление и наказание». Спектакль б. Александринского театра.

Записки Орловского Государственного Университета. 1922 г. Выпуск I:

791. *Португалов, М. В.* — Драматурги XIX века. (Этюды и характеристики). (Стр. 263 — 268).

Записки Передвижного Театра. (Петроград). 1922 г.,

№ 42:

792. *Груздев, Илья.* — О приемах художественного повествования.

793. К постановке «Хозяйки» в Передвижном театре. Из беседы с Н. Ф. Скарской.

№ 43:

794. *Бардовский, А.* — Театр Достоевского. К постановке «Хозяйки» в Передвижном театре.

795. *Медведев, Павел.* (Реценз.). — «Ф. М. Достоевский. Петербургская летопись. Из неизд. произв. Петербург — Берлин. 1922 г. Стр. 76».

Записки Петроградского имени тов. Толмачева Инструкторского Института. 1922 г., № 3, стр. 3 — 31:

796. *Горбачев, Г.* — Революция и Достоевский. (К 100-летию его рождения; доклад, прочитанный в открытом заседании Научного Общества Марксистов в Петрограде).

Зори Грядущего. (Харьков). 1922 г., № 1, стр. 102 — 108:

797. *Лейтес, А.* — Достоевский в свете революции.

Зритель (Одесса). 1922 г.,

№ 2, стр. 3:

798. «Смердяковы». (Из письма К. И. Чуковского к А. Н. Толстому).

№ 6, стр. 3:

799. *Гроссман, Л. П., проф.* — Из «Воспоминаний А. Г. Достоевской».

Искусство (Омск). 1922 г., № 2:

стр. 53 — 56:

800. *Круссер, Г., проф.* — Художник рабов.

стр. 56 — 60:

801. *Вяткин, Г.* — Художник темных глубин.

стр. 120 — 121:

802. Ознаменование 100-летних юбилеев Ф. М. Достоевского и Н. А. Некрасова [в Омске].

Историко-Революционный Бюллетень (Москва). 1922 г., № 1 (январь). [Изд. Общества б. политич. каторжан и ссыльно-поселенцев и Историч. секции «Дома Печати»].

803. — Информация. [О заседании по случаю столетия со дня рождения Ф. М. Достоевского].

Книга и Революция. 1922 г., № 8 (20), стр. 9 — 16:

804. *Слонимский, Александр.* — «Вдруг» у Достоевского.

Красная Газета (вечерн. вып., Петроград). 1922 г.,
№№ 8 — 11:
805. Новое о Достоевском. — Отрывки из готовящейся к изданию Петрогр. Отд. Госиздата книги. («Достоевский в изображении его дочери Л. Достоевской». Перев. с немецк. Л. Я. Круковской, под ред. и с предисл. А. Г. Горнфельда).
Красная Летопись. 1922 г.,
№ 2, стр. 442:
806. [уп. о Д.].
№ 4, стр. 408 — 409:
807. [Рец. на кн. «Документы по истории литерат. и обществ. Вып. I: Достоевский. Изд. Центрархива»].
Красная Новь. 1922 г.,
№ 1 (5), стр. 289 — 291:
808. В журнальном мире. — III. Достоевский и революция. [см. еще стр. 318, рец. *Боброва* о ж. «Начала»].
№ 2:
809. Воронский, А. — Литературные отклики (стр. 264).
— стр. 332 — 336:
810. Бобров, Сергей. — «Я, Николай Ставрогин»...
Красный Архив (Москва). 1922 г.,
т. I, стр. 362 — 366:
811. Бельчиков, Н. (сообщ.). — Из неизданной переписки Н. А. Некрасова. Письма к Ф. М. и М. М. Достоевским, А. Н. Якоби.
— стр. 367 — 405:
812. Бельчиков, Н. (сообщ.) — Достоевский о Пушкинских торжествах.
Том II, стр. 234 — 239:
813. Бельчиков, Н. (сообщ.). — Письмо М. Достоевского из крепости [М. М. Достоевскому — 22 декабря 1849 г.].
— стр. 240 — 252:
814. Бельчиков, Н. — Достоевский и Победоносцев.
— стр. 256 — 262:
815. Неизданные письма И. А. Гончарова [уп. о Д. — стр. 257].
Культура. (Саратов). 1922 г., № 1, стр. 12:
816. Памяти Ф. М. Достоевского.
Культура и Жизнь. (Москва). 1922 г., № 1:
817. А. Л. — Германия о Достоевском.
Культура театра. (Москва). 1922 г., № 1 — 2, стр. 4 — 8:
818. Сахновский, Вас. — Достоевский и театр.
Летопись Дома Литераторов. 1922 г.,
№ 1 — 2 (5 — 6), стр. 10:
819. Rossica. [Статьи о Достоевском в зап.-евр. печати].
№ 3 (7), стр. 10:
820. Переписка и корректуры Достоевского.
821. Rossica. О Достоевском. [Статьи в зап.-европ. печати].
№ 8 — 9, стр. 3 — 4:
822. Голлербах, Э. — Воспоминания о В. В. Розанове.
— стр. 5 — 6:
823. Горнфельд, А. — Заметки о словотворчестве.
— стр. 11:
824. Г. А. — [О ст. В. Переверзева о Достоевском в ж. «Печать и революция» № 3].
Литературные Записки. (Петербург). 1922 г.,
№ 1, стр. 4:
825. Толстой, А. Н. — Из письма. Берлин. 20. IV. 1922 г.
— стр. 16 — 17:
826. Горнфельд, А. [рецenз.]. — «Преосвященный **Антоний**, ми-

тронолит Киевский и Галицкий. Словарь к твореням Достоевского. София. 1921 г. Стр. 184».

Московский Понедельник (газета). 1922 г.,

№ 6, от 24 июля:

827. *Гроссман, Л.* — Из «Воспоминаний А. Г. Достоевской». (Жизнь в Старой Руссе в 1874 — 1875 г.г.).

№ 9, от 14 августа:

828. *Переверзев, В.* — Из истории русского романа. Предтеча Достоевского [Вельтман].

№ 11, от 28 августа:

829. *Бродский, Н. Л.* — Весенняя любовь. (Один из замыслов Достоевского).

№ 13, от 11 сентября:

830. *Пиксанов, Н. К.* — Достоевский и народная поэзия.

№ 14, от 18 сентября:

831. *Соболев, Юрий.* — Трагический театр. (Из писем Леонида Андреева). — [Уп. о Д. — Пьеса Л. Андреева — «Милые призраки», где дана история молодого Достоевского, выведенного под именем студента Таежникова].

№ 15, от 25 сентября:

832. *Переверзев, В.* — Из истории русского романа. Гоголевский стиль в новейшей литературе. Алексей Н. Толстой.

Народное Просвещение. (Москва). 1922 г., № 95, стр. 12 — 13:

833. *Фриче.* — Новые материалы о Достоевском.

Наука на Украине. (Харьков). 1922 г., № 4, стр. 332 — 342:

834. *Белецкий, А. И., проф.* — Достоевский и натуральная школа в 1846 году.

Начала. 1922 г., № 2,

стр. 121 — 132:

835. *Радлов, Э. Л.* — Диккенс в русской критике [о Д. — стр. 128 — 129].

стр. 217 — 230:

836. *Комарович, В. Л.* (сообщ.). — Рукописные варианты романа «Подросток».

стр. 264 — 265:

837. *Брюллов, Б.* — Встреча с Ф. М. Достоевским (со слов П. А. Брюллова).

Новое Дело. (Казань). 1922 г., № 2, стр. 5 — 24:

838. *Ковалевский, М. О.* — Пути к Достоевскому. Опыт предварительной ориентировки в его личности и творчестве.

Петроградская Правда. 1922 г., № 70:

839. *Лемке, Мих.* — Концы, а не «начала». [О ст. о Достоевском в ж. «Начала»].

Печать и Революция. 1922 г.,

№ 1, стр. 332:

840. Рукописи Достоевского.

№ 2 (5), стр. 383 — 385:

841. *Коган, П. С., проф.* — [Реценз. на ст. о Достоевском в журн. «Начала»].

— стр. 388:

842. Интерес к русской литературе [о Достоевском — в Германии].

№ 7:

843. *Ефимов, П., проф.* — История русской литературы в [illegible]ы революции. (Опыт библиографической сводки). (стр. 154—155, 160).

№ 8, стр. 213 — 215:

844. *Благой, Д.* [реценз.]. — «Достоевский. — Статьи и материалы под ред. А. С. Долинина. П-бург. 1922 г.»

Россия. (Москва). 1922 г., № 4, стр. 32:
845. Архив Ф. М. Достоевского.
Творчество. (Москва). 1922 г., № 1 — 4,
стр. 66:
846. *Кунавин, В.* — Достоевский. (Обзор литературы).
стр. 74:
847. К юбилею Достоевского.
848. Рукописи Ф. М. Достоевского.
Театральная Москва. 1922 г.,
№ 29, стр. 17:
849. *О. Б.* — Сцены из Достоевского. (Студия имени А. С. Грибоедова).
№ 31, стр. 15 — 16:
850. Диспуты и лекции. — «Исповедь Ставрогина» («Дом печати»).
Театральное Обозрение. (Москва). 1922 г.,
№ 2 (12), стр. 11 — 12:
851. Неизданные письма Достоевского.
852. Литературная хроника. [О воспоминаниях Л. Ф. Достоевской].
№ 4 (14), стр. 10:
853. *Шик, Максимилиан.* — Русские писатели в немецких изданиях.
Ученые Записки Высшей Школы г. Одессы. (Отдел Гуман.-Обществ. Наук). 1922 г., т. II, — стр. 97 — 102:
854. *Алексеев, М. П.* — Ф. М. Достоевский и книга Де-Квинси — «Confessions of an english Opium — Eater».
Экран. (Москва). 1922 г.,
№ 20:
855. *Мордвинов, Борис.* — Гастроли Александровцев. II. «Идиот».
№ 22:
856. Выставки Достоевского и Некрасова.
№ 23:
857. *Н. Л.* — Грибоедовский техникум. Сцены из романов Достоевского.

ЛИТЕРАТУРА 1923 года

I.

Произведения Ф. М. Достоевского.

1. *Белые ночи.* Рисунки М. В. Добужинского. Изд. «Аквилон». Петербург. 1923 г. Стр. 81.
2. *Бедные люди.* (Роман). Гос. Изд. («Классики русской литературы». № 38). Москва — Петроград. 1923 г. Стр. 163.
3. *Записки из Мертвого Дома.* Роман в двух частях. Гос. Изд. («Библиотека русских писателей»). Москва — Петроград. 1923 г. Стр. 362.
4. *Преступление и наказание.* Роман в шести частях с эпилогом. Часть первая и вторая. Гос. Изд. («Классики русской литературы» № 39). М. — Пгр. 1923 г. Стр. 307.
5. *Преступление и наказание.* Часть III и IV. («Классики русской литературы» № 40). М. — Пгр. 1923 г. Стр. 261.
6. *Преступление и наказание.* Часть V и VI. («Классики русской литературы» № 41). М. — Пгр. 1923 г. Стр. 312.
7. *Униженные и оскорбленные.* Часть I и II. Гос. Изд. («Библиотека русских писателей»). М. — Пгр. 1923 г. Стр. 216.
8. *Униженные и оскорбленные.* Часть III и IV. Гос. Изд. («Библиотека русских писателей). М. — Пгр. 1923 г. Стр. 236.

II.

Письма Ф. М. Достоевского.

«*Из архива Достоевского. Письма русских писателей*». Ред. и вступление Н. К. Пиксанова. Комментарии Н. Ф. Бельчикова и Н. К. Пиксанова. Гос. Изд. (Центрархив). М. — Пгр. 1923 г.

1. Достоевской, А. Г. — 1874 г., декабря 20.
2. Некрасову, Н. А. — 1874 г., октября 20.
3. „ — 1875 г., марта 26.
4. Островскому, А. Н. — 1862 г., августа 24.
5. Полонскому, Я. П. — 1861 г., июля 31.
6. „ — 1876 г., февраля 4.
7. „ — 1880 г., декабря 27.
8. „ — S. a., апреля 8 (суббота).
9. Тургеневу, И. С. — [1863 г.], августа 20/8.

«*Красный Архив*» (Москва). 1923 г., т. IV, стр. 368 — 372.

10. Каткову, М. Н. — 1865 г., сентябрь — октябрь.
11. „ — 1865 г., ноябрь.

«*Недра*». Литературно-художественный сборник. Книга 2-я. Изд. «Новая Москва». 1923 г., стр. 271 — 278.

12. Сусловой, А. П. — 1867 г., апреля 23 — мая 5.
13. Романову, А. А. (наследнику) — 1873 г.
14. „ „ — 1876 г.

«Тургенев и его время». Первый сборник под ред. Н. Л. Бродского (Тургеновской Комиссии Общ. Любителей Российской Словесности). Гос. Изд. М. — Пгр. 1923 г., стр. 176 — 182:

15. Тургеневу, И. С. — 1863 г., июня 19.
16. „ — 1863 г., октября 18.
17. „ — 1863 г., декабря 23.

«Чешихин-Ветринский, В. Е. — Ф. М. Достоевский в воспоминаниях современников и его письмах». Второе испр. и дополн. издание. Часть 2-я. Изд. Т-ва «В. В. Думнов, насл. бр. Салаевых». Москва. 1923 г.

Всего в этой книге помещено 90 писем, — те же, что и в 1-м издании (см. по нашему указателю писем — №№ 29—100, стр. 15 — 16), за исключением №№ 29, 32, 31, 81 и 84. Добавлены следующие письма (в количестве 23-х):

18. Гусевой, Е. П. — 1880 г., октября 15.
19. Достоевской, А. Г — 1880 г., июня 8.
20 Каткову, М. Н. — 1870 г., октября 8.
21. Краевскому, А. А. — 1849 г., февраля 1.
22. „ — 1849 г., марта 31.
23. Любимову, Н. А. — 1866 г., июня 8.
24. „ — 1866 г., декабря 9.
25. „ — 1879 г., мая 10.
26. „ — 1879 г., июня 11.
27. „ — 1879 г., августа 7.
28. „ — 1879 г., сентября 16.
29. „ — 1879 г., ноября 16.
30. „ — 1879 г., декабря 8.
31. „ — 1880 г., апреля 9.
32. „ — 1880 г., апреля 13.
33. „ — 1880 г., августа 10.
34. „ — 1880 г., ноября 8.
35. Майковой, Е. П. — 1848 г., мая 14.
36. Островскому, А. Н. — 1861 г., августа 21.
37. Петерсону, Н. П. — 1878 г., марта 24.
38. Победоносцеву, К. П. — 1879 г., мая 19.
39. „ — 1879 г., августа 24.
40. „ — 1880 г., августа 16.

III.

Переделки произведений Ф. М. Достоевского.

(н е т).

IV.

Литература о Достоевском

А. Книги и брошюры.

1. *Анциферов, Н. П.* — Петербург Достоевского. Рисунки М. В. Добужинского. Изд. «Брокгауз-Ефрон». Петербург. 1923 г. Стр. 106.
2. *Багрий, А. В.* — Литературные поминки. («Библиографические заметки»). Владикавказ. 1923 г.

Стр. 7 — 8 : предисловие [обзор новой литературы о Д.];
» 18 — 22: новая литература о Достоевском [указатель].

3. *Бешкин, Г.*—Идеи Фурье у Петрашевского и петрашевцев. Гос. Изд. Москва. 1923 г. (стр. 3, 21, 45 — 46, 59, 62).

4. *Бирюков, П. И.* — Биография Л. Н. Толстого. Том 2-й. Изд. 3-е, испр. и доп. Гос. Изд. Москва — Петроград. 1923 г. (стр. 103, 105 — 106, 107, 108, 179, 180, 215).

5. *Бирюков, П. И.* — Биография Л. Н. Толстого. Том 4-й. Гос. Изд. М. — Пгр. 1923 г. (стр. 32).

6. *Волынский, А. Л.* — Н. С. Лесков. Изд. «Эпоха». Петербург. 1923 г., стр. 83 — 84: «Дама с похорон Достоевского».

7. *Державин, Н. С., проф.* — «Мертвый дом» в русской литературе XIX века. Литературный очерк. Изд. т-ва «Начатки Знаний». Пгр. 1923 [на обл. 1924] г. Стр. 26.

8. *Добролюбов, Н. А.* — Забитые люди. Вступительная статья Н. Н. Кубикова. Гос. Изд. («Классики русской литературы» № 18). М. – Пгр. 1923 г. Стр. 77.

9. *Достоевская, А. Г.* — Дневник. 1867 г. — «Центрархив. Документы по истории литературы и общественности, вып. 7-й» — «Новая Москва». 1923 г. Стр. 390.

10. *Из архива Достоевского. Письма русских писателей.* Ред. и вступление Н. К. Пиксанова. Комментарии Н. Ф. Бельчикова и Н. К. Пиксанова. Гос. Изд. [Центрархив]. М. — Пгр. 1923 г. Стр. 140.
Отзывы: «Былое», 1924 г., № 23, стр. 290—293 *(А. С. Долинин).*
«Жизнь Искусства» (Пгр.), 1923 г., № 43, стр. 7 — 8 *(А. Горнфельд).*
«Печать и Революция» (Москва), 1923 г., № 4, стр. 252 - 253 *(Н. Бродский).*

11. *Кашина-Евреинова, А. А.* — Подполье гения. (Сексуальные источники творчества Достоевского). Изд. «Третья Стража». Пгр. 1923 г. Стр. 93.
Отзывы: «Жизнь Искусства» (Пгр.), 1923 г., № 14. *(А. Л. Волынский).*
«Литературный Еженедельник» (прил. к «Красн. Газете» – Пгр.), 1923 г., № 26 *(П. Жуков).*

12. *«Культура».* Сборник литературы и науки. I. Одесса. 1923 г., стр. 22 — 43: Отрывки из воспоминаний *А. Г. Достоевской.* 1. Предложение. 2. Моя шутка. 3. Разговор с Толстым.

13. *«Литературная Мысль».* Альманах. II. — Изд. «Мысль». Пгр. 1923 г., стр. 238 — 239:
Модзалевский, Б. Л. — Запись Достоевского в альбом.

14. *«Литературные Отклики».*—Т-во «Кн-во писателей в Москве». 1923 г., стр. 40 — 51:
Гроссман, Леонид. — Заметки о языке Достоевского.

15. *Львов-Рогачевский, В.* — Леонид Андреев. Критический очерк. Изд. «Русский Книжник». Москва. 1923 г. (стр. 36 — 37, 39, 40, 51 — 59)

16. *Мандельштам, Р. С.*—Художественная литература в оценке русской марксистской критики. Ред. и предисловие Н. К. Пиксанова. Второе дополн. изд. Гос. Изд. М. — Пгр. 1923 г. [библиограф. указ. — 17-ть №№).

17. *«Музей Революции».* Сборник. I. Петроград. 1923 г.
Щеголев, П. Е. — Каракозов в Алексеевском равелине [стр. 23: о генезисе «Бесов» Достоевского].

18. *«Недра».* Литературно-художественный сборник. Книга вторая. Изд. «Новая Москва». 1923 г., стр. 271 — 282:
I. Неизданные письма Ф. М. Достоевского.
II. Неосуществленные замыслы Ф. М. Достоевского.
1. «Одна мысль (поэма). Тема под названием *Император*».
2. «Идея. Юродивый (присяжный поверенный)».
С примечаниями Н. Л. Бродского.

19. *Победоносцев [К. П.] и его корреспонденты.* Письма и записки. С предисловием М. Н. Покровского. Том I. Novum regnum. Полутом 1-й и 2-й. Гос. Изд. М. — Пгр. 1923 г. (стр. 13, 231, 279, 285, 324, 557, 649, 682, 790).

20. *Поляк, П.* — Указатель художественной литературы на социальные темы. Изд. «Красная Новь» М. 1923 г. (стр. 47, 58).

21. *Полянский, Валерьян (Лебедев, П. И.)* — На литературном фронте. Сборник статей. Изд. «Новая Москва». 1924 [1923] г. (стр. 124, 125).

22. *Пушкинский Сборник памяти профессора С. А. Венгерова.* — Пушкинист IV — под ред. Н. В. Яковлева. Гос. Изд. М. — Пгр. 1923 г. (стр. 110, 119, 123, 175, 178).

23. *Рожков, Н., проф.* — Смысл и красота жизни. (Этюд из практической философии). Кн-во «Книга». Петроград. 1923 г. (стр. 27 — 28).

24. *Соловьев, Вл. С.* — Письма. [Т. IV]. Под ред. Э. Л. Радлова. Изд. «Время». Петербург. 1923 г. (стр. 19, 28, 115, 120, 164).

25. *Соловьев, Евг. (Андреевич).* — Очерки из истории русской литературы XIX века. — Изд. 4-е. исправл. «Новая Москва». 1923 г. (стр. 571 — 596).

26. *Старый журналист.* — Литературные отклики. Изд. т-ва «Владимирское Кн-во». Владимир. 1923 г., стр. 43 — 46: «Столетняя годовщина (Ф. Достоевский)».

27. *Суворин, А. С.* — Дневник. Редакция, предисловие и примечания М. Кричевского. Изд. Л. Д. Френкель. М. — Пгр. 1923 г. (стр. 15 — 16; 212 — 213).

28. *Тиняков, А.* — Русская литература и революция. Гос. Изд. Орел. 1923 г. (стр. 29 — 32).

29. *Троцкий, Л.* — Литература и революция. Изд. «Красная Новь». Москва. 1923 г. (стр. 82, 246, 251, 252, 254).

30. *Тургенев и его время.* Первый сборник под ред. Н. Л. Бродского. Гос. Изд. Москва — Петроград. 1923 г.
Стр. 164 — 192: *Пиксанов, Н. К.* — История «Призраков».
Кроме того — стр. 13, 14, 19, 22, 297 — 298.

31. *Федоров, Н.* — Из конспектов по истории русской литературы XIX века. Смоленск. 1923 г. [На правах рукописи] (стр. 30).

32. *Цейтлин, Александр.* — Повести о бедном чиновнике Достоевского. (К истории одного сюжета). Москва. 1923 г. Стр. 62.
Отзыв: «Печать и Революция», 1923 г., № 5. стр. 270 — 271
(В. Нечаевой).

33. *Чехов [А. П.] и Короленко [В. Г.].* Переписка. Ред. и вступл. Н. К. Пиксанова. Изд. т-ва И. Д. Сытина. Москва. 1923 г. (стр. 71).

34. *Чешихин-Ветринский, Вас. Е.* — Федор Михайлович Достоевский в воспоминаниях современников и в его письмах. Часть I. Второе, исправл. и дополн. изд. Изд. т-ва «В. В. Думнов. насл. бр. Салаевых». Москва. 1923 г. Стр. 168.

35. *Чешихин-Ветринский, Вас. Е.* — Федор Михайлович Достоевский в воспоминаниях современников и в его письмах. Часть II. Второе исправл. и дополн. изд. Изд. т-ва «В. В. Думнов, насл. бр. Салаевых». Москва. 1923 г. Стр. 159 + VIII.

36. *Чешихин-Ветринский, Вас. Е.* — Н. Г. Чернышевский. 1828 — 1889. Изд. «Колос». Петроград. 1923 г., стр. 137 — 148: «Чернышевский и Достоевский. Параллели»; кроме того — стр. 62, 158, 168, 193.

37. *Шагинян, Мариэтта.* — Литературный дневник. Статьи 1921—1923 г.г. Изд. второе, дополн. «Круг». М. — Пгр. 1923 г., стр. 77 — 84: «Достоевский под знаком Аполлона. (О книге А. Л. Волынского)»

38. *Шелгунов, Н. В.* — Воспоминания. Редакция, вступительная статья и примечания А. А. Шилова. Гос. Изд. М. — Пгр. 1923 г. (стр. 46, 101, 117, 140. 192, 209, 214, 234, 245, 260, 270).

Б. Журналы и газеты.

Бюллетень книги. 1923 г., № I — II:
1. [Реценз. на кн. Л. Гроссмана: «Семинарий по Достоевскому»].

Голос Минувшего. 1923 г., III, стр. 29 — 38:
2. *Поливанов, Ив.* — Запись о посещении Ф. М. Достоевского М. А. Поливановой (9 июня 1880 г.).

Еженедельник Петроградских Государственных Академических Театров. 1923 г., № 1 — 2 (17 — 18),
стр. 12 — 14:
3. *Поляков, А. С.* — К постановке «Дядюшкина сна» на сцене Александринского театра.
стр. 28:
4. *Жуковская, Н. Ю.* — «Хозяйка» Ф. М. Достоевского.
стр. 43:
5. *С — й, Г.* — К постановке «Дядюшкина сна» (по Достоевскому) на сцене бывш. Александринского театра.

Записки Передвижного Театра (Петроград). 1923 г., № 51, стр. 5:
6. Из откликов [по поводу постановки «Хозяйки» Д.].

Жизнь Искусства (Петроград). 1923 г.,
№ 14:
7. *Волынский, А. Л.* — В ризах сексуальности.
№ 42, стр. 6:
8. *К. З.* — Сценические иллюстрации и искажения. (К постановке «Идиота» в Народном Доме).
№ 43, стр. 7 — 8:
9. *Горнфельд, А.* — Корреспонденты Достоевского.

Известия Горского Института Народного Образования. (Владикавказ). 1923 г., т. I:
10. *Багрий, А. В.* — Литературные поминки. (Библиографические заметки).

Искусство (Москва). 1923 г., I т., стр. 342 — 355:
11. *Гроссман, Л. П.* — Из воспоминаний А. Г. Достоевской. — 1. Предложение. — 2. Моя шутка. — 3. Разговор с Толстым.

Красная Нива. 1923 г., № 7, стр. 22:
12. *Гроссман, Л.* — Недовершенные замыслы [Достоевского].

Красный Архив (Москва). 1923 г.,
т. III, стр. 251 — 290:
13. Из воспоминаний *А. Г. Достоевской.*
— стр. 301 — 303:
14. *Оксман, Ю. Г.* — Судьба одной пародии Достоевского. (По неизданным материалам).
т. IV, стр. 365 — 375:
15. *Гливенко, И. И., проф.* — Два письма Ф. М. Достоевского к М. Н. Каткову.
— стр. 398 — 401:
16. *Олисов, В. П* (сообщ.) — К пребыванию Ф. М. Достоевского в г. Твери.

Леф. 1923 г., № 2, стр. 153 — 154:
17. [Рец. на ст. В. Виноградова: Стиль петербургской поэмы «Двойник» — в сборнике «Достоевский» — под ред. А. С. Долинина].

Литературный Еженедельник. Изд. «Красной Газеты» (Петроград). 1923 г.,

№ 26:

18. *Жуков, П.* — Леночка за работой [о кн. Кашиной, А. А. — Подполье гения].

№ 36:

19. *Венгеров, С. А.* — Четыре встречи с Тургеневым. — Из воспоминаний.

Музыкальная Новь (Москва). 1923 г., № 1, стр. 41:

20. *Хвас, Ида.* — Достоевский и русская народная песня.

Педагогическая Мысль (Петроград). 1923 г., № 2, стр. 73:

21. [Рец. на кн. Л. П. Гроссмана: Семинарий по Достоевскому].

Печать и Революция (Москва). 1923 г.,

№ 1, стр. 208, 209 — 210 и 253:

22. *Переверзев, В. Ф.* — [Рец. о «Петербургской летописи» Д.].
23. *Благой, Д.* — [Рец. на кн. «Достоевский в изображении его дочери»].
24. Хроника. — Англия [английск. переводы Д.].

№ II, стр. 212:

25. *Переверзев, В. Ф.* — [Рец. о кн. Ю. Никольского: Тургенев и Достоевский»].

№ IV, стр. 82 — 112:

26. *Гроссман, Л.* — Бакунин и Достоевский.

— стр. 229 — 231:

27. *Переверзев, В. Ф.* — [Рец. на кн. проф. П. П. Лапшина: «Эстетика Достоевского»].

— стр. 217 — 218:

28. *Переверзев, В. Ф.* — [Рец. на кн. Л. П. Гроссмана: «Семинарий по Достоевскому»].

— стр. 252 — 253:

29. *Бродский, Н. Л.* — [Рец. на кн.: «Из архива Достоевского. Письма русских писателей»].

№ V, стр. 270 — 271:

30. *Нечаева, В.* — [Рец. о кн. А. Цейтлина: «Повести о бедном чиновнике Достоевского»].

№ VII, стр. 51 — 57:

31. *Эттингер, П.* — Из мира графики на Западе. II. Новый иллюстратор Достоевского [О. Штарке].

Родной язык в школе. Кн. 1 (2). 1919 — 1922 (Петроград. 1923 г.), стр. 137 — 138:

32. *Мошанский, Н.* — Об изучении Ф. М. Достоевского.

Современный Запад (Петроград). 1923 г.,

№ 3, стр. 210 — 215:

33. [Уп. о Достоевском — в обзоре зап.-евр. литерат.].

№ 4, стр. 255 — 259:

34. [То же].

Среди коллекционеров (Москва). 1923 г., № 6, стр. 43:

35. [О немецком иллюстр. изд. «Двойника» Достоевского].

Студенческая Мысль (Саратов). 1923 г., № 3 — 4, стр. 41:

36. Достоевский и Бакунин. [Литер. хроника. О докладе Л. П. Гроссмана в Москве].

Театр и Музыка (Москва). 1923 г., № 31, стр. 1013 — 1014:

37. *Маг.* — «Идиот» [в Зоологическом Саду].

УКАЗАТЕЛЬ К IV ЧАСТИ

(Литература о Достоевском [1]).

---

[1] (I = 1-й отдел книги и брошюры 1903 — 1922 г.г.
II = 2-й отдел: периодическая печать 1903 — 1922 г.г.
IIб. = Приложение. Периодическая печать 1923 г.).
IIIа. = Приложение. Книги и брошюры 1923 г.

СОДЕРЖАНИЕ.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН *).

*) Имена из библиографии сюда не включены.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

Статьи в отделах: 2, 3 и 4-м взяты из полн. Собр. Сочинений Достоевского, издаваемых издательством Пипер (Мюнхен) и печатаются с согласия названного издательства.

